Исторія человѣчества.

Томъ третій.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Составители профессора:

Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Э. гр. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. ф. Влислоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, І. Колеръ, Ф. ф. Лушанъ, Р. Майръ, Р. Маренгольцъ, В. Милковичъ, К. Паули, І. Ранке, Ф. Ратцель, Р. ф. Скала, Ал. Тилле, Ар. Тилле, Г. ф. Цвидинекъ-Зюденхорстъ, Э. Шмидтъ, Г. Шіётъ, Г. Шурцъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей д-ра **Г. Гельмольта.**

Полный переводъ съ значительными дополненіями для Россіи избранныхъ русскихъ ученыхъ.

Съ 260 отдѣльными приложеніями, изъ нихъ 60 хромолитографій, 55 картъ въ краскахъ и 145 черныхъ картинъ.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“, 7 рота, соб. д. № 20.

Городская контора: Невскій 50.

Исторія человѣчества.
Всемірная исторія.

Третій томъ.

Западная Азія и Африка.

Д-ра **Гуго Винклера, Карла Нибура** и д-ра **Генриха Шурца.**

Переводъ подъ редакціей проф. **В. В. Бартольда** и прив.-доц. **Б. А. Тураева.**

Съ 7 картами, 7 цвѣтными и 22 черными таблицами, исполненными
А. Биллербекомъ, д-ромъ Ф. Эцольдомъ, М. Кюнертомъ, М. Любке, К. Онике и О. Шульцомъ

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“, 7 рота, соб. д. № 20
1903.

Дозволено цензурою. Спб., 28 мая 1903 г.

Предисловіе.

Редактированіе III тома перевода „Исторіи человѣчества“ перешло въ наши руки послѣ того, какъ лица, первоначально принявшія на себя эту обязанность, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ должны были отказаться отъ нея. Въ рукописи переводъ первой половины тома (исторія Западной Азіи) въ то время уже былъ почти законченъ; въ наборѣ находилась вся часть книги, посвященная исторіи „Западной Азіи въ древнія времена“, и часть исторіи „Западной Азіи въ эпоху ислама“; четыре первыхъ листа были уже отпечатаны, остальная часть набора оставалась въ корректурныхъ листахъ, причемъ около десяти листовъ были сверстаны. Этимъ объясняется отсутствіе примѣчаній къ переводу исторіи „Западной Азіи въ древнія времена“, а также нѣкоторая непослѣдовательность въ транскрипціи собственныхъ именъ (Санхерибъ и Синахерибъ, Небукаднецаръ и Навуходоносоръ, Тиглатъ-Пилезеръ и Тиглатъ-Палассаръ и т. п.). Къ переводу исторіи „Западной Азіи въ эпоху ислама“ редакторомъ (В. Бартольдомъ) сдѣланы нѣкоторыя примѣчанія, преимущественно касающіяся допущенныхъ нѣмецкимъ авторомъ фактическихъ промаховъ (по недосмотру осталась неисправленной существенная ошибка на стр. 356: нашествіе Тимура на Сирію произошло, какъ извѣстно, не при Беркукѣ, а при его преемникѣ Фараджѣ). Редакторъ перевода отнюдь не принимаетъ на себя отвѣтственности за всѣ взгляды автора этой части книги, часто слишкомъ смѣлые и недостаточно обоснованные; входить съ ними въ полемику по существу значило бы вновь написать книгу. Такимъ же образомъ въ примѣчаніяхъ къ переводу исторіи Египта редакторъ этой части перевода (Б. А. Тураевъ) ограничился частичными поправками и дополненіями, главнымъ образомъ на основаніи новаго матеріала, не вдаваясь въ полемику съ нѣсколько парадоксальными взглядами автора. Кромѣ того, Б. А. Тураевымъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія къ переводу исторіи Африки, преимущественно касающіяся новѣйшихъ событій (окончаніе англо-бурской войны), и заново написана большая часть главы объ исторіи Абиссиніи,

въ виду устарѣлости нѣмецкаго подлинника этой главы; также прибавлена генеалогическая таблица абиссинскихъ царей. Что касается собственно перевода, то наши поправки въ первой части книги (исторія Западной Азіи) могли касаться только точности передачи словъ подлинника, а не стилистической стороны, такъ какъ намъ приходилось имѣть дѣло съ готовой, отчасти уже напечатанной работой.

В. Бартольдъ.
Б. Тураевъ.

Оглавленіе.

I. Западная Азія въ древнія времена.

II. Западная Азія въ эпоху ислама.

III. Африка.

IV. Египетъ.

Списокъ приложеній.

Хромолитографіи.

Черныя картины.

Карты въ краскахъ.

I. Западная Азія въ древнія времена.

Соч. **Гуго Винклера.**

1. Вавилонъ.

А. Область древней культуры въ передней Азіи.

Изъ двухъ цивилизацій, развившихся въ двухъ крупныхъ рѣчныхъ областяхъ передней Азіи—въ долинѣ Нила и въ области Тигра и Евфрата, — цивилизація вавилонская имѣла, безъ сомнѣнія, болѣе сильное вліяніе на весь складъ жизни въ передней Азіи, такъ какъ къ вавилонской культурѣ примыкаетъ греческая, а слѣдовательно и наша цивилизація. Мы еще лишены возможности уловить всѣ тѣ нити, которыя связываютъ Вавилонъ съ Греціей; для насъ еще загадоченъ тотъ доисторическій путь, по которому воззрѣнія и понятія древнѣйшихъ вавилонянъ проникли къ европейскимъ и другимъ народамъ, поселившимся внѣ непосредственной области вавилонской культуры. На то, что Греція соприкасалась съ вавилонской культурой, указываетъ уже заимствованное греками вавилонское слово *μνᾶ*, мина; указаніе на другую сторону евфратской культуры мы носимъ въ карманѣ -- именно часы съ ихъ дѣленіемъ на двѣнадцать, соотвѣтственно древне-вавилонскому раздѣленію дня на двѣнадцать двойныхъ часовъ (откуда миля явилась мѣрой длины, соотвѣтствующей такому дѣленію). До сихъ поръ еще для насъ совершенно темны тѣ пути, по которымъ проникли въ Европу эти соприкосновенія съ повидимому столь далекимъ намъ міромъ Востока; но въ германской миѳологіи мы находимъ, въ нѣкоторыхъ деталяхъ, такое сходство съ вавилонско-восточной, что не можемъ смотрѣть на эти совпаденія, какъ на порожденіе „общенародной мысли", какъ бы загадочны ни были до сихъ поръ для насъ странствованія идей (см. „Astralmythen", соч. Stucken).

Послѣ того, какъ научились разбирать клинообразныя письмена и іероглифы, періодъ, обнимающій наши историческія познанія, т.-е. періодъ, который мы можемъ обозрѣвать при помощи письменныхъ источниковъ, увеличился приблизительно вдвое противъ того, что въ прежнія времена считалось историческимъ періодомъ западной области культуры. Исторію Греціи можно было прослѣдить до 7-го или 8-го столѣтія до Р. Х. — древнѣйшіе же источники Вавилоніи и Египта дошли до насъ изъ четвертаго тысячелѣтія до Р. Х.; значитъ, періодъ, отдѣляющій начинателей этой культуры отъ дорическаго переселенія и отъ начала Рима, столь же великъ, какъ періодъ, протекшій отъ начатковъ эллинизма до нашихъ дней.

Въ смыслѣ пространства вавилонскія культура и исторія заходятъ далеко за предѣлы области Тигра и Евфрата. Столь высоко развитыя культурныя государства, какъ древне-вавилонскія, не могли существовать, не привлекая къ себѣ вспомогательныхъ средствъ изъ сосѣднихъ странъ и не внося въ эти страны своихъ собственныхъ пріобрѣтеній. Такъ, уже въ глубокой древности, мы видимъ, что Вавилонія имѣетъ дѣло съ

Палестиной, Арменіей, Эламомъ, даже съ Аравіей: ведя съ ними торговлю, производя завоеванія, она сбываетъ туда избытокъ своего населенія и произведенія своей культуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается постояннымъ нападеніямъ со стороны своихъ варварскихъ сосѣдей и часто терпитъ отъ нихъ пораженія. Такимъ образомъ, исторія прочихъ государствъ и народовъ передней Азіи въ общемъ группируется вокругъ исторіи Вавилоніи. Нельзя считать случайнымъ, что объ этихъ народахъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній или дошло мало свѣдѣній, кромѣ вавилонскихъ, и по этимъ свѣдѣніямъ ихъ исторія представляется совершающейся подъ вліяніемъ Вавилоніи; но фактически всѣ окружающіе народы тѣснились къ культурному центру — все равно, находились ли они подъ властью Вавилоніи или сами владычествовали надъ нею. Всего яснѣе это явленіе выражается въ обширности области распространенія клинообразнаго письма — самаго выдающагося пріобрѣтенія вавилонскаго духа. Письмо это было носителемъ духовныхъ сношеній всей передней Азіи. Всюду, куда до сихъ поръ ни проникалъ нашъ взоръ, мы встрѣчаемся съ клинообразнымъ письмомъ — въ Эламѣ, Арменіи, даже въ Малой Азіи; въ Палестинѣ писали клинообразными знаками, а слѣдовательно и тамъ должны были быть извѣстны вавилонскій языкъ и вавилонскій міръ мысли; даже въ Египтѣ вавилонскимъ письмомъ и вавилонскимъ языкомъ пользовались въ сношеніяхъ съ передне-азіатскими странами.

Если такимъ образомъ разсмотрѣніе развитія Вавилоніи само собой расширяется въ изученіе почти всей передне-азіатской исторіи, то задача становится еще болѣе многосторонней, если принять во вниманіе, что въ теченіе болѣе трехъ тысячелѣтій исторической жизни культурнаго міра, окруженнаго варварами, должно было происходить самое сложное чередованіе народныхъ теченій. Въ Вавилоніи носителемъ „вавилонской культуры“ является не одинъ народъ, а цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ народовъ, принадлежащихъ къ различнымъ расамъ, одинъ за другимъ втянутыхъ въ обширную рѣчную низменность и довершившихъ свою жизнь подъ владычествомъ тамошней культуры. То же самое можно сказать о сосѣднихъ странахъ, находящихся подъ вліяніемъ вавилонской культуры, хотя конечно, вслѣдствіе недостатка свѣдѣній, мы не можемъ составить себѣ о нихъ вполнѣ яснаго представленія.

Какъ крупныя цивилизаціи развились на крупныхъ рѣкахъ, т.-е на естественныхъ путяхъ сообщенія, такъ переселенія народовъ начинались въ обширныхъ степныхъ областяхъ, дающихъ человѣку въ кочевомъ состояніи пастбище для скота, который кормитъ кочевника, но доставляющихъ сравнительно незначительному числу жителей пріютъ и пропитаніе, такъ какъ при кочевомъ образѣ жизни каждый требуетъ для себя обширнаго пространства; поэтому постоянно накопляющійся избытокъ населенія долженъ удаляться въ страны, способныя прокормить больше людей; простого, полнаго силъ сына природы привлекаютъ всѣ чудеса культуры и надежды на легкую побѣду надъ изнѣженными сынами цивилизаціи.

Къ вавилонской культурѣ имѣютъ отношеніе три подобныхъ колыбели человѣчества: европейскія степи, откуда переселенія могутъ происходить черезъ Кавказъ или вокругъ Каспійскаго моря, съ другой стороны черезъ Малую Азію, на сѣверо-востокѣ — внутренне-азіатскія степи, а на югѣ и юго-западѣ — Аравія. При этомъ первую область съ самаго начала приходится почти исключить, такъ какъ доступъ въ данномъ случаѣ наиболѣе затруднителенъ: важнѣе область внутренней Азіи. Но относительно этой области, какъ и относительно европейской, можно сказать, что всякая исходящая оттуда человѣческая волна наталкивалась первоначально на государства сирійскія, мало-азіатскія, на Арменію и Эламъ; значитъ, по отношенію къ этимъ степнымъ областямъ, Вавилонія обладала естественной защитой въ видѣ буферныхъ государствъ, и не такъ-то легко могли въ

нее вторгнуться степные народы. Зато третья область, Аравія, со своими обширными степями, издавна населенными жадными къ добычѣ номадами, примыкаетъ непосредственно къ самой вавилонской области. Единственной естественной границей является съ этой стороны рѣка Евфратъ; и кочевникъ безпрепятственно можетъ добираться вплоть до городовъ, расположенныхъ на правомъ берегу, даже въ томъ случаѣ, если сильное войско охраняетъ пастбища, лежащія къ востоку отъ рѣки. Вавилонскимъ державамъ нужно было защищать длинную границу, мѣстами проходящую по обширнымъ степямъ, и рѣдко Вавилоніи удавалось помѣшать аравійскимъ кочевникамъ переправиться черезъ рѣку. Такимъ образомъ, разсматриваемая культурная страна подвергалась съ этой стороны наиболѣе частымъ вторженіямъ, и народы, являвшіеся изъ Аравіи, смѣняли другъ друга въ качествѣ обладателей Тигро-Евфратской низменности. Но Арав я, насколько намъ извѣстно, была родиной народовъ, которыхъ мы, имѣя въ виду ихъ языкъ, называемъ семитами. По этой причинѣ исторія самой Вавилоніи является по преимуществу исторіей семитическихъ народовъ, исторія же сосѣднихъ народовъ, поскольку они находятся подъ вліяніемъ Вавилоніи, также представляетъ собою исторію семитовъ или же имѣетъ дѣло съ народами, навербованными въ обѣихъ другихъ колыбеляхъ человѣчества. Въ Вавилоніи семиты достигли высшей точки своей культуры. Тамъ ихъ естественныя способности развились настолько, насколько это было возможно при данныхъ обстоятельствахъ; тамъ въ существенныхъ чертахъ разыгралась семитическая исторія, поскольку она является исторіей культурныхъ народовъ. (Здѣсь находится даже собственное средоточіе ислама, но о семитско-магометанской культурѣ еще менѣе можно говорить, нежели о культурѣ вавилонско-семитской: арабы владычествовали при помощи культуры персидско-византійской.)

Итакъ, насколько взоръ нашъ можетъ обнять вавилонскую исторію, она происходитъ въ средѣ семитовъ. Соотвѣтственно этому, характеръ населенія главнымъ образомъ семитическій, что выражается въ языкѣ, несмотря на постепенную примѣсь къ семитамъ другихъ составныхъ частей населенія. Однако, само собою разумѣется, что наши историческія познанія не доходятъ до началъ вавилонской культуры, ибо развитію средства для передачи исторіи, т.-е. выработкѣ письменнаго употребленія языка, долженъ былъ предшествовать долгій періодъ культурнаго развитія. Между изобразительными надписями дикарей и письменными сообщеніями о военныхъ походахъ и постройкахъ храмовъ, каковы древнѣйшія вавилонскія надписи изъ четвертаго тысячелѣтія до Р. Х., и до начертанныхъ по извѣстнымъ схемамъ правительственныхъ документовъ изъ того же времени—долженъ былъ протечь долгій періодъ; и, можетъ-быть, народы, взобравшіеся на эту ступень, принуждены были трудиться надъ приложеніемъ къ дѣлу своихъ пріобрѣтеній больше тѣхъ трехъ съ половиной тысячелѣтій, въ которыхъ мы наблюдаемъ клинообразныя письмена на разныхъ стадіяхъ ихъ развитія. Мы увидимъ, что древнѣйшіе изъ извѣстныхъ доселѣ источниковъ принадлежатъ семитамъ и притомъ пришлымъ семитамъ, которые въ борьбѣ другъ съ другомъ соединяются въ крупныя государства. Но въ этихъ источникахъ еще ясно можно различить вліяніе древняго культурнаго народа, жившаго въ низменности Евфрата еще задолго до этихъ семитовъ. Поэтому въ этомъ народѣ мы дожны усматривать создателей вавилонской культуры, изобрѣтателей клинообразнаго письма, причемъ для насъ это одинъ народъ, ибо мы видимъ его лишь сквозь покрывало доисторической эпохи. Намъ ничего неизвѣстно о томъ, какъ сложился этотъ народъ, какія судьбы постигли его—судьбы, по всей вѣроятности, столь же многообразныя и перемѣнчивыя, какъ судьбы вавилонскихъ „семитовъ“, исторія которыхъ наполняетъ три слѣдующихъ тысячелѣтія.

Б. Сумерійцы.

Древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ источниковъ составлены на языкѣ не-семитическомъ — на „языкѣ сумерійцевъ“, какъ называютъ этотъ языкъ болѣе позднія записи. Языкъ этотъ — единственное, что до сихъ поръ дошло до насъ отъ создателей вавилонской культуры, отъ изобрѣтателей клинообразнаго письма, отъ сумерійцевъ, которыхъ и называемъ такъ по ихъ языку. Но языкъ ихъ — самое важное и краснорѣчивое свидѣтельство ихъ значенія: въ то время, когда уже ни одинъ человѣкъ не говорилъ больше по-сумерійски, когда Вавилонію заняли самые разнообразные народы и тамъ пошли тѣмъ же путемъ, какъ сами древніе сумерійцы, когда даже была сыграна роль различными семитическими народами, жившими въ низменности Евфрата, когда здѣсь стали владычествовать персы, македоняне и пареяне, т.-е. приблизительно вплоть до христіанской эры, сумерійскій языкъ считался въ Вавилоніи священнымъ языкомъ религіи. Слѣдовательно, языкъ этотъ игралъ такую же роль, какъ латинскій, который въ средніе вѣка и въ новое время былъ языкомъ науки и церкви, но только долговѣчность сумерійскаго языка въ этой роли превосходитъ долговѣчность латинскаго, по меньшей мѣрѣ вдвое.

Такимъ образомъ, если до сихъ поръ нѣтъ ни одной надписи, принадлежащей собственно сумерійцамъ, если для насъ еще является доисторическимъ прошлое этого замѣчательнаго народа, отъ конца котораго культурный способъ историческихъ сообщеній непрерывною цѣпью тянется до нашего времени, то все-таки народъ этотъ, благодаря сохраненію его языка, становится намъ болѣе знакомымъ, чѣмъ если бы сохранились какія-нибудь другія проявленія его духа. Мы имѣемъ записи и религіозные тексты на сумерійскомъ языкѣ за періодъ, продолжающійся три тысячи лѣтъ и даже болѣе. Самыя древнія надписи — это записи царей Лагаша (см. таблицу: „Обломокъ древне-вавилонскаго царскаго надгробнаго памятника“ при стр. 12), ихъ современниковъ и непосредственныхъ преемниковъ; написаны эти памятники уже семитами, но еще подъ живымъ вліяніемъ вытѣсненныхъ и покоренныхъ сумерійцевъ. Мы должны допустить, что уже около конца четвертаго тысячелѣтія сумерійскій элементъ весь или почти весь вымеръ, и что въ надписяхъ, относящихся къ этому времени, сумерійскій языкъ игралъ приблизительно такую же роль, какъ латинскій въ эпоху Меровинговъ. Легко себѣ представить, что въ послѣдующія тысячелѣтія сумерійскій языкъ, употреблявшійся въ качествѣ искусственнаго орудія рѣчи, долженъ былъ подвергнуться такой же участи, какъ языкъ латинскій въ средніе вѣка; возрожденіе же посредствомъ развитія понятія „классицизмъ“, какое испыталъ латинскій языкъ въ эпоху ренессанса, осталось чуждымъ восточному духу. Поэтому сумерійскій языкъ и его нарѣчіе, извѣстное подъ названіемъ аккадійскаго, съ теченіемъ времени становятся все болѣе и болѣе испорченными. Они уснащаются семитизмами; чѣмъ новѣе тексты, тѣмъ болѣе кажутся они составленными изъ искаженныхъ на сумерійскій ладъ словъ съ сумерійскими окончаніями, причемъ отбрасывается первоначально совершенно отличный отъ семитическаго сумерійскій синтаксисъ. Въ этомъ сумерійскомъ языкѣ замѣчаются не только тѣ же самыя явленія, какъ въ монашеской латыни, но и измѣненія въ родѣ производившихся надъ латинскимъ языкомъ въ видѣ забавы, но только въ сумерійскомъ языкѣ такія измѣненія дѣлались не ради шутки, а вполнѣ серьезно. Если прибавить къ этому, что надписи отличаются тѣмъ болѣе идеографическимъ характеромъ, чѣмъ онѣ древнѣе (т.-е., что въ болѣе древнихъ рукописяхъ отдѣльныя слова изображаются особеннымъ значкомъ), то становится понятнымъ, что относительно произношенія древняго сумерійскаго языка мы знаемъ весьма мало, такъ какъ мы хотя можемъ понимать смыслъ древнихъ надписей, благодаря пони-

манію значковъ, но о произношеніи словъ можемъ судить только по даннымъ, сообщаемымъ въ позднѣйшія столѣтія.

Поэтому, несмотря на множество дошедшихъ до насъ текстовъ, мы еще не можемъ выяснить себѣ многихъ особенностей сумерійскаго языка; но мы все-таки знаемъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе объ общемъ характерѣ сумерійскаго языка, древнѣйшаго въ мірѣ культурнаго языка. Это языкъ агглютинирующій, строеніе котораго въ существенныхъ чертахъ сходно съ тюркскими языками и совершенно отлично отъ строенія языковъ семитическихъ. Приведемъ слѣдующій примѣръ: igal Urgur ungal Ur gal í-An-na in-ru-a-ka-ta = дворецъ + Urgur + царь + Ur + человѣкъ + í-Anna + онъ построилъ + частица родительнаго падежа + въ = во дворцѣ Ургура, царя Ура, строителя храма и-Анна. Зависимость, выражаемая родительнымъ падежомъ, которая какъ въ семитическомъ, такъ и въ нашихъ языкахъ существуетъ между „дворецъ" и „Ургуръ", здѣсь ставится на концѣ всего выраженія, которое образуетъ нѣчто само по себѣ связное, подобное до извѣстной степени нѣмецкому сложному выраженію. Точно такъ же то, что здѣсь составляетъ главное и потому ставится въ началѣ предложенія, а именно обозначеніе мѣста „въ" (= ta), въ сумерійскомъ языкѣ помѣщается на концѣ. Далѣе обратимъ вниманіе на перифразу семитическаго причастія словами gal... in-ru-a человѣкъ + онъ построилъ. Мы должны отказаться отъ установленія какого бы то ни было родства съ какимъ-либо языкомъ древняго міра, даже съ разными языками окружающихъ народовъ, а тѣмъ болѣе съ какимъ-нибудь живымъ языкомъ (см. выше на стр. 6 то, что было сказано о произношеніи словъ). Въ звуковомъ отношеніи сумерійскій языкъ находился въ полномъ упадкѣ. Большинство словъ представляетъ собою простые слоги изъ гласнаго и согласнаго звуковъ или изъ согласнаго, гласнаго и согласнаго, изъ которыхъ послѣдній также уже бо́льшею частью утрачивается; притомъ же значительное количество первоначально различныхъ словъ въ звуковомъ смыслѣ, въ звуковомъ отношеніи уподобились другъ другу. Сумерійскій языкъ, слѣдовательно, былъ сформированъ въ родѣ китайскаго.

Объ исторіи сумерійцевъ намъ неизвѣстно ничего; врядъ ли есть и въ Египтѣ надпись изъ тѣхъ временъ, когда тамъ складывалась культура, которая вполнѣ завершилась въ Древнемъ Царствѣ одновременно съ появленіемъ семитовъ въ Вавилоніи. Одно только мы можемъ заключить съ полной достовѣрностью изъ аналогичныхъ обстоятельствъ въ болѣе позднія времена, а именно, что развитіе этихъ культуръ было невозможно при идиллической полудремотѣ на плодородныхъ берегахъ Евфрата и Нила. Въ темныя еще времена сумерійской исторіи должны были существовать дружескія и враждебныя отношенія такого же рода, какія мы впослѣдствіи видимъ между населеніемъ обѣихъ странъ, и какія наблюдаются между всѣми культурными народами, сношенія которыхъ другъ съ другомъ не представляютъ непреодолимыхъ затрудненій. Уже въ тѣ времена торговля должна была направляться взадъ и впередъ, цари разныхъ государствъ должны были обмѣниваться письмами, и одинъ народъ долженъ былъ подчинять себѣ другой.

B. **Первыя переселенія семитовъ въ Вавилонію.**

Если мы при помощи историческихъ источниковъ при помощи надписей, древнѣйшихъ памятниковъ человѣчества, начертанныхъ словами, приподнимемъ завѣсу надъ древнею тьмою, то увидимъ, что семиты являются обладателями Тигро-Евфратской низменности. Согласно съ таблицей народовъ, приведенной въ книгѣ Бытія (I, гл. 1), мы называемъ семитами ту группу народовъ, которые говорили на томъ же языкѣ, какъ и евреи, причисляемые въ книгѣ Бытія къ потомкамъ Сима. (Съ тѣхъ поръ, какъ

составилось это опредѣленіе, оказалось, впрочемъ, что нѣкоторыя племена, причисляемыя въ книгѣ Бытія къ потомкамъ Сима, не говорили по-семитически; тѣмъ не менѣе приведенное опредѣленіе пріобрѣло себѣ право гражданства).

Родиной семитовъ мы считаемъ Аравію — о другой странѣ не можетъ быть и рѣчи уже по географическимъ основаніямъ. Аравія до настоящаго времени представляетъ собою страну, гдѣ семиты сохранились въ чистомъ видѣ, и гдѣ они еще донынѣ живутъ въ тѣхъ же условіяхъ, въ томъ же культурномъ состояніи, какъ ихъ родственники по племени, которымъ въ четвертомъ тысячелѣтіи до Р. Х. удалось то, что составляетъ завѣтную мечту ихъ потомковъ: пріобрѣсть богатыя культурныя страны, которыя въ тѣ времена были, разумѣется, богаче и культурнѣе, чѣмъ теперь.

Единственные пути, по которымъ могли выселяться кочевые народы, ведутъ въ Сирію и Палестину. Съ другихъ сторонъ суша окружена моремъ; и для выселенія на западъ или на востокъ необходимо было имѣть суда, т.-е. такое выселеніе могло произойти лишь въ томъ случаѣ, если бы степные кочевники уже перешли къ осѣдлому образу жизни, по меньшей мѣрѣ къ рыболовству, которое, однако, можетъ прокормить лишь маленькій народъ. Поэтому изъ южной Аравіи и не произошло выселенія въ крупномъ масштабѣ. Лишь тогда, когда здѣсь возникло царство сабеевъ, и когда находящіеся съ нимъ въ связи народы создали своего рода культуру, произошло выселеніе въ Африку и Абессинію, о которомъ мы будемъ говорить ниже (см. отдѣлъ 13); главный же потокъ переселеній семитовъ направляется на сѣверъ.

Ходъ и время этихъ переселеній мы можемъ опредѣлить въ общихъ чертахъ, такъ какъ мы можемъ довольно точно установить начало и конецъ послѣднихъ изъ этихъ переселеній и съ соотвѣтствующею этому достовѣрностью опредѣлить и время первыхъ переселеній. Переселенія эти являются естественнымъ послѣдствіемъ перенаселенія страны и при одномъ и томъ же культурномъ положеніи и при однихъ и тѣхъ же условіяхъ жизни должны повторяться приблизительно черезъ одинаковые промежутки времени. Это соображеніе подтверждается тѣмъ, что мы узнаемъ изъ надписей. Въ общей сложности мы можемъ установить четыре крупныхъ семитическихъ переселенія на сѣверъ. Послѣднее, которое можно прослѣдить при наиболѣе яркомъ историческомъ освѣщеніи, это переселеніе арабское. Оно завершается завоеваніями ислама; начинается оно приблизительно въ 7 или 8 столѣтіи до Р. Х., когда можно указать на проникновеніе арабовъ въ Сирію. Этому переселенію предшествуетъ переселеніе арамейское, начало котораго мы также можемъ приблизительно опредѣлить: въ 13—15 столѣтіи мы видимъ Месопотамію уже наводненной арамейскими кочевниками; слѣдовательно, вторженіе этихъ племенъ должно было начаться нѣсколько раньше. Передъ арамейскимъ переселеніемъ произошло переселеніе ханаанейско-еврейское. Допуская, что эти переселенія продолжались каждое около тысячелѣтія, мы находимъ, что съ этимъ согласуется тотъ фактъ, что около 2400—2100 гг. передняя Азія, Вавилонія и вѣроятно Египетъ находились во власти ханаанейскаго населенія, и что еще тысячелѣтіемъ раньше мы видимъ „вавилонскихъ семитовъ" обладателями сумерійской культуры.

Вотъ четыре крупныхъ семитическихъ народныхъ группы, чередованіе которыхъ всего больше повліяло на исторію передняго Востока. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что расчетъ, подобный нашему, даетъ только приблизительныя представленія, которыя допускаютъ неточности въ одно, два столѣтія, и что, разумѣется, невозможно рѣзкое разграниченіе отдѣльныхъ переселеній. При народныхъ переселеніяхъ одинъ народъ толкаетъ передъ собою другой; притомъ же послѣднія части крупной народной группы еще

должны находиться въ движеніи, когда приближаются первые переселенцы изъ другой группы (какъ, напр., это было съ евреями и арамейцами около половины второго тысячелѣтія).

Мы допускаемъ, что семиты, вступившіе въ Вавилонію, нашли тамъ уже высоко-развитую культуру, которую они восприняли, какъ всякій находящійся въ ихъ положеніи варварскій народъ, и созданія которой и для нихъ получили значеніе. Источники, изъ которыхъ мы почерпаемъ свѣдѣнія, гласятъ, что существовало извѣстное число городовъ, что культъ боговъ, процвѣтающій въ нихъ, пользуется высокимъ уваженіемъ, что города эти въ теченіе всей исторіи имѣли значеніе центровъ, гдѣ пересѣкались пути сообщенія, средоточій сношеній и культурной жизни. Въ этихъ городахъ (кромѣ возможныхъ, разумѣется, отдѣльныхъ исключеній), намъ придется усматривать поселенія, возникшія еще до вторженія семитовъ, хотя они и были вполнѣ семитизированы новымъ переселеніемъ, и для насъ представляютъ собою настолько же семитическіе города, насколько Кельнъ и Аугсбургъ являются городами нѣмецкими.

Назовемъ здѣсь важнѣйшіе изъ этихъ городовъ, направляясь съ юга вверхъ по теченію Евфрата: Эриду (Абу Шахрейнъ), центральный пунктъ культа Эа; Уръ (Мугеиръ), мѣсто поклоненія лунѣ въ южной Вавилоніи; Лагашъ (называемый также Сиръ-пуръ-ла при фонетическомъ чтеніи идеографическаго способа начертанія [мѣсто развалинъ Телло]), извѣстный намъ благодаря раскопкамъ французскаго консула де-Сарзе (см. цвѣтную таблицу при стр. 12); наконецъ, городъ, положеніе котораго еще неопредѣлено, и идеограмма котораго также еще не прочтена, но отъ государей котораго мы имѣемъ нѣсколько надписей и извѣстій. Такъ какъ знакъ, которымъ пишется названіе этого города, принимался неправильнымъ образомъ за изображеніе лука, то городъ назвали „городомъ лука“ и, во избѣжаніе путаницы, мы пока сохранимъ это неправильное наименованіе. Далѣе: Изинъ (прежде читали Низинъ), также еще не найденный и бывшій впослѣдствіи резиденціей одной южно-вавилонской династіи; Ларса (Сенкерэ), средоточіе южно-вавилонскаго культа солнца; Ниппуръ (Нифферъ), городъ Бела, изслѣдованный благодаря американскимъ раскопкамъ; Урукъ (Варка), центръ богини Нана-Истаръ; оба послѣдніе города уже по положенію своему ближе къ сѣверной Вавилоніи и играли соотвѣтствующую этому политическую роль. Въ сѣверной Вавилоніи важнѣйшіе города — Вавилонъ, городъ бога Мардука, впрочемъ, лишь позднѣе начинающій играть первенствующую роль, затѣмъ Кишъ (Угаймиръ?) и Куѳа (Тель-Ибрагимъ), городъ Нергаля, а далѣе на сѣверъ Сиппаръ (Абу-Габба), солнечный городъ сѣверной Вавилоніи; Дур-илу съ культомъ Ану, еще не найденный, но господствовавшій надъ проходами въ Эламъ и потому первый городъ, подверженный нападеніямъ эламитовъ и др. Далѣе на сѣверъ начинается месопотамская степь, и, поднимаясь вверхъ по берегу Тигра, мы встрѣчаемъ слѣдующіе крупные города: Ассуръ (Кала-Шергатъ), Калхи (Нимрудъ) и Ниневія, которая лишь гораздо позднѣе получила огромное значеніе какъ главный центръ ассирійскаго царства. Восточнѣе, по направленію къ Мидіи, лежитъ Арбаилъ (Арбела, нынѣ Эрвиль), господствующій надъ восточной Ассиріей, надъ областью между верхнимъ и нижнимъ Цабомъ; здѣсь соединяются пути въ Мидію и въ мѣстности, находящіяся при озерѣ Урмія. Возвращаясь снова въ область, расположенную между Евфратомъ и Тигромъ, мы находимъ горную страну Сингара, несомнѣнно когда-то покрытую городами, хотя пока мы не имѣемъ насчетъ этого никакихъ историческихъ указаній. Обширная месопотамская степь становится снова удобной для болѣе крупныхъ поселеній лишь въ долинахъ Хабура и Балиха; здѣсь во множествѣ встрѣчаются, правда еще неизслѣдованные (объ Арбанѣ, см. стр. 45 и 85), „тели“, т.-е. занесенные пескомъ мѣста старыхъ городовъ. Изъ нихъ всего важнѣе процвѣ-

тавшій до поздняго времени лунный городъ Харранъ въ верхней долинѣ Балиха.

Это еще далеко не всѣ значительные города вавилонской культурной области. Если мы не будемъ говорить о такихъ частяхъ степи, гдѣ ощущался недостатокъ воды, то должны представить себѣ всѣ прочія мѣстности густо покрытыми всякаго рода поселеніями. Особенно во времена расцвѣта страна (подобно Египту) была воздѣлана способомъ, скорѣе напоминающимъ наши понятія о садоводствѣ, нежели о земледѣліи, и соотвѣтственно этому была покрыта поселеніями. Мы упомянули здѣсь только о такихъ городахъ, которые, благодаря своему политическому значенію и связанному съ нимъ значенію религіозному, играли особенно выдающуюся роль и отчасти стали важны для нашего знакомства съ страною, благодаря раскопкамъ; кромѣ нихъ, еще безчисленное множество телей ожидаютъ заступа изслѣдователей.

Пришлые „семитическіе вавилоняне“ заняли страну такимъ же способомъ, какъ, по историческимъ даннымъ, сдѣлали это впослѣдствіи ихъ братья по племени: халдеи въ Вавилоніи и евреи въ Ханаанѣ. Они проникаютъ въ открытую страну, гдѣ частью заставляютъ себя терпѣть, частью дѣйствуютъ насиліемъ и мало-по-малу завладѣваютъ городами, что и даетъ имъ власть надъ всей страной. Изъ кочевниковъ они дѣлаются, такимъ образомъ, осѣдлыми городскими жителями, безусловно воспринимающими культуру страны. Въ политическомъ отношеніи они производятъ значительный переворотъ: свободные кочевники, подъ предводительствомъ шейха, дѣлаются подданными царя; ибо вождь ихъ еще быстрѣе, нежели слѣдующіе за нимъ „братья“, умѣетъ воспользоваться выгодами найденнаго въ новой землѣ строя.

Такимъ образомъ, мы должны допустить, что сначала создался рядъ царствъ-городовъ въ средоточіяхъ древней сумерійской культуры, занятыхъ отдѣльными вторгнувшимися туда племенами. Какъ только кочевыя племена овладѣли этими городами, цари ихъ сдѣлались естественными противниками другъ друга, какъ и отдѣльныя кочевыя племена, если только между ними не было „кровнаго родства“; между этими царями должна была начаться борьба и продолжаться до тѣхъ поръ, пока одинъ царь не покорялъ другого и пока постепенно не образовалось одно или нѣсколько крупныхъ государствъ. Тогда снова достигалось положеніе, вѣроятно существовавшее въ сумерійскую эпоху и соотвѣтствовавшее культурнымъ потребностямъ страны.

Г. **Вавилонское царство.**

а) Древнѣйшія времена (около 3000 л. до Р. Х.).

Мы должны ожидать, что въ качествѣ древнѣйшихъ памятниковъ семитическаго времени встрѣтимъ надписи враждующихъ между собой царей различныхъ большихъ городовъ. Такое предположеніе подтвердилось новѣйшими находками. Какъ ни незначительны эти находки по сравненію съ тѣмъ, что мы еще можемъ извлечь изъ земли въ будущемъ, но ихъ оказывается достаточно для того, чтобы доказать правильность картины, какая вытекаетъ изъ естественнаго хода событія.

Древнѣйшія изъ извѣстныхъ доселѣ надписей принадлежатъ царямъ Лагаша въ южной Вавилоніи, царямъ Ура, Урука, далѣе царямъ лежащаго сѣвернѣе Киша, царямъ вышеупомянутаго (стр. 9) „города лука“, которыхъ мы застаемъ въ борьбѣ другъ съ другомъ, и которые стараются покорить другъ друга. Всѣхъ этихъ царей мы должны отнести къ эпохѣ за 3000 лѣтъ до Р. Х. или болѣе, т.-е., говоря вообще, ко второй половинѣ

ВАВИЛОНІЯ, АССИРІЯ
И СОСѢДНІЯ СТРАНЫ
въ періодъ до 1100 г. до Р. Х.

Масштабъ 1:11250000

0 100 200 300 400

Километры.

Названія, восходящія за 1100 лѣтъ до Р. Х., напечатаны жирнымъ шрифтомъ, всѣ остальныя — волосным.

Вавилонія въ эпоху Нарамъ-Сина и Саргона Старшаго

Ассирія, Вавилонія, Митанни, Египетъ — въ 16 вѣкѣ до Р. Х.

Вавилонія при Назимуратташѣ, Ассирія при Рамманъ-нирари I. — послѣ опред. границъ около 1330 г.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

четвертаго тысячелѣтія; въ тѣ времена и происходила борьба семитическихъ городскихъ царей между собою. Разсматривать эту борьбу во всѣхъ подробностяхъ не имѣетъ смысла; а не поддающіяся произношенію и еще не прочтенныя звуковымъ образомъ имена героевъ этой борьбы въ настоящее время имѣютъ значеніе только для ученаго. Результатомъ борьбы было образованіе болѣе крупныхъ царствъ; царь побѣдоноснаго города становился владыкой надъ побѣжденными государями, которые получаютъ титулъ патези. Всѣ эти цари, особенно же живущіе на югѣ, пишутъ еще по-сумерійски; вообще мы видимъ, что въ южной Вавилоніи сумерійскій языкъ употребляется въ качествѣ письменнаго языка гораздо долѣе (приблизительно на тысячелѣтіе), чѣмъ на сѣверѣ. Мы имѣемъ большое количество надписей, принадлежащихъ упомянутымъ патези, т.-е. вассальнымъ князьямъ, зависимымъ отъ верховнаго повелителя Лагаша, надписей, относящихся приблизительно къ 3000 г., послѣднюю изъ которыхъ мы можемъ причислить къ тому же времени, какъ и надписи южно-вавилонскихъ „царей Сумера и Аккада", о которыхъ мы сейчасъ поведемъ рѣчь.

Болѣе раннія изъ этихъ южно-вавилонскихъ патези находились подъ властью сѣверо-вавилонскихъ царей, изъ которыхъ, по цѣлому ряду принадлежащихъ имъ надписей, извѣстны Шаргани-шаръ-махаци (обыкновенно называемый Саргономъ) и сынъ его Нарамъ-Синъ. Первый изъ нихъ еще называетъ себя царемъ Агаде въ сѣверной Вавилоніи и, значитъ, оттуда покорилъ себѣ югъ; а извѣстія о его управленіи и объ управленіи его сына показываютъ, что побѣдоносные походы ихъ охватывали всю переднюю Азію, поскольку она когда-либо находилась подъ вліяніемъ вавилонской культуры. Они властвовали не только надъ Вавилоніей и Месопотаміей, но и надъ Сиріей и Палестиной; говорятъ, что Саргонъ выплывалъ даже въ Средиземное море, гдѣ на о. Кипрѣ еще изъ древнѣйшихъ временъ можно указать на слѣды Вавилоніи. Войны съ сѣверными варварами разумѣются сами собою такъ же, какъ и походы въ Аравію (Маганъ и Мелуха). Такимъ образомъ, было основано обширное семитическо-вавилонское царство, обнимающее всю принимаемую въ расчетъ переднюю Азію въ томъ объемѣ, какъ въ эпоху наибольшаго могущества Ассиріи (см. прилагаемую карту: „Вавилонія, Ассирія и сосѣднія страны приблизительно до 1100 г. до Р. Х."); итакъ, имена Саргона и Нарамъ-Сина обозначаютъ собою періодъ развитія вавилонскихъ семитовъ. Это проявляется и чисто внѣшнимъ образомъ, ибо надписи этихъ царей, въ противоположность надписямъ южно-вавилонскимъ, составлены на семитическомъ языкѣ. Время, къ которому относятся эти цари,—приблизительно 3000 лѣтъ до Р. Х.

Современниками ихъ были патези Лагаша, изъ которыхъ особенно стоитъ упомянуть извѣстнаго своими надписями Гудею, такъ какъ надписи его указываютъ на ту же область могущества вавилонской культуры, какъ и извѣстіе о Саргонѣ и его сынѣ. Гудеа добывалъ матеріалъ для своихъ построекъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ, изъ болѣе далекихъ странъ; такъ, дерево (кедры) доставали съ Амана, камни для статуй изъ Аравіи (Маганъ); это свидѣтельствуетъ о существованіи въ то время мирныхъ сношеній, и это въ свою очередь подтверждаетъ наше предположеніе о существованіи въ болѣе раннія времена обширной области сумерійской культуры, такъ какъ въ ту эпоху условія для распространенія этой культуры были одинаковы. Воззрѣнія и политическія завоеванія этого и предшествующаго времени отразились и на послѣдующихъ временахъ, даже когда относительно прошлаго не сохранилось вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Саргонъ изъ Агаде сдѣлался предметомъ сказаній; для Вавилоніи это былъ такой же легендарный герой, какъ Моисей, Киръ или Ромулъ. И когда послѣдній вавилонскій царь, Набунаидъ, нашелъ надпись сына Саргона, Нарамъ-Сина, и спросилъ ученыхъ мужей, когда жили эти цари, то ученые не могли дать ему удовлетворительнаго отвѣта и въ концѣ концовъ разочли.

что цари эти жили за 3200 лѣтъ до Набунаида (т.-е. около 3800 г.), т.-е. хватили черезъ край по крайней мѣрѣ на 800 лѣтъ или болѣе.

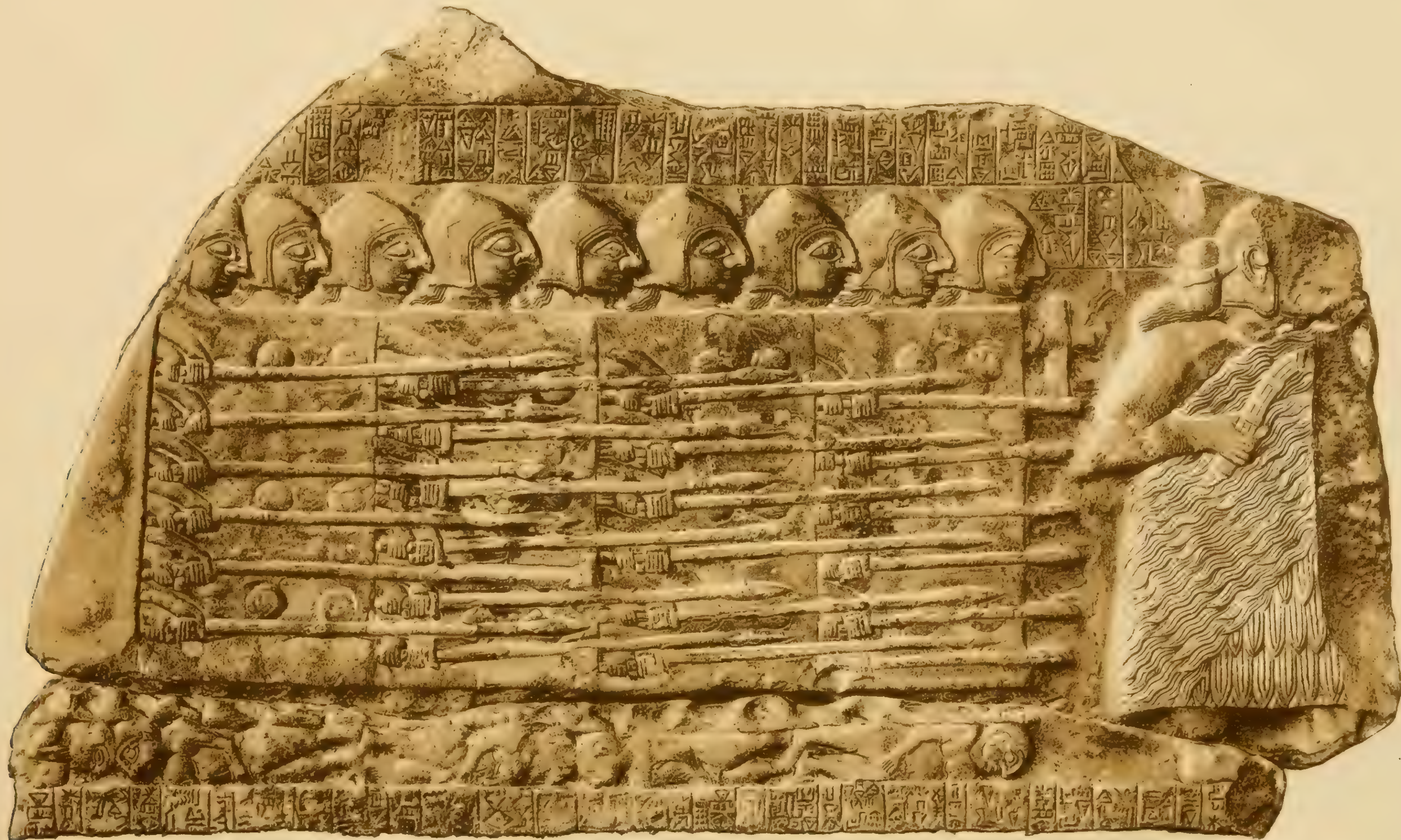
Въ наукѣ и политикѣ географическія и государственныя названія этого времени держались очень долго и въ послѣднее время стали употребляться предпочтительно. Борьба семитовъ въ Вавилоніи (неизвѣстно, продолжались ли при этомъ условія сумерійской жизни) создала два крупныхъ царства. Одно занимало южную Вавилонію, и цари его носили обыкновенно титулъ „царя Сумера и Аккада“; другое лежало въ сѣверной Вавилоніи, и повелители его именовали себя „царями четырехъ странъ свѣта“. Далѣе къ сѣверу, съ центромъ, находящимся въ Месопотаміи (возможно, что это былъ Харранъ), образовалось еще одно царство, цари котораго называютъ себя „царями міра“. Между собою царства эти враждовали; нерѣдко одинъ царь господствовалъ надъ всѣми, такъ что мы имѣемъ передъ собою въ данномъ случаѣ дальнѣйшее развитіе эпохи царствъ-городовъ. Объ этихъ повелителяхъ намъ извѣстно лишь немного подробностей. Но значеніе ихъ титуловъ удержалось до конца вавилонско-месопотамской независимости; и всѣ цари болѣе поздней Вавилоніи и Ассиріи именуютъ себя такимъ способомъ въ зависимости отъ мѣста, занимаемаго ихъ владѣніями.

Въ предѣлахъ вавилонской культуры, то воюя съ повелителями Вавилоніи, то находясь въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ нимъ, находятся въ то время, судя по памятникамъ ассирійской эпохи: Эламъ, Анцанъ и Сури (впослѣдствіи отсюда произошли названія Сиріи и левкосирійцевъ)—область, которая, начинаясь къ западу отъ Элама, описываетъ на сѣверѣ дугу вокругъ рѣчной низменности, т.-е. простирается приблизительно отъ Мидіи до Каппадокіи. Къ сѣверо-востоку отъ Сури жили варварскія толпы Умманъ-Манда, орды Манда, вавилонскихъ „скиѳовъ“; къ сѣверу, т.-е. въ странѣ, приблизительно соотвѣтствующей Арменіи, лежитъ Гутіумъ или область народа „Кути“, отъ одного изъ царей котораго у насъ имѣется надпись на языкѣ и въ стилѣ временъ Нарамъ-Сина, касающаяся произведеннаго въ Вавилоніи (вѣроятно въ Сиппарѣ) священнодѣйствія, въ родѣ посвященій, дѣлаемыхъ иностранцами греческимъ оракуламъ. Врѣзываясь въ Малую Азію, лежитъ начинающаяся въ Каппадокіи область „Хатти“ или „хеттовъ“, которые пріобрѣтаютъ значеніе лишь позднѣе. Сѣверная Палестина скоро получаетъ названіе „Западной страны“. Что въ тѣ времена уже плавали по Средиземному морю, видно изъ упомянутаго извѣстія о Саргонѣ, все равно историческое оно или нѣтъ. Западная часть Аравіи Мелуха и восточная Маганъ повидимому болѣе доступны древнѣйшимъ вавилонянамъ и больше, чѣмъ впослѣдствіи ассирійцамъ или даже нынѣшнимъ европейцамъ. На югѣ вѣроятно происходило мореплаваніе въ Персидскомъ морѣ; ибо Дильмунъ (островъ Береинъ) находился въ предѣлахъ вавилонскаго господства, и тамъ найдены клинообразные памятники. Къ тому же трудно себѣ представить, чтобы Гудеа могъ получать камни изъ Магана иначе, чѣмъ морскимъ путемъ.

Многочисленные памятники этого времени (см. прилагаемую таблицу „Обломокъ древне-вавилонскаго царскаго надгробнаго памятника“) отличаются высокимъ техническимъ совершенствомъ. Первые надписи и памятники царей Лагаша правда еще очень грубы, и мы склонны приписать это упадку древняго искусства вслѣдствіе нашествія семитовъ; но скоро снова достигается такая ступень, которая стоитъ наравнѣ съ тою, какую мы наблюдаемъ въ древнемъ царствѣ Египта. Надписи Саргона и Нарамъ-Сина, написанныя особымъ изящнымъ письмомъ, и статуи Гудеи отличаются такимъ совершенствомъ техники, что археологи думали сначала, будто они возникли подъ вліяніемъ Греціи. Безчисленное множество извѣстій объ управленіи храмами и земельной собственностью дошли до насъ изъ этой эпохи и возникли въ Лагашѣ.

Обломокъ древне-вавилонскаго царскаго памятника.

На прилагаемой цвѣтной таблицѣ воспроизведена часть такъ называемой „стэлы коршуновъ“, названной такъ по первому сдѣлавшемуся извѣстнымъ обломку, на которомъ коршуны уносятъ головы пораженныхъ. Памятникъ воздвигнутъ по случаю пораженія царя сосѣдняго города вассальнымъ княземъ (патези) г. Лагаша, Эаннаду, который зоветъ теперь себя „царемъ Лагаша“. Картина изображаетъ воиновъ Лагаша, наступающихъ на врага сомкнутой фалангой, съ протянутыми копьями; во главѣ въ характерномъ (для царей и боговъ) одѣяніи — царь; въ его рукѣ бумерангъ, верхушка котораго обломана. По сторонамъ находятся остатки надписи; но помѣщенныя тутъ строки не имѣютъ отношенія къ картинѣ.



Исторія человѣчества. III.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Обломокъ древне-вавилонскаго царскаго могильнаго памятника.

(По E. de Sarzec, Decouvertes en Chaldée.)

Такова была Вавилонія, ея предѣлы и ея культура около 3000 лѣтъ до Р. Х. и раньше; въ тѣ времена она пожалуй стоитъ на болѣе высокой ступени, нежели стояла когда-либо впослѣдствіи. Времена начатковъ вавилонской культуры, тѣ времена, когда въ Вавилоніи сумеріецъ стоялъ на такомъ уровнѣ, какъ латинъ въ 8-омъ вѣкѣ до Р. Х., а славянинъ въ 8—12 столѣтіи по Р. Х., находятся въ отдаленномъ прошломъ, недоступномъ исторіи.

б) Цари Ура.

Послѣднія надписи извѣстныхъ намъ патези Лагаша, непосредственныхъ преемниковъ Гудеи, содержатъ въ себѣ отчасти посвященія новымъ царямъ, отъ которыхъ мы имѣемъ многочисленныя надписи изъ южно- и сѣверо-вавилонскихъ городовъ. Эти цари называютъ себя „царь Ура, царь Сумера и Аккада", и надписи ихъ, по крайней мѣрѣ южно-вавилонскія, подобно надписямъ изъ Лагаша, составлены по-сумерійски. Судя по этому, мы можемъ констатировать, что, по сравненію съ прошлымъ, въ положеніи дѣлъ произошелъ переворотъ: сѣверо-вавилонское господство уступило мѣсто южно-вавилонскому. Цари Ура господствуютъ, вмѣсто царей Агаде, надъ Вавилоніей; ибо имъ принадлежитъ также сѣверъ, какъ это достаточно ясно доказываютъ найденныя тамъ надписи.

Въ этомъ царствѣ „Сумера и Аккада" мы различаемъ три владѣтельныхъ династіи. Первую династію, изъ которой извѣстны прежде всего цари Уръ-гуръ и сынъ его Дунги (первый приблизительно современникъ Гудеи), царствовавшіе послѣ 3000 г., мы называемъ по резиденціи ея династіей Ура. Многочисленныя надписи обоихъ упомянутыхъ царей повѣствуютъ только о сооруженіи храмовъ во всѣхъ значительныхъ городахъ Вавилоніи и притомъ какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Никакихъ данныхъ о политической дѣятельности и о могуществѣ царей въ надписяхъ этихъ не содержится. Однако изъ того, что сѣверо-вавилонскіе владыки были вытѣснены, слѣдуетъ, что цари Ура завладѣли областью, надъ которой простиралась власть царей сѣверо-вавилонскихъ надписей, написанныхъ по-семитически. Дунги называетъ себя „царемъ четырехъ странъ свѣта", подобно Нарамъ-Сину. За исключеніемъ внутренняго переворота, слѣдовательно въ области вавилонскаго могущества и культуры измѣнилось вѣроятно немногое. Подобно Дунги въ сѣверной Вавилоніи, преемники его въ своихъ надписяхъ, найденныхъ въ южныхъ городахъ, называютъ себя „царями Ура, царями странъ свѣта" и пропускаютъ титулъ „царя Сумера и Аккада". Поэтому резиденцію ихъ слѣдуетъ искать въ сѣверной Вавилоніи. Такимъ образомъ, политическій центръ тяжести все болѣе передвигается по направленію къ столицамъ Саргона и Нарамъ-Сина; югъ же, старавшійся сохранить сумерійскій характеръ, все теряетъ свое значеніе. Имена этой династіи, какъ и всѣ послѣдующія, отличаются соотвѣтственно этому чисто семитическими формами. Поэтому можно предположить, что преемники Дунги были подобно Нарамъ-Сину сѣверо-вавилоняне, которыхъ резиденція находилась на югѣ. Конецъ этой династіи мы можемъ отнести приблизительно къ 2600 или 2500 гг.

Вторая династія по своей столицѣ называется династіей Изина; принадлежащіе къ ней цари именуютъ себя „царями Изина, царями Сумера и Аккада". Значитъ, со временъ первой династіи долженъ былъ произойти переворотъ. Это выражается уже въ томъ, что цари изъ этой династіи хотя еще приказываютъ составлять свои надписи на сумерійскомъ языкѣ, подобно своимъ предшественникамъ и преемникамъ, но наконецъ совершенно перестаютъ придавать своимъ именамъ сумерійскую форму, какъ это дѣлали до тѣхъ поръ на югѣ, а подобно сѣвернымъ вавилонянамъ (Нарамъ-Сину и др.) носятъ имена, имѣющія уже и внѣшній видъ, семитическій. Послѣдняго изъ этихъ царей зовутъ Ишме-Даганъ (т.-е.

„Даганъ внимаетъ“; полный его титулъ былъ такой: Ишме-Даганъ, намѣстникъ Ниппура, князь Ура, уддаду Эриду, господинъ Урука, царь Изина, царь Сумера и Аккада, возлюбленный супругъ Наны). Въ этомъ сочетаніи словъ божеское имя Даганъ несомнѣнно имѣетъ форму „ханаанейскую“; поэтому возможно предположить, что здѣсь мы уже имѣемъ дѣло съ хананеянами: значеніе этого соображенія станетъ ясно ниже, когда мы будемъ говорить о первой династіи Вавилона. До сихъ поръ изъ династіи Изина извѣстно пять царей (Ишбигирра, Гамиль-Нинибъ, Либитъ-Анунитъ, Буръ-Синъ I, Ишме-Даганъ); конецъ этой династіи мы можемъ отнести приблизительно къ 2500 или 2400 гг. до Р. Х.

Тутъ уже наступаетъ время третьей и послѣдней самостоятельной южно-вавилонской династіи; резиденціей ей служитъ городъ бога солнца Шамаша, и по этому городу она носитъ названіе династіи Ларсы. Изъ временъ этихъ царей (изъ которыхъ до сихъ поръ извѣстны Нуръ-Рамманъ, Синъ-иддинъ, Римъ-Синъ, вѣроятно слѣдовавшіе одинъ за другимъ), какъ и изъ временъ ихъ предшественниковъ, мы имѣемъ много свѣдѣній относительно ихъ дѣятельности, причемъ счисленіе ведется большею частью по важнымъ событіямъ; такимъ образомъ, мы получаемъ довольно много свѣдѣній о войнахъ или другихъ значительныхъ предпріятіяхъ. Царскихъ надписей съ историческими данными еще совсѣмъ нѣтъ: есть только обыкновенныя надписи, гласящія о постройкахъ и посвященіяхъ. Послѣдній царь этой династіи, Римъ-Синъ, не вавилонянинъ, а эламитъ. Въ надписяхъ своихъ онъ опредѣленнымъ образомъ именуетъ себя сыномъ эламита Кудуръ-Мабука, который повидимому покорилъ всю вавилонскую культурную область вплоть до Финикіи и посадилъ своего сына въ южную Вавилонію въ качествѣ послѣдняго „царя Сумера и Аккада“.

Уже изъ извѣстій, дошедшихъ до насъ изъ болѣе раннихъ временъ, мы видимъ, что Эламъ былъ самымъ могущественнымъ противникомъ Вавилоніи. Въ то время произошло вѣроятно значительное усиленіе Элама, вслѣдствіе котораго на время вся Вавилонія и зависимыя отъ нея страны сдѣлались вассальными владѣніями Элама. Если мы сопоставимъ это съ тѣмъ, что̀ мы предположили относительно ханаанейскаго происхожденія послѣднихъ династій, и съ тѣмъ, что̀ намъ сейчасъ придется сказать о первой династіи Вавилона, то изъ этого мы увидимъ, что роль „вавилонскихъ семитовъ“ уже была въ это время сыграна. Первая по-сумерійская часть вавилонской исторіи окончена; мы уже вступаемъ въ эпоху возникновенія новыхъ условій. Въ Вавилонію вторгаются или уже вторглись новыя народности. Старая борьба повторяется; единаго вавилонскаго царства опять не существуетъ. Такимъ образомъ могущественный сосѣдъ можетъ наложить свою руку на всю культурную область; возникаютъ обстоятельства, которыя впослѣдствіи не разъ повторяются.

в) Возвышеніе Вавилона; начало собственно вавилонской исторіи.

Если мы и не имѣли вполнѣ точныхъ свѣдѣній о времени и исторіи различныхъ упомянутыхъ до сихъ поръ и смѣнявшихъ другъ друга династій, зато наступающій теперь переворотъ мы можемъ установить совершенно опредѣленно и можемъ такимъ образомъ понять, что онъ знаменуетъ собою наступленіе новыхъ условій, подготовленныхъ предшествовавшею борьбою.

Одновременно съ южно-вавилонскими царями Ларсы и отчасти съ ихъ предшественниками, династіей Изина, въ сѣверной Вавилоніи, въ Вавилонѣ и повидимому главнымъ образомъ въ Сиппарѣ (быть-можетъ, подъ вліяніемъ эпохи Саргона, такъ какъ Сиппаръ былъ связанъ съ Агаде) царствуетъ цѣлый рядъ государей, которыхъ мы, связывая ихъ съ спискомъ

вавилонскихъ царей, называемъ первой династіей Вавилона. Мы видѣли, что со временъ Саргона и Нарамъ-Сина, когда преобладающее значеніе имѣлъ сѣверъ, уже во второй династіи Ура, опять господствовали на югѣ цари, называвшіе себя царями сѣверной Вавилоніи. Но теперь въ многочисленныхъ дѣловыхъ памятникахъ того времени и той области сѣверо-вавилонскіе властители до покоренія юга, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, уже не называются царями, хотя фактически управленіе находится въ ихъ рукахъ. Отсюда легко прійти къ тому выводу, что мы имѣемъ дѣло съ вассальными царями упомянутыхъ южныхъ вавилонянъ. Южно-вавилонскіе цари Изина, слѣдовательно, примыкая къ династіи Ура и въ противоположность Нарамъ-Сину, снова имѣли свою резиденцію въ древней столицѣ царства Сумера и Аккада, а въ Вавилонѣ имѣли самостоятельно дѣйствующихъ царей-вассаловъ. То же самое отношеніе продолжало существовать и при немногихъ царяхъ изъ дома царей Ларсы. Послѣдній царь этой династіи, эламитъ Римъ-Синъ, былъ свергнутъ пятымъ изъ этихъ царей Вавилона, послѣ того какъ ихъ вассальная зависимость, вѣроятно, уже давно обратилась въ чисто формальную. Этимъ разъ на всегда положенъ былъ конецъ самостоятельности юга. Съ этихъ поръ цари Вавилона становятся также повелителями южно-вавилонскаго царства и носятъ титулъ „царя Сумера и Аккада“, котораго (кромѣ нѣкоторыхъ не имѣющихъ значенія случаевъ при дѣлежѣ наслѣдства) не носилъ опять по собственному почину ни одинъ изъ властителей. Политическое значеніе юга кончено: теперь онъ дѣлается тѣмъ, чѣмъ былъ при Саргонѣ и Нарамъ-Синѣ, а именно провинціей царства Вавилона, которое одно съ этихъ поръ играетъ первенствующую роль, такъ какъ оно уже раньше присвоило себѣ и сѣверо-вавилонское царство, повелители котораго называли себя „царями четырехъ странъ свѣта“ (присвоеніе это произошло очевидно при паденіи династіи Изина). Съ этихъ поръ „вавилонская“ исторія сдѣлалась дѣйствительно исторіей Вавилона.

Династія же, при которой господство навсегда было перенесено въ этотъ городъ, которая дала имя странѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей культурѣ, династія эта, какъ показываютъ имена ея членовъ, была не „семитическо-вавилонская“, а ханаанейская. Имена и время царствованія указаны въ дошедшемъ до насъ спискѣ или перечнѣ вавилонскихъ царей: Суму-аби около 2400—2375, Сумула-иль 2374—2353, Цабу 2352—2328, Абиль-Синъ 2327—2303, Синъ-мубаллитъ 2302—2268, Хамму-раби 2267—2213 (онъ покоряетъ югъ и становится царемъ всей Вавилоніи), Самсу-илуна 2212—2183, Абешуа 2182—2165, Амми-сатана 2164—2151, Амми-садокъ 2150—2116, Самсу-сатана 2115—2101. Между тѣмъ совершилось второе изъ указанныхъ великихъ семитическихъ вторженій, которое мы потому считаемъ ханаанейскимъ, что характеръ и языкъ этихъ семитовъ всего долѣе и въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранился въ Ханаанѣ. Часть народныхъ массъ, участвовавшая въ этомъ переселеніи, наводнила также Вавилонію. Тамъ тѣмъ временемъ повторилась та же исторія, какъ во времена вторженія первыхъ семитовъ (съ такой точки зрѣнія мы склонны смотрѣть на многія явленія подъ властью послѣднихъ южно-вавилонскихъ династій): тѣснящіеся впередъ кочевники проникаютъ изъ открытыхъ пространствъ въ города, въ Вавилоніи водворяется новое господствующее населеніе взамѣнъ вытѣсненнаго; населеніе это такимъ же образомъ приспособляется къ вавилонской культурѣ и подвергается такой же участи, какъ населеніе, предшествовавшее ему. Это второй періодъ вавилонской исторіи и въ то же время послѣдній періодъ политическаго верховенства Вавилоніи надъ передней Азіей.

То же самое переселеніе затронуло Сирію и Палестину; быть-можетъ, предположеніе, что этотъ народный потокъ наводнилъ также Египетъ, даетъ разъясненіе характера гиксовъ и сильно сказывающагося съ этихъ

поръ вліянія семитовъ въ Египтѣ. Въ это время Вавилонія еще сохраняла господство надъ западомъ. Племена и государи Палестины были вассалами царей Вавилона, древніе предѣлы власти (см. карту при стр. 10) въ это время слѣдовательно еще удерживались, сохранившись изъ неурядицы этого переселенія народовъ: передній Востокъ еще остается вавилонскимъ, и картина значенія Вавилоніи для прочей передней Азіи въ это время въ существенныхъ чертахъ соотвѣтствуетъ той картинѣ, какую мы могли начертать тысячелѣтіемъ раньше. Востокъ, находившійся во власти „ханаанеянъ", имѣлъ въ главныхъ чертахъ такой же видъ, какъ востокъ „семитовъ-вавилонянъ": онъ находился всецѣло подъ вліяніемъ сумерійской культуры, носителями которой явился вторичный притокъ семитовъ.

За первой династіей Вавилона слѣдуетъ вторая, состоявшая также изъ одиннадцати царей, имена которыхъ — большею частью искусственно поддѣланныя подъ сумерійскія — и время царствованія мы находимъ въ спискѣ царей; другого ничего мы объ этой династіи не знаемъ, такъ какъ — какъ это ни странно — другихъ извѣстій изъ этого времени мы не имѣемъ. Господство этой династіи продолжается въ общей сложности 368 лѣтъ. Кромѣ этого, мы ничего не можемъ сказать о событіяхъ этого времени; намъ извѣстно только то, что къ концу этой эпохи, вѣроятно, подготовлены были тѣ условія, которыя ясно проявляются при слѣдующей династіи. Мы не знаемъ, дѣлается ли въ это время замѣтнымъ въ Вавилоніи хеттское вторженіе съ его послѣдствіями, вслѣдствіе котораго Месопотамія попала подъ власть племени митани (ср. ниже, стр. 111). Нѣкоторыя данныя возможно истолковать такимъ образомъ.

Третья династія опять чужестранная, и на этотъ разъ происходитъ отъ переселенцевъ съ другой стороны — изъ Элама-Мидіи. Народъ, проникшій отсюда въ Вавилонію и съ этихъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій доставляющій Вавилоніи ея царей, называется кашшу (касситы). Еще въ гораздо болѣе позднее время, при Санхерибѣ, въ Цагросѣ можно указать на остатки этого народа; мы вынуждены объяснить себѣ его появленіе изъ крупнаго народнаго потока, который съ востока и сѣверо-востока разлился по культурнымъ странамъ, подобно турецко-монгольскому нашествію, наводнившему эти мѣста нѣсколькими тысячелѣтіями позже. Мы знаемъ лишь немногое о той части этого народнаго потока, которая залила Вавилонію; каково было его отношеніе къ Эламу и къ другимъ захваченнымъ имъ странамъ, — это, быть-можетъ, разъяснятъ когда-нибудь позднѣйшія находки. Во всякомъ случаѣ, нашествіе этихъ варваровъ имѣло далеко не незначительные размѣры. Съ этихъ поръ мы часто встрѣчаемся въ Вавилоніи съ касситскими именами и притомъ у родовъ, пользующихся вліяніемъ. Къ смѣси расъ въ Вавилоніи была присоединена такимъ образомъ новая составная часть, и въ „смѣшеніи языковъ" при постройкѣ вавилонской башни слышатся звуки касситскаго языка, знакомые намъ только по сохранившемуся списку словъ и собственныхъ именъ. Третья вавилонская династія состояла изъ касситовъ; въ ней насчитывается 36 царей, и продолжалась она около 576 лѣтъ, отъ 1700 г. до начала XII столѣтія до Р. Х. Большинство этихъ царей извѣстно намъ по именамъ, и мы имѣемъ разнаго рода свѣдѣнія о событіяхъ этого времени изъ царскихъ и другихъ надписей, хотя здѣсь есть еще много пробѣловъ въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ.

Нѣкоторое понятіе о положеніи дѣлъ въ началѣ этого времени даетъ намъ надпись одного изъ государей этой династіи, быть-можетъ шестого, по имени Агумъ Какриме. Онъ называетъ себя „царемъ племенъ кашшу и аккадійцевъ" (=„вавилонянъ"), царемъ обширнѣйшей страны Вавилона, населившимъ многочисленными жителями страну Умліашъ (пограничную страну съ Эламомъ), царемъ Падана и Альвана (пограничныхъ областей съ Мидіей), царемъ Гутіума (сѣверныхъ вавилонянъ!), царемъ,

царствующимъ надъ „четырьмя странами свѣта“. Весь этотъ перечень титуловъ, несходный съ вавилонскимъ величаніемъ, указаніе въ этомъ титулѣ прежде всего на касситовъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ первыхъ царей изъ числа новыхъ побѣдителей; жившій позднѣе царь Караиндашъ уже носитъ обычный вавилонскій титулъ и лишь на концѣ прибавляетъ „царь племени кашшу“; преемники же его этотъ послѣдній титулъ откидываютъ. И эти варвары, слѣдовательно, скоро подчинились культурѣ: они сдѣлались вавилонянами.

Само собою разумѣется, что все это завоеваніе было возможно только при слабости Вавилоніи. Царство Хамму-раби (умерш. въ 2213 г.) пошло, значитъ, тѣмъ же путемъ, какъ и предшествовавшія, могущество его должно было быть сломлено, въ немъ должна была наступить смута и слабость, прежде чѣмъ варвары могли безъ труда усѣсться въ тепломъ гнѣздышкѣ. Объ этомъ мы и находимъ свидѣтельство въ только-что упомянутой надписи Агума Какриме, ибо надпись эта составлена по случаю торжества, устроеннаго вслѣдствіе привезенія обратно статуи Мардука, главнаго божества Вавилона. Утрата божества означаетъ для города полную беззащитность, уничтоженіе его городского самоуправленія, словомъ, обращеніе въ ничто, ибо божество своимъ присутствіемъ даруетъ городу покровительство и право на существованіе. Если при завоеваніи города увозится изъ него божество, то это является признакомъ уничтоженія самостоятельности и невозможности возстановить ее. Мардукъ былъ отвезенъ въ Хани, въ западную Мидію — но кто былъ завоеватель, и какія условія въ этихъ странахъ мы должны считать слѣдствіемъ великаго переселенія, къ которому принадлежали касситы, это мы можемъ себѣ представить только по аналогіи съ „царствомъ мидянъ“. Изъ Хани Агумъ Какриме привезъ Мардука обратно въ Вавилонъ, и такимъ образомъ провозгласилъ себя покровителемъ и настоящимъ царемъ Вавилона.

Эта слабость Вавилоніи и упадокъ „ханаанейскаго“ населенія еще яснѣе проявляются въ двухъ другихъ явленіяхъ этой эпохи: во времена касситовъ (1700—1100) происходитъ третье вторженіе семитовъ, арамейское; у Вавилоніи оспаривается власть ея надъ западомъ и наконецъ отнимается новою державой — Ассиріей, развившейся изъ „города-царства“ и расширяющею свое могущество. Имъ обѣимъ принадлежитъ будущее; касситы, прежніе властители Вавилоніи, раздѣляютъ судьбу своего царства, которое должно отказаться отъ верховной власти. Какъ верховное могущество съ юга вверхъ по теченію рѣки перемѣстилось въ Вавилонъ, такъ теперь оно перемѣщается далѣе въ Ассирію. Исторія передней Азіи со времени натиска Ассиріи, начинающагося приблизительно въ XVI столѣтіи, сосредоточивается на выясненіи и установленіи путемъ борьбы ея верховенства.

2. Борьба между Вавилономъ и Ассиріей.

A. **Вавилонъ подъ властью касситовъ.**

При касситской династіи начинается борьба между Ассиріей и Вавилоніей изъ-за власти надъ разсматриваемой культурной областью, за судьбами которой, благодаря все возрастающему количеству извѣстій, мы можемъ слѣдить лучше, чѣмъ за событіями предшествующихъ временъ. Эта борьба и ея исходъ — важнѣйшій вопросъ политической исторіи послѣдующей эпохи. Поэтому исторія Вавилона и Ассиріи интересуетъ насъ прежде всего постольку, поскольку событія въ этихъ странахъ соприкасаются и переплетаются. Мы имѣли такимъ образомъ двѣ параллельныя картины развитія, которыя всего лучше можно прослѣдить при одновременномъ описаніи. Съ другой стороны, Вавилонъ все время сохранялъ

свою самостоятельность, какъ государство, и, уже давно побѣжденный, подконецъ еще разъ остался побѣдителемъ. Въ началѣ борьбы бо́льшая сила была на его сторонѣ, и, даже находясь подъ вліяніемъ Ассиріи, Вавилонъ никогда не переставалъ имѣть свою собственную исторію и свое особое развитіе. Поэтому, если мы не хотимъ ограничиваться разсказомъ о войнахъ между Ассуромъ и Вавилономъ, если мы хотимъ быть справедливыми по отношенію къ Вавилону, который даже Ассирія признавала средоточіемъ древней культуры, то мы должны прослѣдить и исторію этого самостоятельнаго государства.

Мы уже видѣли, какою областью владѣлъ Агумъ Какриме, повелитель Вавилоніи: на Месопотамію и на Западъ власть его больше не простирается (причины этого изложены при разсмотрѣніи развитія этихъ мѣстностей). Слѣдующая извѣстная намъ надпись, а именно упомянутая уже надпись царя Караиндаша, указываетъ только на господство надъ Вавилоніей. Мы увидимъ, что попытки снова отвоевать Месопотамію были сдѣланы лишь тогда, когда Ассирія вытѣснила тамошнихъ правителей; въ Палестинѣ господство Вавилоніи было замѣнено господствомъ Египта. Повидимому Караиндашъ, принадлежа къ касситской династіи, былъ въ то же время главою новой династіи: по крайней мѣрѣ его преемники въ своихъ письмахъ говорятъ о немъ такъ, что это можно предположить. Время его жизни — приблизительно 1500 лѣтъ до Р. Х.: кромѣ упомянутой надписи, намъ извѣстно о немъ только то, что онъ заключилъ договоръ съ Ассиріей и велъ переписку съ египетскимъ царемъ.

Послѣдній фактъ сообщается въ посланіи, отправленномъ лѣтъ на 50—70 позже его преемникомъ Бурнабуріашемъ Аменготепу IV; мы уже узнали объ этомъ посланіи, благодаря пожалуй самой замѣчательной изъ всѣхъ поразительныхъ находокъ въ почвѣ древняго Востока. Зимою 1887—88 года въ Тель-Амарнѣ въ среднемъ Египтѣ, на мѣстѣ резиденціи Аменготепа IV, найдено было болѣе 300 глиняныхъ таблицъ съ клинообразными надписями, представляющими собою незначительную часть государственнаго архива и содержащими въ себѣ письма, обращенныя передне-азіатскими царями и сирійско-палестинскими вассальными владѣтелями къ Аменготепу III и IV. Въ первой группѣ есть письма царей Вавилона, Ассура, племени митани (въ Месопотаміи), царя хаттовъ и другихъ. Само собою разумѣется, что эти письма разъясняютъ намъ важнѣйшіе вопросы изъ исторіи передняго Востока, и намъ впослѣдствіи постоянно придется руководствоваться данными, сообщенными въ этихъ таблицахъ. Вавилонскія таблицы, особенно важныя для насъ, здѣсь, правда, ничего не сообщаютъ о величіи и могуществѣ Вавилоніи; но самое существованіе всей коллекціи тѣмъ краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ о значеніи Вавилоніи въ прошедшія уже времена: надписи сдѣланы клинообразнымъ письмомъ, и всѣ, за исключеніемъ трехъ, написаны на вавилонскомъ семитическомъ языкѣ. Еще краснорѣчивѣе тотъ фактъ, что и два находящіяся въ этой коллекціи письма фараона, одно къ царю Вавилона, другое къ сѣверо-палестинскому вассалу, также составлены такимъ образомъ. Значитъ, клинообразное письмо и вавилонскій языкъ были въ то время средствомъ взаимнаго пониманія на всемъ переднемъ Востокѣ; а для того, чтобы изучить это письмо и этотъ языкъ, необходимо было знакомство съ вавилонской литературой. Это болѣе, чѣмъ достаточно, доказываютъ найденныя тамъ же таблицы съ вавилонскимъ миѳомъ, написаннымъ въ Вавилонѣ и очевидно служившимъ для обученія вавилонскому языку въ Египтѣ.

Двухъ царей, отъ которыхъ до насъ дошло въ общей сложности 11 писемъ къ обоимъ указаннымъ фараонамъ, зовутъ Кадашманъ-Белъ и Бурнабуріашъ: первый обращается къ Аменготепу III въ послѣдніе годы его царствованія, второй къ его преемнику. Оба эти царя были, быть-мо-

жетъ, братьями, и младшій свергъ съ престола старшаго. О крупныхъ государственныхъ дѣяніяхъ письма въ общей сложности ничего не повѣствуютъ. Они прежде всего касаются браковъ между обоими царскими домами; фараонамъ доставили въ гаремъ вавилонскихъ принцессъ; но сами они были не столь щедры въ своихъ отвѣтныхъ дарахъ: вавилонскимъ царямъ, по крайней мѣрѣ, не присылается принцессъ. Подходящей темой для пера Марка Твэна могли бы служить подарки, о которыхъ въ таблицахъ говорится наиболѣе обстоятельно. Какъ вавилоняне, такъ и прочіе цари самымъ недвусмысленнымъ образомъ клянчатъ у фараона подачекъ; все, что онъ посылаетъ, оказывается всегда недостаточнымъ, деньги подвергаются провѣркѣ посредствомъ плавильной печи, монета признается сдѣланною изъ сплава, и постоянно требуется все въ большемъ количествѣ и лучшаго качества.

Въ историческомъ смыслѣ важнѣе взаимныя отношенія обѣихъ культурныхъ областей; отношенія эти выражаются въ томъ, что Вавилонія (и даже Митани) посылаетъ въ видѣ даровъ (повидимому впрочемъ и въ качествѣ заказовъ) произведенія своей промышленности, между прочимъ и столь любимый лаписъ-лазури, искусственно приготовлявшійся въ Вавилонѣ. Египетъ же посылаетъ главнымъ образомъ золото. Дипломатическіе переговоры, повидимому, предоставляются всего чаще устнымъ сношеніямъ и уму подкупленныхъ царедворцевъ; ибо политическіе вопросы рѣдко обсуждаются письменно. Одно письмо однако представляетъ интересъ въ бытовомъ отношеніи. Вавилонскіе торговцы, посланные царемъ (цари также вели торговыя дѣла и при этомъ съ нихъ, кажется, не взималось пошлинъ), были схвачены однимъ палестинскимъ князькомъ въ Акко, откуда они повидимому хотѣли переправиться въ Египетъ, и подверглись жестокому обращенію (о причинѣ ничего не сообщается). Тогда вавилонскій царь требуетъ у фараона освобожденія плѣнниковъ и возмѣщенія убытковъ, такъ какъ Акко находится подъ верховной властью египетскаго царя. Политическій споръ ведется только одинъ разъ. Ассирійскій царь Ассуръ-убаллитъ встрѣтилъ согласіе и вѣроятно также одобреніе при египетскомъ дворѣ относительно своихъ завоевательныхъ плановъ насчетъ Вавилоніи. Бурнабуріашъ указываетъ на невозможность такого образа дѣйствій, такъ какъ Ассирія — его вассальное владѣніе, а потому съ нею онъ не можетъ вести прямыхъ переговоровъ. При этомъ онъ указываетъ на правильный образъ дѣйствій своего отца Куригальцу, который отказался отъ какой бы то ни было измѣны Египту, когда однажды подданные Египту ханаанеяне побуждали его дѣйствовать съ ними заодно. Что эта вѣрность не стояла выше всякихъ сомнѣній, какъ можно допустить, судя по этимъ увѣреніямъ въ дружбѣ, и что въ Египтѣ не особенно-то довѣряли теплому другу египетскаго золота, доказывается тѣмъ фактомъ, что финикійскіе князья, желая очернить одного изъ своей среды при дворѣ, бросали на него подозрѣніе въ томъ, что онъ тайный приверженецъ царя Митани, Хатти или Каша, т.-е. вавилонскихъ касситовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько позднѣе, когда послѣ смерти Аменготепа IV наступили смуты въ Египтѣ, Вавилонія сдѣлала попытку снова завладѣть западомъ. Несмотря на безпокойство, внушаемое Бурнабуріашу расширеніемъ предѣловъ Ассиріи и выражаемое въ письмѣ къ Аменготепу IV, несмотря на войны, которыя онъ велъ съ Ассиріей, Бурнабуріашъ (что вполнѣ возможно) далъ въ главныя жены своему сыну Карахардашу дочь энергичнаго Ассуръ-убаллита; сынъ ихъ, Кадашманъ-харбе, сдѣлался наслѣдникомъ, что служитъ доказательствомъ вліянія Ассиріи. Этотъ-то вавилонскій царь и сдѣлалъ упомянутую попытку снова утвердиться на западѣ. Правда, въ это же время Ассирія наложила руку на Месопотамію, а поэтому Вавилоніи ничего не оставалось, какъ проложить себѣ путь черезъ сирійскую пустыню. Путь

этотъ Кадашманъ-харбе постарался обезпечить за собою при помощи наказанія кочующихъ тамъ племенъ, Сути, и, при помощи устройства колодцевъ, замковъ и мѣстечекъ, населенныхъ вавилонянами, обратить его въ проѣзжую дорогу, дѣлающую возможными сношенія съ моремъ и излишнимъ обходъ черезъ Месопотамію. Этотъ царь ассирійскаго происхожденія былъ, повидимому, болѣе серьезнымъ противникомъ Ассура, чѣмъ всѣ прочіе. Возможно, что онъ имѣлъ въ виду возстановленіе того, что было раньше; во всякомъ случаѣ, онъ созналъ, что разумнѣе уступить грозному сопернику нѣкоторыя области (которыя еще предстояло покорить) и въ то же время лишить эти области ихъ главнаго значенія, отвлекая отъ нихъ столь важныя для Вавилоніи сношенія. Дѣйствительно это было бы рѣшеніемъ жгучаго въ то время спорнаго вопроса относительно того, кому должна принадлежать Месопотамія. Можетъ-быть, Кадашманъ-харбе пришелъ къ мирному соглашенію съ Ассиріей относительно своего плана; если бы онъ провелъ этотъ планъ, то во всякомъ случаѣ заявилъ бы себя человѣкомъ, который умѣетъ поддержать свою власть болѣе сильными средствами, чѣмъ оружіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда промышленное государство Вавилонъ сталкивалось съ военнымъ государствомъ Ассиріей.

Кадашманъ-харбе, вѣроятно, царствовалъ недолго; онъ былъ убитъ, сдѣлавшись жертвою мятежа, произведеннаго *касситами*. Каковъ былъ непосредственный поводъ къ этому возстанію — намъ не сообщается; болѣе глубокая причина его, вѣроятно, кроется въ томъ, что цари и правящіе классы касситовъ въ это время (послѣ 1400 г.) успѣли вавилонизироваться, т.-е. чувствовали и должны были чувствовать себя вавилонянами. Та часть касситовъ, которая ничего не получила при дѣлежѣ добычи или утратила свою долю при торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ, составляла партію *недовольныхъ*, стремившихся къ возвращенію стараго порядка, когда касситъ былъ господиномъ, а вавилонянинъ — эксплоатируемымъ. Поэтому мятежники посадили на престолъ человѣка низкаго происхожденія, котораго въ обѣихъ упоминающихъ объ этомъ событіи лѣтописяхъ называютъ Шуцигашемъ и Нацибугашемъ,—„ничьимъ сыномъ“. Для дѣда Ассуръ-убаллита, который все еще былъ живъ и съ неустанною дѣятельностью расширялъ предѣлы своего царства, это было весьма удобнымъ поводомъ для того, чтобы обезпечить *верховную власть Ассиріи*. Онъ явился въ Вавилонъ въ качествѣ мстителя за своего внука и возстановителя порядка, подавилъ возмущеніе и заставилъ короновать царемъ Куригальцу несовершеннолѣтняго сына своего убитаго внука.

Но сила вещей все-таки могущественнѣе родственныхъ отношеній и благодарности за благодѣянія, оказанныя съ сомнительными побужденіями. Пока живъ былъ Ассуръ-убаллитъ, а затѣмъ при его сыновьяхъ, Ассирія занята была пріобрѣтеніемъ Месопотаміи. Когда же Рамманъ-нирари I изгналъ оттуда племя митани, то *Вавилонъ*, въ которомъ учрежденія Кадашмана-харбе навѣрное давно пришли въ упадокъ, долженъ былъ снова стараться *удержать за собою Месопотамію*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сношенія съ западомъ. Такъ какъ, однако, область эта находилась во власти Ассиріи, то неизбѣжна была борьба между Ассиріей и Вавилономъ. При Куригальцу и Рамманъ-нирари I начинаются войны между обоими этими государствами изъ-за Месопотаміи.

У насъ имѣется интересное извѣстіе объ одной *войнѣ вавилонскаго царя* Куригальцу *противъ* Хурбатилы, царя Элама; Куригальцу побѣдилъ его на вавилонской землѣ, т.-е. когда Хурбатила вторгся въ Вавилонію, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ. Вѣроятно, Куригальцу не ограничился этой побѣдой, такъ какъ на задней сторонѣ одной надписи, посвященной урукской Нанѣ однимъ подданнымъ царя Дунги, принадлежавшаго къ древней династіи Ура (см. выше, стр. 13), написано: „Куригальцу, царь Кардуніаша (титулъ касситскихъ царей Вавилоніи) завоевалъ дво-

рецъ города Шаши (Сузы? въ другихъ случаяхъ называемой Шушанъ) въ Эламѣ и (эту таблицу) подарилъ за свою жизнь Белитѣ (Ниппурской)“. Эта таблица была слѣдовательно какъ-нибудь украдена изъ Урука во время одного похода эламитовъ, затѣмъ во время побѣдоноснаго похода Куригальцу въ Эламъ была найдена (въ одномъ храмѣ богини Шушинакъ, упоминаемомъ у Ассурбанипала) и положена была царемъ въ ниппурскомъ храмѣ. Черезъ 1200 лѣтъ послѣ своего возникновенія, во время американскихъ раскопокъ, надпись эта была снова открыта и привезена въ Константинополь: странная судьба постигаетъ не однѣ только книги!

Эти войны доказываютъ намъ, что уже въ это время наступили обстоятельства, которыя мы постоянно видимъ въ послѣдующую эпоху: Вавилонія становится желанной добычей, которой добиваются Ассирія и Эламъ! Пока Вавилонія еще является равноправной обоимъ этимъ царствамъ и, хотя иногда побѣждается, за то иной разъ является побѣдительницей. Борьбою этой наполнены слѣдующія столѣтія вплоть до конца Ассиріи. Въ послѣднее время Вавилонія дѣлается вассальнымъ государствомъ одного изъ указанныхъ царствъ.

И въ данномъ случаѣ можно усмотрѣть то же самое взаимодѣйствіе обстоятельствъ. Вскорѣ послѣ Куригальцу Вавилонія и Вавилонъ подпадаютъ подъ власть Тукульти-Ниниба ассирійскаго, какъ мы увидимъ при разсмотрѣніи ассирійской исторіи (см. ниже, стр. 52). Незадолго передъ этимъ, подъ властью Белъ-надинъ-шума, царствовавшаго только $1^1/2$ года, въ Вавилонію вторгается Китинъ-хутруташъ, царь эламскій, разоряетъ Дуръ-илу, вавилонскій городъ, къ которому выходитъ эламская дорога, и покоряетъ Ниппуръ, любимый городъ касситовъ, вѣроятно часто служившій имъ резиденціей. Второй походъ, окончившійся въ такомъ же родѣ, эламитъ предпринялъ при второмъ преемникѣ вавилонскаго царя, Рамманъ-шумъ-иддинѣ, посаженномъ Тукульти-Нинибомъ; при этомъ особенно пострадалъ Изинъ: многіе печальные псалмы въ тонѣ покаянныхъ пѣсенъ оплакиваютъ разореніе страны и особенно вышеупомянутыхъ городовъ. Въ теченіе тысячелѣтій вавилонской исторіи подобныя обстоятельства, правда, повторялись не разъ; но псалмы эти вполнѣ подходятъ къ той эпохѣ и, если возникли и не въ это время, то составлены изъ сходныхъ съ ними болѣе древнихъ пѣсенъ и раздавались тогда въ вавилонскихъ храмахъ. Говоря объ Эламѣ (глава „Эламъ“), мы увидимъ, что при послѣднихъ царяхъ династіи Вавилонія большею частью находилась подъ верховной властью Элама.

Ясно, что мы опять имѣемъ дѣло съ концомъ извѣстнаго періода. Давно вавилонизированные касситы сыграли свою роль, касситская династія приближается къ концу. Въ ней насчитываются только еще четыре царя; изъ нихъ, повидимому, только Мардукъ-аплу-иддинъ (Меродахъ-баладанъ I) оказывалъ успѣшное сопротивленіе Ассиріи и владѣлъ Месопотаміей. Перемѣна династій какъ всегда, указываетъ на эпоху смутъ и слабости; на престолъ восходитъ рядъ царей, задачей которыхъ является сопротивленіе Ассиріи и возобновленіе борьбы за Месопотамію.

36 касситскихъ царей, насколько намъ теперь достовѣрно извѣстно, и важнѣйшія событія ихъ времени были слѣдующія.

Гандишъ царствуетъ 16 лѣтъ. Агумъ-ши (сокращенное имя) 22 года. Гуяши 22 года. Ушки, 8 (?) лѣтъ. Адудашъ-меташъ. Ташши-гурумашъ. Агумъ-Какриме, преемникъ предыдущаго (? см. стр. 16 и ниже стр. 97). Пробѣлъ. Караиндашъ (новая династія?), сношенія съ Египтомъ; союзъ съ Ассиріей. Пробѣлъ: пропущенъ одинъ или нѣсколько царей? Кадашманъ-Белъ; переписка съ Аменготепомъ III. Бурнабуріашъ I, современникъ Аменготепа III; договоръ съ Пуссуръ-Ассуромъ ассирійскимъ. Куригальцу I, сношенія съ Аменготепомъ III, въ Ассиріи — съ Ассуръ-надинъ-ахи. Бурнабуріашъ II, сынъ Куригальцу I (сдѣлался царемъ, насильственно лишивъ своего предшественника престола?), переписка съ Аменготепомъ IV; Ассуръ-убаллитъ расширяетъ свою власть. Кара-хардашъ, сынъ предыдущаго; жена его Мубаллитатъ-херуа, дочь Ассуръ-убаллита; въ Ассиріи вѣроятно Белъ-нирари и Пуду-илъ. Кадашманъ-

харбе, сынъ вышеуказанныхъ супруговъ (см. стр. 51); попытка установить связь съ Западомъ черезъ пустыню, такъ какъ Месопотамія находится въ рукахъ племени митани; былъ убитъ. Шуцигашъ (или Нацибугашъ, см. выше, стр. 20). Куригальцу II, сынъ Кадашмана-харбе, посаженный на престолъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ своимъ прадѣдомъ Ассуръ-убаллитомъ, царствовалъ очень долго. Война съ Хурбатилой эламскимъ (см. стр. 98); въ Ассиріи: Белъ-нирари, Пуду-иль, Рамманъ-нирари I, Наци-марутташъ, сынъ предыдущаго, 26 лѣтъ; война съ Рамманъ-нирари I. Кадашманъ-тургу, 17 лѣтъ; въ Ассиріи: Рамманъ-нирари I, который теперь, послѣ изгнанія племени митани и оттѣсненія Вавилоніи, владѣетъ Месопотаміей, и Салманассаръ I. Кадашманъ-Буріашъ, 2 года; война съ Салманассаромъ I, главнымъ образомъ изъ-за Месопотаміи. Кудуръ-бель, 6 лѣтъ. Шагаракти-суріашъ 13 лѣтъ; современникъ Салманассара I. Бибеяшу, сынъ предыдущаго 8 лѣтъ; Тукульти-Нинибъ одерживаетъ побѣду надъ Вавилоніей, Бельнадинъ-шумъ I $1^1/_2$ года; вторженіе Элама (см. стр. 21 и стр. 99). Кадашманъ-харбе II; при немъ (?) ассиріецъ Тукульти-Нинибъ покорилъ Вавилонъ (см. стр. 52). Подъ его верховной властью въ Вавилонѣ управляетъ въ теченіе 6 лѣтъ Рамманъ-шумъ-иддинъ; новое вторженіе эламитовъ. Возстаніе (см. стр. 52) изгоняетъ ассирійцевъ, и на престолъ вступаетъ Рамманъ-шумъ-уссуръ. Мелишиху 15 лѣтъ; въ Ассиріи безпорядки и слабость, затѣмъ новое расширеніе предѣловъ. Мардукъ-аплу-иддинъ I владѣетъ Месопотаміей; въ Ассиріи Нинибъ-апалъ-екуръ и Ассурданъ. Цамама-шумъ-иддинъ, 1 годъ; война съ Ассурдакомъ (стр. 53 вверху). Белъ-надинъ-ахи 3 года, современникъ Ассурдана (см. стр. 98 внизу).

Въ общей сложности, въ этой династіи, судя по одному списку, насчитывается 36 царей, процарствовавшихъ 576 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, приблизительно отъ 1700 до 1130 года.

Б. **Династія Паше.**

Новая династія въ спискѣ царей называется династіей Паше, по имени одной изъ частей города Вавилона; Небукаднесаръ I, имѣвшій всего больше успѣха изъ царей этого дома, называетъ себя „сыномъ Вавилона“; значитъ, эта царская фамилія, обнимающая 11 царей и промежутокъ времени въ 132 года (приблизительно 1130—1000), стремится къ тому, чтобы ее считали національной. Насколько мы можемъ судить, въ это время положеніе дѣлъ становится такимъ, какъ мы могли ожидать въ виду обстоятельствъ, при которыхъ новая династія вступила на престолъ. Какъ и въ концѣ правленія касситской династіи, Вавилону приходится сопротивляться Эламу и Ассиріи и отвоевывать или стараться удержать за собою Месопотамію. О первыхъ двухъ (или трехъ) царяхъ изъ этой династіи намъ ничего неизвѣстно.

Третій (или четвертый) царь, Небукаднесаръ I (Навуходоносоръ), является побѣдителемъ въ войнахъ съ Эламомъ, обладателемъ Месопотаміи и „Запада“; слѣдовательно онъ — и притомъ въ послѣдній разъ—распространилъ верховную власть Вавилоніи до Средиземнаго моря. Войны его съ Эламомъ показываютъ, что при его предшественникахъ, быть-можетъ, уже при послѣднихъ касситахъ, печальное положеніе страны, обнаружившееся при вторженіяхъ Китинъ-хутруташа, еще ухудшилось. Даже Вавилонъ былъ взятъ (не случилось ли это по случаю перемѣны династіи?), и статуя Мардука была увезена въ Эламъ. Такое похищеніе божества означало (см. выше, стр. 17) утрату національной самостоятельности, приведеніе страны въ вассальную зависимость: какъ Мардукъ служилъ теперь въ храмѣ чужого бога, такъ и повелитель Вавилона уже больше не былъ царемъ, а былъ лишь слугою эламита. Поэтому, пока изображеніе божества не было привезено назадъ въ Вавилонъ, Небукаднесаръ назывался не царемъ, а только намѣстникомъ Вавилона. Лишь послѣ того, какъ онъ привезъ обратно статую Мардука, что возможно было только послѣ рѣшительной побѣды надъ Эламомъ, Небукаднесаръ сталъ носить титулъ „царя Вавилона“. До насъ дошли пѣсни, въ которыхъ оплакивается похищеніе Мардука изъ Вавилона и воспѣвается его возвращеніе. На нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, это, повидимому, положило конецъ расширенію предѣловъ Элама.

Прочія свѣдѣнія объ этой династіи мы почерпаемъ изъ извѣстій о борьбѣ съ Ассиріей. При изученіи ассирійской исторіи мы увидимъ, что успѣхи Небукаднесара еще долгое время вліяли на ходъ дѣлъ, и что усиленіе Ассиріи, которое при Тиглатъ-Пилезерѣ I привело къ покоренію Вавилона, имѣло характеръ преходящій.

Списокъ царей династіи Паше, при помощи вавилонскаго списка царей и другихъ свѣдѣній, мы пока можемъ составить такимъ образомъ:

? (имя обломлено=Мардукъ-ахи-ирба?), 17 (?) лѣтъ; въ Ассиріи Ассуръ-данъ; (вассалъ Элама?).? (обломлено), 6 лѣтъ; въ Ассиріи Мутаккиль-Нуску; (вассалъ Элама?). Небукаднесаръ I (или еще одинъ царь передъ нимъ) обладаетъ Месопотаміей; въ Ассиріи Ассуръ-ришъ-иши. Бельнадинъ-апли; Месопотамія отвоевывается Ассиріей. Мардукъ-надинъ-ахи борется съ Тиглатъ-Пилезеромъ I, у котораго снова отвоевываетъ Месопотамію. Мардукъ-шапикъ-циръ (-мати), современникъ Ассура-бель-кала, въ царствованіе котораго умираетъ. Послѣ него на престолъ возводится Рамманъ-аплу-иддинъ, „ничей сынъ"; дочь его выходитъ замужъ за Ассура-белъ-кала. царствуетъ 22 года (или, если вначалѣ передъ Небукаднесаромъ I царствовали три царя, то Рамманъ-аплу-иддинъ). Мардукъ-. . . . $1^1|_2$ года. Мардукъ-циръ- . . . 13 лѣтъ. Набу-шумъ . . . . 9 лѣтъ. Данныя о послѣднихъ четырехъ царствованіяхъ извѣстны только изъ списка царей; другихъ данныхъ о послѣднихъ царяхъ изъ династіи Паше у насъ не имѣется.

B. **Эламиты и другіе чужестранцы, какъ обладатели Вавилоніей.**

Слѣдующіе годы характеризуются частой смѣной династій и недостаточнымъ количествомъ дошедшихъ до насъ извѣстій; объ Ассиріи также ничего не слышно. Списокъ царей и весьма краткая хроника содержатъ въ себѣ слѣдующія указанія:

Сибаръ-шиху 17 лѣтъ: „сынъ Ирба-Сина, изъ династіи Дамикъ-Мардука, убитъ, похороненъ во дворцѣ Саргона". Эа-мукинъ-шумъ, 5 (или 3) мѣсяцевъ. Кашшу-надинъ-ахи, 3 (или 6) года.

Эти трое называются „династіей Приморской страны", т.-е. страны при Персидскомъ заливѣ, при устьѣ рѣкъ. Изъ болѣе поздняго извѣстія о постройкахъ мы видимъ, что эти цари принимали участіе въ постройкѣ храма бога солнца въ Сиппарѣ, и что поводомъ къ этому послужило разграбленіе племени сути въ предшествующія времена. Съ этими сути, кочевниками сирійской пустыни, мы ознакомились уже, говоря о Кадашманѣ-харбе I (см. выше, стр. 20). Теперь они, какъ и незадолго передъ тѣмъ, безпрепятственно вторгаются въ Вавилонію и тамъ угрожаютъ даже городамъ. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собою часть новаго переселенія. Это самое главное, что мы отсюда извлекаемъ; явленіе это дополняется тѣмъ фактомъ, что Вавилонъ находится подъ властью чужеземныхъ повелителей. Относительно національности этихъ трехъ „приморскихъ" царей слѣдуетъ замѣтить, что частью ихъ имена, частью ихъ прозвища заставляютъ усматривать въ нихъ остатокъ касситскаго величія, которое, значитъ, на крайнемъ югѣ продолжалось долѣе, чѣмъ на сѣверѣ.

Три слѣдующихъ царя въ спискѣ и въ хроникѣ называются „династіей Баци", по имени эламскаго пограничнаго округа. Имена и время царствованія ихъ слѣдующія:

Э-дубаръ-шукамуна, царствуетъ 17 (или 15) лѣтъ. Нинибъ-кудуръ-уссуръ, царствуетъ 3 (2) года. Шилани-Шукамуна, только 3 мѣсяца.

Затѣмъ одинъ царь считается принадлежащимъ къ особой династіи, и этотъ царь по происхожденію эламитъ. Итакъ, мы видимъ, что Вавилонія совершенно безпомощна и попадаетъ въ руки всякаго чужеземнаго завоевателя: прежде всего эламита, если этотъ послѣдній не вытѣсняется Ассиріей. Время этихъ трехъ династій обнимаетъ періодъ приблизительно между 1000—960 гг., по истеченіи котораго мы видимъ усиленіе Ассиріи, до тѣхъ поръ безсильной.

Кто свергъ эламита или вообще водворилъ у кормила правленія новую династію, этого мы не знаемъ. Списокъ царей съ этихъ поръ попорченъ, а приблизительно до 750 г. мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій, кромѣ ассирійскихъ. Изъ этихъ послѣднихъ данныхъ мы хотя и не можемъ почерпнуть свѣдѣній объ отдѣльныхъ царствованіяхъ, однако можемъ составить совершенно ясное понятіе о его характерныхъ признакахъ разсматриваемой эпохи.

Г. Халдеи.

Сдѣлавшись предметомъ раздора между обоими крупными государствами, Ассиріей и Эламомъ, Вавилонія наводняется въ это время такимъ же вторженіемъ, какое произвели усѣвшіеся здѣсь и въ теченіе столѣтій вавилонизировавшіеся семиты. Это вторженіе представляетъ собою наиболѣе ясную картину періодическихъ захватовъ власти, въ родѣ тѣхъ, какіе мы видимъ при водвореніи евреевъ въ Палестинѣ. Халдеи съ этихъ поръ проникаютъ въ Вавилонію, населяютъ страну, открытую со всѣхъ сторонъ, и стараются завладѣть городами.

Сколько ни было говорено въ послѣдующія времена о халдеяхъ, сколько ни имѣется у насъ отдѣльныхъ извѣстій объ ихъ отношеніи къ Вавилоніи, однако мы еще не можемъ составить себѣ достаточно яснаго понятія о ихъ національныхъ особенностяхъ. Всѣ халдеи, о которыхъ вообще упоминается, носятъ уже вавилонскія имена; мы не можемъ сказать, что вмѣстѣ съ водвореніемъ халдеевъ въ Вавилоніи тамъ утвердилось новое нарѣчіе, такъ что нѣтъ возможности указать на ихъ принадлежность къ той или другой расѣ. Впрочемъ, такъ какъ они явственнымъ образомъ подвинулись съ юга и сначала заняли области у Персидскаго залива, то въ нихъ заранѣе слѣдуетъ усматривать семитовъ, вторгшихся изъ восточной Аравіи, между тѣмъ, какъ предыдущія вторженія происходили болѣе съ запада, сначала въ Месопотамію и сѣверную Вавилонію. Такимъ образомъ, переселеніе халдеевъ происходитъ между переселеніями арамеевъ и арабовъ; халдеи, слѣдовательно, являются ближайшими родственниками одной изъ этихъ народныхъ группъ, или сами принадлежатъ къ одной изъ нихъ. Если они были семиты, то весьма легко объясняется ихъ быстрое примѣненіе къ вавилонскимъ условіямъ, такъ какъ въ Вавилоніи уже жили племена, близкія имъ по языку; ибо какъ мы еще увидимъ, арамейскія племена уже успѣли въ то время наводнить Вавилонію. Съ такимъ взглядомъ вполнѣ согласуется все то немногое, что до сихъ поръ можетъ быть сказано для характеристики халдеевъ. У Бероза Уръ, городъ луны, называется *Καμαρίνη*: этого нельзя объяснить ни изъ какого другого языка, кромѣ арабскаго, въ которомъ qamar означаетъ „луна“. Вожди халдеевъ называются ra'sani: это арабское произношеніе слова, означающаго „вождь“ (по-еврейски ro'sh). Единственное божество, культъ котораго можетъ считаться введеннымъ халдеями, это богъ войны или равносильный ему богъ, обозначаемый именемъ Гирра, котораго возвеличиваютъ Набополассаръ, Небукаднесаръ и Нериглиссоръ.

Итакъ, съ этихъ поръ мы видимъ въ Вавилоніи, на ряду съ нѣсколькими арамейскими племенами, извѣстное число халдейскихъ княжествъ или племенъ, которыя вавилоняне и ассирійцы называютъ „домомъ“ (bît) ихъ княжеской фамиліи. Княжества эти слѣдующія: Битъ-Іакинъ, „Приморская страна“, касситскихъ государей, которыхъ, быть-можетъ, уже принимавшихъ участіе въ новомъ движеніи, мы только-что видѣли на престолѣ Вавилона (см. карту „Вавилонія, Ассирія и сосѣднія страны въ 1000—745 гг.“, при стр. 56), Битъ Са'алли, Битъ-Шилани, Битъ-Амуккани, Битъ-Адини, Битъ-Дакури (въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Вавилономъ и Борсиппой) и другія. Ихъ князья, разумѣется, имѣютъ

цѣлью завладѣть ближайшими крупными городами и въ концѣ концовъ сдѣлаться царями Вавилона. Халдей является третьимъ соискателемъ вавилонскаго царскаго вѣнца, рядомъ съ Ассуромъ и Эламомъ; вавилонское населеніе становится все менѣе способнымъ къ поддержанію своей самостоятельности. Явленія, проистекающія отсюда, отличаются измѣнчивымъ характеромъ. Большею частью халдеи и эламиты дѣйствуютъ заодно, между тѣмъ какъ ассирійскіе цари стараются придать себѣ видъ защитниковъ національной самостоятельности или того, чему они сами приблизительно дали бы такое названіе. Борьба эта преисполнена постоянныхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону, пока послѣ пораженія Ассиріи халдеи не достигаютъ своей цѣли, и Вавилонъ, подъ управленіемъ халдейской династіи, еще разъ не занимаетъ положенія великой державы.

Относительно того времени, когда Ассирія еще не возстановила своей власти надъ Вавилоніей, мы можемъ достовѣрно сказать весьма немногое, развѣ только то, что между обоими государствами происходили войны. Первымъ царемъ новой династіи былъ, можетъ-быть, Набу-кинъ-апли, процарствовавшій по меньшей мѣрѣ 26 лѣтъ. Въ одномъ памятникѣ изъ его времени ему, повидимому, приписывается господство надъ Месопотаміей (въ 960 г.). Въ такомъ случаѣ это былъ послѣдній царь, который могъ этимъ похвалиться; ибо именно въ это же время и ассирійскіе цари, и притомъ съ этихъ поръ непрерывно, носятъ титулъ обладателей Месопотаміи. Судя по списку царей, преемникъ упомянутаго царя (имя его обломлено) царствовалъ 6 мѣсяцевъ и 12 дней; затѣмъ въ спискѣ царей наступаетъ большой пробѣлъ до Набонассара (съ 747 г.). Нѣкоторыхъ царскихъ именъ (по крайней мѣрѣ двухъ) мы не можемъ возстановить изъ другихъ источниковъ. Затѣмъ намъ извѣстенъ Шамашъ-мудаммикъ по своей войнѣ съ Ассиріей при Рамманѣ-нирари II. Онъ умеръ во время этой войны, и царемъ сдѣлался при помощи Ассиріи Набу-шумъ-ишкунъ. Значитъ, онъ былъ вѣроятно вавилоняниномъ, предшественникъ же его — халдеемъ. Съ этимъ согласуется то, что одинъ изъ его преемниковъ, враждебно относившійся къ Ассиріи, былъ, повидимому, халдеемъ. Потомъ слѣдуетъ (можетъ-быть) неизвѣстный царь. Послѣ него Набу-аплу-иддинъ царствовалъ по крайней мѣрѣ 31 годъ и умеръ въ 854 г. Онъ былъ противникомъ Ассуръ-назиръ-пала и Салманассара и пытался при первомъ проникнуть въ Месопотамію вверхъ по Евфрату. Въ 879 г. онъ поддерживалъ противъ Ассиріи князя Сухи на Евфратѣ, находившагося подъ вліяніемъ Вавилона; но Ассуръ-назиръ-палъ разбилъ вавилонское резервное войско. Манера, съ которой онъ говоритъ объ этой побѣдѣ, даетъ право предполагать, что Набу-аплу-иддинъ былъ халдей; и съ этимъ согласуется то рвеніе, съ какимъ онъ выставляетъ себя добрымъ вавилоняниномъ въ своей собственной надписи, касающейся постройки сиппарскаго храма. Въ его царствованіе Асирія еще не рѣшалась посягать на самый Вавилонъ: Ассуръ-назиръ-палъ довольствовался Месопотаміей и впослѣдствіи, повидимому, распространилъ свою власть на сѣверную Вавилонію и занялъ область прежняго „Царства четырехъ странъ свѣта“.

Когда въ 854 г. Набу-аплу-иддинъ умеръ, то смерть его, чтó представляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій на Востокѣ, вызвала споръ за престолъ между двумя его сыновьями, Мардукъ-надинъ-шумомъ и Мардукомъ-белъ-узати. Оба, вѣроятно, по завѣщанію покойнаго, такъ подѣлили между собой Вавилонію, что первый получилъ сѣверную Вавилонію съ Вавилономъ, второй же — южную Вавилонію, а съ нею вѣрно и страну, откуда происходили халдеи. Разумѣется, тотчасъ же разразилась война между халдейскими князьями и вавилонскимъ царемъ, и, какъ всегда, толпы халдеевъ оказались сильнѣе вавилонянъ. Тогда вавилонянинъ Мардукъ-надинъ-шумъ призвалъ на помощь ассирійца Салманассара II, т.-е. сдѣлался вассаломъ послѣдняго; и ассиріецъ конечно сумѣлъ

воспользоваться столь удобнымъ случаемъ достигнуть цѣли ассирійской политики — фактическаго господства надъ Вавилоніей. Передъ его опытными въ военномъ дѣлѣ отрядами „халдейскіе мужики" Мардука-бельузати бѣжали назадъ въ свои болота. Салманассаръ вступилъ въ вавилонскіе города, принесъ жертвы, какъ верховный владыка страны, и принялъ отъ халдейскихъ князей изъявленія покорности. Мардукъ-надинъ-шумъ царствовалъ подъ покровительствомъ Ассиріи. Сѣверъ Вавилоніи, область „Царства четырехъ странъ свѣта", вѣроятно, находившаяся уже со временъ Ассуръ-надинъ-пала подъ непосредственнымъ управленіемъ Ассиріи, разумѣется, съ самаго начала былъ въ рукахъ Салманассара. Есть даже вѣроятіе, что въ концѣ своего царствованія, когда возстаніе его сына Ассуръ-данинъ-пала изгнало его изъ Ассиріи, онъ опирался на эту часть своего царства, и что отсюда и изъ Месопотаміи сынъ его Шамши-Рамманъ покорилъ Ассирію.

Невозможность сдѣлать въ это время рѣшительное нападеніе на Вавилонію должна была дать постоянно выжидающимъ халдеямъ случай къ движенію впередъ. Поэтому, какъ только Шамши-Рамманъ освободился отъ нѣкоторыхъ наиболѣе тѣснившихъ его враговъ, онъ обратилъ свои взоры на Вавилонію, гдѣ послѣ смерти (или изгнанія) Мардукъ-надинъ-шума (823 г.) мы видимъ на престолѣ Мардука-балатъ-су-икби, халдейскаго князя, котораго поддерживали кальди, вавилонскія арамейскія племена, Эламъ и мидійскіе народы (Намри): итакъ, это былъ опять одинъ изъ халдейскихъ вождей, который съ помощью Элама (слѣдовательно, находясь въ такихъ же отношеніяхъ къ Эламу, какъ Мардукъ-надинъ-шумъ къ Ассиріи) вступилъ на престолъ Мардука. Здѣсь мы впервые ясно выразили то отношеніе, съ которымъ намъ отнынѣ часто придется встрѣчаться: Ассуръ или Эламъ являются ленными господами царя, царствующаго въ Вавилонѣ подъ ихъ покровительствомъ.

Объ успѣхѣ Шамши-Раммана въ надписи его больше не говорится; зато сообщается о походахъ въ Халдею въ 813 и 812 гг. Первый окончился, вѣроятно, пораженіемъ халдейскаго царя Ассиріей и утвержденіемъ верховной власти Ассиріи. Второй произошелъ уже въ годъ вступленія на престолъ Рамманъ-нирари III. Можетъ-быть, при перемѣнѣ царствованія, какъ это нерѣдко случалось впослѣдствіи, халдеи, только-что потерпѣвшіе пораженіе, снова успѣли проникнуть впередъ. Царемъ Вавилона былъ на этотъ разъ повидимому Ба'у-ахи-иддинъ. Ассиріецъ побѣдилъ его и взялъ въ плѣнъ; и подобно тому, какъ это дѣлалъ раньше Салманассаръ, теперь жертвы въ городахъ сталъ приносить Рамманъ-нирари, въ качествѣ верховнаго повелителя страны. Нельзя утверждать съ достовѣрностью, что все это произошло уже въ 812 г. или же лишь во время походовъ 796 и 795 гг. въ сѣверную Вавилонію, а также въ походъ 791 г. въ Халдею, объ исходѣ которыхъ намъ ничего неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что знаменіемъ этой эпохи были попытки халдейскихъ князей, подъ верховнымъ покровительствомъ Элама, захватить вавилонскій престолъ, а также преобладаніе Ассиріи, если она не бывала занята какими-нибудь другими внѣшними дѣлами. При каждой перемѣнѣ престола или въ то время, когда Ассирія бывала занята, всегда возобновляется попытка избавиться отъ ея господства. Это то же самое явленіе, какое мы увидимъ вездѣ, всего лучше изображенное пророками для Іудеи и царства Израильскаго: внутри двѣ большія партіи, ищущія поддержки въ двухъ различныхъ великихъ державахъ, и постоянное колебаніе то въ ту, то въ другую сторону.

Ничего не говорится о томъ, кого Рамманъ-нирари посадилъ на престолъ Вавилона; о послѣдующемъ времени мы также не имѣемъ никакихъ извѣстій, такъ какъ послѣ Раммана-нирари произошло снова ослабленіе ассирійскаго могущества, и вмѣстѣ съ тѣмъ наступила утрата

вліянія Ассиріи на Вавилонію. Но Ассирія не отказалась отъ своей верховной власти безъ всякой борьбы; ибо мы имѣемъ свидѣтельства о неоднократныхъ походахъ на Халдею; таковы были походы при новой перемѣнѣ царствованія въ 783 г., въ 782 г. при Салманассарѣ III и при немъ же въ 777 г.; при его преемникѣ Ассуръ-данѣ, тотчасъ послѣ вступленія его на престолъ, также произошли походы: въ 771 г. — въ сѣверную Вавилонію, а въ 769 г. — въ Халдею. Объясненіе этому даютъ намъ предшествующія обстоятельства; а по походамъ Салманассара и Раммана-нирари мы можемъ себѣ представить, какъ произошли эти походы. Такъ какъ упомянутые ассирійскіе цари не оставили намъ своихъ собственныхъ надписей и такъ какъ мы можемъ пользоваться только краткими свѣдѣніями хроники, то изъ этой эпохи намъ неизвѣстны имена вавилонскихъ царей. Мы не досчитываемся по крайней мѣрѣ трехъ.

Вліяніе Ассиріи, вѣроятно, было совершенно утрачено во время слѣдующихъ возстаній (763—746), и такимъ образомъ Вавилонія была отдана во власть халдеевъ. Прежде всего изъ вавилонскаго списка царей мы узнаемъ имя царя Набу-шумъ-ишк(ун?)а, который царствовалъ до 748 г. Если дополненіе его имени правильно, то мы имѣемъ о немъ извѣстіе, весьма ясно рисующее намъ картину вавилонскихъ условій. Набу-шумъ-имби, правитель города Борсиппы, ближайшаго къ Вавилону города, сообщаетъ о постройкѣ храма Небо и разсказываетъ слѣдующее: „Когда въ Борсиппѣ, городѣ закона и порядка, произошли переворотъ, опустошенія, мятежъ и революціи, въ царствованіе царя Набу-шумъ-ишкуна изъ Битъ-Дакури, тогда вавилоняне, борсиппейцы и душульти съ берега Евфрата, всѣ халдеи, арамейцы, дильбатеи (изъ вавилонскаго города!) взялись надолго за оружіе другъ противъ друга, побивали другъ друга и вели съ борсиппейцами борьбу за ихъ землю. А Набу-шумъ-иддинъ (знатный сановникъ при храмѣ Небо) по собственному почину произвелъ (возстаніе) противъ Набу-шумъ-имби (правителя города Борсиппы). Ночью, словно воръ, онъ собралъ враговъ, разбойниковъ и т. д. и повелъ ихъ въ храмъ Небо... Они произвели мятежъ. Но борсиппейцы и другіе, явившіеся на помощь, окружили домъ правителя города и защищали его луками (и стрѣлами)“. Мы видимъ слѣдовательно то, чего ожидали: царь Вавилона — халдей изъ племени дакури, а халдеи и арамейцы завладѣваютъ областями городовъ, раздираемыхъ внутренними распрями. Нельзя удивляться тому, что при такого рода обстоятельствахъ классы, обладающіе имуществомъ, считаютъ появленіе ассирійскихъ царей спасеніемъ, и на это явленіе мы постоянно будемъ наталкиваться впослѣдствіи. Господство халдеевъ означаетъ для Вавилоніи анархію; ибо при распряхъ халдеевъ между собою врядъ ли можно было представить себѣ сильнаго халдейскаго государя и обезпеченное спокойствіе, особенно при существованіи естественной противоположности между неимущимъ и имущимъ городскимъ населеніемъ.

Слѣдующимъ царемъ былъ Набу-назиръ или, согласно передѣлкѣ птоломейскаго канона, Набонассаръ; онъ царствовалъ отъ 747—734 гг. Условія, только-что описанныя, продолжали существовать и при немъ: а безпорядки въ Борсиппѣ, изображенныя Набу-шумъ-имби, привели въ его царствованіе къ попыткѣ Борсиппы отложиться — попыткѣ, противъ которой энергично выступилъ царь. Другихъ дѣяній за Набонассаромъ, пожалуй, неизвѣстно. Только одно извѣстіе, приводимое Берозомъ, вавилонскимъ историкомъ, жившимъ при Селевкидахъ, указываетъ на то, что Набонассаръ принялъ какія-то (по характеру своему не совсѣмъ ясныя) мѣры для установленія лѣтосчисленія. Въ самомъ дѣлѣ, птоломейскій канонъ (по которому мы познакомились съ именемъ Набонассара), и одна вавилонская хроника, написанная при Даріи, относятъ начало его царствованія къ 747 г.

Д. Вавилонія подъ властью новоассирійскаго царства.

Въ третій годъ царствованія Набонассара, а именно въ 745 г., наступила для Ассиріи новая эпоха со вступленіемъ на престолъ Тиглатъ-Пилезера III; измѣненіе же обстоятельствъ въ Ассиріи тотчасъ отразилось на Вавилоніи. Первый походъ новаго царя былъ направленъ на Вавилонію, гдѣ онъ побилъ арамейцевъ и сѣверныя халдейскія племена и, повидимому, взялъ подъ свое покровительство Набонассара. Изъ этого можно, вѣроятно, заключить, что Набонассаръ былъ вавилоняниномъ, а не халдей. Тиглатъ-Пилезеръ, который съ этихъ поръ величалъ себя царемъ Сумера и Аккада и царемъ четырехъ странъ свѣта, дошелъ въ походѣ своемъ до Ниппура. Халдеи, вѣроятно, подчинились; дальше онъ не могъ проникнуть вслѣдствіе смутъ, какія грозили возникнуть въ Арменіи и Сиріи. Итакъ, Набонассаръ царствовалъ подъ покровительствомъ Ассиріи. Если возстаніе Борсиппы показываетъ, что власть его простирается за предѣлы городской области Вавилона, то съ одной стороны не въ интересахъ ассирійца было устранять для него мелкія затрудненія, а съ другой — Тиглатъ-Пилезеръ въ первое время былъ слишкомъ занятъ для того, чтобы заниматься Вавилономъ больше, чѣмъ это было необходимо. Въ пользу его авторитета во всякомъ случаѣ говоритъ то, что въ теченіе 14 лѣтъ ни одинъ халдей не дѣлалъ попытки завладѣть Вавилономъ.

Набонассаръ умеръ въ 734 г. За нимъ послѣдовалъ сынъ его Набу-надинъ-циръ (сокращ. Надину, отсюда у Птоломея род. пад. Надіосъ, Nadios). Этотъ царь процарствовалъ 2 года (734 и 733), когда вспыхнуло одно изъ возстаній, которыхъ можно было ожидать. Царь былъ свергнутъ съ престола однимъ правителемъ провинціи, Набу-шумъ-укиномъ, вавилоняниномъ, и вѣроятно также предводителемъ враждебной Ассиріи партіи. Но Набу-шумъ-укинъ продержался на царскомъ престолѣ только два мѣсяца, а потомъ принужденъ былъ уступить мѣсто халдею Укинъ-циру (у Птоломея Хинцеръ), князю Битъ-Амукани (732—730). Тогда вмѣшательство Ассиріи сдѣлалось снова необходимымъ; ибо халдей, утвердившись на престолѣ Вавилона, не могъ имѣть въ виду иной цѣли, какъ присвоить себѣ всю Вавилонію, которою до тѣхъ поръ владѣлъ Тиглатъ-Пилезеръ. Поэтому, какъ только этотъ послѣдній привелъ въ порядокъ сирійскія дѣла и завоевалъ Дамаскъ, благодаря осадѣ котораго Укинъ-циръ только и могъ процарствовать три года, Тиглатъ-Пилезеръ обратился противъ Вавилоніи, занялъ Битъ-Амукани, родину Укинъ-цира, а также нѣкоторыя другія халдейскія княжества, и взялъ самого Укинъ-цира въ плѣнъ. Чтобы положить предѣлъ вѣчнымъ безпорядкамъ, онъ рѣшилъ, несмотря на сопряженныя съ этимъ неудобства, ежегодно на праздникъ новаго года пріѣзжать въ Вавилонъ, по возможности вообще сдѣлать его своей резиденціей, самому возложить на себя вѣнецъ царства Бела и на два слѣдующіе года своей жизни велѣлъ провозгласить себя царемъ Вавилона. Но вавилонянамъ должны были быть сохранены ихъ права: какъ Тиглатъ-Пилезеръ, такъ и ассирійскіе цари, послѣдовавшіе его примѣру, носили въ качествѣ вавилонскихъ царей другое имя (какъ напр. Салманассаръ-Улулай и Ассурбанипалъ-Кандалану). Тиглатъ-Пилезеръ въ вавилонскихъ спискахъ именуется Пулу; этимъ именемъ онъ обозначается и въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ (729 и 728) дѣйствительно господствовало спокойствіе, продолжавшееся и въ царствованіе его преемника Салманассара, который (727—722) подъ именемъ Улулая короновался также царемъ Вавилона. Но когда послѣ его смерти произошелъ крупный переворотъ въ Ассиріи, благодаря которому на престолѣ водворился Саргонъ, то снова халдейскій князь Мардукъ-аплу-иддинъ (II) или Меродахъ-

Объясненіе памятника.

На задней сторонѣ памятника — запись пожалованія лена отъ времени Меродахъ-Баладана, царя Вавилона. Представленная на таблицѣ передняя сторона даетъ изображенія царя и вассала, принимающаго ленное владѣніе. Надъ головой царя надпись: изображеніе Мардук-аплу-иддин'а, царя Вавилона.

История человѣчества. III. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Меродахъ Баладанъ, царь Вавилона, надѣляетъ вассала леннымъ владѣніемъ.

(Оригиналъ въ Королевскихъ музеяхъ въ Берлинѣ.)

Баладанъ, какъ онъ, по неправильному произношенію, называется въ текстѣ Ветхаго Завѣта, царь „Приморской страны", воспользовался случаемъ захватить въ свои руки вавилонскую царскую корону, причемъ дѣйствовалъ заодно съ Хумбанигашемъ эламскимъ. Саргонъ, правда, попытался прогнать его какъ можно скорѣе; но эламитскій покровитель Меродахъ-Баладана тоже не дремалъ. При Дуръ-илу произошло сраженіе; побѣду Саргонъ приписываетъ себѣ, а вавилоняне—Хумбанигашу. Какъ бы то ни было, но Саргонъ долженъ былъ оставить мысль объ изгнаніи Меродахъ-Баладана изъ Вавилона. Но сѣверная Вавилонія, область „царства четырехъ странъ свѣта", а также Дуръ-илу, остаются за Саргономъ. Меродахъ-Баладанъ называетъ себя царемъ Вавилона (см. прилагаемую таблицу „Меродахъ-Баладанъ, царь Вавилона, надѣляетъ вассала леннымъ владѣніемъ"), царемъ Сумера и Аккада. Подъ именемъ Меродахъ-Баладана II и подъ покровительствомъ Элама онъ царствовалъ отъ 721—710 г., т.-е. все то время, пока Саргонъ, какъ нѣкогда Тиглатъ-Пилезеръ III, былъ занятъ дѣлами въ Сиріи-Палестинѣ и Арменіи.

По окончаніи этихъ войнъ Саргонъ обратился противъ Вавилоніи и выгналъ Меродахъ-Баладана, который, потерявъ Дуръ-Іакинъ, свой главный городъ въ „Приморской странѣ", искалъ убѣжища при дворѣ въ Сузѣ; Саргонъ же былъ принятъ въ Вавилонѣ своей партіей и прежде всего жреческимъ сословіемъ въ качествѣ избавителя и возстановителя порядка. Онъ принялъ титулъ „намѣстника Вавилона", т.-е. замѣстителя царя, номинально вовсе не царствовавшаго. Въ качествѣ „намѣстника" онъ обладалъ Вавилономъ (и всей Вавилоніей) до своей смерти, т.-е. отъ 709—705 г.

Еще два года Вавилонъ былъ спокоенъ; затѣмъ вспыхнуло возстаніе, благодаря которому одинъ вавилонянинъ, Мардукъ-цакиръ-шумъ, просидѣлъ на престолѣ 1 мѣсяцъ. Тогда Меродахъ-Баладанъ воспользовался случаемъ, чтобы изъ Элама, при помощи эламитовъ, снова занять Вавилонъ. На этотъ разъ однако владычество его продолжалось недолго; ибо Санхерибъ былъ не такъ сильно занятъ другими войнами, какъ Саргонъ, и появился подъ стѣнами Вавилона черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ возвращенія Меродахъ-Баладана. При Кишѣ Меродахъ-Баладанъ былъ разбитъ вмѣстѣ со своимъ вспомогательнымъ эламитскимъ войскомъ и бѣжалъ, вѣроятно, въ Эламъ, гдѣ выжидалъ новаго удобнаго случая. Санхерибъ мягко обошелся съ Вавилономъ: вѣдь не вавилоняне отпали отъ него; и только имущество Меродахъ-Баладана и его приверженцевъ было захвачено. Халдеи снова были оттѣснены въ свои области, а городамъ были возвращены земли, уже занятыя халдеями. Арамейскія племена, которыя, находясь въ томъ же положеніи, что и халдеи, всегда держали ихъ сторону, также были отодвинуты въ свои прежнія границы.

Въ Вавилонъ Санхерибъ посадилъ царемъ Белъ-ибни, быть-можетъ, вавилонскаго принца, выросшаго при ниневійскомъ дворѣ (702—700 гг.). Въ слѣдующемъ 702 г. еще двѣ пограничныя провинціи были защищены отъ Элама. Хотя Белъ-ибни имѣлъ наилучшія намѣренія относительно Ассиріи и рѣшилъ не отпадать отъ нея, однако обстоятельства оказались сильнѣе его. Можетъ-быть, цѣль политики Санхериба—сдѣлать Ниневію первымъ городомъ на Востокѣ—была уже въ это время ясной; какъ бы то ни было, Белъ-ибни былъ принужденъ отложиться отъ Санхериба, пока этотъ послѣдній былъ занятъ войною въ Палестинѣ (врядъ ли онъ это сдѣлалъ добровольно) и вступить въ союзъ съ Меродахъ-Баладаномъ, т.-е. своимъ собственнымъ соперникомъ, съ другимъ халдейскимъ княземъ, Мушецибъ-Мардукомъ, и съ Эламомъ, другими словами, долженъ былъ подчиниться Эламу. Но подобно палестинцамъ, слишкомъ поздно возставшимъ, Вавилонія и Эламъ обманулись въ своихъ расчетахъ. Санхерибъ, занявшій уже всю Палестину, снялъ осаду съ Іерусалима, обратился

противъ болѣе опаснаго врага и разогналъ весь союзъ. Меродахъ-Баладанъ бѣжалъ изъ Приморской страны, захвативъ своихъ боговъ въ Эламъ, халдей Мушецибъ-Мардукъ удалился въ свои болота, а Белъ-ибни со своей свитой пришлось отправляться туда, откуда онъ прибылъ, а именно къ ниневійскому двору. Изъ этого отношенія къ Белъ-ибни видно, что онъ только по принужденію присоединился къ Эламу и халдеямъ; иначе онъ, навѣрное, подвергся бы болѣе жестокому наказанію. Въ Вавилонъ посаженъ былъ царемъ Ассуръ-надинъ-шумъ, одинъ изъ сыновей Санхериба (699—694 гг.).

Меродахъ-Баладанъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого умеръ, ибо о немъ болѣе не упоминается. Въ Эламѣ наступили безпорядки, и потому въ теченіе пяти лѣтъ въ Вавилонѣ царилъ миръ. Въ 694 г. Санхерибъ предпринялъ походъ съ цѣлью прогнать часть населенія Приморской страны, въ свое время бѣжавшую съ Меродахъ-Баладаномъ въ Эламъ и поселившуюся въ двухъ-трехъ приморскихъ городахъ; такимъ образомъ Санхерибъ хотѣлъ устранить опасность, постоянно угрожавшую Вавилону. Онъ подробно описываетъ, какъ онъ для этой цѣли приказалъ строить корабли и какъ онъ посылалъ ихъ по Тигру до Описа, а отсюда переправлялъ на Евфратъ, по которому они спускались къ морю. Самъ Санхерибъ осторожно пребывалъ вдали отъ опасной стихіи, но войско свое переправилъ въ Эламъ. Онъ поплылъ немного вверхъ по Каруну (Улай), опустошилъ прибрежныя провинціи и разогналъ или взялъ въ плѣнъ поселившихся тамъ халдеевъ.

Пока ассирійское войско распоряжалось въ Эламѣ, Халлудушъ, эламскій царь, не оставался празднымъ. По обыкновенному военному пути онъ черезъ Дуръ-илу вторгся въ сѣверную Вавилонію, завоевалъ Сиппаръ, взялъ въ плѣнъ Ассуръ-надинъ-шума и увелъ его съ собою въ Эламъ. Въ Вавилонъ онъ посадилъ царемъ вавилонянина Нергаль-ушециба. Санхерибъ повѣствуетъ намъ только о своемъ геройствѣ, какое онъ проявилъ на бурномъ морѣ, и о своемъ успѣхѣ въ Эламѣ; о дѣйствіяхъ же эламитовъ противъ него мы узнаемъ только изъ вавилонской хроники. Объ Ассуръ-надинъ-шумѣ, свергнутомъ съ престола сынѣ Санхериба, также ничего болѣе не слышно. Новый царь владѣлъ сначала только сѣверной частью Вавилоніи; затѣмъ онъ попытался изгнать ассирійцевъ и изъ южной части. Онъ завоевалъ Ниппуръ. Но Урукъ, повидимому, присоединившійся было къ нему, снова былъ отнятъ ассирійцами; вскорѣ послѣ этого ассирійцы появились и подъ Ниппуромъ. Нергаль-ушецибъ встрѣтилъ ихъ въ открытомъ полѣ, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Онъ процарствовалъ полгода (694—693 г.).

Пока Санхерибъ въ томъ же году совершалъ походъ для наказанія Элама, упомянутый уже халдей Мушецибъ-Мардукъ воспользовался удобнымъ случаемъ захватить Вавилонъ (692—689 гг.). Онъ самымъ тѣснымъ образомъ соединился съ Эламомъ и пожертвовалъ даже храмовыми сокровищами Мардука, чтобы быть въ состояніи преподнести „дары" эламиту (Умманъ-менану) или чтобы—какъ это было на самомъ дѣлѣ—заплатить ему дань. Изъ этого опять-таки явствуетъ, что жреческая партія держала сторону Ассиріи. На этотъ разъ Санхерибу было не такъ легко отдѣлаться отъ Элама—ибо дѣло сводилось въ сущности къ изгнанію эламитовъ. Въ 691 г. при Халуле въ сѣверной Вавилоніи произошла битва съ Умманъ-менану, съ его вассаломъ, Мушецибъ-Мардукомъ, сыномъ Меродахъ-Баладана, и съ прочими халдеями. Санхерибъ очень хвастливо повѣствуетъ объ этомъ сраженіи, разумѣется, приписывая побѣду себѣ; судя по вавилонской хроникѣ, побѣда осталась за Умманъ-менану, и вѣроятно эта хроника болѣе правдива уже потому, что Санхерибъ не имѣлъ никакихъ успѣховъ: Вавилонъ продолжалъ оставаться подъ защитой Элама. Въ 689 г. Умманъ-менану умеръ отъ удара.

Въ томъ же году Вавилонъ подпалъ подъ власть Санхериба; Мушецибъ-Мардукъ былъ отведенъ въ Ассирію плѣнникомъ. Мы должны допустить, что во время этого возстанія въ Вавилоніи за Ассирію стояла лишь незначительная партія: очевидно вавилоняне сознавали, что политика Санхериба имѣетъ въ виду погибель Вавилона. Они примкнули къ халдеямъ въ минуту отчаянія, и теперь Санхерибъ постарался достигнуть своей цѣли наиболѣе короткимъ путемъ: Вавилонъ былъ совершенно разрушенъ, а боги его были отвезены въ Ассирію. Этимъ устранена была всякая возможность снова поселиться на этомъ мѣстѣ.

Послѣ разрушенія Вавилона, Ниневія могла бы сдѣлаться первымъ городомъ Востока. Но легче уничтожать культурныя явленія, нежели создавать ихъ; и цѣлыя тысячелѣтія древнихъ экономическихъ условій не могли быть безъ дальнихъ разговоровъ перенесены на новое мѣсто. Правда, въ теченіе восьми лѣтъ, какъ печально повѣствуютъ хроники, въ Вавилонѣ не было царя, да и самого Вавилона не существовало; но когда Санхерибъ былъ убитъ, первымъ политическимъ дѣломъ его сына Ассаргаддона, который, повидимому, раньше состоялъ намѣстникомъ Вавилона, было отдать приказаніе, чтобы вновь выстроены были городъ и храмъ Мардука. Тѣмъ временемъ, пока Вавилонъ представлялъ собою развалины, халдеи сосѣдняго княжества Битъ-Дакури воспользовались, разумѣется, для того, чтобы присвоить себѣ область города Вавилона. Ассаргаддонъ изгналъ ихъ оттуда. Попытки потомка Меродахъ-Баладана соединиться съ Эламомъ и такимъ образомъ достигнуть цѣли своего предка были подавлены; см. ниже исторію Ассиріи. Въ то время какъ Санхерибъ былъ представителемъ чисто-ассирійской политики съ сильной окраской милитаризма, Ассаргаддону, подобно Саргону, пришлось опираться на жреческое сословіе. Такимъ образомъ возстановленіе Вавилона вполнѣ входитъ въ рамки прочихъ его стремленій. Само собою разумѣется, что другая партія со смертью Санхериба не была устранена, ибо она глубоко коренилась въ условіяхъ ассирійской жизни. Эти два теченія, повидимому, возлагали въ будущемъ свои надежды на двухъ принцевъ, Ассурбанипала и Шамашшумъ-укина. При изложеніи ассирійской исторіи мы увидимъ, какъ послѣ возстановленія Вавилона, когда поднялся вопросъ о томъ, кому отдать вавилонскій престолъ, военная партія принудила Ассаргаддона короновать своего главу Ассурбанипала царемъ Ассиріи и такимъ образомъ обезпечить за ней власть. За Шамашшумъ-укиномъ отецъ его могъ обезпечить только Вавилонъ и, вѣроятно, также южную Вавилонію. Въ 668 г. статуя Мардука была привезена обратно въ Вавилонъ, и оба принца еще при жизни отца были провозглашены царями своихъ царствъ. Но существующія условія при этомъ не измѣнились: Вавилонъ продолжалъ оставаться подъ верховнымъ покровительствомъ Ассиріи; и новый ассирійскій царь приносилъ жертвы въ Вавилонѣ, Сиппарѣ и Куѳѣ въ качествѣ верховнаго защитника вавилонскихъ боговъ.

Почва для стараго раздора была такимъ образомъ приготовлена, и вражда должна была проявиться рано или поздно. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ надписяхъ обоихъ царей разглагольствуется о дружбѣ и братской любви, борьба началась сызнова. Шамашшумъ-укинъ искалъ себѣ союзниковъ среди враговъ Ассиріи, а такихъ враговъ можно было найти вездѣ, гдѣ давало себя чувствовать ассирійское господство или гдѣ его опасались. Онъ побудилъ поднять оружіе противъ Ассиріи эламитовъ, арабовъ, западныя страны (Палестину) и Гутіумъ (сѣверныя страны). Въ каждой начинавшейся войнѣ снова шло рѣшеніе вопроса о томъ, кто будетъ господствовать на Востокѣ—Ассирія или Вавилонъ. Открыто война разразилась лишь къ концу пятидесятыхъ годовъ 7-го столѣтія до Р. Х., когда Шамашшумъ-укинъ отказался разрѣшить своему брату Ассурбанипалу принести жертвы въ вавилонскихъ городахъ,

какъ это подобало верховному владыкѣ; война завершилась ужасной осадой Сиппара, Куѳы и Вавилона и смертью Шамашшумъ-укина, погибшаго въ пламени, куда, по словамъ Ассурбанипала, его будто бы бросили его же собственные подданные, приведенные въ отчаяніе. Въ 648 г. война была окончена; Вавилонія достаточно пострадала отъ нея для того, чтобы на нѣкоторое время не желать сохраненія спокойствія. Отъ 647 г. до 626 г. ассиріецъ Ассурбанипалъ носилъ вавилонскую царскую корону подъ именемъ Кандалану (см. стр. 28 и 77); до насъ дошла прокламація, изданная имъ при вступленіи на престолъ. Успѣшныя дѣйствія его противъ Элама отняли у этого послѣдняго возможность посягать на Вавилонію. До смерти Ассурбанипала въ Вавилоніи царилъ миръ.

Но, какъ это уже не разъ случалось, перемѣна государя дала случай халдею завладѣть престоломъ. Съ 625 г. въ спискѣ царемъ Вавилона значится Набополоссаръ; это былъ халдей, но изъ какого государства,— намъ неизвѣстно. Онъ былъ родоначальникомъ послѣдней вавилонской династіи. При этой династіи Вавилонъ еще разъ распростерся до Средиземнаго моря въ качествѣ первой державы передней Азіи. Въ непрерывной борьбѣ между ассирійцами и халдеями за Вавилонъ, въ концѣ концовъ побѣдителями все-таки остались халдеи, хотя въ теченіе двухъ-трехъ столѣтій всѣ ихъ усилія оставались тщетными. Вавилонія съ этихъ поръ становится халдейскою страною. Вторженіе халдеевъ такимъ образомъ достигло своей цѣли, а слѣдовательно закончилось.

3. Культурно-историческій обзоръ протекшихъ временъ и значеніе ихъ для будущаго.

A. **Источники.**

Наши свѣдѣнія о древнихъ временахъ еще очень недавняго происхожденія. Знанія, основанныя на изученіи древнихъ памятниковъ, мы начали пріобрѣтать въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ; изъ нихъ также слѣдуетъ вычесть не малую часть, ибо долгое время наукѣ приходилось работать, не имѣя достаточныхъ средствъ подъ руками. О систематическомъ изслѣдованіи почвы этихъ древнихъ культурныхъ странъ и въ настоящее время не можетъ быть рѣчи: все, что имѣется у насъ въ качествѣ памятниковъ, а слѣдовательно и источниковъ для изученія исторіи этихъ странъ, представляетъ собою лишь безконечно малую часть того, что мы можемъ имѣть и что откроетъ намъ будущее. Поэтому всякая попытка дать намъ связное представленіе о ходѣ развитія древнихъ восточныхъ народовъ непремѣнно будетъ неудачной. Мы можемъ большею частью уловить внутреннюю связь событій или по крайней мѣрѣ прослѣдить дѣйствіе отдѣльныхъ силъ, опредѣляющихъ ходъ событій въ тѣ эпохи, относительно которыхъ случайно дошли до насъ болѣе обильныя свѣдѣнія; относительно другихъ эпохъ у насъ имѣются лишь разрозненныя извѣстія, изъ которыхъ пришлось бы дѣлать слишкомъ смѣлые выводы для того, чтобы хоть съ внѣшней стороны объяснить себѣ событія. О многихъ же и даже очень многихъ событіяхъ мы еще ничего не знаемъ: развѣ, что можемъ связать съ ними нѣсколько именъ царей, о которыхъ, кромѣ ихъ именъ, ничего намъ неизвѣстно.

Къ тому же, самый характеръ донынѣ доступныхъ намъ источниковъ таковъ, что они больше уясняютъ намъ политическія событія, нежели сущность и работу силъ, дѣйствующихъ во внутренней жизни народовъ. Прежде всего и въ большемъ количествѣ стали извѣстны надписи ассирійскихъ царей, и та часть исторіи, которая основывается на этихъ надписяхъ, до сихъ поръ еще лучше всего намъ извѣстна. Но надписи эти

повѣствуютъ почти исключительно о войнахъ, завоеваніяхъ, побѣдахъ и добычѣ; о томъ же, что мы желали бы знать относительно жизни народовъ, мы можемъ догадываться лишь по скуднымъ намекамъ.

Такимъ образомъ, культурно-историческія познанія о древнемъ Востокѣ, вслѣдствіе недостатка источниковъ, могутъ быть лишь крайне скудны и неудовлетворительны. Правда, относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ періодовъ (время первой династіи Вавилона, затѣмъ въ Ассиріи, начиная съ Тиглатъ-Пилезера, затѣмъ снова въ Вавилонѣ отъ Небукаднесара до персидской эпохи) намъ знакомы тысячи фактовъ изъ дѣловой жизни народа: договоры, судебные приговоры, расписки, всевозможные дѣловые переговоры, частныя письма. Однако всѣ эти данныя разъясняютъ многія стороны частной жизни въ разсматриваемыя эпохи, но изслѣдованы слишкомъ мало для того, чтобы изъ сбивчивой массы подробностей составить общій выводъ объ историческомъ развитіи народовъ, чтобы выдѣлить изъ этихъ подробностей типичныя явленія; нововавилонскія данныя указаннаго характера только-что еще положили начало выясненію положенія вещей (см. Kohler und Peiser: Aus dem babylonischen Rechtsleben). Много придется потратить труда, много приложить проницательности, прежде чѣмъ этотъ обширный матеріалъ будетъ разработанъ, прежде чѣмъ многочисленные источники изъ обоихъ другихъ періодовъ уяснятъ положеніе вещей. Для того, чтобы заполнить эти пробѣлы при помощи новыхъ источниковъ, чтобы связать эти эпохи, раздѣленныя цѣлыми столѣтіями и тысячелѣтіями, необходимы цѣлыя человѣческія поколѣнія, даже если мы примемъ въ расчетъ невѣроятно быстрое развитіе нашей науки. Три забытыхъ тысячелѣтія культуры не могутъ быть возстановлены въ три десятилѣтія научныхъ изслѣдованій.

Но даже въ томъ случаѣ, если бы удалась научная разработка этихъ безчисленныхъ источниковъ, одолѣть которыхъ не могутъ немногіе изслѣдователи, то все-таки это освѣтило бы намъ лишь одну сторону вавилонско-ассирійской народной жизни, а именно торговлю и дѣловую жизнь и притомъ преимущественно ея частную сторону. Но это мало объяснитъ намъ, какое значеніе имѣетъ эта сторона для жизни и развитія всего народа и государства, т.-е. не выяснитъ ея политико-экономическаго значенія; что же касается многаго другого, что современный человѣкъ считаетъ важнымъ въ народной жизни, то намъ еще долгое время придется удовлетворяться почти полнымъ или полнымъ незнаніемъ. Торговыя отношенія и промышленная жизнь во всей ея совокупности, условія обладанія землей и значеніе ихъ для блага государства, регулированье управленія — все это такіе вопросы, о которыхъ царскія надписи почти ничего намъ не повѣствуютъ, и которыхъ нельзя разрѣшить на основаніи какого-нибудь условія, заключаемаго другъ съ другомъ лицами А и В.

Какъ мы уже видѣли, мы ничего не знаемъ о началахъ вавилонской культуры. Сумерійцы для насъ еще настолько же народъ доисторическій, какъ были доисторическими ассирійцы и вавилоняне, когда исторію начинали съ Греціи. Въ туманѣ прошлаго все еще теряются тѣ долгіе періоды, когда человѣкъ поселился въ долинѣ Евфрата и создалъ культуру, которая въ тѣ времена, когда начинаются наши нынѣшнія познанія, уже привлекла завоевателей — но первыхъ-ли? Еще долго не будемъ мы имѣть возможности выяснить изъ источниковъ того времени или хотя бы изъ явленій культуры, какимъ образомъ первые поселенцы въ низменности Евфрата, примѣняясь къ условіямъ и къ качеству почвы, принуждены были постепенно отъ состоянія дикости переходить на болѣе высокія ступени цивилизаціи. Когда и какъ были затѣмъ сдѣланы болѣе высокія пріобрѣтенія, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ человѣкъ совершилъ важнѣйшее для историка дѣло — а именно изобрѣлъ письмо, — объ этомъ намъ не сообщаютъ никакіе источники. Въ наиболѣе

древнія времена, доступныя намъ, здѣсь, какъ и въ долинѣ Нила, было уже извѣстно разработанное символическое письмо.

Б. **Первоначальное состояніе поземельныхъ отношеній и первоначальныя культурныя условія.**

Низменность Евфрата (въ настоящее время большею частью обратившаяся въ пустыню и въ болото) была нѣкогда однимъ изъ самыхъ плодородныхъ мѣстъ на землѣ. Плодородіе почвы во всѣ тѣ времена, о которыхъ мы имѣли свѣдѣнія — къ сожалѣнію столь скудныя, — изображается, какъ нѣчто удивительное. Евфратъ и Нилъ — двѣ рѣки, отложенія которыхъ сторицею награждали земледѣльца за незначительный трудъ. Въ бѣдномъ дождями климатѣ Востока эти рѣчныя долины были единственными, гдѣ земледѣліе, еще находившееся въ зачаточномъ состояніи, давало возможность надѣяться на то, что обработка почвы не будетъ безплодной. Съ другой стороны, нужда въ пору бездождія принуждала бедуина-скотовода изъ безводныхъ степей искать тамъ пастбищъ для скота и сѣять кормъ, чтобы увеличить добровольные дары природы въ сухое время года. Такимъ образомъ, изъ самой природы страны объясняется то, что въ этихъ низменностяхъ произошелъ переходъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой.

Переходъ же отъ крестьянской жизни среди полей къ постройкѣ укрѣпленныхъ городовъ не такъ труденъ и долженъ былъ очень скоро произойти въ странѣ, со всѣхъ сторонъ подвергающейся нападеніямъ кочевниковъ. Но даже достиженіе такихъ условій совершилось въ пріевфратскихъ земляхъ задолго до того времени, когда начинается наше знаніе. Древнія средоточія культуры, каковы Лагашъ, Уръ, Урукъ, Ларса,— все города съ прошлымъ, заходящимъ въ незапамятную древность, когда они впервые появляются при свѣтѣ исторіи. Тогда они уже давнымъ-давно достигли той ступени развитія, на которой пребывали въ теченіе трехъ тысячелѣтій при смѣнѣ различныхъ политическихъ условій страны — были мѣстами сохраненія древнихъ святынь, почитаемыхъ съ незапамятныхъ временъ, поселеніями съ чисто городскимъ, торговымъ и промышленнымъ населеніемъ.

Уже въ то время — какъ мы должны предположить — существовали заимствованныя отъ старой сумерійской цивилизаціи тѣ самыя условія землевладѣнія и тѣ самыя профессіи, какія мы съ тѣхъ поръ видимъ во все продолженіе вавилонской культуры. Въ противоположность западнымъ культурамъ, происхожденіе которыхъ мы можемъ прослѣдить съ самыхъ начатковъ, мы здѣсь видимъ уже завершившуюся организацію народной жизни, соотвѣтствующую тому ходу развитія европейской культуры, который завершается приблизительно въ среднихъ вѣкахъ; эта организація держится въ теченіе трехъ тысячелѣтій при всевозможныхъ перипетіяхъ. Каждое новое переселеніе, заливающее страну, быстро освоивается съ найденной культурой и подчиняется ей. Разумѣется, и менѣе счастливые изъ завоевателей получали свою долю добычи; но раздѣленіе страны между крестьянами никогда не имѣло мѣста, такъ что мы ни разу не можемъ прослѣдить хода народной жизни съ самаго начала. Предводители различныхъ завоевательныхъ походовъ всегда становились на мѣсто старыхъ царей. Если вожди эти не желали разрушать всей культуры, то должны были принять ее съ ея храмами и городами, съ ея условіями землевладѣнія и съ ея сословіями. Вотъ причина, почему отдѣльныя народности такъ скоро совершаютъ свое дѣло. Развитіе ихъ не начинается съ самаго начала, а они рѣзкимъ скачкомъ переходятъ на болѣе высокую ступень, за предѣлы которой они зайти не могутъ.

Поэтому въ ту пору, когда начинается наше знаніе, мы видимъ, что въ поземельномъ хозяйствѣ господствуетъ порядокъ, всего лучше переда-

ваемый словомъ „клерикально-феодальный". Повелитель земли — божество. Оно даруетъ ее жреческому сословію и царю: слѣдовательно является храмовая и государственная поземельная собственность. Царь имѣетъ въ своемъ распоряженіи прежде всего свободныя земли, которыя отдаетъ въ ленъ своимъ вассаламъ. Власть царя не простирается на область, принадлежащую божеству: область эта принадлежитъ городу, гдѣ живетъ божество, а здѣсь, разумѣется, (на ряду съ частью, отдѣленной для храма), принадлежитъ патриціямъ. Обрабатывается почва колонами, которые изъ полученныхъ доходовъ платятъ оброкъ владѣльцу—храму, царю, благородному, горожанину. Эта организація, постоянно переходящая отъ одной народности къ другой, никогда не благопріятствовала процвѣтанію крестьянскаго сословія. Если бы даже земля, захваченная при завоеваніи, была распредѣлена между массой вторгшагося народа, то она никогда не могла удержаться въ его рукахъ въ виду преобладанія крупнаго землевладѣнія и скоро, вслѣдствіе продажи имущества, населялась колонами. Изъ нихъ непосредственно не должно было неминуемо выработаться крѣпостного сословія. Колонъ большею частью бываетъ лично свободенъ — настолько свободенъ, насколько можетъ быть свободенъ человѣкъ, который изъ пріобрѣтеннаго въ потѣ лица урожая сохраняетъ для себя не больше, чѣмъ необходимо для удовлетворенія ничтожныхъ потребностей жителя Востока. Зато война съ ея плѣнниками доставляла необходимое количество несвободныхъ рабочихъ, которые однако работали, вѣроятно, скорѣе въ городскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, а не занимались обработкой земли. Изъ этихъ рабочихъ впослѣдствіи возникаетъ многочисленное сословіе вольноотпущенниковъ (часто упоминаемыхъ при дѣловыхъ сдѣлкахъ).

Въ сущности мы должны себѣ представлять обработку земли въ видѣ мелкоземельнаго хозяйства, которымъ занимаются колоны для владѣльца. При простыхъ средствахъ, какія имѣлись въ мелкомъ хозяйствѣ, но при желѣзномъ трудолюбіи и умѣньи до послѣдней крайности эксплоатировать каждый клочекъ земли, какихъ требуетъ подобная система, это было скорѣе садоводство, нежели хлѣбопашество.

Важнѣйшимъ условіемъ для производительной обработки почвы въ климатѣ Востока съ его лѣтней засухой является правильное орошеніе. Какъ недостатокъ воды заставилъ бедуина изъ степи отправиться въ рѣчную низменность, такъ задача земледѣльца состоитъ въ томъ, чтобы распредѣлить драгоцѣнную влагу по возможно большей поверхности. Съ другой стороны, когда на горахъ начинаетъ таять снѣгъ, могучія рѣки Евфратъ и Тигръ несутъ такую массу воды, что заливаютъ какъ разъ самыя плодородныя части страны, запруживаютъ водные протоки своимъ иломъ и превращаютъ всю мѣстность въ болото, какъ это происходитъ и теперь съ обширными, нѣкогда цвѣтущими пространствами. Такимъ образомъ, съ одной стороны бездождіе, а съ другой стороны разливы рѣки заставляютъ жителя низменности Евфрата регулировать эти обстоятельства. Онъ принужденъ сохранять избытокъ на время недостатка; онъ самъ чувствуетъ потребность въ урегулированіи орошенія.

Такимъ образомъ, въ то время, къ которому относятся наши первоначальныя свѣдѣнія, страна покрыта сѣтью каналовъ, что представляетъ необходимое условіе культуры; цѣль этихъ каналовъ — принимать въ себя воды во время половодья и отводить ихъ изъ мѣстностей, которымъ грозитъ наводненіе, въ бѣдныя водою части страны, и тамъ орошать почву во время засухи. Каналы эти лежатъ частью выше окружающей страны, такъ что необходимая вода можетъ доставляться при помощи шлюза, частью ниже, и тогда вода, какъ и въ Нильской долинѣ, поднимается наверхъ водочерпательнымъ колесомъ или, если ея требуется меньше, бадьями, приводимыми въ дѣйствіе только однимъ человѣкомъ (у нынѣшнихъ египтянъ онъ называется шаддуфъ).

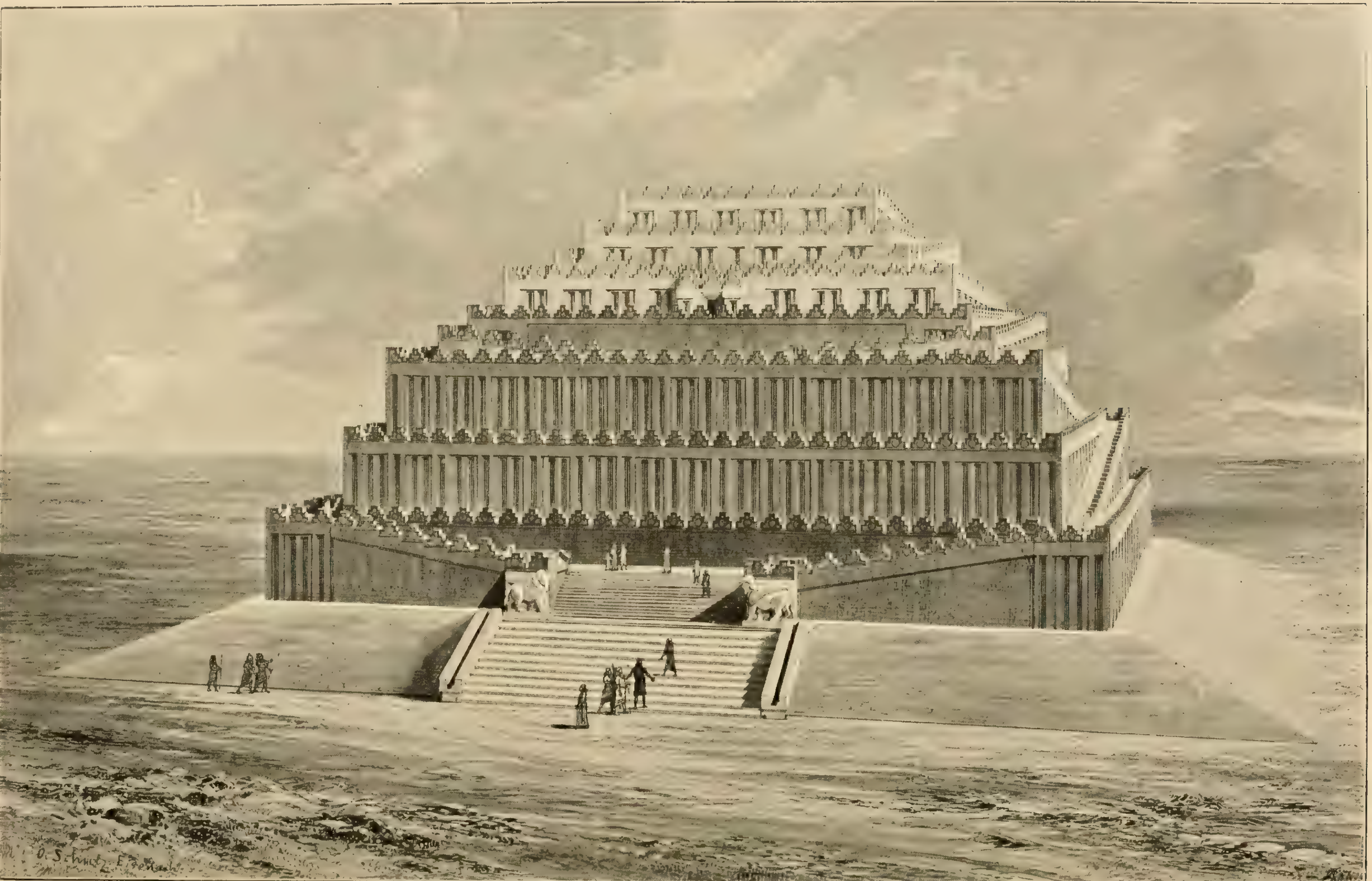
Если всѣ эти небольшія приспособленія могутъ быть сдѣланы отдѣльнымъ землевладѣльцемъ, то съ другой стороны устройство большихъ каналовъ можетъ быть сдѣлано только государствомъ, такъ какъ при проведеніи ихъ необходимо принять во вниманіе все орошеніе страны. Поэтому, среди скудныхъ извѣстій, какія мы имѣемъ относительно внутренней дѣятельности царей, мы находимъ указанія о проведеніи каналовъ, свидѣтельствующія о томъ, что значеніе этого дѣла сознавалось въ полной мѣрѣ. Въ болѣе древнія времена, когда вели счетъ не по царямъ, а по выдающимся событіямъ данныхъ лѣтъ, мы находимъ среди обозначенныхъ годовъ рядомъ съ данными въ родѣ: „Въ томъ году, когда велась такая-то война“ и такія: „Когда царь такой-то строилъ каналъ такой-то“. Послѣ покоренія южной Вавилоніи, Хаммураби, напр., говоритъ: „Когда Ану и Белъ даровали мнѣ власть надъ страною Сумеромъ и Аккадомъ и вложили въ мои руки бразды правленія, то я вырылъ каналъ „Хаммураби—благословеніе людей“, по которому течетъ въ Сумеръ и Аккадъ вода плодородія. Оба его берега я обратилъ въ годную для воздѣлыванья землю, я устроилъ житницы для зерна, я навсегда снабдилъ водою страну Сумеръ и Аккадъ“. Въ такомъ же родѣ повѣствуютъ о своихъ гидротехническихъ сооруженіяхъ Набополассаръ и Небукаднесаръ. Что каналы употреблялись и для защиты страны, какъ въ Голландіи, видно изъ извѣстій о послѣднихъ временахъ Вавилоніи, когда Небукаднесаръ воздвигъ „мидійскую стѣну“, а Набунаидъ при помощи ея обратили все свое „Царство Вавилонъ“ въ островъ. Знаменитые каналы, прорѣзывавшіе всю Вавилонію, были Палакутту (Палакоттасъ) и Наръ-шарри (арамейскій Наръ-Малка), „царскій каналъ“, названія которыхъ встрѣчаются еще въ эллинское время. Первый проходитъ почти параллельно Евфрату, къ югу отъ него; другой представляетъ собою соединеніе Евфрата съ Тигромъ, пересѣкающее страну.

Кромѣ того, мы должны представить себѣ всю страну изрѣзанной сѣтью большихъ и малыхъ каналовъ, не исключая и канавъ, проведенныхъ съ цѣлью ирригаціи. Отъ содержанія этихъ каналовъ зависитъ обитаемость всей низменности. Поэтому, до того времени, когда страны эти пришли въ разрушеніе послѣ вторженія монголовъ, поддержаніе гидротехническихъ сооруженій составляло одну изъ первыхъ задачъ правительствъ. Когда пришли въ упадокъ каналы, значительная часть страны обратилась въ болото; и если бы вздумали сдѣлать попытку возстановить производительность этихъ областей, наиболѣе плодородныхъ изъ всѣхъ, занимаемыхъ человѣчествомъ, то прежде всего пришлось бы возстановить эти старые каналы, русла которыхъ отчасти сохранились до настоящаго времени.

Эти сооруженія, обусловливаемыя самою природой вавилонской низменности и притомъ столь обширныя и важныя въ этой странѣ, становятся невозможными и ненужными въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ, особенно въ Ассиріи съ ея горами и съ ея климатомъ, гораздо болѣе похожими на нашъ европейскій. Зато въ Ассиріи мы имѣемъ свидѣтельства о случаяхъ проведенія воды издалека для снабженія водою городовъ. Таковъ водопроводъ Бавіана, при помощи котораго Санхерибъ провелъ въ Ниневію воду изъ горныхъ ручьевъ, или же туннель Негуба, посредствомъ котораго Ассаргаддонъ, взамѣнъ болѣе раннихъ построекъ Ассурбанипала, отвелъ воды р. Цабъ въ Калхи (Калахъ).

Въ дѣлѣ архитектуры человѣческая изобрѣтательность зависитъ прежде всего отъ находящагося у нея въ распоряженіи матеріала. Въ Вавилоніи нѣтъ ни камней, ни подходящаго дерева, такъ какъ ни финиковая пальма, ни фиговое дерево, ни маслина для построекъ не годятся. Въ то время, какъ египтянинъ находилъ необходимые камни въ верхней долинѣ Нила, и рѣка доставляла ему эти камни въ долину, вавилонянину самому приходилось издалека привозить камни для своихъ статуй, и боль-

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.



Вавилонская башня.

(Рисунокъ О. Шульца съ модели, приготовленной Генри Раулинсономъ и выставленной въ Національномъ музеѣ Соединенныхъ Штатовъ въ Вашингтонѣ.)

шею частью ѣздить за ними сухимъ путемъ; такъ, Гудеа посылалъ за матеріаломъ для своихъ статуй въ Маганъ (въ Аравіи). Поэтому мы не встрѣчаемъ въ Вавилоніи такихъ колоссальныхъ статуй, какъ въ Египтѣ, а постройки вавилонскія сооружены изъ того матеріала, какой жители находили въ странѣ, а именно изъ глины. Вавилонія — страна кирпичныхъ построекъ, и вліяніе вавилонской культуры на Востокѣ ни въ чемъ не сказалось болѣе явственно, нежели въ томъ фактѣ, что даже тамъ подражали кирпичнымъ сооруженіямъ вавилонянъ, гдѣ были камни, а именно въ Эламѣ, Ассиріи и даже въ Сиріи. Вслѣдствіе недостатка дерева и каменныхъ колоннъ изобрѣтенъ былъ въ Вавилоніи столбъ, сдѣланный изъ кирпичей. Но, насколько мы можемъ судить, столбъ этотъ рѣдко употреблялся; для столбовъ и подпорокъ охотно привозили стволы амансскихъ, а послѣ истребленія ихъ, ливанскихъ кедровъ, но всегда употребляли ихъ какъ можно меньшее количество. Въ этомъ отношеніи Ассирія также слѣдовала примѣру Вавилоніи.

Обыкновенный кирпичъ сушился на солнцѣ. Для прочныхъ построекъ употребляли жженые кирпичи, а стѣны покрывались эмалью съ пестрыми узорами и рисунками. Въ качествѣ связующаго матеріала для кирпичей страна доставляла въ изобиліи асфальтъ. Съ помощью асфальта и скрѣплены вавилонскія постройки.

Характернымъ сооруженіемъ вавилонской архитектуры являются башни съ уступами (zikurrat), пирамидальныя постройки, состоящія изъ нѣсколькихъ (до семи) ступеней; такъ сооружались храмы, и верхушка ихъ считалась, вѣроятно, мѣстомъ, гдѣ жило божество. Съ этими постройками связано сказаніе о вавилонской башнѣ (см. прилагаемую таблицу „Вавилонская башня“).

Храмы — несомнѣнно самыя замѣчательныя сооруженія вавилонскаго зодчества. Еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ средневѣковые монастыри и церкви, эти храмы соединяютъ въ себѣ все, что создала вавилонская культура какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Мы застаемъ уже такіе храмы въ значительной части страны и должны считать ихъ средоточіемъ духовной жизни. Классъ жрецовъ вліяетъ на народъ не только посредствомъ религіи, но занимается также наукой и разработкой техническихъ искусствъ. Такой храмъ представляетъ собою цѣлый городъ со своимъ собственнымъ управленіемъ, и мы можемъ видѣть, какъ онъ ведетъ свои собственныя дѣла. Безчисленное множество глиняныхъ таблицъ изъ Телло (см. выше, стр. 9) могли бы уяснить намъ внутреннее управленіе, но пока еще изслѣдователи только начали разбирать ихъ.

Выяснить духовную жизнь по имѣющимся у насъ памятникамъ труднѣе. Само собою разумѣется, что жрецы занимались преподаваніемъ и отвлеченными науками. Тайну письма можно было вѣроятно основательно изучить только у жрецовъ: вмѣстѣ съ тѣмъ жрецы были хранителями и составителями всякаго рода литературы, какъ религіозной, такъ и свѣтской; они занимались также науками, имѣющими отношеніе къ практической жизни, хотя отъ такого рода занятій ихъ мы до сихъ поръ почти не имѣемъ никакихъ остатковъ (двѣ-три математическія работы были бы всего важнѣе). Тѣмъ многочисленнѣе свидѣтельства о весьма обширныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ жрецами надъ звѣзднымъ небомъ. Вавилонія — родина астрономіи и неразлучной съ нею на Востокѣ астрологіи, въ которой „халдеи“ считались мастерами еще въ эллинско-римскую эпоху. Движенія небесныхъ свѣтилъ точно наблюдаются и записываются. Придумываются знаки и составляются предсказанія насчетъ всякихъ возможныхъ и невозможныхъ созвѣздій. Солнечное затменіе считается событіемъ, которое даже въ ассирійской хроникѣ лиму (см. ниже, стр. 56) признается имѣющимъ не меньшее значеніе, чѣмъ война. Іонійско-греческій міръ изумлялся тому, что Ѳалесъ могъ предсказать солнечное затменіе, Ѳалесъ

уже почерпнулъ свою мудрость у вавилонянъ: говорятъ, что и Пиѳагоръ свою символику чиселъ заимствовалъ съ Востока, съ которымъ познакомился въ качествѣ наемника. Мы имѣемъ большое количество наблюденій надъ небомъ и небесными свѣтилами, къ сожалѣнію, имѣемъ также не мало знаковъ самаго обыкновеннаго искусства прорицанія, которые охотно промѣняли бы на другія данныя, уясняющія намъ нѣчто большее.

Рука-объ-руку съ наблюденіемъ движенія свѣтилъ идетъ опредѣленіе счета времени. Вавилоняне были учителями классической древности въ смыслѣ установленія календаря: ихъ дѣленіе на годы, мѣсяцы и недѣли держится и теперь. Обозначеніе семи дней недѣли по именамъ божествъ, соотвѣтствующихъ обоимъ великимъ свѣтиламъ и пяти извѣстнымъ въ Вавилонѣ планетамъ, удержалось до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ, дѣленіе же дня на 12 двойныхъ часовъ мы находимъ еще на цифебрлатѣ нашихъ часовъ.

Въ связи и согласіи съ этими подраздѣленіями находится система нумераціи. Это сексагезимальная (съ основаніемъ, равнымъ 60-ти) система, допускающая дѣленіе на 5 и на 12, повидимому, основана на астрономическихъ наблюденіяхъ и расчетахъ. На ряду и въ связи съ нею употребляется десятиричная система. Наши источники не доходятъ до такого отдаленнаго прошлаго, когда мы могли бы видѣть употребленіе одной изъ этихъ двухъ системъ или введеніе другой. Система мѣръ и вѣсовъ основана на томъ же способѣ счета. Значитъ, въ древней Вавилоніи существовала систематическая нумерація въ такомъ же родѣ, какова введенная снова въ новѣйшее время десятиричная система, послѣ того какъ въ періодъ развитія, длившійся цѣлыя тысячелѣтія, было утрачено даже для науки единство этого первоначальнаго способа счета. Теперь только мы видимъ, что воспоминанія объ основахъ этой нумераціи, какъ и объ основахъ счета времени, удержались до нашихъ дней, и наблюдаемъ результаты этой нумераціи у западныхъ народовъ, не имѣя возможности установить пройденные ею пути. Все это еле затронутыя области изслѣдованія, и только отъ будущаго мы можемъ ожидать, что оно дастъ намъ интересныя разъясненія объ отношеніяхъ народовъ нынѣшней цивилизаціи къ доисторическимъ временамъ.

Чрезвычайно трудно намъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, въ чемъ собственно состояла задача храмовъ и класса жрецовъ, какъ поддерживались культъ и религія. Для разъясненія того, какія измѣненія произошли въ представленіяхъ человѣка въ этой области, потребовалось бы отдѣльное обширное изслѣдованіе; но наши источники, касающіеся этого вопроса, еще менѣе полны, нежели источники политической исторіи, и пока еще не сдѣлано ничего для разъясненія вопроса, какъ слагаются представленія. Пока мы не будемъ ничего знать о настоящихъ первобытныхъ временахъ Вавилоніи и о начаткахъ его культуры, не будемъ даже имѣть никакихъ свѣдѣній о первомъ вторженіи семитовъ (см. выше, стр. 10), врядъ ли возможно будетъ встать на твердую точку зрѣнія, исходя изъ которой можно было бы понять сущность и происхожденіе той пестрой толпы боговъ, имена которыхъ мы находимъ въ надписяхъ.

Уже цѣлый міръ боговъ мы встрѣчаемъ въ надписяхъ Лагаша-Телло. Возможно, что эти боги заимствованы изъ сумерійской эпохи (хотя встрѣчаются въ періодъ, когда давно уже водворились семиты); но пока образы ихъ для насъ сводятся почти только къ мертвымъ именамъ. То, что мы находимъ въ надписяхъ южно-вавилонскихъ династій, кажется намъ, изучавшимъ позднѣйшія времена прежде древнѣйшихъ, болѣе знакомымъ. Это тѣ самые образы, которые съ тѣхъ поръ постоянно встрѣчаются въ исторіи. Это объясняется просто тѣмъ, что города южной Вавилоніи существовали во все продолженіе вавилонской культуры, между тѣмъ какъ Лагашъ представляется намъ рано погибшимъ остаткомъ изъ болѣе древнихъ

временъ. Но мы еще далеко не въ состоянiи отдать себѣ точный отчетъ въ томъ, какого рода были явленiя, съ которыми мы здѣсь впервые встрѣчаемся въ исторiи.

То, что мы встрѣчаемъ здѣсь, имѣетъ чисто семитическiй характеръ или семитизировано; но каково отношенiе всего этого къ прошлому? Это станетъ яснымъ лишь въ такое время, когда станетъ извѣстно, какимъ образомъ относились древнiя средоточiя культуры, какъ Уръ, Ларса, Изинъ, Варка (см. выше, стр. 9 и 10) къ культурѣ болѣе древней. Каково значенiе главныхъ культовъ, мы узнаемъ изъ именъ боговъ: Уръ съ богомъ луны, Ларса съ культомъ солнца, Урукъ — средоточiе Наны или Истаръ, женскаго начала, Ниппуръ съ храмомъ Бела, вавилонскаго Зевса. Но въ храмахъ каждаго изъ указанныхъ и еще многихъ неизвѣстныхъ намъ средоточiй культуры въ теченiе столѣтiй и тысячелѣтiй ихъ существованiя развилось особенное ученiе о божествахъ. Въ ученiяхъ этихъ сказались желанiя согласить или противоположить связанное съ божествомъ воззрѣнiе на начало вещей съ ученiями другихъ средоточiй культуры. Къ тому же, различныя переселенiя народовъ оставили на этихъ ученiяхъ свои слѣды, причемъ произошло приспособленiе новыхъ воззрѣнiй къ старымъ. Правда, во всемъ томъ, что мы можемъ прослѣдить исторически, мы видимъ большую неподвижность культа: очень существеннаго именно вторженiя семитовъ въ извѣстныя намъ три тысячелѣтiя больше не внесли. Тѣмъ не менѣе только при нихъ произошли нѣкоторыя важныя явленiя, какъ напр. введенiе „хананеянами“ культа бога грозы Раммана. Но чѣмъ менѣе мы можемъ установить дальнѣйшее развитiе представленiй, тѣмъ болѣе должны мы искать исходной точки для пониманiя въ томъ времени, которое пока еще покрыто тьмою. Но и тогда будетъ гигантской задачей распутать нити, переплетающiяся между собою въ различныхъ преданiяхъ храмовъ, и найти, откуда онѣ ведутъ свое начало. Будетъ ли когда-нибудь разрѣшена эта задача — еще сомнительно. Пока же мы находимся на недосягаемомъ разстоянiи отъ начала; ибо пока намъ ничего неизвѣстно о самомъ предметѣ изслѣдованiя, именно о преданiяхъ храмовъ, за исключенiемъ того немногаго, что намъ извѣстно о культѣ Мардука въ Вавилонѣ.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся на сѣверъ, тѣмъ семитическiй элементъ въ извѣстную намъ эпоху выступаетъ явственнѣе: здѣсь даже въ самыхъ древнихъ изъ найденныхъ нами надписей (изъ временъ Нарамъ-Сина) не пишутъ по-сумерiйски. Что эта мѣстность была отдѣлена отъ южной Вавилонiи, это мы видимъ въ повторенiи культовъ. Какъ есть южно-вавилонскiй богъ солнца въ Ларсѣ, такъ есть и сѣверо-вавилонскiй богъ солнца въ Сиппарѣ; урукской Истаръ на сѣверѣ противополагается Истаръ въ Агаде. О болѣе древнихъ временахъ мы меньше знаемъ въ сѣверной Вавилонiи, нежели въ южной. Въ болѣе позднее время (со времени первой вавилонской династiи) выступаютъ на сцену другiе города, каковы Куѳа съ культомъ Нергаля, бога подземнаго мiра. Культъ луны, имѣющiй главное свое средоточiе въ Урѣ, въ сѣверной Вавилонiи не имѣетъ соотвѣтствующаго центра; но намъ извѣстно самое знаменитое святилище бога луны въ Харранѣ, въ Месопотамiи.

Въ надписяхъ древнѣйшаго времени мы пока еще не встрѣчаемъ Вавилона. Возможно и вѣроятно, что онъ обязанъ своимъ значенiемъ политическимъ событiямъ сравнительно болѣе поздняго времени. Самымъ значительнымъ городомъ Вавилонiи онъ повидимому сдѣлался благодаря „первой вавилонской династiи“. Съ тѣхъ поръ, какъ Вавилонъ возвысился до столицы Вавилонскаго царства и прiобрѣлъ господство и въ области народнаго хозяйства, происходитъ, по восточному обычаю, и постепенное оправданiе этого значенiя съ теологической и исторической точки зрѣнiя. Какъ Аѳины, достигнувъ гегемонiи, старались доказать свою древность изъ

миѳологіи и исторіи, такъ и вавилонская мудрость старается доказать, что Вавилонъ былъ средоточіемъ наиболѣе древней культуры и центромъ всего міра.

Прежній городской богъ Мардукъ (по библейскому произношенію Меродахъ) становится божествомъ, около котораго вращается все твореніе міра. У насъ имѣются отрывки вавилонскаго миѳа о сотвореніи міра, гдѣ Мардукъ играетъ главную роль; повидимому въ южно-вавилонскихъ храмахъ преподносились такія же ученія, въ которыхъ отражались времена процвѣтанія того или другого города. Этотъ эпосъ творенія міра выражаетъ собою преобладающее господство Вавилона, основанное династіей Сумуаби и Хаммураби. Въ этомъ эпосѣ Мардукъ ведетъ міровую борьбу верховныхъ боговъ за господство, которому угрожаетъ Тиама, Хаосъ; и, разрубивъ надвое чудовище, представляемое въ видѣ змѣи или дракона, Мардукъ изъ обѣихъ частей его создаетъ міръ. Въ Ниппурѣ то же самое было дѣломъ рукъ Бела; а въ святилищахъ другихъ городовъ подобная же роль, вѣроятно, приписывалась Шамашу (солнце), Сину (луна), Истаръ. Чѣмъ болѣе поздняго происхожденія эти миѳы, тѣмъ болѣе при составленіи ихъ приходилось принимать въ расчетъ другіе миѳы. Нельзя сказать, настанетъ ли когда-нибудь такое время, когда происхожденіе отдѣльныхъ миѳовъ будетъ намъ совершенно яснымъ; пока намъ извѣстны лишь обрывки позднѣйшаго миѳа, не дающіе намъ возможности создать ничего связнаго. Отъ нѣкоторыхъ другихъ мы имѣемъ лишь незначительные остатки.

Вавилонскіе миѳы о твореніи послужили прообразомъ для библейскихъ, ибо Вавилонія была руководительницей всей духовной жизни въ передней Азіи. Пока мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ свидѣтельствъ, кромѣ сравнительно немногихъ извлеченныхъ изъ земли отрывковъ ассиро-вавилонской литературы (большею частью изъ „библіотеки Ассурбанипала“, см. ниже, стр. 78) и остатковъ еврейской духовной жизни, которые сохранены намъ въ Библіи благодаря канонизаціи. Отношенія одной литературы къ другой таково же, какъ отношеніе центра цѣлой культуры къ незначительному маленькому государству,—таково же, какъ отношеніе первоначальнаго источника къ отраженію; но, пока у насъ нѣтъ ничего больше, мы должны стараться составить себѣ понятіе о религіозной жизни Востока на основаніи этихъ остатковъ.

Безъ сомнѣнія религія играла извѣстную роль въ культурной жизни этихъ народовъ, — роль, которой современный человѣкъ склоненъ придавать слишкомъ мало значенія. Жрецы были хранителями науки; каждое ученіе, каждая попытка проникнуть въ суть вещей, каждое стремленіе обосновать и оправдать существующее и каждая попытка ввести нѣчто новое, сводится на древнія ученія о началѣ вещей и сообразно съ этими ученіями оправдывается или осуждается. Какъ въ средніе вѣка правильность и справедливость какого-нибудь явленія провѣрялись по ученіямъ Библіи, какъ реформаторы и ихъ противники основываютъ на ученіи Библіи свои религіозныя и политическія требованія, такъ было и на древнемъ Востокѣ. Болѣе того: эти ученія, могущество которыхъ часто настолько сильно сказывается въ жизни современныхъ народовъ, что это кажется непонятнымъ человѣку, не воспитавшему въ себѣ историческаго взгляда на вещи, эти ученія древне-вавилонскаго духа, продолжавшія существовать въ іудействѣ и во многихъ другихъ цивилизаціяхъ, видоизмѣняясь и приспособляясь къ различнымъ условіямъ культуры, ученія эти въ сущности остаются все тѣмъ же, чѣмъ были: выраженіемъ вавилонской іерархіи, какъ носительницы совокупной духовной жизни древнѣйшаго культурнаго міра. Иные, быть-можетъ, усматриваютъ въ молитвахъ и воззрѣніяхъ іудейства большой прогрессъ по сравненію съ многобожіемъ остального Востока. Намъ же ясно, что взглядъ на развитіе іудейства (вѣрнѣе благочестивая вѣра въ него) и на явленія, проистекающія изъ него,

при свѣтѣ исторіи существенно измѣняется. При тѣхъ скудныхъ остаткахъ, какіе имѣются въ нашемъ распоряженіи, мы еще не можемъ приводить доказательствъ въ единичныхъ случаяхъ; но простое разсужденіе о сущности и происхожденіи человѣческихъ идей показываетъ, что идеи, подчинившія себѣ древній культурный міръ, не могли возникнуть въ одномъ изъ его отдаленныхъ угловъ. Словомъ, идея можетъ возникнуть тамъ, гдѣ имѣется то, что способно ее возбудить, а Вавилонъ давно уже нѣсколько разъ переживалъ въ различные періоды своего процвѣтанія ту духовную борьбу, какая впервые происходила въ Іудеѣ и въ Израилѣ въ періодъ царей или изгнанія; пріобрѣтенія Іудеи и Израиля давно уже были достояніями духовной жизни Вавилоніи. Израильскій „пророкъ“ оттуда добывалъ себѣ свое духовное оружіе; оттуда іудейство должно было почерпнуть не только возбудителей своей духовной жизни, но и всю свою систему.

Монотеизмъ въ его разработанномъ видѣ также не можетъ быть порожденіемъ іудейскаго духа, хотя онъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ могъ встрѣтить сочувствіе въ Іудеѣ. Вавилонскій политеизмъ объясняется исторически изъ давно уже пережитаго состоянія культуры. Но такъ какъ человѣческое познаніе представляетъ собою непрерывное приспособленіе и переходъ отъ стараго къ новому, то и въ Вавилоніи, рядомъ съ отлившейся въ неизмѣнныя формы государственной религіей, произошелъ прогрессъ въ пониманіи вещей. Не только государственная религія, спокойно пользовавшаяся своими доходами, представляетъ собою ходъ развитія религіозной и духовной жизни, но и то, что находится въ противорѣчіи къ этой религіи, что изъ подавляемаго и преслѣдуемаго дѣлается мало-по-малу признаннымъ. Молясь своему божеству, вавилонянинъ или ассиріецъ произноситъ тѣ же слова, какъ еврей; его сокрушеніе, его покорность божественной волѣ, его надежда на божество совершенно такого же рода — съ тою только разницей, что вавилонянинъ выразилъ въ своей молитвѣ свой способъ чувствовать и мыслить, между тѣмъ какъ еврей заимствуетъ у него эту манеру. Даже когда вавилонянинъ молится Мардуку, а ассиріецъ — Ассуру, то нѣтъ никакой разницы между ихъ манерой мыслить и манерой іудея приблизительно VIII-го столѣтія, обращающагося съ мольбой къ Іеговѣ. Іудей также признаетъ значеніе другихъ божествъ для людей, живущихъ внѣ области, надъ которой господствуетъ Іегова. Если эти божества ложны, то ложны лишь въ томъ смыслѣ, какъ каждое вавилонское ученіе признаетъ истиннаго повелителя міра въ храмѣ своего собственнаго города То, что Іегова становится все болѣе исключительно единымъ божествомъ Іудеи, имѣетъ свое весьма простое основаніе въ томъ, что Іудея дѣлается настолько мала, что въ ней уже больше нѣтъ мѣста для другихъ боговъ.

Въ жизни такого культурнаго народа, какъ вавилоняне, есть безчисленное множество причинъ, вслѣдствіе которыхъ соединяются крупныя массы, недовольныя существующимъ порядкомъ, приводящія въ систему свои требованія, оправдывающія ихъ по свойственному Востоку способу мышленія. Какъ и во всѣ періоды восточной исторіи, и въ тѣ времена навѣрное процвѣтало сектантство, проистекавшее изъ соціальныхъ условій и выражавшее свои воззрѣнія преимущественно въ религіозной формѣ. Такихъ сектъ, вѣроятно, образовалось много, и онѣ поддерживались существующими обстоятельствами; изъ ученій этихъ сектъ іудейство вѣрно и почерпнуло свои ученія. Врядъ ли можно надѣяться, что когда-нибудь будутъ выяснены переплетающіеся пути человѣческаго мышленія и человѣческихъ судебъ, приведшихъ къ возникновенію этихъ мыслей; но мы смѣло можемъ изъ того, что̀ намъ извѣстно, и изъ законовъ человѣческаго развитія сдѣлать тотъ выводъ, что начатки основныхъ ученій іудейства, которыхъ мы еще не находимъ въ клинообразныхъ письменахъ, когда-нибудь всплывутъ наружу въ этихъ памятникахъ. Ученіе о будущемъ

Спасителѣ могло возникнуть только въ такомъ культурномъ центрѣ, гдѣ условія власти не соотвѣтствовали запросамъ, развившимся въ болѣе великомъ прошломъ.

На ряду съ ученіями религіи и въ тѣсной связи съ ними, духовная дѣятельность человѣка проявляется въ развитіи миѳологіи. Насколько эта дѣятельность представляетъ собою ученіе, касающееся боговъ и храмовъ, этого мы не можемъ опредѣлить вслѣдствіе ничтожества доступныхъ намъ историческихъ данныхъ. Ту же жалобную пѣсню приходится намъ затянуть относительно извѣстныхъ до сихъ поръ остатковъ антропомиѳологіи, о героическомъ сказаніи, представляющемъ собою первый предметъ нерелигіозной поэзіи народа. Цѣлый рядъ отрывковъ свидѣтельствуетъ о существованіи многихъ эпическихъ произведеній; но мы мало имѣемъ такихъ отрывковъ, по которымъ мы до нѣкоторой степени можемъ возстановить содержаніе этихъ произведеній. Лучше всего извѣстенъ такъ называемый Гильгамешскій эпосъ (имя героя изображается знаками Ис-тубаръ, такъ что прежде его называли такимъ образомъ; первоначально въ немъ думали видѣть библейскаго Немврода, отсюда обозначеніе Немвродовскій эпосъ). Это вавилонскій Гераклъ, дѣянія котораго прославляются въ этомъ произведеніи, и который доставилъ эллинизму матеріалъ для характеристики легендарнаго образа Александра, фигурирующаго въ такъ называемыхъ романахъ Александра. Та редакція, въ какой намъ извѣстно упомянутое произведеніе, составилась въ Урукѣ; она отражаетъ въ себѣ условія, въ какія попалъ благодаря притѣсненіямъ Элама древній городъ Истаръ и Наны, который считался основаннымъ Гильгамешемъ (см. ниже, стр. 195). Въ качествѣ эпизода, здѣсь мы находимъ разсказъ о потопѣ, подлинникъ того разсказа, съ котораго скопированъ библейскій. Въ полномъ видѣ сохранилось короткое стихотвореніе объ Истаръ, спускающейся въ подземный міръ, чтобы вернуть себѣ умершаго брата и супруга (ср. съ Адонисомъ). Другіе эпосы, отъ которыхъ до насъ дошли отрывки,— эпосъ объ Этанѣ и орлѣ, легенда о богѣ чумы, о богѣ вѣтра Цу; но въ связномъ видѣ эти сказанія еще не могутъ быть вполнѣ возстановлены.

Басня о животныхъ, которая такъ нравилась на Востокѣ, также была уже разработана въ Вавилоніи. Мы имѣемъ остатки разсказовъ о „быкѣ и лошади", о „змѣиномъ богѣ" и другіе, относительно которыхъ еще болѣе, нежели о чемъ-либо другомъ, надо сказать, что мы должны отказаться отъ пониманія связи, пока въ рукахъ у насъ находится не болѣе двухъ-трехъ строкъ. Цѣлый рядъ не обнародованныхъ и вслѣдствіе своихъ ничтожныхъ размѣровъ совершенно непонятныхъ отрывковъ въ данномъ случаѣ, какъ это можно сказать и о всѣхъ сходныхъ литературныхъ произведеніяхъ, свидѣтельствуетъ снова о томъ, что мы, пожалуй, можемъ ожидать разрѣшенія этихъ загадокъ въ будущемъ.

Одною изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ задачъ было бы выяснить значеніе вавилонской промышленности и торговли. Но для этого у насъ не имѣется никакихъ почти точекъ опоры, не говоря уже о томъ, что въ теченіе трехъ тысячелѣтій въ этой области происходили не меньшія колебанія, нежели въ политической жизни. Мы можемъ считать достовѣрнымъ, что преобладаніе и значеніе Вавилоніи и (прежде всего, какъ признанной въ извѣстное намъ время столицы) Вавилона основывается на ихъ промышленности и торговлѣ. Во все время, пока мы можемъ прослѣдить могущество Ассиріи, Вавилонія, какъ политическое цѣлое, безсильна. Она должна покупать себѣ свою самостоятельность отъ ассирійцевъ, а съ другой стороны за свои деньги получаетъ отъ эламитовъ помощь противъ Ассиріи. Для того, чтобы вести войну собственными силами, Вавилоніи не хватаетъ людей, чего иначе и не можетъ быть при ея условіяхъ землевладѣнія. Уже одного этого факта достаточно для того,

чтобы усмотрѣть въ Вавилоніи преимущественно промышленную страну. Нѣтъ сомнѣнія, что, разрушая Вавилонъ, Санхерибъ имѣлъ въ виду перенести часть вавилонской торговли въ новоизбранную имъ столицу, Ниневію.

Мы видѣли, что со времени касситской династіи вавилонская политика имѣла въ виду черезъ Месопотамію удержать за собою путь къ Средиземному морю, и что Кадашманъ-харбе сдѣлалъ попытку обезпечить за собою дорогу въ Сирію и къ финикійскимъ гаванямъ, пролегающую черезъ пустыню (стр. 20). Безъ сомнѣнія, онъ при этомъ соблюдалъ интересы вавилонской торговли. Относительно болѣе древнихъ временъ мы можемъ извлечь выводы объ обширности сношеній Вавилона изъ надписей Гудеи: Гудеа получаетъ камни и дерево для своихъ построекъ изъ Финикіи, Сиріи и Аравіи. Нѣсколько уясняютъ намъ вавилонскую торговлю письма изъ Тель-Амарны (см. выше, стр. 19). Отъ египтянина какъ вавилонянинъ, такъ и князь Митани требуютъ золота; въ замѣнъ же золота въ Египетъ посылаются произведенія промышленности, прежде всего высоко цѣнимый египтянами ляписъ-лазури или поддѣлка подъ него — главный предметъ вывоза изъ Вавилоніи. Отъ племени митани и даже отъ Ассиріи Египетъ получаетъ оружіе и боевыя колесницы. Если на ряду съ этимъ вавилонянинъ заказываетъ себѣ въ Египтѣ работы съ инкрустаціями изъ чернаго дерева и слоновой кости, то при этомъ дѣло касается только модныхъ предметовъ въ египетскомъ стилѣ, какія были найдены въ Ниневіи; предметы эти имѣютъ такое же значеніе, какое у насъ имѣетъ китайскій фарфоръ или японскій лакированный товаръ.

Полной тьмой окутанъ еще вопросъ о мореплаваніи въ Персидскомъ заливѣ, а слѣдовательно и объ альфѣ и омегѣ всѣхъ отношеній между двумя мірами, т.-е. о торговомъ пути въ Индію. Немыслимо, чтобы древнѣйшая вавилонская цивилизація, которая чѣмъ была древнѣе, тѣмъ болѣе была сосредоточена на югѣ, не вела торговли на „морѣ Востока“. Но въ тѣ времена, отъ которыхъ начинаются наши свѣдѣнія, мы видимъ, что вавилонская культура все болѣе удаляется на сѣверъ, во внутреннія страны. Въ древнѣйшихъ надписяхъ однако, въ виду характера ихъ содержанія, о подобныхъ предметахъ, разумѣется, не упоминается; а потому намъ на долгое время еще придется удовлетвориться одними вопросами. Въ позднѣйшее время халдеи перенесли торговый путь на море. Столѣтнее процвѣтаніе государства, называемаго „Приморскою страною“ (см. выше, стр. 23), и его упорное сопротивленіе Ассиріи отчасти, вѣроятно, объясняются богатствомъ, пріобрѣтеннымъ помощью торговыхъ отношеній съ Востокомъ. У Меродахъ-Баладана есть корабли, на которыхъ онъ спасается въ Эламъ черезъ „Горькую воду“ — большой заливъ при устьѣ обѣихъ рѣкъ (см. карту „Ассирія съ 745 г., Нововавилонское царство и Мидія“, при стр. 88); въ Вавилоніи же въ то время не имѣется флота, такъ что Санхерибъ принужденъ поручить постройку кораблей финикійскимъ строителямъ въ Ассиріи и предоставить имъ же спустить суда внизъ по рѣкѣ (см. выше, стр. 30). Здѣсь слѣдовательно вавилонская торговля съ Востокомъ немыслима. Дильмунъ, островъ Бареинъ, обнимающій также ближайшія прибрежныя страны, который Вавилонія третьяго тысячелѣтія еще причисляетъ къ области своей культуры и государства, является для Саргона отдаленнымъ островомъ, откуда онъ только получаетъ дань: ни одинъ изъ его преемниковъ объ этомъ островѣ не упоминаетъ. Эламъ также, вѣроятно, могъ сказать рѣшающее слово относительно мореплаванія въ Персидскомъ морѣ; и только тогда, когда тьма, еще царящая надъ Эламомъ, разсѣется, мы яснѣе поймемъ и то, что́ касается мореходства.

До насъ почти не дошло произведеній вавилонской промышленности. Въ Вавилоніи, какъ метрополіи культуры, сохранилось даже мало и притомъ сравнительно незначительныхъ памятниковъ относительно хорошо развитого въ Ассиріи зодчества и ваянія. Собственно говоря, въ дан-

номъ случаѣ можетъ приниматься въ расчетъ только мѣсто развалинъ Телло, гдѣ найдено значительное количество статуй и изваяній царей и патези Лагаша. Начиная съ весьма грубыхъ изображеній при первыхъ царяхъ и быстро совершенствуясь (см. надгробный памятникъ съ коршунами при стр. 12), статуи Гудеи и его времени обнаруживаютъ высшую степень совершенства техники. Повидимому, здѣсь произошелъ снова быстрый расцвѣтъ послѣ большого упадка. Тщательно и тонко обработанный камень съ изображеніемъ Меродахъ-Баладана (см. таблицу при стр. 28) представляетъ собою одно изъ немногихъ извѣстныхъ намъ произведеній искусства позднѣйшаго времени. Зато цѣлый рядъ подобныхъ уже камней, начиная съ эпохи касситовъ, не можетъ считаться произведеніями искусства. Нѣсколько жанровыхъ изображеній изъ глины доказываютъ только, что будущее, можетъ-быть, откроетъ въ Вавилоніи изображенія, свидѣтельствующія объ остроумномъ и полномъ юмора взглядѣ на частную жизнь.

Точно также относительно государственнаго строя, внутренняго управленія и военнаго дѣла въ Вавилоніи у насъ имѣется лишь нѣсколько намековъ. Въ противоположность ассирійскимъ надписямъ, надписи вавилонскія никогда не говорятъ о военныхъ и прочихъ дѣяніяхъ царей. Поэтому то, что мы можемъ сказать объ этихъ вопросахъ, лучше выясняется изъ ассирійскихъ учрежденій, о которыхъ мы имѣемъ болѣе полныя свѣдѣнія, и которыя, развившись изъ одинаковыхъ условій, въ сущности представляютъ собою тѣ же формы.

4. Ассирія.

А. Месопотамская эпоха.

Мы уже видѣли, что возвышеніе Ассиріи происходитъ въ такое время, которое вполнѣ освѣщено свѣтомъ исторіи или безъ труда будетъ освѣщено при помощи раскопокъ. Далѣе, мы видѣли, что прежде всего Ассирія естественнымъ образомъ расширилась по направленію къ Месопотаміи, и что эта страна сдѣлалась безспорнымъ достояніемъ Ассиріи; благодаря обладанію Месопотаміей, Ассирія сдѣлалась крупнымъ государствомъ такихъ же размѣровъ и съ такимъ же значеніемъ, какъ Вавилонія. Поэтому, прежде чѣмъ излагать исторію Ассиріи, мы должны сдѣлать попытку выяснить условія, въ какихъ находилась Месопотамія.

Мы допустили — и событія, которыя мы можемъ прослѣдить исторически, подтверждаютъ справедливость такого допущенія — что крупныя переселенія семитовъ въ Вавилонію происходили съ сѣвера. Поэтому эти переселенія раньше коснулись Месопотаміи, и семиты, которые для насъ являются первыми представителями историческихъ временъ въ южной Вавилоніи, въ Месопотаміи утвердились уже раньше. Что́ было раньше водворенія семитовъ, то въ Месопотаміи имѣетъ еще болѣе доисторическій характеръ, чѣмъ въ Вавилоніи, тѣмъ болѣе, что въ Месопотаміи еще не производилось раскопокъ.

Есть большая коллекція предсказаній, изъ которыхъ можно уяснить себѣ, что дѣлалось около 3000 лѣтъ до Р. Х., т.-е. во времена Саргона и Нарамъ-Сина (хотя она касается и болѣе позднихъ временъ, такъ какъ въ настоящій свой видъ приведена гораздо позднѣе); географическій горизонтъ ея указываетъ между прочимъ на область владычества вавилонской культуры (см. выше, стр. 12). Въ этой коллекціи, кромѣ царя южной Вавилоніи и сѣверной Вавилоніи, указывается еще царь, носящій титулъ „шаръ киш̌шати“, т.-е. „царь міра“ (см. выше, стр. 12, „царь четырехъ странъ свѣта„). Царство этого государя могло имѣть своимъ центромъ

только Месопотамію, гдѣ столицей, городомъ правящаго божества, былъ, вѣроятно, городъ божества луны, Сина,—Харранъ, какъ городъ самый значительный; это предположеніе оправдывается, повидимому, различными указаніями болѣе поздняго времени. Какъ бы то ни было, но мы можемъ утверждать навѣрное, что Месопотамія не только находилась подъ вліяніемъ вавилонской культуры, но что она принадлежитъ даже къ болѣе тѣсному кругу этой культуры и сама принимала участіе въ исторической жизни пріевфратскихъ странъ; этотъ фактъ постоянно подтверждается значеніемъ и почтеніемъ, оказываемымъ тамошнему святилищу, а именно святилищу Сина въ Харранѣ. Культъ при Гебронѣ, гдѣ почитали genius loci Авраама, и который приходившія „еврейскія" племена нашли тамъ и вѣроятно восприняли, библейская легенда болѣе древняго происхожденія производитъ отъ месопотамскаго святилища Сина, и лишь позднѣйшая легенда производитъ культъ при Гебронѣ изъ Ура, южно-вавилонскаго средоточія божества луны. Съ почитаніемъ Ваала-Харранскаго, божества г. Харрана, мы встрѣчаемся также въ Сендширли, въ сѣверной Сиріи (въ берлинскомъ музеѣ хранится также рельефъ, посвященный этому божеству).

Съ нѣкоторой достовѣрностью можемъ мы представить себѣ роль, какую Месопотамія играла въ политической исторіи. Здѣсь также должно было происходить развитіе въ родѣ того, какое мы видѣли на югѣ; образовавшееся здѣсь царство, вѣроятно, вело со своими соперниками такую же борьбу, какую мы впослѣдствіи можемъ прослѣдить въ наслѣдовавшей ему Ассиріи. Рядомъ съ вавилонскими царями „цари міра" съ своей стороны, вѣроятно, дѣлали попытки овладѣть Вавилоніей, и обратно Вавилонія пыталась подчинить себѣ ихъ; мы вѣдь уже видѣли (стр. 8 и 20), что Месопотамія была необходимымъ какъ теперь, такъ и въ древности связующимъ звеномъ для сношеній Вавилоніи съ западомъ. Хотя надписи ничего не говорятъ намъ о ходѣ этой борьбы до 1500 г., однако въ послѣдующее время мы можемъ по крайней мѣрѣ выяснить себѣ общую картину и надѣяться, что въ будущемъ заступъ откроетъ многое и въ этой странѣ. Однажды Лэйардъ въ разсматриваемой области, въ Арбанѣ, въ долинѣ Хабура, предпринялъ небольшія раскопки. Онъ нашелъ древніе остатки дворца намѣстника (князя жрецовъ) Мушешъ-Нинпба, на которые мы должны будемъ смотрѣть, какъ на памятники до-ассирійской, месопотамской эпохи. Нѣсколько остатковъ, найденныхъ въ Харранѣ, принадлежатъ однако лишь ассирійскому времени, такъ какъ Салманассаръ II и Ассурбанипалъ принимали участіе въ постройкѣ храма Сина.

Мы должны представлять себѣ дѣло такъ, что царство, центръ котораго находился въ Харранѣ, зарилось не только на Вавилонію, а сначала должно было стараться расширить свои предѣлы насчетъ менѣе цивилизованныхъ странъ. Если Месопотамія была для Вавилоніи посредствующимъ звеномъ для сношеній съ Сиріей и Палестиной, то самостоятельная Месопотамія являлась естественнымъ завоевателемъ этихъ странъ — все равно мирнымъ ли путемъ или оружіемъ. Въ доказательство перваго способа этого расширенія мы уже привели извѣстія о культѣ Авраама при Гебронѣ и о культѣ бога луны въ Сендширли. Далѣе мы увидимъ, что въ историческое время мѣстности по правому берегу Евфрата, мѣстность Малатія и часть Каппадокіи, а можетъ-быть и часть Киликіи, за Тавромъ, являются достояніемъ преемниковъ месопотамскихъ царей. Кромѣ того, Харранъ властвуетъ надъ путями, ведущими на сѣверѣ въ Арменію; отсюда, между обѣими рѣками, вверхъ по ихъ теченію, ассирійцы распространяются еще раньше, чѣмъ проникаютъ въ Вавилонію, и притомъ непосредственно послѣ того, какъ заняли Месопотамію (Рамманъ-нирари I, Салманассаръ I). Въ „Каппадокіи" были найдены глиняныя таблицы съ клинообразными письменами на такомъ же приблизительно вавилонскомъ нарѣчіи, какъ письма, найденныя въ Тель-Амарнѣ. Эти таблицы указываютъ уже

на вліяніе ассирійской колонизаціи въ этихъ мѣстностяхъ, но во всякомъ случаѣ относятся къ первому времени водворенія здѣсь Ассиріи (при Салманассарѣ I, около 1300 г.); языкъ и письмо этихъ таблицъ показываютъ, что ни то, ни другое не представляютъ собою чего-либо новаго въ этихъ мѣстностяхъ, а употреблялись тамъ уже давно.

Б. **Цари Митани.**

Первыя дошедшія до насъ извѣстія представляютъ намъ Месопотамію находящеюся подъ чужою властью. Источниками намъ служатъ тель-амарнскія письма царя Тушратты митанійскаго къ египетскимъ царямъ Аменготепу III и Аменготепу IV. Картина, какую рисуютъ намъ эти письма относительно сношеній обѣихъ этихъ странъ между собою, вѣрна и относительно предшественниковъ обоихъ этихъ фараоновъ, насколько они проникали въ Азію. Въ общемъ, въ этихъ письмахъ Месопотамія и Сирія называются Нагариной. Здѣсь намъ пожалуй довольно безразлично, сколько золота выпросилъ себѣ Тушратта изъ Египта, и сколько онъ написалъ писемъ, чтобы водить за носъ своего египетскаго „брата“ и зятя. Намъ важно указать здѣсь на то, что въ этихъ „царяхъ Митани“ мы должны усматривать представителей нашествія варваровъ, во власти которыхъ находится Месопотамія. Впослѣдствіи мы увидимъ, что скорѣе всего мы можемъ отнести этихъ варваровъ къ той группѣ народовъ, которую называемъ „хеттскими“. Въ качествѣ повелителей надъ этой страною они представляютъ собою то же самое, что и касситы, одновременно съ ними господствовавшіе въ Вавилоніи (см. стр. 16).

Гдѣ находилась резиденція царей Митани — этого изъ ихъ писемъ не видно; но мѣстность, которая по ихъ имени обозначается названіемъ Митани, мы должны искать приблизительно къ сѣверу отъ Харрана, гдѣ во всякомъ случаѣ находится средоточіе ихъ царства. Объемъ его, какъ наслѣдія исчезающаго древняго месопотамскаго царства, мы, какъ уже упоминалось, можемъ опредѣлить. По направленію къ Вавилоніи, царство Митани обнимаетъ еще Ниневію, которая во времена Тушратты (около 1430 г.) слѣдовательно еще не была ассирійскою точно такъ же, какъ прежде должна была быть месопотамскою. Само собою разумѣется, что къ царству Митани относится вся Месопотамія и на правомъ берегу Евфрата Мелитена, а также примыкающая къ ней часть Каппадокіи, извѣстная у ассирійцевъ подъ названіемъ Муссри, а у египтянъ подъ именемъ Санкары (въ одномъ изъ тель-амарнскихъ писемъ Алашіи обозначаемая именемъ Шанхаръ), вплоть до Тавра, а можетъ-быть и по ту сторону Тавра. такъ что въ составъ царства входитъ и часть Киликіи. Къ западу и къ сѣверу отъ этой части помѣстились хеты, противники, но по расѣ родственники племени митани; съ этими послѣдними хеты ведутъ войны, изъ которыхъ одна упоминается въ одномъ письмѣ Тушратты къ Аменготепу III. Хеты, которыхъ мы затѣмъ встрѣчаемъ въ Сиріи, или должны были проникнуть черезъ область Митани, или только коснулись области митанійскаго царства, проникнувъ въ Киликію черезъ киликійскія ворота.

О дружбѣ съ Египтомъ, о которой такъ многорѣчиво говорится, можно сказать то же самое, что́ уже сказано о дружбѣ вавилонянъ съ Египтомъ (стр. 19); египетскіе вассалы въ Финикіи также указываютъ на царей Митани, какъ на естественныхъ враговъ вѣрнаго слуги фараона.

Вѣроятно царство Митани существовало уже давно; ибо Тушратта, писавшій упомянутыя письма, называетъ своего отца Сутарну, который, какъ о томъ свидѣтельствуетъ также одна египетская надпись, послалъ свою дочь Гилухипу въ гаремъ Аменготепа III, а также указываетъ на своего дѣда Артатаму, который поддерживалъ отношенія съ предшественникомъ Аменготепа, Тутмесомъ IV, и велъ съ нимъ ту же торговлю (такъ

какъ при этомъ рѣчь шла главнымъ образомъ о приданомъ). Самъ сочинитель письма былъ при дворѣ Аменготепа III; быть-можетъ, онъ былъ тамъ въ качествѣ извѣстнаго рода заложника послѣ смерти своего отца. Въ томъ же письмѣ сообщается объ упомянутой уже войнѣ съ хетами, которые слѣдовательно хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ.

Среди всѣхъ клянчаній о подаркахъ есть еще одно письмо, въ которомъ содержится и болѣе важное извѣстіе. Тушратта пишетъ Аменготепу III, чтобы онъ прислалъ обратно статую богини Истаръ, незадолго передъ тѣмъ посланную въ Египетъ, какъ она и во времена отца его была туда послана и съ честью прислана обратно. Намъ же вполнѣ ясно, что означаетъ это путешествіе богини Истаръ. Тушратта, вѣроятно, подобно своему отцу, покорилъ Ниневію и въ качествѣ трофея побѣды не забираетъ къ себѣ захваченнаго божества, а, ссылаясь на гнѣвъ богини, заставившій ее удалиться въ чужую страну, отправляетъ ее египетскому царю, признавая такимъ поступкомъ его верховную власть; съ этимъ находится въ согласіи „дань", о которой упоминается въ египетскихъ надписяхъ. Затѣмъ, спрашивается, у кого Тушратта отнялъ Ниневію: врядъ ли однако у Ассиріи, вѣроятнѣе у Вавилоніи; но это мы можемъ оставить въ сторонѣ. Для насъ важнѣе тотъ фактъ, что Тушратта овладѣлъ Ниневіей; ибо этотъ фактъ даетъ намъ твердую точку опоры для опредѣленія того, какъ расширялись предѣлы Ассиріи: время Тушратты есть также время, когда народъ его клонится къ упадку. Спустя 80—100 лѣтъ, Ассирія уже находится въ рукахъ Месопотаміи, и цари Месопотаміи называютъ себя „царями міра", а, изгнавъ Митани, отстаиваютъ этотъ титулъ противъ посягательствъ Вавилоніи.

Господство извѣстныхъ намъ царей Митани является уже, значитъ, концомъ той эпохи, когда эта группа народовъ начала проникать черезъ Евфратъ. Быть-можетъ, вначалѣ вторженіе ихъ доходило до самой Вавилоніи, гдѣ оно, повидимому, было замѣтно во времена первой династіи Вавилона (около 2000 л. до Р. Х.). Если въ тель-амарнскую эпоху вавилонскіе касситы и месопотамскіе митани являются противниками, то вѣроятно наиболѣе правильно будетъ предположить, что митани или ихъ предшественники были вытѣснены касситами изъ Вавилоніи.

B. **Начало Ассура.**

Подъ „страною Ассуръ" совершенно такъ же, какъ обстояло дѣло съ „царствомъ Вавилона", мы можемъ подразумѣвать первоначально лишь область города Ассура, нынѣшняго Кала Шергата. Область эта, правда, находится почти внѣ той области, которая впослѣдствіи составила собственно Ассирію, а именно отъ той страны, которая ограничивается линіей, идущей отъ Ниневіи по направленію къ горамъ, нижнимъ Цабомъ и Тигромъ. Уже изъ самаго положенія Ассура, расположеннаго слишкомъ далеко къ югу и притомъ на правомъ берегу Тигра, ясно вытекаетъ, что Ассуръ не могъ быть съ самаго начала столицею позднѣйшей мѣстности Ассура; городъ Ассуръ даже явно склоняется болѣе къ югу, къ Вавилоніи, чѣмъ къ сѣверу и западу, хотя именно по направленію къ сѣверу и западу стали сначала расширяться. Итакъ, если принять, что Ассуръ былъ нѣкогда городомъ, подобнымъ многимъ другимъ въ низменности Евфрата, то можно предположить, что патези Ассура находились подъ владычествомъ Вавилоніи, а иногда и Месопотаміи.

Мы можемъ также доказать, что Ассуръ въ историческое время не былъ столицей крупнаго государства и управлялся только патези; можемъ также ограничить довольно тѣсными предѣлами время возвышенія новой державы. Тиглатъ-Пилезеръ I сообщаетъ около 1100 г., что надъ постройкой возстановленнаго имъ въ Ассурѣ храма работали за 641 годъ до его

дѣда, который опять строилъ храмъ за 60 лѣтъ передъ самимъ Тиглатъ-Пилезеромъ, и что сооружалъ храмъ Шамши-Рамманъ, патези Ассура, сынъ Ишме Дагана, патези Ассура. Около 1800 г. до Р. Х., во время второй династіи Вавилона, мы слѣдовательно имѣемъ патези Ассура, которые должны были быть зависимы или отъ Вавилоніи или отъ Месопотаміи, вѣроятнѣе отъ первой. По собственнымъ ихъ надписямъ намъ извѣстны имена еще четырехъ подобныхъ патези: Шамши-Раммана и его отца Игуръ-Капnапу, Иришу и его отца. Первымъ царемъ Ассура, время котораго мы можемъ точнѣе опредѣлить, былъ Ассуръ-белъ-нише-шу, современникъ Караиндаша (см. выше, стр. 18). Значитъ, Ассуръ сдѣлался самостоятельнымъ между 1800 и 1500 гг.; его патези называли себя царями и начали расширять свою власть — быть-можетъ, подъ вліяніемъ новаго вторженія. Причины этого расширенія и условія, дѣлавшія его возможнымъ, таковы же, благодаря которымъ касситы овладѣли Вавилоніей, а митани — Месопотаміей. Время смутъ давало сильнымъ властителямъ удобный случай основать свое собственное царство; съ другой стороны рознь, возникшая между связанными до тѣхъ поръ культурными половинами вслѣдствіе господства различныхъ чужестранцевъ, давала возможность основать свою собственную державу тому, чьи владѣнія находились между этими половинами. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію исторіи новаго царства, нужно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что́ именно среди общаго упадка семитизма могло обусловливать силу и крѣпость семитовъ Ассура, которые съ этихъ поръ оружіемъ добиваются успѣха? И каковы были отличительные признаки этихъ будущихъ повелителей Востока?

Типъ ассирійцевъ сильно отличается отъ вавилонскаго, который, какъ мы видѣли, представлялъ собою результатъ сильнаго смѣшенія расъ. На многочисленныхъ ассирійскихъ изображеніяхъ мы видимъ физіономію съ рѣзкими, опредѣленными чертами, ту самую, которую мы обыкновенно называемъ семитическою; это во всѣхъ деталяхъ то, что́ извѣстно подъ именемъ „еврейскаго типа“. Но это названіе неправильно постольку, что этотъ типъ совершенно не похожъ на арабскій, въ которомъ мы въ концѣ концовъ ожидаемъ найти семитическій типъ (если вообще о таковомъ можно говорить) въ самомъ чистомъ видѣ; съ дру ой стороны, еврейскій типъ весьма сходенъ съ типомъ нынѣшнихъ армянъ, говорящихъ на индо-германскомъ языкѣ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ объясненіе этого явленія: наше дѣло — заниматься исторіей народовъ, принимая дѣленіе по языку за признакъ происхожденія. Физическія особенности народовъ представляютъ совершенно отличный отъ этого принципъ дѣленія; ибо физическое смѣшеніе расъ и подраздѣленіе языковъ идутъ совершенно различными путями. Здѣсь, въ области исторіи, насъ мало касается вопросъ, какъ образовался типъ ассирійцевъ и къ какой болѣе крупной группѣ слѣдуетъ его отнести. Отвѣтъ на этотъ вопросъ труденъ особенно въ виду недостатка собраннаго матеріала; Ф. фонъ-Лушанъ предложилъ выдѣлять основанную на физическихъ признакахъ месопотамско-ханаанско-армянскую группу, и для составленія такой группы мы можемъ найти основанія въ исторіи. Слѣдуетъ замѣтить, что вторженіе ханаанеевъ въ страну Ассирію было по крайней мѣрѣ такъ же сильно, если не сильнѣе, чѣмъ въ Вавилонію: обусловленное этимъ смѣшеніе народовъ могло слѣдовательно выразиться въ ассирійскомъ типѣ. Такимъ образомъ въ виду бо́льшей близости странъ, населенныхъ ханаанеянами, здѣсь долѣе удержалось національное достояніе ханаанеевъ; напр. бога Дагона почитаютъ еще позднѣйшіе ассирійцы. Для нашихъ цѣлей пока достаточно установить существованіе ассирійскаго типа, котораго нельзя смѣшать ни съ какимъ инымъ.

Далѣе насъ интересуетъ вопросъ, на чемъ могло основываться удивительное превосходство этого народа надъ прочими передне-азіатскими народами. Это были главнымъ образомъ двѣ вещи: организація этого госу-

дарства и культурное состояніе его народонаселенія. „Страна Ассуръ“ вѣроятно до того времени, пока ея превосходство надъ Вавилоніей стало неоспоримо, т.-е. до Салманассара II и Рамманъ-нирари III, имѣла свой собственный, свободный крестьянскій классъ, между тѣмъ какъ экономически развитыя средоточія древнѣйшей культуры имѣли лишь феодальную и „церковную“ поземельную собственность съ совершенно зависимымъ отъ нея населеніемъ. Отсюда слабость Вавилоніи, которая не имѣетъ въ своемъ распоряженіи войска и защитниками которой всегда являются „союзники“ съ весьма опредѣленными намѣреніями. Еще Салманассаръ II, собираясь дѣйствовать энергично, созываетъ ополченіе „всей страны“. Это крестьянское сословіе, какъ мы видѣли, Тиглатъ-Пилезеръ III пытался освободить отъ развившагося тѣмъ временемъ въ Ассиріи крупнаго феодальнаго землевладѣнія; при Саргонѣ наступила реакція противъ этого. Между тѣмъ Ассирія хотя и достигла высшей степени своего могущества (эта пора расцвѣта начинается именно съ Тиглатъ-Пилезера), но затѣмъ уже перестала развиваться самостоятельно. Кратковременный успѣхъ безъ продолжительныхъ результатовъ обусловливается другой стороной государственнаго устройства Ассиріи, которая объясняется изъ возникновенія этого царства.

Обращеніе владѣнія патези въ царство, какъ мы это видимъ при возвышеніи Ассиріи, возможно было только въ томъ случаѣ, если въ извѣстное время князья этого города имѣли въ своемъ распоряженіи войско, пригодное для веденія войны. Мы не знаемъ, насколько это находилось въ связи съ вторженіемъ новаго населенія въ Ассуръ и Ассирію; мы заранѣе склонны къ нѣкоторымъ предположеніямъ. Подобно тому, какъ Давидъ среди общаго разъединенія при помощи преданной ему толпы могъ сдѣлаться царемъ государства, охватывающаго многія племена, такъ это сдѣлали и патези Ассура, но въ болѣе крупномъ масштабѣ. Поэтому сила Ассиріи, по сравненію съ высокоразвитыми странами въ низменности Евфрата, основывалась съ самаго начала на войскѣ; только благодаря войску Ассирія вообще могла возвыситься и удерживать свое могущество. Людей же для войска могла доставлять страна съ крестьянскимъ сословіемъ. Когда впослѣдствіи это сословіе погибло, такъ что даже Тиглатъ-Пилезеръ не въ состояніи былъ спасти его, то въ Ассиріи появились наемныя войска, которыя набирались изъ всѣхъ странъ, какъ подвластныхъ, такъ и варварскихъ; при помощи этихъ войскъ Саргонъ и его преемники вели войны. Пока имѣлась въ изобиліи плата и добыча для такихъ войскъ, можно было съ ихъ помощью держать въ своихъ рукахъ Востокъ; но послѣ большого пораженія и при отсутствіи денегъ вновь подняться было невозможно. Итакъ, могущество Ассиріи основывалось на ея войскѣ и населеніи; съ измѣненіемъ этихъ элементовъ произошло также полное измѣненіе основъ этого царства. Въ то время какъ оно всегда могло оправляться отъ прежнихъ пораженій, совершенно вавилонизированная Ассирія, государство, гдѣ господствовала военная и жреческая касты, опиравшаяся на наемное войско, не имѣвшее больше національнаго населенія, должно было исчезнуть безслѣдно.

Первыя извѣстія, какія мы имѣемъ о вступившемъ на путь завоеваній „царствѣ“ Ассиріи, относящіяся слѣдовательно къ XVII или XVI столѣтію, знакомятъ насъ съ новымъ государствомъ. Одинъ царь Вавилона, имя котораго не сохранилось, проклинаетъ въ одной надписи обычнымъ образомъ всякаго преемника, который не признаетъ его заслугъ при постройкѣ сооруженнаго имъ зданія: „пусть такого государя поразитъ несчастіе, пусть никогда не будетъ онъ радостно настроенъ, пусть во все время его царствованія не прекращаются войны и битвы, пусть подъ его властью братъ заѣдаетъ брата, пусть люди продаютъ своихъ дѣтей за деньги, пусть возстанутъ, словно одна страна, всѣ страны, пусть мужья поки-

нутъ женъ, а жены мужей, пусть мать запретъ на засовъ свою дверь передъ дочерью“. Затѣмъ онъ прибавляетъ, и это для насъ можетъ служить знаменіемъ времени: „пусть сокровища Вавилона попадутъ въ Сури и Ассирію, пусть царь Вавилона принесетъ князю Ассура сокровища своего дворца и свое имущество въ (городъ Ассуръ)“. Здѣсь Сури и Ассирія называются рядомъ: Сури слѣдуетъ представлять себѣ (см. выше, стр. 11) въ связи съ центромъ Месопотаміи; князь, но еще не царь Ассура, является противникомъ, и то зло, какимъ здѣсь грозятъ, впослѣдствіи исполнялось въ достаточной мѣрѣ часто.

Въ противоположность этому, въ другомъ извѣстіи, также относящемся ко времени до 1500 г., Ассирія представляется находящеюся въ полной зависимости отъ Вавилона. У насъ есть замѣчательное письмо одного не поименованнаго вавилонскаго царя къ одному патези, область котораго вѣроятно, слѣдуетъ себѣ представлять по сосѣдству съ Ассиріей, и который былъ естественнымъ противникомъ „царя“ ассирійскаго. Патези этотъ сдѣлалъ вавилонянину всевозможныя предложенія, которыя имѣли вѣроятно цѣлью доставить ему, патези, власть надъ Ассиріей. Однако царь Вавилона понялъ его игру и отклонилъ эти предложенія, отказываясь признать патези царемъ, какъ тотъ желалъ, и объявляя себя совершенно довольнымъ существующимъ положеніемъ дѣлъ. Положеніе же это слѣдующее: во времена отца пишущаго, царь Ассура, Нинибъ-тукульти-Ассуръ, бѣжалъ въ Вавилонъ и нашелъ тамъ убѣжище. Его снова отвели въ его страну“, т.-е. подавили въ Ассиріи возстаніе и посадили туда въ качествѣ регента также бѣжавшаго со своимъ господиномъ мажордома; царя же оставили въ Вавилоніи, разумѣется, лишь „съ его собственнаго согласія“. Въ данномъ случаѣ Ассирія является вассальнымъ государствомъ Вавилоніи и всецѣло находится въ ея власти.

Г. **Древнее ассирійское царство.**

а) Первый расцвѣтъ.

Естественной цѣлью эпохи прогресса Ассиріи было положить конецъ опекѣ Вавилоніи. Благодаря одному источнику мы имѣемъ возможность прослѣдить почти съ самаго начала развитіе отношеній Ассиріи къ Вавилону. При Рамманѣ-нирари III, при приведеніи въ порядокъ взаимныхъ отношеній, были собраны всѣ договоры и перечислены всѣ войны между Вавилономъ и Ассиріей. Этотъ источникъ представляетъ для насъ то, что обыкновенно называется (въ данномъ случаѣ не вполнѣ вѣрно) синхронистической исторіей отношеній обоихъ государствъ. Начало глиняной таблицы изъ библіотеки Ассурбанипала, на которой начертаны эти свѣдѣнія, обломлено; таблица эта начинается съ договора между Караиндашемъ и Ассуръ-белъ-ниши-шу (XV столѣтіе). Болѣе подробныхъ условій договора не сообщается; говорится только, что оба государства заключили договоры и точно установили границы своихъ областей (см. выше, стр. 18). Изъ этого можно заключить, что содержанія договора не могли уже опредѣлить сами архиваріусы Раммана-нирари; вѣроятно объ этомъ договорѣ и имѣлись только указанія въ царскихъ надписяхъ. То же самое можно сказать о договорѣ между Буссуръ-Ассуромъ, слѣдующимъ изъ упоминаемыхъ царей Ассиріи, и Бурнабуріашемъ (I ?), что уже непосредственно приближаетъ насъ къ тель-амарнскому періоду.

Къ амарнскому времени принадлежитъ Ассуръ-убаллитъ, отъ котораго у насъ имѣется письмо къ Аменготепу IV. О немъ мы имѣемъ также другія извѣстія и можемъ такимъ образомъ прослѣдить его дѣянія. Въ своемъ письмѣ онъ жалуется на предпочтеніе, отдаваемое царю митанскому: мы уже не разъ видѣли, что его областью ассирійцы прежде всего должны

были стараться овладѣть. Онъ упоминаетъ также о письмахъ, которыя отецъ его Ассуръ-надинъ-ахи уже посылалъ къ Аменготепу III. Въ письмѣ Бурнабуріаша къ Аменготепу IV (см. выше, стр. 19) требуется въ то же время, чтобы ассирійцамъ отказано было въ ихъ желаніи завязать сношенія съ Египтомъ, ибо Ассирія не болѣе, какъ вассальное владѣніе Вавилоніи; а правнукъ Ассуръ-убаллита, Рамманъ-нирари I, сообщаетъ, что царскій привѣтъ его прадѣда принимался въ далекихъ странахъ, т.-е. что его дипломатическія попытки завязать сношенія, несмотря на всѣ направленныя противъ этого письма вавилонянина, имѣли успѣхъ, и ассирійскій царь былъ признанъ въ Египтѣ независимымъ царемъ. Онъ имѣлъ также успѣхъ въ сношеніяхъ съ царями Митани. Есть извѣстіе о его побѣдѣ надъ ними; и Ниневія, которую мы видѣли еще въ рукахъ Тушратты, при этомъ послѣднемъ вѣроятно попала во власть Ассуръ-убаллита, который и построилъ храмъ нѣкогда посланной въ Египетъ богини Истаръ (стр. 47). Это былъ повидимому первый ассиріецъ, который, быть-можетъ, впрочемъ только временно называлъ себя „царемъ міра“. По отношенію къ Вавилоніи онъ еще при Бурнабуріашѣ или его преемникѣ Карахардашѣ слѣдовалъ политикѣ счастливой Австріи: Карахардашъ женился на его дочери, а сыномъ ихъ былъ Кадашманъ-харбе, политику котораго и отношеніе къ Ассиріи мы уже знаемъ (стр. 19). Точно также мы видѣли, что умерщвленіе Кадашмана-харбе было для Ассуръ-убаллита удобнымъ случаемъ для того, чтобы вмѣшаться въ дѣла Вавилоніи. Можно допустить, что въ теченіе послѣдней части своей долгой жизни онъ былъ фактическимъ руководителемъ своего несовершеннолѣтняго правнука Куригальцу.

Но опека Ассиріи должна была привести къ непріятнымъ столкновеніямъ, какъ только выросъ молодой царь Вавилона и сталъ способенъ проводить свою собственную политику. Памятники дѣйствительно гласятъ о войнѣ преемника Ассуръ-убаллита, Белъ-нирари, съ Куригальцу, въ которой Вавилонія потерпѣла пораженіе. Регулированье границъ коснулось области, простирающейся „отъ границы Митани (Шубари) до Вавилоніи“. Слѣдующій царь Ассура, Пуди-илъ, воевалъ съ сѣверными народами: съ сути, степными бедуинами, и держалъ въ повиновеніи появляющіяся орды арамеевъ. Сыномъ его былъ Рамманъ-нирари I (около 1300—1270 г.). При немъ Ассирія пожинала плоды предыдущихъ войнъ. Онъ покоряетъ царство Митани и дѣлается „царемъ міра“ послѣ того, какъ ему удается овладѣть Месопотаміей. Этого Вавилонія не въ состояніи была равнодушно видѣть. Хотя борьбу съ Митани она и предоставила Ассиріи, но не могла не стремиться къ пріобрѣтенію Митани, въ виду важнаго значенія этой страны для сношенія съ сѣверомъ и западомъ. При сынѣ Куригальцу, Наци-Марутташѣ, разразилась война. Ассирія вышла побѣдительницей; границей между обѣими областями была признана линія, проходившая приблизительно отъ горъ Синдшаръ черезъ Тигръ на востокъ, къ горамъ Лулуми, т.-е. Ассирія получила область по верхнему теченію рѣки, Вавилонія по нижнему (см. карту „Вавилонія, Ассирія и т. д. до 1100 г.“ при стр. 10).

Салманассаръ I (около 1270 г.) довершилъ дѣло своего отца. Онъ покорилъ провинціи Митани, расположенныя къ западу отъ Евфрата, Ханигальбатъ и Муссри (см. выше, стр. 46), и утвердилъ за собою Месопотамію, подчинивъ себѣ арамеевъ, все болѣе и болѣе распространявшихся: затѣмъ по области, лежащей между обѣими рѣками, проникъ въ Арменію и въ этой культурной странѣ имѣлъ предосторожность для защиты своихъ интересовъ основать ассирійскія колоніи. Какъ видно, Ассирія имѣла еще избытокъ сильнаго населенія, которое искало себѣ новыхъ мѣстъ; это была еще страна, населенная крестьянами. Дѣянія Салманассара оказались жизнеспособными. Хотя впослѣдствіи основанныя имъ колоніи не находили себѣ поддержки отъ метрополіи, однако продолжали существо-

вать и послѣ того, какъ Ассирія два раза теряла эти мѣстности (въ эпоху послѣ Тукульти-Нинипа I и послѣ Тиглатъ-Пилезера I). Когда Ассурбанипалъ опять направился къ Арменіи (около 860 г.), онъ еще нашелъ эти колоніи, хотя въ нихъ ассирійскіе поселенцы сильно пострадали. Дальнѣйшее свидѣтельство способности Ассиріи расширять свои предѣлы представляютъ клинообразные тексты изъ Каппадокіи, въ которыхъ часто попадаются ассирійскія имена, а появленіе ихъ мы также привели въ связь съ успѣхами этого времени (стр. 4 и 18).

Старая столица Ассуръ не могла уже больше служить центромъ новаго обширнаго царства. Поэтому Салманассаръ перемѣстилъ резиденцію выше по теченію рѣки на лѣвый берегъ Тигра, на мѣсто, болѣе отвѣчающее новымъ условіямъ и требованіямъ. Новой столицей сдѣлался городъ Калахъ (Нимрудъ), лежащій въ углу между Тигромъ и верхнимъ Цабомъ. Насколько эта столица имѣла цѣлью стоять на стражѣ Месопотаміи, видно уже изъ того факта, что при ослабленіи ассирійскаго могущества столицей снова сдѣлался Ассуръ, а затѣмъ, при новомъ усиленіи въ царствованіе Ассурназирпала снова резиденціей избранъ былъ г. Калахъ.

Какъ только были устранены Митани, и власть надъ Месопотаміей была утверждена, ясно было, что Ассирія столкнется съ Вавилоніей, но еще не было рѣшено, дастъ ли она Вавилоніи напасть на себя или сама предупредитъ ее. Ассирія всегда охотно играла роль стороны нападающей, и уже при Салманассарѣ она начала войну съ Кадашманъ-Буріашемъ. При преемникѣ Салманассара, Тукульти-Нинибѣ, война эта продолжалась. Послѣ борьбы съ Бибеяшу, вѣроятно при ихъ преемникѣ Белъ-надинъ-шумѣ I (или при Кадашманъ-харбе II?), Тукульти-Нинибъ завоевалъ тѣснимый Эламомъ Вавилонъ (см. выше, стр. 21) и такимъ образомъ сдѣлался властителемъ всей Вавилоніи. „Тукульти-Нинибъ, царь міра, сынъ Салманассара, завоеватель земли Кардуніашъ“, такъ названъ онъ на печати, вновь найденной при Санхерибѣ, отъ которой дошла до насъ копія съ подписи, снятая Санхерибомъ. Печать сдѣлана „за 600 лѣтъ до Санхериба“, гласитъ приписка, очень важная намъ для опредѣленія времени (около 1275 г.). Тукульти-Нинибъ не носилъ титула царя Вавилона; но, быть-можетъ, подъ его покровительствомъ были коронованы сначала Кадашманъ-харбе II, а затѣмъ Рамманъ-шумъ-иддинъ.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось семь лѣтъ. Затѣмъ возстала вавилонская знать, изгнала ассирійцевъ и посадила на престолъ Рамманъ-шумъ-уссура. Если мы сравнимъ подобное же положеніе вещей передъ смертью Санхериба съ возстаніемъ въ концѣ царствованія Ассаргаддона, то получимъ ключъ къ пониманію того, что въ связи съ этимъ повѣствуетъ хроника, которой мы обязаны этими данными. „Ассуръ-нассиръ-апли, сынъ его и знатные ассирійцы возстали, свергли его съ престола. Въ одномъ домѣ въ Каръ-Тукульти-Нинибѣ они его заперли и убили его оружіемъ“. Судя по этому, мы должны принять, что Тукульти-Нинибъ, подобно позднѣйшимъ ассирійскимъ царямъ, находившимся въ такомъ же положеніи, допустилъ вліяніе Вавилоніи на свою политику; это должно было вызвать неудовольствіе въ Ассиріи, гдѣ боялись, что болѣе высоко развитые вавилоняне вытѣснятъ ассирійцевъ изъ господствующаго положенія. Возстаніе слѣдовательно было военнымъ возстаніемъ ассирійцевъ противъ угрожавшаго имъ перевѣса вавилонянъ. Вѣроятно ассирійская революціонная партія вошла въ соглашеніе съ самими вавилонянами, и изгнанный изъ Вавилона Тукульти-Нинибъ нашелъ все въ Ассиріи въ рукахъ своего сына. Какъ показываетъ названіе, онъ кинулся въ выстроенную имъ крѣпость; тамъ онъ умеръ. По упомянутой хроникѣ, онъ процарствовалъ шесть лѣтъ, когда завоевалъ Вавилонъ, и продержался тамъ семь лѣтъ; такимъ образомъ царствованіе его продолжалось только 13 лѣтъ.

Если возстаніе имѣло въ виду отдѣленіе отъ Вавилоніи, то оно вполнѣ

достигло цѣли; ибо съ этихъ поръ борьба опять могла начаться сызнова, и прежде всего Месопотамія могла быть защищаема противъ снова усилившагося противника. Объ Ассурѣ-нассир-апли I мы больше ничего не знаемъ. Но, какъ кажется, при немъ, а затѣмъ и при его преемникахъ Ассурѣ-нарара и Набудаянѣ, двухъ братьяхъ, царствовавшихъ одновременно, Ассирія, благодаря событіямъ (неудивительнымъ при двухъ братьяхъ, сидѣвшихъ на престолѣ) была сведена вавилоняниномъ Рамманъ-шумъ-уссуромъ совершенно къ тѣмъ же предѣламъ, какіе имѣла при Ассуръ-убаллитѣ. Тонъ письма, посланнаго вавилонскимъ царемъ къ ассирійцамъ, сильно отличается отъ обычной вѣжливости. Пишущій не называетъ обоихъ ассирійскихъ царей своими „братьями“, а отдаетъ имъ рѣзкія приказанія, какъ подчиненнымъ. Съ этимъ согласуется то, что Рамманъ-шумъ-уссуръ именуется „царемъ міра“. Ассирія слѣдовательно была ограничена такимъ образомъ „страною Ассуръ“.

Ассирія не разъ пыталась снова пріобрѣсть себѣ Месопотамію. Белъкудуръ-уссуръ, быть-можетъ, преемникъ обоихъ упомянутыхъ братьевъ, палъ въ борьбѣ съ Рамманъ-шумъ-уссуромъ, котораго постигла та же судьба. Сынъ его, Нинибъ-апалъ-екуръ, повелъ войско назадъ въ Ассуръ; здѣсь ему повидимому пришлось выдержать осаду вавилонянъ въ царствованіе новаго царя Мелишиху.

б) Второй расцвѣтъ ассирійскаго могущества.

Преобладаніе Вавилоніи продолжалось еще при сынѣ Мелишиху, Меродахъ-Баладанѣ I; ибо этотъ царь еще хвалится побѣдой надъ Ассиріей (при Нинибъ-апалъ-екурѣ или сынѣ его Ассуръ-данѣ) и также называетъ себя „царемъ міра“. Лишь преемникъ Меродахъ-Баладана I Цаммамашумъ-иддинъ потерпѣлъ пораженіе отъ Ассуръ-дана на вавилонской почвѣ, по лѣвую сторону отъ нижняго Цаба (около 1200 г.). Но этой побѣдой Ассирія еще не вернула себѣ Месопотаміи; мы видѣли, что и первые цари изъ династіи Паше (стр. 22) еще владѣли ею; Небукаднесаръ I даже еще разъ проникъ до Палестины. За Ассуръ-даномъ послѣдовалъ Мутаккилъ-Нуску. Сыномъ этого послѣдняго былъ Ассуръ-ришъ-исхи, современникъ и противникъ Небукаднесара I. По „синхронистической“ исторіи ассиріецъ въ нѣсколькихъ войнахъ оставался побѣдителемъ. Онъ снова занялъ Месопотамію; въ одной изъ его надписей говорится еще объ усмиреніи месопотамскихъ арамейскихъ ордъ и о побѣдахъ надъ лулумеями въ западной области Цагроса и надъ сѣверными народами кути.

Если его дѣятельность при этомъ новомъ расцвѣтѣ Ассиріи соотвѣтствуетъ тому, что при первомъ расцвѣтѣ совершилъ Рамманъ-нирари I, то царствованіе преемника Небукаднесара, Тиглатъ-Пилезера I (около 1100 г.) является повтореніемъ успѣховъ и распаденія Ассиріи при Салманассарѣ I и Тукульти-нинибѣ. Прежде всего надо было обезпечить за собою Месопотамію походами на сѣверъ и новымъ отвоеваніемъ Ханигальбата и Муссри, лежащихъ къ западу отъ Евфрата; о распространеніи появляющихся здѣсь народовъ мы скажемъ, говоря о движеніи „хеттовъ“. Отъ Тиглатъ-Пилезера мы имѣемъ надпись, касающуюся пяти первыхъ лѣтъ его войнъ въ этихъ мѣстностяхъ. Онъ прежде всего очистилъ мѣстность къ сѣверу отъ Месопотаміи, оттѣснивъ или побѣдивъ вторгшіяся сюда племена, и по области между обѣими рѣками направился къ Арменіи, слѣдовательно старался обезпечить за собою ту самую область, которую однажды Салманассаръ населилъ ассирійскими колонистами. Далѣе, онъ завоевалъ „земли Наири“, области, лежащія къ югу отъ озера Ванъ, т.-е. горную страну между Арменіей и Месопотаміей. Во время одного изъ этихъ походовъ онъ при истокахъ Субната (Себене-Су), первоначальнаго источника Тигра, воздвигъ свое изображеніе, сохранившееся до нашихъ дней, съ краткой надписью,

въ которой говорится о трехъ подобныхъ походахъ въ земли Наири. Затѣмъ, подобно Салманассару, онъ усмирилъ арамейскія орды, распространившіяся по месопотамскимъ степямъ, и часть ихъ перегналъ черезъ Евфратъ въ область Кархемишъ. Онъ перешелъ даже черезъ самую рѣку и взялъ семь занятыхъ арамейцами крѣпостей „въ области горъ Бишри“ — это та самая область, которая при Салманассарѣ II является какъ лежащая направо отъ Евфрата часть Битъ-Адини съ городомъ Тиль-Башери; во времена крестовыхъ походовъ страна эта составила ленъ Жосслена Телль-Баширскаго, ленника графства Эдессы. Здѣсь Тиглатъ-Пилезеръ осадилъ также Питру, лежащій въ углу между Евфратомъ и Сагуромъ, библейскій Пеѳоръ (по ошибкѣ считаемый родиной Валаама), и заселилъ его ассирійскими колонистами. Затѣмъ, опять-таки подобно Салманассару I, онъ покорилъ Мелитену (Ханигальбатъ), потомъ Муссри, находившуюся въ рукахъ кумани, и возстановилъ, такимъ образомъ, прежніе предѣлы месопотамскаго царства.

Отсюда онъ даже предпринялъ походъ въ Финикію: въ Арвадѣ онъ выплылъ въ море, чтобы въ качествѣ царственнаго любителя охоты присутствовать при ловлѣ морскихъ звѣрей. По этому случаю онъ упоминаетъ о томъ, какъ онъ обмѣнялся подарками съ египетскимъ царемъ, который между прочимъ прислалъ ему крокодила (namsuch). Кто былъ этотъ фараонъ, мы еще не знаемъ. Но мы видимъ, что сношенія обоихъ культурныхъ государствъ между собою еще не были прерваны, и что египетскіе цари въ это время, когда образуются царства Саула и Давида, еще не упускали изъ виду Палестины, хотя фактически слово ихъ имѣло тамъ мало значенія. Переписка между обоими царями дошла до насъ. Если же принять въ соображеніе, что еще не задолго до того эти сѣверныя финикійскія области находились въ рукахъ Небукаднесара, то можно себѣ представить, что при обмѣнѣ подарковъ шла рѣчь и о болѣе важныхъ вещахъ, а именно о разграниченіи сферы интересовъ обоихъ государствъ въ Палестинѣ.

Послѣ того какъ, такимъ образомъ, обезпеченъ былъ западъ, естественно опять настала очередь востока. Тутъ наступаетъ та часть царствованія Тиглатъ-Пилезера, которая соотвѣтствуетъ роли Тукульти-Ниниба. Синхронистическая исторія повѣствуетъ намъ о двухъ побѣдоносныхъ войнахъ противъ Мардука-надинъ-ахи вавилонскаго, причемъ сѣверо-вавилонскіе города, а вмѣстѣ съ ними и Вавилонъ были будто бы завоеваны; а маленькій отрывокъ изъ лѣтописей Тиглатъ-Пилезера повѣствуетъ о его въѣздѣ въ самый Вавилонъ. Но за быстрымъ успѣхомъ вѣроятно послѣдовала столь же быстрая неудача: при завоеваніи Вавилона, въ 689 г., Санхерибъ нашелъ тамъ статуи боговъ, которыя „418 лѣтъ“ тому назадъ, „во времена Тиглатъ-Пилезера“ Мардукъ-надинъ-ахи похитилъ изъ Ассиріи; а тотъ же Мардукъ-надинъ-ахи въ одной изъ своихъ надписей именуетъ себя „царемъ Сумера и Аккада“ и „царемъ міра“, слѣдовательно обладалъ не только всею Вавилоніей, но отвоевалъ также и Месопотамію. Судя по этому, Тиглатъ-Пилезеръ долженъ былъ снова сразу потерять все, что тѣмъ временемъ было пріобрѣтено. Ассирія опять заняла такое же положеніе, какъ послѣ сверженія Тукульти-Ниниба.

Послѣ Тиглатъ-Пилезера царствовали его сыновья Ассуръ-белъ-кала и Шамши-Рамманъ (I). Месопотамію мы теперь должны представлять себѣ находящеюся подъ верховной властью Вавилоніи, хотя власть эта не могла быть особенно сильной, какъ показываютъ захваты арамейцевъ; Ассирія опять владѣетъ только „страною Ассуръ“, и должна въ третій разъ начинать свое дѣло сызнова. Правда, Вавилонія въ это время тоже не представляетъ собою сильнаго противника, и, такимъ образомъ, обѣ страны первый разъ живутъ въ мирѣ. Ассуръ-белъ-калъ и Мардукъ-шапикъ-ципръ-мати, изъ которыхъ послѣдній былъ „царемъ міра“, т.-е. владѣлъ

Месопотаміей, подобно своему предшественнику, заключили между собою миръ. Когда вавилонянинъ умеръ, и на престолъ вступилъ Рамманъ-аплу-иддинъ, то ассиріецъ женился на его дочери и, по синхронистической исторіи, получилъ „богатое приданое; оба народа жили въ мирѣ другъ съ другомъ“. О братѣ и преемникѣ его Шамши-Рамманѣ намъ ничего болѣе неизвѣстно; въ дошедшихъ до насъ данныхъ находится пробѣлъ почти въ 100 лѣтъ, въ теченіе которыхъ мы не знаемъ ничего путнаго ни объ Ассиріи, ни о Вавилонѣ.

Изъ позднѣйшихъ извѣстій, относящихся ко временамъ Салманассара II, мы узнаемъ, что въ этотъ періодъ долженъ былъ царствовать въ Ассиріи Ассуръ-ирби. Царь этотъ, повидимому, сдѣлалъ попытку возвратить потерянное, такъ какъ Салманассаръ упоминаетъ о томъ, что онъ воздвигъ статую на берегу моря. Тутъ можетъ идти рѣчь только объ озерѣ Ванъ или о Средиземномъ морѣ; общая связь фактовъ скорѣе свидѣтельствуетъ, что было послѣднее. Неизвѣстно также, находилась ли статуя Салманассара при Наръ-эль-Кельбѣ къ сѣверу отъ Бейрута, или была воздвигнута сѣвернѣе.

Другое извѣстіе гласитъ, что осажденный при немъ Тиглатъ-Пилезеромъ Питру (см. выше стр. 54) былъ захваченъ арамеями. Это приводитъ насъ къ движенію, положившему свою печать на эту эпоху.

в) Вторженіе арамеевъ.

На ряду съ вторженіемъ касситовъ съ востока и „хеттовъ“ (митани) съ сѣверо-запада, Месопотамія и Вавилонія въ это время сдѣлались цѣлью третьяго упомянутаго нами (стр. 8) нашествія семитовъ, а именно нашествія арамеевъ. Мы уже не разъ видѣли, что ассирійскіе цари, овладѣвъ Месопотаміей (Пуди-илъ, Салманассаръ I, Ассуръ-ришъ-иши, Тиглатъ-Пилезеръ I), должны были сдерживать „арамейскія орды“, занимавшія Месопотамію, и старались прогнать ихъ за рѣку. Значитъ, уже въ 1300 г. страна была наводнена этими еще кочующими арамеями (Тиглатъ-Пилезеръ I опредѣленно характеризуетъ ихъ, какъ кочевниковъ), наводнена совершенно такъ же, какъ мы это представляли себѣ при описаніи предшествовавшихъ нашествій.

Сначала цѣлью ихъ движенія была Месопотамія съ ея обширными степями; отсюда они подвинулись по направленію къ Вавилоніи. Эту послѣднюю они заняли лишь впослѣдствіи, также явившись съ сѣвера, подобно „ханаанеямъ“ и „вавилонскимъ семитамъ“; въ Вавилоніи они не разъ встрѣчались намъ, какъ „арамейскія племена“ въ періодъ ассирійскаго господства надъ Вавилоніей (Тиглатъ-Пилезеръ III и его преемники; см. стр. 27 и 29). Здѣсь противъ нихъ направилось съ юга движеніе халдеевъ. Кромѣ того, можно ясно прослѣдить, какъ племена, надвинувшіяся передъ арамеями и, вѣроятно, наиболѣе имъ родственныя, какъ „евреи“ „ханаанеямъ“ — мѣшали ихъ распространенію въ этихъ мѣстностяхъ. Это сути, которые, какъ мы видѣли, еще при Ассуръ-убаллитѣ и Кадашманъ-харбе владѣли сирійской пустыней (см. стр. 20 и 23). Этихъ сути арамеи оттѣснили въ Вавилонію, гдѣ они въ 12 столѣтіи при царяхъ изъ династіи „Приморской страны“ упоминаются какъ опустошители, и, наконецъ, отодвинули на лѣвый берегъ Тигра до самыхъ горъ, гдѣ они еще упоминаются при Саргонѣ (въ Іамутбалѣ). Такимъ образомъ, еще въ 8 столѣтіи можно ясно различить въ Вавилоніи наслоеніе, происшедшее благодаря этимъ переселеніямъ, въ видѣ смѣны сути арамеями. Какъ эти племена въ то время, когда касситы при слабости Вавилоніи могли основать свое могущество, впервые явились въ страну, такъ послѣ 1100 г., когда ни Ассирія, ни Вавилонія не въ силахъ были оказать имъ сильнаго сопротивленія, они тѣмъ болѣе безпрепятственно могли распространиться. Въ

это время произошло также упомянутое опустошеніе Вавилоніи оттѣсненнымъ арамеями впередъ племенемъ сути; поэтому къ этому же времени мы должны отнести и вторженіе въ сѣверную Вавилонію, впослѣдствіи утвердившихся тамъ арамейскихъ племенъ.

Въ то же время арамеи заняли еще болѣе открыто расположенную Месопотамію и здѣсь сыграли ту же самую роль, какую мы не разъ рисовали, изображая ходъ переселеній. Въ то время какъ противоположное имъ теченіе халдеевъ держало ихъ вдали отъ городовъ, и они оставались въ открытыхъ мѣстахъ страны, они заняли всю Месопотамію: гдѣ мы опять можемъ почерпать свѣдѣнія изъ ассирійскихъ источниковъ, тамъ въ Месопотаміи мы находимъ арамейскія государства и господствующее арамейское населеніе. Въ то время языкомъ страны Сури (см. выше стр. 12) сдѣлался арамейскій, и понятія „сирійцы“ и „арамеи“, первоначально совершенно различныя, начали становиться синонимами. Мы указали на подобное явленіе при занятіи Питру (стр. 54); мы должны представить себѣ, что столѣтіе, протекшее послѣ Тиглатъ-Пилезера и не освѣщенное никакими другими извѣстіями, было наполнено въ Месопотаміи многочисленными подобными случаями. Само собою разумѣется, что ассирійскіе цари не глядѣли, сложа руки, на подобное явленіе, такъ какъ, повидимому, при Ассуръ-ирби произошло, какъ мы указывали, движеніе противъ арамеевъ. Вообще, вполнѣ естественно, что эта борьба велась то съ той, то съ другой стороны, и что протекала она, вѣроятно, по примѣру халдеевъ въ Вавилоніи.

Д. Среднее ассирійское царство.

Хотя Вавилонъ и Ассирія не были въ состояніи охранить Месопотамію отъ вторженія арамеевъ, но все-таки могли спорить изъ-за обладанія ею. Мы видѣли, что послѣ Тиглатъ-Пилезера Вавилонъ былъ сильнѣе Ассиріи; и это отношеніе, повидимому, продолжалось до начала „халдейской династіи“ (см. стр. 24). Но какъ только намъ снова приходится имѣть дѣло съ ассирійскими памятниками, то вопросъ этотъ оказывается рѣшеннымъ разъ навсегда: съ этихъ поръ всѣ ассирійскіе цари до конца Ассиріи называютъ себя „царями міра“.

Имена такихъ царей, рядъ которыхъ съ этихъ поръ больше не прерывается, слѣдующія: Тиглатъ-Пилезеръ II, извѣстный только изъ генеалогіи своего внука (около 950 г.); Ассуръ-данъ II, поименованный тамъ же (около 930 г.); Рамманъ-нирари II, извѣстный по небольшой надписи. Съ царствованія послѣдняго начинается „канонъ эпонимовъ“ (списокъ лиму); тамъ перечисляются ассирійскіе эпонимы (лиму), по которымъ обозначаются отдѣльные годы. Съ этихъ поръ почти до конца ассирійскаго царства въ каждый годъ ассирійской исторіи, по крайней мѣрѣ, приводится по одному лиму.

Всѣ три указанныхъ царя именуются титуломъ „царь міра, царь Ассура“, постоянно съ этихъ поръ употребляющимся. Месопотамія уже прочно вошла въ составъ ассирійскаго царства. Харранъ и Ассуръ являются столицами обѣихъ частей страны. Но изъ нихъ одна часть совершенно занята арамейскимъ населеніемъ, которое въ старыхъ городахъ навѣрное доставляло старому населенію непріятности въ родѣ тѣхъ, какія халдеи доставляли вавилонянамъ (стр. 25); населеніе это обнимаетъ рядъ арамейскихъ государствъ, князья которыхъ пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы сдѣлаться независимыми или самимъ присвоить себѣ власть. Такъ, при Харранѣ расположено арамейское государство, Битъ-Адини, одно изъ ленныхъ владѣній графства Эдессы, захваченнаго крестоносцами (см. выше стр. 54), какъ при Вавилонѣ находилось халдейское Битъ-Дакури; другія государства мы еще увидимъ при

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Ассурназирпалѣ. Подчиненіе этихъ государствъ и племенъ было поэтому ближайшей задачей ассирійскаго царства, если оно само не желало сдѣлаться предметомъ ихъ завоеванія и подпасть подъ ихъ власть, какъ Вавилонія подпала подъ власть халдеевъ.

За Рамманъ-нирари II послѣдовалъ его сынъ Тукульти-нинибъ II (890—885). Во время одного похода своего въ „страны Наири", онъ приказалъ высѣчь надпись рядомъ съ надписью Тиглатъ-Пилезера I при истокахъ Субната (см. стр. 55 и 61). То же самое сдѣлали Ассурназирпалъ и Салманассаръ II, его сынъ и его внукъ. Судя по своей надписи, Тукульти-нинибъ старался укрѣпить свою власть надъ мѣстностями Ассиріи, колонизированными Салманассаромъ и снова завоеванными Тиглатъ-Пилезеромъ. Такимъ образомъ, при Ассурназирпалѣ обладаніе этими мѣстностями предполагается.

При Ассурназирпалѣ (Ассуръ-нассиръ-апли) II (885—860) источники наши снова становятся обильными: отъ него дошло до насъ нѣсколько весьма обстоятельныхъ надписей, подробно описывающихъ его походы. Именно этотъ царь водворилъ порядокъ въ Месопотаміи и положилъ конецъ самостоятельности арамейскихъ государей. Онъ уничтожилъ здѣсь ленную зависимость и ввелъ управленіе провинціями. Его разсказы объ этомъ въ то же время разъясняютъ намъ положеніе страны.

Въ первый же годъ его царствованія (884) вспыхнуло возстаніе въ арамейскомъ государствѣ Битъ-Хадиппи (или Битъ-Халупи, въ нижнемъ теченіи Хабура; см. прилагаемую карту „Вавилонія, Ассирія и сосѣднія страны отъ 1100—745 г. до Р. Х."); тамъ убитъ былъ князь, державшій сторону Ассиріи, т.-е. уже раньше покоренный, и на его мѣсто былъ посаженъ князь изъ сосѣдняго Битъ-Адини (близъ Харрана), одного изъ главныхъ противниковъ Ассиріи (см. ниже). Ассурназирпалъ стоялъ на берегу Евфрата въ Куммухѣ и поспѣшилъ въ Битъ-Хадиппи. Дорогой арамейскіе князья Хадиканны (или Гардиканны) и Хуны поторопились доказать свою преданность при помощи уплаты дани. При появленіи Ассурназирпала подчинилась Сура, столица Битъ-Хадиппи, и выдала своего князя Ахи-ябаба, но это не спасло ее отъ разрушенія. Ази-илъ, туземный шейхъ, былъ посаженъ тамъ ассирійскимъ „намѣстникомъ".

Ходъ этого возстанія представляетъ собою типъ борьбы Ассиріи съ арамеями, а также съ другими племенами, находившимися въ подобномъ же положеніи. Если представлялся удобный случай, то эти племена искали союза съ другими и прекращали уплату дани, но рѣдко оказывали сопротивленіе ассирійскому войску. На правомъ берегу Евфрата, начиная съ Сиріи вплоть до Вавилоніи, Ассурназирпалу были извѣстны три такихъ полу-кочевыхъ государства, возникшихъ въ качествѣ результата арамейскаго нашествія: Лаки, Хиндану (область близъ устья Хабура) и Сухи. Эти государства были покорены въ нѣсколько походовъ. Мы уже видѣли (стр. 25), что въ войнѣ съ Сухи фактически принимала участіе и Вавилонія. Вообще, всѣ эти возстанія предпринимались не на авось, а по соглашенію съ крупными державами, т.-е. съ Вавилоніей. Вавилонъ пытался, такимъ образомъ, возстановить свое вліяніе на Месопотамію и оставилъ эту мысль, вѣроятно, только тогда, когда она вся обращена была въ ассирійскія провинціи.

Важнѣйшимъ противникомъ былъ князь Ахуни Битъ-Адинскій, т.-е. князь того арамейскаго государства, которое соприкасалось съ областью г. Харрана въ сѣверной Месопотаміи (см. карту при этой стр. и см. выше стр. 54); благодаря проискамъ Ахуни, произошло большинство возстаній мелкихъ государствъ при р. Хабурѣ. Противъ Ахуни обратился Ассурназирпалъ (878), какъ только усмирилъ берега Хабура и Евфрата. Ахуни подчинился, подчинился также и союзникъ его Хабини изъ Тель-абнаія. Во время похода въ Сирію въ слѣдующемъ году (877) Ассурназирпалъ еще разъ

прошелъ по этимъ областямъ и приказалъ имъ платить дань; Ахуни долженъ былъ даже послѣдовать за войскомъ. Арамейскіе князья, жившіе по ту сторону Ефрата въ сѣверной Сиріи, также платили въ то время дань. Арамейскіе походы не были трудными войнами: безпокойные бедуины уже сдѣлались крестьянами и безъ труда подчинялись всякому большому войску.

Бо́льшую часть походовъ Ассурназирпалъ предпринималъ на сѣверъ въ страны Наири, гдѣ надо было отвоевать или укрѣпить за собою старыя владѣнія. Изъ областей, находившихся къ западу и къ югу отъ горы Мазія, были выведены обратно поселенные здѣсь ассирійцы (стр. 52), которымъ приходилось терпѣть отъ окружающаго населенія и которые разсѣялись въ горахъ; провинція же Тушха вновь была упрочена за Ассиріей. Тамъ же съ варварской строгостью была наказана отпавшая отъ Ассиріи и населенная ассирійцами Тела; подобная же участь постигла отложившагося отъ Ассиріи намѣстника Хулая, который собирался занять Дамдамузу. Нѣсколько походовъ было сдѣлано черезъ Тигръ еще глубже въ „страны Наири“. Точно такъ же Ассурназирпалъ по другую сторону отъ Арбелы дошелъ почти до озера Урміи, гдѣ важнѣйшими изъ покоренныхъ странъ были Хубушкія, Цамуа и Гильцанъ.

Послѣ того, какъ Ассурназирпалъ, подобно Тиглатъ-Пилезеру I, достигъ своихъ ближайшихъ цѣлей, онъ (въ 877 г.) предпринялъ походъ въ Финикію. Начавъ свой походъ изъ покореннаго Битъ-Адини, царь переправился черезъ Евфратъ на употребляющихся и донынѣ плотахъ изъ надутыхъ бараньихъ шкуръ и по лѣвому берегу пошелъ внизъ по теченію рѣки въ Кархемишъ, „столицу страны Хатти“. Сангара, „царь страны Хатти“, заплатилъ дань и присоединилъ требуемое отъ него число воиновъ къ арміи Ассурназирпала. Къ области Кархемиша примыкало съ запада, приблизительно отдѣляемое Сагуромъ, сирійское государство Патинъ, занятое тогда арамеями; оно охватывало область къ сѣверу отъ Антіохійскаго озера, такъ называемую область Амкъ (Amq), а къ югу доходило до Оронта. Сначала былъ завоеванъ Ацацъ; когда же ассирійское войско, переправившись черезъ Афринъ (Апре), подошло къ столицѣ Куналуа, то ему подчинился царь Лубарна или Либурна, заплатилъ дань и въ теченіе всего похода долженъ былъ слѣдовать за войскомъ. Точно такъ же поступилъ Гузи, князь арамейскаго государства Іаханъ (близъ Арпада).

Отъ Куналуи войско Ассурназирпала отправилось черезъ протекающую на западѣ Амка рѣчку Кара-су, а затѣмъ направилось къ югу и переправилось черезъ Оронтъ ниже озера. Здѣсь въ самомъ сѣверномъ углу финикійскаго берега, принадлежавшемъ къ Патину, и который Ассурназирпалъ называетъ „Лухути“, онъ, по примѣру Салманассара I въ Наири, основалъ ассирійскую колонію Арибуа. Затѣмъ походъ направился далѣе къ югу вдоль берега моря, и на берегу были принесены жертвы богамъ. Вѣроятно, это было то мѣсто близъ Наръ-эль-Кельба, гдѣ сохранились развалины ассирійскаго рельефа, быть-можетъ, представляющія воздвигнутый тамъ Ассурназирпаломъ памятникъ въ знакъ побѣды. Арвадъ, Гебалъ, Сидонъ, Тиръ, а изъ задней части страны амориТяне прислали дань. Другая часть войска была послана къ сѣверу въ горы Аманъ, чтобы тамъ нарубить кедровъ для ниневійскихъ построекъ; Тиръ — самое южное государство, о которомъ упоминается. Въ Израилѣ царствовала въ то время династія Омри. Тамъ, вѣроятно, внимательно и тревожно слѣдили за движеніями ассирійскаго войска; но Ассурназирпалъ не рѣшился идти далѣе, такъ какъ болѣе южныя области платили дань Дамаску и находились подъ его покровительствомъ, а Дамаскъ былъ въ то время господствующимъ въ Сиріи государствомъ. Съ нимъ Ассурназирпалъ не осмѣлился вступить въ борьбу. Такъ какъ онъ боялся Дамаска, то не упоминаетъ о немъ ни единымъ слогомъ; но дани онъ требовалъ только отъ такихъ го-

сударствъ, которыя не находились подъ вліяніемъ дамасскаго царя. Во всемъ прочемъ походъ Ассурназирпала былъ приблизительно повтореніемъ похода Тиглатъ-Пилезера I, въ лицѣ котораго Ассурназирпалъ ясно усматривалъ примѣръ для себя.

Важнѣйшимъ дѣломъ его царствованія слѣдуетъ считать упроченіе за нимъ Месопотаміи. Какъ это уже сдѣлалъ однажды Салманассаръ I, онъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, перенесъ резиденцію Ассура въ Калахъ, гдѣ дворецъ его, извѣстный подъ названіемъ „сѣверо-западнаго дворца“, былъ открытъ Лэйардомъ; онъ устроилъ также водопроводъ отъ Цаба къ городу.

Преемникъ Ассурназирпала, Салманассаръ II (860—825 г.) вездѣ продолжалъ дѣло своего отца, гдѣ оно не было доведено до конца. Намъ извѣстны успѣхи его въ Вавилоніи (см. выше, стр. 26). Въ Месопотаміи онъ большею частью присвоилъ себѣ покоренныя вассальныя владѣнія арамейскихъ князей и отдалъ ихъ въ управленіе ассирійскихъ чиновниковъ, сѣвернѣе покорилъ тѣ же области, что и его отецъ, и еще другія, наконецъ въ Сиріи сдѣлалъ слѣдующій шагъ, напавъ на Дамаскъ, такъ заботливо избѣгаемый его отцомъ.

Первые годы царствованія Салманассара II были посвящены месопотамскимъ дѣламъ. Въ три похода (869—857) былъ побѣжденъ Ахуни Битъ-Адинскій, снова успѣвшій отпасть; его область обращена была въ провинцію и отчасти населена ассирійцами. Такая же судьба въ 854 г. постигла другого арамейскаго князя, Гіамму, въ долинѣ Балиха. Такимъ образомъ мало-по-малу прекратилось всякое самоуправленіе арамеевъ въ Месопотаміи: они обратились въ ассирійскихъ подданныхъ.

Какъ для Ассурназирпала, такъ и для Салманассара естественнымъ продолженіемъ покоренія Месопотаміи было занятіе Сиріи и по возможности Палестины. Сѣверную часть, Патинъ, покорилъ его отецъ; теперь же нужно было побѣдить государство, столкновенія съ которымъ избѣгалъ Ассурназирпалъ и которое господствовало надъ всей Кэлесиріей и Палестиной. Въ 854 г. Салманассаръ переправился черезъ Евфратъ при Тиль-Бурсипѣ, еще недавно бывшемъ столицей Ахуни, а теперь сдѣлавшемся резиденціей ассирійскаго намѣстника, и направился къ югу, къ Питру, также снова отнятому у арамеевъ и управлявшемуся ассирійскимъ правителемъ. Здѣсь Салманассаръ принялъ дань отъ сирійскихъ князей, добровольно подчинявшихся ему или подчинившихся раньше. Это были Сангаръ изъ Кархемиша, который въ 877 г. уже призналъ власть Ассурназирпала, Кундаспи изъ Куммуха, Араме изъ Гузи, Лалли изъ Мелитене (также уже платившій дань Ассурназирпалу), Хаіани изъ Габаръ-Сам'ала, Кальпарунда изъ Патина и Гургумъ (оба послѣдніе изъ области Сендширли, князья частей бывшаго Патина). Отсюда походъ направился далѣе въ Алеппо, который не оказалъ сопротивленія; здѣсь Салманассаръ принесъ жертву Гададу или Рамману, божеству этого города.

Направившись отсюда къ югу, онъ подошелъ къ области, принадлежащей къ Дамаску, къ границѣ Гамата, князь котораго, Ирхулини, находился въ союзѣ съ царемъ Дамаска, Биръ-идри, или по крайней мѣрѣ платилъ ему дань. При Каркарѣ, близъ Гамата, противъ Салманассара выступилъ со своимъ войскомъ Биръ-идри. Изъ вассаловъ, слѣдовавшихъ за его войскомъ, упоминаются: Ирхулини изъ Гамата, Ахавъ изъ Израиля, князья Куе (Киликіи), Муссри (стр. 46 и 54), Ирканы, Матинъ-баалъ изъ Арвада, князья Узаны, Сіаны (сѣверные финикіяне), Гиндибу, князь арабовъ (первое упоминаніе о таковыхъ), Ба'за изъ Аммона. Само собою разумѣется, что Салманассаръ приписываетъ себѣ большую побѣду; однако, результатомъ битвы было возвращеніе его въ Ассирію, причемъ могущество Дамаска продолжало существовать во всей своей полнотѣ. Такъ какъ событія въ Вавилоніи (852 и 851 гг.) помѣшали немедленному повторенію

этой попытки, то лишь въ 849 г. попытка эта была повторена, но также неудачно. Не повезло Салманассару и въ слѣдующемъ году (848 г.), когда онъ съ Амана, т.-е. изъ платившей ему дань области Патинъ, напалъ на Гаматъ, также „одержалъ побѣду" и снова безъ всякаго успѣха долженъ былъ вернуться въ Ассирію. Итакъ, Дамаскъ оказался равнымъ по силѣ противникомъ; здѣсь ассирійскому войску дѣйствительно пришлось имѣть дѣло съ настоящимъ организованнымъ войскомъ, а не съ дружинами нецивилизованнаго племени. Тѣмъ больше усилій приходилось дѣлать Салманассару для того, чтобы разбить этого противника, послѣ пораженія котораго онъ долженъ былъ завладѣть всей Сиріей и Палестиной. Три года спустя (845 г.) онъ поэтому предпринялъ походъ, на этотъ разъ собравъ всеобщее ополченіе (см. выше, стр. 49). Но и противникъ выставилъ необычайно сильное войско, и „побѣда" Салманассара, о которой повѣствуется въ его надписяхъ, была на этотъ разъ такова же, какъ и прежнія.

Онъ добился успѣха лишь въ 842 г., когда въ Дамаскѣ произошла перемѣна царствованія, и когда Салманассару удалось отчасти переманить на свою сторону вассаловъ. Биръ-идри умеръ, и царемъ Дамаска сдѣлался Газаэль; между тѣмъ въ Израилѣ, благодаря возстанію, вступилъ на престолъ Іиуй и искалъ поддержки у Ассиріи. Вообще на этотъ разъ Дамаскъ былъ совершенно одинъ; мы уже довольно часто видѣли, что смерть одного царя является знакомъ для всеобщаго отпаденія вассаловъ. Такимъ образомъ Газаэль былъ предоставленъ самому себѣ. Салманассаръ подошелъ съ сѣвера вдоль берега, потомъ, двинувшись отъ Бейрута, гдѣ при Наръ-эль-Кельбѣ приказалъ высѣчь одинъ изъ своихъ вывѣтрившихся памятниковъ, направился противъ Дамаска. Газаэль пытался заградить ему путь между Гермономъ и Антиливаномъ, но не могъ устоять передъ его напоромъ и долженъ былъ отступить за стѣны Дамаска. Салманассаръ нѣкоторое время осаждалъ городъ, но ничего не могъ съ нимъ подѣлать. Здѣсь сопротивленіе его таранамъ оказали уже не глиняныя стѣны обыкновеннаго небольшого города. Поэтому Салманассару пришлось удовольствоваться тѣмъ, что онъ опустошилъ открытую мѣстность вплоть до Гаурана, а затѣмъ отправился домой съ выкупной суммой отъ Тира и Сидона, которые всегда платили, и съ присягой вѣрности отъ Іиуя (см. оба меньшихъ рельефа стр. 202). Шестая попытка (839 г.) была также не болѣе успѣшна: Дамаскъ и на этотъ разъ сохранилъ свою независимость. Такимъ образомъ продолжало существовать государство, которое преграждало Ассиріи путь въ Палестину. Это имѣло рѣшающее значеніе для всего теченія израильской исторіи: въ слѣдующія сто лѣтъ Израиль и Іудея остаются подъ вліяніемъ Дамаска; лишь послѣ его паденія (731 г.) рѣшилась и судьба Израиля.

Послѣ 839 г. Салманассаръ уже не предпринималъ крупнаго похода противъ Дамаска; Израиль и остальная Палестина, благодаря этому, по отношенію къ Дамаску были предоставлены сами себѣ. Если пока Кэлесирія и Палестина избѣгли подпаденія ассирійскому господству, то оставалось только дальнѣйшее покореніе сѣверной Сиріи и дальнѣйшее распространеніе вглубь Малой Азіи. Мелитене, Патинъ и Амкъ признали верховную власть Ассиріи; теперь Салманассаръ простеръ свои захваты за Аманъ въ область Тавра. Куе (Киликія) сначала платила дань Дамаску; теперь въ 840, 835 и 834 гг. она была покорена, и въ Тарсѣ посаженъ былъ царемъ Кирри на мѣсто своего брата Кате. Племя табалъ, управлявшееся своими вождями и жившее сѣвернѣе Тавра, было принуждено платить дань, и такимъ образомъ цѣпь вассальныхъ государствъ Ассиріи растянулась отъ Киликіи черезъ Тавръ до Мелитене.

Область Малатія (Ханигальбатъ) принадлежитъ уже къ армянской горной странѣ и потому была ближайшею цѣлью завоеваній разрастающейся тамъ державы. При Салманассарѣ, Тиглатъ-Пилезерѣ и Ассурна-

зирпалѣ Малатія была упрочена за Ассиріей, которая уже совершала походы до озера Ванъ. Такъ какъ здѣсь на сѣверѣ начало складываться единое государство въ Урарту съ главнымъ городомъ при озерѣ Ванъ, то Салманассаръ вступилъ въ борьбу съ его царями. Уже въ 837 г. онъ снова прошелъ по областямъ, лежащимъ къ югу отъ верхняго Евфрата — Альци, Цамани, Анцитене, далѣе, по ту сторону Арзаніаса, Сухме и Даіаени, которыя были подчинены его предшественникамъ, Салманассару I и Тиглатъ-Пилезеру. Отсюда напалъ онъ на область Урарту; царь Араме отступилъ въ глубь страны. При озерѣ Ванъ воздвигнута была статуя Салманассара, и онъ продолжалъ походъ по восточнымъ проходамъ черезъ Гильцанъ и Хубушкію въ Арбэлъ. Въ 850 и 845 гг. были предприняты новые походы; во время этихъ походовъ, вѣроятно, и были высѣчены надписи при истокахъ Субната (см. выше стр. 53 и 58).

Между тѣмъ въ Арменіи наступила перемѣна царствованія, и вступила на престолъ могущественная династія, резиденція которой находилась въ Туруспѣ при озерѣ Ванъ (нынѣшній Ванъ) и отсюда положила основаніе сильному царству Урарту. Впослѣдствіи оно доставило много хлопотъ ассирійскимъ царямъ и оспаривало у нихъ господство надъ Сиріей. О стремленіяхъ царей Урарту уже можно судить по отпаденію Лалласа изъ Малатіи въ 837 г. Четыре года спустя (833 г.) на рѣку Арзаніасъ было послано ассирійское войско, повидимому, для того, чтобы снова захватить расположенныя на его правомъ берегу мѣстности Сухме и Даіаени; значитъ, Сардури I, новый царь Урарту, очевидно, уже началъ расширять свою власть. Въ 829 г. была сдѣлана попытка совершить новый походъ, на этотъ разъ съ другой стороны, черезъ проходы Гильцанъ и Хубушкію. Муссассиръ, государство къ юго-западу отъ озера Урміи, было разграблено, и такая же судьба постигла часть Урарту. Долговѣчныхъ успѣховъ здѣсь, однако, ассирійцы не достигли. Напротивъ, могущество новаго государства съ теченіемъ времени все возрастало, и, начиная съ Раммана-нирари, Ассирію все болѣе и болѣе вытѣсняли изъ этихъ мѣстностей. Цари Урарту дѣлали попытки проникнуть въ Месопотамію и Сирію, но при Тиглатъ-Пилезерѣ III снова были оттѣснены въ свою горную страну.

Въ то время какъ на востокѣ и юго-востокѣ границей Ассурназирпала былъ Цабъ, Салманассаръ направился противъ странъ, лежащихъ между озеромъ Урміей и низменностью Тигра, которыя уже прежде не разъ находились подъ верховной властью Ассиріи (Лулуми), но теперь, какъ это нерѣдко случалось, подпали подъ вліяніе Вавилоніи. Въ 860 г. совершенъ былъ походъ въ проходы Гольвана, въ 844 г. — походъ въ Намри, юго-западную Мидію; противъ посаженнаго здѣсь князя изъ Битъ-Хамбана были предприняты дѣйствія въ 836 г. Затѣмъ походъ направился далѣе къ сѣверу въ Парсуа, на востокѣ отъ озера Урміи. Здѣсь мидійскіе вожди, впервые въ данномъ случаѣ упоминаемые, принесли свою дань; потомъ ассирійцы двинулись къ югу въ Хархаръ, лежащій восточнѣе Гольвана. Находящіяся къ югу отъ озеръ Ванъ и Урміи области Кирхи и Хубушкія, гдѣ уже побывалъ Ассурназирпалъ, были покорены, и намѣчены были Манъ на западномъ берегу озера Урміи и Гильцанъ на сѣверѣ того же озера.

Объ успѣхахъ Салманассара въ Вавилоніи уже было говорено при изложеніи вавилонской исторіи (стр. 26). Тѣсная связь съ Вавилоніей и ея вліяніе, начинавшее становиться чувствительнымъ, вѣроятно послужили поводомъ къ большому возстанію, вспыхнувшему около конца царствованія Салманассара. Отъ войны по всей вѣроятности пострадало крестьянское сословіе Ассиріи—Вавилонія же была средоточіемъ іерархіи: конечно и такія противоположности при этомъ возстаніи имѣли значеніе (см. ниже).

Почти вся Ассирія и ассирійскія провинціи, начиная съ прежней

столицы Ассура, много, разумѣется, потерявшаго вслѣдствіе перемѣщенія резиденціи, отпали. Изъ важныхъ городовъ остались вѣрными только резиденція Калахъ и главный городъ Месопотаміи, Харранъ, въ которыхъ Салманассаръ вновь выстроилъ храмы Сину; повидимому, Салманассаръ нашелъ убѣжище въ сѣверной Вавилоніи, которая вѣдь и принадлежала ему. Предводителемъ возстанія былъ Ассуръ-даниnъ-апли, сынъ Салманассара, который продержался по меньшей мѣрѣ шесть лѣтъ (829—824 гг.) и въ это время навѣрное носилъ титулъ „царь Ассура“, такъ какъ въ рукахъ его находилась старая столица.

Между тѣмъ умеръ Салманассаръ (825 г.), и только сынъ его, Шамши-Рамманъ, сначала владѣвшій одною Месопотаміей (а потому именовавшійся только „царемъ міра“), снова покорилъ Ассирію (825—812 г.). Единственная надпись, которую мы имѣемъ отъ него, доходитъ только до его четвертаго похода, направленнаго противъ Вавилоніи. Первымъ походомъ, какъ говорится въ этой надписи, былъ походъ въ Наири, послѣ чего принесло присягу въ вѣрности все ассирійское царство, отъ сѣверной до южной границы и отъ восточной границы до Евфрата (въ Сиріи еще не было ассирійскихъ провинцій). Второй походъ былъ направленъ въ страны Наири, черезъ область, лежащую между озерами Ванъ и Урмія; при этомъ была опустошена часть Урарту. Туда же былъ направленъ и третій походъ, который доведенъ былъ далѣе до Мана и вокругъ озера Урміи до Парсуа. Отсюда войско направилось къ югу-востоку черезъ Мидію, вѣроятно въ Гольванъ. При этомъ насчитывается множество мидійскихъ округовъ. Четвертымъ походомъ былъ наконецъ походъ противъ Вавилоніи; разсказъ обрывается послѣ побѣды надъ Мардукомъ-балатсу-икби (см. выше, стр. 26).

О царствованіи Шамши-Раммана мы имѣемъ новый источникъ, служащій неоцѣненной путеводной нитью для послѣдующаго времени; отрывокъ этого источника касается уже начала и конца царствованія Салманассара II. Это хроника эпонимовъ, списокъ лиму (см. выше, стр. 56 внизу) съ краткими приписками, въ которыхъ указывается на важнѣйшее событіе каждаго года, обыкновенно на какой-нибудь походъ; особенно цѣнна эта хроника для всего слѣдующаго времени вплоть до Тиглатъ-Пилезера III, такъ какъ изъ этой эпохи мы имѣемъ мало другихъ надписей. Отъ Раммана-нирари III (812—783 г.) до насъ дошло еще нѣсколько краткихъ надписей, дающихъ общій обзоръ его походовъ и дополняемыхъ данными хроники эпонимовъ. Въ общемъ здѣсь дѣло идетъ о продолженіи завоеваній его предшественниковъ или о покореніи вновь областей, которыя грозили отпасть. Значительныя завоеванія онъ врядъ ли дѣлалъ. На востокѣ онъ называетъ покоренной областью Эллипи (примыкающую къ Эламу), затѣмъ уже извѣстныя со временъ Салманассара Хархаръ, Араціашъ до Парсуа, затѣмъ новую область Андію, примыкающую съ сѣверо-востока къ Парсуа. Отъ мидійскихъ вождей онъ также получалъ дань; три похода были совершены въ Хубушкію и въ страны Наири и два въ Манъ. Противъ Урарту онъ однако уже больше не осмѣливался выступать, и эта страна все усиливалась. Въ Сиріи онъ имѣлъ успѣхъ. Въ 806 и 805 гг. предпринимаются походы въ Арпадъ и Ацацъ (стр. 58), а въ 797 г. — еще одинъ походъ въ сирійскій городъ Манссуате. Съ этимъ пожалуй связано извѣстіе о томъ, что Марі', царь Дамаска, заплатилъ дань; можетъ-быть. причиной этого была перемѣна царствованія въ Дамаскѣ. Дальнѣйшими плательщиками дани Рамманъ-нирари называетъ Тиръ и Сидонъ, которые слѣдовательно продолжали держать сторону Ассиріи, а затѣмъ новыми данниками называетъ Эдомъ и Филистею. Это указываетъ на преобладающее вліяніе Ассиріи и въ то же время на ослабленіе вліянія Дамаска въ Палестинѣ; однако, пока Дамаскъ оставался самостоятельнымъ, онъ служилъ какъ бы бастіономъ для всѣхъ областей, расположенныхъ къ югу отъ него. Объ отношеніи Раммана-нирари къ Вавилоніи см. выше, стр. 26 и 27.

Для послѣдующаго времени мы больше не имѣемъ царскихъ надписей, и потому единственнымъ нашимъ источникомъ является хроника эпонимовъ. Отсутствіе надписей уже само по себѣ указываетъ, что это было время слабости; это подтверждается и тѣми фактами, которые мы можемъ установить. Въ общемъ въ теченіе приблизительно слѣдующихъ сорока лѣтъ дѣло идетъ объ удержаніи уже завоеваннаго. И даже этого сдѣлать не удается: мы увидимъ, что во время новаго подъема при Тиглатъ-Пилезерѣ многое пришлось покорять вновь. Это прежде всего относится къ тѣмъ областямъ, которыя находились въ предѣлахъ вліянія и интересовъ новаго царства Урарту. Какъ только Ассирія сама переставала нападать, то начинали нападать на нее: это отнынѣ стала дѣлать Арменія, цари которой (особенно Менуасъ) распространились на югъ и отняли у Ассиріи страны Наири, а также сѣверныя сирійскія страны. Уже Салманассару III (783—773 г.) пришлось вести оборонительныя войны главнымъ образомъ противъ Урарту; не менѣе шести изъ совершенныхъ имъ десяти походовъ были направлены противъ этого все болѣе и болѣе разраставшагося противника. На востокѣ, въ пограничныхъ областяхъ съ Мидіей, повидимому было потеряно меньше; но здѣсь дѣло шло главнымъ образомъ о варварскихъ государствахъ безъ прочной организаціи. Упоминается о совершенныхъ туда (въ Намри) походахъ въ 749 и 748 гг., а въ 766 г. о походѣ противъ мидянъ.

Слѣдующимъ царемъ былъ Ассуръ-данъ III (773—755 г.), предпринимавшій нѣсколько походовъ въ Сирію; первый (773 г.) — противъ Дамаска, второй — противъ лежащей сѣвернѣе Дамаска страны Хатарикка. Два раза ходилъ онъ въ Вавилонію, въ 771 и 767 гг.; слѣдовательно, онъ пытался выступить противъ халдеевъ. Во второй половинѣ его царствованія царство его подверглось потрясенію, вслѣдствіе котораго оно лишилось всего пріобрѣтеннаго съ такимъ трудомъ въ государствахъ, обложенныхъ данью. Въ 763 г. вспыхнуло возстаніе, которое въ послѣдующіе годы постоянно продолжалось на новыхъ мѣстахъ и вѣроятно постепенно охватило значительную часть страны. Передъ этимъ годомъ въ хроникѣ эпонимовъ проводится раздѣльная черта, какъ передъ началомъ новыхъ царствованій — это былъ тотъ же годъ, когда, по словамъ хроники, должно было произойти то солнечное затменіе, которое подтверждается новыми изслѣдованіями и представляетъ собою твердую точку опоры для древней хронологіи; ибо, такъ какъ возстаніе разразилось въ Ассурѣ, то тамъ вѣроятно былъ провозглашенъ новый царь. О томъ, что послужило болѣе глубокимъ основаніемъ къ возстанію, ничего не говорится, но нетрудно объ этомъ догадаться, такъ какъ возстаніе исходило изъ прежней столицы государства. Если мы вспомнимъ, какъ Тиглатъ-Пилезеръ затѣмъ снова избралъ столицею Калахъ, а Саргонъ наоборотъ возстановилъ привилегіи Ассура, то изъ этого мы можемъ заключить, что возстаніе это было произведено вавилонскимъ жреческимъ сословіемъ, привилегіи котораго пострадали вслѣдствіе перенесенія столицы. Возстаніе хотя и было подавлено, но слѣдующій царь, Ассуръ-нирари (754—746 г.), повидимому находился подъ вліяніемъ возставшихъ, ибо первымъ дѣломъ его царствованія было перенесеніе резиденціи обратно въ Ассуръ (754 г.), если только этого еще не успѣлъ сдѣлать Ассуръ-данъ. Это означало побѣду іерархіи надъ тѣмъ, на чемъ основывалось могущество Ассиріи, надъ войскомъ. Такимъ образомъ царская власть, отказавшись отъ этой единственной опоры своего могущества, сама отреклась отъ престола.

Ассуръ-нирари процарствовалъ восемь лѣтъ, которыя отмѣчены нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчающимися словами: „въ странѣ“, т.-е. „нѣтъ войны“. Но относительно послѣдняго года (746) хроника повѣствуетъ: возстаніе въ Калахѣ; а въ слѣдующемъ году вступаетъ на престолъ Тиглатъ-Пилезеръ III. Отъ него мы опять имѣемъ надписи, изъ которыхъ явствуетъ,

что резиденціей его былъ г. Калахъ, и что онъ самъ происходилъ не изъ царскаго рода. Слѣдовательно, на престолъ въ Калахѣ онъ вступилъ благодаря военному возстанію: Ассуръ-нирари, находившійся въ Ассурѣ подъ вліяніемъ іерархіи, былъ послѣднимъ царемъ изъ своего дома.

E. Новоассирійское царство.

a) Ассирія — господствующая держава передней Азіи.

Съ Тиглатъ-Пилезера (745—728) начинается новый періодъ ассирійской исторіи, періодъ подъема, который ставитъ Ассирію на степень господствующей державы въ передней части Азіи. Онъ-то главнымъ образомъ и утвердилъ славу ассирійскаго имени. Въ это время Ассирія покоряетъ Дамаскъ и Палестину и появляется въ роли дѣйствующаго лица въ исторіи незначительнаго народа, памятники котораго въ теченіе долгаго времени были для насъ самыми извѣстными изъ памятниковъ древности; они сохраняли память отъ Ассиріи въ теченіе двухъ тысячелѣтій въ то время, какъ памятники ассирійской исторіи находились подъ землей, и неизвѣстенъ былъ даже языкъ этихъ властелиновъ передней Азіи.

Въ эпоху царствованія Тиглатъ-Пилезера намъ приходится различать три театра войны: Вавилонію, гдѣ результаты борьбы уже выяснены; сѣверъ, гдѣ царю пришлось сражаться съ окрѣпшимъ Урарту, и Сирію—Палестину съ Дамаскомъ, который не только не былъ сломленъ, а наоборотъ въ періодъ упадка Ассиріи опять собрался съ силами и со времени послѣдней войны (773) опять закрѣпилъ за собой дань.

Послѣ перваго вавилонскаго похода (745) и похода въ Западную Мидію въ слѣдующемъ году, въ 742 г. дошло до столкновенія съ Сардури II, царемъ Арменіи. Въ этотъ промежутокъ времени онъ непрестанно проникалъ все впередъ, покорилъ Мелитенэ и Куммухъ (Commagene) и даже сѣверную часть прежняго Патина, Гургумъ, и заставилъ царей всѣхъ странъ платить дань ему вмѣсто Ассиріи. Онъ вошелъ въ переговоры съ Мати-илъ изъ Агуби, который заселилъ или хотѣлъ заселить Арпадъ (еще въ 754 году былъ совершенъ туда походъ), имѣя въ виду основать государство (стр. 126). По хроникѣ эпонимовъ, въ 743 году Тиглатъ-Пилезеръ стоялъ у Арпада, слѣдовательно шелъ противъ Мати-ила, когда въ Месопотамію вторгнулись войска Арменіи подъ предводительствомъ Сардури. Сраженіе произошло въ области Куммухъ, Тиглатъ-Пилезеръ преслѣдовалъ Сардури „до моста Евфрата, границы его владѣній“, и такимъ образомъ по крайней мѣрѣ на первое время положилъ конецъ его вторженію въ Месопотамію. Дальнѣйшія мѣропріятія противъ него должны были быть отложены до позднѣйшаго времени. Три слѣдующихъ года были заняты походомъ на Арпадъ. Слѣдовательно Мати-илъ оказалъ тамъ энергичное сопротивленіе. Послѣ его паденія большинство сирійскихъ князей платило дань. Кустаспи изъ Куммуха, Тархулара изъ Гургума (въ это же время они отложились и отъ Урарту), Расонъ изъ Дамаска (стр. 119), Хирамъ изъ Тира, князь изъ Куэ и Пизирисъ изъ Кархемиша (стр. 112). Итакъ ассирійское владычество въ Сиріи за эти три года было возстановлено (см. карты „Вавилонія, Ассирія и сосѣднія страны 1100—745 гг.“ при стр. 56 и „Ассирія съ 745 г.“ при стр. 88), а власть Урарту была здѣсь сломлена. Только часть Патина, Унки, т.-е. Амкъ съ главнымъ городомъ Киналія или Куналуа, оказала сопротивленіе. Князь этой области былъ лишенъ своихъ владѣній, и эта часть страны стала ассирійской провинціей.

Въ слѣдующемъ году (739) былъ походъ въ Уллуба — одну изъ странъ Наири, въ ней также утвердилась власть Ассиріи. Здѣсь конечно дѣло шло только о пораженіи Арменіи, которой принадлежала эта страна. Крѣпости должны были защищать эту страну отъ нападеній Арменіи. Въ

738 году былъ снова походъ въ одну изъ областей Патина. Азрійа'у, князь Я'уди (рядомъ съ Сенджирли) возмутился. Его городъ Куллани былъ взятъ. Это событіе нашло отголосокъ и въ исторіи израильтянъ и іудеевъ: еще Исаія указывалъ евреямъ на завоеваніе „Кално", какъ на поучительный и грозный примѣръ. Еще нѣсколько сѣверно-финикійскихъ округовъ—та самая область, гдѣ Ассурназирпалъ нѣкогда основалъ свою ассирійскую колонію Арибуа, она принадлежала теперь странѣ Гаматъ—присоединилось къ Азрійау, и потеряло свою самостоятельность. Изъ этихъ округовъ образовалась ассирійская провинція Симирра, которая тянулась отъ Оронта до области Гебала, не включая все-таки этой области, точно такъ же, какъ и Арвада, сохранившихъ свою самостоятельность. Эта новая финикійская провинція, которая въ 733 году еще расширилась, была передана Салманассару, сыну Тиглатъ-Пилезера. Такимъ образомъ часть области, принадлежавшей Дамаску, сдѣлалась ассирійскимъ владѣніемъ. Самъ Дамаскъ, какъ и остальныя сирійскія и финикійскія государства — Куммухъ, Кархемишъ, Самалъ, Гургумъ въ Амкѣ, Гаматъ, Куэ, Гебалъ, Тиръ и Менахемъ израильскій платили дань; послѣдній, по библейскимъ извѣстіямъ, лишь послѣ того, какъ былъ лишенъ нѣкоторой части своихъ владѣній. И болѣе отдаленныя вассальныя государства, когда-то подвластныя Салманассару, платили теперь снова дань: Мелитенэ, Каску, Табалъ и каппадокійско-киликійскія княжества. Ассирійскій царь, какъ сюзеренъ Дамаска, принялъ дары отъ арабской царицы — Забиби.

Въ 737 и 736 гг. были походы въ Мидію и Наири, гдѣ нужно было уничтожить вліяніе Урарту, и въ слѣдующемъ году этотъ главный противникъ долженъ былъ выдержать нападеніе въ своей собственной странѣ. Черезъ Урарту двинулось ассирійское войско. Тиглатъ-Пилезеръ осадилъ цитадель Туруспы (Ванъ), но не взялъ ее и долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что на глазахъ осажденныхъ воздвигъ памятникъ съ своимъ изображеніемъ. Онъ забралъ въ свои руки южную часть Урарту и присоединилъ ее къ провинціи Наири. Этимъ захватомъ онъ, безъ сомнѣнія, нанесъ сильный ударъ Урарту, а укрѣпивъ пограничныя провинціи, поставилъ твердую преграду новымъ вторженіямъ, Періодъ господства Урарту надъ Сиріей и Наири кончился. Но отъ своихъ завоевательныхъ плановъ Урарту отказался лишь послѣ того, какъ его сила была сломлена Саргономъ, и одновременно, съ другой стороны, появился новый опасный врагъ въ лицѣ киммерійцевъ.

До этого времени Дамаскъ платилъ дань. Но вассальная зависимость отъ Ассиріи существовала, обыкновенно, недолго. Съ одной стороны, поборы были такъ велики, что собирать ихъ съ вассаловъ можно было только силой; съ другой — постоянно открывались соблазнительныя перспективы отпаденія, лишь только являлся малѣйшій предлогъ. Впрочемъ, довольно часто просто имѣлось въ виду принудить государства, платящія дань, къ отпаденію, чтобы потомъ присоединить ихъ, какъ провинціи (стоитъ сравнить здѣсь отношенія римлянъ къ своимъ socii). Въ 734 г. ассирійцы совершили походъ въ страну филистимлянъ; здѣсь подчинился власти ассирійцевъ Аскалонъ: вмѣстѣ съ Дамаскомъ должна была покориться и вся Палестина. Но вскорѣ послѣ этого Дамаскъ возсталъ. Поводомъ къ возстанію былъ призывъ о помощи со стороны Ахаза іудейскаго, который былъ осажденъ въ Іерусалимѣ Расономъ и его вассаломъ Пекахомъ (Факеемъ Библіи), имѣвшими въ виду заставить Ахаза присоединиться къ союзу противъ Ассиріи. Тиръ былъ также въ союзѣ. Повидимому, имѣли въ виду даже помощь Египта. Въ 733 г. Тиглатъ-Пилезеръ подступилъ къ Дамаску. При приближеніи ассирійцевъ Пекахъ палъ въ израильской землѣ жертвой возстанія ассирійской партіи, и на его мѣсто былъ поставленъ царемъ Іосія, предводитель возставшей партіи. Какъ разъ во время вспыхнуло это возстаніе, чтобы отнять у Тиглатъ-Пилезера предлогъ къ вмѣшательству; такимъ

образомъ, была куплена отсрочка на 10—12 лѣтъ, но въ концѣ концовъ неизбѣжное свершилось. Дамаскъ, какъ и прежде (стр. 60), оказалъ успѣшное сопротивленіе, но затѣмъ палъ и сдѣлался ассирійской провинціей (732 г.). Страна Израиля, уже прежде сильно урѣзанная, придвинулась теперь вплотную къ границѣ ассирійской провинціи. Государство, господствовавшее до сихъ поръ надъ Израилемъ политически, руководившее его культурнымъ развитіемъ, было теперь подчинено ассирійскому намѣстнику. И бывшій въ союзѣ Тиръ при приближеніи ассирійскаго войска заключилъ миръ: богатому торговому городу не стоило никакого труда заплатить дань.

Слѣдующіе годы посвящены завоеванію Вавилона и его страны (см. выше, стр. 28). Два года Тиглатъ-Пилезеръ правилъ, какъ царь, Вавилономъ. Въ 728 г. онъ умеръ. Ему наслѣдовалъ его сынъ Салманассаръ IV (727—722). Его царствованіе—эпилогъ эпохи Тиглатъ-Пилезера, политикѣ котораго онъ, повидимому, во всемъ слѣдовалъ. Его собственныхъ надписей до насъ не дошло. Въ его царствованіе Самарія вновь попыталась отказаться отъ уплаты дани, но вожделѣнная египетская помощь не явилась, и послѣ трехлѣтней осады городъ былъ взятъ и сдѣлался резиденціей ассирійскаго намѣстника. Теперь ассирійская граница тянулась нѣсколько сѣвернѣе Іерусалима (см. карту при стр. 88).

Салманассаръ умеръ раньше паденія Самаріи; ея присоединеніе къ ассирійскому государству совершилось при его наслѣдникѣ, Саргонѣ. Этотъ Саргонъ, подобно Тиглатъ-Пилезеру, даетъ начало новой династіи. Его возвела на престолъ реакція противъ того движенія, которое отдало тронъ Тиглатъ-Пилезеру. Отчеты Саргона объ отмѣненныхъ имъ мѣропріятіяхъ его предшественниковъ разъясняютъ намъ сущность того внутренняго движенія, вспышки котораго мы находимъ въ возстаніяхъ Ассур-данинапли и въ мятежѣ 763 года.

Тиглатъ-Пилезеръ стремился ограничить чрезмѣрное вліяніе духовенства и привилегіи большихъ городовъ. Послѣдніе владѣли обширнѣйшими преимуществами и были свободны почти отъ всѣхъ повинностей. Если принять во вниманіе, что большая часть земли принадлежала также имъ, то станетъ ясно, что государственные доходы должны были сокращаться все быстрѣе и быстрѣе. Понятно, почему ассирійское царство въ концѣ концовъ дошло до такой степени безсилія. Этотъ же принципъ регулируетъ и отношенія ассирійскихъ царей къ Вавилону. Тиглатъ-Пилезеръ, Салманассаръ, Санхерибъ, Ассурбанипалъ энергично выступаютъ противъ Вавилона, Саргонъ и Ассаргаддонъ покровительствуютъ Вавилону: въ это время проводится та система вольностей духовенства и городовъ, которая вызвала безпомощное положеніе царства. Тиглатъ-Пилезеръ и Салманассаръ пытались положить ей конецъ. При этомъ они должны были до нѣкоторой степени опираться на крестьянство, поскольку оно еще существовало. Само собой разумѣется, нельзя только поэтому видѣть въ нихъ особенныхъ друзей, „меньшого брата“: онъ былъ важенъ для нихъ, лишь какъ подданный, способный платить дань и нести службу. Они видѣли, что, только прибѣгая къ помощи этой массы, можетъ существовать государство, опирающееся на города и духовенство.

Съ этого времени мы можемъ прослѣдить, какъ враждуютъ между собой обѣ партіи въ Ассиріи: рядъ дворцовыхъ переворотовъ достаточно иллюстрируетъ эту вражду. Само собой понятно, что ростъ богатыхъ правами городовъ и храмовъ не могъ дать силы деревенскому населенію; оно служило лишь матеріаломъ для политическихъ движеній. Въ дѣйствительности, дѣло шло, правда, объ антагонизмѣ между деревней и городомъ. Но деревня была представлена, главнымъ образомъ, аристократіей, въ рукахъ которой, отчасти, находилось и войско. И Тиглатъ-Пилезеръ вмѣстѣ съ Салманассаромъ находится подъ ея вліяніемъ, а Саргонъ, возведенный на престолъ контръ-движеніемъ, отдаетъ предпочтеніе городу и храмамъ, возвращая имъ ихъ привилегіи. Сан-

херибъ опять выступаетъ на защиту интересовъ аристократіи и войска, и эта политика отражается уже на его отношеніяхъ къ Вавилону. Его убиваютъ; и съ Ассаргаддономъ побѣждаетъ вавилонско-жреческая партія. Когда онъ хочетъ укрѣпить престолъ за своимъ сыномъ и единомышленникомъ Шамашшум-укиномъ, опять подымается возстаніе, и съ Ассурбанипаломъ побѣждаетъ ассирійская аристократическая партія. Эти два теченія и опредѣляютъ отнынѣ внутренній ходъ ассирійской исторіи. Съ наступленіемъ царствованія Тиглатъ-Пилезера антагонизмъ является рѣзко-выраженнымъ и сознательнымъ.

Такъ въ 722 г., послѣ смерти Салманассара, мы неожиданно видимъ на тронѣ Саргона, который не можетъ указать ни на одного царственнаго предка; за то онъ самъ становится родоначальникомъ царской династіи, подъ управленіемъ которой Ассирія видѣла вершину своего могущества и свое стремительное паденіе. Его царствованіе во внутренней политикѣ по своимъ принципамъ противоположно правленію Тиглатъ-Пилезера, во внѣшней продолжаетъ его планы и довершаетъ то, что тотъ долженъ былъ оставить незавершеннымъ. Мы уже видѣли, что орудіе его силы было непохоже на то, которое было у его предшественниковъ (стр. 66): съ этихъ поръ ассирійское войское является чисто наемнымъ, набраннымъ со всѣхъ странъ и провинцій, повинующимся волѣ царя до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи наградить ихъ платой и добычей, но тотчасъ же отказывающимся отъ повиновенія, лишь только онъ теряетъ эту возможность. Со времени Саргона „царское“ войско является оплотомъ ассирійской власти на всемъ Востокѣ. Въ силу этого господство Ассиріи сводится къ правленію аристократіи и духовенства (по восточнымъ обычаямъ — расхищенію): больше не существуетъ ассирійскаго народа, которому Салманассаръ I и Ассурназирпалъ еще отводили землю въ завоеванныхъ провинціяхъ. Если теперь царь желалъ заселить новыми поселенцами завоеванную провинцію, онъ долженъ былъ заставить народности двухъ лежащихъ на противоположныхъ концахъ страны провинцій помѣняться мѣстами. Въ Ассиріи крестьянство было уничтожено. Здѣсь еще существовали только крупныя земельныя владѣнія аристократіи и храмовъ, обрабатываемыя рабами или безземельными.

Военныя предпріятія Саргона, продолжающія начатое его предшественниками, вызываются тѣми же поводами, что и раньше; театръ его дѣйствій остается на прежнихъ мѣстахъ: войны съ халдейцами и Эламомъ въ Вавилоніи, борьба за сѣверныя страны съ Урарту и расширеніе завоеваній въ Палестинѣ.

Успѣхъ его въ Вавилоніи намъ извѣстенъ (см. выше, стр. 29). Въ Палестинѣ, какъ мы только-что упомянули, присоединеніе Самаріи, „уводъ десяти колѣнъ“, которое окружило ореоломъ важности имя Саргона у читателей Библіи, было исключительно результатомъ осады, начатой при Салманассарѣ. Въ Сиріи только Гаматъ на сѣверѣ отъ Дамаска, благодаря точному выполненію своихъ платежныхъ обязательствъ, избѣжалъ до этого времени зависимости; но въ 738 г. ему пришлось на себѣ узнать силу „ассирійскаго благорасположенія“, когда отпавшіе города Гамата не были возвращены назадъ, а были присоединены къ провинціи Симирра (см. выше, стр. 65). Въ Гаматѣ возлагали надежду на смѣну царей въ Ассиріи; покорнаго Ассиріи царя Эни-илъ (720) смѣняетъ стоящій въ открытой враждѣ съ ней крестьянинъ Я-убиди. Въ союзѣ съ нимъ былъ Ганнонъ (Гануну) изъ Газы, который принужденъ былъ подчиниться Тиглатъ-Пилезеру. Оба, повидимому, возлагали надежду на Египетъ; они кромѣ того нашли поддержку у сѣверо-арабскихъ народовъ, которые имѣли складочные пункты въ Газѣ и потому должны были платить десятину Ассиріи. Присоединились къ коалиціи вновь образованныя провинціи Арпадъ, Симирра, Дамаскъ, Самарія. Большая часть Сиріи и Палестина стремились, такимъ образомъ, освободиться отъ платежа дани или же отъ ассирійскаго владычества. Совмѣстныя дѣйствія союзниковъ, однако, не осу-

ществились: обычная ошибка въ разсчетахъ маленькихъ государствъ въ подобныхъ случаяхъ. Гаматъ былъ завоеванъ и обращенъ въ провинцію. Ганнонъ, разсчитывавшій съ помощью арабскаго войска взять, очевидно, не находившуюся въ его рукахъ Газу, былъ разбитъ при Рафіи, на южной границѣ владѣній Газы. Возставшія провинціи были побѣждены безъ труда. Порядокъ въ Сиріи и Палестинѣ былъ возстановленъ.

Теперь Саргонъ могъ обратиться къ третьему и послѣднему своему противнику — Урарту. Тамъ Руса I вновь зашевелился и вознамѣрился распространить свое вліяніе на сѣверную Сирію и мидійскія пограничныя государства на востокѣ: очевидно, онъ встрѣтилъ здѣсь сочувствіе. Поэтому, ближайшей задачей Саргона, такъ же, какъ и Тиглатъ-Пилезера въ свое время, было покореніе этихъ вѣроломныхъ вассаловъ. Въ 719 г. два города Мана (западный берегъ озера Урміи), царь котораго держалъ сторону Ассиріи въ борьбѣ противъ Урарту, получили воздаяніе за то, что передались индогерманскому племени Цигирту (сагартійцевъ?), дружившему съ Урарту. Та же участь постигла нѣкоторые другіе города, присоединившіеся къ Урарту. Въ 718 г. одинъ изъ князей Табала, Кіакки изъ Шинухту былъ уведенъ въ Каппадокію, а область его отдана оставшемуся вѣрнымъ сосѣду Матти изъ Атуна.

Въ 717 г. палъ Кархемишъ, платившій дань со времени Ассурнасирпала. Притѣсненія Ассиріи истощили терпѣніе даже этого богатаго города и вызвали его на отчаянную борьбу. Напрасно искалъ онъ покровительства у Миты изъ Муски, какъ называетъ его Саргонъ (Мидасъ Фригійскій), властелина хаттскихъ областей въ Малой Азіи. Пизирисъ былъ послѣднимъ царемъ Кархемиша; и послѣднее убѣжище сирійско-хаттскаго владычества стало отнынѣ ассирійской провинціей.

Въ 716 и 715 гг. были войны на востокѣ Урарту, гдѣ Руса пытался тѣмъ временемъ захватить Манъ; онъ отказался, какъ видимъ, отъ Сиріи и обратился къ востоку. Ему удалось возбудить раздоры изъ-за престола, возвести на престолъ расположеннаго къ нему князя Уллусуну. Но прежде чѣмъ удалось урартской партіи стать здѣсь твердой ногой, явился Саргонъ и заставилъ его присягнуть себѣ. То же сдѣлали князь Наири и другіе владѣтели окрестныхъ областей. Въ 714 г. началась война съ Урарту. Опустошая страну, Саргонъ двинулся изъ Мана къ озеру Ванъ черезъ Муссасиръ; въ своемъ дворцѣ онъ оставилъ картину, изображавшую завоеваніе этого города. Руса лишилъ себя жизни; однако, Урарту не могъ быть вполнѣ завоеванъ Саргономъ. Могущество Урарту съ этихъ поръ было сломлено. Теперь онъ долженъ былъ бороться за свое существованіе еще съ новымъ, выше названнымъ противникомъ, появившимся на сѣверной границѣ — съ киммерійцами. Ассирія, правда, устранила одного противника, но этимъ она сильно ослабила естественную преграду противъ угрожающей ей теперь опасности — переселенія индо-германскихъ народностей, первыхъ представителей которыхъ Ассирія встрѣтила въ вышеупомянутыхъ Цигирту. Съ этихъ поръ ассирійскіе военачальники въ сѣверныхъ пограничныхъ провинціяхъ внимательно слѣдятъ за борьбой Урарту съ киммерійцами и другими родственными имъ племенами. Въ эпоху Ассаргаддона послѣдніе начинаютъ уже угрожать ассирійскимъ владѣніямъ (см. стр. 73).

Отъ прежняго Патина въ Сиріи было уже отобрано большинство областей. Эта участь постигла и остатокъ Патина при Саргонѣ: Гургумъ съ главнымъ городомъ Маркаси (Марашъ), точно также Куэ и нѣкоторыя каппадокійскія области, между ними Камману, соотвѣтствующая прежнему Муцри (Комана въ Антитаврѣ), Мелитенэ и Куммухъ, послѣ неудачныхъ возстаній своихъ князей, стали ассирійскими провинціями. Теперь Ассирія достигла наибольшаго распространенія своей власти на сѣверо-западѣ (см. карту „Ассирія съ 745 года, Нововавилонское царство и Мидія“, при 88 стр.). Къ концу правленія Саргона намѣстникъ Куэ предпринялъ походъ черезъ Тавръ, чтобы отбить охоту къ нападеніямъ у Мита

изъ Муски (Мидаса Фригійскаго), который и здѣсь, какъ у Галиса, пытался бороться противъ Ассиріи.

Когда Саргонъ осадилъ Вавилонъ, онъ получилъ подарки отъ семи греческихъ „царей" кипрскихъ городовъ. Это первое достовѣрно извѣстное сношеніе съ „іонійцами". Приносившіе дары были князьями западной части острова; они искали помощи у ассирійцевъ для того, чтобы прогнать съ восточной части острова тирскихъ финикянъ.

Только въ южной Палестинѣ встрѣчаемъ мы единственный примѣръ отказа (Асдода) платить дань, вызванный видами на помощь арабовъ. Объ этомъ событіи упоминаетъ Исаія (въ 20 главѣ). Само собой разумѣется, въ Іудеѣ съ надеждами и боязнью слѣдили за этимъ возстаніемъ страны, находившейся въ непосредственномъ сосѣдствѣ. По показанію Саргона, колѣно іудино, вмѣстѣ съ моавитянами и Эдомомъ, было нечуждо этому движенію, хотя тутъ до открытаго возстанія дѣло не дошло. Ассирійское войско одержало побѣду надъ Асдодомъ и основало ассирійскую колонію.

Со времени изгнанія Меродахъ-Баладана Эламъ не имѣлъ больше успѣховъ въ Вавилоніи. Антагонизмъ обѣихъ странъ ярко выразился по случаю борьбы за престолъ въ пограничной странѣ Эллипи, когда братья-враги искали помощи, одинъ — въ Эламѣ, другой — у Саргона. Первый братъ, Нибе, съ помощью Элама, изгналъ своего брата Испабара; тогда Саргонъ возстановилъ его вновь на престолѣ.

Къ концу царствованія Саргона былъ законченъ (707) большой дворецъ, построенный по его повелѣнію къ сѣверу отъ Ниневіи, у подножья горы. Саргонъ поселился здѣсь. Такимъ образомъ столица была перенесена изъ Калхи; не даромъ Саргонъ былъ возведенъ на тронъ той партіей, которая находила поддержку въ Ассурѣ. Такъ какъ Ассуръ по своему положенію не могъ быть центромъ управленія, то Саргонъ основалъ новую свою резиденцію: Дуръ-Шаррукинъ, „городъ Саргона" (Хорсабадъ), подобно своему прототипу, легендарному Саргону изъ Агадэ, имя котораго онъ принялъ, вѣроятно, при вступленіи на престолъ. Его сторонники лѣтописцы величали его „Саргономъ вторымъ". Главнымъ источникомъ для исторіи его царствованія являются надписи и скульптуры дворца Дуръ-Шаррукина, — перваго, открытаго раскопками (Ботты, въ 1842—45 годахъ). Саргонъ умеръ въ 705 году. Болѣе подробныхъ свѣдѣній относительно его смерти нѣтъ, но, по сообщеніямъ Санхериба, смерть его была насильственна, и „онъ былъ похороненъ не въ своемъ домѣ", т.-е. онъ былъ лишенъ обычнаго погребенія. Тутъ можно допустить лишь одно объясненіе, что онъ, подобно Киру, палъ въ борьбѣ съ варварами. А варваровъ нужно искать почти только на сѣверной границѣ его государства, среди индо-германскихъ племенъ — киммерійцевъ и скиѳовъ. Пѣснь Исаіи (14, 4—21), пріуроченная позднѣе къ смерти одного вавилонскаго царя, была, вѣроятно, первоначально сложена на внезапную смерть Саргона. Выраженныя въ ней надежды не остались безъ фактическаго осуществленія: Палестина и Финикія рѣшились на большое возстаніе.

Санхерибъ (704—681) былъ въ это время въ Вавилоніи и былъ занятъ экспедиціей въ Загросъ (702). Здѣсь онъ усмирилъ кашшу, остатокъ древнихъ касситовъ, которые утвердились здѣсь, и яшубигалла. Затѣмъ онъ направился въ Палестину (701).

Душой возстанія здѣсь были два князя: Лули изъ Тира и Езекія (Хискія) изъ Іудеи. Первый былъ „царемъ сидонянъ": онъ владѣлъ Тиромъ и Сидономъ съ областью, которая начиналась къ югу отъ Бейрута и тянулась до страны филистимлянъ. Кромѣ того ему принадлежала восточная часть Кипра съ важнымъ городомъ Китіонъ или Картхадастъ (новый городъ, Carthago). Мы уже знаемъ, что іонійцы владѣли западной частью острова, враждовали съ финикіянами и потому держали сторону Ассиріи (см. выше). Возставшіе разсчитывали при этомъ также на Меродахъ-Баладана.

но онъ былъ очень скоро разбитъ. Кромѣ того, на югѣ заручились обѣща ніями арабскихъ князей: дѣйствительно, сюда попозже пришло вспомогательное арабское войско. Ясно, что Езекія былъ здѣсь предводителемъ возстанія, такъ какъ въ филистимлянскомъ Экронѣ партія, враждебная Ассиріи, низвергла царя Пади, ея сторонника, и выдала его Езекіи. Таково было положеніе, создавшееся въ періодъ съ 705 по 702 годъ.

Когда Санхерибъ въ 701 году выступилъ въ походъ и шелъ по финикійскому берегу (въ это время онъ приказалъ вырѣзать на скалѣ свое изображеніе при Наръ-эль-Кельбѣ у Бейрута), ясно стало, что каждый въ этой борьбѣ разсчитывалъ на уничтоженіе ненавистнаго тирана силой другихъ; до совмѣстнаго возстанія дѣло врядъ ли дошло. Финикійскія государства Арвадъ и Гебалъ уплатили дань; то же сдѣлали и южныя государства, филистимлянскія, а также сосѣди Іудеи, аммонитяне, моавитяне и эдомитяне. Лули покинулъ Сидонъ и бѣжалъ на Кипръ. Здѣсь онъ вскорѣ умеръ. Сопротивленіе оказали только Тиръ, который Санхерибъ осаждалъ безъ всякаго успѣха, и Езекія. Въ Сидонѣ Санхерибъ посадилъ на престолъ новаго царя Итобала, такъ что „сидонское государство“ вновь распалось на свои составныя части. Затѣмъ онъ пошелъ на югъ, гдѣ Езекія продолжалъ борьбу въ надеждѣ на приближающуюся арабскую подмогу. Онъ завоевалъ Экронъ, разбилъ вспомогательное войско, состоявшее изъ арабскихъ отрядовъ „князей Муцри и царя Мелухи“, и одно за другимъ взялъ 46 укрѣпленій Іудеи. Потомъ Санхерибъ двинулся къ столицѣ и обложилъ ее со всѣхъ сторонъ. Но осажденные держались, возлагая свои надежды на волненія, которыя ожидались въ Вавилоніи: дѣйствительно Санхерибъ долженъ былъ уйти отъ Іерусалима, не взявъ его. Самостоятельность Іудеи на время была спасена, но Езекія во всякомъ случаѣ лишился бóльшей части своихъ владѣній: завоеванные города были розданы его сосѣдямъ, да и самъ онъ не замедлилъ покориться.

Послѣ разрушенія Вавилона (689) Санхерибъ могъ опять удѣлить больше вниманія западу. Въ это время въ Каппадокіи (Хилакку) и въ основанной Саргономъ провинціи Камману происходили небольшія войны. Приходилось также отражать попытки „іонійцевъ“ высадиться въ Киликіи. Дальше этого борьба не пошла, владѣнія въ этомъ направленіи не расширились и новыхъ провинцій не было основано. Тиръ успѣшно выдержалъ осаду въ 701 году и укрѣпилъ свою независимость. Хотя арабы, пришедшіе на помощь Езекіи, были разбиты, однако, отомстить имъ Санхерибъ не смогъ. Повидимому, онъ предпринялъ походъ въ сѣверо-западную Аравію (Мелуха) и противъ Египта. Іерусалимъ также опасался возмездія, но и на этотъ разъ судьба ему благопріятствовала. Ассирійское войско совсѣмъ миновало страну. Вполнѣ возможно, что оно было истреблено въ Аравіи чумой или просто неблагопріятнымъ климатомъ. Потерявъ войско, Санхерибъ долженъ былъ спѣшить въ Ниневію и здѣсь погибъ въ возстаніи своихъ сыновей: обычная судьба многихъ восточныхъ царей.

б) Упадокъ.

Правленіе Санхериба было безрезультатно для всѣхъ сторонъ государственной дѣятельности. Онъ, правда, стремился съ оружіемъ въ рукахъ разрѣшить вавилонскій вопросъ и какъ-будто и имѣлъ здѣсь успѣхъ, но въ самой Вавилоніи отъ Элама ему пришлось перенести, по меньшей мѣрѣ, столько же пораженій, сколько онъ самъ нанесъ Эламу. Такъ, эламиты въ 694 году, — въ то время, когда его войско грабило Эламъ, — опустошали сѣверную Вавилонію и взяли въ плѣнъ его сына Ассуръ-надинъшума (стр. выше, стр. 30). На западѣ, если мы сравнимъ его съ Тиглатъ-Пилезеромъ и Саргономъ, — онъ положительно терпѣлъ неудачи: онъ не въ состояніи былъ взять ни Тира, ни Іерусалима. Сколько-нибудь значи-

тельныхъ провинцій онъ не пріобрѣлъ ни на востокѣ отъ Мидіи, ни на западѣ въ Малой Азіи, какъ разъ тамъ, гдѣ его предшественники сдѣлали значительныя завоеванія. Особенно поражаетъ насъ отсутствіе попытокъ сопротивляться опасности, угрожавшей съ сѣвера. Въ области Урарту и Манъ индо-германцы распространялись все болѣе и болѣе.

Неудачи объясняютъ и гибель Санхериба. Онъ вступилъ на престолъ, какъ сторонникъ ассирійской военной партіи, а когда онъ потерялъ свое войско, онъ палъ жертвою враждебной партіи — „вавилонской". Въ ней, однако, существовали различныя теченія. Ея фактическимъ и естественнымъ вождемъ, очевидно, былъ Ассаргаддонъ, правившій Вавилоніей. Однако, одинъ изъ его братьевъ, вѣроятно, постарался предупредить его въ Ассиріи и былъ, вѣроятно, во главѣ возстанія, въ которомъ убитъ былъ Санхерибъ, „когда онъ молился въ храмѣ своего Бога", какъ гласитъ Библія. Ассаргаддонъ обратился противъ убійцы и разбилъ войско повстанцевъ въ Мелитенѣ, куда они скрылись, разсчитывая на помощь Арменіи — смертельнаго врага Ассиріи. Такимъ образомъ, Ассаргаддонъ сталъ царемъ Ассиріи и Вавилоніи.

Мы знаемъ, что во внутренней политикѣ онъ держался взглядовъ, совсѣмъ противоположныхъ воззрѣніямъ отца. Самымъ замѣтнымъ дѣломъ его царствованія было возстановленіе Вавилона, сопровождавшееся соотвѣтствующимъ результатомъ: вавилонско-месопотамской культурѣ еще разъ былъ обезпеченъ періодъ расцвѣта и господства въ передней части Азіи, но для властелина настоящаго момента — Ассиріи, эта культура оказалась роковой. Какъ бы то ни было, Ассаргаддонъ является одною изъ симпатичныхъ личностей ассирійской исторіи. Мы встрѣчаемъ при немъ меньше жестокихъ казней надъ мятежниками. И по всѣмъ вѣроятіямъ при его дворѣ существовало стремленіе къ литературѣ, что вѣроятно находилось въ связи съ его пристрастіемъ къ Вавилоніи. Ассурбанипалъ восхваляетъ литературное воспитаніе, выпавшее на его долю. Этому мы обязаны составленіемъ его знаменитой библіотеки.

Ассирійское государство не получило новыхъ значительныхъ пріобрѣтеній ни при Ассаргаддонѣ, ни при Санхерибѣ, ни позже, если не принимать въ разсчетъ маловажнаго завоеванія Египта. Войны Ассаргаддона имѣли въ виду сохраненіе и полное обезпеченіе уже покореннаго. Въ попыткахъ возстанія въ Вавилоніи тоже не было недостатка. Однако, онѣ всегда оставались только возстаніями и никогда не оканчивались назначеніемъ князя. Въ „Приморской странѣ" внукъ Меродахъ-Баладана, Набу-цир-китти-лиширъ сдѣлалъ попытку овладѣть югомъ Вавилоніи; онъ проникъ до Ура, но долженъ былъ бѣжать въ Эламъ отъ ассирійскаго войска. Здѣсь же онъ, вопреки старой традиціи, не нашелъ убѣжища, а былъ убитъ. Поэтому, его братъ На'идъ-Мардукъ считалъ болѣе безопаснымъ уйти изъ этого убѣжища въ пещеру льва, — и былъ благосклонно принятъ Ассаргаддономъ и надѣленъ Приморской страной.

Для выясненія послѣдствій, которыя повлекло за собой разрушеніе Вавилона, и для характеристики халдейцевъ могутъ послужить дѣйствія, предпринятыя противъ Битъ-Дакури. Это племя очень скоро основалось въ покинутой области Вавилона и не пренебрегло и сосѣдней Борсиппой. Возстановленіе Вавилона повлекло за собой необходимость возвращенія земель, неправильно отнятыхъ у него. Не обошлось безъ насилія. „Царь" Шамашъ-ибни былъ низвергнутъ, а Набу-узаллимъ, происходившій изъ другого рода, былъ возведенъ на престолъ. Какъ властитель государства, онъ участвовалъ въ переговорахъ объ имущественныхъ и правовыхъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ находящихся въ Битъ-Дакури селеніяхъ (тѣ же переговоры позже велись при Шамаш-шум-укинѣ). Область Вавилона и Борсиппа, конечно, опять были отняты у халдейцевъ.

Хумбахалдашъ эламскій, какъ намъ извѣстно, не принялъ внука Ме-

родахъ-Баладана. Несмотря на это, онъ въ 674 г. устроилъ разбойничій набѣгъ въ сѣверную Вавилонію и дошелъ до Сиппара, который очень пострадалъ. Ассаргаддонъ такъ же, какъ Саргонъ и Санхерибъ, не въ состояніи былъ настигнуть этого опаснаго противника въ его недоступной странѣ. Онъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что обезпечилъ покорность племени Гамбули, жившаго на границѣ Элама у устья Тигра, и поручилъ главѣ этого племени пограничную стражу въ его крѣпости Шапи-Бель, приспособленной съ этою цѣлью: обычный для странъ востока образъ дѣйствій. При преемникѣ Хумбахалдаша, его братѣ Уртаки отношенія къ Ассаргаддону стали дружелюбнѣе. Уртаки отослалъ забранныя въ Сиппарѣ въ предыдущемъ году статуи боговъ и даже нашелъ у Ассаргаддона помощь во время голода въ Эламѣ, случайно сыгравшаго роль примирителя.

На западѣ Тиръ съ 701 г. все еще оказывалъ сопротивленіе и съ 694 г. пользовался поддержкой Египта во время царствованія жаднаго къ завоеваніямъ кушита Тагарки. И Сидонъ, который въ свое время (см. выше стр. 70) былъ отдѣленъ Санхерибомъ отъ Тира, возмутился уже въ 678 г. при новомъ царѣ Абдъ-Милкотѣ, преемникѣ Итобала. Сидонъ былъ побѣжденъ и старый, лежавшій (подобно Тиру и Арваду) на островѣ городъ былъ разрушенъ вмѣстѣ съ національными святынями всѣхъ „сидонянъ“. На материкѣ былъ построенъ новый городъ, который былъ названъ „городомъ Ассаргаддона“ (въ дѣйствительности, конечно, и за нимъ осталось названіе Сидона) и сталъ резиденціей ассирійскаго намѣстника. Съ этихъ поръ Сидонъ является провинціей и только во времена персовъ имъ вновь стали управлять его собственные цари. Городъ Ассаргаддона положилъ основаніе позднѣйшему Сидону. Въ союзѣ съ Абдъ-Милкотомъ были Сандуарри изъ Кунди (можетъ быть Кіинда: древнее названіе крѣпости позднѣйшаго Анхіале) и Сицу, киликійскій князь. Послѣ трехлѣтняго сопротивленія ихъ города перешли въ руки ассирійцевъ, и голова Сандуарри была доставлена въ Ниневію почти въ одно время съ головой Абдъ-Милкота.

Труднѣе было одолѣть сопротивленіе Тира. Островъ Сидонъ, вѣроятно, былъ очень недалеко отъ берега. Островъ Тиръ труднѣе было осадить, и въ первый разъ его завоевалъ Александръ, построивъ свою знаменитую насыпь, которая навсегда соединила Тиръ съ материкомъ (см. IV томъ). Когда Ассаргаддонъ пошелъ на Египетъ, онъ попробовалъ взять Тиръ, осадилъ его съ суши, занявъ лежащій здѣсь Ушу, и закрылъ особыми укрѣпленіями островитянамъ доступъ къ водѣ. Но островъ, имѣвшій свободный подвозъ съ моря, держался до тѣхъ поръ, пока не пришло изъ Египта извѣстіе объ изгнаніи Тагарки (670). Тогда царь Ваалъ призналъ всякое сопротивленіе безнадежнымъ и согласился платить дань. Его покореніе сопровождалось обычнымъ признаніемъ существующихъ въ этотъ моментъ отношеній. Царь, такимъ образомъ, сохранилъ только городъ Тиръ, находившійся на островѣ, въ то время какъ область, занятая на материкѣ ассирійцами, стала ассирійской провинціей.

Въ этомъ году (670) была воздвигнута стэла въ Сенджирли (см. центральную фигуру таблицы „Памятникъ царя Ассаргаддона по поводу покоренія Египта“ при стр. 201), на которой Тагарка и Ваалъ изображены подвластными Ассаргаддону. Изображеніе было готово, и оставалось только вырѣзать надписи, какъ вдругъ Тагарка вновь возвратился въ Египетъ, и Ваалъ, которому нечего было терять, вновь отпалъ. Поэтому конецъ надписи, въ которомъ должно было быть сказано о покореніи Ваала, былъ опущенъ. Послѣ того, какъ Тагарка во второй разъ былъ изгнанъ (688) и Тиръ выдержалъ, въ общемъ, пятилѣтнюю осаду (673—668), Ваалъ вновь покорился. Тиръ и на этотъ разъ не былъ завоеванъ и сохранилъ свою самостоятельность, но его владѣнія ограничивались теперь только маленькимъ островомъ; владѣнія же на материкѣ не были ему возвращены, а остались подъ властью ассирійцевъ.

Исторія человѣчества. III.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Памятникъ царя Ассаргаддона о покореніи Египта. — Израильскій царь Іiуй приноситъ дань Салманассару II.

Объясненіе таблицы.

Памятникъ Ассаргаддона изображаетъ царя въ ростъ, выше обыкновеннаго. Передъ нимъ на колѣняхъ кушитъ Тахарка, котораго можно узнать по толстымъ губамъ и по змѣѣ-урею, и тиріецъ Ваʼалъ; обоихъ царь держитъ за кольца, продѣтыя черезъ ихъ губы. Вверху направо символы зодіака. Нижняя часть передней стороны и вся задняя покрыты надписью отъ 670 г. до Р. Х., которая содержитъ отчетъ о завоеваніи Египта. „Когда Ассуръ и великіе боги, мои владыки, приказали мнѣ выступить, я перешелъ черезъ крутыя горы и большія пустыни, мѣстности жажды, веселый и невредимый. Тахарку, царя Египта и Куша (Нубіи), котораго возненавидѣли великіе боги, поражалъ я отъ Ис-хупри до Мемфиса, на разстояніи 15 дней пути, и ранилъ его самого пять разъ опасно для жизни остріемъ копья. Мемфисъ, его городъ, завоевалъ я въ полдня, сдѣлавъ брешь, и истребилъ огнемъ. Женъ и евнуховъ его гарема, Усанахура, его сына и наслѣдника престола, его остальныхъ сыновей и дочерей, все его имущество, коней и скотъ въ безчисленномъ множествѣ, угналъ я въ Ассирію. Кушъ отдѣлилъ я отъ Египта, и ни одного кушита не оставилъ въ немъ. Надъ всѣмъ Египтомъ поставилъ я своихъ чиновниковъ и намѣстниковъ. Дани и подати для Ассура и великихъ боговъ, моихъ владыкъ, утвердилъ я навѣки; дани и подати для себя, царя, возложилъ я на него навсегда“.

(Найдена при раскопкахъ въ Сенджирли германской восточной комиссіей; теперь находится въ Королевскихъ музеяхъ въ Берлинѣ.)

Къ изображенію „дани Іиуя Салманассару II“, снятой съ двухъ сторонъ четырехугольнаго обелиска, относится слѣдующая надпись отъ 842 года до Р. Х.: „Дань Іавы, сына (т.-е. преемника) Омри: серебро, золото, различные предметы (утварь и т. д.) изъ золота, свинца . . . . дерева, царскіе дары, посохи получилъ я отъ него“. Соотвѣтственное содержаніе имѣетъ другая надпись: „Въ 18-й годъ моего царствованія (842) перешелъ я въ 16-й разъ Евфратъ (побѣдилъ и осадилъ Азаила дамасскаго). Потомъ получилъ я дань тирійцевъ, сидонянъ и Іавы, сына Омри“.

(Лондонъ, Британскій музей.)

Обладаніе торговыми рынками на сирійскомъ берегу, въ особенности, Газой, конечнымъ пунктомъ караванныхъ путей и проходной областью Эдома, привело Ассирію въ соприкосновеніе съ арабскими племенами, которыя вели эту заграничную торговлю. Уже Тиглатъ-Пилезеру и Саргону они принесли увѣренія въ своей вѣрности. Санхерибъ попытался покорить степныхъ арабовъ и предпринялъ походъ (см. выше стр. 70: его войско при этомъ погибло). Ему удалось подчинить себѣ существовавшее тамъ царство Ариби, завоевать столицу и увезти въ Ассирію царицу и статуи боговъ. А когда была принесена присяга на вѣрность, Ассаргаддонъ отослалъ захваченное обратно. Его войска совершили потомъ еще утомительные походы въ глубь западной Аравіи (Мелуха) и на востокъ (Іемама), въ разсказахъ о которыхъ много неизбѣжныхъ прикрасъ. Врядъ ли чьи-ни будь еще войска заходили такъ далеко въ глубь Аравіи, если только этого не сдѣлали еще раньше войска — полчища Саргона и Нарамъ-Сина при покореніи Магана и Мелухи!

Волненія, конечно, все еще продолжались на киликійско-каппадокійской границѣ, Ассаргаддонъ говоритъ о походѣ въ область Ду'а въ Таврѣ, примыкающей къ Табалу. Ассирійскія надписи, конечно, ничего не говорятъ о томъ, что Мелидъ (Малатія) былъ покоренъ однимъ старѣйшиной (вѣроятно, изъ племени Табала или ему подобнаго) по имени Мукаллу, и о томъ, что онъ въ союзѣ съ Ишкаллу изъ Табала сталъ грозить ассирійскимъ владѣніямъ. Мы узнаемъ объ этомъ только изъ вопросовъ, которые объ этомъ были сдѣланы богу солнца Шамашу. Слѣдовательно, въ области Малой Азіи ассирійскія земли уменьшились въ своихъ размѣрахъ.

Благодаря тѣмъ же самымъ таблицамъ, мы очень хорошо освѣдомлены о великомъ индо-германскомъ движеніи на сѣверѣ въ Арменіи. Теперь намѣстники пограничныхъ провинцій уже не сообщаютъ, какъ при Санхерибѣ, о пораженіяхъ, которыя наносили Урарту киммерійцы. Теперь со страхомъ вопрошаютъ бога солнца, будутъ ли ассирійскія провинціи пощажены грозными врагами, киммерійцами, сапарда, ашкуза и мидянами, уже опустошающими сосѣднія области; спрашиваютъ, удастся ли ассирійскимъ войскамъ освободить осажденныя мѣстности или вернуть назадъ взятыя. Это звучитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ донесенія Саргона о побѣдахъ. И когда Ассаргаддонъ говоритъ о побѣдахъ надъ киммерійцами и ашкуза, онъ не можетъ разсказать намъ о результатахъ этихъ побѣдъ. Это даетъ поводъ думать, что эти побѣды, если онѣ не состояли... въ одномъ только отступленіи враговъ, въ лучшемъ случаѣ бывали побѣдами только надъ разъѣзжими отрядами. Вообще, власть Ассиріи здѣсь, очевидно, была поколеблена. Ассирійцы уже становятся съ этими варварами почти на равную ногу. Противъ грозныхъ киммерійцевъ Ассаргаддонъ искалъ и нашелъ союзниковъ въ ихъ восточныхъ сосѣдяхъ ашкуза, царь которыхъ Бартатуа даже получилъ въ жены дочь „царя міра“. Этихъ ашкуза мы вновь увидимъ въ качествѣ союзника Ассиріи въ ея послѣдніе дни (см. стр. 78).

Результаты походовъ на Мидію, гдѣ (послѣ гибели Намри и Парсуа) все больше и больше сказывалось присутствіе индо-германскихъ элементовъ, были не особенно значительны. Конечно, дисциплинированному ассирійскому войску не трудно было истребить отдѣльныя орды и области и привести домой плѣнныхъ и добычу. Но походы до „Солончаковой пустыни“ на юго-востокѣ Каспійскаго моря и до Демавенда не имѣли сколько-нибудь продолжительныхъ успѣховъ. Тотчасъ же появлялись новыя племена, и гдѣ одна волна этого потока племенъ разсѣивалась, появлялась новая. Здѣсь вопреки всѣмъ побѣдамъ, неудержимо завершалась судьба древне-восточной культуры. Нельзя, конечно, обвинять ассирійскаго царя за то, что онъ не соразмѣрилъ опасности и стремился къ пріобрѣтенію новыхъ доходовъ посредствомъ покоренія чужихъ странъ.

Ассаргаддонъ можетъ гордиться успѣхомъ, до тѣхъ поръ еще не выпадавшимъ на долю ассирійца (хотя, можетъ-быть, выпадавшимъ на долю вавилонянина до 2000 года, но объ этомъ могутъ дать свѣдѣнія лишь будущія изслѣдованія): онъ завоевалъ Египетъ. Конечно онъ сдѣлалъ это, уступая существовавшей въ Ассиріи потребности въ завоеваніяхъ: нужно было доставлять занятія и добычу наемнымъ войскамъ, копья которыхъ были опорой ассирійскаго трона. Кромѣ этого, его еще побуждали къ завоеваніямъ политическія соображенія.

Египетъ, какъ и страны въ области Евфрата, имѣлъ притязаніе на Палестину. Если послѣднія нуждались въ гаваняхъ на Средиземномъ морѣ, то для цѣлей расширенія владѣній Египта это была ближайшая и наиболѣе выгодная страна. Поэтому, насколько мы можемъ прослѣдить исторію этихъ странъ, Египетъ то владѣетъ Палестиной, то стремится вновь завоевать ее. Такъ, во всѣхъ возстаніяхъ противъ Ассиріи онъ принимаетъ участіе, въ большинствѣ случаевъ впрочемъ не оказывая обѣщанной помощи. „Сломанная трость, которая ранитъ того, кто на нее опирается", такъ уже Исаія комментировалъ лживыя обѣщанія Египта. Непрерывныя волненія въ Палестинѣ заставляли, однако, подумать о томъ, чтобы наконецъ обезвредить подстрекателей. Это пытался сдѣлать уже Санхерибъ во время своего послѣдняго похода, когда онъ потерялъ свое войско.

Ассаргаддонъ тѣмъ охотнѣе возобновилъ эту попытку, что эѳіопъ Тагарка, противъ котораго былъ направленъ также походъ Санхериба, вновь объединилъ Египетъ и оказался болѣе предпріимчивымъ, чѣмъ послѣдніе фараоны. Мы уже видѣли, что онъ участвовалъ въ возстаніи Тира, вспыхнувшемъ въ 673 году. Согласно вавилонской хроникѣ, въ этомъ же году ассирійцы потерпѣли пораженіе въ Египтѣ. Первая попытка настигнуть Тагарку въ его странѣ была, стало быть, неудачна. Но уже въ 671 году новое войско подошло къ Египту, и противъ него Тагарка не могъ устоять. Отъ Исхуприи, гдѣ произошло первое сраженіе, до Мемфиса ассирійское войско проникло въ 15 дней. Пять разъ пытался Тагарка оказать сопротивленіе, но самъ былъ раненъ въ сраженіи; потомъ онъ бѣжалъ въ Ѳивы. Въ полъ дня Мемфисъ былъ взятъ. Семья Тагарки и богатыя сокровища попали въ руки ассирійцевъ. 55 царскихъ статуй были привезены въ Ниневію. Тагарка, повидимому, не могъ основаться и въ Ѳивахъ. Его войско было разсѣяно, а въ Египтѣ онъ, какъ иноземецъ, не нашелъ поддержки. Онъ бѣжалъ въ Кушъ, т.-е. въ Нубію, и оставилъ Ѳивы.

Царь ассирійскій назначилъ въ отдѣльныя области Египта 22 царя, которые всѣ перечисляются его сыномъ Ассурбанипаломъ. Но къ каждому изъ нихъ приставленъ былъ ассирійскій чиновникъ въ роли контролера, а къ нему въ качествѣ помощниковъ была назначена еще цѣлая масса ассирійскихъ чиновниковъ. Самая южная изъ названныхъ областей — Ѳивы. Изъ этого можно заключить, на какомъ недалекомъ разстояніи признавалось ассирійское господство. Ассаргаддонъ сгущаетъ краски, называя себя послѣ этого завоеванія „царемъ царей Муссура (нижняго Египта), Патуриси (верхняго Египта) и Куша" И Сенджирлійская стэла, какъ и памятникъ, высѣченный при Наръ-эль-Келбѣ у Бейрута и прославляющій эту же побѣду, скорѣе говорятъ о желанномъ, чѣмъ достигнутомъ, изображая Тагарку плѣннымъ съ кольцомъ въ губахъ и на колѣняхъ, молящимъ о милости Ассаргаддона (см. таблицу „Памятникъ царя Ассаргаддона въ честь покоренія Египта" при стр. 201). Но это торжество длилось всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ: Тагарка вновь появился на сценѣ. Этотъ эѳіопъ былъ не то, что египтяне; очевидно, онъ „бѣжалъ" лишь съ цѣлью собрать новое войско. Тѣмъ временемъ Ассаргаддонъ находился снова въ Ассиріи, чтобы подавить возстаніе, поднятое его сыномъ Ассурбанипаломъ; о чемъ Тагарка зналъ конечно. Прибывшій въ Ниневію гонецъ извѣстилъ, что Тагарка снова занялъ всю страну и опять правитъ, какъ царь, въ Мемфисѣ,

что онъ изгналъ или истребилъ ассирійцевъ, находившихся въ странѣ. Египтяне, вѣроятно, отнеслись къ этому „возстановленію порядка“ такъ же равнодушно, какъ относились вообще къ смѣнѣ властителей, привыкнувъ въ теченіе тысячелѣтій къ тому, что ихъ всегда и всѣ обираютъ.

Когда улажены были внутреннія усобицы въ Ассиріи, и Ассурбанипалъ и его братъ Шамаш-шум-укинъ были коронованы (668 г.), войско можно было опять употребить для Египта. Ассаргаддонъ самъ отправился туда: дома онъ былъ теперь лишнимъ, такъ какъ хорошо понималъ, что при свойствахъ восточнаго деспотизма ему остается одно — умереть. Впрочемъ, онъ такъ и поступилъ (668 г.). Война была доведена до конца уже въ царствованіе Ассурбанипала, и онъ выдалъ ее за свою: востокъ, съ его культомъ предковъ и рода, относится безъ всякаго почтенія къ памяти умершаго, какъ только онъ похороненъ „въ своемъ дому“.

Мы говорили уже о мотивахъ возведенія на престолъ Ассурбанипала (см. выше, стр. 31). Когда Ассаргаддонъ захотѣлъ завершить свое дѣло и заставить провозгласить себя или своего сына Шамаш-шум-укина, сына вавилонянки, царемъ въ возстановленномъ Вавилонѣ, пришло время для дѣятельности ассирійской партіи. Въ 669 году „царь приказалъ казнить многихъ знатныхъ людей“, повѣствуетъ вавилонская (!) хроника, но Ассурбанипалъ говоритъ, что, когда онъ въ началѣ 668 года былъ провозглашенъ наслѣдникомъ и соправителемъ, онъ „ходатайствовалъ“ за знать. Очевидно, Ассаргаддонъ намѣревался короновать Шамаш-шум-укина царемъ Вавилоніи, чтобы обезпечить ему власть послѣ своей смерти. Однако, это не удалось; вмѣстѣ съ Ассурбанипаломъ ассирійская военная и аристократическая партія одержала верхъ надъ вавилонскимъ духовенствомъ и буржуазіей. Во время продолжительнаго правленія Ассурбанипала (668—626) ассирійская военная партія съ своими наемными войсками, собранными изъ всѣхъ странъ, праздновала свой послѣдній тріумфъ.

Результаты египетской кампаніи, въ которой умеръ Ассаргаддонъ, получились скоро и были благопріятны. У Карпанита было разбито войско, съ которымъ Тагарка намѣренъ былъ защищать Нижній Египетъ. Онъ оставилъ Мемфисъ и пошелъ назадъ въ Ѳивы. Ассирійское войско добралось сюда въ одинъ мѣсяцъ и десять дней. Тагарка, не довѣрявшій населенію столицы, предпочелъ оставить городъ и укрѣпился вверхъ по теченію рѣки по обѣимъ сторонамъ Нила, имѣя въ виду запереть рѣчную долину. Ассирійское войско не проникло далѣе Ѳивъ, и Ассурбанипалъ, какъ и его отецъ, до этой только области могъ возстановить областныхъ царей.

Въ томъ же году или вскорѣ послѣ этого умеръ Тагарка. Его преемникомъ въ Напатѣ былъ Танутъ-Аммонъ, сынъ его сестры; онъ тотчасъ же началъ наступательное движеніе. Ассирійское войско, вѣроятно, уже оставило Ѳивы, и остальной Египетъ безъ затрудненій подчинился племяннику Тагарки. Только въ Мемфисѣ ассирійскій гарнизонъ оказалъ сопротивленіе; осаждая его, Танутъ-Аммонъ утвердился въ Онѣ (Геліополь), находившемся на сѣверѣ отъ Мемфиса. Опять пришелъ въ Ниневію гонецъ съ извѣстіемъ, и ассирійское войско форсированнымъ маршемъ отправилось освобождать осажденныхъ. Послѣ этого Танутъ-Аммонъ прекратилъ осаду и очистилъ страну вплоть до самыхъ Ѳивъ, гдѣ онъ пытался утвердиться. Но городъ былъ покоренъ (послѣ 667 или 666 года), и эѳіопы вынуждены были оставить Египетъ. Ассурбанипалъ могъ вновь разсадить по областямъ своихъ царей. Но и это положеніе дѣлъ продолжалось недолго. Ассирійское господство, конечно, могло быть для египетскихъ князей только средствомъ избавиться отъ кушитовъ. Когда они достигли этого, они начали думать объ избавленіи отъ не менѣе тягостныхъ союзниковъ. Уже спустя два — три года, Псамметихъ, сынъ Нехо, которому Ассурбанипалъ далъ области Мемфиса и Саиса, провоз-

гласилъ себя независимымъ. Ассирійское войско было занято въ другомъ мѣстѣ. Египетской дипломатіи удался ея планъ: она при помощи Ассиріи изгнала кушитовъ изъ своей страны и подыскала подходящій моментъ, когда она могла лишить награды помощника.

На такую же черную неблагодарность пришлось жаловаться безкорыстному Ассурбанипалу со стороны Гигеса Лидійскаго (см. въ IV томѣ). Какъ разъ во время воцаренія Гигеса киммерійцы начали наступательныя дѣйствія противъ Лидии и перешли Галисъ. Такъ какъ ассирійцы были въ союзѣ съ ашкуза противъ киммерійцевъ, то Гигесъ запросилъ помощи у Ассурбанипала, киликійскимъ и каппадокійскимъ владѣніямъ котораго въ виду ихъ близости къ лидійской области также грозила опасность. И Ассурбанипалъ помогъ,... вознеся молитву къ Ассуру, которая оказалась настолько сильной, что Гигесъ дѣйствительно побѣдилъ страшныхъ враговъ. Онъ послалъ двухъ плѣнныхъ вождей въ кандалахъ въ Ниневію, гдѣ на чужеземныхъ варваровъ, „рѣчи которыхъ не понималъ ни одинъ переводчикъ“, смотрѣли съ удивленіемъ. И неблагодарный лидіецъ думалъ, что онъ уже выполнилъ свой долгъ благодарности. Онъ не посылалъ больше посольства (и подарковъ) и помогъ даже отпаденію Псамметиха не молитвами, но вспомогательными войсками. За эту дерзость, по молитвѣ Ассурбанипала, послѣдовало вскорѣ наказаніе: новаго нападенія киммерійцевъ Гигесъ не въ состояніи былъ отразить, Онъ палъ въ битвѣ, и Лидія была наводнена киммерійцами. Сынъ Гигеса (Ассурбанипалъ не называетъ его; по Геродоту Ардисъ) предложилъ подчиниться. Но объ энергичной помощи Ассурбанипалъ и теперь не упоминаетъ: лидійцы сами должны были помочь себѣ. Лишь въ Киликіи, слѣдовательно, на границѣ Ассиріи, прекратился натискъ киммерійцевъ, хотя врядъ ли, благодаря усиліямъ ассирійцевъ. Все это происходило въ 668 и слѣдующихъ годахъ.

Въ томъ же 668 году, послѣ того какъ Тагарка очистилъ Ѳивы, Ваалъ тирскій окончательно покорился. Онъ долженъ былъ удовольствоваться теперь оставленнымъ ему городомъ, расположеннымъ на островѣ (ср. выше, стр. 72). И царь Арвада Якинлу, вѣроятно, возлагавшій надежды на Тагарку, опять уплатилъ дань и послалъ своихъ сыновей въ качествѣ заложниковъ и пажей ко двору. Въ первые годы царствованія Ассурбанипалъ совершилъ также походъ на мятежный Манъ у озера Урмія, въ области котораго распространялись союзники Ассиріи ашкуза. Причины, заставившія царя Ахшери уплату дани, легко понять. Присутствіе племени ашкуза, находившагося въ союзѣ съ сюзереномъ, должно было плохо отзываться на доходахъ страны. Но когда приблизилось ассирійское войско, Ахшери палъ жертвою возстанія, и его сынъ Уалли покорился ассирійцамъ.

Приблизительно въ это же время были совершены походы на нѣкоторыхъ мидійскихъ вождей. Но Ассурбанипалъ не проникъ такъ далеко, какъ Ассаргаддонъ и Саргонъ, — эта область была уже залита потокомъ великаго переселенія.

Около 660 года или нѣсколько позже опять началась война съ Эламомъ и опять послѣдній былъ наступающей стороной. Послѣднее время (съ Ассаргаддона) былъ установленъ миръ съ Уртаки (стр. 72). Теперь, войдя въ соглашеніе съ вождями вавилонскихъ племенъ, особенно племени Гамбули, Эламъ опять пытался укрѣпиться въ Вавилоніи и съ этою цѣлью отправилъ сюда войско. Ассурбанипалъ, повидимому, не имѣлъ наготовѣ войска. И лишь тогда, когда эламиты приблизились къ самому Вавилону, онъ выступилъ и прогналъ ихъ чрезъ границу. Дальше онъ не пошелъ. Ассирія по отношенію къ Эламу все еще играла роль страны обороняющейся, со времени неудачнаго похода Санхериба (см. выше, стр. 30 и 70). Вскорѣ послѣ этого умеръ Уртаки. Неурядицы, явившіяся слѣдствіемъ дворцоваго переворота, повели къ войнѣ съ Теумманомъ, который выступилъ противъ сѣверной Вавилоніи, но у Дуръ-илу былъ принужденъ возвра-

титься (см. табл. „Битва Ассурбанипала съ Теумманомъ Эламскимъ“, стр. 102). На этотъ разъ ассирійское войско впервые направилось на Эламъ, а потомъ до стѣнъ Сузы чрезъ ущелье Загроса. Успѣхи (о нихъ см. стр. 22, 23) Куригальцу и Небукаднесара I вернулись. Эта война (655) заканчиваетъ предпріятія первой половины царствованія Ассурбанипала.

Всѣ слѣдующія войны Ассурбанипала находятся въ связи съ большимъ возстаніемъ Шамаш-шум-укина, которое вспыхнуло въ 652 году (см. выше, стр. 32). Ассирійское войско обнаружило свое превосходство при подавленіи этого возстанія. Но сочувствіе, которое встрѣтилъ Шамаш-шум-укинъ, надежды, которыя возлагались на его предпріятія во всѣхъ концахъ страны, показали также, что это государство держалось только принужденіемъ и что безъ своего наемнаго войска оно навѣрное бы пало. Съ Вавилономъ Ассурбанипалъ обошелся не такъ, какъ Санхерибъ. Но, какъ представитель „ассирійской“ политики, онъ, по всей вѣроятности, поступалъ подобно Тиглатъ-Пилезеру и Салманассару (см. стр. 28). Съ чисто внѣшней стороны это выражается въ томъ, что онъ, какъ и тѣ, самъ принялъ царскую корону и правилъ тамъ подъ именемъ Кандалану (647—626).

Во время возстанія Вавилонъ нашелъ сильнѣйшую поддержку въ Эламѣ. Слѣдствіемъ этого былъ цѣлый рядъ войнъ, которыя повели къ покоренію Сузы и къ окончательному уничтоженію Элама. Но Ассирія, не дѣлавшая никакой попытки удержать завоеванную область, не достигла этимъ ничего, кромѣ того, что отдала сосѣднюю страну въ руки вторгавшихся индо-германцевъ. Точно такъ, какъ и въ Урарту, Ассирія и здѣсь лишь устранила тотъ буферъ, который могъ защитить ее отъ этого врага. Процессъ постепеннаго паденія, къ которому шелъ Эламъ посреди безпрерывныхъ неурядицъ, лучше всего уяснится въ исторіи Элама. Въ Вавилоніи, естественно, нѣкоторыя племена стояли тоже на сторонѣ Шамаш-шум-укина. Гамбули и Пукуду, какъ и нѣкоторыя халдейскія государства, получили за это возмездіе. И въ Приморской странѣ завершило войну покореніе правнука Меродахъ-Баладана, что отразилось въ извѣстной степени въ неурядицахъ Элама (см. стр. 106).

Вавилонское возстаніе вызвало также разбойничій набѣгъ въ Аравію. Бедуины, всегда алчущіе добычи, послали въ Вавилонъ вспомогательное войско, которое тамъ было, правда, совершенно истреблено. Но такъ какъ государство „Ариби“ все же находилось подъ верховною властью Ассиріи, то за отпаденіе нужно было отомстить. Ассирійское войско грабя прошло Сирійскую пустыню, идя полукругомъ отъ Ассиріи къ Дамаску (вскорѣ послѣ 648 года). Но миръ недолго длился, такъ какъ вошедшій на престолъ царь страны Ариби, Абійяте, вскорѣ опять возсталъ и долженъ былъ снова получить возмездіе. Извѣстія Ассурбанипала повѣствуютъ напыщенно, но не ясно, о походахъ въ Аравію.

Въ Финикіи въ это время подверглись карѣ городъ Ушу, лежавшій на материкѣ противъ Тира, и городъ Акко. „Провинція Тиръ“ (см. выше, стр. 71) попыталась возстать: это былъ, повидимому, единственный практическій результатъ всѣхъ призывовъ Шамаш-шум-укина на западѣ.

Царь страны Урарту, Сардури III теперь добровольно искалъ ассирійскаго верховенства: его вынуждали къ этому притѣсненія со стороны индо-германцевъ. Этими свѣдѣніями объ Урарту кончается разсказъ самого Ассурбанипала о времени своего правленія.

в) Гибель.

О послѣднихъ годахъ царствованія Ассурбанипала у насъ нѣтъ свѣдѣній. Промежутокъ довольно продолжителенъ — приблизительно 10—15 лѣтъ. Въ общемъ, судя по его побѣдамъ, можно думать, что онъ утвер-

дилъ значеніе Ассиріи. Это видно изъ того, что до самой своей смерти онъ оставался царемъ вавилонскимъ. Быстрая катастрофа, послѣдовавшая затѣмъ, свидѣтельствуетъ, что это господство держалось только однимъ человѣкомъ и его войсками. Для насъ Ассурбанипалъ важнѣе своими литературными вкусами, чѣмъ побѣдами, которыми прославился въ классической легендѣ подъ невѣрнымъ именемъ „Сарданапала". Въ своемъ дворцѣ въ Ниневіи онъ составилъ библіотеку изъ клинообразно исписанныхъ таблицъ, представлявшихъ копіи всѣхъ древнихъ надписей и литературныхъ произведеній Вавилоніи, которыя можно было достать. Незначительному остатку этой библіотеки, найденному при раскопкахъ, обязаны мы почти всѣмъ, что знаемъ о вавилонской литературѣ, и другими важными документами, оригиналы которыхъ утеряны. Не одинъ Ассурбанипалъ прославилъ себя побѣдами въ Ассиріи. Зато онъ одинъ приказывалъ переписывать такіе документы и самъ читалъ ихъ, и за это можно простить ему его ассирійское происхожденіе.

Послѣ Ассурбанипала въ Ассиріи было еще два царя: два брата Ассуръ-итил-или и Синъ-шаръ-ишкунъ. Изъ ихъ правленія намъ немного извѣстно. Со смертью Ассурбанипала былъ потерянъ Вавилонъ, но не Вавилонія, отдѣльныя части которой были сохранены до послѣдняго времени. Сколько времени царствовалъ каждый изъ нихъ, намъ неизвѣстно.

Только относительно гибели государства у насъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія. Халдеецъ Набополассаръ не могъ, подобно своимъ халдейскимъ предшественникамъ на вавилонскомъ тронѣ, опираться на Эламъ: Эламъ уже не существовалъ. Зато онъ нашелъ могущественнаго союзника въ преемникѣ Элама: въ мидійцахъ. Ассирія съ своей стороны со времени Ассаргаддона была въ союзѣ съ племенемъ ашкуза, сосѣднимъ съ мидійцами, естественнымъ врагомъ этихъ послѣднихъ. Въ 609 году мы видимъ, что Набополассаръ владѣетъ Месопотаміей. Онъ именуетъ себя „царемъ міра", хвалится своей побѣдой надъ Шубари — древнее названіе Месопотаміи (см. выше, стр. 51). Такимъ образомъ, могущество Ассиріи было уже сломлено. Вскорѣ мы видимъ мидійца Кіаксара у Ниневіи. Противъ него выступило войско племени ашкуза подъ предводительствомъ Мадьи, сына Бартатуи, женатаго на дочери Ассаргаддона (см. выше, стр. 73); но оно было разбито. Это пораженіе рѣшило судьбу Ниневіи. Она пала въ 607 году. Послѣдній царь Синъ-шаръ-ишкунъ, какъ полагаютъ, самъ сжегъ себя, — судьба, которая по легендѣ постигла Сарданапала. Мидійскія орды принялись за грабежъ и разрушеніе гораздо основательнѣй, чѣмъ было это удобно ихъ союзнику. Не только Ниневія, но и всѣ города Ассиріи и Вавилоніи, бывшіе еще на сторонѣ Ассиріи, были окончательно разграблены. Ниневія больше не возставала изъ своихъ развалинъ, къ счастію для насъ, такъ какъ мусоръ хорошо сохранилъ обломки, послужившія памятниками для изученія тѣхъ временъ.

Поведеніе союзниковъ не вызвало большой радости у Набополассара, такъ какъ страны, которыя они грабили, теперь принадлежали ему. Но удивительно! Варвары, повидимому, выполнили свой договоръ. Они дѣйствительно очистили завоеванную страну и соблюдали договоръ, по которому Тигръ долженъ былъ быть границей тѣхъ и другихъ владѣній (см. карту „Ассирія съ 745 года", при стр. 88). Было ли это слѣдствіемъ недостаточнаго развитія дипломатіи, или такое поведеніе мидійцевъ являлось результатомъ какого-либо насилія, остается невыясненнымъ: ни одно данное не говоритъ до сихъ поръ въ пользу возможности послѣдняго. Такимъ образомъ было создано новое положеніе вещей: Мидіи принадлежала вся страна на сѣверѣ рѣчной области отъ Элама до Малой Азіи. Опять существовали цари „Апцана и Сура", о которыхъ упоминаютъ древнія вавилонскія преданія (стр. 12). Вавилонъ получилъ Вавилонію, Месопотамію (Ассирія осталась во власти Мидіи), Сирію и Палестину.

Такимъ образомъ „Ассирійское государство“ исчезло со страницъ исторіи. Почему попытки возстановить его были невозможны, мы указывали уже неоднократно: опорой „государства“ были только наемное войско и чиновничество. Ассирійскаго народа давно уже не существовало. Въ провинціяхъ относились совершенно равнодушно къ тому, чьимъ именемъ вымогалъ намѣстникъ подати, именемъ царя Ассирійскаго, или Вавилонскаго. Единственное, что жило тамъ — это желаніе другого господина, порожденное обманчивой надеждой на улучшеніе своего положенія. Провинціи (Сирія и Палестина) давно потеряли способность къ активному дѣствію. Только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, какъ въ Іудеѣ, вспыхивали возстанія, которыя, конечно, не могли устоять противъ большого войска.

Ж. Обзоръ ассирійско-месопотамской культуры.

Страны, лежащія по верхнему теченію рѣкъ, — Месопотамія и Ассирія, существенно отличаются характеромъ отъ Вавилоніи съ ея жаркимъ климатомъ. Близость горъ смягчаетъ зной большихъ равнинъ. Обильный дождь, зимой — снѣгъ ставятъ ее на одну ступень съ самыми теплыми европейскими странами. Обѣ большія рѣки находятся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга; текутъ онѣ большею частью въ гористыхъ берегахъ, и проведеніе каналовъ, подобныхъ Вавилонскимъ, является немыслимымъ. Меньшія рѣки, особенно Хабуръ и Балихъ въ Месопотаміи, прорѣзывая равнины, проходятъ по обширнымъ плодороднымъ мѣстностямъ; между ними разстилаются обширныя степи, служившія во всякое время хорошимъ мѣстопребываніемъ для кочевниковъ; отсюда они пробирались въ культурную страну, усѣянную цвѣтущими мѣстечками.

Пока не будутъ произведены обширныя изслѣдованія до-ассирійскаго времени въ почвѣ Месопотаміи (ср. стр. 32), мы, конечно, должны отказаться установить своеобразіе месопотамской культуры сравнительно съ вавилонской. Мы можемъ себѣ представить только культуру того, сравнительно короткаго времени, когда главную роль играла Ассирія. Но, какъ мы видѣли, древнѣйшая исторія Ассиріи окутана мракомъ для насъ и особенно исторія внутренняя. Подробности мы знаемъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ Ассирія начинаетъ свои завоеванія и расширеніе своихъ владѣній насчетъ передней Азіи. При этомъ она выступаетъ во всемъ своемъ своеобразіи, которое и сдѣлало ее властительницей западно-азіатскаго культурнаго міра. Исторію развитія ея съ начала и до этого времени еще нельзя установить на основаніи сохранившихся свидѣтельствъ. Все, что мы можемъ сдѣлать, — это характеризовать культуру Ассиріи въ эпоху ея владычества.

Область лѣваго берега Евфрата, выше нижняго Цаба, не развила самостоятельной культуры: во всѣхъ отношеніяхъ она является только придаткомъ месопотамско-вавилонской. Господство Ассиріи въ послѣднія эпохи существованія этой послѣдней культуры было чисто политическимъ, доставленнымъ ей силою оружія. Главный интересъ для насъ представляетъ опредѣленіе сущности этого господства.

Можно полагать, что въ началѣ своего развитія въ 14 или 13 вѣкѣ до Р. Х. (см. карту при стр. 10) Ассирія еще имѣла свѣжее жизнеспособное населеніе; это предполагаетъ наличность многочисленнаго крестьянскаго сословія. Какъ оно сложилось, мы не знаемъ, но его существованіе доказывается тѣмъ, что Ассирія могла основывать колоніи: а колонизація возможна при наличности крѣпкаго крестьянскаго сословія. Съ другой стороны, появленіе колоній указываетъ на неудовлетворительность поземельныхъ отношеній, на возникновеніе перенаселенія и на такую неравномѣрность распредѣленія земли, при которой становится невозможнымъ дальнѣйшее мирное развитіе.

Позднѣйшая Ассирія Ассурназирпала и Салманассара II имѣетъ уже

совсѣмъ иное населеніе, отчасти благодаря иммиграціи арамеевъ. Ассурназирпалъ, правда, тоже еще основывалъ колоніи во вновь завоеванныхъ и возвращенныхъ земляхъ. Но сомнительно, чтобы переселенцы дѣйствительно преставляли излишекъ народныхъ массъ; скорѣе это была часть обезземелившагося населенія. Только одинъ разъ, какъ мы видѣли (стр. 49), и то при особыхъ обстоятельствахъ, упоминается, что Салманассаръ собралъ земледѣльцевъ; вообще же завоеванія свои Ассирія совершаетъ въ это время съ помощью наемнаго войска, а это указываетъ на коренную перемѣну въ основахъ ассирійскаго могущества. Съ этихъ поръ нѣтъ больше Ассирійскаго народа, распространяющагося въ своихъ завоеваніяхъ; есть только военное хищническое государство, которое, опираясь на войско, набранное изо всѣхъ странъ, грабитъ народы. Ассирійскій народъ, поскольку онъ вообще еще существуетъ, съ одной стороны, отступаетъ передъ духовенствомъ, и здѣсь достигшимъ господства, съ другой стороны, предъ монархіей съ ея феодализмомъ. Въ политикѣ Тиглатъ-Пилезера III мы видимъ попытку поставить жизнь государства на болѣе широкія основанія, но эта попытка не удалась. Мощная реакція Саргона возстановила прежній характеръ Ассиріи, чѣмъ и рѣшила ея гибель.

Итакъ могущество Ассиріи основывалось на ея войскѣ, составленномъ изъ сбѣжавшихся съ разныхъ сторонъ наемниковъ; о платѣ и содержаніи ихъ долженъ заботиться царь, и это давало поводъ къ постояннымъ завоевательнымъ и разбойничьимъ походамъ. Съ одной стороны, наемное войско требуетъ всегда дѣла и добычи; съ другой, какъ извѣстно, въ восточномъ государствѣ нѣтъ въ наличности достаточныхъ средствъ для содержанія войска, если только они не выжимаются изъ другихъ странъ. Земля по большей части находится во владѣніи феодаловъ и духовенства, большіе города освобождены отъ налоговъ, а незначительное угнетенное крестьянское сословіе, конечно, не можетъ доставить требуемыхъ средствъ. Такимъ образомъ самый государственный строй носитъ въ себѣ побужденіе къ новымъ завоевательнымъ походамъ; онъ самъ по себѣ уже толкалъ бы Ассирію по разъ выбранному пути, если-бы даже и не было у нея той приманки, которую представляло сосѣдство болѣе богатыхъ и менѣе сильныхъ народовъ.

Въ царствованіе Ассурназирпала и въ началѣ царствованія Салманассара II покорены были вновь возникшія арамейскія государства Месопотаміи. Такимъ образомъ эта древняя культурная область подпадаетъ подъ ассирійское владычество. Она становится составной частью государства. Арамейское населеніе, т.-е. духовенство и феодалы, уравнивается съ ассирійцами. Ассирія, въ широкомъ значеніи слова, заключаетъ такимъ образомъ страны до Евфрата, послужившаго ей западной границей (см. карту при стр. 56). Завершеніе этого процесса относится ко второй эпохѣ ассирійской исторіи. Такое положеніе сохранялось вплоть до паденія всего государства.

Переходъ чрезъ Евфратъ составляетъ новую ступень развитія. Процессъ развитія, начавшись въ царствованіе Салманассара II и его наслѣдниковъ, къ прочнымъ результатамъ приводитъ лишь въ новоассирійскомъ государствѣ со времени Тиглатъ-Пилезера III. Лишь въ его царствованіе большая часть областей на западномъ берегу Евфрата потеряла свою самостоятельность и сдѣлалась ассирійскою провинціей. Здѣсь, однако, не добились такихъ прочныхъ результатовъ; здѣсь пришлось имѣть дѣло съ государствами, которыя по своему населенію и культурѣ, несмотря на все, чѣмъ они были обязаны своей общей матери — древней культурѣ, были своеобразны. Ассимилироваться съ Ассиріей имъ никогда не удалось. Здѣсь оказывала свое вліяніе другая малоазіатская культура: она создала, несмотря на всѣ политическія усилія, стѣну между культурой праваго и лѣваго берега Евфрата, которая никогда не была опрокинута окончательно.

Образъ дѣйствій по отношенію къ покоряемымъ государ-

ствамъ обычный для подобныхъ государствъ, самымъ послѣднимъ образцомъ которыхъ является турецкое государство. Безпрерывныя волненія въ культурной странѣ, вызванныя ищущими добычи и земель номадами, порождаютъ стремленіе привести въ зависимость кочевниковъ, и такимъ образомъ защититься отъ ихъ нападеній. Первая ступень этой зависимости — обязанность платить дань, такъ какъ полное покореніе такихъ племенъ и введеніе своего управленія у нихъ невозможно. Такой способъ дѣйствій примѣняется прежде всего и къ сосѣднимъ культурнымъ государствамъ. Царя вынуждаютъ платить дань; если онъ соглашается, онъ становится вассаломъ Ассиріи, сохраняя полную свободу въ управленіи своей страной. Кромѣ дани, его обязываютъ поставлять войско. Но сюзеренъ обыкновенно не вмѣшивается во внутреннее управленіе страны.

Это, въ сущности (особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда повинности велики, а страна не въ состояніи выполнить ихъ), означаетъ не много болѣе того, что князь исполняетъ просто должность сборщика дани, и на немъ лежитъ отвѣтственность за точное выполненіе повинностей. Однако царь не считаетъ себя обязаннымъ гарантировать вассалу безусловную защиту отъ враговъ и этимъ дать возможность ему выполнить обязательства. Если же притѣсненія сосѣдняго народа доводятъ его до отпаденія отъ Ассиріи и до признанія своей ленной зависимости отъ притѣснителя, — является ассирійское войско, привлекая къ отвѣтственности „отпадшаго" который, быть-можетъ, только уступилъ насилію. Вообще вассальные князья находились между двухъ, а часто и между трехъ огней. Съ одной стороны они отвѣчали предъ царемъ, съ другой имъ приходилось считаться съ недовольствомъ народа, принужденнаго платить большія подати. Такимъ образомъ создавались партіи, которыя соотвѣтственно своимъ интересамъ стояли за присоединеніе либо къ Ассиріи, либо къ какому-нибудь другому крупному государству. Въ словахъ израильскихъ пророковъ мы видѣли одновременныя свидѣтельства этихъ партійныхъ стремленій. Мы видѣли, какъ во времена Амоса въ Іудеѣ или Израилѣ стоялъ вопросъ: присоединиться ли къ Ассиріи, какъ совѣтовалъ Ахазъ, или къ Дамаску и аравійскому Муцри, отъ чего предостерегаетъ Амосъ. Послѣ паденія Дамаска Осія, какъ и Исаія, можетъ указать только Ассирію и Муцри, пока съ появленіемъ Тахарки противъ ассирійской партіи не выступаетъ египетская. Между ними стоитъ царь, положеніе котораго по большей части незавидно, такъ какъ его можетъ спасти только присоединеніе къ дѣйствительно сильнѣйшей державѣ. Такъ мы знаемъ о колебаніи Езекіи; изъ дѣятельности Іереміи можно узнать мучительное положеніе послѣднихъ царей Іудеи, которые, стоя предъ выборомъ между Навуходоносоромъ и фараонами, наконецъ были застигнуты своей судьбой.

По самой природѣ вещей положеніе, не дававшее вассалу ничего, кромѣ гнетущей зависимости, уничтожалось, какъ только являлась надежда на успѣхъ отпаденія, т.-е. тогда, когда не нужно было опасаться немедленнаго вступленія ассирійскаго войска. Но если оно являлось, то при военномъ превосходствѣ ассирійцевъ судьба отпавшихъ государствъ была рѣшена. Если ассирійской партіи не удавалось побѣдить своихъ противниковъ и купить милость царя принятіемъ на себя еще большихъ повинностей, и дѣло доходило до отчаянной борьбы осажденныхъ, то жребіемъ побѣжденныхъ было разрушеніе города, смерть предводителей, рабство населенія. Надо однако признать, что даже въ такихъ случаяхъ не было звѣрствъ, имѣвшихъ мѣсто въ средневѣковыхъ войнахъ, напр. въ германо-славянской пограничной борьбѣ. Кара постигала только вожаковъ враждебной партіи и отвѣтственнаго князя, какъ бунтовщика; при взятіи Іерусалима Навуходоносоромъ, напримѣръ, сторонникамъ халдеевъ были оставлены ихъ владѣнія.

Государство, вполнѣ завоеванное силою оружія, подлежало конфискаціи: оно теряло свою самостоятельность и дѣлалось ассирійской провинціей.

Въ областяхъ Месопотаміи подобныя конфискаціи, какъ мы уже видѣли (стр. 48), въ силу однородности населенія и естественной связи странъ, представляли мало затрудненій. Другое дѣло — чуждыя страны, въ которыя стала проникать Ассирія. Навязывать ассирійское управленіе чужой народности, только что своимъ возстаніемъ доказавшей жизнеспособность своей самобытности и своихъ учрежденій, врядъ ли было возможно. Это значило обречь на вѣрную смерть немногихъ ассирійскихъ чиновниковъ при первой же вспышкѣ недовольства. А обращеніемъ въ рабство бо̀льшей части населенія былъ бы нанесенъ значительный ущербъ платежной способности новой провинціи.

Со времени Тиглатъ-Палассара III, когда сама Ассирія уже болѣе не могла высылать колонистовъ, это зло старались предотвратить перетасовкой населенія завоеванныхъ провинцій, лежавшихъ на противоположныхъ концахъ государства. Изъ Библіи извѣстны уведеніе населенія Самаріи въ Месопотамію и Мидію, іудеевъ въ Вавилонію, пополненіе Самаріи во времена Ассурбанипала послѣ пораженія Шамашъ-шумъ-укина жителями вавилонскихъ городовъ. Сообщенія о такихъ перетасовкахъ и переселеніяхъ становятся стереотипными въ надписяхъ Тиглатъ-Палассара III и Саргона. Этимъ способомъ достигали во-первыхъ новаго заселенія областей, во-вторыхъ покорности отъ новыхъ колонистовъ ассирійскому управленію. У нихъ, оторванныхъ отъ родной почвы, составленныхъ изъ различныхъ народностей, еще не слившихся съ остаткомъ чуждаго имъ туземнаго населенія, не было иной прочной опоры, кромѣ ассирійскихъ чиновниковъ. Племенная и сословная организація, связывавшая ихъ на родинѣ и поставившая ихъ во враждебное отношеніе къ притѣсняющей власти, была уничтожена, и они были лишены возможности сопротивляться новой власти.

Управленіе, дѣйствительно отвѣчающее требованіямъ культуры и прогресса, могло бы найти въ этихъ учрежденіяхъ двухъ великихъ организаторовъ Ассиріи достаточно матеріала для созданія новаго населенія, интересы котораго были бы неразрывно связаны съ основнымъ ядромъ ассирійскаго государства. Но административные пріемы военно-жреческаго хищническаго государства не приспособлены къ созиданію прочной культуры. Ассирія хотѣла только брать у новыхъ провинцій и ничего не могла имъ дать. Главная цѣль ассирійскаго управленія — обогащеніе административныхъ чиновниковъ отъ незначительнаго сборщика податей до намѣстника; одинъ состоитъ данникомъ другого, и намѣстникъ, наконецъ, долженъ платить двору. Если провинція что-либо „получала“ (если, вообще, это когда-либо случалось), то, конечно, эта получка не могла идти въ сравненіе съ тѣмъ, что она отдавала. Результатомъ такого порядка вещей всюду могло быть только обѣднѣніе и опустѣніе. Послѣ того, какъ метрополія потеряла свою жизнеспособность, благодаря неравномѣрному распредѣленію земли и имущества, и стала жить, выжимая средства изъ подчиненныхъ государствъ, перенесеніе пріемовъ ея правительственной политики на нихъ должно было и здѣсь вести къ тѣмъ же результатамъ.

Если Ассирія не вознаграждала уже свои вассальныя государства за налагаемыя на нихъ тяготы, то съ точки зрѣнія do ut des она также мало исполняла свои обязанности по отношенію ко вновь пріобрѣтеннымъ провинціямъ. Намѣстникъ (Shaknu), управлявшій провинціей, мало отличался отъ прежняго князя; вся разница въ томъ, что управленіе, бывшее прежде въ рукахъ соотечественниковъ побѣжденныхъ, теперь находилось въ рукахъ ассирійскихъ чиновниковъ. Едва ли это существенно отражалось на матеріальномъ положеніи народа: не слѣдуетъ думать, что ассирійскіе властелины выжимали изъ подданныхъ больше, нежели туземные; по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о древне-культурныхъ государствахъ, врядъ ли это было возможно. Намѣстникъ, занявшій мѣсто феодальнаго князя, взялъ на себя всѣ его права и обязан-

ности. Его управленіе больше обезпечивало царя, такъ какъ, находясь въ чужой странѣ, онъ нуждался еще въ покровительствѣ, которое предлагала ему Ассирія, туземный же князь. напротивъ, чуждался ея въ силу традицій и національнаго чувства. Вообще же положеніе обоихъ было одинаково. Shaknu долженъ былъ удовлетворять потребности провинціи изъ ея собственныхъ доходовъ, и въ то же время исполнять обязательства по отношенію ко двору. Для походовъ онъ долженъ былъ поставлять отрядъ, который содержался на средства провинціи. Для защиты своей области, если только ея потеря серьезно не угрожала государству, онъ долженъ былъ самъ прежде всего изыскивать средства и войска. Царь имѣетъ собственное войско, „царское войско", о содержаніи котораго онъ долженъ заботиться, но эту обязанность онъ старается взвалить на своихъ чиновниковъ. У намѣстниковъ существуетъ также свое войско, которое должно ограждать безопасность провинціи и изъ котораго въ случаѣ войны они должны поставлять свою часть къ царскому войску. Слѣдовательно, положеніе намѣстника очень самостоятельно. Понятно, что онъ былъ недалекъ отъ соблазна искать сообственной выгоды, не держась Ассиріи, а завоеваніемъ независимости во время ея упадка или переходомъ къ другому завоевателю.

Неудивительно, что ассирійское „государство", населенное разнородными элементами, и управленіе котораго не могло привести ко взаимной сплоченности отдѣльныя части, исчезло и что не было даже попытокъ его возстановленія послѣ паденія Ниневіи. Его объединяло наемное войско и чиновничество; съ ихъ паденіемъ погибло государство. Понятно, почему никто не пытался вызвать къ жизни эти два института, не дававшіе подданнымъ ничего, кромѣ гнета.

Войско, съ которымъ Ассирія подчинила переднюю часть Востока, было наемное. Какъ во всѣхъ наемныхъ войскахъ — при наборѣ не выбираютъ, а берутъ предложенное. Вѣроятно, солдатъ поставляли, главнымъ образомъ, пограничныя варварскія страны, подобно тому, какъ германцы для позднѣйшаго Рима, норманны и англичане для Византіи и т. д. Въ случаѣ покоренія государства, царь обыкновенно пополняетъ свой отрядъ частью побѣжденнаго войска. Это мы наблюдали, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ, какъ въ сирійскихъ государствахъ, существовалъ уже институтъ наемныхъ войскъ.

Изъ военныхъ орудій боевая колесница является самымъ тяжелымъ, страшнымъ и почетнымъ (царь на войнѣ всегда изображается въ боевой колесницѣ). Она хорошо извѣстна по изображеніямъ (см. таблицу при стр. 102), запряжена двумя лошадьми съ однимъ возницей и однимъ воиномъ. Откуда беретъ начало этотъ военный пріемъ, до сихъ поръ еще неясно; о военномъ устройствѣ Вавилоніи древнѣйшихъ временъ мы знаемъ только изъ изображенія на „плитѣ коршуновъ"; оно, повидимому, представляетъ во времена царей Лагаша замкнутую фалангу со щитомъ и копьемъ, какъ главнымъ оружіемъ (см. таблицу при стр. 12). Въ тѣсной связи съ вопросомъ о началѣ знакомства съ лошадью стоитъ вопросъ о ея происхожденіи. Существованіе ея въ Вавилоніи за 3000 лѣтъ до Р. Х. не обнаружено, что при незначительности нашихъ источниковъ не можетъ считаться незыблемымъ; но во времена касситовъ, какъ и въ современномъ имъ Египтѣ, лошади и боевыя колесницы играютъ главную роль. Введены ли они „ханаанской" иммиграціей или появились подъ вліяніемъ сѣвера, благодаря хеттскимъ и другимъ завоеваніямъ? Во всякомъ случаѣ, въ греческомъ эпосѣ мы встрѣчаемъ указанія, что боевая колесница являлась главнымъ орудіемъ Малой Азіи въ эпоху, приблизительно совпадающую съ послѣднимъ періодомъ ассирійскаго государства.

За то конница тамъ лишена значенія. Если на боевой колесницѣ

выступаетъ въ походъ аристократія, то кавалерія, малочисленная въ болѣе извѣстныя намъ времена, считается низшимъ родомъ службы и употребляется только для перестрѣлки и преслѣдованія. Безъ хорошаго сѣдла и стремени, кавалерія не могла составить отряда, способнаго къ борьбѣ. Главная сила войска заключалась въ тяжеловооруженныхъ, снабженныхъ копьемъ и короткимъ мечемъ, покрытыхъ щитомъ, броней и шлемомъ. Рядомъ съ ними находятся стрѣлки изъ лука въ качествѣ легковооруженныхъ,

Техника осады развита благодаря многочисленнымъ войнамъ превосходно. Обычныя укрѣпленія вообще не могутъ долго противостоять натиску ассирійцевъ. Къ самымъ стѣнамъ города подводится дамба (римскій agger); на нее вводятся тяжелые тараны, противъ ударовъ которыхъ не можетъ долго устоять кирпичное зданіе. Для болѣе крѣпкихъ сооруженій этотъ способъ, конечно, не годится. Салманассаръ не могъ взять Дамаска съ его каменными стѣнами; штурмовалъ ли его Тиглатъ-Палассаръ III — намъ неизвѣстно. Тиръ, взятый (въ первый разъ) Александромъ, пытались блокировать сооруженіемъ шанцевъ, но въ силу недостаточности морскихъ силъ, попытка кончилась неудачей.

Вооруженіе войска лежитъ, конечно, на томъ, кто обязался содержать его, т.-е на царѣ или намѣстникѣ. Къ сооруженію дворца, составляющаго вѣнецъ каждаго царствованія въ Ассиріи, принадлежитъ и возведеніе цейхгауза, наполненнаго оружіемъ. Повидимому содержаніе производилось не выдачей жалованья деньгами, путемъ покрытія этого расхода изъ опредѣленнаго налога или общей суммы царскихъ доходовъ; ходъ историческаго развитія его мы въ состояніи еще прослѣдить. Первоначально воинская повинность связывалась съ поземельной собственностью. Если эта повинность и сохранилась для феодала-аристократа, то съ исчезновеніемъ крестьянскаго сословія при его неспособности нести военную службу, она стала замѣняться налогомъ — выкупомъ или militare, которымъ мелкій собственникъ замѣнялъ теперь свою службу. Этотъ налогъ предоставлялся въ пользованіе наемникамъ и каждый изъ нихъ (по Колеру и Пейзеру) получалъ въ удѣлъ одного крестьянина, который долженъ платить ему подать. Болѣе крупныя земельныя единицы должны были соотвѣтственно нести бóльшія повинности. Позже, вѣроятно, кромѣ земли, нашлись новые другіе источники доходовъ и, слѣдовательно, налоговъ. Если у царя не хватало средствъ содержать войско, онъ старался навязать отдѣльные отряды высшимъ чиновникамъ, которые конечно очень неохотно платили царскимъ войскамъ, какъ своимъ. Вслѣдствіе этого и возникали забавныя волненія янычаръ. И во времена расцвѣта уже можно отмѣтить характерныя черты — незначительныя явленія, которымъ въ будущемъ предстояло развиться въ крупномъ масштабѣ, когда замкнутый кругомъ и заключенный въ своей прежней области, Ассуръ не могъ уже грабить и высасывать провинцій.

Въ Ассиріи предприняты самыя солидныя и богатыя результатами раскопки. Поэтому у насъ имѣется о ней во многихъ отношеніяхъ больше свѣдѣній, чѣмъ о Вавилоніи. Въ первомъ ряду нужно поставить памятники архитектуры и изобразительныхъ искусствъ. Самые замѣчательные изъ нихъ нашли во дворцахъ Нимруда (Калахъ) и Куюнджика (Ниневія). Они знакомятъ насъ съ архитектурой и скульптурой IX столѣтія до Р. Х. (Ассурназирпалъ въ Калахѣ) и VIII столѣтія (Тиглатъ-Палассаръ III въ Калахѣ, Саргонъ въ Дуръ-Саррукинѣ, Синахерибъ и Ассурбанипалъ въ Ниневіи, Ассаргаддонъ въ Калахѣ).

По обычаю Востока, могущественный, богатый властелинъ сооружаетъ для удовлетворенія своей гордости великолѣпныя зданія, преимущественно дворцы, предназначенные для него самого. Кромѣ простого желанія имѣть великолѣпное жилище, которое указывало бы и внѣшнимъ образомъ на его могущество, въ этомъ была доля кесарскаго тщеславія. При перенесеніи

резиденцій очевидно играли еще роль и политическія соображенія. Вполнѣ понятнымъ было желаніе имѣть мѣсто погребенія для себя и своей семьи, такъ какъ, по вѣрованіямъ, необходимо покоиться, какъ и жить, подъ защитою пенатовъ — иначе тѣнь послѣ смерти, не имѣя крова, будетъ вѣчно блуждать.

Мы уже знаемъ, что объ ассирійской культурѣ говорить нечего, что на всѣ встрѣчаемыя въ ней уклоненія отъ вавилонской нужно скорѣе смотрѣть, какъ на явленія месопотамской культуры. Иныхъ месопотамскихъ памятниковъ искусства изъ до-ассирійскихъ временъ, кромѣ скульптуръ изъ Арбана, у насъ нѣтъ, а эти съ перваго взгляда кажутся предшественниками ассирійскаго искусства. До сихъ поръ не предприняли изслѣдованія даже Харрана, гдѣ по нѣкоторымъ найденнымъ обломкамъ можно опредѣлить мѣстность и положеніе старыхъ развалинъ. Остается неяснымъ, при чемъ тутъ статуя львовъ, которую многіе видѣли здѣсь; — по всей вѣроятности она принадлежитъ къ ассирійской эпохѣ. Салманассаръ II и Ассурбанипалъ (потомъ еще Набунаидъ) отстроили заново древнее святилище Сина, и нельзя думать, чтобы памятники древнѣйшихъ временъ могли быть находимы въ верхнихъ слояхъ земли. Такъ какъ исторія Месопотаміи совершается на правомъ берегу Евфрата, въ Сиріи и Месопотаміи, и такъ какъ объединеніе этихъ странъ вавилонянами подъ именемъ Сури (ср. выше стр. 12) указываетъ на ихъ единство въ различные періоды, то и месопотамскую культуру въ будущемъ придется разсматривать при свѣтѣ культуръ, примкнувшихъ къ ней съ запада отъ Евфрата. И здѣсь опять область неизвѣстнаго. Въ лучшемъ случаѣ древнѣйшія скульптурныя произведенія Сенджирли могутъ быть отнесены къ эпохѣ, допускающей сравненіе между Месопотаміей и Сиріей древнѣйшихъ временъ; но и варварскія произведенія по меньшей мѣрѣ появлялись во времена, слѣдовавшія за полнымъ уничтоженіемъ древнѣйшей культуры.

Извѣстные намъ памятники искусства Месопотаміи и Ассиріи не стары, и это извѣстное намъ идетъ отъ конца больше, нежели тысячелѣтняго развитія съ періодами упадка и расцвѣта. Но и здѣсь все еще можно распознать вавилонское происхожденіе: матеріаломъ для этихъ исполинскихъ сооруженій служилъ кирпичъ, употреблявшійся уже въ древней Вавилоніи. Огромныхъ плитъ и каменныхъ колоннъ Ассирія не знаетъ, хотя близость горъ предлагала ей достаточно матеріала. И здѣсь строятъ по вавилонскому образцу изъ кирпича; на поперечные брусья употребляютъ привезенные изъ Амана и Ливана кедры. По части матеріала для скульптурныхъ произведеній, здѣсь конечно условія были болѣе благопріятны, чѣмъ въ Вавилоніи, гдѣ Гудеа для своихъ статуй привозилъ камень изъ Аравіи и Палестины. Горы, лежавшія сѣвернѣе Ниневіи, были извѣстны породами мрамора и алебастра, пригодными для облицовки кирпичныхъ сооруженій, а что до-ассирійскому времени извѣстны были колоссальныя фигуры животныхъ, воздвигавшіяся у дверей и воротъ дворцовъ и городовъ, указываютъ колоссы Арбана. Подобныхъ произведеній искусства Вавилонія еще не доставляла. Впрочемъ argumentum ex silentio — при состояніи нашихъ свѣдѣній доказательство сомнительное.

Доступность матеріала для облицовки и легкость, съ которой обрабатывается мягкій алебастръ, наложили на ассирійскія сооруженія свой отпечатокъ. Въ то время, какъ въ Вавилоніи мы видимъ кирпичъ, покрытый глазурью, узорчатый и съ изображеніями, здѣсь стѣны дворцовъ покрыты алебастровыми плитами съ изображеніями въ письмѣ и картинахъ дѣяній строителей. По стѣнамъ обыкновенно тянутся одинъ-два ряда картинъ и лѣтописныя записи дѣяній царя. Эти-то надписи и составляютъ главную часть нашихъ источниковъ. Скульптуры являются до сихъ поръ единственными столь необходимыми иллюстраціями того, что едва ли можно было извлечь изъ однѣхъ надписей. Въ противоположность памятникамъ египтянъ, любив-

шихъ картины домашней жизни (до насъ впрочемъ не дошли здѣсь гробницы и постройки не-царей), памятники Ассиріи останавливаются на предметахъ, достойныхъ царя Ассура. Девять десятыхъ изъ нихъ заняты прославленіемъ походовъ, и только одна десятая говоритъ о сооруженіяхъ царя. Кромѣ этого врядъ ли что-либо знаетъ царь Ассура. Только хорошо развитая техника самаго послѣдняго времени при Ассурбанипалѣ впервые прилагается къ другимъ сюжетамъ: но изображенія вродѣ пирующаго со своей супругой въ саду властелина составляютъ исключенія, теряющіяся среди многочисленныхъ изображеній войнъ: царя, выступающаго на боевой колесницѣ, лагерной жизни, битвъ, преслѣдованія враговъ, взятія городовъ. Каждый походъ изображется отдѣльно, и отдѣльныя сцены поясняются подписями (см. таблицу „Битва Ассурбанипала съ Теумманомъ, царемъ Элама“ при стр. 102). Рядомъ съ этими сюжетами вступаетъ въ свои права прославленіе строительства царя; встрѣчается въ картинахъ выполненное только благодаря усиліямъ громадный массы людей возведеніе террасъ, на которыхъ покоятся дворцы; поднятіе съ помощью рычаговъ на блокахъ и канатахъ каменныхъ колоссовъ. О домашнемъ же бытѣ по этимъ памятникамъ мы ничего не узнаемъ. Въ Ассиріи предметами, достойными вниманія царя, являются только войско и его подвиги; даже боги отступаютъ на второй планъ, особенно въ болѣе ранній періодъ. Если мы знаемъ какія-либо мелочи изъ быта не-военнаго человѣка, то лишь постольку, поскольку они связаны съ военной жизнью или архитектурой. До насъ сохранилось нѣсколько жанровыхъ картинокъ изъ лагерной жизни и нѣкоторыя указанія относительно техники и быта рабовъ-строителей, которыя можно найти въ изображеніяхъ строительства. Какъ передвигались большія тяжести, мы видѣли: ряды рабовъ носили землю на спинѣ въ корзинахъ; къ каждымъ 6, 7 рабамъ былъ приставленъ погонщикъ, всегда готовый подогнать палкой отставшаго.

Въ искусствѣ мы видимъ несомнѣнный прогрессъ, выражающійся въ исполненіи деталей. Иллюстраціей его можетъ служить сравненіе скульптурныхъ работъ во дворцѣ Ассурназирпала съ произведеніями ново-ассирійскаго государства. Первыя неспособны еще изобразить большія массы въ сраженіи; фигуры ихъ относительно неподвижны. Во вторыхъ замѣчается большая свобода и разнообразіе въ пониманіи и выполненіи. Картины войнъ Ассурбанипала (см. только-что упомянутую таблицу „Битва Ассурбанипала“ при стр. 102) отмѣчаютъ высшую ступень ассирійскаго искусства. Эпоха искусства, отмѣчаемая нами, представляетъ вѣрное отраженіе соотвѣтствующаго періода ассирійской исторіи. Вмѣстѣ съ могуществомъ и накопленіемъ награбленныхъ богатствъ растетъ и царское искусство. Существовало ли иное для болѣе широкихъ слоевъ населенія и принимало ли послѣднее какое-либо участіе въ его развитіи, остается невыясненнымъ. Если чужіе наемники вели ассирійскія войны, финикійскіе плотники строили корабли, то вѣроятно и художники были набираемы изъ всѣхъ странъ. Потому-то выраженіе „ассирійское искусство“ можно понимать лишь въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ можно вообще говорить объ „ассирійскомъ народѣ“ (ср. выше, стр. 67).

Возстановить исторію развитія искусства въ теченіе двухъ тысячелѣтій съ памятниковъ Телло до ассирійскаго искусства за неимѣніемъ источниковъ невозможно (см. выше, 9 и 13). Безъ сомнѣнія первое стоитъ выше, если не по выполненію, то по замыслу. Если стремленіе къ идеалу свойственно искусству, то въ статуяхъ Гудеи (см. стр. 11) мы встрѣчаемъ глубину пониманія, способную дать произведенія, равныя греческому искусству. Было ли это искусство остаткомъ исчезающаго сумерійскаго наслѣдства, или „вавилонскіе семиты“, созданіями которыхъ мы должны ихъ признать, были столь непохожи на своихъ братьевъ, позже выступившихъ, для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ. A priori первое соображеніе

болѣе вѣроятно; но для окончательнаго рѣшенія у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Здѣсь мы наблюдаемъ почти то же явленіе, что и въ Египтѣ послѣ древняго царства. Не является ли неподвижное, приведшее къ „стереотипности“ искусство позднѣйшаго времени результатомъ вліянія семитскаго духа, который проявился здѣсь, благодаря „ханаанейскому переселенію“, и уничтожилъ въ обѣихъ странахъ зародыши искусства, унаслѣдованнаго отъ коренного населенія? Несомнѣнно одно; предчувствіе, стремленіе къ идеалу красоты, которое замѣчается въ произведеніяхъ искусства Лагаша, какъ остатокъ, или какъ начало развитія, было брошено для сухого искусства, стремящагося только къ точному воспроизведенію внѣшняго міра. Произведенія эти съ увѣренностью можно приписать семитамъ, такъ какъ только-что указанная черта является характерной для всего семитскаго. Полное отсутствіе фантазіи, грезящей о лучшемъ мірѣ. Семитическая поэзія заключается только въ увеличеніи и усиленіи реальнаго міра: довести до гигантскихъ размѣровъ всѣ чудеса окружающаго — вотъ все, о чемъ семитъ можетъ мечтать. Онъ остался ребенкомъ, который видитъ высшее наслажденіе въ безмѣрномъ накопленіи матеріальныхъ благъ и ничего не подозрѣваетъ о духовномъ удовлетвореніи и благахъ жизни въ иномъ лучшемъ мірѣ.

Причину того, что ассирійско-вавилонское искусство, несмотря на всю тонкость своей техники, никакъ не могло дойти до идеализаціи, — видѣли въ томъ, что его объектомъ не была нагая человѣческая фигура. Это прежде всего не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ у насъ имѣются небольшія вавилонскія статуэтки Истаръ (Венеры) и торсъ большой женской статуи (вѣроятно тоже Истаръ) изъ эпохи ассирійскаго царя Ассуръ-белъ-кала (стр. 53). Напротивъ, семитическій духъ проявился въ томъ, что стали видить къ нагомъ человѣческомъ тѣлѣ нѣчто низменное. И здѣсь мы видимъ незрѣлый, дѣтскій умъ, надъ которымъ никогда семиту не удалось возвыситься даже въ теоріи. Величіе этого міра находитъ себѣ внѣшнее выраженіе въ облаченіяхъ изъ драгоцѣнныхъ матерій. Выше этого міра его фантазія не можетъ подняться. Потому онъ и изображаетъ свои идеалы красоты въ безконечно тонкой передачѣ драгоцѣнности матерій. Это дитя, которое не знаетъ ничего лучшаго, какъ стать „царемъ“, которому двойная порція сахару кажется болѣе желательной, чѣмъ истина.

Это тотъ же дѣтскій умъ, который въ своемъ боязливомъ уваженіи къ старому и унаслѣдованному держится за него, и не отдаетъ должнаго требованіямъ настоящаго. Искусство, въ особенности когда оно творитъ изображенія боговъ (т.-е. отражаетъ сущность религіозныхъ воззрѣній), должно представлять почтенные образы по унаслѣдованнымъ пріемамъ. Поэтому и развившееся искусство ассирійскихъ временъ создаетъ статуи боговъ, въ коихъ сказывается ихъ происхожденіе отъ древнихъ грубыхъ каменныхъ столбовъ, почитавшихся номадами. Очевидно, и богъ семитовъ, несмотря на все утонченіе идей, принесенное утонченной культурой жизни, все же остается древнимъ богомъ номадовъ, созданіемъ бедуинскаго духа съ его идеалами добродѣтели.

5. Нововавилонское халдейское царство.

А. **Навуходоносоръ.**

По смерти Ассурбанипала мы находимъ на вавилонскомъ престолѣ халдея, Набополассара (срв. выше, стр. 32). Мы не знаемъ, какое маленькое халдейское княжество было страной его племени. Очень вѣроятно, что сначала Ассирія дозволила или не препятствовала ему носить корону Бела. Въ первые годы онъ избѣгаетъ открыто разорвать съ Ассуръ-итиль-

или и признаетъ его верховную власть. Вначалѣ онъ владѣетъ только Вавилономъ, а остальныя части Вавилоніи остаются за Ассиріей. Мы ничего не знаемъ о прогрессѣ его власти. Достовѣрно то, что Вавилонъ ничего не предпринималъ противъ Ассиріи только своими силами и привелъ въ исполненіе свои планы только тогда, когда заключилъ союзъ съ Мидіей. Если царскій домъ Ассиріи породнился съ властителемъ Ашкуза (срв. 78 стр.), то сынъ Набополассара долженъ былъ жениться на мидійской царевнѣ.

Мы уже видѣли, что съ 609 года Набополассаръ владѣлъ Месопотаміей, и уничтоженіе Ассиріи было главнымъ образомъ дѣломъ мидянъ (стр. 78). Когда дѣло зашло такъ далеко, Набополассаръ уже былъ или старъ или боленъ; во главѣ правленія находился его сынъ Навуходоносоръ (II). Ему выпало на долю покореніе западныхъ провинцій — задача, которая сама по себѣ врядъ ли представляла какія-нибудь затрудненія, такъ какъ послѣ паденія Ниневіи ассирійскіе намѣстники не могли удержаться въ провинціяхъ, ненавидѣвшихъ ассирійское владычество. Отъ нихъ напередъ можно было ждать, что онѣ подчинятся новому господину, и напередъ можно было считать безнадежными всѣ попытки объявленія независимости со стороны отдѣльныхъ государствъ.

Но эти владѣнія пришлось отбивать не у ниспровергнутыхъ ассирійцевъ, а у другого владыки. Нехао (II), правильно оцѣнивъ положеніе вещей, призналъ настоящій моментъ очень подходящимъ для того, чтобы вновь вернуть области, потерянныя для Египта со временъ Тутмоса и Аменготепа. Въ то время, какъ мидяне стояли передъ Ниневіей, а Набополассаръ занималъ Месопотамію, фараонъ вторгнулся въ Палестину, встрѣтилъ здѣсь только отдѣльныя попытки сопротивленія (напр., Іосіи при Мигдолѣ, 609 или 608), и безъ большихъ затрудненій занялъ почти всю Палестину и Сирію. Въ Риблѣ, на сѣверѣ Бека'а, онъ стоялъ лагеремъ въ теченіе нѣкотораго времени и отсюда устраивалъ іерусалимскія дѣла. Въ 605 году онъ дошелъ до Кархемиша и слѣдовательно намѣревался перейти Евфратъ, и такимъ образомъ шагнуть за границу области, занятой уже Вавилоніей послѣ совершившагося въ это время паденія Ниневіи. Навуходоносоръ въ качествѣ начальника вавилонскаго войска выступилъ противъ него и нанесъ ему такое пораженіе, что Нехао отказался отъ всякой попытки утвердиться въ Сиріи или Палестинѣ и отступилъ въ Египетъ, преслѣдуемый по пятамъ вавилонскимъ войскомъ. Не встрѣчая сильнаго сопротивленія, Навуходоносоръ принялъ вновь присягу на вѣрность отъ намѣстниковъ и князей и завладѣлъ областью, простиравшейся до Египетской границы (см. приложенную къ этой стр. карту „Ассирія съ 745 г., Нововавилонское царство и Мидія“). Такимъ образомъ этому царю, послѣднему побѣдоносному вавилонскому властителю, въ самомъ началѣ царствованія удалось то, къ чему безплодно стремились въ теченіе многихъ столѣтій. Западъ снова находился подъ властью Вавилона, какъ это было въ вѣка расцвѣта вавилонскаго могущества и культуры.

Но не возрожденіе національной, вавилонской мощи играло роль въ этомъ расширеніи владѣній. И теперь такъ же, какъ въ теченіе столѣтій, Вавилонъ находился въ рукахъ завоевателей, которые хотѣли опереться на вѣковую славу стараго культурнаго центра для историческаго оправданія своей власти. Въ вѣковой борьбѣ Ассиріи и халдеевъ за корону Бела послѣднее слово пришлось сказать этимъ пришельцамъ, вѣчно прогоняемымъ, но неустаннымъ. Навуходоносоръ, передъ которымъ дрожала Палестина, былъ халдей. Представители этой послѣдней вавилонской династіи и въ современныхъ извѣстіяхъ Библіи носятъ поэтому имя халдеевъ.

Въ концѣ 605 года, когда Навуходоносоръ былъ занятъ въ Палестинѣ, онъ получилъ извѣстіе о смерти Набополассара и о волненіяхъ, цѣлью которыхъ было возвести на престолъ вавилонянина. Форсированнымъ

АССИРІЯ

съ 745 года до Р. Х. до паденія Ниневіи.

НОВО-ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО И МИДІЯ.

Масштабъ 1:10.000000

0 100 200 300 400 километры

1 Өирса
2 Самарія
3 Веөиль
4 Бетъ Захарія
5 Бетъ Сура
6 Хевронъ
7 Лахишъ
8 Текоа

Ассирія при Саргонѣ
Ассирія въ эпоху до паденія Ниневіи
Мидія
Вавилонія при Навуходоносорѣ II.

ВЕЛИКОЕ ЗАПАДНОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
ВЕЛИКОЕ ВОСТОЧНОЕ МОРЕ
ІАТНАНА (КИПРЪ)
МУЦУРЪ
КУШЪ Эөіопія
МЕСОПОТАМІЯ
УРАРТУ
МАДАЙ
ЭЛАМЪ
КАЛДУ

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб

маршемъ кратчайшимъ путемъ черезъ пустыню поспѣшилъ онъ въ Вавилонъ и поспѣлъ какъ разъ во-время чтобы руководить, какъ это было предписано (см. выше стр. 28), процессіей Бэла на новый годъ и объявить себя вавилонскимъ царемъ (604—562). Его имя, благодаря простому случаю, что онъ положилъ конецъ самостоятельности Іудеи, сдѣлалось знаменитымъ, и не даромъ: его продолжительное царствованіе для Вавилоніи было дѣйствительно періодомъ послѣдняго расцвѣта и силы.

Этотъ расцвѣтъ сказывается уже внѣшнимъ образомъ въ напряженной строительной дѣятельности, о которой сообщаютъ многія изъ его многочисленныхъ надписей. Онъ, продолжая отчасти начатое его отцомъ Набополассаромъ, обстроилъ весь Вавилонъ и соорудилъ укрѣпленія, вызывавшія удивленіе современниковъ. Онъ воздвигнулъ „мидійскую стѣну", сооруженіе, тянувшееся отъ Ефрата и Сиппара до Тигра почти у Описа и задерживавшее воду на тотъ случай, чтобы всю страну выше превратить, когда будетъ нужно, въ болото и сдѣлать невозможнымъ походъ войска въ области между двухъ рѣкъ. Ниже Вавилона этому сооруженію соотвѣтствовало другое, подобное, такъ что и съ этой стороны невозможно было напасть на Вавилонъ. Навуходоносоръ выстроилъ прославленныя террасы, „висячіе сады Семирамиды"; и во всѣхъ большихъ городахъ онъ заново отстроилъ знаменитые храмы.

Въ противоположность ассирійскимъ царямъ, которые пространно разсказываютъ о своихъ походахъ въ видѣ введенія къ каждому сообщенію о постройкѣ, въ Вавилонѣ и особенно въ Вавилонѣ Навуходоносора ничего не говорится въ такихъ случаяхъ о военныхъ дѣлахъ. Мы почти совсѣмъ не имѣемъ собственныхъ отчетовъ Навуходоносора о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Помимо палестинскихъ походовъ, намъ извѣстно еще только о тринадцатилѣтней безуспѣшной осадѣ Тира (подробнѣе объ этомъ ниже, см. стр. 163) и объ одной или нѣсколькихъ войнахъ съ Египтомъ. Небольшой отрывокъ гимна содержитъ извѣстіе о такой войнѣ въ 568 году съ Амазисомъ. Мы до сихъ поръ не знаемъ, вторгался ли Навуходоносоръ въ Египетъ, какъ объ этомъ предсказывалъ Іезекіиль. Во всякомъ случаѣ подчиненіе Египта продолжалось очень недолго, хотя вполнѣ возможно, что были такія побѣды, какъ побѣда Ассаргадона и Ассурбанипала.

Б. **Отношенія Новой Вавилоніи къ Мидіи.**

Вавилонъ могъ теперь расширять свои владѣнія только на западъ: сѣверъ и востокъ, гдѣ, какъ мы видѣли, могли еще вести борьбу ассирійскіе цари, были отрѣзаны; Эламъ и Урарту не существовали больше. Здѣсь властвуетъ большое мидійское царство отъ Элама до Галиса, пограничной рѣки Лидіи. Существованіе Вавилоніи зависитъ теперь отъ ея отношеній къ этому варварскому индогерманскому царству, опредѣлявшему въ сущности съ этихъ поръ судьбы передней Азіи. Вавилонъ находился къ нему въ такихъ же отношеніяхъ, какъ Италія къ Германской имперіи въ средніе вѣка. При жизни Навуходоносора отношенія, повидимому, были хороши. Вѣдь мидяне, уничтоживъ Ассирію, сдѣлали господиномъ этой страны представителей династіи Набополассара. И то, что они отдали ей эту страну, это скорѣе всего зависѣло отъ доброй воли Кіаксара. И повидимому родственныя отношенія Набополассара къ этому варварскому царскому дому имѣли реальное значеніе, несравненно большее, чѣмъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ при болѣе высокомъ развитіи государственности. О роли Навуходоносора въ мидійскихъ дѣлахъ сообщаетъ Геродотъ: когда между Мидіей и третьей великой державой, Лидіей, началась война (та самая, во время которой случилось предсказанное Ѳалесомъ затменіе), то Навуходоносоръ вмѣстѣ съ Сіеннезіемъ Киликійскимъ выступилъ примирителемъ.

Но молодая династія, которая съ Навуходоносоромъ достигла вершины

славы, съ его смертью увидала и закатъ своей славы. Послѣ Навуходоносора царемъ сталъ его сынъ Авиль-Мардукъ (Эвиль-Меродахъ Библіи); онъ продержался только два года (561 и 560) и былъ свергнутъ за то, что „правилъ несправедливо и жестоко“. Такъ какъ объ этой причинѣ паденія Авиль-Мардука сообщаютъ одно и то же писавшій въ эпоху Селевкидовъ историкъ Берозъ, жрецъ Бэла, и Набунаидъ, то мы можемъ усматривать причину низверженія въ жречествѣ, притязаній котораго не удовлетворилъ и Навуходоносоръ, несмотря на всѣ построенные имъ храмы. Объ Авиль-Мардукѣ мы знаемъ еще только то, что онъ хорошо обходился съ Іоакимомъ іудейскимъ, котораго привелъ въ Вавилонъ Навуходоносоръ. Онъ былъ убитъ, и на его мѣсто сталъ его зять Нергаль-шаръ уссуръ (Нериглиссаръ, 559—554): все еще не хватало смѣлости порвать окончательно съ халдейской династіей. Но былъ ли халдеемъ самъ Нериглиссаръ, неясно. О немъ мы тоже немного знаемъ: Набунаидъ приписываетъ ему нѣкоторыя услуги по защитѣ страны. Не начали ли уже теперь мидяне вступаться за сверженный царскій домъ? Его преемникомъ былъ несовершеннолѣтній сынъ Лабаши-Мардукъ; черезъ девять мѣсяцевъ онъ былъ низложенъ, такъ какъ, опять по единогласному по сообщенію упомянутыхъ выше источниковъ, онъ „обнаружилъ дурныя наклонности“. Истинныя причины обнаруживаются въ избраніи на царство вавилонянина, человѣка, бывшаго по сердцу жрецамъ: онъ неустанно строилъ храмы и обезпечивалъ ихъ доходы.

Набунаидъ, этотъ послѣдній вавилонскій царь (555—538),—замѣчательное явленіе. Сложа руки, онъ наблюдаетъ, какъ занимаютъ страну сначала мидяне, а потомъ персы, и занимается только раскопками развалинъ старыхъ храмовъ и хронологіей ихъ создателей. Для насъ очень цѣнны его отчеты о находкахъ старыхъ памятниковъ; но ни это, ни постоянныя постройки новыхъ храмовъ не могли обезпечить устойчивости его шаткаго престола. Мидяне повидимому далеко не безучастно отнеслись къ сверженію родственной и дружественной имъ династіи. Кажется, уже Нериглиссаръ долженъ былъ обороняться отъ нихъ, но теперь, когда разрывъ съ Вавилономъ былъ очевиденъ, они вторгнулись въ Месопотамію. Уже тогда, въ началѣ своего царствованія, Набунаидъ вполнѣ обнаружилъ свой характеръ. Въ то время, какъ мидяне осаждали Харранъ, древній городъ Сина, центръ Месопотаміи, онъ только грезилъ о томъ, что боги освободятъ Харранъ. И дѣйствительно они оказали ему эту милость. Киръ низвергъ Астіага, и Месопотамія на нѣкоторое время успокоилась. Но повидимому боги не сообщили благочестивому царю, что врагъ мидянъ можетъ быть еще болѣе опаснымъ врагомъ и для него. Онъ въ радости сердца поспѣшилъ отстроить храмъ Сина въ Харранѣ, и для этого обязалъ данями и тягломъ всѣхъ своихъ подданныхъ „отъ Газы, границы Египта, Средиземнаго моря, Сиріи до Персидскаго моря“.

B. **Покореніе Новой Вавилоніи персами.**

Тѣмъ временемъ персъ Киръ укрѣпилъ свою власть: къ занятымъ еще прежде мидянами областямъ онъ присоединилъ еще Лидію, послѣднюю великую державу, въ которой Вавилонъ могъ бы еще найти поддержку. Потомъ Киръ выступилъ противъ припертой со всѣхъ сторонъ Вавилоніи. Набунаидъ не тронулся съ мѣста и жилъ въ своемъ дворцѣ, устраненный, а можетъ-быть, даже плѣненный враждебной ему партіей. Правителемъ и высшимъ начальникомъ сталъ его сынъ Бель-саръ-уссуръ (Валтасаръ): Библія сдѣлала его послѣднимъ царемъ Вавилона.

Киръ прежде всего завладѣлъ Месопотаміей, перейдя Тигръ у Арбелъ, т.-е къ югу отъ развалинъ Калаха. Въ слѣдующемъ году (546) онъ изъ Элама вторгнулся въ южную Вавилонію. Набунаидъ приказалъ перевезти въ Вавилонъ боговъ великихъ городовъ Ура, Урука и т. д. и чувствовалъ

себя въ безопасности подъ ихъ защитой. О событіяхъ слѣдующихъ пяти лѣтъ у насъ нѣтъ извѣстій; мы знаемъ, что въ 539 году Вавилонія была окружена со всѣхъ сторонъ. Отсрочку можно объяснить тѣмъ, что въ это время планъ защиты страны водой, для чего послужила мидійская стѣна Навуходоносора и другія сооруженія ниже Вавилона, исполнилъ свою задачу. Такимъ образомъ Киру не удалось проникнуть въ область Вавилона ни изъ Месопотаміи, ни изъ южной Вавилоніи. Вокругъ страны кольцомъ вся мѣстность превратилась въ болото (какъ позже Голландія); въ центрѣ находилось „государство Вавилонъ", достаточно большое, чтобы содержать себя (см. стр. 36) до переправы войска. Въ разсказѣ Геродота сохранилось воспоминаніе объ этомъ; тамъ говорится о томъ, что Киръ въ теченіе двухъ лѣтъ трудился, отводя Діалу, чтобы пріучить свое войско къ отведеніямъ каналовъ; это ему оказало услугу при осадѣ Вавилона, гдѣ онъ выпустилъ воду изъ Евфрата. Въ дѣйствительности онъ имѣлъ въ виду не это, а только возстановленіе перехода въ защищенную наводненіемъ страну; потому что Діала впадаетъ у Описа, конечнаго пункта мидійской страны (см. карту при стр. 88). Съ этимъ согласуется и то обстоятельство, что здѣсь между Описомъ и Сиппаромъ, послѣ совершенія перехода, вавилонское войско подъ предводительствомъ Валтасара выступило противъ войска Кира и было разбито (539). Теперь Киръ не встрѣчалъ сопротивленія. Вавилонъ сдался персидскому войску подъ предводительствомъ Угбару (Гобрій), а большія оборонительныя сооруженія Навуходоносора не были обороняемы; персовъ, какъ нѣкогда ассирійцевъ (стр. 27), приняли, какъ спасителей. Когда черезъ 4 мѣсяца явился Киръ, его провозгласили царемъ. И однимъ изъ первыхъ дѣйствій его управленія было то, что для привлеченія къ себѣ сердецъ вавилонскаго жречества, онъ приказалъ развезти боговъ изъ Вавилона по ихъ городамъ.

Вавилонской исторіи пришелъ конецъ. Вавилонъ сталъ персидской провинціей. Правда, древнее величіе, неожиданно пробудившееся на столь короткое время еще разъ предъ своимъ закатомъ, еще не было на всегда забыто: было сдѣлано еще двѣ попытки вернуть независимость, но эти подъемы не были продолжительны. Къ персамъ провинціи относились такъ-же, какъ къ Навуходоносору. Набунаида, который пальцемъ не шевельнулъ для ихъ защиты, замѣнилъ Киръ; для южной Вавилоніи, которую Набунаидъ бросилъ на произволъ судьбы и изъ которой онъ увезъ даже боговъ, Киръ явился чѣмъ-то въ родѣ освободителя. Онъ былъ достаточно благоразуменъ и нѣсколько ослабилъ узду въ провинціяхъ. Онъ не только возвратилъ вавилонскимъ городамъ ихъ боговъ, онъ вмѣстѣ съ богами вернулъ и самоуправленіе нѣкоторымъ изъ старыхъ провинцій, напр. Іудеѣ, быть-можетъ, Сидону. Такимъ образомъ эти провинціи, которымъ его правленіе дѣйствительно дозволяло большую свободу движенія внутри и кажется меньше обременяло повинностями, должны были видѣть въ Кирѣ освободителя отъ вавилонскаго ига.

Здѣсь начинается новая эпоха въ исторіи нашей культуры. Персы уже до завоеванія Вавилона владѣли Малой Азіей и благодаря этому пришли въ соприкосновеніе съ греческой культурой. Съ этой поры завязывается борьба, имѣвшая рѣшающее значеніе для развитія западнаго человѣчества, уже не на азіатской почвѣ. Правда, персидское царство, какъ наслѣдовавшее Вавилону, въ противоположность грекамъ, владѣетъ до извѣстной степени высшей культурой, но она дряхлѣетъ, потому что не имѣетъ носителемъ свѣжаго народа. Жизненная сила греческаго духа легко одержитъ надъ нею верхъ.

6. Эламъ.

На всемъ протяженіи вавилонской исторіи можно прослѣдить борьбу съ восточнымъ сосѣднимъ государствомъ Эламомъ, борьбу, которая часто

отдавала эламитамъ власть надъ Вавилоніей, а иногда увѣнчивалась покореніемъ и болѣе далекихъ областей. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока сила Элама не была окончательно сломлена Ассурбанипаломъ. Однако подобно тому, какъ охалдеившаяся Вавилонія въ концѣ концовъ восторжествовала надъ Ассиріей, и Эламъ сталъ въ заключеніе резиденціей державы, господствовавшей надъ всѣмъ переднимъ Востокомъ. Но въ это время Эламъ уже не былъ эламитскимъ: онъ былъ завоеванъ индогерманцами—персами. Какъ Навуходоносоръ еще разъ возстановилъ прежніе предѣлы вавилонскаго царства, по крайней мѣрѣ по направленію къ западу, такъ точно Эламъ при персахъ сталъ резиденціей властителей всѣхъ странъ, которыя когда-либо подчинялись наиболѣе счастливымъ изъ эламитскихъ завоевателей.

А. **Область Элама и ея центральный пунктъ — Суза.**

Страна собственно Элама — область съ центральнымъ пунктомъ Суза: на сѣверѣ отдѣляютъ ее отъ Мидіи цѣпи Загроса, а рѣки Керха и Карунъ пересѣкаютъ ее. На югѣ естественную границу составляетъ Персидскій заливъ; къ нему въ древности на сѣверѣ примыкала большая лагуна, въ которую впадали поодиночкѣ Евфратъ, Тигръ и Карунъ. Теперь она заполнена рѣчными отложеніями и представляетъ болотистое пространство, на краю котораго лежитъ Басра (см. карты къ стр. 10 и 88). По-ассирійски она зовется Наръ-Марратu — „горькая вода". На сѣверномъ концѣ лежалъ Дуръ-Якинъ, столица Меродахъ-Баладана, „князя" приморской страны, охватывавшей берегъ этой лагуны. Мы уже не разъ упоминали о постоянныхъ сношеніяхъ этого князя съ Эламомъ (см. выше, стр. 21, 22 и др.). Слѣдующей естественной границей со стороны Вавилоніи является замыкающая рѣчную долину мидійская пограничная горная провинція Джебль-Амринъ со своими западными продолженіями. Мы не можемъ установить восточной границы интересующаго насъ до-персидскаго Элама, такъ какъ пока никакихъ эламитскихъ источниковъ у насъ нѣтъ, а ассиро-вавилонскія интересуются только западными отношеніями Элама. Область Сузіана въ персидскую эпоху доходила до Шапура; линія, проведенная на сѣверѣ отсюда къ Загросу, обозначитъ приблизительные размѣры этой персидской провинціи. Быть-можетъ, цари Элама смотрѣли на нее, какъ на свою собственную страну. Но по аналогіи съ Вавилоніей, смотрѣвшей на Месопотамію, какъ на свою собственность, расширялась область, находившаяся съ Эламомъ въ тѣсной связи, т.-е. политически тяготѣвшая къ его собственному (а не только покоренному) округу; поэтому-то въ портовомъ городѣ Буширѣ строили цари Элама и оставили здѣсь свои надписи. У насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о томъ, какъ далеко распространили свои владѣнія въ этомъ направленіи цари Элама. Можно конечно заключить, что цари, войска которыхъ проникали до Средиземнаго моря, и на востокѣ не остановились на границѣ своихъ родовыхъ земель. Войска Элама во времена расцвѣта имперіи проходили вѣроятно черезъ тѣ страны, которыя позже соотвѣтствовали въ этомъ направленіи предѣламъ персидской державы.

Всѣмъ сказаннымъ a priori опредѣляется характеръ отношеній Элама къ странамъ вавилонской культуры. Подвергаясь самъ ихъ вліяніямъ, Эламъ долженъ былъ стать ея проводникомъ на востокъ, въ Индію. Съ другой стороны первое организованное государство, которое встрѣчали въ своемъ потокѣ орды, шедшія съ востока, съ великихъ внутреннихъ и восточныхъ азіатскихъ степей, являлось буферомъ для культурной страны по Евфрату. Это буферное государство удерживало отъ него варваровъ; если оно подпадало подъ ихъ власть, то оно растворяло ихъ и цивилизовало ихъ прежде, чѣмъ варвары пойдутъ съ своими завоеваніями дальше на западъ. Объ этой роли мы могли бы заключить по различнымъ слѣдамъ различ-

ныхъ эламитскихъ завоеванiй, но здѣсь, какъ вообще для всѣхъ восточныхъ войнъ Элама, чувствуется полное отсутствiе источниковъ. Въ какой мѣрѣ онъ со своей стороны дальше передалъ вавилонскую культуру, поддерживалъ ли онъ сношенiя съ Индiей, гдѣ также можно распознать вавилонскiя культурныя влiянiя, объ этомъ у насъ нѣтъ пока никакихъ данныхъ, т. к. остатки эламитской культуры теперь для насъ столь же неизвѣстны, какъ 60—70 лѣтъ тому назадъ ассиро-вавилонскiе до раскопокъ Леярда и Ботты.

Все, что имѣемъ отъ эламскихъ надписей—кирпичи нѣкоторыхъ царей Сузы и нѣсколько высѣченныхъ на камнѣ надписей съ скуднымъ содержанiемъ также изъ Сузы (раскопки Лофтуса), нѣсколько кирпичей съ такими же надписями изъ Буширы (раскопки Андреаса) и двѣ болѣе значительныхъ царскихъ надписи, отрытыхъ при Маль-Амирѣ и Куль-Фираунѣ въ Загросѣ при верхнемъ теченiи Каруна Лэйардомъ. Въ Сузѣ производили раскопки Лофтусъ и въ самое недавнее время Дьелафуа; обильныя результатами работы послѣдняго не проникли до слоевъ, современныхъ перiоду Элама, давъ матерiалъ главнымъ образомъ только для персидской эпохи. Надписи подтверждаютъ сказанное нами на основанiи заключенiй по ходу историческаго процесса: въ Эламѣ мы имѣемъ дѣло съ культурой, развившейся подъ вавилонскимъ влiянiемъ и заимствованной изъ Вавилонiи, но сумѣвшей отпечатать и на заимствованномъ, собственныя характерныя черты. Надписи составлены на заимствованномъ изъ Вавилонiи алфавитѣ, который приспособленъ здѣсь однако мѣстнымъ цѣлямъ, и чтобы сказать больше, онѣ написаны на языкѣ Элама. Если мы не будемъ принимать во вниманiе языка второго перевода ахеменидскихъ надписей, то этотъ языкъ, структуру котораго мы получаемъ такимъ путемъ возможность разглядѣть, не находится въ близкомъ родствѣ ни съ однимъ изъ доселѣ извѣстныхъ намъ языковъ. По немногимъ, имѣющимся у насъ текстамъ, изъ смысла надписей мы можемъ понять только ясно распознаваемыя собственныя имена, понятное само собою содержанiе текста и то, что даетъ сравненiе его со вторымъ ахеменидскимъ языкомъ. Но для историческихъ изслѣдованiй такое же значенiе имѣло бы простое утвержденiе существованiя надписей. И этотъ фактъ приводитъ къ слѣдующимъ заключенiямъ: страна, которая отдала намъ эти памятники, должна скрывать еще невѣдомые источники, какъ свидѣтельства своего трехтысячелѣтняго существованiя, прiобрѣтенiе которыхъ прольетъ намъ свѣтъ на ея исторiю и дастъ нашимъ свѣдѣнiямъ мостъ къ еще совершенно недоступному и туманному востоку.

До сихъ поръ были произведены раскопки въ Сузѣ Лофтусомъ и въ бо̀льшихъ размѣрахъ Дьелафуа; кромѣ упомянутыхъ плитъ и двухъ-трехъ находившихся на поверхности надписей, никакихъ другихъ памятниковъ эламской эпохи онѣ не доставили. Обильные результаты новѣйшихъ изслѣдованiй французскаго правительства еще недоступны. Въ равнинахъ въ Доракѣ, Арамѣ и уже упомянутомъ Буширѣ нашлись подобные же обломки. Къ нимъ нужно добавить только-что упомянутыя надписи Маль-Амира, повелители котораго именуютъ себя царями Хапирти, одного эламитскаго народа. Вотъ и все, что найдено въ Эламѣ дѣйствительно отъ эламской эпохи. Относительно развалинъ многихъ городовъ нѣтъ еще никакихъ данныхъ — такъ напр. о лежащемъ нѣсколько къ с. отъ Маль-Амира Шушанѣ (прежде несправедливо считавшемся Сузой); мало поддается опредѣленiю положенiе многочисленныхъ „царскихъ городовъ", какъ ихъ звали ассирiйцы. Нѣкоторыми свѣдѣнiями о нихъ и о политическомъ дѣленiи Элама мы обязаны сообщенiямъ Ассурбанипала о его войнахъ (см. стр. 76). Можно различать три или четыре части Элама съ ихъ столицами: Мадакту на западѣ, потомъ Сузу, дальше Бубилу на востокѣ и наконецъ Кидалу, примыкающую къ Персидскому морю горную область.

Главный городъ страны за все то время, пока мы знаемъ ее,—Суза (Шушанъ, см. выше, стр. 21). На него можно смотрѣть, какъ на срединный

пунктъ собственно Элама, ядра государства. Здѣсь находилось святилище „сузской богини“ Шушинакъ въ священной рощѣ, въ которой не ступала нога непосвященнаго. Здѣсь былъ общій центръ различныхъ странъ и племенъ. Въ Сузѣ имѣли свою резиденцію цари Элама. Суза была такимъ образомъ для интересующаго насъ государства тѣмъ же, чѣмъ были Ассуръ и Ниневія для ассирійскаго. И Эламъ могъ стать государствомъ только благодаря покоренію многихъ городовъ и племенъ, изъ которыхъ одно, Хапирти, какъ мы знаемъ, имѣло своихъ особыхъ владыкъ. Однако это покореніе, совершенное царями общаго для всѣхъ племенъ святилища Сузы, произошло задолго до той эпохи, съ которой начинаются наши скудныя знанія; цари „Элама“, которые подчинили своей власти Вавилонію, были уже владыками объединеннаго царства.

Хотя мы и не въ состояніи точно опредѣлить время немногихъ, извѣстныхъ намъ, сузскихъ надписей (см. ниже; стр. 108), ясно вотъ что: на томъ языкѣ, на которомъ онѣ написаны, говорили уже первые завоеватели Вавилона въ третьемъ тысячелѣтіи и вѣроятно еще раньше. Имена этихъ надписей—тѣ же и написаны на томъ же языкѣ, какъ и первыхъ завоевателей третьяго тысячелѣтія и послѣднихъ царей Элама. Это доказываетъ, что эти „эламиты“ для Элама имѣли такое же значеніе, какъ вавилонскіе семиты имѣли для Вавилона. Само собой разумѣется, на протяженіи двухъ тысячелѣтій, въ теченіе которыхъ фигурируютъ эти имена, Эламъ, подобно Вавилону, наводнялся различнѣйшими племенами различныхъ расъ. И то обстоятельство, что несмотря на это здѣсь утвердился языкъ Элама, указываетъ на тѣ же слѣдствія, которыя имѣло за собой аналогичное обстоятельство въ Вавилонѣ. Народъ, жившій здѣсь, наложилъ печать своего духа на существовавшую здѣсь до него культуру, быть-можетъ, заимствованную изъ Вавилона, и создалъ эламскую культуру. Она сказывается и въ писанныхъ остаткахъ языка и въ созданной великой государственной единицѣ, которая грозила даже самому Вавилону. Если мы подумаемъ, какъ далеко въ глубину вѣковъ мы должны были отнести сумерійскую культуру, если мы обратимъ далѣе вниманіе на то, что для насъ государство Эламъ появляется уже до исторически извѣстныхъ эламскихъ завоеваній, то начала эламской культуры мы должны отнести въ тысячелѣтія, для ближайшаго опредѣленія которыхъ мы не имѣемъ возможности.

Въ такомъ же положеніи мы окажемся, если обратимся къ вопросу, къ какой расѣ принадлежалъ этотъ народъ или къ какой группѣ языковъ нужно причислить этотъ языкъ. Мы знаемъ, правда, языкъ немногихъ сузскихъ надписей, имѣемъ въ распоряженіи стоящій въ близкомъ родствѣ къ нему языкъ второго ряда ахеменидскихъ надписей, который, быть-можетъ, представляетъ нарѣчіе съ запада и сѣвера (со стороны Мидіи) примыкающей страны Анцана, и наконецъ нарѣчіе Хапирти Маль-Амира. Изъ собственныхъ именъ мы видимъ дальше, что народности той же лингвистической группы[1] находилась въ мидійскихъ городахъ и въ Мидіи. Но утверждать родство съ одной изъ другихъ извѣстныхъ намъ лингвистическихъ и этнографическихъ группъ не представляется никакой возможности, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ другихъ, болѣе содержательныхъ отрывковъ этого языка. Остается также невыясненнымъ вопросъ объ отношеніи эламскаго языка къ касситскому; въ концѣ концовъ возможно, пожалуй, предполагать и болѣе отдаленныя родственныя связи. Однако съ парой словъ врядъ ли можно предпринимать

[1] Имена народовъ (множ. числа) оканчиваются на p: Habirtip, Madap (мидяне) и т. д. Отсюда имя области на границѣ Вавилоніи и Элама Ellipi (стр. 69) можно принять Elli. Это доказано только для обитавшихъ въ мидійскихъ пограничныхъ горахъ Lullubi (pi) или Lulumi (m = v, v = b), которые называются также Lullu.

филологическія сравненія, простирающіяся дальше діалектовъ одного и того же языка. Мы позволимъ себѣ удовлетвориться пока этой эламо-(прото-) мидійской группой языковъ до тѣхъ поръ, пока почва Элама не отдастъ намъ сокровищъ, таящихся въ ней.

Б. Древнѣйшія времена.

Почти всѣмъ, что мы знаемъ изъ эламской исторіи, мы обязаны извѣстіямъ вавилонянъ и ассирійцевъ, а они касаются только сношеній Элама съ этими государствами. Такъ какъ мѣстность вокругъ Наръ-Маррати была совершенно непроходима благодаря болотамъ, образованнымъ теченіемъ рѣки, то для нападеній на Вавилонъ оставался только одинъ путь, черезъ проходъ мидійско-эламской горной цѣпи, который черезъ Дуръ-илу велъ въ равнину. Мы уже не разъ видѣли (см. выше, стр. 9, 29 и др.), что Дуръ-илу былъ городомъ, гдѣ эламиты вступали въ область Вавилона, а также и то, что они нападали прежде всего на сѣверныя части Вавилоніи. Изъ другихъ большихъ городовъ выдерживалъ ихъ нападенія обыкновенно Ниппуръ, и если они проникали дальше на югъ, Урукъ (см. карту „Вавилонъ, Ассирія и сосѣднія страны до 1100 г. до Р. Х.“ при стр. 10).

Урукъ, извѣстный въ эпоху „царствъ-городовъ“ (стр. 11), какъ резиденція особаго царства, остается центральнымъ пунктомъ отдѣльнаго государства вплоть до времени „царства Сумера и Аккада“. До насъ дошли надписи „царей Урука и Амнану“, ихъ можно считать современными первой династіи Ура или немного болѣе поздними; во всякомъ случаѣ онѣ принадлежатъ той же эпохѣ. Позднѣйшіе гимны разсказываютъ намъ о тяжести эламскаго ярма и для Ниппура и для Урука. Одно изъ первыхъ историческихъ извѣстій передаетъ о завоеваніи Урука эламитами. Эти событія — Урукъ, одинъ изъ вліятельныхъ городовъ Вавилоніи, столица царства, подвергается нападеніямъ и подчиняется власти Элама — предполагаются и вавилонскимъ героическимъ эпосомъ. Гилгамешъ (см. выше, стр. 42), герой великаго эпоса, который благодаря эпизоду вавилонскаго потопа имѣетъ общій интересъ—герой Урука, созидатель города и его освободитель отъ ига эламскаго царя Хумбабы.

Если уже въ представленіи вавилонянъ въ древнѣйшія времена существовали тѣ же отношенія, которыя мы уже отчасти констатировали для ассирійской эпохи, то разрозненныя историческія сообщенія позволяютъ намъ констатировать эти приливы и отливы завоевательныхъ и оборонительныхъ войнъ уже для древнѣйшей эпохи. Царь Киша, Урумушъ, жертвуетъ храмамъ въ Сиппарѣ и Ниппурѣ изъ той добычи, которую онъ набралъ въ своихъ походахъ на Эламъ и на племя Бара'ше, жившее въ сторонѣ Мидіи; письмо и языкъ его надписей соотвѣтствуютъ эпохѣ Саргона и Нарамъ-сина (см. выше, стр. 13). Гудеа, патеси Лагаша, прославляетъ свои побѣдоносныя войны съ Аншаномъ, западнымъ пограничнымъ государствомъ Элама; и отъ намѣстника Дур-илу, Муттабиля, дошла до насъ небольшая надпись, разсказывающая о побѣдахъ надъ ордами (!) Аншана и только-что упомянутымъ племенемъ Бара'ше. Это все отрывочныя данныя, но ихъ достаточно для того, чтобы и для эпохи этой глубокой древности нарисовать ту же картину взаимныхъ отношеній, которую мы строимъ на основаніи данныхъ послѣдующаго періода. Эта великая вавилонская культурная жизнь не могла просуществовать, не приходя въ соприкосновеніе съ своими сосѣдями.

Первое достовѣрное извѣстіе слѣдующей эпохи относится къ завоеванію Вавилоніи—дѣлу рукъ царя Элама Кутуръ-нахунди. Ассурбанипалъ, которому мы обязаны этимъ сообщеніемъ, разсказываетъ, что въ 1635 году до его времени, т.-е. въ 2280 году, этотъ царь перевезъ изображеніе Наны, богини Урука, изъ ея храма въ Эламъ. Кутуръ-нахунди разграбилъ и разорилъ

Вавилонію; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ той эпохой, которая послужила первообразомъ для условій, какъ ихъ передаетъ эпосъ о Гильгамешѣ, хотя не нужно забывать, что это время не впервые увидало подобныя событія. Мы уже изъ вавилонской исторіи (стр. 21) знаемъ о плиткѣ, похищенной изъ Урука и вновь обрѣтенной Куригальцу въ Сузѣ; она могла быть отобранной и Кутуръ-нахунди. Время, въ которое насъ вводитъ сообщеніе Ассурбанипала,—эпоха первыхъ властителей „первой вавилонской династіи" въ Сѣверной Вавилоніи (стр. 15) и династіи Ларсы на югѣ. Относить его къ эпохѣ послѣ Хаммураби (ум. въ 2213 году; см. стр. 17) нельзя; а до этого на югѣ царствовалъ Римъ-синъ, самъ эламитъ (см. стр. 14). Такимъ образомъ мы должны идти еще дальше въ глубь временъ и имѣть въ виду, что тутъ нужно мириться только съ приблизительными опредѣленіями. Должно поэтому остановиться на началѣ династіи Ларсы или концѣ династіи Исина (около 2400 г. до Р. Х.). Быть-можетъ, эти событія имѣли вліяніе на перемѣну династіи.

Можно считать достовѣрнымъ, что Эламъ въ то время былъ сюзереномъ южной Вавилоніи, а затѣмъ, очень вѣроятно, Сѣверной Вавилоніи и вмѣстѣ съ этимъ владыкой всего передняго Востока до Средиземнаго моря, который въ свою очередь былъ покоренъ Вавилономъ. Очень рѣзко и опредѣленно выяснилось такое положеніе дѣлъ немного позже, въ правленіе послѣдняго царя Ларсы и Сумера-Аккада, Римъ-Сина. Его поставилъ на царство его отецъ Кутуръ-Мабукъ; а этому ясно приписывается власть надъ западомъ. Римъ-Синъ правитъ отъ имени своего отца; его вассаломъ является царь Вавилона Хаммураби: одновременно Эламъ оказывается въ роли сюзерена всѣхъ странъ до Средиземнаго моря, которыя въ то время были населены „хананеянами". Мы не знаемъ, какія установились отношенія въ періодъ между Кутуръ-нахунди и Римъ-Синомъ. Возможно, что въ это время и „цари Сумера и Аккада" платили дань Эламу. Въ сущности отношенія зависимости не простирались дальше платежа дани, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сюзеренъ стремился упрочить свою власть, посадивъ на престолѣ своего сына. Основаніе „провинцій" не входило въ задачи такого полу-варварскаго государства, какъ Эламъ.

За неимѣніемъ ничего лучшаго, мы должны обратиться для этого промежутка къ извѣстію, которое станетъ понятнымъ только въ этой связи. Это 14 глава Бытія съ ея замѣчательнымъ разсказомъ о походѣ царей Элама, Вавилона и другихъ государствъ въ Палестину и о чудесномъ спасеніи Лота Авраамомъ. Мы можемъ теперь считать установленнымъ, что здѣсь въ сущности повторяются свѣдѣнія, извлеченныя изъ вавилонскихъ хроникъ и легендъ. Въ нихъ стояло, что во время царя вавилонскаго Хаммураби, царя Ларсы — Ери-Аку (т.-е. Римъ-Сина) и Тидеала, „царя міра" (Месопотаміи), царь Элама Кутуръ-Лагамаръ (Кедоръ-Лаомеръ; въ первоначальной редакціи онъ одинъ былъ вождемъ похода) предпринялъ походъ на Западъ. Связь этого извѣстія съ преданіями о гибели Содома и объ Авраамѣ — результатъ соображеній іудея, пожелавшаго привести во взаимныя отношенія свои данныя и извѣстія вавилонской хроники. Но положеніе вещей въ общемъ можно принять. Кутуръ-Лагамаръ былъ, должно-быть, царемъ Элама; вѣдь Кутуръ-Мабукъ, отецъ Римъ-Сина, повидимому, былъ только царемъ прилегавшей къ Вавилоніи Эламской области Ямутбалъ и такимъ образомъ царемъ, подчиненнымъ эламитамъ (см. напр. положеніе Хидалу при Ассурбанипалѣ).

Вотъ и все немногое, что мы до сихъ поръ знаемъ о расширеніи власти Элама. Ясно, что почти за два тысячелѣтія Эламъ былъ предшественникомъ песидской державы, правившей изъ Сузы всѣмъ Востокомъ. И цари Элама, которые спорили съ Ассиріей изъ-за обладанія Вавилоніей, не предпринимали чего-нибудь неслыханнаго, а могли опираться на преданіе о быломъ могуществѣ.

Имена этого періода, какъ уже указано, тѣ же, что носили послѣдніе цари Элама, и принадлежатъ тому народу, который мы должны считать господствующимъ въ Эламѣ. Если теперь мы обратимся къ заключеніямъ по аналогіи, то мы найдемъ, что варварскіе народы сохраняютъ способность къ распространенію и жизнедѣятельность до той поры, пока, осѣвъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, не начнутъ платить ослабленіемъ военнаго духа за блага культуры. Можно въ этихъ завоеваніяхъ видѣть слѣдствіе вторженія, совершеннаго именно народомъ эламитянъ, по аналогіи съ тѣмъ явленіемъ, что самая высокая волна хананейскаго переселенія донесла свои народы до Вавилона. Это было бы по меньшей мѣрѣ слабой точкой опоры для установленія народныхъ наслоеній въ Эламѣ. По крайней мѣрѣ можно принять, что сидѣвшіе тамъ эламиты были или усилены или застигнуты вторженіемъ новыхъ массъ, которыя эламизировались, а теперь выступаютъ, какъ „эламиты“, подобно тому, какъ халдеи являлись повелителями Вавилона и носителями вавилонскихъ именъ.

а) Цари туземныхъ надписей. Отношенія Элама къ Вавилоніи до ассирійской эпохи.

Слѣдующая эпоха — эпоха второй вавилонской династіи и зачинающагося владычества касситовъ — покрыта мракомъ неизвѣстности и для Вавилона и тѣмъ болѣе для Элама. Этимъ промежуткомъ мы воспользуемся для того, чтобы перечислить извѣстныхъ по эламскимъ надписямъ царей, отчасти принадлежащихъ этой эпохѣ, такъ какъ они царствовали одинъ за другимъ. Но этимъ не сказано, что ихъ въ дѣйствительности надо помѣстить въ эту эпоху; у насъ до сихъ поръ нѣтъ опредѣленныхъ основаній для ихъ хронологіи. Мы только можемъ утверждать, что эти цари во всякомъ случаѣ не изъ послѣдняго періода эламской исторіи (съ 747 года и дальше), такъ какъ для этого времени мы можемъ установить рядъ эламскихъ царей по ассирійскимъ и вавилонскимъ надписямъ. Попытка опредѣлить время надписей по характеру письма крайне рискована, въ особенности по той причинѣ, что въ качествѣ критерія мы можемъ пользоваться только вавилонскимъ письмомъ, письмомъ чуждаго народа. Съ оговорками, конечно, можно было бы пріурочить ихъ ко времени позже династіи Хаммураби, но пожалуй не слишкомъ далеко отъ нея. Имена этихъ царей: Хумбанъ-нумена и его сынъ Унташъ-галъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ. Другая группа ихъ преемниковъ: Халлудушъ-Иншушинакъ, его сынъ Шутрукъ-Наххунте и сыновья послѣдняго Кутиръ-Наххунте и Шилхакъ-Иншушинакъ. Надписи разсказываютъ, главнымъ образомъ, о постройкахъ. Вотъ, напримѣръ, надпись: „Я, Кутиръ-Наххунте, сынъ Шутрукъ-Наххунте, сильный, царь Анцана Шушунка. Хумбанъ-нумена построилъ въ старину храмъ божеству Киририша; до основанія я разрушилъ его и построилъ заново. Имена моей жены (или матери) Наххунте-Упиръ и ея дѣтей были начертаны, и по нашему желанію я посвящаю храмъ божеству Кириша.“

Ближайшій вопросъ объ отношеніи касситовъ къ Эламу. Такъ какъ касситы вторгались въ Вавилонію черезъ мидійскія пограничныя горы и такимъ образомъ пользовались тѣмъ самымъ проходомъ, черезъ который совершали свои набѣги сами эламиты, то, очень возможно, нѣкоторыя касситскія группы осѣдали въ Эламѣ. Ближе всего было бы даже и остановиться на томъ, что они были позднѣйшей группой той народности, къ которой принадлежали и сами эламиты. Нѣтъ никакихъ данныхъ, противорѣчащихъ родству ихъ языка съ эламскимъ; но съ нашимъ матеріаломъ въ рукахъ нельзя дать доказательствъ родства. Остатки кашшу оставались въ горахъ, гдѣ имъ наносили пораженія и Навуходоносоръ I (стр. 22) и еще Синахерибъ (стр. 69); во времена Александра они упоминаются подъ

именемъ коссайевъ (см. въ IV томѣ). Въ Эламѣ у Сузы упоминается племя киссіевъ; возможно и въ нихъ видѣть остатки касситовъ, но доказать этого, конечно, нельзя. Трудно представить себѣ, что Эламъ не видѣлъ совсѣмъ касситскаго завоеванія (которое, конечно, отдѣльно отъ вавилонскаго должно было бы идти своимъ собственнымъ путемъ); однако, до сихъ поръ мы не имѣемъ никакихъ слѣдовъ его. Ихъ труднѣе обнаружить еще и потому, что касситское названіе легко отличить отъ вавилонскаго, а эламскія прозвища носятъ отпечатокъ, сближающій ихъ съ касситскими; это въ концѣ концовъ означаетъ только этнографическое родство.

Можно представлять себѣ дѣло двояко. Если Ташшигурумашъ, отецъ Какримэ (стр. 17), былъ дѣйствительно царемъ Элама, то его сынъ при немъ находился въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ Римъ-Синъ при Кутуръ-Мабукѣ (см. выше, стр, 15). Такимъ образомъ можно предположить колоссальное касситское государство въ pendant къ монгольскому, какъ результатъ цѣлаго переселенія (см. выше. стр. 17)

Или другой выводъ: если эламиты были способнѣе къ сопротивленію, то касситское завоеваніе Элама могло и не вести къ касситскому господству. Во всякомъ случаѣ дѣло не дошло до присоединенія къ Вавилоніи при касситскихъ царяхъ. Агумъ-Какримэ не называетъ Элама; и позднѣе при касситской династіи мы находили Эламъ въ войнѣ съ Вавилономъ. Куригальцу, правнукъ Ассуръ-убаллита, велъ войну съ Эламомъ. Изъ извѣстій съ очевидностью можно заключать, что Эламъ игралъ даже роль нападающей стороны. Сначала Эламъ тѣснитъ Вавилонію, а потомъ на вавилонской землѣ терпитъ пораженіе, и война завершается даже взятіемъ Сузы (см. сказанное на стр. 21 о надписи, возвращенной назадъ Куригальцу). Царемъ Элама по разсказу вавилонской хроники, которой мы обязаны извѣстіями объ этой войнѣ, былъ Хурбатила. Возможно наконецъ, что Вавилонъ до этой побѣды находился въ томъ же положеніи, какъ позже Навуходоносоръ I (см. стр. 22): и Куригальцу называетъ себя въ своихъ надписяхъ не царемъ, а только намѣстникомъ Вавилона. Не находилась ли статуя Мардука въ началѣ его царствованія въ Эламѣ и не онъ ли перевезъ ее отсюда назадъ, причемъ была взята упомянутая надпись?

Дальнѣйшими свѣдѣніями мы обязаны той же вавилонской хроникѣ. Во время царствованія Бель-Надинъ-шума I (стр. 21) Кидинъ-хутруташъ, эламскій царь, вторгнулся въ Вавилонію, завоевалъ Ниппуръ и Дуръ-илу, опустошилъ страну и увелъ населеніе въ плѣнъ; это было въ то время, когда Тукульти-Нинибъ завоевалъ Вавилонію (стр. 52). Мы присутствуемъ здѣсь при томъ зрѣлищѣ, которое намъ приглядѣлось въ позднѣйшую ассирійскую эпоху: В а в и л о н і я — д о б ы ч а Э л а м а и л и А с с у р а. И Кидинъ-хутруташъ, подобно Тукульти-Нинибу, считалъ себя патрономъ Вавилона. Вскорѣ нападеніе повторилось, „послѣ того, какъ вернулся Рамманъ-шумъ-иддинъ“, какъ говоритъ хроника. Мы должны понимать это такимъ образомъ, что Рамманъ-шумъ-иддинъ, который держалъ сторону Ассиріи и царствовалъ подъ верховенствомъ Тукульти-Ниниба, подвергся нападенію Кидинъ-хутруташа, былъ лишенъ трона, а ассирійцы не могли ему помочь, потому что какъ разъ въ это время въ Ассиріи вспыхнуло возстаніе (стр. 52): то же самое положеніе, какъ позже при Синахерибѣ съ Ассуръ-надинъ-шумомъ (стр. 30 и 70). При немъ снова Вавилоніи пришлось много вынести отъ этого нападенія; вновь была опустошена страна, и на этотъ разъ въ особенности былъ разоренъ Исинъ (см. стр. 21): старый царскій городъ, опустошенный Эламомъ, именуется охотно рядомъ съ Ниппуромъ въ жалобныхъ гимнахъ и покаянныхъ псалмахъ. Разсказъ Навуходоносора I изъ перваго періода его войны съ Эламомъ касается тѣхъ же событій. Здѣсь передается такъ: царь Элама, имя котораго не названо, положилъ конецъ царствованію Рамманъ-шумъ-иддина и поставилъ на вавилонское царство своего сына

Кутуръ-нахунди (онъ долженъ былъ стать такимъ образомъ сюзереномъ Рамманъ-шумъ-уссура, который управлялъ страной подъ верховной властью Элама); Кутуръ-нахунди разорилъ и замучилъ страну. Одинъ изъ его преемниковъ предпринялъ новый походъ на Вавилонію, которая при Меродахъ-Баладанѣ I была вновь возвращена, равно какъ и Месопотамія, и освободилась изъ-подъ власти Элама, и свергнулъ съ престола Бель-надинъ-ахи, послѣдняго царя касситской династіи (см. стр. 21). Такъ какъ послѣдній былъ преемникомъ павшаго въ войнѣ съ Ассиріей (около 1200 г.) Цамама-шумъ-иддина (стр. 52), то можно думать, что онъ держалъ сторону Ассиріи противъ Элама. Такимъ образомъ Эламъ снова одержалъ верхъ надъ Ассиріей въ этомъ полномъ колебаній спорѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ династія Паше въ Вавилонѣ, и вмѣстѣ съ Навуходоносоромъ I начинается новый періодъ самостоятельности Вавилона, который еще разъ беретъ верхъ надъ Ассиріей: — послѣдній расцвѣтъ вавилонства. При одномъ изъ предшественниковъ Навуходоносора, вѣроятно при называемомъ имъ Бель-надинъ-ахи, статуя Мардука была увезена въ Эламъ (срв. стр. 22). Въ Вавилонѣ благодаря этому не стало владыки, который могъ бы жаловать свой вѣнецъ царю. Послѣ своихъ успѣховъ на западѣ Навуходоносоръ рѣшаетъ сломить преобладаніе Элама и, если можно, возвратить своего бога. Мы имѣемъ отрывки многочисленныхъ пѣсенъ, которыя говорятъ объ этихъ войнахъ, и два извѣстія о посвященіи въ ленники, разсказывающія о заслугахъ мужей, отличавшихся въ этихъ войнахъ. Одна изъ пѣсенъ (о ней была рѣчь выше) сообщаетъ о низверженіи съ престола Рамманъ-шумъ-иддина и Бель-надинъ-ахи и о томъ горѣ, которое постигло страну (срв. выше, стр. 21). Она разсказываетъ въ стилѣ героической пѣсни о первой войнѣ съ Эламомъ, которая, повидимому, была несчастлива. Двѣ другія пѣсни заняты походомъ, завершившимся возвращеніемъ статуи. Изъ двухъ извѣстій о пожалованіи лена одно прямо упоминаетъ о возвращеніи Мардука изъ Сузы; другое касается войны съ Эламомъ и прибавляетъ, что въ это время умеръ царь Элама, имени котораго не называетъ. Возвращеніе статуи предполагаетъ прежде всего взятіе Сузы. Можно однако думать, что при дворцовомъ переворотѣ новый царь поспѣшилъ заключить миръ и выдалъ статую; да такъ, пожалуй, и было: въ побѣдныхъ пѣсняхъ (см. стр. 22) ни слова нѣтъ о завоеваніи Сузы. Во всякомъ случаѣ Навуходоносоръ показалъ себя относительно Элама независимымъ и равноправнымъ противникомъ, и послѣ возвращенія своего бога устранилъ всѣ выраженія ленной зависимости. Теперь онъ съ полнымъ правомъ можетъ называть себя царемъ Вавилона.

Успѣхъ Ассиріи послѣ Навуходоносора при Тиглатъ-Палассарѣ I былъ непродолжителенъ (срв. стр. 23 и 54): Вавилонія въ теченіе извѣстнаго періода владѣла Месопотаміей и была такимъ образомъ достаточно сильна, чтобы обороняться отъ опеки Элама. Сообщеній изъ этой эпохи у насъ нѣтъ. Мы видѣли, что при преемникахъ династіи Паше упоминается эламитъ, какъ представитель особой династіи (стр. 23); такимъ образомъ мы можемъ констатировать новое наступленіе Элама въ эту пору (около 1000 г.), когда Вавилонъ и Месопотамія были добычей всевозможныхъ нашествій, и даже Ассирія не могла оборониться противъ все опустошавшихъ ордъ армеевъ и Сути (см. стр. 55).

б) Борьба Элама и Ассиріи за Вавилонію; Эламъ — опора халдеевъ.

Если мы станемъ судить по болѣе позднему времени, то мы недалеки отъ предположенія, что въ послѣдующую эпоху, когда на вавилонскомъ престолѣ по большей части сидѣли халдейскіе князья (Набу-шумъ-ишкунъ и другіе, срв. стр. 55), вліяніе Элама было довольно значительно. Въ

началѣ, конечно, онъ не былъ въ состояніи вмѣшиваться. Мы не можемъ сказать, по какой причинѣ, изъ-за внутреннихъ ли волненій или благодаря потрясеніямъ съ востока, но во всякомъ случаѣ Салманассаръ II. появившись въ Вавилоніи (стр. 26), не встрѣтилъ никакого сопротивленія со стороны Элама. Его преемника Шамши-раммана (срв. стр. 62) называютъ союзникомъ халдеевъ, но такъ, что это не соотвѣтствуетъ ни болѣе раннему, ни позднѣйшему положенію его великой державы. Послѣ мы ничего не слышимъ о немъ. За безсиліе Элама въ эту эпоху говоритъ и то обстоятельство, что Салманассаръ, какъ патронъ Вавилона, получилъ дары изъ Бактріи и Индіи — двугорбыхъ верблюдовъ и индійскихъ слоновъ. Отсюда можно заключить, что древняя культурная страна, которую могущественный Эламъ отрѣзалъ надолго отъ Вавилоніи, пыталась войти въ нѣкоторыя сношенія съ властителемъ Вавилоніи (снова, какъ это, можетъ-быть, было въ древнѣйшія времена). Новое усиленіе Элама подрѣзываетъ въ корнѣ эти попытки, и этотъ далекій востокъ остается внѣ круга исторической жизни западныхъ народовъ (см. стр. 43) до той поры, когда онъ въ персидскую эпоху является опорой персовъ въ борьбѣ съ западомъ, и Александръ возстановляетъ старыя связи. Когда на горизонтѣ появился Тиглатъ-Палассаръ, Эламъ снова находился въ цвѣтѣ силъ, Бактрія была еще подъ его властью, и халдеи находили отнынѣ поддержку у эламитскихъ царей Сузы, которые снова, чередуясь съ Ассиріей, становятся патронами и сюзеренами Вавилоніи. Вотъ какой лучъ свѣта бросаетъ во мракъ восточныхъ отношеній фактъ индійскаго или бактрійскаго посольства. Онъ позволяетъ заключить, что Эламъ въ дѣйствительности (это было результатомъ его положенія и его культуры) былъ посредникомъ культурныхъ странъ передняго востока и внутренней Азіи и предшественникомъ восточной половины персидской державы.

До Тиглатъ-Палассара III среднее ассирійское царство не касалось эламской земли; ближе всего подошелъ къ нему Рамманъ-нирари III, который въ числѣ ленныхъ государствъ называетъ и Эллипи (стр. 62). Во всякомъ случаѣ можно заключать, что Эламъ въ IX в. и первой половинѣ VIII вѣка до Р. Х. не распространялся на западъ. Со времени восшествія на престолъ Набонассара (747) и Тиглатъ-Палассара III (745) мы имѣемъ непрерывный рядъ свѣдѣній по исторіи Элама. Вавилонская хроника, которая начинается съ этого времени (сравн. стр. 27 и 62), при всей своей краткости излагаетъ очень ясно фактическія данныя о Вавилоніи и постоянно перечисляетъ царей Элама и Ассиріи, разсказывая объ ихъ отношеніяхъ къ Вавилоніи. Она касается только фактовъ и не дѣлаетъ никакихъ обобщеній. Но выводы, къ которымъ приводитъ большинство этихъ фактовъ, уже даны намъ ассирійскими извѣстіями: послѣдующая эпоха — эпоха борьбы Элама и Ассура за Вавилонію. Существуютъ двѣ партіи, — ассирійская и халдейско-эламская; первая видитъ покровителей Вавилона въ царяхъ Ассиріи, вторая — въ царяхъ Элама; хроника считается съ обѣими, разсказывая о царяхъ той и другой.

Въ 743 году, разсказываетъ она, паремъ Элама былъ Умманигашъ или Хумбанигашъ; его отецъ, по сообщенію у Ассурбанипала, зовется Умбадара и былъ, очевидно, его предшественникомъ. Онъ царствовалъ до 717 года, подъ которымъ сообщается о его смерти. Тиглатъ-Палассаръ, который съ 745 года сталъ верховнымъ покровителемъ Вавилона, не упоминаетъ о немъ и въ это время и позже, когда въ 729 онъ прогналъ халдея Укинъ-цира (стр. 28). Есть возможность предположить, что Хумбанигашъ, по крайней мѣрѣ, былъ расположенъ къ нему, если только онъ самъ не былъ въ состояніи активно вмѣшаться въ его пользу. О немъ ничего не говорится и при Салманассарѣ, который безспорно въ это время правилъ въ Вавилонѣ. Послѣ его смерти онъ выступилъ за своего кліента Меродахъ-Бала-

дана, который подъ его покровительствомъ былъ царемъ Вавилона, и когда Саргонъ попытался прогнать его, Хумбанигашъ вторгнулся въ Вавилонію и при Дуръ-илу заставилъ Саргона сдать область Вавилона и южную Вавилонію (см. выше, стр. 29).

Отъ 717 до 699 года царствовалъ Иштаръ-хунду, какъ хроника зоветъ его, или Хутуръ-нахунди, какъ правильнѣе называетъ его Саргонъ. Когда Саргонъ въ 710 году снова двинулся противъ Меродахъ-Баладана, то онъ началъ съ разъединенія двухъ союзниковъ. Онъ отправился сначала противъ Элама, покорилъ земли по нижнему Укну (Керха) и завоевалъ воздвигнутыя Хутуръ-нахунди укрѣпленія и захватилъ области Лихири, Пиллату и др. Меродахъ-Баладанъ поспѣшно отправилъ дары въ Эламъ и двинулся со своимъ войскомъ въ провинцію Ятбуръ на Укну, сосѣдившую съ занятыми Саргономъ областями. Царь Элама „принялъ его дары, но запретилъ ему подвигаться дальше“ и вступать въ область Элама. Въ высшей степени замѣчательный образъ дѣйствій: — дѣйствительно-ли онъ предалъ вассала, чтобы не навести войну на свою землю, или, быть-можетъ, Меродахъ-Баладанъ раньше пытался освободиться отъ него? Во всякомъ случаѣ онъ не отважился больше врываться въ Вавилонію и избѣжалъ войны съ Ассиріей; Саргонъ имѣлъ возможность укрѣпить взятыя пограничныя области и поставить ихъ подъ ассирійское управленіе. И вскорѣ послѣ этого, во время неурядицъ изъ-за престола въ Эллипи, когда Нибе, одинъ изъ двухъ братьевъ, обратился за помощью къ Хутуръ-нахунди, послѣдній возвелъ его въ Эламѣ, но не осмѣлился ничего предпринять для своего кліента послѣ того, какъ Саргонъ посадилъ на царство своего человѣка Испабара. Битва при Дуръ-илу должна была быть такимъ образомъ достаточно суровымъ урокомъ, и съ войскомъ Саргона такъ же, какъ и съ войскомъ Тиглатъ-Палассара, не осмѣливались болѣе вступать въ борьбу.

Меродахъ-Баладанъ послѣ своего изгнанія изъ Битъ-Якина бѣжалъ и нашелъ убѣжище въ Эламѣ (стр. 29): его не хотѣли принимать здѣсь только тогда, когда онъ былъ съ войскомъ. Когда Саргонъ умеръ, эламское войско отвело Меродахъ-Баладана въ Вавилонъ (703), но онъ снова былъ изгнанъ оттуда Синахерибомъ; въ битвѣ при Кишѣ боролись за него эламскія войска. Снова нашелъ онъ въ Эламѣ убѣжище и помощь, когда двинулся изъ Битъ-Якина на Вавилонъ и заставилъ Белъ-Ибни присоединиться къ себѣ и тѣмъ признать покровительство Элама. Но Санхерибъ снова выгналъ ихъ (700). Быть-можетъ, эти неудачи Хутуръ-нахунди играли роль въ переходѣ престола въ руки его брата Халлудуша: онъ организовалъ въ слѣдующемъ году (699) возстаніе, захватилъ въ плѣнъ своего брата и взошелъ на престолъ (699—693). И его царствованіе характеризуется энергичнымъ наступленіемъ на Ассирію и успѣхами въ Вавилоніи, которые могутъ быть сравниваемы съ успѣхами Синахериба. Въ 694 году Синахерибъ предпринялъ походъ на эламскія провинціи, лежащія въ большой евфратской лагунѣ и заселенныя бѣглыми халдеями изъ „Приморской страны“. Въ то же самое время Халлудушъ вторгнулся въ сѣверную Вавилонію, завоевалъ и разграбилъ Сиппаръ (стр. 30). Сынъ Синахериба Ассуръ-надинъ-шумъ былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Эламъ (стр. 70) и вмѣсто него на вавилонскомъ тронѣ появился Нергаль-ушецибъ. Этотъ походъ сдѣлалъ такимъ образомъ Эламъ сюзереномъ сѣверной Вавилоніи, между тѣмъ какъ югъ находился еще въ рукахъ Ассиріи.

Нергаль-ушецибъ держался въ Вавилонѣ до тѣхъ поръ, пока правилъ его покровитель. А онъ въ теченіе слѣдующихъ полутора лѣтъ должно быть встрѣчалъ препятствія къ тому, чтобы снова начать дѣйствовать въ его пользу: ассирійцы изъ южной Вавилоніи проникли въ его страну и забрали его въ плѣнъ до появленія эламскаго вспомогательнаго войска. Объясненіе даетъ тутъ, быть можетъ, вавилонская хроника, сообщающая, что почти въ это же время въ Эламѣ вспыхнуло возмущеніе, и съ Халлу-

душемъ произошло то же, что онъ сдѣлалъ со своимъ братомъ. Глава возстанія Кутуръ-нахунди — третій царь съ этимъ именемъ — взошелъ на престолъ, но могъ продержаться только 10 мѣсяцевъ (692). Онъ совсѣмъ еще недолго царствовалъ, когда ассирійцы вторгнулись въ Эламъ съ суши, значитъ черезъ сѣверную Вавилонію. Кутуръ-нахунди былъ въ Мадакту, городѣ, господствовавшемъ надъ западной частью Элама; онъ не отважился на сопротивленіе и направился въ Хидалу (провинція и городъ въ Загросѣ). Такъ какъ онъ не задумываясь оставилъ на произволъ судьбы Сузу, то является предположеніе, что онъ не былъ тамъ признанъ. Быть-можетъ, онъ былъ княземъ въ Мадакту въ томъ же родѣ, въ какомъ были особые князья въ Хидалу, и долженъ былъ отказаться отъ мысли завладѣть столицей государства. Такимъ образомъ, объясняется, почему онъ, возведенный на престолъ возстаніемъ, не могъ выставить противъ ассирійцевъ никакого войска. Ассирійцы опустошили западныя провинціи и взяли нѣсколько пограничныхъ областей, которыя еще раньше были взяты Саргономъ, но снова (при Халлудушѣ) возвращены Эламомъ.

Неудача конечно не могла послужить новому царю для усиленія власти. Уже черезъ три мѣсяца послѣ своего бѣгства изъ Мадакту онъ палъ жертвой возстанія, которое возвело на тронъ Умманъ-менану. Правленіе послѣдняго снова является эпохой успѣховъ Элама и непрочнаго положенія ассирійской власти въ Вавилоніи. Еще въ то время, какъ ассирійское войско находилось въ Эламѣ, въ Вавилонѣ забралъ власть Мушецибъ-Мардукъ (стр. 30), поспѣшившій упрочить за собой помощь Элама. Опять сѣверная Вавилонія была потеряна для Ассиріи, какъ при Халлудушѣ. Въ 691 году Синахерибъ попытался вернуть ее, но Умманъ-менану былъ достаточно силенъ для того, чтобы выполнить свои обѣщанія по отношенію къ Вавилоніи. Онъ появился въ сѣверной Вавилоніи, и въ битвѣ при Халулѣ исходъ такъ былъ для него благопріятенъ, что Синахерибъ долженъ былъ вернуться въ Ассирію. Для оцѣнки положенія нужно отмѣтить, что Вавилонъ палъ въ третій разъ только тогда (689), когда Умманъ-менану поразилъ ударъ, и ему нельзя было поэтому выступить на защиту Вавилоніи. Вавилонская хроника своимъ лаконическимъ тономъ ясно говоритъ объ этомъ, помѣщая между извѣстіями о болѣзни и о смерти Умманъ-менану сообщеніе о завоеваніи Вавилона: „15 нисана (689), Умманъ-менану,—царя Элама, поразилъ ударъ, сковалъ ему уста, и онъ не владѣлъ языкомъ. 1 кислева былъ завоеванъ городъ (Вавилонъ). 17 адара умеръ Умманъ-менану“.

Его преемникомъ былъ Хумбахалдашъ I (689—681). Онъ царствовалъ въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ правленія Синахериба, когда въ Вавилонѣ, по выраженію хроники, „не было никакого царя“ (стр. 31). Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о дѣятельности Синахериба въ этотъ періодъ, и хроника только сообщаетъ, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убіенія Синахериба (683) Хумбахалдашъ умеръ отъ лихорадки.

За нимъ идетъ Хумбахалдашъ II (681—676); его царствованіе приходится на первыя шесть лѣтъ правленія Ассаргаддона. Сначала нѣтъ никакихъ сообщеній о столкновеніяхъ съ Ассиріей; въ образѣ дѣйствій по отношенію къ царю „Приморской страны“ Набу-циръ-китти-лиширу (стр. 71) можно видѣть стремленіе сохранить хорошія отношенія съ Ассиріей и рѣшительный отказъ отъ всякихъ притязаній на Вавилонію. Быть-можетъ, такимъ же образомъ можно объяснить сообщеніе вавилонской хроники о томъ, что въ 680 году боги Дуръ-илу и Дуръ-Саррукина вавилонскаго (не смѣшивать съ резиденціей Саргона, стр. 69) пришли въ свои города. Здѣсь рѣчь идетъ едва ли о чемъ-нибудь другомъ (именно въ виду того, что рѣчь о Дуръ-илу), а не о статуяхъ боговъ, которыя были привезены въ Эламъ (предположительно, Халлудушемъ) и теперь отосланы обратно Хумбахалдашемъ. Но хорошія отношенія продолжались недолго; уже спустя шесть лѣтъ (674) хроника лаконично, какъ всегда, сообщаетъ: „Царь

Элама вступилъ въ Сиппаръ и устроилъ рѣзню". Болѣе подробныхъ свѣдѣній нѣтъ (ср. стр. 72); Ассаргаддонъ замалчиваетъ это событіе точно такъ же, какъ 18-ю годами раньше Синахерибъ постигшее его несчастье. Нельзя извлечь никакихъ данныхъ о сношеніяхъ съ вавилонскими повстанцами. Вскорѣ послѣ этого Хумбахалдашъ умеръ, „не будучи боленъ, въ своемъ дворцѣ"; съ его смертью Ассирія снова освобождается отъ врага, ставшаго опаснымъ.

Уртаки, братъ и преемникъ умершаго царя, сначала старается, повидимому, завязать хорошія отношенія съ Ассаргаддономъ, который конечно также былъ радъ пріобрѣсть мирнаго сосѣда. Подъ ближайшимъ годомъ вавилонская хроника уже сообщаетъ о статуяхъ боговъ изъ Агадэ, родственнаго Сиппару города. Рѣчь идетъ, очевидно, о тѣхъ статуяхъ, которыя были годомъ раньше отвезены въ Эламъ Хумбахалдашемъ и теперь въ ознаменованіе дружбы возвращены. Сообщеніе Ассурбанипала о голодѣ, во время котораго Ассирія пустила жителей Элама искать убѣжища въ своей области, чтобы потомъ отослать назадъ это „достояніе", — вотъ и всѣ наши свѣдѣнія изъ этого времени. Впрочемъ Ассаргаддонъ не очень полагался на хорошія отношенія съ Эламомъ, а заботился о дѣйствительномъ упроченіи мира, выставивъ пограничные отряды въ пріобрѣтенный имъ Гамбули. Миръ продолжался до смерти Ассаргаддона; при возстановленіи вавилонскаго царства эламитамъ представился очень удобный случай снова осуществить свои старыя намѣренія относительно Вавилоніи. Уртаки вторгнулся въ Вавилонію, имѣя въ виду идти на Вавилонъ, соединившись съ шейхомъ Гамбули, которому уже оказалась не по душѣ навязанная роль, и съ однимъ изъ вавилонскихъ князей. Ни слова не говорится о сопротивленіи со стороны Шамашъ-шумъ-укина; Ассурбанипалъ, какъ покровитель Вавилона, по примѣру эламитовъ Хумбанигаша и Умманъ-менану, выступилъ противъ Уртаки и заставилъ его очистить Вавилонію. Въ Эламъ онъ не пошелъ; изъ этого можно заключить, что взятыя въ свое время Саргономъ и Синахерибомъ пограничныя области снова были оставлены (стр. 77).

Уртаки вскорѣ умеръ (пожалуй, еще до 655 г.). Его смерть дала Ассиріи поводъ вмѣшаться въ эламскія дѣла. Отсюда начинается рядъ войнъ, которыя должны были довести Эламъ до гибели. Уртаки погибъ насильственной смертью; надписи Ассурбанипала, состоя изъ однѣхъ фразъ о его бѣдственной кончинѣ, не называютъ рода ея. Онъ былъ свергнутъ своимъ братомъ Теумманомъ (объ остальномъ мы можемъ легко догадаться); послѣдній долженъ былъ дѣйствовать въ своемъ положеніи такъ же, какъ многіе восточные властители. Онъ долженъ былъ погубить всѣхъ сыновей своихъ братьевъ, чтобы не погибнуть въ одинъ прекрасный день отъ ихъ руки. „Онъ, какъ дьяволъ, сѣлъ на престолъ"—пишетъ Ассурбанипалъ. Но сыновьямъ двухъ его предшественниковъ и братьевъ Хумбахалдаша и Уртаки удалось вмѣстѣ съ 16 другими членами царскаго дома въ сопровожденіи своихъ сторонниковъ укрыться въ Ассиріи. Здѣсь они просили Ассурбанипала помочь имъ и отвести ихъ на родину. Теумманъ потребовалъ выдачи бѣглецовъ и послѣ отказа сталъ еще настойчивѣе. Отправляя ежемѣсячно письма, становившіяся все рѣзче и рѣзче (тяжелое преступленіе противъ дипломатической вѣжливости въ сношеніяхъ двухъ равныхъ дворовъ), онъ не переставалъ готовиться къ нападенію. Повидимому, въ это время съ нимъ случился эпилептическій припадокъ, который явился божескимъ знаменіемъ въ глазахъ Ассурбанипала, но не помѣшалъ эламиту приводить въ исполненіе свои угрозы и двинуться на ассирійскія владѣнія. Какъ далеко онъ смѣлъ зайти, для насъ неясно. Ассурбанипалъ долженъ былъ серьезно взглянуть на дѣло. По длинному описанію его негодованія, предзнаменованій и молитвъ можно думать, что ему какъ будто было очень трудно выставить войско противъ Элама. Но ему ничего больше не оставалось, и онъ занялъ Дуръ-илу, чтобы преградить путь въ Вавилонію.

Теумманъ, повидимому, совсѣмъ не разсчитывалъ на сопротивленіе:

теперь онъ не отважился на защиту своей границы и отступилъ передъ ассирійскимъ войскомъ въ Сузу. Ассурбанипалъ дошелъ до Улаи (такъ ассирійцы называли Карунъ и его притоки; здѣсь идетъ рѣчь о Шавурѣ, на восточномъ берегу котораго лежала Суза) и при Туллисѣ передъ стѣнами Сузы разбилъ эламское воинство, которое вышло здѣсь противъ него на открытое поле (см. приложенную здѣсь таблицу: „Битвы Ассурбанипала съ Теумманомъ Эламскимъ“). Теумманъ палъ въ бѣгствѣ.

Теперь Ассурбанипалъ могъ посадить въ Сузѣ одного изъ бѣжавшихъ къ нему князей, одного изъ сыновей Уртаки Умманигаша (ассирійская транскрипція имени Хумбанигаша II). Въ битвѣ погибъ и Иштаръ-нахунди, т. е. Шутрукъ-нахунди, который правилъ въ Хидалу, какъ самостоятельный царь; онъ по всей вѣроятности былъ сыномъ Теуммана. На его мѣсто Ассурбанипалъ поставилъ другого сына Уртаки Таммариту. Ассирійскому царю только и могла нравиться политика divide et impera. Положеніе, напоминающее отношенія между нимъ и его братомъ въ Вавилонѣ.

Такимъ образомъ Эламъ оказался подъ ассирійскимъ вліяніемъ. До такихъ успѣховъ Ассирія никогда не доходила, но безъ сомнѣнія новый царь стремился разрушить такое положеніе вещей. Когда отпавшій отъ своего брата Шамашъ-шумъ-укинъ началъ набирать союзниковъ и отправилъ Хумбанигашу „дары“, другими словами, просилъ и признавалъ его верховную власть, онъ очень быстро сумѣлъ стать изъ покровительствуемаго покровителемъ и вернуть вліяніе Элама въ Вавилоніи. Тщетно Ассурбанипалъ требовалъ выдачи пословъ Шамашъ-шумъ-укина: эламитъ сдѣлалъ то, о чемъ его просили, и направился въ Вавилонію. Но въ это время, на счастье Ассурбанипала, позади войска вспыхнулъ мятежъ Таммариту, сынъ Хумбанигаша, четвертаго брата Хумбахалдаша II, Уртаки и Теуммана, былъ провозглашенъ царемъ[1]. Хумбанигашъ раздѣлилъ участь своихъ предшественниковъ; онъ вмѣстѣ съ своимъ домомъ былъ убитъ. Дальнѣйшей пользы Ассурбанипалъ однако не извлекъ изъ этого, такъ какъ по эламскимъ традиціямъ и Таммариту считалъ господство надъ Вавилоніей болѣе желательнымъ, чѣмъ подчиненіе Ассиріи. Онъ также отправилъ на помощь Шамашъ-шумъ-укину войско и началъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, завязывать сношенія въ южной Вавилоніи. Его войско грозило уже Ниппуру, и племя Пукуду (стр. 77) разсчитывало присоединиться къ Таммариту, когда его постигла судьба его предшественниковъ. Онъ также палъ жертвой возстанія. Своевременность этого возстанія наводитъ на мысль, что Ассурбанипалъ участвовалъ въ немъ не только обращенными къ богамъ молитвами, но немного болѣе дѣятельнымъ образомъ. Но Таммариту оказался счастливѣе своихъ предшественниковъ; онъ бѣжалъ къ Ассурбанипалу и дѣйствительно нашелъ у него пріемъ.

Царемъ сталъ теперь Индабигашъ, совершенно чуждый царскому дому (648—647). Онъ прежде всего позаботился о хорошихъ отношеніяхъ съ Ассиріей и воздержался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Вавилоніи. Онъ былъ свидѣтелемъ гибели Шамашъ-шумъ-укина (648 г.; см стр. 32). Но избѣжать столкновенія съ Ассиріей въ теченіе продолжительнаго періода было нельзя; и поводъ къ нимъ дала, какъ уже не разъ прежде, „Приморская страна“. Ассурбанипалъ отправилъ сюда войско, которое должно

---

[1] Не тотъ, кого обыкновенно считаютъ за него: это — не посаженный раньше на престолѣ въ Хидалу сынъ Уртаки. Родовое дерево приблизительно таково:

Хумбахалдашъ I.

Хумбахалдашъ II, царь (681—676)	Уртаки, царь (ок. 670 г.).	Теумманъ, царь (прибл. 665—655)	Хумбанигашъ
Кудурру; Пару.	Хумбанигашъ II, царь (ок. 655 г.); Умманаппа; Таммариту, царь въ Хидалу послѣ Шутрукъ-нахунди.	? Шутрукъ-нахунди, царь въ Хидалу.	Таммариту, царь послѣ Хумбанигаша II.

Исторія человѣчества. III
Т-во „Просвѣщеніе въ Спб.

Сраженіе Ассурбанипала съ Теумманомъ, царемъ Элама.

(По обломку находящагося въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ рельефа.)

Объясненіе рельефа.

Слѣва: эламиты бѣгутъ съ горы, вверху преслѣдующіе ихъ ассирійцы. Нижній рядъ: бѣгущая эламская боевая колесница; сидящій въ ней простеръ вверхъ руки, умоляя о пощадѣ; справа отъ нея — сражающіеся стрѣлки изъ лука, дальше эламскій всадникъ, лошадь котораго падаетъ Средній рядъ: эламскія боевыя колесницы, обращенныя въ бѣгство и преслѣдуемыя ассирійцами. Верхній рядъ справа: головы пораженныхъ собраны въ кучу и пересчитываются писцами. Въ лѣвой сторонѣ — боевая колесница, уѣзжающая на полномъ ходу влѣво и занятая ассирійцами, изъ которыхъ одинъ держитъ въ рукахъ голову. Надъ изображеніемъ четырехстрочная, не совсѣмъ ясная надпись: „Голову Теум[мана, царя Элама], которую въ битвѣ одинъ изъ моихъ солдатъ [отрубилъ], приказалъ я какъ [радостную вѣсть] поспѣшно въ [Ассирію] отнести". — Изъ сообщеній Ассурбанипала о походѣ въ Эламъ: Въ свой седьмой походъ направился я противъ Теуммана, царя Элама, который изъ-за Умманигаша, Умманаппа, Таммариту, сыновей царя Элама Уртаку, и изъ-за Кудуру и Пару, сыновей Умманалдаша, брата Уртаку, царя Элама, отправилъ свои войска съ цѣлью добиться ихъ выдачи. И когда я отказался выдать этихъ людей, которые бѣжали ко мнѣ и припали къ моимъ ногамъ, онъ всякій мѣсяцъ черезъ Умбадара и Набу-Мудамика посылалъ ко мнѣ дерзновенныя слова, чванясь внутри Элама своими войсками. Я возложилъ упованія на Иштаръ, которая дала мнѣ мужество, я не удовлетворилъ его дерзкаго желанія, не выдалъ ему этихъ бѣглецовъ. Теумманъ возымѣлъ злыя помышленія, но Синъ (Богъ Луны) наслалъ на него дурныя предзнаменованія. [Слѣдуетъ разсказъ о предзнаменованіи.] Это опредѣлило конецъ царства Теуммана и паденіе его страны . . . Въ это же время его постигло несчастіе. Его губы сжались, глаза вывернулись, совершилось при этомъ кровоизліяніе (?). Несмотря на эту болѣзнь, которую наслали на него Ассуръ и Иштаръ, онъ не одумался, но созвалъ свои войска. Въ мѣсяцъ Абъ, мѣсяцъ появленія „звѣзды лука", въ праздникъ великой царицы, дочери Бэла (т.-е. Иштаръ въ Арбелѣ), когда я находился въ Арбелѣ для служенія великому божеству, принесли ко мнѣ слѣдующія извѣстія о выступленіи эламитовъ, которое устроилъ Теумманъ вопреки волѣ боговъ: „Теуманнъ, когда Иштаръ отняла у него разсудокъ, сказалъ: „ не перестану идти до тѣхъ поръ, пока я не сражусь съ нимъ". Изъ-за этихъ наглыхъ словъ Теуммана обратился я къ своей повелительницѣ Иштаръ, пришелъ къ ней, бросился передъ ней ницъ, молилъ божество между тѣмъ какъ текли мои слезы: „О госпожа Арбелы, Я — Ассурбанипалъ, царь Ассура, созданіе твоихъ рукъ. [Когда] твой отецъ призвалъ меня для возобновленія ассирійскаго храма и для окончанія вавилонскихъ городовъ, я приложилъ свои заботы къ постройкѣ твоего храма, я пришелъ почтить твое божество. Но тотъ Теумманъ, царь Элама . . . (пропускъ). Но теперь, о повелительница всѣхъ царицъ, богиня поля битвы, богиня сраженій, ты, которая, приносишь ходатайства передъ Ассуромъ твоимъ отцомъ . . . (пропускъ). [Теумманъ] созвалъ свои войска, приготовился къ бою, снарядилъ свое оружіе, чтобы идти на Ассирію. Ради этого, о повелительница, воительница боговъ, какъ . . . разбей его въ сраженіи, нашли на него злой вихрь". Мои жалобныя моленія услышала Иштаръ; „не бойся" сказала она, ободрила меня. „Я снизошла къ твоимъ рукамъ, которыя ты обратилъ ко мнѣ, твоимъ глазамъ, которые наполнены слезами". Среди той ночи, когда я молился передъ ней, тогда заснулъ ясновидецъ и видѣлъ сонъ. Иштаръ послала ему ночное видѣніе, и онъ разсказалъ мнѣ: Иштаръ, которая живетъ въ Арбелѣ, вошла, справа и слѣва висѣли у нея колчаны, она держала лукъ въ рукѣ, сжимала острый мечъ. Ты стоялъ передъ ней, и она говорила съ тобой, какъ мать. Говорила тебѣ Иштаръ, великая изъ богинь, возвѣстила она тебѣ: „Если ты готовишься къ бою, я буду вести тебя, куда направишь ты свой взоръ". Но ты сказалъ ей: „О повелительница царицъ, я пойду съ тобой туда, куда ты пойдешь". Послѣ этого она сказала тебѣ: „Ты долженъ остаться здѣсь. У Небо ѣшь пищу, пей вино, веселись музыкальной игрой, почти мое божество, а я въ это время пойду, рѣшу дѣло и исполню желаніе твоего сердца. Твои взоры не должны блѣднѣть, ноги пусть не дрожатъ, и твоя мощь пусть не изсякаетъ въ битвѣ". Она склонилась къ твоей груди, обняла твое лицо, воспламенила твои взоры искрами гнѣва для побѣды надъ врагами и вышла, противъ Теуммана, царя Элама, на котораго она гнѣвалась, обратилась она". Въ Элуль, мѣсяцъ богинь, въ праздникъ Ассура, великаго, въ мѣсяцъ Сина, свѣтила неба и земли, возложилъ я упованіе на оракулъ блестящаго Наннаръ и на рѣшеніе Иштаръ, моей повелительницы, непорочной, и вывелъ моихъ жаждущихъ боя воиновъ, которые по велѣнію Ассура, Сина и Иштаръ. кинулись въ битву. Противъ Теуммана, царя Элама, вышелъ я, онъ раскинулъ противъ меня укрѣпленный лагерь. Но когда онъ услышалъ, что я вышелъ въ Дур-илу (городъ въ Сѣверной Вавилоніи, открывающій путь въ Эламъ), объялъ его страхъ. Онъ испугался и отправился назадъ въ Сузу. (Пропускъ) . . . Улай онъ сдѣлалъ оборонительной линіей . . . Уповая на Ассура и Мардука, великихъ боговъ, которые подкрѣпили меня, по предзнаменованіямъ, разбилъ я его при городѣ Туллисѣ, теченіе Улая преградилъ я пораженными, трупами ихъ, какъ кустарниками и травой, наполнилъ я окопы Сузы. Голову Теуммана, царя Элама, я отрѣзалъ въ присутствіи его войска. Гнѣвъ Ассура и Иштаръ низвергнулъ Эламъ, подчинился онъ моему игу. Умманигаша, который бѣжалъ, припалъ къ моимъ стопамъ, посадилъ я на его тронъ.

было предупредить вторженіе эламскаго войска, въ свое время посланнаго сюда Хумбанигашемъ: „ради защиты страны“, какъ выражается царь. Бывшій въ то время царемъ Набу-эль-шумате, внукъ Меродахъ-Баладана, вынужденъ былъ искать защиты у этого „покровителя“ и присоединить къ его войскамъ свои. Но ему удалось такимъ путемъ фактически забрать высшую власть въ свои руки. Онъ заставилъ намѣстника Ура примкнуть къ нему, и отдалъ ассирійскія войска въ руки эламитамъ еще подъ начальствомъ Таммариту. Все это случилось въ періодъ 651—649 гг. Когда ассирійцы по взятіи Вавилона снова начали овладѣвать югомъ, Набу-эль-шумате, слѣдуя традиціи своего дома, спасся въ Эламъ въ то время, какъ царемъ тамъ сталъ Индабигашъ. Индабигашъ отослалъ въ Ассирію войска, выданныя его предшественнику, но отказался выдать теперь Набу-эль-шумате. За это Ассурбанипалъ грозилъ ему войной; произошло возстаніе и престолъ Индабигаша занялъ Умманалдашъ или Х у м б а х а л д а ш ъ III, сынъ совсѣмъ неизвѣстнаго Аттамету. Но онъ отказался выдать Набу-эль-шумате и положить конецъ притязаніямъ Элама на Приморскую страну. Опять вспыхнуло возстаніе, подъ предводительствомъ Умманигаша или Хумбанигаша, сына неизвѣстнаго Амедирры. На этотъ разъ молитвы Ассурбанипала не были такъ дѣйствительны, какъ въ прошлыхъ трехъ случахъ. Умманалдашъ удержался. Когда Ассурбанипалъ пожелалъ умиротворить южную Вавилонію, ему пришлось отъ молитвъ и интригъ перейти къ дѣйствіямъ. Онъ вторгнулся въ Эламъ и занялъ пограничную крѣпость Битъ-Имби. Умманалдашъ въ это время не могъ еще привести въ порядокъ своихъ дѣлъ, и потому былъ не въ состояніи защищать западъ и Мадакту. Онъ удалился въ „горы“, т.-е. въ Хидалу.

Какъ будто изъ „Приморской же страны“ выступилъ противъ Элама царь Б у б и л у, восточной части Элама, Умбахабуа, который во время предшествовавшихъ волненій сталъ здѣсь самостоятельнымъ (точь-въ-точь такъ же, какъ мы видѣли уже въ Хидалу): онъ также оставилъ страну и столицу и скрылся на островѣ, гдѣ онъ во всякомъ случаѣ находился въ безопасности отъ ассирійцевъ.

Такимъ образомъ, страна оказалась подъ властью ассирійцевъ, и Ассурбанипалъ поставилъ здѣсь о п я т ь своего человѣка, Т а м м а р и т у, нѣкогда бѣжавшаго къ нему. Лишь только это случилось, и ассирійское войско отправилось обратно, какъ Таммариту, видя неувѣренное положеніе своего трона, вынужденъ былъ поднять оружіе на „своего благодѣтеля“. Правда, Ассурбанипалъ говоритъ о второмъ покореніи Таммариту, грабежѣ и опустошеніи Элама, но если принять во вниманіе обычный способъ выраженія ассирійскихъ сообщеній о войнахъ, то отъ разсказа ничего не останется, кромѣ фразъ, маскирующихъ вынужденное отступленіе. Ассирійская дипломатія въ первый разъ должна была стушеваться передъ эламской.

Извѣстія Ассурбанипала о послѣдовавшихъ событіяхъ неясны. Онъ говоритъ, что Таммариту сверженъ; ясно, что это случилось послѣ ухода ассирійцевъ, не раньше. Новый царь не былъ поставленъ Ассурбанипаломъ. Это былъ Умманалдашъ или Хумбахалдашъ III; онъ во второй разъ вернулся изъ Хидалу, и или самъ, или при помощи своихъ приверженцевъ изгналъ Таммариту, который и на этотъ разъ бѣжалъ въ Ассирію. Здѣсь онъ, находясь подъ не особенно почетнымъ арестомъ, долженъ былъ позже вмѣстѣ съ своимъ врагомъ, раздѣлившимъ его судьбу, Умманалдашемъ, украшать выходы Ассурбанипала.

Когда Умманалдашъ взошелъ на престолъ, онъ выгналъ ассирійскій гарнизонъ изъ Битъ-Имби. Ассурбанипалъ долженъ былъ снова взяться за оружіе. Онъ взялъ Битъ-Имби и пограничную провинцію Раши. Умманалдашъ оставилъ западъ съ Мадакту и укрѣпился за Ididэ у Абъ-и-Дизъ подъ Сузой. Ассирійское войско долго не рѣшалось аттаковать эту твер-

дыню и сначала ограничилось тѣмъ, что прошло черезъ сданную страну и завладѣло всѣми крѣпостями. Наконецъ, послѣ многочисленныхъ вопрошеній снотолкователей, осмѣлились сдѣлать нападеніе и... не встрѣтили сопротивленія. О причинахъ хроника умалчиваетъ. Умманалдашъ снова направился въ Хидалу, и бросилъ Сузу. Древняя столица была разграблена и разрушена, священная роща осквернена, храмъ и царскій дворецъ расхищены и разорены. 20 статуй боговъ и 36 царскихъ изображеній (см. Ассаргаддонъ въ Мемфисѣ; стр. 74) были отвезены въ Ассирію и гробницы эламскихъ царей были опустошены. Статуя Наны, которая 1635 лѣтъ тому назадъ была вывезена Кутуръ-нахунди изъ Урука (мы не разъ останавливались на этомъ событіи; см. стр. 21 и 95), была теперь возвращена Уруку. Нашли теперь объ этой статуѣ предсказаніе, данное якобы нѣкогда Наной: „Ассурбанипалъ возвратитъ меня изъ враждебнаго Элама". Такимъ образомъ, Нана за 1635 лѣтъ предсказала царствованіе своего освободителя: матеріалъ для исторіи оракуловъ. Если когда-нибудь раскопки въ Сузѣ будутъ произведены на бо́льшей глубинѣ, намъ, быть можетъ, прійдется сѣтовать на эти разрушенія Ассурбанипала, потому что благодаря имъ (точно также, какъ въ Вавилонѣ вслѣдствіе разрушенія его Синахерибомъ) уменьшилось число памятниковъ древняго міра. Но этому завоеванію мы обязаны описаніемъ древняго культурнаго центра, который такъ часто царилъ надъ востокомъ, подобно самому Вавилону; благодаря своему значенію онъ позже сталъ резиденціей міровой державы, раскинувшейся и къ востоку.

Ассирійское войско исполнило свою задачу. Не было попытокъ основать здѣсь ассирійскую провинцію; это вызвало бы безконечныя возстанія. Войско снова ушло. Умманалдашъ могъ снова вступить во владѣніе своей опустошенной страной и возвратиться въ Мадакту. Но сила сопротивленія была сломлена. Когда теперь снова ассирійцы потребовали выдачи Набу-эль-шумате, Умманалдашъ согласился; до насъ дошло относящееся сюда посланіе. Но преемникъ Меродахъ-Баладана освободилъ его отъ этой необходимости: онъ лишилъ себя жизни въ одно время со своимъ оруженосцемъ. Умманалдашъ могъ отправить въ Ниневію только его соленый трупъ; Ассурбанипалъ надругался надъ своимъ мертвымъ врагомъ такъ же, какъ онъ дѣлалъ это надъ живыми. Умманалдашъ принесъ увѣреніе въ своей покорности. Поэтому онъ получилъ отъ Ассиріи помощь въ борьбѣ противъ врага, котораго выставила, очевидно, враждебная Ассиріи партія. Это былъ Па'э. Онъ держался нѣкоторое время, но не могъ оказать противодѣйствія ассирійскимъ угрозамъ и нападеніямъ Умманалдаша и подобно Таммариту отправился въ Ниневію.

Самъ Умманалдашъ не могъ слишкомъ долго оставаться ленникомъ Ассиріи. На его долю выпало то же, что обыкновенно выпадало на долю царей, находившихся въ его положеніи (срвн. Палестину; стр. 81). Онъ находился среди двухъ партій, изъ которыхъ одна вынуждала къ отпаденію отъ Ассиріи, а другая съ помощью ассирійскаго войска давила всякія попытки подобнаго отпаденія. Лишь только онъ началъ нерадѣть въ своемъ послушаніи Ассурбанипалу, по соизволенію ассирійскихъ боговъ, т.-е. по ассирійскимъ проискамъ, вспыхнуло возстаніе ассирійской партіи. Умманалдашъ долженъ былъ бѣжать на гору, неподалеку отъ ассирійской границы; ассирійскія войска добрались до него и отвели въ Ниневію. Здѣсь три соперника, Тамариту, Па'э и Умманалдашъ, собрались воедино и употреблялись Ассурбанипаломъ въ качествѣ слугъ для блеска выходовъ.

Это случилось около 635 г. Объ Эламѣ мы съ этихъ поръ не имѣемъ извѣстій. Ассурбанипалъ не говоритъ, кто былъ тѣмъ преемникомъ, котораго выбрали царемъ возмутившіеся подданные; изъ этого можно заключить, что Эламъ, благодаря возстанію, выскользнулъ изъ рукъ Ассиріи. Впрочемъ, мы уже подошли къ той эпохѣ, когда Эламъ снова выступилъ, какъ противникъ: съ 626 года Вавилонъ былъ снова въ рукахъ халдеевъ.

В. Переходъ отъ исторiи Элама къ исторiи мидянъ.

Вѣроятно, снова разыгралось бы старое зрѣлище, если бы мы не встрѣтили здѣсь нѣчто новое. Уже не Эламъ, а мидяне помогаютъ Набополассару утвердиться въ Вавилонѣ и выступить противъ Ассирiи. Такому положенiю предшествовали крупныя перемѣны, но сущность политики осталась старой: эти мидяне просто заняли мѣсто Элама. Не больше 20 лѣтъ отдѣляетъ время, когда Умманалдашъ былъ отведенъ въ Ниневiю, отъ той эпохи, когда Набополассаръ заключаетъ договоры съ мидянами, если только онъ и съ самаго начала не прибѣгалъ къ ихъ помощи. Если обратить вниманiе на это обстоятельство, то самъ собой является вопросъ, не былъ-ли Умманигашъ, вообще, послѣднимъ царемъ Элама и не объясняется-ли удивительное молчанiе Ассурбанипала о дальнѣйшихъ сношенiяхъ съ Эламомъ тѣмъ, что страна уже находилась во власти индо-германцевъ? Если вспомнить, съ какимъ трудомъ выдерживалъ уже Ассаргаддонъ борьбу съ ними, какъ онъ не пренебрегалъ союзомъ съ однимъ изъ новыхъ народовъ, ашкуза, для борьбы съ двумя другими — киммерiйцами и мидянами, то отсюда недалеко до предположенiя, что Ассурбанипалъ очень скоро понялъ положенiе вещей и отдалъ этимъ опаснымъ противникамъ страну, подчиненiе которой требовало столько усилiй. Результатомъ устраненiя Умманигаша было то, что Ассурбанипалъ вдругъ получилъ въ качествѣ сосѣдей свѣжихъ враговъ, которые скоро приняли политику своихъ предшественниковъ, помогая своему протежэ въ Вавилонiи противъ Ассирiи. Точно такъ же, какъ и въ Урарту, Ассирiя сама уничтожила здѣсь естественный „буферъ“.

Итакъ, Эламъ вскорѣ послѣ послѣднихъ извѣстiй Ассурбанипала попалъ въ руки мидянъ и былъ занятъ индо-германскимъ населенiемъ. При непродолжительномъ мидiйскомъ господствѣ Эламъ не игралъ какой-либо выдающейся роли. Только съ эпохи Кира онъ снова дѣлается резиденцiей властителей, и Суза становится столицей Востока, къ которой обращаются всѣ взоры. Объ этомъ подробнѣе см. въ мидiйско-персидской исторiи (стр. 136).

Г. Очеркъ внутренняго состоянiя Элама.

Если мы по отношенiю къ политической исторiи Элама должны были опираться исключительно на немногочисленныя данныя, которыя мы могли извлечь изъ исторiи столкновенiй съ Вавилонiей и Ассирiей, то еще меньше данныхъ у насъ для внутренней исторiи Элама. Пока эламскiе источники не станутъ для насъ обильнѣе, не будетъ возможности составить даже неполное представленiе о жизненныхъ условiяхъ этой страны, находившейся подъ влiянiемъ вавилонской культуры. Одна, другая изъ указываемыхъ Ассурбанипаломъ частностей отмѣчаютъ извѣстныя явленiя, ему современныя. Но какъ относятся они къ раннимъ эпохамъ, когда были уничтожены тамъ высшiя прiобрѣтенiя культуры новыми переселенiями, какъ изъ старыхъ остатковъ развились новые ростки, какимъ образомъ новые слои населенiя пошли по пути старыхъ, чтобы затѣмъ снова уступить мѣсто новымъ, и особенно въ какой мѣрѣ слѣдуетъ здѣсь отводить мѣсто культурнымъ условiямъ — всѣ эти вопросы нельзя рѣшить на основанiи немногочисленныхъ царскихъ именъ и сообщенiй о войнахъ.

Вообще мы можемъ считать прiобрѣтенiя эламской культуры подражанiями или заимствованiями изъ вавилонской. Къ этимъ заключенiямъ приводитъ и письмо и немногочисленные памятники искусства, стиль и техника которыхъ во всѣхъ деталяхъ примыкаютъ къ вавилонскимъ; и если бы не нѣкоторыя особенности въ позѣ, то скульптуры Маль-Амира напр. можно было бы принять за вавилонскiя. И архитектура, по своему матерiалу и формамъ, вавилонскаго происхожденiя: эламская крѣпость

строится по тѣмъ же принципамъ, какъ и вавилонская. Мы ничего не знаемъ объ архитектурѣ храмовъ, отъ которой мы въ правѣ были бы ожидать извѣстнаго приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ и нуждамъ. Ассурбанипалъ сообщаетъ намъ объ эламскомъ святилищѣ въ Сузѣ (см. стр. 77). Въ отличіе отъ вавилонскихъ храмовъ, оно представляетъ священную рощу, гдѣ не могла ступать нога непосвященнаго; въ ея мракѣ богиня даетъ предсказанія. Это безъ сомнѣнія характерная особенность эламитовъ, которая вызываетъ въ воспоминаніи условія уходящихъ въ древнѣйшій періодъ народовъ, проявляющихъ свой духъ иначе, чѣмъ семиты — сыны сожженной солнцемъ и лишенной тѣни Аравіи; но это вѣдь только примѣчательная, отдѣльная черточка. Ничто не можетъ указать намъ, въ чемъ проявляется особенность эламскаго народа; мы еще не можемъ знать, какому изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ слоевъ населенія принадлежитъ это свойство.

Ассурбанипалъ и эламскія надписи даютъ намъ цѣлый рядъ названій эламскихъ божествъ, но они остаются для насъ пустыми звуками. Исключеніе нужно сдѣлать для „сузійской богини“, о святилищѣ которой мы только-что упоминали; и эламитъ и вавилонянинъ отождествляютъ ее съ Нана или Истаръ Урукской. При многочисленныхъ завоеваніяхъ и сношеніяхъ Элама, распространявшихся и на Урукъ, не было недостатка въ перенесеніи сказаній отъ одной святыни на другую, въ спорахъ о сравнительной старинѣ обѣихъ, спорахъ, которые рѣшались просто перевозомъ статуй во время завоеваній (стр. 17, 21). Но всѣ наши знанія о сущности въ отношеніи сузійской богини къ своему народу ничуть не больше тѣхъ, которыя были бы у насъ, если бы изъ всей греческой теологіи у насъ осталось только отождествленіе Афродиты съ Венерой.

Дальнѣйшія указанія объ особенностяхъ эламскаго государственнаго устройства, которыя мы находимъ у Ассурбанипала, были понятны въ его время, но для насъ и они непонятны. Ассурбанипалъ называетъ всѣ значительныя мѣстности и почти всѣ укрѣпленные города царскими, вопреки обычаю другихъ странъ, гдѣ этимъ названіемъ обозначается лишь столица. Но мы не знаемъ, что подразумѣвать подъ этимъ названіемъ. Были ли всѣ укрѣпленные города, въ противоположность принципамъ ассирійско-вавилонскаго права, собственностью царя? И если да, то очевидно не существовало и городового права, обоснованнаго на фактѣ принадлежности земли богу и храму, столь характернаго для семитскаго міросозерцанія (стр. 34). Это должно было бы, въ противоположность обычаю семитскихъ культурныхъ странъ, означать сильный упадокъ вліянія жречества, которое вмѣстѣ со своей крупной собственностью является однимъ изъ первыхъ факторовъ внутренняго развитія семитскихъ народовъ и государствъ. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на существованіе жреческаго сословія, стараго, противостоящаго царямъ и знати и сидящаго по городамъ. Врядъ ли возможно иначе объяснить то, что подъ выраженіемъ „царскій городъ“ подразумѣвается чуждый ассирійско-вавилонскому духу институтъ; доказать этого нельзя.

Само собой разумѣется, народъ или народы, которые подобно эламитамъ подвигаются впередъ, постоянно воюя, имѣли знать; по естественному порядку вещей, знать даетъ предводителей въ войнѣ. Само собой понятно также и то, что въ совершенно иномъ положеніи должна находиться царская власть, имѣющая дѣло не съ различными, опирающимися на различные слои населенія силами, а только съ одной этой. И если мы вынуждены принять, что въ Эламѣ не было городского и жреческаго сословія, какъ въ Вавилонѣ, то такимъ образомъ изъ народной жизни вычеркивается цѣлый классъ; сильное, самостоятельное, развивающее торговлю и промышленность гражданство. Эламъ былъ населенъ племенемъ, главнымъ занятіемъ котораго было земледѣліе; оно и имѣло соотвѣтственное устрой-

ство по округамъ съ своими окружными и родовыми союзами подъ управленіемъ знатныхъ. Избытокъ своихъ силъ подобный народъ долженъ былъ расточать въ переселеніяхъ; такому представленію не противорѣчитъ исторія Элама, поскольку мы ее знаемъ. Съ другой стороны, отсюда объясняется, почему войскамъ Ассурбанипала было оказано такое упорное сопротивленіе, бывшее безплоднымъ вслѣдствіе недостатка единенія.

Изъ особенностей мы можемъ упомянуть еще объ одной, указывающей, какъ и священная роща въ Сузѣ, на иной міръ, а не на переднеазіатскій востокъ. Когда ассирійцы говорятъ объ эламской добычѣ, то выдающуюся роль играетъ вещь, которую передній востокъ не зналъ очень долго и которой до новаго времени тамъ не пользовались: — телѣги для перевозки тяжестей. Ассиріецъ знаетъ только колесницы, какъ военное орудіе, тяжести онъ возитъ на ослахъ или верблюдахъ, — эламитъ, подобно кочующимъ индо-германцамъ, возитъ свои тяжести въ повозкахъ, запряженныхъ мулами. Добавимъ сюда еще то, что знаемъ объ особенностяхъ эламскаго вооруженія. Главнымъ оружіемъ эламита были не копье и мечъ, а лукъ, какъ объ этомъ говорятъ и ассирійскія надписи и Библія. Само собой понятно, что вавилонская тактика повліяла и на эламскую; но лукъ, должно-быть, былъ искони оружіемъ эламита, и для знатнаго онъ являлся тѣмъ же, чѣмъ мечъ для рыцаря — отличіемъ воина.

Если географическое положеніе Элама указываетъ намъ на страны и племена, непохожія на тѣ, что находимъ на переднемъ востокѣ, то можно было бы ожидать отсюда нѣкоторыхъ выводовъ о передвиженіяхъ и распространеніи вавилонской культуры. При персахъ, Александрѣ и халифахъ исторія указываетъ намъ событія, отраженія которыхъ мы должны искать во времена дѣйствительнаго расцвѣта востока. Если торговля съ Индіей и восточной Азіей является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ всемірной исторіи, то и Эламъ въ эпоху его могущества долженъ былъ вмѣшаться въ рѣшеніе соотвѣтствующихъ вопросовъ, если не содѣйствуя, то стѣсняя, но всегда принимая участіе своимъ вѣскимъ словомъ. Если въ историческій періодъ Персіи арамейское письмо переходитъ въ Индію и дальше на востокъ, и даетъ начало тамошнему алфавиту, то подобныя же событія могли имѣть мѣсто и въ предшествующихъ тысячелѣтіяхъ. Менѣе ясно, но все же достаточно очевидно говоритъ за себя появленіе у индусовъ вавилонскаго сказанія о потопѣ; со временемъ съ нимъ окажется возможнымъ сопоставить еще кое-что общее.

7. Сирія.

А. **Страна и ея названіе.**

Область, находящаяся между Евфратомъ, горами Арменіи, Тавромъ и простирающаяся на югѣ до конца Ливана и до Ермона, и есть приблизительно та страна, которую называютъ Сиріей. Само названіе имѣло историческое развитіе, а потому примѣняется здѣсь съ нѣкоторой свободой, сообразно словоупотребленію одного изъ различныхъ тысячелѣтій. Происхожденіе его теперь извѣстно. Въ первое время вавилоняне называли словомъ „Сури“ мѣстность, на сѣверѣ идущую отъ Месопотаміи въ горы, на западѣ простиравшуюся до Каппадокіи. Въ классическій періодъ это названіе присвоялось еще странѣ левко сирійцевъ (срвн. выше, стр. 12) въ Каппадокіи. Съ постепенной арамеизаціей Ассиріи и южной части Сиріи, это названіе распространялось на южныя области, такъ какъ арамеи и сирійцы стали до нѣкоторой степени однозначущими терминами (срвн. стр. 56).

Б. **Хетты.**

а) Хатты.

Сирія (въ нашемъ смыслѣ слова) не имѣетъ никакой цѣльной исторіи. Стоя на перепутьи двухъ культуръ, вавилонской и египетской, она подвергалась ихъ вліяніямъ, и ея исторія складывается изъ этихъ вліяній. Значительно было вліяніе культуры еще одного народа на Сирію, сказавшееся въ томъ періодѣ ея исторіи, въ которомъ для насъ меньше всего неясностей. Въ этомъ отношеніи Сирія до сихъ поръ остается страной, по исторіи которой мы лучше всего освѣдомлены объ этой культурѣ, которая иначе была бы неразрѣшимой загадкой востока. Мы зовемъ эту культуру хеттской, по имени народа „Хатты“, который является самымъ характернымъ и извѣстнымъ ея представителемъ. Хатты — ассирійское названіе этого народа (египетское — хеты). Условимся обозначать въ дальнѣйшемъ изложеніи этимъ именемъ только этотъ народъ, названіе же хетты дадимъ цѣлой племенной группѣ, къ которой принадлежали хатты. По тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, какія у насъ есть до сихъ поръ, хатты представляются намъ значительнѣйшимъ народомъ группы. Ничто не доказываетъ, что въ дѣйствительности такъ и было; напротивъ а priori вѣроятнѣе противоположное. Обыкновенно, прежде чѣмъ обращаться къ изложенію развитія евфратской культуры, останавливаются на ассирійской культурѣ; это невѣрно, но намъ прійдется допустить подобную же ошибку, производя имя для этой группы народовъ отъ имени Хатты. Едва ли эти хатты были первымъ народомъ хеттской расы, проникнувшимъ въ Сирію.

Мы ничего не знаемъ о той Сиріи, которая существовала одновременно съ древне-вавилонскими государствами. Но такъ какъ Финикія испытала ихъ вліянія, то и Сирія должна была принять въ себя часть вавилонско-семитскаго и хананейскаго нашествія. Какія племена въ это же время проникли или пытались проникнуть съ сѣвера, оттуда же, откуда пришли хетты, объ этомъ мы ничего не знаемъ. Нѣсколько яснѣе становится дѣло только въ эпоху 18-й египетской династіи: тутъ проливаютъ свѣтъ на отношенія египетскія извѣстія и письма изъ Тель-Амарнскаго архива (срвн. стр. 18). Изъ нихъ мы заключаемъ, что въ это время вторглулось не-семитское населеніе и напирали другія вѣтви той же расы. И съ этого времени мы получаемъ возможность хоть въ общихъ чертахъ набрасывать ходъ сирійской исторіи. Это населеніе мы и будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи называть хеттскимъ. Его оригинальность для насъ яснѣе всего до сихъ поръ выступаетъ въ нѣкоторомъ числѣ памятниковъ, которые даютъ или изображенія хеттовъ или надписи хеттскимъ шрифтомъ. Хеттскій типъ рѣзко отличается отъ семитскаго: и раса, и одежда, наконецъ техника указываютъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ представителями своеобразной культуры, отличной отъ обѣихъ великихъ восточныхъ культуръ. Характерны косы на головахъ хеттовъ, а въ одеждѣ, — сапоги, по большей части съ загнутыми вверхъ носками (см. 2 и 3 фиг. на таблицѣ „Хеттскія древности“ при стр. 115); характерно также письмо, іероглифическое, рѣзко отчеканенное, пускающее въ ходъ изображенія, не стоящее ни въ какой связи ни съ вавилонскимъ, ни съ египетскимъ письмомъ (см. 1 фиг. таблицы). До насъ дошелъ рядъ надписей, но до сихъ поръ не удалось дешифрировать ихъ и заставить языкъ или языки хеттовъ говорить по ихъ собственнымъ записямъ. Но такъ какъ населеніе Митани и Урарту очевидно принадлежитъ къ подобной группѣ (срвн. ниже, стр. 127), то мы имѣемъ два языка хеттскихъ племенъ, хотя и не изъ того слоя, который пользовался фигурнымъ письмомъ.

Хеттская культура была принесена въ Сирію извнѣ завоевателями, главнымъ образомъ, хаттами. Является вопросъ: откуда? До своего втор-

женія хатты обитаютъ въ Каппадокіи, т.-е. сѣверо-восточной части Малой Азіи; здѣсь въ скалахъ Богазъ-кой мы находимъ выдающіеся памятники ихъ искусства (срвн. въ IV томѣ). Подобные памятники встрѣчаются на всей поверхности Малой Азіи вплоть до западнаго берега, гдѣ неподалеку отъ Смирны находятся извѣстнѣйшія скульптуры „Сезостриса". По этимъ соображеніямъ заключаютъ, что Малая Азія была родиной этой хеттской культуры. Быть-можетъ, будущія раскопки дадутъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніи интересующихъ насъ хеттовъ къ до-индо-германскому населенію Запада и позволятъ установить нѣкоторыя отношенія между этрусками, иберами и другими теряющимися во мракѣ первобытной исторіи явленіями. Мимоходомъ мы можемъ только высказать догадку, что населеніе Малой Азіи второго тысячелѣтія (и раннихъ тысячелѣтій) было хеттскимъ, и здѣсь нужно искать центральнаго пункта этой культуры, которая интересуетъ насъ здѣсь постольку, поскольку она распространилась за Тавръ (ср. сказанное ниже по поводу Муски и Фригіи). Невозможно найти и здѣсь указанія на взаимную связь и родство отдѣльныхъ племенъ; но едва ли допустимо, что въ однородномъ, твердо установленномъ движеніи народовъ смѣшались различныя расы. Мы наблюдаемъ подобное явленіе въ индо-германскомъ переселеніи и должны по его образцу представлять себѣ хеттское, предшествовавшее ему. Если мы и говоримъ о хеттскихъ племенахъ, то послѣднія могли (и должны были) обнаруживать между собой столь же большія различія, какъ и индо-германскія племена, которыя мы находимъ на той же почвѣ; кельты, греки, армяне. Если когда-нибудь мы найдемъ разгадку хеттскаго письма, то мы смѣло можемъ надѣяться на то, что откроемъ различные языки въ надписяхъ различныхъ странъ (до сихъ поръ надписи встрѣчались въ Сиріи, въ особенности въ Гаматѣ. Алеппо, Кархемишѣ, Марашѣ, и въ Киликіи).

Возникаетъ дальнѣйшій вопросъ объ отношеніяхъ хеттовъ къ тѣмъ народнымъ соединеніямъ, которыя на востокѣ примыкаютъ къ области, до сихъ поръ числящейся за ними, — къ народамъ „Анцана", какъ говорили вавилоняне (срвн. стр. 12) — племенамъ древне-мидійскимъ и эламитскимъ. Возможно, что здѣсь существовало нѣкоторое родство, но никакихъ доказательствъ этого положенія не найти. Чисто географическія соображенія и явленія въ родѣ тюркскаго и монгольскаго переселенія позволяютъ скорѣе сдѣлать догадку, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ другой, съ востока проникшей сюда расой, тогда какъ область, изъ которой распространились хетты, находится на западѣ. Въ восточной Арменіи должны были бы столкнуться два теченія; впрочемъ всѣ эти соображенія имѣютъ цѣну и значеніе лишь выводовъ, которые диктуетъ предположеніе естественнаго развитія вещей; свѣдѣній, которыя могли бы быть доказаны, мы не можемъ получить при современномъ положеніи научныхъ средствъ.

Хетты въ ту эпоху, съ которой начинаются наши свѣдѣнія, уже проникли въ Сирію и даже въ Месопотамію. Въ XV вѣкѣ Митани пріобрѣтаютъ власть надъ Месопотаміей и сѣверной Сиріей, именно — надъ Ханигальбатомъ (Мелитене) и Муцри — областью, раскинувшейся къ югу отъ нея по Тавру и Антитавру (срвн. стр. 46). Митани — древнѣйшее изъ извѣстныхъ намъ хеттскихъ племенъ; во всякомъ случаѣ вполнѣ возможно предположеніе, что оно не было первымъ племенемъ, пробравшимся въ Сирію и за Евфратъ. Въ данныхъ Тель-Амарнскаго архива мы находимъ нѣкоторыя указанія на хеттское населеніе даже въ южной части Сиріи. Имя князя города, который мы должны искать въ области Финикіи, — Сура-саръ, безъ сомнѣнія хеттское. Въ какой мѣрѣ мы можемъ искать хеттскаго элемента въ названіяхъ, въ особенности сирійскихъ городовъ, звучащихъ не по-хананейски, положительно сказать нельзя; но ясно, что хетты уже въ это время далеко разошлись по Сиріи. Судьбы митани занимали насъ въ первоначальной исторіи Ассиріи; тамъ (см. выше, стр. 51) мы прослѣдили

также дальнѣйшее проникновеніе этихъ или болѣе раннихъ рядовъ переселенцевъ до Вавилоніи.

Со времени Тутмоса III возникаетъ уже государство хаттовъ или хеттовъ. По первымъ упоминаніямъ о немъ и по письмамъ Тушратты мы можемъ установить, что оно имѣло резиденцію еще въ Каппадокіи (Понтѣ) и не перешло еще черезъ Тавръ. Мы ничего не знаемъ о его распространеніи на западъ (см. стр. 114). Но по Тель-Амарнской перепискѣ мы можемъ точно установить, какъ оно начинаетъ двигаться по направленію къ Сиріи. Самъ Тушратта подвергся нападенію хаттовъ и устоялъ. Въ Финикіи умѣли пугать фараона ихъ набѣгами такъ же сильно, какъ и планами вавилонянъ. Особенно Азири, аморей, основываетъ свои нападенія на Нухаше (мѣстность близъ Алеппо; см. карту при стр. 10) на вторженіи царя хаттовъ, отъ котораго онъ якобы пытается защитить страну для фараона. На дѣлѣ Сапалулъ уже въ то время проникъ въ Нухаше и стоялъ тогда къ югу отъ обласгу Митани. Такъ какъ онъ еще не завоевалъ ее, то мы должны принять, что онъ перебрался за Тавръ черезъ Киликію (срвн. стр. 46). Нѣсколько отрывковъ изъ его переписки съ фараономъ, повидимому, лежатъ предъ нами. Они указываютъ на натянутыя отношенія; дѣло доходитъ даже до чудовищности — до отказа отъ выраженія извѣстнаго почтенія. Царь хаттовъ, вопреки установившемуся обычаю, ставитъ свое имя впереди имени фараона, и его письмо является поводомъ для особаго письма египтянина!

Указанное здѣсь поступательное шествіе хаттовъ въ послѣдующее время находило себѣ опору въ слабости Египта, тогда какъ его противникъ, Митани, былъ устраненъ Ассиріей. Такимъ образомъ Ассирія и хатты оказались естественными противниками въ Сиріи. Пока Рамманирари I, Салманассаръ I и Тукульти-Нинибъ удерживали свою власть надъ Митани, ихъ шествіе еще задерживалось; Ассирія при Салманассарѣ даже распространилась до границъ хаттскаго царства (стр. 51). Но послѣ внезапнаго паденія ассирійскаго могущества со смертью Тукульти-Ниниба (ок. 1270; стр. 51) хатты получили въ Сиріи свободу дѣйствія. Уже теперь при новомъ нашествіи Египта въ XII вѣкѣ до Р. Хр. хатты владѣютъ почти всей Сиріей. При Рамсесѣ II упоминается, что съ царями хеттовъ Сапалуломъ и Маутенеромъ существовала дружба: значитъ, Египетъ терпѣлъ ихъ движеніе впередъ. Сети I разсказываетъ о войнахъ съ хаттскими царями въ ту эпоху, когда онъ начинаетъ возвращать азіатскія провинціи; однако онъ едва ли одержалъ надъ ними побѣду. Рамсесъ II, при своемъ дальнѣйшемъ походѣ въ Палестину, имѣлъ нѣсколько сраженій съ хаттами; онъ прославляетъ себя въ особености за одну большую побѣду при Кадешѣ у Оронта. Это одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые уже по даннымъ Тель-Амарнскаго архива имѣютъ князей съ именами, врядъ ли семитическими. Битва замѣчательна скорѣе по ея описанію, нежели по ея результатамъ: 16 лѣтъ спустя оба государства (царемъ хаттовъ теперь былъ Хетасаръ) заключили торжественный договоръ, по которому они признавали границы своихъ владѣній и обязывались защищать одно другое. И тогда какъ Египетъ по этому договору называлъ своей Палестину, едва доходившую до Кармила, Сирія вся была передана хаттамъ и находилась въ ихъ неограниченной власти, точно такъ же, напримѣръ во власти Ассиріи съ VIII на VII столѣтіе. Съ этихъ поръ ассирійцы присваиваютъ Сиріи названіе „страны хаттовъ", названіе, прежде относившееся ими и вавилонянами къ сѣверной части Малой Азіи. Оно остается и послѣ и даже двигается все дальше на югъ въ тѣ времена, когда хатты исчезли, или по крайней мѣрѣ остался небольшой остатокъ ихъ прежняго могущества въ государствѣ Кархемиша.

Могущество хаттовъ было непродолжительно. И не Ассирія сокрушила ихъ силу: ассирійцы никогда не стояли поперекъ дороги хаттамъ.

Когда Тиглатъ-Палассаръ I снова проходилъ черезъ Сирію, государство хаттовъ уже было поколеблено въ своей силѣ. Сломили ее народы хаттской расы, тѣ самые, которые шли той же дорогой, какъ когда-то митани. Уже въ 1100 г. мы находимъ ихъ на крайнемъ сѣверѣ Месопотаміи и Малой Азіи въ битвѣ съ Тиглатъ-Палассаромъ. Они-то, должно быть, уничтожили государство хаттовъ на сѣверѣ Малой Азіи и завладѣли теперь сѣверной Сиріей и пограничными областями Малой Азіи съ сѣвера. Остатокъ хаттскаго государства находится теперь въ Кархемишѣ на Евфратѣ, который первое время еще могъ сохранить въ своемъ владѣніи часть Сиріи. Это государство съ этихъ поръ ассирійцы зовутъ хаттскимъ: это обстоятельство и вызвало перенесеніе названія „страна хаттовъ" на Сирію въ собственномъ смыслѣ слова. Очень скоро, тѣснимое съ юга арамеями, это государство лишается всякаго значенія, и со времени Салманассара II встрѣчается, какъ лишенная всякаго значенія и платящая подать провинція Ассиріи или державы, господствующей въ Сиріи (до 745 г. Урарту), и впослѣдствіи при своемъ послѣднемъ царѣ Пизирисѣ попадаетъ во власть Саргона (стр. 68).

б) Позднѣйшія хеттскія переселенія.

Новыя племена, вторгнувшіяся послѣ хаттовъ и занявшія ихъ мѣсто, звались куммухъ (куманы). Когда Тиглатъ-Палассаръ I въ первый разъ упоминаетъ о нихъ, они жили уже нѣкоторое время въ мѣстности къ югу отъ Арменіи по обоимъ берегамъ Евфрата (см. стр. 53). Они и потомъ оставались тамъ, и ихъ имя усвоялось въ эллинистическую эпоху области на правомъ берегу (Коммагена). Въ ассирійскую эпоху они имѣли своихъ царей, но подобно Кархемишу должны были признавать иго ассирійскаго господства или власть другого владыки Сиріи. Въ войнахъ Ассиріи и Урарту князья Куммуха, живя между этими державами, естественно колебались на двѣ стороны. Отсюда, точно такъ же, какъ и во всей области Арменіи, хеттское населеніе было вытѣснено обратно только вторженіемъ индо-германцевъ.

Наряду съ этимъ древнимъ слоемъ переселенія упоминаются каски, которые занимали самую дальнюю область сѣверной Малой Азіи (приблизительно Малую Арменію) и быстро исчезли съ горизонта ассирійской исторіи; возможно, что ихъ имя и имя колховъ—одно и то же. Вмѣстѣ съ касками Тиглатъ-Палассаръ упоминаетъ въ первый разъ народъ муски; нѣкоторыя орды этого племени пытались въ его время отвоевать уже раньше занятую куммухами область на лѣвомъ берегу Евфрата. Они были вытѣснены обратно и точно также исчезли съ горизонта. 400 лѣтъ спустя встрѣчается опять ихъ имя. Мита, царь Муски, какъ властелинъ малоазійской великой державы, ведетъ войну съ Саргономъ на Галисѣ и въ Киликіи и призывается на помощь Кархемишемъ противъ ассирійцевъ (см. стр. 68). То обстоятельство, что это дѣлаетъ послѣдній представитель хеттской державы въ Сиріи, указываетъ на то, что въ то время въ мускахъ видѣли наслѣдниковъ хаттовъ, прежнихъ властелиновъ Малой Азіи. Они, должно быть, обмѣняли ее на власть на Галисѣ и дальше на западѣ, такъ какъ Мита изъ Муски никто другой, какъ Мидасъ фригійскій, который вскорѣ послѣ 700 г. нашелъ свою смерть въ войнѣ съ киммерійцами.

Мелитена составляла тоже особое государство со своимъ княземъ. Населеніе находится въ тѣсномъ родствѣ съ табалами, которые съ юга примыкаютъ къ нимъ и ютятся преимущественно въ Каппадокіи до Тавра, отдѣляющаго ихъ и отъ Киликіи. Они распадаются на рядъ отдѣльныхъ округовъ, которые имѣютъ своихъ князей (срвн. о походахъ Тиглатъ-Палассара III, стр. 64). Мелитенскіе сосѣди случайно иногда причислялись къ нимъ; но, несмотря на это, по временамъ происходило объединеніе подъ властью верховнаго владыки, и такимъ образомъ возникало настоящее

царство Табала. Саргонъ даже выдалъ свою дочь замужъ за „царя“ Табала Амбариди и уступилъ ему часть Каппадокіи, какъ приданое. Онъ очевидно старался такимъ путемъ привлечь на свою сторону Табалъ, какъ нѣчто въ родѣ „буфернаго“ государства противъ Мита-Мидаса, и подчинить непокоренныхъ и въ качествѣ сосѣдей неудобныхъ табаловъ, если не ассирійскому игу, то туземному. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе значительными племенами, которыя оставались вѣрны національному единству и могли лучше сохранить свои особенности и организацію своего родового быта въ горныхъ областяхъ, подвергавшихся менѣе сильному вліянію вавилонской культуры. И въ сирійскихъ городахъ эти вторженія оставляли за собой нѣкоторые слѣды: вплоть до ассирійской эпохи мы можемъ здѣсь явственно различать отъ арамейскаго населенія несемитское. Но какъ въ Кархемишѣ, мы можемъ въ этомъ населеніи видѣть въ общемъ не столько элементы этого новаго слоя, сколько остатки хаттскаго завоеванія или предшествовавшихъ ему хеттскихъ переселеній. По крайней мѣрѣ, ассирійцы не даютъ указаній здѣсь на какой либо опредѣленный народъ; извѣстія говорятъ о князьяхъ, въ теченіе долгаго времени владѣвшихъ страной, князьяхъ съ именами семитскими и несемитскими, слѣдовательно, хеттскими.

Точно также мы можемъ относить къ хеттамъ населеніе Киликіи (Куэ по-ассирійски): именно здѣсь найдены разсѣянныя до самаго Тавра хеттскія надписи. Мы должны видѣть въ населеніи Киликіи одну изъ волнъ великаго потока, который донесся сюда съ Табала. По сообщеніямъ изъ Тель-Амарны мы можемъ утверждать, что лукки, упоминающіеся также въ египетскихъ надписяхъ, занимались по малоазійскому берегу морскими разбоями, заходя даже на Кипръ. Эти лукки дали названіе Ликіи; впослѣдствіи по ихъ имени будетъ названа и Ликаонія. Если мы здѣсь же вспомнимъ еще левко-сирійцевъ, которые на самомъ дѣлѣ вовсе не были бѣлыми сирійцами, какъ это выходитъ по греческой народной этимологіи, а были только лукки изъ Сури (Каппадокія), то мы найдемъ еще другую вѣтвь хеттскаго переселенія, которая приводитъ насъ къ хаттамъ. Къ этой вѣтви мы можемъ отнести хеттскихъ обитателей Киликіи. Они, по всей вѣроятности, образовали болѣе широкій слой, чѣмъ куммухъ, муски и табалъ, и вторгнулись приблизительно въ одно и то же время съ хаттами.

Если мы западную группу, представленную лукками и табалъ, противопоставимъ восточной съ ея представителями Митани и Урарту, о которыхъ еще будетъ рѣчь (Куммухъ также скорѣе относится къ нимъ), то мы найдемъ подтвержденіе для такого дѣленія въ одномъ обстоятельствѣ, которое при скудости прочихъ свѣдѣній рѣзко бросается въ глаза. Верховное божество восточной группы — Теисбъ или Тешубъ (молніеносный Зевсъ), божество, которое сопоставляютъ съ семитскимъ Хададомъ или Рамманомъ; въ классическій періодъ мы находимъ его, какъ Юпитера Долихи въ Коммагенѣ съ грозовыми стрѣлами или молніей и хеттскимъ двойнымъ топорикомъ. Западная группа чтитъ Тарху; это имя встрѣчается въ сложеніи съ многими личными именами.

Хеттскія надписи изъ Сиріи и Киликіи относятся всѣ безъ исключенія къ той эпохѣ, когда Ассирія уже господствуетъ здѣсь или хоть появилась, т.-е. къ эпохѣ между Тиглатъ-Палассаромъ I и Саргономъ (около 1100—700 гг.); надписи изъ Киликіи мы, пожалуй, можемъ отнести еще къ нѣсколько болѣе позднему времени. Мы не знаемъ, пользовалось ли уже при случаѣ населеніе Митани хеттскимъ письмомъ. То обстоятельство, что для писемъ употреблялась клинопись, не исключаетъ возможности этого: и хатты въ своихъ сношеніяхъ съ Египтомъ пользовались клинописью, да и сами египтяне прибѣгали къ ней (стр. 18). Этимъ нельзя опровергать возможность употребленія собственнаго письма для туземныхъ потребностей. Древнѣйшія хеттскія скульптуры на сирійской почвѣ были открыты

Объясненіе изображенныхъ на таблицѣ древностей.

---

1. Кусокъ хеттской надписи.

(Найдена въ Джерабисѣ, древнемъ Кархемишѣ, и хранится въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ; по Wright, Empire of the Hittites.)

2. Хеттскій воинъ изъ до-ассирійской эпохи.

(Найдено въ Сенджирли [Сам'алъ]; теперь находится въ переднеазіатскомъ отдѣленіи Королевскихъ музеевъ въ Берлинѣ.)

3. Хеттскій царь (или богъ?) изъ позднѣйшей эпохи.

(Оригиналъ въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.)

1

2

3

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Хеттскія древности.

раскопками въ Сенджирли (Сам'алъ) въ Амкѣ. Онѣ относятся къ до-ассирійской эпохѣ, но самыя древнія изъ нихъ — все-таки уже второго тысячелѣтія; здѣсь, въ Сенджирли, какъ мы предполагаемъ, пребывало только старое хеттское населеніе, происходящее, самое позднее, отъ хаттовъ; еще позже сюда вторгнулись арамеи.

Процессъ историческаго развитія привелъ къ тому, что понятія „сирійцы“ и „арамеи“ въ нашемъ представленіи равнозначущи, хотя это вѣрно только для болѣе поздняго времени (ср. стр. 56). Въ дѣйствительности арамеи вторгнулись не прямо въ Сирію, но приняли здѣсь на себя руководящую роль лишь послѣ того, какъ они уже наводнили Вавилонію и Месопотамію. Причина на лицо: хеттскія выселенія сопровождались такимъ значительнымъ результатомъ только потому, что въ долинѣ Евфрата не существовало въ то время никакого сильнаго, способнаго къ сопротивленію государства. Митани и касситы (см. выше стр. 44, 46) наступали съ обѣихъ сторонъ на культурное государство; слабосиліе Вавилоніи и Ассиріи не могло положить преграды слѣдующимъ волнамъ хеттскаго нашествія — хаттамъ и куммухамъ. Въ это же самое время съ юга разливаются волны арамейскаго переселенія по долинѣ Евфрата и по Сиріи; арамеи не встрѣтили никакого сопротивленія въ долинѣ со стороны сходившихъ со сцены касситовъ (стр. 55) и, наоборотъ, въ Сиріи они натолкнулись на хаттовъ и позднѣе на ихъ преемниковъ при нашествіи послѣднихъ. Такимъ образомъ тѣ области, которыя въ нашемъ представленіи являются собственно арамейскими, сравнительно поздно оказались подъ властью арамеевъ. Наконецъ, арамейскими стали Дамаскъ, Алеппо и города сѣверной Сиріи; въ это время Месопотамія и Вавилонія уже давно были наводнены арамеями. Городъ Петоръ на Евфратѣ, остававшійся до сихъ поръ, подобно Кархемишу, во власти хеттовъ, только при Ассуръирби (стр. 56) перешелъ во владѣніе арамеевъ. Кархемишъ оказывалъ имъ сопротивленіе и простирающіяся къ сѣверу страны „Сури“, какъ напр. Коммагена, никогда не были въ рукахъ арамеевъ и, какъ мы видѣли, вплоть до завоеванія ихъ Ассиріей оставались подъ властью хеттскихъ князей и племенъ. Впрочемъ, это обстоятельство не исключало, конечно, проникновенія отдѣльныхъ частицъ арамейскаго населенія.

Сирія въ эпоху около 1500 года, принимая въ соображеніе арамейское нашествіе, представляетъ слѣдующую картину. Старое ханаанейское населеніе было вытѣснено или покорено хеттскимъ. Теперь арамеи начинаютъ тѣснить хеттовъ. Такъ какъ хетты (хатты) еще въ XII столѣтіи владѣютъ Келесиріей до Кадеша, то нашествіе арамеевъ въ Сирію отличается отъ арабскаго, совершавшагося и, слѣдовательно, сопровождавшагося непосредственно во внутренней части Сиріи подчиненіемъ области Дамаска, Гамата, Алеппо; арамеи подвигались впередъ восточнѣе, по Евфрату и, завладѣвъ Месопотаміей, переправляются черезъ Евфратъ на западъ и такимъ образомъ появляются въ средней Сиріи. Тиглатъ-Палассаръ I гонитъ арамеевъ на высотѣ Кархемиша черезъ рѣку, и они находятъ убѣжище на правомъ берегу. А потомъ уже захватываютъ они хеттскіе города Сиріи за исключеніемъ Дамаска (см. дальше, стр. 117 и слѣд.). Только въ ассирійскую эпоху арамейскій языкъ вытѣсняетъ старый ханаанейскій. Въ надписяхъ Сенджирли отъ времени Тиглатъ-Палассара III мы имѣемъ, по всей вѣроятности, первыя попытки писать по-арамейски въ этихъ странахъ. Дальше на сѣверѣ арамейское переселеніе встрѣчаетъ послѣднюю волну хеттскаго, — куммуховъ и т. д., и поэтому ихъ движенію впередъ кладется здѣсь предѣлъ; въ свою очередь они задерживаютъ шествіе хеттовъ въ страны, занятыя нѣкогда хаттами, вплоть до Келесиріи. Только вторженіе Ассиріи со временъ Ассурназирпала помѣшало арамеямъ захватить большіе города наводненныхъ ими странъ и довершить такимъ

образомъ ихъ покореніе (стр. 57). Послѣ этого была, конечно, сломлена сила сопротивленія хеттовъ; на это указываетъ упомянутое выше завоеваніе Петора арамеями. Но когда все оказалось подъ властью Ассиріи, господство осталось за хеттами тамъ, гдѣ оставалось что-либо внѣ ассирійскаго вліянія. Конечно, политическое верховенство нисколько не говоритъ противъ арамеизаціи населенія: этотъ процессъ происходитъ безпрепятственно мирнымъ путемъ.

Такимъ образомъ ассирійское завоеваніе объясняетъ намъ, почему въ старыхъ культурныхъ областяхъ средней Сиріи мы совсѣмъ не встрѣчаемъ арамейскихъ государствъ, т.-е. такихъ, гдѣ арамеи господствовали (что въ нашемъ историческомъ преданіи яснѣе всего сказывается въ именахъ князей); мы можемъ не удѣлять своего вниманія племенамъ, гнѣздившимся въ открытой мѣстности, такъ какъ они не имѣли никакого вліянія въ исторіи. Единственное большое арамейское государство, которое развилось въ одномъ изъ старыхъ культурныхъ центровъ средней Сиріи — Дамаскъ; находясь дальше всѣхъ интересующихъ насъ сейчасъ пунктовъ отъ Ассиріи, онъ позже ихъ подвергся нападенію ассирійцевъ (см. ниже, стр. 119)

Когда Ассурназирпалъ предпринялъ свой финикійскій походъ (877), Амкъ, плоскогорье, простиравшееся къ сѣверу отъ Антіохійскаго озера до отроговъ Тавра, былъ объединенъ въ государствѣ Патинеевъ. Въ Библіи эта мѣстность обозначается Падданъ-Арамъ, слѣдовательно, считается арамейской, но источникъ, сохранившій это названіе — позднѣйшій священническій кодексъ. Этимъ выражено только то, что населеніе здѣсь позже стало арамейскимъ. Что уже во времена Ассурназирпала здѣсь владычествовали арамейскіе князья, и государство было такимъ образомъ арамейскимъ, это кажется мало вѣроятнымъ: имена князей — не семитскія, пожалуй хеттскія, такъ что въ этомъ государствѣ мы должны видѣть плодъ хеттскаго завоеванія. Изъ ассирійскихъ надписей мы можемъ возстановить имена многихъ царей: Лубарна (или Либурна), во время Ассурназирпала, потомъ Сапалулме, Калпарунда, Лубарна II (умеръ въ 833 году, при Салманассарѣ II), Сурри (832), Сази (съ 832 года). Центромъ государства былъ Амкъ съ главнымъ городомъ Киналія. Все государство, какъ и всѣ эти пережитки хеттскаго времени, сохранило феодальную систему управленія, основанную на областномъ и племенномъ устройствѣ; отдѣльные князья, сообразно могуществу верховнаго царя, или были независимы, или подчинялись ему. Когда позже здѣсь появляется Тиглатъ-Палассаръ III, князья отдѣльныхъ округовъ выступаютъ самостоятельно, и государство Патинъ, очевидно, прекращаетъ свое существованіе. Вмѣсто него появляются Маркаси (теперешній Марашъ), Гургумъ, Унки (= Амкъ, прежній центръ государства), Сам'алъ, Яа'уди. Всѣ они постепенно подчиняются Ассиріи (стр. 64—68).

По своимъ размѣрамъ эти области напоминаютъ самыя незначительныя нѣмецкія княжества; „цари“ ихъ въ сравненіи съ ассирійскимъ являлись просто крупными собственниками, стоящими къ государству въ непосредственныхъ отношеніяхъ. Населеніе ихъ, мало-по-малу, сильно арамеизировалось, хотя это еще не доказываетъ господства арамеевъ. Наоборотъ, имена князей врядъ ли семитскія (Панамму, Каралъ; единственное семитское имя Азріяу изъ Яа'уди врядъ ли арамейское; оно хананейское, слѣдовательно принадлежащее къ до-хеттской эпохѣ); они даже находятъ аналогіи въ киликійскихъ собственныхъ именахъ и такимъ образомъ все еще являются хеттскими. Съ другой стороны распространеніе арамейскаго языка дѣлаетъ значительный успѣхъ. Здѣсь перестаютъ писать по-хеттски и начинаютъ прибѣгать къ арамейскому языку и алфавиту. Для состава населенія и дальнѣйшей судьбы древняго хананейскаго слоя любопытно то, что здѣсь также еще пишутъ по хананейски, „финикійски“, какъ это видно

на небольшомъ обломкѣ, найденномъ въ двухъ миляхъ къ западу отъ Сенджирли.

Свидѣтельства въ пользу арамейскаго языка и письма этой эпохи добыты во время раскопокъ германской восточной комиссіи въ Сенджирли въ Амкѣ, главномъ городѣ маленькой области Сам'алъ. Надписи составлены вассаломъ Тиглатъ-Палассара III — Баррекабомъ, сыномъ упоминаемаго Тиглатъ-Палассаромъ въ 738—733 гг. Панамму (умеръ, по надписи своего сына, въ 732 или 731 году, въ лагерѣ передъ Дамаскомъ, куда онъ поставлялъ войско, см. объясненіе таблицы при этой стр.) Надпись, немногимъ древнѣе этой, добыта въ 9 километрахъ къ в. отъ Сенджирли въ Герджинѣ и принадлежитъ Панамму-старшему, царю сосѣдняго округа Яа'уди. Эти надписи даютъ тексты на арамейскомъ языкѣ, древнѣйшіе изъ всѣхъ, которыми мы теперь владѣемъ. И то обстоятельство, что авторы ихъ теперь плохо справляются съ языкомъ и не знаютъ установившагося правописанія, даетъ основаніе думать, что мы имѣемъ дѣло съ первыми попытками въ этой странѣ писать по-арамейски. Но изъ этого ясно, что здѣсь уже говорили по-арамейски, что арамейскій міръ мирнымъ путемъ достигъ того, чего онъ не сумѣлъ сдѣлать силой.

Къ востоку отъ этой области лежитъ Алеппо. Въ ассирійскихъ надписяхъ нигдѣ не упоминаютъ о немъ, какъ о столичномъ городѣ особаго государства. Когда Салманассаръ II, во время своего перваго похода на Дамаскъ (854 г.; см. стр. 59), явился сюда, онъ приноситъ жертвы Хададу (Рамману), но ничего не говоритъ о политической зависимости города; можно было бы предположить, что Алеппо въ то время имѣлъ свое управленіе и являлся такимъ образомъ остаткомъ хананейско-хеттскаго государства. Въ эпоху сообщеній изъ Тель-Амарны мы находимъ въ этой мѣстности государство Нухаше, которое управляется такъ же, какъ и Патинъ. Его властелинъ пишетъ Аменготепу III, что его дѣдъ былъ поставленъ на царство Тутмосомъ III, а самъ онъ подвергается нападенію хаттовъ (стр. 111). Азири, аморей, говоритъ о царяхъ Нухаше; страна такимъ образомъ находится во власти нѣсколькихъ начальниковъ округовъ.

Къ югу отсюда господствующее положеніе занимаетъ Гаматъ — область между Алеппо и Дамаскомъ. Въ сообщеніяхъ изъ Тель-Амарны на ея мѣстѣ перечисляются города Ни, Катна, Кадешъ; въ двухъ первыхъ мы должны видѣть значительнѣйшіе города страны, Апамею и Хёмсъ (Эмэса) или ихъ предшественниковъ. Они находятся во власти хананейскаго и хеттскаго (до-хаттскаго; см. стр. 110) населенія. О Кадешѣ мы уже знаемъ, что онъ въ XII столѣтіи былъ столицей хаттовъ (стр. 111). Арамеи не могли и здѣсь сдѣлать никакихъ завоеваній. Поэтому въ государствѣ Гаматъ, вскорѣ послѣ этого собравшемъ подъ своею властью всю эту страну, мы видимъ державу, опирающуюся на смѣшанный хананейско-хеттскій слой населенія. Когда Саламанассаръ въ 854 году шелъ на Дамаскъ, среди „союзниковъ“ (на самомъ дѣлѣ вассаловъ) Биръ-Идри находился и Ирхулини, царь Гамата (см. выше, стр. 59). Послѣдній точно такъ же, какъ и остальные вассалы, вмѣстѣ съ перемѣной на тронѣ при Азаилѣ отложился отъ Дамаска и примкнулъ къ Ассиріи. Съ этого времени слухи о Гаматѣ исчезаютъ. Еще при Тиглатъ-Палассарѣ III встрѣчается Гаматъ, какъ ассирійское вассальное государство (стр. 65), и при Саргонѣ во время возстанія Яу'биди (см. выше, стр. 67) окончательно теряетъ свою самостоятельность.

в) Дамаскъ.

На югѣ область Гамата граничитъ съ областью послѣдняго большого города до пустыни. Въ эпоху сообщеній изъ Тель-Амарны Дамаскъ, наряду съ Гаматомъ, играетъ незначительную роль, хотя все еще упоминается, какъ вѣрный Египту (см. карту при стр. 10). Въ одно время съ царствова-

ніемъ Давида Дамаскъ неожиданно для насъ появляется въ роли столицы государства, возникшаго тоже въ періодъ безсилія большихъ державъ, но съ самаго начала находившагося въ рукахъ арамеевъ. И цари Дамаска были арамеями, и этотъ городъ всегда называется арамейскимъ. Это былъ единственный случай, когда арамеи были господами большого, опирающагося на древній культурный центръ, государства. Тутъ является возможнымъ говорить о чисто политической роли арамеевъ во всемірной исторіи.

Этой ролью Дамаскъ обязанъ своему положенію, охранявшему его въ теченіе долгаго времени отъ нападеній Ассиріи. Съ другой стороны, изъ всѣхъ культурныхъ центровъ онъ ближе другихъ лежитъ къ пустынѣ. Его значеніе и въ то время и теперь основалось на томъ, что онъ являлся исходнымъ пунктомъ караванныхъ дорогъ черезъ сирійскую пустыню. Поэтому, Дамаскъ — складочное мѣсто арабской и вавилонской торговли съ Сиріей и Палестиной. Онъ былъ такимъ образомъ большимъ сирійскимъ городомъ, который первый подвергся нападенію шедшихъ изъ пустыни арамеевъ и вслѣдствіе этого сталъ ихъ первой добычей. Уже среди сообщеній Тель-Амарны есть коротенькое донесеніе египетскому двору о грозномъ нашествіи арамейскихъ ордъ; неясно, откуда оно идетъ; но, по всей вѣроятности, его авторы находились гдѣ-нибудь въ области Сиріи. О наплывѣ арамеевъ и ихъ успѣхахъ свидѣтельствуетъ намъ то обстоятельство, что къ югу отъ Дамаска въ эпоху Саула и Давида существуетъ маленькое арамейское государство въ Собѣ (Арамъ-Соба) и Гешурѣ; послѣднее заходитъ даже въ область израильскую: здѣсь, между прочимъ, жилъ въ изгнаніи Аввесаломъ. Но они не имѣли значенія и были недолговѣчны. Отсюда недалеко до причиннаго сопоставленія двухъ явленій — процвѣтанія Дамаска и занятія его арамеями. Такимъ образомъ съ самаго своего возникновенія и до своей гибели Дамаскъ былъ созданіемъ арамеевъ, и съ точки зрѣнія его политическаго значенія въ немъ можно видѣть фокусъ арамейской исторіи.

Библія даетъ намъ первыя свѣдѣнія объ этомъ государствѣ. По нимъ, во времена Соломона Рецонъ, сынъ Эліада (это имя переводъ съ арамейскаго на еврейскій языкъ, вѣроятно первоначально звучало Табъ-елъ), пріобрѣлъ независимость отъ своего господина Хададъ-Эзера, царя Собы, завладѣлъ Дамаскомъ и отсюда распространилъ свою власть, какъ Давидъ изъ Хеврона. До сихъ поръ такимъ образомъ центръ арамейскаго движенія на Сирію находился въ Собѣ; завоеваніе Дамаска стало слѣдующей ступенью ихъ шествія и вмѣстѣ съ тѣмъ было ихъ самымъ крупнымъ успѣхомъ въ этихъ странахъ. Этотъ Рецонъ долженъ былъ находиться съ Соломономъ въ постоянной войнѣ; Галилея и восточно-іорданская область становятся съ этого времени предметомъ спора между Дамаскомъ и Израилемъ (см. израильскую исторію). Библія упоминаетъ и о ближайшихъ царяхъ Дамаска; но традиція довольно неясна и имена испорчены. Вѣроятнѣе всего, мы имѣемъ двухъ ближайшихъ князей: перваго Библія зоветъ Гезіонъ: должно быть, онъ звался Азаилъ; за нимъ слѣдуетъ Табъ-Риммонъ (или Табъ-елъ). Отъ нихъ намъ остались одни имена.

Со времени преемника ихъ Биръ-идри (Бенъ-хададъ въ библейской передачѣ) извѣстія становятся обильнѣе. При немъ (около 885—844 гг.) Дамаскъ является господствующимъ государствомъ Сиріи. Въ 854 Салманассаръ II напалъ на Биръ-идри. При разсказахъ объ этомъ онъ перечисляетъ государства, зависѣвшія отъ Дамаска и обязанныя подать ему помощь въ войнѣ. Это — Гаматъ, Израиль (при Ахавѣ; сюда присоединяются Моавъ и Іудея, какъ подчиненныя Израилю страны, и Эдомъ, какъ государство, подчиненное Іудеѣ), сѣверно-финикійскія государства къ сѣверу отъ Гебала (послѣдній не включенъ въ списокъ; Арвадъ — включенъ), Аммонъ, арабскія орды (упоминаются здѣсь въ первый разъ), подвластныя своему вождю Гиндибу (Гундубъ), Куэ (Киликія) — такимъ образомъ цѣлая

свита, представлявшая государство, о подобномъ которому раньше здѣсь и не слыхивали. Сраженіе при Каркарѣ прошло безъ всякаго успѣха для Салманассара (стр. 60). Точно также тщетно пытался онъ и въ послѣдующее время низвергнуть этотъ передовой редутъ Сиріи. Но до тѣхъ поръ пока Дамаскъ не былъ покоренъ, Ассирія не могла стать здѣсь твердой ногой; но въ то-же время для всѣхъ государствъ страны не представлялось никакой возможности присоединиться къ Ассиріи, даже если бы они желали этого, такъ какъ они всегда были доступны нападенію со стороны Дамаска, коль скоро вблизи не находилось ни одного ассирійскаго отряда. Мы можемъ прослѣдить такой ходъ вещей на исторіи Израиля (кромѣ ассирійскихъ извѣстій, мы не имѣемъ другихъ данныхъ); здѣсь всегда все пріурочивалось къ вопросу (см. стр. 81), чью сторону держать, Ассиріи или Дамаска. И лишь только Дамаскъ сдается Тиглатъ-Палассару, этотъ вопросъ перестаетъ быть руководящимъ въ политикѣ.

Въ крупныхъ размѣрахъ Дамасскаго государства, въ которыхъ оно появляется впервые въ это время, мы должны видѣть плоды усилій Биръ-Идри; еще въ позднѣйшее время у израильтянъ онъ и его наслѣдникъ Азаилъ считались представителями дамасской силы: для Амоса (I, 4) „дворцы Венадада“ знаменуютъ расцвѣтъ силы государства, тогда уже въ послѣдній разъ вмѣшавшагося въ израильскую исторію. До Салманассара о Дамаскѣ нѣтъ упоминаній. Пожалуй, изъ краснорѣчиваго молчанія о немъ Ассурназирпала въ разсказахъ о своемъ походѣ на Патинъ и дальше, мы можемъ заключить, что тогда существовала держава Биръ-идри, и ассирійскій царь избѣгъ поводовъ къ столкновенію съ нею. Поэтому назадъ онъ возвращается не черезъ Патинъ, и не идетъ дальше къ югу въ Финикію. Платящими дань онъ называетъ только тѣ финикійскія государства (за исключеніемъ Арвада), которыя Салманассаръ не занесъ въ число вассаловъ Дамаска. Если здѣсь могли существовать неустойчивыя отношенія, то во всякомъ случаѣ Ассурназирпалъ избѣгалъ нападеній на внутренную часть страны или даже только требованій дани. Этимъ объясняется молчаніе объ Израилѣ, который платилъ дань Дамаску (тогда по всей вѣроятности подъ властью Амрія), тогда какъ Тиръ напр. платилъ Ассиріи.

Библія разсказываетъ (Царствъ IV, 7) о смерти Биръ-идри въ одномъ изъ сказаній о пророкѣ Елисеѣ, но изъ этого разсказа неясно, какую роль игралъ въ этомъ событіи преемникъ Биръ-идри Азаилъ. Восшествіе его на тронъ (ср. стр. 60) сказаніе ясно связываетъ съ паденіемъ Омридовъ, слѣдовательно, съ большимъ іеговистическимъ движеніемъ въ Израилѣ и Іудеѣ, которое возвело на тронъ Іиуя. Такъ какъ Іиуй моментально подчинился Ассиріи, то отсюда можно заключить, что Ассирія приняла участіе въ этой большой революціи и попыталась, поднявъ возстаніе, подчинить въ собственной странѣ противника, котораго нельзя было побѣдить съ оружіемъ въ рукахъ (можно вспомнить при этомъ Эламъ въ эпоху Ассурбанипала; стр. 75, 106). Но если Азаилъ, пожалуй, могъ заигрывать съ Ассиріей въ мысляхъ обезпечить за собой престолъ, то лишь только онъ сталъ царемъ Дамаска, его интересы заставили его возстать противъ Ассиріи и попытаться снова вернуть прежнее могущество. И мы видимъ, что онъ сейчасъ же начинаетъ борьбу съ Салманассаромъ (842 г.). Но теперь существуетъ громадная разница въ ихъ отношеніяхъ, указывающая на то, какъ проводила свою политику ассирійская дипломатія; въ то время, какъ при имени Биръ-идри перечислялись всегда вассальные князья, теперь Азаилъ пишется одинъ; и въ то время, какъ до сихъ поръ ассирійцы всегда терпѣли пораженіе, на этотъ разъ они вторгнулись въ область самого Дамаска, и Азаилъ съ трудомъ могъ отбиться отъ нихъ только въ столицѣ. И остальные укрѣпленные города конечно не были взяты. Салманассаръ ограничился тѣмъ, что чисто по ассирійски опустошилъ всю доступную ему страну. И походъ 839 г. принесъ столь же незначительные результаты.

Послѣ этого Ассирія отказалась отъ дальнѣйшихъ попытокъ достигнуть здѣсь своей цѣли. Для государствъ, которые за это время мало-по-малу примкнули къ Ассиріи, и между ними для Израиля, пришли теперь плохія времена, потому что Азаилъ началъ снова подчинять ихъ своей власти. Они оказались въ неудобномъ положеніи, тѣмъ болѣе неудобномъ, что возвращеніе подъ власть стараго властелина означало отпаденіе отъ новаго и поэтому нужно было ожидать и бояться его мести. Положеніе между двухъ огней! (ср. стр. 81). Израильская исторія указываетъ намъ на бѣду, которой подверглось, благодаря этому, государство. Сказаніе хранитъ объ этомъ воспоминаніе, заставивъ Елисея горько оплакивать то несчастіе, которое принесетъ Азаилъ Израилю.

Преемникомъ Азаила былъ Мари; надписи Рамманъ-Нирари III сообщаютъ намъ о немъ. Кажется, о немъ же упоминаетъ Библія (Царствъ IV, 13, 25) подъ именемъ Бенхадада II. Онъ снова подвергся нападенію ассирійцевъ (806 или 805 (!); срвн. стр. 62) и долженъ былъ послѣ осады Дамаска сдаться. Тогда же успокоились остальные вассалы Ассиріи, и среди нихъ Израиль (о „Спасителѣ“, Царствъ IV, 13, 5; срвн. главу объ „Израилѣ“ стр. 200). Паденіе ассирійскаго могущества снова доставило освобожденіе Дамаску. Мы еще разъ встрѣчаемъ свидѣтельство о походѣ (773 г.) при Салманассарѣ III. Потомъ всѣ извѣстія о Дамаскѣ смолкаютъ до самаго появленія Тиглатъ-Палассара III: онъ начинаетъ новую войну и полагаетъ конецъ политической самостоятельности Дамаска.

Преемника Мари мы можемъ видѣть въ Табъ-елѣ; Библія (Исаіи 7, 6) называетъ его отцомъ Расона. Больше о немъ ничего неизвѣстно. Наши свѣдѣнія становятся обильнѣе съ его сына и наслѣдника Расона. Намъ извѣстно, что въ 738 г., при первомъ появленіи Тиглатъ-Палассара III, Расонъ еще числится платящимъ дань. Но очень скоро онъ отказывается отъ уплаты дани и возводитъ въ Самаріи на тронъ своего сторонника Факея (срвн. стр. 65), воспользовавшись возстаніемъ, которое сломило силы Факіи, сына вѣрнаго Ассиріи Менахема. Ихъ двухъ мы находимъ потомъ подъ стѣнами Іерусалима (Исаіи, 7). Они здѣсь затѣмъ, чтобы покорить Ахаза, который держался Ассиріи, и съ ея помощью надѣялся подчинить себѣ израильтянъ (735 г.). Но въ слѣдующемъ году царь появляется въ Палестинѣ. покоряетъ землю филистимлянъ, вынуждаетъ свергнуть въ Самаріи Факея въ 733 г., осаждаетъ и беретъ въ 732 г. Дамаскъ. Расонъ теряетъ и престолъ и жизнь, а Дамаскъ становится ассирійской провинціей.

Собственно на этомъ и кончилось покореніе Сиріи, такъ какъ серьезное сопротивленіе болѣе было невозможно. Возстаніе Яа'убиди въ Гаматѣ, державшемся до сихъ поръ за Ассирію, было безъ всякаго труда подавлено Саргономъ. Съ этихъ поръ Сирія находится подъ управленіемъ ассирійскихъ намѣстниковъ или ленныхъ князей, которые не могутъ проводить никакой самостоятельной политики.

B. Очеркъ культурныхъ условій въ Сиріи.

Сирійской культуры въ томъ смыслѣ, какой мы имѣемъ въ виду, говоря о вавилонской и египетской культурахъ, не существовало. Исторія свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что Сирія почти все время находилась между вліяніями двухъ великихъ культурныхъ странъ востока. Явно большое значеніе для Сиріи имѣла еще одна культура, малоазійско-хеттская; здѣсь ея вліяніе стало ощутительнымъ и обнаружилось какъ разъ въ то время, когда впервые проясняется мракъ, окутывавшій первоначальную исторію. На хеттскій періодъ вліянія падаетъ бо́льшая часть извѣстныхъ намъ до сихъ поръ памятниковъ. Но ясное представленіе о ходѣ внутренней эволюціи или отношеніяхъ трехъ культуръ въ ихъ взаимодѣйствіи — задача, которую должно рѣшить лишь весьма далекое будущее. Обстоя-

тельства этой исторіи, какъ и политической, здѣсь еще труднѣе для изслѣдованія, чѣмъ въ области государствъ Евфрата, такъ какъ въ Сиріи всегда господствовало мелкодержавье. Историку трудно составить общее представленіе, если бы даже онъ былъ въ состояніи удовлетворительно изучить необходимыя частности. И здѣсь мы пока должны удовлетвориться (и пожалуй еще на долго) установленіемъ двухъ, трехъ отдѣльныхъ фактовъ, случайно дошедшихъ до насъ. Мы имѣемъ (не такъ, какъ въ долинѣ Евфрата) въ хеттскихъ памятникахъ въ Сиріи свидѣтельства о такой культурѣ, съ которой на ея родинѣ въ Малой Азіи еще меньше возможно познакомиться, чѣмъ здѣсь. И то, что здѣсь мы можемъ считать хеттскимъ, есть плодъ дальнѣйшаго развитія на чуждой почвѣ, и притомъ развитія такой культуры, сущность которой для насъ доступна еще менѣе, чѣмъ особенности ея сирійской вѣтви.

Изслѣдователь тоскливо взираетъ на хеттскіе іероглифы, въ которыхъ все больше проступаютъ надписи; но всѣ старанія и все остроуміе оставались до сихъ поръ безъ вознагражденія. Матеріалъ сравнительно еще слишкомъ незначителенъ, чтобы дать ключъ къ разгадкѣ, которую дастъ болѣе обильный матеріалъ будущаго. Можно пожалуй утверждать, что въ основѣ этой системы письма лежатъ тѣ же принципы, что и въ клинописи и въ іероглифахъ: — главнымъ образомъ употребленіе особыхъ знаковъ для слоговъ и чаще встрѣчающихся понятій. Къ такому выводу приводитъ апріорное заключеніе уже просто по количеству знаковъ. До сихъ поръ для насъ ясны только ихъ внѣшнія очертанія. И они (оставляемъ въ сторонѣ ихъ форму) указываютъ на основное различіе отъ египетскаго и вавилонскаго письма (см. выше, стр. 109). Египтяне или вавилоняне выдалбливали или высѣкали на матеріалѣ буквы, а хеттскія надписи, извѣстныя намъ до сихъ поръ, въ подавляющемъ большинствѣ сработаны изъ камней въ формѣ горельефовъ (см. 1 фиг. табл. при стр. 115). Не стоитъ выводить заключеній о происхожденіи этого обычая изъ сравнительно позднихъ и найденныхъ на чуждой почвѣ свидѣтельствъ. Но если насѣченная клинопись есть вѣрная передача первоначально вдавленнаго въ глинѣ, то противоположный обычай указываетъ на другое происхожденіе. Нужно конечно обратить вниманіе на то, что мы имѣемъ дѣло до сихъ поръ только съ памятниками, и у насъ нѣтъ простыхъ документовъ, соотвѣтствующихъ вавилонскимъ глинянымъ таблицамъ и нашимъ бумагамъ, отъ которыхъ все-таки исходитъ письмо. Достойно вниманія и то, что этотъ пріемъ болѣе древнихъ арамейскихъ надписей на сирійской почвѣ (Сенджирли; см. стр. 116) наблюдается въ надписяхъ восьмого столѣтія, тогда какъ древнѣйшая открытая на хананейской почвѣ надпись — камень царя Меши моавитянина, современника Амрія — вырѣзана. Если въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ констатировать вавилонско-ассирійское вліяніе, то ясно что въ Сенджирли, на занятой когда-то хеттами землѣ, продолжаетъ дѣйствовать хеттскій обычай.

Если такимъ образомъ хеттская культура безъ сомнѣнія оказывала вліяніе, которое по временамъ равнялось вліяніямъ съ того берега Евфрата, то оно должно было быть значительнымъ и въ различныхъ неизвѣстныхъ еще намъ отрасляхъ культурной жизни. Самое важное свидѣтельство этого вліянія мы имѣемъ, пожалуй, въ кархемишской минѣ, которая отличалась у ассирійцевъ отъ туземной. Конечно не установлено, заимствованъ ли этотъ вѣсъ именно у хеттовъ. Но если это такъ, то значитъ глубоко шедшее хеттское вліяніе проникало и въ торговлю, и въ дѣловую жизнь, и поземельныя отношенія. Но уже отсюда видно, что хетты представляли не только господствующій слой населенія, но что здѣсь въ дѣйствительности жило населеніе, сохранившее свои національныя особенности и въ условіяхъ жизни новаго отечества самостоятельно развившее ихъ дальше. Если искусство, которое въ то время существовало только для богатыхъ и

знатныхъ и служило имъ, и мало касается покоренныхъ слоевъ, то хеттскіе мѣра и вѣсъ, разъ они были повсюду приняты и даже впослѣдствіи признаны ассирійскими владыками, должны показать, что населеніе Сиріи во всѣхъ своихъ слояхъ было или хеттскимъ или хеттизированнымъ. Такой выводъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы можемъ установить относительно религіозныхъ условій (стр. 123).

Мы не считаемъ хеттскимъ завоеваніемъ первое появленіе „хеттскихъ“ племенъ въ Сиріи, но мы должны принять, что вмѣстѣ съ ними и вслѣдъ за ними въ Сиріи осѣдали и другіе родственные народы. Завоеваніе Сиріи, о началѣ котораго мы знаемъ по сообщеніямъ изъ Тель-Амарны, совершило большое государство, которое имѣло и удерживало мѣстопребываніе и поддержку въ центральномъ пунктѣ своей культуры и могущества — въ Малой Азіи. Это завоеваніе аналогично ассирійскому, совершившемуся двумя столѣтіями позже; столь же мало, какъ послѣднее дало Сиріи ассирійское населеніе, первое — „хетто-хаттское“ превратило мѣстность до равнины Оронта въ „хаттскую“ страну; здѣсь рѣчь идетъ только о военной оккупаціи и чиновничьей эксплоатаціи. Если мы при этомъ въ населеніи еще девятаго и позднѣйшихъ столѣтій можемъ констатировать присутствіе хеттскихъ (не только хаттскихъ) элементовъ, то мы должны считать это въ такой же или еще большей степени результатомъ явленій, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ за этимъ завоеваніемъ. Толчекъ, данный хеттами, былъ лишь однимъ изъ толчковъ, сообщенныхъ этимъ великимъ переселеніемъ; возможно, что онъ былъ ощутительнѣе другихъ, но именно поэтому, его дѣйствіе не было продолжительнымъ. Точно такія же вторженія племенъ, однородныхъ съ тѣми, которыя наводнили государство хеттовъ въ мѣстахъ ихъ прежняго жительства и оставили тамъ новый слой населенія, должны были коснуться и хеттскихъ завоеваній въ Сиріи (стр. 113). Лишь только отдѣльныя страны, управлявшіяся туземными князьями или намѣстниками, становились независимыми отъ какой либо чужеземной власти, сейчасъ же оказывалось, что находившіяся до сихъ поръ въ зависимости области образовывали многочисленныя мелкія „царства“, враждовавшія между собой. Хеттское завоеваніе открыло страну шедшимъ за ними племенамъ; поэтому его результатомъ было то, что страна подверглась вліянію хеттовъ.

Въ такомъ же положеніи находились дѣла, когда арамеи немного позднѣе начали напирать съ юга. Результатомъ борьбы этихъ двухъ народныхъ переселеній, здѣсь столкнувшихся, было то, что на югѣ мы встрѣчаемъ больше арамейское населеніе, въ центрѣ — смѣшанное и на сѣверѣ хеттское по преимуществу. Оно организуется въ отдѣльныя небольшія государства, которыя сохраняютъ свою независимость до той поры, пока ихъ не подчиняетъ себѣ сильнѣйшая держава — Ассирія.

При такихъ отношеніяхъ не могла развиться особая сирійско-хеттская культура. Условія были слишкомъ непостоянны, перевороты совершались слишкомъ быстро для того, чтобы на сирійской почвѣ могло возникнуть что-нибудь особенное, что могло бы быть сопоставлено съ вавилонской культурой. То, что мы имѣемъ въ памятникахъ „хеттскаго“ искусства, сообразно этому довольно грубо. Конечно искусство такого незначительнаго провинціальнаго города, какъ Сам'алъ-Сенджирли, которому мы обязаны древнѣйшими скульптурами, не можетъ быть критеріемъ для оцѣнки высшей ступени хеттскаго искусства на сирійской почвѣ. Эти въ высшей степени примитивные памятники скульптуры, которыми позднѣйшая эпоха пользовалась просто какъ матеріаломъ для своего тоже недалеко ушедшаго художества, — памятники провинціальнаго искусства, располагавшаго незначительными денежными средствами. И по нему было бы ошибочно судить о положеніи хеттскаго искусства на его родинѣ и въ сирійскихъ государствахъ, находившихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. При этомъ не нужно забывать и того обстоятельства, что эти древнѣйшіе памятники,

которые возвратила намъ сирійская почва, хеттскіе, правда, но могутъ относиться еще къ эпохѣ, предшествующей хеттскому завоеванію.

Итакъ, мы не имѣемъ права произносить приговоръ всему хеттскому искусству, опираясь на эти грубые памятники. Едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что оно могло бы на сирійской почвѣ оказать такое большое вліяніе, если бы раньше на своей родинѣ не было болѣе развитымъ. Эти попытки не могли бы устоять противъ месопотамско-вавилонскихъ вліяній, если бы хеттскіе народы въ высоко развитой мало-азіатской культурѣ не имѣли защитницы и учительницы. Если хеттская культура существуетъ въ Сиріи до этого ново-ассирійскаго царства и кончается только съ прекращеніемъ всякой самостоятельности мелкихъ сирійскихъ государствъ и съ перемѣной въ составѣ населенія—этимъ результатомъ ассирійскаго нашествія, то и это доказываетъ развитіе отечественной культуры, которая могла выдерживать сравненіе съ месопотамско-вавилонской.

Если послѣ всего сказаннаго мы не можемъ видѣть въ сирійско-хеттской культурѣ масштабъ для сужденія о хеттской вообще, то она конечно въ теченіе 5—8-сотлѣтняго періода своего существованія не оставалась на одномъ мѣстѣ, а развивалась и прогрессировала: остается нерѣшеннымъ вопросъ, въ какой мѣрѣ она обязана этимъ своей родинѣ. Даже почва Сенджирли дала свидѣтельства болѣе высокаго искусства; позднѣйшая эпоха переработала старые, грубые каменные колоссы. Мы можемъ смотрѣть еще на памятники этой эпохи, какъ на чисто хеттскіе (конечно послѣ-хаттскіе; см. 2 рис. таблицы „Хеттскія древности“ при стр. 115). Что потомъ появляется въ Сенджирли, это уже болѣе не хеттское; оно относится къ арамейскому періоду; вѣдь Амкъ какъ разъ былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ слились хетты и арамеи.

Настоящаго сирійско-хеттскаго искусства нужно было бы искать въ Кархемишѣ, который очень долго сохранялъ за собой положеніе самаго значительнаго центра хеттской культуры. На самомъ дѣлѣ тутъ нашлись кое-какіе памятники. Но ихъ все-таки слишкомъ недостаточно для того, чтобы по нимъ судить о хеттскомъ искусствѣ. По большей части, это обломки, на которыхъ сохранились только надписи (см. 1 рис. таблицы при стр. 115). Отъ одной статуи (конечно, бога) сохранилась только нижняя часть. Спереди она представляетъ изображеніе въ рельефѣ, а задняя сторона, въ формѣ полуцилиндра, сохранила надпись. Выполненіе сухо; но здѣсь въ сущности то же самое, что и въ ассирійскихъ подобныхъ памятникахъ. Плита съ изображеніемъ царя или бога (см. 3 рис. таблицы при стр. 115) — единственный вполнѣ сохранившійся памятникъ этого искусства, но мѣсто его находки неизвѣстно, а отсутствіе надписи затрудняетъ сравненіе съ остальными памятниками.

Мы можемъ быть кратки, говоря о произведеніяхъ арамейскаго искусства. Покровъ незнанія оказываетъ имъ услугу. Въ расчетъ могутъ быть приняты только скульптуры послѣдняго періода Сам'ал-Сенджирли — статуя бога Хадада, статуя Панамму и рельефы дворца, воздвигнутаго его сыномъ, Баръ-Цуромъ (см. объясненіе къ прилагаемой таблицѣ). Въ выполненіи письменъ въ горельефѣ арамеи подражаютъ хеттамъ. Тутъ нечего искать чего-нибудь самостоятельнаго, и если бы не арамейскія надписи, то эти памятники вполнѣ сошли бы за хеттскіе. Больше ничего арамейскаго у насъ нѣтъ, не нашлось даже въ почвѣ страны, которая была болѣе арамейской, чѣмъ Сам'алъ VIII столѣтія. И ничто не доказываетъ намъ, что у арамеевъ былъ даръ внести въ культуру и духовную жизнь нѣчто самостоятельное. Подобно арабамъ, жившимъ за счетъ византійскаго и персидскаго развитія, арамеи жили вавилонской, ассирійской и „хеттской“ культурой.

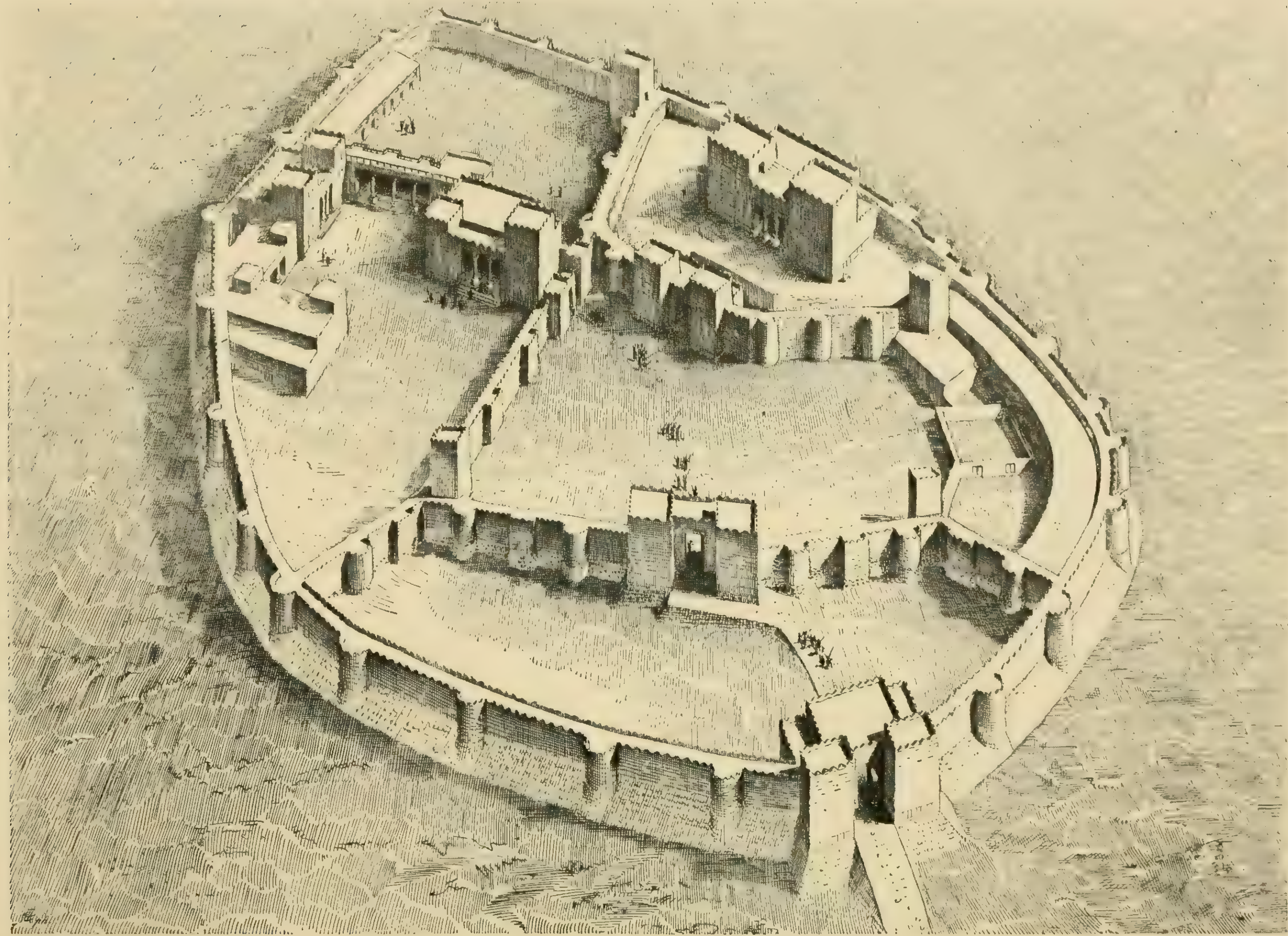
Единственныя открытыя до сихъ поръ раскопками Сирійскія руины, развалины Сенджирли, даютъ возможность сдѣлать кое-какія заключенія

объ архитектурѣ. Они даютъ картину одного Мигдола, городской крѣпости, которая была центромъ и мѣстомъ убѣжища жившаго вблизи незащищеннаго населенія, а позднѣе стала ядромъ обнесеннаго стѣнами города (см. таблицу „Городъ Сенджирли въ сѣверной Сиріи“). Въ выборѣ матеріала, кирпича, можно узнать вавилонское вліяніе (срав. стр. 39). Дальнѣйшія сопоставленія на основаніи нашихъ матеріаловъ приводятъ къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ мы пришли бы, если бы пожелали сравнить маленькій средневѣковый германскій городъ на восточной Эльбѣ съ древне-римской крѣпостью. Какъ единственный до сихъ поръ извѣстный намъ въ подробности городъ, онъ имѣетъ для насъ значеніе, какого никогда не имѣлъ городъ Сам'алъ въ государствѣ Ассура. Было бы преждевременно судить о расположеніи другихъ богатыхъ и сильныхъ сирійскихъ городовъ, очаговъ различныхъ ступеней культуры: Кархемиша, Іераполя (Маббогъ, Мембиджъ), Алеппо, Гамата, Дамаска и др.

Безъ дальнѣйшихъ разъясненій очевидно, что при такомъ положеніи дѣла не можетъ быть никакой рѣчи о томъ, чтобы дать картину духовной жизни, какая могла быть въ старой Сиріи. Само собой понятно, что и въ этомъ отношеніи Сирія, можетъ быть, находилась подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ то или другое время культурныхъ странъ и народныхъ теченій. Мы могли бы надѣяться получить нѣкоторые выводы о религіи во времена хеттскаго вліянія; но хеттскія надписи нѣмы для насъ: онѣ не открываютъ намъ даже именъ чтимыхъ въ Сиріи хеттскихъ божествъ.

Мы имѣемъ при такихъ условіяхъ только одинъ сравнительно крупный источникъ, проливающій свѣтъ на сирійскій культъ; это — приписанное Лукіану, но очевидно составленное какимъ-то сирійцемъ небольшое сочиненіе о культѣ „сирійской богини“ Деркето (такъ онъ транскрибируетъ это имя; въ греческой передачѣ употребляется точно также Атаргате) въ городѣ Іераполѣ, современномъ Мембиджъ (быть-можетъ, Папухъ египетскихъ надписей). Понятно, по такому позднему источнику немыслимо составлять представленіе о сирійскомъ культѣ хеттской или ранней эпохи. Не если мы могли утверждать, что хеттская культура оказывала продолжительное вліяніе въ сѣверной и средней Сиріи, то въ культѣ храма Деркето мы можемъ узнать ея переживанія позднѣйшихъ временъ. Господствовавшій здѣсь, какъ и въ мало-азіатскихъ обрядахъ, обычай галльства (скопчества), повидимому, имѣетъ свое начало въ Малой Азіи, и былъ введенъ въ Сирію хеттами или, по меньшей мѣрѣ, получилъ отъ нихъ свою форму. Если дальше на сѣверѣ Тешуба восточной хеттской группы мы отождествили съ Юпитеромъ Долихеномъ, богомъ съ двойнымъ топоромъ (стр. 113), то этимъ конечно еще не сказано, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ искони хеттскимъ. Тешубъ сопоставляется съ Хададомъ семитовъ. Такимъ образомъ это божество почиталось различными завоевателями въ различные вѣка подъ различными именами.

Еще большей смѣлостью было бы говорить о вѣрованіяхъ и религіозныхъ представленіяхъ арамеевъ. Нѣсколько названій божествъ въ позднѣйшей передачѣ, вотъ почти все, что можетъ служить матеріаломъ для выводовъ. Рѣзче всего арамейство проявилось въ южной Сиріи, а причины этого явленія лежатъ въ сравнительно слабомъ вліяніи хеттовъ, которому противодѣйствовало хананейство второго семитскаго переселенія. Если представленія хананеевъ и арамеевъ искони тождественны и если все сводится главнымъ образомъ къ различнымъ названіямъ однихъ и тѣхъ же понятій о божествѣ, то мы врядъ ли мы можемъ выдѣлять что-либо специфически арамейское, опираясь на преданіе той эпохи, которая уже давно не имѣла никакого понятія о народныхъ наслоеніяхъ и ихъ различіи. Если еще въ VIII вѣкѣ въ мѣстности Сенджирли можно констатировать присутствіе хананейскихъ элементовъ въ языкѣ (стр. 115), то въ этихъ



Исторія человѣчества. III. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Крѣпость Сенджирли въ сѣверной Сиріи.

(По сохранившимся остаткамъ возстановлено д-ромъ R. Koldewey.)

Объясненіе таблицы на оборотѣ.

Содержащій развалины крѣпости холмъ въ Сенджирли, теперь незначительной курдской деревнѣ около восточнаго подножья сѣвернаго Амана (Гяуръ-дагъ) въ сѣверной Сиріи, окружаетъ теперь почти плоская, отчасти вспаханная область города въ формѣ круга 720 метр. въ діаметрѣ. Укрѣпленіе состоитъ изъ двойного кольца, стѣны котораго отдѣляются одна отъ другой пространствомъ въ 7,3 метр. Трое воротъ самостоятельной постройки служатъ для доступа съ юга, запада и сѣверо-востока, будучи обращены: вверхъ на долину, на горный проходъ, внизъ на долину. Каждая изъ двухъ стѣнъ защищена сотней башенъ, изъ которыхъ 77 находятся на внѣшнемъ кольцѣ. Внутренняя крѣпостная стѣна построена въ 13-мъ, внѣшняя въ 8-мъ столѣтіи до Р. X. Изъ южныхъ главныхъ воротъ дорога идетъ сначала въ прямомъ направленіи, но потомъ, круто поднимаясь, сворачиваетъ влѣво къ воротамъ поперечной стѣны. Между находящейся рядомъ съ крѣпостной стѣной восточной частью этой поперечной стѣны и внутренней крѣпостной стѣной лежатъ казематы. На самой высокой части помѣстился, по перестройкѣ группы болѣе древнихъ зданій, верхній дворецъ. Западную часть склона холма занимаетъ нижній дворецъ. Онъ распадается на два главныхъ зданія, восточное и западное, и лежащую между ними въ сѣверной сторонѣ двора залу, которая на всемъ своемъ протяженіи выходитъ на югъ открытой колоннадой. Онъ построенъ въ эпоху Тиглатъ-Палассара III (745—727). Стѣны зданій сложены главнымъ образомъ изъ глиняныхъ кирпичей на фундаментѣ изъ каменныхъ плитъ. Въ нижнемъ дворцѣ жили князья Сам'ала, слуги великаго ассирійскаго царя. Здѣсь нашли надпись, въ которой Баррекубъ Баръ Панамму, царь Сам'ала, тщеславно разсказываетъ о возведеніи имъ заново великолѣпнаго дворца. Его дѣятельность падаетъ на 731—730 годы. Верхній дворецъ представляетъ мощь стараго времени около 900 г.; напротивъ, нижній — блескъ позднѣйшей эпохи, близкій къ паденію. При Ассаргадонѣ все крѣпостное сооруженіе постигла опустошительная катастрофа, послѣ которой оно мало по малу могло снова возникнуть лишь въ жалкомъ видѣ только $3^1/_2$ столѣтія спустя. Итакъ на помѣщенной на оборотѣ реконструкціи мы сразу обозрѣли главные результаты древняго сѣверно-сирійскаго строительства, обнимающаго періодъ въ цѣлое тысячелѣтіе (1300—300).

(По „Ausgrabungen in Sendschirli, ausgeführt und herausgegeben im Auftrage des Orient-Komités zu Berlin“; Berlin, 1895/98.)

названіяхъ двухъ-трехъ божествъ тамошнихъ надписей мы должны видѣть достояніе хананейское, до-арамейское, которое осталось нетронутымъ и въ періодъ хеттскаго вліянія; при этомъ вообще нужно имѣть въ виду, что чуждое вліяніе должно было сказываться въ большихъ культурныхъ центрахъ раньше, чѣмъ въ отдаленныхъ провинціальныхъ городахъ. Такимъ образомъ имя божества Элъ является достояніемъ хананеевъ и арамеевъ: Рекабъ — первоначально хананейское имя (хабирское), оно встрѣчается на югѣ Іудеи (племя рекабитовъ, срав. ниже, стр. 201). То же самое нужно сказать объ Яа'у: намъ оно любопытно, какъ названіе іудейское и первообразъ имени Іеговы. Арамейскимъ могъ быть только Хададъ, культъ котораго засвидѣтельствованъ, какъ самый важный въ Дамаскѣ. Его хананейская транскрипція — Рамманъ или Риммонъ, божество погоды и плодородія, ложно считающееся арамейскимъ.

8. Арменія.

А. **Древнѣйшія времена.**

Горная мѣстность, дающая начало истокамъ Евфрата и Тигра и возвышающаяся къ сѣверу отъ Месопотаміи и прилежащихъ горъ, звалась у древнихъ вавилонянъ Гутіумъ или Кути. До насъ не дошло никакихъ свѣдѣній объ этой странѣ изъ той эпохи, когда Вавилонъ еще былъ властелиномъ всей области Евфрата и не существовало Ассиріи. Но если въ позднѣйшую пору Гутіумъ получилъ свою культуру отъ Ассиріи, а послѣдняя должна была покорить эти горныя племена, если не пожелала стать ихъ добычей, то точно такія же отношенія должны были быть и въ предшествующее тысячелѣтіе. И разъ мы изъ постояннаго объединенія Анцанъ и Сури должны заключать, что область позднѣйшаго мидійскаго царства уже въ древне-вавилонскій періодъ дала мѣсто государству, то появленіе „царя Кути“ въ тѣхъ же таблицахъ предзнаменованій (стр. 44) можетъ доказывать то, что Арменія уже въ то время была объединена до извѣстной степени и потеряла уже несложную родовую организацію подъ вліяніемъ вавилонской культуры. Этотъ выводъ подкрѣпляется еще надписью „царя Кути“ (стр. 12) съ письменами и на языкѣ эпохи Саргона и Нарамъ-Сина; она относится къ посвященію храма богу солнца въ Сиппарѣ. Такимъ образомъ уже тогда Арменія находилась въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ вавилонской культурной областью, чѣмъ позднѣе Урарту съ Ассиріей, и очевидно стояла на болѣе высокой ступени культурнаго развитія, чѣмъ двумя тысячелѣтіями позже.

Мы не знаемъ, что за племена, и какой расы жили въ то время на горахъ, на которыхъ вавилонянинъ остановилъ ковчегъ своего Ноя (Хасисатры). Мы заключаемъ отсюда, что расцвѣтъ месопотамской культуры и ея распространеніе относятся къ незапамятнымъ временамъ, а въ послѣднемъ тысячелѣтіи, съ которымъ мы ближе знакомы, обнаруживается значительный упадокъ этой культуры по сравненію съ прежней высотой.

Б. **Сношенія съ Ассиріей.**

Болѣе точныя свѣдѣнія объ этихъ странахъ мы находимъ впервые въ надписяхъ ассирійскихъ царей, начиная съ Тиглатъ-Палассара I. Уже Салманассаръ I въ области между Тигромъ и Евфратомъ дошелъ до горной страны и, положивъ здѣсь основаніе ассирійскихъ колоній (стр. 51), создалъ надежную границу для Месопотаміи. Въ тѣхъ народахъ, которыхъ онъ подчинилъ своей власти, мы можемъ видѣть „хеттовъ“: вѣдь все это нашествіе означало только продолжавшійся процессъ изгнанія митани (стр. 47).

Такимъ образомъ здѣсь идетъ борьба между Ассиріей и хеттскими племенами. Съ этимъ выводомъ совпадаютъ и наши свѣдѣнія о томъ, что въ періодъ слабости Ассиріи послѣ Тукульти-Ниниба сюда, въ область, находящуюся подъ властью Ассиріи, направляется ближайшій по времени натискъ хеттовъ (стр. 53); его дѣлаютъ куммухи; противъ нихъ и долженъ былъ обратиться Тиглатъ-Палассаръ I.

Ассирійцы обозначали именемъ „страны Наири“ мѣстность, лежащую на востокъ отсюда, т. е. страну къ югу отъ озера Ванъ. Тиглатъ-Палассаръ, двигаясь изъ Месопотаміи, предпринялъ туда три похода и дошелъ до истоковъ Тигра, гдѣ онъ у истока теперешней Себене-Су приказалъ соорудить статую и надпись (стр. 53). Южная часть страны Наири, съ юга ограниченная отчасти Тигромъ, называется Кирхи. На востокѣ къ нимъ примыкаетъ Хубушкья; ея населеніе мы можемъ отнести къ восточной, мидійско-эламской группѣ; слѣдовательно хетты не заходили въ мѣстности, лежащія къ югу отъ озера Урмія. Съ предположеніемъ, что ихъ переселеніе идетъ въ массѣ съ сѣвера, т.-е. изъ Европы, совпадаетъ и то обстоятельство, что они находятся на западѣ и на югѣ отъ озера Ванъ. Одна группа проникла на востокъ отъ Вана: повидимому небольшое государство Муссасиръ (упоминанія о немъ встрѣчаются въ періодѣ IX—VIII столѣтій) было населено народомъ, принадлежавшимъ къ „урартейской“ хеттской группѣ. Къ этой же группѣ склонны относить еще государство Манъ къ юго-западу отъ озера Урмія. Такимъ образомъ Хубушкья и область на югѣ отъ Урмія были пограничной линіей, гдѣ сходилась восточно-хеттская группа племени съ мидійско-эламской.

Насколько глубоко мы можемъ заглянуть въ прошлое этихъ странъ, онѣ находятся въ томъ обычномъ состояніи, которое наступаетъ всегда за совершившимся переселеніемъ некультурныхъ племенъ. Нѣтъ никакихъ большихъ государствъ; если раньше они и существовали, то эти или еще болѣе ранніе набѣги народовъ уничтожили ихъ. Поэтому то ассирійскіе цари больше всего имѣютъ дѣло съ отдѣльными племенами, особенно въ Кирхи и Наири. Никогда не говорится здѣсь о какомъ-либо объединенномъ государствѣ.

Въ эпоху послѣ Тиглатъ-Палассара наступавшія на эти мѣстности съ сѣвера племена получили конечно свободу дѣйствія и свели на нѣтъ и безъ того незначительные успѣхи ассирійцевъ. Эти надвигающіеся варвары вновь овладѣваютъ областями, которыя колонизовалъ Салманассаръ I. Поэтому Ассурназирпалъ III долженъ былъ снова обезпечить для Ассиріи эту область (ея приблизительной южной границей была линія отъ Амида до Малатіи) и вновь укрѣпить старыя ассирійскія колоніи (стр. 58). Когда въ IX в. Салманассаръ II идетъ вновь противъ Арменіи и подвигается изъ подчиненныхъ Ассурназирпаломъ „странъ Наири“ къ сѣверу, онъ направляется на область царя Арама изъ Урарту. Его царство охватывало главнымъ образомъ мѣстность къ сѣверу отъ озера Ванъ. Ассирійцы напали на него съ западной и юго-западной стороны озера, на южной границѣ его страны, около рѣки Арсаніи (въ 857 году, см. стр. 61).

Потомъ въ теченіе нѣкотораго времени мало слышно объ Урарту, но къ концу царствованія Салманассара (833) упоминается о новомъ походѣ на Урарту, въ которомъ царь Урарту Сидури, должно быть, былъ разбитъ послѣ перехода рѣки Арсаніи (стр. 61). Отъ этого Сидури остались у подножья Ванской крѣпости двѣ надписи, разсказывающія о произведенныхъ имъ постройкахъ. Онъ называетъ себя тутъ „Сардури, сынъ Лутипри, царь Наири“. Надписи составлены еще по ассирійски, и даже рядъ царскихъ титуловъ копируетъ современные ассирійскіе титулы. Царемъ Урарту не называетъ себя ни онъ, ни кто либо изъ его преемниковъ, скорѣе всего это принятое ассирійцами обозначеніе по странѣ народа. Изъ этого обстоятельства мы должны заключить, что господство этого Сардури (I)

указываетъ на переворотъ въ Урарту: такъ какъ его отцу не придается царскій титулъ, а съ другой стороны ранѣе указывался другой царь въ Урарту, то его царствованіе знаменуетъ ростъ одного племени насчетъ многихъ другихъ, жившихъ въ Урарту еще въ родовой организаціи, не такъ давно переселившихся. Сардури — родоначальникъ царской династіи; во время ея правленія развилось могущественное государство, младшее изъ всѣхъ „хеттскихъ" царствъ. Въ немъ хетты въ послѣдній разъ успѣшно боролись противъ Ассиріи.

Территорія этого царства Урарту—область по озеру Ванъ (за исключеніемъ южнаго берега). На востокѣ оно простирается до Муссассира, маленькаго государства на юго-западѣ отъ озера Урміи, на сѣверо-востокѣ оно доходитъ до озера Гокча. Рѣка Араксъ пересѣкаетъ Урарту. Начиная съ Сардури, мы имѣемъ свѣдѣнія о рядѣ послѣдующихъ царей, по большей части, изъ ихъ же собственныхъ надписей, вплоть до индогерманскаго вторженія. Урарту, естественный противникъ Ассиріи, вступаетъ поэтому въ соприкосновеніе съ вавилонской культурой. Фактъ ассирійскаго посредничества немедленно выступаетъ передъ нами въ письменахъ, на которыхъ составляли свои надписи урартійскіе цари. Въ то время, какъ Сардури I еще приказывалъ писать по ассирійски, его преемники прибѣгаютъ къ туземному языку; но шрифтъ, послужившій образцомъ, былъ не вавилонскій, а ассирійскій. И въ титулахъ они слѣдуютъ ассирійцамъ. Само собой разумѣется, что эти цари брали изъ Ассиріи ученыхъ, въ которыхъ была нужда. Языкъ надписей поэтому ясенъ намъ; несмотря на это, до сихъ поръ не удалось еще проникнуть въ ихъ суть. Правда, въ нихъ (точно также, какъ и въ эламскихъ) можно понять часть содержанія, но этого слишкомъ мало для уразумѣнія строя языка. Можно ли думать, какъ это склонны дѣлать, что въ нѣкоторыхъ кавказскихъ языкахъ сохранились остатки этой лингвистической группы и слѣд. хеттской, рѣшеніе этого вопроса приходится предоставить изслѣдователямъ будущаго.

Мы не знаемъ, изъ какого родового округа происходила новая царская династія. Позднѣе столицей государства считалась Туспа (по ассирійски Туруспа) въ округѣ Біайна (современный Ванъ). Повидимому, она не была первоначально резиденціей царской фамиліи. Одна надпись (въ общемъ, испорченная), кажется, сообщаетъ, что Біайна еще при Испуинисѣ имѣла особаго царя; во всякомъ случаѣ мы должны видѣть въ немъ вассальнаго царя или леннаго князя округа. Вообще мы должны представлять себѣ, что государство возникло путемъ подчиненія отдѣльныхъ главъ округовъ и князей, причемъ цари опирались на сильную власть въ своемъ же округѣ. Овладѣвъ округомъ Біайна, они завладѣли и городомъ Туспа. Этотъ округъ не могъ быть покореннымъ только при Испуинисѣ, такъ какъ уже Сардури I воздвигалъ у озера Ванъ свои постройки.

Преемникъ Сардури — Испуинисъ, современникъ Шамши-Раммана (см. выше стр. 63), полководецъ котораго Мутарриссъ-Ассуръ въ походѣ на Наири имѣлъ столкновеніе съ Испуинисомъ. Съ этихъ поръ новое государство распространяется по направленію къ югу, слѣдовательно въ той области, черезъ которую прошли или которой завладѣли ассирійцы. Испуинисъ принялъ въ соправители своего сына Менуаса. Поэтому въ большинствѣ надписей этой эпохи идетъ рѣчь о нихъ обоихъ; такова напр. надпись въ Келишинскомъ проходѣ, нѣчто въ родѣ межевого знака на границѣ отнятой у Ассиріи области; въ этой надписи находится упомянутое только что сообщеніе о пріобрѣтеніи округа Біайна и Туспы, являющейся съ этихъ поръ столицей.

Преемникъ Менуаса — Аргистисъ I, который больше всѣхъ другихъ сдѣлалъ въ цѣляхъ расширенія предѣловъ своего государства. Онъ — современникъ Салманассара III и Ассурдана въ Ассиріи. Многочисленные походы перваго на Урарту (стр. 63), и то состояніе страны, о которомъ мы

узнаемъ позже, указываютъ на то, что Ассирія должна была вести оборонительную войну противъ нападеній Аргистиса. На скалахъ Ванской крѣпости въ восьми большихъ надписяхъ высѣчены извѣстія о побѣдахъ Аргистиса: это самая длинная изъ всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи урартейскихъ надписей. Въ ней сообщается объ успѣхахъ въ борьбѣ съ Ассиріей, о завоеваніи тѣхъ областей, которыя ассирійцы называли странами Наири, и странъ дальше до Мелитены, слѣдовательно тѣхъ мѣстностей, которыя уже находились въ тѣсной вассальной зависимости отъ Ассиріи.

Во время Тиглатъ-Палассара III сынъ Аргистиса, Сардури (II), который проникаетъ дальше по направленію къ Сиріи, является опорой всѣхъ западныхъ и восточныхъ государствъ, которыя пытались отпасть отъ Ассиріи. Хотя онъ расширилъ сферу своего вліянія до Арпада, но еще при немъ Урарту было вновь вытѣснено изъ Сиріи и даже подвергалось нападенію въ собственной странѣ (ср. стр. 65). Но если это обстоятельство указываетъ на уменьшеніе сферы политическаго могущества Урарту и всѣхъ примыкающихъ къ нему родственныхъ народовъ, то, разсматривая его съ этнологической точки зрѣнія, слѣдуетъ отмѣтить распространеніе родственныхъ племенъ и убыль семитскаго населенія въ этихъ сѣверныхъ странахъ, какъ результатъ урартейскаго движенія впередъ. Области между верхнимъ Тигромъ и Евфратомъ, которыя Салманассаръ I заселилъ ассирійскими колонистами, были снова потеряны, а ихъ ассирійское населеніе разбѣжалось, такъ что во время Ассаргаддона мы узнаемъ о новой и послѣдней попыткѣ колонизировать эти страны.

Слѣдующій царь Руса I при Саргонѣ пытается снова произвести нападеніе на Ассирію, гдѣ революція и династическій переворотъ 722 г. (стр. 67), казалось, благопріятствовали этой попыткѣ. Но вскорѣ онъ долженъ былъ въ собственной своей странѣ испытать все значеніе превосходства ассирійскаго оружія, и въ отчаяніи онъ лишилъ себя жизни въ 714 году. Съ его пораженіемъ сила Урарту была сломлена. Въ то же время Урарту при Аргистисѣ II подверглось нападеніямъ индогерманцевъ съ сѣвера; донесенія ассирійскихъ намѣстниковъ, сидѣвшихъ на сѣверной границѣ, въ періодъ 710—705 гг. сообщаютъ о тяжелыхъ пораженіяхъ, которыя нанесли этому государству индогерманскія племена (стр. 68). Эти дикіе пришельцы въ теченіе нѣкотораго времени жили на границѣ и въ областяхъ Урарту до тѣхъ поръ, пока, тѣснимые своими восточными сосѣдями, ашкуза и другими наступающими въ слѣдъ имъ племенами, они не подвигаются дальше на Западъ и не наводняютъ всю Малую Азію. Это случилось между 670 и 660 годами, слѣдовательно, надо думать, при одномъ изъ преемниковъ Аргистиса II: при Русѣ II, Эрименѣ или Русѣ III (стр. 76).

Изъ времени Русы III, современника Ассаргаддона и Ассурбанипала, передается довольно отчетливо только одинъ эпизодъ, проливающій свѣтъ на отношенія Урарту и ассирійцевъ въ той области, гдѣ сталкивались ихъ интересы, и открывающій просвѣтъ въ еще очень темной исторіи этихъ странъ. Это — не разъ упоминаемая область между верхнимъ Тигромъ и Евфратомъ, которую Салманассаръ I заселилъ нѣкогда ассирійскими колонистами, а Ассурназирпалъ вновь пытался закрѣпить за собою; но при нашествіи урарту эта область, понятно, вновь попала въ руки урартейскаго или имъ родственнаго племени. Подъ 674 годомъ Ассаргаддонъ разсказываетъ объ одномъ походѣ, который онъ предпринялъ противъ страны Хупрія съ цѣлью покорить одного князя, несомнѣнно урартейскаго происхожденія. Этотъ князь въ эпоху всеобщаго замѣшательства, войдя въ сношенія съ киммерійцами, попытался основать независимое государство и получилъ подкрѣпленіе со стороны бѣглецовъ изъ Ассиріи и Урарту, которыхъ онъ, конечно, съ умысломъ привлекалъ въ свою страну. На всѣ требованія Ассаргаддона и Русы выдать имъ ихъ подданныхъ онъ отвѣтилъ отказомъ, такъ

что Ассаргаддонъ, наконецъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ начать противъ него войну. Снова крѣпости страны были заняты ассирійскими колонистами (въ это время уже нельзя было и думать о дѣйствительномъ ассирійскомъ населеніи; рѣчь идетъ о колонистахъ, которые переселялись сюда изъ другихъ завоеванныхъ областей, ср. стр. 67), чтобы организовать ассирійскую провинцію. Уже нѣсколько лѣтъ спустя, въ 668—667 году, этотъ князь (или другой той же самой страны), опираясь на поддержку киммерійцевъ, сдѣлалъ попытку къ набѣгу на новую провинцію, но въ этой борьбѣ нашелъ свой конецъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что Ассирія и Урарту, связанныя общей опасностью, на этотъ разъ соединились: Ассаргаддонъ приказалъ выдать Русѣ всѣхъ урартейскихъ бѣглецовъ, которые нашли убѣжище въ Хупріи и попали въ его руки.

Послѣднимъ царемъ Урарту по всей вѣроятности былъ Сардури III; онъ добровольно подчинился Ассурбанипалу въ разсчетѣ найти въ немъ поддержку противъ индогерманскихъ племенъ (стр. 77). Но въ немъ врядъ ли можно видѣть что-либо больше призрачнаго царька, запертаго въ своемъ городѣ и въ открытомъ полѣ совсѣмъ безсильнаго. Мы не знаемъ, раньше ли урартейскій престолъ занялъ индо-германскій вождь или первые мидяне положили конецъ этому царству. Если мы обратимъ вниманіе на ростъ силы ашкуза въ этомъ промежуткѣ времени, то врядъ ли можно будетъ думать, чтобы эти союзники Ассиріи не укрѣпились здѣсь уже раньше (стр. 73). Съ этихъ поръ начинается смѣшеніе стараго населенія съ индо-германскими пришельцами, и отсюда образуется армянскій народъ.

9. Мидія и персы.

A. **Древнѣйшая Мидія.**

Изъ древне-вавилонскихъ надписей мы пока такъ же ничего не узнаемъ о древнѣйшемъ періодѣ Мидіи, какъ и объ Арменіи. Область между Эламомъ и Сури обозначается здѣсь Анцанъ; повелители Лагаша разсказываютъ о войнахъ съ Анцаномъ; намѣстникъ Дуръ-илу также сообщаетъ о побѣдѣ надъ ордами Анцана. Если мы помѣстимъ Анцанъ на сѣверѣ за Эламомъ, то восточной его границы нельзя установить; въ древнихъ предсказаніяхъ Анцанъ называютъ всегда вмѣстѣ съ Сури (стр. 12). Надписи въ старо-вавилонскомъ стилѣ изъ Загроса указываютъ на то, что здѣсь въ странѣ лулумеевъ уже въ древнѣйшую эпоху господствовало вавилонское вліяніе, а случайныя замѣтки ассирійскихъ царей говорятъ о томъ, что Вавилонъ въ теченіе нѣкотораго времени пользовался здѣсь гораздо большимъ политическимъ вліяніемъ, чѣмъ позже Ассирія. Иногда упоминаются города, какъ основанные еще въ древности вавилонянами. Въ области притоковъ Адхема ассирійцы владѣли провинціей Арпахъ. Возможно, что одно-два египетскихъ и вавилонскихъ извѣстія изъ ранней эпохи (2 тысячелѣтіе) должны относиться къ находившемуся здѣсь одноименному государству; однако ничего болѣе опредѣленнаго сказать нельзя.

Населеніе, очевидно, находится въ родствѣ съ населеніемъ Элама. Эта эламско-мидійская группа, восточные родичи которой теряются для насъ воココмракѣ срединной Азіи, на югѣ отъ озера Урмія примыкаетъ къ хеттско-урартейской группѣ; западныхъ представителей послѣдней мы находимъ въ Хубушкья. Въ ассирійскій періодъ, о которомъ мы имѣемъ коекакія извѣстія, въ этой области не возникли большія государственныя образованія; повсюду мы встрѣчаемъ только маленькія государства: на восточномъ берегу озера Урмія — Парсуа, на границѣ противъ вавилонской низменности Намри и другія меньшія (всѣ находятся сначала

подъ вавилонскимъ, а потомъ подъ ассирійскимъ вліяніемъ). Мы знаемъ объ Эллипи на эламской границѣ (стр. 94 пр.). Ассирійскія пограничныя провинцій, примыкающія къ пути, соединяющему два пункта: Арбэлу въ Ассиріи и Дуръ-илу въ Вавилоніи, окружаютъ собственную Мидію, въ которую ассирійцы никогда не проникали на болѣе или менѣе продолжительное время (см. карты при стр. 10, 55 и 88). На сѣверо-востокѣ страна ограничена „солончаковой пустыней." Отсюда текли орды внутренней Азіи, для которыхъ у вавилонянъ нашлось общее названіе „Умманъ-манда" (орды Манда). Они, понятно, обозначали этимъ названіемъ не принадлежность къ извѣстной расѣ, а дикость естественнаго состоянія. Такимъ образомъ среди этихъ умманъ-манда, о которыхъ говорится въ теченіе трехъ тысячелѣтій вавилонской культуры, находились представители различнѣйшихъ расъ, а также тѣ народы, которые, какъ мы знаемъ, владѣли Мидіей. И позже этимъ же именемъ называются и индо-германцы, мидяне и персы. И если бы вавилонская культура подверглась еще нашествію тюрковъ и монголовъ, подобныхъ которому она видала достаточно, такъ и эти народы тоже были бы названы „ордами Манда".

Пока здѣсь не развились большія государства, или пока мы не можемъ говорить о нихъ съ достовѣрностью, мы можемъ оставить безъ вниманія эту сумятицу народныхъ передвиженій съ скудными извѣстіями о столкновеніяхъ съ древними вавилонянами. Самая важная изъ всѣхъ ассирійскихъ попытокъ покоренія разсказывалась въ исторіи Ассиріи. Мидія интересуетъ насъ прежде всего какъ страна, гдѣ развилось государство, которое признано въ качествѣ подготовителя и предшественника персидской міровой державы.

Б. **Первые индогерманцы.**

а) Появленіе мидянъ въ западной Азіи.

Мидяне были первыми индогерманцами, появленіе которыхъ мы можемъ констатировать въ области занимающаго насъ передняго Востока. Они были также первыми, кто сдѣлался здѣсь господствующимъ племенемъ громаднаго государства, которое при персахъ владычествовало надъ всѣмъ Востокомъ, находившимся въ сферѣ вавилонской культуры (а быть-можетъ, и нѣсколько дальше). Исторія мидянъ такимъ образомъ — прологъ персидской. Поэтому можно говорить о появленіи индогерманцевъ въ области передняго Востока въ связи съ нею, тѣмъ болѣе, что появленіе персовъ стоитъ въ непосредственной связи съ появленіемъ мидянъ.

Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ вопросъ о родинѣ и переселеніяхъ индогерманцевъ, поскольку эти событія относятся къ доисторическому времени; насъ занимаетъ только появленіе извѣстныхъ индогерманскихъ племенъ въ теченіе исторически пріуроченнаго періода времени въ интересующей насъ области. Въ какихъ пространственныхъ и временныхъ отношеніяхъ стоитъ появленіе опредѣленныхъ племенъ къ великой индогерманской семьѣ народовъ, — вопросъ, который еще не можетъ быть разрѣшенъ при помощи наличныхъ историческихъ данныхъ. Ясно только то, что названіе мидянъ самое раннее названіе для тѣхъ племенъ, которыя въ области передняго Востока можно считать индогерманскими. Черезъ недолгій промежутокъ послѣ ихъ появленія, въ области озеръ Урміи и Вана, дѣлаются извѣстными идущія въ направленіи съ сѣвера къ югу выше неоднократно, упоминавшіяся индогерманскія племена; изъ нихъ извѣстнѣе киммерійцы. Спустя немного времени мы находимъ всю Азію съ Элама на востокѣ до Арменіи занятой индогерманцами. Откуда явились эти племена, которыя

составляя въ великой индогерманской семьѣ ясно распознаваемую болѣе тѣсную группу, могутъ быть по главнымъ ихъ представителямъ въ исторіи названы всѣ вмѣстѣ иранскими, съ востока-ли, и слѣдуетъ-ли поэтому установить ихъ связь съ индійской вѣтвью, или ихъ переселеніе скорѣе вышло изъ Европы, а если такъ, то каковы ихъ историческія отношенія къ индусамъ — все это еще не ясно.

Впервые названіе мидянъ „madai“ встрѣчается въ ассирійскихъ надписяхъ Салманассара II, который называетъ ихъ „amadai“ въ разсказѣ о своемъ походѣ 836 года въ Мидію между Намри и Парсуа (стр. 62), скорѣе во внутрь Мидіи, какъ разъ туда, гдѣ и позже было средоточіе ихъ мѣстопребываній. Съ этого времени мидяне упоминаются при Тиглатъ-Палассарѣ, Саргонѣ, Синахерибѣ и Ассаргаддонѣ, изъ которыхъ каждый прославляетъ себя за то, что получаетъ дань со старѣйшинъ мидянъ; при этомъ каждый обычно увѣряетъ, что никто изъ его предшественниковъ не проникалъ въ страну этихъ опасныхъ враговъ — „опасные“ прилагается къ мидянамъ, какъ epitheton ornans. Ассирійцамъ ни разу не удалось овладѣть Мидіей настоящимъ образомъ, но очень скоро Ассирія задрожала передъ мидянами. Изъ данныхъ мы видимъ, что рѣчь всегда идетъ объ отдѣльныхъ областяхъ (Саргонъ перечисляетъ ихъ множество), которыя находились подъ управленіемъ старѣйшинъ (и никогда царей) и должны были даже уплачивать дань, если ассирійское войско оказывалось поблизости, но во всемъ остальномъ не обращали на ассирійцевъ никакого вниманія. О Мидійскомъ царствѣ пока совершенно нѣтъ рѣчи.

б) Киммерійцы.

Прежде, чѣмъ констатировать возникновеніе у мидянъ сложившейся государственной власти, мы должны прослѣдить, какъ появлялись одно за другимъ у озеръ Вана и Урміи остальныя индогерманскія племена. Уже въ концѣ царствованія Саргона киммерійцы нападаютъ на Урарту и наводняютъ государство, наполовину сломленное въ своемъ могуществѣ Ассиріей. Мы высказали предположеніе (на стр. 69), что насильственная смерть Саргона, быть-можетъ, является результатомъ пораженія, нанесеннаго киммерійцами ассирійскимъ войскамъ. Это пораженіе отозвалось эхомъ на всемъ востокѣ и засвидѣтельствовано радостной пѣснью, связанной съ именемъ Исаіи (14,4—21). Въ эпоху народныхъ движеній въ Арменіи совершенно переносятъ насъ вопросы Ассаргаддона Солнечному божеству, изъ которыхъ можно заключить, что Ассирія боялась пришельцевъ и съ трудомъ обороняла отъ нихъ свои границы. Киммерійцы назывались въ области Урарту — сапарда, въ области Мана при Урміи — ашкуза и дальше просто мидянами; это — покоряющія все племена, которыя разбойничаютъ вездѣ, гдѣ могутъ, и готовы идти со всякимъ, кто обѣщаетъ имъ выгоды. Настоящая картина переселенія народовъ.

Мы видимъ, какъ уже при Ассаргаддонѣ ассирійскіе дипломаты стараются извлечь пользу изъ безцѣльнаго передвиженія отдѣльныхъ племенъ, натравливая ихъ одно на другое. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ киммерійцы стали въ концѣ концовъ одно съ Урарту. Во всякомъ случаѣ изъ этой страны они переняли враждебное отношеніе къ Ассиріи, въ то время какъ ашкуза, въ большею частью дружественномъ въ прежній періодъ ассирійцамъ Манѣ, дали себя Ассиріи склонить къ союзу и пошли противъ киммерійцевъ, своихъ западныхъ сосѣдей. Въ вышеупомянутыхъ вопросахъ оракула спрашиваютъ между прочимъ о томъ, нужно ли отдать въ жены царю ашкуза Бартатуѣ требуемую имъ дочь Ассаргаддона. Политика слѣдующаго времени показываетъ, что его желаніе должно было быть исполнено (стр. 73); Ассаргаддонъ, какъ нѣкогда Саргонъ въ Табалѣ, теперь старается привязать къ себѣ домъ варварскаго князя и такимъ образомъ об-

разовать пограничную стражу изъ самихъ же своихъ враговъ. Сынъ Бартатуи Мадья (стр. 78) у Геродота именуется царемъ „скиѳовъ“, которые пришли на выручку осажденной Кіаксаромъ Ниневіи. Съ тѣхъ поръ Ассирія находится въ союзѣ съ ашкуза. А люди, которыхъ Геродотъ или его источникъ называетъ скиѳами, врагами киммерійцевъ (см. въ IV томѣ), — наши ашкуза. Они прогнали на западъ враждебныхъ Ассиріи киммерійцевъ. Ассаргаддонъ яко-бы самъ побилъ киммерійцевъ; тутъ идетъ рѣчь конечно о незначительномъ успѣхѣ, такъ какъ киммерійцы вообще напирали на Ассирію менѣе, чѣмъ на Малую Азію.

Вмѣстѣ съ этимъ началось великое передвиженіе киммерійцевъ, которые отчасти уничтожили малоазіатскія государства (Фригія), отчасти совершенно ихъ наводнили; Лидія была опустошена, и удержались только Сарды. Теперь мы понимаемъ, почему Гигесъ, на котораго киммерійцы напали (недалеко отъ Галиса), искалъ помощи въ Ассиріи: ея провинціи здѣсь и въ Киликіи лежали недалеко отъ его границъ (стр. 76). Потомъ киммерійцы въ теченіе нѣкотораго времени опустошали Малую Азію до тѣхъ поръ, пока ихъ могущество не было сломлено и они не подчинились собравшимся вновь силамъ культурныхъ народовъ. Одинъ изъ князей (быть-можетъ, царей), Дигдамисъ [1] извѣстенъ изъ классическаго преданія; іонійскіе города должны были страдать отъ набѣговъ дикихъ ордъ, и разрушеніе Магнезіи нашло отголосокъ въ стихахъ Архилоха. Этотъ Дигдамисъ, упоминаемый въ надписи Ассурбанипала, по классическому преданію, нашелъ свой конецъ въ Киликіи (быть-можетъ, въ гомеровской Киликіи въ области Трои); его преемникомъ былъ его сынъ Сандакшатра. Судьба киммерійскаго нашествія — судьба первыхъ волнъ переселенія народовъ. Оно разлилось постепенно по далекимъ областямъ, и остатки его были уничтожены лидянами. Ардисъ, сынъ Гигеса, былъ въ состояніи возстановить лидійское царство. Если дѣло не дошло до образованія одного государства подъ властью индогерманцевъ, то все-таки старое хеттское населеніе Малой Азіи, точно такъ же, какъ и Арменія, благодаря этому вторженію, были сильно затронуты индогерманскими элементами и подверглись ихъ вліянію.

Классическое преданіе знаетъ еще объ одномъ народѣ, изъ надписей до сихъ поръ неизвѣстномъ,—„трерахъ“, которые шли вмѣстѣ съ киммерійцами. Такимъ же образомъ, въ союзѣ съ киммерійцами или шествуя по ихъ слѣдамъ, вторглись въ Малую Азіи сапарда, которые названы рядомъ съ ними еще при озерѣ Ванъ. Съ этихъ поръ и въ Библіи (Сефарадъ) и въ надписяхъ персидско-селевкидскаго времени Сапарда употребляется для означенія населенія внутренней Малой Азіи (Фригія и прилежащія страны). Можно принять, что за громаднымъ киммерійскимъ авангардомъ послѣдовали дальнѣйшія толпы.

Благодаря уходу киммерійцевъ и своему союзу съ Ассиріей, ашкуза сдѣлались господами положенія въ Арменіи: у Геродота они являются, какъ „скиѳы“ которые прогоняютъ киммерійцевъ. Геродотъ сообщаетъ о нихъ, что послѣ побѣды надъ мидянами, о которой у него сейчасъ же слѣдуетъ упоминаніе, они въ теченіе 28 лѣтъ господствовали надъ „Верхней Азіей“, доходили въ своихъ походахъ до египетскихъ границъ, гдѣ Псамметихъ откупался отъ нихъ золотомъ. Возвращаясь затѣмъ, они разрушили по пути Аскалонъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ повтореніемъ киммерійскаго шествія, совершеннымъ союзниками ассирійцевъ черезъ ассирійскія области (отъ Киликіи до Палестины). Это „господство скиѳовъ“ по Геродоту было сломлено мидянами, когда послѣдніе осадили Ниневію, и Мадья, сынъ Бартатуи, поспѣшилъ на выручку своего союзника Синъ-

[1] Такъ нужно читать его имя въ клинописной передачѣ (Дугдамме). Рукописное преданіе, вспоминая объ имени извѣстнаго тирана съ Наксоса, дѣлаетъ изъ него Лигдамиса.

шаръ-ишкуна (ср. стр. 78). Потомъ Кіаксаръ разсѣялъ эти полчища и сталъ властелиномъ завоеванной скиѳами области, т.-е. странъ отъ озера Урміи до пограничной лидійской рѣки Галиса. Такимъ образомъ это царство ашкуза было предшественникомъ владычества, мидянъ, и послужило къ тому, чтобы подготовить ихъ власть надъ „верхней Азіей".

в) Первое столкновеніе мидянъ съ Ассиріей.

До сихъ поръ мидяне жили отдѣльными областями и родами на мидійскомъ плоскогорьѣ и областяхъ къ востоку отъ озера Урміи, никогда не подчиняясь Ассиріи настоящимъ образомъ. Вопросы, заданные Ассаргаддономъ оракулу, рисуютъ намъ этотъ народъ точь-въ-точь въ такомъ же положеніи, какъ киммерійцевъ и ашкуза: они угрожаютъ ассирійскимъ границамъ и по временамъ даже овладѣваютъ отдѣльными провинціями. Они ясно выступаютъ на ряду съ двумя первыми, какъ третья группа. Привлекши на свою сторону ашкуза, ассирійцы нашли у нихъ защиту не только противъ сидѣвшихъ на западѣ киммерійцевъ, но и на востокѣ противъ мидянъ. Понятно, что мидяне стали естественными врагами ашкуза. Непрерывная борьба съ этимъ государствомъ, окрѣпшимъ при поддержкѣ отъ Ассиріи, навела мидянъ на мысль объединиться, чтобы не подвергнуться одинаковой съ киммерійцами судьбѣ. Мы должны принять еще во вниманіе, что союзъ съ Ассиріей и свойство съ ассирійскимъ царскимъ домомъ возвышали Бартатую до положенія настоящаго царя. Эта объединяющая организація давала отвѣтъ на вопросъ, почему ашкуза, первымъ изъ индогерманцевъ-пришельцевъ, удалось образовать государство въ то время, какъ киммерійцы на своемъ опустошительномъ пути нигдѣ не могли стать твердой ногой.

До сихъ поръ мы еще не имѣемъ изъ надписей никакихъ сообщеній объ этихъ событіяхъ; извѣстно, что Геродотъ связываетъ первое объединеніе мидянъ съ именемъ Дейока. Одинъ изъ тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Геродотъ при составленіи исторіи мидянъ, недавно оказался вполнѣ достовѣрнымъ, и поэтому можно было думать, что дѣйствительно мидійскій царскій домъ считаетъ своимъ родоначальникомъ Дейока; но все, что можно утверждать о немъ, носитъ печать наивныхъ представленій о возникновеніи царской власти и совершенно недостовѣрно. То обстоятельство, что въ болѣе поздніе времена Экбатана была столицей мидійскаго царства, даетъ возможность думать, что объединеніе отдѣльныхъ родовъ вышло отсюда. Все, что разсказывается о продолжительности царствованія Дейока и о его преемникѣ, очевидно, не достовѣрно.

По этимъ разсказамъ, его преемникомъ былъ Фраортъ. Ему приписывается покореніе персовъ. Послѣ этого новое мидійское царство должно было бы простираться отъ Персиды (включая Эламъ и Сузу) до границъ ашкуза. Съ такими силами Фраортъ предпринялъ нападеніе противъ Ассиріи, которое, по предположенію, падаетъ на время правленія двухъ преемниковъ Ассурбанипала. Геродотъ говоритъ (I, 102), что Ассирію въ то время покинули ея „союзники": подразумѣваются ли подъ ними ашкуза, которые уже въ то время начали разграблять и ассирійскія провинціи? Фраортъ, должно-быть, палъ, во время этого похода.

г) Мидяне при свѣтѣ исторіи.

Сыномъ и наслѣдникомъ Фраорта былъ Кіаксаръ. Съ нимъ мы вступаемъ на достовѣрную историческую почву. Онъ разрушилъ Ниневію и, разгромивъ акшуза сталъ дѣйствительнымъ основателемъ мидійскаго царства. Его борьба съ Ассиріей указываетъ на то, что и Мидія (если мы можемъ принять преданіе о Фраортѣ, то уже при немъ) вмѣстѣ съ ростомъ

единообразнаго управленія, ищетъ союза съ культурнымъ государствомъ, слѣдуя примѣру ашкуза. Мидія заключила союзъ съ Вавилономъ, вернувшимъ свою самостоятельность при Набопаласарѣ, и поддержала его въ возстаніи противъ Ассиріи. Поэтому мы видимъ оба эти государства въ союзѣ. Подобно правящимъ домамъ Ассиріи и ашкуза, роднятся между собой мидійскій и вавилонскій путемъ женитьбы Навуходоносора на дочери Кіаксара.

Заключивъ союзъ, Набополассаръ и Кіаксаръ въ 608 или 607 г. напали на Ассирію. Вавилонія овладѣла Месопотаміей, но Ниневія была осаждена только Кіаксаромъ, который, по выраженію Геродота, „хотѣлъ отомстить за своего отца". Мадья, царь ашкуза, поспѣшилъ на помощь, но былъ уничтоженъ со своимъ войскомъ. Кіаксаръ сталъ властелиномъ странъ, простирающихся до рѣки Галиса, а Ассирія лишилась своихъ послѣднихъ вспомогательныхъ отрядовъ. Войны при Евфратѣ рѣшаются отнынѣ индогерманскими варварами точно такъ же, какъ и позднѣе войны Рима. Побѣда мидійско-вавилонскаго союза была полная. Объ установленіи границъ обоихъ союзниковъ сказано въ главѣ объ Ассиріи (стр. 78); Кіаксаръ занялъ страну къ сѣверу отъ Тигра, и его государство (см. карту „Ассирія съ 745 г., Нововавилонское царство и Мидія", при стр. 88) простиралось теперь отъ Элама до Галиса — возрожденное государство „Анцана и Сури".

Государства, подобныя мидійскому, все время несутъ впередъ войну, пока они жизнедѣятельны. Дружественнаго отношенія къ новому сосѣду при Галисѣ, Лидіи при царѣ Аліаттѣ, поэтому не могло быть. По Геродоту (I, 74), война продолжалась пять лѣтъ съ перемѣннымъ счастьемъ до тѣхъ поръ, пока не было заключено перемиріе послѣ той самой битвы, когда произошло извѣстное предсказанное Ѳалесомъ затменіе (597). Благодаря предстательству Навуходоносора и царя Киликіи Сіннезія было заключено перемиріе, а затѣмъ миръ. И въ этомъ случаѣ дружественныя отношенія были закрѣплены брачнымъ союзомъ: Астіагъ женился на дочери Аліатта.

B. **Персы.**

а) Предварительныя условія перемѣны.

Итакъ, передняя Азія была подѣлена между тремя господами. По обычному ходу вещей возникалъ вопросъ, кто изъ трехъ положитъ конецъ существованію двухъ другихъ. Но тутъ вышло иначе. Всѣ три царя или, лучше сказать, мидяне, которые, какъ завоеватели, выдвигались на первый планъ, съ двумя другими сохраняли мирныя отношенія до тѣхъ поръ, пока не пришелъ тотъ, кто забралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Любопытно отмѣтить, что варвары мидяне дѣйствительно соблюдали свои договоры съ Вавилоніей и Лидіей и оставались вѣрными дружбѣ, закрѣпленной брачными союзами. Измѣнились отношенія къ Вавилоніи только тогда, когда домъ Набополассара лишился престола, а на тронъ вступилъ вавилонянинъ (см. выше, стр. 89). Астіагъ, который наслѣдовалъ въ это время Кіаксару, сейчасъ по восшествіи на тронъ Набунаида (555) вторгнулся въ Месопотамію и осадилъ Харранъ. Полусонный Набунаидъ едва ли могъ спасти Вавилонію; но переворотъ въ Мидіи далъ ему небольшую отсрочку. Астіагъ подвергся нападенію у себя дома и низложенъ своимъ „вассаломъ" Киромъ; верховная власть надъ мидійскимъ царствомъ перешла въ руки персовъ.

Не нужно считать страннымъ такой неожиданный переворотъ, совершившійся въ нѣдрахъ государства, охватывающаго жизнедѣятельныя но не цивилизованныя племена; его нужно ждать всякій разъ, когда въ этомъ непрерывномъ расширеніи наступаетъ періодъ покоя, какъ это было

съ Мидіей со времени мира съ Лидіей. Подобные государственные союзы могутъ только покорять, но не существовать, и если персидское царство было болѣе устойчивымъ, то это случилось только потому, что оно приняло соотвѣтствующія культурныя формы, подчинивъ себѣ даже древнія культурныя государства.

Насколько легко мы можемъ нарисовать передъ собой общія причины такого переворота, настолько темно и неясно говоритъ имѣющееся въ нашемъ распоряженіи преданіе объ отдѣльныхъ дѣяніяхъ лицъ и народовъ. Преданіе Геродота принимаетъ, что Фраортъ подчинилъ персовъ, и они при Кирѣ низложили мидійскій царскій домъ. Мы знаемъ, что мидяне и персы — племенные родичи; и ихъ равноправность въ персидской монархіи доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что новые завоеватели признавали мидійское владычество; былъ отстраненъ только царскій домъ, и знать обоихъ народовъ находилась во взаимномъ общеніи. Дарій несомнѣнно былъ персомъ, т.-е. отпрыскомъ благороднаго сословія того индогерманскаго племени, которое во времена возникновенія мидійскаго царства селилось въ Персидѣ, къ востоку отъ Элама. Затрудненія сосредоточиваются въ выясненіи вопроса о личности Кира. Очевидно, что ахеменидская традиція и исходящая изъ нея геродотовская версія завѣдомо утверждаютъ невѣрно, когда выставляютъ Кира родичемъ ахеменидовъ. Цѣль подобнаго вымысла ясна: онъ долженъ былъ доказать законное право на престолъ; Киръ и Камбизъ дѣлались такимъ образомъ вполнѣ законными царями персовъ. Въ своей большой бехистанской надписи Дарій даетъ соотвѣтствующую генеалогію, перечисляя своихъ предковъ: Гистаспъ, Арсамъ, Арьяминъ, Теиспъ, Аіарамъ. Теиспа и Киръ называетъ своимъ предшественникомъ въ той надписи, которая была послѣ завоеванія Вавилона была составлена тамъ. Въ этой надписи онъ называетъ въ числѣ предковъ Камбиза и Теиспа, но пропускаетъ Ахемена. По всей вѣроятности, не было никакого родства между этими двумя династіями: его измыслили придворные генеалоги, чтобы выставить Дарія законнымъ преемникомъ Камбиза. Построенный позже памятникъ съ надписью „Я — Царь Киръ, Ахеменидъ“ имѣетъ конечно ту же цѣль. Киръ очевидно ровно ничего не зналъ о своемъ предкѣ Ахеменѣ.

б) Киръ.

Теперь передъ нами вопросъ, кто же былъ Киръ? Въ упомянутой выше надписи Киръ называетъ себя царемъ Анцана, и также точно своего отца и дѣда. Мы должны критически сопоставить его надпись съ надписью, составленной немного раньше при Набунаидѣ, такъ какъ послѣдняя даже писалась одними и тѣми же авторами. Въ ней Анцанъ — вавилонское названіе; кромѣ того во всякомъ случаѣ Анцанъ есть также названіе одной мидійской провинціи при Синахерибѣ. Во всякомъ случаѣ этимъ терминомъ указывается, что Киръ былъ княземъ мидійской области и, какъ таковой, считался вассаломъ Астіага, какъ выразительно именуетъ его Набунаидъ. Безъ сомнѣнія мы, не станемъ искать въ Кирѣ какого-нибудь князя изъ стараго населенія, нѣтъ, мы будемъ считать его принадлежащимъ къ знати новыхъ арійскихъ поселенцевъ: можно оставить безъ отвѣта вопросъ, персъ онъ или мидянинъ; онъ теряетъ значеніе, разъ онъ сталъ княземъ. Неразрѣшеннымъ остается также, какая область принадлежала ему и каковы были размѣры его владѣній. Набунаидъ называетъ его „маленькимъ“ вассаломъ великаго мидянина, быть можетъ, только для обозначенія противоположенія великому царю. Можно было бы принять, что Киръ владѣлъ самыми далекими восточными частями странъ, примыкающихъ къ Анцану, и если только принять во вниманіе болѣе позднее значеніе Сузіаны, то ею, или областями, которыя находились въ ея непосредственномъ сосѣдствѣ.

При всемъ томъ остается вопросъ, какимъ образомъ возстаніе Кира является тождественнымъ побѣдѣ персовъ, мѣстопребываніе которыхъ было гораздо дальше къ востоку; что это было такъ, кромѣ извѣстныхъ сказаній Геродота говорятъ также позднѣйшія условія и замѣчательное изложеніе въ вавилонской хроникѣ, занимающейся событіями этой эпохи. Хроника называетъ Кира до завоеванія Экбатаны и до низложенія Астіага только „царемъ Анцана", но послѣ „царемъ Персіи (Парсу)". Если Киръ на самомъ дѣлѣ (какъ этого хочетъ хроника) воспользовался персами для своихъ цѣлей, то они признавали его своимъ княземъ. Подчинились ли персы мидійскимъ царямъ еще раньше, какъ говоритъ Геродотъ, или они въ то время только впервые появились на фонѣ исторіи этихъ странъ, Киръ долженъ былъ понять, что для достиженія своихъ цѣлей ему нужно было воспользоваться въ борьбѣ противъ своего властителя силами народа, еще не втянувшагося въ область мидійскаго господства. Хроника сообщаетъ, что Кіаксаръ былъ свергнутъ во время возмущенія своихъ людей и выданъ Киру. Это сообщеніе согласуется до нѣкоторой степени съ извѣстіемъ, по которому Астіагъ погибъ во время заговора. Набунаидъ въ своей надписи говоритъ еще о побѣдоносныхъ войнахъ Кира съ Астіагомъ. Хотя многое во всей этой исторіи остается неяснымъ, однако мы можемъ считать твердо установленнымъ, что Киръ — все равно, персъ онъ или нѣтъ -- только при помощи персидской силы могъ низложить мидійскій царскій домъ. Вотъ и весь смыслъ этой революціи. Такъ какъ сами мидяне тоже принимали участіе въ заговорѣ, то ихъ положеніе осталось неизмѣнившимся, и они на ряду съ персами въ послѣдующее время явились господствующимъ народомъ. Разницы между персидской и мидійской знатью не существовало; разница между обоими народами существовала приблизительно въ такой же степени, какъ между двумя нѣмецкими племенами. Этой перемѣнѣ династій можно было отыскать аналогію въ переходѣ власти надъ нѣмецкой имперіей отъ саксонцевъ къ салійцамъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Киръ называетъ себя только царемъ персовъ, такъ какъ онъ долженъ же былъ дать предпочтеніе тому народу, на чьи силы онъ опирался. Не въ далекомъ будущемъ онъ сдѣлается чѣмъ то бо́льшимъ и доставитъ и персамъ и мидянамъ положеніе господствующаго на всемъ востокѣ народа.

Послѣ того, какъ въ 550 г. Киръ взялъ Астіага въ плѣнъ, его царство дошло до лидійской границы. Является вопросъ, какой городъ сталъ считаться столицей новаго царства, вмѣсто Экбатаны. Если обратить вниманіе на то, что старались выставить Ахеменидовъ, какъ законныхъ наслѣдниковъ Кира, то нужно принять, что вначалѣ столицей были Сузы. Киръ становился, такимъ образомъ, наслѣдникомъ древнихъ эламитскихъ притязаній на господство надъ востокомъ.

Повелитель новаго персидско-мидійскаго государства во внѣшней политикѣ уже нашелъ тѣ же отношенія, которыя были установлены по миру между Аліаттомъ и Мидіей; такимъ образомъ, Персія вмѣстѣ съ Лидіей и Вавилоніей должна была дѣлить господство надъ переднимъ востокомъ. Но въ то время, какъ Набунаидъ, докапывался до древнихъ документовъ и строилъ храмы, лидіецъ Крезъ узналъ объ измѣнившемся положеніи дѣлъ и угрожавшей ему опасности и попытался поднять востокъ противъ новаго врага. Онъ получилъ порядочно обѣщаній и никакой значительной поддержки и былъ разбитъ раньше, чѣмъ его союзники, именно египтяне, могли подняться въ походъ (въ 547 или 546 г., см. въ IV томѣ). Малоазійскіе греки раздѣлили участь своихъ господъ. Киръ сталъ властителемъ Малой Азіи и могъ теперь обратиться противъ новаго противника, который ждалъ помощи скорѣе отъ своихъ грандіозныхъ укрѣпленій, чѣмъ отъ своей энергіи. Въ 539 г. вавилонское царство перестало существовать. Теперь Киръ становился властителемъ всего передняго востока, ибо отдѣльныя про-

винціи думали теперь столь же мало о сопротивленіи, какъ при гибели Ассиріи.

Мы не знаемъ, какъ далеко на востокѣ простиралась власть Кира, и можно безъ разсужденій принять, что она имѣла тѣ же размѣры, какъ при Ахеменидахъ, такъ что племена, жившія до Яксарта и до Гедрозіи, подчинялись ему.

Извѣстенъ разсказъ о смерти Кира въ 530 г., въ битвѣ съ дикимъ народомъ на восточной границѣ своей страны, по ту сторону Яксарта (въ поясѣ „тюркскихъ племенъ", гдѣ бродили другія, не индогерманскія толпы).

в) Камбизъ; маги и знать.

Преемникомъ Кира былъ его сынъ Камбизъ, который по занятіи Вавилона управлялъ имъ, какъ вице-король. О немъ мы немного лучше освѣдомлены, чѣмъ объ его отцѣ: греческія свѣдѣнія о немъ всецѣло находятся подъ вліяніемъ искажающей истину ахеменидской легенды, какъ она сложилась уже въ Бехистанской надписи Дарія (см. стр. 133).

Изъ отдѣльныхъ событій его царствованія только Геродотъ передаетъ о занятіи Египта въ 525 г., которое было повтореніемъ ассаргаддонова завоеванія (стр. 74). Сообщеніе конечно восходитъ къ египетской точкѣ зрѣнія. Камбизъ, благодаря своему характеру, совершенно не поладилъ съ тамошнимъ жречествомъ, часто насмѣхаясь надъ религіозными убѣжденіями египтянъ, и даже убилъ новоявленнаго Аписа, возвращаясь съ безрезультатнаго похода въ Нубію. По всѣмъ даннымъ можно думать, что онъ былъ просто легко возбуждающійся человѣкъ, который вмѣсто важной серьезности восточнаго деспота проявилъ наивную нетерпимость невоспитаннаго дикаря по отношенію къ нравамъ покоренныхъ имъ культурныхъ народовъ и часто проявлялъ свои капризы надъ тѣмъ, что ему казалось глупостью. Намъ извѣстно еще, что Поликратъ, самосскій тиранъ и властитель на этомъ островѣ греческаго архипелага, подчинился Камбизу.

Въ Египтѣ Камбизъ получилъ извѣстія о возстаніи лже-Бардіи, повидимому, „мага", нѣкоего Гауматы. За событіями этого періода мы можемъ слѣдить пока только по ахеменидскимъ надписямъ. Былъ ли онъ только Ти'ле Колупъ или онъ былъ роднымъ братомъ Камбиза? Во всякомъ случаѣ Персія, Мидія и всѣ остальныя страны признали его власть. Мы въ состояніи опредѣлить время его царствованія (522) на основаніи нѣкоторыхъ датированныхъ документовъ изъ Вавилоніи. У Камбиза противъ него было только войско. Онъ поспѣшно собрался въ путь, но на дорогѣ лишилъ себя жизни собственной рукой, какъ сообщаетъ объ этомъ Дарій. Намъ неясны основанія и поводы; поступокъ могъ быть результатомъ чисто личнаго душевнаго состоянія.

Мы не знаемъ, кого собственно нужно понимать подъ „магами", и въ не поддающихся провѣркѣ ахеменидскихъ надписяхъ не можемъ найти твердой отправной точки для сужденія объ отношеніяхъ новаго властителя къ народу и къ прекратившемуся дому Кира. Очевидно, что его власть была признана повсюду (у персовъ и у мидянъ — тоже) и находила сильную поддержку въ народѣ. Это указываетъ на противодѣйствіе народныхъ массъ обусловленной покореніемъ великихъ культурныхъ странъ эволюціи въ ходѣ вещей, благодаря которой племена, бывшія до сихъ поръ свободными, оказывались подъ властью царя и знати. Кромѣ того, это обстоятельство подтверждается тѣмъ, что Бардія облегчилъ податную повинность и пошелъ противъ притязаній жречества, находившихъ благосклонный пріемъ у Кира.

Теперь мы должны высказаться по поводу возвышенія Ахеменидовъ. Преданіе выставляетъ его дѣломъ знати; при этомъ не нужно ду-

мать, что вся знать должна была въ немъ принимать участіе: нѣтъ, бывшая во власти знать просто могла стать въ мирныя отношенія къ новому царю.

Дарій съ шестью своими помощниками напалъ на Бардія-Гаумата въ одномъ замкѣ, неподалеку отъ Экбатаны, и убилъ его. Царемъ провозглашенъ теперь Дарій. Ему удалось упрочить свою власть, значитъ его предпріятіе должно было уже съ самаго начала имѣть извѣстную поддержку. На его сторону стала Атосса, сестра и супруга Камбиза, пытавшаяся устранить Бардію. Она стала женой Дарія и была первой персидской царицей, которая играла вліятельную роль въ политическихъ дѣлахъ.

Мы уже выяснили, что Дарій не находился ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ къ Киру и его потомству и, слѣдовательно, послѣдній ни въ какомъ смыслѣ не былъ Ахеменидомъ (см. выше, стр. 133). Ясно, почему утверждаетъ истину противоположнаго мнѣнія о Даріи связанная съ его именемъ легенда: онъ желаетъ считаться законнымъ наслѣдникомъ стараго царскаго дома. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что Киръ былъ дѣйствительнымъ создателемъ громадной персидской державы. Его личность представляетъ всѣ данныя для того, чтобы стать героемъ саги, въ особенности на Востокѣ, который всегда готовъ обоготворить за успѣхъ. Выскочка Дарій, кромѣ поддержки, которую онъ находилъ, въ связанной съ нимъ интересами знати, нуждался еще въ преданіи, которое пріобрѣло бы ему уваженіе народа. Киръ долженъ былъ быть для персидской легенды тѣмъ же, что былъ Давидъ для израильской; и подобно тому, какъ первая попытка возстановленія Іудеи послѣ изгнанія не могла обойтись безъ отпрыска дома Давида, такъ точно владыка персидскаго государства долженъ былъ оправдать свои притязанія ссылкой на происхожденіе отъ Кира, домъ котораго считался носителемъ власти въ новомъ міровомъ царствѣ.

г) Появленіе національно-персидскаго востока.

Былъ ли Киръ персомъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ себя царемъ восточныхъ культурныхъ странъ и проявлялъ себя имъ. Точно также Камбизъ по своему положенію вице-царя Вавилона долженъ былъ приспособляться, хотя это, быть можетъ, и противорѣчило его темпераменту. Господство Кира и Камбиза оказывалось, такимъ образомъ, благопріятствующимъ тому, чтобы новые завоеватели пошли по проторенной дорогѣ, по которой прошло столько племенъ и на которой они потеряли свою національность, растворяя ее въ вавилонствѣ или другихъ культурахъ. Киръ въ большинствѣ случаевъ сохранялъ старыя отношенія и надѣлялъ только своихъ людей свободными землями. Такимъ образомъ, возникло преданное ему сословіе знати, которое очень скоро должно было пойти по тому же пути дальнѣйшаго развитія, что и завоеватели прежнихъ вѣковъ.

Поэтому должно было возникнуть противоположное теченіе въ тѣхъ частяхъ государства, которыя, находясь вдали отъ цивилизаціи, все же были хранилищемъ военной мощи: въ восточныхъ провинціяхъ и прежде всего въ Персидѣ. Дворянству этихъ странъ грозила участь потерять свою долю въ громадной добычѣ. Благодаря тому перевѣсу, который былъ на сторонѣ ихъ товарищей по сословію въ западныхъ провинціяхъ, владѣвшихъ благами культуры, для нихъ возникала опасность стать въ подчиненное положеніе, которое должно было очень скоро низвести ихъ изъ ранга членовъ господствующаго сословія на степень подчиненныхъ. Это была та знать, которая воспользовалась случаемъ, предоставленнымъ ей интермедіей мнимаго владычества маговъ, чтобы обезпечить свое господство. Этотъ переворотъ далъ ей предлогъ обратить свои стрѣлы не противъ царства Кира (въ сущности, ихъ предпріятія и были направлены

противъ его политики), но противъ незаконнаго правительства. Ихъ предпріятія имѣли въ виду возвышеніе нецивилизованнаго востока за счетъ запада и господствующаго класса, уже подпавшаго вліянію древне-восточной культуры.

Если персы со времени Кира были включены въ составъ государства и ихъ знать, подчиняясь условіямъ получала свою долю въ добычѣ на ряду съ знатью других народовъ, то теперь она получаетъ первенствующее мѣсто. Только благодаря предпріятію Семи новое государство оказалось во власти дѣйствительно индогеманской. Киръ прежде приспособлялся къ существовавшимъ отношеніямъ, теперь выступаетъ на первый планъ индивидуальность завоевателей. Этотъ протестъ индогерманскаго или персидскаго духа, какъ мы можемъ опредѣлить его послѣ этой побѣды, противъ политики Кира выразился уже чисто внѣшнимъ образомъ въ употребленіи персидскаго языка въ оффиціальныхъ надписяхъ; онъ нашелъ дальнѣйшее выраженіе въ возвышеніи Персеполя на степень резиденціи, на ряду съ Сузой, которую Киръ выбралъ столицей своего государства, примыкавшаго по традиціямъ къ старымъ преданіямъ (стр. 134). Наконецъ, онъ выражается въ значеніи арійскаго культа Ормузда, считающагося религіей господствующаго народа, государственной религіей, въ противоположность политикѣ Кира, который давалъ перевѣсъ религіознымъ воззрѣніямъ и установленіямъ западной половины царства.

д) Авеста.

Тотъ востокъ, который одержалъ теперь побѣду надъ западомъ, въ нашихъ представленіяхъ окутанъ мракомъ неизвѣстности: все, что мы знаемъ о немъ, идетъ изъ эпохи конца персидской державы, эпохи походовъ Александра. Этотъ востокъ собственно и есть родина арійцевъ, т.-е. область, гдѣ интересующія насъ въ настоящее время племена нашли себѣ широкое распространеніе и развили стремленія своего народнаго духа. Естественными границами служатъ на востокѣ долина Инда, а дальше на сѣверѣ горы, отдѣляющія ее отъ внутренней Азіи.

Объ особенностяхъ духовнаго склада этихъ индогерманскихъ племенъ мы лучше всего можемъ судить по Авестѣ. Книга, которая обращается теперь подъ этимъ названіемъ, въ настоящемъ видѣ составлена только при Сассанидахъ и только тогда возведена въ кодексъ остановившейся въ развитіи государственной религіи. По своей формѣ, содержащей старыя составныя части (именно, Гаты, древнѣйшія пѣсни) и благодаря своему возведенію въ канонъ, Авеста можетъ быть сопоставлена съ Библіей и ея значеніемъ для іудейства. То, что дошло до насъ, это только часть одного потеряннаго грандіознаго труда, который въ своей совокупности для арійскихъ народовъ былъ приблизительно тѣмъ-же, чѣмъ Веды для индійскихъ племенъ.

Авеста — священная книга религіи Ормузда, официальной религіи персидскихъ царей, которая конечно еще не подверглась тому развитію, результаты котораго на лицо въ кодексѣ Сассанидовъ. Ахемениды, являются представителями востока противъ принимающаго старые культы запада, заявляя, что они остаются при религіи своихъ отцовъ и ей отводятъ первое мѣсто. Они и персы поклонялись Ормузду, и надписи Дарія и его преемниковъ ничего не знаютъ о другихъ богахъ. Въ этомъ проявляется сознаніе единства съ арійскими народами востока и контрастъ съ господствующимъ западомъ.

Если Авеста въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, къ своей эпохѣ находится въ тѣхъ-же отношеніяхъ, въ какихъ книга Левитъ къ іеговистамъ или Малахія къ Амосу, то представляется необходимымъ различать родину этой Авесты и старую Персію, исповѣдывавшую ту же ре-

лигію, которая была исходнымъ пунктомъ развитія, имѣющагося на лицо въ Авестѣ. Авеста написана на діалектѣ, правда, близкомъ къ діалекту древне-персидскихъ надписей, но принадлежащемъ другой области. Поэтому родину Авесты мы должны отодвинуть дальше на востокъ. Историческія событія, объясняющія ея авторитетъ, для насъ крайне темны; на ея складѣ отразился и блескъ персидской державы, господствующимъ народомъ которой были арійцы. Иранская сага говоритъ какъ разъ объ этомъ, повѣствуя о старомъ бактрійскомъ царствѣ, которое просуществовало цѣлыя столѣтія, ведя борьбу съ восточными племенами, туранцами; здѣсь при одномъ изъ царей „Вистаспѣ“ появился пророкъ Заратустра. Имя этого царя едва ли случайно является и именемъ отца Дарія. Здѣсь довольно ярко подчеркивается значеніе и отблескъ славы персидской державы для далекаго востока, если сага тамъ заставляетъ царствовать отца главы персидской династіи. Такъ выражается восточная сага, если она хочетъ сказать: тотъ востокъ, гдѣ родилась религія и возникла ея кодексъ, есть родина народа, владычествующаго надъ востокомъ. Если сага даетъ такое объясненіе и, быть-можетъ, даетъ намеки для опредѣленія духовной и культурной жизни, создавшей Авесту, то все-таки, несмотря на это, детали этого процесса, и именно самый фактъ, что Авеста при Сассанидахъ была сдѣлана высшимъ религіознымъ сводомъ, для насъ очень неясны. Быть-можетъ, старая арійская религія, входя на западѣ въ соприкосновеніе съ его культурой, подпала вліянію послѣдней, и вражда къ господству парѳянъ, которые давали просторъ этому вліянію, должна была почерпать силы также съ востока?

e) Дарій.

Киръ создалъ персидскую державу; персидскую власть, т.-е. владычество еще не тронутой культурой знати востока, въ этомъ государствѣ обосновалъ Дарій (по лат. Darius, по перс. Dârayavausch), но новое правительство не могло быть упрочено сразу. Во всѣхъ большихъ провинціяхъ вспыхнули возстанія, которыя должны были быть подавлены прежде, чѣмъ новый властелинъ со своими товарищами могъ насладиться своимъ успѣхомъ. Повсюду повстанцы ссылались на древнія царства, нѣкогда существовавшія въ провинціяхъ, и старались выставить себя истинными наслѣдниками прежнихъ династій. Дарій въ своей громадной Бехистанской надписи разсказываетъ объ этихъ мятежахъ и ихъ подавленіи. Въ Сузѣ нѣкій Атрина пытался найти поддержку въ старомъ эламскомъ населеніи и стремился вызвать къ жизни старое Эламское царство. Персидское войско очень скоро положило конецъ его предпріятіямъ. Дольше продержался Нидинту-Белъ, который въ Вавилонѣ былъ признанъ за Навуходоносора (III); изъ эпохи его правленія до насъ дошли датированные документы. Въ самомъ зародышѣ было подавлено второе возстаніе въ Сузіанѣ подъ предводительствомъ Мартія, который назвался Уммани, царемъ Сузы. Опаснѣе другихъ было возстаніе въ Мидіи. Здѣсь Фраортъ, въ дѣйствительности, быть-можетъ, отпрыскъ старой царской династіи, объявилъ себя царемъ и былъ признанъ имъ восточными сосѣдями Мидіи, гирканцами и парѳянами. Послѣ неоднократныхъ неудачныхъ нападеній на него персидскаго войска, самъ Дарій, наконецъ, взялъ его въ плѣнъ. Почти одновременно съ этимъ началось возстаніе въ Вавилонѣ при второмъ лже-Навуходоносорѣ, въ Арменіи, Маргіанѣ (Мервъ), Персидѣ, на далекомъ востокѣ, гдѣ появился новый лже-Бардія, и среди племени сагартіевъ. Въ этихъ послѣднихъ мятежахъ мы имѣемъ дѣло съ противодѣйствіемъ арійскаго народа вновь созданной власти персидской знати. Повстанцы находились приблизительно въ тѣхъ же отношеніяхъ къ владычеству Дарія, въ какихъ былъ не задолго передъ тѣмъ онъ и его сторонники къ дому Кира.

На Западѣ во время потрясеній государства у намѣстниковъ провинцій всегда было очень сильно желаніе отказаться отъ признанія новаго правительства и объявить себя независимыми. Такъ сдѣлалъ Ороетъ, сатрапъ Сардъ; Дарій устранилъ его путемъ убійства. Вскорѣ послѣ этого былъ устраненъ столь-же подозрительный Аріандъ, поставленный еще Камбизомъ сатрапомъ Египта. Требованія подчиненія повидимому были предъявлены Карѳагену, (см. ниже въ исторіи Карѳагена), однако безъ всякаго успѣха, хотя интересы Карѳагена, во время проявившейся вскорѣ вражды къ эллинству, заставляли его слѣдовать политикѣ, до извѣстной степени аналогичной персидской.

Геродотъ, въ разсказахъ котораго несомнѣнно и здѣсь нашли выраженіе офиціальныя сообщенія персидскаго правительства, представляетъ Дарія создателемъ совершенно новой, упорядоченной системы правленія для новаго царства, вмѣсто существовавшаго до него своевластія, подобно Карлу Великому — законодателемъ по собственной своей иниціативѣ. До Дарія царю предлагались дары, съ этихъ поръ — разъ опредѣленная подать. Само собою разумѣется, что персы переняли систему управленія у вавилонянъ, а тѣ — у ассирійцевъ; подать, конечно, твердо устанавливалась во всѣ времена, въ этой главнѣйшей сферѣ отношеній подданства Дарій не дѣлалъ измѣненій. Единственная разница между персидскими сатрапами и ассирійскими намѣстниками заключается въ болѣе значительномъ размѣрѣ сатрапій: это было результатомъ отчасти расширенія предѣловъ державы, отчасти наличнаго числа участвовавшихъ въ управленіи знатныхъ родовъ. Вполнѣ естественно, что по восточному представленію Дарій, доставившій власть персамъ, считается создателемъ и формы правленія. А что касается до его роли въ реформѣ своего управленія, то она въ общемъ сводится къ тому, что онъ замѣстилъ всѣ важныя должности своими „благородными“ сторонниками, имѣя въ виду доставить имъ такимъ образомъ выговоренную долю въ добычѣ съ общихъ предпріятій. Разница противъ прежнихъ порядковъ заключалась теперь въ томъ, что теперь были устроены большія сатрапіи, въ то время, какъ Киръ еще имѣлъ дѣло съ маленькими ассирійскими округами. Въ этомъ и въ проведеніи здѣсь необходимыхъ мѣропріятій и состояла организація Дарія.

Точно также нельзя утверждать, что положеніе населенія государства измѣнилось въ чемъ-либо противъ прежняго. Народъ изнуряли поборами все еще при непосредственномъ участіи мѣстныхъ властей, на которыя была возложена забота о собираніи податей. Персидское управленіе существовало только для надобностей сатрапіи точно такъ же, какъ при ассирійцахъ[1], и даже еще болѣе исключительнымъ образомъ, а въ управленіи общинъ и въ важныхъ хозяйственныхъ вопросахъ все оставалось при прежнихъ мѣстныхъ организаціяхъ.

Съ этой поры мы уже не имѣемъ подъ руками туземныхъ историческихъ свидѣтельствъ и должны опираться только на греческое преданіе; поэтому мы имѣемъ данныя только о событіяхъ на Средиземномъ морѣ, т.-е. о войнахъ съ греками и Египтомъ или о тѣхъ которыя ихъ посредственно касались. Явленія общаго характера, обусловившія исторію Персіи, поэтому не могутъ быть опредѣлены, Мы можемъ себѣ представлять событія только такъ, какъ представлялись они греческому наблюдателю, но совсѣмъ не такъ, какъ рисовались они передъ глазами обывателя Сузы.

Намъ кажется нѣсколько чудеснымъ то обстоятельство, что Греція оказала успѣшное противодѣйствіе завоевательнымъ попыткамъ

---

[1] Такъ какъ намѣстники этихъ маленькихъ провинцій непосредственно подчинялись царю, то мѣстное управленіе точно такъ же находилось въ ассирійскихъ рукахъ и должно было, о чемъ имѣются свѣдѣнія, дѣлать кое-что для благосостоянія плательщиковъ.

Персіи; но мы не знаемъ того, что въ это же самое время дѣлалось на другихъ концахъ страны и могло воспрепятствовать Персіи развернуть на западѣ всѣ свои силы. Можно представить себѣ, что борьба ни на одинъ моментъ не велась при наличности всѣхъ военныхъ силъ персидской державы: всю борьбу выносили на своихъ плечахъ ея западные подданные; въ большинствѣ случаевъ война ведется между Греціей и однимъ или нѣсколькими малоазіатскими сатрапами, и по соотношеніямъ борющихся силъ никакъ нельзя судить объ отношеніяхъ дѣйствительныхъ силъ Греціи и персидской державы. Это относится отчасти и къ походу Ксеркса 480 года, такъ какъ дѣло было рѣшено при Саламинѣ. На морѣ персидская держава имѣла въ своемъ распоряженіи очень незначительную часть своихъ силъ, потому что, подобно Ассиріи, Персія совсѣмъ почти не была морской державой и опиралась на Финикію и на малоазіатскія прибрежныя государства. Безъ сомнѣнія, Греція была бы богатой добычей и составила бы для Персіи доходную провинцію. Можно также представить себѣ и то, что въ Сузѣ греческое возстаніе не казалось чѣмъ-либо инымъ, отличнымъ напр. отъ возстанія въ Арменіи; въ Сузѣ въ борьбѣ грековъ видѣли ни болѣе, ни менѣе, какъ одно изъ вѣчно повторяющихся волненій, „безпорядковъ". Въ Сузѣ никакъ не могли придавать Греціи того значенія, которое позднѣе она пріобрѣла въ исторіи человѣчества.

Въ нашемъ представленіи царство Дарія отличается отъ правленія его предшественниковъ почти только тѣмъ, что правили теперь персы. Пока государство было жизнеспособно, оно стремилось къ завоеваніямъ, и разъ оно не въ состояніи было слѣдовать завоевательной политикѣ, оно приближалось къ своей гибели. Оно существовало въ теченіе двухъ столѣтій, такимъ образомъ не дольше, и даже не столь долго, какъ и другія подобныя ему царства, о которыхъ мы говорили раньше. Едва Дарій укрѣпился въ старомъ владѣніи, какъ онъ, духъ котораго соотвѣтствовалъ природѣ его государства, началъ думать о новыхъ завоеваніяхъ. Сначала онъ двинулся на востокъ. Въ Бехистанской надписи „Индія" еще не зовется провинціей, но въ позднѣйшей надписи изъ Персеполя и на надгробной надписи Дарія изъ Ракшъ-и-Рустема ей присвояется названіе провинціи. По всей вѣроятности, здѣсь рѣчь идетъ, самое большее, о долинѣ Инда.

Ближайшимъ военнымъ предпріятіемъ Дарія былъ скиѳскій походъ (около 515 г.). Какъ всѣ походы противъ кочевниковъ, и этотъ долженъ былъ окончиться безъ всякихъ результатовъ; все-таки Дарій, не запасшись свѣдѣніями объ ожидающихъ его особенностяхъ предпріятія, едва ли рѣшился бы пускаться въ „приключенія". Правда, тогда были неизвѣстны точные размѣры области отъ устьевъ Дуная до Кавказа; но съ другой стороны мы должны составлять иное представленіе о знакомствѣ передняго Востока съ варварскими странами, чѣмъ мы привыкли, имѣя въ виду греческое міросозерцаніе. Дарій въ русскихъ степяхъ видѣлъ родину тѣхъ народныхъ толпъ, которыя грозили въ концѣ концовъ его странамъ, и считалъ нападеніе на нихъ лучшимъ способомъ защиты. Объ исходѣ предпріятія сообщаетъ намъ Геродотъ. Азіатскіе греки выставили флотъ. Босфоръ, какъ разсказывали, перешли по мосту; Дунай — тоже. Но нельзя было добиться побѣды надъ врагомъ, котораго нельзя было настичь въ открытомъ полѣ. Въ концѣ концовъ Дарій понесъ сильныя потери въ своемъ войскѣ отъ голода, жажды, болѣзней и долженъ былъ вернуться. Извѣстно, что своимъ спасеніемъ онъ обязанъ Гистіею и другимъ греческимъ тираннамъ, которые не согласились съ предложеніемъМильтіада сломать мостъ.

Если походъ въ области къ сѣверу отъ Дуная и кончился безъ осязательныхъ успѣховъ, то все-таки онъ достигнулъ одной цѣли: укрѣпле-

нія и расширенія границъ. Области къ югу отъ Дуная и Ѳракія остались подчиненными. Покорился въ это время македонскій царь, были завоеваны острова Лемносъ и Имбросъ. Вмѣстѣ съ этимъ ярко означилась ближайшая цѣль персидскихъ завоеваній — борьба съ европейскими греками, которые оказывались окруженными со всѣхъ сторонъ. Событія, которыя повели къ началу враждебныхъ дѣйствій, носили точно такой же характеръ, какой они обыкновенно носятъ на востокѣ, при столкновеніяхъ съ сосѣдями. Обычно, внутреннія неурядицы и просьбы о помощи со стороны выгнанныхъ царей даютъ хорошій поводъ „подать помощь"; процессъ вспоможенія оканчивается захватомъ соотвѣтственной страны (стоитъ сравнить примѣры изъ греческой исторіи въ Азіи, начиная съ Гистіея и другихъ включительно до Ѳемистокла и Кимона въ Европѣ). Болѣе тѣсныя сношенія имѣли мѣсто всегда; въ Персіи по большей части изъ лучшихъ источниковъ всегда были освѣдомлены о греческихъ дѣлахъ. Восточная дипломатія по меньшей мѣрѣ стоила греческой изворотливости.

Поводъ къ нападенію на Грецію дала въ 500 г. поддержка іонійскаго возстанія Аѳинами; аѳинскіе воины принимали участіе въ походѣ, во время котораго были разрушены Сарды. Послѣ подавленія возстанія (около 495 г.) и разрушенія Милета, Мардоній попытался было двинуться противъ самой Греціи, и дѣйствительно покорилъ сѣверо-западный Архипелагъ, но въ шествіи впередъ задержало кораблекрушеніе при Аѳонѣ. Второй еще большій флотъ черезъ два года былъ посланъ подъ начальствомъ Датиса и Артаферна. Этотъ флотъ завоевалъ Наксосъ, разрушилъ Эретрію Эвбейскую, которая также поддерживала іонійское возстаніе, и присталъ въ Аттикѣ; здѣсь при Мараѳонѣ аѳиняне подъ предводительствомъ Мильтіада (490) разбили персидское войско; попытка возстановить въ Аѳинахъ тиранна Гиппія кончилась неудачно.

При Даріи Египетъ оставался спокойнымъ, такъ какъ Дарій повидимому лучше Камбиза умѣлъ ладить съ жречествомъ. Онъ кое-что сдѣлалъ и для процвѣтанія страны. Его надпись, найденная при сооруженіи Суэцкаго канала, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ приказалъ прорыть или возстановить каналъ, соединяющій Нилъ съ Краснымъ моремъ. Въ 486 г. въ Египтѣ вспыхнуло возстаніе: нѣкій Хаббашъ провозгласилъ себя царемъ Египта. Дарій умеръ во время возстанія (485 г.), усмиреннаго въ 484 г. По Геродоту, Египетъ подвергся еще большему угнетенію, что вполнѣ соотвѣтствуетъ привычкамъ восточной политики. Ахеменъ, братъ новаго царя, былъ назначенъ сатрапомъ.

ж) Ксерксъ и его преемники.

При Ксерксѣ (485—465) произошло возстаніе Вавилона, который еще не утѣшился въ потерѣ своей древней самостоятельности. Шамашъ-ирба, провозглашенный тогда „царемъ Вавилона" засвидѣтельствованъ надписями. Городъ навѣрное былъ взятъ силой, и въ связь съ этимъ можно привести продолжительную осаду, къ которой Геродотъ пріурочиваетъ обошедшую весь востокъ легенду о Зопирѣ. Завоеваніе совершилось послѣ возвращенія Ксеркса изъ Греціи: ясно сообщается, что онъ тогда разрушилъ большую башню съ уступами храма Мардука. До сихъ поръ персидскіе цари признавали привилегированное положеніе Вавилона. Киру онъ сдался добровольно. Дарій послѣ различныхъ возстаній оставилъ ему его старое управленіе. Онъ желалъ (говоритъ Геродотъ I, 183) увести статую Мардука, но не отважился на это. Только Ксерксъ сдѣлалъ это. Это обозначаетъ, какъ намъ извѣстно, устраненіе притязаній на отдѣльное царство: на самомъ дѣлѣ Ксерксъ и его преемники уже не носятъ съ этихъ поръ титула „царь Вавилона", а Дарій еще носилъ его.

Греческій походъ привелъ въ исполненіе предпріятіе, задуманное еще Даріемъ въ отместку за Мараѳонъ. Мы не въ состояніи на основаніи нашихъ источниковъ стать на точку зрѣнія персовъ. То, что сообщаетъ греческое преданіе, подъ впечатлѣніемъ громаднаго, неожиданнаго успѣха, ясно обнаруживаетъ во многихъ пунктахъ слишкомъ большую чрезмѣрность восхваленія, чтобы служить основаніемъ для болѣе трезваго разсмотрѣнія. Если, откинувъ всѣ преувеличенія, мы должны повидимому исчислять персидское войско, по меньшей мѣрѣ, въ милліонъ, то все-таки остается въ полной силѣ указаніе на то, что продовольствованіе такой массы войска, съ которымъ и по желѣзнымъ дорогамъ едва ли возможно справиться, въ дикихъ странахъ представляется мало вѣроятнымъ. И составъ войска описанъ въ источникѣ очевидно невѣрно; онъ могъ быть достаточно пестрымъ, но Ксерксъ конечно не былъ на столько неразуменъ, чтобы посылать солдатъ, плохо вооруженныхъ. За отсутствіемъ персидскихъ источниковъ мы не имѣемъ болѣе точныхъ свѣдѣній; но неужели наемники Ассиріи и Вавилоніи не оставили бы по себѣ памяти? Съ кѣмъ же тогда одерживали побѣды надъ азіатскими греками и мидійцами? Побѣда грековъ на сушѣ объясняется превосходнѣйшимъ по своимъ результатамъ натискомъ греческихъ тяжеловооруженныхъ воиновъ на восточныхъ, способомъ вооруженія и тактикой боя, значительно уклоняющейся отъ рукопашной. На морѣ персидскій флотъ по своей численности несомнѣнно превосходилъ греческій, хотя соотношеніе между морскими силами персовъ и грековъ совсѣмъ не было такимъ, какимъ оно представлялось грекамъ. Къ тому же, у персовъ не хватало опытныхъ адмираловъ. Здѣсь были суда платящихъ дань государствъ, финикіянъ и малоазіатскихъ прибрежныхъ государствъ, которымъ нельзя было раздавать со знаніемъ дѣла приказаній изъ главнаго лагеря; а появленіе пѣхотинцевъ въ составѣ экипажа судовъ съ самаго начала должно было доставить перевѣсъ привыкшимъ къ морю грекамъ.

Итакъ за греками остается ихъ слава. У человѣчества всегда были причины радоваться обороту дѣла при Саламинѣ и Платеяхъ. Однако дѣянія и успѣхи грековъ вовсе не являются исключительными даже въ исторіи востока: а маленькій островокъ Тиръ ни разу не былъ взятъ силой великими ассирійскими и вавилонскими государствами. Праздный трудъ — попытаться сдѣлать оцѣнку личности Ксеркса и его значенія на основаніи греческихъ извѣстій, для этого прежде должны заговорить персидскіе документы. Нельзя конечно относиться съ излишнимъ осужденіемъ къ греческой легендѣ, когда она хочетъ изъ ненавистнаго угнетателя сдѣлать обезумѣвшаго деспота; но какія заблужденія и искаженія истины могутъ встрѣтиться въ ней, ярко показываетъ анекдотъ о принесеніи въ жертву при Стримонѣ девяти мальчиковъ и дѣвочекъ. На это Ксерксъ былъ способенъ не болѣе и не менѣе любого изъ представителей современнаго культурнаго государства.

Исходъ греческаго похода означаетъ поворотный пунктъ въ персидской исторіи. Если государства, опирающіяся на завоеванія, не идутъ впередъ, они идутъ назадъ. Съ 479 г. начинается регрессивное движеніе персидской державы. Нужно при этомъ никогда не упускать изъ вида, что мы ничего не знаемъ о происшествіяхъ на остальныхъ концахъ государства. Но мы можемъ, во всякомъ случаѣ, согласиться съ тѣмъ, что персидское владычество на далекомъ востокѣ было гораздо прочнѣе при Кирѣ и Даріи, чѣмъ во времена Александра. Побѣдоносная Греція перешла сейчасъ же къ нападенію. Правда, европейскіе греки въ своихъ преслѣдованіяхъ персовъ должны были первое время прибѣгать къ помощи грековъ-островитянъ, но потомъ при Микале они уничтожили персидскій флотъ. Теперь острова и ѳракійскій берегъ въ большей части опять были отторгнуты отъ персовъ. Съ этихъ поръ Персія никогда болѣе

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Тѣлохранители персидскихъ царей.

(По Marcel Dieulafoy, L'Acropole de Suse; рисунокъ М. Кюнерта.)

Тѣлохранители персидскихъ царей.

(Фризъ на стѣнахъ трехъ верандъ пріемной залы [Apadana] Дарія Гистаспа въ крѣпости Сузы.)

Картина на фризѣ высотой 1,90 метра изображаетъ сузійскій отрядъ гвардіи Дарія „Десяти тысячъ безсмертныхъ“. Смуглые гвардейцы идутъ въ рядъ одинъ за другимъ. На нихъ установленный парадный костюмъ: золотыя кольца въ ушахъ и браслеты, штиблеты со шнурами на голыхъ ногахъ, на головахъ не персидскія кидары, а сузійскіе сплетенные изъ травы тюрбаны. Одѣты они въ рубашку, плащъ и куртку; рубаха съ длинными рукавами, которые свѣшиваются черезъ рукава плаща, разрѣзаннаго до изгиба локтя. Богато отдѣланные плащи, отороченные вышитой каймой, поперемѣнно желтаго и бѣлаго цвѣта; рубахи—темно-пурпурнаго и желтаго. Вооруженіе состоитъ изъ лука, колчана, копья съ серебрянымъ гранатовымъ яблокомъ на нижнемъ концѣ (тысяча гвардейцевъ носила копья съ золотымъ гранатовымъ яблокомъ).

Фризъ, какъ и всѣ поверхности съ изображеніями въ постройкѣ Apadana, сложенъ изъ цвѣтныхъ глазированныхъ кирпичей, на длинныхъ сторонахъ которыхъ выполнены фигуры очень плоскимъ и чистымъ рельефомъ. Такъ какъ кирпичи приготовлялись фабричнымъ путемъ, то рисунокъ всѣхъ фигуръ совершенно одинаковъ, только глазурь различныхъ цвѣтовъ. На фризѣ находятся остатки надписей, сохранившіе имена Дарія и Отана ((Utâna Thukhraja-putra).

Г-жа Жанна Дьелафуа нашла въ январѣ 1886 г. тысячи подобныхъ маіоликъ, которыя были превращены въ мусоръ для фундамента новаго дворца, воздвигнутаго Артаксерксомъ Мнемономъ. Онъ приказалъ возвести дворецъ на мѣстѣ сгорѣвшей въ 440 году Apadana Дарія. Воспроизведенная здѣсь часть фриза была въ 1891 году возстановлена изъ лучше сохранившихся кирпичей и находится нынѣ въ Луврѣ, въ Парижѣ.

или менѣе серьезно не выступала въ роли нападающей стороны на Грецію. Напротивъ, она должна была обороняться отъ нападеній до тѣхъ поръ, пока не пала окончательно подъ напоромъ эллинизма.

Завоевательныя войны грековъ сначала велись подъ руководительствомъ Спарты, сперва на Кипрѣ, потомъ передъ Византіей. Послѣ сдачи Византіи и увода въ плѣнъ многихъ знатныхъ персовъ Ксерксъ попытался примѣнить въ греческихъ дѣлахъ тотъ образъ дѣйствія, который такъ обычно практиковался на востокѣ по отношенію къ непокореннымъ государствамъ: онъ завязалъ сношенія съ человѣкомъ, который могъ казаться ему представителемъ греческаго міра, потому что ему принадлежала власть надъ войскомъ: съ Павзаніемъ. Но послѣдній такъ неосмотрительно держалъ себя, что изъ дѣла ничего, кромѣ опасности для него самого, не вышло. Спарта, какъ сухопутная держава, должна была отказаться отъ своей роли въ войнѣ, которая неминуемо должна была быть морской; предводительство перешло къ Аѳинамъ (476). Европейскій берегъ былъ постепенно отвоеванъ у персовъ. Кимонъ освободилъ греческіе города по карійскому и ликійскому берегамъ. Въ сраженіи при Эвримедонтѣ въ Памфиліи греки уничтожили персидскій флотъ и одержали побѣду на сушѣ. Послѣ этого еще при Кипрѣ захватили 80 персидскихъ судовъ, такъ что теперь персы должны были уступить грекамъ въ своихъ собственныхъ водахъ.

Въ это время (465) былъ убитъ Ксерксъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ внутреннихъ дворцовыхъ переворотовъ, болѣе глубокія причины котораго, по обыкновенію, не выясняются нашими источниками. Младшій изъ сыновей Ксеркса, Артаксерксъ былъ возведенъ на тронъ послѣ устраненія своего старшаго брата Дарія. Возводилъ на тронъ Артабанъ, начальникъ тѣлохранителей (см. приложенную здѣсь таблицу „Тѣлохранители персидскихъ царей“); вскорѣ его устранилъ самъ Артаксерксъ.

Артаксерксъ Макрохейръ („Долгорукій“) царствовалъ отъ 465 до 424 г. Съ этихъ поръ мы не имѣемъ связнаго изложенія персидской исторіи даже съ греческой точки зрѣнія и должны ограничиваться перечисленіемъ отдѣльныхъ извѣстій. Въ царствованіе Артаксеркса пришелъ къ персидскому двору Ѳемистоклъ: онъ сумѣлъ показаться царю человѣкомъ, съ помощью котораго могла бы быть покорена Греція.

Вскорѣ послѣ восшествія на тронъ вспыхнуло второе египетское возстаніе подъ предводительствомъ сына Псамметиха, Инара, ливійскаго князя, который обратился за помощью къ аѳинянамъ (460). Они въ это время предприняли новое нападеніе на Кипръ, перевели отсюда войско въ Египетъ, загнали персовъ съ ихъ союзниками въ Мемфисскую крѣпость и осадили ихъ здѣсь. Персы попытались вначалѣ путемъ дипломатическихъ переговоровъ со Спартой принудить аѳинянъ къ отступленію; но когда это не помогло, въ Египетъ было послано сильное войско подъ предводительствомъ Мегабиза, и Египетъ былъ подчиненъ. Аѳинскія вспомогательныя войска были уничтожены; та же участь постигла и флотилію въ 50 судовъ. Инаръ попалъ персамъ въ руки и былъ распятъ; его сына пощадили и оставили ему область отца. Въ болотахъ Дельты укрѣпился Амитрей, который точно также (въ 450 г.) обратился за помощью къ аѳинянамъ и получилъ съ Кипра отъ Кимона подмогу — 60 судовъ, которыя безъ всякаго успѣха вернулись вскорѣ обратно. Кимонъ умеръ на Кипрѣ при осадѣ Китія, главнаго опорнаго пункта финикіянъ на островѣ. Осада поэтому была снята, но были одержаны побѣды на сушѣ и на морѣ (449).

Вскорѣ послѣ этихъ событій вскорѣ между Персіей и Аѳинами уладился миръ. Шелъ споръ о томъ, былъ ли этотъ „кимоновъ миръ“ дѣйствительно торжественно заключеннымъ миромъ, или мало по малу война прекратилась, и обѣ стороны взаимно признали наличный объемъ владѣній другъ друга. Аѳины отказывались по этому миру отъ Египта и Кипра, но

вмѣсто этого становились свободными малоазійскій берегъ и греческіе города на Черномъ морѣ. Несмотря на миръ, незначительныя столкновенія и недоразумѣнія не прекращались. Самосъ вышелъ (440) изъ аттическаго союза, такъ какъ часть знати съ помощью персовъ захватила въ свои руки островъ; впрочемъ онъ былъ вновь покоренъ. Точно такъ же Колофонъ былъ преданъ персидской партіей въ руки персамъ, но потомъ снова взятъ аѳинянами. Въ началѣ пелопонесской войны какъ аѳиняне, такъ и спартанцы тщетно искали денежной поддержки у персовъ.

Въ самомъ государствѣ противъ Артаксеркса поднялся въ Сиріи Мегабизъ, побѣдитель въ Египтѣ; въ концѣ концовъ съ этимъ возстаніемъ управились безъ кровопролитія. Греческія извѣстія сообщаютъ о политическомъ вліяніи придворныхъ женщинъ; однако не стоитъ давать большей цѣны болтовнѣ Ктесія, греческаго врача при дворѣ Артаксеркса Мнемона. Сынъ Артаксеркса Ксерксъ II (424) уже черезъ 1½ мѣсяца былъ умерщвленъ своимъ своднымъ братомъ; а этотъ спустя полгода былъ низложенъ своимъ братомъ Охомъ, гирканскимъ сатрапомъ. Охъ принялъ имя Дарія II и, какъ побочный сынъ Артаксеркса, назывался Нотомъ; онъ царствовалъ отъ 424 до 405 г. Ктесій съ самаго начала указываетъ на его сестру и жену Парисатиду, какъ на руководительницу всѣхъ этихъ дворцовыхъ событій; о томъ, что она при возстаніи Кира противъ его брата держала его сторону, засвидѣтельствовано достовѣрно. Противъ Дарія возмутились его братъ Арситъ и сынъ Мегабиза въ Сиріи. Благодаря подкупности греческихъ наемниковъ, Арситъ былъ взятъ въ плѣнъ и по требованію Парисатиды преданъ смерти. Въ 410 г. началось третье египетское возстаніе, освободившее Египетъ больше, чѣмъ на 60 лѣтъ, отъ персидскаго владычества. Въ Сардахъ взбунтовался сатрапъ Писсуѳнъ, но былъ устраненъ Тиссаферномъ. Его сынъ Аморгесъ при поддержкѣ аѳинянъ утвердился въ Каріи.

Послѣ неудачи аѳинянъ въ Сициліи (413) для Тиссаферна пришли очень удобныя времена отвоевать іонійскіе города. Онъ, подобно своему сопернику Фарнабазу, сатрапу сѣверной частей Малой Азіи (Фригіи), обратился за помощью къ спартанцамъ, имѣя въ виду отнять у аѳинянъ прибрежные города. Но интересы персовъ и спартанцевъ были все-таки различны и поэтому энергичный совмѣстный образъ дѣйствій врядъ ли былъ возможенъ. Въ концѣ концовъ аѳиняне были въ такомъ выигрышѣ, что Фарнабазъ долженъ былъ согласиться препроводить аѳинскихъ пословъ ко двору, чтобы тамъ вести съ ними переговоры о мирѣ.

Какъ разъ въ это время обстоятельства перемѣнились. Тиссафернъ былъ лишенъ своей сатрапіи и удержалъ только приморскіе города. Вмѣсто него Киръ, младшій сынъ Дарія Нота, сталъ сатрапомъ Лидіи, Великой Фригіи и Каппадокіи. Онъ проводилъ очень энергично политику, враждебную Аѳинамъ, и дѣятельно поддерживалъ спартанцевъ. Въ это же время Лизандръ получилъ верховное начальство и очень скоро въ союзѣ съ золотомъ своего союзника рѣшилъ войну.

Въ нѣдрахъ государства въ 410 г. имѣло мѣсто возстаніе мидянъ. Ктезій сообщаетъ о возмущеніи Теритуха, сестра котораго, Статира, была замужемъ за старшимъ сыномъ царя, Арсикой. Его подавленіе породило враждебныя отношенія между царицей-матерью Парисатидой и Статирой. Въ 405 г. умеръ Дарій Нотъ, и его сынъ Арсика взошелъ на тронъ съ именемъ Артаксеркса II Мнемона. Киръ, котораго вызвала благоволившая ему мать, явился слишкомъ поздно. По совѣту Тиссаферна онъ былъ задержанъ, но по настоянію Парисатиды освобожденъ и отосланъ въ свою сатрапію, чтобы здѣсь начать приготовленія къ тому, что можно было предвидѣть.

Прежде всего Киръ началъ забирать города своего врага Тиссаферна; это была война двухъ сатраповъ между собой. Потомъ онъ собралъ гре-

ческихъ наемниковъ, составилъ отрядъ, и при поддержкѣ спартанцевъ предпринялъ съ нимъ въ 401 г. походъ внутрь государства съ цѣлью низложить своего брата: извѣстный, описанный Ксенофонтомъ въ „Анабазисѣ“ походъ. Теперь очень ярко, при дневномъ освѣщеніи, обнаружилась неспособность государства оказать сопротивленіе греческому войску. 13,000 греческихъ наемниковъ разбили при Кунаксѣ, въ области Вавилона, громадное войско царя. Но Киръ палъ въ битвѣ, и Артаксерксъ спасъ свой престолъ. Случись иначе, греки, бывшіе на персидской службѣ, дали бы новыя силы безпомощному колоссу, теперь-же они могли „заглянуть во внутренняя“ противника, котораго они боялись, и при этомъ должно было исчезнуть всякое обаяніе. Теперь стало извѣстно, что персидская власть внутри самого государства не признавалась во многихъ провинціяхъ и племенахъ, особенно въ горахъ. Въ открытыхъ усобицахъ сатраповъ достаточно ясно сказалось начинающееся разложеніе, представляющее неутомимому эллинству полнѣйшую возможность проникновенія впередъ.

При дворѣ благодаря смерти Кира дворцовыя интриги только обострились, такъ какъ Парисатида не могла утѣшиться въ гибели своего любимца и постаралась мало по малу уничтожить всѣхъ ей содѣйствовавшихъ, и среди нихъ прежде всего ликовавшую Статиру, при помощи яда. Артаксерксъ II изгналъ послѣ этого свою мать, но очень скоро призвалъ ее обратно. Сатрапію получилъ на мѣсто Кира его врагъ Тиссафернъ, который въ продолженіе всего мятежа руководилъ обороной. Спарта, поддерживавшая Кира, становилась этимъ самымъ во враждебныя отношенія къ нему. Когда онъ потребовалъ выполненія условій за оказанную Персіей помощь, т.-е. сдачу греческихъ городовъ Малой Азіи, началась война (401), которую Спарта въ Малой Азіи вела съ помощью остатка „10,000“. Въ общемъ происходили взаимныя поддразниванья съ обѣихъ сторонъ, причемъ оба персидскихъ сатрапа Тиссафернъ и Фарнабазъ старались навязать войну другъ другу. Обстоятельства стали больше походить на настоящую войну съ 396 г., когда главное начальство перешло къ спартанскому царю Агезилаю, который въ 394 г. одержалъ большую побѣду при Сардахъ, не имѣвшую, впрочемъ, рѣшительнаго значенія. Тѣмъ временемъ Парисатидѣ удалось повергнуть Тиссаферна въ немилость при дворѣ; онъ былъ замѣщенъ Тиѳраустомъ и казненъ. Сатрапы измышляли хитрости, вели переговоры и такимъ образомъ тянулась война въ Малой Азіи до тѣхъ поръ, пока Агезилай не былъ отозванъ въ Европу.

Въ это время счастье отвернулось отъ Спарты. Аѳинянинъ Кононъ послѣ пораженія при Эгосъ-Потамахъ бѣжалъ на Кипръ къ Эвагору и склонилъ Фарнабаза снарядить для него флотъ, чтобы вести войну противъ Спарты на морѣ. Удерживаемый вначалѣ неисправнымъ поступленіемъ вспомогательныхъ денегъ, онъ отправился самъ ко двору и устроилъ такъ, что главное начальство надъ флотомъ было поручено Фарнабазу, т.-е. въ дѣйствительности ему самому, и разбилъ спартанцевъ при Книдѣ (394). Результатомъ побѣды было уничтоженіе спартанскаго владычества на морѣ и замѣна его аѳинскимъ подъ покровительствомъ Фарнабаза. Аѳины держались съ помощью Персіи, и Персія только подъ аѳинскимъ руководительствомъ могла играть извѣстную роль на морѣ. Въ войнѣ на сушѣ Спарта еще долго имѣла перевѣсъ. Среди продолжавшихся безъ перерыва интригъ при персидскомъ дворѣ Тирибазу, сатрапу Сардъ, принявшему политику Тиссаферна, удалось еще разъ возвыситься и вовлечь Конона въ немилость. Кононъ бѣжалъ на Кипръ къ Эвагору и вскорѣ затѣмъ умеръ. Но въ Сардахъ былъ поставленъ въ концѣ концовъ сатрапъ Струѳъ, державшій опять сторону Аѳинъ. Такъ нерѣшительно среди постоянныхъ колебаній и хитростей шли событія до заключенія „Анталкидова мира“ (387), по которому азіатскіе города должны были принадлежать Персіи, а острова и всѣ другія греческія государства должны были быть свободными.

Миръ былъ объявленъ въ формѣ приказанія великаго царя, который считался и назывался его исполнителемъ и поручителемъ за его храненіе.

Хотя Кипръ по этому миру весьма рѣшительно признавался персидскимъ владѣніемъ, въ дѣйствительности онъ былъ почти самостоятельнымъ, такъ какъ Эвагоръ въ борьбѣ съ финикіянами на всемъ островѣ сумѣлъ собрать во едино греческіе его элементы и былъ царемъ острова. Очень скоро его вѣрность своему верховному сюзерену показалась подозрительной. Поэтому въ 390 году противъ него было отправлено войско. Онъ держался довольно долго, открыто получая помощь со стороны аѳинянъ до тѣхъ поръ, пока послѣ Анталкидова мира Персія не стала дѣйствовать рѣшительнѣе съ цѣлью сдѣлать безвреднымъ царя, который становился все опаснѣе и опаснѣе, господствовалъ надъ моремъ до береговъ Египта и даже успѣлъ основаться въ самомъ Тирѣ (см. ниже, стр. 165). Эвагоръ былъ побѣжденъ, но ему удалось добиться довольно выгоднаго мира. Спустя немного времени онъ былъ убитъ. Кипръ при его преемникахъ распался опять на различныя мелкія государства.

Когда Артаксерксъ предпринялъ походъ противъ горнаго народа кадусійцевъ (къ ю.-з. отъ Каспійскаго моря), его большое войско испытало пораженіе въ родѣ саламинскаго: онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и долженъ былъ откупаться. Египетъ, въ дѣйствительности независимый, все еще противился персидскимъ попыткамъ подчиненія. Болѣе сильный натискъ оказался удачнѣе, когда Фарнабазъ (376) былъ поставленъ во главѣ болѣе значительнаго войска. Аѳинскій полководецъ Хабрій, который до сихъ поръ командовалъ греческими наемниками въ Египтѣ, былъ, по настоянію Фарнабаза, отозванъ; самъ онъ съ войскомъ изъ наемниковъ, стоявшимъ подъ начальствомъ Ификрата, вторгнулся въ Египетъ, но рѣшительныхъ результатовъ это вторженіе не имѣло, такъ какъ постоянныя смѣны настроеній при дворѣ отвлекали вниманіе и дѣлали невозможнымъ энергичное веденіе войны. Слѣды нерѣшительности Артаксеркса сказались въ концѣ его царствованія въ рядѣ возстаній, изъ которыхъ значительнѣйшими были возмущеніе Аріобарзана въ геллеспонтской сатрапіи и мятежъ Датама въ Каппадокіи. И Мавзолъ, князь Каріи, кажется, не совсѣмъ безукоризненно блюлъ свою вѣрность. Наконецъ даже Тахъ, египетскій царь, перешелъ къ нападенію, вернувшись къ старой политикѣ фараоновъ, направленной на завоеваніе Сиріи. Съ греческимъ наемнымъ войскомъ подъ начальствомъ Хабрія и спартанцами подъ предводительствомъ стараго Агезилая прошелъ онъ до Финикіи. Но когда его племянникъ Нектанебъ приказалъ въ Египтѣ провозгласить себя царемъ, онъ долженъ былъ бѣжать къ персамъ; несмотря на это, персы не нашли повода энергичнѣе наступить на Египетъ.

з) Послѣдній подъемъ Персіи.

Съ приближеніемъ конца Артаксеркса, сынъ его Охъ, пользуясь расположеніемъ своей сестры Атоссы [1], на которой, по настоянію Парисатиды, женился Артаксерксъ, сумѣлъ устранить со своей дороги своихъ братьевъ и обезпечилъ за собой тронъ (359). Правленіе этого энергичнаго Артаксеркса III Оха (358—338) знаменуетъ послѣдній расцвѣтъ Персіи. Его дѣянія свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ, какъ настоящій восточный царь, умѣлъ дѣйствовать рѣшительно, проливая безъ сожалѣнія потоки крови и ведя безпощадныя войны.

Прежде всего онъ долженъ былъ раздѣлаться съ возстаніями въ самомъ государствѣ. Извѣстія тутъ очень скудны и неясны; но

[1] Браки съ сестрами, дочерями и даже матерями въ персидскихъ царскихъ домахъ засвидѣтельствованы. (Сравн. стр. 230).

несомнѣнно все же, что онъ былъ удачливѣе своего предшественника. Артабазъ, сатрапъ геллеспонтской провинціи, и Оронтъ на малоазійскомъ берегу не могли устоять, хотя по временамъ и получали поддержку отъ грековъ. Въ Греціи, повидимому, съ самаго начала стали безпокоиться по поводу энергіи новаго великаго царя и взвѣшивали, не слѣдуетъ ли предупредить его. Въ 354 году Демосѳенъ (de symmoriis) долженъ былъ предостерегать грековъ отъ разрыва съ нимъ безъ основательныхъ поводовъ.

Въ Египтѣ сначала и его царствованіе не принесло никакихъ результатовъ, и возстаніе, какъ и при Тахѣ, перешло еще разъ въ Палестину. Мы очень мало освѣдомлены о причинахъ; все же возмущеніе Сидона, девяти кипрскихъ царей и намеки на кару Іерусалима даютъ указанія на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ повтореніемъ тѣхъ самыхъ явленій, съ которыми мы встрѣчались, говоря о постоянныхъ, возникавшихъ по настояніямъ и при помощи Египта возстаніяхъ Палестины противъ Ассиріи (срв. стр. 74). Въ особенности теперь выдвинулся Сидонъ. Наконецъ Охъ самъ принялъ команду и съ большимъ войскомъ (въ томъ числѣ 10,000 греческихъ наемниковъ) вступилъ въ Сирію. Сидонъ получилъ съ Родоса вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Ментора, но, когда подступили персы, Менторъ и Теннъ, сидонскій царь, вступили въ переговоры. Дальнѣйшія событія неясны. Сидонъ былъ преданъ и понесъ жестокое возмездіе (стр. 165); остальные финикіяне послѣ этого подчинились. Въ Іудеѣ тоже, кажется, дѣло дошло до войны (стр. 218). И Египетъ въ концѣ концовъ, такъ долго державшійся, былъ точно также покоренъ и сталъ снова персидской провинціей (344 г.). Охъ обошелся съ нимъ очень сурово и своимъ отношеніемъ къ египетскимъ представленіямъ напомнилъ Камбиза. И Кипръ былъ вновь подчиненъ войсками, находившимися подъ начальствомъ карійскаго князя Идріея.

Уже обозначилась та сила, которая должна была принести Персіи гибель. Въ Сузѣ поняли, что Филиппъ Македонскій будетъ очень опасенъ, если онъ достигнетъ своей цѣли и покоритъ всю Грецію. Поэтому вошли въ сношеніе съ аѳинянами, чтобы помѣшать его планамъ. Аѳины и Персія вмѣстѣ помѣшали Филиппу захватить Перинѳъ. Какъ разъ во время смерти Артаксеркса была битва при Херонеѣ (338). Побѣда сдѣлала Филиппа господиномъ Греціи и создала условія, при которыхъ греческій міръ могъ и долженъ былъ въ формѣ эллинизма напасть на Персію въ Азіи.

Артаксерксъ, по всей вѣроятности, былъ убитъ нѣкіимъ Багоемъ. Послѣдній посадилъ на престолъ Арзеса, младшаго изъ сыновей царя, но убилъ и его, когда тотъ подалъ поводъ думать, что онъ хочетъ выступить противъ своего царедворца (336 г.); тѣмъ временемъ македонское войско вторглось въ Малую Азію, но убійство Филиппа задержало на нѣкоторое время его шествіе.

и) Конецъ персидской державы.

Убивъ Арзеса, Багой поставилъ царемъ далекаго родственника убитаго — Кодоманна, правнука Дарія Нота. Онъ царствовалъ, какъ Дарій III Кодоманнъ (336 — 330 г.). На этотъ разъ создатель царей не избѣгъ своей участи, и онъ былъ очень скоро устраненъ Даріемъ. Дарій былъ послѣднимъ персидскимъ царемъ. По нашимъ свѣдѣніямъ мы не можемъ сдѣлать его характеристики; во всякомъ случаѣ онъ не оказался въ состояніи сдѣлать что нибудь, чтобы задержать паденіе своего царства. Быть-можетъ, энергичный человѣкъ и могъ бы, набравъ хорошее наемное войско, оказать сопротивленіе Александру; Дарій этого не сдѣлалъ, и великая держава стала добычей эллинизма. Уже скоро вслѣдъ за пораженіемъ при Саламинѣ, какъ мы видѣли, началось разложеніе: еще одно свидѣтельство пригодности столь восхваляемой „организаціи“ Дарія. Уже тогда Персія

была бы не въ состояніи оказать какое-либо сопротивленіе серьезному нападенію. Десяти тысячъ Ксенофонта было бы уже достаточно, чтобы свергнуть персидскую монархію, если бы только они имѣли вождя. Теперь, когда наконецъ появился сильный и ставящій цѣли противникъ, добыча безъ особыхъ усилій попала ему въ руки. На долю Александра выпалъ большой успѣхъ, — важной заслуги нѣтъ въ томъ, что онъ низвергнулъ само собой падавшее царство. Исторія древняго Востока дала намъ многочисленные примѣры подобныхъ завоеваній. Всѣ эти великіе перевороты, которые приносили Востоку различныя племена, стоятъ на одной ступени съ эллинистическимъ завоеваніемъ, хотя о славѣ вождей этихъ народовъ не такъ прокричали, какъ о славѣ представителя перваго цивилизованнаго народа Запада. Результаты завоеванія тоже не даютъ основаній для подобной оцѣнки: Востокъ дѣйствительно покорился силѣ греческаго оружія, но онъ оказалъ противодѣйствіе греческой культурѣ; и въ концѣ концовъ онъ снова вытѣснилъ завоевателей.

Ходъ завоеваній Александра Великаго не относится къ исторіи Персіи (см. IV томъ). О немъ мы освѣдомлены только изъ греческихъ источниковъ и поэтому совершенно не въ состояніи составить вѣрнаго представленія, какой видъ имѣетъ ходъ событій съ персидской точки зрѣнія. Въ сраженіи при Граникѣ (334) Александръ не встрѣтилъ никакого сопротивленія; надежды Персіи покоились собственно только на родосцѣ Мемнонѣ, который, какъ начальникъ персидскаго флота, грозилъ стать опаснымъ Александру. Послѣ его смерти (срв. IV т.), когда персъ Фарнабазъ занялъ его мѣсто, флотъ пересталъ быть опаснымъ для Александра. Пораженіе при Иссѣ (333 г.) едва ли изумительно: это обычная картина битвы между громадными восточными войсками, высшее военное искусство которыхъ—въ умѣньи бѣжать съ поля битвы, и сомкнутыми нападающими греками. За безсиліе Персіи достаточно говоритъ то обстоятельство, что Александръ могъ въ самомъ началѣ подчинить Сирію и Египетъ и, занявъ большую часть культурнаго востока, создать могущественный базисъ для своихъ операцій, прежде чѣмъ обратиться на востокъ. При Гавгамелѣ, въ древней Ассиріи, произошло (331 г.) разрѣшеніе борьбы. Дарій бѣжалъ въ Мидію, а Александръ занялъ Вавилонъ и Сузу, двѣ главныхъ столицы культурныхъ странъ. Когда онъ погнался за Даріемъ въ Мидію, тотъ бѣжалъ къ востоку все еще въ сопровожденіи сильнаго войска, на которое впрочемъ врядъ ли можно было положиться, если не считать греческихъ наемниковъ (см. IV т.) Дарій III былъ захваченъ Бессомъ, сатрапомъ Бактріи, очевидно имѣвшимъ въ виду воспользоваться плѣнникомъ для своихъ цѣлей (быть-можетъ, для основанія „бактрійскаго“ царства?) и убитъ имъ въ то время, какъ Александръ почти настигалъ бѣглецовъ (въ половинѣ 330 г.). Какъ послѣ смерти Камбиза, такъ и теперь въ отдѣльныхъ областяхъ поднялись „цари“. Первымъ былъ самъ Бессъ, который могъ держаться въ Бактріи, пока Александръ не покорилъ востока; другимъ — Баріаксъ, который возмутился въ Мидіи, когда Александръ былъ въ Индіи, но былъ захваченъ сатрапомъ Мидіи.

Г. Персидскій міръ, какъ итогъ культурнаго развитія передней Азіи.

Персидское царство, благодаря своимъ войнамъ съ греческимъ міромъ, съ самаго начала находилось при свѣтѣ исторіи. Чѣмъ скуднѣе источники, тѣмъ болѣе исторія выступаетъ въ ихъ освѣщеніи; и держава Ахеменидовъ еще до сихъ поръ окружена въ нашихъ представленіяхъ тѣмъ блескомъ, въ которомъ она являлась греческимъ историкамъ. Но если пойти съ востока вмѣсто того, чтобы идти съ запада, то персидское царство предстанетъ передъ нами въ значительно иномъ видѣ. Мы теперь можемъ про-

слѣдить и ясно представить себѣ развитіе того явленія, которое грекамъ казалось безмѣрно могущественнымъ наслѣдіемъ культурнаго міра, скрывающагося въ таинственномъ сумракѣ, безмѣрно богатаго. Мы знаемъ, что оно не было ни первымъ, ни самымъ продолжительнымъ, ни самымъ могущественнымъ хотя, быть-можетъ, оно было наиболѣе обширнымъ въ территоріальномъ смыслѣ. Старый культурный міръ Востока видѣлъ и переварилъ нѣсколько аналогичныхъ завоеваній. И персидскій міръ не могъ радикально измѣнить силы вещей и оказалъ не больше вліянія, чѣмъ любое изъ великихъ извѣстныхъ завоеваній.

Разслоеніе, которое мы можемъ отчасти наблюдать, распаденіе персидскаго міра на восточный и западный, какъ результатъ подчиненія мѣстностей съ высшей культурой народамъ, стоящимъ еще только у зачатковъ культуры; далѣе сдѣлки находившихся у власти персидскихъ семей съ мидянами и представителями правительственныхъ классовъ подчиненныхъ провинцій, — все это даетъ очень ясныя указанія на то, что правящая сила ограничилась только чисто политическимъ завоеваніемъ побѣжденныхъ странъ и отказалась отъ всякаго другого. На мѣсто непокорныхъ владыкъ стараго населенія стало нѣсколько знатныхъ персовъ и во главѣ провинціальнаго управленія два-три персидскихъ чиновника. Во всемъ остальномъ все осталось по-старому. Персидское или вообще индогерманское вторженіе, которое привело въ старыя культурныя страны новое населеніе, остановилось послѣ того, какъ великій потокъ племенъ нашелъ преграду въ организаціи персидскаго царства Киромъ. То обстоятельство, что Дарій, хотя вначалѣ онъ и служилъ проявившимся въ этомъ направленіи стремленіямъ, какъ царь не могъ уже уступать имъ, есть одно изъ безчисленныхъ явленій исторіи, въ которой обстоятельства могущественнѣе людей даже въ томъ случаѣ, если послѣдніе относятся къ дѣлу честно.

Персидской или индо-германской стала такимъ образомъ только та часть государства, которая подверглась нашествіямъ арійскихъ ордъ, пока онѣ еще не объединились въ прочный союзъ, т.-е. пока онѣ еще не почувствовали на себѣ вліянія той культуры, которую онѣ шли воевать. Эти страны были какъ разъ тѣ, которыя не владѣли собственной, высшей культурой: восточныя. А когда арійцы вошли въ кругъ странъ, находившихся подъ вліяніемъ вавилонской культуры, въ Мидію и Эламъ, они подчинились этой культурѣ. Мидія давно ушла отъ вавилонско-ассирійскаго вліянія, сила Элама была сломлена Ассурбаниналомъ. поэтому обѣ страны представляли благопріятныя условія къ тому, чтобы принять арійское населеніе. Населеніе обѣихъ странъ получило арійскій характеръ. Но это населеніе подпало тотчасъ законамъ развитія странъ, все еще находящихся подъ очарованіемъ культуры; онѣ этимъ самымъ привлекли къ себѣ и очаги именно этой культуры.

Послѣ подчиненія западныхъ культурныхъ странъ въ новомъ государствѣ тотчасъ же остановилось развитіе, въ силу котораго могла бы благодаря вторженію кочующихъ ордъ расцвѣсть культура безъ посторонняго вліянія. Теперь рѣчь шла только о процессѣ политическаго подчиненія, которое должно было окончиться быстрымъ паденіемъ новыхъ владыкъ и могло держаться только до появленія извнѣ новаго завоевателя во главѣ свѣжихъ силъ. Арійство вмѣстѣ съ этимъ отказывалось отъ самостоятельнаго дальнѣйшаго развитія своего народнаго духа. Вмѣсто персидскаго народа, который могъ бы со ступени на ступень идти къ высшей культурѣ и къ господству надъ всѣмъ востокомъ, осталось теперь персидское управленіе, подобное ассирійскому, которое истощало культурныя страны и тѣмъ самымъ становилось въ зависимость отъ нихъ. Не персидскій народъ и не персидское государство, а персидское царство, представлявшееся войскомъ и чиновничествомъ, руководило теперь дѣлами передней Азіи.

Это новое царство, въ своихъ основахъ являющееся повтореніемъ ассирійскаго въ VIII и VII столѣтіяхъ, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ обнаруживаетъ тотъ же характеръ. Въ правительственной системѣ — персидскій сатрапъ — ничто иное, какъ ассирійскій шакну (см. стр. 82); только область перваго по своимъ размѣрамъ обыкновенно значительно больше владѣній второго. Подобно ассирійскому шакну, и персидскій сатрапъ собственно не что иное, какъ персидскій вице-король, который занялъ мѣсто старыхъ туземныхъ владыкъ. Въ своей провинціи онъ имѣлъ всѣ царскія привилегіи. Онъ держалъ на свой счетъ собственное войско, держался отчасти самостоятельной политики; причемъ обычно у него являлась мысль объ отпаденіи, лишь только придворныя интриги становились для него опасными. Позднѣйшее устройство сатрапій восходитъ ко временамъ Дарія; Киръ на западѣ просто оставилъ прежнее устройство. Извѣстія о немъ и его сынѣ говорятъ о 127 провинціяхъ, простирающихся отъ Индіи до Эѳіопіи. Судя по этому, востокъ былъ устроенъ по образцу запада. Дарій, который держалъ сторону восточной знати, устроилъ большія сатрапіи; управлявшія ими персидскія благородныя семьи становились повелителями большихъ земель.

Послѣ того, какъ схлынулъ потокъ переселенія, и завоеватели превратились въ собственниковъ, которые должны были со своей стороны обороняться отъ наступающихъ ордъ, войны нужно было вести, пользуясь населеніемъ культурныхъ государствъ. Но оно, по большей части, было неспособно для этого; та часть переселенцевъ, которая благодаря обладанію землей, сдѣлалась знатью и слѣдовательно ядромъ всякаго войска, могла быть только основнымъ элементомъ царскаго войска, не больше. Лежавшая передъ сатрапами задача защиты и охраны не могла быть выполнена только при его помощи. Поэтому сатрапъ долженъ былъ держать собственное войско, которое очень скоро стало пополняться наемниками, главнымъ образомъ чужестранцами. Въ персидскомъ войскѣ находилъ себѣ радушный пріемъ тотъ избытокъ годныхъ для войны людей, который давалъ энергично развивавшійся греческій народъ. Поэтому сатрапы западныхъ провинцій очень скоро оказались стоящими во главѣ военныхъ силъ, которыя могли угрожать самому великому царю.

Персидское царское войско, наоборотъ, было устроено, повидимому, на началахъ леннаго государства въ той мѣрѣ, въ какой оно соотвѣтствовало организаціи только что переселившагося на новое мѣсто жительства народа. Кто получилъ во владѣніе земельную собственность, тотъ былъ обязанъ нести военную службу соотвѣтственно размѣрамъ своего владѣнія. Такое положеніе скоро должно было создать въ войскѣ очень большое смѣшеніе народностей, въ особенности, если эта же система распространялась на провинціи, культура которыхъ давно перешагнула за эту ступень, именно на западныя. Какъ здѣсь обстояли дѣла, неясно; но „варварское войско“, которое Киръ Младшій вмѣстѣ съ 10,000 греческихъ наемниковъ велъ на Артаксеркса, врядъ ли было устроено на какихъ-либо другихъ началахъ. Такія войска должны были отличаться вооруженіемъ и жизненными привычками, если даже Геродотово описаніе войска Ксеркса въ деталяхъ можно и не принимать за вполнѣ точное (см. стр. 144).

Если оставить въ сторонѣ сатраповъ и высшихъ чиновниковъ, то во всемъ остальномъ управленіе въ провинціяхъ оставалось старымъ, туземнымъ. Даже не прибѣгали къ ассирійскому суррогату сдѣлавшейся невозможной колонизаціи областей: основанію новыхъ городовъ съ искусственно обращеннымъ въ ассирійцевъ населеніемъ и выселенію военноплѣнныхъ въ другія части государства; уводъ милетцевъ Даріемъ — исключеніе; политика ассирійцевъ и халдеевъ уступила свое мѣсто другой. Образъ дѣйствій по отношенію къ Сидону, сдѣланному ассирійскимъ при Ассаргадонѣ, и данное іудеямъ разрѣшеніе вернуться на родину — вотъ

двая назидательныхъ примѣра. Насколько въ первомъ изъ нихъ играла роль связь Кира съ сильнымъ въ Вавилонѣ іудействомъ, неизвѣстно, но первый примѣръ и цѣль этого пріема говоритъ за то, что съ ассирійской политикой сознательно порвали. Созданныя насиліемъ организаціи, какъ мы не разъ уже видѣли, не могутъ достигать расцвѣта подобно тѣмъ, которыя выросли на почвѣ собственной культуры. Поэтому персидское царство дѣлало еще меньше попытокъ, чѣмъ ассирійское, вторгаться въ старыхъ провинціяхъ въ древнія установленія. Несмотря на персидское господство, въ Вавилоніи все оставалось вавилонскимъ и въ Іоніи—греческимъ.

Иначе рисуется картина дѣйствія персидскаго владычества на восточныя провинціи. Здѣсь съ самаго начала дѣло обстояло иначе: центральные пункты державы, Сузіана и Персида, получая культуру съ запада, должны были передавать ее дальше, на востокъ; поэтому они получили особое значеніе, какъ позже иллюстрируютъ его пареянское и бактрійское царства. Многое по этой дорогѣ перешло въ Индію; и въ концѣ концовъ Сассанидская имперія получила руководящее значеніе для культуры ислама.

При такомъ положеніи вещей мы не можемъ говорить о персидской культурѣ на западѣ. То, что явилось результатомъ развитія въ самой родинѣ племени, то имѣетъ незначительную цѣну для развитія человѣчества. Если уже Эламъ въ теченіе столькихъ тысячелѣтій, сколько столѣтій существовало персидское царство, бралъ изъ Вавилона всѣ принципы своего искусства, то то же дѣлало и наслѣдовавшее ему государство, хотя пока еще невозможно опредѣлить вавилонское и эламское искусства въ ихъ сущности. Съ перваго взгляда обнаруживается духовное родство съ ассирійскимъ искусствомъ въ изображеніяхъ въ персидскихъ дворцахъ, въ прославленіи побѣдъ Дарія на Бехистанской скалѣ: тотъ же предметъ прославленія, то же пониманіе, та же техника. Прекрасная отдѣлка глазированныхъ кирпичей, употреблявшихся для облицовки стѣнъ, — вавилонская.

Безъ сомнѣнія, живой и даровитый греческій народъ, который съ VIII столѣтія входитъ въ болѣе близкія отношенія съ азіатскими государствами и часть котораго была подчинена Киромъ, народъ, поставлявшій наемниковъ въ ассирійскія и халдейскія войска и цѣлыя войска персидскому государству, направилъ ко двору въ Сузахъ не одного художника Если бы у насъ было побольше матеріала для сравненія, все-таки трудно было бы опредѣлить вліянія греческаго искусства въ персидскихъ памятникахъ въ главныхъ пунктахъ. Персидскій царь былъ наслѣдникомъ древнихъ восточныхъ царей. Подобно тому какъ онъ съ достоинствомъ отправлялъ всѣ ихъ обязанности въ своемъ парикѣ и окаймленномъ платьѣ, и для прославлявшаго его искусства не было другихъ путей, кромѣ тѣхъ, что предначертали славныя тысячелѣтія. Отъ извѣстныхъ намъ ассирійскихъ построекъ персидскія отличаются только обильнымъ употребленіемъ колоннъ. Можно было бы предположить здѣсь греческое вліяніе. Но мы слишкомъ мало знаемъ Вавилонію въ этомъ отношеніи, да и кромѣ того можно предположить и то, что чрезъ посредство финикіянъ египетское вліяніе по неизвѣстнымъ путямъ перебралось черезъ Евфратскую долину до Сузы и Персеполя. Но если бы и былъ установленъ тотъ фактъ, что эллинскіе строители принимали участіе въ работахъ во дворцахъ хотя бы Ксеркса, то вѣдь свой эллинскій духъ они могли выразить, самое большее, во второстепенномъ. То, что они творили, должно было быть всегда восточнымъ, созданнымъ по старымъ образцамъ. Этого требовала восточная приверженность къ переданному.

Это царское искусство, пожертвовавшее національнымъ духомъ, и персидское клинообразное письмо — явленія аналогичныя. Клинопись приспособлена изъ вавилонской или скорѣе эламской къ языку новаго властвующаго народа, чтобы дать ему алфавитъ. Языкъ этотъ не соотвѣтствовалъ грамматическому схематизму древнихъ культурныхъ языковъ и

поэтому не могъ пользоваться старымъ, знаковымъ и слоговымъ письмомъ, такъ приспособленнымъ къ строю семитскихъ языковъ. Поэтому, какъ дальнѣйшее развитіе по принципу, уже сказавшемуся въ эламской письменности, было изобрѣтено, да, по приказу царя было изобрѣтено крайне упрощенное письмо для того, чтобы можно было высѣкать надписи и на персидскомъ языкѣ. Письменный языкъ въ смыслѣ вавилонскаго изъ него не развился. Востокъ никогда не писалъ по-персидски. Сами персы пользовались въ государственныхъ сношеніяхъ и арамейскимъ языкомъ, насколько вавилонскій и клинопись не сохраняли правъ гражданства. Персидская клинопись, введенная Даріемъ, съ цѣлью дать выраженіе своей національной политикѣ, противоположной политикѣ Кира и Камбиза (стр. 137), не имѣла исторіи и не выполнила никакой культурной миссіи; Авеста написана азбукой, производной отъ арамейской.

10. Финикія.

А. Страна и ея первые поселенцы.

Въ странѣ, ограниченной на востокѣ сирійской степью и анти-ливанской горной цѣпью, а на западѣ — Средиземнымъ моремъ, никогда не существовало большого культурнаго государства. Горная область, прорѣзанная двумя неважными для сношеній, идущими изъ центра рѣками,— Оронтомъ съ юга на сѣверъ и Іорданомъ съ сѣвера на югъ, должна была остаться группой обычныхъ въ горныхъ странахъ мелкихъ областей. Здѣсь всегда существовало мелко-державье. Море, конечно, являлось естественнымъ путемъ сношеній для прибрежныхъ городовъ, но у послѣднихъ не было континента, которыхъ бы могъ дать необходимую территорію для болѣе многочисленнаго населенія, созидающаго культуру. Поэтому имъ оставалось одно — распространяться все дальше и дальше за море, тѣмъ болѣе, что шедшія за ними не цивилизованыя толпы тѣснили ихъ.

Задолго до того времени, о которомъ у насъ есть извѣстія, страна, вслѣдствіе своего положенія между двумя великими культурными государствами на Евфратѣ и Нилѣ, являлась для обоихъ естественной цѣлью ихъ стремленій къ расширенію. Поэтому и исторія этихъ областей — вся опредѣляется тѣмъ, подъ чьимъ владычествомъ онѣ находятся, — вавилонско-ассирійскимъ или египетскимъ. Вѣчно повторяющаяся игра, которая отъ эллинистической эпохи черезъ средніе вѣка тянется вплоть до нашего времени, находитъ основанія въ географическомъ положеніи страны и ея природѣ, затрудняющей образованіе большого государства. По всей вѣроятности, точно такой-же процессъ происходилъ и въ темныя еще для насъ тысячелѣтія древнѣйшей вавилонской (сумерійской) и египетской культуры. Тутмосъ и Тиглатъ-Палассаръ, Птолемей и Антіохъ, Саладинъ и Мехмедъ-али имѣли въ третьемъ и четвертомъ тысячелѣтіи до Р. Х. предшественниковъ, имена которыхъ намъ еще неизвѣстны.

Въ эпоху развитія и расцвѣта сумерійской культуры и современной ей египетской въ этихъ мѣстностяхъ сидѣло населеніе, которое, находясь въ родствѣ съ господствовавшимъ въ Вавилонѣ племенемъ, подчинялось его культурному вліянію и поочередно было или подъ его властью или же подъ властью Египта. И подобно всѣмъ послѣдующимъ семитскимъ переселеніямъ, приводившимъ и въ Палестину новый этнографическій слой, и первое, „вавилонско-семитское“, осадило здѣсь часть своихъ народныхъ массъ. Если этотъ этнографическій слой для насъ уже потому осязательнѣе что онъ, по крайней мѣрѣ въ Вавилоніи, — историческій и мы, пожалуй, можемъ усматривать его слѣды кое въ чемъ, что позднѣе въ Финикіи оказывается вавилонскимъ, то мы ровно ничего не знаемъ о

тѣхъ народныхъ массахъ, которыя и въ то время, какъ и позже, проникали въ Финикію съ сѣвера: о современной этому періоду культурѣ Малой Азіи у насъ еще нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Слѣдующее семитическое переселеніе наложило свою печать на страну и ея населеніе. Мы даемъ ему названіе по странѣ. Но можно было бы принять, что не только существовавшія тогда тѣсныя отношенія къ Вавилоніи дали странѣ вавилонскую культуру, перевѣсъ и господство (яркая иллюстрація — употребленіе клинообразнаго письма и вавилонскаго языка въ перепискѣ), но также и то, что изъ „вавилонско-семитской“ первобытной древности цѣпь традицій тянулась въ странѣ даже до этого періода. Переселенцы, которые захватили теперь власть надъ страной, уже застали въ ней вавилонскую культуру или, по крайней мѣрѣ, подвергшуюся ея вліянію, а не впервые принесли ее съ собой изъ евфратской долины. Если такимъ образомъ новое населеніе поглотило старое и передало ему свой собственный характеръ, то все-таки нужно имѣть въ виду, что тамошняя культура не была введена однимъ только народомъ. Точно такъ же, какъ вавилонско-семитское населеніе въ Вавилоніи получаетъ значеніе, воспринимая сумерійство и сохраняя свой характеръ въ послѣдующія тысячелѣтія въ потокѣ новыхъ переселеній, и въ Палестинѣ ближайшая семитская группа подчиняетъ сидѣвшихъ тамъ насельниковъ, принесенныхъ „вавилонско-семитскимъ“ вторженіемъ, и выдвигаетъ на первый планъ свои характерныя черты. Но ихъ культура, какъ и сумерійская, оставляетъ и здѣсь слѣды. Такъ точно Германія имѣетъ германское населеніе, но германская культура получила свою часть отъ римской, которая была представлена въ странѣ.

Б. **Ханаанейская эпоха.**

Съ вторженія новыхъ переселенцевъ для насъ и начинается собственно исторія Ханаана и Палестины. Ихъ народы развились именно здѣсь и здѣсь же исполнили ту роль, которую имъ суждено было сыграть на сценѣ всемірной исторіи. Такъ какъ въ эту эпоху Ханаанъ въ своемъ своеобразіи былъ сравнительно болѣе независимъ, чѣмъ когда-либо, то мы даемъ названіе ханаанейской той группѣ, которая одна сообщила странѣ извѣстное значеніе. Мы, правда, приняли, (стр. 8), что это переселеніе повело также къ занятію и болѣе далекихъ странъ: Вавилоніи и съ ней вмѣстѣ всей тигро-евфратской низменности, а можетъ быть и Египта. Но здѣсь завоеватели приняли существовавшую могущественную культуру и поступились чертами своего національнаго характера. Они здѣсь подверглись обычной участи варваровъ въ культурныхъ странахъ, подобно завоевателямъ-германцамъ въ Италіи, тогда какъ въ мѣстностяхъ, только зависѣвшихъ отъ этихъ культуръ и не переживавшихъ процесса самостоятельнаго роста, они имѣли полную возможность сохранить свой національный характеръ.

Мы можемъ отмѣтить въ этомъ переселеніи два слоя: древнѣйшій, который въ тотъ періодъ, когда наши источники становятся щедрѣе, уже осѣлъ и ужъ давно владѣлъ городами и, главнымъ образомъ, приморскими городами, и новѣйшій, который какъ разъ въ это же время находится въ движеніи, стремясь завоевать землю. Первый по его важнѣйшимъ представителямъ мы называемъ финикійской группой, второй, въ согласіи съ Библіей и Тель-амарнской перепиской, еврейской. И если подъ первой мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ всѣ тѣ племена, которыя переселились въ самомъ началѣ и заняли, понятно, города и морской берегъ, то вторая группа обнимаетъ тотъ слой, который при свѣтѣ нашихъ источниковъ представляется намъ находящимся въ это время въ движеніи, переселяющимся, воюющимъ, и ведущимъ борьбу съ первой груп-

ной. Извѣстнѣйшія въ этомъ второмъ слоѣ племена — амореи, народы, входившіе въ израильскій союзъ, моавитяне, аммонитяне, эдомитяне. Въ общемъ всѣ они говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, но въ діалектическихъ особенностяхъ становится замѣтнымъ различіе между обѣими большими группами.

Здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ древнѣйшею изъ этихъ двухъ группъ, которую наши источники рисуютъ осѣдлою. Впереди всѣхъ нужно назвать жителей приморскихъ городовъ, финикіянъ, какъ ихъ называли греки. Въ срединѣ третьяго тысячелѣтія они вторгнулись въ Ханаанъ и бродили здѣсь по всей странѣ до тѣхъ поръ, пока они, подъ давленіемъ идущихъ за ними народныхъ массъ, не удержались въ прибрежныхъ областяхъ. Эти шедшія за ними и родственныя имъ толпы — ханаанеи Библіи, которыхъ мы въ еврейскую эпоху встрѣчаемъ въ городахъ внутренней части страны и о которыхъ мы узнаемъ только изъ разсказовъ о ихъ борьбѣ съ „евреями".

Вторгнувшіеся „финикіяне" конечно не представляли народа, управлявшагося единымъ правительствомъ: это были только отдѣльныя племена, которыя (сравн. переселенія арамеевъ, халдеевъ и другихъ) шли впередъ просто на свой рискъ, подхваченные общимъ великимъ теченіемъ, толкая и сами будучи отодвигаемы до тѣхъ поръ, пока то, что оставалось въ этомъ потокѣ цѣлымъ, не осѣдало въ концѣ концовъ въ опредѣленномъ мѣстѣ жительства. Тамъ разселялись они по отдѣльнымъ укрѣпленнымъ пунктамъ и мѣстностямъ, лежавшимъ въ сферѣ ихъ охраняющаго вліянія. Они по этому врядъ ли были основателями этихъ городовъ, но по большей части находили ихъ уже отъ стараго населенія. Затѣмъ они подвергались участи осѣдлыхъ народностей. Они входили въ союзъ другъ съ другомъ тамъ, гдѣ ихъ соединяли обстоятельства; они расходились, гдѣ обстоятельства ихъ разъединяли. Собственно финикіяне — осѣдлый народъ и, какъ таковой, порожденіе условій, которыя привели ихъ къ осѣдлому образу жизни. Отдѣльныя группы ихъ ко времени иммиграціи не сложились еще, какъ таковыя, и только въ мѣстахъ новаго жительства объединились.

Идя съ сѣвера на югъ, мы можемъ отмѣчать нѣкоторыя изъ этихъ группъ, которыя въ общемъ соотвѣтствуютъ значительнымъ городамъ. Самый сѣверный изъ собственно финикійскихъ городовъ это — Арвадъ; города, лежавшіе къ сѣверу отъ него, тоже вѣроятно принадлежали ему. Мѣстоположеніе его намъ извѣстно; до нашихъ дней сохранилось даже имя (Руадъ). Городъ лежалъ на островѣ, подобно Тиру и Сидону. Идя дальше на югъ, мы встрѣчаемъ Гебалъ (Библъ), теперешній Джебейль: лежитъ на материкѣ, съ культомъ и храмомъ „Ваалаты Гебальской". Дальше къ югу лежитъ Бейрутъ, въ тель-амарнскую эпоху особое царство, позднѣе по большей части былъ подъ властью Гебала; ассирійцы нигдѣ не упоминаютъ о немъ. За нимъ идетъ Сидонъ, точно также въ началѣ лежавшій на островѣ. Культъ Астарты былъ главнѣйшимъ въ этомъ городѣ; здѣсь же находилось извѣстное національное святилище финикійскихъ племенъ. Въ самомъ южномъ государствѣ Тирѣ былъ храмъ Мелькарта. И остальныя части прибрежной полосы находились первоначально во владѣніи родственныхъ племенъ; однако они не примкнули къ финикійскому союзу или не могли примкнуть. Еще въ тель-амарнскую эпоху мы находимъ здѣсь самостоятельныхъ князей, которыхъ мы должны считать въ согласіи съ библейскимъ названіемъ „ханаанеями". Впослѣдствіи эти города (если только они не принадлежали Тиру, подобно Акко, Дору и Яффѣ) были заняты филистимлянами, и этимъ у нихъ разъ навсегда была отнята возможность примкнуть къ финикійскому союзу.

Къ этимъ большимъ по размѣру государствамъ причисляются маленькіе города; послѣдніе должны были присоединиться къ первымъ,

отчасти потому, что были заняты въ самомъ началѣ отдѣльными частями племенъ, завоевавшихъ большіе города, отчасти потому что подчинились или въ силу естественнаго хода вещей или покоряясь оружію. Нѣкоторые и изъ нихъ по временамъ имѣли своихъ „царей“ или вообще свое управленіе (напр. Бейрутъ), но только ни одинъ изъ нихъ не пользовался значеніемъ.

Изъ четырехъ государствъ: Арвада, Гебала, Сидона и Тира, ни одно не распространяло своей власти дальше принадлежавшей ему прибрежной области; поэтому—очень незначительныя, прямо ничтожныя отношенія. Значительнѣйшія изъ четырехъ государствъ—Сидонъ и Тиръ; они поэтому всегда соперничали другъ съ другомъ. Это соперничество привело на нѣкоторое время къ подчиненію одного государства другимъ (царство „сидонянъ“ со столицей Тиромъ; см. ниже, стр. 159). Но до объединенія хотя бы всѣхъ финикіянъ или до покоренія ими внутренней страны материка никогда не дошло. Единаго финикійскаго государства никогда не существовало. Изъ очень тѣсной связи Тира съ Сидономъ и ихъ объединенія подъ однимъ правленіемъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выросла противоположность къ двумъ сѣвернымъ государствамъ: послѣднія противополагались первымъ, какъ сѣверные финикіяне—южнымъ. Эту противоположность усилило и то обстоятельство, что благодаря нашествію амореевъ (см. ниже, стр. 162) сѣверныя области приняли еврейское населеніе, или получили его примѣсь; поэтому здѣсь впослѣдствіи говорили на діалектѣ, обнаруживающемъ особенности еврейскаго языка позднѣйшихъ переселенцевъ.

Всемірно-историческое значеніе имѣли только Сидонъ и Тиръ, тогда какъ оба сѣверныя государства мало-по-малу стушевывались. Но значенія и первыхъ не слѣдуетъ переоцѣнивать: ихъ выдвинуло сравнительно съ двумя другими не столько значительно большее могущество, сколько молва. А этой молвой они обязаны тому обстоятельству, что какъ разъ въ то время, когда они вступили въ кругъ исторически извѣстнаго запада, т.-е. когда они вошли въ сношенія съ греками, какъ разъ въ это время существовало сидонское царство съ Тиромъ, которое въ дѣйствительности нѣсколько превосходило другія. Благодаря этому имя сидонянъ и тирянъ выдѣляется съ IX и VIII столѣтія. За нѣсколько столѣтій до этой эпохи мы не замѣчаемъ ничего подобнаго. Въ эпоху тель-амарнской переписки (XV столѣтія) всѣ финикійскія государства одинаково малы, Сидонъ и Тиръ, быть можетъ немного больше,чѣмъ Гебалъ; и всѣмъ имъ угрожаютъ амореи, занявшіе уже въ это время Арвадъ.

Но особенное положеніе занималъ все-таки Сидонъ. У народовъ, жившихъ по сосѣдству, у израильтянъ, напр., финикіяне назывались общимъ именемъ сидонянъ; и что они сами называли себя такъ, на это указываетъ то же названіе у грековъ древнѣйшей эпохи, у Гомера, равно какъ и титулъ „царь сидонянъ“, который носилъ царь соединеннаго царства Тиръ-Сидона. Это названіе имѣетъ въ виду не только обитателей Сидона, но весь народъ, поскольку онъ еще въ то время держался вмѣстѣ (сѣверныя племена благодаря аморейско-еврейскому нашествію находились, по всей вѣроятности, въ болѣе слабой связи). Названіе свидѣтельствуетъ также и о томъ, что Сидонъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, занималъ выдающееся положеніе. Обстоятельства говорятъ за то, что этимъ положеніемъ Сидонъ обязанъ общепризнанному союзному святилищу. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ особенности на страницахъ карѳагенской исторіи, мы еще увидимъ, какъ это положеніе ясно проявляется въ томъ почтеніи, которое окружало святыню Сидона, храмъ Астарты; для финикіянъ она была почти тѣмъ же, чѣмъ Делосъ или Додона были для греческихъ племенъ. Но политическое господство не развилось изъ религіознаго; наоборотъ, единственный случай продолжительнаго владѣнія большей частью прибрежной полосы, который мы можемъ констатировать, выпалъ на долю Тира.

Извѣстія о древнѣйшей эпохѣ болѣе, чѣмъ скудны. Мы имѣемъ данныя Гудеи о сношеніяхъ съ западомъ (см. стр. 11) и современные имъ разсказы Саргона, царя Агадэ, о своихъ завоеваніяхъ на западѣ въ началѣ третьяго тысячелѣтія (стр. 11): это — до-ханаанейскій періодъ вліянія „вавилонскихъ семитовъ“ въ этихъ странахъ. Намъ не слѣдуетъ представлять значеніе этого періода менѣе важнымъ, чѣмъ значеніе послѣдующей эпохи: скудость источниковъ не можетъ быть критеріемъ. Уже въ этотъ періодъ, какъ въ тель-амарнскую эпоху въ Палестинѣ, здѣсь пользовались вавилонскимъ письмомъ и языкомъ; уже въ это время выходили суда въ открытое море изъ тѣхъ гаваней, что̀ позже занимали финикіяне; они были средствомъ для сношеній съ западнымъ міромъ, который въ это время былъ знакомъ вавилонянину не меньше, чѣмъ ассирійцу VIII столѣтія. Уже тогда безымянные обитатели этого берега распространяли черезъ Средиземное море вавилонскую культуру.

Наши дальнѣйшія извѣстія касаются эламскаго владычества (стр. 96), наслѣдовавшаго древне-вавилонскому. Новое положеніе вещей было результатомъ ханаанейскаго вторженія, которое сдѣлало финикіянъ и представителей другихъ родственныхъ имъ племенъ господами страны. Это нашествіе отдало въ руки хананеевъ Вавилонію и, кажется, Египетъ, благодаря гиксосамъ. Въ это время слѣдовательно еще тѣснѣе укрѣпились связи съ великимъ культурнымъ государствомъ на Евфратѣ; съ другой стороны возникли отношенія къ родственникамъ по племени въ Египтѣ. Нѣкоторые члены первой вавилонской династіи просто именуются царями Палестины (Хамму-раби, Амми-садокъ; см. выше стр. 15 и 16). Отсюда понятно, какимъ образомъ позже въ культурныхъ воздѣйствіяхъ тель-амарнской эпохи могло сказаться вліяніе этихъ связей, и какимъ образомъ Палестина, находившаяся подъ египетскимъ владычествомъ, пришла къ тому, что стала обмѣниваться съ фараономъ письмами, писанными клинообразнымъ алфавитомъ.

B. **Періодъ тель-амарнской переписки.**

Въ то время, какъ въ Вавиловіи касситы положили конецъ „ханаанейскому“ господству (стр. 17), Египетъ возсталъ противъ Гиксосовъ; подъемъ силъ привелъ фараоновъ въ Палестину, которую касситы должны были сдать, натолкнувшись на сопротивленіе ордъ, проникавшихъ сюда изъ Малой Азіи. Начинается періодъ египетскаго владычества, которое утвердили цари 18-й династіи, въ особенности Тутмосъ III, и которое держалось нѣкоторое время.

Отъ его преемниковъ, Аменготепа III и IV, мы имѣемъ въ тель-амарнской перепискѣ (стр. 18) наиболѣе надежныя извѣстія о положеніи Палестины подъ властью Египта и, основываясь на нихъ, можемъ нарисовать картину страны во второмъ тысячелѣтіи, томъ самомъ, на которое падаетъ вторженіе второй группы ханаанскаго переселенія — евреевъ. Въ нашемъ распоряженіи находится около 300 такихъ писемъ, адресованныхъ сирійско-палестинскими князьями фараону или его чиновникамъ. Здѣсь представлены всѣ страны, которыя находились подъ египетской властью. Самая сѣверная, соотвѣтствующая округу Алеппо, область, это—Нухашше (см. карту при стр. 10), занимавшая по отношенію къ Египту еще довольно свободное положеніе. Начиная отсюда, идутъ письма вплоть до самой южной границы страны. Всѣ эти письма писаны клинообразнымъ алфавитомъ и составлены на языкѣ, который можно назвать вавилонскимъ, приспособленнымъ къ финикійскому — lingua franca. Этотъ языкъ пользуется вавилонскимъ словаремъ, но очень часто обращается съ нимъ по законамъ финикійскаго языка и особенно прибѣгаетъ къ финикійскимъ формамъ въ спряженіи глагола, рѣзко отличающемся отъ вавилонскаго. Сказаннаго

достаточно, чтобы уяснить степень знакомства съ сущностью вавилонскаго духа. Давно уже оказывалъ онъ вліяніе; возникновеніе подобнаго языка для письменныхъ сношеній предполагаетъ долговременное вліяніе на страну и народъ. Даже самъ фараонъ пользуется этимъ языкомъ для своихъ распоряженій вассаламъ; стоитъ отмѣтить, что языкъ писемъ фараона даетъ ясныя указанія на то, что ихъ писалъ египтянинъ, а не чужеземный писецъ, державшійся для этого при дворѣ.

Въ этой перепискѣ проходятъ предъ нами государства, которыя тянутся на западъ отъ Ливана и дальше на югъ, въ области позднѣйшаго израильскаго царства. Удобнѣе начать съ значительнѣйшихъ, финикійскихъ. Эти государства, какъ и вся страна, находятся подъ властью своихъ мѣстныхъ князей, утверждавшихся фараономъ. Нигдѣ не были введена египтянами система управленія, въ родѣ ассирійскихъ провинцій; мы можемъ думать, что и при раннемъ вавилонскомъ государствѣ эта система не привилась. Такимъ образомъ система управленія была ленной, основанной на дани.

Самый сѣверный финикійскій городъ Арвадъ какъ разъ въ это время попадаетъ въ руки одного изъ проникавшихъ съ континента князей Азири, который называется амореемъ (стр. 114 и 153). Его выступленіе опредѣляетъ всю политику въ сѣверной Финикіи. Не удовольствовавшись Арвадомъ, онъ идетъ дальше на югъ, гдѣ ближайшимъ городомъ былъ Гебалъ (единственный, владѣвшій, повидимому, болѣе значительной областью), завоевываетъ на континентѣ города Бека'а, какъ напримѣръ Дунипъ (должно быть Иліополь—Баальбекъ), и еще дальше на сѣверѣ Ни (на Оронтѣ?). На сѣверѣ онъ распространяетъ такимъ образомъ свои владѣнія до Нухашше. Это уже указываетъ намъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со всѣми проявленіями жизни феодальнаго государства, безъ сильной державной власти. Фараонъ не признаетъ никакихъ обязанностей по охраненію мира въ странѣ. За вассалами остается право войны; и только тогда, когда они объявляютъ себя независимыми или отдаются другому крупному государству, или когда ихъ враги сумѣютъ убѣдить при дворѣ, что все это такъ, (потому что въ дѣйствительности всѣ они конечно имѣютъ такія намѣренія) тогда только фараоны вмѣшиваются въ дѣло. Мы наблюдаемъ постоянную войну сосѣдей между собой, постоянное желаніе каждаго въ отдѣльности выдать своего врага при дворѣ за измѣнника (стр. 19). Инсинуаціи, увѣренія въ собственной вѣрности, оправданія противъ обвиненій другихъ, просьбы о помощи — вотъ содержаніе писемъ. Само собой понятно, у каждаго изъ пишущихъ былъ при дворѣ сановникъ, могущій замолвить за него слово и преклонить ухо царево; понятно, этотъ предстатель получалъ за свою службу немалый бакшишъ.

Аморей Азири — завоеватель, старающійся захватить въ свои руки укрѣпленные города. Это намъ указываетъ на антагонизмъ, который здѣсь, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ, раздѣляетъ населеніе страны и который мы могли (ср. стр. 34) напр. прослѣдить до позднѣйшихъ временъ въ Вавилоніи, какъ рѣзкую рознь между халдеями и вавилонянами. Азири — князь племенъ, которыя воюютъ страну, слѣдовательно принадлежатъ къ позднѣе вторгнувшемуся слою великаго ханаанейскаго переселенія и вмѣстѣ съ этимъ становятся естественно во враждебное отношеніе къ осѣдлому уже населенію страны. Послѣднимъ мы дали названіе финикійскихъ по ихъ древнѣйшимъ и важнѣйшимъ представителямъ; первымъ — еврейскихъ. Въ согласіи съ Ветхимъ Завѣтомъ, употребляющимъ названіе „евреевъ“ для обозначенія вторгающихся, селящихся въ открытой странѣ и стремящихся овладѣть городами пришельцевъ, переписка египетскаго государственнаго архива называетъ ихъ хабири (вавилонская транскрипція слова „евреи“). Амореи Азири относятся къ той же группѣ населенія, къ которой причисляются израильтяне, и являются ихъ непосредственными предшественниками и союзниками.

Подвигаясь къ югу отъ Арвада, забирая по пути промежуточные меньшіе города, управлявшіеся собственными князьями (между ними Арка), Азири тѣснитъ область Гебала, князь котораго Рибъ-адди шлетъ къ египетскому двору письмо за письмомъ съ просьбами о помощи. Азири беретъ Сумуръ, городъ, лежавшій къ сѣверу отъ Гебала и входившій въ его область, и осаждаетъ даже Гебалъ, а фараонъ не вмѣшивается. Рибъ-адди идетъ за помощью въ Бейрутъ и изъ-за этого теряетъ свой тронъ въ пользу своего брата, который не возвращаетъ его ему. Азири забирается еще дальше; онъ виновникъ всѣхъ возмущеній въ тѣхъ мѣстностяхъ. Наконецъ, онъ вынимаетъ свой жребій: послѣ многочисленныхъ отговорокъ онъ долженъ былъ, наконецъ, отправиться ко двору, чтобы дать отвѣтъ, и былъ заключенъ въ тюрьму. До насъ дошло посланное ему однимъ изъ близкихъ въ Египетъ утѣшительное посланіе, которое, по всей вѣроятности, было перехвачено политической полиціей, такъ какъ оно „пріобщено къ актамъ“ и хранилось въ государственномъ архивѣ. Несмотря на это, амореи проникаютъ еще дальше: древнѣйшій изъ источниковъ Ветхаго Завѣта называетъ аборигенами израильской области амореевъ; когда израильскія племена вскорѣ послѣ этихъ событій проникли въ эти мѣстности, они должны были уже стать изъ „евреевъ“ осѣдлыми жителями городовъ.

Направляясь къ югу отъ Гебала, мы приходимъ въ Бейрутъ, у царя котораго Аммуниры Рибъ-адди искалъ помощи; Аммунира заботится, повидимому, о томъ, чтобы не испортить отношеній ни съ Рибъ-адди, который, кажется, дѣйствительно опирался на Египетъ, ни съ его опаснымъ врагомъ. Немного знаемъ мы о Зимридѣ, царѣ Сидона. Изъ жалобъ его сосѣда, а слѣдовательно естественнаго его врага Абимилки (Авимелехъ) изъ Тира ясно, что онъ держалъ сторону Азири и такимъ путемъ пытался достигнуть преимущества относительно своего сосѣда въ Тирѣ. Послѣднему пришлось очень плохо. Онъ былъ осажденъ на своемъ островѣ и отрѣзанъ отъ материка Зимридой, котораго поддерживалъ Азири; онъ не могъ даже доставать съ берега воды. Онъ пытается расположить фараона, сообщая ему всѣ возможныя извѣстія изъ страны. Ни онъ, ни Зимрида не являются хозяевами болѣе значительной области; о гегемоніи того или другого не можетъ быть и рѣчи.

Дальше къ югу лежалъ Акко; онъ имѣлъ своего князя. Этотъ городъ очень часто упоминается, какъ гавань для путешествующихъ въ Египетъ. Дальше лежатъ Яффа и Газа, находившіяся подъ властью одного князя, и между ними Аскалонъ, подъ властью другого. Мы не въ состояніи опредѣлить, были ли это уже филистимляне; имена не похожи на финикійскія и ханаанейскія. Изъ многочисленныхъ князей континента интересенъ только Абдъ-хиба, царь Іерусалима: онъ не былъ наслѣдственнымъ княземъ, его поставилъ фараонъ. Его тѣснятъ его сосѣди Таги, Милки-ель и сыновья Лапайи, и онъ неистощимъ въ предостереженіяхъ: если ему не помогутъ, твердитъ онъ, страна, которая до сихъ поръ была вѣрна царю, должна перейти въ руки Хабири. Изложеніе писемъ въ подробностяхъ завело бы слишкомъ далеко. Въ нихъ упоминается большая часть хорошо извѣстныхъ по Библіи мѣстностей, являющихся предметомъ борьбы. Князья цѣлаго ряда городовъ сообщаютъ въ коротенькихъ, формальныхъ письмахъ только о своей готовности исполнять царскія повелѣнія и поставить свои войска подъ начальство египетскаго главнокомандующаго.

Замѣчательно одно письмо, которое было найдено въ Тель-хези, въ развалинахъ Лакиша. Очень похожее по письму и внѣшнему виду на тель-амарнскія письма, оно адресовано египетскому военачальнику и сообщаетъ объ отпаденіи двухъ князей. Изъ нихъ одинъ названъ Зимрида (какъ и сидонскій); онъ дѣйствительно извѣстенъ, какъ царь Лакиша, и

по его собственному письму изъ тель-амарнской коллекціи и по сообщеніямъ Абдъ-хибы. Удивительная случайность открыла намъ эту одинокую таблицу при раскопкахъ въ Тель-хези, какъ разъ въ то время, когда стало извѣстнымъ открытіе египетскаго государственнаго архива. Находку этого письма въ Тель-хези только и можно объяснить себѣ тѣмъ, что оно было перехвачено Зимридой. Еще удивительная судьба глиняной таблички! (см. стр. 21).

Тель-амарнская переписка охватываетъ только немногіе годы послѣдняго времени царствованія Аменготепа III и начало правленія его преемника. Изъ всѣхъ сообщеній видно, что египетское господство было не прочно. Оно покоилось собственно скорѣе на безсиліи и раздорахъ безчисленныхъ мелкихъ князей, чѣмъ на силѣ Египта. Рибъ-адди пытается очернить своего врага Азири, заявляя, что онъ идетъ за одно съ царями Вавилоніи, Митани и хеттовъ (стр. 19) и, что если онъ овладѣетъ страной, то отъ нихъ приметъ ее въ ленъ. Среди неурядицъ, наступившихъ послѣ смерти Аменготепа IV, египетское вліяніе, въ особенности на сѣверѣ, было потеряно и страна оказалась въ зависимости отъ хеттовъ, поступательное движеніе которыхъ мы можемъ констатировать уже по письмамъ изъ Тель-Амарны. Вавилонія и Митани не могли дѣйствовать на западѣ; у нихъ былъ врагъ въ Ассиріи, занявшій все ихъ вниманіе. Потомъ въ XIII столѣтіи египетское владычество было снова возстановлено: хетты были оттѣснены и Рамсесъ II (см. стр. 112) заключилъ съ ними договоръ. Картина, которую представляетъ собой страна, была въ подробностяхъ похожа на ту, которая была передъ наблюдателемъ за два столѣтія до этого; только другія лица играли теперь роль Рибъ-адди, Азири, Абдъ-хибы и т. д. Какъ разъ въ это время израильскія племена завоевали мѣста ихъ пребыванія и объединились въ одномъ союзѣ. На сѣверѣ египетская власть испытывала все бо́льшія и бо́льшія потрясенія; и даже на югѣ за помощью къ фараону обращались только тогда, когда не могли обойтись собственными силами. XI столѣтіе видѣло завоеванія филистимлянъ, возникновеніе царствъ Саула и Давида; слѣдующее тысячелѣтіе видѣло царство Дамаска, когда ни Египетъ, ни возвысившаяся между тѣмъ Ассирія не властвовали въ Палестинѣ. На югѣ искали убѣжища или изгнанные князья въ родѣ Гадада изъ Эдома, или неудачные претенденты въ родѣ Іеровоама; они хотѣли при помощи египетскаго войска достичь исполненія своихъ желаній, какъ тотъ-же Іеровоамъ.

Четыре финикійскихъ государства еще менѣе были затронуты этими обстоятельствами, чѣмъ страны континента. Море давало имъ возможность быть еще самостоятельнѣе послѣднихъ; а богатство, которое было результатомъ ихъ торговли, давало имъ силы сопротивляться египетскому войску или было средствомъ гарантировать самостоятельность деньгами. Послѣ аморейскаго вторженія Арвадъ принялъ новое „еврейское“ населеніе, благодаря аморейскому завоеванію. Съ Гебаломъ мы разстались въ тотъ моментъ, когда Азири былъ готовъ захватить его въ свои руки. Нашествіе амореевъ, какъ свидѣтельствуетъ позднѣйшій діалектъ (стр. 154), очевидно, сопровождалось завоеваніемъ этого города. Но оба города — и Арвадъ и Гебалъ — не измѣнили существенно своей физіономіи: они попрежнему оставались приморскими торговыми городами, но отъ стараго союза финикіянъ или сидонянъ они, конечно, были отторгнуты. Нужно еще добавить, что власть Египта здѣсь на сѣверѣ была не такъ сильна, какъ на югѣ, что эти города раньше, чѣмъ Сидонъ и Тиръ, должны были подчиниться той силѣ, которая шла изъ Сиріи. Поэтому они уже платили дань хеттамъ въ то время, какъ Сидонъ и Тиръ еще должны были держаться за фараона. Когда Тиглатъ-Палассаръ I былъ въ Арвадѣ, признавшемъ слѣдовательно свою ленную зависимость отъ него, фараонъ прислалъ ему дары (стр. 54) и поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія, какъ сюзеренъ южной части

страны. Подобныя же отношенія мы можемъ констатировать немного спустя между Египтомъ и Навуходоносоромъ I, когда послѣдній, до своего пораженія Ассуръ-ришъ-иши, занялъ Палестину (см. стр. 22 и 53).

Г. **Расцвѣтъ.**

Въ XI столѣтіи мы встрѣчаемъ меньше извѣстій о вмѣшательствѣ Ассиріи и Египта: въ это время большія государства Финикіи могли развиваться безпрепятственно. На первомъ мѣстѣ нужно поставить царство Давида и тиро-сидонское. Въ ту эпоху, о которой мы снова имѣемъ свѣдѣнія, въ эпоху Давида и Соломона, очевидно, Тиру принадлежала руководящая роль. Его князья называются „царями сидонянъ"; они господствуютъ надъ Сидономъ и всѣмъ берегомъ, поскольку онъ еще принадлежитъ союзу „сидонянъ", слѣдовательно безъ сѣверныхъ городовъ. Если вообще можно говорить о „государствѣ финикіянъ", такъ это именно теперь.

Сверхъ тѣхъ незначительныхъ свѣдѣній о сношеніяхъ Соломона съ Хирамомъ, которыя даетъ намъ Библія, мы знаемъ, конечно, немного. Хирамъ и его отецъ Аби-Баалъ больше всѣхъ другихъ царей сдѣлали для распространенія своего царства. Если у Іосифа правильно возстановлено чтеніе, то Хирамъ основалъ на Кипрѣ Китій, т.-е. онъ завоевалъ существовавшій тамъ городъ и посадилъ въ немъ тирскаго намѣстника. Въ періодъ тель-амарнской переписки на Кипрѣ находилось царство Алашья, царь котораго обмѣнивается письмами съ Аменготепомъ III и IV и уже тогда поставляетъ имъ мѣдь. И онъ пишетъ по-„вавилонски" и клинообразнымъ шрифтомъ. О его національности нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Среди немногихъ названныхъ именъ не встрѣчается финикійскихъ. Нѣтъ основанія думать, что уже тогда финикійское населеніе занимало на островѣ господствующее положеніе. Спустя три столѣтія завоеваніе Хирама должно было бы означать первое обоснованіе здѣсь финикійскаго вліянія. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, завоеванный городъ Китій былъ „вновь основанъ", какъ выражались ассирійцы, и получилъ новое названіе „Картъ-хадастъ" — Новгородъ, какъ разъ то самое названіе, которое получилъ „Новый" городъ въ Африкѣ, Карѳагенъ. Подчиненный съ этихъ поръ царству Тира-Сидона островъ Кипръ, отнынѣ находится или подъ властью намѣстника, какъ тирская провинція, или же подъ властью платящихъ дань царей отдѣльныхъ городовъ. Здѣсь были важнѣйшія владѣнія тиро-сидонскаго царства; врядъ ли можно предполагать зависимость африканскихъ колоній. Блескъ новаго царства былъ запечатлѣнъ по восточному обычаю возведеніемъ новыхъ грандіозныхъ зданій на островѣ Тирѣ.

Одному отрывку у Іосифа изъ хроники Менандра, историка финикіянъ, писавшаго по-гречески, у котораго взяты эти извѣстія, мы обязаны сообщеніемъ важныхъ извѣстій объ управленіи слѣдующихъ царей; извлеченныя изъ тирскихъ архивовъ, эти извѣстія, несмотря на свою неясность, заслуживаютъ передачи. По нимъ, послѣ Хирама царствовалъ его сынъ Баалъ-азаръ 7 или 17 лѣтъ (около 970—953), и за нимъ его сынъ Абдъ-Ашторетъ, 9 лѣтъ. Его убили „четыре сына его кормилицы", одинъ изъ которыхъ Мету-Ашторетъ сталъ царемъ и правилъ 12 лѣтъ. Ему наслѣдовалъ въ теченіе 9 лѣтъ его братъ Астеримъ. Послѣдній былъ убитъ своимъ братомъ Пелломъ, который продержался восемь мѣсяцевъ. Ничего не говорится о томъ, что было причиной возстанія братьевъ и какія перемѣны знаменуетъ ихъ владычество. Пелла свергнулъ Итобалъ, „жрецъ Астарты", который царствовалъ 32 года (около 900 г.). Мы не знаемъ, и того, въ какомъ отношеніи стояли къ этимъ переворотамъ внутреннія условія, и на сколько вліяло на нихъ напр. соперничество двухъ главныхъ горо-

довъ: Тира и Сидона. Итобалъ упоминается и въ Библіи; его дочь Іезавель была за Ахавомъ. Послѣ него царствовали его потомки: Баалъ-азаръ 6 лѣтъ, Меттъ 9 лѣтъ и Пигмаліонъ 47 лѣтъ (почти до 800 г.). Іосифъ доводитъ свой списокъ по Менандру только до этихъ временъ, такъ какъ при Пигмаліонѣ былъ „основанъ" Карѳагенъ, и ему въ данномъ мѣстѣ было важно опредѣлить эту дату. Во всякомъ случаѣ можно считать доказаннымъ болѣе продолжительное царствованіе династіи Итобала. Къ той революціи, въ которой Пигмаліонъ убилъ мужа своей сестры, жреца Астарты (какъ и Итобалъ), привязывается сказаніе о Дидонѣ и основаніе Карѳагена. Такъ какъ не слѣдуетъ сомнѣваться въ историческомъ ядрѣ разсказа, то можно принять за достовѣрное: породнившійся съ царемъ и, можетъ быть, вообще родственный ему верховный жрецъ попытался захватить власть въ свои руки и былъ убитъ. Существовала слѣдовательно борьба жречества съ царской властью, которая происходила повсюду на востокѣ и какъ разъ въ это время у израильтянъ и іудеевъ.

Д. **Послѣднія столѣтія финикійской исторіи.**

а) Паденіе Сидона.

Мы немного можемъ извлечь изъ сообщеній Іосифа-Менандра объ отношеніяхъ Тира и Сидона. Послѣ возвышенія Аби-Баала Тиръ сталъ главнымъ городомъ, хотя въ дѣйствительности первенствовалъ Сидонъ, центръ общепризнанныхъ культовъ. Можно предполагать, что въ обѣихъ только-что упомянутыхъ революціяхъ и это отношеніе не осталось безъ нѣкотораго вліянія. Оставалось ли при этомъ объединенное „государство" или уже произошло раздѣленіе обоихъ царствъ, этого по нашимъ даннымъ выяснить нельзя. Ассирійскія сообщенія изъ эпохи послѣ Итобала повсюду называютъ оба города отдѣльно: и въ 842 и въ 839 году Салманассаръ II называетъ въ числѣ платящихъ дань государствъ отдѣльно сидонянъ и тирянъ (при Пигмаліонѣ). Такъ какъ Итобалъ въ Библіи еще называется „царемъ сидонянъ", то раздѣленіе произошло, вѣроятно въ промежуточный періодъ (900—800 г.). И Рамманъ-Нирари III говоритъ о Тирѣ и Сидонѣ, какъ объ отдѣльныхъ государствахъ. Его походъ на западъ имѣлъ мѣсто вскорѣ послѣ смерти Пигмаліона. Быть можетъ, Ассирія сочувствовала распаденію царствъ по принципу divide et impera и помогала ему. Преданіе относитъ „основаніе Карѳагена" приблизительно къ 845 г., какъ разъ къ тому времени, когда Салманассаръ (съ 854 г.) велъ на западѣ войну съ Дамаскомъ; въ 842 году ему уплатили дань Іиуй израильскій, Сидонъ и Тиръ (см. таблицу при стр. 201). По такимъ отношеніямъ можно сдѣлать предположеніе, что интриги въ Тирѣ между Пигмаліономъ и его зятемъ велись при ассирійской поддержкѣ. Такимъ образомъ Сидонъ, лишь только получалъ поддержку со стороны Ассиріи, укрѣплялъ самостоятельное по отношенію къ Тиру положеніе; лишь только терялъ ее, терялъ и самостоятельность. Въ 701 году по крайней мѣрѣ наблюдается опять такое положеніе (см. ниже). Въ то время, когда Ассирія не могла двинуться на западъ, были возстановлены старыя отношенія: когда Тиглатъ-Палассаръ появился здѣсь въ 738 году, онъ имѣлъ дѣло только съ царемъ Тира; нѣтъ и помина о царѣ Сидона, который слѣдовательно снова долженъ былъ подчиниться тирскому господству.

Но теперь область государства была стѣснена основанной въ 732 году Тиглатъ-Палассаромъ Ассирійской провинціей, которая охватывала большую часть сѣверно-финикійскихъ городовъ (Симирра, Арка) и область Ливана. Тиглатъ-Палассаръ передалъ эту провинцію своему сыну Салманассару, объявленному наслѣдникомъ (стр. 55). Царемъ въ это время былъ Хирамъ II, который всегда платилъ свою дань и избѣгалъ ссоры съ Ассиріей.

Въ 730 году ему, должно быть, наслѣдовалъ Меттенъ (II). Онъ было задумалъ войну съ Ассиріей, но въ 729 году ассирійское войско очень скоро образумило его; и онъ долженъ былъ порыться въ своей толстой мошнѣ, чтобы купить миръ.

Кажется, Меттенъ царствовалъ недолго (быть-можетъ, его подчиненіе Ассиріи было причиной его паденія): въ 727 году, стало-быть, очень скоро по смерти Тиглатъ-Палассара, Элулай, какъ его зоветъ переданный Іосифомъ отрывокъ Менандра, или Лули, какъ позже называетъ его Синахерибъ, прекратилъ уплату дани. Салманассаръ, какъ передаетъ извѣстіе, выступилъ противъ Тира, но далъ себя склонить къ заключенію мира: это значитъ, что Лули сдѣлалъ заявленіе о своей готовности платить дань. Слѣдующее не совсѣмъ ясное извѣстіе мы имѣемъ отъ Саргона, который однажды кратко замѣчаетъ, что онъ „водворилъ порядокъ въ Тирѣ и Куэ (Киликіи)“. Остается неяснымъ, означаетъ ли это вмѣшательство во внутреннія неурядицы или упорядоченіе условій владѣній на Кипрѣ. За послѣднее предположеніе говорятъ и обстоятельства, которыя обнаруживаются теперь, и сообщеніе Менандра. О Лули-Элулаѣ Менандръ сообщаетъ дальше, что онъ вновь покорилъ Китій, а Саргонъ о себѣ говоритъ, что онъ собралъ дань съ семи царей Кипра (см. стр. 70). Это были греки, какъ свидѣтельствуютъ позднѣйшія событія, и ихъ политика ясна. Они искали помощи у ассирійцевъ, чтобы вытѣснить финикіянъ съ Кипра. Въ постоянныхъ колебаніяхъ, обычныхъ спутникахъ подобныхъ отношеній, Саргонъ долженъ былъ признать относительно обладанія Китіемъ право Тира, и послѣдній снова занялъ потерянный городъ.

Когда послѣ смерти Саргона западъ заволновался, Лули въ Финикіи и Езекія на континентѣ стали группировать вокругъ себя повстанцевъ. Но, какъ всегда, возстаніе не вылилось въ опредѣленныя формы, и всѣ города, за исключеніемъ Тира, сдались безъ сопротивленія Ассиріи. При разсказѣ объ этомъ событіи Синахерибъ перечисляетъ финикійскихъ царей и даетъ намъ возможность составить представленіе о положеніи вещей въ это время. Это были Менахемъ изъ Шамс-марона, незначительнаго финикійскаго города, до сихъ поръ еще неизвѣстнаго, Абдъ-ле'атъ изъ Арвада и Уру-мелекъ изъ Гебала (срв. стр. 70). Всѣ города царства Тира-Сидона были взяты безъ затрудненій; Синахерибъ называетъ Большой и Малый Сидонъ, Виѳзанту, Сарепту, Махаллибу, Экдиппу, Ушу (противъ острова Тира) и Акко. Тиръ Синахерибъ осаждалъ безъ всякаго успѣха; поэтому онъ умалчиваетъ о немъ. Но мы знаемъ объ этомъ изъ сообщенія Менандра: даже финикійскія суда Синахериба были уничтожены тирянами. Лули самъ бѣжалъ на Кипръ, т. е. въ Китій, чтобы здѣсь ждать удобнаго случая для возвращенія въ Тиръ, который все еще держался. Скоро онъ, должно-быть, умеръ; гдѣ, въ Китіи или уже снова въ Тирѣ, намъ неизвѣстно. Синахерибъ скупъ на слова относительно этихъ дѣлъ. Въ его изложеніи событій 700 года нѣтъ еще извѣстія о смерти Лули; оно встрѣчается въ слѣдующемъ отчетѣ — о 691 годѣ. Вѣроятнѣе всего, что Лули послѣ отступленія ассирійцевъ преспокойно вернулся въ Тиръ и постарался занять потерянную имъ область.

Синахерибъ между тѣмъ воспользовался враждебными отношеніями Сидона и Тира для обезпеченія своего вліянія. Онъ поставилъ „царемъ сидонянъ“ въ Сидонѣ Тубаала (Итобалъ II; срв. стр. 70), который получилъ весь морской берегъ царства Тира-Сидона, за исключеніемъ не завоеваннаго острова Тира. Понятно, между этими двумя городами или государствами, сейчасъ же была объявлена война, и Ассирія выступила въ роли третейскаго судьи. Синахерибъ былъ занятъ въ это время на другомъ концѣ своего царства; и онъ вскорѣ умеръ, такъ что даже не смогъ покарать Іерусалимъ. Помимо этого, нашествіе Тахарки изъ Египта выставило новаго врага, у котораго Тиръ и Сидонъ могли найти опору.

Какимъ образомъ складывались въ подробностяхъ обстоятельства этой эпохи, неясно. Однако вопреки нашимъ ожиданіямъ, мы съ самаго начала находимъ Сидонъ въ возстаніи противъ Ассиріи въ началѣ царствованія Ассаргаддона (680 или 679 гг.). Абдъ-Милкотъ, вѣроятно, преемникъ поставленнаго въ 701 году Итобала, долженъ былъ сдать городъ и спустя два года нашелъ свой конецъ вмѣстѣ со своимъ союзникомъ Сандуарри (стр. 12). Сидонъ былъ совершенно разрушенъ. Изъ сообщеній Ассаргаддона видно, что Сидонъ до сихъ поръ лежалъ точно также на островѣ; этимъ островомъ была выдающаяся въ настоящее время въ море часть города, которая въ то время отдѣлялась отъ материка узкой полосой воды. Ассаргаддонъ приказалъ до тла разрушить городъ и по заведенному порядку воздвигнуть на другомъ мѣстѣ, т.-е. какъ разъ противъ, на материкѣ, новый городъ, который сталъ стольнымъ городомъ основанной провинціи Сидонъ. Само собой разумѣется, среди населенія этотъ городъ никогда не носилъ другого названія, кромѣ Сидона, и сталъ ядромъ позднѣйшаго Сидона. Для „финикіянъ" разрушеніе города было событіемъ большой важности: вмѣстѣ съ нимъ было уничтожено національное святилище. Сидонъ пересталъ быть религіознымъ центромъ.

По сообщенію, которое вѣроятно имѣетъ въ виду это событіе, боги были перевезены въ Тиръ. Тиръ такимъ образомъ изъ политическаго центра сталъ теперь и религіознымъ центромъ „сидонянъ" въ то время, какъ древній союзный городъ былъ уничтоженъ, и его имя носилъ теперь главный городъ ассирійской провинціи, въ которомъ приносили теперь жертвы Ассуру, а не Астартѣ и не Эшмуну. Только въ эпоху персидскаго господства Сидонъ (такъ же, какъ и Іерусалимъ) вернулъ свою самостоятельность. Съ этихъ поръ нѣтъ больше царей Сидона. Но еще отъ этого времени, какъ и отъ болѣе поздняго, до насъ дошли въ видѣ именъ и другія свидѣтельства объ ассирійскихъ культахъ здѣсь. Новый Сидонъ былъ явленіемъ того же порядка, какъ Самарія — городъ вавилонскаго „куѳическаго" населенія съ его мѣстными культами. Какъ Самарія соперничала съ Іерусалимомъ, такъ Сидонъ позже оспаривалъ у Тира право на преимущество большей древности, конечно, согласно представленію объ этомъ современной эпохи; споръ шелъ о томъ, какой изъ двухъ городовъ имѣетъ больше правъ на честь считаться обиталищемъ тѣхъ боговъ, которымъ принадлежала страна „сидонянъ".

б) Царство Тира.

Съ тѣхъ поръ, какъ область Сидона стала ассирійской провинціей, финикійская исторія ограничивается теперь только царствомъ Тира. Самый фактъ существованія подобнаго царства и то обстоятельство, что оно могло еще терять области, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ промежуточный періодъ Лули (или его преемникъ) снова, должно быть, изъ Тира вернулъ принадлежавшую городу область. Китій въ концѣ концовъ погибъ окончательно для Тира: Ассаргаддонъ и Ассурбанипалъ называютъ въ Картъ-Хадастѣ особаго царя, имя котораго врядъ ли можно признать за финикійское; нужно принять слѣдовательно, что въ это время весь островъ перешелъ въ руки грековъ.

Слѣдующій, извѣстный царь Тира, вѣроятно наслѣдникъ Лули — Ваʼалъ. Сначала онъ держалъ сторону Ассаргаддона и поставлялъ ему войско въ первомъ египетскомъ походѣ. Потомъ онъ перешелъ на сторону Тахарки, очевидно въ надеждѣ получить область Сидона. Во время похода 673 года Ассаргаддонъ отправилъ отрядъ войска на Тиръ; отрядъ занялъ на материкѣ Ушу и возвелъ окопы напротивъ острова, отрѣзавъ такимъ образомъ всякое сообщеніе съ материкомъ, и блокировалъ гавань. Самый островъ Тиръ держался до тѣхъ поръ, пока не пришло извѣстіе объ изгнаніи

Тахарки. Тогда Ва'алъ покорился, но сохранилъ за собой только свой островъ (стр. 72). По полученіи сообщенія о возвращеніи Тахарки, онъ конечно тотчасъ же перешелъ на его сторону, такъ что ассирійская осада только на очень короткое время была снята. Когда потомъ въ 668 году (уже при Ассурбанипалѣ) Тахарка былъ снова прогнанъ, онъ снова покорился ассирійцамъ, но только все его „царство" было ограничено теперь однимъ маленькимъ островомъ. На материкѣ, въ Ушу сѣлъ ассирійскій намѣстникъ „провинціи Тира", охватывавшей область Тира. Такимъ образомъ отъ царства Хирама осталось теперь еще меньше, чѣмъ отъ царства Соломона. Въ послѣднемъ были, по меньшей мѣрѣ, кромѣ Іерусалима еще нѣсколько городовъ, здѣсь же „державу" можно было обойти въ полчаса; да и воду-то нельзя было брать безъ разрѣшенія ассирійскаго намѣстника.

Дѣла находились въ такомъ положеніи, которое должно было постоянно поддерживать стремленіе къ возстанію. Какъ въ Іерусалимѣ, и здѣсь была партія, которая постоянно грезила объ отпаденіи и превращала въ суровый терновый вѣнецъ коронку своего царя, принимавшаго волей или неволей въ силу своего вѣрноподданическаго отношенія къ Ассиріи на себя всю ненависть населенія. Обѣщанія Шамашъ-шумъ-укина (срв. стр. 77 и 31) не остались безъ отголоска въ Тирѣ, и въ 40-мъ году VII столѣтія до Р. Х., дѣйствительно началось возстаніе въ провинціи; Ассурбанипалъ безъ всякаго труда подавилъ его и жестоко покаралъ Ушу и Акко (ср. стр. 77).

Такимъ образомъ стремленіе вернуть прежнюю силу оставалось въ области желаній, пока Ассирія сохраняла свое могущество. Потомъ пришло время великаго краха; явился фараонъ Нехао изъ Египта. Въ Тирѣ, понятно, пользуются этимъ случаемъ, чтобы снова стать твердой ногой на континентѣ. Большихъ результатовъ отсюда не получилось; когда Нехао былъ отбитъ, оказалось, что Навуходоносоръ не расположенъ представлять покореннымъ условія болѣе благопріятныя, чѣмъ тѣ, которыя давали ассирійскіе цари. При Итобалѣ III, этомъ ближайшемъ извѣстномъ намъ по имени царѣ, снова началось возстаніе. По сохранившемуся у Іосифа извѣстію Тиръ осаждали безъ всякаго результата (см. стр. 89) въ продолженіе 13 лѣтъ (598—585). Надѣялись при этомъ тиряне на помощь Египта (Апрій), но надежды были такъ же тщетны, какъ и въ Іерусалимѣ. Однако на этотъ разъ городъ не былъ завоеванъ, несмотря на всеобщія ожиданія, нашедшія извѣстное выраженіе въ пѣснѣ Іезекіиля (27 глава). Мѣстоположеніе Тира дѣлало его безопаснымъ отъ осаднаго искусства ассирійцевъ и вавилонянъ. Такимъ образомъ онъ еще разъ спасся отъ судьбы Іерусалима, и островъ сохранилъ свое управленіе. Торговля всегда давала городу возможность пунктуально выполнять свои платежныя обязательства.

О послѣдовавшихъ событіяхъ мы имѣемъ слѣдующія извѣстія: послѣ Итобала царствовалъ Ва'алъ (II), 10 лѣтъ, потомъ пять судей, каждый по нѣскольку мѣсяцевъ и въ ихъ числѣ царь Балаторъ. Очевидно этотъ періодъ былъ богатъ безпорядками съ различными попытками претендентовъ захватить власть въ свои руки. Въ концѣ концовъ у Нериглиссара выпросили въ цари изъ Вавилона Мербаала, очевидно, члена царской семьи: онъ, по примѣру многихъ другихъ царскихъ сыновей, жилъ при дворѣ въ качествѣ заложника. Мербаалъ царствовалъ четыре года. Послѣ него выпросили и получили его брата Хирама (III), который процарствовалъ 20 лѣтъ. На 14 году его правленія (539) палъ Вавилонъ, и Тиръ получилъ новаго сюзерена.

Киръ отказался отъ ассирійской политики провинціальнаго управленія; онъ предоставилъ городамъ и государствамъ управляться своими учрежденіями и поставилъ ихъ только подъ верховный присмотръ сатраповъ. Онъ возстановлялъ самоуправленіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда уже произошла конфискація и не исчезла еще хоть какая-нибудь возмож-

ность возстановленія національнаго государства. Извѣстнѣйшіе примѣры— Іерусалимъ, потомъ Сидонъ. При такой политикѣ и Тиръ воспользовался нѣкоторыми выгодами, такъ какъ онъ могъ вернуть свою область на континентѣ.

в) Новое соперничество между Тиромъ и Сидономъ.

Эти событія опять поставили лицомъ къ лицу оба города Тиръ и Сидонъ. Событія промежуточнаго періода повліяли между прочимъ на то, что снова сгладилась противоположность между собственно „сидонянами“ и сѣверными финикіянами, противоположность, явившаяся результатомъ „еврейскаго“ переселенія и прочихъ политическихъ обстоятельствъ (стр. 157). Сѣверныя государства, которыя никогда не отваживались на возстаніе, пострадали меньше; Тиръ и Сидонъ, которые должны были слишкомъ дорого заплатить за свои стремленія къ самостоятельности, оказались теперь въ такомъ положеніи, какъ и тѣ: они вполнѣ зависѣли отъ великаго царя, правда, сохранивъ свое управленіе. Противоположность между составными частями населенія, которая и обусловила этотъ контрастъ, въ теченіе столѣтій сгладилась. Такимъ образомъ одинаковое положеніе всѣхъ государствъ могло снова вести къ тому, что они представлялись однимъ народомъ. Теперь, при персидскомъ господствѣ повторяется то же, что мы могли принять только для доисторической эпохи: народъ отъ Арвада до Акко, который имѣетъ одну физіономію, и до извѣстной степени считаетъ себя однороднымъ. Теперь это — финикіяне въ противоположность старымъ „сидонянамъ“.

Какъ и въ старину, существуютъ четыре царства: Арвадъ, Гебалъ, Сидонъ и Тиръ; рядомъ съ ними и меньшія, о которыхъ мы знали. и раньше. Гебалъ появляется рѣже. Арвадъ является передъ нами представителемъ сѣверныхъ финикіянъ (ихъ діалектъ все еще еврейскій въ противоположность сидонскому, финикійскому въ узкомъ смыслѣ слова). Это выражается въ незаслуживающемъ въ другихъ отношеніяхъ большой вѣры извѣстіи о „трехъ городахъ“, гдѣ говорится о томъ, что существовалъ общій пунктъ для трехъ могущественныхъ городовъ: Тира, Сидона и Арвада. Сидонъ и Тиръ, въ силу своего близкаго сосѣдства и подъ вліяніемъ старыхъ воспоминаній, были старыми соперниками. Этотъ антагонизмъ нашелъ отраженіе въ спорѣ о старинѣ, о древности этихъ городовъ, и въ борьбѣ за честь быть первымъ городомъ. Мы знаемъ, какое право имѣло на это каждое изъ государствъ: Сидонъ, какъ изстари первый городъ; Тиръ, какъ позже заступившій его мѣсто. Къ этому нужно добавить то, что Тиръ одинъ сохранилъ свои старыя святыни и что только въ его архивахъ еще сохранились извѣстія о стародавнихъ временахъ. Сидонъ былъ ассирійскій городъ.

При теперешнихъ обстоятельствахъ нельзя было и думать о финикійскомъ „государствѣ“, хотя бы только въ объемѣ царства Хирама. Отдѣльныя государства были теперь только тѣмъ, чѣмъ они должны были быть по соображеніямъ персидской политики. А она не имѣла никакого интереса предоставлять имъ свободы и способности къ объединенію больше, чѣмъ это нужно для пріобрѣтенія богатыхъ плательщиковъ дани. Съ другой стороны, понятно, всѣ стремленія отдѣльныхъ государствъ были направлены на достиженіе возможной независимости; и ихъ самоуправленіе предоставляло гораздо больше простора самостоятельной политикѣ, чѣмъ это было возможно при провинціальномъ управленіи. И персидское владычество давало также мало вѣрныхъ гарантій охраны своихъ владѣній, какъ и ассирійское. Въ случаяхъ нападеній со стороны сосѣда нужно было дѣйствовать на два фронта: пускать въ ходъ свои силы и устраивать свои дѣла при дворѣ. Послѣднее стоило очень дорого: вѣдь придворные покро-

вители, съ которыми мы уже познакомились изъ тель-амарнской переписки, и въ Сузахъ требовали бакшиша.

Въ эпоху персидскаго господства, какъ и при ассирійцахъ, на долю финикіянъ пришлась особенная роль, которая также содѣйствовала ихъ самостоятельному положенію. Они должны были поставлять флотъ, которымъ персы были такъ же неспособны управлять, какъ ассирійцы, но безъ котораго они не могли вести свою морскую политику.

Сидонъ, повидимому, очень скоро поднялся на ступень развитія, напоминавшаго его былой расцвѣтъ. Онъ особенно заботился о союзѣ съ Аѳинами, съ которыми у него были заключены дружественные трактаты. Въ Пиреѣ обосновалась сильная сидонская колонія; отъ нея до насъ дошло нѣсколько столь рѣдкихъ финикійскихъ надписей. Тяжелый ударъ поразилъ Сидонъ въ 351 году, когда Артаксерксъ покаралъ его въ наказаніе за участіе въ египетскомъ возстаніи. Послѣ этого Тиръ снова получилъ перевѣсъ. Незадолго до этого онъ находился въ рѣшительномъ упадкѣ; даже царю Кипра Эвагору платилъ дань онъ, тотъ самый Тиръ, который нѣкогда управлялъ Кипромъ. 30 лѣтъ спустя Тиръ является единственнымъ финикійскимъ городомъ, который оказалъ сопротивленіе Александру, тогда какъ Сидонъ „изъ ненависти къ персамъ“ дружески принялъ его.

Это сопротивленіе Тира Александру, которое кончилось для него впервые завоеваніемъ и разрушеніемъ, нужно считать обстоятельствомъ особаго рода. Изъ за одной преданности персамъ врядъ ли бы Тиръ поставилъ свое существованіе на карту. Причина лежитъ ближе: Сидонъ сразу привлекъ на свою сторону новаго владыку и Тиръ долженъ былъ поступиться частью своей независимости. Александръ именно желалъ совершить жертвоприношеніе въ храмѣ Мелькарта. Ему отказали въ этомъ; вѣдь онъ былъ бы объявленъ при этомъ царемъ Тира. Стоило ли Тиру вообще поступаться своимъ самоуправленіемъ, можетъ быть на благо Сидона? Процессъ осады и ея исходъ извѣстны. Она оставила по себѣ продолжительный слѣдъ: насыпь, которую приказалъ возвести Александръ, должна была разъ навсегда соединить Тиръ съ материкомъ, такъ какъ море отлагало по обѣ стороны все больше и больше земли. Изъ новаго положенія вещей прежде всего, дѣйствительно, Сидонъ сумѣлъ извлечь выгоды. Нѣсколько надписей царей Сидона изъ древнѣйшей птолемеевской эпохи позволяютъ заключить, что въ это время у Тира было отнято его положеніе.

Съ Александромъ мы подходимъ къ той эпохѣ, когда старая передняя Азія оказалась сыгравшей свою роль. Съ этой поры она находится подъ владычествомъ эллинистическо-римской культуры. Финикійскія государства, никогда не бывшія политически самостоятельными, существовали, попрежнему, занимаясь при взаимномъ мелкомъ соревнованіи своими торговыми дѣлами. Ихъ исторія идетъ по прежней колеѣ, пока вообще еще что-либо остается отъ древняго Востока.

E. **Очеркъ финикійской культуры.**

Финикіяне или „сидоняне“ были тѣмъ семитическимъ народомъ, съ которымъ греки вошли въ самыя близкія отношенія въ своемъ торговомъ соперничествѣ на Средиземномъ морѣ. Отъ нихъ греки переняли нѣкоторыя пріобрѣтенія восточной культуры. Такъ какъ обладатели и изобрѣтатели естественно смѣшивались въ ихъ представленіи, то хозяева гаваней, которыя господствовали надъ путями внутрь страны, казались имъ народомъ съ такимъ значеніемъ, которое, можетъ быть, и льстило самолюбію финикіянъ, но врядъ ли оправдывается исторіей. Мы знаемъ, что Финикія занимала узкую полосу морского берега, которая совершенно не могла дать народу возможность

создать большое государство. Этимъ самымъ исключается возможность существованія здѣсь національной культуры на ряду съ культурами другихъ большихъ государствъ. Купецъ помогаетъ обмѣну культурныхъ пріобрѣтеній; на его родинѣ — фокусѣ обмѣна — могло быть кое-что и изобрѣтено, что, являясь результатомъ различныхъ извѣстныхъ здѣсь культуръ, принимаетъ своеобразный характеръ. Но необходимымъ условіемъ возникновенія культуры, способной къ дальнѣйшему естественному саморазвитію, въ которой нашли бы себѣ отраженіе характеръ страны и народа, является ея туземное происхожденіе.

При изложеніи финикійской исторіи мы должны затянуть свою старую, плачевную пѣснь о томъ, что до сихъ поръ немного или почти ничего неизвѣстно, что позволило бы намъ бросить глубокій взглядъ на сущность культуры именно въ эпоху ея развитія. Если въ другихъ подобныхъ случаяхъ виной этой скудости извѣстій является только скудость раскопокъ, то на финикійской почвѣ такая надежда менѣе сбыточна. Выходитъ почти такъ, будто эти всегда обитаемые города, гдѣ расцвѣтало финикійское величіе, сохранили менѣе свидѣтельствъ объ интересующей насъ древности, чѣмъ города другихъ вѣковъ, гдѣ мусоръ кургановъ вѣрно хранилъ свои сокровища, ожидая заступа изслѣдователей. Намъ неизвѣстно въ современномъ видѣ ни одного грандіознаго финикійскаго зданія, ни одного плана города; нѣтъ ни одной пространной надписи или какого либо другого памятника письменности съ такимъ содержаніемъ, которое могло бы дать хоть намеки на языкъ и на строй мысли финикіянина за 1000 лѣтъ до Р. Х. Опять изъ многочисленныхъ вопросовъ, которые напрашиваются намъ относительно внутренняго развитія народа и его значенія въ развитіи человѣчества, мы должны выбрать только нѣкоторые, для отвѣтовъ на которые по крайней мѣрѣ случай далъ намъ возможность опереться на положительныя данныя. Набросать картину Финикіи, еще сохранявшей свою національную физіономію, невозможно.

И прежде всего приходится отнять у именитыхъ торговыхъ людей Сидона и Тира славу заслуги, которую приписываетъ имъ греческое преданіе; ея одной на самомъ дѣлѣ было бы достаточно, чтобы обезпечить имъ выдающееся положеніе въ развитіи человѣчества, съ какой стороны его ни разсматривать. „Изобрѣтеніе“ (это должно означать приспособленіе) алфавита, который черезъ посредство греческой азбуки сталъ отцомъ всѣхъ европейскихъ алфавитовъ, приписывалось финикійскому духу. У финикіянъ греки должны были научиться удивительному искусству какими-нибудь двадцатью знаками передавать человѣческую мысль совершеннѣе, чѣмъ это могли дѣлать великія культуры востока, пользовавшіяся очень громоздкими средствами и сдѣлавшія изъ этого особое искусство и науку.

Естественно, что греки думали такъ и что цѣлыя столѣтія, которыя ничего не знали о древнемъ востокѣ, повторяли за ними. Современное представленіе вскрываетъ не разъ тотъ фактъ, что великія духовныя пріобрѣтенія человѣчества создались тамъ, гдѣ было сосредоточіе знаній, т.-е. въ культурныхъ міровыхъ центрахъ. Въ глубинѣ вѣковъ мы должны были бы искать въ Вавилоніи родину алфавита, звуковая система и принципы котораго основываются на одномъ изъ семитскихъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе нѣкоторыхъ особенностей въ алфавитѣ указываетъ на то, что онъ могъ развиться только при помощи вавилонскаго языкознанія (см. 1—8 фигуры таблицы „Финикійскія, сабейскія и арамейскія надписи“ при стр. 232). Благодаря арамейскому переселенію въ евфратскихъ странахъ народнымъ языкомъ сдѣлался арамейскій; въ повседневномъ обиходѣ писали на этомъ языкѣ въ то время, какъ всѣ офиціальные отрывки писаны клинописью, на ассирійско-вавилонскомъ: отношенія, напоминающія положеніе нѣмецкаго и латинскаго въ средніе вѣка. Но было ли развитіе

алфавита только результатомъ арамеизированія страны, представляется сомнительнымъ (сравн. стр. 56). Подобное положеніе вещей создало уже „ханаанейское переселеніе"; и a priori можно было бы предполагать, что уже въ это время т.-е., за 2000 лѣтъ до Р. Х., 22 буквами пользовались, чтобы писать на народномъ языкѣ. Конечно, самыя первыя документальныя извѣстія объ этомъ существуютъ только для арамейской эпохи, только съ VIII столѣтія. Во всякомъ случаѣ финикіяне въ такой же степени являются изобрѣтателями шрифта, въ какой торговые города нашей эпохи направляютъ процессъ духовнаго и техническаго развитія новаго времени.

Невозможно выяснить, что слѣдуетъ понимать подъ производствомъ пурпура у финикіянъ. Если дѣйствительно багрянка (раковина) доставляла имъ матеріалъ, котораго не было въ Вавилоніи, имѣвшей въ другихъ отношеніяхъ рѣшающій голосъ въ вопросѣ о тканяхъ, то нужно еще спросить, не усвоили ли финикіяне просто изобрѣтенія прежнихъ поселенцевъ (стр. 151). Преданіе не дѣлаетъ разницы между изобрѣтателями и распространителями; и для насъ неясно, что собственно означаетъ пурпурное производство финикіянъ. У насъ до сихъ поръ еще нѣтъ древне-вавилонскихъ извѣстій относительно этого дорого цѣнившагося матеріала. Ассирійцы употребляютъ для него то же названіе, что и финикіяне (argaman для багрянца, takelet для темнаго, голубого пурпура); но были ли эти названія и само понятіе съ самаго начала финикійскими, это вопросъ. Тѣ же соображенія можно привести о другомъ, приписанномъ имъ изобрѣтеніи, стеклѣ. Объ его исторіи нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Дворцы Ниневіи доставили намъ стекло: но для древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ ничего нельзя констатировать. Не нужно доказывать, что стекло не могло быть изобрѣтено въ финикійскихъ городкахъ.

Славные финикійскіе города и между ними Тиръ и Сидонъ занимали совсѣмъ, совсѣмъ ничтожное пространство, по нашимъ современнымъ понятіямъ. Тиръ и Сидонъ на своихъ островахъ охватывали невѣроятно малое пространство, не больше обширнаго плаца или средней величины парка въ центрѣ нашихъ большихъ городовъ. Но если южный климатъ, въ которомъ домъ нуженъ только для ночлега, облегчаетъ большую скученность жителей, то съ другой стороны укрѣпленія, храмы и дворцы требовали такой значительной части скудной по размѣрамъ площади, что мы врядъ ли можемъ принять значительное населеніе для этихъ мнимыхъ міровыхъ городовъ. Въ полномъ соотвѣтствіи городамъ по своему размѣру были гавани этихъ пунктовъ „міровой торговли". Обыкновенный трехмачтовикъ не могъ бы и повернуться, если только онъ могъ войти въ такую гавань; маленькіе водоемы съ узкимъ проходомъ были предназначены только для пріема судовъ, которыя мы могли бы назвать ботами. Поселенія, напоминающія по своимъ размѣрамъ обыкновенные средневѣковые города, съ гаванью, дающей мѣсто судамъ и пригодной въ наше время во всякомъ случаѣ только для каботажнаго плаванія; поселенія, которыя свободно можно умѣстить въ центрѣ современныхъ континентальныхъ городовъ — вотъ что представляли изъ себя города — хозяева торговли на Средиземномъ морѣ.

Нужно считать достаточно доказаннымъ, что эта торговля все таки имѣла для передне-азіатскаго культурнаго міра то же самое значеніе, какъ современные міровые складочные пункты торговли, охватывающей нашу вселенную. Конечно, нечего надѣяться на то, что раскопки когда-нибудь откроютъ слѣды этой торговли въ странахъ, гдѣ она процвѣтала; тѣ незначительныя данныя, которыя предлагаютъ по этому вопросу греческія извѣстія, относятся къ той эпохѣ, когда финикійство вышло уже изъ поры полнаго развитія своихъ жизненныхъ силъ. Но свидѣтельства грековъ основаны на непосредственныхъ наблюденіяхъ и даютъ намъ вѣрное представленіе о значеніи этихъ торговыхъ гаваней для ихъ культурнаго

міра. У Исаіи мы находимъ пѣсни о Сидонѣ (глава 23, гдѣ первоначально говорилось о Сидонѣ, и только позднѣе изъ него сдѣлали Тиръ), и особенно у Іезекіиля (глава 27) о Тирѣ. Врядъ ли можетъ пробудить въ насъ чувство зависти перечисленіе тѣхъ роскошныхъ вещей, которыя предлагала тогдашняя торговля на южныхъ берегахъ Средиземнаго моря и съ Аравіей. Житель внутреннихъ странъ передняго востока и варваръ континента съ удовольствіемъ отдавали за эти диковины все, что имѣли. Достойно вниманія то обстоятельство, что уже въ это время финикіяне были повидимому вытѣснены греками съ сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря, если только вообще они имѣли здѣсь какое-нибудь значеніе.

Всѣ прочія извѣстія объ ихъ геройскихъ подвигахъ на морѣ мало достовѣрны. Если финикійскія суда и доходили до Касситеридовъ, чтобы брать отсюда олово, то, во-первыхъ, мы никогда не въ состояніи опредѣлить, что при этомъ нужно поставить въ заслугу „западнымъ финикіянамъ"—пунійцамъ и, во-вторыхъ, постоянныя торговыя сношенія никогда не заходили далеко за Гибралтарскій проливъ. Безъ сомнѣнія, финикійскіе торговые люди совершали иногда отважныя предпріятія; они изъ Краснаго моря, напримѣръ, обогнули Африку, по повелѣнію Нехао. Но господствовалъ съ своей торговлей финикіянинъ всегда только въ одной части Средиземнаго моря, да при этомъ всегда нужно еще помнить о роли карѳагенянъ, которые составляютъ особую націю.

Если такимъ образомъ наше представленіе о финикіянахъ гораздо ниже того, которое образовалось подъ вліяніемъ сообщеній наивно удивляющихся израильтянъ, то незначительныя точки опоры въ нашихъ знаніяхъ о финикійской культурѣ даютъ намъ увѣренность, что мы идемъ вѣрнымъ путемъ. Для великолѣпныхъ построекъ страна предлагала великолѣпнѣйшій матеріалъ — ливанскій алебастръ, который ассирійцы вывозили въ Ниневію (стр. 85). Но финикіяне, подъ вліяніемъ египетскаго строительнаго искусства, употребляли при постройкахъ гранитъ и сіенитъ. Многочисленныя, открытыя на почвѣ Финикіи колонны сдѣланы изъ этихъ матеріаловъ, которые, очевидно, съ большимъ трудомъ перевозились сюда изъ Египта. Почти всѣ памятники, которые мы имѣемъ отъ древнѣйшей эпохи (между 1500--1000 гг.) Финикіи — чисто египетскіе; пока здѣсь господствовалъ Египетъ, повидимому, здѣсь просто усвоивали техническіе пріемы господствующей страны. Нѣкоторыя скульптурныя произведенія, конечно позднѣйшія, обнаруживаютъ „финикійскій" стиль; остается невыясненнымъ, отразилъ ли этотъ стиль финикійскія особенности и поэтому долженъ быть отличаемъ отъ ханаанейскаго, и можно ли его съ арамейскимъ ставить на одну ступень.

Зависимость отъ Египта во время средняго періода царства и возникновеніе египетской моды въ строительномъ искусствѣ сказывается, быть можетъ, въ обильномъ пользованіи колоннами, которыя въ области Евфрата или совсѣмъ не встрѣчаются или же употребляются очень скупо (срв. стр. 150). Ассирійскіе цари съ Тиглатъ-Палассара III всегда упоминаютъ, что они разукрасили свои дворцы по „образцу хаттскихъ дворцовъ" (подъ хаттской страной разумѣется и Финикія) такимъ сооруженіемъ, которое на финикійскомъ языкѣ называется Битъ-Хилани, „домъ Хилани". (Ср. объясненіе къ таблицѣ при стр. 122). Этотъ Битъ-Хилани — украшенное колоннами зданіе съ воротами, предназначенное для совершенія всѣхъ публичныхъ дѣяній царя. На изображеніи храма Ваалаты гебальской на монетахъ римской императорской эпохи есть подобное сооруженіе.

По всѣмъ тѣмъ даннымъ, которыя позволили намъ констатировать незначительность политическаго вліянія финикіянъ, культура финикійскихъ городовъ не можетъ имѣть никакихъ претензій на самостоятельное развитіе,

поскольку она не является наслѣдіемъ періода, еще ускользающаго изъ сферы нашихъ знаній и означеннаго вавилонскимъ господствомъ, и насколько она не сводится къ подражанію египетскимъ произведеніямъ. Понятно, что континентъ, находившійся въ менѣе непосредственныхъ сношеніяхъ съ двумя культурными руководителями — Вавилономъ и Египтомъ, менѣе подвергся ихъ вліянію; но и египетское вліяніе менѣе проникло въ финикійскіе города. Яснѣе всего это сказывается въ религіи. Представленія финикіянъ, какъ группы „ханаанейскаго" переселенія (стр. 8, 155), ни въ чемъ не отличаются отъ представленій остальныхъ ханаанеевъ, насколько мы можемъ судить по Ветхому Завѣту и другимъ разбросаннымъ свидѣтельствамъ. Сомнительнымъ и неподдающимся пока рѣшенію является вопросъ о томъ, что мы должны поставить здѣсь за счетъ уже найденныхъ установленій прежняго „вавилонско-семитскаго" населенія (стр. 10). Если мы сравнимъ вавилонскіе культы до и послѣ ханаанейскаго переселенія, то мы найдемъ, что культъ свѣтилъ и особенное преклоненіе передъ солнцемъ и луной, что мы могли констатировать въ евфратской долинѣ, въ Ханаанѣ и Финикіи отступаетъ на второй планъ. Сь большимъ вѣроятіемъ мы можемъ предположить, что въ Вавилоніи мы имѣемъ дѣло съ сумерійскимъ наслѣдствомъ (стр. 39). Если въ мѣстныхъ названіяхъ Ханаана, какъ напр. Бетъ-Шемешъ („домъ солнца") мы встрѣчаемъ слѣды такого культа, то ихъ можно возвести къ вавилонскому, до-ханаанейскому періоду; во всякомъ случаѣ небесныя свѣтила, какъ властвующія силы, не играли такой роли, которая могла бы быть сравниваема съ ролью Сина или Шамаша (стр. 40) въ области вавилонской культуры.

Характерной чертой ханаанейской религіи является дуализмъ, соотвѣтствующій дуализму половъ и выраженный въ мужскомъ началѣ Ваала и женскомъ -Ваалаты. Женское божество чаще всего встрѣчается подъ именемъ Ашторетъ (Астарта, вавилонская Истаръ; см. стр. 39). Мужское божество принимаетъ особыя названія по племенамъ и народамъ. Однимъ изъ извѣстнѣйшихъ былъ Рамманъ или Хададъ, который былъ божествомъ одной народной группы, наводнившей Месопотамію и Вавилонію и, судя по раннему его появленію, явившейся туда одной изъ первыхъ. Дагонъ, который вовсе не былъ филистимскимъ богомъ, а былъ принесенъ въ Палестину ханаанеями, былъ, какъ и Рамманъ, божествомъ одной изъ группъ, занявшихъ первенствующее положеніе въ Месопотаміи и Вавилоніи. Онъ встрѣчается въ эпоху династіи Исина (стр. 13) и первой вавилонской въ Вавилоніи и играетъ роль еще въ позднѣйшей Ассиріи.

Если дѣло идетъ о названіяхъ Ваала, какъ мужского физическаго начала, которыя связывались съ бо́льшими народными группами и блуждали вмѣстѣ съ ними, то всякое отдѣльное племя имѣло свое имя для первоначальнаго понятія о Ваалѣ и сохраняло его, осѣдая въ занятыхъ мѣстахъ. Ваалъ странствующаго племени становился вслѣдствіе этого владыкой опредѣленнаго мѣста и страны, genius loci, господиномъ города. Такими Ваалами были Мелькартъ въ Тирѣ, женское начало Ашторетъ въ Сидонѣ, она же съ именемъ женскаго принципа Валаатъ — въ Гебалѣ, и всѣ безчисленные Ваалы, которые почитались во всякомъ опредѣленномъ мѣстѣ, разъ оно составляло центръ племени. Такимъ Вааломъ былъ Іегова, котораго почитали кочевавшія къ югу отъ Іудеи племена; вмѣстѣ съ Давидомъ Іегова пришелъ въ Іерусалимъ, чтобы стать здѣсь господиномъ новой земли (стр. 41).

Вполнѣ естественно, что эти отдѣльные Ваалы, которые въ различныхъ мѣстахъ и у различныхъ племенъ носили различныя имена и значеніе которыхъ росло и падало вмѣстѣ съ значеніемъ своихъ почитателей, развивали особыя стороны своей сущности, лишь только они принимали специфическій характеръ и становились особыми божествами, представлявшими особыя силы. Совокупная производительная сила природы, которая

сказывается, какъ мужское начало, въ жаркихъ странахъ больше всего проявляется въ плодотворномъ дождѣ и грозѣ съ молніей и громомъ. Поэтому Рамманъ, точно такъ же, какъ и первобытный Іегова, по преимуществу богъ грозы. Очень возможно, Дагонъ — богъ хлѣба; объ этомъ можно заключить по его имени. Въ городѣ, оставившемъ земледѣліе, сторона дѣятельности божества, имѣющая отношеніе къ природѣ, остается въ пренебреженіи; въ Тирѣ финикіянинъ называетъ Ваала Мелькартомъ, „царемъ города" (быть можетъ, въ началѣ это только собственное имя съ давно забытымъ значеніемъ). Но эволюція различныхъ понятій о божествѣ восходитъ всегда къ двумъ первоначальнымъ воплощеніямъ полового начала. Въ этомъ яснѣе всего проступаетъ специфическое содержаніе семитическихъ религіозныхъ представленій.

Элъ, „богъ" повидимому, является чистой абстракціей понятія о божествѣ; мы находимъ его у ханаанейскихъ, арамейскихъ и арабскихъ народовъ. Первоначально онъ лишенъ личнаго характера Ваала; никогда не носилъ этого имени богъ какого либо племени или большой народной группы. Если Элъ и появляется случайно, какъ спеціальное божество (въ южной Аравіи и Сенджирли), то это очевидно позднѣйшая персонификація первоначально абстрактнаго понятія. Точно такое же объясненіе даемъ мы, если рядомъ съ Эломъ встрѣчаемъ Элатъ. Это не что иное, какъ понятіе о женскомъ божествѣ, которое вмѣстѣ съ Эломъ можетъ быть сопоставлено рядомъ съ Вааломъ и Ваалатой.

Болѣе высокая культура съ литературнымъ образованіемъ попыталась объяснить, какимъ образомъ въ историческомъ ходѣ образованія народовъ сложились изъ матеріаловъ, найденныхъ на мѣстѣ и принесенныхъ племенами съ собой, культы различныхъ племенныхъ и городскихъ святынь, и построить изъ дифференціаціи первоначальнаго основного понятія міръ боговъ, дѣло котораго — созданіе и управленіе міра объяснялось сообразно различнымъ свойствамъ его членовъ. Въ различныхъ государствахъ, которыя обладали той или другой признанной святыней, были различны космологіи и теологіи, такъ какъ вполнѣ естественно, что каждая старалась поставить въ центрѣ свою святыню. Мы должны принять во вниманіе то немногое, что извѣстно намъ до сихъ поръ объ этомъ изъ исторіи Вавилоніи (см. стр. 39). И отъ Финикіи дошелъ до насъ отрывокъ изъ подобной системы, въ сильно искаженномъ видѣ, въ редакціи, составленной въ позднѣйшее время. Это — ученіе о богахъ Гебала, которое при Неронѣ составилъ нѣкій Филонъ изъ Библа и выдалъ по тогдашнему обычаю за переводъ работы жреца Санхуніаѳона древней эпохи („до-троянской"). Этотъ сохраненный Евсевіемъ отрывокъ можетъ служить образцомъ подобнаго ученія о богахъ. Онъ можетъ выяснить развѣ только нѣкоторыя частности въ вопросѣ о сущности и возникновеніи финикійской религіи, такъ какъ продукты ложной мудрости вѣковъ и различныхъ культурныхъ эпохъ перемѣшаны въ немъ до невозможности разобраться; кромѣ того эллинизированный обликъ даетъ намъ возможность, при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о финикійскомъ богословіи, лишь возстановить нѣсколько именъ.

11. Карѳагенъ.

А. **Отпрыски ханаанейскаго переселенія.**

Великое „ханаанейское переселеніе народовъ" занесло свои волны за западные берега Средиземнаго моря. Изъ четырехъ великихъ семитскихъ переселеній (см. стр. 8) только это второе и четвертое, арабское, распространились такъ широко. О первомъ мы съ этой стороны

ничего не знаемъ, арамейское всегда держалось вдали отъ береговъ и никогда не отваживалось перейти на море.

По общему, унаслѣдованному отъ древности представленію, финикіяне. какъ торговые люди, распространялись по прибрежнымъ землямъ Средиземнаго моря, сначала осѣдая въ „торговыхъ факторіяхъ“ и захватывая мало-по-малу землю до тѣхъ поръ, пока не становились въ концѣ концовъ господами страны. Такое представленіе можно простить греческой древности, которая узнала финикіянъ, — какъ торговыхъ людей, и на западныхъ берегахъ моря, которые она думала покорить для себя, находила Карѳагенъ съ его союзниками и подданными, считавшими Финикію своей родиной. Но для насъ ясно, что въ дѣйствительности Финикія при своихъ мелочныхъ условіяхъ (стр 170) не была въ состояніи произвести массу людей, которая была необходима для наводненія поселенцами всѣхъ этихъ странъ, а также и то, что жалкіе типы изъ тель-амарнскихъ писемъ никогда не завоевали міра. Изъ торговыхъ факторій (и даже о широкой торговлѣ Тира, Сидона и Гебала ничего не говоритъ тель-амарнская переписка) не возникало никакихъ колоній, которыя оставили бы продолжительные слѣды, удержавшіе въ странѣ отпечатокъ особой національности.

Такъ какъ греки видѣли въ финикіянахъ культурный народъ востока, познакомившись черезъ ихъ посредство съ этой культурой, то пытались найти слѣды финикіянъ и въ Греціи, на греческихъ островахъ и на дальнихъ, занятыхъ позже греками, берегахъ моря. Такъ какъ историческихъ подтвержденій этому мы не находимъ, то оставалось только одно — обратиться къ названіямъ мѣстностей, чтобы констатировать пребываніе здѣсь финикіянъ по даннымъ языка, пережившимъ самые народы. Притянули сюда и миѳологію, чтобы обрѣсти слѣды финикіянъ въ мѣстахъ культовъ, которыя, судя по опыту, новые поселенцы обыкновенно перенимаютъ у стараго населенія. Подобный методъ, уже съ перваго взгляда подающій мало надеждъ, въ интересующемъ насъ случаѣ еще менѣе примѣнимъ, такъ какъ семитскія наименованія вообще не были способны оставлять слѣды. Все, что приводили здѣсь въ доказательство, не получитъ согласія человѣка, знакомаго съ семитскими языками. И поиски за соотношеніями въ различныхъ культахъ не могутъ дать значительныхъ результатовъ, такъ какъ мы врядъ ли можемъ отличить общечеловѣческое и слѣдовательно общее отъ заимствованнаго. Наконецъ, о самихъ финикіянахъ мы знаемъ слишкомъ мало, чтобы всюду точно отмѣчать своеобразныя черты ихъ духовной жизни. Они никогда не были носителями своей собственной культуры, стоящей на одномъ ряду съ великими восточными (стр. 169). И если мы констатируемъ гдѣ-либо присутствіе представленій, восходящихъ къ послѣднимъ, то мы всегда должны отводить извѣстное мѣсто Вавилоніи. Если явленія культурной жизни востока должны были найти отраженія и на греческой почвѣ, то мы прежде всего можемъ ожидать этого со стороны вавилонской культуры.

Въ своей оцѣнкѣ значенія финикіянъ во всемірной исторіи мы можемъ опираться только на достовѣрно засвидѣтельствованные факты ихъ появленія въ той или другой мѣстности и должны отказаться создать представленіе о восточномъ вліяніи въ остальныхъ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря до тѣхъ поръ, пока исторія древнѣйшей Вавилоніи не будетъ лучше представлена въ своихъ источникахъ. Появленіе финикіянъ до сихъ поръ можно только констатировать на западныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Такъ какъ тамъ они должны были утвердиться вслѣдъ за своимъ вторженіемъ въ Финикію, то распространеніе ихъ на западѣ нужно отнести еще въ третье тысячелѣтіе. Исторія тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя имъ пришлось преодолѣть, окутана еще полнѣйшимъ мракомъ. Съ моря шли завоевательныя предпріятія въ Азію: вторженія „морскихъ народовъ“ Меренпта (ок. 1280; см. IV томъ) и все, что

сообщаютъ греки о различныхъ морскихъ державахъ (срв. Миносъ на Критѣ), подтверждаетъ это положеніе.

Намъ извѣстны важнѣйшія изъ финикійскихъ поселеній на западѣ. На сѣверо-африканскомъ берегу къ западу отъ Сиртовъ лежитъ Лептисъ, Гадруметъ, Карѳагенъ, Утика и обѣ Гиппоны. Поселенія, находившіяся на мавританскомъ берегу, не имѣли особеннаго значенія. Въ Сициліи финикійской была западная часть острова; но въ этомъ случаѣ, а равно и въ тѣхъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, мы никогда не будемъ въ состояніи узнать, что было впервые карѳагенскимъ, т. е. вторично-финикійскимъ. Мы должны отказаться отъ древнѣйшихъ финикійскихъ, до-греческихъ поселеній въ восточной Сициліи (Камарина, Мегара и другія), такъ какъ мы очень сомнѣваемся въ плодотворности выводовъ, основанныхъ на объясненіи собственныхъ именъ. Точно также дѣло обстоитъ и съ Испаніей. Конечно, до появленія карѳагенскаго владычества здѣсь уже были финикійскія колоніи, и, какъ въ Африкѣ, такъ и здѣсь власть Карѳагена сложилась и утвердилась путемъ подчиненія и объединенія колоній. Но все, что мы знаемъ о Картейѣ и Гадирѣ (Кадиксѣ), уже сомнительно; и отожествленіе Тартесса съ библейскимъ Ѳарсисомъ сильно хромаетъ. О различныхъ финикійскихъ поселеніяхъ въ Испаніи до насъ дошло еще меньше свѣдѣній, чѣмъ объ африканскихъ. Игравшій роль центра городъ, извѣстный подъ названіемъ Карѳагена или Новаго Карѳагена, который позднѣе при Гасдрубалѣ сталъ резиденціей карѳагенскаго владычества, кажется, существовалъ и раньше. Мы должны еще рѣшительнѣе отказаться отъ всякихъ указаній на опредѣленные пункты дальше на востокъ. Массилія, позднѣе фокейская колонія, могла быть сначала въ рукахъ финикіянъ; но это не можетъ доказано ни названіемъ, ни найденной здѣсь карѳагенской надписью, относительно которой есть сомнѣніе, относится ли она вообще сюда. Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ мы можемъ указать лишь на карѳагенское вліяніе въ Сардиніи, хотя и здѣсь очень возможно предположить предшествующій финикійскій захватъ.

У насъ нѣтъ историческаго преданія объ исторіи этихъ поселеній и ихъ дальнѣйшаго развитія. Преданіе существуетъ тамъ, гдѣ западные финикіяне вошли въ сношенія съ греками, когда они начали оспаривать западные берега Средиземнаго моря и когда потомъ завязалась борьба между Римомъ и Карѳагеномъ. Тогда Карѳагенъ уже стоитъ во главѣ этихъ колоній. Здѣсь больше нѣтъ „финикіянъ“, а есть только великое карѳагенское государство, которое все подчинило своей власти. Исторія этихъ западныхъ финикіянъ, поскольку мы можемъ прослѣдить ее, есть исторія Карѳагена; и она все еще полна чувствительныхъ пробѣловъ. И то обстоятельство, что почва Карѳагена возвратила намъ тысячи ничего не говорящихъ надписей съ посвященіями, и не дала никакихъ исторически пригодныхъ свидѣтельствъ, возбуждаетъ у насъ еще большее сожалѣніе, потому что здѣсь мы какъ разъ имѣемъ тотъ пунктъ, гдѣ „финикіяне“ дѣйствительно опредѣляли ходъ всемірной исторіи. Не въ „метрополіи“ финикіяне въ дѣйствительности сыграли свою роль, давшую имъ силу вступить въ борьбу за власть съ міровыми державами, но колоніи завязали съ Римомъ споръ о господствѣ въ западной части Средиземнаго моря.

Б. **Карѳагенъ до столкновенія съ Римомъ.**

а) Основаніе колоніи и ея первыя времена.

Мы не имѣемъ извѣстій о началѣ карѳагенскаго поселенія. Мы можемъ заключать о начальныхъ временахъ только по нѣкоторымъ учрежденіямъ позднѣйшей эпохи. То, что разсказываетъ сага объ основаніи Карѳагена Дидоной, и пріуроченіе этого событія къ царствованію Пигмаліона

въ Тирѣ, это только сага (ср. стр. 163). Установленіе года, на который указываетъ легенда (по Тимею), не имѣетъ никакой исторической цѣны. Дидона или Элисса — героизированная Астарта, почитавшаяся въ Карѳагенѣ, какъ „genius loci", во всякомъ случаѣ не принадлежитъ исторіи.

Карѳагеняне и въ позднѣйшее время еще признавали „родительскія" права Финикіи, и въ знакъ признанія ежегодно отвозили подать въ Тиръ въ храмъ Мелькарта. Поэтому, въ Карѳагенѣ видѣли колонію Тира; сага о Дидонѣ исходитъ изъ такого же представленія или по крайней мѣрѣ идетъ ему навстрѣчу. Но мы знаемъ теперь, что верховнымъ божествомъ Карѳагена былъ не Мелькартъ, а Эшмунъ и Астарта, какъ разъ тѣ боги, которые почитались въ Сидонѣ, а тогда по семитскому представленію выходитъ, что Карѳагенъ былъ вовсе не тирской, а сидонской колоніей. По всему, что мы теперь выяснили себѣ о финикійскихъ дѣлахъ и о процессѣ ихъ распространенія на морѣ, мы не будемъ считать Карѳагенъ колоніей, которая вышла изъ города Сидона. Финикійскія государства по своему состоянію никогда не могли бы основать подобную колонію. Скорѣе всего бродяжничествомъ по морю стали заниматься финикіяне, еще не закончившіе процесса передвиженія. И если Карѳагенъ чтитъ тѣхъ же боговъ, что и Сидонъ, то тутъ дѣло вовсе не въ томъ, что они были богами родного города, а въ томъ, что они были божествами, общими для всѣхъ финикіянъ. Они видѣли въ Сидонѣ не свой родной городъ, но святыню всѣхъ „сидонянъ", точно такъ же, какъ Тиръ и другіе города. Когда Ассаргаддонъ разрушилъ Сидонъ (стр. 72), то преимущества этого города въ сферѣ религіозныхъ отношеній перешли къ Тиру, и карѳагеняне начали отправлять свою почетную дань въ Тиръ, потому что тамъ нашли убѣжище спасшіеся боги. Съ этихъ поръ и только въ такомъ смыслѣ Карѳагенъ сталъ „колоніей Тира".

Дальнѣйшій опорный пунктъ для заключеній объ условіяхъ историческаго времени даетъ намъ само названіе Карѳагена и въ высшей степени замѣчательный, достовѣрно засвидѣтельствованный фактъ его отношеній къ сосѣднему городу Утикѣ. Карѳагенъ (Карт-хадастъ) значитъ „Новгородъ"; онъ могъ называться такъ только въ противоположность старому городу; Китій на Кипрѣ и позднѣйшій „Новый Карѳагенъ" въ Испаніи получили подобныя названія, когда они были „вновь основаны"; другими словами, когда подчинились финикійскому и пуническому господству и были возведены въ резиденцію собственнаго управленія; ассирійскіе цари въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно называли „вновь основанные" города по своимъ именамъ (городъ Ассаргаддона, крѣпость Синахериба и т. п.). Очень возможно, что старое названіе Карѳагена было Бирса, которое собственно принадлежало старой части города „City" и не только крѣпости, и, можетъ-быть, находилось также на монетахъ.

Утика, наоборотъ, означаетъ Старый городъ. Можетъ-быть, это названіе было усвоено городу вмѣсто стараго, неизвѣстнаго, только послѣ того, какъ „Новгородъ" принялъ свое названіе и вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ первенствующее политическое положеніе. Такимъ образомъ здѣсь существуютъ тѣ же отношенія, которыя въ родной странѣ выразились въ спорѣ между Сидономъ и Тиромъ за „права метрополіи" или за привилегіи большей старины. И этотъ, сдѣланный на основаніи только названія выводъ — Утика первоначально старшій городъ, центръ (политическій или религіозный, остается невыясненнымъ) африканскихъ финикіянъ — получитъ значительное подтвержденіе, если только обратить вниманіе на семитическія представленія. Во второмъ договорѣ съ Римомъ Утика нарочно называется вмѣстѣ съ Карѳагеномъ, на ряду съ Тиромъ, въ то время, какъ всѣ другіе являются „союзниками", т. е. подданными или платящими дань. Слѣдовательно, „родительскія" права признавались не только за Тиромъ, а и за Утикой; религіозное благоговѣніе къ прежней столицѣ все

еще сохранилось, хотя на сторонѣ Карѳагена уже давно было политическое преимущество, и было достаточно сильно, чтобы гарантировать Утикѣ исключительное положеніе среди другихъ городовъ. Отсюда заключаемъ о томъ, не освѣщенномъ никакими источниками, фактѣ, что Утика была когда-то старшимъ городомъ, святыней африканскихъ финикіянъ, и мало-по-малу была выбита изъ этой позиціи Карѳагеномъ. Этотъ фактъ можетъ объяснить намъ, почему Утика въ третьей пунической войнѣ добровольно стала на сторону римлянъ и была сдѣлана главнымъ городомъ провинціи: умно воспользовались не забытымъ еще антагонизмомъ, чтобы удовлетворить старыя религіозныя притязанія и возстановить положеніе дѣлъ, насильственно измѣненное Карѳагеномъ.

Мы уже касались отношеній, существовавшихъ между городомъ, который лежалъ на мѣстѣ позднѣйшаго Новаго Карѳагена въ Испаніи, и испанскими финикіянами. Мы ровно ничего не знаемъ объ этихъ колоніяхъ; но послѣ того, какъ мы уяснили африканскія отношенія, само собой возникаетъ слѣдующее предположеніе: городъ, который Гасдрубалъ сдѣлалъ резиденціей вновь завоеванной карѳагенской провинціи, уже раньше былъ центральнымъ пунктомъ испанскихъ финикіянъ; такъ какъ мы врядъ ли можемъ согласиться съ тѣмъ, что они до своего политическаго подчиненія Карѳагену считали себя принадлежащими къ тому же союзу, что и африканскіе, и слѣд. чтили въ Утикѣ старшій городъ. Подтвержденіе можно найти въ томъ, что въ Новомъ Карѳагенѣ главнымъ храмомъ былъ храмъ Эшмуна, какъ разъ божества стараго родового святилища въ Сидонѣ. Старое названіе этого города было, быть можетъ, Тарсей; и такъ какъ Ѳарсисъ означаетъ испанскихъ финикіянъ, то скорѣе есть основаніе видѣть послѣдній въ этой столицѣ, а не въ Тартессѣ, обыкновенно приводимомъ вмѣсто нея.

Первоначально, по всей вѣроятности, переселившіеся въ Африку „сидоняне" составляли такой же родовой союзъ, какъ ихъ соплеменники на родинѣ; ихъ общее союзное святилище находилось въ Утикѣ (тогда она называлась другимъ именемъ.) Это было за 2000 лѣтъ до Р. Х. Мало по малу отдѣльные свободные и равноправные города были покорены сильнѣйшимъ (быть можетъ, уже Карѳагеномъ, до него Утикой). Такимъ образомъ основалось государство африканскихъ финикіянъ или пуновъ. Мы не знаемъ, находилось ли оно уже подъ верховной властью Карѳагена въ ту эпоху, отъ которой идутъ наши историческія свѣдѣнія, т. е. когда греки начинаютъ распространяться въ западной части Средиземнаго моря. По размѣрамъ греческаго вторженія въ Сициліи и Испаніи можно видѣть, что въ то время въ западной части моря не было сильной, исходившей отъ одной державы власти. Изъ этого можно заключить, что Карѳагенъ еще не пріобрѣлъ высшей власти, что скорѣе благодаря предварительной борьбѣ съ греками онъ приступилъ къ объединенію подъ своею властью другихъ пуновъ; но точно такъ же можно представить себѣ, что Карѳагенъ уже раньше занялъ свое положеніе и греки имѣли нѣкоторый успѣхъ только благодаря его временной слабости. Въ какой мѣрѣ имъ благопріятствовалъ антагонизмъ, существовавшій между Карѳагеномъ и другой морской державой западнаго Средиземнаго моря — этрусками — до тѣхъ поръ, пока перевѣсъ грековъ не заставилъ послѣднихъ пойти рука объ руку съ прежними „противниками", это также еще неясно. Возможны оба предположенія. Но одного того обстоятельства, что борьба съ греками сначала велась не энергично до тѣхъ поръ, пока руководство не перешло къ карѳагенянамъ, еще недостаточно для того, чтобы, какъ это обыкновенно дѣлаютъ подъ вліяніемъ саги объ „основаніи" Карѳагена въ 840 г., вести господство его только съ этого времени.

б) Столкновеніе съ греками.

Особенный характеръ нашихъ извѣстій, начинающихся только тогда, когда Греція натолкнулась на сильное сопротивленіе со стороны Карѳагена, и не сообщающихъ намъ ничего о завоеваніи дѣйствительно занятыхъ странъ, не позволяетъ намъ внести ясность въ вопросъ о распространеніи финикіянъ въ Сициліи и на испанско-французскихъ берегахъ Средиземнаго моря, къ западу отъ Новаго Карѳагена. Въ началѣ VII столѣтія Сицилія и берегъ Массиліи находились въ владѣніи грековъ; преданіе ни слова не говоритъ о томъ, какъ стояли дѣла раньше. Финикійскій элементъ удержался только въ западной Сициліи, именно тамъ, гдѣ затѣмъ его защитилъ Карѳагенъ. Крѣпостями были здѣсь Панормъ, Мотія, Лилибей: но что было основано здѣсь финикіянами, т. е. что являлось остаткомъ стараго финикійскаго переселенія, и что было основано карѳагенянами, т-е. пришло уже изъ Африки? Въ представленіи грековъ это сливалось, и дѣйствительно, съ этого времени представляло одно и то же, такъ какъ всякое сопротивленіе грекамъ управлялось изъ Карѳагена,

Въ серединѣ VI столѣтія фокейцы попытались утвердиться въ Корсикѣ (по преданію, въ 562 году) и основали Алалію. Послѣ новаго переселенія ихъ изъ метрополіи, опасеніе предъ ростомъ греческаго элемента, который уже держалъ въ рукахъ южную Италію, большую часть Сициліи и берегъ Массиліи, соединило обѣ великія державы: карѳагенянъ и этрусковъ. Фокейцы были разбиты и прогнаны съ острова Корсики. Приблизительно на эту же пору, по преданію, падаютъ и продолжительныя войны карѳагенянъ подъ предводительствомъ Малха въ Сардиніи и Сициліи. Какихъ-либо подробностей и точнаго времени мы не знаемъ; мы, очевидно, имѣемъ тутъ дѣло съ отпоромъ дальнѣйшему распространенію грековъ и съ установленіемъ приблизительныхъ границъ владѣнія, каковыми потомъ онѣ и остались. Греки теперь не разселяются сколько нибудь значительно въ областяхъ, подвѣдомственныхъ Карѳагену. Очень неясны свѣдѣнія о войнахъ съ Массиліей, какъ старшимъ городомъ греческихъ колоній на испанско-французскомъ берегу. Для разсматриваемыхъ странъ войны имѣли такое же значеніе, какъ войны въ Сициліи и Сардиніи.

Есть извѣстія о томъ, что Малхъ, полководецъ, который положилъ конецъ греческому вторженію, вмѣшался во внутреннія дѣла Карѳагена; этотъ фактъ можетъ отчасти освѣтить причины безсилія, въ которомъ до этого находился Карѳагенъ. Преданіе, конечно, темно, какъ и все, что мы узнаемъ о Карѳагенѣ изъ нашихъ источниковъ, но все-таки позволяетъ распознать такой же антагонизмъ, который позднѣе привелъ городъ къ гибели. Въ городѣ не пожелали принять полководца, возвращавшагося съ войскомъ съ похода (опасались его могущества и боялись за аристократическое правительство); поэтому онъ осадилъ городъ и завоевалъ его. Отсюда слѣдуетъ, что онъ сумѣлъ опереться на народъ въ борьбѣ съ знатными фамиліями. Въ концѣ концовъ, когда онъ обнаружилъ намѣренія добиться царскаго достоинства, онъ былъ схваченъ и казненъ. Можно признать, что онъ пытался положить конецъ управленію знатныхъ фамилій; когда онъ съ войскомъ вступилъ во владѣніе городомъ, онъ ошибся въ своихъ силахъ, отказался отъ войска и палъ жертвой реакціи аристократіи. Преданіе указываетъ на то, что онъ вовсе не былъ какимъ нибудь настоящимъ „тиранномъ“, опирающимся на войско, а просто стремился къ власти при помощи перемѣны образа правленія.

Преданіе называетъ его „преемникомъ“ Магона, вліяніе котораго долго было очень глубоко въ общественной жизни Карѳагена; его потомки въ теченіе очень долгаго времени руководили дѣлами города. Онъ сталъ

нравственнымъ вождемъ аристократическихъ фамилій, и его домъ очень долго правилъ въ ихъ духѣ. Онъ и его наслѣдники извѣстны, какъ полководцы карѳагенянъ въ войнахъ въ Сициліи и Африкѣ, причемъ дѣло шло объ удержаніи карѳагенскихъ владѣній.

Греки между тѣмъ получили въ сицилійскихъ тираннахъ новыхъ вождей, которые могли болѣе энергично руководить борьбой съ Карѳагеномъ. Результаты ихъ энергіи сказались очень скоро, и Карѳагенъ долженъ былъ искать поддержки въ своей войнѣ съ упорными противниками тамъ, гдѣ она сама собой представлялась ему. Преданіе сообщаетъ намъ о посольствѣ Дарія въ Карѳагенъ, въ своемъ обычномъ анекдотическомъ тонѣ, не понимающемъ обстоятельствъ. Требованія посольства звучатъ немного по-дѣтски, но очевидно оно имѣло въ виду заставить карѳагенянъ подчиниться персамъ, такъ какъ ихъ родная страна находилась въ персидскихъ рукахъ. Въ союзѣ съ финикійскимъ (стр. 141) карѳагенскій флотъ сдѣлалъ бы Персію не имѣющей соперницъ повелительницей моря. Карѳагенъ отклонилъ этотъ планъ. Несмотря на это, силой своихъ интересовъ онъ принужденъ былъ идти рука объ руку съ Персіей: подобно тому, какъ Ксерксъ пытался покорить грековъ въ восточномъ бассейнѣ моря, такъ точно карѳагеняне старались подчинить ихъ въ западномъ. Успѣхъ или неуспѣхъ у обоихъ союзниковъ былъ одинъ и тотъ же. Въ то время какъ Ксерксъ потерпѣлъ пораженіе при Саламинѣ, войско карѳагенянъ подъ предводительствомъ Гамилькара, сына Ганнона, было разбито Гелономъ при Гимерѣ: подвергшіеся нападенію на востокѣ и западѣ Средиземнаго моря греки оказали противодѣйствіе и тамъ и здѣсь семитической культурѣ востока.

в) Торговый договоръ съ Римомъ.

Изъ этого періода мы имѣли бы одно безцѣнное свидѣтельство, если бы было возможно установить точнѣе его дату. Полибій (III, 22) сообщаетъ договоръ, который въ 509 году (годъ первыхъ консуловъ) заключила новая римская республика съ Карѳагеномъ и который извлекли изъ римскихъ архивовъ только при Полибіи и только съ трудомъ могли разобрать. Цѣлое представленіе о развитіи древнѣйшей римской исторіи существенно зависитъ отъ того, относить ли этотъ договоръ къ 509 году или же, на основаніи остроумнѣйшихъ соображеній, пріурочить его къ 348 г. При помощи до сихъ поръ употреблявшихся методовъ рѣшеніе было невозможно; историческая критика можетъ наклонять вѣсы то на ту, то на другую сторону, но достовѣрности этимъ не удастся достигнуть. Однако исключается возможность того, что договоръ возникъ до разложенія этрусскаго могущества (такимъ образомъ, до 4 столѣтія до Р. Х.). Главнѣйшія предписанія: римляне и ихъ союзники не должны были дѣлать экспедиціи за добычей или основывать колоніи по ту сторону „Прекраснаго мыса“. Тутъ возникаетъ сомнѣніе, гдѣ нужно искать эту границу между сферой карѳагенскихъ и римскихъ интересовъ, въ Африкѣ или Испаніи; очень вѣроятно, что подъ ней нужно понимать Мастію и Тарсей, т.-е. позже Новый Карѳагенъ, какъ крайній пунктъ, гдѣ еще былъ возможенъ римскій патронатъ и торговля римскихъ союзниковъ. Массилія отходила къ Риму. Сицилія въ карѳагенской ея части приравнивалась для римлянъ къ африканскимъ областямъ Карѳагена. Карѳагеняне обязывались не трогать латиновъ, находившихся подъ верховнымъ владычествомъ Рима.

г) Преемники Магона и завоеванія въ Сициліи.

Въ это же самое время, въ концѣ V столѣтія, шли своимъ чередомъ событія въ самой Африкѣ; и преданіе разсказываетъ намъ о покореніи африканской области, которое было дѣломъ рукъ членовъ фамиліи

Магона. Подъ нимъ нужно подразумѣвать только покореніе мѣстныхъ племенъ; ихъ области занялъ Карѳагенъ, и сами они становились крѣпостными карѳагенянъ. Съ этихъ поръ ведетъ начало крупное земельное хозяйство (латифундіи) Карѳагена, въ которомъ онъ былъ предшественникомъ и учителемъ Рима. До сихъ поръ мы представляли себѣ африканскія поселенія въ видѣ городовъ, съ небольшой береговой полосой, теперь существуетъ провинція. Она была непосредственно карѳагенской, не пунической, такъ какъ въ это время Карѳагенъ уже былъ господиномъ остальныхъ пуническихъ городовъ. Они, понятно, сохраняли свое городовое право и свою область, но находились въ зависимости отъ Карѳагена.

Домъ Магона въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній закрѣпилъ за собой руководительство дѣлами. Потомъ его вліяніе показалось, должно быть, опаснымъ аристократическимъ фамиліямъ и послѣднія устранили его отъ безраздѣльнаго пользованія государственной властью. Дальнѣйшее здѣсь также неясно. Переворотъ, по преданію, имѣлъ мѣсто послѣ битвы при Гимерѣ. Въ это время обозначается и начинаетъ сказываться въ карѳагенской внутренней политикѣ антагонизмъ двухъ большихъ партій. Одна, во главѣ которой мы скоро встрѣтимъ Баркидовъ, стремится скорѣе къ централизаціи власти, поэтому обнаруживаетъ монархистическія тенденціи и опирается на войско; другая защищаетъ интересы правящей знати. Рѣзко обозначилась ихъ противоположность во второй пунической войнѣ, въ которой Ганнибалъ палъ скорѣе благодаря стараніямъ своихъ домашнихъ враговъ, чѣмъ благодаря Риму.

Битва при Гимерѣ заставила карѳагенянъ отказаться отъ завоевательныхъ плановъ въ Сициліи; они могли удержать за собой только западныя крѣпости. Съ новымъ подъемомъ, наступившимъ позднѣе, появились на сценѣ и новыя попытки завоеваній, такъ какъ расцвѣтъ Сициліи, а въ особенности Сиракузъ, становился все болѣе и болѣе опаснымъ для карѳагенской торговой гегемоніи. Сравнительно въ теченіе довольно долгаго времени Карѳагенъ оставался только зрителемъ роста власти Сиракузъ. Эта бездѣятельность можетъ быть поставлена въ зависимость отъ внутреннихъ неурядицъ и отъ изгнанія руководившаго политикой дома Магона. Первое нападеніе на Сиракузы послѣдовало не со стороны Карѳагена; восточные и западные греки предоставили ему роль tertius gaudens. Эгеста, тѣснимая Сиракузами, призвала на помощь аѳинянъ. Послѣдніе воспользовались случаемъ, чтобы привести въ исполненіе давно задуманные планы (ихъ иниціаторомъ называютъ Ѳемистокла). Но только вмѣшательство аѳинянъ совершенно неожиданно кончилось очень скоро и неудачно (415—413). И тогда карѳагеняне увидѣли себя вынужденными или отказаться отъ Сициліи или выйти изъ роли зрителя, и выступить противъ все усиливающихся Сиракузъ. Когда Эгеста вновь обратилась за помощью къ карѳагенянамъ, они, хотѣли или не хотѣли, должны были рѣшиться на войну. Возможно, что послѣдовавшее затѣмъ энергичное вмѣшательство находилось въ связи съ перемѣной въ правленіи, когда недостаточно дѣятельное аристократическое правительство было низвергнуто противной партіей. Во всякомъ случаѣ войну съ самаго начала повели энергично и послѣ перваго пораженія на морѣ съ большимъ успѣхомъ. Селинунтъ, Гимера, Агригентъ и Гела были взяты, и Сиракузы принуждены были признать верховную власть карѳагенянъ въ западной части острова (410—405).

Миръ былъ заключенъ съ Діонисіемъ I, которому пораженія доставили очень удобный случай сдѣлаться господиномъ положенія. Но хорошія отношенія не могли долго продержаться; еще два раза воевали и мирились (397 - 392, 393). Третью войну началъ Діонисій и кончилъ миромъ его сынъ. Сбивчивое преданіе сообщаетъ тутъ о возстаніи „Ганнона Великаго“ въ Карѳагенѣ; еще раньше были возстанія въ Ливіи и Сардиніи. Сици-

лійскія войны кончились на время миромъ съ Тимолеономъ, который, одержавъ побѣду при Криниссѣ (343), могъ добиться по крайней мѣрѣ нѣсколько болѣе благопріятныхъ для грековъ условій мира и снова ограничить кароагенянъ западомъ (339).

Разсказывая объ этихъ событіяхъ, Полибій приводитъ два новыхъ договора (348 и 343) съ Римомъ; снова подтверждается старая граница обѣихъ сферъ интересовъ, „Прекрасный мысъ", причемъ Сардинія и Ливія остаются за Кароагеномъ.

Недолго продолжались мирныя отношенія въ Сициліи; у Кароагена всегда были поводы все къ новымъ вмѣшательствамъ въ различнаго рода неурядицы (318—314). Въ то же время грозили осложненія съ востока со стороны Александра Великаго. Когда онъ сталъ владыкой Тира, то, беря примѣръ съ Дарія, онъ потребовалъ подчиненія со стороны Кароагена; какъ разъ въ это время онъ захватилъ въ Тирѣ кароагенское посольство съ податью на храмъ Мелькарта. Съ основаніемъ Александріи опасность стала еще ближе для Кароагена. Но ни съ той, ни съ другой стороны не приступали однако ни къ какимъ дѣйствіямъ. Если Кароагенъ слѣдовалъ своей политикѣ выжиданія, то на этотъ разъ она достигла цѣли; ибо со смертью Александра прекратилась опасность дальнѣйшаго распространенія эллинизма. На этотъ разъ Кароагенъ и Римъ избѣгли борьбы, но въ Александріи нашли соперницу въ торговыхъ дѣлахъ. Съ Птолемеями, которые завладѣли тѣмъ временемъ Киреной, повидимому, никогда не доходило до распрей, а при началѣ первой пунической войны былъ даже заключенъ союзъ съ Птолемеемъ II, по которому обѣ стороны должны были взаимно охранять права владѣнія и торговыя отношенія.

Новыя недоразумѣнія въ Сициліи не заставили себя долго ждать. Агаѳоклъ, въ своихъ попыткахъ возстановить сицилійское государство, долженъ былъ прежде всего стараться изгнать отсюда кароагенянъ. Тогда началась многолѣтняя война съ удивительными перемѣнами счастья; въ это время отбитый у сиракузскихъ стѣнъ Агаѳоклъ попытался перенести войну въ Африку и здѣсь осадилъ даже Кароагенъ; въ концѣ концовъ онъ былъ вынужденъ возвратиться въ Сицилію, потерялъ свое войско и долженъ былъ заключить съ Кароагеномъ миръ съ сохраненіемъ старыхъ владѣній (312—306). Среди приготовленій къ новымъ предпріятіямъ противъ Кароагена онъ умеръ (289). Съ его смертью былъ устраненъ противникъ, который еще разъ собралъ силы западныхъ грековъ на борьбу съ кароагенскимъ владычествомъ. Съ этихъ поръ уже не было столь сильныхъ греческихъ союзовъ, которые могли бы противиться Кароагену.

B. **Баркиды и ихъ борьба на смерть.**

Агаѳоклъ оставилъ по себѣ наслѣдство, которое должно было стать причиной и поводомъ къ борьбѣ между двумя державами, которыя выдѣлились, оставшись послѣ всѣхъ столкновеній: между Римомъ и Кароагеномъ. Соперниками кароагенянъ на морѣ еще оставались развѣ только италійскіе греки, но ихъ сила была сломлена въ то время, какъ Кароагенъ опять оставался въ выжидательномъ положеніи. Отъ него ускользнулъ очень удобный случай захватить въ свои руки Тарентъ, предложенный ему одной изъ враждующихъ партій; римляне были менѣе застѣнчивы. Однако послѣ того, какъ палъ Тарентъ и Пирръ былъ отбитъ, должна была, наконецъ, начаться война между двумя послѣдними державами, оспаривавшими господство въ западной части Средиземнаго моря.

Поводъ къ разрыву съ Римомъ дала просьба о помощи со стороны наемниковъ Агаѳокла, мамертинцевъ, которые утвердились въ Мессанѣ; осажденные Гіерономъ II Сиракузскимъ, наемники обратились за по-

мощью: часть — къ Карѳагену, часть — къ Риму. Не встрѣчая препятствій со стороны карѳагенянъ, римское вспомогательное войско переправилось черезъ проливъ, но нашло въ городѣ карѳагенскій гарнизонъ и въ гавани карѳагенскій флотъ. Все это происходило еще при кажущемся мирѣ; вѣчно медлительный Карѳагенъ старался избѣжать открытаго разрыва. Но когда римляне выгнали изъ крѣпости гарнизонъ, Карѳагену не оставалось ничего, кромѣ объявленія войны: первой пунической войны (264—241 г.); Римъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ, и Карѳагенъ долженъ былъ отказаться отъ Сициліи.

Если, безъ сомнѣнія, уже въ этомъ случаѣ Римъ былъ вызвавшей войну стороной, то его беззастѣнчивая политика обнаружилась вполнѣ въ его поведеніи при занятіи Сардиніи. И только благодаря энергичной защитѣ Эрика Гамилькаромъ война съ Римомъ была проведена съ честью. Послѣ заключенія мира, его войско должно было быть переправленнымъ въ Африку, но здѣсь или не хотѣли или не могли выплатить войску всего жалованья. Въ концѣ концовъ въ войскѣ началось возмущеніе, которое нашло поддержку въ сельскомъ населеніи Ливіи. Утика и Гиппона (Діарритъ) были взяты мятежниками, и самъ Карѳагенъ находился въ осадѣ до тѣхъ поръ, пока не обратились за помощью къ Гамилькару и ему не удалось подавить возстаніе. Одновременно возмутились карѳагенскіе наемники въ Сардиніи и захватили въ свои руки островъ. Но, тѣснимые населеніемъ, они обратились съ просьбой о принятіи ихъ подъ римское подданство. Имъ отказывали въ этомъ, пока карѳагеняне были заняты войной съ наемниками въ Африкѣ. Но, лишь только тамъ былъ возстановленъ порядокъ и начали помышлять о подчиненіи Сардиніи, Римъ обнаружилъ свои дѣйствительныя намѣренія и отозвался на новую просьбу о помощи, обращенную къ нему повстанцами. Вопреки условію договора, заключеннаго три года тому назадъ, Сардинія была взята Римомъ.

Въ эпоху между первой и второй войнами съ Римомъ, антагонизмъ между двумя партіями въ Карѳагенѣ выразился вполнѣ осязательно. Та военная партія, представителями которой были Баркиды, не старалась возбуждать войну (это всегда было дѣломъ Рима); она хотѣла только защищать независимость государства, такъ какъ она провидѣла всѣ планы Рима. Основнымъ мотивомъ дѣйствій другой партіи было враждебное чувство по отношенію къ могуществу Баркидовъ; это была римская партія; весьма возможно, что она была закуплена золотомъ или обѣщаніями Рима. Она говорила о безусловной уступчивости въ отношеніи Риму, т.-е. въ послѣднемъ итогѣ отказывалась отъ самостоятельности Карѳагена. Партія Баркидовъ имѣла перевѣсъ не столько благодаря личнымъ дарованіямъ Гамилькара и Гасдрубала, сколько благодаря дѣйствительной жизнеспособности самого государства. Пока еще было вообще возможно держаться въ открытомъ полѣ, она имѣла за себя право, основанное на конституціи. И только тогда, когда благодаря тяжелой войнѣ, стоявшей почти у воротъ города, не было другого исхода, римская партія постаралась провести конституціоннымъ путемъ мѣры для подчиненія Риму. До тѣхъ поръ ея вліяніе исключительно проявлялось въ стѣсненіи энергическаго способа веденія войны, и она своимъ образомъ дѣйствія дѣйствительно достигла своихъ цѣлей. Побѣдоносный въ открытомъ полѣ Ганнибалъ испыталъ пораженіе, строго говоря, исключительно въ Карѳагенѣ. Римское войско подошло къ самымъ воротамъ города; оно было нужно, чтобы получить въ городѣ въ свои руки управленіе государственной машиной.

Послѣ потери Сардиніи, Гамилькаръ (237) направился въ Испанію, такъ какъ задумалъ вознаградить Карѳагенъ за потерю Сициліи и Сардиніи основаніемъ новой карѳагенской провинціи въ Испаніи. Мы ничего не знаемъ о томъ, въ какомъ положеніи находились здѣшніе финикіяне. Изъ торговыхъ договоровъ съ Римомъ мы видимъ, что еще существовавшіе

здѣсь города принадлежали Карөагену. То, что происходило теперь въ Испаніи, происходило раньше въ Ливіи: подчиняли континентальную область и основывали провинцію: до сихъ поръ здѣсь существовали только торговые города, находившіеся подъ верховнымъ управленіемъ Карөагена. Гамилькаръ палъ въ битвѣ (226) съ иберами, и его мѣсто занялъ Гасдрубалъ. Онъ продолжалъ дѣло своего тестя и сдѣлалъ старую Мастію (стр. 175) столицей новой провинціи, давъ городу названіе Карт-хадастъ или Новый Карөагенъ, какъ его именовали римляне. Послѣ его смерти (221 г.) верховное начальство надъ войскомъ перешло къ сыну Гамилькара, Ганнибалу.

Пріобрѣтеніе провинцій въ Испаніи и вторая война съ Римомъ представляется, повидимому, исключительно дѣломъ Баркидовъ; даже получается впечатлѣніе, будто они собственно и были владыками въ Карөагенѣ и de facto пользовались монархической властью. Такое представленіе создалось на основаніи нашего преданія, а оно съ одной стороны касается только войнъ, въ которыхъ естественно больше выступаютъ отдѣльныя личности, а съ другой стороны имѣетъ цѣль оправдать отношеніе Рима къ Карөагену. Поэтому оно должно представлять римскую партію въ Карөагенѣ жертвой насилія, тогда какъ не можетъ подлежать сомнѣнію то, что Баркиды всегда находились въ согласіи съ правительствомъ, дѣйствовавшимъ на основаніи законовъ страны. Римская партія замыслила просто измѣну. Не Ганнибалъ распоряжался правительствомъ въ Карөагенѣ: онъ еще мальчикомъ отправился съ своимъ отцомъ въ Испанію и только по окончаніи войны вернулся въ Африку; не онъ, а то большинство занимавшихъ конституціонныя должности фамилій, къ партіи которыхъ онъ принадлежалъ и приказанія которыхъ исполнялъ. Конечно, и Гамилькару и Ганнибалу верховное начальство надъ войскомъ давало вѣскій голосъ въ совѣтѣ ихъ партіи; и они безъ сомнѣнія не мало способствовали ея перевѣсу, но они были только военачальниками на ряду съ другими, о которыхъ сообщаетъ преданіе; Магонъ, быть-можетъ, обладалъ еще бо́льшимъ личнымъ вліяніемъ, чѣмъ Ганнибалъ.

Поводъ къ войнѣ опять, по обыкновенію, былъ притянутъ за волоса Римомъ: когда Ганнибалъ осаждалъ Сагунтъ, онъ не исполнилъ, какъ оказалось, несправедливаго требованія римлянъ не переходить за Эбро. Ходъ и исходъ второй пунической войны извѣстны. Римская партія довела дѣло до того, что война наконецъ разразилась въ Африкѣ, и правительство было вынуждено отозвать Ганнибала въ Африку; здѣсь непобѣдимый полководецъ былъ разбитъ при Замѣ (202). Съ этихъ поръ Римъ могъ предписывать условія мира: испанская провинція уступалась Риму; платящее дань нумидійское государство — Масиниссѣ; Карөагенъ терялъ свою независимость. Онъ долженъ былъ платить дань Риму, и потерялъ даже право вести войну.

Судьба Карөагена была этимъ рѣшена. Отнынѣ онъ уже не могъ играть никакой политической роли. Но его торговля сохраняла еще за нимъ значеніе, которое въ концѣ концовъ могло вернуть ему политическое могущество. Это должно было озаботить Римъ. Подобно тому, какъ ассирійцы всегда старались довести до возмущенія своихъ союзниковъ и плательщиковъ дани съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность отобрать ихъ государства, такъ точно, и римляне никогда не были въ затрудненіи относительно средствъ, чтобы вызвать послѣднюю отчаянную борьбу. Для этой цѣли противупоставили Карөагену Масиниссу, который, сыгралъ возложенную на него роль, согласно предписанію. „Третья пуническая война“ (149—146) была отчаянной борьбой, которая была вызвана насиліями Масиниссы и которая дала поводъ устранить Карөагенъ и отъ участія въ мирной конкуренціи. Карөагенъ былъ разрушенъ, и Утика стала главнымъ городомъ новой римской провинціи Африки.

Г. Очеркъ пуническаго міра.

Если мы при изложеніи исторіи народовъ древняго востока прежде всего жалуемся на скудость источниковъ, которые могли бы дать матеріалъ для выводовъ о внутреннемъ развитіи государствъ, то, говоря о западныхъ финикіянахъ, пунахъ, мы должны усугубить свои жалобы. У насъ есть два отрывка съ перечисленіями храмовыхъ пошлинъ, одинъ изъ нихъ найденъ въ Марсели, другой въ Карѳагенѣ; они восходятъ къ двумъ тождественнымъ оригиналамъ, и слѣдовательно ихъ родина въ Карѳагенѣ. Далѣе у насъ есть тысячи карѳагенскихъ плитъ римскаго времени, содержащихъ посвященія и повторяющихъ однѣ и тѣ же очень краткія и безсодержательныя формулы. Вотъ и все, что до сихъ поръ могла возвратить намъ почва сѣверной Африки изъ произведеній чисто пуническаго духа. Многолѣтнія раскопки спеціально на мѣстѣ Карѳагена не дали никакихъ находокъ, которыя относились бы ко времени до паденія опаснаго соперника римлянъ. Чтобы создать картину внутренней жизни карѳагенянъ, у насъ еще меньше данныхъ, чѣмъ въ персидской исторіи; тамъ у насъ, по крайней мѣрѣ, были хоть опорные пункты, помогающіе намъ правильно освѣтить греческія извѣстія. Даже въ политической исторіи наши свѣдѣнія о внутреннихъ переворотахъ въ Карѳагенѣ не всегда вразумительны, такъ какъ они основываются или прямо на римскихъ источникахъ или же на такихъ, какіе въ оцѣнкѣ чужеземныхъ учрежденій не были въ состояніи отрѣшиться отъ сопоставленія съ своими, туземными. Кромѣ тѣхъ похвалъ, которыя разсыпаются случайно карѳагенской системѣ правленія у Платона, Эратосѳена, Полибія, Катона и Цицерона, мы обязаны болѣе подробными свѣдѣніями Политикѣ Аристотеля, но эти разсужденія имѣютъ сравнительный характеръ; они разнорѣчивы и предполагаютъ знакомство съ не дошедшимъ до насъ трудомъ о карѳагенскомъ государственномъ устройствѣ. Но и изложеніе прочно установленнаго государствомъ политическаго устройства не всегда, можетъ-быть, пожалуй только въ рѣдкихъ случаяхъ, является дѣйствительнымъ выраженіемъ силъ, опредѣляющихъ народную жизнь. Да, наконецъ, мы не можемъ опредѣлить ходъ историческаго развитія, которое привело къ такой государственной системѣ; мы не можемъ прослѣдить ея дѣйствіе въ исторіи. Слѣдовательно, такая система сохраняетъ интересъ любопытной вещи.

Пуническія колоніи явились результатомъ народнаго переселенія. Въ отличіе отъ тѣхъ толпъ, которыя покоряли т. наз. метрополію, пришедшіе сюда съ войной не нашли на африканскомъ берегу никакой культуры, пріобрѣтенія которой они могли бы усвоить; вполнѣ естественно, поэтому, что они не такъ скоро сроднились съ землей и поддерживали связь съ „метрополіей“; въ этихъ отношеніяхъ сказалась, главнымъ образомъ, экономическая зависимость. Пришельцы населили морскіе берега съ нецивилизованными обитателями въ глубинѣ страны; поэтому въ своихъ нуждахъ они обращались въ тѣ старыя культурныя страны, откуда они пришли. Благодаря этой связи поселенцы образовали торговыя государства, которыя въ представленіи семитовъ признавали свою экономическую связь съ родной страной тѣмъ, что ежегодно отправляли подать богамъ „сидонской“ амфиктіоніи. Это означало въ сущности признаніе ими того, что нѣтъ боговъ, которымъ первоначально принадлежала занятая ими страна, что она скорѣе была завоевана старыми богами племени въ Сидонѣ. Если бы они на своей новой родинѣ нашли старые культурные центры, то они, перенявъ культъ старыхъ боговъ, должны были бы получить землю отъ нихъ. Такъ какъ ничего этого не было, то они должны были оставаться съ богами родины.

Имѣлъ ли Карѳагенъ въ самомъ началѣ царское управленіе? Съ полнымъ вѣроятіемъ на этотъ вопросъ можно отвѣтить отрицательно, принявъ во вниманіе семитское міросозерцаніе. Царь по представленію семитовъ поставленъ милостью Божіей. Онъ отъ бога получилъ для управленія принадлежащую богу область. Гдѣ страна не имѣла никакого своего бога, тамъ не могло быть и царя. Финикіяне въ родной странѣ нашли старые культурные центры, и очень скоро получили царей, такъ какъ ихъ вожди приняли учрежденія завоеванной земли. Въ Африкѣ, гдѣ ничего подобнаго не было, очевидно нельзя было получить царскаго достоинства отъ несуществовавшихъ боговъ, и поэтому переселенцы оставались въ зависимости отъ метрополіи. Конечно, можно было бы и представить себѣ, что, говоря по-гречески, какой-либо тираннъ, шалитъ (shalit), какъ сказалъ бы семитъ, забралъ въ свои руки высшую власть, какъ судья, полководецъ и жрецъ, и принялъ бы царское достоинство. Потомъ онъ долженъ былъ бы, подобно Давиду, подумать о томъ, чтобы дать своей столицѣ особый, свой культъ, и такимъ образомъ утвердить независимость своего бога отъ божества и культовъ метрополіи. Этого не случилось: до самаго поздняго времени платили подать на родину и должны были платить, если не желали сыграть въ руку жаждущему власти полководцу, давъ ему удобнѣйшій предлогъ достичь царскаго сана. Поэтому царской власти въ Карѳагенѣ никогда не существовало.

Управлялся Карѳагенъ такъ же, какъ провинціальный городъ, т.-е. самая система возникла изъ родовой организаціи еще не осѣвшихъ семитовъ. Былъ совѣтъ, по всей вѣроятности представлявшій гражданство; были старѣйшины, первоначально соотвѣтствовавшіе вождямъ и старѣйшинамъ (шейхи) отдѣльныхъ родовъ, а, въ историческую эпоху выбиравшіеся изъ знати въ качествѣ магистратовъ для веденія дѣлъ. Главами этого правительства являлись два суффета, два „судьи“. Ссылаясь на ихъ существованіе, слѣдуетъ отрицать возможность царской власти. Судья или шофетъ (такъ въ Ветхомъ Завѣтѣ) — вождь племени, которое еще не владѣетъ никакой прочной святыней съ Вааломъ, владыкой страны. Онъ не могъ быть поэтому верховнымъ жрецомъ ни, тѣмъ болѣе, вождемъ не существовавшаго войска. Сохраненіе этого сана въ Карѳагенѣ объясняется такимъ образомъ отсутствіемъ божества, владѣющаго землей. Число суффетовъ (два) можно объяснить или тѣмъ, что Карѳагенъ могъ быть главнымъ образомъ поселеніемъ двухъ племенъ, или тѣмъ, что послѣ переселенія, при образованіи гражданства и аристократіи, оба эти слоя дали своихъ представителей въ составъ правительства.

Финикіяне были обладателями лучшихъ гаваней для громадной культурной области и, благодаря постоянному давленію народныхъ массъ, должны были ограничить свои владѣнія узкой береговой полосой, а свою сферу — моремъ и торговлей. Зато поселенцы въ западной части Средиземнаго моря, окрѣпнувъ въ торговлѣ съ восточнымъ культурнымъ міромъ, имѣли полную возможность путемъ покоренія малокультурныхъ обитателей материка забрать большую область. Такъ какъ торговцы-владыки Карѳагена нигдѣ не упускали выгодъ, которыя доставляла эксплоатація почвы, то они покорили ливійскихъ обитателей континента. Мы очень мало знаемъ о ходѣ этихъ событій. Завоеватели вначалѣ забрали себѣ только часть земли, оставивъ за старыми владѣльцами на правахъ собственности, подъ условіемъ опредѣленной дани, большую часть. Введеніе денежнаго обмѣна, — онъ подразумѣвается въ государствѣ, живущемъ торговлей, — привело къ тому, что благодаря задолженности крестьянъ, земля все больше и больше переходила въ руки карѳагенскихъ владыкъ. Такимъ образомъ образовались крупныя земельныя владѣнія, въ которыхъ рабы

занимались сельскимъ хозяйствомъ, и которыя были образцами для римскихъ латифундій. Остается неяснымъ, какой тактики держался Карѳагенъ въ своихъ заграничныхъ провинціяхъ. Извѣстно, что въ Испаніи карѳагеняне занимались эксплоатаціей металловъ. Остается при этимъ невыясненнымъ, были ли сами карѳагеняне предпринимателями или же передавали обработку туземцамъ, и при помощи податной системы клали прибыль въ карманъ. Послѣднее представляется болѣе вѣроятнымъ.

Даже о торговыхъ отношеніяхъ у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній. Если мы обратимъ вниманіе на сношенія съ восточнымъ культурнымъ міромъ, мы узнаемъ, что карѳагеняне доставляли сюда сырые продукты странъ западной части Средиземнаго моря. Библія важнѣйшей изъ этихъ странъ считаетъ Ѳарсисъ. Для насъ неясно, къ какой странѣ нужно пріурочить это названіе (стр. 175); во всякомъ случаѣ карѳагеняне — господа этой торговли съ Ѳарсисомъ; здѣсь оканчивается горизонтъ передне-азіатскихъ культурныхъ народовъ. Торговля, которая процвѣтала на испанскихъ берегахъ и отсюда вытѣсняла финикійскую метрополію, должна была перейти за Гибралтарскій проливъ. Извѣстна попытка пріобрѣсти западно-африканскіе берега (Сьерра Леоне) путемъ основанія здѣсь факторій; эту попытку предпринялъ еще до Геродотовскихъ временъ приблизительно около 470 года „Старшій“ Ганнонъ („Периплъ“ Ганнона). Въ своемъ путешествіи онъ добрался до устья Сенегала, и отчетъ о немъ по преданію хранился въ храмѣ „Кроноса“ въ Карѳагенѣ. Дошедшія до насъ греческія изложенія имѣютъ претензіи быть его переводомъ. Въ pendant къ этому плаванію Гимилконъ совершилъ свое, на сѣверъ до самой Британіи. Съ его очеркомъ мы менѣе знакомы, такъ какъ онъ извѣстенъ намъ только благодаря тому, что Авіенъ имъ пользовался въ своей „Ora maritima“.

12. Израиль.

Изъ всѣхъ восточныхъ народовъ наиболѣе извѣстными сдѣлались племена, образующія послѣднія составныя части второй волны той группы, какая интересовала насъ въ десятомъ отдѣлѣ: „еврейскія“ племена, самое мѣстопребываніе которыхъ, наиболѣе отдаленное по направленію къ степи, могло бы уже показать, что на свои мѣста они прибыли послѣдними изъ великой „хананейской“ народной волны, тѣснимыя предшественниками ближайшей иммиграціи, арамейской. Это — тѣ племена, которыя образовали народъ Израиль, и ихъ сосѣди, живущіе еще далѣе по направленію къ степи: эдомитяне, моавитяне и аммонитяне.

Согласно перепискѣ изъ Тель-Амарны, уже въ XV вѣкѣ можно констатировать проникновеніе въ страну „еврейскихъ“ племенъ; именно здѣсь выступаетъ народъ, который распространяется съ сѣвера, амореи (см. стр. 158). Послѣдніе рисуются евреямъ, въ произведеніи, представляющемъ древнѣйшую форму преданія, въ качествѣ обитателей страны, у которыхъ они должны были ее отнять: когда вторглись израильскія племена, тѣ сдѣлались уже изъ завоевателей обладателями страны. Такимъ образомъ, израильтянъ слѣдуетъ разсматривать, какъ ближайшую волну послѣ амореевъ, и ихъ переселеніе слѣдуетъ пріурочивать къ нѣсколько болѣе позднему времени; въ перепискѣ изъ Тель-Амарны (которая, вообще, мало упоминаетъ объ именахъ племенъ) невозможно доказать ни одного упоминанія объ именахъ израильскихъ племенъ. Самое раннее упоминаніе объ Израилѣ, кажется, встрѣчается въ надписи фараона Меренпта II (около 1200 г.). Невозможно рѣшить, слѣдуетъ ли подъ этимъ именемъ разумѣть, какъ мы это сдѣлали, союзъ племенъ, или же какое-либо исчезнувшее племя, о которомъ ничего не сохранилось въ библейскомъ преданіи, кромѣ

названія всей совокупности племенъ, группировавшихся вокругъ него и его святыни (съ божествомъ „Іаковъ").

А. Повѣствовательныя книги Библіи, какъ историческій источникъ.

Къ израильской исторіи каждый подходитъ съ опредѣленнымъ, въ существенныхъ чертахъ, опирающимся на библейскія представленія взглядомъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ изображенію событій, необходимо сказать нѣсколько словъ объ этомъ наиболѣе важномъ и для всякаго близкомъ источникѣ для нашего предмета.

Въ томъ видѣ, какой имѣютъ въ настоящее время „историческія" или какъ ихъ въ дѣйствительности слѣдуетъ называть, повѣствовательныя книги Библіи, онѣ — продуктъ поздняго времени. Своеобразный характеръ примѣнявшагося въ древности пользованія источниками позволяетъ намъ разложить книги на ихъ отдѣльные источники, такъ что мы въ состояніи разъединить обработанныя въ одно гармоническое цѣлое свидѣтельства и заставить ихъ свидѣтельствовать другъ противъ друга. Результатъ этого разъединенія источниковъ, который наиболѣе ярко обнаруживается въ пятикнижіи, слѣдующій. Два древнихъ письменныхъ источника, авторы которыхъ называются, согласно обозначенію имени Бога, Элоистъ и Іеговистъ, обработаны уже въ раннее время. И при этомъ, сочиненіе Элоиста болѣе древнее, такъ какъ только оно содержитъ еще воспоминанія о дѣйствительныхъ условіяхъ первобытныхъ временъ. Напримѣръ, оно знаетъ еще, что приходилось отнимать страну у амореевъ, тогда какъ Іеговистъ говоритъ въ общемъ о хананеянахъ, т.-е., древнѣйшихъ жителей онъ называетъ общимъ именемъ, заимствованнымъ у названія страны. Элоистъ въ сообщаемыхъ имъ легендахъ содержитъ еще воспоминанія о послѣ-израильской иммиграціи эдомитянъ, моавитянъ, аммонитянъ; тогда какъ Іеговистъ, стоящій на точкѣ зрѣнія позднѣйшихъ условій, считаетъ ихъ осѣдлыми на занятыхъ ими мѣстахъ уже ко времени иммиграціи Израиля.

Оба сочиненія разсматривались, какъ введеніе для историческихъ трудовъ, которые могли быть доводимы до какого угодно времени. Изъ дѣйствительно историческихъ составныхъ частей этихъ „лѣтописей" до насъ дошли лишь незначительные обрывки, которые касаются послѣднихъ временъ царей, и которые легко распознать благодаря ихъ сжатой формѣ. Въ новыхъ обработкахъ позднѣйшаго времени, они въ существенныхъ частяхъ замѣнены пророческими легендами, характеръ которыхъ лучше всего иллюстрируется разсказами объ Иліи и Елисеѣ. Эти „книги пророчествъ" стоятъ уже на точкѣ зрѣнія эпохи около 600 г., слѣдовательно, приходятся на время послѣ введенія Второзаконія, хотя и написаны въ духѣ болѣе старыхъ воззрѣній.

Іосія ввелъ книгу закона, которая положила основаніе іерархическому устройству. Ея содержаніе лежитъ передъ нами въ видѣ законодательныхъ частей пятой книги Моисея. Но свое истинное значеніе этотъ законъ получилъ лишь во время плѣна въ Вавилоніи, гдѣ іудейство, ставъ религіозной сектой, видѣло въ немъ руководство для своего поведенія. Затѣмъ въ изгнаніи одинъ священникъ сдѣлалъ попытку прослѣдить, на основаніи опредѣленій этого закона, всю израильскую исторію. Его трудъ лежитъ передъ нами въ видѣ теперешнихъ книгъ, которыя охватываютъ періодъ отъ „Іисуса" до „Царей". Онъ воспользовался древнѣйшими источниками, но устранилъ изъ нихъ въ еще бо̀льшей степени лѣтописный элементъ, а въ остальномъ объ отдѣльныхъ періодахъ, въ особенности, о царствованіяхъ, онъ высказался кратко, въ духѣ Второзаконія. Слѣдовательно, его трудъ есть разборъ израильской исторіи съ точки зрѣнія божественнаго происхожденія этого закона. „Второзаконіе" объясняетъ историческія судьбы народа, какъ послѣдствія нарушенія или исполненія этого „Моисеева

закона“, слѣдовательно, авторъ его рѣзко тенденціозный писатель, и, поэтому, его собственныя добавленія не трудно опредѣлить. Ихъ сущность легче всего и яснѣе всего можно видѣть въ резюмирующихъ сужденіяхъ о царствованіяхъ отдѣльныхъ царей: „онъ шелъ путями Іеровоама и дѣлалъ то, что было неугодно Богу“, или обратно. Отъ него также исходитъ установленіе хронологической схемы Библіи, которая, въ историческомъ отношеніи, лишена цѣны, такъ какъ онъ даетъ лишь неудовлетворительный разсчетъ событій на основаніи недостовѣрныхъ извѣстій, какъ они были установлены въ изгнаніи.

Дальнѣйшее развитіе религіозной секты, какой теперь является іудейство, привело къ выработкѣ іерархическаго строя въ самой рѣзкой формѣ. Это устройство письменно изложено въ такъ называемомъ священническомъ кодексѣ, который возникъ въ изгнаніи, или же является продуктомъ выработавшагося тамъ міровоззрѣнія. Здѣсь изображается все развитіе израильскаго народа отъ созданія міра въ краткомъ резюме, въ видѣ введенія къ синайскому законодательству, которое содержитъ въ себѣ новый законъ. Это произведеніе, которое первоначально стояло само по себѣ и считалось послѣплѣннымъ законодательнымъ сводомъ, затѣмъ вошло также въ тотъ трудъ, который былъ созданъ авторомъ Второзаконія на основаніи болѣе раннихъ произведеній. Его легко узнать по языку; ему принадлежитъ извѣстіе о созданіи міра въ первой главѣ Бытія и въ особенности сухіе перечни генеалогіи для эпохи патріарховъ. Можно радоваться, что его авторъ остановился на синайскомъ законодательствѣ. Если бы онъ обработалъ съ своей точки зрѣнія также и остальную исторію, то было бы трудно воспользоваться здѣсь чѣмъ-либо для историческихъ цѣлей; ибо онъ, въ противоположность автору Второзаконія, поступалъ совершенно свободно и устранилъ все то, что не подходило къ его системѣ. Въ то время, какъ первый создавалъ компиляцію и, благодаря этому, сохранилъ для насъ и кое-что изъ старинныхъ матеріаловъ, послѣдній свободно излагалъ все отъ себя въ связномъ разсказѣ; слѣдовательно, онъ совершенно не пригоденъ, въ качествѣ историческаго или (для сказаній о первобытныхъ временахъ) литературно-историческаго источника. Что могло дать намъ изложеніе въ его духѣ, это показываютъ книги Паралипоменонъ, разсказъ объ іудейской исторіи въ духѣ книги священническаго кодекса, созданный долго спустя послѣ плѣна. Въ качествѣ основного источника здѣсь служили книги царей, хотя и въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ мы ихъ знаемъ въ настоящее время; а въ остальномъ мы встрѣчаемъ здѣсь свободное творчество. За малыми исключеніями, онѣ совершенно непригодны въ качествѣ историческаго источника.

Однако, даже болѣе древнія данныя, содержащіяся въ трудѣ автора Второзаконія, не могли бы дать намъ исторической картины, если бы въ данныхъ этнологіи и другихъ изслѣдованіяхъ древняго востока мы не имѣли масштаба для отдѣленія болѣе раннихъ воззрѣній отъ позднѣйшаго ихъ искаженія. Кромѣ того, многое мы выясняемъ теперь благодаря надписямъ, въ особенности, вавилонско-ассирійскимъ.

Б. **Начало Израиля.**

Само собой разумѣется, взгляды Израиля на свое происхожденіе, какъ и у всякаго народа, облекаются въ форму героической саги; позднѣйшая іерархическая форма преданія придала ей затѣмъ свою собственную окраску. Историческое воспоминаніе могло, вообще, развиться лишь тогда, когда уже выработались до нѣкоторой степени прочныя условія: въ царствованіе Саула и затѣмъ Давида. Тѣ историческія воспоминанія, которыя восходили къ доисторическому времени, могли быть самое большее мѣстнымъ преданіемъ. Но и древнѣйшее историческое

время скоро должно было явиться въ легендарномъ свѣтѣ; кромѣ того, указанное своеобразіе преданія предпочитало именно легендарное историческому, какъ это само собой понятно, такъ какъ для цѣлей преданія факты были менѣе удобны, чѣмъ ихъ легендарное отраженіе, Такимъ образомъ, и изъ древнѣйшаго времени царей до насъ дошло мало отдѣльныхъ извѣстій историческаго характера.

Легенда начинаетъ свое изложеніе исторіи Израиля выселеніемъ изъ Египта и переселеніемъ въ „Обѣтованную землю". Между тѣмъ, одного факта достаточно, чтобы доказать легендарный характеръ всего этого взгляда. Прежде всего, это — историческая невозможность. Выселеніе союза племенъ, путешествіе черезъ области родственныхъ племенъ, живущихъ при одинаковыхъ культурныхъ условіяхъ, должно было повести къ немедленному распаденію его, такъ какъ заключались союзы съ племенами проходимыхъ областей, и нѣкоторыя части погибали. Соединеніе въ одинъ народъ можетъ произойти лишь послѣ занятія опредѣленной территоріи, можетъ быть результатомъ пребыванія въ странѣ. Израильскій союзъ племенъ, т.-е. народъ Израиля, получилъ свою организацію лишь послѣ того, какъ онъ уже осѣлъ въ странѣ. Отдѣльныя его племена до этого стояли другъ къ другу не въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ къ своимъ сосѣдямъ, эдомитянамъ, моавитянамъ и другимъ, которые въ качествѣ племенъ сошли со сцены; лишь занятіе опредѣленнаго мѣстожительства, которое представляло изъ себя нѣчто цѣлое, сблизило ихъ между собой и отдѣлило отъ остальныхъ. Это развитіе совершилось въ періодъ времени между эпохой, къ которой относится переписка изъ Тель-Амарны, и первымъ появленіемъ на сценѣ „народа Израиля".

Но, оставляя въ сторонѣ, что съ самаго начала легко обнаружить неисторическій характеръ легенды объ исходѣ изъ Египта, мы даже въ состояніи доказать ея возникновеніе. Богъ, который сдѣлался національнымъ богомъ соединеннаго Израиля-Іуды, былъ мѣстнымъ божествомъ области къ югу отъ Іудеи, откуда Давидъ совершилъ завоеваніе своего царства (ср, ниже, стр. 192). Мѣстопребываніе же Бога всегда пріурочивается къ тому мѣсту, гдѣ находится дѣйствительная родина народа, т.-е., гдѣ обитаетъ его господствующая часть. Поэтому то историческое пониманіе, которое желало бы доказать существованіе одного народа Израиля-Іуды, должно было бы искать его родину тамъ. Эта страна называлась такъ же, какъ и Египетъ (быть-можетъ, какъ принадлежащая къ Египту часть Аравіи), Муцри: позднѣе легенда считала это Египтомъ и такъ мало она скупилась[1] на различныя прикрашиванія, что отсюда возникла легенда, чары которой были настолько сильны, что вплоть до новаго времени она сохранила видимость исторической достовѣрности.

Мы же, напротивъ, рисуемъ себѣ картину завоеванія странъ по образцу извѣстныхъ народныхъ переселеній и принимаемъ, что отдѣльныя племена, изъ которыхъ позднѣе образовался народъ Израиля, въ-одиночку завоевывали свои территоріи, быть-можетъ, также и въ союзѣ съ другими исчезнувшими племенами, и лишь въ самой странѣ уже, подъ давленіемъ обстоятельствъ, они слились въ большій союзъ. То племя, отъ господства котораго исходитъ муцрійская сага, принадлежитъ, какъ мы увидимъ, не къ нимъ, а оно присоединилось лишь въ историческое время. Собственно израильскія племена имѣютъ свою родину „въ степи". Отъ того времени, когда племена еще не были прочно объединены, и не могло еще быть, какъ общее правило, общаго поведенія (если только оно

---

[1] Подобное же смѣшеніе можно доказать и въ сказаніяхъ о праотцахъ: здѣсь мы, напримѣръ, ту же самую сагу встрѣчаемъ въ обѣихъ формахъ: разъ она разыгрывается съ соотвѣтствующимъ колоритомъ въ области Муцри; другой разъ — въ Египтѣ съ соотвѣтствующими измѣненіями.

вообще могло быть), мы имѣемъ воспоминанія, которыя преданіе относитъ къ рубрикѣ „Времена судей“ и которыя ясно доказываютъ зачатки образованія отдѣльныхъ племенныхъ княжествъ, и слѣдовательно и раздѣльное существованіе отдѣльныхъ племенъ. Таковъ разсказъ объ Іефѳаѣ въ Галаадѣ и о Гедеонѣ въ колѣнѣ Манассіиномъ; послѣдній сильно искаженъ обработками. Въ обоихъ разсказахъ можно еще замѣтить, что дѣло идетъ о племенныхъ преданіяхъ и что единство Израиля здѣсь не предполагается. Лишь позднѣйшая обработка насильно вводитъ подъ конецъ всего Израиля.

Естественное развитіе вещей приводитъ къ тому, что шейхъ, вождь одного племени, завоевавъ область, получаетъ отъ этого завоеванія главную выгоду и болѣе значительныя средства власти, которыя ставятъ его выше его соплеменниковъ. Осѣдлость въ какомъ-либо городѣ и въ принадлежащей къ нему округѣ разрушаетъ покоющуюся на равноправности племенную организацію и ведетъ къ господству и царской власти; добровольно признанный шейхъ становится царемъ, опирающимся на свою собственную силу.

Чаще всего это могло имѣть мѣсто тамъ, гдѣ переселенцы встрѣчали уже подобныя условія, и гдѣ завоеваніе царскаго города для побѣдителя обозначало не что иное, какъ завладѣніе имѣвшимися тамъ учрежденіями. Въ то время, какъ въ обоихъ вышеупомянутыхъ примѣрахъ „судей“ мы можемъ, поэтому, видѣть представителей сельскаго населенія, ближайшая ступень развитія, зачатки царской власти, обнаруживаются тамъ, гдѣ „израильское“ племя обладаетъ городомъ. Авимелехъ основалъ въ Сихемѣ именно племенное царство. Несмотря на то, что оно нашло скорый конецъ и не оказало прочнаго вліянія, оно можетъ служить примѣромъ нѣкоторыхъ подобныхъ явленій того времени, когда израильскія племена стали обладать городами и вмѣстѣ съ желанными сокровищами культуры познакомились съ ихъ нежелательными спутниками. Такова одна форма возникновенія царской власти. Она постольку опережаетъ естественное развитіе, поскольку производитъ разрывъ съ собственнымъ племенемъ и, благодаря этому, лишается тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, благодаря которымъ и было достигнуто величіе. Подобная тираннія, скорѣе продолженіе найденной ранѣе, была поэтому лишена прочности. Прочный успѣхъ имѣла лишь та царская власть, которая выросла изъ условій дальнѣйшаго развитія племенной жизни и изъ новыхъ потребностей, и которая могла опираться на собственныхъ соплеменниковъ.

О совмѣстной дѣятельности союза израильскихъ племенъ, какимъ можетъ быть упоминаемый Меренпта, мы имѣемъ одно лишь единственное свидѣтельство, такъ называемую пѣснь Деворы. Однако, пророчица Девора обязана своимъ существованіемъ легендѣ, возникшей благодаря непониманію текста; ибо вся повѣствовательная четвертая глава въ книгѣ судей есть не что иное, какъ разсказъ, созданный, благодаря ложному пониманію пѣсни въ упомянутыхъ выше „книгахъ пророчествъ“. Пророчица Девора возникла изъ названія города Дабратъ въ Иссахарѣ, который въ пѣснѣ играетъ выдающуюся роль. Сама пѣснь, едва ли еще могущая быть разгаданной въ своихъ деталяхъ, вслѣдствіе ошибокъ преданія, прославляетъ тріумфъ израильскихъ племенъ на войнѣ. Упоминаются тамъ почти всѣ израильскія племена. Но упоминаніе колѣна Веніамина едвали первоначальное, а возникло благодаря позднѣе почувствованной потребности видѣть упомянутыми всѣ племена.

B. **Царство Саула.**

Движеніе впередъ филистимлянъ въ XII столѣтіи привело къ господству ихъ надъ израильтянами. Благодаря этому, стало возможнымъ

одно изъ двухъ: или только-что переселившіяся племена обладаютъ достаточной силой, чтобы прогнать новыхъ господъ, или они потеряютъ свою народность и сдѣлаются филистимскими подданными. Имѣло мѣсто первое. Именно, борьба противъ новаго врага дала толчокъ къ болѣе тѣсному объединенію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію народа во внѣшнихъ отношеніяхъ. Война можетъ вестись успѣшно въ теченіе продолжительнаго времени только про условіи единаго руководительства. Изъ состоянія непрестанной борьбы должна, въ концѣ концовъ, развиться власть побѣдоноснаго вождя, который, благодаря изгнанію враговъ и пріобрѣтенному такимъ путемъ почету, сперва занимаетъ въ своемъ племени господствующее положеніе, т.-е. становится царемъ, а затѣмъ является уже освободителемъ и, въ то же время, господиномъ надъ остальными племенами.

Это объясняетъ намъ роль Саула, вождя колѣна Веніаминова въ борьбѣ противъ филистимлянъ. Принадлежность колѣна Веніаминова къ союзу сѣверныхъ „десяти колѣнъ“ не вполнѣ доказана; напротивъ, позднѣйшій тѣсный союзъ колѣна Веніаминова съ Іудой, во время упадка царства Давида, свидѣтельствуетъ о томъ, что это племя находилось въ антагонизмѣ съ сѣверными, уже ранѣе объединенными племенами. Здѣсь, въ области племени, которое жило между собственно филистимской страной и израильскими племенами, воинственному человѣку легко было, въ результатѣ успѣшной борьбы противъ чужеземнаго господства, стать господиномъ своей племенной области и, идя отсюда, отнять у филистимлянъ израильскую область, которая, благодаря этому, доставалась ему, какъ своему естественному господину. Такъ приблизительно можемъ мы представить себѣ возникновеніе царской власти у Израиля. Это—собственно завоеваніе небольшимъ племенемъ, которое раньше не принадлежало къ союзу, слѣдовательно, совершенно то же самое явленіе, какое мы тотчасъ же увидимъ снова въ основаніи царства Давида: завоеваніе, которое должно было казаться освобожденіемъ отъ филистимскаго ига.

Саулъ даже для легенды оставался всегда симпатичной (и единственно симпатичной) личностью; замѣчательно, что легендѣ о Давидѣ, которая не имѣла основанія заботиться о памяти Саула, не удалось изгладить памяти о немъ. Еще изъ преданія можно видѣть, что, пока онъ былъ живъ, онъ держалъ въ повиновеніи всѣхъ, и что даже предпріимчивый Давидъ не рѣшался идти противъ него. Съ его смертью, Израиль достался Давиду; однако, память о Саулѣ должны были пощадить сами изобрѣтатели легендъ о Давидѣ. Историческихъ свѣдѣній мы имѣемъ о немъ мало. Одинъ основной тонъ лежитъ въ основѣ всѣхъ разсказовъ о немъ: борьба противъ филистимлянъ, благодаря которой онъ основалъ свое царство, которая наполняла его жизнь, и въ которой онъ нашелъ смерть на полѣ битвы. Небольшой отрывокъ древняго преданія сохранилъ намъ еще краткое извѣстіе о другихъ его войнахъ (1 Цар. 14,47; въ теперешнемъ преданіи имѣется искаженіе): „Онъ велъ войны кругомъ противъ всѣхъ своихъ враговъ, противъ моавитянъ, аммонитянъ, противъ Арама (Такъ! не Эдома; здѣсь разумѣются арамейскія мелкія государства на сѣверѣ Израиля и въ странѣ къ востоку отъ Іордана: Гешуръ, Бетъ-Мааха, Бетъ-Рехобъ), противъ царя Сувы (къ югу отъ Дамаска) и противъ филистимлянъ“. Объ отношеніи Саула къ Давиду преданіе молчитъ, поскольку оно имѣетъ историческій характеръ; оно и должно было ничего не знать, какъ мы сейчасъ увидимъ, о первоначальномъ антагонизмѣ между Іудой и Израилемъ.

Г. Царство Іуды.

а) Отношеніе Давида къ Саулу.

Рядомъ съ царствомъ Саула, въ мало затронутой цивилизаціей области живущихъ далѣе къ югу, на границѣ степи, племенъ, образовалось между тѣмъ другое царство подобнымъ же образомъ, какъ и царство Саула, только среди еще менѣе прогрессивныхъ условій: царство Давида, главнымъ племенемъ котораго является въ преданіи Іуда.

Здѣсь прежде всего важно устранить опирающееся на легенду представленіе о Давидѣ и Іудѣ. Давидъ является дѣйствительнымъ героемъ саги. Къ нему, какъ къ нѣкоторымъ другимъ выдающимся въ исторіи личностямъ, пріурочивается всевозможное: героическія саги, народные анекдоты и тому подобное; все это разсказывалось о томъ мужѣ, который былъ представителемъ величайшей силы Израиля-Іуды. Его время казалось поэтому потомству золотымъ вѣкомъ, подобно тому, какъ нѣмецкая народная сага сдѣлала Фридриха Барбароссу представителемъ величія государства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны еще отличать легенду съ вполнѣ опредѣленной политической тенденціей; она имѣетъ въ виду представить Давида, какъ представителя первоначально единаго народа Израиля, къ которому принадлежитъ также и Іуда. Это — та легенда, которую, выражаясь на современномъ языкѣ, пустили въ оборотъ историки и агенты Давида, чтобы дѣйствовать въ желательномъ для него духѣ и привлечь на сторону его дома народъ. Разъ она пустила корни, ее стали развивать дальше въ политическомъ смыслѣ, и она доказала свою жизнеспособность, такъ какъ фактически почти все, что мы имѣемъ изъ израильскихъ извѣстій, написано въ ея духѣ.

Къ этой легендѣ принадлежитъ все то, что имѣетъ въ виду доказать единство Израиля и Іуды, прежде всего то, что разсказывается о виѳлеемскомъ (іудейскомъ) происхожденіи Давида, о его юности, его отношеніи къ Саулу. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего историческаго: историческій Давидъ — совершенно другой; къ счастью, легенда и о немъ содержитъ нѣсколько соотвѣтствующихъ фактическимъ отношеніямъ воспоминаній. Сообразно этимъ воспоминаніямъ, его успѣхъ тѣсно связанъ съ возникновеніемъ „колѣна Іудова“. Какъ союзъ Веніаминова колѣна съ Израилемъ и созданіе „царства израильскаго“ должны быть названы дѣломъ Саула, такъ дѣломъ Давида являются созданіе „колѣна“ и царства Іуды.

На протяженіи восточной исторіи часто какой-либо вождь племени или вождь шайки становится царемъ и, въ концѣ концовъ, господиномъ большого государства. Такъ и Давидъ, даже по легендѣ, былъ такимъ предводителемъ шаекъ въ Сиклагѣ, лежащей далеко къ югу въ степи, въ эдомской области, въ странѣ „Муцри“. Чѣмъ болѣе такая роль противорѣчитъ образу, нарисованному легендой о представителѣ величія Израиля, тѣмъ съ бóльшимъ правомъ можемъ мы видѣть здѣсь вполнѣ достовѣрное историческое воспоминаніе. Такъ, Давидъ въ теченіе нѣкотораго времени утвердился въ качествѣ господина опредѣленной мѣстности и мало-по-малу создалъ себѣ преданный отрядъ; съ его помощью не трудно было подчинить себѣ менѣе подвижныя племена, у которыхъ недоставало вождя. Признавалъ ли онъ, какъ это передаетъ преданіе, верховенство филистимскаго царя (Агхусъ изъ Геѳа), рѣшить этого невозможно; это могло быть.

Естественный путь завоеваній Давида указывалъ на сѣверъ. Онъ подчинилъ себѣ нѣсколько племенъ, которыя позже являются составными частями „Іуды“; среди нихъ Каинъ, Іерахмеелъ; княземъ, съ силой котораго приходилось уже считаться, онъ сталъ благодаря подчиненію себѣ племени Калебъ съ центральнымъ пунктомъ Хевронъ. Легенда говоритъ объ этомъ

завоеванiи въ видѣ разсказа о Навалѣ (1 Цар., глава 25); еще яснѣе оно видно изъ того факта, что первой резиденцiей Давида былъ Хевронъ, главный городъ Калеба. Съ этихъ поръ онъ считался уже царемъ или княземъ. Воспоминанiе объ этомъ происхожденiи его дѣйствительной власти сохранилось еще въ одномъ всегда остававшемся непонятымъ мѣстѣ (2 Цар., 3, 8), гдѣ впослѣдствiи Авениръ говоритъ о немъ презрительно, какъ о „князѣ Калеба"; Авениръ говоритъ: „Развѣ я врагъ твой Давидъ, что ты думаешь, что я (женитьбой на одной изъ женъ Саула) хочу прiобрѣсть право на царство?"

Съ сѣвера примыкала къ Калебу область „еврейскаго" племени Iуды. Оно до сихъ поръ не стояло ни въ какомъ болѣе тѣсномъ отношенiи къ Израилю. Теперь подчинилъ его себѣ Давидъ и такимъ образомъ соединилъ его съ Калебомъ и другими ему подчиненными племенами. Самымъ важнымъ городомъ этой области, почти на сѣверной границѣ со стороны Венiамина и Израиля, былъ Iерусалимъ. Въ перепискѣ Тель-Амарны мы уже познакомились съ нимъ, какъ мѣстопребыванiемъ князя, владѣвшаго тѣми мѣстами. Еще израильское преданiе знаетъ, что городъ этотъ, прежде чѣмъ его завоевалъ Давидъ, принадлежалъ не „еврейскому" Iудѣ, а находился во власти все еще собственныхъ „хананейскихъ", т.-е., уже сравнительно давно осѣвшихъ здѣсь царей. Но эти „Iевусеи" не должны еще поэтому быть гораздо старѣе самого Iуды. Простой фактъ, что они обладали городомъ, поставилъ ихъ въ антагонизмъ къ жителямъ открытой страны; это служитъ различiемъ между „евреями" и „хананеянами". Согласно преданiю, Давидъ сдѣлалъ Iерусалимъ своимъ главнымъ городомъ лишь послѣ подчиненiя всего Израиля. Это мало вѣроятно, и причина такого изображенiя дѣлъ очевидна: Iерусалимъ долженъ считаться столицей объединеннаго царства. Первоначально онъ считался лишь главнымъ городомъ ново-завоеванной области, и Давидъ перенесъ сюда свою резиденцiю, какъ въ самую богатую часть своей страны, и на границу той, какая теперь должна была сдѣлаться ближайшей цѣлью его завоеванiй: Израиль, царство Саула.

До этого времени Давидъ долженъ былъ находиться въ согласiи съ филистимлянами; когда мы разсматриваемъ ходъ дѣлъ по перепискѣ Тель-Амарны, то мы невольно склоняемся къ мысли, что филистимляне и Давидъ должны были дѣйствовать единодушно противъ своего общаго опаснаго врага. Легенда, конечно, имѣла всѣ основанiя затушевывать эту вражду съ сѣверо-израильскимъ незабвеннымъ Сауломъ. Вмѣсто нея она изобрѣла дружбу съ сыномъ Саула. Давиду посчастливилось. Саулъ палъ въ борьбѣ съ филистимлянами и, какъ говоритъ легенда, къ великой печали Давида. Но вѣроятно, что и герой Давидъ приложилъ свою долю участiя къ этой гибели Саула.

Этимъ была рѣшена участь Сѣвернаго царства. Несмотря на храбрую защиту со стороны Авенира, домъ Саула терялъ все больше и больше. Само собой разумѣется, это вздоръ, будто израильскiя племена признали Давида добровольно, какъ это принимаетъ легенда; напротивъ, даже имѣла мѣсто попытка спасти господство для Венiамина: возстанiе Савея, шейха Венiаминова округа Вохоръ, который подъ конецъ пытался утвердиться на сѣверѣ Израиля, въ Абелѣ Веѳмаахѣ (2 Цар., глава 20). Такъ какъ это возстанiе не соотвѣтствовало изображаемому легендой ходу дѣлъ о добровольномъ признанiи Давида, то она перенесла его на позднѣйшее время; однако, фактъ, что въ борьбѣ противъ Савея на сторонѣ Давида стоитъ только Iудея отъ ея южной границы до Iерусалима, говоритъ очень много: возстанiе имѣло мѣсто тотчасъ же послѣ смерти Саула, когда Давидъ обнаружилъ намѣренiе занять израильскую область. Онъ не могъ этимъ медлить, и его предпрiятiе, кажется, увѣнчалось быстрымъ успѣхомъ. Авениру удалось спасти для Ишбаала (Мемфивосѳей), сына Саула,

только восточно-іорданскую область. Слѣдовательно, собственно Израиль попалъ въ руки Давида безъ дальнѣйшаго сопротивленія, не говоря о сопротивленіи со стороны Савея. Авениръ, согласно преданію, еще въ теченіе нѣкотораго времени удерживалъ для Ишбаала область къ востоку отъ Іордана. Затѣмъ онъ былъ убитъ, когда (по преданію, въ Хевронѣ) хотѣлъ вести переговоры съ Давидомъ, чтобы передать ему и восточно-іорданскую область. Поводомъ этого убійства легенда считаетъ кровавую месть со стороны Іоава и усиленно старается отстранить здѣсь всякое соучастіе Давида; во всякомъ случаѣ, выгоду получилъ онъ. Ишбаалъ былъ также убитъ.

Благодаря этому, Давидъ могъ безъ труда овладѣть также и страной къ западу отъ Іордана и сдѣлался, такимъ образомъ, царемъ Іуды и Израиля. Слѣдовательно, почти все свое царство онъ завоевалъ силой. Первоначально чужеплеменникъ, который повинующіеся ему народы прежде всего покорилъ силой, опираясь на свое войско, онъ поддерживалъ свое господство, даже согласно легендѣ, лишь съ помощью того же войска. Его родиной, округомъ, изъ котораго онъ вышелъ, является Калебъ, а въ болѣе широкомъ затѣмъ смыслѣ Іуда; столицей избралъ онъ Іерусалимъ, благодаря его выгодному для этой цѣли положенію, какъ разъ посреди обѣихъ великихъ половинъ его царства.

Дальнѣйшая исторія Израиля намъ извѣстна изъ библейскихъ книгъ и клинописныхъ источниковъ. Въ эту пору еврейскій народъ не имѣлъ особеннаго значенія, и его политическая исторія напоминаетъ судьбы сосѣднихъ съ нимъ сирійскихъ странъ. Мы неоднократно касались ея при изложеніи исторіи Ассиріи и Сиріи. Главнымъ отличіемъ Израиля отъ всѣхъ народовъ древности была вѣра во Единаго Бога съ центромъ культа въ Іерусалимскомъ храмѣ. Очищенная отъ языческихъ вліяній пророками, она поддержала народъ въ годину политическаго паденія и сохранила его отъ участи сосѣдей — поглощенія эллинизмомъ. Мало того, отведеніе въ плѣнъ было началомъ новой эпохи въ исторіи Израиля: — онъ получилъ всемірно-историческое значеніе, выйдя изъ своей области и распространивъ свое ученіе по всему образованному міру. Къ изложенію этого времени мы теперь и переходимъ.

Д. Персидское господство.

Если извѣстія о времени интенсивной дѣятельности новаго, завершившаго свое развитіе іудейскаго духа уже неясны и недостаточны, то это еще сильнѣе даетъ себя чувствовать по отношенію къ послѣдующему времени персидскаго господства. Однако, сожалѣть объ этомъ особенно нечего. Іерархія, какая была здѣсь создана, ни въ какомъ отношеніи не представляетъ собой явленія, важнаго для исторіи человѣчества. Въ предѣлахъ древняго міра она не является чѣмъ-либо своеобразнымъ: что подобныя образованія были возможны также и на почвѣ „языческихъ" религій, это доказываетъ духовное государство въ Команѣ въ Каппадокіи. Іудейское государство мы можемъ смѣло приравнять прежней церковной области: отношеніе обоихъ государствъ къ ихъ „церкви" одно и то же, и незначительность ихъ въ сравненіи со всемірнымъ могуществомъ ихъ религій была одинакова.

Во время персидскаго господства іерархическое развитіе шло своимъ путемъ. Хотя Ездра и Неемія и обладали нѣкотораго рода свѣтской властью, полученной отъ двора, слѣдовательно были въ нѣкоторомъ родѣ намѣстниками, и хотя вначалѣ и хотѣли сохранить признанное до этого времени царское достоинство Давидова царства, однако постепенно власть все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ рукахъ первосвященика. Персидскій дворъ спокойно взиралъ на это неопасное для него и покровительствуемое вліятельнымъ іудействомъ развитіе. Свою попытку принять

участіе въ сирійскомъ возстаніи противъ Артаксеркса Оха іудеи должны были искупить переселеніемъ части жителей въ Гирканію; сатрапъ Багоасъ, какъ, говорятъ, показалъ тогда, что и Персія не терпитъ неповиновенія. Тѣ споры, какіе при этомъ царили въ фамиліи первосвященника и закончились убійствомъ въ храмѣ первосвященникомъ своего собственнаго брата, хотя и совпадали съ раздорами партій, однако въ концѣ концовъ имѣли не больше значенія, чѣмъ какая-нибудь вражда между нѣсколькими средневѣковыми кардиналами.

Е. **Время діадоховъ.**

а) Египетскія вліянія.

Когда Персія пала, то іудеи, какъ говорятъ, сумѣли съ самаго начала умно и тонко пріобрѣсти благорасположеніе Александра. Между тѣмъ извѣстія, какія имѣются у насъ съ этого времени, еще болѣе проникнуты чувствомъ іудейскаго самодовольства, чѣмъ извѣстія персидской эпохи; Іосифъ Флавій — недостовѣрный и въ своемъ самодовольствѣ непріятный свидѣтель.

Борьба діадоховъ оторвала Египетъ отъ Вавилоніи. Сирія является яблокомъ раздора, а затѣмъ прежде всего попадаетъ подъ египетское вліяніе (ср. въ т. IV.) Во время расцвѣта Египта, при Птолемеяхъ, мы видимъ, что и іудеи становятся тамъ могущественными и процвѣтаютъ, являясь желанной помощью для правительства во всѣхъ дѣлахъ торговли и управленія.

Несомнѣнно, что іудеи въ Египтѣ не впервые въ этотъ разъ стали процвѣтать. Подобно тому, какъ одна часть іерархической партіи была уведена Навохудоносоромъ въ Вавилонію, такъ другая спаслась въ Египетъ: при одной позднѣйшей попыткѣ къ возстанію, среди прочихъ былъ насильно уведенъ туда и Іеремія (какъ другъ халдеевъ). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ іудейства, эти бѣглецы и вновь прибывшіе туда и здѣсь, какъ и всюду въ государствѣ, пріобрѣли большое значеніе и также играли нѣкоторую роль. Само собой разумѣется, что дѣйствительная сила іудейства сосредоточивалась тамъ, гдѣ вообще была правительственная власть Востока, т.-е. въ Персіи и Вавилоніи. Теперь Востокъ былъ разорванъ, и тотчасъ же мы видимъ два центральныхъ пункта іудейства: въ Вавилоніи-Сиріи и въ Египтѣ; новое доказательство, что дальнѣйшее развитіе іудейства совершается не въ Палестинѣ. При дворѣ Птолемеевъ достигаетъ теперь значенія эллинское іудейство, которое сумѣло быстро присвоить и искусно приспособить къ своимъ потребностямъ завоеванія этого расцвѣта привитаго Востоку эллинскаго духа. Іудейское государство подпадаетъ подъ вліяніе египетскаго эллинизма скорѣе благодаря передвиженію центральнаго пункта могущества іудейства изъ Персіи и Вавилоніи въ Египетъ, чѣмъ благодаря политической принадлежности къ господству Птолемеевъ. Дѣломъ рукъ египетскаго іудейства является переводъ семидесяти толковниковъ, предназначенный прежде всего для потребности тѣхъ, которые не могли уже читать священныхъ книгъ въ подлинникѣ.

б) Антіохи III и IV.

Къ концу третьяго вѣка въ борьбѣ между Селевкидами и Птолемеями получили перевѣсъ первые, и Іудея переходитъ подъ сирійскую власть. Антіохъ III вначалѣ былъ встрѣченъ іудеями съ открытыми объятіями: была оказана даже помощь при осадѣ египетскаго гарнизона въ Акрѣ, Іерусалимской крѣпости. Антіохъ, какъ передаютъ, соотвѣтственно этому, сперва выказалъ свое благожелательство и издалъ указъ о налогахъ, который конечно могъ привлечь къ нему сердца, такъ какъ народъ хорошо уже узналъ своихъ собственныхъ соплеменниковъ въ роли очень энергич-

ныхъ сборщиковъ податей на службѣ Птолемеевъ. Когда же затѣмъ власть Антіоха была сломлена битвой при Магнезіи (190), то, казалось, бо̀льшей выгоды можно было получить отъ союза съ Египтомъ. Чтобы уплатить вознагражденіе военныхъ издержекъ, Антіохъ принужденъ былъ конечно выжимать изъ своихъ подданныхъ все, что только было возможно; съ другой стороны вліяніе египетскихъ іудеевъ, безъ помощи которыхъ нельзя было обойтись, должно было стать сильнымъ.

Насколько всегда живой духъ предпріимчивости перенесся уже изъ страны фараоновъ въ предѣлы ея могучаго патрона на Тибрѣ, — этого мы не знаемъ; но едва ли было бы справедливо относить къ гораздо болѣе позднему времени начало іудейской колоніи въ Римѣ. Коротко говоря, вліятельныхъ и богатыхъ членовъ іудейства всегда слѣдовало скорѣе искать въ Египтѣ и на западѣ, нежели на востокѣ, который теперь, при господствѣ пареянъ, вообще былъ оторванъ отъ цивилизаціи; сообразно съ этимъ іудейство, вынужденное искать помощи у своихъ единовѣрцевъ, должно было и въ своей политикѣ болѣе обращаться на западъ, чѣмъ къ клонящемуся къ своему упадку царству Селевкидовъ.

Какъ гласитъ древнее преданіе, именно ортодоксальная партія стала тяготѣть къ Египту. Селевкиды пытались, поддерживая склонные къ эллинизму въ Іерусалимѣ элементы, обезпечить за собой іудеевъ. Братъ первосвященника Оніи, Іасонъ, встрѣчалъ покровительство со стороны Антіоха IV. Одно время въ Іерусалимѣ все дѣлалось въ чисто аттическомъ духѣ: театръ и палестра привлекали іудейскихъ юношей, которые старались подражать своимъ греческимъ идеаламъ; они даже не останавливались передъ причиняющими боль средствами, чтобы только скрыть при гимнастическихъ играхъ слѣды обрѣзанія. Внутреннія распри первосвященнической семьи и главныхъ представителей филэллинизма, Товіадовъ, въ данномъ случаѣ, неважны. Преданіе ничего не сообщаетъ о томъ, почему послѣ крушенія филэлленистическихъ дружественныхъ Селевкидамъ стремленій, дѣло дошло до открытаго разрыва съ Антіохомъ IV; Причину вмѣшательства Антіоха мы должны усматривать въ томъ, что въ дѣйствительности ортодоксальная партія получила перевѣсъ и симпатизировала Египту (и Риму). Когда Антіохъ (168) возвратился изъ побѣдоносно начатаго и такъ неожиданно прекращеннаго Римомъ похода противъ Египта (ср. въ IV томѣ), тогда онъ энергично привлекъ іудеевъ къ отвѣтственности: они прекрасно должны были знать, за что. Іерусалимъ былъ штурмованъ, разграбленъ, опустошенъ, стѣны были разрушены, населеніе перебито и разогнано. Только „отступники“ остались и были усилены поселенцами-язычниками; все, что могло спастись, бѣжало въ Египетъ.

Но одного разрушенія Іерусалима было еще недостаточно. Антіохъ прекрасно понималъ, что сила іудейства покоилась не въ его существованіи, какъ политическаго государства; онъ объявилъ войну всему іудейству въ своей странѣ и, въ дѣйствительности, долженъ былъ имѣть для этого болѣе глубокія основанія, нежели свой филэллленизмъ. Не іудейскую религію желалъ онъ уничтожить, какъ это изображаетъ преданіе, а разбить въ своемъ государствѣ ту общину, которая во вражеской странѣ имѣла главный центръ своей силы и поэтому естественно должна была тяготѣть къ соединенію съ этой страной. Его гнѣвъ былъ направленъ собственно не противъ культа Іеговы и его странныхъ формъ, не за Зевса ратовалъ онъ; и тотъ и другой были не чѣмъ инымъ, какъ палладіумами, признаніе которыхъ обозначало собой тяготѣніе къ Сиріи или къ іудейству (въ Египтѣ и Римѣ). Не противъ іудейской религіи шелъ Антіохъ, а противъ іудеевъ, которые въ его государствѣ заигрывали съ Египтомъ и въ своей религіи имѣли крѣпко объединяющее ихъ звено. Не простая случайность, что въ іудействѣ совмѣстно существовали ортодоксальная и

филэллинистическая партіи: это обусловливалось распредѣленіемъ его могущества.

в) Маккавеи.

Насильственныя дѣйствія Антіоха натолкнулись на сопротивленіе, какое насиліе всегда встрѣчаетъ со стороны идей, и какое оно всегда встрѣчало со стороны упорнаго іудейства. Книги Маккавеевъ разсказываютъ о свидѣтеляхъ вѣры „до крови", изъ которыхъ нѣкоторые до нашихъ дней находятъ себѣ поэтическое прославленіе. Чѣмъ насильственнѣе поступалъ Антіохъ, тѣмъ упорнѣе становилось сопротивленіе, и наконецъ оно нашло себѣ выраженіе въ обычной въ этой странѣ формѣ. Знаменитое возстаніе Маккавеевъ сдѣлалось памятникомъ славы іудейскихъ героевъ благодаря достаточно хорошо теперь намъ извѣстному способу изложенія нашихъ источниковъ; оно отнюдь не является чѣмъ-либо необычайнымъ и имѣетъ себѣ множество параллелей, какъ въ исторіи Востока, такъ въ исторіи другихъ народовъ.

Ходъ возстанія, по изображенію въ первой книгѣ Маккавеевъ, былъ слѣдующій. Въ мѣстности Модинъ, между Іерусалимомъ и моремъ, одинъ священникъ, по имени Маттаѳія, изъ рода Асмонеевъ, воспротивился насильственнымъ мѣропріятіямъ эллинизированія со стороны сирійцевъ и постепенно собралъ отрядъ, который былъ усиленъ притокомъ набожныхъ людей и утвердился въ горахъ. Онъ вскорѣ умеръ (166), и руководство перешло въ руки его сына, Іуды Маккавея; этому удалось разбить посланный противъ него сирійскій отрядъ войска. Антіохъ между тѣмъ выступилъ въ походъ противъ парѳянъ, въ теченіе котораго онъ и умеръ. Вмѣсто назначеннаго имъ въ опекуны своему сыну (Антіоху V Эвпатору) Филиппа, управленіе государствомъ захватилъ въ свои руки Лисій. Этотъ отправилъ теперь противъ Іуды на помощь Горгію, командующему войсками въ Филистеѣ, бо̀льшее войско; но Іуда, неожиданно напавъ, разбилъ и это войско (165). Когда Лисій самъ двинулся на Іуду, то и его въ этомъ же году постигла такая же участь. Теперь Іуда могъ снова овладѣть опустошеннымъ Іерусалимомъ, за исключеніемъ Акры, которая была удержана сирійскимъ гарнизономъ. Храмъ и богослуженіе были снова возстановлены; и во имя истиннаго Бога можно было теперь свирѣпствовать противъ „отступниковъ", — приверженцевъ сирійцевъ. Объ ихъ мученичествѣ однако источникъ ничего не сообщаетъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ Лисій ничего не предпринималъ, и Іуда господствовалъ неограниченно, въ качествѣ главы ортодоксальной партіи.

Іудѣ помогло то обстоятельство, что Антіохъ IV умеръ во время своего похода (164), а Лисій очевидно былъ вполнѣ занятъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ. Такимъ образомъ онъ рѣшился осадить Акру, которая до этого времени служила убѣжищемъ для сирійскихъ приверженцевъ. Это обстоятельство рѣшило вопросъ о вмѣшательствѣ правительства. Поэтому Лисій вторгся, какъ говорятъ, съ большимъ войскомъ, въ сопровожденіи своего питомца, юнаго царя Антіоха V, и двинулся съ юга на Іерусалимъ. Онъ разбилъ Іуду на полѣ при Бетъ-Захаріи, завоевалъ Бетъ-Суру и осадилъ Іерусалимъ, гдѣ осажденные окопались на храмовой горѣ. Послѣ долгаго сопротивленія начались переговоры, которые пришлось Лисію начать, такъ какъ онъ долженъ былъ направиться въ Сирію противъ Филиппа, который между тѣмъ предъявлялъ притязанія на тронъ. Содержаніе переговоровъ неизвѣстно. Но такъ какъ Лисій вскорѣ приказалъ казнить ранѣе признаннаго имъ кандидата на званіе первосвященника Менелая, то можно думать, что ортодоксальная партія дала поручительства своей вѣрности, и что благонадежность Менелая оказалась сомнительной.

Вскорѣ послѣ того (162) Лисій и Антіохъ V были низвергнуты Димитріемъ I; повидимому онъ предоставилъ іудеямъ въ Іерусалимѣ полную

свободу. Онъ имѣлъ всѣ основанія не портить отношеній съ Римомъ; однако, быть можетъ, сила вездѣсущаго іудейства дала себя уже знать. То обстоятельство, что „этнархомъ“ онъ назначилъ Алкима изъ рода первосвященника, доказываетъ, что власть Іуды была фактически ограничена Лисіемъ. Алкимъ, въ сопровожденіи войска подъ предводительствомъ Бакхида, былъ принятъ безъ сопротивленія; но такъ какъ онъ былъ сторонникомъ сирійской эллинской партіи, то было бы странно, если бы онъ не тотчасъ же возбудилъ неудовольствіе ортодоксовъ. Естественно, если, сообразно изложенію нашихъ источниковъ, Алкимъ выступаетъ возмутителемъ, но, быть-можетъ, отчасти причину слѣдуетъ также видѣть и въ Маккавеяхъ, которые, при его назначеніи, конечно не добровольно покинули Іерусалимъ. Поэтому, лишь только сирійское войско удалилось, ортодоксы поднялись, и Алкимъ снова долженъ былъ бѣжать. Онъ былъ приведенъ назадъ войскомъ подъ предводительствомъ Никанора: оба были приняты въ Іерусалимѣ радушно. Однако Маккавеи разбили Никанора при Адазѣ, вблизи Бетъ-Хорона (161). Страна снова должна была признать въ Іудѣ „освободителя“, пока не подошелъ, какъ говорятъ, съ очень большимъ войскомъ самъ Бакхидъ и не уничтожилъ, послѣ храбраго сопротивленія, при неизвѣстной изъ другихъ источниковъ мѣстности Элазѣ Іуду, число приверженцевъ котораго доходило только до 800 человѣкъ. Самъ Іуда палъ въ битвѣ. Такимъ образомъ, Асмонеи лишились своего военнаго вождя, который вѣрилъ и въ себя и въ свое доброе дѣло.

Сирійская партія теперь освободилась отъ благословеній ортодоксальной свободы, и Алкимъ былъ возстановленъ въ Іерусалимѣ. Религія не потерпѣла никакихъ ограниченій, и вѣрующіе не должны были бы имѣть ни малѣйшаго повода для неудовольствія, если бы они не считали вмѣстѣ съ тѣмъ господство своей исключительной привилегіей. Бакхидъ возстановилъ порядокъ въ странѣ и уничтожилъ маккавейскіе отряды. Одна часть ихъ однако собралась подъ предводительствомъ Іонаѳана, младшаго брата Іуды, въ пустынѣ Ѳекоа.

Алкимъ умеръ въ 159 г. Когда затѣмъ Бакхидъ вскорѣ ушелъ назадъ, то и Маккавеи снова стали обременительными. Поэтому изъ Іерусалима послали за помощью къ Бакхиду. Но такъ какъ нападеніе на замокъ Іонаѳана не удалось, то Бакхидъ заключилъ съ нимъ миръ и призналъ его первосвященникомъ. Іонаѳанъ ясно уже оставилъ ортодоксальную политику Іуды и заботился лишь о томъ, чтобы укрѣпить за собой господство. Поэтому признаніе его первосвященникомъ не означаетъ ни побѣды ортодоксовъ, ни оставленія на произволъ судьбы эллинистической партіи сирійцами. Іонаѳанъ не былъ уже ревнителемъ за вѣру и интересы (египетскаго и интернаціональнаго) іудейства и боролся за основаніе господства асмонейскаго дома. Ради этой цѣли онъ пересталъ быть „евреемъ“ и заключилъ миръ съ Селевкидами. Во время борьбы между Димитріемъ I и Александромъ Балой (ср. т. IV) и при Димитріи II (145—138), Іонаѳану удалось утвердиться, и въ концѣ концовъ, несмотря на свое вмѣшательство противъ сирійской партіи, онъ былъ признанъ Димитріемъ II. Затѣмъ онъ сталъ держать сторону Трифона. Въ результатѣ всѣхъ этихъ уловокъ онъ добился наконецъ того, что устранилъ съ помощью своихъ ортодоксальныхъ приверженцевъ вліяніе сирійской партіи и повидимому имѣлъ на своей сторонѣ одобреніе двора. Но наконецъ вліяніе іудейства у Трифона было, кажется, сломлено: онъ двинулся на Палестину съ войскомъ; Іонаѳанъ, для представленія отчета, явился въ Акко, и здѣсь былъ схваченъ.

Вмѣсто него сталъ вести дѣла его братъ Симонъ Маккавей. Когда Трифонъ хотѣлъ было дѣйствовать противъ него, то ему удалось отразить всѣ нападенія греческаго войска, а также и попытку выручить Акру, и удачными стратегическими движеніями вытѣснить войско изъ страны. Онъ

далъ въ лицѣ сыновей своего брата потребованныхъ заложниковъ, и этимъ устранилъ всѣхъ соперниковъ. Послѣ того, какъ сирійцы покинули страну и, въ то же время, были возстановлены стѣны Іерусалима, онъ могъ безпрепятственно считать себя іудейскимъ княземъ. Съ нимъ княжеское достоинство іерархіи Іуды, т.-е. санъ первосвященника, признаннымъ образомъ перешелъ на Асмонеевъ. Симонъ чеканилъ монету со своимъ именемъ и велъ лѣтосчисленіе отъ момента своего вступленія въ правленіе (годъ первый = 142). Сирійская партія была такимъ образомъ низвергнута, и ортодоксія могла по-своему осчастливить народъ.

Симонъ былъ убитъ (135) своимъ зятемъ, который самъ стремился къ господству; однако его сыну, Іоанну Гиркану, удалось обезпечить за собой Іерусалимъ и власть. Быстрыми шагами шедшее впередъ паденіе государства Селевкидовъ благопріятствовало ему; онъ могъ такимъ образомъ утвердить свою независимость. Когда затѣмъ ему удалось заключить союзъ съ римлянами, то онъ могъ подумать о томъ, чтобы доказать величіе новаго царства и осуществить политическій идеалъ своей религіи: идеалъ возстановленія царства Давида посредствомъ завоеванія. Свою сравнительно незначительную территорію онъ расширилъ счастливымъ подчиненіемъ Сихема, Самаріи (благодаря вмѣшательству римлянъ) и Эдома.

За Гирканомъ слѣдовалъ его сынъ, Іуда Аристобулъ, который обезпечилъ свое господство убійствомъ въ собственной семьѣ. Онъ умеръ спустя годъ. Его вдова, Саломія, благодаря браку, вернула власть его старшему брату, котораго онъ держалъ въ плѣну, Яннаю (т.-е. Іонаѳану) Александру (104—78). Этотъ прежде всего обезпечилъ себя убійствомъ одного изъ своихъ двухъ братьевъ и затѣмъ сталъ продолжать завоеваніе Палестины. Когда онъ осаждалъ Акко, то его дальнѣйшимъ планамъ помѣшало вмѣшательство египтянъ, и, только благодаря вліянію іудеевъ на мать Птолемея Латура, онъ избѣжалъ болѣе тяжкихъ послѣдствій своей предпріимчивости (100). Затѣмъ онъ завоевалъ еще Рафію и Газу и обезпечилъ за собой страну къ востоку отъ Іордана. Но здѣсь онъ натолкнулся на равнаго ему врага, на сѣверно-арабское государство набатеевъ; въ Галаадѣ Яннай былъ разбитъ ихъ царемъ Ободой. Когда онъ безъ войска вернулся назадъ въ Іерусалимъ, то дѣло дошло до возстанія со стороны ортодоксіи, фарисеевъ, которое, послѣ долгихъ колебаній въ ту и другую сторону, окончилось побѣдой призваннаго повстанцами Димитрія Евхэра надъ Яннаемъ (88). Но въ горахъ неутомимому Асмонею удалось собрать вокругъ себя новую силу и, послѣ ухода Димитрія, снова овладѣть Іерусалимомъ. Онъ свирѣпствовалъ тамъ, какъ вообще свирѣпствуетъ восточный человѣкъ при партійной борьбѣ (87). Послѣ того, какъ Яннай такимъ образомъ снова утвердился, онъ опять началъ борьбу противъ царя набатеевъ, Ободы; но, когда послѣдній между тѣмъ привлекъ на свою сторону Кэлесирію, то Яннай оказался побѣжденнымъ и долженъ былъ заключить миръ. Затѣмъ онъ еще укрѣпилъ свое господство въ странѣ къ востоку отъ Іордана и умеръ здѣсь во время одного похода.

Яннай всегда опирался на теперь уже развитую партію саддукеевъ, которые пытались нѣкоторымъ образомъ примирить нестерпимыя оковы іудейства съ требованіями жизни. Само собой возникло благодаря этому сближеніе съ эллинизмомъ, культура котораго господствовала на Востокѣ. Это выражалось у Янная и внѣшнимъ образомъ, и мы можемъ отсюда понять, что побудило фарисеевъ къ возстанію. На своихъ монетахъ съ греческой надписью онъ уже не называетъ себя первосвященникомъ, а царемъ Александромъ. Опорой его власти служило чужеземное наемное войско. Домъ Асмонеевъ, который нѣкогда велъ борьбу за религію, сталъ такимъ образомъ чисто восточной владѣтельной фамиліей, которая обращаетъ вниманіе на требованія религіи постольку, поскольку это необ-

ходимо для ея цѣлей. Даже потомки Іуды Маккавея не смогли осуществить ея идеалъ.

Но все государство вообще было основано лишь затѣмъ, чтобы осуществить идеалъ іерархіи въ смыслѣ „закона", а не для того, чтобы вызвать къ жизни государство, подобное многимъ другимъ, хотя и съ іудейской религіей. Все предпріятіе съ самаго сначала могло существовать только благодаря поддержкѣ іудейства, строго блюдущаго въ чужой странѣ свои законы, и оттуда оно всегда получало новыя жизненныя силы. Поэтому всегда, лишь только государство обнаруживаетъ склонность принять свѣтскій характеръ, т.-е., лишь только оно начинаетъ подчиняться законамъ развитія человѣчества, какъ ортодоксія, усиленная и всегда поддерживаемая матеріальной и идеальной помощью всего іудейства, усиленно старается привести его назадъ къ его іерархической цѣли. Пока существуетъ это государство, оно постоянно вновь приводится ортодоксіей на ту дорогу, какую оно обнаруживаетъ склонность покинуть, пока этимъ попыткамъ не положатъ конца Титъ и Адріанъ.

Яннай не подчинился требованіямъ ортодоксіи и не могъ подчиниться, если онъ не хотѣлъ идти противъ требованій дѣйствительности; онъ утвердился при помощи наемнаго войска. Съ его смертью настала перемѣна. Его жена, Саломея-Александра, которая доставила ему господство, какъ говорятъ, была сторонницей фарисейской партіи. Мы хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ всегда рабски слѣдовать въ опредѣленіи причины и слѣдствія составленному въ духѣ ортодоксіи преданію; но безразлично, Саломея ли доставила фарисеямъ господство, или, наоборотъ, они — ей. Во всякомъ случаѣ, теперь настало время господства правовѣрныхъ. Въ дѣйствительности Саломея получила власть, которая, якобы была ей передана передъ смертью Яннаемъ. Первосвященникомъ былъ назначенъ ея сынъ, Гирканъ II, человѣкъ слабоумный, который вполнѣ находился въ ея рукахъ, тогда какъ его способный братъ Аристобулъ былъ устраненъ. Такъ продолжалось девять лѣтъ (78—69). За это время заправляли всѣмъ по своему желанію фарисеи и ничѣмъ нисколько не стѣснялись. Сама царица наконецъ оказалась въ зависимости. Грозившей извнѣ бѣды пытались избѣгнуть разумной политикой и деньгами; такимъ путемъ своевременнымъ денежнымъ пожертвованіемъ отвратили угрожавшую опасность, когда изъ Арменіи надвигался Тигранъ и осадилъ Акко (69).

Слишкомъ долго страна не могла однако переносить господства фарисеевъ, и Аристобулъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ приверженцевъ. Въ то время, какъ страна постепенно переходила на его сторону, умерла Саломея, послѣ того, какъ она еще отказалась привести въ исполненіе потребованныя ортодоксами строгія мѣры противъ ея сына и его приверженцевъ, которые находились въ ея рукахъ. Она, которую выдавали за почитательницу фарисеевъ, была слѣдовательно повидимому скорѣе толкаема ими, чѣмъ добровольно присоединилась къ нимъ. Она естественно также является идеальнымъ образомъ преданія. Послѣ ея смерти не могло быть уже никакого сомнѣнія относительно того, кому принадлежитъ государство. У фарисеевъ не было совсѣмъ приверженцевъ въ странѣ. Они попробовали оказать сопротивленіе и повели свое игралище Гиркана съ наемнымъ войскомъ противъ Аристобула. Но при Іерихонѣ, гдѣ дѣло дошло до сраженія, ихъ войска перешли на сторону послѣдняго, и безъ большихъ затрудненій онъ могъ овладѣть Іерусалимомъ. Онъ былъ признанъ первосвященникомъ и царемъ, а Гирканъ отправленъ на покой.

Но спокойствіе длилось недолго. Въ Идумеѣ Яннай назначилъ намѣстникомъ принявшаго іудейство туземца, Антипатра, отца Ирода; этотъ самъ мечталъ объ іудейской коронѣ. Онъ преслѣдовалъ свою собственную политику и былъ при этомъ въ согласіи съ царемъ набатеевъ, Ареѳой III.

Въ низложенномъ Гирканѣ онъ нашелъ подходящее орудіе для своихъ плановъ и побудилъ его бѣжать къ Ареѳѣ, чтобы просить у него возстановить его на тронѣ. Этотъ согласился. Такимъ образомъ дошло дѣло до похода противъ Аристобула, который защищался въ храмѣ. въ то время какъ Іерусалимъ колебался между обоими братьями (65). Долго затянувшаяся осада была закончена вмѣшательствомъ римлянъ. Помпей, занятый упорядоченіемъ восточныхъ дѣлъ, послалъ своего легата Скавра, чтобы водворить въ Іудеѣ спокойствіе. Аристобулъ сумѣлъ привлечь его на свою сторону, такъ что арабы должны были оставить Іерусалимъ и Аристобулъ торжествовалъ пока побѣду надъ Гирканомъ, хотя послѣдній имѣлъ за себя часть страны. Когда затѣмъ (63) Помпей самъ прибылъ въ Палестину, то послѣ долгихъ уловокъ со стороны обѣихъ партій онъ рѣшилъ въ концѣ концовъ дѣло все-таки противъ Аристобула. Послѣдній былъ схваченъ, его приверженцы бросились въ храмъ и храбро защищались противъ штурмовавшихъ римлянъ, пока наконецъ они не изнемогли и храмъ не былъ взятъ силой. Этимъ былъ положенъ конецъ господству Асмонеевъ. Аристобулъ въ качествѣ плѣнника былъ уведенъ въ Римъ. Помпей имѣлъ тріумфъ за эту „побѣду" и за это подвергался насмѣшкамъ, между прочимъ и со стороны консула М. Туллія Цицерона.

Іудея стала составной частью римской провинціи Сиріи; завоеванныя части снова были отрѣзаны, такъ напр. Самарія, такъ что іудейскими остались только Іудея и Перея. Свободу исповѣданія Помпей оставилъ іудеямъ и утвердилъ Гиркана первосвященникомъ. Ортодоксія превозносила великаго римлянина, который такъ уважаетъ ихъ религію и который такъ почтительно обошелся съ ихъ святыней: она предпочитала отсутствіе самостоятельной Іудеи не-фарисейской Іудеѣ. Новая провинція, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Іудея, въ качествѣ проконсула, сперва получила Эмилія Скавра (63—57), затѣмъ Габинія (57—55); послѣдній старался вновь возстановить еще лежащіе, благодаря завоеваніямъ Асмонеевъ, въ развалинахъ города. Затѣмъ слѣдовали Крассъ и послѣ его смерти во время парѳянскаго похода Кассій (52), пока благодаря Фарсальскому сраженію владыкой Востока и Запада не сталъ Цезарь. Онъ предоставилъ іудеямъ свободу религіи и вновь утвердилъ Гиркана первосвященникомъ. Прокураторомъ онъ назначилъ защитника послѣдняго, Антипатра, идумеянина, который сумѣлъ стать необходимымъ; напрасно Антигонъ старался добиться признанія своихъ правъ. Іосифъ очень многое сообщаетъ о сенатскихъ рѣшеніяхъ и письмахъ великаго Цезаря въ пользу іудеевъ, — если бы онъ только былъ болѣе достовѣрный свидѣтель! Точно также и въ Египтѣ привилегіи могучаго іудейства были подкрѣплены Цезаремъ. Антипатръ, въ качествѣ прокуратора, былъ фактическимъ господиномъ Іудеи и дѣйствовалъ какъ таковой. Въ Іудеѣ онъ поставилъ своего сына Фазаила, а въ Галилеѣ — Ирода, и упорядочилъ управленіе, къ ужасу фанатиковъ, которымъ идумеянинъ, полуобращенный, естественно, еще менѣе могъ нравиться въ качествѣ господина. Затѣмъ Кассій назначилъ Ирода префектомъ Кэлесиріи. Ему удавалось въ послѣдовавшую затѣмъ смуту всегда во-время становиться на сторону побѣдителя, такъ что онъ упрочился на своемъ тронѣ, Антоній назначилъ его и Фазаила тетрархами и господами Іудеи.

Затѣмъ еще разъ, благодаря вмѣшательству призванныхъ республиканцами противъ тріумвировъ парѳянъ, на нѣсколько лѣтъ была возстановлена власть Асмонеевъ. Только-что упомянутый Антигонъ присоединился къ парѳянамъ и былъ ими назначенъ первосвященникомъ; онъ правилъ нѣсколько лѣтъ подъ именемъ Маттаѳіи. Фазаилъ былъ взятъ въ плѣнъ и былъ уведенъ въ Ктесифонъ; Иродъ бѣжалъ и искалъ помощи у своего защитника, Антонія, который зналъ его, какъ хорошаго платель-

щика. Онъ нашелъ желанное, былъ объявленъ сенатомъ іудейскимъ царемъ и, въ концѣ концовъ, послѣ всякаго рода уловокъ, былъ обратно приведенъ римскими легіонами въ Іерусалимъ. Маттаѳія былъ взятъ въ плѣнъ и, благодаря стараніямъ Ирода, былъ казненъ Антоніемъ. Такимъ образомъ Иродъ, благодаря вооруженной силѣ, сталъ господиномъ народа, который не могъ питать къ нему, какъ къ идумеянину, никакихъ симпатій; меньше всего его, опирающаяся на Римъ, власть могла нравиться ортодоксамъ. Вплоть до своей смерти, вопреки всякой враждѣ и непрестаннымъ смѣнамъ въ политикѣ, онъ умѣлъ утвердить свое положеніе. Его правленіе, съ такимъ трескомъ изображенное Іосифомъ, является поучительнымъ примѣромъ жизни восточнаго тиранна тогдашнихъ временъ; но ни для исторіи іудейства, ни для исторіи остального міра его успѣхъ или неуспѣхъ не имѣютъ никакого значенія. Какъ онъ ни старался быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ ортодоксіей, но не смотря и на то, что онъ возстановилъ храмъ, все было напрасно: іудейство не заключаетъ никакого мира. День смерти Ирода былъ днемъ радости въ ряду іудейскихъ праздниковъ.

Еще объ одной сторонѣ его правительственной дѣятельности слѣдуетъ вспомнить. Онъ не только возстановилъ іерусалимскій храмъ, но и повсюду въ странѣ развилъ грандіозную строительную дѣятельность. Городъ Кесарія на мѣстѣ старой „башни Стратона“ (т.-е. Мигдалъ Абдашторетъ), предназначенный служить въ качествѣ гавани, для замѣны неудобной Яффы, былъ построенъ имъ; и Кесаріонъ, храмъ Августа и Рима, былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ эллинистическаго строительнаго искусства. Иродъ чувствовалъ себя не іудеемъ, а эллинистомъ. Изъ своей всегда переполненной казны онъ давалъ средства для постройки общественныхъ зданій повсюду въ греческихъ странахъ. Въ Антіохіи, Родосѣ, Хіосѣ, Акціи, Аѳинахъ и Спартѣ возникали памятники его щедрости; надписи еще нынѣ говорятъ намъ о благодарности одаренныхъ къ царю іудейскому. Такъ Иродъ достигъ славы, къ которой онъ стремился, и ненависти іудейства, которое онъ презиралъ.

Послѣ его смерти начались раздоры между его сыновьями, которые естественно разыгрывались передъ Августомъ, и дѣло дошло до возстанія въ Іерусалимѣ противъ римскаго гарнизона. Результатомъ этого было наконецъ то, что царство Ирода было раздѣлено между его тремя сыновьями, Архелаемъ, Филиппомъ и Антипой. Однако Архелай, который получилъ Іудею, не могъ утвердиться надолго. Истинную причину его низверженія слѣдуетъ искать конечно не въ неудовольствіи императора противъ его политики, которая велась въ духѣ его отца, а здѣсь слѣдуетъ видѣть вліяніе болѣе могучей силы, которая Іудею разсматривала, какъ свое государство, и стремленія которой могли осуществляться только въ духѣ ортодоксіи. Вліяніе іудейства простиралось далеко: какъ при персидскомъ и египетскомъ дворѣ они руководили судьбой Іуды, такъ и теперь ихъ могущество сказалось въ міровомъ владыкѣ, Римѣ. Августъ, исполняя желаніе самихъ іудеевъ, поставилъ теперь Іудею подъ свое собственное управленіе и подчинилъ ее римскому прокуратору, который зависѣлъ отъ сирійскаго легата. Оба брата Архелая правили: Филиппъ въ Кесаріи-Панеадѣ до 34 г. послѣ Р. Х., Антипа, правитель Галилеи, въ Тиверіадѣ въ Галилеѣ до 39 г. по Р. Х. Обѣ области были затѣмъ также присоединены.

Новый порядокъ вещей, который іудейство создало въ своей ненависти противъ непослушной идумейской династіи, естественно очень скоро далъ сильнѣе всего почувствовать себя ему же самому; ибо совершенно невозможно было, чтобы римское управленіе, если бы даже оно находилось въ рукахъ самаго просвѣщеннаго и самаго уступчиваго человѣка, могло удовлетворить требованіямъ ортодоксальнаго іудейства, разъ этихъ требованій не могли удовлетворить, при наилучшихъ желаніяхъ, туземные князья,

вынужденные считаться съ его благоволеніемъ. Такимъ образомъ, недовольство создавшимся положеніемъ вещей должно было расти все болѣе и болѣе. Непрестанныя столкновенія и жалобы на „угнетеніе“ со стороны прокураторовъ выразились наконецъ въ возстаніяхъ. Въ 66 г. дѣло дошло до сравнительно значительнаго взрыва противъ Гессія Флора. Когда легатъ Сиріи занялъ Іерусалимъ, то онъ былъ принужденъ очистить городъ и страну. Неронъ послалъ Веспасіана съ сильнымъ войскомъ подавить возстаніе; послѣдній послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ сраженій оттѣснилъ наконецъ отчаявшихся и фанатизированныхъ въ Іерусалимъ. Провозглашенный императоромъ, онъ предоставилъ окончаніе войны своему сыну, Титу.

До сихъ поръ руководительство принадлежало аристократамъ. Послѣ того, какъ возстаніе въ странѣ было подавлено, все потянулось въ Іерусалимъ. Теперь ортодоксы во главѣ съ Іоанномъ изъ Гискалы, однимъ изъ вождей возстанія, столкнулись съ аристократами, которыхъ они упрекали въ равнодушіи и готовности вести переговоры съ римлянами. Дѣло дошло до битвы; ортодоксы были при этомъ заперты въ храмѣ. Они послали въ страну за помощью противъ „измѣнниковъ“ и, дѣйствительно, получили ее, именно изъ Идумеи, и имъ удалось, благодаря этому, уничтожить своихъ враговъ. Такимъ образомъ Іоаннъ Гискальскій сталъ господиномъ города, который долженъ былъ подчиниться его насильственному господству. Противъ него призвали на помощь нѣкоего Симеона Баръ-Гіору изъ Герасы, который уже раньше отличился при нападеніи на Іерусалимъ легата Сиріи. Ему удалось, еще до обложенія города Веспасіаномъ (весной 69 г.), проникнуть туда и во главѣ гражданъ снова запереть во храмѣ Іоанна, среди приверженцевъ котораго временно произошелъ даже расколъ.

Такъ оказались въ Іерусалимѣ двѣ партіи, которыя въ теченіе двухъ лѣтъ боролись между собой. На пасху 70 г., когда городъ былъ наполненъ пилигримами, явился Титъ и осадилъ его. Скоро сталъ свирѣпствовать голодъ, и римляне пошли на приступъ. Осажденные оборонялись отчаянно и отбили первыя нападенія. Когда крѣпость была взята, то Титъ еще разъ черезъ посредство Іосифа Флавія, историка и сторонника римлянъ, предложилъ сдаться, но тщетно. Такъ городъ, защитники котораго были уже неспособны, благодаря голоду, къ борьбѣ, былъ завоеванъ по частямъ. Городъ и храмъ погибли въ пламени. Прошло еще нѣкоторое время, пока были подавлены послѣдніе остатки возстанія въ странѣ; кое-гдѣ сопротивлялись, пока оставался живъ хоть одинъ человѣкъ.

Возстаніе имѣло не только мѣстныя причины: въ римской имперіи іудейство стало уже могущественнымъ. По характеру принятыхъ теперь мѣропріятій видно, что имѣлось въ виду поразить не только разбитаго въ странѣ врага. Іерусалимъ долженъ былъ оставаться въ развалинахъ: такимъ образомъ, центръ культа былъ уничтоженъ, а религіозный налогъ, благодаря которому іудейство имперіи до сихъ поръ обезпечивало существованіе своему идеальному государству, отнынѣ долженъ былъ идти въ пользу Юпитера Капитолина, т. е. въ пользу императора.

Такимъ образомъ попытка вліятельнаго іудейства, предпринятая въ сознаніи вліянія при персидскомъ дворѣ, осуществлявшаяся дальше, благодаря вліянію въ птолемеевскомъ Египтѣ и на остальномъ востокѣ, окончилась волей Рима, для котораго іудейство стало обременительнымъ. Очагъ безпорядковъ былъ такимъ образомъ устраненъ; іудейство осталось. Его дальнѣйшее существованіе въ Палестинѣ нисколько не затрогивается перемѣной въ положеніи вещей. Дальнѣйшее религіозно-научное развитіе іудейскаго ученія могло совершаться и здѣсь, какъ и въ имперіи, и безъ видимости національнаго существованія. Теперь, благодаря устраненію этой видимости, также и въ странѣ стало ясно то, что извнѣ всегда было

видно: носителемъ іудейства было не государство Іудея, а только религія. Теперь представителемъ іудейской идеи въ странѣ является фарисейство; въ іудействѣ, благодаря этому, не произошло ни малѣйшей перемѣны.

Еще разъ вспыхнула религіозная страсть, когда Адріанъ, на мѣстѣ лежавшаго въ развалинахъ Іерусалима, построилъ колонію Элію Капитолину. Воодушевленный вождь возстанія, Баръ-Кохба, признанный равви Акибой за самого Мессію, держался нѣкоторое время, пока не былъ сломленъ британскими легіонами подъ предводительствомъ Юлія Севера. Кажется, при этомъ погибло полмилліона людей.

Съ этихъ поръ іудеи не дѣлали уже попытки осуществить мечту о царствѣ Давида. Съ самаго начала у этого стремленія не было никакого политическаго значенія; серьезно говоря, оно лишь извнѣ могло быть поддерживаемо, и всякій разъ оно снова сбивалось на „окольный путь“ естественнаго развитія. Тѣмъ сильнѣе и успѣшнѣе шло дальнѣйшее развитіе самого іудейства. У насъ слишкомъ мало свѣдѣній о времени его расцвѣта, о времени изгнанія, для того, чтобы выяснить тѣ условія, при которыхъ оно такъ поразительно расширилось. Воззрѣнія и импульсы оно получало изъ вавилонской жизни, примыкая къ тогдашней восточной культурѣ и находясь подъ ея вліяніемъ. Когда мы современемъ лучше оріентируемся въ прошломъ, то, несомнѣнно, окажется, что вавилонскія условія и ученія въ такой же степени подготовили почву для іудейства, какъ оно въ свою очередь сдѣлало это для христіанства. Только такъ и возможно объяснить тотъ фактъ, что за короткое время плѣна весь цивилизованный міръ оказался проникнутымъ іудействомъ; всюду, гдѣ открывается благодарная почва для ихъ дѣятельности, мы находимъ іудеевъ. Они играютъ важную роль уже въ самомъ Вавилонѣ и затѣмъ при персидскомъ дворѣ тотчасъ же съ самаго начала господства персовъ. Наиболѣе ярко засвидѣтельствовано для насъ позднѣе ихъ отношеніе къ Птолемеямъ. Іосифъ не находитъ достаточно похвалъ для характеристики ихъ вліянія при дворѣ. Менѣе точно можемъ мы выяснить ихъ вліяніе въ третьемъ центрѣ, Римѣ, гдѣ, съ передвиженіемъ политической власти, они проявляютъ свое вліяніе; но и здѣсь отношенія ясно выступаютъ на свѣтъ Божій въ отдѣльныхъ явленіяхъ. Движеніе противъ убійцъ прославленнаго Цезаря нашло сильную поддержку у іудейства, которое сильно было затронуто въ своихъ интересахъ его смертью; какъ въ Сузѣ и Александріи, такъ и въ повелителѣ міра, Римѣ, іудейство сдѣлалось политической силой, съ которой очень серьезно приходилось считаться.

У насъ имѣется нѣсколько свидѣтельствъ относительно значенія іудейства на востокѣ, которыя показываютъ намъ, что искусственно и съ трудомъ поддерживаемая попытка основать идеальное государство въ Палестинѣ и раньше, благодаря экономическому преобладанію іудеевъ, находила на востокѣ подражанія, которыя конечно еще меньше, чѣмъ та попытка, могли осуществить идеалъ. Еще кое-гдѣ въ другихъ мѣстахъ іудейство достигло положенія оффиціальной религіи. Такъ въ вѣкъ Ирода приняли іудейство знаменитая среди іудеевъ царица Елена и ея сынъ Монобазъ, властелинъ царства Адіабены, которое занимало большую часть области древней Ассиріи и Месопотаміи; и въ первые вѣка послѣ Р. Х. мы встрѣчаемъ въ южно-аравійской Сабеѣ, до появленія христіанства, также іудейскихъ царей. Но вся Аравія, а также и сѣверъ покрыты іудействомъ, и борьба противъ христіанства подготовила здѣсь почву для ислама. Естественно, при этомъ дѣло шло не о попыткѣ дѣйствительнаго проведенія ортодоксальныхъ требованій, какъ они всегда снова получали значеніе въ Палестинѣ. Отношеніе іудейства, возведеннаго на степень государственной религіи, и вліяніе его ученій на населеніе едва ли есть возможность представлять себѣ болѣе значительнымъ, чѣмъ это вообще могло быть при сложныхъ политическихъ и культурныхъ условіяхъ. Осуществить въ го-

сударственной и народной жизни, свои требованія, принципы и въ особенности заповѣдь: „люби ближняго, какъ самаго себя“ (Левитъ, 19, 18), оно могло лишь въ весьма ограниченной степени. Быть-можетъ, это могло имѣть мѣсто въ Іерусалимѣ, и здѣсь лишь въ непрестанной борьбѣ съ потребностями жизни, но никогда въ сравнительно большомъ государствѣ, стоящемъ среди всеобщаго народнаго развитія.

13. Аравія до ислама.

Аравіей мы назвали ту совокупность странъ, которая была родиной семитовъ, прежде чѣмъ они проникли въ культурныя страны передней Азіи, гдѣ и сыграли ту роль, какая придала свой отпечатокъ исторіи извѣстнаго намъ до сихъ поръ древняго и самаго древняго Востока (ср. выше, стр. 5). Ничто не можетъ быть естественнѣе этихъ переселеній и направленія, въ какомъ они совершались. Полуостровъ, по своей площади равняющійся приблизительно тремъ Германіямъ (см. карту къ Зап. Азіи), въ общемъ представляетъ изъ себя значительное плоскогорье; благодаря недостатку воды и громаднымъ пустынямъ своей внутренней части, полуостровъ издавна принадлежитъ къ тѣмъ странамъ, которыя во всѣ времена были родиной номадовъ. Развитіе культуры и государственныя образованія возможны лишь при достаточномъ богатствѣ водой; тамъ, гдѣ въ Аравіи оказывается вода, тамъ мы и находимъ все это. Горная природа страны исключаетъ и другое условіе, необходимое для дальнѣйшаго развитія человѣческихъ поселеній въ большія культурныя области: не было легкости сообщеній. Аравійскія текучія воды суть горныя рѣки, зимой полноводныя, лѣтомъ пересыхающія; среди нихъ нѣтъ судоходныхъ. Такимъ образомъ, Аравія всегда должна была представлять собой картину всѣхъ горныхъ странъ: безчисленное количество разъединенныхъ между собой племенныхъ областей.

Какъ родина семитовъ, Аравія отличается, какъ никакая другая страна въ мірѣ. Она рѣзко наложила на эти народы свой отпечатокъ; все, что намъ кажется отличительнымъ признакомъ семитическаго духа, все это является несомнѣннымъ наслѣдіемъ старой родины. Лишенная жизни духовная сухость, полное отсутствіе фантазіи легко объяснимы у народовъ, характеръ которыхъ развивался въ безконечныхъ пустыняхъ, на голыхъ горныхъ высотахъ; семитическое мышленіе всегда оставалось безжизненно, какъ пустыня. Наоборотъ, тѣ же самыя явленія закаляютъ къ борьбѣ за существованіе. Сынъ пустыни лишенъ потребностей и несказанно превосходитъ подвижностью жителя болѣе благословенныхъ странъ. Опасности пустыни обостряютъ его чувства, заставляя его, среди непрестанныхъ усилій, съ трудомъ добывать себѣ то, что жителю плодоносной страны достается само собой. Если пустыня не возбуждаетъ фантазіи, то она обостряетъ чувства для борьбы за существованіе: всѣ народы, происхожденіе которыхъ мы искали въ Аравіи, показали себя ясными умами относительно всего, чего требуетъ матеріальная выгода. Если пустыня сама не даетъ необходимаго и принуждаетъ своихъ обитателей искать добычи въ болѣе счастливыхъ странахъ, то это — признакъ всѣхъ семитовъ, что они присвоивали себѣ культурныя завоеванія другихъ и умѣли пользоваться ими въ своихъ интересахъ, но никогда существенно не развивали ихъ дальше. Эта внутренняя природа семита осталась у него и при его жизни среди культурныхъ условій, какъ сильно ни измѣнились здѣсь физическія качества расы.

На сѣверѣ страна пустынь и степей примыкаетъ къ плодоносной и богатой низменности Евфрата. Если въ Аравіи наступали обстоятельства,

когда страна не могла уже прокормить части своего населенія, что у номадовъ случается очень часто, то долина Евфрата служила естественнымъ мѣстомъ выселенія для излишняго населенія. Тамъ номадъ находилъ прежде всего въ избыткѣ пищу; сюда манили его, который на ряду съ скотоводствомъ зналъ только единственное занятіе, грабежъ, манили сказочныя богатства культуры, какой современный востокъ уже не знаетъ. Еще въ исламѣ арабъ ясно и трезво высказываетъ, какіе мотивы опредѣляли эту часть восточной исторіи: отыскиваніе пищи и грабежъ. Его трезвое мышленіе никогда не испытывало потребности окутать эти явленія поэтическимъ покрываломъ, какъ это дѣлали европейскіе народы при своихъ странствованіяхъ.

Такъ мы видимъ, что изъ Аравіи идутъ тѣ четыре большихъ народныхъ переселенія (см. стр. 8), которыя дали передней Азіи ея семитическое населеніе. Понятно, было бы очень важно исторически прослѣдить отношенія въ великой родинѣ семитическихъ народовъ; но въ своей кочевой жизни народы не оставляютъ никакихъ историческихъ извѣстій. Поэтому Аравія за то время, когда она, благодаря великому исламскому завоеванію, еще не вступила въ болѣе тѣсный, хотя и отнюдь не „государственный“ союзъ съ восточнымъ культурнымъ міромъ, остается для насъ все еще исторически столь же мало знакомой страной, какъ мало можемъ мы представить себѣ ея судьбу въ географическомъ отношеніи для будущаго времени, когда наша планета начнетъ становиться тѣсной для человѣческаго рода. Мы можемъ думать, что въ древней Вавилоніи, когда она стояла на высотѣ своей культуры, лучше были знакомы съ внутренними условіями Аравіи, чѣмъ это имѣетъ теперь мѣсто въ Европѣ. Изъ совершенно отрывочнаго до сихъ еще поръ преданія можно собрать лишь отдѣльныя извѣстія, на основаніи которыхъ нельзя получить хотя бы только отчасти связнаго изложенія. Нѣсколько разбросанныхъ сообщеній о самомъ древнемъ времени, для уразумѣнія котораго необходимо сравненіе съ условіями позднѣйшихъ, болѣе ясныхъ для насъ столѣтій, это все, вплоть до послѣднихъ столѣтій ассирійской исторіи, когда несмотря на всю недостаточность, болѣе подробныя извѣстія о войнахъ Саргона, Синахериба, Ассаргаддона и Ассурбанипала все же относительно даютъ больше. Съ этихъ поръ Аравія, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ ускользаетъ отъ взоровъ исторіи, хотя она все же остается сказочной страной и тѣмъ болѣе она становится таковой, чѣмъ дальше передвигается центръ культуры съ востока на западъ. Авантюристическая попытка при Августѣ открыть путемъ похода Arabia felix вполнѣ доказываетъ полное незнакомство Рима съ дѣйствительными условіями въ Аравіи.

Что сдѣлала недоступнымъ для всепобѣждающаго римскаго оружія природа страны, то обусловило собой духовное движеніе, которое покорило востокъ и подчинило себѣ классическую культуру. Сперва іудейство распространилось по всему Востоку; затѣмъ христіанство нашло доступъ во всю Аравію. Оба подчинили себѣ здѣсь подвергшіяся культурѣ части и поддерживали для нихъ населенія живыя духовныя сношенія съ остальнымъ культурнымъ міромъ; эти сношенія, являясь спутникомъ торговыхъ и политическихъ явленій, могли бы дать болѣе точную картину тогдашнихъ отношеній, если бы изъ византійскихъ архивовъ до насъ дошли болѣе полныя свѣдѣнія. Даже о положеніи арабовъ сирійской пустыни, которые были поселены въ качествѣ пограничной стражи на сирійской границѣ со стороны Византіи, и на вавилонской, Сассанидами, даже объ этомъ мы находимъ лишь недостаточныя свѣдѣнія у византійскихъ лѣтописцевъ. Къ тому же времени идетъ отчасти и арабское преданіе; но съ его извѣстіями еще менѣе можно что-либо сдѣлать. Все, что здѣсь вообще достовѣрно, ограничивается остатками до-исламской поэзіи, которые были собраны во времена ислама, и для болѣе крупныхъ

историческихъ событій едва ли можетъ быть принято во вниманіе. То, что удалось спасти изъ историческихъ преданій о послѣднихъ десятилѣтіяхъ до ислама, именно о южной Аравіи, все это искажено и имѣетъ историческую цѣнность лишь въ томъ случаѣ, если возможно, на основаніи другихъ извѣстій, отдѣлить быль отъ небылицы.

Аравія не осталась незатронутой культурой: на сѣверѣ, примыкая къ вавилонско-ассирійской, позднѣе къ сирійской культурѣ, она видала начатки государственныхъ образованій, которыя оставили послѣ себя историческіе памятники. То, что до сихъ поръ извѣстно изъ подобныхъ памятниковъ, принадлежитъ, однако (за исключеніемъ одной надписи изъ Теймы, принадлежащей къ первому персидскому или къ позднѣйшему ассирійскому періоду; см. рис. 11 и 12 таблицы къ стр. 209), лишь ко временамъ, близкимъ къ Христу, и происходитъ изъ набатейскаго государства; къ его расцвѣту примыкаетъ затѣмъ блескъ Пальмиры, которая лежитъ уже больше въ сферѣ вліянія сирійской культуры. Отнюдь не слѣдуетъ думать, что такимъ образомъ слѣдуетъ оставить надежду найти въ будущемъ и въ сѣверной Аравіи исторически цѣнные документы, которые восходятъ къ болѣе глубокой древности. Вообще, кочевую жизнь обитающихъ въ Аравіи племенъ не слѣдуетъ представлять себѣ лишенной всякой культуры. Какъ на югѣ мы встрѣтимъ высоко развитую культуру, такъ и менѣе избалованный природой сѣверъ знаетъ, однако, самыя разнообразныя переходныя формы и зачатки осѣдлой жизни. Также и племена бедуиновъ имѣли постоянные центральные пункты и владѣли городами. Повсюду въ Аравіи караванная торговля создавала болѣе крупные города, которые во времена ея расцвѣта должны были стоять на высокой ступени культуры.

Возникновеніе ислама приходится на время хозяйственнаго упадка Аравіи. Мы склонны представлять себѣ арабскіе города по той картинѣ, какую даетъ исламское преданіе о Меккѣ и Ятрибѣ (Медина) временъ пророка. Но, во-первыхъ, это преданіе повсюду обнаруживаетъ склонность изображать условія соотвѣтственно многообразію жизни бедуиновъ; во-вторыхъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что арабскія племена (кураишъ въ Меккѣ, аузъ и хазраджъ въ Ятрибѣ), которыя тогда жили въ городахъ, заняли эти послѣдніе лишь недавно, именно благодаря упадку болѣе древняго и болѣе высоко развитаго строя жизни. Названіе Мекки (Макораба, какъ это превосходно объясняетъ, какъ сабейско-минейское слово makrâb — святыня, Эд. Глазеръ) и ея признанное также исламомъ значеніе святыни арабовъ доказываютъ ея длившееся въ теченіе столѣтій существованіе въ качествѣ города; названіе Ятрибъ доказывается въ первыя столѣтія минейскими надписями: слѣдовательно, уже тогда это былъ важный торговый городъ, и ко времени, когда тамъ искалъ убѣжища Магометъ, онъ явно утратилъ былое значеніе, такъ, что онъ могъ попасть въ руки племенъ аузъ и хазраджъ. Наконецъ, что касается Теймы, которая упоминается уже ассирійскими надписями, то мы уже говорили объ ея арамейской надписи; эта надпись своимъ содержаніемъ — опредѣленія о землевладѣніи храмовъ — доказываетъ условія, которыя вполнѣ одинаковы съ условіями въ остальномъ восточномъ культурномъ мірѣ, и въ особенности, они похожи на тѣ, съ какими мы еще познакомимся въ южной Аравіи. Слѣдовательно, о возможныхъ въ будущемъ историческихъ находкахъ слѣдуетъ судить не по безлюдію Аравіи, которое явилось послѣдствіемъ лишь исламскаго движенія и великаго переселенія, а по тому факту, что тѣ, повидимому, столь жалкія кучки глиняныхъ хижинъ, нѣкогда были городами, которые по своему характеру и значенію могутъ быть поставлены рядомъ съ извѣстными намъ по развалинамъ южно-арабскими или сирійскими городами, и почва которыхъ можетъ скрывать въ себѣ памятники прежняго величія. И что справедливо объ этихъ городахъ, окажется

справедливымъ еще о нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, которыхъ до сихъ поръ еще не касалась нога европейца.

Дѣйствительная культура, которая покоилась болѣе, чѣмъ на пріобрѣтеніяхъ, достигнутыхъ при помощи торговли и грабежа, въ Аравіи развилась только въ юго-западной части, въ такъ называемомъ Іеменѣ. Также и его расцвѣтъ въ значительной части покоится на торговлѣ: отчасти на торговлѣ столь цѣнимыми на востокѣ благовонными товарами, отчасти на караванной торговлѣ съ Индіей; но добытыя такимъ путемъ богатства были столь велики, что здѣсь, въ сравнительно значительномъ отдаленіи отъ большихъ культурныхъ странъ и въ мѣстности, болѣе плодородной, благодаря болѣе богатому орошенію, развилась сравнительно самостоятельная культура. Конечно, тѣхъ различныхъ ступеней человѣческаго развитія, которыя уже были пройдены великими культурными странами на Евфратѣ и Нилѣ, когда онѣ появляются изъ мрака сѣдыхъ временъ, „счастливая Аравія“ не имѣла позади себя: она не представляетъ собою страны, которая питается только земледѣліемъ и живетъ жизнью осѣдлыхъ народовъ. Природа страны носитъ, однако, слишкомъ арабскій характеръ, чтобы совершенно преодолѣть преобладающій на сѣверѣ бедуинскій образъ жизни. Такимъ образомъ югъ показываетъ намъ порядки народной жизни, которые развиваютъ бедуины, присвоивающіе себѣ сокровища культуры, если только они, въ свою очередь, какъ это наблюдается въ большихъ культурныхъ странахъ, сами не подчиняются культурѣ. Южная Аравія обнаруживаетъ высокую культуру земли; государственность здѣсь достаточно велика, чтобы возводить громадныя постройки, основывать могучіе города, выполнять водяныя сооруженія (напр. знаменитую Маребскую дамбу), которыя сохраняютъ на время лѣтнихъ засухъ вòды изобильныхъ зимою рѣкъ; несмотря на то, она никогда не развивала тѣхъ формъ существованія человѣческаго общества, которыя являются слѣдствіемъ и условіемъ культуры, исключительно основанной на мирныхъ искусствахъ. Въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ южная Аравія обнаруживаетъ порядки, которые можно обозначить, какъ феодализмъ, возникшій изъ племенной организаціи бедуиновъ и основанный на ихъ воззрѣніяхъ, въ противоположность цивилизаціи культурныхъ странъ, покоящейся на отдѣльной семьѣ.

Въ Іеменѣ племя бедуиновъ, какъ цѣлое, господствуетъ надъ подчиненнымъ и раздѣленнымъ на касты народонаселеніемъ; послѣднее несетъ мирныя занятія, тогда какъ господствующее племя сохранило свои старыя привычки номадовъ, хотя и въ нѣсколько утонченной сообразно обстоятельствамъ формѣ, и живетъ торговлей, войной и грабежомъ. Жизнь среди болѣе высокой культуры, обладаніе укрѣпленными городами и замками, естественно, представляютъ переходныя формы отъ общественной организаціи жизни бедуиновъ къ организаціи государства; здѣсь имѣется царь и чиновничество. Но господствующая каста, дворянство еще связано между собой племеннымъ союзомъ, какъ онъ создается жизнью бедуиновъ, и оно чувствуетъ себя единымъ цѣлымъ въ предѣлахъ этого племени, а не въ предѣлахъ семьи. Племя амданъ или его подраздѣленія, гашидъ и бакилъ, дѣйствуютъ, какъ одно цѣлое: они оказываютъ царю помощь во время войны или отказываютъ въ такой помощи, причемъ, по правиламъ бедуинской жизни, становятся подъ начало признаннаго главнаго вождя, а отнюдь не отдѣльный благородный выполняетъ свои государственныя обязанности. Подобно тому, какъ въ жизни бедуиновъ едва-ли возможны случаи, когда члены племени въ большомъ количествѣ рѣшались бы поступать вопреки мнѣнію общежитія; какъ у нихъ общія воззрѣнія создаютъ болѣе тѣсную связь, чѣмъ принужденіе какихъ бы то ни было организацій цивилизованной жизни, такъ и здѣсь племена представляютъ изъ себя еще замкнутое цѣлое, и всѣ воззрѣнія и формы дѣятельности бедуинской жизни

Объясненіе надписей.

1—8. Обломки (1—6) и куски (7—8) двухъ бронзовыхъ чашъ съ посвященіями намѣстниковъ Картъ-хадаста (Карѳагена), т.-е. Китія, тирской провинціи на Кипрѣ. Найдены въ Ларнакѣ (Китіи), находятся въ Луврѣ въ Парижѣ.

1—6. . . . . ? skn qrt chdsht 'bd chrm mlk çdnm `z jtn lb`l lbn[n] 'dnj br'sht n ch sht

. . . . . . (Собственное имя), намѣстникъ Карт-хадаста (Новаго города), слуга Хирама (онъ можетъ быть только или Первымъ, современникомъ Соломона, или Вторымъ, современникомъ Тиглатъ-Палассара III), царя Сидонянъ. Это принесъ онъ Ваалу Ливанскому изъ лучшаго металла.

7 и 8. . . . thb skn qrt chdsht

. . . табъ (остатокъ имени), намѣстникъ Карт-хадаста . . . .

---

9. Бронзовая плита изъ Амрана въ Южной Аравіи. (По оригиналу въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.)

Сабейская надпись, содержащая посвященіе:

Rjb^{m} w 'chhw bnw mrthd^{m} w sh' bhw dh 'mrn hqnjw shjmhmw 'lmqh dh hrn msndn hg dht wqhhmw bms' 'l^{m} bdht hwfjhmw 'lmqh çrb shft hmw dhbhw kwn mjrn thmn br^{m} bdhhbn bbltt^{m} rdhj^{m} bchrf 'mkrb bn smhkrb bn hzfr^{m} dhtthwr^{m}

Рійабъ и его братья, „сыновья Мартада“, и племя „Амрана“ посвятили своему покровителю Альмака Хирранскому эту надпись, потому что онъ услышалъ ихъ просьбы и оказалъ имъ милость урожаемъ, который онъ послалъ имъ послѣ того, какъ зерно стояло въ цѣнѣ пшеницы во время посѣва. . . . . . . Въ годъ Амму-Кариба, сына Сумху-Кариба, сына Газфира татварскаго.

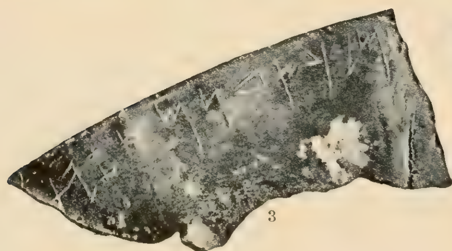
---

10. Набатейская могильная надпись изъ Геджры въ Сѣверной Аравіи.

Dnâ qbrâ dî 'bd 'jdû br khjlû br [2.] `lksj lnfsh wjldh w'chrh wlmn dî jnfq bjdh [3.] ktb tqf mn jd 'jdû qjm lh wlmn dî jntn wjqbr bh [4.] 'jdû bchjwhj bjrch nîsu shnt ts' lchrtt mlk [5.] nbtû rchm 'mh wl'nw dûshrâ w mnwtu uqjshh [6.] kl mn dî jzbn kfrâ dnh 'w jzbn 'w jrhn 'w jntn 'w [7.] jwgr' wjt`lf 'lwhj ktb klh 'w jqbr bh 'nôsh [8.] lhn lmn dî 'lâ ktîb wkfrâ wktbh dnh chrm [9.] kchalîqt chrm nbtû wslmû l'lm 'lmîn.

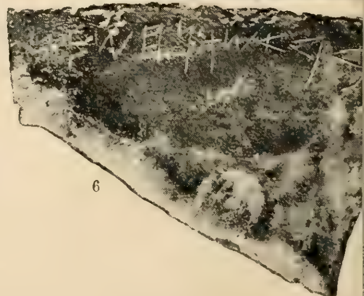
Это гробница, которую построилъ Аиду, сынъ Кухаилу, сынъ [2] Эл-каси (Алексіосъ?) для себя и своихъ дѣтей и потомковъ и для всякаго, кто принесетъ въ своей рукѣ [3] законную собственноручную расписку Аиду, съ приказаніемъ похоронить тамъ его или каждаго, кому разрѣшилъ это [4] Аиду при жизни. — Въ мѣсяцѣ Нисанѣ 9-го года Хариѳа (Ареѳы), царя Набатеевъ [5], который любитъ свой народъ (42 по Р. Х.). Пусть Дусара, Манаватъ и Каису проклянутъ [6] всякаго, кто продастъ эту гробницу, или купитъ ее или обмѣняетъ, или заложитъ или [7] отдастъ въ наймы, или относительно нея заключитъ какой-либо договоръ, или того, кто похоронитъ въ ней кого либо [8] за исключеніемъ вышеуказанныхъ. Эта гробница и эта надпись пусть будутъ святы, [9] какъ святыня набатеевъ и саламеевъ во вѣки вѣковъ.

9



3

5

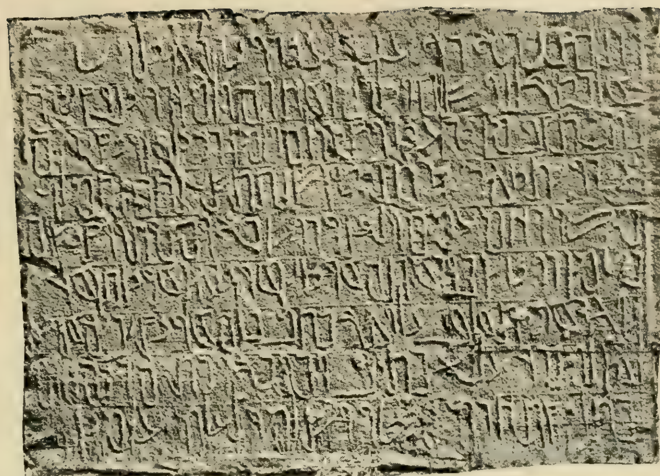


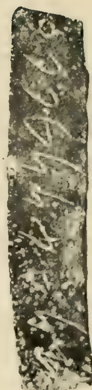
6

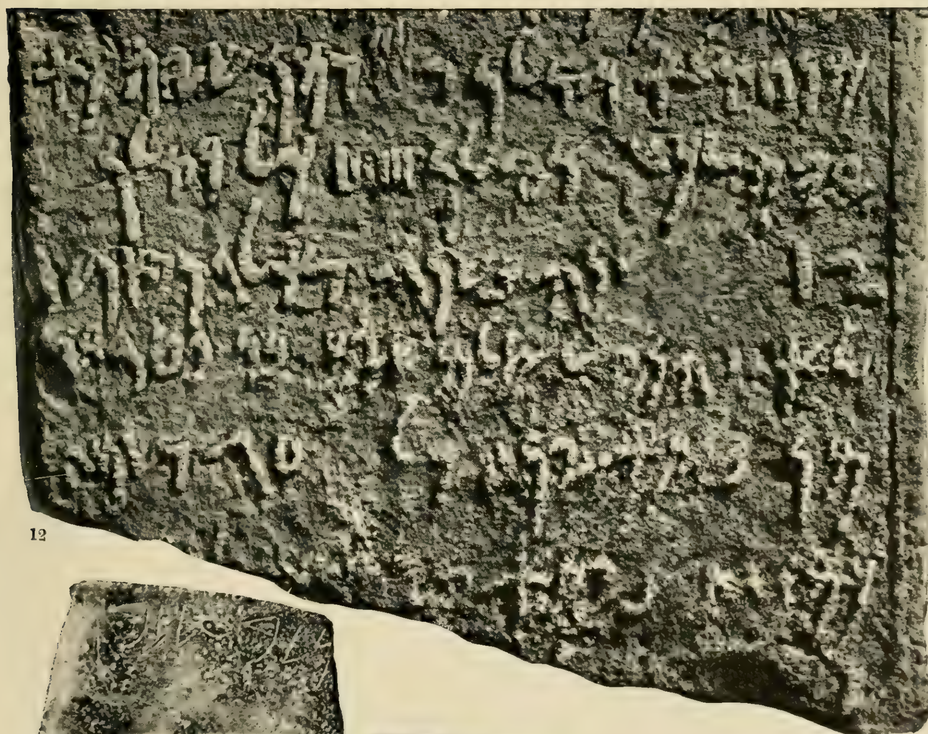
Финикійскія, сабейскія

(По Corpus Inscriptionum Semit

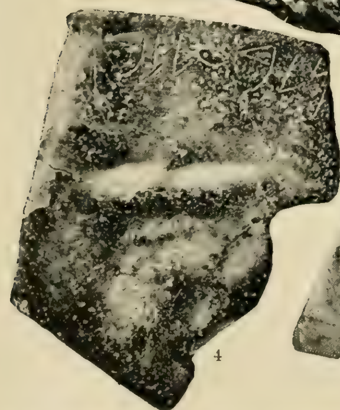
7

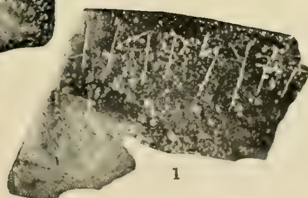

10

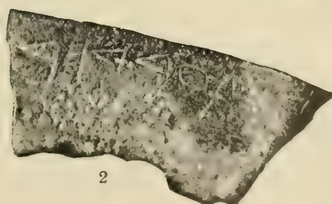

8


12

11


4


1


2

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

и арамейскія надписи.

rum, томъ I, 1; II, 1 и IV, 1.)

11 и 12. Плита изъ Теймы въ Сѣверной Аравіи. (По оригиналу, находящемуся въ Луврѣ въ Парижѣ.)

На узкой сторонѣ (фиг. 11) памятникъ даетъ изображеніе бога Цальма Хагамскаго въ ассирійской одеждѣ съ парящимъ надъ нимъ окрыленнымъ солнечнымъ дискомъ. Подъ нимъ — строитель памятника съ надписью: „Çlmshzb kmrâ: Цальмъ-ушезибъ, жрецъ". Широкая сторона памятника имѣетъ надпись въ 23 строки, верхняя часть которыхъ стерлась и неудобна для чтенія. Фиг. 12 передаетъ только послѣднія 6 строкъ надписи. Время памятника: позднѣйшая ассирійская эпоха, около VII столѣтія до Р. Х. Надпись:

[Въ мѣсяцъ .... года 21 [царя .... (уничтожено). [8—17.] ... Эту плиту воздвигъ Цальмъ-ушезибъ, сынъ Путу-Сарая [въ святилищѣ Цальма] Хагамскаго. Ибо [боги Теймы [посвятили] Цальмъ-ушезиба, сынъ Путу-Сарая, и его потомство для храма Цальма Хагамскаго. Но если кто-либо разрушитъ этотъ храмъ, то боги Теймы изженутъ и его и его потомство изъ Теймы. И слѣдующее — это храмовой доходъ, который удѣлили Цальмъ изъ Махрама, Сангала и Ашира, боги Теймы, Цальму Хагамскому:

[18.] mn chqlâ dqln 16 wmn shîmtâ [19.] zî mlkâ dqln 5 kl dqln [20. 21.] .. shnh bshnh w'lhn w'nsh [21.] lâ jhn [pq] çlmshzb br Pthsrj [22.] mn bjtâ znh wl[zr]'h wsmh [23.] km[rjâ bb] jtâ znh [l'lmâ].

[18] съ поля (т. е. храмового) 16 финиковыхъ пальмъ и изъ [19] казначейства царя 5 финиковыхъ пальмъ, вообще финиковыхъ пальмъ [20. 21] [и это] ежегодно. И боги и люди [21] не должны прогонять ни Цальмъ-ушезиба, сына Путу-Сарая [22] изъ этого храма, ни его потомства, ни его имени. [23] Они должны быть жрецами въ этомъ храмѣ во вѣки.

обладаютъ полной силой. Даже въ семейной жизни минеискихъ дворянскихъ родовъ, надписи которыхъ сдѣланы на грамматически разработанномъ языкѣ и въ письменахъ, технически безупречно выполненныхъ, еще живы формы групповой жизни: здѣсь еще знакома поліандрія. Поэтому, какъ бы технически высоко и не были выполнены памятники южно-арабской древности, постройки и надписи,—все же, государственная жизнь здѣсь, подобно древне-американскимъ культурнымъ государствамъ (ср. томъ I, стр. 290), стоитъ еще на низкой ступени развитія. И переходъ отъ послѣдней ступени варварства къ цивилизаціи никогда не былъ здѣсь законченъ.

Результатъ несравненно болѣе высокаго развитія, громадное, вошедшее въ поговорку, богатство южной Аравіи оставило намъ гораздо больше памятниковъ, чѣмъ вся остальная Аравія. Если мы, что касается послѣдней, можемъ лишь ожидать результатовъ болѣе обширныхъ изысканій, то относительно юга данныя уже у насъ въ рукахъ. Хотя и для его изслѣдованія сдѣлано не больше, чѣмъ для изслѣдованія остального полуострова, однако уже тѣ немногіе путешественники, которые естественно могли брать лишь лежащее на поверхности, собрали такъ много матеріала (см. приложенную таблицу „Финикійскія, сабейскія и арамейскія надписи"), что при помощи основательнаго изученія области древне-іеменской культуры мы можемъ расчитывать вполнѣ возстановить исторію этихъ областей и такъ же открыть для науки древнюю сказочную страну ладана, какъ то имѣло мѣсто съ областями рѣки Евфрата и Египтомъ. Если оставить въ сторонѣ менѣе продуктивныя путешествія и то, что доставила въ Европу торговля древностями, то заслуживаютъ вниманія главнымъ образомъ научныя путешествія Іосифа Галеви и Эдуарда Глазера. Галеви, изъ путешествія, совершеннаго въ 1869—70 г., при самыхъ затруднительныхъ условіяхъ (онъ путешествовалъ въ костюмѣ бѣднаго восточнаго еврея), привезъ копіи съ 683 надписей; Глазеръ за четыре долголѣтнихъ путешествія (1883; 1885—86; 1887—1888; 1892) довелъ число своихъ надписей приблизительно до 2000, среди которыхъ большинство надписей его предшественника имѣется въ достовѣрныхъ оттискахъ и спискахъ. Конечно этотъ богатый матеріалъ, который отчасти содержитъ въ себѣ весьма обширныя надписи, пока, за исключеніемъ самой незначительной части, еще не опубликованъ, а находится еще почти исключительно въ рукахъ открывшаго его. Но какъ только онъ будетъ опубликованъ, то изслѣдованіе южно-арабской древности получитъ богатый матеріалъ для того, чтобы образовать свою собственную науку. А пока наше знаніе и этой части Аравіи носитъ конечно приблизительно такой же характеръ, какъ и знаніе сѣвера.

Если поэтому исторія сѣвера и юга Аравіи не представляетъ собой полнаго незнакомца, то относительно востока мы до сихъ поръ находимся въ полной неизвѣстности. Повидимому здѣсь горная страна Іемама когда-то была мѣстопребываніемъ нѣкоторой культуры, которая по меньшей мѣрѣ была одинаковой высоты съ сѣверно-арабской; но еще ни одинъ европеецъ не проникалъ туда и не приносилъ оттуда никакихъ свѣдѣній. Ассирійскій царь Ассаргаддонъ, во время одного изъ своихъ походовъ, вѣроятно проникъ туда и сообщаетъ о „царствахъ", которыя платили ему дань (ср. выше, стр. 73); отчасти подтверждаемыя данными Эдуарда Глазера извѣстія арабскихъ географовъ сообщаютъ о тамошнихъ древнихъ надписяхъ. То, что и здѣсь были зачатки государственной жизни, подобные меккскимъ и мединскимъ, — это показываетъ извѣстіе изъ временъ завершенія древне-арабской исторіи. Помимо Магомета арабское преданіе знаетъ еще двухъ другихъ „пророковъ": одного въ Іеменѣ, другого въ Іемамѣ. Если въ этихъ „пророкахъ", какъ и въ Магометѣ, мы будемъ видѣть только основателей общежитій, разбойничьихъ государствъ, которые пользовались средствами, диктуемыми хозяйственной и духовной организаціей населенія Аравіи, чтобы отнять власть у немногихъ господствующихъ

племенъ, то мы не ошибемся, если—такъ какъ для двухъ изъ этихъ движеній доказаны центральные пункты древнихъ культуръ—въ третьемъ, въ Іемамѣ, мы усмотримъ нѣчто подобное. Подобное движеніе должно и можетъ возникнуть только въ предѣлахъ извѣстной культуры; въ степи оно невозможно. Все говоритъ даже за то, что Іемама стояла выше запада: изъ искаженнаго исламскаго преданія все же можно видѣть, что Магометъ заключилъ союзъ съ своимъ соперникомъ на востокѣ—Мусайлимой, „маленькимъ Мослимомъ", какъ называетъ его насмѣшливо это преданіе—и что послѣдній обладалъ уже властью, когда Магометъ лишь только клалъ основаніе для таковой. Очевидно онъ былъ подражателемъ Мусайлимы, а не обратно, какъ это, естественно, изображаетъ исламская легенда. Во всякомъ случаѣ, уже понятіе пророчества показываетъ, что и здѣсь, на западѣ и югѣ, іудейство и христіанство должны были пустить корни. Слѣдовательно, также и на востокѣ, съ его центромъ Іемамой, имѣло мѣсто развитіе, подобное тому, какое мы находимъ въ остальныхъ благопріятныхъ частяхъ Аравіи. Эта для насъ еще совершенно неизвѣстная часть также была затронута восточной культурой, какъ и тѣ, и поэтому, современемъ, займетъ соотвѣтствующее мѣсто въ оцѣнкѣ послѣдней.

A. Время до четвертаго великаго переселенія.

Часть исторіи Аравіи, какъ родины четырехъ великихъ семитическихъ переселеній (ср. выше, стр. 8), опредѣлена уже съ самаго начала, именно поскольку она имѣетъ всеобщее значеніе. Конечно мы знаемъ въ данномъ случаѣ только общій фактъ выселенія и условія, опредѣленныя характеромъ страны и жизненныхъ отношеній. Историческія подробности еще совсѣмъ отсутствуютъ у насъ, какъ ни важно выяснить поводъ къ выселенію на мѣстѣ родины переселенцевъ и узнать что-либо объ Аравіи, этой аренѣ позднѣйшихъ „вавилонскихъ семитовъ", „хананеянъ", арамеевъ. Поэтому мы вынуждены ограничиться немногими свѣдѣніями объ Аравіи и аравійскихъ отношеніяхъ къ культурному міру. О распространеніи и воздѣйствіи на чужія страны вавилонскаго культурнаго вліянія мы не должны судить по скудости извѣстныхъ намъ до сихъ поръ извѣстій; наоборотъ, въ глубокой древности часто поддерживались отношенія съ болѣе отдаленными странами, чѣмъ это имѣло мѣсто во времена, исторически лучше извѣстныя (напр., во времена расцвѣта Ассиріи). Нарамъ-Синъ предпринималъ завоевательные походы въ Аравію; въ это же время Гудеа получалъ оттуда камни и дерево для своихъ статуй (ср. выше, стр. 11). Слѣдовательно, торговыя сношенія и политическія отношенія въ то время должны были быть оживленными и могли быть прерваны лишь позднѣе, благодаря переворотамъ вслѣдствіе „хананейскаго" переселенія. „Маганъ" и „Мелуха" по древне-вавилонски обозначаютъ Аравію; Мелуха—западную часть, Синайскій полуостровъ и части у Краснаго моря. Отсюда Гудеа получалъ дерево. Нельзя рѣшить, слѣдуетъ ли подъ Маганомъ, который обозначается, какъ цѣль завоевательныхъ походовъ Нарамъ-Сина и какъ мѣсто добыванія камней Гудеи, разумѣть прежде всего восточныя части или также и Іеменъ.

Вліяніе Египта на близлежащія части, прежде всего слѣдовательно на Синайскій полуостровъ, слѣдуетъ признать съ самаго начала, и это подтверждается доказательствами. Уже во времена древняго царства тамъ разработывали мѣдные рудники, о чемъ сохранились еще памятники. Когда Египетъ занялъ Палестину, то онъ не могъ этого сдѣлать, не держа въ покорности степныя племена. И для властелиновъ сѣверной Палестины и Сиріи прежде всего стояла необходимость урегулировать отношенія къ современнымъ имъ господамъ сирійской степи, при помощи ли договора или же при помощи силы. Во всѣ времена тамъ было одно и то же: грабитель-

скую жадность бедуиновъ сдерживали платежами и карами. Картину условій жизни въ интересующихъ насъ областяхъ даетъ, съ египетской стороны, такъ называемый романъ Санехи, египетскаго вельможи, который долженъ бѣжать отъ двора и находить убѣжище у бедуиновъ, пока обстоятельства не позволяютъ ему вновь вернуться на родину, — типичное явленіе, которое въ этихъ мѣстахъ навѣрное происходило не разъ.

„Хананейское" переселеніе отъ половины третьяго до половины второго тысячелѣтія до Р. Х. со всѣми своими подробностями для насъ также покрыто мракомъ. Но такъ какъ оно дало Вавилоніи и Палестинѣ новое народонаселеніе, то оно представляетъ для насъ, по крайней мѣрѣ, постольку замѣтную связь съ Аравіей, что съ перваго же взгляда видно, что личныя имена, бывшія въ употребленіи у пришлецовъ въ Вавилоніи и Палестинѣ (слѣдовательно, также и у израильтянъ и другихъ библейскихъ народовъ), въ своихъ существенныхъ составныхъ частяхъ и формахъ, тѣ же самыя, что и въ минейско-сабейскихъ надписяхъ южной Аравіи. Если „вавилонскіе семиты" выступаютъ передъ нами уже сильно „вавилонизированными", т.-е. сильно видоизмѣненными въ своей сущности и въ своей религіи благодаря вліянію сумерійской культуры, то этимъ съ поразительной очевидностью доказывается сопринадлежность къ одному стволу различныхъ вѣтвей.

Арамейское переселеніе, по крайней мѣрѣ, постольку доказывается для насъ ассирійскими надписями, поскольку оно захватило долину Евфрата и поскольку мы во время расцвѣта Ассиріи при Пуду-илѣ, Рамманъ-нирари I и Салманассарѣ I (стр. 55) застаемъ арамейскія орды около 1300 г. въ той же роли, какую еще нынѣ играютъ въ тѣхъ же мѣстахъ арабскіе бедуины. Вмѣстѣ съ арамеями мы встрѣтили упоминаніе о сути (стр. 55). Съ середины второго тысячелѣтія они являются господами сирійской пустыни, а благодаря этому слѣдовательно и сѣверной Аравіи, т.-е. они являются тѣмъ, чѣмъ позднѣе сами „арабы". Египтянамъ и вавилонянамъ они извѣстны въ качествѣ таковыхъ, и сути обозначаетъ то же самое, что „бедуины". Мы можемъ на основаніи вавилонскихъ надписей доказать, какъ они были вытѣснены изъ степи арамеями, халдеями и арабами; наконецъ лишь нѣкоторые остатки ихъ мы встрѣчаемъ при Саргонѣ между Тигромъ и мидійскими горами. Но ихъ войны въ самой Аравіи и ихъ отношеніе къ различнымъ арабскимъ культурамъ и ихъ центрамъ также намъ еще неизвѣстны.

Затѣмъ изъ народовъ, которые подвигались впередъ по направленію къ долинѣ Евфрата, должны были бы слѣдовать халдеи. Конечно объ ихъ сущности мы мало что знаемъ, такъ какъ все то, что мы слышимъ о нихъ, принадлежитъ къ ихъ вавилонскому періоду и не даетъ никакихъ правильныхъ представленій объ ихъ народномъ характерѣ. Но такъ какъ все же наиболѣе вѣроятнымъ является, что они были семитами, и такъ какъ, съ другой стороны, ихъ передвиженіе въ Вавилонію ясно идетъ отъ Персидскаго залива вверхъ по рѣкамъ (ср. выше, стр. 24), то ихъ родину мы должны искать въ восточной Аравіи, о которой изъ другихъ источниковъ мы ничего не знаемъ; позднѣйшее преданіе арабскую гавань Герру на Персидскомъ морѣ считаетъ халдейской. Островъ Барейнъ, уже въ древнѣйшее время принадлежащій къ сферѣ вавилонской культуры, могъ быть занятъ ими; одна надпись древне-вавилонскими письменами съ посвященіемъ извѣстному изъ вавилонскихъ списковъ „Небо изъ Дилмуна" (=Барейнъ), Инцагу, найдена тамъ.

Б. **Начало четвертаго переселенія.**

Названіе Аравія (Арибп) первоначально обозначаетъ не весь полуостровъ; въ ассирійскихъ надписяхъ, гдѣ оно прежде всего встрѣчается,

оно обозначаетъ только сѣверо-западную часть: въ сущности, сирійскую пустыню и примыкающія сюда области, слѣдовательно ту страну, которую заняли номады, приходящіе въ соприкосновеніе съ жителями евфратскихъ долинъ и Сиріи (ср. стр. 24). Здѣсь можно установить послѣ 1000 г. по Р. Х. четвертое великое переселеніе: переселеніе самихъ арабовъ (арибы), по имени которыхъ отнынѣ и стала называться страна. Если мы до сихъ поръ говорили объ „Аравіи", то это было слѣдовательно, предвосхищеніемъ позднѣйшихъ событій; подобно тому, какъ обозначеніе „хананейской" группы народовъ могло быть заимствовано лишь отъ ихъ позднѣйшихъ мѣстъ пребыванія. Что обозначаетъ слово „арабъ", это почти что праздный вопросъ: первоначальное значеніе народныхъ именъ по большей части уже невозможно установить. Въ сабейскихъ надписяхъ въ позднѣйшее время „арабъ" употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ и „бедуинъ", когда заходитъ рѣчь объ „арабахъ горъ и морского берега". Однако здѣсь дѣло идетъ явно о позднѣйшемъ развитіи этого значенія, когда арабы, какъ бедуины, должны были уступить свое названіе въ качествѣ всеобщаго обозначенія, подобно тому, какъ въ перепискѣ Тель-Амарны „Сути" начинаютъ уже становиться всеобщимъ обозначеніемъ.

Сирійская степь со стороны материковой части сѣверной Палестины простирается больше всего на сѣверъ; здѣсь, къ востоку и югу отъ области Дамаска, было наиболѣе удобное мѣсто для нападеній для арабскихъ племенъ. Здѣсь впервые мы встрѣчаемъ упоминаніе объ арабахъ. Для большого войска, которое въ 854 г. вывелъ въ поле противъ Салманассара II Биръ-идри, царь Дамаска (стр. 118), долженъ былъ доставить отрядъ также и „арабъ Гиндибу" [имя это въ арабской формѣ Джундубъ (Гундубъ) очень употребительно]; мы должны видѣть въ немъ арабскаго шейха, который жилъ въ сферѣ власти Биръ-идри и стоялъ къ нему въ отношеніи зависимости; обстоятельство, которое мы съ этихъ поръ часто будемъ встрѣчать. Это упоминаніе обозначаетъ начало арабскаго переселенія въ тѣ области, слѣдовательно начало того самаго великаго движенія, которое нашло свой кульминаціонный пунктъ въ распространеніи ислама. Арабы, слѣдующіе за арамеями, теперь становятся замѣтными; арамейское переселеніе слѣдовательно заканчивается. Пока мы ничего не слышимъ уже объ арабахъ, такъ какъ ассирійцы въ первое время не могли приходить съ ними въ столкновеніе. Пока существовало государство Дамасское и Ассирія не обладала еще Палестиной, слѣдовательно вплоть до Тиглатъ-Палассара II, она не могла здѣсь приходить въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ арабами. Точно также и на границѣ по Евфрату выдвинувшіяся впередъ вассальныя государства и провинціи (Лаки, Сухи, Хиндану), которыя были подчинены Ассурназирпаломъ, на первое время охраняли его области отъ нападеній со стороны бедуиновъ. Область внутри Евфрата, которая уже пріобрѣла арамейскій характеръ и послѣдующее подчиненіе которой Сиріей только-что было закончено, была слѣдовательно прежде всего обезопасена отъ новыхъ переселенцевъ. Это обстоятельство, къ сожалѣнію, имѣетъ для насъ то неудобство, что нашъ единственный источникъ для этого времени, ассирійскія надписи, ничего не говоритъ объ арабахъ.

Это измѣняется, какъ только при Тиглатъ-Палассарѣ III Ассирія сокрушаетъ Дамаскъ, этотъ бастіонъ Сиріи, который такъ долго замыкалъ ей дорогу къ Средиземному морю. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Дамаскѣ находится ассирійскій намѣстникъ (732; стр. 66), и Палестина вплоть до границъ степи, до Газы, находится подъ ассирійскимъ владычествомъ, съ этого времени должно было быть также урегулировано и отношеніе къ хищнымъ сынамъ пустыни, какъ къ посредникамъ въ южно-арабско-индійской торговлѣ. Какъ позже Персія и Византія, такъ теперь, вмѣсто Дамаска и тамошнихъ мелкихъ государствъ, Ассирія должна была подумать

о томъ, чтобы добромъ или силой удержать племена вплоть до центральной Аравіи отъ набѣговъ на культурную страну. Такъ Тиглатъ-Палассаръ III предпринялъ походы въ Аравію, во время которыхъ онъ прошелъ весь Геджасъ и обложилъ данью племена вплоть до Мекки. Онъ знаетъ на сѣверѣ, въ сирійской степи, „царство“ Арибп, во главѣ котораго стоятъ царицы (напр. Забиби), заплатившія дань; ихъ подданство, которое при случаѣ снова достигалось новыми суровыми мѣрами, продолжаетъ существовать при Саргонѣ, Синахерибѣ, Ассаргаддонѣ.

Далѣе на западъ, въ странѣ Муцри, которая примыкаетъ къ южнофилистейской области и какъ бы охватываетъ Геджасъ, Тиглатъ-Палассаръ III назначилъ бедуинскаго шейха въ качествѣ ассирійскаго „надсмотрщика“. Такимъ образомъ, эта область, которая до этого времени вѣроятно, стояла подъ южно-арабскимъ (минейскимъ) господствомъ, становится ассирійскимъ передовымъ постомъ, подъ началомъ туземныхъ, но назначенныхъ Ассиріей князей. Въ странѣ, по которой проходятъ караваны, идущіе изъ Іемена, чтобы доставить свои товары въ филистейскіе города, именно, въ Газу, дѣло идетъ больше, чѣмъ о простомъ обезпеченіи границъ. Здѣсь необходимо защищать торговлю съ южной Аравіей, или она можетъ быть здѣсь эксплоатируема. Для жадныхъ до приключеній бедуинскихъ князей (для бедуина грабежъ то же самое, что выполненіе имъ своихъ рыцарскихъ обязанностей) подобная область является эльдорадо. Кажется, что ассирійскій „надсмотрщикъ“ Идибилъ не долго удержался на своемъ мѣстѣ, ибо уже при Саргонѣ имѣется снова отдѣльный управитель Муцри, который назначается уже не Ассиріей, а зависитъ отъ „царя Мелухи“: подъ этимъ можно разумѣть лишь южно-арабскаго царя Ма'ина. Въ остальномъ этотъ Пир'у, царь Муцри, преслѣдуетъ вполнѣ самостоятельную политику и является постояннымъ противникомъ Ассиріи. Къ каждому возстанію въ Палестинѣ онъ прилагалъ свою руку; съ нимъ приходилось считаться въ Іерусалимѣ, Газѣ, Асдодѣ, Моавѣ. Нѣкоторыя рѣчи іудейскихъ пророковъ относятся къ нему и къ сдѣланнымъ имъ обѣщаніямъ. И къ нему обращаются взоры царей (напр., Ганнона изъ Газы, ср. стр. 67), возстанія которыхъ не удаются. Когда Синахерибъ въ 701 г. стоялъ въ южной Палестинѣ, тогда подошло вспомогательное войско „царя Мелухи“ и муцрейцевъ, и было разбито при Эльтекѣ. Его имѣютъ въ виду предостереженія Исаіи о помощникѣ, который не есть помощникъ; только позднѣйшее преданіе, которое уже не знало названія страны, употребляло вмѣсто Муцри Мисраимъ, и поэтому вплоть до нашихъ дней всегда вмѣсто Аравіи здѣсь понимался Египетъ. Слѣдовательно въ VIII вѣкѣ мы имѣемъ здѣсь государство, подобное Магометову въ его первое время. По своей формѣ зависимое отъ процвѣтавшаго еще въ то время государства Ма'инъ, оно представляетъ изъ себя явленіе, какое раньше, несомнѣнно, наблюдалось уже часто, и снова появляется въ формѣ, приспособленной къ измѣнившимся условіямъ, въ государствѣ набатеевъ.

Какъ страна кочующихъ бедуиновъ, Аравія меньше, чѣмъ культурныя страны, обезпечиваетъ безопасность и спокойное пользованіе достигнутыми благами населенію, перешедшему къ болѣе высокой степени культуры и къ осѣдлому образу жизни въ городахъ. Если уже культурныя страны часто подвергаются завоеванію и иммиграціи со стороны хищныхъ сыновъ степи, то въ еще большей степени естественно имѣетъ это мѣсто по отношенію къ Аравіи, гдѣ противорѣчіе между бедуинами и осѣдлымъ населеніемъ никогда не разрѣшалось въ пользу послѣдняго. Семитическая богатая народностями Аравія всегда создаетъ новыя народныя массы, которыя снова оттѣсняютъ прежнихъ завоевателей, такъ что происходитъ постоянное завоеваніе городовъ, всегда повторяющееся новообразованіе государствъ на половину бедуинскаго характера. Ибо лежащая въ основѣ бедуинской жизни племенная организація не такъ быстро

исчезаетъ, какъ завоевываются города, и прежде чѣмъ какое-либо племя можетъ перейти къ общественнымъ формамъ осѣдлой жизни, какъ оно уже снова оттѣсняется и уничтожается. Всегда появляются новые народы, которые завладѣваютъ извѣстными намъ землями. Природа страны, въ связи съ недостаткомъ въ водѣ и путяхъ сообщенія, не благопріятствуетъ развитію культуры, которая могла бы вполнѣ уничтожить кочевую жизнь.

До 670 г. только царство Арибп находилось въ прочной зависимости отъ Ассиріи. Въ связи съ своей египетской политикой Ассаргаддонъ пытался тогда вполнѣ подчинить своей власти Аравію. Повидимому, широкіе планы лежали въ основѣ его походовъ въ самыя неизвѣстныя области Аравіи; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что по ассирійскимъ (какъ и по раннимъ эллинскимъ) воззрѣніямъ о формѣ земли, Эѳіопія и Индія соприкасались другъ съ другомъ. Обладая Египтомъ и Аравіей, онъ могъ бы превратить Красное море въ ассирійское внутреннее море. Такъ какъ Персидскій заливъ со второго тысячелѣтія былъ закрытъ для вавилонскихъ судовъ и теперь находился въ рукахъ Элама, то индійская торговля направилась по сушѣ и создала временный расцвѣтъ южной Аравіи (ср. ниже, стр. 246). Если Тиглатъ-Палассаръ и его преемники ограничились тѣмъ, чтобы создать на сѣверѣ безопасныя условія для караванной торговли, то Ассаргаддонъ несомнѣнно стремился захватить въ свои руки также и Іеменъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и индійскую торговлю, поскольку она направлялась сухимъ путемъ въ Палестину и западную Азію, и черезъ Красное море въ Египетъ и въ западный бассейнъ Средиземнаго моря. То, что его побуждало къ арабскимъ предпріятіямъ, то же самое служило въ средніе вѣка побудительнымъ мотивомъ для исторіи странъ, примыкающихъ къ Средиземному морю. Свою цѣль онъ пытался достигнуть двумя путями: тѣмъ, что въ связи съ египетскими предпріятіями онъ подчинилъ себѣ Геджасъ и къ югу повидимому дошелъ до области Мекки; во-вторыхъ, тѣмъ, что на востокѣ онъ попытался проникнуть впередъ черезъ Іемаму (ср. выше, стр. 73). Онъ умеръ слишкомъ рано, чтобы достигнуть своей цѣли; на югѣ около этого времени произошелъ переворотъ (ср. ниже, стр. 221).

Раздоръ между Ассиріей и Вавилоніей, который былъ рѣшенъ побѣдой военной партіи и восшествіемъ на тронъ Ассурбанипала (ср. стр. 31 и 75), уничтожилъ всѣ эти достигнутые въ духѣ вавилонства результаты. Шамашъ-шумъ-укинъ искалъ помощи противъ Ассиріи тамъ, гдѣ только онъ ее находилъ, и привелъ въ страну бедуиновъ, которыхъ такъ долго сдерживали въ должныхъ предѣлахъ на границахъ. Другія племена и народы, живущіе подъ началомъ своихъ „царей“, выступаютъ теперь передъ нами въ качествѣ союзниковъ вавилонянъ. Наряду съ царствомъ Ариби, которое играетъ менѣе наступательную роль, это — именно кедаръ, по формѣ народъ, находящійся въ вассальной зависимости отъ Ариби и живущій къ западу отъ нихъ, гдѣ до сихъ поръ повелѣвалъ ассирійскій намѣстникъ изъ Муцри, Небаіотъ Библіи или Набаяти клинописей. Расцвѣтъ этого народа есть очевидное слѣдствіе происшедшаго за это время низверженія государства Ма'инъ, сѣверныя владѣнія котораго, благодаря этому, были оставлены на произволъ судьбы. Набаяти овладѣли сирійской пустыней вплоть до границъ ассирійскихъ провинцій; они безпокоятъ лежащія на границѣ степи вассальныя государства (Моавъ, Эдомъ) и къ сѣверу кочуютъ вплоть до области Дамаска. Хотя Ассурбанипалъ своими походами и смирилъ ихъ, и они были прогнаны отъ культурной страны (ср. выше, стр. 77), но что ихъ сдержанность могла продолжаться не долѣе, чѣмъ продолжался страхъ передъ силой, тотчасъ же карающей всякое нападеніе, — это лежало въ природѣ вещей. Поэтому, когда со смертью Ассурбанипала и съ объявленіемъ независимости Набополассара настало начало конца, ариби вновь узнали золотые дни. Естественно, они тотчасъ же снова двинулись впередъ. По

указанію въ книгѣ пророка Іереміи, которое основывается на одномъ сообщеніи въ іудейскихъ царскихъ лѣтописяхъ, Навуходоносоръ предпринялъ походъ противъ кедара и наказалъ ихъ уничтоженіемъ ихъ крѣпости Хазоръ.

Недостатокъ туземныхъ извѣстій изъ персидскаго періода даетъ себя знать и въ отсутствіи данныхъ объ отношеніи къ арабамъ; однако, имѣющіяся данныя достаточны по крайней мѣрѣ для того, чтобы подтвердить ту картину, какую мы можемъ нарисовать о предшествующемъ и послѣдующемъ періодахъ. Пока персидское государство было прочно организовано и рѣшительно вело себя по отношенію къ окружающимъ народамъ, до тѣхъ поръ и арабы должны были вести себя мирно. Позднѣе они были сдерживаемы болѣе лаской и подачками. Когда Камбизъ шелъ походомъ на Египетъ, они должны были, какъ нѣкогда Ассаргаддону при его предпріятіяхъ противъ сѣверной Аравіи и Египта, доставлять ему вспомогательныя средства для похода черезъ пустыню, прежде всего верблюдовъ. Дарій называетъ сѣверную Аравію (ассирійское Арпби) среди подчиненныхъ сму странъ; но такъ какъ неизвѣстно въ точности, слѣдуетъ ли нѣкоторыя другія имена подчиненныхъ народовъ относить къ средней и восточной Аравіи, то мы не знаемъ, насколько онъ достигъ той цѣли, подчиненія Іемена, какую преслѣдовалъ Ассаргаддонъ и какая незадолго до ислама была отчасти достигнута Сассанидами. Во всякомъ случаѣ, начатое при Ассурбанипалѣ и Навуходоносорѣ движеніе кедаръ противъ Палестины сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи: при Даріи Эдомъ уже находится въ рукахъ „араба“ Гесема (Гошама Библіи). Въ Іеменѣ теперь начинаетъ расцвѣтать государство сабеевъ; на сѣверѣ посредниками въ торговлѣ являются государственныя образованія въ родѣ Арпби, Кедаръ и Набаяти. Мы не знаемъ, когда эти народы были замѣщены другими, наконецъ безразлично также и то, какъ назывались тѣ шейхи, которые поддерживали сношенія съ персидскими чиновниками. Господство надъ дикими сынами степи обезпечивало имъ эти связи; и однако-же, по своимъ чувствамъ и мыслямъ, они оставались тѣмъ, чѣмъ были ихъ единоплеменники: бедуинами. Конечно ихъ не слѣдуетъ сравнивать съ тѣмъ бедуинскимъ шейхомъ, который отъ своего бѣднаго соплеменника, „брата“, отличается лишь обладаніемъ болѣе богатыми стадами; они уже были достаточно цивилизованы, поскольку дѣло касалось накопленія.

Надпись изъ Теймы (см. фиг. 11 и 12 таблицы къ стр. 209), которая принадлежитъ къ персидскому или къ нововавилонско-ассирійскому времени, хотя и является единственнымъ значительнымъ памятникомъ того времени, однако достаточна, чтобы дать намъ картину жизни и организаціи сѣверо-арабскихъ городовъ и государствъ съ ихъ святынями. Картина эта гораздо болѣе похожа на ту, какую даютъ палестинскіе и израильскіе города временъ царей, чѣмъ на ту, какую создало себѣ позднѣйшее исламское преданіе о порядкахъ до-исламскаго времени. Тутъ имѣется городская святыня съ обезпеченнымъ землевладѣніемъ, которое предназначено для поддержанія культа и жрецовъ. Всегда готовые открыть двери храма для новыхъ божествъ, господствующіе жрецы должны затѣмъ заботиться объ ихъ культѣ. Необходимыя средства берутся отчасти изъ храмовыхъ доходовъ, отчасти изъ царскихъ доходовъ; также и царь поэтому имѣетъ свое собственное „фискальное“ землевладѣніе. Языкъ надписи не арабскій (на немъ не писали вплоть до Магомета), а арамейскій. Слѣдовательно это культурное завоеваніе заимствовано изъ Ассиріи и Вавилоніи, гдѣ устныя и письменныя сношенія велись на арамейскомъ языкѣ; изображеніе верховнаго жреца Цальмъ-ушезиба обнаруживаетъ ассирійское выполненіе, и онъ самъ носитъ имя вавилонскаго образованія. Вмѣстѣ съ письменнымъ языкомъ заимствовали также и обозначенія для не менѣе цѣнныхъ культурныхъ завоеваній въ видѣ обезпеченнаго землевладѣнія

и податной системы, для которыхъ нецивилизованный бедунъ не обладаетъ развитыми понятіями и словами; слова „храмовый доходъ“ и „коронное имущество“ суть соотвѣтствующія вавилонско-ассирійскія, какъ они восприняты арамейскимъ языкомъ въ странахъ по Евфрату.

B. **Царство набатеевъ.**

Паденіе персидскаго царства было бы для арабовъ желаннымъ случаемъ вторгнуться въ культурныя страны, если бы въ эллинизированныхъ государствахъ скоро передъ ними не всталъ болѣе энергичный противникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ культура пустила уже отчасти болѣе глубокіе корни и въ этихъ областяхъ: зачатки, какіе даютъ намъ государства Ариби съ своею надписью изъ Теймы, становятся въ эллинистическое время царствомъ набатеевъ (см. карту при стр. 88); теперь приблизительно на три вѣка это царство на границѣ нѣкогда восточной, а теперь оплодотворенной вновь эллинизмомъ культуры становится замѣчательнымъ образчикомъ сѣверо-арабской смѣшанной культуры, причемъ вполнѣ сохраняется арабскій національный характеръ.

Объ этихъ преемникахъ Кедаръ и Набаяти (съ которыми они, впрочемъ, не имѣютъ ничего общаго: имена имѣютъ лишь кажущееся сходство) мы имѣемъ теперь почти непрерывныя свѣдѣнія. Во времена Селевкидовъ, они образуютъ государство, которое посредничаетъ въ торговлѣ съ Іеменомъ и, благодаря этому, они достигаютъ высокаго расцвѣта. На югѣ ихъ главной гаванью является Левке Коме: слѣдовательно, они владѣютъ страной почти вплоть до Медины. Благодаря этому, всецѣло въ ихъ рукахъ сухопутныя сношенія; морской путь, который идетъ отъ Іемена прямо въ Египетъ, они стараются использовать для себя, елико возможно, при помощи морского грабежа. Ихъ страна простирается далеко во внутрь, такъ что они могутъ считаться наслѣдниками прежнихъ Ариби. Въ Гиджрѣ, приблизительно на полпути между Мединой и Теймой, найдено много ихъ гробницъ и надписей. Главный ихъ городъ — Петра, гдѣ еще значительныя развалины и высѣченныя въ скалахъ гробницы съ надписями свидѣтельствуютъ о быломъ расцвѣтѣ этой своеобразной культуры. Далѣе вверхъ ихъ страна тянулась до области Дамаска: самимъ Дамаскомъ они обладали незадолго до Р. Х. и почти въ концѣ ихъ самостоятельнаго существованія.

Мы знаемъ рядъ ихъ царей и достаточно освѣдомлены объ ихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ культурной страны. Цари, по большей части, носятъ имена Ареѳа и Обода, извѣстныя намъ изъ книгъ Маккавеевъ и изъ исторіи Асмонеевъ (см. стр. 199 слл.). При Селевкидахъ они сумѣли удержаться, при парѳянахъ ихъ могущество выросло, такъ какъ тѣ не заботились о торговлѣ и не преслѣдовали широкихъ плановъ ассирійцевъ и персовъ. Отъ распаденія Востока на парѳянскую и сперва эллинистическую, а затѣмъ римскую половину они могли только выиграть. Въ Иродѣ, который, какъ „идумеянинъ“ (см. выше, стр. 201), былъ полуарабомъ и во всякомъ случаѣ въ своемъ характерѣ имѣлъ больше арабско-набатейскихъ чертъ, нежели іудейскихъ, они встрѣтили опаснаго соперника, съ которымъ имъ приходилось бороться.

Съ того времени, какъ въ Палестинѣ стали господствовать римляне, набатеи, какъ умные арабы, старались жить съ ними возможно дружнѣе. Когда Августъ снова захотѣлъ проводить политику Ассаргаддона и старался завладѣть сказочно преувеличенными сокровищами Іемена, т.-е., когда онъ захотѣлъ обезпечить римлянамъ запертый парѳянами путь въ Индію черезъ южную Аравію, то набатеи, какъ и ихъ предшественники для Ассаргаддона, были его естественными союзниками. Только съ ихъ

помощью могъ быть выполненъ Эліемъ Галломъ неслыханный для европейскихъ войскъ походъ къ главному городу сабеевъ, Маребу; если бы они не были поддержаны царскимъ замѣстителемъ Силлеемъ, то ни одинъ римлянинъ не остался бы въ живыхъ. Полное незнакомство со страной и съ предстоящими трудностями могло позволить Элію Галлу начать это предпріятіе; когда оно закончилось неудачей, то нуженъ былъ козелъ отпущенія; эту роль долженъ былъ сыграть Силлей. Онъ, который надѣялся своей вѣрной службой получить преимущества относительно Іудеи, и пріобрѣсть даже царскую корону набатеевъ, былъ обвиненъ въ Римѣ въ томъ, что благодаря его измѣнѣ походъ окончился неудачно и были понесены тяжелыя жертвы, и онъ былъ казненъ. Набатейское государство, въ качествѣ „союзника" Рима, продолжало существовать вплоть до Траяна; тогда, послѣ того, какъ оно уже вело себя двусмысленно во время іудейскаго возстанія при Титѣ, оно было присоединено и сдѣлано римской провинціей Аравіей.

Набатейская культура знакома намъ по своимъ богатымъ остаткамъ, изъ которыхъ намъ извѣстна по крайней мѣрѣ часть. Именно гробничныя пещеры Петры и Гиджры снабжены отчасти обширными надписями. Также и онѣ написаны на арамейскомъ языкѣ. Арамейское письмо (см. фигуру 10 таблицы при стр. 209), имѣетъ уже характеръ курсивныхъ буквъ, написаныхъ стилемъ или кисточкой; мало пригодное для монументальнаго употребленія въ надписяхъ на камнѣ, оно указываетъ на существованіе обширной письменности и литературы. Оно образуетъ предварительную ступень древне-греческаго письма и позднѣйшаго „куфическаго" алфавита, на которомъ вначалѣ писалось арабское письмо.

Періодъ римскаго управленія есть время высокаго развитія для тогдашняго набатейскаго государства, по крайней мѣрѣ, для его болѣе сѣверныхъ, находящихся въ тѣсномъ соприкосновеніи со старой культурной страной частей; то, что лежало къ югу отъ Петры, было непригодно для управленія народа, который не имѣлъ никакихъ сношеній съ номадами. Именно въ области Дамаска утвердилась при римскомъ господствѣ богатая, цвѣтущая культура. Гауранъ, нынѣ мало-культурная горная страна, былъ тогда покрытъ цвѣтущими поселеніями; лежащая отсюда къ востоку мѣстность, нынѣ представляющая собою совершенно пустынный, покрытый лавой пейзажъ, тогда была обработана. Набатейскія надписи, а также сдѣланныя на собственномъ языкѣ и собственнымъ алфавитомъ, показываютъ, что нынѣ пустынныя области питали то населеніе, которое непрестанно выталкивалъ въ культурную страну этотъ неисчерпаемый источникъ народовъ, Аравія. „Собственныя" надписи показываютъ иной алфавитъ, сравнительно съ употреблявшимся до этого времени въ сѣверной Аравіи арамейскимъ. Очевидно онъ произошелъ отъ южно-арабскаго „сабейскаго" и можетъ такимъ образомъ подтвердить то, что передаетъ о переселеніи южноарабскихъ племенъ на сѣверъ послѣ-исламское преданіе, которое иначе непригодно для историческихъ изслѣдованій.

Г. Пальмира.

Между тѣмъ присоединеніе Набатеи имѣло послѣдствіемъ расцвѣтъ новаго арабскаго торговаго государства, которое взяло теперь на себя посредническую роль между культурными странами и внутренней Аравіей, остававшейся недоступной для культурныхъ людей. Уже вавилонянинъ Кадашманъ-харбе нѣкогда пытался сдѣлать безопасной дорогу черезъ степь въ Дамаскъ (стр. 19). Тогда уже, кажется, онъ включилъ въ свой путь Пальмиру, хотя въ болѣе древнее время (мнимое упоминаніе въ Библіи при Соломонѣ есть описка переписчика) мы не встрѣчаемъ упоминанія объ этомъ городѣ, который является узловымъ пунктомъ для караванныхъ

путей въ Дамаскъ и Гаматъ въ Сиріи, а равно какъ и въ Тапсакъ и Гитъ, гдѣ совершается переправа черезъ Евфратъ; однако, кажется, уже во времена вавилонской культуры онъ процвѣталъ; ибо еще въ это время, когда эллинскій и арабскій міры взаимно соприкасались въ немъ, здѣсь отправлялся древне-вавилонскій культъ, и въ его арамейскомъ языкѣ мы находимъ слова, которыя должны были сохраниться изъ вавилонскаго періода. Знамениты (цѣль многочисленныхъ туристскихъ поѣздокъ) лежащія среди степи, въ трехъ или четырехъ дняхъ пути отъ Дамаска, развалины съ остатками величественнаго „храма солнца“. скорѣе произведеніе греческой, нежели арабской архитектуры. Пальмира, какъ древній культурный городъ, легче усвоила греческій духъ, нежели набатейское государство. Языкъ въ ней былъ смѣшанный: греческій и арамейскій языки оба являлись въ ней равноправными оффиціальными письменными языками, какъ это и должно быть въ городѣ, который служитъ посредникомъ между эллинистическимъ Востокомъ и пишущими на арамейскомъ языкѣ арабами. Арамейское письмо многочисленныхъ надписей стоитъ близко къ происходящему изъ Вавилоніи такъ называемому квадратному письму евреевъ, на которомъ написана Библія.

Парѳяне мало значенія придавали своимъ западнымъ провинціямъ, и римляне не были въ состояніи господствовать надъ степью. Таковы политическія условія, которыя позволили Пальмирѣ играть роль, нѣкоторое время превосходившую значеніе торговаго государства и простого посредника въ сношеніяхъ. Какъ обыкновенно, и здѣсь мы имѣемъ свѣдѣнія лишь съ того времени, какъ дѣло дошло до разрыва съ крупнымъ государствомъ: его лѣтописямъ мы обязаны свѣдѣніями. Послѣ уничтоженія Валеріана персами и во время анархіи въ правленіе Галліена (260—268) Оденатъ Пальмирскій былъ господиномъ положенія вещей на Востокѣ. Онъ снова отнялъ Месопотамію у персовъ, которые столь же мало, какъ и парѳяне, желали утвердить ее за собой, и господствовалъ отъ арабской степи до берега Балиха; онъ былъ признанъ Галліеномъ въ качествѣ соправителя для Востока, Послѣ его убійства правительницей становится его супруга Зиновія; въ ея правленіе Пальмира удерживаетъ свое положеніе, пока война съ Римомъ не кладетъ ей навсегда конецъ. Авреліанъ (270—275) разбиваетъ Зиновію при Антіохіи и Эдессѣ, осаждаетъ ее въ Пальмирѣ и разрушаетъ городъ. Благодаря этому вновь было устранено государство, которое было способно служить плотиной противъ натиска бедуиновъ.

Снова культурная страна лежитъ открытой для сарацинъ (какъ съ этихъ поръ обычно называются населяющіе степи арабы; это—вавилонско-арамейское обозначеніе, вѣроятно заимствованное у жителей Пальмиры), поскольку римская власть не въ состояніи охранять твердой рукой границъ. Въ войнахъ римлянъ, византійцевъ и Сассанидовъ они играютъ значительную роль, какъ господа степи и какъ важные союзники въ борьбѣ изъ-за легко проходимыхъ ими далекихъ областей на Евфратѣ.

Въ Византіи, какъ и при дворѣ Сассанидовъ, не были въ состояніи отодвинуть границъ дальше того, чѣмъ куда простиралась старая культурная область, и были вынуждены оставить сарацинамъ ихъ область, какъ это дѣлали ассирійцы и персы. Какъ всегда, удовольствовались тѣмъ, чтобы привлечь на свою сторону шейховъ пограничныхъ племенныхъ областей и привесть ихъ въ прочную связь съ имперіей. Какъ Идибилъ, царь Муцри, былъ поставленъ Тиглатъ-Палассаромъ (стр. 213), какъ набатеи являются союзниками римлянъ, такъ теперь византійцы и персы содѣйствовали образованію на своихъ границахъ арабскихъ государствъ, „цари“ которыхъ, опираясь на первостепенную державу и украшенные титулами, какіе они получали отъ послѣдней, господствовали надъ сынами пустыни; благодаря своей превосходящей бедуиновъ организаціи, они образуютъ для персовъ, а равно и для византійцевъ защиту противъ вторженія

далеко живущихъ племенъ. Такъ на византійскихъ границахъ въ Сиріи правилъ въ качествѣ промежуточнаго звена и раздѣльной стѣны между культурной страной и степью княжескій домъ Гассанидовъ, а на вавилонскихъ, подъ персидскимъ верховенствомъ, Лахмиды, въ главномъ городѣ Гира. Въ постоянной борьбѣ между собой, на собственный рискъ и страхъ и на службѣ у своихъ сувереновъ, въ непрестанныхъ стычкахъ и грабительскихъ походахъ, которые воспѣваютъ древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ арабскихъ поэтовъ, исполняли они эту обязанность, пока наконецъ стѣсненная внутри сила народныхъ массъ не пробила себѣ пути и подъ знаменемъ ислама снова не наводнила культурныя страны; она помогла „арабской иммиграціи" пробить себѣ путь и одержать побѣду и вмѣстѣ съ тѣмъ привела послѣднюю волну семитовъ, о которой знаетъ міровая исторія. Въ IX вѣкѣ до Р. Хр. мы встрѣчаемъ первыхъ арабовъ, которые на границахъ культурной страны пробиваются впередъ въ тылу арамеевъ; въ VII вѣкѣ послѣ Р. Хр., слѣдовательно спустя двѣнадцать столѣтій, исламское движеніе наводняетъ Востокъ. Еще двѣнадцать дальнѣйшихъ вѣковъ, и настаетъ наше время, и мы не можемъ еще замѣтить никакого новаго движенія въ колыбели семитскихъ народовъ.

Д. Аравійскій берегъ Персидскаго залива.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ Іемену, этой цѣли дальновидной римской и ассирійской политики, припомнимъ то немногое, что мы можемъ установить относительно Востока съ прибрежными странами по Персидскому заливу и о еще вполнѣ таинственномъ центрѣ Іемама. Халдеи или касдимъ, которыхъ мы впервые встрѣчаемъ въ культурной странѣ въ южной Вавилоніи, отсюда выступаютъ на свѣтъ исторіи.

Одна часть Касдимъ, должно быть, занимала аравійскія прибрежныя страны Персидскаго залива. Какъ халдеи южно-вавилонской Приморской области завладѣли всѣмъ, что оставалось еще отъ вавилонскаго мореходства и торговли, такъ и эти халдеи должны были занять островъ Дильмунъ-Барейнъ, находившійся въ древнія времена въ тѣсной связи съ Вавилоніей. При Саргонѣ ихъ царь Упери послѣ завоеванія Вавилона (стр. 29) завязываетъ сношенія съ ассирійскимъ царемъ, тогда какъ до этого времени онъ поддерживалъ ихъ съ царемъ „Приморской страны" и Вавилона, Меродахъ-Баладаномъ. Былъ ли этотъ Упери уже арабомъ, или еще халдеемъ, неизвѣстно. Ассаргаддонъ разсказываетъ о своемъ походѣ во внутреннюю часть восточной Аравіи, которую онъ называетъ Бацу, библ. Вуцъ, и которую едва ли надо искать гдѣ-либо кромѣ Іемамы. Перечисляются восемь „царей" и царицъ, „города" которыхъ были завоеваны. Если когда либо до насъ дойдутъ свѣдѣнія изъ этого еще неизслѣдованнаго клочка земли, то мы распознаемъ и здѣсь слѣды культуры, о которой встрѣчаются извѣстія еще у арабскихъ писателей.

По болѣе древнимъ источникамъ Страбонъ сообщаетъ о халдеяхъ у моря, главный городъ которыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гавань, Герра, служилъ узловымъ пунктомъ для торговли съ внутренней страной. Когда Антіохъ Великій, послѣ возстанія Молона, снова обезопасилъ восточныя провинціи своего царства и снова возстановилъ дружественныя отношенія съ индійскими царями, то, во время похода въ прибрежныя области по Персидскому морю, онъ призналъ, за весьма значительный „подарокъ" (ср. въ томѣ IV), независимость за „геррейцами", имѣвшими важное значеніе для торговли по Персидскому морю и съ внутренней Аравіей (въ 205 г. до Р. Х.).

Во время господства парѳянъ, которые не заботились о такихъ пустякахъ, какъ господство на морѣ и торговля, явился преемникъ прежней халдейской „морской страны" въ лицѣ государства Месены или Майсанъ.

которое въ столѣтія, близкія къ жизни Спасителя, господствовало надъ областью истоковъ Тигра и Евфрата, а также и надъ смежными прибрежными областями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ торговлей, поскольку она происходила еще по Персидскому морю съ Вавилоніей, а не черезъ Іеменъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ классическихъ писателей и по монетамъ мы знаемъ рядъ царей Майсана, которые находились подъ вліяніемъ эллинизма и парѳянскаго міра и имѣли преимущественно арамейскихъ подданныхъ; но все же ихъ слѣдуетъ считать за арабовъ. Быть-можетъ, главой династіи былъ Гададъ-надинъ-ахъ, надпись котораго была найдена въ Телло, городѣ древне-вавилонскихъ царей и патези Лагаша (стр. 10): тамъ, слѣдовательно, онъ построилъ свой дворецъ. Надпись сдѣлана на двухъ языкахъ: на арамейскомъ и греческомъ.

Е. **Юго-западный уголъ Аравіи.**

Наиболѣе важную роль, въ качествѣ мѣстопребыванія своеобразной культуры, игралъ въ древности югъ, или точнѣе юго-западный уголъ Аравіи, „счастливая Аравія“ (какъ первоначально, она, быть-можетъ, называлась благодаря ошибкѣ: арабское обозначеніе Іемена, страны, лежащей направо отъ смотрящаго на востокъ араба, было понято въ смыслѣ гадателя, для котораго правая сторона обозначала счастье). Страна эта — высокое горное плато, съ отдѣльными болѣе значительными возвышеніями и лучше орошенное, нежели сѣверъ, хотя лишь горными рѣчками; въ тѣ времена, о которыхъ сообщаютъ намъ надписи, она постоянно обработывалась заботливо. Рѣки и здѣсь заставили человѣка принять необходимыя мѣропріятія, чтобы удержать влагу въ половодье и сохранить ее на время засухи. Маребская плотина, развалины которой еще существуютъ (ср. выше, стр. 208), казалась арабамъ стеіи нѣкотораго рода чудеснымъ произведеніемъ.

Уже открыто многочисленное количество руинъ, древнія имена которыхъ называютъ еще нынѣ существующія надписи; но мало сдѣлано для того, чтобы предоставить къ услугамъ науки имѣющееся на лицо, не говоря уже о сокрытомъ подъ землей, о чемъ свидѣтельствуютъ тѣ памятники. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ лишь поспѣшно, среди опасностей, сдѣланные какимъ-либо отважнымъ путешественникомъ списки съ надписей, невозможно составить себѣ никакой картины объ остальныхъ руинахъ; и храмы и постройки, о которыхъ сообщаютъ надписи, и мѣстоположеніе которыхъ онѣ указываютъ, существуютъ для насъ только по именамъ. Многочисленныя надписи, которыя тамъ найдены (болѣе двухъ тысячъ), до сихъ поръ лишь въ незначительной части доступны въ достовѣрной формѣ; здѣсь мы стоимъ передъ загадкой съ сознаніемъ, что она могла бы быть разрѣшена, если бы въ рукахъ изслѣдователя находился матеріалъ.

а) Ма'инъ.

Много детальныхъ свѣдѣній имѣемъ мы о сооруженіяхъ и посвященіяхъ, однако, пока невозможно дать цѣльной картины государственнаго развитія. Древнѣйшія надписи, какія мы имѣемъ, принадлежатъ къ эпохѣ, которая заканчивается въ VIII и VII столѣтіяхъ; но эпоха эта, какъ доказываетъ количество уже извѣстныхъ намъ царскихъ именъ, длилась многія столѣтія, такъ что ея начало мы можемъ отнести едва ли позже, какъ къ 1500 г. до Р. Х. Это — государство царей и народа Ма'инъ, минеевъ, которые обитали въ лежащей къ сѣверу отъ Сан'а горной странѣ, Джофѣ. Главнѣйшими городами у нихъ были Іатилъ (развалины Беракиша), Нешкъ, Карнау. Ихъ государство образуетъ господство одного народа. Когда

началось это господство, какія произошли въ немъ перемѣны, что, въ свою очередь, нашло оно здѣсь, объ этомъ мы ничего не знаемъ.

Что культура этого времени еще не обозначаетъ зачатковъ человѣческой осѣдлости и связанныхъ съ этимъ успѣховъ въ этихъ областяхъ, и что отсюда уже раньше должны были идти связующія нити къ великимъ культурнымъ странамъ, это доказывается уже однимъ характеромъ письма. Это азбучное письмо, развившееся изъ общесемитическаго алфавита и дополненное нѣкоторыми знаками для этого болѣе богатаго звуками южноарабскаго ма'инитскаго или минейскаго языка, въ образованіи своихъ формъ представляетъ вполнѣ самостоятельное явленіе (см. рис. 9 таблицы при стр. 209) по отношенію къ сѣверо-семитическому алфавиту арамеевъ и хананеянъ (финикіянъ), самые древніе памятники которыхъ не восходятъ дальше VIII и IX столѣтій. Письмо буквами изобрѣтено въ Вавилоніи (стр. 169). Тамъ познакомились съ нимъ хананеяне и арамеи; оттуда оно проникло также въ Іеменъ еще тогда, когда никакіе минеи не господствовали. Никакой памятникъ не сообщаетъ намъ объ этомъ; но самый фактъ доказываетъ уже, что въ тѣ времена были такія же или еще болѣе оживленныя сношенія съ культурной страной на Евфратѣ, чѣмъ въ тѣ, которыя постепенно освѣщаются намъ надписями. Указанія на эти сношенія мы нашли въ древне-вавилонскихъ надписяхъ Гудеи и Нарамъ-Сина, которыя сообщаютъ объ ихъ отношеніяхъ къ Магану и Мелухѣ. Такіе же народные потоки, какіе можно прослѣдить во времена ислама съ юга полуострова до культурныхъ странъ Средиземнаго моря, имѣли мѣсто тогда, когда „хананеяне" и позднѣе арамеи наводняли Востокъ.

Мелуха, о которой говоритъ древнѣйшая Вавилонія, есть названіе для западной Аравіи, которая къ концу второго и въ первую половину перваго тысячелѣтія находится подъ господствомъ минеевъ. Также и Саргонъ, Синахерибъ и Ассаргаддонъ упоминаютъ о ней. Они знаютъ князей или намѣстниковъ Муцри (стр. 213), какъ ленниковъ царя Мелухи, въ ихъ время еще царя Ма'ина. При нихъ Палестина надѣется съ помощью этихъ южныхъ арабовъ освободиться отъ ассирійскаго господства. Минейское господство не осталось безслѣднымъ также и въ сѣверной Аравіи: въ ель-Эла, недалеко отъ Гиджры (стр. 217), найдены многочисленныя минейскія надписи, которыя датируютъ изъ эпохи минейскаго величія. Въ борьбѣ съ Ассиріей минеи имѣли естественнаго противника въ лицѣ сѣвероарабскаго государства Ариби, которое примыкало къ ихъ провинціямъ съ востока и стояло подъ ассирійскимъ верховенствомъ; одна надпись сообщаетъ также о войнѣ между „владыкой юга" и „владыкой сѣвера".

б) Саба (Савское царство).

Уже при Тиглатъ-Палассарѣ III и Саргонѣ упоминается племя савеевъ (Саба), которое подчиняется Ассиріи. Изъ упомянутыхъ тамъ племенъ оно живетъ южнѣе всѣхъ. Связь съ Ассиріей обозначаетъ поэтому вражду противъ господъ Іемена, минеевъ: въ упомянутой выше минейской надписи мы встрѣчаемъ ихъ въ этой роли. Послѣ Синахериба и Ассаргаддона, который еще во время своего похода во внутреннюю Аравію взялъ въ плѣнъ „царя Мелухи", такіе цари, а также и ихъ сѣверная провинція Муцри исчезаютъ изъ ассирійскихъ надписей. Съ тѣхъ поръ, какъ мѣсто Муцри заняли „арабскіе" Кедаръ и Набаяти, ассирійцы не могли уже простирать своихъ рукъ вплоть до юга. Слѣдовательно, на сѣверѣ, вмѣсто минеевъ, стали господами страны „арабы": вслѣдствіе ассирійскихъ войнъ была сломлена вмѣстѣ съ тѣмъ и власть минеевъ, которые до этого времени еще поддерживали филистейскія и палестинскія государства. Въ то же время надписи упоминаютъ также на югѣ о нападеніяхъ „арабовъ". Но эти надписи уже не написаны на языкѣ минеевъ, а на діалектически

отличномъ отъ него. Эти новые господа юга суть тотъ же самый народъ, который мы только-что узнали въ качествѣ союзниковъ ассирійцевъ: савеи. Приблизительно во время Ассаргаддона, быть-можетъ, вслѣдствіе плѣненія „царя Мелухи", покровительствуемые ассирійцами, савеи становятся господами страны, вмѣсто минеевъ. Въ теченіе полустолѣтія мы видимъ теперь „царей Сабы" въ качествѣ господъ Іемена и его культуры.

Съ этихъ поръ „сокровища Аравіи" принадлежатъ, по мнѣнію людей Востока, савеямъ; съ этихъ поръ мы встрѣчаемъ савеевъ, вмѣсто минеевъ, въ еврейскихъ извѣстіяхъ, и о поддержаніи связи съ югомъ, вмѣсто минейской провинціи Муцри, заботятся теперь кедаръ. Ясно, что Ассирія еще разъ сумѣла разъединить народныя массы Аравіи къ своей выгодѣ: на мѣсто большого государства Ма'инъ, которое повелѣвало югомъ и сѣверомъ и распоряжалось путями вплоть до гаваней Средиземнаго моря, явились теперь два народа различнаго происхожденія, — кедаръ суть „арабы", савеи отнюдь нѣтъ, — которые оспаривали другъ у друга власть и облегчали, такимъ образомъ, ассиріянамъ достиженіе господства. Ассаргаддонъ показалъ себя здѣсь, въ связи съ своей египетской политикой, однимъ изъ наиболѣе тонкихъ государственныхъ мужей Востока; если бы, въ концѣ концовъ, не одержала побѣды „ассирійская" политика надъ „вавилонской" (стр. 75), то торговля Аравіи совершалась бы подъ контролемъ Ассиріи. Борьба между Ассиріей и Вавилономъ уничтожила все это; ибо если даже и можно было подвергнуть карѣ Кедаръ, то все же всякое вліяніе на югъ было потеряно. Савеи могли избавиться отъ этой ассирійской опеки и развиваться самостоятельно. Самые важные города государства Сабы лежатъ къ югу отъ Джофы минеевъ. Главнымъ городомъ является Маребъ, какъ кажется, вплоть до химьяритскаго завоеванія. Чисто сабейскимъ государство оставалось нѣсколько столѣтій. Затѣмъ другіе народы овладѣли господствомъ, и ихъ властелины называли себя „царями Сабы".

Время Ма'инъ и Сабы, приблизительно 1500—300 г. до Р. Х., было временемъ высшаго расцвѣта Іемена; въ теченіе этого времени онъ господствовалъ надъ торговлей съ Индіей. Вавилонія тогда была отрѣзана отъ Персидскаго моря халдеями; Египетъ не былъ въ состояніи утвердить за собой Красное море, и, такимъ образомъ, расцвѣтаетъ посредническая торговля, направляющаяся черезъ Аравію отъ Іемена по сушѣ къ сѣверу въ филистимскіе города, или отъ западно-аравійскихъ гаваней къ гаванямъ Египта. На караванномъ пути, ведшемъ отъ Коссейра (Леукосъ Лименъ) на Красномъ морѣ въ Ѳивы и Коптосъ, — главная линія сношеній Ѳиваиды съ моремъ, — кромѣ многочисленныхъ египетскихъ надписей были высѣчены въ скалахъ также и минейско-сабейскія, памятники былого торговаго величія южной Аравіи. Также и Абиссинія была занята и получила тогда свое семитическое населеніе. Савейскія надписи показываютъ, какъ тамъ „эѳіопскій" языкъ, когда онъ получилъ благодаря христіанству литературу, долженъ былъ сперва вытѣснить прежній письменный языкъ, близко родственный савейскому; вѣроятно вслѣдствіе народнаго возстанія племенъ Ге'езъ противъ ранѣе господствовавшихъ савеевъ или какъ бы тамъ они ни назывались. Въ то время, какъ савеи для своихъ сношеній съ Палестиной и странами по Евфрату вынуждены были пользоваться посредничествомъ сѣверо-арабскихъ кедаръ, а позднѣе набатеевъ, минеи проникли непосредственно вплоть до тѣхъ областей: въ Варкѣ (Урукъ; см. стр. 9) въ южной Вавилоніи найденъ памятникъ этихъ отношеній въ лицѣ одной минейской надписи.

Когда Востокъ снова оказался подъ господствомъ, которое охватывало собой древнее культурное обладаніе Вавилоніи и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, было въ состояніи, вмѣсто персидскаго феодальнаго устройства, снова преслѣдовать вавилонскія стремленія, тогда обстоятельства измѣнились не въ пользу южной Аравіи. Александръ въ Вавилонѣ короновался въ цари

азіатскаго культурнаго міра; изъ Вавилона онъ пытался снова оживить старыя традиціи вавилонскаго мірового владычества. Разумѣется, онъ руководился древними извѣстіями, когда хотѣлъ снова возстановить морской путь вокругъ Аравіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ въ виду проложить прямой торговый путь въ Индію. Оба предпріятія были пріостановлены его смертью. Иначе Вавилонъ сдѣлался бы центромъ, если не новой господствующей надъ міромъ династіи, то, во всякомъ случаѣ, центромъ мировой торговли, и савеи, благодаря этому, лишились бы своей роли посредниковъ въ индійской торговлѣ. Тяжелый ущербъ должны были они понести благодаря тому, что Птолемеи, дѣйствительно, сдѣлали свободнымъ морской путь вокругъ Аравіи, и что, слѣдовательно, вѣроятно они пользовались имъ и для торговли, тогда какъ Селевкиды имѣли дѣло съ набатеями и герреями (стр. 219), въ качествѣ посредниковъ въ торговлѣ. Птолемей II Филадельфъ, во время своихъ войнъ съ Селевкидами, объѣхалъ вокругъ Аравіи и совершилъ нападеніе на владѣнія Селевкидовъ у Персидскаго моря. Онъ и его преемникъ основали египетскія колоніи на западномъ берегу Персидскаго моря вплоть до Бабъ-елъ-Мандеба; онѣ поддерживали сношенія савеевъ съ Абиссиніей и Египтомъ; безъ сомнѣнія, эти колоніи служили также станціями для непосредственной торговли съ Индіей. Въ Адулисѣ (Зула), гдѣ шли сношенія въ обѣ стороны между Сабеей и Габешомъ, Птолемей III Евергетъ соорудилъ одну изъ своихъ побѣдныхъ надписей. Такимъ образомъ, не воскресшій Вавилонъ, а Александрія сдѣлалась владычицей индійской торговли и была роковой для Сабы.

Къ III или ко II вѣку до Р. Х. должны мы пріурочить тѣ внутреннія потрясенія, какимъ подверглось государство Сабы. Они перенесли господство въ руки другого народа: въ руки химьяритовъ, которые первоначально жили въ юго-западномъ углу полуострова и около этого времени заняли главный городъ. Ихъ цари, какъ и ихъ предшественники, называютъ себя „царями Сабы“, однако, къ этому титулу они присоединяютъ и „Райданъ“, имя ихъ химьяритскаго родового замка. Слѣдовательно, въ Сабѣ теперь господствуютъ уже не савеи, а химьяриты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ или вскорѣ послѣ этого, съ упадкомъ египетской власти, властители Абиссиніи, куда нѣкогда савеи сплавляли свое избыточное населеніе, начинаютъ стремиться за море. Изъ занятаго снова Адулиса, гдѣ одинъ изъ ихъ царей приказалъ сдѣлать свою надпись рядомъ съ надписью Птолемея Евергета, они переходятъ въ Аравію и прежде всего утверждаются на берегу. Здѣсь они имѣютъ владѣнія уже въ I вѣкѣ до Р. Х.; т.-е. для государей Сабы оказывается отрѣзаннымъ море или, по крайней мѣрѣ, сношенія съ Абиссиніей, и они подвергаются непрестаннымъ нападеніямъ со стороны абиссинскихъ намѣстниковъ. Тотъ же самый царь, который увѣковѣчилъ себя въ Адулисѣ рядомъ съ Птолемеемъ, подчинилъ затѣмъ весь арабскій берегъ вплоть до Леуке Коме, прежней гавани набатеевъ, и Іеменъ, поскольку на него оказывалъ притязаніе постепенно расширившійся савейскій царскій титулъ. Съ этихъ поръ, со II или III вѣка послѣ Р. Х., Сабея находится подъ абиссинскимъ верховенствомъ.

Это господство встрѣтило себѣ сопротивленіе; южно-аравійскіе химьяриты сдѣлали попытку, одно время удавшуюся, прогнать изъ страны абиссинцевъ. Именно удалось на сравнительно долгое время снова добиться самостоятельности подъ знаменемъ іудейства, которое въ послѣднія столѣтія до Р. Х. (см. стр. 204) завоевало Аравію и обусловило здѣсь въ Іеменѣ новый расцвѣтъ стараго государства. Наши свѣдѣнія недостаточны для того, чтобы выяснить политическія партіи и теченія, изъ которыхъ возникъ новый подъемъ; однако, общее положеніе дѣла можно отчасти узнать изъ природы вещей. Іудейство, которое тогда являлось силой во всѣхъ крупныхъ культурныхъ государствахъ, съ которой приходилось считаться, которое въ государствѣ набатеевъ играло важную роль и, въ осо-

бенности, господствовало въ египетской торговой жизни, при своемъ тогда еще дѣятельномъ стремленіи создавать себѣ прозелитовъ, благодаря своимъ торговымъ связямъ, достигло до юго-западной Аравіи; достигло туда, куда не могли добраться культурныя государства съ своими арміями, хотя они давно уже стремились туда, въ страну, обладаніе которой должно было перенести въ ихъ руки индійскую торговлю. Господствующей религіей была тамъ религія древнихъ савеевъ. Съ этимъ язычествомъ искусные іудейскіе торговые люди вступили въ борьбу: въ то время, какъ земледѣльческое господствующее дворянство прежде всего тяготѣло къ древней религіи, миссіонеры іудейства нашли себѣ сочувствіе какъ разъ тамъ, гдѣ истинность своихъ обѣщаній они могли доказать своимъ собственнымъ примѣромъ: они встрѣтили это сочувствіе у той части населенія, которая занималась торговлей и промыслами. Слѣдовательно, городское населеніе, которое приняло іудейство, должно было быть въ антагонизмѣ съ дворянствомъ. Это населеніе, опираясь на іудейство, получило новыя силы; землевладѣльческое дворянство все болѣе и болѣе теряло во вліяніи, по сравненію съ людьми торговыми, богатство и вліяніе которыхъ, наоборотъ, росли. Въ концѣ концовъ, царская власть, какъ напр. и въ Адіабенѣ (стр. 204), оказалась вынужденной, мирнымъ ли путемъ или же благодаря насильственному перевороту, идти рука-объ-руку, вмѣсто дворянства, съ „буржуазіей“ и принять іудейскую религію; это значитъ: организація образовавшагося, благодаря химьяритскому завоеванію, феодальнаго государства превратилась въ организацію государства торговаго гражданства. Благодаря этой новой организаціи, Іеменъ получилъ возможность прогнать изъ страны абиссинцевъ. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій стали теперь господствовать іудейскіе властелины, въ качествѣ „царей Сабы“.

Но эта самостоятельность не служила интересамъ крупныхъ государствъ. Попытка римлянъ, при Августѣ, овладѣть Іеменомъ произошла уже во время безсилія химьяритовъ; однако и она окончилась неудачно. Іудейство содѣйствовало новому усиленію: теперь одной духовной силѣ слѣдовало противопоставить другую духовную силу, и таковой явилось христіанство. Также и господство іудейства въ Іеменѣ имѣло свои отрицательныя стороны и должно было пасть. Христіанство, эта религія бѣдныхъ, которая шла ему во слѣдъ, могло найти здѣсь благодатную почву. Какъ нѣкогда іудейство служило знаменемъ, подъ которымъ, въ борьбѣ противъ господствующаго класса, уже неспособнаго выполнять своихъ задачъ, собрались всѣ жизнеспособные элементы народа, такъ теперь подъ знаменемъ креста собрались всѣ тѣ, которые были исключены изъ господства.

Христіанскія легенды о святыхъ сообщаютъ объ ужасныхъ человѣческихъ жертвахъ, какихъ стоило движеніе противъ господствующаго класса. Несмотря на все рвеніе христіанъ въ культурныхъ странахъ, движеніе это не могло собственными силами одержать побѣду. Такимъ образомъ пришлось прибѣгать къ окольнымъ путямъ. Приблизительно съ четвертаго вѣка Абиссинія была завоевана для христіанства изъ Египта. Отношенія временъ Птолемеевъ были снова возстановлены и поддерживались церковью, такъ какъ Абиссинія всегда получала своего епископа отъ патріарха въ Александріи. Такъ какъ Египетъ былъ византійскимъ, то цари Абиссиніи находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Византійскимъ дворомъ, и тѣ и другіе стремились овладѣть сокровищами въ Іеменѣ. Такъ какъ въ Византіи не позабыли о полученномъ нѣкогда Августомъ урокѣ, то цѣли можно было достигнуть только при помощи прежнихъ, изгнанныхъ іудействомъ, завоевателей: старались побудить ихъ къ новому нападенію. Въ 525 г. пало іудейско-савейское государство, послѣ храбраго сопротивленія со стороны послѣдняго іудейскаго царя Іосифа ду Нуасъ, котораго христіанскія легенды о мученикахъ изображаютъ какимъ то чудовищемъ, но который оцѣнивается лучше въ неясномъ въ иныхъ отношеніяхъ ислам-

скомъ преданіи. Іеменъ снова сдѣлался абиссинскимъ и находился подъ управленіемъ абиссинскаго вице-царя, который впрочемъ былъ очень самостоятеленъ. Преданіе знаетъ четырехъ вице - царей, объ одномъ изъ которыхъ свидѣтельствуютъ надписи. Этотъ порядокъ длился приблизительно семьсотъ лѣтъ.

Іудейское царство было такимъ образомъ низвергнуто, но старое дворянство еще не было уничтожено. Естественно, что оно возлагало свои надежды на противниковъ византійцевъ, персовъ. Одинъ потомокъ дворянскихъ фамилій отправился прежде всего въ Вавилонію и затѣмъ къ персидскому двору, чтобы получить оттуда помощь. Хосрой Ануширванъ, дѣйствительно, снарядилъ экспедицію; она отправилась въ Аравію и изгнала оттуда абиссинцевъ (около 575 г.). Іеменъ сталъ персидскимъ вассальнымъ владѣніемъ, а затѣмъ вообще провинціей, подъ управленіемъ персидскаго намѣстника. Такимъ образомъ, христіанство и Византія были оттѣснены здѣсь. Благодаря этому, подъ персидскимъ господствомъ еще разъ старое дворянство и язычество достигли на короткое время возрожденія, пока приблизительно спустя полвѣка не осуществилось великое объединеніе всей Аравіи подъ главенствомъ ислама.

Также и при возникновеніи власти Мухаммеда можно замѣтить дѣйствующіе въ этихъ отношеніяхъ антагонизмы: тѣ нити, которыя тянутся до Византіи и до двора Сассанидовъ, можно замѣтить также и въ Меккѣ. Дворянство Мекки, которое господствуетъ надъ торговлей важной караванной станціи, находится въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Іемену. Еще вглубь исламской эпохи можно замѣтить это на противоположности между южными и сѣверными арабами (стр. 233): первые идутъ рука-объ-руку съ фамиліей Абу Суфьяна (стр. 238), вождя меккской дворянской партіи, изъ дома котораго происходятъ Омейяды; а Мухаммедъ послѣ того, какъ онъ не нашелъ помощи у іудейства, ищетъ опоры противъ этой, поддерживаемой іеменскимъ язычествомъ, партіи у абиссинцевъ, которые тогда еще имѣли владѣнія на Аравійскомъ берегу. Лишь послѣ того, какъ онъ въ истинно арабскомъ духѣ посредствомъ разбоя создалъ себѣ въ Мединѣ власть, онъ разрываетъ съ христіанствомъ и дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ. Но все же, несмотря на завоевателя и его бандитовъ, продолжаютъ существовать старыя культурныя силы и культурныя противоположности. Партія дворянства достигаетъ трона; и противоположность между сѣверной и южной Аравіей, между Кельбомъ и Кайсомъ, снова выступаетъ на свѣтъ Божій въ исторіи ближайшихъ столѣтій.

II. Западная Азія въ эпоху ислама.

Д-ра **Генриха Шурца.**

1. Мухаммедъ и возникновеніе ислама.

А. **Аравія: страна и люди.**

Въ то время, когда въ сѣверныхъ областяхъ Западной Азіи возникали и исчезали грандіозныя государства, когда персы учреждали здѣсь свою міровую державу, когда вслѣдъ за тѣмъ здѣсь появилась имперія Александра Великаго, когда наконецъ побѣдоносный римскій орелъ распростиралъ свои крылья надъ Малой Азіей и Сиріей, массивный Аравійскій полуостровъ оставался въ сторонѣ отъ исторической сцены подъ вѣрной защитой песчаныхъ пустынь и дикихъ горныхъ кряжей: бѣдная, но свободная страна, не привлекавшая ничьего вниманія и не внушавшая страха. Конечно, вездѣ, гдѣ безводное въ сердцѣ страны плоскогорье спускается уступами къ морю и вѣтры могутъ осаждать свою влагу, попадаются плодородныя полосы, а на юго-западѣ, до котораго доносится болѣе свѣжее дыханіе Индійскаго океана, лежатъ воздѣланныя области „счастливой Аравіи“. Но эти плодоносныя мѣстности на западномъ и восточномъ берегу, къ которымъ нужно еще причислить на самомъ плоскогорьѣ центральную область Недждъ, слишкомъ незначительны, чтобы увлечь чужеземнаго завоевателя въ походъ по знойнымъ пустынямъ; а богатый Іеменъ лежитъ совершенно въ сторонѣ отъ путей всемірныхъ завоевателей. Скудной природѣ страны соотвѣтствуетъ и незначительность населенія; разсѣянное по обширнымъ областямъ, оно въ теченіе долгаго времени казалось не заслуживающимъ серьезнаго вниманія.

И все-таки странно, что такая степная и пустынная страна, какъ Аравія, такъ долго не оказывала рѣшительнаго воздѣйствія на плодоносныя сосѣднія страны. Вообще тамъ, гдѣ подвижный обитатель степи живетъ по сосѣдству съ земледѣльческими мѣстностями и богатыми поселеніями, заманчивая добыча раньше или позже увлекаетъ его къ нападенію. Возможно, что смѣлыя попытки въ теченіе нѣкотораго времени остаются безуспѣшными, но приходитъ наконецъ время, когда внутреннія усобицы или распущенность ослабляютъ силу народа, подвергающагося нападенію, и передаютъ господство сынамъ степи. Исторія Китая полна войнами съ обитателями пустыни, монголами и турками; исторія Персіи сообщаетъ о такихъ же войнахъ, и еще въ средніе вѣка орды кочевниковъ внутренней Азіи проникаютъ въ Западную Азію и Восточную Европу. Тотъ фактъ, что изъ Аравіи сравнительно поздно, но зато, правда, тѣмъ стремительнѣе послѣдовало нападеніе, въ значительной мѣрѣ объясняется свойствами характера арабскаго народа.

Въ населеніи Аравіи существуетъ глубокая рознь, которая проистекаетъ изъ характера занятій и хозяйственной жизни и едва стирается даже въ періодъ завоеваній. Свободный номадъ, бедуинъ, который подъ легкимъ шатромъ живетъ у пастбищъ пустыни, все богатство котораго въ

его стадахъ, съ презрѣніемъ и враждой относится къ земледѣльцу, который обработываетъ рѣдкія плодородныя мѣстности полуострова, подобно рабу, тянетъ плугъ и толпится въ городахъ вмѣстѣ съ рабочими и презрѣнной чернью; но горожанинъ, который своимъ образованіемъ и численностью превосходитъ бедуина, платитъ степному разбойнику не меньшей ненавистью. И все-таки Аравія можетъ только тогда съ успѣхомъ подчинять себѣ другія страны, когда оба элемента ея населенія забываютъ свою вражду, когда высшая сила приводитъ ихъ къ единенію.

Бедуины не могутъ создать никакой объединяющей силы; всѣ ихъ привычки идутъ къ разъединенію. Скудная природа страны мѣшаетъ имъ соединяться въ большія группы. Живое племенное чувство, которое по силѣ превосходитъ всѣ остальныя чувства и склонности, препятствуетъ образованію понятія единной народности; постоянныя ссоры обостряютъ противоположности и стоятъ на пути всякому дружескому соглашенію. Незначительна даже возможность, что когда-нибудь сабля честолюбиваго и властолюбиваго героя соединитъ разрозненныя племена; вѣдь при всякой попыткѣ въ этомъ родѣ нужно было считаться съ чувствомъ собственнаго достоинства, очень развитымъ у бедуина, которому незнакома рабская покорность, и съ преобладаніемъ общихъ племенныхъ интересовъ, передъ которыми личность исчезаетъ. До временъ Мухаммеда ни одному бедуину не могла прійти мысль воспользоваться въ качествѣ связующаго звена религіей и порождаемымъ ею фанатизмомъ. Безъ сомнѣнія, у немногихъ народностей западной Азіи религіозныя чувства такъ сильно отступаютъ на задній планъ, какъ у обитателей аравійскихъ степей. Въ этомъ отношеніи они представляютъ замѣчательную противоположность своимъ семитскимъ родичамъ по племени въ Палестинѣ, іудеямъ, и тому древнему семитскому населенію Вавилоніи, которое, повидимому, именно благодаря своему высокому религіозному развитію пріобрѣло въ странахъ сумерійской культуры вліяніе и наконецъ добилось преобладанія (см. выше, стр. 40). Въ Аравіи не было и рѣчи о разработанной миѳологіи. Можно доказать существованіе только культа грубыхъ идоловъ, восходящаго, вѣроятно, къ культу предковъ, поклоненія извѣстнымъ свѣтиламъ, деревьямъ, камнямъ, и на ряду съ этимъ смутной вѣры въ высшее существо, Аллаха. Еще и теперь истый бедуинъ крайне нерадивъ въ дѣлахъ вѣры и всего менѣе отличается фанатизмомъ; запрещенія и постановленія корана врядъ ли, какъ кажется, существуютъ для него.

Это незначительное развитіе религіознаго чувства, этотъ ничему не поддающійся индифферентизмъ является слѣдствіемъ другой особенности араба, скудости его воображенія, положившей, безспорно, свою печать и на позднѣйшую арабскую культуру. Пылкія страсти, склонность къ романтической необузданности, наконецъ искусство блестящей діалектики легко скрываютъ въ арабѣ недостатокъ творческой силы духа, которая является драгоцѣннѣйшимъ свойствомъ арійскихъ народовъ Европы, украшаетъ ихъ жизнь и даетъ залогъ ихъ постояннаго прогресса. Здѣсь лежитъ сокровеннѣйшая разъединяющая граница, отдѣляющая западъ отъ востока: съ одной стороны, безпокойная, въ вѣчно возобновляющемся стремленіи къ земной власти и вѣчной истинѣ пожирающая самое себя Европа, страна изобрѣтеній и открытій, безграничнаго прогресса, колебаній между гордостью побѣды и отчаяніемъ; съ другой стороны—мусульманскій востокъ въ своемъ нерушимомъ покоѣ и самодовольствѣ, который знаетъ трудъ и борьбу не ради нихъ самихъ, а только какъ средство достичь чувственныхъ удовольствій и безпрерывныхъ радостей жизни, страна мечты, но не творческой мечты, которая зоветъ на подвиги, а грезъ, представляющихъ только отзвукъ испытанныхъ наслажденій. И востокъ, въ особенности степные арабы, скрываетъ подъ романтическимъ покровомъ трезвую сухость, непреодолимую для него. Единственное искусство, которое принялось въ пустынѣ, — поэзія — не

похоже на наше. Арабскій поэтъ никогда не обнаруживаетъ того свободнаго, полнаго фантазіи вымысла, который, кромѣ европейца, знаютъ арійцы-индусы и персы. Дѣйствительность крѣпко держитъ его; представить ее въ смѣлыхъ сравненіяхъ и образахъ—вотъ его высшая слава; искусство обращаться съ ритмомъ и риѳмой—самое необходимое свойство для поэта. Сила арабскаго духа лежитъ въ діалектикѣ, и по этой же дорогѣ движется и поэзія. Поэтъ—борецъ въ духовной сферѣ; съ остроумными сравненіями и образами, съ сатирической игрой словъ онъ нападаетъ на своего врага и на врага своего племени; торжественно онъ воспѣваетъ славу своего народа и то похвалой, то насмѣшкой зоветъ воиновъ къ геройскимъ дѣламъ. Въ этомъ смыслѣ поэзія въ эпоху Мухаммеда была почти общимъ достояніемъ арабовъ и честолюбцу была необходима такъ же, какъ мечъ и копье; этотъ расцвѣтъ поэзіи бедуиновъ, который уже означалъ шагъ къ позднѣйшему объединенію всего арабскаго народа, начался только за столѣтіе до рожденія Мухаммеда.

Б. **Мухаммедъ.**

Среди народа, подобнаго кочующимъ бедуинамъ, нельзя было возникнуть большому, все увлекающему, духовному движенію; и однако только такое могло сдѣлать арабскій міръ грозой для сосѣдей. Матеріальныя условія движенія были даны. Въ теченіе столѣтій арабскія племена вливались въ степи Сиріи и Месопотаміи; и все увеличивающееся запустѣніе этихъ старыхъ культурныхъ странъ способствовало ихъ распространенію. На Евфратѣ, Тигрѣ, Іорданѣ, вездѣ стояли ихъ форпосты — кочующія, а по временамъ разбойничающія орды, незначительныя на первый взглядъ, но грозныя, когда чей-либо мощный кулакъ стягивалъ ихъ въ одну все разрушающую массу. Онѣ не оставались непричастными къ культурѣ своихъ новыхъ селеній. Іудейская и христіанская пропаганда дѣлала среди нихъ успѣхи, какъ и въ Іеменѣ послѣ іудейскихъ князей въ теченіе нѣкотораго времени господствовали абиссинскіе христіане; казалось вполнѣ возможнымъ, что эти вліянія современемъ усилятся, и въ концѣ концовъ арабскій міръ будетъ стремиться къ болѣе тѣсному сближенію съ западной культурой. Но этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Въ томъ единственномъ мѣстѣ, которое могло считаться въ нѣкоторомъ родѣ центромъ арабскаго міра, началось движеніе, сначала только религіозное, но вскорѣ ставшее національнымъ, движеніе, которое призвало народъ Аравіи къ господству надъ западной Азіей въ теченіе столѣтій. Этимъ центромъ была Мекка, и вождемъ движенія—Мухаммедъ.

а) Мекка и Медина.

Происхожденіе ислама тѣснѣйшимъ образомъ связано съ природой и исторіей двухъ городовъ, лежащихъ на уступахъ плоскогорья Западной Аравіи: одинъ—Мекка, не очень далеко отъ моря, другой—Медина, дальше въ глубь страны и ближе къ плоскогорью; между ними во всемъ совершенная противоположность, и они уже по своей природѣ предназначены къ соперничеству. Только въ Меккѣ могло возникнуть ученіе Мухаммеда, и только благодаря естественной враждѣ между Меккой и Мединой оно могло спастись отъ гибели.

Мекка была Римомъ Аравіи, центромъ слабо пульсирующей религіозной жизни языческихъ племенъ. Въ пустынной, сожженной лучами солнца долинѣ, которую только рѣдко орошаетъ внезапный опустошительный ливень, находится древняя святыня, кубической формы храмъ Кааба, въ которомъ хранится „черный камень“, метеоритъ. Позднѣйшее, принятое Мухаммедомъ сказаніе считаетъ храмъ древнѣйшимъ домомъ Бога, который былъ построенъ или послѣ потопа возстановленъ Авраамомъ. Въ теченіе

долгаго времени это священное мѣсто, подобно многимъ другимъ, посѣщалось, можетъ быть, только случайно жившими окрестъ бедуинами, до тѣхъ поръ, пока здѣсь не возникло небольшое поселеніе, которое было возможно въ этой безводной мѣстности, вѣроятно, благодаря открытію здѣсь источника Земземъ. Этотъ источникъ, ставшій впослѣдствіи великой святыней міра ислама, въ настоящее время, правда, даетъ воду, годную для питья, но сильно попорченъ минеральными элементами. Быть-можетъ, вначалѣ онъ имѣлъ славу цѣлебнаго источника. Но возможно также, что только теперь, когда источникъ кругомъ окруженъ городомъ, произошли отложенія и въ водѣ появились чуждыя примѣси, составъ которыхъ очень измѣнчивъ.

Въ серединѣ V столѣтія до Р. Х. племя корейшитовъ, отрасль бедуинскаго племени Кинâна, подъ предводительствомъ Косая захватило въ свои руки надзоръ за святилищемъ и поселилось вокругъ Каабы, которая уже давно сдѣлалась мѣстомъ паломничества многихъ арабскихъ племенъ. Изъ этого безпокойнаго, хищническаго бедуинскаго племени постепенно вышло то населеніе, которое извлекало большія выгоды, оказывая гостепріимство паломникамъ, и которое своимъ кочевническимъ привычкамъ сумѣло найти полезное примѣненіе въ торговомъ дѣлѣ. Обстоятельства благопріятствовали дальнѣйшему процвѣтанію города. Путешествія паломниковъ въ Каабу, въ которой 360 родовъ поставили свои родовыя святыни подъ защиту чернаго камня, очень скоро повели къ тому, что нѣсколько мѣсяцевъ года (первый, седьмой, одиннадцатый и двѣнадцатый) стали считаться священными мѣсяцами: въ это время всѣ распри должны были стихать, и пилигримы могли безопасно совершать свой путь къ священнымъ мѣстамъ; въ это время являлась возможность торговыхъ сношеній и духовнаго взаимодѣйствія для разрозненныхъ племенъ. Задолго до основанія Мекки, паломники собирались въ святое время въ опредѣленныхъ мѣстахъ, чтобы здѣсь обмѣниваться не только предметами торговли, но и духовными пріобрѣтеніями. Въ Оказѣ происходила знаменитая ярмарка. Если процвѣтаніе Мекки и наносило ущербъ здѣшней торговлѣ, то сюда еще въ дни Мухаммеда стекались со всѣхъ аравійскихъ племенъ храбрѣйшіе и краснорѣчивѣйшіе, чтобы декламировать свои стихотворенія, въ благородномъ соревнованіи пѣть славу своего племени и подвиги своихъ соотечественниковъ или добиваться награды за пылкіе любовные стихи; старѣйшины племени подъ предсѣдательствомъ царя поэтовъ были судьями въ этомъ состязаніи, которое въ мѣсяцы мира смѣняло кровавыя ссоры; ихъ рѣшенія съ нетерпѣніемъ ждала вся Аравія.

Такимъ-то образомъ въ мѣсяцы паломничества вниманіе всего полуострова было обращено на область священныхъ центровъ; кромѣ Мекки обыкновенно посѣщали и нѣкоторые другіе. Но когда впослѣдствіи городъ Мекка собралъ всѣ лучи въ одномъ фокусѣ, когда сами обыватели воспользовались благопріятными обстоятельствами и нажили торговлей значительныя богатства, тогда Мекка на самомъ дѣлѣ стала сердцемъ Аравіи, единственнымъ пунктомъ, изъ котораго могло и должно было выйти объединеніе крайне разрозненнаго арабскаго народа. По нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что съ теченіемъ времени монотеистическая религія, іудейская или христіанская, постепенно обосновалась бы въ священномъ мѣстѣ и придала бы паломничествамъ, не уничтожая ихъ, новое содержаніе. То обстоятельство, что этого не произошло и что вмѣсто чуждой вѣры въ Меккѣ развилась выросшая изъ чужеземныхъ вліяній, но по своему существу настоящая арабская религія, это обстоятельство было причиной того рѣзкаго переворота, который отдалъ въ руки безсильныхъ сначала арабовъ власть надъ огромнымъ государствомъ.

Совершенно другую физіономію имѣлъ городъ Медина; самый глубокій антагонизмъ арабской жизни, антагонизмъ между кочевникомъ и земледѣльцемъ, точно воплотился въ этихъ двухъ городахъ. Мекка была по-

селеніемъ, которое основали бедуины въ безплодной мѣстности; у ея обитателей къ прежнему бедуинскому высокомѣрію присоединилось еще горделивое сознаніе, что имъ принадлежитъ охрана святыни, и хвастовство своими быстро растущими богатствами. Они не были горожанами обычнаго типа, но все еще принадлежали къ той племенной группѣ, которая первоначально включала настоящихъ кочевниковъ и является въ исторіи подъ названіемъ ма'аддитовъ. Мединцы наоборотъ представляли часть враждебной группы осѣдлыхъ арабовъ, іеменитовъ, какъ они назывались по важнѣйшей области своихъ поселеній. Округъ Медины былъ богатый источниками оазисъ на внутреннемъ уступѣ плоскогорья, обильно орошаемый съ окрестныхъ горъ, съ довольно плодородной почвой, которая приносила лучшіе финики во всей Аравіи и во многихъ мѣстахъ была пригодна для культуры ячменя и пшеницы. Эта плодородная страна искони представляла богатство города и обусловливала его существованіе; мединцы были трудолюбивыми крестьянами, которые сами шли за плугомъ, орошали свои финиковыя рощи и очень мало занимались скотоводствомъ и торговлей. За этой чисто матеріальной противоположностью мекканцамъ выступала и другая, духовная, обострявшая антагонизмъ. Нѣсколько осѣвшихъ по сосѣдству съ Мединой арабскихъ племенъ обратилось въ іудейство; и хотя главная масса мединскаго населенія все еще держалась своихъ старыхъ анимистическихъ вѣрованій и принимала участіе въ паломничествѣ въ Мекку, все-таки ревнивые въ благочестіи мекканцы относились съ тѣмъ большей подозрительностью къ сосѣднему городу, что даже въ своей средѣ находили слѣды іудейской пропаганды. Правда, мединцы оказывались истыми арабами хотя бы въ томъ, что между двумя главными племенами, населявшими городъ, происходили частыя распри, дѣлавшія невозможнымъ согласный образъ дѣйствій; только вліяніе Мухаммеда прекратило эту вражду, что уже предвѣщало будущее объединеніе Аравіи.

Начавшееся съ появленіемъ Мухаммеда религіозное воинственное движеніе сводилось первоначально къ борьбѣ этихъ двухъ городовъ, причемъ настоящіе бедуины оставались только зрителями-разбойниками или же появлялись на сценѣ, какъ вспомогательныя силы, но никогда не брали въ свои руки рѣшенія вопроса. Отчасти это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что вся высшая интеллигенція объединялась въ городахъ, которые поэтому должны были сдѣлаться духовными вождями страны; но также важно принять во вниманіе число ихъ обитателей, которое современнымъ европейцамъ покажется просто до смѣшного незначительнымъ, но по отношенію къ разъединеннымъ ордамъ бедуинъ оно обезпечивало за тѣсно сплоченными горожанами безусловное преобладаніе. Судя по численности ополченія, которое при нападеніи мекканцевъ собралось подъ знаменами Мухаммеда, населеніе Медины и непосредственно примыкавшаго къ ней округа едва ли превосходило 16,000; это приблизительно соотвѣтствуетъ тому числу, которое можетъ прокормить годная для обработки земля города; и въ наше время, несмотря на выгоды паломническихъ каравановъ, въ этомъ городѣ едва ли наберется болѣе 20,000 жителей. Мекка, которая даже въ то время была обязана своимъ существованіемъ исключительнымъ обстоятельствамъ, повидимому, была населена немного больше. Изъ другихъ городовъ Хиджаза, повидимому, только Таифъ на юго-востокъ отъ Мекки еще имѣлъ нѣкоторое значеніе. Сначала онъ даже былъ выбранъ Мухаммедомъ, какъ мѣсто убѣжища, вмѣсто Медины; но его планъ не удался, благодаря враждебному отношенію обитателей Таифа.

б) Пророкъ.

Мухаммедъ родился приблизительно въ 570 г. По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ одной изъ имёнитѣйшихъ фамилій меккан-

ской знати; но въ это время родъ Мухаммеда пришелъ въ упадокъ и обѣднѣлъ. Отецъ Мухаммеда Абдаллахъ, умершій черезъ два мѣсяца послѣ рожденія сына, оставилъ послѣ себя очень скромное состояніе; а когда спустя нѣсколько лѣтъ умерла и мать будущаго пророка, Амина, мальчикъ остался на попеченіи своихъ родственниковъ, изъ которыхъ лучше всѣхъ относился къ нему его дядя Абу-Талибъ. Долгое время Мухаммеду не удавалось добиться болѣе благопріятныхъ условій жизни. Онъ былъ и пастухомъ и, повидимому, занималъ сначала очень скромное мѣсто, когда позже поступилъ на службу къ богатой купеческой вдовѣ Хадиджѣ. По вопросу о болѣе раннихъ коммерческихъ путешествіяхъ Мухаммеда въ Сирію и южную Аравію въ обществѣ дядей мнѣнія расходятся, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ 25 года своей жизни онъ совершилъ по порученію Хадиджи нѣсколько караванныхъ путешествій, которыя, можетъ быть, дали ему возможность сходиться съ поклонниками болѣе развитыхъ религій. Но главнѣйшіе мотивы своего ученія Мухаммедъ, по всей вѣроятности, нашелъ въ самой Меккѣ, гдѣ не было недостатка въ іудеяхъ-прозелитахъ, и куда торговцы и рабы изъ южной Аравіи и Эѳіопіи заносили сѣмена христіанства, конечно въ очень искаженной формѣ. И какъ купецъ, Мухаммедъ, у котораго не хватало нѣкоторыхъ необходимыхъ свойствъ, не могъ, повидимому, удачно устроиться до тѣхъ поръ, пока неожиданное событіе не освободило его отъ матеріальныхъ заботъ: хотя Хадиджа и была значительно старше Мухаммеда, но выбрала его въ свои мужья и, несмотря на противодѣйствіе родни, привела въ исполненіе свое намѣреніе. Съ этихъ поръ до сорока лѣтъ Мухаммедъ жилъ въ Меккѣ, какъ мирный буржуа; при его управленіи имущество Хадиджи, повидимому, не умножилось. Какъ мало въ это время онъ думалъ о борьбѣ съ арабскимъ многобожіемъ, видно уже изъ того обстоятельства, что одному изъ сыновей онъ далъ имя Абдъ-Менâфа, т.-е. раба (идола) Менâфа. Здѣсь кстати отмѣчается, что многочисленныя дѣти, которыхъ имѣлъ Мухаммедъ отъ своихъ женъ, всѣ за исключеніемъ одной дочери умерли до его смерти и въ исторіи ислама не имѣютъ никакого значенія.

Тѣмъ временемъ въ Мухаммедѣ, мечтательный умъ котораго съ жадностью воспринималъ и разработывалъ іудейскія и христіанскія впечатлѣнія, укоренялось сознаніе, что онъ призванъ уничтожить арабское служеніе идоламъ, превратить въ храмъ единаго Бога Каабу, которой онъ, какъ истый мекканецъ, поклонялся съ непоколебимой вѣрой, и изъ случайно ставшихъ ему извѣстными отрывковъ іудейскаго и христіанскаго ученій создать новое, приспособленное къ лишенному фантазіи арабскому духу религіозное ученіе— чистый монотеизмъ. Его дѣятельность была направлена скорѣе на упрощеніе и діалектическое обоснованіе даннаго, чѣмъ на творческое созиданіе, на которое онъ, какъ всѣ арабы, былъ неспособенъ. Его ученіе въ цѣломъ сухо и ясно, какъ воздухъ пустыни; но всѣ фантастическіе разсказы о путешествіяхъ Мухаммеда въ блаженныя мѣста рая, объ ужасахъ ада, являются смутнымъ отголоскомъ разсказовъ и миѳовъ другихъ народовъ, которые Мухаммедъ принялъ отчасти для того, чтобы дать корану до извѣстной степени историческую основу, въ родѣ той, которая есть въ Ветхомъ Завѣтѣ. Любопытны насмѣшливыя утвержденія невѣрныхъ мекканцевъ, будто видѣнія Мухаммеда только неискусныя подражанія тѣмъ сказочнымъ персидскимъ исторіямъ, которыя позже составили ядро собранія „Тысячи и одной ночи“ и уже въ то время проникли въ Аравію. Въ остальномъ откровенія пророка большею частью касаются предметовъ практическаго обихода и буржуазной морали; на дѣлѣ простое нравственное ученіе корана — лучшая и важнѣйшая по своимъ послѣдствіямъ часть мусульманскаго вѣроученія.

Когда Мухаммедъ на сороковомъ году жизни имѣлъ рѣшительное видѣніе, въ которомъ архангелъ Гавріилъ открылъ ему его миссію, часть мек-

канскаго населенія. благодаря сношеніямъ съ іудеями и христіанами, была уже приготовлена къ религіознымъ реформамъ; но личность новаго пророка вначалѣ внушала мало довѣрія. Его родъ — важнѣйшій фактъ въ жизни каждаго араба — правда, имѣлъ хорошую славу, но въ это время обѣднѣлъ. У самого Мухаммеда при импонирующей наружности и доброжелательномъ характерѣ не хватало тѣхъ качествъ, которыя производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе на арабовъ: онъ былъ плохой поэтъ, а какъ мало онъ могъ прославлять себя за воинскія доблести, достаточно показали послѣдовавшія событія. „Развѣ Богъ не могъ послать пророка получше тебя?" — говорили ему, когда онъ выступилъ въ первый разъ въ Таифѣ. Своей окончательной побѣдой онъ обязанъ единственно мистическому настроенію своей души, которое въ своей основѣ можно свести на физическое страданіе, въ родѣ эпилепсіи. Самъ Мухаммедъ, несомнѣнно, съ искреннимъ убѣжденіемъ принималъ это настроеніе, какъ ниспосланное небомъ, и въ этомъ смыслѣ объявлялъ о немъ. Онъ первый повѣрилъ въ свои призраки и видѣнія, въ которыхъ пластически воплощались его мечтательныя размышленія о правой вѣрѣ. При помощи постовъ и длившихся цѣлые часы молитвъ онъ умѣлъ приводить себя въ такое состояніе, изъ котораго его слабая сама по себѣ природа черпала упорство и непоколебимую увѣренность; эти свойства дѣлали его неотразимымъ и всегда собирали подъ его знамена новыхъ приверженцевъ. Въ началѣ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо сознательномъ обманѣ, но потомъ внутреннему голосу довольно часто приходилось удивительнымъ образомъ приспособляться къ внѣшнимъ видамъ пророка; при этомъ онъ попадалъ часто въ очень непріятное положеніе, отказываясь отъ своихъ собственныхъ изреченій. Но было бы все-таки несправедливо видѣть въ Мухаммедѣ позднѣйшей эпохи отъявленнаго обманщика. Въ это время онъ былъ не пророкомъ только, а повелителемъ мірского, все растущаго царства; и измѣнчивыя злобы дня заставляли его наполовину безсознательно допускать смѣшеніе искренности и притворства. Такое смѣшеніе у всѣхъ вождей массы въ концѣ концовъ становится второй природой. Его видѣнія и позже сопровождались серьезными припадками, которые ему трудно было бы симулировать. Его жена Аиша разсказываетъ объ одномъ такомъ припадкѣ: „Внезапно Божій посланникъ потерялъ сознаніе, какъ это обыкновенно бывало при откровеніи; покрыли его его одеждой и положили ему подъ голову кожаную подушку... Когда наконецъ Мухаммедъ пришелъ въ себя, онъ сѣлъ прямо и вытеръ капли пота на своемъ челѣ, которыя катились какъ перлы, хотя это было въ зимній день".

Кожаная, набитая пальмовыми нитями подушка часто упоминается, какъ важная часть домашняго скарба пророка, какъ признакъ его простоты или вѣрнѣе скудости, въ которой онъ жилъ добровольно до конца дней своихъ. На самомъ дѣлѣ у пророка совсѣмъ не было никакихъ потребностей, если не брать въ разсчетъ его необыкновенной чувственности, которая заставляла его постоянно увеличивать число своихъ женъ и приносила ему нѣкоторый позоръ. По счастью, арабы, какъ большинство восточныхъ народовъ, въ этомъ пунктѣ снисходительны. И въ то время, какъ простота въ пищѣ и питьѣ, которой они придаютъ гораздо больше значенія, чѣмъ сѣверные европейцы, всегда импонировала имъ, воздержаніе въ половыхъ отношеніяхъ или даже безбрачіе вызывали въ нихъ скорѣе подозрительность, чѣмъ довѣріе; мало симпатичны имъ и христіанскіе монахи.

в) Ученіе.

Когда Мухаммедъ выступилъ въ первый разъ, у него, конечно, не было готоваго ученія. Долгое время онъ нерѣшительно относился къ христіанству и іудейству (ни того, ни другого онъ основательно не зналъ) или считалъ ихъ ученія тождественными со своимъ; по чисто внѣшнимъ

соображеніямъ онъ нѣкоторое время даже былъ склоненъ признать главныхъ боговъ мекканцевъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то въ родѣ промежуточныхъ духовныхъ существъ; отъ этой уступки онъ, правда, скоро отказался. Въ дѣйствительности зерномъ его ученія съ самаго начала былъ чистый монотеизмъ, связанный съ несложнымъ, но производящимъ сильное впечатлѣніе ученіемъ о безсмертіи; безъ сомнѣнія, яркія описанія райскихъ радостей и адскихъ мукъ производили глубочайшее впечатлѣніе на арабскихъ язычниковъ, имѣвшихъ о будущей жизни крайне скудное представленіе. Со своими разсказами о видѣніяхъ Мухаммедъ теснѣйшимъ образомъ связывалъ свое нетрудное для выполненія нравственное ученіе и тѣ необходимыя обрядовыя постановленія, которыя прекрасно способствовали тому, чтобы держать его приверженцевъ въ постоянномъ напряженіи и вызывать среди нихъ сильное чувство солидарности. Благодаря этому ему удалось создать религію, которая по своей простотѣ и опредѣленности превосходно была приспособлена къ тому, чтобы привлечь мало цивилизованные народы и до нѣкоторой степени дисциплинировать ихъ. Коранъ, возникавшій мало-по-малу и ставшій прочной опорой религіознаго зданія, не былъ написанъ самимъ Мухаммедомъ; сомнительно даже, умѣлъ ли пророкъ писать; только послѣ его смерти отрывки были собраны въ одну книгу.

Въ своей семьѣ Мухаммедъ, котораго врожденная боязливость долго удерживала отъ открытаго выступленія, нашелъ своихъ первыхъ приверженцевъ. Его жена Хадиджа, его дочери и его племянникъ[1] Алій, потомъ его рабъ Зейдъ и, наконецъ, другъ пророка, честный Абу-Бекръ, были первыми обратившимися; впослѣдствіи къ нимъ примкнули и другіе прозелиты, какъ будущій халифъ Османъ и главное Омаръ, главный представитель боевой политики ислама. Только на четвертый или на пятый годъ послѣ своего перваго откровенія Мухаммедъ рѣшился проповѣдывать своимъ родичамъ, правда, съ крайне незначительнымъ успѣхомъ; однако, по арабскому обыкновенію, родъ или семья охраняли пророка, по крайней мѣрѣ, отъ побоевъ, которыми постоянно угрожали смѣлому новатору, который нападалъ на поклоненіе идоламъ и слѣдовательно боролся съ жизненнымъ нервомъ города. Тѣмъ хуже было положеніе большинства его приверженцевъ, которые набирались, по большей части, изъ нижайшихъ слоевъ общества и рабовъ, своимъ дерзкимъ выступленіемъ пробуждали въ мекканцахъ гнѣвъ и были, кажется, одной изъ причинъ, что знатныя сословія города относились къ ученію Мухаммеда холодно и пренебрежительно. На нѣкоторое время часть новообращенныхъ переселилась въ христіанскую Абиссинію, и это обстоятельство, быть можетъ, не осталось безъ вліянія на позднѣйшее ученіе и взгляды Мухаммеда. Самъ пророкъ, охраняемый отъ худшаго, находился все-таки въ непріятнѣйшемъ положеніи; особенно тяжелы были ему требованія насмѣшниковъ, чтобы онъ чудесами доказалъ свою миссію, или какъ-бы дружескія предложенія обратиться къ извѣстному врачу и полечиться отъ своего безумія. Смерть Хадиджи и его дяди Абу-Талиба сдѣлали, наконецъ, его положеніе невозможнымъ; онъ долженъ былъ подумать о городѣ, который могъ бы пріютить его, и населеніе котораго не относилось бы такъ враждебно къ его ученіямъ.

г) Бѣгство въ Медину.

Послѣ того, какъ исканія въ сосѣднемъ городѣ Таифѣ не увѣнчались успѣхомъ, выборъ Мухаммеда палъ на завистливаго соперника Мекки, городъ Ятрибъ, который позже получилъ отъ него названіе Медины. И изъ Ятриба, какъ и изъ большинства другихъ мѣстностей Аравіи, ежегодно направлялись паломники къ Каабѣ. Мухаммедъ, имѣвшій въ Мединѣ

---

[1] Алій былъ не племянникомъ, а двоюроднымъ братомъ пророка (сыномъ Абу-Талиба). Ред.

родственниковъ съ материнской стороны, вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми паломниками и нашелъ дружескій пріемъ у нихъ, которые благодаря іудейскому вліянію отчасти уже чуждались идолопоклонства и не находились, подобно мекканцамъ, подъ вліяніемъ корыстныхъ интересовъ, исключавшихъ безпристрастіе. Въ Мединѣ образовалась мусульманская община, которая вскорѣ далеко превзошла по численности мекканскую; наконецъ, самъ пророкъ принялъ рѣшеніе переселиться со своими наперсниками въ этотъ городъ, обыватели котораго прежде и ему, какъ всякому истому мекканцу, были ненавистны и подозрительны. Этимъ переселеніемъ былъ сдѣланъ первый большой шагъ къ объединенію арабскаго міра. Религія взяла верхъ надъ родовымъ и племеннымъ чувствомъ; и съ тѣхъ поръ, какъ ма'аддиты и іемениты стали рядомъ подъ знамена пророка, съ этихъ поръ начинается періодъ арабскаго мірового владычества. Мухаммедане правильно оцѣниваютъ значеніе этой эпохи, когда начинаютъ свое лѣтосчисленіе съ года бѣгства (622).

Число всѣхъ способныхъ носить оружіе эмигрантовъ, постепенно прибывавшихъ въ Медину, едва ли могло превысить сотню; но присоединеніе многихъ мединцевъ, которые становились подъ начало Мухаммеда, какъ „помощники“ (ансары), сразу увеличило его власть и должно было стать залогомъ окончательной побѣды, если только онъ искусно воспользуется раздробленностью вражескихъ силъ. Едва ли онъ могъ найти принципіальныхъ враговъ въ Мединѣ, но столь же мало могъ немедленно получить въ свое распоряженіе всѣ силы связанной только внѣшнимъ образомъ общины, которая не имѣла настоящаго главы. На первыхъ порахъ онъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что благодаря своему вліянію прекратилъ вражду двухъ племенъ, на которыя дѣлилось населеніе города, и, построивъ большую мечеть, создалъ первый центръ мусульманской религіозной жизни. Но ему не удались его попытки обратить въ новую вѣру окрестныя іудейскія племена, отъ которыхъ онъ ждалъ многаго; даже сдѣланная вначалѣ уступка, по которой молящіеся могли обращаться лицомъ не къ Меккѣ, а къ Іерусалиму, осталась безъ всякихъ результатовъ; наконецъ пророкъ преложилъ милость на гнѣвъ и рѣшился на уничтоженіе іудейскихъ племенъ.

д) Война съ Меккой.

На первыхъ порахъ война съ Меккой заняла все вниманіе Мухаммеда. Онъ долженъ былъ какой угодно цѣной подчинить Мекку, духовный центръ Аравіи, если хотѣлъ пріобрѣсти рѣшительное вліяніе на далеко разсѣянныя арабскія племена, которыя только на время паломничества въ Мекку за стѣнами священнаго города забывали свою вражду (стр 232). То обстоятельство, что искусственно созданная Мекка находилась въ зависимости отъ своей торговли и доставленія жизненныхъ средствъ, давало Мухаммеду возможность вполнѣ въ духѣ арабскихъ хищническихъ инстинктовъ тревожить своихъ невѣрныхъ соотечественниковъ разбоями и нападеніями на караваны и этимъ причинять имъ ущербъ. Сначала ему не очень повезло, и когда онъ рѣшился предпринять разбойничій набѣгъ въ одинъ изъ священныхъ мѣсяцевъ, онъ вызвалъ у своихъ приверженцевъ чувство негодованія, которое ему удалось успокоить только при помощи новыхъ откровеній. А когда Мухаммедъ попытался было отбить сирійскій караванъ корейшитовъ, онъ наткнулся на мекканское ополченіе, высланное для защиты торговаго транспорта. У источника Бедръ произошло кровопролитное сраженіе. Несмотря на свою сравнительную малочисленность правовѣрные побѣдили, и Мухаммедъ, который осторожно издалека слѣдилъ за битвой, отправилъ въ Медину богатую добычу и торжественное посольство съ вѣстью о побѣдѣ (624).

Почетъ и добыча, доставшіеся Мухаммеду послѣ сраженія при Бедрѣ,

съ этихъ поръ даютъ ему возможность рѣшительно упрочить свое положеніе въ Мединѣ и около нея и прежде всего расправиться съ окрестными іудейскими бедуинскими племенами, которыя никакъ не соглашались обратиться къ новой вѣрѣ. Сначала гнѣвъ пророка должно было испытать на себѣ племя Кейнукâ, которое могло выставить около 700 вооруженныхъ и владѣло сильной крѣпостью недалеко отъ Медины; напрасно ссылались они на то, что по договору находились подъ защитой одного изъ мединскихъ племенъ; они выговорили себѣ только свободное отступленіе въ Сирію, и всѣ ихъ владѣнія перешли къ мусульманамъ. Осенью 624 г. удалось, наконецъ, перехватить мекканскій караванъ, направлявшійся въ Вавилонію. Но уже весной слѣдующаго года въ Медину пришло тревожное извѣстіе о томъ, что корейшитское войско, подкрѣпленное нѣкоторыми бедуинскими племенами и считавшее въ своихъ рядахъ около 3000 человѣкъ, идетъ на городъ во главѣ съ именитымъ мекканцемъ Абу-Суфьяномъ, котораго его соотечественники молча признавали своимъ вождемъ. Говорили, что онъ твердо рѣшилъ омыть позоръ пораженія при Бедрѣ въ крови мусульманъ. Хотя Мухаммедъ рѣшилъ ждать грознаго нападенія за стѣнами города, но нетерпѣніе обывателей, которые смотрѣли, какъ опустошаютъ ихъ поля, скоро заставило его во главѣ 1000 вооруженныхъ выступить противъ мекканцевъ. У горы Охода пророкъ, котораго оставила часть его приверженцевъ при видѣ многочисленности непріятеля, встрѣтилъ врага. Сраженіе кончилось полнымъ пораженіемъ мусульманъ, и пророкъ, который въ своемъ двойномъ панцырѣ и желѣзномъ шлемѣ на этотъ разъ самъ рискнулъ кинуться въ свалку, только благодаря счастливому случаю спасся отъ плѣна. „Битва“ стоила жизни 70 правовѣрнымъ и 20 корейшитамъ, но, несмотря на незначительность результата, сильно поколебала ореолъ пророка. Мекканцы удовольствовались своимъ торжествомъ и сейчасъ же вернулись въ свой городъ.

Мухаммедъ, котораго въ это время постигли и другія напасти, попытался возстановить упавшее мужество своихъ сторонниковъ нападеніемъ на іудейское племя недыръ. Подъ незначительнымъ предлогомъ началъ онъ войну, и такъ какъ онъ самымъ неблагороднымъ образомъ приказалъ уничтожить фруктовыя деревья вражеской общины (у тогдашнихъ арабовъ это считалось неслыханнымъ злодѣяніемъ), то недыры должны были рѣшиться на переселеніе въ Сирію. Теперь пророкъ былъ въ состояніи наградить вѣрныхъ „участниковъ бѣгства“ (мухаджировъ) земельной собственностью; они имѣли время устроиться въ своихъ владѣніяхъ, такъ какъ на слѣдующій годъ по причинѣ необыкновенной засухи мекканцы не могли совершить задуманнаго ими похода. Но эта отсрочка дала только неутомимому Абу-Суфьяну возможность устроить опасный союзъ противъ Медины, въ которомъ приняли участіе даже бедуинскія племена внутренней Аравіи, отчасти подъ вліяніемъ вѣрнаго сознанія опасности, грозившей ихъ свободѣ, отчасти подъ вліяніемъ жаждавшихъ мести іудеевъ. Несомнѣнную пользу принесло корейшитамъ и религіозное вліяніе Мекки. Корейзе, послѣднее іудейское племя подъ Мединой, точно также приняло участіе въ союзѣ. На этотъ разъ намѣреніе Мухаммеда обороняться и охранять только городъ не встрѣтило противодѣйствія; единственная доступная сторона Медины, по совѣту одного персидскаго вольноотпущенника, была окопана широкимъ рвомъ; здѣсь сидѣлъ Мухаммедъ съ 3000 своего ополченія. Этого примитивнаго укрѣпленія, подобнаго которому въ средней Аравіи еще никто не видѣлъ, было совершенно достаточно для того, чтобы втрое сильнѣйшее вражеское войско отказалось отъ болѣе серьезныхъ попытокъ и при наступленіи зимы безславно отступило. Лишь только скрылись непріятельскія полчища, Мухаммедъ выступилъ и напалъ на іудейское племя корейзе, которое очень скоро было вынуждено покориться; на этотъ

разъ пророкъ приказалъ мужчинъ, около 700 человѣкъ, перебить, а женщинъ и дѣтей продать. Религіозный центръ Медины становится теперь силой, грозной для языческаго арабскаго міра, объединенныя силы котораго должны были отступить отъ мусульманскаго города.

Но Мухаммедъ въ глубинѣ своего сердца былъ и оставался мекканцемъ. Конечно, его цѣлью было содѣйствовать побѣдѣ чистаго ученія о Богѣ, но онъ прекрасно сознавалъ, что для будущности его дѣла гораздо лучше не разрушать данныхъ въ святилищѣ Мекки началъ общаго арабскаго культа, а дать имъ другое толкованіе и воспользоваться ими для своей цѣли. Изъ патріотическаго чувства онъ отступалъ передъ мыслью уничтожить Мекку и сдѣлать центромъ новой вѣры Медину, что само по себѣ казалось довольно естественнымъ. Этими соображеніями объясняется его всегдашнее стремленіе овладѣть Меккой мирнымъ путемъ и прежде всего добиться права принимать вмѣстѣ со своими мусульманами участіе въ общемъ паломничествѣ всѣхъ арабскихъ племенъ въ Каабу. Въ началѣ 628 г. въ мирный мѣсяцъ Мухаммедъ появился съ маленькимъ войскомъ подъ стѣнами враждебнаго ему родного города и потребовалъ допустить его къ святынѣ, на этотъ разъ безуспѣшно. Все-таки походъ далъ рѣшительные результаты: мекканцы, которыхъ утомили вѣчныя притѣсненія ихъ торговли, заключили съ пророкомъ миръ на десять лѣтъ и дали ему разрѣшеніе, подъ условіемъ отступленія отъ стѣнъ города, посѣтить въ будущемъ году со своими поклонниками Каабу Такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ мирному подчиненію Мекки, сломившій сопротивленіе гордыхъ корейшитовъ въ самомъ важномъ пунктѣ.

Мухаммедъ воспользовался перемиріемъ для дальнѣйшаго распространенія своего могущества. Была завоевана богатая, лежавшая въ оазисѣ въ 100 килом. къ сѣверу отъ Медины область Хейберъ, гдѣ нашла пристанище часть изгнанныхъ евреевъ; плодородная земля была подѣлена между приверженцами Мухаммеда, къ которымъ вновь присоединились выселившіеся въ Абиссинію. Съ этихъ поръ число вѣрующихъ постоянно увеличивалось, и все возраставшая гордость пророка нашла внѣшнее обнаруженіе въ томъ, что онъ счелъ моментъ подходящимъ для того, чтобы отправить всѣмъ значительнымъ властителямъ сосѣднихъ странъ письма, въ которыхъ онъ требовалъ отъ нихъ подчиненія ему и признанія ислама. Послы встрѣтили различный пріемъ, но призывъ къ исламу не нашелъ, понятно, отклика. Тѣмъ важнѣе для настоящаго момента оказалось то, что паломничество въ Мекку въ 629 г. дѣйствительно состоялось. Корейшиты на нѣсколько дней оставили городъ, въ которомъ Мухаммедъ совершилъ торжественные обряды, чтобы потомъ спокойно вернуться въ Медину. Все яснѣе и яснѣе становилось, что все возраставшей силѣ Мухаммеда никто въ Аравіи не могъ противостоять продолжительное время; бедуинскія племена покорялись ему одно за другимъ, и пророкъ уже обратилъ свои взоры на Сирію: арабскія племена, сидѣвшія здѣсь поблизости отъ греческаго государства, пріобрѣли лоскъ высшей культуры и кое-гдѣ объединились въ маленькія государства. Противъ одного изъ мелкихъ арабскихъ князьковъ къ югу отъ Мертваго моря было выслано войско, но оно при Мутѣ понесло тяжкое пораженіе, такъ какъ на помощь подвергшимся нападенію пришли греческія войска. Время завоеваній за предѣлами Аравіи еще не пришло.

А Мекка, какъ созрѣвшій плодъ, упала въ руки неутомимаго пророка безъ всякаго спора и борьбы. Незначительный случай далъ ему поводъ внезапно нарушить перемиріе, заключенное съ корейшитами; въ короткое время онъ собралъ изъ своихъ приверженцевъ необыкновенное по своимъ размѣрамъ для арабскихъ обычаевъ ополченіе и въ январѣ 630 г. появился передъ стѣнами города, застигнутаго врасплохъ. О сопротивленіи нельзя было и думать; очень скоро знатнѣйшіе мекканцы съ

мольбами о милости предстали передъ побѣдителемъ и произнесли обычную формулу, которой они признавали себя послѣдователями ислама. Нѣкоторыя разумныя соображенія и нерушимая любовь къ родинѣ заставили пророка поставить мягкія условія покорившимся. У предводителя мединцевъ, который съ криками радости провозглашалъ, что насталъ день мести и никто не получитъ пощады, Мухаммедъ сердито отнялъ знамя и приказалъ пощадить всѣхъ корейшитовъ за исключеніемъ нѣсколькихъ лично ему ненавистныхъ враговъ. Кааба раскрылась теперь передъ побѣдителемъ, который разбилъ своимъ посохомъ идоловъ и оставилъ на своемъ мѣстѣ только черный камень, служившій до нѣкоторой степени символомъ единаго Бога; толпами стекались сюда мекканцы, чтобы здѣсь произносить формулу исповѣданія вѣры и становиться въ ряды послѣдователей пророка. Теперь они могли уже сообразить, что Мухаммедъ имѣетъ въ виду не уничтоженіе, а возвышеніе священнаго города.

Съ захватомъ и очищеніемъ Каабы пророческая миссія Мухаммеда была закончена; было обезпечено дальнѣйшее существованіе его ученія, по меньшей мѣрѣ, въ Аравіи, такъ какъ Мухаммедъ центръ древне-аравійской религіозной жизни превратилъ теперь въ святыню новой вѣры; раньше или позже, но всѣ племена его народа должны были пристать къ нему, и даже его смерть не могла остановить движенія.

e) Послѣдніе успѣхи и смерть Мухаммеда

Послѣ паденія Мекки Мухаммедъ, теперь уже съ помощью мекканскаго ополченія, подчинилъ своей власти и окрестъ лежавшія мѣстности. Въ борьбѣ съ бедуинскимъ племенемъ хевазинцами, борьбѣ, исходъ которой долгое время былъ сомнительнымъ, корейшитскія полчища вели себя довольно двусмысленно, потому что у большинства мекканцевъ не было и мысли о настоящемъ обращеніи; но Мухаммедъ снова пристыдилъ своихъ старыхъ товарищей по племени своимъ великодушіемъ, когда при дѣлежѣ добычи онъ одарилъ ихъ щедрѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ участниковъ. Городъ Таифъ, который уже однажды причинилъ пророку обиду упорствомъ своихъ обитателей, и на этотъ разъ храбро противостоялъ всѣмъ нападеніямъ и требованіямъ; только въ слѣдующемъ году изолированное положеніе среди сосѣднихъ племенъ, принявшихъ исламъ, заставило жителей Таифа покориться. Ихъ послы всячески старались добиться отъ Мухаммеда особенно благопріятныхъ условій и выразили замѣчательное желаніе получить разрѣшеніе еще на годъ оставить свою богиню Лату и поклоняться ей. Пророкъ совсѣмъ ужъ было подписался подъ этими унизительными условіями, если бы только Омаръ, самый энергичный и пылкій его сторонникъ, не вмѣшался въ переговоры и не помѣшалъ заключенію позорнаго договора; жители Таифа не добились своего, и идолъ ихъ богини былъ разбитъ подъ жалобные вопли женщинъ и дѣтей.

Въ своей жизненной борьбѣ пророку приходилось отражать не только оружіе своихъ враговъ, но и сатирическія стрѣлы ихъ поэтовъ. А какъ тяжело задѣвали его нападенія этого рода, показываетъ смертный приговоръ, который онъ произнесъ при взятіи Мекки пѣвицѣ Сарѣ, разжигавшей ненависть корейшитовъ своими насмѣшливыми пѣснями. Дѣло иногда доходило даже до того, что состязаніе пѣвцовъ предшествовало обращенію того или другого племени. При этомъ за Мухаммеда, у котораго не хватало голоса и поэтическаго дара, должны были выступать лучшіе поэты изъ его приверженцевъ. Такое рѣдкое состязаніе имѣло мѣсто въ 630 г. Послы племени Бену-Тамина подошли къ жилищу пророка и формально вызвали его на поэтическое состязаніе. И когда пѣвцы Мухаммеда въ своихъ панегирикахъ превзошли ихъ напыщенностью и перекричали,

пристыженные послы воскликнули: „твой ораторъ лучше нашего, твой поэтъ выше насъ, и ихъ голоса громче нашихъ“. Они тотчасъ произнесли формулу признанія новой вѣры, и ихъ племя подчинилось пророку. Мало-по-малу всѣ пѣвцы страны соединили свои голоса для прославленія Мухаммеда, и только изъ шатровъ жившихъ далеко бедуинскихъ племенъ раздавались еще по временамъ ядовитыя слова пѣсни, которыя причиняли больше боли, чѣмъ удары кинжала и уколы копья.

Старческія немощи пророка, который снова поселился въ Мединѣ, позволили ему еще только разъ принять участіе въ походѣ. Замѣчательно, что онъ снова обратился противъ области, соединяющей аравійскій полуостровъ съ остальной частью западной Азіи и являющейся собственно первой дверью изъ страны, противъ южной Сиріи. Походъ, который былъ предпринятъ еще въ 630 г., не имѣлъ никакихъ значительныхъ результатовъ, если не считать покоренія нѣкоторыхъ пограничныхъ племенъ. Въ слѣдующемъ году паломничество въ Мекку было совершено подъ руководительствомъ Абу-Бекра, а не Мухаммеда, но все же оно означало дальнѣйшій шагъ въ распространеніи ислама: пророкъ приказалъ торжественно провозгласить въ Каабѣ, что ни одинъ язычникъ не можетъ больше принимать участія въ паломничествѣ, и всякій, кто пожелаетъ подойти къ святынѣ, долженъ предварительно произнести исповѣданіе вѣры. Это приказаніе отмѣчаетъ степень увѣренности Мухаммеда въ своемъ дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ въ это время вся Аравія, за исключеніемъ отдаленнѣйшихъ областей, признавала, по меньшей мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, его власть; точно также мелкіе князья „счастливой Аравіи“ и персидскій намѣстникъ, который послѣ изгнанія персидскимъ войскомъ абиссинцевъ управлялъ здѣсь почти самостоятельно, признали свою зависимость; многочисленные начальники племенъ по сирійской границѣ сдѣлали то-же.

Въ 632 г. Мухаммедъ предпринялъ свое послѣднее паломничество въ Мекку, церемоніи котораго стали образцомъ на будущее время. Торжественно, во главѣ многочисленныхъ вѣрующихъ обошелъ онъ Каабу, тщательно совершилъ всѣ остальные обряды и наконецъ обратился къ народу съ проповѣдью, въ которой онъ подвелъ итоги нравственнымъ предписаніямъ ислама и подтвердилъ ихъ. Чреваты послѣдствіями для дальнѣйшей исторіи арабовъ были также немногія слова, которыми онъ рекомендовалъ своимъ спутникамъ своего племянника и любимца Алія, на котораго предъявлялись всевозможныя жалобы: „кто меня любитъ, пусть Алія беретъ въ друзья (maula). Богъ будетъ съ тѣмъ, кто охраняетъ его, и покинетъ того, кто врагъ ему“. Такъ какъ слово maula имѣетъ два значенія: другъ и господинъ, то на этомъ изреченіи главнымъ образомъ основаны утвержденія шіитовъ, которые считаютъ только Алія законнымъ преемникомъ пророка.

Черезъ три мѣсяца послѣ своего возвращенія изъ Мекки пророкъ захворалъ, кажется, лихорадкой; обильная источниками мѣстность Медины располагаетъ къ заболѣваніямъ маляріей, и ея воздухъ, вредный обитателямъ сухой Мекки, уже стоилъ жизни многимъ изъ „участниковъ бѣгства“. Онъ подорвалъ въ корнѣ и здоровье пророка, тѣло котораго и безъ того было ослаблено волненіями, связанными съ его дѣятельностью, продолжавшейся уже 24 года. Недолго боролся больной съ крадущейся болѣзнью; 8 іюня 632 г. или въ 12 день третьяго мѣсяца 11 г. хиджры, умеръ Мухаммедъ въ домѣ своей любимой жены Аиши. Приверженцы раньше считали его безсмертнымъ; вѣроятно, онъ и самъ питалъ нѣкоторое время такую надежду.

Смущеніе охватило поклонниковъ пророка, и очень скоро вспыхнуло возстаніе; но дѣла покойнаго нельзя было уничтожить; мѣсто ясновидца заняли арабы въ своей юношеской силѣ, и страны, въ которыхъ никто не слыхалъ ничего о пророкѣ при его жизни, стали добычей его наслѣдниковъ.

В. Коранъ.

Той прочной опорой, къ которой прикрѣплены были слабые ростки новаго вѣроученія, были изреченія пророка, которыя были записаны вѣрнѣйшими учениками его, сначала распространялись только въ отдѣльныхъ отрывкахъ и спискахъ и только по приказанію перваго халифа Абу-Бекра были собраны и приведены въ порядокъ писцомъ Мухаммеда. 114 главъ или „суръ“ корана, какъ теперь стала называться эта священная книга (см. прилагаемую здѣсь таблицу „Первая половина 1 суры корана“), распадаются, если только привести ихъ въ хронологическій порядокъ, на два отдѣла: суръ мекканскихъ и суръ мединскихъ. По своему содержанію, которое часто связано съ событіями въ личной жизни пророка и имѣетъ въ виду разрѣшить недоумѣніе приверженцевъ, по многочисленнымъ противорѣчіямъ и повтореніямъ, суры корана даютъ въ высшей степени замѣчательный комментарій къ исторіи тернистаго поприща пророка и его заключительнаго тріумфа. Стиль и самая сущность откровеній значительно мѣняются съ теченіемъ времени; самыя раннія, составленныя короткими, риѳмованными строчками и неяснымъ языкомъ пророка, иногда достигаютъ поэтической силы и являются свидѣтельствомъ искренняго воодушевленія составителя; позднѣйшія написаны болѣе растянутыми, вялыми, длинными строчками, и очевидно подъ вліяніемъ чисто разсудочныхъ соображеній. Причину такой разницы легко понять: въ мекканскій періодъ своей жизни пророкъ борется съ многобожіемъ и выступаетъ въ защиту единства божескаго начала съ ясными и серьезными доказательствами, какъ они непринужденно льются въ его душу, несложную, неразвитую, но пылкую и богатую силами ума; въ Мединѣ онъ берется за тяжелую полемику съ іудеями и христіанами и долженъ обратить всѣ силы своего духа на то, чтобы упорядочить и руководить той воинственной общиной, что собирается вокругъ него.

Какъ разъ эта послѣдняя задача заставила его взяться за упроченіе и утвержденіе своего этическаго и правового ученія, которое на ряду съ ритуальнымъ, съ его молитвами, омовеніями, заповѣдями воздержанія, образуетъ прочную опору и является, до нѣкоторой степени, скелетомъ міровой мусульманской религіи. Несложное, не всегда глубокое, но все-таки въ общемъ достойное уваженія моральное ученіе ислама есть наиболѣе цѣнный даръ, который преемники Мухаммеда вручили нецивилизованнымъ народамъ. Въ существенномъ своемъ содержаніи это ученіе покоится на старо-арабскихъ обычаяхъ, которые впрочемъ облагорожены подъ вліяніемъ іудейско-христіанскихъ заповѣдей. Нѣкоторыя очень важныя предписанія основываются на личныхъ склонностяхъ пророка; такъ напр. то неблагопріятное положеніе, которое онъ отводитъ женщинѣ и которое, собственно, не соотвѣтствуетъ арабскимъ воззрѣніямъ, вышло изъ настроеній его чувственной и ревнивой души. Болѣе достойно похвалы то, что онъ немедленно запретилъ глубоко вкоренившійся у бедуинскихъ племенъ обычай дѣтоубійства. Даже въ чисто хозяйственныхъ соображеніяхъ онъ имѣлъ право такъ поступить. Убійство лишнихъ дѣтей первоначально являлось результатомъ стремленія предупредить перенаселеніе въ скудной пастбищами странѣ арабовъ; но когда Мухаммедъ указалъ своимъ соотечественникамъ путь въ богатыя сосѣднія страны, опасность перенаселенія была устранена на долгія времена.

Положеніе пророка въ Мединѣ объясняетъ другую, очень важную для послѣдовавшихъ событій черту его религіи; именно, тѣсную связь, въ которую онъ сумѣлъ поставить свое ученіе о безсмертіи съ проповѣдью религіозной войны, и рѣзкій фатализмъ, который при другихъ обстоятельствахъ едва ли былъ бы имъ выдвинутъ въ такой степени и который

Первая половина первой суры корана.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Первая половина первой суры корана.

Оборотная сторона 2-го листа изъ великолѣпной рукописи корана, относящейся къ XVI столѣтію, имѣющей 295 листовъ въ большой листъ и находящейся въ королевской библіотекѣ въ Берлинѣ (Ms. orient. fol. 36).

Текстъ.

ƀísmi-llā́hi-rraḥmáni-rraḥím! alḥámdu lillā́hi rábbi-lʿalamína, arraḥmáni-rraḥími, mā́liki jaumi-ddī́ni. ʾijjā́ka náʿbudu waʾijjā́ka [nastaʿī́nu. íhdinā-ṣṣirā́ṭa-lmustaqī́ma. ṣirā́ta-lladī́na ʾanʿámta alā́ihim, ġā́ira-lmaġḍū́bi ʿalā́ihim walā ḍḍāllī́na.]

Переводъ.

Во имя Господа милосердаго, милостиваго! „Хвала Богу, Господу міровъ, милосердому, милостивому, владыкѣ дня суда! Тебѣ мы поклоняемся и у Тебя [просимъ помощи. Наставь насъ на путь правый, на путь тѣхъ, кому Ты оказываешь милость, на кого Ты не гнѣваешься и кто не заблуждается“].

Вторая половина первой суры, этого „Отче нашъ“ мухаммеданъ, въ исполненіи, очень мало уступающемъ нашему по отчетливости и изяществу, приложена къ 1-му тому сочиненія Мюллера (1885 г.) „Исторія Ислама“ (Онкенъ II, 4). Рукопись точнѣйшимъ образомъ описана В. Альвардтомъ въ первомъ томѣ его „Описанія арабскихъ рукописей“ подъ № 371 (Описаніе рукописей королевской библіотеки въ Берлинѣ, 7-й томъ, Берлинъ, 1887).

даже находится въ прямомъ противорѣчіи съ древнѣйшими мѣстами корана. Пылкіе разсказы, которые обѣщали воину за вѣру всѣ блага рая, правда, не помѣшали тому, что впослѣдствіи не одно мусульманское войско обращалось въ постыдное бѣгство, но они оказались превосходнымъ средствомъ наполнить фанатизмомъ простыя души и особенно возбудить горячее одушевленіе для борьбы у новообращенныхъ, которымъ исламъ въ цѣломъ еще могъ быть очень неяснымъ. А это было тѣмъ важнѣе, что арабы при своемъ незначительномъ числѣ очень скоро были вынуждены выставлять на войну способныхъ носить оружіе жителей завоеванныхъ странъ и щадить свои собственныя силы.

Такимъ образомъ мало-по-малу коранъ сталъ тѣмъ общепризнаннымъ знаменемъ, около котораго собирались вѣрующіе, и центромъ духовной жизни для всѣхъ народовъ, которые подчинялись его предписаніямъ. Вліяніе корана не сказалось непосредственно; можно даже утверждать, что мусульманскій міръ сохранялъ свою юношескую свѣжесть и содѣйствовалъ прогрессу человѣчества до тѣхъ поръ, пока коранъ не внѣдрился окончательно въ плоть и кровь и не уничтожилъ всякой возможности самостоятельнаго мышленія. Но чѣмъ больше ученые посвящали времени на изученіе корана, тѣмъ значительнѣе должно было становиться несогласіе во мнѣніяхъ о двусмысленныхъ мѣстахъ и очевидныхъ противорѣчіяхъ, и раздробленіе вѣрующихъ на всевозможныя секты было необходимымъ слѣдствіемъ. Конечно, этому раздробленію, которое обнаружилось очень рано, содѣйствовали съ самаго начала и другія обстоятельства, и прежде всего вопросъ о томъ, кого считать за истиннаго наслѣдника пророка.

Г. Борьба за наслѣдство.

Основателя ислама изъ всѣхъ его дѣтей пережила только одна его дочь Фатима, жена Алія, который издавна пользовался особеннымъ расположеніемъ пророка, какъ его племянникъ и, можетъ быть, самый первый его послѣдователь. Неясное изреченіе пророка (стр. 241), повидимому, указывало на него, какъ на его преемника. Если бы одержалъ верхъ этотъ соискатель, тогда тотчасъ основалась бы наслѣдственная монархія, тогда какъ въ другомъ случаѣ прежде всего должно было возникнуть государство съ выборнымъ главой, которое больше соотвѣтствовало старому арабскому духу. Обстоятельства складывались довольно благопріятно для Алія, но онъ не былъ человѣкомъ, который сумѣлъ бы воспользоваться ими; въ теченіе своего жизненнаго поприща Алій всякій разъ снова доказывалъ, что онъ при всей своей храбрости на полѣ битвы—человѣкъ съ недалекимъ умомъ и слабой волей, что онъ постоянно находился подъ чужимъ вліяніемъ, когда думалъ, что самъ руководитъ движеніемъ. И на этотъ разъ Алій изъ-за ничтожныхъ дѣлъ упустилъ время и потерялъ совсѣмъ изъ виду цѣль, въ достиженіи которой былъ слишкомъ увѣренъ.

Такъ какъ выборъ преемниковъ пророку зависѣлъ отъ положенія дѣлъ въ Аравіи, какъ оно сложилось въ моментъ его смерти, то нелишнее взглянуть на это положеніе дѣлъ. Хотя Мекка и была снова въ милости, и ея храмъ признавался главной святыней; хотя большая часть арабовъ, по крайней мѣрѣ хоть внѣшнимъ образомъ, обратилась къ новой вѣрѣ, все-таки не подлежало никакому сомнѣнію, что Медина является центромъ мусульманскаго могущества и слѣдовательно тѣмъ пунктомъ, гдѣ должно было имѣть мѣсто избраніе преемника. Такимъ образомъ тотъ рѣзкій антагонизмъ, который раздѣлялъ весь арабскій народъ, хоть отчасти не оказывалъ на этотъ разъ вліянія на рѣшеніе, такъ какъ на дѣлѣ выборъ взяли въ свои руки самые ранніе и самые вѣрные приверженцы пророка; но эти „участ-

ники бѣгства“ и „защитники“ не были бы истыми арабами, если бы въ нихъ съ возобновленной силой не проявилось то враждебное отношеніе, которое существовало между отдѣльными группами и было только поверхностно заглажено Мухаммедомъ.

Лишь только пророкъ сомкнулъ свои глаза, какъ уже эмигрировавшіе мекканцы съ одной стороны и мединцы съ другой начали подумывать о томъ, чтобы самовластно избрать преемника, халифа, и такимъ образомъ забрать власть въ свои руки. Алія, который получилъ бы, быть можетъ, большинство голосовъ, не было въ это время, и „эмигранты“ выставили стараго друга Мухаммеда и отца его любимой жены Аиши, Абу-Бекра, въ то время, какъ мединцы имѣли въ виду своего вліятельнаго вождя Са'дъ-ибнъ-Обаду. Благодаря рѣшительности и хитрости Абу-Бекра, который искусно воспользовался старой враждой между двумя мединскими племенами, опасное соперничество было устранено и очень кстати: если ужъ однихъ извѣстій о болѣзни пророка было достаточно, чтобы тамъ и сямъ начались возстанія, то при извѣстіи о его смерти вся Аравія запылала яркимъ пламенемъ мятежа, и дѣло жизни Мухаммеда казалось безвозвратно погибшимъ. Изъ всѣхъ мѣстностей полуострова спасались бѣгствомъ въ Медину приверженцы пророка, которые посланы были въ провинціи на должности намѣстниковъ и военачальниковъ, но здѣсь съ самаго начала не хватало войска, такъ какъ Абу-Бекръ, слѣдуя послѣднему приказанію Мухаммеда и, быть можетъ, также желая отвязаться отъ части недовольныхъ мединцевъ, тотчасъ послѣ своего избранія отослалъ войско на сирійскую границу.

Д. **Возстаніе арабовъ.**

Возстанія въ Аравіи, во всякомъ случаѣ, отразили то глубокое впечатлѣніе, которое произвело появленіе Мухаммеда на родной его народъ. Возстававшіе противъ него и его преемниковъ не были уже чистыми язычниками; опаснѣйшіе повстанцы группировались вокругъ новоявленныхъ пророковъ, которые имитировали и старались превзойти Мухаммеда, псевдомухаммедовъ (самого Мухаммеда можно, въ свою очередь, назвать Псевдохристомъ). Еще при жизни Мухаммеда пришло извѣстіе о томъ, что въ Іеменѣ Абхала Темный выступилъ, какъ пророкъ; благодаря своему пылкому краснорѣчію и съ помощью своихъ богатствъ онъ собралъ сильное войско и подчинилъ своей власти почти всю область. Вскорѣ послѣ этого въ Іемамѣ поднялъ знамя возстанія другой пророкъ Мусейлима, а въ Неджѣ племена собрались точно также около своего пророка Тулейхи. Даже въ окрестностяхъ Медины вспыхивали мятежи, такъ что опасались нападенія на городъ; вѣдь даже тамъ, гдѣ не находилось вождя, подобнаго вышеуказаннымъ, для возстанія достаточно было просто враждебнаго отношенія къ новымъ порядкамъ и, прежде всего, къ налогамъ, которые, по приказанію Мухаммеда, должны были платить всѣ правовѣрные.

Самой выдающейся особенностью Абу-Бекра была непоколебимая вѣра въ будущее ислама. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который никогда не сомнѣвался въ пророкѣ и именно потому теперь могъ противостоять всѣмъ опасностямъ, тогда какъ даже самые мужественные изъ его приверженцевъ обнаруживали робость. Счастье было на его сторонѣ. Само собой было понятно, что различныя группы повстанцевъ не дѣйствовали сообща, но, наоборотъ, враждовали еще между собой; опаснѣйшій противникъ, пророкъ въ Іеменѣ, былъ убитъ своими поклонниками, которые послѣ этого признали халифа. Небольшія предпріятія Абу-Бекра противъ повстанцевъ въ окрестностяхъ Медины сопровождались успѣхомъ; когда вернулось въ Медину войско, успокоившее подъ предводительствомъ Усамы арабскія племена на сирійской границѣ, Абу-Бекръ могъ думать

о новомъ покореніи Аравіи. Халидъ, котораго самъ Мухаммедъ называлъ мечемъ Бога (Сейф-Аллахъ), человѣкъ необычайной энергіи, но сомнительной нравственности, получилъ главное начальство и прежде всего бросился на Тулейху, пророка въ Неджде. Послѣ кровопролитнаго сраженія Халидъ обратилъ своего противника и его войско въ бѣгство и съ безпощадной жестокостью избилъ всѣхъ, кто осмѣлился оказать ему сопротивленіе или попалъ въ его руки послѣ бѣгства. Потомъ онъ направился въ область Iемаму въ южномъ Неджде, гдѣ около Мусейлимы собралось еще болѣе грозное войско, которое уже разбило два мусульманскихъ отряда. Борьба была крайне жестока, и Халидъ, по всей вѣроятности, не избѣгъ бы гибели, если бы ему не удалось нечестнымъ образомъ отдѣлить пророка отъ главной силы его приверженцевъ и заставить отступить въ обнесенное стѣнами укрѣпленіе. Здѣсь, разрушивъ ворота, Халидъ устроилъ кровавое и жестокое избіеніе враговъ въ тѣсно скученной массѣ. Никогда еще не проливалось такъ много арабской крови въ одной битвѣ, какъ теперь. И мусульманъ такъ много пало въ этой битвѣ, что въ это время Абу-Бекръ возымѣлъ намѣреніе распорядиться составленіемъ корана прежде, чѣмъ сойдетъ въ могилу еще большее число бывшихъ наперсниковъ пророка, которые хранили въ памяти его изреченія.

Пока Халидъ снова покорялъ аравійское плоскогорье, другіе отряды полчищъ халифа приводили къ послушанію области по Персидскому заливу, Бахрейнъ и Оманъ; было снова возстановлено мусульманское владычество въ Iеменѣ и Хадрамаутѣ. Мечи правовѣрныхъ безъ всякой пощады разили отпавшихъ; истреблялись цѣлыя племена до тѣхъ поръ, пока ужасъ не сковалъ всю Аравію. Исламъ одержалъ окончательную побѣду. Но лишь только Абу-Бекръ снова крѣпко зажалъ въ своей рукѣ поводья, онъ сейчасъ же вспомнилъ о той задачѣ, которую поставилъ себѣ уже Мухаммедъ въ послѣдніе годы своей жизни: распространеніе ислама и арабскаго могущества на пограничныя страны и міровое господство новой религіи.

E. Эпоха завоеваній.

Въ начинающемся съ этихъ поръ періодѣ завоеваній снова стали сказываться и проявляться тѣ силы и тѣ тенденціи, которыя въ эпоху Мухаммеда, казалось, были устранены или ослаблены. Споръ старыхъ и новыхъ отношеній такъ сильно заполняетъ послѣдующій періодъ, что всякій, для кого неясны эти часто скрытыя дѣйствующія силы, не можетъ понять великихъ событій героической эпохи ислама.

Мухаммедъ, правда, отодвинулъ на второй планъ старыя арабскія племенныя отношенія и раздоры, но не уничтожилъ ихъ. Отдѣльныя племена все еще сохраняли свои воспоминанія и свои антипатіи, и великій антагонизмъ между земледѣльцами и пастухами, между іеменитами и ма'аддитами, который казался прекратившимся послѣ побратимства мекканскихъ эмигрантовъ и мединскихъ земледѣльцевъ, очень скоро проявился вновь самымъ рѣшительнымъ образомъ. Вѣдь даже самъ Мухаммедъ только съ большимъ трудомъ преодолѣлъ свою врожденную антипатію и еще въ Мединѣ при взглядѣ на плугъ обмолвился словами: „этотъ снарядъ никогда не входитъ въ домъ, не принося вмѣстѣ съ собою позора".

Къ этимъ старымъ причинамъ вражды присоединились еще новыя. Родовая арабская знать внезапно увидѣла надъ собою новую знать, которая заявляла притязанія на верховное господство и только что подавила всякое сопротивленіе: это были наперсники пророка, „участники бѣгства" и „помощники", тѣ отборные изъ правовѣрныхъ, у которыхъ отнюдь не было недостатка въ религіозномъ высокомѣріи и жаждѣ власти. Мы уже упоминали о томъ, что они не находились въ согласіи даже между собой и собирались почти начать войну изъ-за добычи; притязанія Алія и обо-

юдная зависть эмигрировавшихъ мекканцевъ и мединцевъ были источникомъ непрерывныхъ волненій.

Понятно, что воинствующіе святоши пользовались небольшимъ расположеніемъ у свободолюбивыхъ бедуиновъ. И ихъ опаснѣйшими противниками явились вскорѣ обитатели Мекки, гордые корейшиты, которые, будучи хранителями Каабы, пользовались непоколебимымъ вліяніемъ на весь арабскій народъ и постепенно начали оправляться отъ того униженія, которое причинилъ имъ Мухаммедъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они прекратили борьбу противъ ислама, они тѣмъ успѣшнѣе стали стремиться стать во главѣ религіознаго движенія. И если первые халифы очень старались не пускать впередъ мекканской знати, которой руководила семья Омейядовъ, и совершенно лишить ее доли въ управленіи государствомъ ислама, то все-таки старый авторитетъ мекканцевъ и ихъ священнаго города неудержимо проявлялъ свое значеніе, и вскорѣ во главѣ мусульманскихъ войскъ и провинцій мы видимъ тѣхъ людей, которые при жизни Мухаммеда относились къ пророку презрительно и насмѣшливо. Для народа благородные и щедрые мекканскіе аристократы, которые не совсѣмъ ужъ тщательно соблюдали религіозныя заповѣди и хранили идеалы древне-арабской жизни, были гораздо симпатичнѣе мрачныхъ фанатиковъ изъ Медины; въ то время, когда эти правовѣрные чистѣйшей воды выражали притязаніе на міровое господство, надъ ихъ головами уже собрались грозныя тучи, и благословеніе пророка превратилось для нихъ, наконецъ, въ проклятіе. Но на первыхъ порахъ передъ глазами правовѣрныхъ открывались необозримыя перспективы побѣдъ и добычи. Полчища Абу-Бекра оставили Аравію, умиротворенную потоками крови, для того, чтобы подчинить себѣ богатыя владѣнія персовъ и византійцевъ, которые не въ состояніи были противиться ихъ сплоченнымъ силамъ продолжительное время.

2. Западная Азія до халифата.

Когда послѣ смерти Мухаммеда арабы основали міровую державу, центръ которой находился въ западной Азіи, имъ посчастливилось на нѣкоторое время объединить подъ своей властью почти всѣ области этихъ странъ такимъ же образомъ, какъ это раньше удалось повелителямъ древняго персидскаго царства и потомъ ихъ побѣдителю и наслѣднику, Александру Великому. Но между исходомъ александровской эпохи и началомъ арабскихъ завоеваній протекли совсѣмъ другія времена. Въ то время, какъ страны по Средиземному морю, Малая Азія и Сирія, благодаря вліянію греческой культуры и успѣхамъ римскаго оружія были тѣсно связаны съ европейскими и африканскими берегами Средиземнаго моря и почти утратили своеобразную жизнь, тѣмъ временемъ народы Ирана вновь отвоевываютъ себѣ право на самоопредѣленіе, принимаютъ великія традиціи эпохи Ахеменидовъ и противопоставляютъ религіозное ученіе Заратустры греческому міру боговъ и христіанству, персидскіе отряды всадниковъ — римскимъ легіонамъ. Вражда между Персіей и Римомъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій наполняетъ исторію, западной Азіи; съ другой стороны, область, которая когда-то видѣла возникновеніе культуры въ такое время, когда еще вокругъ лежала ночь варварства, область, которая въ теченіе долгаго времени считалась житницей западной Азіи, бассейнъ Тигра и Евфрата, охватывающій Месопотамію и Вавилонію, все больше и больше подвергается запустѣнію и, послѣ уничтоженія всякой самостоятельной жизни, становится ареной вѣчно возобновляющейся борьбы между римскими императорами и династіями Арсакидовъ и Сасанидовъ, до тѣхъ поръ, пока въ эпоху халифовъ она еще разъ переживаетъ періодъ расцвѣта.

Эта печальная исторія страны древней вавилонской культуры есть

только одинъ эпизодъ той грандіозной всемірно-исторической картины, которую даетъ цѣльное представленіе судебъ западной Азіи: это — борьба между кочевниками и земледѣльцами, дикой свободы съ культурой, связанной съ мѣстомъ, тяжелаго созидательнаго труда съ внезапнымъ разрушеніемъ, которая вѣчно повторяется. И то, что какъ разъ западная Азія должна была стать ареной этой борьбы, является результатомъ естественныхъ условій и противорѣчій въ физической природѣ страны. Большая часть всего пространства принадлежитъ къ той степной и луговой зонѣ, которая тянется отъ Средней Азіи черезъ Персію, Сирію и Аравію до Африки, — этому великому полю скитаній кочующихъ племенъ съ неизмѣримымъ горизонтомъ, мѣсту появленія идущихъ съ войной и разрушеніемъ народовъ; кочующимъ номадамъ обречена, повидимому, и западная Азія, и они все снова и снова старались посредствомъ дикихъ нападеній осуществить свои притязанія. Но не вездѣ простираются степи и луга. Горы съ глубокими долинами и зеленѣющими лѣсами обрамляютъ иранское плоскогорье и степныя области внутренней Малой Азіи; онѣ наполняютъ армянскую страну, онѣ поднимаются до линіи вѣчнаго снѣга на краю той глубокой впадины, которая проходитъ черезъ Сирію и оканчивается соленымъ озеромъ, носящимъ названіе Мертваго моря; съ этихъ горъ рѣки и потоки стремятся внизъ въ сухія равнины, а тамъ, гдѣ они появляются, тамъ все зелено по берегамъ, и земледѣлецъ пользуется живительной влагой для своихъ полей или проводитъ каналы по высохшимъ мѣстностямъ, и его заботы вознаграждаются урожаями въ тысячу кратъ. Среди плодородныхъ нивъ выростаютъ цвѣтущіе города, и подъ защитой ихъ стѣнъ дѣлаетъ свое дѣло промышленность, и развиваются наука и искусство. Область номадовъ, такимъ образомъ, перерѣзается культурными полосами, чѣмъ кладутся преграды ихъ любви къ бродячей жизни, надламывается ихъ сила. Но вотъ по временамъ внезапно грозно растущая волна народовъ смываетъ всѣ преграды; копья и сабли степныхъ всадниковъ сверкаютъ надъ головами осѣдлыхъ жителей, города гибнутъ въ огнѣ и крови; снова превращается въ дикую, степную мѣстность страна, гдѣ раньше гнѣздились тысячи трудолюбивыхъ людей, и стада кочующихъ пастуховъ ищутъ своего скуднаго корма въ пустынныхъ пастбищахъ.

Эти вѣчно возобновлявшіяся опустошенія имѣли своимъ результатомъ то, что западная Азія, бывшая нѣкогда колыбелью культуры, нынѣ въ состояніи печальнаго упадка лежитъ передъ цвѣтущей Европой, не будучи въ состояніи подняться своими силами. Очевидно, нужно было много времени и грозныхъ ударовъ, чтобы привести ее къ этой судьбѣ; можно, пожалуй, даже сказать, что ни одна страна земли не перенесла столько ударовъ, какъ западная Азія; но эпоха величайшихъ страданій страны начинается все-таки только со времени арабскаго завоеванія, которое надолго сломило національную силу персидскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ открыло степнымъ народамъ Средней Азіи доступъ въ богатыя страны запада, которыя часто, но безъ всякихъ результатовъ подвергались раньше нападеніямъ. Истощавшаяся сила восточныхъ римлянъ не выдержала ихъ натиска, и выродившіеся халифы позднѣйшаго времени не могли уже заставить скрыться злыхъ духовъ, призванныхъ ихъ предшественниками. Правда, персидское государство даже въ эпоху своего расцвѣта принесло довольно вреда западной Азіи; все-таки значеніе Ирана въ эпоху послѣ Александра Великаго и діадоховъ лежитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ является могущественной преградой передъ безпокойной Средней Азіей и защитой для лежащихъ на западѣ областей. Правда, персидскій народъ могъ выполнять эту задачу только при томъ условіи, что онъ самъ до нѣкоторой степени соединялся съ міромъ кочевниковъ, пользовался грубой силой степныхъ племенъ и воспринималъ въ свой этнографическій составъ все новые и новые среднеазіатскіе элементы, такъ что

въ концѣ концовъ персидскій міръ римской эпохи иногда походилъ на настоящую хищническую орду внутренней Азіи: сопровождаемые разбоями и убійствами походы арсакидскихъ и сасанидскихъ конныхъ ополченій на Сирію и Малую Азію живо напоминаютъ ужасные подвиги монгольскихъ и тюркскихъ шаекъ, и туранская кровь и темпераментъ не разъ сказывались въ томъ или другомъ властелинѣ изъ Арсакидовъ. Но все-таки главная масса персидскаго народа принадлежала къ земледѣльцамъ, въ процвѣтавшихъ городахъ (по большей части ведущихъ свое начало изъ эпохи Александра) развивалась культура, и свѣтлая религія Заратустры была по своей формѣ и своимъ послѣдствіямъ религіей осѣдлаго, трудолюбиваго народа, который не распространялъ своей власти дикими завоевательными походами, но пріобрѣталъ все новыя области своимъ плугомъ и своей культурой.

Если мы остановимъ свои взоры прежде всего и наиболѣе внимательно на плоскогорьѣ Ирана, то отъ насъ не ускользнетъ, что этотъ географическій терминъ охватываетъ области съ весьма различными свойствами, и, во-вторыхъ, что положеніе Ирана по отношенію къ окрестнымъ странамъ должно было имѣть глубочайшее значеніе для исторіи родины зороастровой религіи. Внутри Персіи разстилается необитаемая область пустынь и степей, которая исключаетъ всякую возможность земледѣльческаго труда и съ сѣверо-востока отдѣляется отъ туранской степной области только горами, сравнительно незначительными. Но эта низкая горная страна имѣетъ очень важное значеніе для Ирана: здѣсь, куда кочевники непрестанно обращали свои вторженія, между южнымъ берегомъ Каспійскаго моря и афганскими горами, лежитъ провинція Хорасанъ, настоящій бастіонъ Ирана. Отсюда въ счастливые періоды иранская держава выставляла свои форпосты на Оксусъ и даже на Яксартъ, но этому же бастіону довольно часто приходилось падать подъ ударами степныхъ хищниковъ. Востокъ Ирана съ высокими горами Афганистана рѣзко отдѣлялся отъ западныхъ провинцій дикимъ и пустыннымъ плоскогоріемъ; это обстоятельство сообщало востоку самостоятельность, которая часто проявлялась въ политической исторіи; съ другой стороны, съ востока не грозили внѣшнія опасности: тамъ, по ту сторону горной цѣпи, лежала невоинственная Индія, обитатели которой довольно часто видѣли, какъ спускались завоеватели съ иранскихъ горныхъ кряжей въ ихъ чудесную страну, но сами никогда не отваживались на нападеніе. Только завоевательные походы, имѣвшіе въ виду Индію, по необходимости всегда касались и восточнаго Ирана, который господствуетъ надъ проходами въ долину Инда.

Почти никакого значенія для Ирана не имѣетъ южная граница, скудный гаванями, отдѣленный крутыми горами отъ континента берегъ Индійскаго океана и Персидскаго залива. Но большіе горные отроги, которые начинаются здѣсь и заполняютъ западъ Персіи, являются собственно ядромъ страны, мѣстомъ пребыванія наиболѣе крѣпкихъ элементовъ населенія и по временамъ оплотомъ со стороны запада противъ Месопотаміи, на равнины которой они грозно спускаются. Воинственныя племена этой страны всегда были опасными сосѣдями вавилонско-ассирійской культуры. Какъ нѣкогда эламиты спускались съ западно-персидскихъ горъ и утверждали на цѣлыя столѣтія свою власть въ Вавилоніи (стр. см. 21 и 92), какъ позже Киръ отсюда повергнулъ въ прахъ нововавилонское царство, точно также и съ такимъ-же успѣхомъ оспаривали у римлянъ парѳянскіе и сасанидскіе властители месопотамскую низменность. Старая культурная область на Евфратѣ и Тигрѣ послѣ своего окончательнаго паденія въ теченіе долгаго времени является только привѣскомъ къ персидскому царству.

Для Персіи тягостнѣе были тѣ отношенія, что сложились на сѣверозападѣ. Здѣсь иранская горная область не обрывается круто, становясь равниной, но переходитъ въ гористую мѣстность Арменіи; послѣдняя въ

свою очередь находится въ тѣсной связи съ мало-азіатской и кавказской горной системой. Здѣсь отсутствуетъ какая бы то ни было естественная граница; кромѣ того армянскій народъ, который образовался изъ весьма разнообразныхъ первоначально элементовъ подъ вліяніемъ арійскаго воинственнаго племени, правда, добровольно принялъ иранскую культуру, но сумѣлъ сохранить свою особенность и свой языкъ; а на югѣ Кавказа гнѣздился цѣлый рядъ свободолюбивыхъ и воинственныхъ народцевъ, о продолжительномъ подчиненіи которыхъ врядъ ли можно было мечтать. Такимъ образомъ Арменія и вмѣстѣ съ нею южно-кавказскія государства, изъ которыхъ самымъ значительнымъ была Иверія, являлись то самостоятельнымъ или только номинально зависимымъ буфернымъ государствомъ, то яблокомъ раздора между Римомъ и Персидской имперіей; одинъ разъ, прежде чѣмъ римское завоеваніе окончило свою работу, Арменія даже заняла положеніе великой державы, но конечно, скоро была окончательно низвергнута изъ этого состоянія. Особенныя причины заставляли персовъ обращать свое вниманіе на ряду съ Арменіей также и на кавказскія обстоятельства. Вѣдь не только Хорасанъ былъ мѣстомъ вторженія азіатскихъ кочевниковъ, но и черезъ кавказскіе проходы переливались иногда волны переполненнаго волшебнаго котла, и грозили сердцу иранскаго государства. Очень вѣроятно, что отъ персидскихъ воиновъ-колонистовъ, которые были поселены у Казбека для охраны проходовъ, ведетъ происхожденіе народецъ осетины, которые до сихъ поръ вѣрно хранятъ свое иранское нарѣчіе.

Сѣверную границу по большей части защищаетъ Каспійское море. Здѣсь, между высокими горами Эльбруса и берегомъ тянутся провинціи Гилянъ и Мазендеранъ, плодородныя и густозаселенныя области. А горныя области Эльбруса, Дейлемъ и Табаристанъ принадлежатъ къ кореннымъ областямъ иранскаго элемента, который здѣсь держался наиболѣе упорно.[1] Внутри страны области по уступамъ горъ, спускающіяся съ западныхъ горъ и съ Эльбруса въ степи и получающія свою долю изъ горныхъ запасовъ влаги, съ давнихъ поръ были пріобрѣтены для земледѣльческой культуры. Здѣсь лежали и лежатъ столицы и важнѣйшіе города Ирана: Пасаргады, Персеполь и Экбатана, Тегеранъ, Испагань и Кашанъ. Только, когда Персія въ своихъ завоеваніяхъ переходила границы Ирана, то и резиденціи правительства переносились на западъ: въ Сузу на западномъ склонѣ Хузистанскихъ горъ въ эпоху Ахеменидовъ, въ Ктезифонъ на Тигрѣ при Арсакидахъ и Сасанидахъ.

Благодаря походу Александра Великаго, персидскій народъ неожиданно былъ низвергнутъ изъ своего владычествующаго положенія, глубочайшимъ образомъ былъ потрясенъ въ своей національной исключительности и побѣдоносными греками былъ совершенно отодвинутъ на задній планъ. Даже владычество Селевкидовъ, которые получили наслѣдство Александра въ Западной Азіи, покоилось на эллинистическомъ основаніи и находило опору главнымъ образомъ въ подчинившихся греческому вліянію городахъ Месопотаміи и Сиріи; но въ Иранѣ обнаружилось необыкновенное явленіе: греческая культура въ восточной горной странѣ у воротъ въ Индію, въ Бактріи бросила корни болѣе прочные, чѣмъ въ коренныхъ персидскихъ областяхъ запада. Селевкиды очень скоро поняли невозможность сдерживать въ однѣхъ рукахъ все свое громадное царство. Они приняли роковое рѣшеніе перенести центръ тяжести своей державы на Западъ (см. въ IV томѣ), и упустили такимъ образомъ случай привлечь

[1] Названіе горной цѣпи — Эльбурсъ, не Эльбрусъ. Области по южному берегу Каспійскаго моря первоначально были населены неарійскими народами и были заняты иранцами гораздо позже, чѣмъ остальная часть Персіи; но тѣ-же природныя условія страны затрудняли дѣйствія другихъ завоевателей, арабовъ и монголовъ, вслѣдствіе чего здѣсь дольше всего могли сохраниться древне-персидскія традиціи. Ред.

на свою сторону вновь пробуждавшійся иранскій міръ и воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. И форпостъ греческой культуры въ Бактріи принесъ имъ мало пользы, такъ какъ намѣстники этой области пытались найти себѣ опору не въ союзѣ съ далекими Селевкидами, а въ своихъ собственныхъ силахъ.

Но все-таки иранская культура и религія, которыя теперь снова побѣдоносно выступили, даже въ самыя тяжелыя времена не были лишены убѣжища. Въ гористой мѣстности сѣверо-запада, тамъ, гдѣ лежитъ въ горахъ озеро Урмія, держалось небольшое иранское государство, Атропатена. Въ бурю Александровскаго времени эту область или упустили изъ вниманія, или намѣренно пощадили, такъ какъ она по всѣхъ признакамъ не была свѣтскимъ государствомъ, а являлась только священнымъ владѣніемъ, предоставленнымъ персидскому жреческому сословію, въ нѣкоторомъ родѣ иранской церковной областью, которую Александръ не отважился разрушить. И позже страна оставалась въ покоѣ. Предполагавшееся къ 220 году нападеніе Антіоха III было счастливо предотвращено чисто внѣшнимъ подчиненіемъ; въ тишинѣ и мирѣ жрецы могли поклоняться священному огню и вѣрно хранить для лучшихъ временъ дорогія преданія своего народа. [1]

а) Царство пароянъ при Арсакидахъ.

Эти времена наступили съ паденіемъ царства Селевкидовъ. Характерно то обстоятельство, что начало новому государству пароянъ положилъ повидимому, не человѣкъ иранскаго происхожденія, а туранецъ, отпрыскъ бродячихъ ордъ, нѣкоторыя изъ которыхъ уже рано поселились въ степныхъ областяхъ внутренней Персіи. Кочевники—прирожденные повелители народовъ. Въ нихъ живы организаторскія способности,—сила, передъ которой стираются незначительныя пограничныя преграды раздробленныхъ земледѣльческихъ областей; у нихъ и въ духовномъ смыслѣ есть широкій кругозоръ, къ которому пріучаетъ неизмѣримый степной горизонтъ. Но только въ качествѣ фермента, они совершаютъ великія дѣла, какъ это доказываетъ исторія пароянъ; тамъ, гдѣ они врывались въ безчисленномъ множествѣ, тамъ ихъ дѣйствія были разрушительны, и Западная Азія позднѣйшей эпохи испытала это на себѣ въ ужасныхъ размѣрахъ. Впрочемъ туранскій правящій домъ, который сталъ теперь во главѣ иранцевъ, скоро или, быть можетъ, еще до своего возвышенія переенялъ иранскіе нравы и культуру; онъ даже сознательно пошелъ по слѣдамъ своихъ великихъ иранскихъ предшественниковъ, выводя свое происхожденіе отъ Ахеменида Артаксеркса II.

Незначительны, незамѣтны начала пароянскаго царства, такъ незамѣтны, что греческіе историки того времени едва обратили на нихъ вниманіе и оставили намъ только скудныя извѣстія. Кромѣ того, такъ какъ всѣ пароянскіе цари при восшествіи на тронъ принимали имя Арсака, то благодаря этому имѣли мѣсто случаи смѣшенія лицъ, ошибка, которая и теперь врядъ ли можетъ быть исправлена. Весьма вѣроятно, что первый Арсакъ, основатель династіи (въ 250 году по Р. Х.), наслаждался достигнутой властью недолго. Въ 248 г. онъ уступилъ свое мѣсто своему брату и преемнику, Арсаку II Тиридату I, который съ этихъ поръ могъ подумать о расширеніи своихъ владѣній, такъ какъ селевкидскіе цари въ это время не обращали почти никакого вниманія на восточныя провинціи своего царства. Къ сожалѣнію, нельзя даже съ достовѣрностью установить пер-

[1] Область (нынѣ Азербейджанъ) получила свое названіе отъ Атропата, котораго Александръ въ 328 г. назначилъ намѣстникомъ Мидіи. Въ столицѣ ея, Ганджакѣ или Фраасиѣ (нынѣ Тахти-Сулейманъ), былъ храмъ огнепоклонниковъ, считавшійся еще при Сасанидахъ главной святыней Персіи. Ред.

воначальную область парѳянъ. Нѣтъ сомнѣнія только въ томъ, что она находилась въ сѣверо-восточной Персіи; а то, что она должна была принадлежать, по меньшей мѣрѣ, въ значительной части къ степной зонѣ, это доказывается составомъ парѳянскихъ войскъ, главная сила которыхъ была въ конницѣ. Парѳяне во всякомъ случаѣ не были настоящими иранцами, въ нихъ по меньшей мѣрѣ можно предполагать сильную примѣсь туранской крови, но языкъ и культура ихъ государства все-таки иранскіе.[1]

Тиридатъ I прибавилъ къ своему царству провинцію Гирканію, которая охватывала большую часть теперешняго Хорасана, и жители которой особенно близко стояли къ парѳянамъ. Нельзя было миновать того, чтобы намѣстники сосѣдней Бактріи, этого замѣчательнаго греческаго государства на иранской почвѣ, не заняли по отношенію къ новому царству того или другого положенія. Съ первыхъ поръ оно не было дружелюбнымъ. Съ помощью бактрійскаго намѣстника или, вѣрнѣе, царя Діодота I (см. въ IV томѣ) Селевкъ Каллиникъ выгналъ въ 238 году Тиридата изъ его страны; но Діодотъ II, преемникъ Діодота I, измѣнилъ свою политику, соединился съ Тиридатомъ и принудилъ Селевка къ отступленію. Съ этихъ поръ парѳянское царство почти могло считать свое существованіе упроченнымъ.

Парѳянамъ принадлежала отчасти и гористая область на западѣ; въ ихъ владѣніе попала и старая мидійская столица Экбатана. Теперь государство жрецовъ, Атропатена, могло стать въ близкія отношенія къ новому національному государству, но не сливаясь съ нимъ вполнѣ; позднѣе случалось даже такъ, что это своебразное государство по временамъ становилось въ рѣзко враждебныя отношенія къ персидскимъ властителямъ (которые никогда не считались истыми иранцами) и присоединялось къ римлянамъ. И то обстоятельство, что по прекращеніи неурядицъ, вызванныхъ возстаніемъ мидійскаго намѣстника Молона (222—220 гг. до Р. Х.), Антіохъ III задумалъ походъ противъ Атропатены, служитъ доказательствомъ того, какъ опасно казалось ему это раньше столь безвредное маленькое государство послѣ того, какъ иранскій міръ вступилъ въ борьбу съ эллинизмомъ, и первоначально чисто религіозное вліяніе атропатенскихъ жрецовъ начало превращаться въ политическое. Тогдашній властитель Атропатены Артаваздъ въ 220 до Р. Х. предупредилъ бурю своевременнымъ подчиненіемъ (см. въ IV томѣ). И парѳянскій царь, въ это время Арсакъ III Артабанъ I (214—196), долженъ былъ снова признать верховное владычество Селевкидовъ, когда Антіохъ въ 209 году съ сильнымъ войскомъ вторгнулся въ нѣдра Ирана и сломилъ сопротивленіе парѳянъ и бактрійцевъ, такъ что проникъ даже до Индіи (см. въ IV томѣ); но это признаніе власти было немного больше простой формальности, этотъ походъ Антіоха былъ въ теченіе долгаго времени послѣдней попыткой Селевкидовъ возстановить свой авторитетъ на востокѣ.

Во всякомъ случаѣ эта энергичная политика Антіоха съ одной стороны, расцвѣтъ бактрійскаго царства съ другой помѣшали дальнѣйшему расширенію парѳянскаго государства. Только при Арсакѣ VI Митридатѣ I, который вступилъ на престолъ въ 174 году, обстоятельства сложились благопріятнѣе, а Митридатъ былъ изъ тѣхъ людей, что умѣютъ пользоваться обстоятельствами. Въ то время, когда въ имперіи Селевкидовъ царствовали безконечные раздоры, онъ во главѣ своей конницы бросился на западныя пограничныя области Ирана, на Мидію и Персиду, проникъ черезъ проходы, покорилъ элимейцевъ, которые жили на юго-западномъ склонѣ иранскихъ горныхъ цѣпей вплоть до самаго Тигра, и появился въ первый разъ въ далекихъ равнинахъ Месопотаміи, которымъ еще не разъ

[1] Теорія о тюркскомъ происхожденіи Арсакидовъ отнюдь не можетъ считаться доказанной. Ред.

предстояло быть ристалищемъ для пареянскихъ конныхъ полчищъ. И на востокѣ паденіе бактрійскаго царства дало поводъ къ счастливымъ походамъ, результатъ которыхъ, повидимому, состоялъ въ томъ, что Бактрія потеряла нѣсколько провинцій и признала верховное владычество пареянскаго царя. Попытка Селевкида Димитрія II Никатора снова вырвать у Митридата западный Иранъ послѣ первоначальныхъ успѣховъ кончилась плѣненіемъ царя (139 г. до Р. X.)

А какіе смѣлые планы уже въ это время рѣшались составлять пареянскіе государи, можно видѣть изъ того, что Митридатъ женилъ Димитрія на своей дочери и имѣлъ намѣреніе посадить его на престолъ Селевкидовъ, какъ вассала пареянъ. Правда, эта попытка не имѣла успѣха, но такъ же мало успѣха имѣли Селевкиды, когда они пожелали вернуть обратно потерянныя провинціи; огромное войско, которое набралъ въ 130 году Антіохъ VII, подверглось нападенію на своихъ зимнихъ квартирахъ въ Месопотаміи со стороны населенія и по большей части было уничтожено почти безъ помощи пареянъ (въ 129 году до Р. X.). Этимъ событіемъ кончилась эпоха войнъ между Селевкидами и пареянами. Первые довольствовались своими западными провинціями до тѣхъ поръ, пока они не подчинились римлянамъ (см. въ IV томѣ); вторые должны были вступить въ борьбу съ новыми противниками.

Выше мы уже упоминали о тѣхъ границахъ иранскаго государства, которымъ грозила опасность; о западныхъ, лежавшихъ насупротивъ европейскаго и позже арабскаго культурнаго міра, и о сѣверовосточныхъ, на которыхъ иранскій народъ стоялъ на стражѣ противъ степныхъ кочевниковъ внутренней Азіи. Теперь снова грозная буря ворвалась въ ворота народовъ въ Хорасанѣ. Арсакъ VII Фраатъ II, который въ качествѣ преемника Митридата получилъ въ наслѣдство войну съ Антіохомъ VII, для усиленія своего войска завербовалъ скиескихъ, т.-е. вѣроятно тюркскихъ наѣздниковъ[1] но такъ какъ они слишкомъ поздно прибыли на поле сраженія, то имъ приходилось возвращаться въ свою туранскую родину безъ денегъ и добычи. Это совсѣмъ не улыбалось жадной до войны шайкѣ; буйно бросилась она на пареянъ, которые въ свою очередь попытались пополнить свое войско плѣненными во время похода противъ Антіоха. Эта неудачная мѣра дала плачевные результаты. Въ разгарѣ боя военноплѣнные перешли къ скиеамъ; пареянское войско разсѣялось въ дикомъ бѣгствѣ, и царь Фраатъ палъ на полѣ битвы (127 годъ до Р. X.). Теперь скиеы, правда, вернулись съ добычей къ своимъ роднымъ пастбищамъ; но на горизонтѣ появились вскорѣ новыя, еще болѣе грозныя тучи.

Въ Средней Азіи какъ разъ въ это время происходило одно изъ тѣхъ великихъ передвиженій, которыя наполняютъ всю исторію этой безграничной страны. Кочевой народъ юэ-чжи, вѣроятно, смѣшаннаго тюрко-монгольскаго происхожденія[2] въ началѣ II-ого столѣтія до Р. X. были вытѣснены хунами изъ своихъ жилищъ на сѣверѣ Китая и по большей части направились въ современную Джунгарію, но отсюда были снова прогнаны дальше на югъ усунями, также бѣжавшими отъ хуновъ. Пройдя равнины Туркестана, юэ-чжи бросились на восточный Иранъ, гдѣ бактрійское царство въ своемъ паденіи представляло легкую добычу для жаднаго до грабежа степного народа (въ 126 году до Р. X.). Въ ихъ лицѣ появился опасный и грозный для пареянъ сосѣдъ, и всѣ ихъ силы должны были направиться отнынѣ на борьбу съ нимъ.

На этотъ разъ опасность не прошла такъ быстро, какъ скиескій натискъ, который снесъ Фраата II, такъ какъ юэ-чжи сумѣли укрѣпить свою

[1] Большинство ученыхъ считаетъ этихъ скиеовъ иранцами.

[2] Вопросъ о происхожденіи юе-чжи остается спорнымъ; мѣсто ихъ первоначальнаго жительства и титулы нѣкоторыхъ князей говорятъ въ пользу тибетскаго происхожденія этого варода. Ред.

власть; завоевавъ Седжестанъ на югѣ, сѣверную часть долины Инда на западѣ и часть Туркестана на сѣверѣ, они съ пользой для себя эксплоатировали силы населенія обширныхъ областей. Для Арсака IX Митридата II или Великаго, быть можетъ, самаго значительнаго изъ всѣхъ парѳянскихъ царей, задача жизни состояла въ томъ, чтобы отвести отъ своего царства грозу ихъ нашествія и сильной, мощной рукой снова и снова отражать всѣ попытки скиѳскихъ завоевателей покорить и западъ Ирана. По этому онъ на западѣ не могъ проявлять большой дѣятельности; но въ пользу его политическаго искусства свидѣтельствуетъ его стремленіе подчинить парѳянскому вліянію усиливавшуюся въ то время Арменію. Онъ не вмѣшался въ войны понтійскаго царя Митридата VI Эвпатора съ римлянами, передъ легіонами которыхъ постепенно пало могущество Передней Азіи. Юэ-чжи, не желая и не зная этого, были цѣнными союзниками римскаго государства.

Когда въ 76-омъ году до Р. Х. дѣятельный Митридатъ II сошелъ въ могилу, тогда роковымъ образомъ обнаружилось, какъ сильно ослабили парѳянское царство войны на востокѣ и какой опасности онѣ подвергли западныя границы. Цари Арменіи, опираясь на свой, въ то время еще воинственный народъ, энергично распространяли свои владѣнія, захватили сѣверную Месопотамію и овладѣли даже священной областью Атропатены и вмѣстѣ съ ней тѣмъ вліяніемъ, которое распространялось отсюда на весь Иранъ. Тигранъ Армянскій (см. 4-ую фиг. на таблицѣ, приложенной къ 129 стр. IV тома) чувствовалъ себя въ то время достаточно сильнымъ предъявить претензіи на титулъ царя царей, который, какъ цѣнное наслѣдіе, перешелъ изъ эпохи Ахеменидовъ къ парѳянскимъ Арсакидамъ; другими словами, Арменія намѣревалась принять въ свои руки руководительство всей иранской народностью, занявъ мѣсто парѳянъ (срв. ниже, 273 стр.). Но позволивъ себѣ вмѣшаться въ войны Митридата Понтійскаго, Тигранъ Армянскій довелъ до гибели свое царство, конечно, на радость парѳянамъ, которые на время явились даже союзниками римлянъ. Когда затѣмъ Помпей сталъ приводить въ порядокъ дѣла въ передней Азіи, то нѣсколько разъ возникали недоразумѣнія съ парѳянскимъ царемъ Арсакомъ XII Фраатомъ III, который желалъ считать Евфратъ границей своего государства. Умѣренность римлянъ, а также и тѣ неурядицы, которыя начались послѣ убіенія Фраата (60 годъ до Р. Х.) его сыновьями Митридатомъ III и Ородомъ, на время устранили опасность столкновенія въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Точно также не привели къ разрыву нападенія парѳянъ на Арменію, имѣвшія цѣлью возвращеніе отнятыхъ провинцій. Въ 54-омъ году прекратились споры за парѳянскій престолъ, съ пораженіемъ и смертью Митридата; но Ороду, ставшему отнынѣ единымъ владыкой, выпала тяжелая задача первому вступить въ вооруженную борьбу съ міровой державой Рима.

То обстоятельство, что Римъ не могъ на продолжительное время побѣдоносно закончить войну, что римскіе легіоны не сумѣли найти дороги въ Индію черезъ пограничныя горы Ирана, дороги, намѣченной македонскимъ войскомъ Александра, — фактъ огромнаго историческаго значенія. Западная культура, знамя которой Александръ Великій донесъ до Инда, въ теченіе болѣе, чѣмъ тысячелѣтія, ничего не получая и не принимая, не соприкасалась съ совсѣмъ иначе сложившимся міромъ востока, послѣ того какъ загасъ маленькій огонекъ греческаго духа, который одиноко теплился въ Бактріи. Конечно, возбужденія, данныя греческимъ искусствомъ, продолжали еще въ теченіе нѣкотораго періода жить въ Индіи до тѣхъ поръ, пока они не выродились и не были подавлены безмѣрной и безпредѣльной фантазіей обитателей долинъ Инда и Ганга; конечно, на западѣ находили отголосокъ ученія индійской мудрости въ идеяхъ мистическихъ сектъ и философскихъ школъ. Но общая

культурная работа была прервана. Персія не была однимъ изъ тѣхъ чисто физическихъ препятствій, которыя даютъ проходъ по крайней мѣрѣ лучамъ духовной жизни; между міромъ Запада и Востока широко и тяжело раскинулась страна, гордая своимъ своеобразіемъ и прежде всего своей религіей, поклонники которой могли видѣть только заслуживающихъ ненависти враговъ въ язычникахъ-грекахъ и позже въ христіанахъ, точно такъ же, какъ въ брахманахъ и буддистахъ. Персидскому народу, правда, не послужила на пользу эта исключительность: расцвѣтъ персидской поэзіи наступилъ лишь послѣ того, какъ арабское завоеваніе уничтожило рѣзкія преграды и объединило на время подъ знаменами пророка Западную Азію.

Даже торговля, которая своей живучестью умѣетъ предолѣвать столько противодѣйствій, въ государствѣ парѳянъ не могла съ надлежащей полнотой выполнять свои великія культурныя задачи. Повинно въ этомъ, конечно, не отсутствіе коммерческихъ способностей у персовъ, которые наоборотъ съ давнихъ поръ славились, какъ торговые люди, и даже въ парѳянскую эпоху напр. съ большой цѣпкостью удерживали въ своихъ рукахъ монополію на торговлю китайскимъ шелкомъ; повиненъ въ этомъ скорѣе избытокъ этого торговаго духа: персы предпочитали играть выгодную и вѣрную роль посредника, который умѣетъ устранять непосредственный обмѣнъ между отдѣленными другъ отъ друга народами, чѣмъ выступать въ роли вождей каравановъ, которые среди лишеній и опасностей ищутъ далекихъ, новыхъ рынковъ. Такимъ-то образомъ и выходитъ, что хотя на месопотамскихъ рынкахъ и находили сбытъ произведенія Индіи, Средней Азіи и даже Китая, но только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ римскіе купцы проходили черезъ Парѳію и приносили на родину вѣсти о лежащихъ за ней странахъ; такъ же рѣдко и персы посѣщали западъ.

Когда парѳянское государство стало подготовляться къ войнѣ съ римлянами, никто, вѣроятно, не могъ предвидѣть, что римская держава потерпитъ крушеніе на Тигрѣ и что впослѣдствіи даже Евфратъ станетъ границей римскаго вліянія. Страна, которая подчинялась великому царю, была велика и населенна, но она представляла отнюдь не сплоченное единое государство, а конгломератъ лишь внѣшнимъ образомъ связанныхъ маленькихъ владѣній, которыя держались вмѣстѣ только желѣзнымъ кулакомъ великаго царя, можетъ быть еще единой религіей; вѣдь „царь царей“ былъ въ то-же время верховнымъ жрецомъ всѣхъ поклонниковъ Заратустры. Вездѣ, въ особенности въ горныхъ областяхъ, сидѣли мелкія династіи, которыя отчасти вели свое происхожденіе еще изъ эпохи Ахеменидовъ; изъ нихъ многія счастливо выдержали всѣ бури александровскаго періода, такъ какъ каждый завоеватель долженъ былъ считаться и съ ними и довольствоваться ихъ формальнымъ подчиненіемъ. Эти маленькіе князья, къ которымъ ихъ народъ относился съ гораздо большими симпатіями, чѣмъ къ далекому великому царю, занимали часто очень самостоятельное положеніе и въ борьбѣ Селевкидовъ съ парѳянами за западно-иранскія горныя области имъ нерѣдко принадлежало рѣшающее значеніе; въ римскихъ войнахъ они отступили на второй планъ, такъ какъ театръ военныхъ дѣйствій по большей части находился на месопотамской низменности.

Самымъ значительнымъ княжескимъ домомъ, нерѣдко совершенно освобождавшимся отъ подчиненія Персіи, былъ армянскій. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, Арсакидамъ удалось посадить на престолъ членовъ собственной фамиліи и образовать новыя арзакидскія династіи. Родственныя связи этихъ владѣтельныхъ домовъ съ парѳянскимъ царствомъ служили до нѣкоторой степени залогомъ ихъ вѣрности, хоть и не вполнѣ. Въ высшей степени примѣчательно то, что и въ восточномъ Иранѣ, послѣ того какъ онъ былъ разгромленъ юэ-чжи, скоро появились вновь арсакидскіе династы и признали верховную власть великаго царя. Къ сожалѣнію, у насъ

мало подробныхъ извѣстій объ этихъ происшествіяхъ, но достовѣрно, кажется, то, что здѣсь повторилось то же самое, что такъ часто происходило въ другихъ странахъ и въ особенности въ Китаѣ: осѣдлые туземцы благодаря превосходству своей культуры сначала отняли у завоевателей ихъ типическія особенности, ихъ своеобразіе, а въ концѣ концовъ и верховную власть, до тѣхъ поръ, пока наконецъ парѳяне, войны которыхъ съ юэ-чжи достовѣрно засвидѣтельствованы, не свалили гнилого зданія и не пріобщили Востока снова къ остальному Ирану, поставивъ на престолъ отрасль арсакидскаго правящаго дома. Этотъ результатъ могъ быть также причиной того, что парѳянскіе великіе цари могли противопоставить римлянамъ объединенныя силы своего царства.

Въ Персіи были еще другія арсакидскія мелкія царства, о которыхъ, правда, до насъ дошли лишь неопредѣленныя свѣдѣнія. Повидимому, члены семьи Арсакидовъ при достиженіи царской власти вступили въ соглашеніе по вопросу о дѣленіи добычи, и въ то время какъ одной вѣтви досталось наслѣдственное царское достоинство, другія вознаградили себя пріобрѣтеніемъ полусамостоятельныхъ государствъ, которыя по большей части, соотвѣтствуя первымъ владѣніямъ парѳянъ, лежали въ сѣверной Персіи. Точно также нѣкоторыя наслѣдственныя должности, повидимому, были оставлены за царскими родственниками; какъ напр. титулъ Сурена, носитель котораго ($\Sigma o\upsilon\varrho\eta\nu\alpha\varsigma$) выступаетъ въ 53 году до Р. Х. какъ полководецъ въ войнѣ съ Крассомъ и обладаніе которымъ налагало и другія важныя обязанности, повидимому, былъ одновременно и названіемъ должности, и фамильнымъ именемъ; такимъ же образомъ названіе Арсакъ принималось всѣми великими царями, какъ въ видѣ титула, такъ и въ качествѣ личнаго имени. Въ общемъ всѣ эти родственники господствующей династіи могли давать хорошую поддержку великому царю, лучшую во всякомъ стучаѣ, чѣмъ принцы царской линіи, около которыхъ такъ соблазнительно близко стоялъ тронъ, что они должны были пытаться нерѣдко и по временамъ съ успѣхомъ прогнать сидѣвшаго на этомъ тронѣ.

Шаткому строенію парѳянскаго царства совершенно отвѣчало то, что и порядки въ войскахъ были плохи и все войско едва вышло изъ той стадіи развитія, на которой оно уже находилось въ эпоху Ахеменидовъ. Уроки александрійскихъ войнъ упали на неподготовленную почву, все еще въ случаѣ войны призывались отдѣльные народы царства и собирались въ неуклюжихъ массахъ, различаясь и по роду вооруженія и по способу боя, связанные только поверхностно вліяніемъ главнокомандующаго или великаго царя, всегда готовые со смертью военноначальника разсѣяться въ дикомъ бѣгствѣ. И объ иранской пѣхотѣ немного хорошаго приходится сообщить. Ядро войска образовали парѳянскіе наѣздники, которые часто усиливались туранскими наемниками; передъ ними-то и должны были все снова и снова обращаться въ бѣгство римскіе легіоны, несмотря на ихъ единообразное вооруженіе, ихъ превосходную тактику и дисциплину. Стрѣльцы, которые своими стрѣлами засыпали враговъ, составляли главную силу этой конницы, а за ними стояли тяжеловооруженные всадники съ копьями, готовые вторгнуться въ разстроенные ряды противника. Счастьемъ было для парѳянъ, что рѣшительныя битвы происходили въ месопотамскихъ степяхъ, на которыхъ иранскіе рыцари находили безконечное ристалище и при ихъ способѣ сражаться превосходнѣйшее поле для битвъ. Тяжелый натискъ испытанной римской пѣхоты безполезно терялся въ огромной равнинѣ: неуклюжее копье и короткій мечъ римскаго солдата были безсильны противъ разсѣевающихся парѳянскихъ эскадроновъ, которые во время битвы осыпали градомъ мѣткихъ стрѣлъ легіоны римлянъ и, возвращаясь, со всѣхъ сторонъ обступали тяжелыя на ходу массы, какъ морскія волны, вздымаемыя бурей, — обреченный гибели корабль. Зной раскаленнаго солнца въ этой безводной пустынѣ былъ лучшимъ союзникомъ парѳянъ, который не разъ отдавалъ

имъ въ руки почти безъ сопротивленія отряды войскъ и наносилъ мало вреда ихъ собственнымъ степнымъ наѣздникамъ. Итакъ оружіе, съ которымъ парѳяне въ созданной для такихъ битвъ странѣ вступали въ бой и побѣждали, было то же, которое мы встрѣчаемъ у всѣхъ истыхъ кочевниковъ.

Однако нельзя сказать, чтобы у римлянъ совсѣмъ не было ни друзей, ни союзниковъ въ старой месопотамской культурной странѣ, которая теперь мало-по-малу снова переходила въ руки кочевниковъ. На берегахъ полноводныхъ рѣкъ еще держались остатки древняго плодородія и изобилія. Во время Александра здѣсь возникъ цѣлый рядъ цвѣтущихъ, населенныхъ греками городовъ, жители которыхъ только противъ своей воли склонялись передъ грубыми великими царями парѳянъ. Въ то время, когда Селевкиды распоряжались Месопотаміей, эти города служили вѣрнѣйшей опорой ихъ могущества; тогда казалось уже, что всей странѣ предстоитъ эллинизироваться и на продолжительное время вступить въ союзъ съ культурой запада. Послѣ паденія Селевкидовъ представителями западнаго міра стали римляне; конечно, они были менѣе симпатичны грекамъ, чѣмъ родственные имъ Селевкиды, но все-таки они въ ихъ глазахъ стояли далеко выше ненавистныхъ иранцевъ. Если римляне могли стать твердой ногой по крайней мѣрѣ въ сѣверной Месопотаміи, то этимъ они обязаны въ большой мѣрѣ греческимъ городамъ.

Когда римляне и парѳяне стали сосѣдями, ихъ столкновеніе становилось съ этихъ поръ только вопросомъ времени: вѣдь уже Юлій Цезарь считалъ войну неизбѣжной; но только постороннія обстоятельства дали поводъ къ первой войнѣ. М. Лициній Крассъ въ 55 году былъ избранъ консуломъ и получилъ отъ сената предложеніе привести въ порядокъ дѣла въ восточныхъ провинціяхъ. Эта важная, но сравнительно скромная задача отвѣчала честолюбію 60-лѣтняго Красса такъ же мало, какъ мало добычи обѣщало его алчности это назначеніе; да и безъ того его командировка въ Азію была собственно, нечѣмъ инымъ, какъ вознагражденіемъ, которое давали ему его союзники Цезарь и Помпей за то, что ему приходилось играть такую жалкую роль въ другихъ отношеніяхъ. Онъ думалъ использовать свою миссію въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Великіе подвиги Лукулла, который возвратился изъ Азіи съ безчисленными сокровищами, побуждали тщеславнаго человѣка къ соревнованію, и его алчная фантазія скоро нарисовала передъ нимъ второй александровскій походъ для разграбленія далекой Индіи.

Когда Крассъ въ Азіи высадился на берегъ, обстоятельства складывались для него вовсе не неблагопріятно. Неурядицы и споры за престолъ между Арсакомъ XIII Митридатомъ III и Арсакомъ XIV Ородомъ I были только что прекращены убійствомъ перваго, и новый великій царь едва успѣлъ укрѣпить за собой колеблющійся тронъ; царь Артабазъ (Артаваздъ) армянскій добровольно принялъ сторону римлянъ, месопотамскіе города привѣтствовали Красса, какъ своего освободителя. Но неспособный консулъ не съумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія. Правда, не гоняясь за предлогами, онъ перешелъ въ 53 году Евфратъ, одержалъ рядъ успѣховъ надъ застигнутыми врасплохъ парѳянами и захватилъ нѣсколько городовъ, которые едва пытались оказывать сопротивленіе; но осенью онъ обратно перешелъ рѣку, чтобы поискать спокойныхъ зимнихъ квартиръ, и предоставилъ завоеванные города защитѣ слабыхъ гарнизоновъ. Такимъ образомъ онъ далъ великому царю время собрать боевыя силы своего государства и перенести театръ военныхъ дѣйствій въ Месопотамію, гдѣ онъ могъ развернуть силы своихъ конныхъ массъ. Ему въ высшей степени на руку было высокомѣрное ослѣпленіе Красса, который презрительно отвергнулъ совѣтъ армянскаго царя идти впередъ черезъ гористую Арменію и западный Иранъ, и рѣшилъ предпринять походъ противъ Селевкіи-Ктесифона, этого двойнаго города на Тигрѣ и резиден-

ціи Орода; онъ рѣшилъ идти туда прежде всего потому что разсчитывалъ разграбить здѣсь сокровища Арсакидовъ. Другимъ счастливымъ обстоятельствомъ для парѳянскаго царя было то, что Крассъ въ своей неразумной довѣрчивости слѣдовалъ совѣтамъ арабскаго князя, который находился въ тайномъ соглашеніи съ парѳянами и обѣщалъ провести римское войской кратчайшей дорогой черезъ Месопотамію къ Селевкіи. Путь, по которому, правда, могли двигаться мелкіе караваны, никуда не годился для большого войска, которому нужно было большое количество провіанта и воды, и шелъ къ тому же по голой степи, которая какъ будто была создана для подвиговъ парѳянской конницы. Ородъ раздѣлилъ свое войско: большую часть пѣхоты съ незначительнымъ отрядомъ конницы онъ повелъ самъ на Арменію и помѣшалъ такимъ образомъ царю этой страны послать Крассу на помощь обѣщанное вспомогательное войско; главную же массу конницы онъ отправилъ подъ предводительствомъ Сурены въ месопотамскую низменность, чтобы здѣсь дождаться удобнаго случая для битвы съ римлянами.

Около города Карры (Харранъ) на рѣкѣ Биликъ парѳянскій полководецъ напалъ на войско Красса, которое въ увѣренности въ побѣдѣ ожидало аттаки парѳянской конницы. Но римскій мечъ былъ безсиленъ передъ дождемъ стрѣлъ и метательныхъ копій, который прямо лился на тѣсно сомкнутые легіоны, когда они шли впередъ подъ зноемъ раскаленнаго солнца; Крассъ отправилъ впередъ для аттаки своего сына съ легковооруженнымъ войскомъ и конницей; отрядъ былъ тотчасъ же окруженъ и вырѣзанъ, и торжествующіе парѳяне показали доведенному до отчаянія отцу голову павшаго сына. Полнѣйшій упадокъ духа, въ который повергъ этотъ ударъ несчастнаго полководца, довершилъ пораженіе. Послѣ двухдневнаго боя остатки римскаго войска спаслись за стѣнами Харрана; когда потомъ Крассъ сдѣлалъ попытку продолжать отступленіе, онъ измѣнническимъ образомъ былъ убитъ во время переговоровъ, а его войска, тѣ которыя еще не пали, сложили оружіе (9 іюня 53 года до Р. Х.). Этотъ несчастный походъ обошелся римлянамъ больше чѣмъ въ 30,000 лучшихъ солдатъ; изъ нихъ 10,000 живыми попались въ руки парѳянъ и были поселены въ восточномъ Иранѣ.

Побѣда парѳянъ произвела огромное впечатлѣніе на всю Западную Азію, и только то обстоятельство, что великій царь не воспользовался достигнутой побѣдой, спасло римлянъ отъ тяжелыхъ затрудненій. Царь Ородъ въ духѣ чисто восточнаго деспотизма находилъ болѣе удобнымъ устранить съ дороги Сурену и лишиться своего лучшаго и именно вслѣдствіе этого подозрительнаго полководца, вмѣсто того чтобы собрать свои силы для новаго нападенія на римлянъ. Такимъ образомъ первоначально только Месопотамія отошла къ парѳянамъ. Только въ 51 году сильное парѳянское войско подъ предводительствомъ наслѣдника престола Пакора перешло черезъ Евфратъ для похода на Антіохію; но первое впечатлѣніе пораженія Красса уже сгладилось, Антіохія удержалась и на возвратномъ пути Пакоръ понесъ еще чувствительное пораженіе. А то обстоятельство, что царь относился подозрительно къ собственному сыну, окончательно сдѣлало невозможными дальнѣйшія военныя дѣйствія и помѣшало парѳянамъ воспользоваться для своихъ цѣлей войной между Цезаремъ и Помпеемъ, хотя помпеянцы и вступили съ ними въ союзъ. Убійство Цезаря помѣшало осуществленію плановъ этого геніальнаго человѣка повторить съ большей обдуманностью предпріятіе Красса. Въ вспыхнувшей въ то время войнѣ приняли участіе и парѳяне, такъ какъ мелкіе князья Сиріи обратились къ нимъ за помощью противъ Антонія, и Кв. Лабіенъ, который бѣжалъ ко двору великаго царя, побуждалъ его воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Какъ саранча, бросилась парѳянская конница на Сирію подъ предводительствомъ Пакора, на Малую Азію подъ предводитель-

ствомъ Лабіена; Пакоръ дошелъ до Финикіи и Палестины, Лабіенъ — до Лидіи.

Но этимъ видимымъ успѣхамъ не отвѣчало ихъ внутреннее значеніе. Стоило только въ 38 году [1] появиться на полѣ битвы римскому полководцу Вентидію Бассу, какъ Лабіенъ съ поспѣшностью, походившей на бѣгство, долженъ былъ очистить Малую Азію, а Пакоръ, который опасался быть отрѣзаннымъ, столь же стремительно вернулся за Евфратъ. Вездѣ, гдѣ они сходились въ сраженіяхъ съ римлянами, вездѣ парѳяне несли чувствительныя пораженія. Когда на слѣдующій годъ Пакоръ возвратился, Вентидій при Гиндарѣ въ Сиріи вовлекъ его въ необдуманное нападеніе на римскій лагерь, которое кончилось смертью Пакора и полнѣйшимъ пораженіемъ его войска (въ 38 году до Р. Х.) Смерть наслѣдника парѳянскаго престола была тяжелымъ ударомъ для дѣла великаго царя: вѣдь покойный не только обнаруживалъ способности военачальника, но онъ владѣлъ рѣдкимъ у парѳянъ даромъ привлекать къ себѣ сердца подчиненныхъ, такъ что многіе сирійскіе князья были искренно ему преданы. Вскорѣ послѣ этого (37 г. до Р. Х.) сошелъ со сцены убитый царь Ородъ, а Арсакъ XV Фраатъ IV, его сынъ и убійца, взошелъ на престолъ; онъ постарался обезпечить его за собой, перебивъ своихъ ближайшихъ родственниковъ.

Противъ этого новаго властителя былъ направленъ задуманный въ большихъ размѣрахъ походъ Антонія въ 35 году; на этотъ разъ онъ снова кончился печальными результатами. Антоній очевидно имѣлъ намѣреніе избѣгать сраженія на равнинѣ и совершить походъ на иранскую горную область, чтобы воспользоваться преимуществами своей пѣхоты, но онъ забылъ принять необходимыя мѣры для снабженія провіантомъ своего огромнаго войска. Когда онъ дошелъ до Атропатены, то онъ съ недостаточными силами началъ осаду города Фрааспы [2], но долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что послѣ тяжелыхъ потерь ему удалось снова выйти изъ горныхъ странъ въ Арменію. Измѣна армянъ, которые не послали условленной помощи, сыграла большую роль въ неудачахъ римлянъ, которые вскорѣ послѣ этого увели плѣнникомъ армянскаго царя Артавазда (30 г. до Р. Х.). Такъ какъ вскорѣ послѣ пораженія Антонія царь Мидіи разошелся съ великимъ царемъ, то пораженіе, нанесенное римлянамъ, не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Антоній могъ даже заключить союзъ съ мидянами.

Въ слѣдующіе годы Фраатъ IV долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы удержаться на престолѣ противъ мятежниковъ, и потомъ по отношенію къ римлянамъ былъ уступчивъ; въ 20 году ко всеобщему удовольствію римскаго народа императоръ Августъ даже получилъ обратно всѣ трофеи и всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ парѳянами при Харранѣ. Даже въ тѣ войны, которыя римляне вели съ Арменіей, почти не вмѣшивались ни Фраатъ (умершій во 2-мъ году до Р. Х.), ни его ближайшіе преемники; многіе парѳянскіе царевичи получили воспитаніе въ Римѣ, конечно, не на свое счастье. Потомъ, когда одинъ изъ нихъ, Вононъ I вступилъ на престолъ, его пристрастіе ко всему римскому сдѣлало его скоро столь ненавистнымъ, что онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто сопернику, Арсаку XIX Артабану III (16 годъ по Р. Х.). Но Артабанъ немногимъ былъ счастливѣе своего предшественника; его стремленія, снова поставить Арменію въ зависимость отъ парѳянъ, рушились, могущественная партія его народа выступила съ помощью римлянъ противъ него и заставила его въ концѣ концовъ бѣжать въ восточныя провинціи. Возвратившись, онъ заключилъ миръ съ императоромъ Калигулой, потомъ еще разъ былъ вынужденъ бѣжать, но умеръ онъ всетаки въ санѣ великаго царя въ 40 году

---

[1] Ошибка вмѣсто 39 г., какъ видно между прочимъ и изъ разсказа автора.

[2] Городъ былъ столицей Атропатены (см. выше стр. 250, прим.) Ред.

по Р. Х. И при его преемникахъ продолжались междоусобныя войны; неурядицы въ Арменіи и на Востокѣ потрясали государство. Въ 58—60 годахъ еще разъ дошло до борьбы между римлянами и парѳянами, пока наконецъ не удалось мирно разрѣшить армянскій вопросъ: парѳянскій князь Тиридатъ отправился въ Римъ (62 г.) и здѣсь императоръ Неронъ торжественно пожаловалъ его Арменіей.

Не имѣя возможности, да и не видя надобности перечислять отдѣльныя событія, достаточно сказать, что парѳянское царство въ послѣдующее время совершало дальнѣйшіе шаги къ своему паденію. Очевидно, сила парѳянскаго народа была сломлена, и отдѣльныя иранскія провинціи и княжества пріобрѣли самостоятельность, такъ что по временамъ, кажется, царство распадалось на нѣсколько самостоятельныхъ частей. Пресыщенный завоеваніями Римъ, который не могъ уже изъ среды постепенно уменьшившагося населенія Италіи — этого ядра государства — высылать народъ для основанія колоній, въ другихъ случаяхъ всюду содѣйствовавшихъ упроченію политическаго и культурнаго вліянія римскаго государства; Римъ, который уже началъ прозрѣвать въ германцахъ своихъ опаснѣйшихъ противниковъ, долгое время не выказывалъ никакой охоты воспользоваться этими неурядицами въ Персіи для своихъ цѣлей. Только императоръ Траянъ въ 114 году вернулся къ завоевательной политикѣ временъ Цезаря и поводъ къ дѣйствіямъ въ ея духѣ должны были дать опять-таки отношенія въ Арменіи. Какъ сильно было ослаблено парѳянское царство, видно изъ совершенно слабой обороны тогдашняго великаго царя Арсака XXVI Хосроя I; почти только одни мелкіе князья на границахъ оказали сопротивленіе, когда Траянъ, завоевавъ сѣверную Месопотамію, перешелъ Тигръ; потомъ онъ съ помощью наскоро построеннаго флота проникъ до Ктесифона, гдѣ въ его руки попалъ золотой тронъ парѳянскаго царя, и дошелъ даже до Персидскаго залива (116 г). Опасные безпорядки во вновь завоеванной области, впрочемъ, скоро заставили опьяненнаго побѣдой императора предусмотрительно отступить, послѣ того какъ онъ торжественно, но понятно безрезультатно, провозгласилъ одного парѳянскаго князя великимъ царемъ.

Смерть Траяна въ 117 году положила сейчасъ же конецъ его безплодному предпріятію, ибо его преемникъ Адріанъ поспѣшилъ вывести обратно римскія войска изъ Арменіи и съ той стороны Евфрата и такимъ образомъ возстановить старыя границы (см. карту Западной Азіи при стр. 309). Адріанъ вполнѣ вѣрно сознавалъ, что времена великихъ завоеваній прошли. Только когда во время Марка Аврелія парѳянскій царь Арсакъ XXVIII Вологезъ III (148 — 191) снова возмутился противъ Рима, но послѣ первоначальныхъ успѣховъ потерпѣлъ жестокое пораженіе и даже долженъ былъ очистить Ктесифонъ, Месопотамія была занята на долгое время и граница римской имперіи была выдвинута впередъ до верхняго Тигра. На свое горе позже нѣкоторые изъ мелкихъ пограничныхъ князей парѳянскаго царства вмѣшались въ римскіе раздоры изъ-за престола и вызвали походы императора Севера („парѳянскаго"), которые увѣнчались вторичнымъ завоеваніемъ и разграбленіемъ Ктесифона въ 198 году. Жалкое положеніе распадающагося парѳянскаго царства соблазнило наконецъ императора Каракаллу пожать дешевые лавры благодаря коварному нападенію на ничего не подозрѣвавшаго великаго царя Арсака XXXI Артабана V (216); его преемникъ Макринъ долженъ былъ удовольствоваться удержаніемъ Месопотаміи (217). Немного спустя произошелъ полный переворотъ въ иранскомъ государствѣ, династія Арсакидовъ должна была очистить мѣсто дому Сасанидовъ.

б) Сасаниды.

Нельзя не пожалѣть, что мы видимъ Парѳію освѣщенной слабымъ свѣтомъ исторіи всегда лишь въ ея западной сторонѣ, тогда какъ ея се-

редина и восточная сторона лежатъ въ глубокой темнотѣ. Мы можемъ только дѣлать предположенія о томъ, какія глубже лежащія причины, независимыя отъ „великихъ царей“ и отъ потерь въ людяхъ, которыя понесъ пареянскій народъ во время безпрестанныхъ войнъ, могли повести къ перемѣнѣ династіи. Безъ сомнѣнія, новая династія Сасанидовъ, какъ она показала впослѣдствіи, была болѣе законнымъ и болѣе подходящимъ представителемъ иранскаго племени, чѣмъ династія Арсакидовъ, туранское происхожденіе которой всегда должно было дѣлать ее чуждой истиннымъ арійскимъ иранцамъ. А что паденіе Арсакидовъ дѣйствительно было связано съ болѣе или менѣе сознательной реакціей иранскаго элемента, объ этомъ, какъ намъ кажется, свидѣтельствуетъ то вниманіе, съ которымъ Сасаниды, въ противоположность своимъ предшественникамъ, отнеслись къ религіозному вопросу и подняли знамя единства вѣры; вѣдь религія Заратустры была чистѣйшимъ порожденіемъ иранской духовной жизни и истиннымъ палладіумомъ той вѣтви арійской расы, которая въ незапамятныя времена населила Персію. Пареянскіе великіе цари въ ихъ отношеніяхъ къ римлянамъ никогда не показывали ни малѣйшей склонности къ религіозной пропагандѣ; Сасаниды, напротивъ, были фанатическими поборниками своей вѣры.

Если иранцы съ возрастающимъ воодушевленіемъ тѣснились вокругъ знамени своей древней религіи, то этимъ они показали только, что и они не остались чужды тому вѣянію времени, которое все больше выдвигало на первый планъ въ римской имперіи религіозные вопросы и дѣлало ихъ вліятельными политическими факторами. Христіанство начинало уже тогда расшатывать до основанія духовную жизнь античнаго міра, и волны движенія уже перекатились черезъ границы Ирана; еслибы новая религія прочно утвердилась и здѣсь, какъ на западѣ, и въ концѣ концовъ побѣдила, тогда исчезли бы замкнутость и своеобразіе Ирана и онъ сталъ бы членомъ западнаго культурнаго міра, какъ позже онъ дѣйствительно сталъ при посредствѣ ислама частью мусульманскаго мірового государства. Уже раньше въ Иранъ проникло іудейство, въ Вавилоніи находились многочисленныя іудейскія колоніи и даже около 57 года послѣ Р. Х. государь Адіабены, занимавшей часть древней Ассиріи и находившейся въ зависимости отъ Пароіи, перешелъ въ Моисееву вѣру (см. выше); къ концу I столѣтія въ Месопотаміи распространилось христіанство; возможно, что въ это же время появились и на иранскомъ плоскогоріи первые проповѣдники христіанскаго ученія (см. въ IV томѣ стр. 204). Съ ненавистью смотрѣли жрецы культа огня на это движеніе впередъ новаго ученія, которое съ запада вторгалось въ ихъ владѣнія, тогда какъ на востокѣ уже нѣсколько столѣтій происходило вытѣсненіе религіи Заратустры буддизмомъ. Паденіе пареянскихъ государей, съ равнодушіемъ смотрѣвшихъ на эти событія, нельзя, быть можетъ, приписывать непосредственному вліянію жрецовъ, но что оно было имъ въ высшей степени пріятно, это не подлежитъ сомнѣнію. Уже въ первомъ государѣ изъ дома Сасанидовъ мы видимъ религіознаго фанатика, воцареніе котораго наполнило ужасомъ особенно евреевъ и который, дѣйствительно, тотчасъ же выступилъ съ нѣсколькими суровыми эдиктами, направленными противъ еврейской религіи. Въ послѣдующія времена религія огня все больше становится неразрушимымъ цементомъ единства государства, ея распространеніе является величайшей обязанностью государей и священные огни пылаютъ, какъ отличительныя примѣты истинной, отрѣзанной отъ внѣшняго міра иранской національности, пока они не потухнутъ, залитые волнами мусульманскаго завоеванія.

Основатель династіи Сасанидовъ, Ардаширъ Папаканъ (Артаксерксъ, сынъ Папака), былъ родомъ изъ коренной области древняго Ирана, Персиды; онъ принадлежалъ къ семьѣ, выводившей свой родъ отъ мнои-

ческаго предка Сасана[1] и, какъ кажется, обладавшей наслѣдственнымъ жреческимъ достоинствомъ. Его отецъ Папакъ, какъ кажется, основалъ уже небольшое государство въ Персидѣ и захватилъ владѣнія другихъ мелкихъ князей, что при тогдашнемъ положеніи парѳянскаго государства не было чѣмъ-то неслыханнымъ. Даже и тогда, когда Ардаширъ съ повышенной энергіей продолжалъ эту завоевательную политику, Артабанъ V (умеръ въ 224 году) долго предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій, пока все увеличивавшаяся сила его и въ особенности надежды, которыя возлагала на восходящее свѣтило иранская жреческая партія, не заставили наконецъ великаго царя принять враждебныя мѣры противъ слишкомъ самостоятельнаго вассала. Но было уже слишкомъ поздно: Ардаширъ побѣдилъ и убилъ послѣдняго Арсакида Волагаза V на равнинѣ Гормуянъ (въ 227 году).

Въ короткое время Ардаширъ былъ признанъ западными провинціями Ирана и Арменіей царемъ царей; потомъ вскорѣ покорился и востокъ; послѣдніе представители дома Арсакидовъ, оказавшіе здѣсь сопротивленіе, бѣжали въ Индію. Другія отрасли этого дома примирились съ новымъ государемъ и сохранили свои владѣнія. Съ выступленіемъ перваго Сасанида персидская исторія оживляется новымъ, свѣжимъ вѣяніемъ, старыя традиціи могущества Ахеменидовъ снова пробуждаются, усиливается національное чувство. Едва только Ардаширъ основалъ свое государство, какъ онъ уже направилъ свой взоръ на западъ, потребовалъ черезъ пышное посольство отъ римлянъ уступки всей передней Азіи и пытался съ военной силой прежде всего возвратить потерянныя владѣнія въ Месопотаміи (230 г.). Императоръ Александръ Северъ принужденъ былъ волей неволей вступить въ борьбу съ персами, какъ снова стали звать иранцевъ по старой, достигшей новой силы, господствующей національности; это первое столкновеніе не привело, впрочемъ, ни къ какимъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ (231 г.). Но внутри Персидскаго государства пробудилась къ новой жизни иранская культура, поддерживаемая побѣдоносными жрецами; были основаны новые города, всюду построены храмы огня и школы, заново организованы правосудіе и военное устройство; видно, какъ настоящая иранская народность теперь только снова получаетъ возможность вполнѣ развернуться. Скоро иранцы почувствовали себя достаточно сильными, чтобы снова энергично возобновить свои старыя притязанія на верховное господство въ западной Азіи.

Великую эпоху персидско-римской борьбы открываетъ Шапуръ I (Сапоръ, Сабуръ), взошедшій на престолъ послѣ смерти своего отца Ардашира въ 241 году. Уже въ 242 году онъ выступилъ въ походъ, проникъ до Антіохіи и только послѣ кровопролитной борьбы былъ оттѣсненъ къ Тигру. Императоръ Гордіанъ, какъ кажется, уступилъ ему Арменію и Месопотамію, чтобы избавиться отъ опаснаго врага въ виду замѣшательствъ въ Римѣ. Миръ соблюдался до 258 года. Въ этомъ году великій царь опять вторгся въ Сирію, взялъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ войскомъ императора Валеріана, выступившаго противъ него въ 260 г., завоевалъ Антіохію и ушелъ наконецъ съ тріумфомъ и съ громадной добычей назадъ въ свою страну. Только возрастающая сила Пальмиры, царь которой, Оденатъ, предпринялъ войну противъ персовъ и со своими наѣздническими полчищами проникъ до Ктесифона, защитила несчастную Сирію отъ дальнѣйшаго разоренія, такъ какъ Шапуръ теперь не рѣшался повторить свой походъ.

Внутреннее состояніе Ирана, можетъ быть, также отвлекло въ то время вниманіе Шапура, какъ ревностнаго приверженца Заратустры, отъ дѣлъ внѣшней политики. Какъ всѣ великія міровыя религіи на границѣ ихъ распространенія вызываютъ появленіе подражаній и смѣшанныхъ формъ.

---

[1] По персидскимъ извѣстіямъ Сасанъ былъ отцомъ Папака. Ред.

какъ, напримѣръ, вслѣдъ за выступленіемъ Мухаммеда произошло сейчасъ же выступленіе другихъ пророковъ и соперниковъ, такъ и въ персидскомъ государствѣ нашелся основатель религіи, сдѣлавшій попытку слить въ новое цѣлое древне-иранское религіозное ученіе и христіанскіе и іудейскіе элементы. Это былъ Мани, основатель манихейской секты, первое выступленіе котораго, повидимому, относится къ 238 году. Объ отношеніи Мани, который скоро пріобрѣлъ многочисленныхъ послѣдователей, къ Шапуру сохранились очень различныя свидѣтельства; вѣроятно, Шапуръ (умеръ въ 272 году) сначала оказывалъ реформатору нѣкоторое благоволеніе, пока вмѣшательство жрецовъ не принудило его къ строгимъ мѣрамъ и не заставило Мани бѣжать на востокъ. Когда Мани вернулся оттуда въ 274 году, царствовавшій тогда сынъ Шапура, Варахранъ I (Бахрамъ или Варанъ), велѣлъ его схватить и казнить; его приверженцы принуждены были бѣжать. Этимъ была счастливо отвращена для Ирана опасность религіознаго раскола. Иранъ былъ возвращенъ самому себѣ, но въ то же время изолированъ на будущее время и предоставленъ собственнымъ силамъ.

Относительно ближайшихъ преемниковъ Шапура I, которые иногда оставались на тронѣ только на короткое время, немного можно сообщить. Походъ, который предпринялъ императоръ Каръ въ 283 году, вѣроятно только потому, что смуты въ государствѣ Сасанидовъ казались ему благопріятными для нападенія, быстро окончился благодаря внезапной смерти императора, послѣ того, какъ римское войско уже дошло до Ктесифона. Успѣшнѣе былъ походъ Галерія въ 297 году, окончившійся послѣ пораженія римлянъ блистательной побѣдой ихъ надъ великимъ царемъ Нарсесомъ (Нарсахе) и доставившій римлянамъ въ 298 году очень выгодный миръ: Арменія стала римскимъ вассальнымъ государствомъ, и были уступлены побѣдителямъ нѣкоторые округи по ту сторону Тигра.

Запутанныя дѣла персидскаго государства снова оказались въ болѣе благопріятномъ положеніи только тогда, когда сталъ править Шапуръ II, который былъ облеченъ царскимъ достоинствомъ въ совсѣмъ младенческомъ возрастѣ и царствовалъ въ теченіе 72 лѣтъ, съ 309 г. по 380 г.; въ его лицѣ во главѣ государства сталъ снова типичный восточный властелинъ, прирожденный полководецъ. Безъ важныхъ послѣдствій окончились войны съ императоромъ Констанціемъ, первый періодъ которыхъ завершился въ 350 году неудачной осадой города Нисибиса, главнаго оплота римлянъ въ восточной Месопотаміи; когда затѣмъ война возобновилась (въ 359 году), Шапуръ взялъ крѣпкій Амидъ послѣ продолжительной, сопровождавшейся большими потерями осады. Смерть Констанція снова поставила во главѣ государства личность, рѣшившуюся еще разъ приняться за осуществленіе традицій Александра Великаго,—возобновителя язычества, Юліана. Въ 363 году онъ двинулся съ испытаннымъ войскомъ изъ Антіохіи и безъ затрудненій достигъ Ктесифона; но здѣсь недостатокъ провіанта принудилъ его къ отступленію, при которомъ его тѣснили главныя силы Шапура. Когда Юліанъ во время одной стычки былъ смертельно раненъ, его преемникъ, Іовіанъ, котораго солдаты выбрали изъ своей среды, принужденъ былъ заключить унизительный миръ, чтобы только спасти себя и свое войско. Шапуръ получилъ восточную Месопотамію съ Нисибисомъ и могъ теперь, владѣя благопріятной стратегической позиціей, снова посвятить свое вниманіе армянскимъ дѣламъ.

Именно Арменія была главной ареной религіозно-политической борьбы, которая тогда возгорѣлась на всей западной границѣ персидскаго государства, борьбы между христіанствомъ и культомъ огня, между римскимъ и персидскимъ вліяніемъ. Когда съ восшествіемъ на престолъ Константина Великаго въ римской имперіи окончательно побѣдило христіанство, тогда и государи Арменіи и Иверіи поспѣшили открыто принять христіанство, конечно, не безъ сопротивленія со стороны приверженцевъ

старины, которые сейчасъ же попытались пріобрѣсти поддержку персовъ, тогда какъ христіане находили опору въ Римѣ. То исключеніе, которое представляетъ Юліанъ Отступникъ, не можетъ ввести въ обманъ относительно того, что борьба между Римомъ и Персіей все больше становится вмѣстѣ съ тѣмъ религіозной войной, и также ясно вслѣдствіе этого, что персидское государство до самого паденія выступало всегда, несмотря на блистательные внѣшніе успѣхи, только какъ обороняющаяся сторона, а не какъ наступающая. Побѣда христіанства на западѣ совершенно уничтожала возможность на продолжительное время установить тамъ преобладаніе иранской религіи вмѣстѣ съ персидскимъ верховнымъ господствомъ; великіе цари должны были удовлетвориться отвращеніемъ опасности по крайней мѣрѣ отъ собственной страны при помощи кровавыхъ преслѣдованій христіанъ, преслѣдованій, начало которымъ положилъ Шапуръ II. Въ этомъ заключается въ сущности причина, почему побѣдоносные походы персовъ въ римскія владѣнія остаются столь безплодными: это—вылазки изъ осажденной крѣпости, разбойничьи набѣги въ крупномъ масштабѣ, но не завоевательныя войны. Въ Арменіи Шапуру удалось послѣ продолжительной борьбы и большихъ усилій, почти совершенно наполняющихъ остатокъ его жизни, провести признаніе верховной власти персовъ; но устраненія христіанской религіи онъ не достигъ. При одномъ изъ его преемниковъ пришли наконецъ къ соглашенію относительно раздѣленія Арменіи на римскую и персидскую половины, изъ которыхъ каждая должна была управляться мѣстнымъ княземъ (388 г.). Относительно тяжелыхъ войнъ, которыя велъ Шапуръ на другомъ угрожаемомъ фронтѣ своего государства, на сѣверо-востокѣ, сохранилось немного точныхъ свѣдѣній; они показываютъ все-таки, что населеніе Ирана тамъ постоянно должно было стоять на стражѣ противъ тѣхъ номадовъ средней Азіи, безпокойные приливы и отливы которыхъ все снова и снова устремляли грозныя волны народовъ на плотину персидскаго культурнаго міра.

Между преемниками Шапура слѣдуетъ прежде всего упомянуть Ездегерда I (399—420), „Злого", какъ его назвалъ его народъ; этотъ въ началѣ, повидимому, склонный къ христіанству государь въ послѣдніе годы своей жизни снова сталъ вѣрующимъ приверженцемъ религіи огня и фанатическимъ преслѣдователемъ христіанъ. Какъ эпилогъ этого преслѣдованія, вспыхнула при пріемникѣ Ездегерда Варахранѣ V (420—438) война съ римлянами, которая окончилась въ 422 году. Съ другой стороны представляются сказочными восточныя извѣстія о борьбѣ Варахрана съ китайскимъ императоромъ[1], такъ какъ здѣсь врядъ ли идетъ рѣчь о чемъ-нибудь другомъ, какъ объ одной изъ столь часто упоминавшихся пограничныхъ войнъ съ туранскими номадами. Во всякомъ случаѣ можно допустить, что тогда граница иранскаго вліянія была отодвинута дальше вглубь Трансоксаніи и что вообще иранцы въ этомъ опасномъ мѣстѣ энергично работали надъ распространеніемъ своей культуры и религіи между туранцами и укрощали ихъ тѣмъ же способомъ, который съ такимъ успѣхомъ былъ примѣненъ Китаемъ по отношенію къ своимъ кочевымъ сосѣдямъ. Во время арабскаго завоеванія существовало государство съ религіей Заратустры въ нынѣшней Бухарѣ, государство, которое оказало арабамъ сильное сопротивленіе и раньше, очевидно, представляло передовой постъ персидской культуры противъ кочевыхъ элементовъ.

Постепенно великіе цари были также принуждены направить свое вниманіе на кавказскіе проходы; уже вторглись черезъ нихъ въ Иранъ аланскія и гуннскія полчища, такъ какъ кавказцы не всегда могли или хотѣли помѣшать имъ пройти. Было важнымъ дѣломъ Ездегерда II (442—459),

---

[1] Насколько извѣстно, персидскіе источники говорятъ только о борьбѣ Варахрана съ турками. Ред.

что онъ овладѣлъ Дербентскимъ проходомъ на берегу Каспійскаго моря и заперъ его сильными укрѣпленіями; къ сожалѣнію, онъ увлекся несчастной мыслью подавить христіанство въ Арменіи, что повело къ пагубной борьбѣ и все-таки не дало никакихъ прочныхъ успѣховъ. Во всякомъ случаѣ персидскіе государи сознавали важность кавказской позиціи; великій царь Перозъ даже требовалъ отъ византійцевъ субсидіи на поддержаніе укрѣпленій въ проходахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, запереть Кавказъ важно было обоимъ народамъ. Перозъ счастливо боролся съ наступавшими на западѣ отъ Каспійскаго моря кочевниками, но въ то-же. время принужденъ былъ вести тяжелыя войны съ государствомъ кушановъ и эфталитовъ, которое возникло тогда въ Туранѣ, и нашелъ въ этихъ войнахъ свою смерть (484 г.).

Замѣчательное явленіе на тронѣ великихъ царей представляетъ Кавадъ I (Кобадъ), правившій отъ 488 по 531 годъ. При немъ, и даже сначала подъ его покровительствомъ, развилась новая реформаторская секта религіи огня, внесшая въ государство тяжелыя смуты. Конечно, подавленіе манихеевъ могло на первыхъ порахъ помѣшать преобразованію старой религіи, но примѣръ христіанства и недовольство жрецами продолжали оказывать вліяніе въ тишинѣ и, какъ почти вездѣ, точно также и здѣсь съ религіозными реформаторскими замыслами связались наконецъ планы переворота самаго радикальнаго сорта, и обѣ эти стороны нашли себѣ самое рѣшительное выраженіе въ ученіи **Маздака**. Чисто религіозные пункты ученія реформатора, являющіеся въ главномъ дальнѣйшимъ развитіемъ манихейскихъ взглядовъ, имѣютъ меньше значеніе сравнительно съ проектированнымъ имъ соціальнымъ переворотомъ, который сводился къ основанному на религіозныхъ началахъ требованію общности имуществъ и даже женъ и нашелъ среди народа восторженныхъ приверженцевъ. Кавадъ, какъ кажется, одно время надѣялся найти въ новомъ ученіи средство борьбы противъ феодализма въ своемъ государствѣ и противъ чрезмѣрнаго вліянія жрецовъ; что всякое коммунистическое осчастливливаніе народа въ стилѣ Маздака можетъ дѣйствовать только разрушительно, но ни въ какомъ случаѣ не созидательно, онъ узналъ, къ своему вреду, только гораздо позже. Самъ Маздакъ былъ, какъ кажется, однимъ изъ тѣхъ идеалистовъ, которые всегда хотятъ добра и всегда дѣлаютъ зло; его ученіе, которое было разсчитано на идеальныхъ людей, страшно выродилось среди его приверженцевъ, и враги религіозной реформы, благодаря этому, быстро нашли поводъ возбудить въ народѣ обратное движеніе. Самъ великій царь Кавадъ былъ взятъ въ плѣнъ и на нѣсколько лѣтъ лишенъ власти. Съ помощью одного сѣвернаго кочевого народа онъ наконецъ опять заставилъ признать себя, но долженъ былъ отмѣнить всѣ законы, изданные въ духѣ ученія Маздака.

Второй періодъ правленія Кавада посвященъ главнымъ образомъ войнѣ съ **римлянами**, въ которой онъ могъ видѣть хорошее средство отвлечь вниманіе своего народа отъ внутреннихъ дѣлъ, и къ которой ему давалъ достаточный предлогъ отказъ римлянъ платить обычную субсидію на укрѣпленіе кавказскихъ проходовъ. Послѣ улаженія этого перваго спора послѣдовалъ скоро второй, и уже на исходѣ своей жизни Кавадъ принужденъ былъ еще разъ обнажить свой мечъ, чтобы сохранить для персидскаго вліянія важное южно-кавказское государство Лазистанъ, государь котораго обратился въ христіанство и вслѣдствіе этого примкнулъ къ Византіи. Война, главнымъ событіемъ которой была побѣда Велизарія въ 531 году, въ общемъ прошла безъ важныхъ послѣдствій; однако, персамъ удалось наконецъ овладѣть Иверіей.

Послѣ смерти Кавада произошли обычныя столкновенія изъ-за престолонаслѣдія, пока наконецъ не взошелъ на тронъ въ 531 году **Хосрой I Ануширванъ** (Хусрау, *Χοσρόης*; „съ безсмертной душой"), котораго Кавадъ признавалъ самымъ дѣльнымъ изъ своихъ сыновей и котораго онъ даже

хотѣлъ видѣть усыновленнымъ римскимъ императоромъ, чтобы обезпечить для него тронъ. Онъ былъ представителемъ настоящаго старо-персидскаго элемента, другомъ жрецовъ и самымъ рѣшительнымъ врагомъ все еще сильныхъ маздакитскихъ реформаторовъ, кандидатомъ которыхъ былъ другой сынъ Кавада. При немъ персидское государство достигло апогея внѣшняго блеска; и во внутреннихъ дѣлахъ правленіе Хосроя I, „Справедливаго“, было счастливымъ и сильнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ періодъ означаетъ рѣшительную и окончательную побѣду застывшихъ консервативныхъ взглядовъ, прекращеніе всякаго прогрессивнаго развитія, и никакіе ослѣпительные внѣшніе успѣхи не могутъ скрыть этого факта, послѣдствія котораго проявились неожиданно и роковымъ образомъ сто лѣтъ спустя.

Хосрой заключилъ прежде всего миръ съ римлянами, которые заплатили значительную сумму на укрѣпленіе кавказскихъ проходовъ, начатое Хосроемъ въ крупномъ масштабѣ, но Лазистанъ получили обратно. Кромѣ кавказскихъ воротъ, новый великій царь попытался запереть и другія, болѣе опасныя, на сѣверо-востокѣ своего государства, постройкой по китайскому образцу большой стѣны; одновременно съ этимъ онъ поддержалъ силою оружія свои старыя притязанія на нѣкоторыя области сѣверо-западной Индіи. Но скоро онъ съ возраставшимъ безпокойствомъ направилъ свои взоры на западъ, гдѣ при императорѣ Юстиніанѣ I византійское государство пріобрѣло въ поразительной степени новыя силы, инспровергло господство вандаловъ въ Африкѣ и уничтожило готовъ въ Италіи. Уже впечатлѣніе, которое должны были произвести эти событія на христіанскихъ обитателей его вассальныхъ государствъ, принудило Хосроя къ мѣрамъ защиты, а самой лучшей такой мѣрой онъ на основаніи опыта считалъ внезапную наступательную войну, которой не предшествовало даже объявленіе войны (весной 540 года). Римляне не могли противопоставить персамъ никакого войска. Хосрой, который не стремился ни къ какимъ прочнымъ завоеваніямъ, разграбилъ во время своего похода очень много сирійскихъ городовъ, у другихъ вынудилъ огромный выкупъ, взялъ наконецъ плохо защищенную Антіохію и только тогда отступилъ, когда ему была заплачена Византіей большая сумма денегъ и обѣщана ежегодная дань. Въ слѣдующіе годы успѣхи Хосроя были менѣе значительны, и въ 545 году было заключено продолжительное перемиріе.

Только въ Лазистанѣ продолжалась борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ, потому что Хосрой придавалъ большое значеніе обладанію этимъ понтійскимъ прибрежьемъ и даже мечталъ о томъ, чтобы построить здѣсь флотъ и напасть на Византію съ моря; римляне же считали себя естественными союзниками христіанскаго горнаго населенія, а на Лазистанъ смотрѣли, какъ на оплотъ своего государства противъ безпокойныхъ кавказскихъ племенъ и притаившихся по ту сторону горнаго хребта алановъ и гунновъ. Борьба кончилась не въ пользу персовъ: Лазистанъ былъ уступленъ византійцамъ (въ 556 году). Хосрой въ послѣднее время могъ удѣлять этой войнѣ мало вниманія, такъ какъ событія въ Средней Азіи принимали снова угрожающій видъ: государство эфталитовъ въ Трансоксаніи было завоевано турками, которые, выступивъ изъ Восточнаго Туркестана, около 555 года основали сильное государство. Только благодаря ловкой политикѣ Хосроя Персія не была затронута этой бурей и даже сама могла принять участіе въ дѣлежѣ добычи.

На западной границѣ миръ продолжался довольно долго. Но духовная борьба между культомъ огня и христіанствомъ не прекращалась. Какъ энергично Хосрой защищалъ въ этомъ смыслѣ дѣло персовъ, показываетъ его вмѣшательство въ дѣла Іемена, куда христіанство побѣдоносно проникло съ помощью абиссинцевъ: при содѣйствіи персидскаго войска абиссинцы были изгнаны (около 575 года), и тѣмъ пер-

сидскаго господства сохранялась въ одной части страны до временъ Мухаммеда. Къ концу царствованія Хосроя снова вспыхнула война съ римлянами, персидскія войска проникли до Антіохіи, и въ Арменіи происходила борьба безъ рѣшительныхъ успѣховъ съ той и съ другой стороны.

При преемникѣ Хосроя Хормиздѣ IV (578—590) пограничная война тянулась цѣлыми годами; слѣдствіемъ постояннаго военнаго положенія явилось то, что наконецъ одинъ изъ полководцевъ могъ рѣшиться низвергнуть въ высшей степени нелюбимаго, повидимому, душевно больного Хормизда и на его мѣсто посадить его сына Хосроя II, который однако же самъ на первыхъ порахъ принужденъ былъ бѣжать изъ страны, благодаря возстанію другого полководца, Бахрама. Съ помощью византійцевъ, которая, конечно, дана была не даромъ, Хосрою II удалось наконецъ прогнать узурпатора. Дружба съ Византіей, правда, продолжалась не долго; смуты въ Константинополѣ дали даже Хосрою, послѣ того какъ онъ укрѣпился на своемъ тронѣ (Апарвезъ, „Побѣдоносный"), желанный предлогъ объявить себя на сторонѣ побѣжденной партіи и совершить опустошительное нападеніе на Месопотамію и Сирію. Эти хищническіе походы, которые начались въ 604 году и принимали все бо́льшіе размѣры, принесли персамъ мало пользы и неисчислимыя потери въ людяхъ, но они имѣютъ рѣшающее значеніе для судебъ западной Азіи въ послѣдующій промежутокъ времени; ими сломлена была сила сопротивленія сирійскихъ и месопотамскихъ владѣній римлянъ, а степные арабы, оказывавшіе помощь, по своему капризу, то одной, то другой сторонѣ, были пріучены къ войнѣ и грабежу, и среди нихъ вызвано состояніе постояннаго броженія, пока, наконецъ, ученіе Мухаммеда не объединило этихъ разбросанныхъ силъ для нанесенія сокрушительнаго удара.

Своего апогея персидскіе успѣхи достигли въ 614—622 годахъ. Дамаскъ былъ взятъ и разграбленъ въ 614 году, Іерусалимъ (см. приложенное здѣсь изображеніе „Хосрой II на своемъ художественномъ тронѣ") и вся Палестина въ 615-мъ, Египетъ — въ 616-мъ; затѣмъ персидскія войска обратились противъ Малой Азіи, и наконецъ, полчища персовъ расположились лагеремъ въ виду Константинополя на Босфорѣ, въ то время, какъ войско алановъ[1]) одновременно тѣснило городъ съ европейской стороны. Тогда наконецъ императоръ Гераклій рѣшился сдѣлать отчаянную попытку, нанести встрѣчный ударъ. Планъ удался превосходно: черезъ Арменію императоръ проникъ въ священную область Атропатену, разрушилъ храмы огня и принудилъ Хосроя къ поспѣшному бѣгству (623 годъ), держалъ персовъ и въ ближайшіе годы подъ постояннымъ страхомъ опасности, угрожалъ въ 627 году Ктесифону и достигъ наконецъ того, что Хосрой былъ покинутъ своими собственными подданными, раздраженными неслыханными военными тягостями. Войско, которое до тѣхъ поръ все еще угрожало Константинополю, вернулось теперь въ полномъ возмущеніи въ Персію, но нашло Хосроя уже низложеннымъ и убитымъ (весна 628 г.). То обстоятельство, что великій царь увидѣлъ себя вынужденнымъ подъ конецъ принимать даже женщинъ въ свое войско, показываетъ ясно, какія ужасныя потери въ способныхъ къ оружію мужчинахъ привели за собой честолюбіе и ненасытная жадность Хосроя, потери, которыя еще не были возмѣщены, когда началась борьба на жизнь и на смерть съ полчищами ислама.

Преемникъ Хосроя Кавадъ II (Кавадъ съ добавочнымъ именемъ Широя), который царствовалъ только семь мѣсяцевъ (съ февраля по сентябрь 628 г.), сейчасъ же заключилъ миръ съ Геракліемъ. Ему наслѣдовало въ короткое время много государей (Ардаширъ III и др.), среди нихъ, вслѣдствіе отсутствія прямого мужского потомства, даже двѣ дочери Хосроя II, наконецъ, внукъ этого царя, послѣдній изъ Сасанидовъ, Ездегердъ III (632—651 гг.). Уже въ первые годы царствованія Езде-

---

[1]) Аланы названы, повидимому, по ошибкѣ вмѣсто аваровъ. Ред.

Хосрой II персидскій на своемъ художественномъ тронѣ.

(Текстъ дополненъ по „Саксонской хроникѣ“ въ изд. Людвига Вейланда во 2-мъ томѣ „Deutsche Chroniken“).

Текстъ.

[In deme 612. jare van unses herren bort Eraclyus quam an dat rike unde was daran 27 jar... In den tiden koning Cosdras van Persya gewan Damask unde Kartaginem unde dede grote not deme Romischen rike. He gewan oc Jerusalem unde nam dar dat hilege cruce unde vorde it mit eme in Persyam. Dese Cosdras was so homûdich, dat he sprach, he were got; he gebot oc, dat men ene vor enen got anbedede. He verstorede de cristenheit unde brande kirken und clostre. De keyser Eraclyus sande do to ime, dat he ime enen vrede gave. Dat versmade deme koninge Cosdra, unde umbot ime, wolde he Christus verlochnen, so wolde he eme enen vrede geven. He let met groter list maken en werk lic deme himele van golde unde van silvere unde van edeleme gesteine; he let darinne maken sunnen unde manen unde de sternen, unde dat it darvan] regenede unde donrede. Dit werk togen under der erde heimlike perede unde andere dier de dar starke noch to waren. Dat ging umme also de hemel doth mit der sunnen unde den manen unde den sternen, hir ovene satte he sinen tron unde bi sic dat hilege cruce, also it ime gesibbe were und schop dar sine wonunge, alse he got were. Dat rike let he sime sone Cosdre. Eraclyus vor do mit groteme here im Persyam he stret mit deme jungen koninge Cosdra, unde sloch ludes vele he veng oc viftich dusent unde makede ledich manegen cristenen man. Dit dede he dries. Cosdras besamnede sic do mit groteme here und besat Constantinopole an deme mere unde uppe deme lande. De keiser Eraclyus werede sic manlike, Cos[dras vor do wider to lande. Darna aver samnede Cosdras en grot here unde quam uppe de Donôwe.]

Переводъ.

[Въ 612 году послѣ рожденія нашего Господа взошелъ на тронъ Гераклій и царствовалъ 27 лѣтъ... Въ это время царь Хосрой персидскій (II.: 591—628) завоевалъ Дамаскъ и Карѳагенъ и поставилъ римскую имперію въ тяжелое положеніе. Онъ завоевалъ также Іерусалимъ, взялъ тамъ Святой Крестъ[1] и увезъ его съ собою въ Персію. Этотъ Хосрой былъ такъ высокомѣренъ, что говорилъ о себѣ, что онъ Богъ; онъ приказалъ также почитать его, какъ Бога. Онъ нарушилъ спокойствіе христіанскаго міра и сожигалъ церкви и монастыри. Императоръ Гераклій послалъ тогда къ нему затѣмъ, чтобы тотъ заключилъ съ нимъ миръ. Это показалось царю Хосрою постыднымъ, и онъ приказалъ передать императору, что если онъ отречется отъ Христа, то онъ заключитъ съ нимъ миръ. Онъ приказалъ соорудить съ большимъ хитроуміемъ сооруженіе, подобное небу, изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней; внутри онъ приказалъ помѣстить солнце, луну и звѣзды, и притомъ такъ, чтобы сверху] шелъ дождь и гремѣлъ громъ. Это сооруженіе тянули скрытыя подъ землей лошади и другія животныя, достаточно сильныя для этого. Сооруженіе вертѣлось, какъ небо съ солнцемъ, луной и звѣздами. Надъ этимъ онъ поставилъ свой престолъ и рядомъ съ собою Святой Крестъ, какъбудто вещь, близкую себѣ, и такимъ образомъ устроилъ свое жилище, какъ будто бы онъ былъ Богомъ. Царство онъ передалъ своему сыну Хосрою. Гераклій пошелъ тогда съ большимъ войскомъ на Персію; онъ сразился съ молодымъ царемъ Хосроемъ и побилъ много людей; онъ взялъ также 50,000 человѣкъ въ плѣнъ и освободилъ многихъ христіанъ. Это дѣлалъ онъ трижды. Хосрой собралъ тогда большое войско и осадилъ Константинополь съ моря и съ суши. Императоръ Гераклій храбро оборонялся; Хос[рой тогда отступилъ. Но послѣ этого Хосрой собралъ большое войско и подошелъ къ Дунаю.]

Надъ верхнимъ изображеніемъ надписано имя „Cos-draç“, надъ нижнимъ слѣва: „Heraclius“ (c и l соединены въ видѣ лигатуры), справа „Cosdras“; надписи сдѣланы почеркомъ второй половины XIII столѣтія, т. е. современны рукописи.

[1] Найденный, по преданію, матерью Константина Еленой, Крестъ былъ раздѣленъ: одна часть его оставалась въ Іерусалимѣ, другая перешла въ Константинополь. Въ то время, какъ вторая часть оставалась въ греческой столицѣ до 1204 года и при катастрофѣ или позже съ другими реликвіями была отвезена на латинскій западъ, первая попала въ руки персидскаго царя Хосроя. Онъ приказалъ воздвигнуть для себя тронъ, напоминающій небо, на которомъ онъ самъ возсѣдалъ, какъ Богъ Отецъ; Крестъ рядомъ съ нимъ долженъ былъ означать распятаго Христа, а бѣлый голубь на его лѣвомъ плечѣ — Святого Духа. По позднѣйшей версіи Legenda aurea, разсказывающей преданіе въ томъ видѣ, какъ его понимали въ XIII столѣтіи, Хосрой рядомъ съ собой и Крестомъ помѣстилъ на своемъ тронѣ пѣтуха. Но императоръ восточной римской имперіи Гераклій разбилъ персовъ и снова перенесъ Святой Крестъ въ Іерусалимъ, гдѣ онъ былъ соединенъ со вторымъ обломкомъ. Здѣсь въ 1099 году онъ снова былъ обрѣтенъ; въ 1178 году послѣ битвы при Хиттинѣ онъ попалъ въ руки Саладина, и только въ 1221 году его преемникъ вернулъ святыню христіанамъ.

regenede vñ donrede · vñ werk togen vnd der erde heimli
ke perede vñ andere dier de dar starke noch to waren · dat

ging ūme also de hemel · doch mit
der sunnen vnde den manen vnde
den sternen · hir ouene satte he sinen
tron vñ bi sic dat hilege cruce · also
it ime gesibbe were vñ schop dar
sine wo nunge alse he got were ·
dat rike let he sime sone cosdre · Era
clyus vor do mit groteme here in persiam he stret mit deme

iungen koninge cosdra · vñ sloch ludes
uele he veng oc vistich dusent vñ make
de ledich manegen kristenen man · vñ
dede he dries · Cosdras besamnede sic
do mit groteme here vñ besat constantinopole an deme mere
vñ uppe deme lande · de keiser eraclius werede sic manlike · cos

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Хозрой II персидскій на своемъ художественнымъ престолѣ, украшеннымъ крестомъ и голубемъ.

герда началась борьба съ арабами и вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимое паденіе государства.

Мы уже говорили о томъ, какъ много истощеніе персидскаго государства, слѣдствіе непрерывныхъ войнъ съ византійцами, способствовало побѣдѣ арабовъ; но то обстоятельство, что Персія такъ быстро и такъ основательно покорилась сторонникамъ новаго ученія, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ сознательнымъ обособленіемъ, въ которое пожелали поставить себя народъ и государи страны, тѣмъ упорствомъ, съ которымъ они оставались вѣрными отжившей религіи и культурѣ. Блестящія военныя предпріятія Шапура II или Хосроя II заставляютъ тѣмъ ярче выступать духовное убожество Ирана. Всѣ тѣ прогрессивныя идеи, которыя проявились въ ученіяхъ Мани и Маздака, были насильственно раздавлены и устранены; въ эпоху глубочайшихъ религіозныхъ движеній религія Заратустры оказалась совершенно окостенѣлой, способной, правда, окружить Иранъ китайской стѣной, но безсильной привлекать новыхъ сторонниковъ внѣ своей страны и совершать завоеванія въ духовной борьбѣ. Состояніе наукъ и искусствъ было крайне печально; когда Хосрой II рѣшилъ построить городъ, который долженъ былъ превзойти своимъ блескомъ полуразрушенную Антіохію, онъ могъ воздвигнуть только каррикатурное сооруженіе изъ обломковъ римскихъ зданій; а языческіе философы, искавшіе при персидскомъ дворѣ убѣжища и сочувствія, возвратились, горько разочарованные, обратно въ римскія владѣнія. Величайшимъ несчастіемъ въ исторіи западной Азіи является то обстоятельство, что Персія не присоединилась къ западному культурному міру, какъ живой членъ, а упрямо охраняла свою своеобразность, чтобы наконецъ подъ давленіемъ насилія замѣнить ее менѣе цѣнной религіей и культурой. Какъ широко могло бы распространиться христіанство, еслибы его не задержали иранскія преграды, показываютъ значительные успѣхи единственной христіанской секты, которую терпѣли и которой даже иногда покровительствовали великіе цари, именно, секты несторіанцевъ, въ Средней Азіи и въ Китаѣ. Именно то обстоятельство, что несторіанцы отдѣлились отъ великой церковной общины и были угнетаемы и преслѣдуемы въ римскомъ государствѣ, привлекло къ нимъ симпатію персидскихъ государей, но по той же самой причинѣ результаты несторіанской пропаганды въ Средней Азіи, такъ какъ за ней не стояла политическая власть, были недолговѣчны; отдѣленныя персами, а потомъ приверженцами ислама отъ христіанскаго міра, несторіанскія общины въ глубинѣ Азіи постепенно погибли (см. въ IV томѣ).

в) Римская западная Азія до Мухаммеда.

Въ нашемъ изложеніи персидской исторіи, поскольку она касается отношеній къ римскому государству, мы уже дали значительную часть исторіи римской западной Азіи, которая послѣ имѣвшихъ рѣшающее значеніе походовъ Помпея потеряла свое право политическаго самоопредѣленія. Но отдѣльныя судьбы западной Азіи и въ особенности Сиріи все-таки не такъ незначительны, чтобы не заслуживать отдѣльной обрисовки, а что касается „буферныхъ государствъ“ Арменіи и Иверіи, то эти своеобразныя политическія образованія ни въ какомъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія, такъ какъ ихъ состояніе какъ передъ началомъ періода ислама, такъ и послѣ имѣетъ большую важность для исторіи западной Азіи.

Обѣ области, Малая Азія и Сирія, составляли ядро римскихъ владѣній въ Азіи, не уменьшавшееся до самаго вторженія арабовъ; къ этому ядру въ благопріятныя времена были присоединяемы части Месопотаміи, Арменіи и южно-кавказскихъ странъ. Между ними Малая Азія является областью самой спокойной, наилучше защищенной отъ нападеній и съ наиболѣе единообразной внутренней организаціей. Отъ самостоятельныхъ госу-

дарственныхъ единицъ почти ничего не осталось; но въ деревенскихъ общинахъ и городахъ господствовало то ограниченное самоуправленіе, которое римляне охотно предоставляли подвластнымъ имъ народамъ. Болѣе значительныя поселенія полуострова были почти всѣ греческаго происхожденія; густо разсѣянныя на западномъ берегу и въ рѣчныхъ долинахъ, спускавшихся къ этому же берегу, и напротивъ, немногочисленныя и возникшія во многихъ случаяхъ уже подъ римскимъ вліяніемъ на возвышенныхъ равнинахъ и въ горахъ внутри страны, они являлись исходными пунктами той эллинизаціи, которая началась уже раньше, сознательно поощрялась Атталидами и при римлянахъ могла безпрепятственно идти впередъ. Когда Римъ овладѣлъ полуостровомъ, цѣлыя провинціи не обнаруживали никакого слѣда греческаго вліянія, другія же, какъ Ликія и Памфилія, развили на греческой основѣ своеобразную культуру; но въ самомъ сердцѣ страны жилъ настоящій кельтскій народъ, галаты, сохранившій свой языкъ и воинскую доблесть и во времена императоровъ поставлявшій лучшую часть малоазіатскихъ рекрутовъ. Тѣмъ не менѣе эти особенности все больше отступали на задній планъ, повсюду распространялись языкъ и образованіе грековъ, которые, съ легкимъ оттѣнкомъ итальянскаго элемента, составляли отличительную черту восточныхъ частей Римской имперіи, и въ концѣ концовъ даже крестьянская Каппадокія посылала въ Аѳины жаждавшихъ знанія молодыхъ людей, грубый діалектъ которыхъ, правда, приводилъ въ отчаяніе утонченно образованныхъ аѳинскихъ учителей.

На время первыхъ императоровъ приходится исчезновеніе немногихъ политически обособленныхъ небольшихъ государствъ, сохранившихъ свое существованіе и послѣ времени завоеваній или, какъ нѣкоторое число маленькихъ княжествъ въ районѣ прежняго государства Митрадата, только въ это время образовавшихся въ качествѣ временныхъ учрежденій. Галатское государство перестало существовать уже въ 25 году до Р. Х. и стало римской провинціей; Тиберій положилъ конецъ самостоятельному существованію Каппадокіи вскорѣ послѣ своего воцаренія (17 г. послѣ Р. Х.), область ликійскаго союза городовъ была включена въ имперію при императорѣ Клавдіи (43 г.), понтійскія княжества — въ 63 году. Самымъ больнымъ мѣстомъ римской Малой Азіи оставались страны Тавра — Исаврія и Киликія, со своимъ необузданнымъ населеніемъ, почти непобѣдимымъ на своей дикой родинѣ, населеніемъ, которое тамъ, гдѣ богатыя лѣсомъ возвышенности его страны примыкали къ морю, занималось также съ неискоренимой любовью морскимъ разбойничествомъ и страна котораго являлась излюбленнымъ мѣстомъ убѣжища всѣхъ потерянныхъ и отчаявшихся личностей. Предпріятія римлянъ противъ морского разбойничества всегда были направлены прежде всего противъ киликійскихъ хищническихъ гнѣздъ, но ни республика, ни первое время имперіи не прекратили его и не обуздали горныхъ жителей, къ которымъ въ этомъ смыслѣ нужно причислить часть писидійцевъ. Увеличивавшееся заселеніе страны смягчило, наконецъ, нравы и здѣсь и принудило горныя племена сохранять миръ. Но стоило только наступить эпохѣ политическихъ смутъ, чтобъ эти племена возвратились къ своему старому образу жизни. Въ самомъ дѣлѣ, исаврійцы снова выступали при позднѣйшихъ императорахъ и въ византійской имперіи, какъ опасные разбойники и пираты, а лучшіе бойцы изъ дикой шайки иногда достигали чести въ качествѣ тѣлохранителей окружать восточно-римскаго императора, и наконецъ даже двое изъ нихъ (Зенонъ и Левъ III) взошли на византійскій императорскій тронъ.

Остальная Малая Азія была при римскихъ императорахъ цвѣтущей страной отчасти съ очень густымъ, высоко цивилизованнымъ населеніемъ. Управлялась эта область сенатомъ и распадалась на 4 намѣстничества, изъ которыхъ только два (Азія въ тѣсномъ смыслѣ и Понтъ съ Виѳиніей) лежали на материкѣ, тогда какъ Кипръ и Критъ, съ которымъ соединена

была также африканская Кирена, изъ чисто административныхъ соображеній были отнесены къ Малой Азіи. Позже дѣленіе часто измѣнялось; въ византійское время, когда и Малой Азіи постоянно угрожали нападенія, страна распалась на массу округовъ (тэмъ) очень различнаго размѣра съ военнымъ управленіемъ. Нападенія извнѣ начались во ремя войнъ съ персами: въ 609 году персы появились въ первый разъ въ Каппадокіи, въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій много разъ проходили черезъ весь полуостровъ и, наконецъ, по цѣлымъ годамъ угрожали съ восточнаго берега Босфора Константинополю. Это были первые изъ тѣхъ уничтожающихъ ударовъ, подъ которыми наконецъ должна была пасть великолѣпная культура Малой Азіи.

Совершенно иной видъ, чѣмъ на мало-азіатскомъ полуостровѣ, имѣли условія жизни въ Сиріи. Если Малая Азія только въ своей восточной части составляла пограничную страну римской имперіи и даже здѣсь была прикрыта буферными государствами, Арменіей и Иверіей, Сирія, напротивъ, граничила частью съ тѣми месопотамскими областями, изъ-за обладанія которыми кипѣла вѣчная борьба между римлянами и персами, частью съ безграничной аравійской пустыней съ ея свободолюбивыми бедуинскими племенами, надъ которыми никогда нельзя было пріобрѣсти прочнаго господства. Но сама страна по своимъ свойствамъ чрезвычайно благопріятствуетъ существованію этнографическихъ и политическихъ особенностей, какъ и теперь она представляетъ убѣжище неслыханному числу національныхъ элементовъ и религіозныхъ формъ.

Двѣ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ формы возникли уже очень давно на сирійской почвѣ: финикійскій союзъ городовъ на узкомъ, далеко растянувшемся прибрежьѣ Средиземнаго моря и израильское теократическое государство въ горахъ Палестины. Время обоихъ прошло, когда Римъ наложилъ свою руку на Сирію, въ особенности время финикійской свободы, если не финикійской культуры, поскольку она касалась производства и обмѣна. Еще лежали на берегу цвѣтущіе, промышленные города, еще процвѣтала торговля и скоплялось богатство въ кладовыхъ купцовъ; но духовное господство принадлежало греческому элементу, который при Селевкидахъ подъ покровительствомъ государей распространился повсюду и создалъ себѣ въ городѣ Антіохіи все затмѣвавшій центръ своей культуры. Сѣверная Сирія, какъ ни мало были оттѣснены или совершенно эллинизированы первоначальные слои населенія, во время римскаго господства была преимущественно греческой страной. Настоящему эллинизму, правда, мало полезно было его смѣшеніе съ восточной роскошью и изнѣженностью, Антіохія была въ полную противоположность выросшей на египетской культурной почвѣ Александріи не чѣмъ инымъ, какъ городомъ наслажденій и чувственности, и ея изнѣженные насмѣшливые обитатели до ничтожества мало сдѣлали для развитія цивилизаціи; но все-таки именно въ Сиріи долго находился центръ тяжести восточной половины римской имперіи.

Если сѣверная Сирія, благодаря господству Селевкидовъ и эллинизаціи, досталась римлянамъ, какъ довольно сплоченная, цѣльная область, управленіе которой не причиняло большихъ затрудненій и которая впослѣдствіи совершенно не жила самостоятельною жизнью, то южныя области, напротивъ, представляли образцовую карту многочисленныхъ мелкихъ государствъ, политическія стремленія которыхъ многообразно перекрещивались. Въ Ливанѣ, который всегда былъ мѣстомъ убѣжища отдѣленныхъ отъ своихъ соплеменниковъ національныхъ элементовъ, существовало довольно много болѣе или менѣе самостоятельныхъ владѣній, на границѣ пустыни лежало государство набатейцевъ, арабскія небольшія государства продолжали существовать въ степи и на границѣ Месопотаміи.

Всего запутаннѣе были отношенія въ Палестинѣ. Римляне сначала

находили даже выгоднымъ для себя увеличивать еще больше число небольшихъ государствъ, чтобы помѣшать сплоченному сопротивленію области. Политическія, національныя и религіозныя стремленія причудливо дѣйствовали здѣсь другъ противъ друга. Іерусалимская теократія, всегда стремившаяся къ независимости, но не имѣвшая силъ осуществить это притязаніе, не могла быть разсматриваема, какъ безсильное небольшое государство, такъ какъ римляне должны были считаться съ еврейскимъ народомъ, уже тогда широко распространеннымъ, во многихъ мѣстахъ опаснымъ по своей многочисленности и естественно видѣвшимъ въ каждомъ оскорбленіи своей древней святыни покушеніе на свое собственное существованіе. Къ тому же религіозное вліяніе евреевъ постоянно возрастало, потому что начинавшееся распаденіе язычества приводило въ ихъ ряды многочисленныхъ прозелитовъ, которые охотно принимались; временно могло даже казаться, что іудейству удастся побѣдить греческую языческую религію, пока расцвѣтъ христіанства не далъ ходу эволюціи другого направленія. Но при всей осторожности, съ которой римское правительство относилось къ іудейскому теократическому государству, противорѣчіе между требованіями политической жизни и узкимъ формализмомъ іудейскаго духовенства неизбѣжно приводило все къ новымъ усложненіямъ. Цезарь предоставилъ идумейцу Антипатру, какъ наслѣднику маккавейскаго царскаго дома, господство надъ Іудеей подъ такими благопріятными условіями, какія только могли быть предложены, но совершенно не удовлетворилъ этимъ многочисленныхъ представителей еврейскаго національнаго царства; когда новая династія, при нападеніи пареянъ, принуждена была бѣжать на нѣкоторое время изъ страны, Иродъ, сынъ и наслѣдникъ Антипатра, увидѣлъ себя вынужденнымъ послѣ своего возвращенія подчинять силой оружія своихъ собственныхъ возмутившихся подданныхъ. Періодъ великой борьбы между Августомъ и Антоніемъ Иродъ пережилъ счастливо, но любви еврейскаго народа онъ не пріобрѣлъ (см. стр. 202); его суровая энергія, съ которой онъ распоряжался прежде всего въ своей семьѣ, повредила ему при этомъ меньше, чѣмъ его чужеземное происхожденіе и его склонность къ эллинизму.

Послѣ смерти Ирода (4 г. послѣ Р. Х.) его государство, которое благосклонность Августа значительно расширила посредствомъ прибавленія маленькихъ княжествъ, было подѣлено между его тремя сыновьями: Галилея и Перея перешли къ Ироду Антипѣ, батанейская область, къ югу отъ Дамаска, къ Филиппу; югъ, Іудею, Самарію и Идумею получилъ Архелай. Оба сѣверныхъ княжества существовали довольно долго, были соединены Агриппой II, правнукомъ Ирода, въ одно государство и продержались до царствованія Траяна. На югѣ же евреи сейчасъ же подняли открытое возстаніе, Архелай оказался неспособнымъ къ правленію, и Августъ былъ вслѣдствіе этого принужденъ уже черезъ 2 года послѣ смерти Ирода обратить Палестину въ *римскую провинцію* и назначить Кесарею мѣстопребываніемъ намѣстника. Очевидно, и на этотъ разъ онъ хотѣлъ пощадить еврейскую щекотливость, но объ искреннемъ примиреніи съ приверженцами еврейскаго Божественнаго государства, требованія которыхъ по мѣрѣ возрастанія неосуществимости ихъ надеждъ скорѣе увеличивались, чѣмъ уменьшались, нечего было и думать. Зарождавшееся *христіанство* показало выходъ изъ этого положенія, которое неизбѣжно должно было привести къ гибели; но между настоящими евреями оно нашло немногихъ приверженцевъ. У этихъ послѣднихъ въ началѣ проявляются въ сильной степени національныя надежды; но эти приверженцы были мало по малу уничтожены. Въ этомъ отношеніи христіанство вообще долго еще не имѣло никакого значенія для политической исторіи Палестины.

Постепенно *взаимное неудовольствіе* между римскими императорами и евреями возростало; что и эмигрировавшіе евреи пріобрѣли себѣ

мало симпатій, показало направленное противъ нихъ ужасное возмущеніе въ Александріи въ царствованіе Калигулы, первый антисемитическій взрывъ въ римской имперіи. Къ несчастью, императорское правительство не приняло заранѣе мѣръ, которыя сдѣлали бы возмущеніе въ Палестинѣ невозможнымъ или могли бы подавить его въ зародышѣ, но въ беззаботномъ равнодушіи предоставило событіямъ идти своимъ чередомъ. Инсургентскіе отряды появлялись все въ большемъ количествѣ уже съ 44-го года, убійства римскихъ солдатъ и чиновниковъ повторялись безпрестанно, глухое безпокойство овладѣло еврейскими крестьянами и горожанами. Въ 66 году разразилось открытое возстаніе въ Кесареѣ, вскорѣ затѣмъ въ Іерусалимѣ, ужасныя избіенія показали серьезность возмущенія; скоро вся Іудея была охвачена открытымъ мятежомъ. Посланный Римомъ императорскій легатъ Веспасіанъ долженъ былъ заново завоевывать всю страну въ многолѣтней тяжелой войнѣ, причемъ смуты въ римскомъ государствѣ, которыя наконецъ посадили на тронъ самого Веспасіана, были, конечно, очень полезны евреямъ, но слѣпой фанатизмъ и разъединеніе въ собственномъ лагерѣ дѣлали напрасными всѣ преимущества; въ 70 году сынъ и наслѣдникъ Веспасіана, Титъ привелъ Іерусалимъ къ паденію, и пожаръ храма освѣтилъ борьбу не на жизнь, а на смерть послѣднихъ защитниковъ еврейскаго теократическаго государства.

Іерусалимъ остался лежать въ развалинахъ, пока императоръ Адріанъ не основалъ на его мѣстѣ римской колоніи. Въ большомъ возстаніи евреевъ въ царствованіе Траяна Палестина собственно принимала сравнительно мало участія; интересно, что послѣднее большое возмущеніе евреевъ въ святой землѣ было вызвано благожелательнымъ основаніемъ новаго города на развалинахъ Іерусалима по повелѣнію Адріана. Подъ предводительствомъ священника Елеазара и бандита Бар-Кохбы поднялось тогда еще разъ еврейство на упорное отчаянное сопротивленіе: но слѣдствіемъ его было только полное опустошеніе страны, которая теперь даже свое имя Іудея должна была замѣнить новымъ обозначеніемъ: Сирія Палестина.

Спокойнымъ сосѣдомъ и позже подданнымъ римлянъ было набатейское государство, которое къ сѣверу отъ Краснаго моря занимало большую часть расположенныхъ къ востоку отъ Іордана областей и во время своего процвѣтанія владѣло даже Дамаскомъ (см. выше, стр. 216). Набатейское племя возникло по всей вѣроятности изъ смѣшенія арабскихъ и хамитскихъ или по крайней мѣрѣ сирійскихъ элементовъ. Побуждаемое своимъ положеніемъ на сѣверо-восточномъ заливѣ Краснаго моря и на перекресткѣ важныхъ, предписанныхъ природой караванныхъ дорогъ, это племя рано начало заниматься торговлей и достигло такой культуры, которая дѣлала его гораздо болѣе способнымъ образовать государство, чѣмъ бедуиновъ сосѣднихъ степей ихъ любовь къ свободѣ и воинская доблесть. Центромъ набатейскаго государства и резиденціей государей была Петра, находившаяся на скалистомъ плоскогоріи между Мертвымъ моремъ и Акабскимъ заливомъ. Государство это подчинилось Августу и оставалось, несмотря на незначительныя недоразумѣнія, незатронутымъ до царствованія Траяна, между важнѣйшими политическими дѣйствіями котораго слѣдуетъ назвать уничтоженіе большей части сирійскихъ мелкихъ государствъ. Въ 106 году набатейское государство было уничтожено, Дамаскъ присоединенъ къ Сиріи, остальная область подъ именемъ „провинціи Аравіи“ была поставлена подъ непосредственное римское управленіе; не къ ея вреду, какъ доказываютъ еще теперь остатки ея цвѣтущихъ городовъ. Провинція охватывала только часть сѣвернаго края аравійской пустыни, но была окружена вѣнцомъ полунезависимыхъ бедуинскихъ государствъ, вліяніе и размѣры которыхъ увеличивались, по мѣрѣ того какъ въ позднѣйшее время римская власть стала ослабѣвать.

Но несомнѣнно самымъ важнымъ и наиболѣе замѣчательнымъ по вне-

запнымъ перемѣнамъ судьбы изъ сирійско-арабскихъ пограничныхъ государствъ была Пальмира (ср. стр. 217). Очень рано, еще до перехода Сиріи во владѣніе римлянъ, въ оазисѣ Пальмиры развилась цвѣтущая община, которая являлась посредникомъ въ караванной торговлѣ между Сиріей и среднимъ Евфратомъ, имѣвшей болѣе широкое значеніе, какъ важное звено въ торговлѣ съ Индіей. Въ эпоху первыхъ императоровъ городъ присоединился къ римской имперіи, но уже благодаря своему положенію — между парѳянскими и римскими владѣніями — сохранилъ извѣстную свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ не незначительную силу. Необходимость охранять караванные пути принудила къ развитію военной силы; столкновенія съ разбойничьими бедуинскими племенами всегда въ концѣ концовъ кончались въ пользу пальмиранцевъ и имѣли слѣдствіемъ постоянное расширеніе пальмирскихъ владѣній, которыя наконецъ охватили большую часть угла между среднимъ Евфратомъ и сирійской границей. Это былъ одинъ изъ случаевъ, когда стройно организованное населеніе оазиса приводило въ зависимость отъ себя народы пустыни; въ Пальмирѣ господствовалъ не языкъ кочевыхъ арабовъ, а сирійскій діалектъ земледѣльческаго и городского класса. Вначалѣ городъ, вѣроятно, былъ организованъ республикански; но вліяніе римлянъ, которые имѣли обыкновеніе назначать изъ одного изъ туземныхъ родовъ верховнаго начальника, создало княжескую власть, которая въ концѣ концовъ начала становиться наслѣдственной. Въ рукахъ такого князя сосредоточивалась далеко не незначительная власть: военная сила, получившая опытность въ непрерывныхъ мелкихъ войнахъ, ополченіе племенъ пустыни, богатства, накопленныя въ хорошо укрѣпленномъ, защищенномъ пустыней городѣ оазиса — все это должно было раньше или позже возбудить честолюбіе одного изъ этихъ князей и внушить ему желаніе взять на себя рѣшающую роль въ пограничной войнѣ между Римомъ и Персіей и на счетъ враждующихъ сторонъ основать новое могущественное государство.

Никогда не было болѣе благопріятнаго случая для осуществленія такихъ плановъ, чѣмъ при первомъ государѣ изъ дома Сасанидовъ, Шапурѣ I. Императоръ Валеріанъ послѣ проиграннаго сраженія попалъ въ руки персовъ, Антіохія отворила свои ворота опустошителямъ, страна, за исключеніемъ немногихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, была открыта персидскимъ полчищамъ, которыя, ища добычи, рыскали по цвѣтущимъ полямъ. Пальмира продолжала спокойно оставаться въ сторонѣ; но когда Шапуръ слишкомъ поспѣшно началъ отступленіе, появились всадники пальмирскаго князя Одената (стр. 218), изрубили массу народа изъ нестройной арміи и увезли громадную добычу въ свой городъ, находившійся среди пустыни. Оденатъ сумѣлъ очень искусно воспользоваться тѣмъ вліяніемъ, которое онъ пріобрѣлъ благодаря этому смѣлому нападенію; въ спорѣ за римскій императорскій тронъ онъ рѣшительнымъ образомъ сталъ на сторону Галліена, побѣдилъ его противника на востокѣ, всюду заставлялъ признавать новаго государя, благодаря этому сталъ фактически верховнымъ главой Сиріи и былъ признанъ благодарнымъ Галліеномъ въ качествѣ намѣстника востока. Немедленно энергичный князь возстановилъ всюду порядокъ, усилилъ свои войска обломками римскихъ легіоновъ и сирійскими вспомогательными отрядами и предпринялъ въ свою очередь походъ противъ персовъ; послѣ того какъ онъ очистилъ отъ непріятеля римскую часть Месопотаміи и освободилъ осажденную Эдессу, онъ дважды появлялся подъ стѣнами Ктесифона.

Когда Оденатъ былъ убитъ однимъ своимъ родственникомъ, бразды правленія захватила его жена Зеновія (Батъ Заббаи) отъ имени своего несовершеннолѣтняго сына. По энергіи новая правительница не уступала своему мужу, но ей недоставало того тонкаго чувства такта, съ которымъ Оденатъ поддерживалъ внѣшній видъ римскаго верховнаго господства и ус-

пѣшно удержалъ за собой свою опасную позицію. Въ качествѣ „правительницы востока“ она потребовала Малой Азіи и Египта, оружіемъ завладѣла нильской долиной и послала войска на малоазіатскій полуостровъ; такимъ образомъ для новаго императора Авреліана было достаточно основаній начать борьбу, прежде чѣмъ стало бы поздно и улетучились бы послѣдніе остатки центральной власти на востокѣ. Египетъ былъ отвоеванъ въ 270 году, правда, только послѣ упорной борьбы, а въ слѣдующемъ году Авреліанъ явился лично съ испытанными легіонами запада въ Сирію. При Антіохіи и Ганезѣ войско Зеновіи потерпѣло рѣшительныя пораженія; но у правительницы оставалась еще твердыня Пальмиры, которую трудно было достигнуть и еще труднѣе осадить. Когда Авреліанъ рѣшился и на это, правительница пала духомъ: подъ защитой ночи она убѣжала къ Евфрату, чтобы спастись въ персидскія владѣнія и, быть можетъ, съ помощью персидскаго войска освободить свой городъ. Но скоро римскіе всадники устремились по ея слѣдамъ; она была схвачена. Послѣ этого и Пальмира перестала сопротивляться. Такъ пало государство Пальмиры; вскорѣ за нимъ долженъ былъ послѣдовать и городъ. Возстаніе гражданъ въ 273 году окончилось полнымъ разрушеніемъ Пальмиры, которая никогда уже не поднялась больше изъ своихъ развалинъ. Какъ миражъ пустыни, показалось вдругъ это чудесное царство на восточномъ горизонтѣ римскаго міра, чтобы затѣмъ быстро и безслѣдно исчезнуть навсегда.

Долговѣчнѣе, но и вмѣстѣ съ тѣмъ незначительнѣе были тѣ мелкія государства въ Месопотаміи, которыя были спасены отъ гибели соперничествомъ между Римомъ и Персіей, такъ какъ обѣ державы были заинтересованы въ существованіи небольшихъ промежуточныхъ государствъ. Сравнительно важнѣе всѣхъ другихъ Эдесса, которая подъ властью арабской династіи всегда сохраняла извѣстную долю самостоятельности и даже еще во время крестовыхъ походовъ является своеобразной, въ значительной степени сохранявшей свою независимость общиной.

г) Арменія и Иверія.

Еще остается бросить взглядъ на дикую горную страну, посылающую внизъ отъ себя на равнину рѣкъ — близнецовъ Евфрата и Тигра, на разорванныя долины и ледяныя снѣжныя горы Арменіи. Изъ старыхъ алародскихъ элементовъ вслѣдствіе примѣси иранскихъ завоевательныхъ полчищъ развилось воинственное свободолюбивое племя; въ началѣ этотъ народъ мало былъ объединенъ, его территорія была раздроблена на безчисленное количество мелкихъ феодальныхъ владѣній и являлась родной страной для разбойниковъ и бѣглецовъ, страной вѣчныхъ мелкихъ воинъ и хищнаго рыцарства, со своими неприступными замками, ущельями и лѣсными чащами. Вліяніе иранской культуры и религіи смягчило съ теченіемъ времени дикіе нравы, примѣръ персидскаго великаго царя призвалъ къ жизни армянскихъ царей, но вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилъ армянское національное сознаніе къ неожиданно сильному развитію. Паденіе царства Ахеменидовъ и вскорѣ послѣ этого конецъ міровой монархіи Александра Великаго отдали опять самой себѣ мало привлекательную страну и совершенно избавили ее отъ эллинизаціи, которая тогда такимъ кореннымъ образомъ преобразила Сирію и Месопотамію.

Одно время казалось, что Арменіи суждено взять на себя верховенство надъ иранскими племенами. Съ ошеломляющей быстротой и силой расширялось при Тигранѣ (см. фиг. 4 таблицы къ стр. 129 тома IV) армянское государство. Казалось, что какъ парѳянамъ востокъ, такъ армянамъ долженъ достаться въ наслѣдство западъ государства Селевкидовъ. Но соперничество трехъ иранскихъ „великихъ царей“, которые стояли тогда рядомъ другъ съ другомъ и скоро должны были всту-

пить въ борьбу съ Римомъ, принесло свои горькіе плоды. Съ холоднымъ равнодушіемъ Тигранъ оставлялъ истекать кровью въ безнадежной борьбѣ своего великаго западнаго сосѣда, Митридата понтійскаго, и съ такимъ же равнодушіемъ смотрѣлъ пареянскій царь, какъ государство Тиграна пало подъ ударами римскихъ легіоновъ и самъ онъ, низверженный со всѣхъ небесъ своего раздутаго высокомѣрія, на колѣняхъ подавалъ свою корону Помпею.

Съ тѣхъ поръ съ мечтами Арменіи о могуществѣ было все кончено. Если страна не сдѣлалась вполнѣ римской или персидской, то этимъ она была обязана только тому обстоятельству, что оба враждующія государства предпочитали оставлять негостепріимную горную страну подъ охраной туземныхъ князей, чѣмъ пытаться держать ее въ непосредственномъ подчиненіи при помощи несоразмѣрныхъ усилій. Часто Арменія распадалась на восточную и западную часть, такъ на нѣкоторое время уже при Селевкидахъ и снова позже, когда восточная римская имперія и персы пришли къ соглашенію относительно раздѣленія сферъ ихъ вліянія, но вообще Арменія была наполнена владѣніями мелкихъ дворянскихъ родовъ, которые по произволу то признавали царя, то противились ему въ своихъ скалистыхъ замкахъ и не пренебрегали чужой помощью противъ своего собственнаго государя.

Едва-ли нужно перечислять безпрестанныя перемѣны военнаго счастья и постоянныя перемѣны границъ леннаго господства Рима и Пароіи, наполняющія исторію Арменіи; но все-таки слѣдуетъ сказать, что во всемъ этомъ хаосѣ армянское національное сознаніе не заглохло, а напротивъ, все сильнѣе работало надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать свою народность духовно самостоятельной и прежде всего посредствомъ выработки чисто армянской культуры лишить значенія попытки иранцевъ при помощи ученія Заратустры и его служителей пріобрѣсти верховенство въ странѣ. Наиболѣе дѣйствительнымъ оружіемъ противъ иранскаго вліянія является съ начала IV столѣтія христіанство, которое стало въ 323 году государственной религіей Арменіи благодаря открытому принятію его царемъ Тиридатомъ (ср. въ IV томѣ). Сасаниды дѣлали самыя напряженныя усилія, чтобы искоренить новое вѣроученіе, пока оно не укрѣпилось прочно, но совершенно безуспѣшно. Рядомъ со свѣтской княжеской властью возникла въ Арменіи духовная, представителямъ которой мало-по-малу удалось внушить народу страстную ревность къ христіанской религіи, отождествить ее съ нимъ до извѣстной степени, такъ что всѣ попытки обращенія, сдѣланныя иранскими жрецами, которые въ числѣ 300 человѣкъ однажды вступили въ Арменію во главѣ персидскаго войска, потерпѣли такую же неудачу, какъ позже всѣ обольщенія ислама. Святой Георгій[1], полусказочный миссіонеръ и просвѣтитель Арменіи, былъ первымъ „католикосомъ“ и основателемъ этой духовной династіи. Когда затѣмъ въ тотъ спокойный періодъ, который начался со смертью Шапура II, былъ изобрѣтенъ армянскій алфавитъ и библія была переведена на армянскій языкъ, отдѣленіе армянскаго народа отъ иранства можно было считать окончательнымъ.

Примѣръ Арменіи дѣйствовалъ и дальше на сѣверѣ. Здѣсь, на юго-западѣ Кавказа, жили иверійцы, которымъ прибрежные греческіе города и долголѣтняя принадлежность къ понтійскому государству привили нѣкоторую культуру, восточнѣе же болѣе грубые албанцы (или аланы); первые были преимущественно земледѣльцами и горными пастухами, а послѣдніе — владѣльцами стадъ на широкихъ равнинахъ на нижней Курѣ, причемъ эти хищные, легко передвигавшіеся сосѣди причиняли много вреда персамъ. Иверійцы рано объединились въ государство и въ своей политикѣ охотно примыкали къ болѣе могущественной Арменіи; но будучи

---

[1] Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду Григорія (не Георгія) Просвѣтителя. Ред.

слабѣе ея и подвергаясь опасности нападеній съ моря, они обыкновенно принуждены были признавать себя вассалами римлянъ. Эта связь съ Римомъ стала еще тѣснѣе, когда почти одновременно съ армянскими князьями и иверійскіе перешли въ христіанство; противодѣйствіе персовъ и здѣсь явилось слишкомъ поздно, только на короткое время удалось имъ въ VI-мъ столѣтіи оттѣснить на задній планъ вліяніе римлянъ. Съ тѣмъ большей энергіей распространяли персидскіе государи свою власть на востокѣ до самыхъ кавказскихъ проходовъ, потому что въ самомъ дѣлѣ владѣніе этими воротами для вторженія враговъ являлось вопросомъ жизни и смерти для ихъ страны. Пока персидскія войска владѣли горными воротами, до тѣхъ поръ черезъ горы могли переходить въ самомъ худшемъ случаѣ какъ-нибудь случайно въ качествѣ наемниковъ небольшіе отряды изъ жившихъ на сѣверѣ Кавказа кочевыхъ ордъ. Но какъ только въ минуту слабости ключъ отъ воротъ выскальзывалъ изъ рукъ великихъ царей, пламя деревень и стоны народа напоминали имъ очень скоро объ ихъ обязанностяхъ.

Положеніе дѣлъ въ Арменіи и Иверіи показываетъ, что въ борьбѣ между Римомъ и Персіей, продолжавшейся цѣлыя сотни лѣтъ, дѣло шло всегда лишь о незначительномъ расширеніи территоріи. Духовно-религіозная борьба, происходившая рядомъ съ военными столкновеніями, имѣла въ будущемъ болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ всѣ сраженія, остававшіяся безъ прочныхъ результатовъ какъ для одной, такъ и для другой стороны. Только одного достигли въ концѣ концовъ воюющіе, именно того, что ихъ силы были истощены до крайности и сила сопротивленія ихъ странъ была разбита. Едва переводя дыханіе, съ изрубленнымъ оружіемъ, истекая кровью изъ зіяющихъ ранъ, стояли другъ противъ друга римская имперія и Персія въ моментъ смерти великаго опустошителя Хосроя II, готовыя наконецъ протянуть руку для примиренія. Но тутъ появился на аренѣ борьбы новый врагъ, который съ одинаковой ловкостью дѣйствовалъ оружіемъ войны и духа и бурнымъ нападеніемъ низвергъ на землю обоихъ истощенныхъ до смерти противниковъ.

3. Завоеванія арабовъ и халифатъ.

А. Отъ Абу-Бекра до Алія.

Не одно только крайнее обезсиленіе восточныхъ римлянъ и персовъ обезпечило побѣду приверженцевъ ислама: если бы было одно только это основаніе, то врядъ ли новое царство вѣры могло удержаться на долгое время, врядъ ли былъ бы уничтоженъ культъ огня и вырваны у христіанства цѣлыя провинціи; напротивъ, тогда скоро встрѣчный ударъ вновь усилившихся враговъ положилъ бы конецъ владычеству арабовъ. Въ дѣйствительности побѣда арабовъ является открытымъ провозглашеніемъ всемірно-историческаго факта, на который до тѣхъ поръ обращали мало вниманія, не говоря уже о томъ, что важность его совершенно не сознавалась: арабы овладѣваютъ тѣми странами, въ которыхъ они еще раньше постепенно достигли численнаго преобладанія, и, выходя изъ этой прочной основы, преобразуютъ политическія и религіозныя отношенія всей западной Азіи. Если бы въ самомъ дѣлѣ за оружіе взялись только племена собственной Аравіи, племена немногочисленныя и къ тому же еще ослабленныя междоусобными войнами въ моментъ смерти пророка, побѣда ислама была бы въ высшей степени загадочна. Но область поселенія арабовъ уже давно не ограничивалась полуостровомъ.

Съ незапамятныхъ временъ подвижные номады выдвинулись въ сирійскую пустыню, являющуюся только широкимъ продолженіемъ Аравіи; уже давно арабскія стада паслись въ долинѣ Іордана, вблизи Дамаска и

на Синайскомъ полуостровѣ стояли палатки бедуиновъ, набатейское царство было по существу государствомъ арабскаго типа. Паденіе Вавилоніи и Ассиріи открыло затѣмъ новыя области: Евфратъ не мѣшалъ арабскимъ племенамъ выдвигаться въ пустынную степную страну между его среднимъ теченіемъ и теченіемъ Тигра. Повсюду, гдѣ война разрушила города, уничтожила культурныя страны, появлялись номады въ качествѣ ликующихъ наслѣдниковъ; они проникли уже за Тигръ и наполнили юго-западный уголъ Персіи, который и теперь еще носитъ имя Арабистана. Столь же мало, какъ и на родномъ полуостровѣ, бедуины стремились на новыхъ мѣстахъ поселенія къ государственному объединенію, никогда не выступали они сплоченными на всемірно-историческую сцену. Когда римляне и парѳяне шли на борьбу другъ противъ друга, борьбу, никогда не кончавшуюся полной побѣдой одной стороны, отдѣльные отряды, правда, шли на службу къ одному изъ противниковъ; но масса арабскихъ племенъ уходила въ свои недоступныя нападенію пустыни, вполнѣ довольная возможностью наслаждаться счастьемъ убогой свободы и въ крайнемъ случаѣ посредствомъ безсистемнаго грабежа выхватывать добычу изъ общаго хаоса то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ.

Во всякомъ случаѣ оказалось, что все сильнѣе возраставшее арабское населеніе Месопотаміи и Сиріи, которое постепенно начало образовывать и осѣдлыя колоніи въ болѣе плодородныхъ мѣстахъ, не было совершенно ничтожной политической силой. Примѣръ сосѣднихъ государственныхъ организацій не остался безъ вліянія на арабовъ. Еще больше могло подѣйствовать на нихъ сліяніе съ осѣдлымъ населеніемъ плодородной страны, такъ что наконецъ начали образовываться и арабскія государства. Набатейское царство въ восточно-іорданской странѣ уже названо выше; ему соотвѣтствовало въ южной Месопотаміи царство Хира, которое въ 614 году было, правда, захвачено персами, точно такъ-же, какъ набатейское государство было обращено римлянами въ провинцію Аравію. Затѣмъ, во времена Траяна, бедуины возстали въ сѣверной Месопотаміи подъ предводительствомъ какого то Манна. Арабскимъ царствомъ было также эдесское царство, первоначально основанное, по всей вѣроятности, набатейцами; оно сохранилось во всѣхъ буряхъ персидскихъ войнъ, а царь армянскій Тигранъ насильственнымъ поселеніемъ арабскихъ племенъ еще болѣе укрѣпилъ это царство и усилилъ его національный характеръ.

Во всѣхъ этихъ государствахъ военное дѣло было лучше организовано и стояло на болѣе высокой ступени, что вполнѣ понятно, чѣмъ въ собственной Аравіи. Въ особенности послѣ послѣднихъ ожесточенныхъ войнъ между Хосроемъ II и Геракліемъ не было недостатка, конечно, въ опытныхъ воинахъ, которые принимали участіе въ борьбѣ въ качествѣ наемниковъ той или другой стороны и были знакомы съ боевымъ строемъ римлянъ и персовъ. Вѣдь уже большая часть войскъ Пальмиры состояла изъ арабовъ! Вождямъ мусульманскаго движенія стоило только воодушевить въ пользу новой религіи арабовъ въ Сиріи, Иракѣ (древней Вавилоніи) и Месопотаміи, чтобы разомъ получить въ свое распоряженіе многочисленныя, частью даже хорошо обученныя и хорошо вооруженныя толпы воиновъ; и жители городовъ и культурныхъ странъ не могли противостоять вдругъ хлынувшей со всѣхъ сторонъ волнѣ. Мухаммедъ самъ очень хорошо понялъ это, съ удивительной настойчивостью все вновь и вновь посылая отряды правовѣрныхъ въ область Мертваго моря, центральную провинцію древняго набатейскаго царства, и подготовляя еще въ послѣдніе дни своей жизни новый походъ въ эту страну.

Послѣ того какъ Абу-Бекръ усмирилъ возстаніе въ Аравіи, онъ рѣшилъ всѣми силами продолжать политику пророка. Что онъ, однако, первый натискъ на этотъ разъ рѣшилъ направить не противъ Сиріи, а противъ Персіи, является вполнѣ естественнымъ. Поле зрѣнія Мухаммеда остава-

лось ограниченнымъ главнымъ образомъ западной Аравіей; Сирія была единственной страной, въ которой положеніе дѣлъ было ему въ извѣстной мѣрѣ знакомо. Напротивъ, взоръ Абу-Бекра охватывалъ весь полуостровъ съ его пограничными странами, и онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ не видѣть, что необыкновенно плотное арабское населеніе въ Иракѣ, которое, конечно, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за событіями въ Аравіи, представляло совершенно иную почву для успѣшной пропаганды, чѣмъ жители сирійской границы. Иракійцы, хотя они благодаря своему положенію во время прежнихъ войнъ непосредственно меньше пострадали, давно уже тяготились персидскимъ господствомъ; ихъ страна, все еще плодородная, обогащенная торговлей съ Индіей, преимущественно передъ другими подвергалась разоренію, всякій разъ, когда государственная касса была истощена, особенно съ тѣхъ поръ, какъ персидскій сатрапъ замѣнилъ царя Хиры. Нуженъ былъ только поводъ, чтобы ниспровергнуть здѣсь владычество персовъ.

Въ мартѣ 633 года мусульманскій вождь Халидъ выступилъ со своимъ испытаннымъ войскомъ изъ внутренней Аравіи противъ Двурѣчья, а впередъ еще раньше было послано въ качествѣ авангарда ополченіе одного арабскаго племени. Навстрѣчу мусульманскимъ войскамъ, число которыхъ скоро достигло 18,000, выступилъ только Гормузъ, главный начальникъ Оболлы въ Иракѣ, во главѣ быстро собраннаго войска, отвѣтившій на увѣщаніе Халида принять исламъ вызовомъ на поединокъ. Такъ какъ Халиду удалось повергнуть своего противника на землю въ виду обоихъ войскъ, персы по пагубному старому восточному обычаю разбѣжались почти безъ всякаго сопротивленія („Битва цѣпей“). Безъ всякаго плана выводились затѣмъ противъ арабовъ отдѣльными предводителями другіе отряды, чтобы вскорѣ претерпѣть подобную же участь. Крѣпкіе города оказали мало сопротивленія. Хира (вблизи современнаго города Хиллы) и другія мѣста были взяты, область къ западу отъ Евфрата была очищена отъ персовъ; перейти рѣку Халидъ не рѣшился еще, когда онъ былъ въ слѣдующемъ году отозванъ и поставленъ во главѣ сирійскаго войска.

Въ Сирію Халидъ прибылъ какъ разъ во время. Абу-Бекръ, получивъ возможность образовать изъ отрядовъ, вернувшихся съ театра арабской междоусобной войны, новое войско, приказалъ немедленно сдѣлать нападеніе на палестинскія пограничныя области и довелъ численность сирійской арміи, посылая нѣсколько разъ подкрѣпленія, до 36,000 человѣкъ. Но и сопротивленіе, которое повсюду встрѣчали отдѣльные отряды, было неожиданно велико, и сверхъ того раздоры вождей, заранѣе подѣлившихъ между собою намѣстничества въ Сиріи, но неспособныхъ ни къ какому общему дѣлу, совершенно парализовали всѣ предпріятія. Халиду удалось прекратить раздоры и разбить на голову въ необыкновенно кровопролитной битвѣ при Ярмукѣ, недалеко отъ Генисаретскаго озера, превосходившее по числу его силы греческое войско.

Вѣстники побѣды должны были передать свои донесенія и трофеи уже новому халифу. Только два года (632—634) несъ свои тяжелыя обязанности старый другъ и преданнѣйшій приверженецъ пророка, получившій власть вслѣдствіе неспособности и раздоровъ партіи Алія и партіи мединской; Абу-Бекръ и въ это время остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ — простымъ, добрымъ человѣкомъ примѣрнаго благочестія, образцомъ правовѣрнаго совершенно въ духѣ Мухаммеда и слѣпымъ почитателемъ всѣхъ изреченій и приказаній пророка. Всѣ его дѣйствія въ продолженіе его короткаго правленія были только продолженіемъ того, что̀ началъ Мухаммедъ; духъ пророка отбрасываетъ еще черезъ него свою тѣнь въ этотъ міръ. Гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ все, что сдѣлалъ Абу-Бекръ по своему собственному соображенію, является то, чему помѣшалъ его выборъ: партія Алія, которая стремилась къ наслѣдственной монархіи, потерпѣла благодаря ему свое

первое пораженіе, отъ котораго она никогда не оправлялась, и халифатъ остался и при его ближайшихъ преемникахъ избирательной монархіей со всѣми преимуществами и недостатками этой формы правленія.

Пока еще преобладали преимущества: Абу-Бекръ передъ своей смертью настоялъ на томъ, чтобы наиболѣе энергичный изъ всѣхъ приверженцевъ Мухаммеда, созданный быть вождемъ завоевательнаго государства Омаръ, былъ признанъ его преемникомъ. Выборы произошли не безъ противодѣйствія. Но какъ только Омаръ захватилъ въ свои руки бразды правленія, о какомъ нибудь серьезномъ противодѣйствіи больше не могло быть рѣчи; Алій, сознававшій самъ свою неспособность, поскольку его не подстрекала его партія, покорно перенесъ свое вторичное отстраненіе. Въ дѣйствительности Омаръ только открыто началъ играть роль верховнаго вождя, которую онъ фактически игралъ уже при жизни Мухаммеда и Абу-Бекра; военная политика пророка была главнымъ образомъ его дѣломъ, большая часть законовъ и изреченій корана возникла подъ его вліяніемъ. Для обрисовки его личности нѣтъ ничего характернѣе слѣдующихъ словъ, сказанныхъ имъ окружавшимъ его при вступленіи во власть: „Клянусь Богомъ, слабѣйшій между вами будетъ для меня сильнѣйшимъ, пока я не возвращу ему его права, съ сильнѣйшимъ между вами я буду поступать, какъ со слабѣйшимъ, пока онъ не подчинится праву“. Онъ доказалъ, что онъ говорилъ это съ полной серьезностью. При всей авторитетности единодержавія, которую онъ строго охранялъ, его поведеніе никогда не теряло тѣхъ чисто демократическихъ чертъ, которыя были унаслѣдованы первыми представителями ислама отъ времени бедуинскаго свободолюбія и составляли тайну ихъ успѣха. Такъ же недвусмысленно, какъ въ первые дни своего правленія, онъ высказалъ это настроеніе позже въ томъ письмѣ, въ которомъ онъ приказываетъ своему намѣстнику Саду сломать выстроенный этимъ послѣднимъ по образцу персидскаго царскаго замка дворецъ въ Куфѣ: „Я слышалъ“, пишетъ онъ, „что ты хочешь построить дворецъ по образцу замка династіи Хосроя и даже употребить для этого его ворота. Не хочешь ли ты также по ихъ примѣру поставить возлѣ воротъ стражу и привратниковъ, которые преграждали бы доступъ къ тебѣ людямъ, пришедшимъ съ просьбой къ тебѣ? Хочешь ли ты такимъ образомъ отступить отъ обычая нашего пророка и пойти дорогой персидскихъ царей, которые пошли въ адъ, несмотря на все великолѣпіе ихъ увеселительныхъ домовъ?“

Такъ же, какъ любовь Омара къ справедливости, были важны его дарованія, какъ государя, и неоспоримый талантъ, проявленный имъ въ качествѣ организатора военной силы Аравіи. Изъ пятой части всей добычи, что составляло долю халифа, была образована общественная сокровищница. То, что Омаръ принудилъ всѣхъ еще жившихъ въ Арав и христіанъ и евреевъ къ переходу въ исламъ или къ выселенію, не было вовсе слѣдствіемъ слѣпого фанатизма, но вытекало изъ желанія сдѣлать полуостровъ вполнѣ надежнымъ операціоннымъ базисомъ. Его дальнѣйшая забота должна была состоять въ томъ, чтобы по возможности увеличить арабскія войска, положеніе которыхъ сначала было трудно, особенно по отношенію къ персамъ. Это было нелегко, такъ какъ о рекрутированіи, въ нашемъ смыслѣ слова, не могло быть и рѣчи и при всей ревности къ войнѣ за вѣру старыя мусульманскія страны не могли и не хотѣли доставлять неограниченное число воиновъ; въ теченіе трехъ дней въ первый годъ своего царствованія Омаръ вызывалъ съ проповѣдническаго мѣста въ Мединѣ добровольцевъ для войны съ персами, но только на четвертый день его призывъ увѣнчался нѣкоторымъ успѣхомъ. Всѣ благочестивыя сомнѣнія должны были при этомъ исчезнуть. Всѣ отпавшія племена, съ трудомъ снова присоединенныя Абу-Бекромъ, всѣ прежніе приверженцы ложныхъ пророковъ, которыхъ Абу-Бекръ строго исключилъ изъ своихъ войскъ, теперь были посланы въ поле, хотя бы для нихъ лакомая персидская добыча имѣла

больше значенія, чѣмъ сомнительныя блаженства рая. Но Омаръ позаботился о томъ, чтобы не исчезло религіозное настроеніе войска вслѣдствіе этого увеличенія числа нетвердыхъ въ вѣрѣ: онъ послалъ въ войска большее число проповѣдниковъ, которые должны были въ пылу сраженія повторять изреченія пророка и воспламенять энтузіазмъ бойцовъ. Въ остальномъ Омаръ оставилъ неизмѣненнымъ естественное раздѣленіе войскъ на ополченія отдѣльныхъ племенъ и только назначилъ вождей для большихъ отрядовъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ измѣненіе этой организаціи, уже имѣвшейся на лицо и вполнѣ соотвѣтствовавшей характеру арабовъ, не было ни желательно, ни возможно.

Война съ персами долго требовала всего вниманія Омара. Послѣ отъѣзда Халида его преемникъ Мусанна былъ поставленъ въ необходимость только защищаться, такъ какъ внутреннія смуты въ Персіи, столь благопріятствовавшія нападенію арабовъ, до извѣстной степени уладились и въ лицѣ Рустема во главѣ персидскаго войска сталъ одинъ верховный полководецъ. Правда, арабамъ удалось, когда прибылъ Абу-Обейдъ съ вспомогательными войсками, разбить два передовыхъ отряда персовъ; но когда они, опьяненные побѣдою, перешли черезъ Евфратъ и, имѣя съ тылу рѣку, вступили въ бой съ персами, они потерпѣли кровавое пораженіе, при чемъ палъ самъ Абу-Обейдъ съ большой частью войска. Однако споры за тронъ въ Ктесифонѣ помѣшали побѣдителямъ воспользоваться своей побѣдой, такъ что Мусанна могъ удержаться на Евфратѣ, въ 634 году уничтожить часть персидскаго войска и предпринимать набѣги въ страну между Евфратомъ и Тигромъ. Только когда Ездегердъ III вступилъ на престолъ и вмѣстѣ съ Рустемомъ собралъ всѣ силы своей страны, арабы должны были отступить до границы пустыни; гонцы за гонцами появлялись въ Мединѣ, прося о помощи; казалось, что всѣ прежнія завоеванія были потеряны.

Но Омаръ между тѣмъ неутомимо ставилъ на ноги новыя толпы бойцовъ за вѣру и для поднятія воодушевленія рѣшилъ было самъ стать во главѣ войска, но въ концѣ концовъ назначилъ главнокомандующимъ Сада, стараго товарища пророка. На этотъ разъ сраженіе произошло при Кадисіи, на правомъ берегу Евфрата вблизи нынѣшняго Багдада[1]). Въ продолженіе трехъ дней происходилъ хаосъ отдѣльныхъ стычекъ, чередовались нападенія и отступленія, еще на четвертую ночь, „ночь воплей", какъ ее называютъ арабскіе лѣтописцы, боролись другъ съ другомъ тамъ и здѣсь арабскія и персидскія толпы; случай, смерть полководца персовъ Рустема, можетъ быть, также помощь вѣтра, осыпавшаго ряды персовъ ѣдкой пылью, рѣшили наконецъ судьбу сраженія въ пользу арабовъ, которые здѣсь завладѣли персидскимъ царскимъ знаменемъ (636). Побѣда дала имъ въ руки страну къ западу отъ Тигра, и они поспѣшили посредствомъ основанія города Басры на Шатъ-эл-Арабѣ запереть для персовъ плаваніе по рѣкамъ и индійскую торговлю.

Въ слѣдующемъ году Ездегердъ III оставилъ свою столицу Ктесифонъ, вокругъ которой уже появились арабскіе наѣздники, и отступилъ на свою вторую оборонительную линію, въ мидійско-персидскую горную страну, при чемъ во время бѣгства потерпѣлъ отъ преслѣдовавшаго его непріятеля тяжелыя потери. Но къ несчастью у него не было въ это время войска, чтобы защитить проходы, и арабамъ удалось овладѣть при первомъ же набѣгѣ важнѣйшими горными дорогами и частью провинціи Хузистанъ. На зовъ Ездегерда еще разъ стеклись толпы иранцевъ въ Мидію, чтобы вступить въ рѣшительную борьбу за свою столь долго оберегаемую самостоятельность и вѣру. Южныя провинціи, отрѣзанныя арабами, Хузистанъ и Фар-

---

[1]) Мѣстоположеніе Кадисіи указано невѣрно: городъ находился на границѣ пустыни, на разстояніи одного перехода отъ Хиры. Ред.

систанъ, точно также продолжали сопротивляться. Гормузъ[1]), намѣстникъ Хузистана, угрожалъ только что основанной Басрѣ; понадобился трудный походъ, чтобы его наконецъ запереть въ Шуштерѣ и взять въ плѣнъ послѣ полугодичной осады (640). Хитростью онъ обезпечилъ себѣ прощеніе Омара. Войско царя пришло слишкомъ поздно, чтобы извлечь еще пользу изъ сопротивленія хузистанцевъ; въ теченіе двухъ мѣсяцевъ оно стояло въ горной странѣ къ югу отъ Хамадана при Нихавендѣ противъ арабскаго войска, которое пошло ему на встрѣчу, пока наконецъ стратегическая ошибка персидскаго главнокомандующаго Фируза не принудила его войско сражаться при неблагопріятныхъ условіяхъ (641). Пораженіе персовъ окончательно опредѣлило судьбу царства Сасанидовъ. Несмотря на это, для покоренія отдѣльныхъ провинцій понадобилась еще многолѣтняя борьба. Ездегердъ ушелъ въ Хорасанъ, гдѣ онъ могъ надѣяться еще разъ набрать войско изъ турецкихъ наемниковъ. Но счастье отшатнулось отъ Сасанидовъ. Подъ кинжалами жалкихъ тайныхъ убійцъ погибъ въ ноябрѣ 651 года послѣдній великій царь славнаго персидскаго царства, лишенный счастья („Вадбахтъ", несчастный: таковъ былъ его эпитетъ) какъ въ жизни, такъ и въ смерти.

Еще плачевнѣе было сокрушено между тѣмъ владычество византійцевъ въ Сиріи и Палестинѣ. Послѣ того какъ послѣ битвы при Ярмукѣ сирійское ополченіе разбѣжалось, сопротивленіе оказывали почти одни только болѣе значительные города, конечно, безуспѣшное; осталось безъ большого вліянія на ходъ этой осадной войны то обстоятельство, что Омаръ, какъ мусульманскій пуританинъ, сейчасъ послѣ вступленія во власть отозвалъ побѣдоноснаго Халида, который былъ мечемъ ислама, но вмѣстѣ съ тѣмъ отчаяннымъ развратникомъ. Въ 635 году палъ Дамаскъ. Такъ какъ часть сирійскихъ войскъ была вскорѣ затѣмъ обращена противъ персовъ, императоръ Гераклій, лично поспѣшившій въ Іерусалимъ, выигралъ короткую отсрочку, которая однако только убѣдила его въ томъ, что съ силами его совершенно истощеннаго государства нельзя удержать врага и набрать новое войско въ Сиріи. Когда онъ оставилъ страну въ 636 году, безнадежно больной уже въ то время императоръ взялъ съ собой изъ Іерусалима величайшую святыню христіанскаго міра, Крестъ Господень: потрясающее доказательство печальнаго положенія его страны и его вѣры (см. изображеніе къ стр. 266). Все-таки понадобилось еще нѣсколько лѣтъ, чтобы сломить сопротивленіе сирійскихъ городовъ; многія изъ этихъ средоточій христіанизированнаго эллинизма боролись до послѣдней крайности, тогда какъ арамейское деревенское населеніе пассивно подчинялось ходу событій. Сначала пали города на сѣверѣ, Эмеса, Халебъ, Антіохія, потомъ палестинскія крѣпости. Нелегко досталось мусульманамъ завоеваніе Іерусалима, который въ концѣ концовъ отворилъ свои ворота только самому халифу, не неохотно прибывшему лично для тріумфальнаго въѣзда. Еще упорнѣе защищался портовый городъ Кесарея, паденіе котораго послѣдовало, вѣроятно, въ 640 году. Къ этому времени была завоевана также сѣверная Месопотамія, взята Эдесса, и только у горъ Арменіи и у Тавра движеніе арабовъ должно было пріостановиться.

Къ этимъ сказочно быстрымъ успѣхамъ присоединился новый, еще болѣе значительный. Незначительная сила сопротивленія Египта внѣшнимъ нападеніямъ уже раньше обнаружилась самымъ яснымъ образомъ, когда въ 616 году всю страну прошло и разорило персидское войско, а населеніе, въ основахъ своего быта враждебное грекамъ и совершенно отчужденное отъ нихъ, благодаря распространенію среди него различныхъ христіанскихъ сектъ (см. въ IV томѣ), не соединилось съ византійскими

[1]) Имя этого намѣстника было Хормузанъ. Ред.

полководцами для отраженія врага имперіи. Опасность отъ арабовъ тамъ хорошо сознавали: египетскій намѣстникъ былъ единственный, отвѣтившій съ предусмотрительной вѣжливостью на посланіе Мухаммеда. Нигдѣ церковные раздоры, это проклятіе восточной римской имперіи, не укоренились такъ глубоко и не срослись такъ тѣсно съ національными антипатіями, какъ въ нильской долинѣ; напрасно Гераклій еще разъ сдѣлалъ попытку посредствомъ примиряющаго символа вѣры примирить монофизитическихъ египтянъ съ „монотелитами" греками; національная ненависть, кипѣвшая подъ религіознымъ покровомъ, сдѣлала тщетной доброжелательную попытку. Уже персидскіе цари сознательно покровительствовали монофизитамъ и несторіанцамъ и извлекли изъ этой политики въ своихъ войнахъ съ византійцами очень большія выгоды; халифу Омару, пошедшему по той же дорогѣ, удалось съ ошеломляющей быстротой — въ то время, какъ еще шла борьба въ Персіи и Сиріи, подчинить Египетъ. Только съ 4000 человѣкъ полководецъ халифа, Амръ-ибнъ-Асъ, вторгся въ нильскую долину. Нѣсколько счастливыхъ схватокъ передали во власть арабовъ правый берегъ Нила, прибытіе подкрѣпленій позволило имъ затѣмъ перейти черезъ рѣку; христіане въ сущности еще немного успѣли потерять, когда массовое отпаденіе туземцевъ-монофизитовъ сдѣлало невозможнымъ всякое сопротивленіе со стороны византійскихъ военачальниковъ: блестящій успѣхъ дипломатіи Амра и вообще арабской политики, основнымъ закономъ которой была предусмотрительная пощада побѣжденныхъ.

Все, что могли собрать греческіе вожди изъ гарнизоновъ крѣпостей, они двинули противъ арабовъ, но довольно скоро они увидѣли себя ограниченными стѣнами столицы эллинизма, Александріи. Умирающій Гераклій сдѣлалъ еще все, чтобы послать съ моря помощь этому послѣднему оплоту византійскаго могущества, и въ самомъ дѣлѣ казалось, что арабское войско должно будетъ изойти кровью передъ стѣнами сильной морской крѣпости. Но когда послѣ смерти Гераклія византійскій императорскій дворъ былъ охваченъ жалкими династическими раздорами, желанные корабли съ вспомогательными войсками и провіантомъ такъ и не прибыли совсѣмъ, пока наконецъ сила осажденныхъ послѣ четырнадцатимѣсячной осады не была сломлена. Кто только выдавался богатствомъ или образованіемъ, оставилъ на кораблѣ несчастный городъ; остальная часть населенія сдалась арабскому вождю (декабрь 641 г.). И на этотъ разъ съ побѣжденными обошлись сравнительно милостиво; безпорядки, конечно, бывали, но мнимая систематическая ярость мусульманъ, направленная противъ сокровищъ искусства и науки, какъ давно доказано, есть не больше, какъ басня. Столицей страны не была выбрана, по греческому образцу, Александрія, но на правомъ берегу Нила недалеко отъ начала дельты былъ основанъ Фустатъ, позднѣйшій Каиръ, по своему географическому положенію приблизительно соотвѣтствующій древнему Мемфису. Уже по одной этой чертѣ можно заключить, что новые властители страны совершенно другимъ образомъ, по домашнему думали устроиться въ Египтѣ, въ противоположность римлянамъ и ихъ преемникамъ, которые не могли или даже не пытались это сдѣлать.

Впрочемъ, завоеваніемъ Нильской долины арабы не удовлетворились; для нихъ, какъ для истинныхъ сыновъ степей, безплодныя области сѣверной Африки составляли ничтожное препятствіе; быстрымъ нападеніемъ Амръ покорилъ Пентаполисъ, и даже Триполи былъ сданъ захваченнымъ врасплохъ гарнизономъ.

Во время всѣхъ этихъ войнъ халифъ Омаръ почти непрерывно оставался въ Мединѣ. Это устраненіе себя должно было быть не легко пламенному, энергичному человѣку. Но это была самая правильная политика, какую только онъ могъ вести въ своемъ положеніи, и она принесла самые лучшіе плоды для будущности ислама, который въ своемъ бурномъ юно-

шескомъ возрастѣ не могъ обойтись безъ надежнаго средоточія. Вмѣсто того, чтобы самому отправляться въ походъ, Омаръ довольствовался болѣе скромной задачей подготовлять побѣды, доставлять подкрѣпленія и наполнять государственную кассу награбленными деньгами и данью побѣжденныхъ странъ. Далѣе онъ организовалъ вновь пріобрѣтенныя области, въ особенности Иракъ, гдѣ онъ приказалъ построить городъ Куфу на границѣ пустыни недалеко отъ праваго берега Евфрата, какъ средоточіе мусульманскаго населенія, тогда какъ и безъ того полуарабскій Дамаскъ сталъ главнымъ городомъ Сиріи; характерно, какъ эти города, къ которымъ нужно причислить также и Фустатъ, уже и по своему отношенію къ аравійскому полуострову, пограничными городами котораго они до извѣстной степени являются, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о значеніи центральной власти. Поселенія арабскихъ войскъ въ завоеванныхъ странахъ Омаръ, впрочемъ, не одобрялъ, такъ какъ онъ считалъ задачей своей жизни непрерывное продолженіе войны за вѣру до полнаго покоренія язычниковъ и христіанъ, а военный лагерь считалъ истинной родиной своихъ соплеменниковъ.

Въ послѣдніе годы жизни забота Омара о государственныхъ финансахъ приняла преувеличенныя формы, какъ доказываетъ его замѣчательная переписка съ Амромъ, денежныя присылки котораго изъ Египта не соотвѣтствовали ожиданіямъ халифа. Если Омаръ по отношенію къ заслуженному полководцу былъ несправедливъ и невѣжливъ, то и въ отношеніяхъ къ покореннымъ непріятно поражаетъ его скупость; эта мелочность была причиной того, что властитель западной Азіи и величайшій изъ преемниковъ Мухаммеда въ концѣ концовъ погибъ самымъ жалкимъ образомъ. Одинъ христіанинъ — ремесленникъ изъ Куфы, который напрасно пріѣхалъ въ Медину, чтобы испросить уменьшенія возложеннаго на него непосильнаго налога, сгорая жаждой мести, поразилъ халифа въ мечети, когда тотъ хотѣлъ начать утреннюю молитву (ноябрь 644 года). У Омара хватило еще силъ, чтобы высказаться относительно выбора преемника себѣ; такъ какъ Абдъ-ар-Рахманъ, котораго онъ прежде всего имѣлъ въ виду, не согласился принять тяжелую обязанность, онъ назначилъ избирателями шесть старѣйшихъ товарищей Мухаммеда, которые изъ своей среды должны были выбрать новаго халифа; этотъ способъ выхода изъ затруднительнаго положенія долженъ былъ привести къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Опять во главѣ списка кандидатовъ стоялъ Алій, принадлежавшій вмѣстѣ съ Османомъ, Абдъ-ар-Рахманомъ, Зубейромъ, Тальхой и Садъ-ибнъ-Ваккасомъ къ избирательной коллегіи, и опять онъ пережилъ горькое разочарованіе. Рядомъ съ нимъ къ верховной власти стремились Зубейръ и Тальха; взаимная зависть мѣшала всякому разумному соглашенію, и въ результатѣ выборъ палъ на самаго неподходящаго изъ 6-ти, семидесятилѣтняго добродушнаго старика Османа, который былъ однимъ изъ самыхъ старыхъ приверженцевъ Мухаммеда, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ представлялъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова нуль. Когда онъ въ первый разъ въ своемъ новомъ санѣ долженъ былъ говорить съ народомъ, пришлось увидѣть печальное зрѣлище: Османъ послѣ тяжелой паузы пробормоталъ: „Всякое начало трудно“ и вздыхая сошелъ съ проповѣдническаго мѣста. Онъ вовсе не былъ человѣкомъ, способнымъ укротить бушующую вражду партій, которая была подавлена сильнымъ кулакомъ Омара и теперь, пѣнясь и волнуясь, стремилась пробить себѣ дорогу, но также мало могли удасться и его слабыя попытки примирить враждующія и глубоко раздраженныя группы арабскаго народа. На мѣсто чисто личныхъ вліяній при немъ снова выступили неразрушимые антагонизмы племенъ и странъ, только еще болѣе возросшіе благодаря новой враждѣ и соперничеству, которыя развились въ эпоху завоеваній; дѣйствующія

лица того періода, который начинается вмѣстѣ съ царствованіемъ Османа, должны считаться съ этимъ антагонизмомъ или, часто не сознавая этого, сами подчиняются его вліянію.

Власть еще находилась въ рукахъ старыхъ товарищей Мухаммеда, „участниковъ бѣгства“ и „помощниковъ“ (см. стр. 245); изъ ихъ среды выходили полководцы и намѣстники провинцій, и большая часть суммъ, награбленныхъ во время войнъ, хранилась въ ихъ ящикахъ и сундукахъ. Что ихъ не любили, они знали хорошо, но пока они могли требовать, какъ своего права, чтобы халифъ былъ выбираемъ изъ ихъ среды, казалось затруднительнымъ поколебать ихъ вліяніе. Но теперь несогласіе ихъ вождей, поставившее во главѣ государства слабаго Османа, нанесло имъ роковой ударъ, который долженъ былъ привести ихъ къ гибели. Османъ, правда, былъ одинъ изъ людей ихъ направленія, „участникъ бѣгства“, какъ и они; но онъ былъ слишкомъ слабъ и слишкомъ добродушенъ, чтобы совершенно порвать со старыми традиціями и безъ всякихъ оговорокъ войти въ новое общество фанатическихъ правовѣрныхъ, которое сгруппировалось около Мухаммеда. Его сердце слишкомъ было расположено къ его старымъ мекканскимъ единоплеменникамъ, уже при Мухаммедѣ онъ охотно вступался за нихъ, и при взятіи Мекки многіе изъ наиболѣе скомпрометтированныхъ были обязаны своей жизнью его ходатайству. Когда къ нему перешелъ халифатъ, онъ скоро увидѣлъ себя окруженнымъ, какъ голодными мухами, устраненными прежде знатными мекканцами; они сумѣли одинъ за другимъ выхлопотать себѣ, кто постъ намѣстника, кто офицерское мѣсто, кто другое какое-нибудь теплое мѣстечко; съ растущимъ раздраженіемъ смотрѣли старые приверженцы Мухаммеда на водвореніе этихъ выскочекъ, отцы которыхъ еще боролись оружіемъ съ пророкомъ и ранили его стрѣлами ядовитой сатиры, этихъ мекканцевъ, твердость вѣры которыхъ и образъ жизни къ тому же были болѣе, чѣмъ подозрительны. Съ мрачнымъ гнѣвомъ направляли они свои взоры на халифа и тѣснѣе группировались вокругъ Алія, время котораго наконецъ-то, казалось, пришло, но который даже въ этотъ благопріятный моментъ не могъ установить полнаго единенія въ своей партіи.

Вражда между „участниками бѣгства“ и мекканцами была не единственной трещиной въ арабскомъ мірѣ. Еще тлѣла подъ пепломъ старая вражда между кочевниками и земледѣльцами, ма'аддитами и іеменитами (стр. 233), чтобы позже опять вспыхнуть яркимъ пламенемъ; но важнѣе были въ данный моментъ большіе географическіе контрасты, созданные завоеваніями Омара и впервые ясно вышедшіе на свѣтъ уже послѣ смерти этого сильнаго властелина. Для Омара Аравія была еще сосредоточіемъ и сердцемъ мусульманскаго царства, всѣ его мѣропріятія были направлены къ тому, чтобы усилить это центральное положеніе и развить военную силу страны. Но послѣ того, какъ большія сосѣднія страны, Сирія и Иракъ были исламизированы, эту политику нельзя было продолжать: по числу народонаселенія новыя области далеко превосходили пустынный полуостровъ, болѣе высокая культура ихъ обитателей медленно, но вѣрно обезпечивала имъ перевѣсъ. И въ самомъ дѣлѣ, можно замѣтить, забѣгая нѣсколько впередъ, Аравія очень скоро и, собственно говоря, безъ настоящаго сопротивленія лишилась своего господствующаго положенія и стала почти совершенно не имѣвшимъ значенія придаткомъ къ остальной части западной Азіи. Но оба главныхъ теперь члена ислама, Сирія и Иракъ, сейчасъ же вступили въ борьбу за власть. Ихъ обитатели не любили другъ друга: серьезный рѣшительный бедуинъ Сиріи смотрѣлъ съ ненавистью и презрѣніемъ на изнѣженныхъ, неспокойныхъ иракцевъ, въ особенности на куфанцевъ, которые, казалось, соединили въ себѣ всѣ дурныя свойства народовъ слишкомъ дряхлой культуры, на этихъ настоящихъ жителей большихъ городовъ съ бойкимъ языкомъ и страхомъ передъ му-

жественными дѣлами. Кто привлекалъ на свою сторону одного изъ этихъ соперниковъ, тотъ могъ съ увѣренностью разсчитывать найти другого во вражескомъ лагерѣ; то обстоятельство, что Омейяды опирались во время междоусобныхъ войнъ на сирійцевъ, обезпечило имъ побѣду надъ Аліемъ, и его приверженцами, которые довѣрились непостояннымъ иракандамъ.

Но прежде всего во время правленія Османа новое міровое царство укрѣпилось и расширилось. Попытка грековъ изъ Александріи, которую имъ удалось отвоевать, вновь завоевать Египетъ оказалась тщетной, и Александрія была жестоко наказана; точно также и волненія въ Персіи были усмирены. Въ это время возникъ также съ поразительной быстротой на финикійскомъ берегу мусульманскій военный флотъ, который вскорѣ сталъ въ высшей степени опасенъ византійцамъ и прежде всего завоевалъ Кипръ. Въ сѣверной Африкѣ точно также война продолжалась съ успѣхомъ, и греки потеряли карѳагенскую область; на другой сторонѣ Омейядъ Муавія, которому Османъ ввѣрилъ войско, совершилъ опустошительное вторженіе въ Малую Азію. Въ смыслѣ завоевательной политики время Османа было такимъ образомъ достойнымъ продолженіемъ побѣдоносныхъ годовъ господства Омара.

Само собой понятно, что эти внѣшніе успѣхи не примирили съ правленіемъ Османа ропщущихъ старыхъ „правовѣрныхъ“, которые напротивъ все съ большимъ раздраженіемъ смотрѣли на пріобрѣтеніе воинскихъ лавровъ и богатой добычи такими людьми, какъ Муавія, сынъ Хинды, которая была смертельнымъ врагомъ пророка. Къ своему несчастью Османъ далъ имъ наконецъ въ руку оружіе, въ которомъ нуждались эти святые мужи, самовольно предпринявъ пересмотръ корана и пытаясь навязать правовѣрнымъ новое изданіе; вмѣсто трагикомической печали о потерянномъ вліяніи, теперь изъ среды „участниковъ бѣгства“ и „защитниковъ“ поднялся противъ Османа крикъ ярости, обвинявшій его въ искаженіи словъ пророка. Алій на этотъ разъ рѣшился дѣйствовать; во всѣхъ провинціяхъ мутили умы его посланцы, они пускали въ ходъ золото, въ изобиліи собранное племянникомъ пророка[1] въ качествѣ утѣшительнаго вознагражденія за свое политическое ничтожество, и неутомимо прославляли Алія, единственнаго истиннаго представителя мусульманской традиціи. Но идолъ ненавистной партіи ханжей, несмотря на все это, не сталъ популяренъ; возстанія, вспыхивавшія то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, не приводили къ цѣли. Тогда вдругъ появились на улицахъ Медины подозрительныя личности, шайки продажныхъ бедуиновъ, которые собирались вокругъ дома Османа и съ дикими угрозами требовали его отреченія. Когда слабый старикъ на этотъ разъ оказалъ энергичное сопротивленіе, они взяли приступомъ его домъ и умертвили несчастнаго (656).

Знатные мекканцы, которые одни пытались его защищать, бѣжали изъ города, и мединцы, изъ которыхъ ни одинъ не поднялъ руки въ защиту Османа, охотно признали халифомъ Алія. Такимъ образомъ наконецъ-то Алій набросилъ давно желанную мантію халифа на свои плечи, но она была грязна и забрызгана кровью; буря возмущенія и омерзенія охватила мусульманскій міръ. Даже между участниками этого кроваваго дѣла не было согласія, потому что снова выступили со своими требованіями Зубейръ и Тальха, энергично поддержанные любимой женой покойнаго, хитрой и властолюбивой Аишей, которая давно уже была смертельнымъ врагомъ Алія. Скоро стало ясно, что споръ между двумя группами старыхъ „правовѣрныхъ“ можетъ рѣшить только мечъ. На провинціи обѣ группы пока не могли разсчитывать, въ особенности на Сирію, гдѣ Омейядъ Муавія достигъ намѣстничества въ послѣдніе годы жизни Османа и теперь, какъ казалось, готовъ былъ съ помощью преданныхъ ему сирійцевъ отом-

[1] См. стр. 236, прим.

стить за смерть халифа; новый намѣстникъ, посланный Аліемъ, чтобы смѣнить его, принужденъ былъ возвратиться уже съ границы провинціи. Алію ничего не оставалось, какъ только броситься въ объятія иракандевъ, которыхъ онъ привлекъ на свою сторону главнымъ образомъ обѣщаніемъ перенести резиденцію халифовъ въ Куфу и сдѣлать такимъ образомъ Иракъ центромъ мусульманскаго государства.

Мятежники также обратились къ Ираку, такъ какъ для нихъ въ Сиріи такъ-же мало на что бы то ни было можно было надѣяться, какъ и для Алія, и заняли Басру. Когда къ Басрѣ подошелъ Алій изъ Куфы съ болѣе значительными силами, они начали переговоры; но по недоразумѣнію завязалась битва, которая кончилась смертью Зубейра и Тальхи и плѣномъ Аиши. До самаго послѣдняго момента фанатическая вдова Мухаммеда, сидя въ носилкахъ на спинѣ верблюда, побуждала своихъ къ отчаянному сопротивленію, такъ что это сраженіе арабскіе лѣтописцы называютъ „битвой верблюда". Алій былъ теперь господиномъ всего Ирака. И Аравія была за него, и въ Египтѣ былъ онъ признанъ, по крайней мѣрѣ, формально; но битва стоила жизни многимъ изъ его лучшихъ приверженцевъ. А въ Сиріи Муавія, который теперь началъ открыто стремиться къ халифату, готовился къ рѣшительной борьбѣ.

Муавія былъ самымъ типичнымъ представителемъ партіи мекканской знати, ласковый съ народомъ, съ рыцарской отвагой, прирожденный вождь народа, которымъ онъ умѣлъ руководить смѣло и мудро, къ тому же воодушевленный пылкимъ честолюбіемъ и непримиримой ненавистью къ проникнутымъ ханжествомъ друзьямъ пророка. Послѣдніе отвѣчали на его антипатію еще болѣе ядовитой злобой: вѣдь Муавія былъ сынъ той самой Хинды, которая послѣ битвы при Оходѣ бросилась на трупъ борца за вѣру Хамзы и въ фанатической ярости растерзала зубами печень мертвеца, той женщины, которая всѣмъ добрымъ мусульманамъ должна была казаться образцомъ всего, достойнаго омерзенія. И этотъ „сынъ пожирательницы печени" стремился къ халифату. Его имени было достаточно, чтобы еще разъ соединить вокругъ Алія всѣхъ друзей Мухаммеда вмѣстѣ съ ихъ приверженцами.

Въ иракандахъ Алій также могъ быть теперь до извѣстной степени увѣренъ, разъ дѣло шло о борьбѣ съ сирійцами. Всегда нуженъ былъ только предлогъ, чтобы направить оба народа другъ противъ друга; вѣдь уже роковой пересмотръ корана былъ предпринятъ Османомъ только потому, что ираканцы и сирійцы въ мусульманскихъ войскахъ были готовы разбивать головы другъ другу изъ-за различныхъ чтеній священной книги. Но, несмотря на все это, войско, поставленное Муавіей на ноги въ Сиріи, было проникнуто совершенно инымъ духомъ, чѣмъ ополченіе вялыхъ ираканцевъ, и Алій, у котораго неповоротливость и отсутствіе знанія людей никогда не проявлялись такъ ясно, какъ въ этомъ случаѣ, не былъ человѣкомъ, могущимъ воодушевить своихъ приверженцевъ. Привыкши всегда подчиняться руководству другихъ, вмѣсто того, чтобы руководить самому, онъ былъ избранной жертвой тѣхъ беззастѣнчивыхъ честолюбцевъ, которые хотѣли въ начинавшейся борьбѣ продать себя возможно дороже и, тѣснясь вокругъ близорукаго халифа, уже простирали жадную руку къ золоту Муавіи. Благодаря этому битва, которая послѣ долгихъ переговоровъ и стычекъ наконецъ произошла на правомъ берегу Евфрата у Сиффина и благодаря фанатической воодушевленности старыхъ „правовѣрныхъ" почти была выиграна приверженцами Алія, получила неожиданно трагикомическій конецъ. Въ то время какъ конница Алія съ побѣднымъ крикомъ преслѣдовала бѣгущихъ сирійцевъ, въ палаткѣ Алія вспыхнуло открытое возмущеніе: партія, находившаяся въ тайномъ соглашеніи съ Муавіей, принудила безпомощнаго халифа отозвать свои войска отъ преслѣдованія и отдать дѣло на рѣшеніе третейскаго суда, члены котораго совершенно открыто выступали

противъ требованій Алія. Бóльшая часть его войска послѣ этого разбѣжалась: ядро его силъ совершенно отдѣлилось отъ Алія, выбрало новаго халифа, и Алію съ трудомъ удалось разсѣять по крайней мѣрѣ этихъ мятежниковъ, къ которымъ мы возвратимся. Что онъ ихъ не окончательно уничтожилъ, онъ убѣдился очень скоро: 21 января 661 года онъ палъ отъ удара кинжаломъ одного изъ этихъ фанатиковъ.

Со смертью Алія потерпѣло полное крушеніе и безъ того уже наполовину потерянное дѣло старыхъ „правовѣрныхъ", которые теперь, послѣ того какъ неутомимый Муавія отнялъ у нихъ Египетъ и Аравію, видѣли себя угрожаемыми и въ Иракѣ и не имѣли даже вождя, которому они могли бы вполнѣ довѣриться. Такъ какъ Алій былъ однимъ изъ представителей наслѣдственнаго халифата, то вполнѣ естественно, что его притязанія перешли къ его сыну Хасану. Но продолженіе борьбы какъ между мекканцами и союзниками, такъ и между сирійцами и ираканцами не могло быть передано въ болѣе неспособныя руки. Трусливый сластолюбецъ, какимъ былъ Хасанъ, не могъ ничего предпринять съ тѣмъ войскомъ, которое было въ его распоряженіи; чтобы освободиться наконецъ отъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ его дѣла, онъ послалъ ихъ подъ предводительствомъ храбраго Кайса противъ сирійцевъ. Когда они, разбитые, вернулись и осыпали его въ раздраженіи упреками и угрозами, онъ поспѣшилъ заключить съ Муавіей миръ.

Б. **Омейяды.**

Съ силой и вліяніемъ старыхъ приверженцевъ пророка было теперь совсѣмъ покончено, когда самая гордая изъ знатныхъ фамилій Мекки, Омейяды, завладѣла халифатомъ, какъ наслѣдственнымъ достоинствомъ. Вмѣстѣ съ новой династіей могли быть довольны побѣдой сирійцы: ненавистный Иракъ былъ поверженъ на землю, и Дамаскъ сталъ къ огорченію честолюбивыхъ куфанцевъ столицей мусульманскаго мірового государства.

Но спокойнымъ это міровое государство все еще не стало: тогда какъ старый антагонизмъ если не исчезъ, то по крайней мѣрѣ на время былъ отодвинутъ на задній планъ, благодаря рѣшительной побѣдѣ одной стороны, возникла новая, проникнутая дико-фанатическимъ духомъ партія, которая только что передъ тѣмъ въ убійствѣ Алія и одновременномъ покушеніи на Муавію дала устрашающее доказательство своего существованія, партія, какая, впрочемъ, должна была почти неизбѣжно возникнуть при тогдашнихъ условіяхъ: она воплощала въ себѣ не что иное, какъ демократическій исламизмъ, выступившій въ религіозной оболочкѣ противъ аристократическаго. Истинный бедуинъ Аравіи въ сущности не знаетъ ни господства знати, ни монархическаго режима; онъ, можетъ быть, рабъ своей племенной традиціи, но не привыкъ склоняться передъ лицами, которыя требуютъ безусловнаго подчиненія. Между тѣмъ все совершавшееся до тѣхъ поръ развитіе мусульманскаго движенія было насмѣшкой надъ бедуинской любовью къ свободѣ; мединская олигархія съ сувереннымъ произволомъ выбирала изъ своей среды халифовъ, не спрашивая даже ради исполненія формальности всю массу правовѣрныхъ, и если со вступленіемъ во власть Муавіи прекратилось ненавистное господство старыхъ правовѣрныхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ только новая знать заняла мѣсто свергнутой. Но и съ религіозной точки зрѣнія у демократовъ была причина жаловаться, при видѣ все растущей пышности и любви къ роскоши со стороны стоящихъ во главѣ группъ и при сравненіи съ простыми обычаями и опредѣленными предписаніями пророка. Такимъ образомъ секту, которая образовалась во время борьбы Алія съ Муавіей, противопоставила Алію новаго халифа и была виновницей, по крайней мѣрѣ косвенно, покушеній на

убійство обоихъ соперниковъ, можно назвать демократически-пуританской партіей. Самое опасное для лицъ, власть имѣющихъ, требованіе ея было слѣдующее: чтобы каждый арабъ имѣлъ право участвовать въ выборѣ халифа и самъ добиваться халифата. Главнымъ мѣстопребываніемъ новой партіи хариджитовъ, какъ ее обыкновенно называютъ, былъ городъ Басра; ея ядро образовали заслуженные бедуинскіе ветераны, можетъ быть, наиболѣе высоко стоявшіе въ нравственномъ отношеніи исповѣдники ислама. Омейядскимъ халифамъ эти самоотверженные фанатики готовили еще много тяжелыхъ часовъ.

И по другому направленію Муавія долженъ былъ смотрѣть во всѣ глаза: Алій, который при жизни всюду приходилъ слишкомъ поздно, оказался послѣ смерти опаснымъ противникомъ. Пока онъ стоялъ во главѣ партіи „старыхъ правовѣрныхъ", его упрямый и слабый характеръ приводилъ къ гибели его сторонниковъ, его собственные приверженцы безнаказанно обманывали его и измѣняли ему; теперь же, когда онъ жилъ только въ воспоминаніи, его имя стало боевымъ кличемъ „старыхъ правовѣрныхъ" и ихъ союзниковъ иракандевъ, а его печальная судьба — источникомъ фанатизма. Пышно разросшаяся легенда позаботилась о томъ, чтобы храбраго, но умственно незначительнаго человѣка окружить ореоломъ и чтобы не было впередъ никакого сомнѣнія въ его чистотѣ, добродѣтели и благородствѣ. Но если самъ Алій былъ взятъ съ грѣшной земли, то жилъ еще его сынъ, казавшійся достойнымъ своего отца, Хусейнъ, пламенный братъ недостойнаго Хасана; на него, какъ на послѣднюю надежду, направились взоры старыхъ друзей пророка и недовольныхъ ираканцевъ. Между тѣмъ Муавія нашелъ человѣка, который могъ расправиться съ обитателями Ирака и прежде всего съ фрондировавшими куфанцами, своего своднаго брата Зіяда. Этотъ желѣзный человѣкъ пробылъ еще сравнительно недолго намѣстникомъ недовольной провинціи, и уже куфанскіе герои на словахъ едва осмѣливались брюзжать потихоньку, а всѣ насмѣшки и сатиры по адресу господства Омейядовъ жалкимъ образомъ погибали въ зародышѣ. Даже послѣ смерти Зіяда, котораго Муавія, повидимому, хотѣлъ сдѣлать своимъ преемникомъ, страхъ такъ глубоко проникалъ ираканцевъ, что выступленіе Хусейна не могло пробудить настоящаго воодушевленія. Все-таки наслѣдственный халифатъ династіи Омейядовъ ни въ какомъ случаѣ не былъ обезпеченъ. Муавіи стоило необыкновеннаго труда добиться еще при жизни своей признанія своего сына Езида законнымъ наслѣдникомъ достоинства халифа. Легкомысленный, безразсудный характеръ Езида заставлялъ однако въ будущемъ ожидать много различнаго рода усложненій и затрудненій, и только то обстоятельство, что за него съ воодушевленіемъ стояли сирійцы, обезпечивало ему власть.

Сравнительно съ внутреннимъ состояніемъ война съ невѣрными, хотя она во все время правленія Муавіи не прекращалась, имѣла меньше значенія; важнѣе всего она была на востокѣ, гдѣ арабскія войска проникли за Оксусъ и въ долину Инда и впервые пришли въ соприкосновеніе съ тюркскими племенами, которыя въ будущемъ должны были играть столь важную роль въ исторіи ислама. Въ Африкѣ также продолжались завоеванія, и на древне-карѳагенской почвѣ былъ основанъ городъ Кайруванъ, какъ центръ арабскаго владычества. Наконецъ послѣ смерти Алія было совершено нападеніе на византійцевъ на сушѣ и на морѣ, была опустошена часть Малой Азіи, и арабскіе корабли доходили до Константинополя, впрочемъ, безъ особенно важныхъ успѣховъ; все-таки эти битвы имѣли то преимущество, что Езидъ, который по желанію отца принужденъ былъ принимать въ нихъ участіе, могъ при случаѣ отличиться и привлечь на свою сторону сердца своихъ солдатъ.

Когда Муавія умеръ въ 680 году, династія Омейядовъ была уже до-

статочно прочна, чтобы подавить сейчасъ же поднявшееся противъ нея возстаніе. Это были прежде всего старые друзья Мухаммеда, теперь по большей части почтенные старцы, но окруженные многочисленнымъ честолюбивымъ потомствомъ, которые настаивали на требованіи, что преемникъ халифа долженъ быть выбранъ ими и изъ ихъ среды, и въ легкомысленномъ, беззаботно нарушавшемъ положенія корана Езидѣ могли видѣть только дерзкаго узурпатора. Въ Меккѣ недовольные группировались вокругъ Хусейна — партія, богатая громкими именами, но бѣдная солдатами. Съ тѣмъ большей радостью получилъ Хусейнъ объемистую, покрытую безчисленными подписями просьбу куфанцевъ, приглашавшихъ его въ свой городъ и предлагавшихъ ему халифатъ. Старая связь между друзьями пророка и иракандами опять угрожала стать опасной Омейядамъ. Но раньше, чѣмъ Хусейнъ успѣлъ прибыть въ Иракъ, Езидъ уже послалъ туда новаго намѣстника — Обейдаллаха, сына страшнаго Зіяда, а Обейдаллахъ отъ своего отца научился, какъ нужно обращаться съ куфанцами. Когда Хусейнъ приближался къ воротамъ Куфы, ни одна рука не двинулась въ пользу его въ перепуганномъ городѣ: только войска Обейдаллаха вышли ему навстрѣчу; такъ какъ онъ отказался сдаться безъ всякихъ условій, его слабая свита была разсѣяна, и самъ онъ съ большею частью его сторонниковъ былъ убитъ (10 октября 680 года),

Убійство родного внука пророка показало друзьямъ Мухаммеда, чтó ихъ ожидаетъ; хотя старая Аравія внѣшнимъ образомъ твердо держалась ислама, но стояла подъ оружіемъ противъ партіи благочестивыхъ. Только священные города казались еще несокрушимымъ прибѣжищемъ правовѣрныхъ. Передъ ихъ стѣнами волна должна была отступить; и, можетъ быть, изъ нихъ могла бы удасться попытка возстановить первоначальное царство вѣры. Въ Меккѣ Абдаллахъ, сынъ бывшаго когда-то кандидатомъ въ халифы Зубейра, заявилъ претензіи на верховное достоинство и оказывалъ сопротивленіе посланнымъ отъ Езида подъ защитой неприкосновенной Каабы. Когда вскорѣ послѣ этого посольство изъ Медины, съ негодованіемъ наблюдавшее при дворѣ Езида легкомысліе халифа и близкихъ къ нему людей, со страстнымъ неудовольствіемъ отдавало отчетъ въ своей поѣздкѣ своимъ согражданамъ, и въ этомъ городѣ пророка вспыхнуло открытое возмущеніе. Объ Абдаллахѣ-ибнъ-Зубейрѣ здѣсь не хотѣли и слышать, но зато вступило во власть временное правительство, чтобы помѣшать по крайней мѣрѣ въ первое время проявиться несогласіямъ. Дальнѣйшее должно было прійти со временемъ; что Езидъ выступитъ съ оружіемъ противъ старыхъ друзей пророка или противъ священныхъ городовъ, этого не считали возможнымъ при всемъ отвращеніи къ его безбожію.

Несчастныхъ ждало ужасное разочарованіе. Сирійское войско вторглось въ западную Аравію подъ предводительствомъ человѣка, который какъ будто созданъ былъ для того, чтобы отомстить за всѣ тѣ кровавыя побѣды, при помощи которыхъ пророкъ и его преемники принудили сопротивлявшихся сыновей пустыни принять новую религію и признать ихъ своими господами; Муслимъ, полководецъ Езида, былъ по своему настроенію и суевѣрію настоящимъ язычникомъ, человѣкомъ суроваго, дико-энергичнаго характера, однимъ словомъ, настоящимъ бедуиномъ старой школы, безъ всякаго слѣда почтенія къ священнымъ преданіямъ о временахъ пророка и къ тому же съ рѣшимостью, въ качествѣ родственника умерщвленнаго халифа Османа, отомстить за его смерть. Чего можно было ожидать отъ бывшихъ подъ его предводительствомъ грубыхъ сирійскихъ номадовъ, которые, исповѣдуя исламъ только чисто внѣшнимъ образомъ, были въ глазахъ вѣрныхъ Медины немногимъ лучше язычниковъ и на презрѣніе „старыхъ правовѣрныхъ“ отвѣчали непримиримой ненавистью? Мединцы поняли наконецъ, когда сирійское войско появи-

лось у стѣнъ ихъ города, что имъ угрожало. Едва ли гдѣ-нибудь раньше сражались съ такой фанатической яростью, какъ этотъ разъ передъ воротами Медины, гдѣ произошла рѣшительная битва. Уже палъ знаменосецъ Муслима подъ ударами разъяренныхъ мединцевъ, уже поколебались сирійскіе ряды, какъ вдругъ впущенный измѣнниками отрядъ сирійцевъ проникъ въ городъ и напалъ на мединскихъ бойцовъ съ тылу (26 августа 683 года). Судьба побѣжденныхъ была ужасна: бо́льшая часть мужского населенія, способнаго носить оружіе, пала подъ ударами омейядскихъ войскъ, женщины были обезчещены, городъ разрушенъ; со ступеней мечети Мухаммеда текла кровь его сѣдыхъ друзей, и святое мѣсто послужило варварамъ-сирійцамъ конюшней для ихъ лошадей.

Изъ Медины, гдѣ тяжело-больной Муслимъ изнемогъ подъ тяжестью своихъ страданій, сирійское войско пошло противъ Мекки. Уже метательныя машины осаждавшихъ бросали громадные камни на городъ, уже летѣли горящія головни на крышу Каабы, и святилище было охвачено пламенемъ, какъ волненія, слѣдовавшія за смертью Езида, спасли на этотъ разъ осажденныхъ и даже дали Абдаллаху-ибнъ-Зубейру еще разъ возможность надѣяться на осуществленіе своихъ надеждъ. Для Медины мимолетная перемѣна пришла слишкомъ поздно. Кто остался въ живыхъ изъ мужчинъ, искалъ убѣжища въ Африкѣ; большинство изъ нихъ вошло въ составъ того войска, которое подъ предводительствомъ Мусы покорило Испанію, и эта страна была впослѣдствіи послѣднимъ убѣжищемъ для друзей пророка и ихъ потомковъ, для которыхъ въ ихъ отечествѣ больше не было мѣста.

Исламъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Онъ не водворился еще прочно въ сердцахъ арабовъ, еще масса бедуиновъ хорошо не знала даже основъ вѣроученія, а уже могло показаться, что дѣло Мухаммеда въ борьбѣ партій должно было погибнуть самымъ жалкимъ образомъ. По-истинѣ, то, что долженъ былъ видѣть взоръ правовѣрныхъ, было въ достаточной мѣрѣ ужасно и безотрадно. Почтенные старцы, нѣкогда группировавшіеся вокругъ пророка, умерли или блуждаютъ, лишенные отечества, священная Кааба и мечеть въ Мединѣ наполовину разрушены и осквернены, народъ распался на партіи и секты, наконецъ, во главѣ государства халифъ, который даже внѣшнимъ образомъ не хочетъ слѣдовать законамъ Мухаммеда и какъ будто тщеславится своимъ безбожнымъ образомъ жизни. Кто ясно представлялъ себѣ эту картину, не могъ сомнѣваться, что мусульманство неизбѣжно обречено на гибель. Но ничто не можетъ доказать болѣе неопровержимо силу духа и мысли надъ земнымъ міромъ, чѣмъ исторія этой удивительной формы религіи: какъ блескъ солнца на морской волнѣ, вѣетъ дыханіе идеализма и религіи надъ пустынными волнами политики и войны; часто оно кажется совершенно исчезнувшимъ въ дикомъ прибоѣ, и только отдѣльныя искорки сверкаютъ тамъ и сямъ, — но какъ только буря уляжется и волны успокоятся, онѣ опять горятъ отраженіемъ безсмертнаго свѣта. Исламъ можетъ стоять ниже другихъ міровыхъ религій, но, несмотря на это, онъ представляетъ идею и тѣмъ самымъ силу, которую не можетъ разрушить никакое земное оружіе.

Внезапная смерть Езида въ ноябрѣ 683 года спасла Мекку и халифа Абдаллаха, но она повергла государство въ крайнее замѣшательство. Сынъ Езида, Муавія, который умеръ уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вообще фактически не вступалъ во власть, а послѣ его смерти омейядская партія увидѣла себя на извѣстное время совершенно безъ вождя: этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы между сирійскими арабами снова ожили старые дикіе племенные раздоры, которые въ эпоху завоеваній отступили на задній планъ и Муавіей I самымъ тщательнымъ образомъ обходились и предотвращались. Во мгновеніе ока іеменитскія и маадитскія племена, вооруженныя съ ногъ до головы, стояли во враждебной позиціи

другъ противъ друга; и кто рѣшался выступить претендентомъ на халифатъ, долженъ былъ приготовиться къ тому, что его будутъ судить не по его личнымъ достоинствамъ, а по степени родства съ той или съ другой племенной группой. Иракацы, вмѣсто того, чтобы извлечь выгоду изъ спора между сирійскими соперниками, доставляли себѣ другое удоволствіе. Вмѣсто племенныхъ несогласій, которыя у нихъ меньше выдвигались, у нихъ бушевали споры сектъ, между которыми выдавались хариджиты и партія приверженцевъ Алія, пріобрѣтавшая постепенно подъ вліяніемъ иранскихъ элементовъ совершенно своеобразный, неарабскій видъ. Нигдѣ не было и рѣчи о единствѣ. Но все-таки во всѣхъ провинціяхъ возникло сильное движеніе противъ сирійскихъ намѣстниковъ и чиновниковъ, которые, какъ раньше друзья пророка, держали себя, какъ господа, и повсюду возбудили неудовольствіе.

Во всеобщемъ хаосѣ взоры большинства обратились наконецъ на мекканскаго претендента Абдаллаха-ибнъ-Зубейра, послѣдняго представителя старо-мусульманской партіи, который, правда, показалъ себя лицемѣромъ и болтуномъ, но все-таки долженъ былъ быть пріятнѣе каждой изъ споривших сторонъ, чѣмъ кто-нибудь изъ числа ея противниковъ. Если бы Абдаллахъ былъ истинно умнымъ человѣкомъ, а не мелкимъ хитрецомъ, онъ на этотъ разъ могъ бы выиграть въ опасной игрѣ. Едва только извѣстіе о смерти Езида получилось въ лагерѣ войска, стоявшаго подъ Меккой, какъ уже предводитель его Хусейнъ пожелалъ вступить въ соглашеніе съ Абдаллахомъ; ма'аддитскія племена Сиріи въ своей ненависти къ іеменитамъ стали на его сторону, Египетъ также объявилъ себя за него, наконецъ, и въ Иракѣ онъ могъ разсчитывать съ увѣренностью на сильную партію. Но первый же политическій шагъ Абдаллаха показалъ всю его неспособность воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ: онъ рѣшительно отказался обѣщать Хусейну и его войскамъ безнаказанность за разрушеніе Медины. Считаясь только со злобой клонившейся къ упадку партіи благочестивыхъ, онъ упустилъ возможность вторгнуться во главѣ сильнаго войска въ Сирію и быстро привести свое дѣло къ побѣдѣ въ этомъ наиболѣе важномъ пунктѣ.

Хусейнъ такимъ образомъ безъ Абдаллаха отправился со своимъ войскомъ въ Сирію и тамъ нашелъ наконецъ одного Омейяда, Мервана, который готовъ былъ самымъ энергичнымъ образомъ защищать права своей фамиліи, находившіяся въ крайне опасномъ положеніи, и стать халифомъ. Такъ какъ ма'аддиты или кайситы, какъ они чаще всего назывались тогда по имени ихъ важнѣйшей сирійской вѣтви, сначала объявили себя за Абдаллаха, а потомъ выставили кандидатомъ Даххака, намѣстника Дамаска, то Мервану пришлось искать поддержки у іеменитовъ или кельбитовъ, которые стали на его сторону только послѣ продолжительныхъ колебаній и подъ очень тяжелыми условіями. Сначала они имѣли въ виду другого Омейяда, Халида, у котораго въ жилахъ текло больше іеменитской крови, чѣмъ у Мервана. Послѣ этого Мерванъ во главѣ кельбитскихъ племенъ разбилъ на голову кайситовъ на равнинѣ Рахитъ близъ Дамаска въ крайне кровопролитной битвѣ (684 г.). Даххакъ убѣжалъ къ Абдаллаху, котораго онъ теперь призналъ халифомъ; кайситы отступили въ сѣверо-восточную Сирію. Мерванъ недолго наслаждался своей побѣдой. Однимъ изъ условій договора съ кельбитами было, что онъ женится на матери избраннаго первоначально ими Халида и объявитъ своимъ преемникомъ ея сына; когда же онъ послѣ своей побѣды нарушилъ свое слово и провозгласилъ своимъ наслѣдникомъ своего сына Абдальмелика, онъ палъ отъ кинжала пылавшей местью женщины (въ апрѣлѣ 685 г.).

Убійцѣ нисколько не принесло пользы ея преступленіе; Абдальмеликъ наслѣдовалъ своему отцу почти безъ сопротивленія со стороны сирійцевъ и увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ тяжелой задачей — побѣдить Абдаллаха и возстановить порядокъ въ до крайней степени дезорга-

низованномъ государствѣ. Прежде всего важно было вновь пріобрѣсти Иракъ. Въ этой густо-населенной богатой странѣ между тѣмъ разыгрался самый ужасный бѣсовскій шабашъ, дикій хаосъ ожесточенной борьбы различныхъ сектъ и племенъ. Умѣренные отреклись отъ Омейядовъ и признали своимъ повелителемъ мекканскаго халифа; но Абдаллахъ не двинулся изъ своего мнимо безопаснаго убѣжища и только посылалъ своихъ намѣстниковъ, которые первоначально боролись съ различными мятежниками съ крайне незначительнымъ успѣхомъ.

Всего ужаснѣе было возстаніе хариджитовъ. Эти пылкіе демократы долго держали себя спокойно. Но одного ихъ пребыванія между изнѣженными иракансцами было совершенно достаточно, чтобы привлечь на нихъ всеобщую ненависть; уже при послѣднемъ намѣстникѣ Муавіи началось преслѣдованіе еретиковъ въ широкихъ размѣрахъ. Хариджиты со спокойствіемъ мучениковъ позволяли массами избивать себя, но и ихъ терпѣнію пришелъ конецъ. Во время смутъ, послѣдовавшихъ за смертью Муавіи, они вдругъ возстали. Теперь они доказали своимъ мучителямъ къ ихъ ужасу, что они умѣютъ такъ же хорошо сражаться и разорять, какъ и умирать. Въ своемъ безвыходномъ положеніи правовѣрные иракансцы окончательно бросились въ объятія халифа Абдаллаха; но посланный имъ намѣстникъ сейчасъ же палъ подъ ударами разъяренныхъ сектантовъ. Ужасъ передъ этими неумолимыми бойцами былъ такъ великъ, что однажды двѣ тысячи иракансцевъ отступили передъ сорока хариджитами; казалось, какъ будто все пламенное воодушевленіе и презирающее смерть мужество, которыя Мухаммедъ хотѣлъ внушить своимъ послѣдователямъ, теперь можно было найти только въ рядахъ сектантовъ. Борьба бушевала главнымъ образомъ вокругъ города Басры, которому постоянно угрожали возставшіе и который былъ спасенъ отъ самой ужасной участи только благодаря геройскому сопротивленію вождя Мухаллаба.

Если жители Басры дрожали передъ хариджитами, то куфанцы испытывали не меньшій ужасъ передъ приверженцами Алія, шіитами (сектантами), какъ ихъ обыкновенно называютъ. Выступленіе этой новой секты въ высшей степени замѣчательно; въ ней впервые проявляется вновь возрождавшійся духъ иранскаго народа. До сихъ поръ персы своими случайными возстаніями показывали только, что они склонны сбросить арабское иго вмѣстѣ съ навязанной имъ новой религіей; теперь они, напротивъ, какъ приверженцы Алія и Хусейна и какъ представители схизматическаго направленія въ исламѣ стремились приспособить новое вѣроученіе къ своимъ національнымъ воззрѣніямъ и основать иранскую форму мухаммеданской религіи. Вѣрные своему старому пристрастію, шіиты въ противоположность хариджитамъ, съ которыми ихъ часто неосновательно смѣшивали, были приверженцами наслѣдственнаго деспотизма; какъ нѣкогда они въ своихъ арсакидскихъ и сасанидскихъ великихъ царяхъ выше всего цѣнили и ставили главнымъ условіемъ своей покорности законное происхожденіе отъ окруженнаго миѳическимъ ореоломъ предка царствующаго дома, такъ и теперь они требовали наслѣдственнаго халифата потомковъ Мухаммеда и объявили Алія, племянника и зятя пророка, первымъ истиннымъ халифомъ, а его предшественниковъ такъ же, какъ и Омейядовъ и мекканскаго халифа — узурпаторами. Но эти религіозныя и политическія требованія только прикрывали національную основу шіитскаго движенія, которое нашло самыхъ пламенныхъ приверженцевъ между персидскими вольноотпущенниками и рабами и имѣло связи въ областяхъ далеко вглубь Персіи.

Подъ предводительствомъ хитраго и честолюбиваго араба, Мухтара, шіиты овладѣли самымъ городомъ Куфой и основали здѣсь правленіе террора. Благодаря ихъ отчаянному сопротивленію и измѣнѣ кайситскихъ вспомогательныхъ войскъ, оказалась безуспѣшной первая попытка Абдаль-

мелика вновь овладѣть Куфой, пока наконецъ не удалось вмѣсто него брату халифа Абдаллаха, Мусабу, убить предводителя шіитовъ и занять Куфу именемъ Абдаллаха (687 г.). Въ дѣйствительности Мусабъ только проложилъ дорогу сирійскому халифу. Абдальмеликъ, заключившій между тѣмъ миръ съ кайситами, повелъ новое войско на Иракъ; быстрымъ набѣгомъ онъ разбилъ на голову войско иракандевъ, не смотря на вторичную измѣну кайситскихъ вождей. Мусабъ палъ въ битвѣ, и Куфа безъ сопротивленія открыла свои ворота, такъ-же, какъ и Басра, гдѣ Мухаллабъ, несмотря на всю свою отвагу, проявилъ непостоянный характеръ, свойственный его единоплеменникамъ. Въ короткое время такимъ образомъ самая значительная провинція государства была вырвана изъ рукъ мекканскаго халифа, который съ своей стороны былъ достаточно жалокъ, чтобы найти въ смерти своего храбраго брата тайное удовлетвореніе, и вмѣсто энергичныхъ мѣръ ограничился произнесеніемъ въ честь павшаго хорошо составленной похоронной проповѣди. Но теперь долженъ былъ прійти чередъ и этому бездѣятельному болтуну.

Хотя значеніе Аравіи для свѣтской власти халифата уже пало очень глубоко, тѣмъ не менѣе не нужно оцѣнивать слишкомъ низко то нравственное вліяніе, которое могъ все еще оказывать Абдаллахъ, какъ владѣтель святыхъ мѣстъ, на стекавшихся въ большомъ числѣ въ Мекку пилигримовъ. Уже ради этого Абдальмеликъ долженъ былъ рѣшиться уничтожить своего соперника. Полководецъ, котораго онъ послалъ противъ Мекки, Хадджаджъ, былъ достойнымъ преемникомъ ужаснаго Муслима, полчища котораго разорили священную Медину; въ ноябрѣ 691 года онъ осадилъ со своими войсками Мекку и началъ безпощадно обстрѣливать городъ своими метательными орудіями, мало заботясь о томъ, пощадятъ ли бросаемые камни Каабу съ ея святынями. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мекканцы сопротивлялись, а затѣмъ, такъ какъ ждать помощи нельзя было, они начали толпами убѣгать изъ города. Халифъ Абдаллахъ умеръ благороднѣе, чѣмъ жилъ: съ остатками своихъ воиновъ онъ бросился на осаждавшихъ и нашелъ смерть во главѣ своихъ приверженцевъ.

Смерть послѣдняго халифа „старыхъ правовѣрныхъ“ прошла почти незамѣтно для мусульманскаго міра; только на самомъ далекомъ сѣверо-востокѣ, въ Хорасанѣ, одинъ изъ назначенныхъ имъ намѣстниковъ оказывалъ еще сопротивленіе, пока онъ не былъ устраненъ силой и хитростью. Съ 693 года все міровое государство халифовъ было подчинено дому Омейядовъ [1]. Однако-же о настоящемъ спокойствіи не было все-таки и рѣчи. Какъ въ кратерѣ гейзера, постоянно что-то кипѣло и клокотало въ Иракѣ и въ Персіи, и все снова повторялись ужасные взрывы, дѣйствіе подземнаго огня; даже деспотическое правленіе Хадджаджа, которому халифъ передалъ намѣстничество въ вѣчно неспокойной провинціи Иракъ, не могло вполнѣ подавить тѣ возмущенія, которыя все снова и снова вспыхивали въ хаосѣ народовъ старой, приведенной въ полное разстройство культурной страны. Но самъ халифъ долженъ былъ употребить весь свой умъ и въ случаѣ нужды свою ужасную энергію, чтобы ослабить непримиримый антагонизмъ между кельбитами и кайситами, который раздѣлялъ его вѣрнѣйшихъ сирійскихъ приверженцевъ на два враждебныхъ, проникнутыхъ ядовитой ненавистью другъ къ другу военныхъ лагеря. Между его собственными родственниками и потомками были друзья какъ одной, такъ и другой партіи; случалось, что приверженцы расположеннаго къ кельбитамъ родственника халифа подъ предлогомъ сбора дани перебивали всѣхъ бедуиновъ-кайситовъ, какихъ только могли схватить, за что кайситы жестоко мстили. Абдальмеликъ самъ по себѣ

[1] Авторъ ошибается; сынъ упомянутаго хорасанскаго намѣстника (Абдаллаха ибнъ Хазима), Муса, держался въ Трансоксаніи до 704 г. Ред.

былъ расположенъ къ кельбитамъ и много разъ показывалъ это. Но заносчивость его партіи принудила его постепенно стать ближе къ кайситамъ и употребить ихъ, радостно воспользовавшихся благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы подняться противъ кельбитовъ; и фанатически преданный халифу Хадджаджъ, которому онъ предпочтительно передъ всѣми другими ввѣрилъ защиту своего преемника и династіи, принадлежалъ къ племени кайситовъ.

Такъ произошло то, что послѣ смерти Абдальмелика (октябрь 705 г.) вліяніе кайситовъ стало преобладающимъ, и новый халифъ Велидъ нашелъ въ нихъ свою лучшую опору. Если Абдальмеликъ почти безпрестанно имѣлъ дѣло съ внутренними безпокойствами и даже въ началѣ своего правленія временно принужденъ былъ заключить унизительное перемиріе съ византійцами, то Велидъ могъ опять возобновить завоевательную политику, наиболѣе соотвѣтствовавшую первоначальной сущности халифата. Въ солдатахъ недостатка не было: въ особенности изъ Ирака и Персіи, гдѣ Хадджаджъ желѣзной рукой сдерживалъ бушевавшія страсти, стремились безпокойные элементы подъ знамена халифа, чтобы искать во внѣшней войнѣ славы и добычи. Точно также и въ выборѣ своихъ полководцевъ Велидъ былъ положительно счастливъ.

Въ виду этого время Велида — самое блестящее время омейядскаго халифата. При немъ мусульманское міровое государство достигло своихъ наибольшихъ размѣровъ (см. карту къ стр. 309) и своего наибольшаго блеска. На сѣверо-восточной границѣ Ирана Кутейба получилъ предводительство въ войнѣ, имѣвшей цѣлью завоеваніе Трансоксаніи и подчиненіе жившихъ тамъ иранскихъ и тюркскихъ народовъ; послѣ тяжелой борьбы посчастливилось здѣсь завоевать въ 709 году городъ Бухару, три года спустя — Самаркандъ, и въ 715 году арабскія силы проникли до Кашгара, когда смерть Велида помѣшала дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Одновременно съ этими войнами былъ предпринятъ походъ на Индію; подъ предводительствомъ Мухаммеда-ибнъ-Касима сирійское войско проникло въ долину Инда и овладѣло послѣ продолжительной осады городомъ Мультаномъ въ центрѣ Пятирѣчья, но не воспользовалось достигнутыми успѣхами. Полководецъ даже былъ вынужденъ сдѣлать индусамъ ту уступку, что ихъ религія должна была быть терпима рядомъ съ исламомъ наравнѣ съ христіанской и іудейской.

Въ то время, какъ на востокѣ сражались такъ побѣдоносно, византійцы также увидѣли себя тѣснимыми до крайности войсками халифа, не безъ ихъ собственной вины, такъ какъ споры изъ-за трона въ столицѣ снова подрывали силы государства, которыя и безъ того были до крайней степени истощены болгарскими войнами. Такимъ образомъ не удивительно, что арабскія войска безпрепятственно прошли Малую Азію и наконецъ явились передъ самымъ Константинополемъ, тогда какъ одновременно флотъ халифа вошелъ въ Мраморное море; но если Велидъ думалъ, что конецъ восточной римской имперіи близокъ, то онъ ошибался относительно живучести этого удивительнаго государственнаго образованія, которое еще много разъ должно было показать почти неистощимую жизненную силу.

Тѣмъ рѣшительнѣе были успѣхи въ сѣверной Африкѣ, гдѣ Муса въ жестокой борьбѣ съ берберскими племенами, которыя вначалѣ помогали арабамъ противъ византійцевъ, а теперь боролись за свою собственную свободу, овладѣлъ сѣвернымъ берегомъ вплоть до Атлантическаго океана и съ африканской стороны Гибралтарскаго пролива бросалъ жадные взгляды на Пиренейскій полуостровъ. Какъ потомъ Тарикъ нанесъ уничтожающее пораженіе готскому королю въ 711 году, какъ самъ Муса послѣдовалъ за нимъ со свѣжими силами, какъ въ короткое время вся Испанія была подчинена халифу и арабскія полчища проникли черезъ Пиренеи глубоко во Францію, объ этомъ разсказано въ другомъ мѣстѣ (см. томъ IV, отдѣлъ VIII).

Тогда Европа дрожала передъ, повидимому, неотразимымъ побѣднымъ шествіемъ враговъ христіанства, которые одновременно стучались въ ворота Константинополя и поили своихъ лошадей водой изъ Луары, въ то время какъ ихъ флотъ угрожалъ островамъ Средиземнаго моря. Но оказалось, что лукъ былъ слишкомъ натянутъ. Довольно скоро дальнѣйшее расширеніе пріостановилось, и распаденіе колоссальнаго государства было только вопросомъ времени.

Велидъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ государей, которые меньше отличаются собственными достоинствами и многосторонней дѣятельностью, чѣмъ умѣлымъ использованіемъ геніальныхъ и энергичныхъ людей, и при этомъ обладаютъ даромъ стоять въ центрѣ всего и обезпечивать себѣ преданность своихъ помощниковъ. Его братъ и наслѣдникъ, Сулейманъ (715—717 гг.), человѣкъ слабаго, недовѣрчиваго характера, не обладалъ этимъ даромъ, и какое жалкое зрѣлище ни представляетъ его грубая неблагодарность по отношенію къ великимъ полководцамъ и государственнымъ людямъ его отца, все-таки приходится въ оправданіе его сознаться, что онъ ничего другого не могъ сдѣлать, какъ отбросить въ сторону тѣ орудія, съ которыми ничего не могла предпринять его слабая и неловкая рука. Хадджаджъ, въ которомъ была воплощена душа внутренней политики Велида, давно предвидѣлъ будущее и желалъ только одного — умереть раньше Велида; то, что ему дѣйствительно было суждено это счастье, избавило его отъ постыднаго конца. Полководцевъ, которые въ моментъ смерти Велида частью еще стояли во главѣ своихъ войскъ, ожидала худшая участь: Муса, обвиненный въ растратѣ государственныхъ денегъ и присужденный къ уплатѣ невозможныхъ суммъ, умеръ нищимъ; Мухаммедъ, завоеватель Пенджаба, въ цѣпяхъ былъ привезенъ въ Дамаскъ и замученъ до смерти въ тюрьмѣ. Кутейба, котораго могла ожидать такая же судьба, напрасно старался побудить свои войска къ возстанію и палъ очень скоро подъ ударами приверженцевъ новаго халифа, которые отослали его голову въ Дамаскъ.

При всей низости характера Сулеймана жестокость его поведенія, для характеристики которой приведено только нѣсколько примѣровъ, едва ли была бы объяснима, еслибы его восшествіе на престолъ не обозначало вмѣстѣ съ тѣмъ новой перемѣны во вліяніи великихъ арабскихъ племенныхъ группъ: кайситы, золотой вѣкъ вліянія которыхъ былъ при Велидѣ, потерпѣли неудачу въ своей попыткѣ посадить на престолъ пріятнаго имъ родственника халифа. Такъ какъ въ противовѣсъ имъ Сулейманъ естественно принужденъ былъ опереться на кельбитовъ или іеменитовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ удовлетворить кровавой жаждѣ мести своихъ свирѣпыхъ сторонниковъ. Во главѣ іеменитовъ стоялъ въ то время Езидъ, сынъ прежняго иракансˈкаго полководца Мухаллаба и смертельный врагъ Хадджаджа. Онъ достигъ почти безграничнаго вліянія, велъ также счастливую войну въ Персіи противъ послѣднихъ защитниковъ иранской свободы, которые держались въ горахъ на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, но вошелъ въ самую дурную славу вслѣдствіе своей неслыханной любви къ роскоши и своего корыстолюбія.

Внѣшнія предпріятія Сулеймана были не особенно счастливы: византійцы, создавшіе благодаря изобрѣтенію знаменитаго греческаго огня грозную артиллерію, нашли теперь въ лицѣ императора Льва Исаврянина энергичнаго предводителя (717 г.). Арабское войско, осаждавшее Константинополь, потерпѣло ужасное пораженіе. Арабскій флотъ также былъ разсѣянъ, и Малая Азія на этотъ разъ осталась во власти византійцевъ. Какъ кажется, Сулейманъ не дожилъ до этого пораженія. Но и его преемникъ Омаръ II, простой и благочестивый человѣкъ въ старомъ стилѣ, не могъ поправить бѣды и правилъ слишкомъ мало времени (717—720 гг.), чтобы достигнуть чего-нибудь значительнаго или сдѣлать рѣшительные успѣхи

на пути къ осуществленію своего излюбленнаго плана—посредствомъ систематическаго обращенія людей другихъ вѣроисповѣданій увеличить число мухаммеданъ въ покоренныхъ странахъ. Въ особенную заслугу нужно поставить Омару II то, что онъ не сталъ ни на сторону кайситовъ, ни на сторону кельбитовъ, а стремился стать выше враждовавшихъ. При его преемникѣ, Езидѣ II, который душой и тѣломъ принадлежалъ кельбитамъ[1], сейчасъ же снова возгорѣлась внутренняя борьба. Тезка Езида, сынъ Мухаллаба, укрѣпился въ Басрѣ и призвалъ иракандевъ, старая ненависть которыхъ къ сирійцамъ нисколько не уменьшилась въ племенныхъ спорахъ, къ борьбѣ противъ халифа, но былъ побѣжденъ; одновременно вспыхнуло возстаніе въ Африкѣ, и испанскіе арабы, повидимому, имѣли большое желаніе устроиться совершенно самостоятельно на своей новой родинѣ. Короткое правленіе легкомысленнаго Езида II (720—724 гг.) составляетъ большой шагъ назадъ въ развитіи государственнаго могущества и верховной власти халифата.

При слѣдующемъ халифѣ, Хишамѣ, который серьезнѣе понималъ свои задачи, это движеніе назадъ въ первое время не продолжалось. Не безъ искусства Хишамъ умѣлъ оставаться нейтральнымъ между кельбитами и кайситами; можно было видѣть при этомъ правленіи даже нѣчто, напоминающее о парламентской качели Англіи, возносящей на вершину государства то либераловъ, то консерваторовъ. Сравненіе это не такъ натянуто, какъ можетъ показаться. Именно, въ виду того, что съ теченіемъ времени поочередно получали власть то кайситскіе, то іеменитскіе полководцы и государственные люди, у этихъ обѣихъ партій развилось извѣстное искусство править государствомъ, искусство, которое уже заранѣе позволяло съ нѣкоторой увѣренностью предсказывать, по какимъ принципамъ будутъ править тѣ или другіе сановники. Кайситы принадлежали къ школѣ Хадджаджа, усмирителя иракандевъ; тугое натягиваніе поводьевъ, чрезмѣрный гнетъ налоговъ, исключительное покровительство арабамъ и пренебреженіе къ вновь обращеннымъ другихъ расъ—таковы были основные принципы ихъ политики. Было извѣстно, что никто не можетъ извлечь изъ провинціи столь большой суммы налоговъ, какъ кайситскій намѣстникъ. Въ противоположность этому, іемениты представляли болѣе либеральныя воззрѣнія, придавали больше цѣны дипломатическому и благосклонному обхожденію съ покоренными и не стремились, какъ это любили дѣлать кайситы, взыскивать съ вновь обращенныхъ все еще тотъ поголовный налогъ, который они платили до ихъ обращенія, какъ лица другого вѣроисповѣданія; однимъ словомъ, кайситской политикѣ насилія они противопоставляли политику примиренія. Врядъ ли въ основѣ этихъ воззрѣній лежали твердые принципы: для настоящаго кельбита было достаточно видѣть, что кайситы дѣлаютъ что-нибудь, чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ стремиться къ противоположной цѣли.

Хишамъ, который хотѣлъ поднять финансовую силу государственной власти или, какъ обыкновенно смотрѣли на это при чисто личной формѣ правленія, былъ одержимъ ненасытной алчностью, быстро нашелъ въ кайситахъ людей, наиболѣе пригодныхъ для его цѣлей; повсюду кельбитскіе намѣстники, къ которымъ вначалѣ Хишамъ относился благосклонно, были замѣщены кайситскими дѣльцами. Въ первый разъ испанскіе арабы, состоявшіе почти исключительно изъ іеменитовъ, получили кайситскаго намѣстника, а въ Африкѣ Обейда и послѣ него Обейдаллахъ выжимали огромныя суммы. Слѣдствіемъ было ужасное возстаніе берберскаго населенія сѣверной Африки, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ хариджитскіе миссіонеры наконецъ нашли людей себѣ по сердцу, такъ что и здѣсь

---

[1] Кельбиты названы здѣсь по ошибкѣ вмѣсто кайситовъ, какъ показываетъ и возстаніе вождя іеменитской партіи. Ред.

возмущеніе противъ безмѣрнаго гнета налоговъ было смѣшано съ религіозно-демократическими идеями и достигло фанатической высоты. Берберы не сдѣлали ничего великаго подъ предводительствомъ вождей своей собственной расы; напротивъ, подъ духовнымъ руководствомъ чужихъ мыслителей они обнаруживаютъ замѣчательное самоотверженіе и мужество, которымъ трудно противостоять. Въ 740 году вспыхнуло волненіе въ окрестностяхъ Танжера. Полководецъ Халидъ, котораго Обейдаллахъ послалъ противъ мятежниковъ, былъ убитъ и вмѣстѣ съ нимъ громадное число арабской знати („битва благородныхъ"). Теперь халифъ долженъ былъ волей-неволей вынуть большую горсть денегъ изъ своихъ любимыхъ сундуковъ и образовать войско изъ лучшихъ сирійскихъ силъ. Это войско отправилось подъ предводительствомъ Кольсума и Бальджа въ Африку; тамъ присоединилось къ нему ополченіе арабовъ. Тѣмъ не менѣе борьба съ берберами снова кончилась неудачей; пѣхота арабовъ была большей частью истреблена, и Кольсумъ палъ. Только Бальджъ съ конницей спасся въ Танжеръ; отсюда онъ послѣ многихъ приключеній добрался до Испаніи, гдѣ игралъ большую роль, какъ сообщено въ другомъ мѣстѣ (томъ IV, отдѣлъ VIII). Хишамъ не дожилъ до конца африканскаго возстанія.

И въ Иракѣ, который съ трудомъ успокоился при іеменитскомъ намѣстникѣ Халидѣ, вспыхнуло возмущеніе послѣ присылки кайсита. Еще больше смутъ было въ Хорасанѣ, гдѣ кельбиты и кайситы открыто сражались другъ съ другомъ, такъ-же, какъ въ сосѣдней Трансоксаніи, населеніе которой ни за что не хотѣло подчиняться участи побѣжденныхъ. Такъ какъ кайситскіе намѣстники обыкновенно начинали исполненіе своихъ обязанностей съ заключенія въ тюрьму и разграбленія своихъ іеменитскихъ предшественниковъ, то достаточно было прибытія въ Хорасанъ кайситскаго губернатора, чтобы возбудить кельбитовъ къ открытому возстанію и заставить ихъ соединиться съ турками; только присылка кельбитскаго намѣстника и всеобщая амнистія возстановили до нѣкоторой степени спокойствіе въ важной пограничной области. Если Хорасанъ, обнимавшій тогда весь сѣверо-восточный Иранъ вмѣстѣ съ Трансоксаніей, какъ и при персахъ, имѣлъ громадное военное значеніе въ качествѣ пограничной страны съ кочевыми племенами Средней Азіи и напоминалъ до нѣкоторой степени пограничныя области Римской имперіи, защищенныя всегда готовыми къ бою легіонами, то и изъ горныхъ областей, расположенныхъ къ югу отъ Кавказа и господствовавшихъ надъ входомъ въ кавказскія ворота, образовалась важная военная провинція, въ которой не прекращалась борьба то съ армянами, аланами и иверійцами, то съ проникавшими черезъ проходы хазарами. Наконецъ, съ византійцами шла борьба съ перемѣннымъ счастьемъ. Арабы все еще надѣялись рѣшительнымъ ударомъ въ сердце имперіи кончить войну; Малая Азія снова подверглась нашествію, пока наконецъ блестящая побѣда императора Льва при Акройнонѣ во Фригіи не положила предѣла опустошеніямъ.

Когда Хишамъ въ 743 году умеръ, онъ оставилъ своему племяннику и преемнику Велиду II государство, которое, правда, было нѣсколько поколеблено неусмиреннымъ африканскимъ возстаніемъ, но благодаря бережливому финансовому хозяйству халифа и его ловкому обращенію съ арабскими партіями, все еще было полно жизненной силы. Правда, внутреннія противорѣчія никоимъ образомъ не изгладились. Конечно, съ теченіемъ времени старые арабскіе племенные раздоры должны были отступить на задній планъ, и не было уже недостатка въ людяхъ, которые видѣли истинную цѣль своей жизни въ абсолютной преданности халифу и образовывали ядро чисто династической партіи; племя Рабіа, которое съ давнихъ временъ было нейтральнымъ въ спорахъ между ма'аддитами и іеменитами и члены котораго вслѣдствіе этого охотно употреблялись въ качествѣ посредниковъ въ затруднительныхъ дипломатическихъ случаяхъ, могло по-

служить центральнымъ пунктомъ кристаллизаціи. Но соперничество между сиро-арабами и подвергнувшимися иранскому вліянію иракандами покоилось на слишкомъ глубокихъ противорѣчіяхъ, чтобы легко исчезнуть. Напротивъ, можно сказать, что иракацы, чѣмъ больше персидскій народъ выступалъ впередъ и пріобрѣталъ вліяніе, все рѣшительнѣе отдѣлялись отъ сирійцевъ и, благодаря своему численному превосходству, возраставшему вслѣдствіе прилива исламизированныхъ персовъ, должны были въ концѣ концовъ получить преобладаніе.

Въ этомъ заключалась наибольшая опасность для дома Омейядовъ: возведенные на тронъ сирійцами, Омейяды связали свою судьбу съ судьбой этихъ своихъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ. Какъ только центръ тяжести государства былъ перенесенъ въ Иракъ, съ халифами Дамаска было кончено. Вслѣдствіе простого хода событій, вслѣдствіе застоя въ Сиріи, арабскіе обитатели которой постоянно участвовали въ войнахъ, веденныхъ халифами, и потому, разумѣется, не увеличивались въ числѣ, и наконецъ, вслѣдствіе роста численности и богатства иракандевъ положеніе Омейядовъ было окончательно подорвано. Уже въ теченіе правленія Хишама могильщики династіи прилежно совершали свое дѣло, и вопросъ состоялъ только въ томъ, кто получитъ призъ въ состязаніи изъ-за благосклонности иракандевъ и другихъ жителей восточныхъ провинцій.

Что и въ этомъ случаѣ національныя движенія выступали въ религіозной оболочкѣ, понятно само собой. Можно было спорить относительно того, по праву ли первые халифы получили свое достоинство, Абу-Бекръ ли или Алій былъ законнымъ наслѣдникомъ пророка; относительно того, что Омейяды — недостойные узурпаторы, между всѣми сектантами царствовало самое идеальное согласіе; только кто ихъ долженъ замѣстить, было не такъ легко сказать. Потомками Алія, выступавшими время отъ времени и всегда находившими приверженцевъ между иракандами, повидимому, были унаслѣдованы неспособность и неудачливость вѣчнаго кандидата въ халифы, а немногіе, оставшіеся еще въ живыхъ изъ потомковъ старыхъ друзей пророка, удалились на самый далекій западъ, въ Африку и Испанію. Такимъ образомъ могло произойти, что мекканская знатная фамилія, находившаяся въ болѣе близкомъ родствѣ съ пророкомъ, чѣмъ Омейяды, Аббасиды, извѣстные народу, какъ стражи священнаго источника Земземъ, могли наконецъ стать во главѣ недовольныхъ. Уже при Хишамѣ ихъ происки стали проявляться въ возбуждавшей опасенія формѣ; при его слабыхъ преемникахъ они выступили открыто.

Велидъ II поспѣшилъ растратить сокровища, собранныя его предшественникомъ, но своей безграничной щедростью онъ совершенно не пріобрѣлъ себѣ истинныхъ друзей и оттолкнулъ отъ себя остальныхъ членовъ омейядскаго дома своей попыткой заставить признать своими преемниками своихъ малолѣтнихъ сыновей. Уже черезъ годъ послѣ его восшествія на тронъ онъ былъ низверженъ и убитъ Езидомъ III, вождемъ пострадавшей при немъ іеменитской партіи. Немедленно поднялись глухія волненія въ Иракѣ и Хорасанѣ. Но Мерванъ, омейядскій намѣстникъ Арменіи и Азербейджана, направился во главѣ своихъ отважныхъ пограничныхъ войскъ противъ Дамаска, который принужденъ былъ признать его послѣ внезапной смерти Езида и тяжелаго пораженія собраннаго іеменитами войска регентомъ отъ имени сыновей Велида II. Этихъ событій было достаточно, чтобы окончательно поколебать господство Омейядовъ; Мерванъ II, хотя и дѣйствительно способный государь, не былъ въ силахъ отсрочить гибель. Раздраженные своими тяжелыми потерями, всѣ іемениты были его врагами, и благодаря этому сирійскій народъ снова безнадежно раздѣлился какъ разъ въ тотъ моментъ, когда весь востокъ ждалъ только сигнала, чтобы подняться противъ Омейядовъ и сирійцевъ. Алиды въ Персіи уже открыто развернули знамя возстанія. Въ Иракѣ

опять вооружились хариджиты. Со стороны западныхъ провинцій нельзя было ждать помощи: въ Африкѣ еще не кончилось возстаніе берберовъ, а въ Испаніи свирѣпствовала гражданская война между кайситами и кельбитами, которые и въ этой далекой странѣ не могли забыть своей племенной ненависти.

Рѣшительный ударъ разразился въ Хорасанѣ. Здѣсь весной 747 года Абу-Муслимъ развернулъ черное знамя Аббасидовъ и выгналъ изъ его провинціи омейядскаго намѣстника Насра, котораго еще раньше непрестанно тѣснили другіе мятежники. Напрасно Насръ старался найти точку опоры по крайней мѣрѣ въ западной Персіи; и эти мѣстности оказывались потерянными. Лѣтомъ 750 года аббасидскія полчища появились передъ Куфой, которая сейчасъ же открыла свои ворота мятежникамъ. Мервану нисколько не помогло то, что онъ велѣлъ арестовать и убить тогдашняго главу фамиліи Аббасидовъ, коварнаго Ибрагима. Мѣсто Ибрагима заняли его сыновья, и все движеніе, корни котораго въ сущности лежали не въ честолюбіи фамиліи Аббасидовъ, а въ ненависти иранцевъ и иракандевъ къ сирійцамъ, неуклонно шло своимъ путемъ. Мерванъ собралъ свое войско на южной границѣ своей прежней провинціи, недалеко отъ Мосула, и здѣсь, при Большомъ Забѣ, войска Аббасидовъ вступили въ жаркую битву съ превосходившими ихъ по числу войсками халифа 25 января 750 года. Даже и въ этотъ рѣшительный моментъ не улеглась бедуинская племенная ненависть: іеменитскія племена измѣннически оставили халифа, когда битва уже, казалось, была выиграна Омейядами. Слѣдствіемъ было полное пораженіе Мервана. Убѣгая, халифъ напрасно старался удержаться въ Дамаскѣ, затѣмъ бѣжалъ въ Египетъ и палъ здѣсь, тщетно пытаясь организовать сопротивленіе Аббасидамъ. Побѣдоносно развѣвалось на стѣнахъ Дамаска вмѣсто бѣлаго знамени Омейядовъ черное знамя Аббасидовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествовалъ, наконецъ, иракскій народъ надъ ненавистными обитателями Сиріи, востокъ надъ западомъ.

B. **Внутреннее состояніе мусульманской западной Азіи въ эпоху завоеваній.**

Для государства халифовъ начинается вмѣстѣ съ тѣмъ новая эпоха короткаго блеска и продолжительнаго жалкаго упадка. Многія перемѣны, пробившія себѣ дорогу въ тиши, теперь выступаютъ на свѣтъ, и многое, что̀ опредѣляло въ омейядскій періодъ судьбы государства, исчезаетъ. Теперь вполнѣ своевременно бросить ретроспективный взглядъ на внутреннее состояніе государства, которое со столь сказочной быстротой расцвѣло изъ ничего и границы котораго простирались отъ Пиренеевъ и волнъ Атлантическаго океана до Инда и Яксарта. Громадныя пріобрѣтенія эпохи завоевателей немыслимы безъ широкой хозяйственной основы; съ другой стороны, успѣхи ислама непонятны безъ знакомства съ культурой, которая одновременно съ новой религіей распространилась по западной Азіи и сѣверной Африкѣ и не осталась безъ глубокаго вліянія даже на арійскіе народы Европы.

Бедуины, пришедшіе изъ внутренней Аравіи, конечно, немногому могли научить старокультурныхъ жителей западной Азіи, но одно они принесли съ собой: простоту жизни и безхитростное величіе характера и воли. Въ нихъ снова увидѣли изнѣженные сирійцы и персы людей, которые, презирая чувственныя наслажденія, умѣли бороться и умирать за идею; лучшій, мужественный, часто героическій духъ въ первый разъ послѣ длиннаго промежутка снова вѣетъ надъ исторіей западно-азіатскихъ странъ, гордое дыханіе бедуинской любви къ свободѣ разсѣиваетъ на время удушливый болотный воздухъ вялаго деспотизма, все снова и снова поднимающійся изъ этихъ плодородныхъ полей, какъ изъ своей

родной почвы. Этотъ подарокъ, принесенный Аравіей сосѣднимъ странамъ, былъ недолговѣченъ: никогда не будетъ въ состояніи завоеватель измѣнить на продолжительное время природу побѣжденныхъ странъ и соотвѣтствующій ей духъ обитателей этихъ странъ, напротивъ, онъ самъ подпадетъ подъ вліяніе этой природы и этого духа; но этого было все-таки достаточно, чтобы вызвать новые цвѣты изъ почвы, ставшей неплодородной, и создать волшебную картину свѣжей и сильной жизни.

Но было бы несправедливо въ арабахъ времени пророка видѣть только грубыхъ бедуиновъ, какъ бы ни заслуживала масса народа этого названія. Прилежные земледѣльцы Медины и въ особенности много путешествовавшіе богатые купцы Мекки стояли на болѣе высокой степени культуры, чѣмъ простыя степныя племена; въ Іеменѣ оставались еще значительные слѣды прежняго процвѣтанія торговли и цивилизаціи, и наконецъ арабы, полуосѣдло жившіе на границахъ римскаго и персидскаго государствъ, не остались совершенно безучастны по отношенію къ болѣе высокому образованію своихъ сосѣдей. Изъ всѣхъ этихъ болѣе культурныхъ арабовъ набирались жители арабскихъ городовъ, частью заново основывавшихся халифами и являвшихся фокусами мусульманской культуры въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Настоящіе бедуины мало участвовали въ прогрессѣ цивилизаціи этихъ группъ арабовъ, ихъ страстная любовь къ ничѣмъ не стѣсненной жизни степей была непреодолима. Никто не высказалъ этого такъ убѣдительно, какъ мать халифа Езида I, которая убѣдила наконецъ посредствомъ стихотворенія своего мужа отпустить ее назадъ, къ ея племени, въ пустыню. „Палатка“, говоритъ она тамъ, „сквозь которую проходитъ вѣтеръ, милѣе мнѣ, чѣмъ высокій замокъ.... Кусокъ хлѣба въ углу моей палатки вкуснѣе для меня, чѣмъ самыя тонкія лакомства. Я тоскую по моей родинѣ, никакой царскій дворецъ не можетъ ее замѣнить для меня“.

Конечно, въ первое время завоевательныя войны арабскихъ халифовъ не могли содѣйствовать развитію культуры; но опустошенія и уменьшеніе населенія были сравнительно невелики, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ странахъ, которыя прежде всего подверглись нападенію и быстро были подчинены, хотя вообще въ религіозныхъ войнахъ, какими были и войны арабовъ, какъ извѣстно изъ опыта, свирѣпствуетъ самая безжалостная и безчеловѣчная ярость. Терпимость, которую Мухаммедъ желалъ видѣть примѣняемой къ христіанамъ и іудеямъ, легкость перехода въ исламъ — посредствомъ простого произнесенія формулы вѣрованія, такъ же какъ и забота о государственныхъ финансахъ по большей части устранили массовыя истребленія населенія. Правда, большая часть приверженцевъ Заратустры, считавшихся язычниками, волей-неволей была принуждена принять исламъ[1]. Это является причиной, почему культъ огня исчезъ почти безслѣдно, за исключеніемъ немногихъ жалкихъ остатковъ. Напротивъ, христіане и іудеи продолжали спокойно оставаться въ Сиріи, Иракѣ, сѣверной Африкѣ и Испаніи, какъ и до тѣхъ поръ. И такъ какъ поголовный налогъ, который должны были платить иновѣрцы, составлялъ главный источникъ государственныхъ доходовъ, у халифовъ не было никакой причины самимъ затыкать этотъ источникъ ревностной пропагандой ислама. Благочестивый Омаръ II, считавшій единство вѣры въ своемъ государствѣ болѣе важнымъ, чѣмъ обильное поступленіе налоговъ, стоитъ совершенно изолированно. Уменьшеніе подати съ христіанъ и евреевъ, которое все-таки естественно наступило съ теченіемъ времени, было тѣмъ опаснѣе, что

---

[1] Авторъ ошибается; хотя о терпимости къ религіи Заратустры въ коранѣ не говорится, но фактически огнепоклонники были поставлены въ такое же положеніе, какъ христіане и іудеи, и распространеніе среди нихъ ислама происходило далеко не такъ быстро. Ред.

въ такомъ случаѣ приходилось сильнѣе облагать мухаммеданъ, что̀, разумѣется, не способствовало популярности правительства. Сначала Мухаммедомъ на его приверженцевъ былъ наложенъ только такъ называемый налогъ для бѣдныхъ, который долженъ былъ служить только для цѣлей общественной благотворительности и повести за собой извѣстное уравненіе собственности внутри мусульманской религіозной общины, но, разумѣется, очень рано постепенно пересталъ играть эту роль. Пятая часть всей военной добычи, притекавшая въ государственную кассу, была въ началѣ эпохи завоевателей очень важной частью государственныхъ доходовъ, но не могла служить основой солиднаго финансоваго хозяйства.

Большія средства, которыми располагали фактически халифы, притекали главнымъ образомъ изъ самыхъ цвѣтущихъ въ хозяйственномъ отношеніи провинцій ихъ государства, именно изъ Ирака и Египта, которые, правда, пали съ ихъ старой культурной высоты, но все еще отличались величайшимъ плодородіемъ и подъ арабскимъ управленіемъ на первыхъ порахъ пережили эпоху новаго подъема. Демократическій складъ арабскаго характера повсюду помѣшалъ возникновенію латифундій или благопріятствовалъ исчезновенію крупнаго землевладѣнія и появленію здороваго крестьянства. Рабство существовало въ столь мягкой формѣ, и число вольноотпущенниковъ было столь велико, что это развитіе крестьянства нисколько не было задержано существованіемъ рабства. Такимъ образомъ эпоха первыхъ халифовъ была для большой части покоренныхъ странъ новымъ періодомъ процвѣтанія. Старыя приспособленія для орошенія, необходимое предварительное условіе мелкаго крестьянскаго хозяйства на востокѣ, были во многихъ мѣстахъ возстановлены, многія уже потерянныя для культуры страны вновь заселены, кое-гдѣ, напримѣръ въ Испаніи, впервые настоящимъ образомъ введена интенсивная обработка земли. Между богатыми людьми мало замѣчалось склонности обращать накопленныя сокровища на скупку земли [1]; наличныя деньги, которыя по крайней мѣрѣ въ случаѣ нужды можно было закопать или взять съ собой, спасаясь бѣгствомъ, охотнѣе оставляли лежать безъ всякаго дохода или пріобрѣтали, посредствомъ щедрой раздачи, благосклонность толпы. Кто думалъ объ увеличеніи своего имущества, того прежде всего должна была привлекать торговля, которая послѣ завоеванія важнѣйшихъ частей западной Азіи въ рукахъ арабовъ и ихъ новыхъ подданныхъ начала сильно развиваться.

Въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени благопріятное положеніе по отношенію къ міровой торговлѣ, занятое государствомъ халифовъ, было чрезвычайно значительнымъ источникомъ его могущества и блеска. Важнѣйшіе пути великаго торговаго обмѣна между востокомъ и западомъ, Индіей и Европой, однимъ ударомъ были захвачены преемниками Мухаммеда, ни одно зернышко индійскихъ пряностей не могло впредь проникнуть въ западный міръ, не пройдя черезъ таможни халифовъ, опредѣленіе цѣны зависѣло отъ воли этихъ властителей. Раньше торговля, смотря по обстоятельствамъ, направлялась то по одному, то по другому пути; чрезмѣрныя пошлины въ Египтѣ прогнали ее съ Краснаго моря, и путь черезъ Персидскій заливъ и долину Евфрата въ Сирію возродился. Невѣрности моря можно было избѣжать, отправляя товары караванами черезъ Персію и Месопотамію. Товары съ крайняго востока, прежде всего китайскій шелкъ, шли черезъ Иранъ или черезъ Трансоксанію по Каспійскому морю въ южную Россію, или плыли моремъ до Цейлона и примыкали къ потоку индійской торговли. Теперь всѣ эти ворота и лазейки принадлежали одному

[1] Хорасанскіе намѣстники однако пріобрѣтали помѣстья для себя и своихъ потомковъ. Ред.

История человечества. III. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Музыканты и знаменоносцы сарацинскаго войска въ походѣ.

Изъ арабской рукописи, принадлежащей Карлу Шеферу въ Парижѣ.

(По G. Schlumberger, Un empereur byzantin au dixième siècle.)

народу, и доходъ таможенъ въ Басрѣ и Александріи, такъ же, какъ въ Бухарѣ и Мультанѣ, стекался въ государственную кассу въ Дамаскѣ.

Вмѣстѣ съ богатствомъ возрастала духовная культура, которая впрочемъ достигла своего процвѣтанія только при Аббасидахъ. Пока господство въ государствѣ принадлежало сирійскимъ бедуинамъ, арабскій духъ со всѣми своими достоинствами и недостатками сохранялъ рѣшающее значеніе, и поэзія пользовалась бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ ученость. Сирійцы никогда не обнаруживали особенной склонности къ теологическимъ сомнѣніямъ, которыя все снова и снова волновали самымъ живымъ образомъ жителей Ирака. Учиться у побѣжденныхъ у нихъ было мало охоты; положеніе столицы Дамаска на краю пустыни, сохраненіе арабскими жителями страны ихъ полукочевого или совершенно кочевого образа жизни благопріятствовали этому настроенію. Сами халифы изъ дома Омейядовъ были частью слишкомъ благочестивы, частью слишкомъ эпикурейцы, чтобы находить удовольствіе въ серьезныхъ научныхъ занятіяхъ. Только побѣда иракаиской части населенія и ея народности совершенно измѣнила положеніе.

То же самое можно сказать и объ устройствѣ войска, которое въ общемъ при Омейядахъ осталось такимъ же, какъ въ первое время халифата. Постоянныхъ войскъ почти совершенно не существовало, гвардія халифовъ, выучкой которой Хадджаджъ впервые привлекъ на себя взоръ Абдальмелика, рѣдко упоминается и ни въ какомъ случаѣ не имѣла особеннаго значенія, въ полную противоположность времени Аббасидовъ. Завоеванныя страны обезпечивались военными колоніями; ибо обыкновенно войска, завоевавшія извѣстную страну для ислама, оставались въ ней въ качествѣ колонистовъ, и ополченіе, состоявшее изъ всего ихъ мужского населенія, способнаго носить оружіе, находилось въ распоряженіи намѣстника. Политическая незначительность Аравіи, проявляющаяся столь поразительно скоро послѣ первыхъ халифовъ, есть естественное слѣдствіе этого массоваго выселенія. Крѣпкая племенная организація арабовъ обусловливала образованіе изъ воиновъ одного племени отдѣльнаго отряда, который долженъ былъ непремѣнно стоять подъ предводительствомъ своихъ естественныхъ вождей, если отъ него ждали чего-нибудь полезнаго; всѣ попытки, образовать полки изъ членовъ различныхъ племенъ или по крайней мѣрѣ поставить племя подъ начальство вождя чуждаго происхожденія, кончились очень печально. Такимъ образомъ организація, какъ она ни была превосходна при простыхъ условіяхъ жизни, совершенно не была способна къ развитію, созданіе постоянныхъ войскъ изъ арабовъ было почти совершенно невозможно. Въ этомъ лежитъ корень той несчастной судьбы, которая должна была въ концѣ концовъ постигнуть арабовъ и передать верховную власть надъ мусульманскимъ міромъ въ руки грубыхъ средне-азіатскихъ кочевыхъ племенъ. Изъ чужихъ наемниковъ Аббасиды принуждены были образовывать свою гвардію и постоянныя войска, и эти наемники стали въ концѣ концовъ господами.

Военное искусство арабовъ въ первое время было врядъ ли развито, но все-таки его было достаточно, чтобы побѣдить истощенныхъ византійцевъ и персовъ. Старая слава арабскаго коннозаводства легко приводитъ къ ошибочному заключенію, будто войска первыхъ халифовъ состояли исключительно изъ конницы, но на самомъ дѣлѣ число годныхъ для употребленія лошадей въ Аравіи никогда не было очень велико, и вслѣдствіе этого главная масса арабскихъ войскъ складывалась изъ пѣхотинцевъ или изъ ѣздоковъ на верблюдахъ (см. приложенную здѣсь картину „Музыканты и знаменосцы сарацинскаго войска на походѣ“), которые, впрочемъ, сражались большею частью пѣшими. Ядро войскъ образовали съ ногъ до головы вооруженные всадники въ стальныхъ шлемахъ и кольчугахъ, съ копьями и саблями; но большая часть воиновъ была во-

оружена, въ особенности вначалѣ, гораздо несовершеннѣе, и самой желательной добычей для нихъ было оружіе побѣжденныхъ. Стрѣлки изъ луковъ составляли уже при Мухаммедѣ довольно существенную часть войска. Тактика была очень проста: какъ правило, выдвигался центръ съ двумя крыльями и, кромѣ того, иногда оставлялся резервъ; обходныя движенія и засады, правда, примѣняются, но чаще битвы состоятъ изъ хаоса отдѣльныхъ стычекъ, и часто геройскій подвигъ одного храбреца рѣшаетъ побѣду. Обыкновеніе восточныхъ полчищъ — разбѣгаться въ разныя стороны въ случаѣ смерти полководца, не было присуще арабамъ въ той мѣрѣ какъ, напримѣръ, персамъ, очевидно потому, что племенная организація, дававшая войскамъ большое число способныхъ и вліятельныхъ низшихъ начальниковъ, мѣшала быстрому распаденію; многіе важные успѣхи арабовъ объясняются, безъ сомнѣнія, этимъ преимуществомъ. Осадное искусство было плохо развито въ дни Мухаммеда, который могъ посредствомъ простого рва защищать Медину отъ всякаго нападенія; около 60 лѣтъ спустя камни, осыпавшіе Каабу изъ метательныхъ машинъ, показали обитателямъ Мекки, что сирійскіе арабы уже многому научились отъ своихъ восточно-римскихъ сосѣдей.

О томъ, что мусульманскій флотъ, очевидно, при помощи принужденныхъ силой къ службѣ халифамъ сирійскихъ береговыхъ жителей, развился съ изумительной быстротой, уже упоминалось выше (стр. 284). Къ счастью для христіанскаго запада изобрѣтеніе страшнаго „греческаго огня“, тайну котораго арабы напрасно старались разгадать, дало византійцамъ могущественное оружіе въ руки, оружіе, можетъ быть, спасшее Византію отъ преждевременной гибели.

Эпоха первыхъ халифовъ и Омейядовъ — это героическій періодъ ислама, суровый, но сильный и со здоровымъ своеобразіемъ. Тогдашнее существо мусульманскаго міра походитъ на твердый и кислый плодъ, къ которому еще въ изобиліи приливаютъ свѣжіе соки и который еще не вполнѣ отдѣлился отъ произведшаго его материнскаго ствола. Во времена Аббасидовъ плодъ становится зрѣлымъ и сладкимъ, и широко распространяется его пряный запахъ; но въ то же время сначала незамѣтно, а потомъ все въ большей и въ большей степени появляются и быстро увеличиваются признаки гнилости и разложенія, которое наконецъ превращаетъ сказочное великолѣпіе въ жалкую гниль и бросаетъ къ ногамъ варварскихъ завоевателей его послѣдніе остатки.

4. Аббасиды и гибель халифата.

A. Политическая исторія до Харуна.

Иракандевъ и персовъ соединила для борьбы противъ сирійцевъ и омейядской династіи не любовь къ храброму вождю или къ преемникамъ пророка, имѣвшимъ больше правъ на халифатъ, чѣмъ государи Дамаска, но исключительно ненависть. Въ кандидатахъ на вакантный тронъ отнюдь не было недостатка; но въ первой линіи снова стояли многочисленные потомки Алія, которые никогда не прекращали своей подпольной работы противъ Омейядовъ и за которыхъ, по всей вѣроятности, сражалась, по ея убѣжденію, большая часть войска, разбившаго Мервана на Забѣ. Но проклятіе, которое, повидимому, лежало на этомъ родѣ вѣчныхъ претендентовъ, еще разъ проявило свое роковое могущество: на мѣсто опьяненныхъ побѣдой Алидовъ пробились коварные внуки Аббаса, крѣпко державшіе желѣзной рукой, послѣ того, какъ они могли сбросить маску притворства, желанную добычу.

Аббасъ былъ дядей пророка — вліятельный, но съ двусмысленнымъ

характеромъ человѣкъ: съ ловкостью и мѣднымъ лбомъ онъ сначала боролся со своимъ племянникомъ, а потомъ, когда вѣсы начали клониться на пользу гонимаго Мухаммеда, онъ восторженно призналъ его посланникомъ Бога. На этомъ предкѣ, духъ котораго не былъ чуждъ и его потомкамъ, Аббасиды основывали свои права на халифатъ, по арабскому праву не безъ основанія, такъ какъ и въ фамиліи Омейядовъ законнымъ наслѣдникомъ считался не сынъ, а братъ государя, и такъ какъ кромѣ того Мухаммедъ не оставилъ мужскихъ потомковъ, а только одну дочь, родоначальницу Алидовъ. Чьи интересы возьмутъ верхъ, той или другой фамиліи, это зависѣло главнымъ образомъ отъ личностей, стоявшихъ во главѣ ихъ, и въ этомъ смыслѣ Аббасиды далеко превосходили Алидовъ, совершенно не умѣвшихъ вести какую бы то ни было рѣшительную политику.

Абдаллахъ Абуль-Аббасъ, съ почетнымъ, будто бы даннымъ себѣ имъ самимъ прозвищемъ ас-Саффахъ („проливающій кровь“), былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы содѣйствовать побѣдѣ Аббасидовъ хитростью и насиліемъ и характернымъ образомъ начать новый періодъ исторіи ислама. Когда партія хашимитовъ, какъ обыкновенно коротко называютъ противниковъ Омейядовъ и приверженцевъ истинныхъ преемниковъ Мухаммеда, овладѣла Куфой, Абдаллахъ сейчасъ же случился по близости и сумѣлъ привлечь на сторону своего дѣла предводителей войска; предводитель хорасанскихъ инсургентовъ, Абу-Муслимъ, былъ и безъ того настроенъ въ пользу Аббасидовъ, другіе, настроеніе которыхъ казалось подозрительнымъ, были устранены открытымъ насиліемъ или тайнымъ убійствомъ.

Прибывъ въ Сирію, Абдаллахъ поспѣшилъ распорядиться истребленіемъ всѣхъ членовъ фамиліи Омейядовъ, какихъ онъ только сумѣлъ заманить къ себѣ или захватить какъ-нибудь иначе; въ безсмысленной жестокости онъ дошелъ до того, что приказалъ открыть гробницы умершихъ халифовъ и осквернить ихъ тѣла. Напрасно подняли возстаніе въ Иракѣ Алиды, а въ Сиріи приверженцы Омейядовъ; когда послѣ четырехлѣтняго правленія „кровопійца“ умеръ, все государство халифовъ было уже въ рукахъ Аббасидовъ за единственнымъ исключеніемъ Испаніи, которая тогда отпала навсегда отъ государей востока (см. ниже, стр. 306).

Истиннымъ основателемъ аббасидской династіи былъ Абу-Муслимъ, который поднялъ возстаніе въ Хорасанѣ и овладѣлъ этой важной провинціей съ ея военными колоніями и привычнымъ къ войнѣ населеніемъ; это былъ человѣкъ, ставшій благодаря своему воспитанію кровожаднымъ фанатикомъ и только незадолго до своей смерти, какъ доказываетъ одно замѣчательное письмо, сознавшій ужасныя послѣдствія своей слѣпой ревности къ вѣрѣ и раскаявшійся въ ней. Слишкомъ сильный и очень независимый въ своемъ образѣ мыслей хорасанецъ не могъ не возбудить довольно скоро недовѣріе халифа, который нѣсколько разъ дѣлалъ тайныя попытки устранить его. Когда послѣ смерти Абдаллаха между его братьями возгорѣлась борьба за наслѣдство, въ нее вмѣшался Абу-Муслимъ и рѣшилъ со своими войсками споръ въ пользу Абу-Джафара Мансура. Но ему не пришлось вернуться въ свою провинцію; какъ только новый халифъ почувствовалъ подъ собой твердую почву, онъ поспѣшилъ привести въ исполненіе политическое завѣщаніе своего отца; Абу-Муслимъ былъ приглашенъ ко двору и изрубленъ на глазахъ Мансура. Послѣ его смерти въ Хорасанѣ вспыхнуло возстаніе въ пользу Алидовъ, тогда какъ тогдашній глава этой фамиліи, Мухаммедъ, одновременно поднялся въ Мединѣ; но Аравія перестала быть почвой, изъ которой могли бы появляться новыя династіи; Мухаммедъ палъ въ борьбѣ, и возстаніе хорасанцевъ также скоро было подавлено.

Во время правленія Мансура впервые проявились всѣ тѣ послѣдствія,

которыя неизбѣжно должно было повлечь за собою паденіе Омейядовъ и сирійскаго господства. Уже Абдаллахъ перенесъ свою резиденцію въ Иракъ; Мансуръ же избралъ въ качествѣ новаго средоточія своей міровой монархіи не пограничный городъ Куфу, но выстроилъ въ самомъ центрѣ Месопотаміи, тамъ, гдѣ Евфратъ и Тигръ подходятъ ближе всего другъ къ другу, чтобы затѣмъ еще разъ разойтись въ разныя стороны, на берегу Тигра городъ Багдадъ (см. карту къ стр. 309). Въ началѣ въ его намѣренія не входило вызвать волшебствомъ изъ земли тотъ громадный городъ, который вскорѣ выросъ на этомъ мѣстѣ; онъ хотѣлъ создать военный городъ, что-то въ родѣ Потсдама, или, вѣрнѣе, укрѣпленный лагерь, который могъ бы держать въ покорности безпокойный Иракъ. Но Мансуръ не могъ освободиться отъ своихъ милыхъ иракцевъ; впавшая въ немилость Куфа быстро опустѣла; очень скоро стѣны Багдада не вмѣщали уже всего приливающаго населенія, вокругъ нихъ возникали предмѣстья, на лѣвомъ берегу Тигра выросла новая блестящая часть города, словомъ, волей-неволей халифъ принужденъ былъ мириться съ возникновеніемъ передъ его глазами мірового города, который, казалось, былъ отраженіемъ блеска древнихъ гигантовъ — Вавилона и Ниневіи.

Попытка основать военный лагерь внутри той страны, которая была поднята аббасидскими халифами на степень центра мусульманскаго государства, доказываетъ уже сама по себѣ, что отношеніе государей къ ихъ подданнымъ начало измѣняться. Омейяды жили въ Дамаскѣ среди чисто арабскаго, преданнаго династіи населенія, которое только тогда временно являлось опаснымъ для халифа, когда возгоралась злосчастная племенная ненависть; отъ смѣшаннаго населенія Ирака, отдѣльныя составныя части котораго постоянно кипѣли враждой другъ противъ друга, нельзя было ожидать подобной вѣрности, не исключая и мѣстныхъ арабовъ, которые давно уже начали вырождаться и впадать въ полное разслабленіе. Поэтому уже Мансуръ былъ вынужденъ преобразовать небольшой отрядъ тѣлохранителей, имѣвшійся уже у Омейядовъ, въ гораздо болѣе значительный военный корпусъ, ядро котораго составляли не сирійцы и не иракцы, а пограничныя войска изъ Хорасана и турецкіе наемники. Въ первый разъ дикіе, хищные сыны Средней Азіи красовались на улицахъ Багдада въ пестрой одеждѣ лейб-гвардіи и бросали жадные взоры на неизмѣримыя сокровища „столицы міра“. Скоро въ степяхъ Туркестана узнали о сказочномъ великолѣпіи Багдада, и воинственные номады жадно слушали, сидя вокругъ лагерныхъ костровъ, разсказы вернувшихся домой своихъ соотечественниковъ о роскоши мірового города и о трусости и разъединенности его жителей. Ненужно было уже вербовать и заманивать турецкихъ наемниковъ на службу халифу, теперь уже они сами являлись въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ.

То обстоятельство, что центръ тяжести государства халифовъ передвигался на востокъ, было въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ притягательной силы, которую постепенно стало проявлять вновь окрѣпшее, примирившееся съ исламомъ населеніе Ирана. При Омейядахъ было бы почти немыслимо, чтобы персъ достигъ важнаго значенія и вліянія въ государствѣ; при Аббасидахъ, напротивъ, иранцы начали занимать во все большемъ количествѣ самыя высокія должности. Вмѣстѣ съ ними при дворѣ получилъ господство новый духъ, чуждый и враждебный истиннымъ арабамъ. Если арабамъ было свойственно то своеобразное смѣшеніе аристократіи и демократіи, какое неизбѣжно должно было возникнуть благодаря простой кочевой жизни, то персы уже раньше показали, что единственной подходящей для нихъ формой правленія была деспотическая, что между ними господствовала та склонность къ слѣпому обоготворенію монарха, передъ которой арабъ стараго закала останавливался въ полномъ недоумѣніи. Аббасиды также подпали вліянію этого новаго духа: государи

этого дома очень скоро начали все больше и больше устраняться отъ соприкосновенія съ народомъ и прекратили то непосредственное, почти товарищеское общеніе съ подданными, какого постоянно придерживались Омейяды, по крайней мѣрѣ по отношенію къ своимъ вѣрнымъ сирійцамъ.

Теперь стало также необходимо выдвинуть между обоготвореннымъ халифомъ и народомъ посредствующее лицо, визиря, важную должность котораго впервые создалъ Мансуръ. Уже изъ этого происхожденія визирата слѣдуетъ, что его можно сравнивать съ германскимъ канцлерствомъ или съ должностью перваго министра въ европейскихъ государствахъ только съ большими оговорками: визирь не есть прежде всего совѣтникъ монарха, онъ является его замѣстителемъ при сношеніяхъ со всѣми другими людьми; онъ только приводитъ въ исполненіе приказанія своего господина, халифа, глубокая мудрость котораго все рѣшаетъ, но который слишкомъ высоко стоитъ, чтобы лично входить во всѣ обыденныя дѣла. Въ виду этого визиратъ является однимъ изъ тѣхъ положеній, истинное значеніе которыхъ опредѣляется свойствами лицъ, занимающихъ эти положенія, или монарха, стоящаго надъ ними; въ дальнѣйшемъ ходѣ событій визирь является на сценѣ восточной исторіи въ мѣняющемся освѣщеніи: то какъ не имѣющій значенія статистъ, то какъ другъ и совѣтникъ монарха, то, наконецъ, какъ истинный господинъ государства, господинъ, въ рукахъ котораго халифъ является простой маріонеткой.

Если въ данномъ случаѣ Аббасиды охотно подчинились требованіямъ иранскаго духа, то, напротивъ, по отношенію къ другой чертѣ иранскаго характера, тѣсно связанной съ только что обрисованной, они были вынуждены къ самой крайней осторожности. Уже было упомянуто, что хашимитское движеніе, которое мощно поднявшейся волной вынесло Аббасидовъ на вершину мусульманской міровой монархіи и главнымъ образомъ было возбуждено и поддерживаемо персами, имѣло въ виду прежде всего устранить династію Омейядовъ и вмѣсто нея возвести на тронъ истинныхъ наслѣдниковъ и преемниковъ Мухаммеда, и что Аббасиды были обязаны полученіемъ приза больше своей хитрости и ловкости, чѣмъ всеобщему признанію ихъ правъ. Съ ропотомъ, но нисколько не потерявъ надежды на успѣхъ, потомки Алія были готовы ежеминутно снова возобновить свои притязанія. Насколько больше имѣли приверженцевъ въ народѣ внуки обоготвореннаго зятя и племянника пророка сравнительно съ потомками лукаваго Аббаса, объ этомъ Аббасиды сами знали слишкомъ хорошо, или, если они этого не знали, то имъ показали это достаточно ясно все вновь возникавшія возстанія Алидовъ. Такимъ образомъ, если Аббасиды и были обязаны своимъ трономъ хашимитамъ и шіитамъ и вели себя въ качествѣ претендентовъ, какъ ревностные шіиты, то послѣ своего возвышенія они принуждены были волей-неволей отступиться отъ своей партіи и войти въ соглашеніе съ правовѣрными, къ которымъ прежде всего принадлежало ядро арабскаго населенія. Халифу Мансуру, который рѣшительно вступилъ на этотъ путь, вѣроятно, не легко достался первый шагъ, и въ началѣ онъ увеличилъ опасность его положенія. Но на будущее время соглашеніе деспотизма съ представителями государственной религіи могло быть только благопріятно для обезпеченія будущности его династіи.

Именно отношеніе къ ортодоксіи имѣло для Аббасидовъ величайшее значеніе. Какъ халифы, они были не только повелителями громаднаго свѣтскаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и, собственно говоря, прежде всего духовными владыками всѣхъ исповѣдниковъ ислама, они были въ такой же степени защитниками и распространителями государства, какъ и религіи. При Омейядахъ эти двѣ задачи почти цѣликомъ совпадали: всюду, гдѣ распространялось новое вѣроученіе, признавалось также свѣтское верховенство халифовъ. Аббасиды, напротивъ, вскорѣ увидѣли, что

они не всегда могли поддерживать свое двойственное значеніе въ чрезмѣрно разросшемся міровомъ государствѣ, но что ихъ религіозное вліяніе всетаки является достаточнымъ средствомъ предотвратить полное распаденіе государства и утвердить по крайней мѣрѣ номинально, до лучшихъ временъ, ихъ духовный авторитетъ даже тамъ, гдѣ уже больше не боялись ихъ вооруженной силы. Съ другой стороны, возстававшіе противъ халифовъ должны были выбирать, хотятъ ли они посредствомъ выбора новаго халифа окончательно порвать всякія связи съ властелинами въ Багдадѣ, или, искусно лавируя, отвергнуть только свѣтское значеніе халифата и, напротивъ, признать его духовное верховенство. При такихъ условіяхъ для Аббасидовъ было чрезвычайно важно имѣть на своей сторонѣ ортодоксію и, благодаря этому, довѣріе арабскаго племени, которое все еще, несмотря на всѣ передвиженія центра власти, сохраняло верховное руководство мусульманскимъ міромъ.

Уже при Мансурѣ, несмотря на его мудрую политику, единство государства не вполнѣ сохранилось. Въ то время, какъ центръ государственной власти передвинулся на востокъ, самая крайняя западная провинція, цвѣтущая Испанія, совершенно отпала отъ государства, и на этотъ разъ свѣтская и духовная связь были порваны одновременно. Напрасно „кровопійца“ Абдаллахъ стремился истребить всю фамилію Омейядовъ; отпрыскъ низвергнутаго царствовавшаго дома, Абдъ-ар-Рахманъ, послѣ различныхъ приключеній прибылъ въ Африку и затѣмъ въ Испанію, гдѣ тогда овладѣлъ властью послѣ продолжительной борьбы между кайситами и кельбитами кайситскій вождь Юсуфъ, прогнавшій аббасидскихъ пословъ. Когда Абдъ-ар-Рахманъ высадился на берегъ, ему вскорѣ удалось съ помощью кельбитовъ низвергнуть Юсуфа. Послѣ этого онъ не только основалъ самостоятельное государство, но вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ титулъ халифа, въ качествѣ члена несправедливо лишенной власти династіи Омейядовъ[1] (756 г.). Всѣ попытки Мансура устранить ненавистнаго соперника были тщетны. Вообще правленіе Мансура такъ было наполнено возмущеніями Алидовъ и другими внутренними смутами, что о внѣшнихъ предпріятіяхъ мало могло быть рѣчи: халифъ долженъ былъ удовлетвориться сохраненіемъ границъ государства и кое-гдѣ незначительнымъ передвиженіемъ ихъ впередъ. Во всякомъ случаѣ Мансуръ основательно укрѣпилъ тронъ Аббасидовъ. Можетъ быть, нужна была именно такая холодная, разсчетливая и вѣроломная натура, чтобы утвердить господство въ такое время и при помощи ненадежныхъ иракандевъ.

Золотой вѣкъ аббасидской династіи начался только съ того времени, когда послѣ смерти Мансура достоинство халифа досталось его сыну Махдію (775 г.), къ большому неудовольствію дядей новаго властелина, которые по арабскому обычаю прежде всего могли предъявить права на наслѣдство. Все вновь проявлявшаяся склонность царствующихъ халифовъ уничтожить этотъ традиціонный способъ престолонаслѣдія въ пользу собственныхъ потомковъ на этотъ разъ не повела ни къ какимъ серьезнымъ конфликтамъ. Щедрый и жизнерадостный Махдій былъ полной противоположностью своему отцу, но это былъ какъ разъ такой государь, какого высоко ставили ираканцы; при немъ Багдадъ началъ быть такимъ, какимъ онъ живетъ еще и теперь въ преданіяхъ и сагахъ, самымъ блестящимъ и самымъ обильнымъ наслажденіями городомъ въ мірѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіемъ восточной поэзіи и учености.

Принимая во вниманіе характеръ народонаселенія Ирака, становится само собой понятнымъ, что, несмотря на все сказанное выше, и подъ крот-

---

[1] Авторъ ошибается: титулъ халифа былъ принятъ испанскими Омейядами только въ 929 г., при Абдъ-ар-Рахманѣ III. Ред.

кимъ скипетромъ Махдія въ Иракѣ не было спокойствія и старый споръ сектъ и партій вспыхивалъ то здѣсь, то тамъ. Точно также воинственный Хорасанъ, смѣлые обитатели котораго, правда, возвели Аббасидовъ на тронъ, но съ неудовольствіемъ замѣтили отпаденіе династіи отъ шіитскаго ученія, представлялъ постоянный источникъ безпокойства. Страшное возстаніе, поднятое въ Трансоксаніи пророкомъ аль-Муканна („закрытый покрываломъ"), могло быть окончательно усмирено только въ 780 году. Какъ будто недовольно было существовавшихъ до тѣхъ поръ сектъ, въ Иракѣ поднялись арабскіе мятежники, которые проповѣдывали республиканскій исламъ. Въ ихъ основныхъ принципахъ мы, можетъ быть, имѣемъ право видѣть самый суровый протестъ арабскаго народнаго духа противъ берущаго верхъ ирански окрашеннаго деспотизма Аббасидовъ. У персовъ вновь появился на поверхности подъ мусульманской оболочкой старый коммунизмъ маздакитовъ (зендикизмъ), отравившій жизнь послѣднимъ сасанидскимъ государямъ. Иранскіе приверженцы Алія наконецъ достигли въ обожествленіи своего идола крайней степени нелѣпости; они были готовы и аббасидскихъ халифовъ, какъ наслѣдниковъ пророка, точно также объявить божественными существами, но послѣ отпаденія Аббасидовъ къ правовѣрію ихъ обожаніе превратилось въ неистовую ненависть. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что огромное большинство хаотическихъ сектантскихъ организацій возникало между персами и что въ нихъ, какъ въ какой-нибудь болѣзни, выражался тяжелый переходъ иранскаго элемента къ исламу и слияніе персидскаго и арабскаго міровоззрѣнія. Знакомство съ индійскими религіозными формами, въ особенности съ ученіемъ о переселеніи душъ, нашедшимъ въ Хорасанѣ много приверженцевъ, способствовало увеличенію хаоса.

Несмотря на внутреннія смуты, Махдій могъ предпринять нѣсколько счастливыхъ походовъ противъ византійцевъ, хотя, впрочемъ, ему не удалось утвердиться въ Малой Азіи. Войско, посланное халифомъ въ Испанію, было уничтожено омейядскимъ халифомъ. Этотъ послѣдній уже составилъ было съ своей стороны планъ высадиться въ Сиріи и призвать старыхъ приверженцевъ своего дома къ борьбѣ противъ Аббасидовъ, когда къ счастью для Махдія нападеніе Карла Великаго на Испанію помѣшало осуществленію этихъ плановъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Махдій почти совершенно подчинился вліянію своей честолюбивой жены Хейзуранъ, которая добилась и того, что ея сыновья Хади и Харунъ были признаны наслѣдниками. Но когда Хади взошелъ на престолъ въ 785 году, ей пришлось пережить горькое разочарованіе: ея сынъ съ неожиданнымъ упорствомъ возсталъ противъ ея стремленія къ власти и потребовалъ, чтобы она занималась женскими работами и чтеніемъ корана. Когда Хади обнаружилъ намѣреніе устранить ея любимца Харуна отъ наслѣдованія въ пользу своихъ собственныхъ дѣтей, его судьба была рѣшена: однажды утромъ его нашли отравленнымъ.

Харунъ ар-Рашидъ безпрепятственно овладѣлъ властью, которая оставалась въ его рукахъ съ 786 по 809 годъ. Онъ былъ любимъ народомъ уже давно; его привѣтливый и щедрый характеръ привлекъ ему не меньше симпатій, чѣмъ его подвиги въ войнѣ съ византійцами во время правленія его отца Махдія. Впрочемъ, онъ унаслѣдовалъ немало дурныхъ качествъ Аббасидовъ; много разъ онъ показалъ себя коварнымъ и жестокимъ; похвала его строгой справедливости, щедро воздаваемая ему преданіемъ, подлежитъ по меньшей мѣрѣ сильному ограниченію. Но, какъ бы то ни было, онъ сталъ любимцемъ преданія, а его резиденція Багдадъ, достигшая при немъ своего наиболѣе пышнаго расцвѣта, — мѣстомъ сказочной роскоши и того волшебнаго, пестраго великолѣпія, котораго ждетъ и нигдѣ не находитъ современный путешественникъ по Востоку. Имя Харуна тѣмъ теснѣе связано съ Багдадомъ, что почти непосредственно послѣ его смерти

начинается паденіе міроваго города, и вмѣстѣ съ городомъ годъ отъ года блѣднѣетъ и исчезаетъ блескъ халифата.

Въ общемъ можно сказать, что время правленія Харуна было временемъ внутренняго процвѣтанія государства и славныхъ внѣшнихъ войнъ; пагубныя послѣдствія аббасидской системы господства обнаружились только при его преемникахъ. О полномъ спокойствіи внутри государства, не смотря на это, нечего было и думать. Ираканскія и персидскія секты ни въ какомъ случаѣ не могли отказаться отъ своего излюбленнаго занятія — все вновь выступать въ защиту своихъ стремленій съ оружіемъ вь рукахъ; а въ Сиріи кайситы и кельбиты по старому обычаю съ прежней ненавистью нападали другъ на друга. Вѣчно неспокойные хорасанцы также не оставались позади другихъ. Наконецъ, въ Африкѣ дѣло зашло такъ далеко, что авторитетъ халифа не признавался больше, по крайней мѣрѣ въ западныхъ областяхъ, и тамъ получила власть династія Алидовъ, которая не хотѣла ничего знать ни о свѣтскомъ, ни о духовномъ вліяніи Аббасидовъ.

Сопровождались громкой славой, хотя и не имѣли прочнаго успѣха, походы Харуна противъ византійцевъ, которые, будучи въ то время до крайности тѣснимы болгарами, съ трудомъ могли отражать полчища халифа и нѣсколько разъ принуждены были обязаться платить дань. Эти вторженія въ малоазіатскія области, которыми нѣсколько разъ предводительствовалъ лично самъ Харунъ, были только большими разбойничьими набѣгами; государство халифовъ было уже слишкомъ дряхло и гнило внутри, чтобы можно было думать о прочномъ пріобрѣтеніи и обращеніи въ исламъ новыхъ провинцій, и довольно скоро послѣ смерти Харуна византійцы въ свою очередь перешли въ наступленіе.

Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ въ жизни Харуна является совершившееся по его приказанію уничтоженіе Бармекидовъ. Если бы въ этомъ случаѣ шла рѣчь только о низверженіи честолюбивыхъ или ставшихъ подозрительными полководцевъ или намѣстниковъ, объ одной изъ тѣхъ кровавыхъ, отталкивающихъ сценъ, которыя безконечнымъ рядомъ наполняютъ лѣтописи восточныхъ государствъ, то объ этомъ почти не стоило бы и упоминать. Въ дѣйствительности это событіе вмѣстѣ съ подготовившими его фактами является характернымъ прологомъ будущихъ отношеній; имъ были устранены на время зачатки „майордомства“, обыкновенно поддерживающаго и замѣняющаго династію деспотовъ въ эпоху ея упадка. Уже при предшественникахъ Харуна фамилія Бармекидовъ достигла большого значенія; но ея вліяніе неизмѣримо возросло, когда одному изъ нихъ, ловкому Яхьѣ, удалось благодаря своевременному вмѣшательству обезпечить послѣ смерти Хади тронъ за Харуномъ. Когда же Джафару, одному изъ сыновей Яхьи, посчастливилось своимъ умомъ и симпатичными чертами характера пріобрѣсти чрезвычайную личную благосклонность халифа и онъ сталъ визиремъ съ почти неограниченной властью, тогда могло даже показаться, будто рядомъ съ фамиліей Аббасидовъ появляется новая династія. Капризы Джафара стали уже для придворныхъ важнѣе капризовъ халифа, въ рукахъ фаворитовъ накопилось уже громадное богатство, какъ вдругъ внезапная катастрофа разрушила всѣ надежды и привела за собой уничтоженіе всемогущихъ временщиковъ. Если бы Харуна побудило къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ проникновеніе въ грозящую опасность, то многое можно было бы сказать въ его оправданіе; но въ дѣйствительности паденіе Джафара и его семьи было вызвано грязной гаремной исторіей, что рисуетъ халифа далеко не въ благопріятномъ свѣтѣ; этимъ также объясняется, что это событіе возбудило глубокое недовольство въ населеніи Багдада (803 г.). Въ негодованіи и раздраженіи старѣющійся Харунъ оставилъ городъ и жилъ въ послѣдніе годы своей жизни въ Раккѣ въ Месопотаміи, въ усердныхъ, но оказав-

Вост. д. отъ Гринича
Черное море
Средиземное море
Красное море
Константинополь
Адріанополь
Скутари
Никея
Брусса
Пергамъ
Смирна
Ефесъ
Лесбосъ
Хіосъ
Родосъ
Критъ
Кипръ
Синопъ
Кастамуни
Анкира
Амазія
Трапезундъ
ГАЛАТІЯ
КАППАДОКІЯ
Кесарія
Аморіумъ
Иконіумъ
ИСАВРІЯ
КИЛИКІЯ
Тарсъ
Селевкія
Антіохія
Зевгма
ПОНТЪ
ЛАЗИСТАНЪ
ИБЕРІЯ
Тифлисъ
Спорная область
Эривань
Эрзерумъ
АРМЕНІЯ
Артаксата
ШИРВАНЪ
Берда
Дербенъ
Кавказъ
Мелитія
Діарбекиръ
Тигръ
Эдесса
Нисибисъ
Харранъ
Ракка
Мосулъ
МЕСОПОТАМІЯ
АТРОПАТЕНА
АЗЕРБЕЙДЖАНЪ
Ардебиль
Тавризъ
Хамаданъ
Нихавендъ
ЛУРИСТАНЪ
Самарра
Багдадъ
Ктесифонъ
Селевкія
Хилле
Куфа
Кадисія
ИРАКЪ
Евфратъ
Басра
Касима
Хама
Химсъ
Массіафъ
Триполисъ
Бейрутъ
Тиръ
Акка
Тиверіада
Кесарія
Яффа
Іерусалимъ
Газа
Мертвое море
Дамаскъ
Пальмира
СИРІЯ
Бостра
НАБАТЕЙСКОЕ ЦАРСТВО (ПЕТРОВ. АРАВІЯ)
Петра
Сирійская пустыня
Розетта
Даміетта
Александрія
Фостатъ
ЕГИПЕТЪ
Синай
Нилъ
Эсне
Ассуанъ
Тропикъ Рака
НУБІЯ
Донгола
Суакинъ
Дума
Тебукъ
Тейма
Степь Нефудъ
БЕКРЪ
АСАДЪ
Фейдъ
Хайберъ
ХИДЖАЗЪ
НЕДЖДЪ
ДОББА
Медина
Бедръ
Дерая
ІЕМАМА
ХАНИФА
Джадила
Режава
Джимра
АРАВІЯ
Джидда
Мекка
Таифъ
Джалемланъ
Биша
МАДИДЖЪ
Пустыня Ро
НЕДЖРАНЪ
Неджранъ
МУРАДЪ
Хайванъ
Саде
ХАМАДАНЪ
Марибъ (Саба)
Сана
ТІХАМА
ІЕМЕНЪ
Зебидъ
Мокка
Аденъ
КИНДА
Бабъ-эль-Мандебскій проливъ
Абиссинія (ХАБЕШЪ)
Оз. Цана
Атбара
Голубой Нилъ
Бѣлый Нилъ
Персидскій заливъ
25
30
35
40
45
20
15

ЗАПАДНАЯ АЗІЯ

ВЪ ЭПОХУ ХАЛИФОВЪ.

Масштабъ 1:17000000

0 100 200 300 400 500

Километры.

Граница римской имперіи при Діоклетіанѣ.

Граница халифата при первыхъ Аббасидахъ.

Граница византійской имперіи въ эпоху первыхъ Аббасидовъ.

Граница византійской имперіи около 1000 года.

Т во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

шихся безполезными заботахъ о томъ, чтобы благоразумными распоряженіями относительно престолонаслѣдія помѣшать взрыву раздоровъ изъ-за халифата послѣ его смерти.

B. Хозяйство и духовная культура въ аббасидскомъ халифатѣ.

Съ Харуномъ аббасидское государство достигло апогея какъ во внѣшней силѣ (см. приложенную карту „Западная Азія во времена халифовъ"), такъ и во внутренней культурѣ. Основы государства были тѣ же, что и при Омейядахъ; но внутреннія отношенія измѣнились. Та внѣшняя перемѣна, которая выразилась въ перенесеніи центра государства изъ Дамаска въ Багдадъ, имѣла чрезвычайно глубокія послѣдствія для жизни и культуры мусульманскихъ народовъ. Растеніе, пересаженное изъ сухого, чистаго воздуха дамасской пустыни въ влажную и жаркую низменность Ирака, неизбѣжно погибаетъ; напротивъ, культура халифата разрослась гораздо роскошнѣе подъ новымъ небомъ, ея цвѣты распустились блестящѣе и душистѣе. Но въ то же время изъ жаркой, лихорадочной почвы поднялись ядовитыя испаренія: быстро растущія сорныя травы выросли повсюду въ подавляющемъ количествѣ, цвѣты поблекли, стебли и корни сгнили, и въ концѣ концовъ копыта монгольскихъ лошадей втоптали въ болотистую почву остатки прежняго великолѣпія.

Послѣ перенесенія резиденціи халифата въ самую богатую и наиболѣе густо населенную провинцію государства, само достоинство халифа пріобрѣло новый блескъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно утратило прежнюю староарабскую простоту. Если халифъ хотѣлъ выдвинуться и жить прилично своему достоинству среди безчисленныхъ богатыхъ негоціантовъ Багдада, среди всего этого жаднаго къ роскоши и взыскательнаго населенія, онъ долженъ былъ совершенно иначе обставить свой дворъ, чѣмъ это дѣлало большинство Омейядовъ. Громадные дворцы, мосты и мечети, искусно разбитые сады, водопроводы и фонтаны возбуждали не меньше изумленіе народа, чѣмъ великолѣпіе оружія и одеждъ, надѣвавшихся халифомъ и его свитой въ торжественные дни, или изобиліе сокровищъ, собранныхъ во дворцѣ халифа, и чрезвычайно щедрые дары, удѣлявшіеся нищимъ и празднымъ. Во всемъ городѣ господствовала роскошная жизнь; какъ нѣкогда въ Римѣ временъ императоровъ, въ Багдадъ не только приливало золото изъ провинціи, но благодаря торговлѣ стекались также въ изобиліи на багдадскіе рынки самые разнообразные продукты различныхъ климатовъ; тамъ можно было найти рядомъ китайскій шелкъ, сибирскіе мѣха, пряности Индіи и Аравіи и цвѣтные кожевенные товары изъ Кордовы. Здѣсь было складочное мѣсто тѣхъ путей міровой торговли, которые вели изъ Китая въ западный міръ, изъ Индіи въ Византію и дальше на сѣверъ и западъ Европы.

Для торговли тогда было хорошее время, хотя не было недостатка въ опасностяхъ и всякаго рода трудностяхъ; большая часть дорогъ была въ отличномъ состояніи, снабжена указателями разстояній и караван-сараями и въ опасныхъ мѣстахъ защищена гарнизонами. Громадные караваны пилигримовъ, ежегодно отправлявшіеся въ Мекку, прекрасно соединяя благочестіе съ торговымъ духомъ (см. картину, помѣщенную дальше), не мало способствовали оживленію обмѣна: впрочемъ, и вообще арабскій купецъ то шелъ по слѣдамъ мусульманской пропаганды оружіемъ, то предшествовалъ ей, и дѣйствовалъ одновременно, какъ торговецъ и какъ миссіонеръ. Буря религіозныхъ войнъ смыла всѣ преграды, которыми, какъ китайской стѣной, были окружены государства западной Азіи; всюду теперь мусульманскій купецъ находилъ соотечественниковъ и соплеменниковъ, которые были готовы пріютить его, защитить и по мѣрѣ силъ помогать ему въ его дѣятельности. Море также не было заперто для него.

Плаваніе по Индійскому океану давно уже находилось въ рукахъ арабовъ, которые уже тогда достигали южно-китайскихъ гаваней и совершенно убили процвѣтавшую передъ тѣмъ китайскую морскую торговлю. Въ восточной части Средиземнаго моря военный флотъ халифовъ оттѣснилъ византійцевъ; въ 826 году завоеваніе Крита создало опорный пунктъ для мусульманской торговли и морского разбойничества, больше столѣтія дававшій отпоръ всѣмъ нападеніямъ доведенныхъ до отчаянія восточно-римскихъ императоровъ. Столь же мало, какъ море, останавливала арабскаго купца пустыня, такъ какъ онъ былъ знакомъ съ ея ужасами и умѣлъ побѣждать ихъ. Едва только была покорена сѣверная Африка, какъ торговля съ Суданомъ, раньше бывшая жалкой и малодоходной транзитной торговлей, получила неслыханные размѣры: громадные караваны пересѣкали исполненную ужасовъ пустыню, доставляли произведенія промышленности Багдада и Египта народамъ темной расы и возвращались на родину съ сокровищами Африки, золотымъ пескомъ, страусовыми перьями и рабами—неграми. Но повсюду, куда проникалъ арабскій купецъ, возникали тѣ небольшія поселенія и колоніи, которыя еще въ настоящее время обыкновенно являются въ Африкѣ предшественниками распространенія ислама и арабской культуры.

Еслибы благодаря этому торговому обращенію, наполнявшему и приводившему въ движеніе все государство, попадали въ оборотъ только матеріальныя блага, то и тогда это явленіе было бы достаточно значительно и важно; въ дѣйствительности же духовный обмѣнъ и духовное сближеніе, которые были вызваны этимъ обращеніемъ и установленіемъ государственнаго единства, были гораздо болѣе значительны и богаты различнаго рода послѣдствіями. Уже при Омейядахъ въ извѣстной степени имѣлъ мѣсто этотъ процессъ, но только послѣ того, какъ халифатъ былъ перенесенъ въ громадный этнографическій тигель, какъ можно назвать Иракъ, онъ достигъ своего истиннаго развитія.

Населеніе Ирака отличалось уже ко времени завоевательнаго вторженія арабовъ удивительно смѣшаннымъ составомъ. Правда, первоначальный слой населенія, вавилоняне, все еще составлялъ ядро осѣдлыхъ обитателей и крестьянскаго сословія, тогда какъ въ городахъ замѣчалась сильная примѣсь греческой крови и, кромѣ того, столь значительный приливъ евреевъ, что при Сасанидахъ по цѣлымъ годамъ еврейскія шайки могли держать въ страхѣ всю страну. Продолжительное господство пареянъ и Сасанидовъ естественно привело къ тому, что иранцы переселились сюда въ очень большомъ количествѣ и въ концѣ концовъ стали преобладающей силой и въ этнографическомъ смыслѣ; тотъ тѣсный союзъ, который позже мы видимъ во время возстаній между ираканцами и персами, является достаточнымъ доказательствомъ этого. Какъ наконецъ арабы, съ незапамятныхъ временъ наполнявшіе степную область, вслѣдствіе мусульманскаго движенія совершенно уничтожили иранское вліяніе, усилились благодаря новому наплыву и выступили въ качествѣ основателей городовъ, было описано выше (см. стр. 299). Съ установленіемъ мусульманскаго міроваго государства была открыта окончательно дорога къ ничѣмъ не стѣсненному смѣшенію. Когда Багдадъ сталъ средоточіемъ этого государства и вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіемъ торговли, не было ни одного народа въ государствѣ халифовъ и граничившихъ съ нимъ странахъ, который не имѣлъ бы своихъ представителей въ Багдадѣ, ни одной культуры, которая не оказала бы своего вліянія на разноплеменную толпу, тѣснившуюся въ міровомъ городѣ. Здѣсь, на почвѣ древней цивилизаціи, необходимо должны были расцвѣсти искусства и науки, здѣсь было наиболѣе благопріятное мѣсто во всемъ тогдашнемъ мірѣ для того, чтобы учить и учиться. Если-же ученымъ и поэтамъ кромѣ того еще свѣтило солнце благосклонности монарха и привлекало къ себѣ всѣ таланты, какіе только можно бы-

ло найти во всѣхъ областяхъ государства, тогда можно было ожидать блестящаго времени духовнаго подъема.

Кто знаетъ только современный исламъ и жалкій культурный уровень его послѣдователей, тому трудно будетъ повѣрить въ возможность столь свободной научной и художественной жизни, какая фактически имѣла мѣсто въ первое время правленія Аббасидовъ. Уже то нелѣпое требованіе, чтобы каждый „ученый" прежде всего обязательно зналъ наизусть весь коранъ отъ слова и до слова и чтобы вообще почти вся духовная дѣятельность имѣла своей цѣлью и въ то же время своимъ предѣломъ проникновеніе въ это въ высшей степени фантастическое и въ полномъ смыслѣ слова ненаучное произведеніе, повидимому, должно окончательно пресѣкать возможность всякаго прогресса. Но это окостенѣлое состояніе является только результатомъ продолжительной эволюціи. Какъ большинство европейскихъ народовъ Библію, такъ мусульманскіе народы свой коранъ усвоили вполнѣ только съ теченіемъ времени; но они не были въ состояніи, подобно европейскимъ народамъ, отдѣлить нравственную сторону отъ внѣшнихъ примѣсей и смѣло прорваться сквозь тѣ преграды, которыми церковная узость стремилась и стремится загородить свободный путь духа. Во времена Аббасидовъ коранъ не сталъ еще такой исключительной путеводной нитью жизни, его законы не были еще такъ неопровержимы и его послѣдователи такъ фанатически-ограничены, какъ въ настоящее время: безъ большихъ колебаній халифъ Харунъ со своими приближенными отдавался наслажденію ненавистнымъ пророку виномъ, едва задергивая завѣсу, чтобы скрыть соблазнъ отъ постороннихъ взоровъ. Съ такой же свободой отъ предразсудковъ онъ покровительствовалъ ученымъ и философамъ, мнѣнія которыхъ могли заставить встать дыбомъ волосы у каждаго правовѣрнаго мусульманина. Халифъ, впрочемъ, и не могъ поступать иначе; Иракъ вѣдь былъ классической страной сектъ. Халифъ принужденъ былъ бы прежде всего уничтожить двѣ трети своихъ ближайшихъ подданныхъ, еслибы онъ захотѣлъ помочь побѣдѣ правовѣрія. Что, кромѣ того, Аббасиды были первоначально приверженцами шіитской ереси и всегда подозрѣвались въ возможности новаго отпаденія, въ Багдадѣ и въ другихъ мѣстахъ было хорошо извѣстно. Было бы неблагоразумно слишкомъ раздражать сектантовъ, которые всегда готовы были къ возстанію.

Только противъ коммунистовъ, зендиковъ, было издано нѣчто вродѣ „закона противъ соціалистовъ", и былъ учрежденъ настоящій инквизиціонный трибуналъ, который долженъ былъ искоренить этихъ эпигоновъ стараго маздакитскаго ученія. Въ этомъ дѣлѣ халифъ могъ быть вполнѣ увѣренъ въ одобреніи имущихъ классовъ, которые и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, были болѣе чувствительны къ угрозѣ ихъ кошельку, чѣмъ ко всѣмъ другимъ нападеніямъ еретиковъ на священнѣйшія положенія корана.

Сектантство, какъ оно ни нарушало ходъ экономическаго развитія своими безпрестанными волненіями и возстаніями, было въ высшей степени благопріятно для духовной культуры той широкой терпимостью, которую оно вынуждало у халифовъ. Всякое, даже самое смѣлое воззрѣніе могло надѣяться найти себѣ сочувствіе не только среди изысканно-образованныхъ высшихъ классовъ Багдада, но и среди народа, а при дворѣ отыскать защитниковъ. Рядомъ съ непреклонными правовѣрными и мечтательными мистиками открыто могли проповѣдывать свои ученія сомнѣвающіеся и скептики; многочисленные христіане и евреи принимали съ своей стороны живое участіе въ культурной работѣ. Но секты и вѣроученія были въ большинствѣ случаевъ только одухотвореннымъ выраженіемъ расовыхъ различій, которыя въ дѣйствительности являются настоящей основой быстраго расцвѣта иракской культуры; особенныя свойства различныхъ

народовъ, стекавшихся въ Багдадъ, удивительнымъ образомъ дополняли другъ друга. Острый, нѣсколько сухой духъ араба соединился здѣсь въ благопріятномъ сочетаніи съ необузданной творческой фантазіей иранца, и смутное чувство гармоніи древне-греческой жизни, равно какъ и чувство мистической глубины индійской мысли пробуждались въ душахъ представителями этихъ противоположныхъ полюсовъ арійскаго культурнаго развитія.

Эллинизмъ далъ въ безсмертныхъ созданіяхъ своего золотого вѣка основу для научной дѣятельности, и въ то время, какъ западная Европа забыла ихъ, произведенія Аристотеля стали оракуломъ мусульманскаго міра. Правда, плоды греческой духовной жизни не были восприняты такъ быстро, какъ можно было ожидать. Переводы греческихъ текстовъ съ подлинниковъ начались только во время халифата Мамуна (813—833 гг.); до того времени возраставшую жажду знанія должны были удовлетворять персидскіе переводы, восходившіе ко времени Сасанидовъ. Въ этомъ отношеніи правленіе Харуна ар-Рашида не является высшей точкой развитія. Здѣсь, какъ и вообще столь часто въ ходѣ историческаго процесса, духовный расцвѣтъ не совпадаетъ съ политическимъ, но переживаетъ послѣдній и всего блестящѣе развивается именно тогда, когда уже надъ почвой, въ которой находятся его корни, начинаютъ бушевать вихри новаго времени.

Между науками, которыя пользовались благосклонностью и попеченіемъ халифовъ, слѣдуетъ назвать прежде всего тѣ, которыя въ особенности соотвѣтствовали арабскому духу и вслѣдствіе этого и существовали дольше всего, именно науки діалектическія, требующія больше остроумія, чѣмъ творческой силы, какъ, напримѣръ, филологію и грамматику, логику и реторику, религіозную догматику и юриспруденцію. Что и математика находила у арабовъ живое сочувствіе, понятно само собой. Другая особенность арабской натуры, любовь къ племенной традиціи и безконечнымъ родословнымъ, нуждалась только въ облагороженіи подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ, чтобы породить исторію и вмѣстѣ съ ней географію, которая и безъ того получила сильный толчекъ къ развитію благодаря обширности торговыхъ сношеній. Характерно, что изъ этихъ двухъ самыхъ родственныхъ между собою наукъ географія развивалась относительно свободно и безпрепятственно, тогда какъ исторія никогда не могла освободиться отъ тѣхъ требованій, которыя предъявляла къ ней партійность монарховъ и сектъ. Изученіе астрономіи и естественныхъ наукъ въ эпоху Аббасидовъ никогда не могло окончательно сбросить съ себя оковы суевѣрія, которыя обыкновенно принижаютъ это изученіе къ землѣ и даже у болѣе цивилизованныхъ народовъ препятствуютъ безпристрастному изслѣдованію. Но если астрономическая наука и тормозилась очень сильно благодаря неизбѣжной астрологической примѣси, всегда находившей себѣ, что вполнѣ понятно, покровительство у высокопоставленныхъ лицъ, то все-таки ея тѣсная связь съ математикой составляла прочную опору здороваго развитія. Опаснѣе было то, что химія только въ исключительныхъ случаяхъ изучалась ради самой себя, въ большинствѣ же случаевъ разсматривалась, какъ путь къ дѣланію золота; все-таки и въ этой области мусульманская культура сдѣлала очень много. Наконецъ, медицина, получившая сильный толчекъ благодаря переводу греческихъ образцовыхъ произведеній, достигла, можетъ быть, не вполнѣ свободнаго развитія, но все-таки стояла на высокой ступени.

Мысль, что не слѣдуетъ заниматься исключительно одной какой-нибудь наукой, но нужно стремиться къ болѣе общему образованію посредствомъ соединенія нѣсколькихъ отраслей знанія, не была чужда тогдашней мусульманской культурѣ; такъ уже при Мансурѣ въ Багдадѣ существовала школа, въ которой изучались арабскій языкъ, поэзія и астро-

номія, т. е. родъ университета. Научныя стремленія съ ихъ основой, общимъ образованіемъ, не остались ограниченными Багдадомъ. При дворахъ намѣстниковъ и въ цвѣтущихъ торговыхъ городахъ возникли фокусы интеллигенціи, а дѣятельныя сношенія между ними способствовали обмѣну и духовныхъ благъ, да, кромѣ того, большая часть ученыхъ и поэтовъ вела настоящую странствующую жизнь: — вѣдь передъ ними міръ былъ открытъ, и они были увѣрены, что повсюду будутъ радостно приняты и что вокругъ нихъ будутъ тѣсниться жаждущіе знанія. Только современность съ ея колоссальными средствами сообщенія опять сдѣлала по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ изъ европейскаго міра единое цѣлое, какое тогда представляло собою арабское міровое государство; только внѣшнимъ образомъ, потому что большое преимущество одного, понимаемаго повсюду, языка и письма ставитъ все-таки государство Аббасидовъ выше европейскаго культурнаго міра.

Между искусствами ревностно разрабатывалась музыка; но ни одинъ изъ большихъ народовъ, принявшихъ исламъ, не обладалъ выдающимися способностями въ этой области, величайшія завоеванія въ которой, какъ кажется, достижимы только для западныхъ арійцевъ. Что касается талантовъ въ области пластическихъ искусствъ, то въ виду запрещенія живописи Мухаммедомъ, они должны были обратиться къ архитектурѣ или къ художественной промышленности; можетъ быть, они сдѣлали это тѣмъ ревностнѣе и искреннѣе, что путь къ самымъ великимъ цѣлямъ былъ закрытъ. Любовь къ расточительному и все-таки обработанному до мельчайшихъ деталей изобилію орнаментики есть слѣдствіе этого запрещенія, которое могъ сдѣлать только представитель трезваго арабскаго племени, съ его діалектическимъ умомъ и скуднымъ воображеніемъ. Вполнѣ безпрепятственно въ государствѣ халифовъ могла развиваться только поэзія, безпрепятственно по крайней мѣрѣ настолько, насколько легкія созданія поэтическаго духа не допускали, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, заткнуть себѣ ротъ и все еще въ качествѣ внушающаго страхъ оружія въ борьбѣ партій и сектъ летали взадъ и впередъ. Но старая свобода и непринужденность арабской поэзіи ко времени Харуна уже миновали, хотя въ его дни стихотворство стало маніей и поэты были необходимой принадлежностью придворной роскоши. Поэзія въ то время не давала хлѣба тому, кто не умѣлъ льстить капризамъ монарховъ и богачей, а лесть впадала въ нелѣпость и безвкусицу, такъ какъ чрезмѣрную похвалу приходилось сдобрять все больше и больше. То обстоятельство, что ко времени Мансура были установлены правила просодіи и необузданный огонь бедуинской поэзіи вышелъ изъ моды, было шагомъ впередъ, который позже долженъ былъ принести хорошіе плоды, но на первыхъ порахъ благопріятствовалъ только безсодержательному версификаторству безчисленныхъ стихоплетовъ. Персы, богатая фантазія которыхъ должна была позже создать для нихъ почетное мѣсто въ исторіи восточной поэзіи, тогда еще не возвысились вновь до самобытной культуры, которая всегда является и будетъ являться необходимой основой долговѣчной поэзіи, и ихъ подражанія арабскимъ образцамъ дѣлили съ этими послѣдними проклятіе пошлости и безвкусицы.

Но этого нельзя поставить въ серьезный упрекъ арабской культурѣ, потому что никогда одна какая-нибудь группа человѣчества не достигала одновременно высшихъ ступеней во всѣхъ областяхъ. Несмотря на нѣкоторыя слабыя стороны, мусульманская культура времени халифовъ была въ тотъ періодъ, когда Европа только начала съ трудомъ оправляться отъ опустошеній времени переселенія народовъ, хранительницей преданій лучшихъ дней. Ей мы обязаны тѣмъ, что дальнѣйшій ходъ человѣческой цивилизаціи не былъ вполнѣ прерванъ и тогда, когда у народовъ южной Европы безпомощно опустились руки, а сѣверные варвары съ трудомъ и неумѣло, хотя и съ свѣжими силами, начали опять возстановлять порядокъ среди

развалинъ стараго, которое они сами разрушили въ пылу дерзкой самонадѣянности. Процвѣтаніе Багдада было скоротечнымъ, но не недостойнымъ отзвукомъ того стараго, исполненнаго чудесъ времени, когда въ теченіе столѣтій факелъ культуры одиноко свѣтилъ на берегахъ Тигра и Евфрата.

Европа не осталась незатронутой арабской культурой; жаднымъ къ знанію юнымъ народамъ среднихъ вѣковъ не долго оставались неизвѣстными блескъ и изысканные нравы государства халифовъ, хотя на первыхъ порахъ столкновеніе повсюду носило скорѣе враждебный, чѣмъ дружественный характеръ, какъ при завоеваніи Испаніи или Сициліи сарацинами. Но именно завоеваніе Пиренейскаго полуострова повело къ непосредственнымъ сношеніямъ могущественнѣйшихъ государей запада, франкскихъ королей, съ Аббасидами. Вѣдь омейядскіе халифы въ Испаніи были враждебными соперниками аббасидскихъ государей въ области свѣтской и духовной власти, а христіанскія государства Запада тѣмъ самымъ—естественными союзниками багдадскихъ халифовъ. Уже при Пипинѣ произошелъ обмѣнъ посольствами. Но особенно глубокое впечатлѣніе на западныя страны произвели сношенія Карла Великаго съ Харуномъ ар-Рашидомъ, хотя реальные результаты этихъ сношеній были незначительны.

Б. **Начало распаденія.**

Харунъ могъ предвидѣть, что отпаденіе Испаніи является только началомъ распаденія. Быть можетъ для того, чтобы сознательно по крайней мѣрѣ направить неизбѣжное къ благу своей династіи, онъ рѣшилъ незадолго до своей смерти свѣтскую власть въ государствѣ раздѣлить между тремя своими сыновьями, тогда какъ духовная должна была цѣликомъ достаться старшему изъ нихъ, такъ что все государство должна была связывать духовная связь. Такимъ образомъ Амину долженъ былъ достаться халифатъ вмѣстѣ съ провинціями: Иракомъ, южной Сиріей, Аравіей и Африкой; Мамунъ долженъ былъ получить весь Востокъ; Касимъ—Месопотамію и сѣверную Сирію. Но едва Харунъ умеръ (во время похода въ Хорасанъ, въ Тусѣ [1], какъ всѣ его благія распоряженія были сейчасъ же нарушены Аминомъ; во главѣ войскъ первенецъ Харуна вернулся немедленно въ Багдадъ и предъявилъ требованіе на абсолютную верховную власть, тогда какъ его братъ Мамунъ сначала тайно, а потомъ и открыто отдѣлился отъ него и занялъ твердую позицію въ Хорасанѣ. Въ дѣйствительности за этимъ династическимъ споромъ скрывался племенной антагонизмъ, который раньше или позже долженъ былъ привести къ разложенію мусульманскаго міроваго государства. Визирь Амина, безгранично господствовавшій надъ своимъ господиномъ, представлялъ арабскую партію правовѣрныхъ; напротивъ, визирь Мамуна былъ персъ, приверженецъ шіитскаго ученія.

За кѣмъ останется побѣда, легко можно было предвидѣть. Аминъ, какъ Аббасидъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ расчитывать на помощь сирійцевъ; напротивъ, они въ свою очередь возмутились противъ него. Единственной опорой Амина являлись ненадежные ираканцы и наемныя войска, которыя, къ несчастью, состояли по большей части изъ хорасанцевъ и турокъ и благодаря своему все возраставшему преторіанскому духу были опаснѣе для Амина, чѣмъ для его противника. Разбитые полководцемъ Мамуна Тахиромъ, они въ бѣшенствѣ вернулись обратно въ Багдадъ, и ихъ можно было побудить только громадной платой продолжать стоять за Амина; но эти своевольные гвардейцы такъ-же мало, какъ и трусливые ираканцы, могли долго сопротивляться наступавшимъ дружи-

[1] Городъ Тусъ, какъ извѣстно, находится въ Хорасанѣ; цѣлью похода халифа была Трансоксанія, гдѣ тогда происходило возстаніе. Ред.

намъ воинственныхъ хорасанцевъ. Послѣ четырехлѣтней борьбы Аминъ увидѣлъ себя ограниченнымъ своей столицей и доведеннымъ до крайности полководцами Мамуна, персами Тахиромъ и Хорсамой. Наконецъ, онъ сдался Хорсамѣ, но, прежде чѣмъ онъ могъ очутиться въ безопасности, онъ былъ по приказанію Тахира схваченъ и убитъ (813 г.).

Мамунъ между тѣмъ спокойно оставался въ Мервѣ и даже послѣ смерти Амина не имѣлъ намѣренія, повидимому, переселиться въ Багдадъ, хотя его присутствіе тамъ было бы въ достаточной степени нужно, такъ какъ, казалось, смерть Амина скорѣе увеличила смуты, чѣмъ прекратила. Арабская партія рѣшительно продолжала борьбу съ хорасанцами, Алиды опять предъявили свои права съ оружіемъ въ рукахъ и овладѣли Куфой и Меккой. Наконецъ, возмутилась чернь въ Багдадѣ, которая, вѣроятно, была больше всего раздражена отсутствіемъ служившаго для нея источникомъ дохода придворнаго штата, но у которой не было недостатка въ благозвучныхъ предлогахъ для возстанія. Халифъ, вполнѣ находившійся подъ властью своего персидскаго визиря Фазля, едва ли даже зналъ объ этихъ событіяхъ и предоставилъ Тахиру, по мѣрѣ возможности, поддерживать въ Иракѣ его авторитетъ. По совѣту Фазля онъ предпринялъ наконецъ запоздалую попытку—посредствомъ сліянія аббасидскаго и алидскаго родовъ обезпечить спокойствіе надолго: онъ сдѣлалъ одного Алида своимъ зятемъ и назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Но взаимная ненависть вкоренилась слишкомъ глубоко; фамилія Аббасидовъ, глубоко обезпокоенная возвышеніемъ своихъ смертельныхъ враговъ, призвала стать халифомъ вмѣсто Мамуна другого своего члена. Хотя Мамунъ, поспѣшившій наконецъ въ Багдадъ, быстро побѣдилъ мятежника, онъ все-таки оставилъ опасную попытку: зеленое знамя Алидовъ, которое уже съ торжествомъ развѣвалось во главѣ его войскъ, снова должно было уступить свое мѣсто черному знамени Аббасидовъ. Въ то же время Мамунъ хитростью и насиліемъ избавился отъ своихъ персидскихъ совѣтниковъ, чѣмъ возвратилъ себѣ довѣріе ираканцевъ, правда, затѣмъ лишь, чтобы вскорѣ опять дать полную свободу своей любви къ персамъ.

Но національный антагонизмъ сталъ слишкомъ силенъ, чтобы его можно было затушевать недостойной двойной игрой. Хорасанцы стояли на сторонѣ халифа, пока онъ жилъ въ ихъ средѣ и держался шіитскихъ воззрѣній; напротивъ, послѣ своего переселенія въ Багдадъ онъ былъ для нихъ безразличенъ. Тахиру, который сталъ намѣстникомъ въ своей родной провинціи, легко удалось пріобрѣсти почти самостоятельную власть надъ Хорасаномъ. Въ сѣверной Персіи въ то же время вспыхнуло возстаніе сектанта Бабека, которое въ своей основѣ точно также являлось прикрытой религіозной оболочкой реакціей иранскаго элемента противъ арабовъ и правовѣрныхъ и сдѣлалось вдвойнѣ страшнымъ благодаря тому, что византійцы вошли въ соглашеніе съ Бабекомъ и объявили войну Мамуну.

Въ то время, какъ Востокъ такимъ образомъ по кусочкамъ отламывался отъ монархіи халифовъ, Западъ также являлся все больше и больше потеряннымъ для нея. Уже при Харунѣ ар-Рашидѣ его верховное господство надъ сѣвернымъ берегомъ Африки было только номинальнымъ и не могло помѣшать тому, что намѣстникъ Туниса Ибрагимъ-ибнъ-аль-Аглабъ сталъ почти независимъ и утвердилъ тамъ наслѣдственное господство Аглабидовъ (800 г.; стр. 241 въ IV томѣ), послѣ того, какъ уже раньше (около 790 г.; тамъ-же) въ Марокко возникла алидская династія Идрисидовъ. И въ Египтѣ одно возстаніе слѣдовало за другимъ, такъ что Мамуну едва удалось личнымъ вмѣшательствомъ возстановить на нѣкоторое время спокойствіе. Для ислама, какъ таковаго, начинавшееся распаденіе слишкомъ обширной монархіи халифовъ на первыхъ порахъ было не вполнѣ пагубно: во время Мамуна Аглабидамъ уда-

лось завоевать Сицилію; въ это же время и Критъ попалъ въ руки андалузскихъ корсаровъ. Испанія послѣ своего отдѣленія отъ халифата достигла подъ властью Омейядовъ своего наиболѣе пышнаго расцвѣта.

Для культуры мусульманскаго міра правленіе Мамуна было очень благопріятно. Какъ приверженецъ болѣе свободнаго шіитскаго ученія, онъ относился благосклонно къ серьезному изученію научныхъ вопросовъ и своимъ вліяніемъ значительно способствовалъ тому, что много греческихъ произведеній было переведено на арабскій языкъ. Повидимому, онъ особенно цѣнилъ старую персидскую литературу, о которой мы коечто узнаемъ изъ вторыхъ рукъ именно только въ этотъ періодъ. Свое пониманіе значенія астрономіи и математики Мамунъ обнаружилъ между прочимъ тѣмъ, что приказалъ вновь опредѣлить кривизну эклиптики и сдѣлалъ распоряженіе о градусномъ измѣреніи. Несомнѣнно, что благодаря его щедрости большое число ученыхъ было избавлено отъ заботъ о заработкѣ; одобреніе ихъ могло утѣшить Мамуна въ недовольствѣ поэтовъ, которыхъ онъ меньше умѣлъ цѣнить. Безусловно Мамунъ, у котораго впрочемъ не было недостатка въ чисто аббасидскихъ дурныхъ чертахъ характера, умомъ превосходилъ всѣхъ остальныхъ представителей династіи и какъ въ религіи, такъ и въ наукѣ былъ приверженцемъ того направленія, которое стремилось открыть дорогу для свободнаго прогресса. Его стремленіе разбилось о сопротивленіе арабскаго правовѣрія, которое никогда не могло примириться съ персидско-шіитскимъ міровоззрѣніемъ, и о внутреннее противорѣчіе между деспотизмомъ и независимымъ изслѣдованіемъ. Съ тѣхъ поръ начинается неудержимый упадокъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго могущества халифата.

Послѣ смерти Мамуна (833 г.) его преемникъ Мутасимъ съ рѣшимостью примѣнилъ крайнее средство: держать въ покорности своихъ ненадежныхъ подданныхъ при помощи постояннаго наемнаго войска чужестраннаго происхожденія, хотя самъ онъ при своемъ восшествіи на престолъ съ трудомъ усмирилъ военное возстаніе. Постепенно войска, состоявшія большей частью изъ турокъ, были доведены до 70,000 человѣкъ. Уже турецкій полководецъ Афшинъ былъ могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ, когда его противникамъ удалось его низвергнуть. Арабы съ неудовольствіемъ смотрѣли на это положеніе вещей; въ арабскихъ кварталахъ Багдада ни одинъ наемникъ не могъ быть спокоенъ за свою жизнь. Когда Мутасимъ во главѣ своихъ войскъ предпринялъ побѣдоносный походъ въ Малую Азію, онъ только благодаря случаю избѣгъ опасности отъ страшнаго заговора арабскихъ полководцевъ (838 г.). Вскорѣ халифъ пересталъ чувствовать себя въ безопасности въ Багдадѣ и перенесъ свою резиденцію дальше на сѣверъ, въ Самарру [1]; почва, на которой возвышалось гордое зданіе халифата, становилась все болѣе колеблющейся.

Печальная и неблагодарная задача—рисовать дальнѣйшее распаденіе мусульманской міровой монархіи, перечислять пустой и однообразный рядъ возстаній сектъ, волненій солдатъ, богословскихъ споровъ и изображать въ деталяхъ напрасныя попытки исцѣлить больное тѣло государства. Халифъ все больше становится мячикомъ въ рукахъ своихъ приближенныхъ, въ то время какъ провинціи снова пробуждаются къ самостоятельной жизни и намѣстники одинъ за другимъ основываютъ наслѣдственныя династіи. Конечно, нѣтъ недостатка въ попыткахъ отдѣльныхъ государей тѣмъ или инымъ способомъ повернуть въ болѣе благопріятную для себя сторону отчаянную борьбу за свѣтское и духовное верховенство. Въ самомъ дѣлѣ иногда удается, благодаря центральному положенію халифата и прежде всего, благодаря его религіозному вліянію, возвратить потерянное или по крайней мѣрѣ временно задержать упадокъ.

---

[1] Собств. „Сурра менъ раа“ (букв. „обрадовался тотъ, кто увидѣлъ“). Ред.

Въ этомъ смыслѣ было очень важно, что халифъ Мутеваккиль (847—861) снова рѣшительно отвернулся отъ шіитовъ и Алидовъ и присоединился къ правовѣрнымъ или суннитамъ, какъ ихъ называли уже тогда. Сунна, дополненіе корана достовѣрными преданіями, возникла въ первой половинѣ IX-го вѣка и стала палладіумомъ правовѣрныхъ, тогда какъ шіиты совершенно отвергали сунну, такъ какъ ихъ, аллегорически-мистическое толкованіе корана никакъ нельзя было согласить съ этими прибавками правовѣрныхъ [1]. Своимъ покровительствомъ правовѣрію Мутеваккиль возобновлялъ прежнюю политику Аббасидовъ; онъ даже пошелъ дальше ихъ, снова примѣнивъ къ евреямъ и христіанамъ старыя строгія предписанія Омара. Съ этой религіозной перемѣной естественно была связана попытка—снова начать править съ помощью арабовъ и оттѣснить на задній планъ наемниковъ.

Но злосчастное раздѣленіе арабовъ на двѣ партіи и здѣсь проявило свое роковое вліяніе: соединеніе іеменитовъ съ кайситами для возстановленія общими силами вліянія своего народа было невозможно; охотнѣе іеменитъ входилъ въ союзъ съ персами, а кайситъ — съ турками. Такимъ образомъ сила наемниковъ все росла. Она становилась тѣмъ опаснѣе, чѣмъ больше суживалось пространство государства и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалась сумма поступавшихъ налоговъ. Попытка халифа Мухтади (870 г.) организовать жителей Багдада въ вооруженную милицію и держать при помощи ея въ покорности заносчивыхъ турокъ, потерпѣла неудачу, точно такъ-же, какъ и другая — при посредствѣ христіанскихъ наемниковъ и африканскихъ рабовъ сломить преобладаніе турокъ въ войскѣ. Поэтому могло показаться особенно счастливымъ обстоятельствомъ, что въ 930 году изъ драки между всадниками и пѣхотинцами заносчивой гвардіи разгорѣлось общее сраженіе, въ которомъ въ концѣ концовъ пѣхота была почти вся изрублена; но, къ несчастью, ни одинъ изъ кандидатовъ, спорившихъ въ то время за тронъ, не былъ такимъ человѣкомъ, который сумѣлъ бы извлечь пользу изъ благопріятнаго положенія. Вскорѣ зло было такъ-же велико, какъ и раньше.

Впрочемъ, бывали и лучшія времена. Правленіе Мутамида (870—892), вмѣсто котораго въ дѣйствительности правилъ государствомъ его энергичный братъ Муваффакъ, снова подняло уже совершенно упавшій халифатъ въ глазахъ міра и отвоевало многія изъ потерянныхъ провинцій. Этотъ подъемъ продолжался до смерти халифа Муктафи (908 г.), чтобы затѣмъ уступить мѣсто новымъ смутамъ. Уже тогда былъ важнѣе всего вопросъ о томъ, что̀ происходило въ полусамостоятельныхъ или совершенно самостоятельныхъ провинціяхъ, а не о томъ, что происходило въ главномъ городѣ и среди лицъ, непосредственно окружавшихъ халифа. Въ концѣ концовъ усиленіе центральной власти казалось еще возможнымъ только при томъ условіи, чтобы она соединилась съ какимъ-нибудь постороннимъ вліяніемъ или, вѣрнѣе, подчинилась такому вліянію. Раньше всего и сильнѣе всего стремленіе къ самостоятельности и самобытному развитію проявилось въ Персіи (см. ниже, стр. 322). Постепенно Востокъ сталъ совершенно независимъ или, самое большее, признавалъ только формально духовное верховенство халифа. Въ 876 году дѣло зашло уже такъ далеко, что Саффаридъ Якубъ-ибнъ-Ляйсъ выступилъ въ походъ противъ самого халифа Мутамида и не дошелъ всего нѣсколькихъ миль до Багдада. Только возвышеніе болѣе ло-

---

[1] Подъ сунной понимали не преданія („хадисы"), дополнявшія коранъ, а вообще прецеденты, заключающіеся въ поступкахъ и словахъ пророка и четырехъ первыхъ („праведныхъ") халифовъ. Не признавая законности трехъ первыхъ халифовъ, шіиты должны были отвергнуть преданія суннитовъ, но имѣли свои преданія (изреченія, приписывавшіяся Алію и его потомкамъ). Ред.

яльныхъ Саманидовъ обезпечило по крайней мѣрѣ столицу отъ непріятныхъ неожиданностей съ востока.

Въ то самое время, когда Саффариды тѣснили Багдадъ, Египетъ также весь былъ охваченъ возмущеніемъ. Здѣсь утвердилъ собственное господство намѣстникъ Ахмедъ-ибнъ-Тулунъ; казалось вполнѣ вѣроятнымъ, что династія Тулунидовъ достигнетъ прочной самостоятельности. Бунтовщикъ, которому нельзя отказать въ умѣніи правильно понять положеніе вещей, овладѣлъ Сиріей и линіей Евфрата; онъ даже сдѣлалъ попытку захватить въ свои руки самого халифа и такимъ образомъ основать „маіордомство“ Тулунидовъ (883 г.[1]). Вмѣшательство Муваффака разстроило этотъ планъ. Послѣ вскорѣ послѣдовавшей смерти Ахмеда Сирія была потеряна; въ 904 году[2] Аббасиды получили возможность снова овладѣть Египтомъ, который они удержали въ своей власти до выступленія Фатимидовъ.

Въ провинціяхъ, лежавшихъ ближе къ столицѣ, авторитетъ халифовъ также былъ сильно поколебленъ. Демократическо-религіозная партія хариджитовъ, проявлявшая неистощимую жизненную силу, основала въ сѣверной Месопотаміи, гдѣ преобладалъ арабскій элементъ и Аббасиды никогда не были любимы, настоящее государство съ Мосуломъ въ качествѣ центральнаго пункта. Когда къ 894 году удалось наконецъ взять до нѣкоторой степени верхъ надъ возставшими, халифатъ только перемѣнилъ одну опасность на другую: фамилія Хамдановъ получила намѣстническое достоинство въ той же области и не только сумѣла сдѣлать ее своимъ наслѣдственнымъ владѣніемъ, но, кромѣ того, завладѣла частью сѣверной Сиріи. Къ счастью для халифовъ она на первыхъ порахъ не стремилась къ полной независимости и принуждена была по возможности избѣгать полнаго разрыва съ центральной властью, такъ какъ Хамданидамъ пришлось взять на себя охрану границы противъ византійцевъ и въ случаѣ необходимости прибѣгать къ помощи центральнаго правительства. Не смотря на это, Хамданиды иногда бывали въ открытой враждѣ съ халифами; такъ было, напримѣръ, въ 913 и 935 годахъ.

Блестящее время Хамданидовъ приходится на вторую четверть X столѣтія, когда Сейфъ-ад-даула („Мечъ государства“) овладѣлъ Халебомъ и началъ съ величайшей энергіей войну противъ византійцевъ, въ то время какъ его братъ Хасанъ (Насиръ-ад-даула) оставался въ Мосулѣ. Сейфъ былъ истинный идеалъ араба или сарацина, какъ тогда начали звать христіане мусульманъ, человѣкъ рыцарской отваги и великодушія, съ поэтическими наклонностями, восторженный любитель искусствъ и наукъ, но въ то же время проникнутый неудержимымъ властолюбіемъ и способный къ самымъ дикимъ проявленіямъ жестокости. Въ немъ сирійскіе арабы, смотрѣвшіе съ гнѣвомъ и презрѣніемъ на иракандевъ и ихъ халифовъ, нашли снова борца и путеводную звѣзду. Конечно, особенно долго Хамданиды не могли продержаться на своемъ со всѣхъ сторонъ угрожаемомъ посту, между византійцами, иракандами и наступавшими съ юга Фатимидами.

Завоеваніе Египта Фатимидами, послѣдовавшее въ началѣ X вѣка[3], есть только часть, впрочемъ, наиболѣе важная, великаго религіозно-политическаго движенія, которое въ эти смутныя времена нашло быстрое распространеніе и было безусловно враждебно вновь ставшимъ правовѣрными халифамъ. Секта исмаилитовъ, какъ ее обыкновенно называютъ по имени правнука[4] Алія, была въ сущности только вѣтвью

---

[1] Вѣрнѣе, въ 882 г.
[2] Вѣрнѣе, въ началѣ 905 г.
[3] Неточное выраженіе, см. ниже дату завоеванія Египта.
[4] Исмаилъ былъ потомкомъ Алія въ седьмомъ колѣнѣ. Ред.

шіитско-алидской группы и, подобно послѣдней, возникла между персидскими мусульманами; но то, что она сознательно стремилась создать новую міровую религію посредствомъ слiянія ученій мусульманскаго, христіанскаго и ученія Заратустры, т. е. возобновляла въ извѣстномъ смыслѣ великое дѣло Мани, обезпечивало за ней особенное значеніе и доставляло ей безчисленныхъ приверженцевъ въ то время, когда правовѣрная форма ислама, казалось, потеряла свою вербующую силу и утратила довѣріе массы благодаря союзу съ столь ненавистными аббасидскими халифами. Аллегорическое толкованіе корана, которое охотно примѣнялось уже шіитами, благосклонное отношеніе къ мистическимъ фокусамъ и утвержденіе, что истинный духовный глава вѣрныхъ живетъ въ тайномъ убѣжищѣ и сносится съ народомъ только черезъ своихъ пословъ, привлекали самые различные элементы на сторону новаго ученія, естественно направившаго свое политическое остріе противъ Аббасидовъ. Его опасность заключалась въ томъ, что оно вслѣдствіе своей широты могло привлекать къ себѣ всѣ роды недовольныхъ, а не вело пропаганду исключительно между иранцами, какъ это дѣлало настоящее шіитство.

Болѣе значительныя исмаилитскія возстанія имѣли мѣсто прежде всего въ Иракѣ и Аравіи; обыкновенно называютъ выступившихъ тамъ инсургентовъ, по имени одного изъ первыхъ ихъ вождей, карматами. На нѣкоторое время священныя мѣста въ Аравіи попали въ ихъ руки; были завоеваны Бахрейнъ и Іемама и изъ послѣдней провинціи посланы послы въ Африку, которые должны были вербовать между берберами приверженцевъ для новаго ученія. Въ Сиріи и Иракѣ волненія карматовъ на время до нѣкоторой степени утихли около 906 г., но искра, перелетѣвшая въ Африку и вначалѣ, повидимому, почти погасшая, зажгла тамъ гибельное пламя. Около 900 года Аглабиды уже были вынуждены выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ исмаилитовъ, которые послѣ нѣкоторыхъ неудачъ нашли наконецъ между берберами пламенныхъ приверженцевъ и находились подъ предводительствомъ посланнаго карматами Абу-Абдаллаха. Но вскорѣ господство Аглабидовъ, ослабленное внутренними раздорами, рушилось: въ 908 году сдался главный городъ Кайруанъ [1].

Послѣ этого Алидъ Обейдаллахъ былъ провозглашенъ пророкомъ и поставленъ во главѣ вновь возникшаго государства. Абу-Абдаллахъ могъ надѣяться, что поставленный имъ духовный и свѣтскій вождь удовольствуется ролью статиста, но горько обманулся; Обейдаллахъ твердой рукой принялъ бразды правленія, уничтожилъ всякое противодѣйствіе и расширилъ свое государство посредствомъ завоеванія Марокко. Когда онъ умеръ (въ 934 году), новая династія Фатимидовъ была имъ окончательно укрѣплена. Его преемники овладѣли въ 968 году [2] Египтомъ, гдѣ уже раньше (около 933 г.) родъ Ихшидовъ сталъ почти независимымъ отъ халифата. Съ тѣхъ поръ и въ Фустатѣ или Каирѣ жилъ „повелитель правовѣрныхъ“, который не признавалъ ни Аббасидовъ въ Багдадѣ, ни Омейядовъ въ Кордовѣ. Между тѣмъ карматами были подняты новыя возстанія въ Аравіи, Иракѣ и Сиріи, ослабившія халифатъ до самой крайней степени; разбитые нѣсколько разъ, они все таки удержались въ Бахрейнѣ и Іемамѣ, всегда готовые къ новому возстанію.

Изъ провинцій государства халифовъ ни одна не находилась больше въ непосредственномъ владѣніи государей; имъ едва еще повиновались лежавшія ближе всего къ столицѣ части Ирака, а въ средѣ, окружавшей халифовъ, рѣшающее слово принадлежало визирямъ и турецкимъ полководцамъ. Наконецъ дѣло дошло до того, что Аббасиды принуждены были броситься въ объятія вновь возникшей персидской династіи и хотя

---

[1] Столица Аглабидовъ, Раккада, была занята Фатимидами только въ 910 г.

[2] Вѣрнѣе, въ 969 г. Ред.

вслѣдствіе этого потеряли остатокъ своей независимости, но все-таки могли продолжать влачить свое существованіе. Эта династія носитъ названіе династіи Буидовъ; она происходила изъ Табаристана и хвалилась родствомъ съ Сасанидами. Буиды воспользовались смутами въ Персіи, чтобы овладѣть древнимъ центромъ иранства, Фарсистаномъ, а вскорѣ и Хузистаномъ (въ 934 году), благодаря чему они оказались въ опасной близости отъ Багдада. Въ столицѣ же въ это время все шло вверхъ дномъ; казалось, вопросъ былъ только въ томъ, кто овладѣетъ привилегіей „защиты" халифа и тѣмъ самымъ поставитъ себя во главѣ государства, предводители наемниковъ, Хамданиды или Ихшиды.

Буиды, главой которыхъ тогда былъ Му'ыззъ-ад-даула, сумѣли воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ: въ то время, какъ Ихшиды и Хамданиды боролись другъ съ другомъ и въ Багдадѣ бушевало возстаніе, котораго не могли усмирить турецкіе гвардейцы, войско Буидовъ двинулось противъ города. Визирь халифа Мустакфи бѣжалъ, и Му'ыззъ поставилъ себя въ качествѣ свѣтскаго правителя (амир-аль-умара́) рядомъ съ халифомъ, которому осталось только духовное верховенство. Въ качествѣ приданаго Буиды принесли въ этотъ новый союзъ, который для халифовъ едва ли былъ хуже, чѣмъ прежнее положеніе, власть надъ юго-западнымъ Ираномъ и преданное имъ войско; можно было предвидѣть заранѣе, что этихъ средствъ для обезпеченія ихъ положенія надолго будетъ недостаточно.

Самымъ цвѣтущимъ временемъ владычества Буидовъ было правленіе Адудъ-ад-даула, который захватилъ бо́льшую часть Персіи и владѣнія Хамданидовъ въ Месопотаміи и Сиріи. Но съ его смертью (982 г.) [1] начался упадокъ, который былъ еще ускоренъ семейными раздорами. Злополучный обычай дѣлить владѣнія рода велъ къ постояннымъ раздорамъ и перемѣнамъ государей; сообщать подробности этихъ событій не стоитъ труда. Благодаря этому Махмудъ изъ Газны (998—1030) могъ отнять у Буидовъ ихъ владѣнія въ Иранѣ, Фатимиды овладѣли Сиріей, въ сѣверной Месопотаміи и даже въ центрѣ Ирака возникли самостоятельныя владѣнія, и, наконецъ, Буиды и Аббасиды вмѣстѣ опять очутились на той ступени униженія, на которой находился халифатъ при вторженіи Буидовъ. Въ Багдадѣ на всѣхъ улицахъ сражались другъ съ другомъ шіитскіе приверженцы Буидовъ и суннитскіе турецкіе наемники. Наконецъ, сельджуки уничтожили остатки владычества Буидовъ и въ свою очередь взяли въ свои руки внѣшнее представительство халифата.

5. Персія въ эпоху халифовъ. Газневиды. Сельджуки.

А. Персія.

Самолюбію персовъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ, когда ихъ знаменитое государство и вмѣстѣ съ нимъ ихъ старая вѣра опустились передъ копьями арабовъ и ученіемъ мечтателя-бедуина; этотъ ударъ былъ тѣмъ тяжелѣе, что онъ разразился совершенно неожиданно и исходилъ отъ народа, которому до сихъ поръ дарили очень мало вниманія и который даже презирали за его политическую разъединенность и бѣдность. „Мы всегда цѣнили васъ меньше всѣхъ другихъ", говорилъ еще несчастный Ездегердъ III посламъ Омара; „до сихъ поръ въ Персіи знали арабовъ только съ двухъ сторонъ, какъ торговцевъ и какъ нищихъ". Вскорѣ послѣ этого эти нищіе стали господами Ирана; большая часть персидскаго народа, волей-неволей, должна была примириться съ новой религіей;

---

[1] Вѣрнѣе, въ 933 г. Ред.

остальные, кто еще въ теченіе многихъ лѣтъ здѣсь и тамъ выказывалъ сопротивленіе, добились этимъ только того, что нѣкоторыя области почти совершенно лишились населенія и мощь иранскаго народа была значительно ослаблена. Въ этихъ битвахъ больше всѣхъ пострадалъ Фарсистанъ, старая родовая страна Ахеменидовъ и Сасанидовъ; здѣсь все-таки не удалось утвердить безраздѣльное господство мусульманскаго ученія. Еще во времена Аббасидовъ здѣсь были многочисленные храмы огню, которые усердно посѣщали поклонники. Но самое жестокое сопротивленіе оказалъ грубый горный народъ, который обиталъ по южному берегу Каспійскаго моря въ горахъ Дейлема и Табаристана; только Харунъ ар-Рашидъ могъ здѣсь добиться по крайней мѣрѣ внѣшняго признанія своей верховной власти.

Если въ теченіе столѣтій великая и полезная дѣятельность персидскаго народа была направлена на охраненіе воротъ изъ Средней Азіи, на возведеніе неразрушимой плотины противъ волнъ кочевниковъ, то отнынѣ государство халифовъ должно было взять на себя эту важную задачу. На самомъ дѣлѣ владыки рано сознали свои обязанности. Они нашли пограничную область Хорасанъ уже организованной для войны и, освободивъ пограничное населеніе отъ уплаты податей и обязавъ его вмѣсто этого воинской повинностью, поспѣшили закрѣпить и увеличить эту цѣнную туземную милицію. Сверхъ того, цѣлыя арабскія племена были переселены въ Хорасанъ, гдѣ они отчасти сохранились еще до сихъ поръ почти безъ примѣсей [1]. Наконецъ, всегда представлялась возможность образовать военные отряды изъ наемныхъ кочевниковъ и съ ихъ помощью разбивать ополченія другихъ кочевыхъ племенъ и преслѣдовать ихъ вглубь ихъ степей. Военнымъ силамъ хорасанскаго намѣстника отвѣчали размѣры его провинціи, которые, правда, были подвержены измѣненіямъ, но охватывали большую часть восточнаго Ирана вмѣстѣ съ Трансоксаніей (см. карту при 309 стр.). Нигдѣ для честолюбиваго намѣстника соблазнъ основать независимую державу не былъ такъ великъ, какъ въ Хорасанѣ. Если все-таки движенія, которыя выходили отсюда, долгое время не направлялись прямо противъ арабовъ и халифата, какъ таковаго, то это объясняется, повидимому, главнымъ образомъ вліяніемъ арабскихъ воиновъ-колонистовъ.

Но это вліяніе все болѣе и болѣе должно было терять почву, чѣмъ больше жизнедѣятельности проявлялъ въ своемъ возрожденіи иранскій народъ, и чѣмъ болѣе преуспѣвалъ онъ и въ своей хозяйственной жизни благодаря благодѣтельному воздѣйствію арабскаго законодательства и арабской земельной политики. Если иранскій народъ и понесъ пораженіе въ политическомъ отношеніи и на долгое время долженъ былъ считать себя безсильнымъ, то отнынѣ онъ предпринялъ духовную борьбу съ навязаннымъ ему мусульманскимъ ученіемъ, конечно не съ открытымъ забраломъ, а пытаясь приспособить новую религію къ своимъ національнымъ свойствамъ и выработать изъ нея нѣчто иное, соотвѣтствующее иранскому характеру. Простотѣ и трезвости ислама и его основателя богатый воображеніемъ персидскій народъ, съ давнихъ поръ находившійся подъ вліяніемъ индійской и греческой философіи, въ значительной степени еще проникнутый великими идеями Мани и Маздака, не могъ сочувствовать, такъ-же какъ онъ не могъ понять и усвоить полу-демократическій, покоящійся на родовомъ строѣ общества характеръ настоящихъ арабовъ. Поэтому мы уже рано видимъ, какъ персы являются опорой всѣхъ партій, которыя пытаются доставить халифатъ истиннымъ наслѣдникамъ пророка, видимъ ихъ въ роли фанатическихъ приверженцевъ притязаній Алидовъ, а

[1] Такихъ племенъ въ Хорасанѣ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Нѣтъ также указаній на то, чтобы когда-либо все населеніе Хорасана, какъ можно заключить изъ словъ автора, было освобождено отъ уплаты податей. Ред.

потомъ въ роли истинныхъ побѣдителей въ борьбѣ, которая привела на тронъ халифовъ Аббасидовъ.

Религіозное разъединеніе становилось съ годами все рѣзче. Въ то время, когда арабы, собравъ воедино сунну, присоединили къ корану крѣпкое зданіе, построенное въ томъ же стилѣ, подъ руками персидскихъ богослововъ коранъ все больше и больше превращался въ книгу тайнъ, истолкованіе которой было по силамъ только людямъ, пользующимся особой благодатью, и въ мистической глубинѣ которой могли черпать доказательства самыя странныя ученія. Конечно, нечего было и думать о полномъ единодушіи возникавшихъ такимъ образомъ иранскихъ сектъ, но нѣкоторыя изъ нихъ привлекли значительное число приверженцевъ. Самый грандіозный примѣръ этого рода — секта исмаилитовъ, которая своей далеко распространенной пропагандой привела династію халифовъ на тронъ въ Египтѣ, глубочайшимъ образомъ потрясла багдадскій халифатъ и дала свой послѣдній отпрыскъ въ лицѣ грозныхъ асассиновъ (1100—1256).

За религіознымъ раздѣленіемъ, по мѣрѣ его развитія, послѣдовало раздробленіе политическое, точно также не вдругъ и не стремительно, а постепенно, приспособляясь къ даннымъ условіямъ и выростая изъ нихъ. Когда, послѣ смерти Харуна ар-Рашида, съ помощью хорасанцевъ и персидскихъ полководцевъ Мамунъ низвергнулъ съ престола своего брата Амина и только послѣ продолжительнаго промедленія рѣшился переселиться изъ Мерва въ Багдадъ, то причиной, задержавшей его такъ долго на восточной границѣ, вѣроятно было сознаніе, что только присутстіе халифа можетъ еще сохранить для государства Хорасанъ. Онъ передалъ своему заслуженному полководцу Тахиру провинцію (съ главнымъ городомъ Бушенгомъ [1]) и позволилъ ему основать здѣсь на половину самостоятельную династію; этимъ Мамунъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ выбралъ, повидимому, лучшій выходъ, какой только ему оставался; Тахириды всегда признавали по меньшей мѣрѣ въ религіозномъ отношеніи верховное владычество халифата и въ теченіе долгаго времени препятствовали возникновенію непокорныхъ династій.

Дѣлежъ владѣній и семейныя неурядицы ослабили мало по малу власть Тахиридовъ; когда въ Седжестанѣ появился Якубъ-ибнъ-Ляйсъ, сначала какъ атаманъ шайки разбойниковъ, потомъ какъ повелитель провинціи и, наконецъ, какъ отважный завоеватель, Тахириды должны были покориться обстоятельствамъ и въ концѣ концовъ были побѣждены выскочкой, который изъ сына мѣдника возвысился до достоинства независимаго государя и основалъ династію Саффаридовъ (872) [2]. Новый властитель былъ грозной опасностью для халифата и, повидимому, рѣшительно намѣревался положить конецъ Аббасидамъ. Напрасно халифъ Мутамидъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы отдалить несчастіе. То обстоятельство, что онъ добровольно предоставилъ Якубу намѣстничество надъ завоеванной областью, принесло ему такъ-же мало пользы, какъ мало впечатлѣнія произвело торжественное проклинаніе мятежниковъ во всѣхъ мечетяхъ царства; а когда войско, которое должно было защищать Багдадъ, понесло тяжелое пораженіе, тогда судьба Мутамида казалась рѣшенной. Внезапная смерть Якуба (878) спасла аббасидскаго владыку [3]. Преемникъ Якуба Амръ призналъ верховную власть халифа и увелъ обратно войско; но этимъ былъ упущенъ благопріятный случай для Саффаридовъ.

Въ это время въ Трансоксаніи утвердился новый правящій домъ турец-

---

[1] Городъ Бушенгъ былъ родиной Тахиридовъ, но никогда не былъ главнымъ городомъ Хорасана. Столицей Тахиридовъ былъ Нишапуръ.

[2] Якубъ низложилъ Тахиридовъ въ 873 г.

[3] Якубъ при походѣ на Багдадъ потерпѣлъ полное пораженіе (876 г.) и умеръ въ 879 г., успѣвъ возстановить свою власть только въ южной Персіи. Въ Хорасанѣ власть Саффаридовъ была возстановлена Амромъ. Ред.

каго происхожденія, домъ Саманидовъ[1]; халифу Мутамиду стоило только заключить съ ними союзъ, чтобы низвергнуть Саффаридовъ[2]. Когда въ 900 году Амръ проигралъ и битву, и государство Саманиду Исмаилу, послѣдній, понятно, вступилъ во владѣніе наслѣдіемъ павшаго, не доводя однако дѣла до разрыва съ халифатомъ. Въ свою очередь халифъ по смерти Исмаила (907) призналъ его преемникомъ его сына Ахмеда II. Ахмеду удалось окончательно выгнать изъ Седжестана Саффаридовъ и отобрать у алидской династіи, которая утвердилась въ Табаристанѣ, ея область[3]. Въ это самое время въ западномъ Иранѣ забралъ силу домъ Буидовъ или дейлемитовъ (сравн. выше, стр. 320). Саманиды и дейлемиты около столѣтія господствовали въ большей части Персіи, хотя, кажется, наряду съ ними не было недостатка и въ болѣе мелкихъ самостоятельныхъ государствахъ. Первоначальная лояльность Саманидовъ не мѣшала имъ позже вступить въ открытую борьбу съ халифами[4], тогда какъ Буиды въ общемъ вѣрно соблюдали свою вассальную присягу и наконецъ могли выступить въ роли свѣтскихъ соправителей въ Багдадѣ, не слишкомъ прибѣгая къ силѣ. Упадокъ могущества саманидской династіи отдалъ вскорѣ имъ въ руки и Хорасанъ[5].

Б. **Газневиды.**

а) Политическая исторія.

Не весь восточный Иранъ, впрочемъ, попалъ въ руки Буидовъ. Еще въ то время, когда процвѣтала саманидская династія, въ Газнѣ, въ Афганистанѣ, возникло незначительное государство подъ владычествомъ турецкой династіи, которое теперь обнаружило стремленіе предъявить права на наслѣдство Саманидовъ. Воинственный султанъ Махмудъ, который въ 998 году взошелъ на престолъ Газны, безъ особыхъ усилій низвергнулъ буидское владычество въ Хорасанѣ[6] и Реѣ, такъ что во власти Буидовъ кромѣ Ирака оставались только Фарсистанъ и Керманъ. На первыхъ порахъ Махмудъ не сталъ продолжать своихъ завоеваній на западѣ, такъ какъ счелъ болѣе выгоднымъ воспользоваться своимъ господствующимъ положеніемъ у воротъ Индіи для походовъ въ эту соблазнительную, знойную страну и создать здѣсь прочную почву для своего господства посредствомъ насильственнаго введенія мухаммеданской религіи. Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается то значеніе, которое Махмудъ, владѣтель Газны, имѣетъ въ исторіи распространенія ислама. Въ то же время его царствованіе очень важно въ исторіи возрожденія иранской національности: съ нимъ персидская культура подымается на новую ступень развитія.

При первыхъ аббасидскихъ властителяхъ индійскія владѣнія, которыя никогда не простирались далеко за восточный берегъ Инда, были довольно прочно соединены съ государствомъ. Въ обоихъ главныхъ торговыхъ центрахъ, Мультанѣ и Мансурѣ, вліяніе халифа никѣмъ не оспаривалось, тогда какъ остальную часть мусульманской области нужно, конечно, считать находившейся во власти платившихъ дань князей, которые, повидимому,

---

[1] Насколько извѣстно, Саманиды были не турецкаго, а иранскаго происхожденія; ихъ родъ первоначально жилъ въ окрестностяхъ Балха.

[2] Во время пораженія Амра халифомъ былъ не Мутамидъ, а его преемникъ Мутадидъ (892—902).

[3] Алидская династія въ Табаристанѣ была низложена еще Исмаиломъ; новое возстаніе Алидовъ произошло въ самомъ концѣ царствованія Ахмеда (913 г.).

[4] Въ пользу такого утвержденія можно привести только фактъ, что нѣкоторые халифы, возведенные на престолъ Буидами, не были признаны въ государствѣ Саманидовъ.

[5] Буиды никогда не могли утвердиться въ Хорасанѣ.

[6] См. выше. Махмудъ овладѣлъ Хорасаномъ въ 999 г., разбивъ войско саманидскаго владѣтеля. Ред.

далеко не всѣ приняли ученіе Мухаммеда. Въ эпоху саффаридскихъ и саманидскихъ неурядицъ авторитетъ халифовъ, понятно, не увеличился. Повидимому, надо предположить, что мухаммедане въ Индіи были готовы поддерживать каждаго представителя своей вѣры, который вообще казался способнымъ возстановить порядокъ въ странѣ, раздираемой смутами. Уже отецъ Махмуда Насиръ-ад-динъ Себуктегинъ въ двухъ походахъ побѣдилъ важнѣйшаго изъ пенджабскихъ князей, который въ то время овладѣлъ также иранскими проходами и кабульской долиной, и внесъ опустошеніе въ долину Инда.

Махмудъ вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ (998) началъ расширять эти завоеванія. По огромному количеству войскъ, которыя нѣсколько разъ выступали противъ него, можно было бы предположить, что большая часть сѣверной Индіи одновременно взялась за оружіе для борьбы съ нимъ; въ дѣйствительности весьма возможно, что тутъ каждый разъ идетъ рѣчь только объ ополченіи сравнительно незначительныхъ областей густо населенной страны. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эти наскоро набранныя неповоротливыя толпы разсыпались передъ натискомъ афганской конницы. Завоевательные походы Махмуда, которые завели его на востокъ до Джумны и на югъ до Сурата, имѣли для послѣдующей исторіи Индіи важное значеніе, такъ какъ, какъ выше уже было сказано, Махмудъ считалъ своей главной задачей доставить исламу господство въ покоренныхъ областяхъ. И дѣйствительно, со времени Махмуда бóльшая часть сѣверозападной Индіи приняла ученіе Мухаммеда.

Дѣятельность Махмуда въ сферѣ политической и религіозной жизни и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ положила основаніе позднѣйшей исторической эволюціи. Но несмотря на то, что время великаго Газневида означаетъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ возрожденія иранской національности, несмотря на его личное участіе въ этомъ дѣлѣ, все-таки въ его поведеніи всегда сказывалось, что онъ—не истый иранецъ, что онъ не могъ совсѣмъ освободиться отъ вліянія турецкой крови своего племени. Соединяя въ себѣ величіе съ простотой (подобный складъ характера часто встрѣчается среди сыновъ степи), Махмудъ не любилъ фантастичнаго, мистико-аллегорическаго религіознаго ученія, въ которое превращался исламъ въ иранскихъ головахъ, и былъ непримиримымъ врагомъ остатковъ древней религіи Заратустры, представители которой были все еще довольно многочисленны въ его владѣніяхъ. Онъ всегда высказывался, какъ рѣшительный приверженецъ ортодоксіи, какъ суннитъ чистѣйшей воды, слѣдовательно, какъ другъ халифата, духовное первенство котораго онъ охотно признавалъ, чувствуя себя совершенно независимымъ въ свѣтскихъ дѣлахъ. Онъ поэтому задержалъ ходъ развитія шіитизма и образованія особой иранской церкви, вернулъ на будущее время всѣхъ восточныхъ иранцевъ подъ знамя ортодоксіи и положилъ начало тому раздѣленію Ирана, которое продолжается до сегодняшняго дня. Такимъ образомъ въ личности и судьбѣ этого государя выразились нѣкоторыя стороны того замѣчательнаго процесса, который поставилъ на мѣсто сыновъ аравійской пустыни кочевниковъ среднеазіатскихъ степей во главѣ правовѣрнаго мусульманскаго міра и все вновь и вновь подвергалъ Иранъ тяжкимъ бѣдствіямъ.

б) Новая духовная жизнь Ирана при Газневидахъ.

Весь тотъ блескъ, которымъ окружила Махмуда въ глазахъ мусульманскаго міра его ревность къ ортодоксальной религіи, вся слава его кровопролитныхъ битвъ и разрушеній передъ судомъ истинной человѣчности не сравняется съ безсмертной заслугой, которую стяжалъ себѣ Махмудъ, при всей своей любви къ войнамъ и при своихъ турко-суннитскихъ наклонностяхъ, заботясь о подъемѣ духовной жизни Ирана. Конечно, онъ

не былъ ни первымъ, ни единственнымъ, чье имя начертано на вратахъ царства иранской поэзіи; конечно, горькая сатира величайшаго изъ его пѣвцовъ нанесла ему тяжкій ударъ; но все-таки за нимъ никогда не забудется того, что подъ его покровительствомъ расцвѣли первые, блестящіе цвѣты персидской поэзіи, и что изъ его устъ вышло то спасительное слово, при звукѣ котораго пробудилась отъ сна старая иранская героическая пѣсня.

Въ то время, когда могущество арабскихъ завоевателей стало падать на востокѣ, тогда на ряду съ языкомъ побѣдителей началъ снова возрождаться языкъ угнетенныхъ персовъ, который до тѣхъ поръ находилъ убѣжище только въ хижинахъ простого народа и въ ущельяхъ горъ; даже при дворахъ намѣстниковъ и князей онъ сталъ находить друзей. Чѣмъ болѣе росла самостоятельность Востока, чѣмъ съ большей гордостью вспоминалъ иранскій міръ о своей прежней славѣ, тѣмъ громче и привольнѣе раздавался снова арійскій языкъ. Когда владыки начали искать опоры въ народѣ и проявлять сочувствіе къ его національному своеобразію, они вскорѣ обрѣли сокровище великолѣпныхъ преданій и сагъ, которое простые обитатели горъ и степей съ давнихъ временъ съ нерушимой вѣрностью хранили и передавали потомкамъ и которое своей сказочной пышностью и героическимъ величіемъ производило совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ длинныя повѣствовательныя суры корана. Когда-то самъ Мухаммедъ потерпѣлъ неудачу въ состязаніи съ персидской героической пѣсней, когда персидскій купецъ разсказалъ ее корейшитамъ и собралъ вокругъ себя всѣхъ слушателей, раньше внимавшихъ откровеніямъ пророка, такъ что Мухаммедъ въ особой сурѣ далъ волю своему негодованію. Но какъ же должны были дѣйствовать эти сказанія, возникшія изъ духа своего народа, на перса, который слышалъ въ нихъ и языкъ родины, и старую богатырскую славу своего племени!

Но если иранская поэзія теперь со свѣжими силами рѣшила перелить эти старыя, сложенныя грубымъ, безформеннымъ образомъ сокровища въ новыя, болѣе благородныя формы, то она по справедливости должна была признать, что она не безъ пользы прошла арабскую школу, и что обиліемъ благозвучія и силы, которое должно было распространить ея славу по землѣ, она была обязана сочетанію иранской фантазіи и живописности съ арабской ясностью и точностью. Персидскіе поэты при багдадскомъ дворѣ, конечно, вполнѣ поддались арабскому вліянію. Они даже придерживались обычая иракскихъ поэтовъ бродить нѣкоторое время съ какимъ-нибудь бедуинскимъ племенемъ по степи, чтобы поучиться чистотѣ языка и познакомиться съ жизнью кочевниковъ, воспѣваемой въ древнихъ образцовыхъ стихотвореніяхъ; образы и формы старой арабской поэзіи были ихъ единственной путеводной звѣздой; языкъ господствующаго народа былъ также и ихъ языкомъ. Но на востокѣ Ирана народный языкъ скоро приспособился къ новымъ размѣрамъ и изъ вульгарнаго діалекта обыденной жизни сталъ великолѣпнымъ орудіемъ поэтовъ и мыслителей. При дворѣ Саффаридовъ новая національная поэзія уже вступила въ состязаніе съ арабской; саманидскіе владыки также дарили ее своимъ расположеніемъ. Но Махмудъ, властитель Газны, который въ побѣдоносномъ шествіи забралъ земли своихъ предшественниковъ, получилъ отъ нихъ въ наслѣдство и благороднѣйшую обязанность оказать защиту и покровительство подававшимъ надежду росткамъ родной поэзіи, щедрой рукой награждать поэтовъ и собирать при своемъ дворѣ лучшихъ для радостнаго состязанія. Никто не сравнялся съ нимъ и не превзошелъ его въ исполненіи этой обязанности. Число пѣвцовъ, которые окружали его въ Газнѣ, какъ говорятъ, скоро дошло до 400; Махмудъ, выбирая изъ ихъ среды царя поэтовъ и назначая его судьей въ поэтическихъ состязаніяхъ, создалъ центръ настоящей и радостной художественной жизни.

Счастливая мысль среди всѣхъ соискателей назначить царемъ благороднаго и тонкаго Унсури и допущенное Махмудомъ вліяніе этого превосходнаго поэта на всѣ рѣшенія государя возвысили авторитетъ поэтовъ и вызвали тотъ благороднѣйшій родъ соревнованія, который такъ рѣдко проявляется въ чистомъ видѣ, но тогда приноситъ богатѣйшіе плоды.

Великое создавалось въ это время при дворѣ Газневидовъ; но величайшимъ дѣломъ было возрожденіе старой иранской героической пѣсни. Какъ храбрый и побѣдоносный полководецъ, Махмудъ долженъ былъ полюбить героическія сказанія прошлаго съ такимъ же восторженнымъ увлеченіемъ, какъ нѣкогда великій Александръ восторгался звукомъ оружія въ пѣсняхъ Гомера. Ему, герою, гораздо больше всѣхъ газелей больныхъ отъ любви поэтовъ или сухой афористической мудрости философовъ былъ по душѣ мощный строй стараго сказанія о герояхъ Ирана; ревностно сталъ онъ собирать обломки этого эпоса, разбитые и разсѣянные въ дикомъ вихрѣ арабскаго завоеванія. Саффариды и Саманиды уже положили основаніе этому дѣлу. Благодаря объявленію высокихъ наградъ и собственнымъ напряженнымъ трудамъ Махмудъ могъ дополнить найденное до него; такъ ему удалось пріобрѣсти для своей библіотеки арабскій переводъ персидской „Книги царей“, взятой въ добычу при завоеваніи Ктесифона.

Наконецъ у Махмуда явилась мысль, достойная основателя могущественнаго государства, приказать объединить и переработать въ одномъ гигантскомъ трудѣ всѣ эти обрывки, миѳы и на половину историческія сообщенія. Языкомъ, на которомъ должна была быть написана эта работа, могъ быть только персидскій, который при дворѣ Махмуда уже вытѣснилъ арабскій даже въ канцелярской сферѣ. Не такъ легко было въ толпѣ придворныхъ поэтовъ найти художника который чувствовалъ бы въ себѣ силы для грандіознаго труда Многочисленныя попытки не получали одобренія султана до тѣхъ поръ, пока и здѣсь счастье Махмуда не пришло ему на помощь и не привело къ нему поэта, подъ рукой котораго обрывки сказаній превратились въ блестящій, непреходящій памятникъ иранскаго героическаго величія [1]. Этотъ человѣкъ былъ Абулъ-Касимъ Мансуръ (родился въ 939 году въ Таберанѣ около Туса въ Хорасанѣ, умеръ въ 1020/30 въ Тусѣ), которому было суждено подъ своимъ прозвищемъ Фирдоуси („райскій“) наполнить міръ своей славой.

Фирдоуси былъ первымъ и самымъ блестящимъ представителемъ возрождавшагося иранства; онъ зналъ арабскій и персидскій языки и съ дней юности былъ горячимъ поклонникомъ стараго времени и его преданій. Кажется, что онъ самъ принялъ рѣшеніе продолжить и закончить обработку героическаго эпоса, начатую еще при Саффаридахъ Дакики [2], приверженцемъ религіи Заратустры, и понялъ, что въ лицѣ Махмуда для его плановъ имѣется естественный покровитель. Фирдоуси былъ вѣрующимъ мусульманиномъ, къ своему счастью, такъ какъ Махмудъ врядъ ли нашелъ бы возможнымъ поручить дѣло поклоннику Заратустры; вѣдь уже шіитскихъ взглядовъ Фирдоуси было достаточно, чтобы вызвать между поэтомъ и его государемъ, строгимъ суннитомъ, продолжительныя не-

---

[1] Извѣстія о возникновеніи Шахнамэ и объ участіи въ этомъ дѣлѣ Махмуда заимствованы авторомъ изъ прозаическаго введенія къ поэмѣ, которое, по опредѣленію оріенталиста Нельдеке, написано только въ XV в. и заключаетъ въ себѣ много фантастичнаго; сюда относятся разсказы о „собственныхъ напряженныхъ трудахъ“ Махмуда и т. п. Достовѣрныхъ свидѣтельствъ о стремленіи Махмуда поднять персидское національное самосознаніе пока не найдено. Невѣрно, что при Махмудѣ арабскій языкъ былъ вытѣсненъ изъ канцелярій персидскимъ: напротивъ, именно при Махмудѣ арабскій языкъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, снова сдѣлался языкомъ оффиціальныхъ документовъ вмѣсто персидскаго. На русскомъ языкѣ результаты изслѣдованія Нельдеке изложены въ статьѣ А. Крымскаго „Фирдоуси“ (въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Ефрона).

[2] Дакики жилъ не при Саффаридахъ, а въ X в., при Саманидахъ. Ред.

согласія, которыя въ концѣ концовъ превратились въ открытую борьбу. На 71-омъ году своей жизни, послѣ двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ, Фирдоуси закончилъ Шахъ-Намэ, книгу царей (1011) [1]. Махмудъ, въ недобрый часъ получивъ извѣстіе объ этомъ, далъ поэту только часть условленной платы; но Фирдоуси, огорченный до глубины души, отказался принять деньги, удалился изъ Газны и отомстилъ за себя горькой сатирой, возбудившей дикую ярость Махмуда. Послѣ долгихъ скитаній Фирдоуси умеръ въ деревнѣ своихъ предковъ, какъ разъ въ то время, когда умилостивившійся наконецъ султанъ отправилъ къ нему караванъ съ драгоцѣнными подарками. Какъ ясно сознавалъ Фирдоуси то значеніе, которое имѣлъ для родины его трудъ, онъ самъ высказываетъ въ этомъ дышащемъ гнѣвомъ стихотвореніи, направленномъ противъ Махмуда, въ слѣдующихъ словахъ:

„Старый Иранъ, покрытый въ теченіе долгаго времени прахомъ,
Я пробудилъ къ новой жизни...
Вотъ герои, сильные и отважные,
О славѣ которыхъ я возобновилъ молву.
Они всѣ давно умерли, но я далъ
Вѣчную жизнь имъ своей пѣсней“. [2]

И та рѣшительность, съ которой онъ въ началѣ этого стихотворенія говоритъ о своей шіитской вѣрѣ, направлена противъ суннита Махмуда, турка по происхожденію, въ которомъ самый чистый представитель иранской духовной жизни все-таки видѣлъ потомка чужой, въ своей основѣ враждебной расы.

Въ работѣ Фирдоуси вновь былъ обрѣтенъ старый, потерянный когда-то при Кадисіи стягъ иранскаго народа, проложенъ путь къ духовному единству и вмѣстѣ съ нимъ, какъ казалось, и политическому. Въ послѣдніе годы своей жизни самъ Махмудъ рѣшилъ соединить подъ своимъ скипетромъ всѣ области съ населеніемъ, говорившимъ по-ирански. Онъ отнялъ у Буидовъ послѣднія владѣнія въ Персіи. И болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ положилъ бы конецъ и майордомству Буидовъ и принялъ бы „охрану“ халифовъ въ свои руки, если бы его смерть не оборвала разомъ всѣ эти начинанія (1030). Съ Махмудомъ кончается и счастье его династіи. Первые тяжелые удары судьбы, которыми началось разрушеніе газневидскаго престола, скоро произвели потрясеніе въ иранскихъ частяхъ государства.

B. **Сельджуки.**

а) Предшественники турецкаго нашествія на западъ.

И на этотъ разъ бѣда пришла изъ своего стараго, никогда не изсякавшаго источника, изъ степей Средней Азіи. Глухое броженіе, влеченіе на западъ началось среди турецкихъ племенъ Татаріи и Туркестана, съ тѣхъ поръ какъ все новыя и новыя толпы ихъ соплеменниковъ, въ качествѣ наемниковъ халифа, отправлялись въ Персію и Иракъ, тамъ въ необузданной дерзости обращали повелителей вѣрующихъ въ игрушку своихъ прихотей и растратили сокровища богатѣйшихъ провинцій. Скоро уже не было больше одиночекъ, которые по своей волѣ или въ рабскомъ видѣ переступали укрѣпленный пограничный валъ Хорасана; нѣтъ, цѣлыя племена пришли теперь въ движеніе, гонимыя впередъ тѣснившими ихъ

---

[1] Фирдоуси несомнѣнно началъ писать свой трудъ задолго до вступленія на престолъ Махмуда; уже въ 996 г. онъ посвящалъ поэму какому-то знатному покровителю, но потомъ, повидимому, снова передѣлалъ ее и посвятилъ Махмуду, въ царствованіе котораго поэма была окончена (Nöldeke, Persische Studien, II, 33).

[2] Приведено по нѣмецкому стихотворному переводу; въ персидскомъ подлинникѣ этимъ стихамъ соотвѣтствуютъ только четыре полустишія; буквальный переводъ персидскаго текста: „Тѣ славные и гордые (богатыри), которыхъ я описалъ, одного за другимъ, всѣ давно умерли, но отъ моего слова ихъ имя снова стало живымъ“. Ред.

съ тылу ордами и готовыя оружіемъ добыть себѣ новыя пастбища, или въ качествѣ союзниковъ князей, или на свой собственный рискъ. Только съ трудомъ мощная рука Махмуда сдерживала все увеличивавшійся потокъ. Теперь, когда его слабые преемники боролись за престолъ и съ большей любовью обращали свой взоръ на тучныя нивы Индіи, чѣмъ на пустынныя степныя области у сѣверной границы, теперь потокъ прорвалъ крѣпкую плотину, которую воздвигла работа столѣтій, и первая огромная народная волна, за которой послѣдовали все новыя и новыя, залила Иранъ.

Сначала охраняющей, передовой стѣной Хорасана была Трансоксанія, эта страна, воздѣланная неустанной, продолжавшейся сотни лѣтъ работой иранской расы; и еще въ доброе время владычества халифовъ земледѣлецъ и городской житель здѣсь сдерживали бродячаго номада. Но когда власть халифовъ была сломлена, когда наконецъ пришло къ концу и могущество саманидской династіи, тогда турецкія орды ворвались сюда изъ Восточнаго Туркестана и наводнили богатую страну; наконецъ Илекъ-ханъ изъ Кашгара завладѣлъ Бухарой (въ это время Махмудъ Газневидъ былъ занятъ индійскими дѣлами); въ то же время образовалось еще нѣсколько болѣе мелкихъ турецкихъ княжествъ [1].

Скоро пришли въ движеніе и тѣ турецкія племена, которыя на сѣверѣ бродили по степямъ у Аральскаго моря. Вождь Сельджукъ со своимъ племенемъ направился на область Бухары какъ разъ въ то время, когда послѣдніе Саманиды искали союзниковъ въ борьбѣ съ тѣснившимъ ихъ Илекъ-ханомъ. Какъ другъ Саманидовъ, Сельджукъ завоевалъ себѣ область въ западной Бухарѣ и по обычаю побѣдоносныхъ вождей кочевниковъ усилилъ свой народъ присоединеніемъ другихъ турецкихъ племенъ.

б) Гибель Газневидовъ.

Махмудъ Газневидъ съ безпокойствомъ слѣдилъ, какъ при первыхъ преемникахъ Сельджука росла мощь и численность грознаго племени. Сельджуки, въ свою очередь, съ вожделѣніемъ обращали взоры къ нивамъ Хорасана, будучи тѣснимы въ Трансоксаніи своими турецкими родичами въ Бухарѣ и Хорезмѣ [2]. Едва изъ руки великаго Махмуда выпали бразды правленія, какъ у Мерва уже появились форпосты подвижныхъ номадовъ; отсюда кочевники опустошительными набѣгами начали подготовлять завоеваніе пограничной персидской области. Старшій сынъ Махмуда, по имени Масудъ, свергнулъ съ престола своего брата Мухаммеда, назначеннаго раньше преемникомъ, ослѣпилъ и заключилъ его въ тюрьму (1030). Теперь со всѣми своими силами онъ обратился противъ сельджуковъ, которые уже тѣснили Мервъ. Но всѣ его предпріятія не имѣли успѣха; наконецъ онъ самъ выступилъ въ походъ для новаго завоеванія Мерва, который къ тому времени уже палъ, и потерпѣлъ жестокое пораженіе (1039). На обратномъ пути его войска возмутились и снова возвели на тронъ слѣпого Мухаммеда (1040) [3]. Къ счастью для Газневидовъ, міровая держава которыхъ

---

[1] Завоеваніе Бухары Илекъ-ханомъ произошло въ томъ же году, въ которомъ Махмудъ разбилъ саманидское войско и овладѣлъ Хорасаномъ (999). Махмудъ въ 1001 г. заключилъ договоръ съ Илекъ-ханомъ, по которому границей между обоими государствами была объявлена рѣка Аму-дарья. Только въ томъ же 1001 г. начались индійскіе походы Махмуда.

[2] Хорезмъ съ 1017 г. принадлежалъ Махмуду. Намѣстникъ Хорезма Харунъ, возмутившійся противъ Масуда въ 1034 г., былъ союзникомъ сельджуковъ.

[3] Нѣкоторые туркменскіе отряды вторглись въ Хорасанъ еще при Махмудѣ; потомки Сельджука появились у границъ Ирана въ 1035 г., притомъ сначала не около Мерва, а значительно западнѣе, въ Атекѣ; Масудъ послѣ пораженія своего войска уступилъ имъ города Дехистанъ (у Каспійскаго моря), Фераву (нынѣ Кызылъ-Арватъ) и Неса (нынѣ Асхабадъ). Притязанія на Мервъ были предъявлены сельджуками только въ 1036 г. Рѣшительное пораженіе Масуда въ окрестностяхъ Мерва произошло въ 1040 г., убіеніе Масуда въ началѣ 1041 г. Ред.

была сломлена такимъ образомъ однимъ ударомъ, сельджуки, занявъ Хорасанъ, что открывало имъ дорогу и на западъ и на востокъ, не воспользовались своимъ положеніемъ для дальнѣйшихъ походовъ на восточный Иранъ и Индію, а обратились на западъ. Но преемники Махмуда оказались совершенно не способными на долгое время сохранить остатки своей державы, все еще довольно значительные. Религіозное усердіе ихъ предка Махмуда, который сѣверо-западъ Индіи обратилъ въ совсѣмъ почти мухаммеданскую страну, послужило на пользу потомкамъ, которымъ пришлось постепенно перенести центръ тяжести своей власти въ Пенджабъ.

Когда въ 1154 году [1] Газна перешла во власть династіи Гуридовъ, происходившей изъ горныхъ племенъ восточнаго Ирана и уже давно ставшей на половину самостоятельной въ своихъ долинахъ, тогда скоро насталъ конецъ и индійскому владычеству; въ 1186 году Лагоръ, индійская резиденція Газневидовъ (см. карту при стр. 309), былъ осажденъ Гуридомъ Мухаммедомъ, и послѣдній представитель Газневидовъ, Хусрау-Меликъ, былъ преданъ смерти. Династія въ періодъ своего упадка, въ послѣднее столѣтіе своего существованія, все еще имѣла извѣстное значеніе для иранской культуры; все-таки можно утверждать, что тотчасъ послѣ смерти Махмуда начало ослабѣвать участіе востока въ духовной жизни Ирана и западъ взялъ на себя руководство, не всегда на пользу національнаго своеобразія, которое на востокѣ сохранилось чище и свѣжѣе, чѣмъ въ западной Персіи, слишкомъ арабизированной. Религіозное раздѣленіе на шіитовъ-персовъ и суннитовъ-афганцевъ еще рѣзче отдѣлило восточныя племена отъ другихъ; наконецъ, прежняя простота и грубость нравовъ горныхъ племенъ на востокѣ снова получили полное господство.

в) Тогрулъ-бекъ и Алпъ-Арсланъ.

Храбрые братья, которые во время Масуда стояли во главѣ сельджуковъ, Тогрулъ-бекъ (1037—63) и Чагры-бекъ (умеръ въ 1060 году), послѣ пораженія Газневидовъ и завоеванія Хорасана, оградивъ себя съ тылу покореніемъ князей Хорезма, обратили свои взоры на державу халифовъ, которая, не смотря на поддержку со стороны ослабѣвшихъ Буидовъ, снова дошла до послѣдней степени униженія. Быть можетъ, играло извѣстную роль почтительное отношеніе къ духовному авторитету халифата, которое было еще живо въ новообращенныхъ сельджукахъ, быть можетъ, тутъ имѣли мѣсто и другія причины, но турецкія орды прежде всего обратились на сѣверозападъ Персіи, Азербейджанъ, и отсюда начали свои опустошительные набѣги на христіанъ-армянъ и Иверію. Византійцы пришли на помощь своимъ союзникамъ, но невольно послужили славѣ сельджукскаго оружія и проложили честолюбивому Тогрулъ-беку путь къ высшимъ степенямъ могущества. Весь мусульманскій міръ громко выражалъ свое одобреніе, когда Тогрулъ заставилъ римскаго императора заплатить дань. Свирѣпо враждовавшія между собой партіи въ Багдадѣ обратили свои взоры на восходящую звѣзду сельджуковъ, вождь которыхъ не замедлилъ воспользоваться удивительно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Послѣ смерти халифа Кадира въ 1031 году въ Багдадѣ получилъ призрачную власть его слабый сынъ Каимъ, не имѣвшій силъ возстановить порядокъ хотя бы только въ городѣ Багдадѣ. Рядомъ съ нимъ почти столь же жалкое существованіе влачилъ буидскій султанъ Джелаль-ад-даула Абу-Тахиръ (1025—1043); въ это же время одинъ изъ его родственниковъ утвердился въ персидскихъ провинціяхъ Буидовъ, а на улицахъ главнаго города сунниты-турки, наемники халифа, безнаказанно дрались съ шіитами-дейлемитами, лейбъ-гвардіей Буидовъ, и при случаѣ иногда

---

[1] Газна окончательно перешла въ руки Гуридовъ только въ 1161 г. Ред.

выгоняли изъ Багдада самого султана Джелаля. Правда, послѣ смерти Джелаля на нѣсколько лѣтъ насталъ сносный покой, но скоро разразились новыя неурядицы и новыя свалки между суннитами и шіитами. Халифъ точно такъ-же, какъ и его буидскій султанъ, былъ только игрушкой въ рукахъ своихъ визирей. Несчастный владыка правовѣрныхъ не былъ въ безопасности отъ нападеній даже въ своемъ собственномъ дворцѣ. Врядъ ли можно осуждать его за то, что онъ съ надеждой обратилъ свои взоры на государя сельджуковъ; кромѣ того правовѣрные халифы отъ суннитовъ-турковъ съ увѣренностью могли ожидать болѣе искренней преданности, чѣмъ отъ еретиковъ-Буидовъ, съ ихъ ни передъ чѣмъ не останавливавшимися гвардейцами изъ горъ Табаристана. Тогрулъ-беку, который подъ предлогомъ паломничества въ Мекку привелъ свои войска въ Иракъ, удалось почти безъ всякаго сопротивленія овладѣть Багдадомъ и взять въ плѣнъ буидскаго султана Меликъ-Рахима (въ 1055 году). Когда мятежи отозвали сельджуковъ въ Персію, буидскій визирь, правда, снова овладѣлъ городомъ, призвалъ на тронъ халифовъ на мѣсто аббасидской династіи тогдашнихъ фатимидскихъ владыкъ Египта и принудилъ Каима къ поспѣшному бѣгству; но по возвращеніи Тогрула всякое сопротивленіе было моментально подавлено (1059). Тогрулъ получилъ отъ вновь возвращеннаго Аббасида титулъ „царя востока и запада“ и послѣ долгихъ отпирательствъ руку принцессы Сеида-Хатунъ, дочери халифа Каима, но вскорѣ послѣ этого умеръ, имѣя 70 лѣтъ отъ роду (1063).

Такимъ образомъ халифатъ, еще разъ искусственно возвращенный къ жизни, продолжалъ влачить свое призрачное существованіе. Въ этнологическомъ смыслѣ эта новая перемѣна имѣетъ важное значеніе. Вмѣстѣ съ ней открыто и ярко обнаружился давно уже подготовлявшійся, несчастный по своимъ послѣдствіямъ переходъ власти изъ однѣхъ рукъ въ другія: мелкія турецкія орды, которыя въ предшествовавшій періодъ незамѣтно пробрались на западъ, и точно также турецкія военныя колоніи халифовъ пріобрѣли знамя, около котораго они могли группироваться, — владыку ихъ расы и ихъ религіи; а персы, которые, казалось, уже готовы были взять на себя руководительство въ мусульманскомъ мірѣ и своими передовыми бойцами въ этомъ направленіи могли считать буидскихъ султановъ, вдругъ увидѣли себя низвергнутыми и въ своей собственной родовой странѣ подчинившимися степнымъ кочевникамъ. Все-таки они въ своей возрождавшейся культурѣ и въ особенности въ своей поэзіи имѣли оружіе, которому труднѣе было противостоять въ теченіе долгаго времени, чѣмъ граду стрѣлъ турецкихъ наѣздниковъ. Если бы персамъ пришлось имѣть дѣло только съ сельджуками, этой сравнительно благородной и, пожалуй, самой способной вѣтвью племенъ внутренней Азіи, то въ ихъ побѣдѣ врядъ ли могло быть сомнѣніе; сельджукскіе вожди скоро приняли довольно живое участіе въ духовной жизни Ирана и наконецъ почти сравнялись съ величайшимъ изъ Газневидовъ въ усердіи, съ которымъ они собирали при своихъ дворахъ лучшихъ поэтовъ. Но черезъ хорасанскія ворота потянулись вскорѣ новыя, болѣе дикія орды, пока наконецъ внутренняя степь Азіи не извергнула дикихъ монгольскихъ ордъ; ихъ жестокіе разрушительные набѣги сокрушили сначала Персію и наконецъ также и Багдадъ, этотъ чудесный городъ Востока.

Вліяніе сельджуковъ, въ руки которыхъ перешла теперь охрана халифа, сначала сопровождалось самыми благотворными послѣдствіями для завоеванныхъ странъ и въ особенности для самой столицы. Сельджуки сдѣлали то, что въ это время было нужнѣе всего; они водворили порядокъ, быть можетъ, немного на „турецкій манеръ“, но во всякомъ случаѣ порядокъ, котораго тщетно добивались въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ всѣ полезные и дѣятельные элементы государства. Врядъ ли достаточно можно оцѣ-

нить одну эту заслугу сельджукскихъ государей. Въ городахъ снова ожили ремесла и искусства, освобожденныя отъ тягостнаго гнета; дороги опять наполнились караванами купцовъ, земледѣлецъ снова вернулся къ своей заброшенной нивѣ и т. д. На улицахъ столицы прекратилась брань суннитовъ и шіитовъ, послѣ того какъ правовѣрный турокъ сталъ вмѣсто шіита рядомъ съ ортодоксальнымъ халифомъ; не могло быть болѣе рѣчи о дракахъ между турецкими солдатами и дейлемитами послѣ изгнанія Буидовъ. А о томъ, чтобы поэзія и наука не были лишены своей доли въ этомъ новомъ расцвѣтѣ, достаточно позаботились вскорѣ сельджукскіе государи въ своемъ благородномъ соревнованіи, котораго едва ли можно было ждать отъ вождей полу-цивилизованнаго кочевого народа. То, чего имъ не доставало сначала въ образованіи, могло замѣнить великодушное и рыцарское сердце, которое при всей первобытной грубости присуще всѣмъ истиннымъ потомкамъ турецкаго племени и позволяетъ сравнивать ихъ съ первобытными степными арабами. Въ дѣйствительности сельджукская эпоха была въ нѣкоторомъ смыслѣ эпилогомъ того времени, когда арабы стали распространяться по странамъ западной Азіи.

Преемникомъ Тогрула въ санѣ „царя Востока и Запада“ былъ его племянникъ Алпъ-Арсланъ (1063—72). При немъ сельджукское могущество достигло высшей степени. Онъ отнялъ у Фатимидовъ (къ ихъ вторженіямъ въ эти области нужно еще вернуться) прежде всего Халебъ, потомъ всю Сирію и Палестину, но самые обильные лавры онъ пожалъ въ борьбѣ съ византійцами, которые, лишившись при первомъ нападеніи исповѣдниковъ ислама Сиріи и африканскихъ провинцій, должны были теперь смотрѣть, какъ шагъ за шагомъ отнимали у нихъ ихъ послѣднюю страну въ Азіи, Малую Азію. Императоръ Романъ IV Діогенъ напрасно старался предотвратить опасность вторженіемъ въ Сирію (1068—69); когда въ 1071 году онъ двинулся въ Арменію, чтобы оказать поддержку находившимся съ нимъ въ союзѣ христіанскимъ князьямъ этой страны, его войско было разбито при Манцикертѣ, и онъ самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Съ этихъ поръ византійской области грозили уже не только временные хищническіе набѣги. Во внутреннюю часть Малой Азіи прошли цѣлыя орды сельджуковъ; здѣсь въ степяхъ вокругъ Иконія они нашли подходящія пастбища. Тщетно падающая восточно-римская имперія употребляла отчаянныя усилія, чтобы вырвать смертельную стрѣлу изъ своего тѣла.

г) Малая Азія при византійцахъ.

Такъ какъ съ появленіемъ сельджуковъ судьба Малой Азіи принимаетъ роковой оборотъ, то мы должны сказать здѣсь нѣсколько словъ о предшествовавшихъ судьбахъ этого полуострова при византійцахъ. Въ теченіе столѣтій послѣ арабскаго завоеванія Малая Азія было собственно ядромъ византійскаго царства, которое вѣрно платило подати и давало солдатъ даже въ тѣ опасные періоды, когда потокъ болгаръ и другихъ варварскихъ племенъ наводнялъ европейскія владѣнія и доносилъ свои пѣнящіяся волны до воротъ Константинополя. Когда Омаръ захватилъ Сирію, Месопотамію и Киликію, византійцы заняли позицію за горнымъ хребтомъ Тавра, защищенную съ фланга христіанами-армянами, а въ тылу обезпеченную такими сильными крѣпостями, какъ Кесарея въ Каппадокіи или дальше въ глубь страны фригійскій Аморій. Пограничные жители, организованные въ боевую милицію, все время охраняли проходы Тавра, которымъ постоянно грозила опасность нападенія; туземцамъ давали подкрѣпленіе сильные гарнизоны изъ тѣхъ чужеземныхъ наемниковъ, съ помощью которыхъ Византія уже съ давнихъ поръ вела свои войны. Эта превосходная оборонительная позиція доказала свое значеніе въ эпоху расцвѣта халифата и спасла малоазіатскія владѣнія византійцевъ. Хотя иногда

враги прорывали позицію и толпы арабовъ наводняли срединную часть полуострова, но прочно завоевать области за хребтомъ Тавра было невозможно; нерѣдко сарацинскія полчища могли быть довольны, если на возвратномъ пути не находили проходовъ закрытыми и не должны были безпомощно ждать нападенія главныхъ силъ врага, приближавшихся изъ Византіи.

Но когда могущество халифата начало клониться къ паденію, восточно-римскіе императоры сейчасъ же стали подумывать о новомъ предъявленіи съ оружіемъ въ рукахъ притязаній своей имперіи на Сирію и Месопотамію, отъ которыхъ они никогда не отказывались. Храбрый Никифоръ II Фока открылъ рядъ блестящихъ войнъ завоеваніемъ Киликіи, которая за это время стала вполнѣ арабской страной и теперь снова должна была согласиться принять христіанскую вѣру (964). Потомъ онъ сталъ твердой ногой въ Сиріи и завоевалъ Антіохію (966). Его преемникамъ удалось снова занять (975) древнюю римскую оборонительную линію Амида-Нисибисъ-Эдесса и довести свои войска до воротъ Тира и Дамаска (995). Съ тѣхъ поръ, какъ пала храбрая династія Хамданидовъ, халифы и ихъ покровители-Буиды могли оказать этимъ завоеваніямъ только ничтожное сопротивленіе.

Въ эту эпоху Малая Азія получила возможность оправиться отъ тяжелыхъ ударовъ, которые нѣкогда нанесли ей опустошительные набѣги персовъ и потомъ вторженія арабовъ. Раздѣленная на военные округа, Малая Азія, наслаждаясь благами хорошаго управленія и извлекая выгоды изъ неистощимаго плодородія своей почвы, снова поднялась до культурнаго состоянія, и населеніе ея снова возрасло. Если прежній блескъ греческихъ прибрежныхъ городовъ сильно потускнѣлъ, то вмѣсто этого вся центральная область оказалась равномѣрнѣе населенной и одинаково организованной, а единство управленія — лучше обезпеченнымъ. Но пытливому наблюдателю и тогда не все представлялось въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Предпочтительное вниманіе, удѣлявшееся военнымъ интересамъ, и стремленіе разбогатѣвшихъ городскихъ фамилій помѣстить свои богатства въ обширныхъ помѣстьяхъ благопріятствовали возникновенію крупной феодальной земельной собственности, которое и здѣсь, какъ вездѣ, сопровождалось послѣдствіями, опасными для культуры страны и экономическаго благосостоянія населенія. Напрасно проницательные императоры всѣми средствами противодѣйствовали этому роковому процессу и старались подавить новую феодальную аристократію, не безопасную для нихъ самихъ; опустошительные набѣги арабовъ какъ разъ способствовали тому, что въ опустошенныхъ округахъ состоятельныя и вліятельныя лица закупали земли и деньгами или силой постоянно расширяли свои владѣнія, въ то время какъ туземное крестьянство обращалось въ крѣпостныхъ, а вмѣсто убитыхъ или уведенныхъ въ плѣнъ мусульманами жителей въ латифундіяхъ поселялись толпы рабовъ. Рабовъ въ особенно большомъ числѣ поставляли мусульманская Сирія и Месопотамія, послѣ того какъ военное счастье возвратилось къ византійцамъ. Легко понять, что поселеніе такихъ элементовъ въ тылу византійской оборонительной линіи могло привести къ самымъ опаснымъ послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе, что и обремененныхъ долгами и порабощенныхъ крестьянъ Малой Азіи охватило чувство неудовольствія. Самъ феодализмъ лишь въ самой незначительной мѣрѣ могъ замѣнить собой падавшую народную силу, такъ какъ ему недоставало главныхъ симпатичныхъ чертъ западнаго рыцарства, на которое онъ походилъ только своимъ стремленіемъ къ возможно независимому положенію и своимъ противодѣйствіемъ абсолютизму государей.

Императоръ Василій II почувствовалъ тяжесть такого положенія, когда въ 987 году его полководецъ Вардасъ Фока, опираясь на малоазіатскую аристократію, возсталъ противъ него и на короткое время захватилъ въ свои руки почти весь полуостровъ. Съ усиленной энергіей ста-

рался этотъ даровитый властитель изъ дома Комненовъ сломить силу знати и съ этой цѣлью прибѣгнулъ даже къ помощи церкви, которая сама обнаруживала всегда склонность скоплять для своихъ цѣлей мірскія богатства въ опасныхъ размѣрахъ. И у чиновничества, которое въ своей традиціонной дѣятельности встрѣчало затрудненія и препятствія со стороны надменной земельной аристократіи, были всѣ основанія поддержать стремленія императора. Но, несмотря на это, роковой процессъ развивался дальше и дальше. Когда сельджуки со своими стадами и шатрами, женами и дѣтьми наводнили степныя области въ центрѣ Малой Азіи, зданіе византійскаго владычества, потрясенное въ своихъ основахъ, рухнуло съ неожиданной быстротой.

д) Арменія около 1000 года.

Особенную важность имѣло то обстоятельство, что сельджукскія полчища ворвались не черезъ горные проходы Тавра, а проникли изъ Азербейджана черезъ Арменію и что при этомъ вторженіи христіанская Арменія и даже Иверія были жестоко разорены. До сихъ поръ обѣ эти страны представляли, быть можетъ, не совсѣмъ надежную, но необходимую опору пограничной линіи византійцевъ. Къ нимъ охотнѣе всего обращались, когда возникала надобность въ новобранцахъ для императорской арміи. Вѣдь въ то время армянскій народъ, который теперь благодаря игу рабства, кажется, лишился всѣхъ воинскихъ доблестей, столь же славился своей храбростью и силой, какъ и своей непоколебимой вѣрностью христіанской религіи. О политическомъ единствѣ не могло быть рѣчи ни въ Арменіи, ни въ Грузіи. Въ концѣ X столѣтія въ Арменіи царствовало не менѣе девяти незначительныхъ династій, которыя только съ большими оговорками признавали первенство дома Багратидовъ, могущественнѣйшаго изъ нихъ; Грузія распадалась на пять маленькихъ государствъ.

Итакъ, сельджукамъ удалось прорваться въ этомъ мѣстѣ, тогда какъ на югѣ твердыни византійцевъ стояли еще непоколебимо; конечно, съ этихъ поръ онѣ подвергались крайней опасности. Поэтому въ Константинополѣ весьма благосклонно отнеслись къ тому, что армяне массой хлынули изъ своей разоренной родины въ Киликію и храбро защищали страну отъ нападеній сельджуковъ и сарацинъ. Но новые поселенцы оторванной области, которые не могли ждать отъ византійцевъ никакой существенной помощи, порвали наконецъ и внѣшнюю связь съ восточно-римской имперіей и основали государство Малую Арменію. Первый его князь, армянинъ Рубенъ, въ 1080 году принялъ присягу отъ своихъ подданныхъ. Вслѣдствіе этого для восточныхъ римлянъ были потеряны также остатки старой оборонительной линіи внѣ Киликіи, хотя Антіохіи, доступной съ моря, удалось продержаться еще нѣсколько лѣтъ.

е) Малая Азія при сельджукскихъ владѣтеляхъ.

Основаніе прочнаго сельджукскаго государства въ Малой Азіи не было уже дѣломъ Алпъ-Арслана; на восточной границѣ своей державы этотъ могучій военачальникъ палъ въ ноябрѣ 1072 года, пораженный кинжаломъ мятежника, осужденнаго имъ на смерть. Его сынъ Меликъ-шахъ, который принялъ на себя защиту халифа Каима и съ 1075 года его преемника Муктади и сталъ во главѣ всей сельджукской державы, походилъ на отца достоинствами правителя и отлично умѣлъ способствовать установленію порядка и матеріальнаго благосостоянія въ своихъ обшир-

ныхъ владѣніяхъ. Прежде всего онъ окончательно уничтожилъ систему таможенныхъ и дорожныхъ пошлинъ, — это проклятіе мелкихъ владѣній, — которая сильно развилась въ эпоху Буидовъ. Цвѣтущее состояніе финансовъ дало ему возможность съ блестящей щедростью покровительствовать развитію наукъ и искусствъ; для ученыхъ и поэтовъ снова насталъ золотой вѣкъ.

Но уже въ это время, когда сельджукское государство процвѣтало внутри и продолжало расширять свои предѣлы, появились первые признаки начинавшагося разложенія. Самъ Меликъ-шахъ отказался продолжать завоевательную войну въ Малой Азіи при своемъ личномъ участіи и съ главными силами государства и довѣрилъ это дѣло своему родственнику Сулейману, давъ ему такимъ образомъ возможность въ степяхъ полуострова основать полунезависимое государство. Такимъ образомъ новое сельджукское государство „Румъ“ (Иконій), которое съ 1073 года находилось подъ управленіемъ Сулеймана, только съ оговорками можно было признать частью сельджукско-аббасидской великой державы, имѣвшей свой центръ въ Багдадѣ. Въ то же время вождь сельджуковъ Атсызъ, столь же мало заботясь о желаніяхъ своего султана, завладѣлъ Палестиной и въ 1077 году преслѣдовалъ вплоть до Египта отступавшія войска Фатимидовъ. Только когда онъ въ свою очередь попалъ въ затруднительное положеніе и обратился за помощью къ Меликъ-шаху, то брату послѣдняго Тутушу (умеръ въ 1095 году) удалось устранить полководца, ставшаго слишкомъ самостоятельнымъ, и возстановить непосредственный авторитетъ верховнаго владыки въ Сиріи и Палестинѣ.

Малоазіатское государство Сулеймана пріобрѣло вскорѣ прочное положеніе благодаря различнымъ обстоятельствамъ. Прежде всего Сулейманъ дѣйствовалъ въ духѣ старой испытанной системы мусульманскихъ завоевателей, уничтожая крупную земельную собственность и раздѣломъ земли среди народа создавая крѣпкое крестьянское населеніе, преданное новому владыкѣ. Раньше мы уже упоминали о томъ, насколько благопріятствовали обстоятельства такому образу дѣйствій. Масса сельджуковъ не препятствовала этому процессу, такъ какъ вообще сельджуки не осѣдали прочно, а занимали только луга и степи и не бросали своей привычной жизни воинственныхъ кочевниковъ. Но въ дѣлахъ религіи они проявляли меньше терпимости, чѣмъ нѣкогда арабы, и съ турецкой энергіей занялись обращеніемъ страны въ исламъ; хотя въ началѣ обращенія могли имѣть только внѣшній характеръ, но въ результатѣ сельджуки этимъ все-таки пріобрѣли себѣ надежныхъ подданныхъ среди туземцевъ-земледѣльцевъ и горожанъ. Только принимая въ соображеніе такой образъ дѣйствій, можно объяснить ту быстроту, съ которой сельджуки укрѣпились въ Малой Азіи, и тщету всѣхъ усилій византійцевъ вытѣснить пришельцевъ изъ ихъ новыхъ поселеній.

Но хотя бы крестьяне Малой Азіи въ началѣ наслаждались выгодами новаго порядка вещей, хотя бы кое-гдѣ земледѣліе даже получило нѣкоторое развитіе, въ дѣйствительности водвореніе сельджуковъ внутри малоазіатскаго полуострова означаетъ лишь дальнѣйшее развитіе процесса запустѣнія западной Азіи, новую побѣду кочевниковъ надъ земледѣльцами, степи надъ нивой. Чѣмъ съ большею яростью стремились захватить потерянную землю византійцы и вскорѣ также ихъ союзники крестоносцы, чѣмъ опустошительнѣе разражались бури войны надъ малоазійскимъ плоскогорьемъ, тѣмъ быстрѣе уменьшалось число осѣдлыхъ жителей, тѣмъ большее число плодородныхъ нивъ покидалось ихъ владѣльцами и снова становилось частью степной области, у которой онѣ когда-то были отвоеваны посредствомъ неустаннаго труда, тѣмъ безпрепятственнѣе распространялись стада кочевниковъ по заглохшимъ пажитямъ. Сельджуки начали то дѣло, которое довершили османы и монголы.

ж) Начало распаденія сельджукской державы.

Та замѣчательная свобода, которую Меликъ-шахъ предоставилъ своимъ вассаламъ на западѣ, достаточно ясно указываетъ на то, что центръ тяжести сельджукской державы въ то время лежалъ въ Иранѣ. И въ самомъ дѣлѣ султанъ видѣлъ свою задачу въ томъ, чтобы укрѣпить свое государство на востокѣ и расширять его предѣлы, пока наконецъ, послѣ покоренія кашгарскаго владѣтеля, вліяніе сельджуковъ не распространилось до границъ Китая. Но единство государства даже въ Иранѣ не могло быть долговременнымъ. Сейчасъ же по смерти Меликъ-шаха (19 ноября 1092 г.) начались раздоры изъ-за престола, которые тянулись много лѣтъ и подготовили распаденіе сельджукской державы. Только съ 1104 года воцарилось снова спокойствіе при побѣдоносномъ претендентѣ Мухаммедѣ, но этому спокойствію не суждено было долго продолжаться. Все вновь и вновь, какъ въ эпоху независимости Аббасидовъ, совершались нападенія на правившаго въ Багдадѣ султана изъ Хорасана, гдѣ сельджуки прочнѣе всего утвердили свое господство и могли изъ воинственнаго населенія создавать вспомогательныя войска, способныя къ бою.

Въ первыя десятилѣтія XII вѣка возстанія слѣдовали одно за другимъ, причемъ Дубейсъ, ленный князь Хилле въ Иракѣ, особенно выдѣлился, какъ неутомимый въ своихъ нападеніяхъ врагъ Махмуда, бывшаго тогда сельджукскимъ султаномъ (1118—1132). Въ Дубейсѣ еще разъ воплотилась вся сила сопротивленія иракансккихъ арабовъ. Быть можетъ, этому энергичному человѣку, побуждавшему отдѣльныхъ сельджукскихъ царевичей къ вооруженной борьбѣ другъ съ другомъ, и удалось бы вновь вернуть своему племени верховную власть, если бы онъ вошелъ въ союзъ съ тогдашнимъ доблестнымъ халифомъ Мустаршидомъ, который, понятно, также стремился отдѣлаться отъ угнетавшаго его верховенства турковъ. Но совершенно въ духѣ арабскаго національнаго характера эти оба представителя своей расы жестоко ненавидѣли другъ друга. Въ концѣ концовъ потерпѣли крушеніе планы обоихъ.

При всемъ этомъ процессъ распаденія сельджукской державы съ этихъ поръ продолжался непрерывно. Многіе халифы послѣдующей эпохи могли брать на себя смѣлость держаться самостоятельной политики и даже предпринимать завоеванія во главѣ своихъ войскъ. Въ то время какъ сельджуки тратили свои силы въ междоусобной борьбѣ и только въ Персіи сохраняли еще непоколебимо свой авторитетъ, положеніе въ Сиріи подверглось коренному измѣненію: западъ мощными усиліями снова овладѣлъ священными мѣстами Палестины и основалъ рядъ феодальныхъ государствъ, которыя мало-по-малу, въ кровавой борьбѣ, снова были побѣждены и уничтожены поборниками ислама. Но среди этихъ передовыхъ бойцовъ ислама не появляются ни багдадскіе халифы, ни сельджукскіе султаны; представители другихъ силъ взяли на себя тяжелую борьбу и воспользовались ея результатами. Въ то время, когда въ Иракѣ и Персіи бушевали среди сельджукскихъ владѣтелей смуты изъ-за престола, Египетъ принялъ на себя руководство мусульманскимъ міромъ въ борьбѣ съ западомъ, послѣ того какъ оказались недостаточными силы сирійцевъ. Но тутъ развертывается совсѣмъ новая картина, заставляющая насъ снова бросить взглядъ на положеніе Сиріи.

6. Сирія и крестоносцы. Монгольская эпоха.

А. Сирія.

Когда при первыхъ халифахъ получилъ начало антагонизмъ между сирійцами и иракаицами и когда въ концѣ концовъ сирійцы въ лицѣ Омейядовъ возвели на престолъ пріятную имъ династію, понятно, что въ этомъ

политическомъ состязаніи выступало не туземное арамейское населеніе Сиріи или эллинизированное населеніе городовъ, а исключительно арабы, которые бродили со своими стадами или воздѣлывали землю въ степныхъ областяхъ около Дамаска, въ старомъ государствѣ набатейцевъ, въ долинѣ Іордана и мѣстами въ собственной Палестинѣ. Туземныхъ сирійцевъ въ первое время уже потому нельзя было принимать въ разсчетъ, что большая часть ихъ только мало-по-малу перешла въ исламъ; довольно значительные остатки народа, особенно въ горахъ, отдаленныхъ округахъ и въ городахъ, упорно хранили свою христіанскую вѣру. Изъ финансовыхъ соображеній халифы не стремились обращать этихъ христіанскихъ подданныхъ, обложенныхъ значительными налогами, въ мусульманъ, платившихъ меньше; кромѣ того распространять исламъ въ Сиріи было труднѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, потому что здѣсь никогда совершенно не прекращалась торговля съ западомъ и здѣсь проходили караваны благочестивыхъ христіанскихъ паломниковъ въ Іерусалимъ.

Съ восшествіемъ на престолъ аббасидской династіи политическое значеніе Сиріи пало тѣмъ быстрѣе, что и тогда не кончились раздоры между арабами, кайситами и кельбитами, раздоры, бывшіе причиной паденія Омейядовъ. Хотя мало-по-малу эта вражда, конечно, должна была ослабѣвать, и часть арабовъ смѣшалась съ кореннымъ населеніемъ, но настоящаго чувства національной солидарности среди сирійцевъ не возникло. Не находилось устоевъ для существованія самостоятельнаго сирійскаго государства, возникновенія котораго должно было ожидать при распаденіи державы Аббасидовъ. Причины этого явленія и теперь и въ теченіе всей исторіи, которая не знаетъ чисто сирійскаго государства, коренятся въ разнообразіи устройства поверхности страны, которая заключаетъ обширныя степныя пространства, горы съ вершинами, покрытыми снѣгомъ, долины и низменности, годныя для культуры, и, наконецъ, длинную береговую полосу, въ сѣверной части богатую гаванями и отдѣленную отъ сердца страны крутыми горами. Кромѣ того, на сѣверѣ и востокѣ эта страна не имѣетъ точно опредѣленной и защищенной границы, а на юго-западѣ открыта для могучихъ государствъ, развивавшихся на тучныхъ нивахъ Нильской долины. Поэтому-то при паденіи сирійскаго халифата судьбы различныхъ частей Сиріи оказались совсѣмъ разными.

На сѣверѣ съ начала десятаго столѣтія Хамданиды, главныя владѣнія которыхъ находились въ сѣверной Месопотаміи, захватываютъ сосѣднія области Сиріи, въ особенности послѣ того, какъ величайшій представитель этого рода Сейфъ-ад-даула въ 944 году завладѣлъ Халебомъ и отсюда открылъ наступательную войну противъ византійцевъ, въ началѣ съ блестящимъ успѣхомъ. Но уже много раньше югъ Сиріи былъ вовлеченъ въ различныя египетскія смуты. Мятежный намѣстникъ Ахмедъ-ибнъ-Тулунъ на короткое время распространилъ свои владѣнія до границъ Месопотаміи, и еще при его сынѣ египетскія войска доходили до Евфрата и дальше. Однако могущество Тулунидовъ рухнуло очень скоро: въ 904 году, послѣ того какъ еще раньше была потеряна Сирія, аббасидскіе намѣстники снова захватили власть въ Египтѣ. Во время этихъ послѣднихъ войнъ полчища карматовъ, которыя въ это время захватили въ свои руки всю Аравію (см. стр. 319), наводняли Сирію, пока тяжелое пораженіе 906 года не заставило ихъ удалиться. Слабость халифата, понятно, скоро стала вызывать со стороны египетскихъ намѣстниковъ все новыя и новыя попытки добиться независимости, и эти попытки тяжело отражались на Сиріи. Мухаммедъ изъ Ферганы основалъ династію ихшидовъ[1], тотчасъ же завладѣлъ южной Сиріей, и въ заключеніе въ 940 году халифъ долженъ былъ подтвердить за нимъ право на владѣніе этой областью, а сѣверъ

---

[1] Титулъ ихшидовъ носили туземные владѣтели Ферганы. Ред.

страны въ это время, какъ мы уже упоминали, послѣ различныхъ перемѣнъ отошелъ по большей части къ Хамданидамъ. Но этотъ доблестный родъ не могъ долго противостоять напору ихшидовъ, византійцевъ и Фатимидовъ. Хамданиды, правда, примкнули къ ихшидамъ [1], когда между послѣдними и Фатимидами началась борьба за обладаніе Египтомъ; но этимъ они добились только того, что послѣ побѣды Фатимидовъ нашли въ нихъ еще болѣе опасныхъ сосѣдей, и ускорили свою гибель.

Мы уже разсказывали о томъ крайнемъ шіитскомъ движеніи въ Иранѣ, отголосками котораго являются съ одной стороны возстаніе карматовъ, съ другой — возвышеніе Фатимидовъ (см. стр. 319). Оно, понятно, было направлено противъ халифата, какъ таковаго, и всѣхъ, кто былъ въ союзѣ съ халифатомъ; когда оно пустило корни въ Египтѣ и стало здѣсь политической силой, оно сохранило связь съ шіитами востока, которые принадлежали къ сектѣ исмаилитовъ. Правда, карматы, которые выросли на той же почвѣ и достигли обладанія большей частью аравійскаго полуострова, не обнаруживали никакой охоты подчиняться Фатимидамъ; наоборотъ, они начали съ ними борьбу за обладаніе Сиріей. Съ другой стороны, впослѣдствіи удалось организовать персидскихъ исмаилитовъ и въ тылу противника выдвинуть грозную секту асассиновъ, какъ передовой постъ фатимидско-исмаилитскаго движенія. Съ 974 года въ теченіе многихъ лѣтъ тянется борьба за Сирію, причемъ противъ Фатимидовъ, кромѣ карматовъ, выступили еще византійцы и турецкій вождь, который пытался въ сѣверной Сиріи основать самостоятельное государство; кромѣ того Хамданиды взялись за оружіе для защиты остатка своихъ владѣній. Фатимиды удержали за собой Сирію, за исключеніемъ округовъ крайняго сѣвера.

При халифѣ Хакимѣ въ возмущеніяхъ отдѣльныхъ намѣстниковъ не было недостатка. Но и въ его время (996—1021) власть его дома надъ Сиріей осталась нерушимой и простиралась даже на область Халеба, такъ какъ Хамданиды добровольно подчинились ему. Послѣ отступленія сельджукскаго султана Тогрулъ-бека въ Багдадѣ вспыхнуло возстаніе, направленное въ пользу преемника Хакима Мустансира (1059), и онъ, повидимому, имѣлъ всѣ шансы совершенно устранить своего аббасидскаго соперника, но очень скоро нападенія сельджуковъ показали ему, что онъ началъ борьбу съ крайне опаснымъ противникомъ. А такъ какъ, сверхъ того, и въ Египтѣ, гдѣ хозяйничаніе наемниковъ составляло такое же бѣдствіе, какъ въ Иракѣ, вспыхнула формальная война между негритянскими войсками и турецкими наемниками, то Мустансиръ долженъ былъ примириться съ тѣмъ, что мало-по-малу вся Сирія и Палестина перешли во власть сельджуковъ. Удержалась только Акка. Когда тамошній намѣстникъ Бедръ по зову халифа отправился въ Египетъ и съ помощью своего войска возстановилъ здѣсь порядокъ, у сельджуковъ вновь могла быть отнята по крайней мѣрѣ Палестина, хотя сельджуки уже вторгались даже въ Египетъ. Такимъ образомъ, когда въ Европѣ раздался призывъ къ первому крестовому походу, Іерусалимъ уже не былъ въ рукахъ сельджуковъ, суровое обращеніе которыхъ съ христіанами-паломниками было, правда, не причиной, а поводомъ похода западныхъ народовъ во имя отмщенія. Защита Святой Земли была дѣломъ египтянъ, тогда какъ сельджуки въ Дамаскѣ и Багдадѣ наблюдали за развитіемъ драмы или сложа руки, или съ открытымъ злорадствомъ. Съ христіанскими войсками вступилъ въ борьбу не правовѣрный халифъ мусульманскаго міра, а его шіитскій соперникъ.

---

[1] Такъ сказано въ подлинникѣ, но изъ текста фразы видно, что въ ней остался неисправленнымъ корректурный недосмотръ. Очевидно, авторъ хотѣлъ сказать (какъ и было на самомъ дѣлѣ), что Хамданиды въ борьбѣ между ихшидами и Фатимидами приняли сторону послѣднихъ, но, способствуя побѣдѣ Фатимидовъ, только пріобрѣли себѣ въ нихъ еще болѣе опасныхъ сосѣдей. Ред.

Когда войска крестоносцевъ двинулись черезъ Малую Азію на Сирію, вмѣсто Фатимида въ Каирѣ въ дѣйствительности правилъ его визирь ал-Афдаль, сынъ Бедра. Малоазіатскіе сельджуки первые подверглись грозному натиску облеченныхъ въ латы рыцарей запада и за свое сопротивленіе понесли пораженіе, отъ котораго, впрочемъ, скоро оправились, такъ какъ войско христіанъ сейчасъ же двинулось дальше. Князь Малой Арменіи сумѣлъ стать въ хорошія отношенія къ своимъ единовѣрцамъ. Христіане могли точно также разсчитывать на симпатіи въ сѣверно-сирійскомъ пограничномъ округѣ, который былъ предметомъ столькихъ споровъ, всего лишь нѣсколько десятилѣтій тому назадъ былъ отнятъ у византійцевъ и заключалъ въ себѣ многочисленное христіанское населеніе. Такимъ образомъ въ области старой римской военной границы возникло княжество Эдесса; въ береговой полосѣ Антіохія и позже также Триполисъ стали центрами небольшихъ христіанскихъ государствъ. Въ руки христіанъ такимъ образомъ перешли нѣкоторыя владѣнія сельджуковъ. Но, вслѣдствіе политическаго разстройства державы халифовъ, въ Багдадѣ едва думали о томъ, чтобы прійти на помощь полунезависимымъ намѣстникамъ сѣверо-западной Сиріи, тѣмъ болѣе, что теперь силы христіанъ обрушились на Палестину собственно, принадлежавшую ненавистнымъ Фатимидамъ. Переговоры между крестоносцами и Фатимидами ни къ чему не привели. Пока визирь ал-Афдаль былъ еще занятъ снаряженіемъ своего войска, христіане осадили и взяли приступомъ Іерусалимъ, который былъ и въ то время главной твердыней Палестины. Позднѣе туземцы-христіане вновь были поселены въ этомъ городѣ, мухаммеданскіе и іудейскіе обитатели котораго почти всѣ погибли подъ мечами побѣдителей. Подоспѣвшее войско ал-Афдаля въ августѣ 1099 года потерпѣло рѣшительное пораженіе. На обломкахъ фатимидской державы въ Палестинѣ можно было теперь основать іерусалимское королевство.

Раньше мы упоминали о томъ, что Фатимиды въ своей борьбѣ противъ халифата, а отнынѣ и противъ западныхъ христіанъ, создали себѣ грозное оружіе въ сектѣ убійцъ — асассиновъ, оружіе, которое, правда, скоро выскользнуло изъ рукъ властителей Египта. Въ эпоху крестовыхъ походовъ эта секта переживала періодъ расцвѣта; но возникновеніе ея относится ко времени, значительно болѣе раннему. Мы уже разсказывали о томъ, какъ изъ смѣшенія ислама съ различными вѣроученіями, главнымъ образомъ съ коммунистическими взглядами маздакитовъ, возникла секта исмаилитовъ, и какъ изъ этой секты вышли сначала карматы и, наконецъ, халифатъ Фатимидовъ. Мало-по-малу исмаилитство развивалось въ тайное ученіе, наиболѣе способныхъ приверженцевъ котораго постепенно приводили къ чистому нигилизму, воззрѣнію, по которому все безразлично, а потому и все позволено, тогда какъ главная масса приверженцевъ секты пребывала въ мистическомъ почитаніи таинственныхъ руководителей. Въ Каирѣ существовала настоящая академія этого ученія, вѣстники котораго отправлялись въ страны Аббасидовъ, чтобы подготовлять владычество Фатимидовъ надъ всѣмъ мусульманскимъ міромъ, въ то время какъ персидскіе исмаилиты съ надеждой устремляли свои взоры на Египетъ и оттуда ждали спасенія.

Честолюбивый сектантъ Хасанъ-и-Саббахъ, происходившій изъ Рея въ сѣверной Персіи, послѣ неудачной попытки пріобрѣсти вліяніе при дворѣ Меликъ-шаха въ Багдадѣ, появился при дворѣ фатимидскаго владыки и здѣсь задумалъ утвердить на востокѣ грозное владычество исмаилитовъ въ грандіозныхъ размѣрахъ, при помощи средствъ, соотвѣтствовавшихъ ученію его партіи, не признававшей никакихъ нравственныхъ принциповъ. Это владычество должно было опираться не на обширныя земельныя владѣнія и огромныя массы войскъ, а на безусловную преданность и фанатическое презрѣніе къ смерти приверженцевъ; мѣстами ихъ убѣжища должны были

стать отдѣльныя неприступныя крѣпости. Не открытая война, а тайныя убійства должны были основать и упрочить власть секты. Первымъ пристанищемъ для своей дѣятельности Хасанъ избралъ ту горную область на юго-западъ отъ Каспійскаго моря, обитатели которой еще до эпохи Аббасидовъ были въ глазахъ правовѣрныхъ мухаммеданъ воплощеніемъ упорнаго язычества и которая въ своихъ замкахъ и скалахъ всегда давала пріютъ отважнымъ мятежникамъ. Въ 1090 году Хасанъ и его исмаилиты хитростью завладѣли крѣпкимъ замкомъ Аламутъ въ округѣ Рудбаръ, на сѣверо-западъ отъ Казвина. Съ этого событія начинается политическая дѣятельность секты убійцъ, послѣдователи которой по своему обычаю приводить себя въ кровожадный экстазъ хашишемъ и другими наркотиками болѣе всего извѣстны подъ названіемъ хашишиновъ или, на языкѣ крестоносцевъ, асассиновъ. Два года спустя, какъ первая серьезная жертва, палъ подъ кинжаломъ асассина Низамъ-ал-Мулькъ, визирь первыхъ сельджукскихъ султановъ, когда-то другъ и товарищъ юности Хасана [1]; онъ открылъ собой безконечно длинный рядъ тѣхъ несчастливцевъ, которые должны были заплатить жизнью за попытку уничтожить ужасную секту.

Тотъ обезсиливающій ужасъ, который вызвали во всемъ мусульманскомъ мірѣ кровавыя дѣла асассиновъ, въ новѣйшее время нашелъ себѣ слабое подобіе въ томъ страхѣ, съ которымъ культурные народы Европы останавливаются передъ злодѣяніями анархистской „пропаганды дѣломъ“. На самомъ дѣлѣ, родство между анархистами и асассинами ближе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ основѣ ученія тѣхъ и другихъ представителей политическаго убійства лежитъ теорія о полномъ нравственномъ безразличіи поступковъ, теорія, которая, страннымъ образомъ, отлично уживается со слѣпымъ послушаніемъ вождямъ, на сторонѣ которыхъ умственное превосходство; въ обоихъ направленіяхъ мы встрѣчаемъ одно и то же презрѣніе какъ къ жизни другихъ, такъ и къ своему собственному существованію, презрѣніе, вытекающее изъ систематически проводимаго учителями уничтоженія всякаго страха и всякой надежды. Эти свойства, которыя у современныхъ анархистовъ достигаютъ наивысшаго развитія только въ рѣдкихъ случаяхъ, систематически прививались вождями асассиновъ той группѣ своихъ послѣдователей, которая спеціально предназначалась для совершенія убійствъ. При этомъ, повидимому, не было недостатка во всевозможныхъ грубыхъ обманахъ. Но главное значеніе имѣло постоянно и обдуманно проводимое нравственное давленіе, которое, естественно, должно было быть непреодолимымъ для дѣтей и подроставшихъ юношей, если ихъ заботливо охраняли отъ другихъ впечатлѣній. Слѣпая преданность сектантовъ своему владыкѣ доходила до невѣроятной степени. Если мать впадала въ отчаяніе, потому что ея сынъ возвратился послѣ удачнаго убійства невредимымъ, вмѣсто того, чтобы умереть за вѣру, если асассинскій воинъ по одному мановенію своего начальника бросался съ башни только для того, чтобы доказать свое послушаніе, то становится понятнымъ, почему всѣ повелители западной Азіи и Египта дрожали передъ кинжалами презиравшихъ смерть убійцъ и вступали въ переговоры съ ихъ главой, какъ съ представителемъ великой державы.

Хасанъ-и-Саббахъ не покидалъ уже до конца своей жизни крѣпости Аламутъ; говорятъ даже, что онъ только два раза выходилъ изъ своей комнаты. Какъ „горный старецъ“, вѣрный преданіямъ исмаилитской секты, онъ въ таинственномъ уединеніи руководилъ убійствами своихъ приверженцевъ и заботился о дальнѣйшемъ укрѣпленіи своей власти. Около

---

[1] Сказаніе о томъ, что Низамъ-ал-Мулькъ, Хасанъ-и-Саббахъ и поэтъ Омаръ Хайямъ были школьными товарищами, впервые встрѣчается въ сочиненіи историка начала XIV в.; съ достовѣрными хронологическими данными это сказаніе, какъ доказано европейскими учеными, находится въ непримиримомъ противорѣчіи. Ред.

1100 года асассинамъ удалось завладѣть нѣкоторымъ числомъ другихъ сильныхъ крѣпостей Ирана. Ихъ первые послы прибыли въ Палестину одновременно съ крестоносцами. Пользуясь расположеніемъ сельджукскаго владѣтеля Халеба, Ридвана, они утвердились въ сирійскихъ горахъ. Хотя по смерти Ридвана противъ нихъ начались жестокія преслѣдованія, изгнать ихъ отсюда не удалось. Ихъ кинжалъ скоро распространилъ ужасъ въ средѣ ихъ враговъ. Смерть основателя секты Хасана въ концѣ августа 1124 года не задержала распространенія асассиновъ, такъ какъ его преемникъ Кія-Бузургъ-Умидъ продолжалъ его дѣло съ такой же энергіей и хитростью. Въ 1128 году былъ взятъ крѣпкій Ваньясъ въ Сиріи, а спустя 12 лѣтъ Масіяфъ, который съ этихъ поръ сталъ центромъ асассинскаго могущества на западѣ. Асассины въ это время давно уже были свободны отъ вліянія Фатимидовъ. Подобно аббасидскимъ халифамъ Мустаршиду и Рашиду, отъ кинжала сектантовъ-убійцъ палъ и одинъ изъ фатимидскихъ халифовъ. Дѣянія секты произвели сильное впечатлѣніе на христіанъ Святой Земли, въ которыхъ асассины въ общемъ не видѣли безусловныхъ враговъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ особенности орденъ храмовниковъ былъ доступенъ асассинскимъ вліяніямъ и даже въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ являлся подражаніемъ ихъ таинственной организаціи. Нападенія асассиновъ вносили своеобразное осложненіе въ драму великой борьбы между крестоносцами и повелителями Египта изъ-за власти надъ Святой Землей.

Сельджуки и впослѣдствіи принимали сравнительно незначительное участіе въ этой борьбѣ запада съ востокомъ. Во всякомъ случаѣ только отдѣльные пограничные князья вмѣшивались въ палестинскія дѣла и тѣснили тѣ небольшія христіанскія государства, которыя возникли въ сѣверной Сиріи. Только когда безпорядки начались въ самомъ Багдадѣ, султанъ Мухаммедъ увидѣлъ себя вынужденнымъ въ 1111 году отправить войско въ Сирію. Въ 1113 году при Тиверіадѣ былъ разбитъ Балдуинъ, іерусалимскій король. Но вскорѣ послѣ этого вождь сельджукскаго войска палъ подъ кинжалами асассиновъ, неудовольствіе которыхъ онъ случайно вызвалъ. Вслѣдствіе этого возникли продолжительные раздоры между сельджукскими намѣстниками и князьями, помѣшавшіе дальнѣйшимъ успѣхамъ. Только тогда, когда атабегомъ Сиріи и Месопотаміи былъ назначенъ въ 1127 году Зенги и ему была поручена война съ христіанами, счастье вновь возвратилось къ сельджукамъ, хотя Зенги пришлось биться не только съ христіанами, но и съ другими сельджукскими князьями. До самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1146 г., онъ былъ опаснѣйшимъ противникомъ крестоносцевъ.

Его сынъ Нуръ-ад-динъ продолжалъ войну и въ 1153 году завладѣлъ и городомъ Дамаскомъ, который Зенги тщетно пытался отнять у своего соплеменника Аназа. Успѣхи Зенги и его сына вызвали во всемъ мусульманскомъ мірѣ воодушевленіе, которое было очень важно для продолженія войны и вынуждало даже недоброжелательныхъ князей помогать деньгами и войсками Нуръ-ад-дину. Но могущество Нуръ-ад-дина и его преемниковъ стало непреодолимымъ только съ того момента, когда счастливый случай доставилъ ему возможность уничтожить владычество Фатимидовъ въ Египтѣ и присоединить къ своимъ владѣніямъ безмѣрно богатую Нильскую долину. Въ Каирѣ въ это время два визиря оспаривали другъ у друга вліяніе на слабаго халифа ал-Адыда. Одинъ изъ нихъ, Шаверъ, бѣжалъ къ Нуръ-ад-дину и неумѣренными обѣщаніями добился того, что въ его распоряженіе было предоставлено войско подъ начальствомъ доблестнаго полководца Ширкуха. Но когда визирь достигъ своей цѣли, онъ не сдержалъ своихъ обѣщаній и обратился за помощью противъ Ширкуха къ іерусалимскому королю; это было причиной его войны съ Нур-ад-диномъ, которая послѣ различныхъ перемѣнъ счастія кончилась тѣмъ, что Шаверъ

былъ изгнанъ, и съ согласія Нуръ-ад-дина принялъ на себя достоинство визиря при фатимидскихъ халифахъ сначала Ширкухъ, а послѣ его смерти, случившейся вскорѣ, въ 1168 году его племянникъ Салахъ-ад-динъ Юсуфъ (Саладинъ).

Очень быстро удалось Саладину (род. въ 1137, умеръ въ 1193 году) окончательно забрать власть въ Египтѣ въ свои руки, хотя онъ еще до 1171 г. оставлялъ на престолѣ послѣдняго Фатимида, вѣроятно уже потому, что эта тѣнь халифа давала ему возможность держаться съ большею самостоятельностью по отношенію къ Нуръ-ад-дину. Но Саладинъ, соединявшій съ высокимъ образованіемъ всѣ хорошія черты турецкаго характера, храбрость, благородство и рѣшительность, сознавалъ, что ему судьбой предопредѣлено быть передовымъ борцомъ ислама противъ христіанства. Нуръ-ад-динъ скоро понялъ, что этотъ человѣкъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть послушнымъ орудіемъ его плановъ. Онъ уже началъ готовиться къ войнѣ съ непокорнымъ вассаломъ, но его неожиданная смерть освободила отъ опасности Саладина и даже помогла ему отнять сирійскія владѣнія этого по истинѣ замѣчательнаго государя у его слабыхъ преемниковъ. Распри между Салихомъ, сыномъ Нуръ-ад-дина, и его двоюроднымъ братомъ, Сейфъ-ад-диномъ мосульскимъ, и раздоры придворныхъ, которые заявляли притязаніе на санъ визиря или вѣрнѣе на господство надъ юнымъ Салихомъ, побудили Саладина вторгнуться въ Сирію и занять Дамаскъ. Послѣ продолжительной войны Салихъ, который вступилъ въ союзъ съ Сейфъ-ад-диномъ и христіанскими князьями и не гнушался даже содѣйствіемъ асассинскихъ убійцъ, долженъ былъ уступить всѣ свои владѣнія до Халеба. Съ этихъ поръ Саладинъ сталъ носить титулъ султана (1176 г.). Только послѣ смерти Салиха Саладинъ въ 1183 году завладѣлъ и городомъ Халебомъ и распространилъ свое владычество до Месопотаміи и границъ Малой Арменіи.

Такимъ образомъ вокругъ христіанскихъ владѣній собралась грозная сила въ рукахъ одного человѣка, который рѣшился положить конецъ господству людей запада въ Палестинѣ. Судьба іерусалимскаго королевства была быстро рѣшена. Въ 1187 году при Хиттинѣ, недалеко отъ Тиверіады, христіанскіе рыцари должны были уступить превосходству силъ Саладина. Самъ король Гвидо попалъ въ плѣнъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ вся Палестина вмѣстѣ съ Іерусалимомъ была во власти Саладина; еще держались нѣкоторые приморскіе города Сиріи, въ особенности главные города сѣверныхъ княжествъ, Триполисъ и Антіохія. Прибывшія новыя войска паломниковъ подъ начальствомъ королей Франціи и Англіи, не смотря на отчаянныя усилія Саладина, снова вернули подъ власть христіанъ Акку (1191 г.); но по крайней мѣрѣ Іерусалимъ онъ могъ удержать за собой. Незадолго до своей смерти онъ заключилъ миръ, по которому христіанамъ предоставлялась прибрежная полоса отъ Тира до Яффы и нѣсколько округовъ внутри страны, а за Саладиномъ оставалась область внутренней Палестины съ Іерусалимомъ (1192 г.).

Какъ бы ни блестящи были войны Саладина противъ владѣній людей запада, и хотя западные историки, понятно, склонны были видѣть его только въ свѣтѣ этихъ подвиговъ, но въ нихъ только часть его дѣятельности и для исторіи западной Азіи даже, быть можетъ, не самая важная. Христіанскія государства въ Палестинѣ были и оставались искусственно выращиваемымъ растеніемъ, которому не давала жизненныхъ силъ скудная почва страны и которое могло съ трудомъ держаться только постояннымъ притокомъ свѣжихъ соковъ: христіанскія государства не представляли серьезной опасности для ислама, для котораго именно въ это время сабля турковъ надолго, пожалуй даже навсегда, отвоевала новую область въ Малой Азіи, область со старинной христіанской культурой. Если внутри страны, прилегавшей къ находившейся въ рукахъ христіанъ

береговой полосѣ, возникало сильное мусульманское государство, то судьба небольшихъ христіанскихъ владѣній уже этимъ самымъ была рѣшена. Что Саладинъ вообще собралъ подъ своею властью еще разъ сильную державу, конечно, составляло его заслугу, хотя бы это дѣло подготовили уже подвиги Зенги и Нуръ-ад-дина.

Гораздо важнѣе для исторіи ислама было низложеніе шіитскихъ халифовъ Египта. Ихъ мѣсто заняли потомки Саладина, Айюбиды (Эйюбиды): такъ ихъ обыкновенно называютъ по имени отца Саладина, Неджмъ-ад-дина Айюба. Этимъ событіемъ была рѣшена побѣда правовѣрнаго суннитства на западѣ; быть можетъ, въ это время передъ воображеніемъ багдадскихъ халифовъ, которые съ паденіемъ сельджукскаго владычества вновь начинаютъ выступать самостоятельно, стала снова носиться мечта о единомъ мусульманскомъ государствѣ.

Изъ державы Саладина не развилось слишкомъ могущественнаго, опаснаго для самихъ халифовъ государства; объ этомъ, казалось, заботился самъ повелитель, въ другихъ случаяхъ столь благоразумный, когда незадолго до своей смерти, по дурному сельджукскому обычаю, раздѣлилъ свое царство между тремя своими сыновьями и къ тому же еще другихъ родственниковъ надѣлилъ городами и землями. Слѣдствіемъ такого распоряженія былъ рядъ войнъ, которыя кончились тѣмъ, что братъ Саладина ал-Адиль соединилъ подъ своею властью почти всѣ владѣнія (1200 г.). Но ал-Адиль послѣ продолжительнаго спокойнаго правленія умеръ какъ разъ въ то время, когда грозное нападеніе христіанскихъ войскъ на Египетъ вызвало крайнее смятеніе (1218 г.); послѣ его смерти держава его тотчасъ же распалась. Ал-Камиль, который удержалъ за собой Египетъ и Палестину, въ своемъ затруднительномъ положеніи заключилъ съ императоромъ Фридрихомъ II договоръ, по которому городъ Іерусалимъ снова отходилъ къ христіанамъ (1228 г.) [1]. Едва ли нужно разсказывать о войнахъ ближайшихъ десятилѣтій, которыя вызывались, въ общемъ, слѣдующимъ положеніемъ: въ сѣверной Сиріи вокругъ Дамаска созидается самостоятельное государство, а египетскіе Айюбиды дѣлаютъ отчаянныя усилія возстановить и укрѣпить свою верховную власть надъ всей державой Саладина, прибѣгая къ помощи христіанъ и другихъ союзниковъ, которыхъ посылалъ случай. Въ 1250 году въ Египтѣ снова совершился дворцовый переворотъ, столь обыкновенный въ восточныхъ государствахъ: вожди гвардіи заняли мѣсто Айюбидовъ, сперва не устраняя ихъ совершенно. Съ этого времени начинается періодъ господства мамлюковъ, который продолжался со различными перерывами до начала XIX столѣтія.

Б. Монголы.

а) Распаденіе государства сельджуковъ.

Событія въ Сиріи и Египтѣ въ XI и XII столѣтіяхъ развивались довольно независимо отъ тѣхъ происшествій, которыя имѣли мѣсто въ это время на востокѣ старой имперіи халифовъ. И здѣсь такъ-же, какъ и на западѣ, сила сельджуковъ находилась въ упадкѣ. Существовавшія въ Иракѣ, Месопотаміи и Иранѣ туземныя ленныя владѣнія снова достигли теперь большей самостоятельности; кромѣ того въ тѣхъ же странахъ возникъ цѣлый рядъ мелкихъ сельджукскихъ государствъ (Фарсистанъ, Луристанъ, Азербейджанъ), и ихъ князья, называвшіеся по большей части атабегами [2], часто только номинально признавали своимъ повелителемъ

---

[1] Договоръ былъ заключенъ въ февралѣ 1229 г. Іерусалимъ оставался подъ властью христіанъ до 1244 г.

[2] Титулъ атабеговъ (буквально: „отецъ-князь“) первоначально носили опекуны малолѣтнихъ представителей династіи. Ред.

халифа и состоявшаго при немъ султана, своего соплеменника; къ тому же и тронъ султана въ Багдадѣ часто становился предметомъ жестокихъ войнъ. Этимъ объясняется, что даже халифы снова добились нѣкотораго политическаго значенія и кое-гдѣ осмѣливались съ оружіемъ въ рукахъ выступать противъ своихъ сельджукскихъ покровителей или незначительныхъ князей неподалеку отъ Багдада. Власть сельджукскихъ султановъ въ это время была сконцентрирована въ Персіи; но уже и здѣсь имъ грозили новыя опасности. Правда, нетрудно было покончить съ Газневидами, приближавшимися къ своему паденію, и Гуриды, занявшіе ихъ мѣсто, обращали больше вниманія на дѣла индійскія, чѣмъ на иранскія; но снова начиналось броженіе въ области на границѣ средне-азіатскихъ степей.

Трансоксанія была захвачена турецкими племенами, тогда какъ въ Хорезмѣ (Хивѣ) образовалось новое сильное государство, князья котораго скоро пошли войной на Персію [1]. Синджаръ, который съ 1132 года носилъ санъ багдадскаго султана [2], уже долженъ былъ вести тяжелыя войны съ этими врагами, которые грозно стучались въ тѣ же ворота, черезъ которыя когда-то ворвались и сельджуки на цвѣтущія нивы западной Азіи; со смертью его часть Персіи отошла къ властителямъ Хорезма (1157) [3]. Смутное время настало послѣ этихъ происшествій: багдадскіе халифы стремились поселить несогласія среди сельджуковъ, чтобы освободиться отъ ихъ обременительной опеки; среди самихъ сельджуковъ происходили распри за султанскій престолъ, а князья Хорезма бились за богатое наслѣдіе ихъ дома [4].

Когда, наконецъ, въ 1180 году принялъ власть халифъ Насиръ, послѣдній энергичный Аббасидъ, то онъ, правда, въ началѣ воспользовался войнами между сельджуками и хорезмійцами для того, чтобы значительно расширить свои владѣнія, но въ концѣ концовъ долженъ былъ согласиться на признаніе за побѣдоноснымъ княземъ Хорезма Текешъ-ханомъ той же роли покровителя, которую раньше играли Буиды, а послѣ того сельджуки (1197) [5]. Послѣ смерти Текеша (1200) [6], Насиръ попытался стать независимымъ отъ его преемника Мухаммеда. Но Мухаммедъ, который вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ [7] уничтожилъ въ восточномъ Иранѣ Гуридовъ и распространилъ свою власть до Инда, рѣшилъ теперь не только возстановить свое вліяніе, но совсѣмъ устранить Аббасидовъ и посадить на багдадскій тронъ халифа изъ рода Алія. Только раннее наступленіе зимы [8], которая почти истребила хорезмійское войско, спасло аббасидскаго властителя. Но прежде чѣмъ Мухаммедъ смогъ собраться съ силами для новаго удара, въ тылу у него появились призван-

---

[1] Средняя Азія въ то время была завоевана кара-китаями, народомъ, по всей вѣроятности, маньчжурскаго происхожденія. Султанъ Синджаръ былъ разбитъ ими въ 1141 г. Владѣтели Хорезма (хорезмшахи) первоначально были намѣстниками сельджукскихъ султановъ; хорезмъ-шахъ Атсызъ (1127—1156 г.), основатель могущества династіи, нѣсколько разъ возставалъ противъ Синджара, но потомъ выразилъ ему покорность и до своей смерти считался его вассаломъ.

[2] Синджаръ былъ верховнымъ главой династіи, но Багдадъ никогда не входилъ въ составъ его непосредственныхъ владѣній. Столицей Синджара былъ Мервъ.

[3] Преемникъ Атсыза Иль-Арсланъ (1156—1172 г.) владѣлъ только сѣверными округами Хорасана; дальнѣйшее расширеніе владѣній династіи произошло только при его сынѣ Текешѣ (1172—1200 г.).

[4] Борьба происходила между Текешомъ и его братомъ Султанъ-шахомъ, который до своей смерти (1193 г.) владѣлъ Мервомъ.

[5] Текешъ (не носившій титула хана) въ 1196 г. разбилъ войска халифа, но не овладѣлъ Багдадомъ; его требованіе, чтобы въ Багдадѣ читалась хутба (молитва) на его имя, какъ прежде на имя сельджукскихъ султановъ, не было исполнено халифомъ.

[6] Въ подлинникѣ по ошибкѣ 1199 г.

[7] Уничтоженіе династіи Гуридовъ произошло только въ 1215 г.

[8] Въ концѣ 1217 г. Ред

ныя Насиромъ орды монгольскаго завоевателя Чингизъ-хана [1]. Съ ихъ появленіемъ въ трагической исторіи западной Азіи начался новый актъ.

б) Персія въ періодъ, непосредственно предшествовавшій монгольскому нашествію.

Первый натискъ монголовъ, самаго некультурнаго изъ кочевыхъ народовъ Средней Азіи, обрушился на несчастную Персію. Пора расцвѣта экономической и духовной жизни все еще не миновала для этой страны; скорѣе можно сказать, что образованіе стало еще распространеннѣе, интересъ къ поэзіи, философіи и мистикѣ—еще живѣе. Передъ завоевателями—турками пала матеріальная мощь иранскаго народа, но не духовная. Въ то время, какъ поэзія и языкъ арабовъ оказали глубочайшее вліяніе на персидскую литературу и въ поэтическій обиходъ Персіи вошло даже слишкомъ много арабскихъ выраженій, врядъ ли найдется хоть одно турецкое слово въ иранскихъ стихахъ. Истиннымъ чувствомъ образованныхъ людей по отношенію къ грубымъ завоевателямъ всегда оставалось презрѣніе, которое выразилъ при случаѣ даже льстивый придворный поэтъ сельджукскихъ государей, Энвери:

„Васъ, турки, по справедливости зовутъ ослами и собаками,
Вѣдь кромѣ ѣды и наслажденія вы не знаете ничего болѣе высокаго“.

Побѣдоноснымъ султанамъ сельджуковъ, которые не привыкли уступать въ битвѣ, оставалось только сложить оружіе передъ мощью и превосходствомъ иранско-арабскаго духа. Ихъ дворы стали скоро средоточіемъ ученыхъ и поэтовъ, ихъ рѣчь скоро приспособилась къ персидскому языку, ихъ сокровища были открыты поэтамъ и ученымъ. Эти иранизированные турки обнаружили остатки варварской безвкусицы только въ чрезмѣрной любви къ неумѣреннымъ панегирикамъ поэтовъ. Это предпочтеніе панегириковъ привело къ тому, что напыщенныя хвалебныя пѣсни и гиперболическія восхваленія государей начали оттѣснять на второй планъ лучшія поэтическія произведенія; панегиристы, стараясь превзойти одинъ другого, доходили до нелѣпости и безумія и этимъ испортили стиль и форму персидской поэзіи.

Это излишество въ одну сторону сейчасъ же породило излишество въ другую: поэты, которымъ не по себѣ было при блестящихъ дворахъ государей, которые не хотѣли принимать участіе въ недостойномъ соревнованіи за княжескія милости, обратились къ мистикѣ, издавна процвѣтавшей въ Персіи и получавшей изъ сосѣдней Индіи все новые и новые питательные соки. Какъ всюду, такъ и въ Иранѣ мистика рядомъ съ невинными лиліями производила ядовитые цвѣты и болотныя растенія съ лихорадочными испареніями; ей одинаково были преданы самоотверженные дервиши и коварные исмаилиты. Если мистика подобна зеркалу, которое отражаетъ внутреннее существо человѣка, то чистыхъ она приведетъ къ высшей чистотѣ, а порочныхъ низринетъ въ глубочайшія бездны порока: Будда почерпалъ въ мистикѣ свою силу и свою любовь, а асассинъ свою жестокую, неотразимую ненависть. Въ группѣ поэтовъ-мистиковъ Персіи выдается Джелаль-ад-динъ Руми, какъ величайшій и глубочайшій изъ всѣхъ; онъ пережилъ бѣды монгольскаго нашествія, на свое счастье найдя безопасное убѣжище при дворѣ сельджукскаго князя въ Иконіи. Рядомъ съ мистикой и придворной поэзіей, главнымъ представителемъ которой считается Энвери, расцвѣла и романтическая поэзія и въ лицѣ Низами достигла своего высшаго совер-

[1] Преданіе о посольствѣ халифа Насира къ Чингизъ-хану едва-ли заслуживаетъ довѣрія. Ред.

шенства. Энвери и Низами достигли милостей сельджукскихъ государей и въ то же время всеобщаго одобренія своего народа.

Хорасанъ и Трансоксанія, несмотря на многочисленные удары судьбы, до монгольской эпохи были главными центрами персидско-мусульманской культуры. Плодородіе и торговыя богатства страны, дѣвственная сила воинственнаго населенія [1], вліяніе индійской и даже китайской духовной жизни и нѣкоторыя другія счастливыя обстоятельства содѣйствовали тому, что Бухара и Самаркандъ сдѣлались сборными пунктами ученыхъ и въ извѣстномъ смыслѣ могутъ быть названы грандіозными университетами всего мусульманскаго міра. Даже князья сосѣдняго Хорезма не могли избѣжать вліянія трансоксанской культуры и, когда они на короткое время приняли наслѣдіе сельджуковъ въ Иранѣ, тоже стали покровительствовать наукамъ и поэзіи. Ихъ народъ, конечно, врядъ ли чѣмъ-нибудь отличался отъ самыхъ дикихъ степныхъ кочевниковъ внутренней Азіи; персидскіе лѣтописцы этого времени колебались, чьи поступки признать болѣе отвратительными: поступки хорезмійцевъ или поступки монголовъ [2].

в) Чингизъ-ханъ.

Отсутствіе въ Иранѣ воодушевленія въ пользу государей Хорезма, навѣрное, много способствовало побѣдѣ монголовъ, быть можетъ больше, чѣмъ то обстоятельство, что халифъ Насиръ самъ призвалъ на помощь противъ своихъ притѣснителей грознаго Чингизъ-хана. На хорезмшахѣ Мухаммедѣ (1200—1220) лежала обязанность защиты западной Азіи въ тотъ тяжелый моментъ, когда монгольскія полчища направились на Трансоксанію; но онъ не могъ опираться даже на народныя силы Ирана во всей ихъ совокупности, не говоря уже о другихъ западно-азіатскихъ земляхъ, когда собиралъ свои войска для спасенія старой культуры этихъ областей; сверхъ того онъ, къ несчастью, обнаружилъ, что не умѣлъ цѣнить выгодъ своей прочной оборонительной позиціи въ Трансоксаніи, такъ какъ съ безумной отвагой пошелъ на встрѣчу монголамъ въ ихъ же степи и заслуженно понесъ уничтожающее пораженіе (1219) [3].

Слѣдствіемъ его было то, что на слѣдующій годъ вся Трансоксанія была потеряна не только въ политическомъ отношеніи, но и для культуры и цивилизаціи. Въ огнѣ погибли библіотеки Бухары и Самарканда (1220); смерть нашли учители высшихъ школъ, а ихъ ученики, которымъ посчастливилось избѣжать смерти или рабства, покинули мѣста запустѣнія. Мухаммедъ, который долженъ былъ отказаться даже отъ своей родовой области — Хорезма, совсѣмъ потерялъ присутствіе духа. Безъ борьбы отказался онъ отъ своей второй позиціи въ Хорасанѣ, которой, при хорошей защитѣ, трудно было завладѣть, и спасся въ Азербейджанъ, но довольно скоро здѣсь его настигли монгольскіе наѣздники, которые добра-

[1] Въ туземномъ населеніи Хорасана и Трансоксаніи воинственный духъ угасъ задолго до начала XIII в.

[2] Военныя силы хорезмшаховъ состояли не изъ природныхъ хорезмійцевъ, а изъ турецкихъ наемниковъ.

[3] Авторъ совершенно невѣрно изображаетъ начало борьбы между хорезмшахомъ и монголами. Достовѣрныхъ извѣстій о посольствѣ халифа Насира къ монголамъ нѣтъ; непосредственнымъ поводомъ къ войнѣ было избіеніе во владѣніяхъ Мухаммеда, въ городѣ Отрарѣ, торговаго каравана, отправленнаго Чингизъ-ханомъ. Объ „уничтожающемъ пораженіи" Мухаммеда въ степяхъ не говоритъ ни одинъ источникъ; въ степи (въ нынѣшней Тургайской области) произошло только случайное столкновеніе между Мухаммедомъ и войскомъ Чингизъ-хана, безъ рѣшительнаго результата. При нашествіи Чингизъ-хана на Трансоксанію военныя силы Мухаммеда еще были въ полной неприкосновенности; но, не довѣряя военачальникамъ, Мухаммедъ не рѣшился сосредоточить своихъ силъ въ одномъ мѣстѣ для отраженія врага, а расположилъ ихъ по городамъ Трансоксаніи, гдѣ онѣ по частямъ были уничтожены монголами. Ред.

лись до Грузіи, и заставили его бѣжать на маленькій островъ въ Каспійскомъ морѣ; здѣсь онъ, покинутый всѣми, нашелъ себѣ жалкую смерть. Его сынъ Джелаль-ад-динъ, бросившійся въ Афганистанъ, долженъ былъ отступить передъ двинувшимся противъ него Чингизъ-ханомъ въ Индію, но потомъ онъ снова явился и на время отвоевалъ часть Ирана. Но, въ концѣ концовъ, его погубило враждебное отношеніе Ирана къ хорезмійцамъ, которое нельзя было устранить даже и въ такой моментъ. Новыя монгольскія полчища, которыя ворвались черезъ открытые проходы Хорасана, раздавили наконецъ послѣдніе остатки его силъ (августъ 1231 г.).

Такимъ образомъ цвѣтущія нивы Ирана были отданы дикому степному народу, который, какъ духъ разрушенія и гибели, прошелъ по странѣ и огнемъ и потоками крови отвоевалъ новыя области для кочевой жизни. И на этотъ разъ сказалась мощь иранской культуры, которая только что отпраздновала свою мирную побѣду надъ сельджуками и хорезмійцами. Цвѣтъ культуры не сразу погибъ подъ копытами степныхъ лошадей. Побѣдоносные монголы, которые скоро покорили большую часть Стараго Свѣта, не могли же кровью и пожарами залить всѣ его уголки, не могли также уничтожить всѣ мѣстныя небольшія государства и на ихъ мѣстѣ учредить монгольскія сатрапіи. Милостивое обращеніе съ тѣмъ, кто своевременно признавалъ ихъ власть, было закономъ этого воинственнаго племени. Поэтому, напр., благодаря мудрой предусмотрительности, атабегу Фарсистана, который издалека заявилъ о своей покорности царю монголовъ, удалось сохранить престолъ за собой и спасти свою провинцію отъ опустошенія. По той же причинѣ толпа ученыхъ и поэтовъ все еще находила убѣжище. Политическія событія, въ сущности, такъ мало помѣшали развитію литературы, что высшей своей степени оно достигло какъ разъ въ эпоху, непосредственно послѣдовавшую за монгольскимъ нашествіемъ. Но постепенно слѣды разоренія стали сказываться, становилось замѣтнымъ, что съ безпрерывнымъ притокомъ людей чуждой расы старая культура Ирана оттѣснялась и ухудшалась. Старыя деревья еще приносили цвѣты и плоды, но молодыя поросли были слабы и скудны. И подобно тому, какъ мѣсто плодовыхъ садовъ снова заняли пастбища кочевниковъ, такъ точно обѣднѣла духовная жизнь народа и стала походить на высохшую степную траву, сожженную зноемъ лѣтняго солнца.

г) Уничтоженіе асассиновъ.

Послѣ смерти Чингизъ-хана (августъ 1227) [1] Персія досталась его четвертому сыну Тулую [2], но онъ также скоро умеръ. Его наслѣдство перешло къ Хулагу, послѣ того какъ царемъ монголовъ былъ выбранъ Мункэ. Только въ 1256 году [3] Хулагу съ сильнымъ войскомъ изъ надежныхъ, испытанныхъ солдатъ двинулся въ походъ на Иранъ; за это время монголы не сдѣлали здѣсь большихъ успѣховъ, но появленіе Хулагу сейчасъ же возстановило авторитетъ завоевателей. Начиная походъ, Хулагу намѣтилъ себѣ опредѣленную цѣль, лучше которой ему трудно было бы найти, если онъ желалъ пріобрѣсти симпатіи всѣхъ обитателей западной Азіи. На скалѣ Аламутъ все еще висѣло осиное гнѣздо асассинскихъ сектантовъ; все еще ихъ кинжалъ грозилъ всякому, кто навлекалъ на себя ихъ гнѣвъ или вызывалъ ихъ подозрѣніе. Противъ этого-то бича человѣчества направился монгольскій завоеватель, какъ будто желая засвидѣ-

---

[1] Въ подлинникѣ по ошибкѣ 1226 г.

[2] Тулуй никогда не владѣлъ Персіей и послѣ смерти Чингизъ-хана не посѣщалъ этой страны. Какъ младшему сыну Чингизъ-хана, ему, по монгольскому обычаю, досталась родина отца, Монголія.

[3] Хулагу выступилъ изъ Монголіи уже въ 1253 г., но переправился черезъ Аму-дарью только въ началѣ 1256 г. Ред.

тельствовать, что существуютъ силы еще болѣе губительныя, чѣмъ кровожадные завоеватели его племени, и что разрушительное оружіе монголовъ можетъ быть обращено и на служеніе дѣлу вѣчной справедливости. Никто изъ иранскихъ князей не отказался отъ его приглашенія выставить вспомогательныя войска для этой войны. Только халифъ багдадскій не послѣдовалъ приглашенію и далъ Хулагу желанный поводъ вскорѣ посчитаться съ нимъ и положить конецъ власти Аббасидовъ. Не по своей волѣ, но совершенно въ духѣ ученія секты, асассины еще въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ явились виновниками того, что Багдадъ погибъ въ крови и пламени и послѣдній правовѣрный халифъ изъ дома Аббасидовъ палъ подъ ударами монгольскихъ сабель [1].

Время не осталось безъ вліянія даже по отношенію къ сектѣ асассиновъ. Секта убійцъ, не подвергаясь существеннымъ измѣненіямъ въ своихъ основныхъ свойствахъ, пережила нѣкоторыя характерныя перемѣны съ внѣшней стороны. Въ связи съ этимъ находится и то явленіе, что сирійская вѣтвь секты пріобрѣла почти самостоятельное положеніе. Первоначально тайное ученіе асассиновъ, которое сводилось къ теоріи нравственнаго безразличія и дозволенности всѣхъ поступковъ и къ чистому атеизму, было извѣстно только достигшимъ высшихъ степеней секты, а масса приверженцевъ держалась въ слѣпомъ повиновеніи посредствомъ мистическаго и туманнаго вѣроученія. Но такая система нигдѣ не можетъ долго держаться. Тайное ученіе начало мало-по-малу достигать низшихъ слоевъ, и учителя примирились съ этимъ фактомъ, которому не могли помѣшать, тѣмъ охотнѣе, что всеобщее распространеніе нигилистическихъ взглядовъ скорѣе увеличивало, чѣмъ уменьшало въ ученикахъ безпринципность и презрѣніе къ смерти.

Но внѣшнія послѣдствія этого процесса были опаснѣе. До тѣхъ поръ представители ордена еще могли принять на себя видъ, будто они являются рѣшительными сторонниками ислама и, пожалуй, даже болѣе благочестивыми мухаммеданами, чѣмъ правовѣрные халифы. Еще сельджукскій султанъ Синджаръ въ отвѣтъ на свое требованіе получилъ изъ Аламута исповѣданіе вѣры, противъ котораго не могъ возразить самый благочестивый человѣкъ среди правовѣрныхъ. Теперь мало-по-малу разрывалось обманчивое покрывало, и общій крикъ ненависти раздался въ отвѣтъ на открытое провозглашеніе безбожной теоріи асассиновъ. Не было сомнѣнія, что они не могли бы долго противиться безчисленному множеству своихъ враговъ, и былъ необходимъ новый поворотъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что асассины при своемъ гросмейстерѣ Джелаль-ад-динѣ неожиданно переходятъ къ чистой ортодоксіи. „Горный старецъ" въ присутствіи многихъ благочестивыхъ людей, нарочно приглашенныхъ въ Аламутъ, сжегъ кучу рукописей, которыя будто бы содержали безбожное тайное ученіе асассиновъ; онъ отправилъ свою супругу съ паломниками въ Мекку, гдѣ она щедрой милостыней и другими добрыми дѣлами затмила всѣхъ остальныхъ царственныхъ пилигримовъ; онъ старался, наконецъ, вступить путемъ брачныхъ союзовъ въ родственныя связи съ сосѣдними ленными князьями въ Азербейджанѣ и Табаристанѣ.

Послѣднее стремленіе указываетъ еще на одну причину мнимой перемѣны вѣры: изъ исмаилитскихъ владѣній въ сѣверной Персіи начало мало-по-малу образовываться свѣтское княжество; его властители, разъ они желали сохранить свою власть, волей-неволей должны были обращаться къ иной политикѣ, чѣмъ политика устрашенія, убійства и тайной пропаганды. Вмѣсто шаекъ убійцъ на поляхъ сраженій появляются теперь

---

[1] Выраженія автора не совсѣмъ точны; халифъ былъ казненъ монголами безъ пролитія крови. Ред.

исмаилитскія войска: въ 1214 году войско Джелаль-ад-дина пришло въ Иракъ, чтобы подать помощь халифу противъ его непокорнаго вассала.

Трудно сказать, привела-ли бы эта чисто внѣшняя перемѣна съ теченіемъ времени къ дѣйствительному внутреннему обращенію; какъ бы тамъ ни было, но когда умеръ Джелаль-ад-динъ (ноябрь 1221) и его мѣсто занялъ его девятилѣтній сынъ Ала-ад-динъ, асассины вскорѣ вновь сбросили съ себя маску лицемѣрія и открыто признали старые принципы своей секты и испытанную „пропаганду дѣломъ". Ала-ад-динъ, всю жизнь остававшійся слабоумнымъ, не былъ способенъ устранить опасности, которыми грозила эта новая перемѣна. Когда послѣ его умерщвленія въ декабрѣ 1255 года его сынъ Рукнъ-ад-динъ принялъ на себя управленіе орденомъ, за Оксусомъ уже поднимались облака пыли отъ монгольскаго войска, собиравшагося уничтожить асассиновъ. Насколько смѣлы и дерзки были исмаилиты до тѣхъ поръ, настолько же безславна была ихъ гибель. Только одна изъ ихъ сильныхъ крѣпостей держалась нѣкоторое время, остальныя сдались. Казалось, будто быстрое подчиненіе должно было спасти асассиновъ отъ худшаго. Но Хулагу ожидалъ только момента, когда истощатся послѣднія силы сопротивленія, чтобы дать знакъ къ кровопролитію: жертвой рѣзни стали почти всѣ исмаилиты и среди нихъ послѣдній начальникъ ордена (19 ноября 1256 года) [1]. Сирійская вѣтвь секты держалась еще нѣсколько лѣтъ, пока султанъ Бейбарсъ египетскій не изгналъ потерявшихъ всякое мужество асассиновъ изъ ихъ замковъ (1271). Но ни въ Сиріи, ни въ Персіи они не были совершенно уничтожены. Въ XIV столѣтіи еще много разъ случалось, что неразборчивые князья выписывали себѣ асассинскихъ убійцъ изъ Сиріи; и до сихъ поръ остатки этой секты, ставшей безвредной, живутъ въ Ливанѣ и въ горной странѣ на югъ отъ Каспійскаго моря.

д) Паденіе аббасидскаго халифата.

За уничтоженіемъ персидскихъ асассиновъ послѣдовало вскорѣ паденіе аббасидскаго халифата. Хулагу на самомъ дѣлѣ явился въ Персію не для того, чтобы удовольствоваться уничтоженіемъ исмаилитскихъ сектантовъ; оно могло быть только желаннымъ предлогомъ. Его цѣлью было покореніе всей западной Азіи, которая теперь, послѣ подчиненія Персіи, была открыта побѣдителю. Власть халифовъ въ Иракѣ, за это время вновь немного усилившаяся, являлась ближайшимъ препятствіемъ, которое нужно было устранить. Съ чувствомъ тайнаго удовольствія Хулагу, вѣроятно, отнесся къ тому ослѣпленію, съ которымъ халифъ отказалъ монголамъ въ вспомогательномъ войскѣ для асассинскаго похода и далъ имъ отличный поводъ обратить оружіе противъ него самого. Хулагу не могъ выбрать болѣе удачнаго момента для нападенія на центръ духовной жизни мусульманскаго міра. Паденіе сельджукскаго могущества лишило халифатъ его естественнаго покровителя; это паденіе совершилось не безъ содѣйствія самихъ халифовъ, которые съ этихъ поръ снова обнаруживали стремленіе къ самостоятельной политикѣ, расширили свою область и, съ помощью наемнаго войска, снова возстановили до нѣкоторой степени свой авторитетъ въ Иракѣ и западномъ Иранѣ. Пока они имѣли дѣло съ незначительными ленными князьями и атабегами, такимъ путемъ можно еще было кое-чего добиться. Не исключалась даже возможность для энергичнаго и умнаго человѣка на халифскомъ тронѣ извлечь извѣстную пользу изъ запутавшихся отношеній и снова въ широкихъ размѣрахъ превратить духовное верховенство въ свѣтское.

---

[1] Этотъ день былъ не днемъ истребленія исмаилитовъ, а днемъ сдачи Рукнъ-ад-дина, который былъ убитъ уже въ 1257 г., на пути въ Монголію. Ред.

Къ несчастію, преемники Насира, который въ своей политикѣ всегда держался опредѣленной цѣли и, упорядочивъ финансы и устроивъ войско, подготовилъ дальнѣйшіе успѣхи, оказались жалкими людьми. Уже въ то время, когда Чингизъ-ханъ прошелъ черезъ Персію, монгольскія орды проникли въ Иракъ и своимъ появленіемъ указали на приближеніе опасности, но халифъ Мустансиръ въ это время расточалъ собранныя Насиромъ сокровища на великолѣпныя зданія и благочестивыя учрежденія. Его преемникъ Мустасимъ, который въ 1242 году вступилъ на халифскій тронъ, отличался противоположной крайностью, грязнымъ скряжничествомъ; своей скупостью онъ, насколько могъ, губилъ единственный источникъ своей силы — наемное войско; скупость же помѣшала ему съ помощью собранныхъ сокровищъ своевременно предотвратить хотя бы худшее несчастіе. Подобно всѣмъ слабымъ людямъ, онъ могъ представить себѣ дѣйствительные размѣры угрожавшей опасности только тогда, когда уже всякая попытка спасенія оказывалась безполезной. Мало представляетъ интереса вопросъ, былъ ли его визирь, шіитъ ал-Ками, какъ утверждаютъ сунниты, сознательнымъ измѣнникомъ, или онъ только своей собственной нерѣшительностью увеличивалъ нерѣшительность халифа. Столь же ничтожное значеніе для послѣдовавшихъ событій имѣетъ то обстоятельство, что астрономъ Насиръ-ад-динъ, оскорбленный Мустасимомъ, отправился къ Хулагу и укрѣпилъ его въ намѣреніи идти на Багдадъ. Народъ, и не только народъ востока, видитъ какъ въ политикѣ, такъ и въ природѣ дѣйствіе личностей, а не силъ; народу для его любви и для его ненависти нуженъ человѣкъ. Вотъ почему въ глазахъ потомства вина за гибель Багдада падаетъ на двухъ нечестивцевъ, ал-Ками и Насиръ-ад-дина.

То производя нападенія на монголовъ со слишкомъ слабыми силами, то раздражая ихъ вялыми переговорами, Мустасимъ упустилъ послѣдній случай спасти себя. У него еще оставался городъ Багдадъ; положеніе города, превосходное въ стратегическомъ смыслѣ, на обоихъ берегахъ Тигра, въ странѣ, прорѣзанной каналами, въ высшей степени затрудняло осаду и не благопріятствовало надеждѣ взять городъ измoромъ. Кромѣ того, позволительно было все-таки думать, что мусульманскіе князья запада не совсѣмъ покинули бы въ нуждѣ своего духовнаго владыку. Но у халифа исчезла всякая надежда, лишь только монгольское войско перешло при Мосулѣ Тигръ и начало угрожать западной сторонѣ города. Халифъ самъ отправился въ лагерь Хулагу: послѣдній нѣкоторое время щадилъ его, чтобы заставить несчастнаго самого показать накопленныя имъ сокровища, а потомъ приказалъ его убить (21 февраля [1] 1258).

Ужасная судьба постигла *городъ Багдадъ*: толпами уводили жителей къ рѣкѣ и рубили ихъ, пока потоки крови не окрасили Тигра въ пурпурный цвѣтъ, а на улицахъ монголы свирѣпствовали и грабили въ теченіе сорока дней, пока значительная часть города вмѣстѣ съ драгоцѣнными библіотеками халифовъ и большею частью чудесныхъ сооруженій ихъ зодчества не погибла въ огнѣ и пламени. Правда, уцѣлѣли нѣкоторые кварталы города, а выгоды мѣстоположенія привлекли новыхъ обитателей, и Багдадъ до настоящаго времени сохранилъ остатокъ своего прежняго значенія; но дѣло Хулагу имѣло неисчислимыя послѣдствія для мусульманской культуры. Багдадъ былъ связующимъ звеномъ между западными мусульманскими государствами и Ираномъ; въ этомъ городѣ сходились для совмѣстной работы ученые Сиріи, Египта и Андалузіи съ учеными Персіи и Трансоксаніи; въ дѣйствительности этотъ городъ былъ центромъ и религіозной, и духовной жизни мусульманскихъ народовъ. Теперь губительный ударъ монголовъ *поразилъ культурную жизнь востока въ самое сердце*. Съ этихъ поръ она уже никогда не пробуждалась въ

[1] Въ подлинникѣ по ошибкѣ 21 марта. Ред.

прежнемъ блескѣ и только питалась остатками прошлаго, совершенно утративъ даръ творчества. Персидская поэзія, правда, процвѣтала еще въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но на западѣ она уже не находила никакого отголоска. Потомъ и она замолкла въ своемъ уединеніи.

e) Расцвѣтъ и паденіе монгольской державы.

Послѣ гибели Багдада Хулагу продолжалъ свой завоевательный походъ дальше на западъ и прежде всего покорилъ сѣверную Сирію; въ 1260 году онъ взялъ приступомъ Халебъ, принудилъ Айюбида Насиръ-ад-дина[1] бѣжать изъ Дамаска, прошелъ черезъ Палестину и уже грозилъ Египту. Но когда мамлюкъ Котузъ, правитель государства, при Айнъ-Джалутѣ недалеко отъ Сихема нанесъ Хулагу[2] тяжкое пораженіе, послѣдній долженъ былъ снова очистить Сирію. Мелкія айюбидскія династіи въ сѣверной Сиріи, которыя должны были примыкать то къ той, то къ къ другой враждующей сторонѣ, по большей части погибли при непрестанныхъ столкновеніяхъ монголовъ съ египтянами. Во время этихъ опустошительныхъ войнъ западная Азія все болѣе и болѣе приходила въ состояніе запустѣнія, точно также и политическая исторія становится все безсодержательнѣе и безотраднѣе. Вражда двухъ великихъ державъ надолго опредѣлила эту исторію: съ этихъ поръ въ Персіи и Иракѣ господствовала монгольская династія ильхановъ, въ Египтѣ и Сиріи бразды правленія были въ рукахъ мамлюкскихъ султановъ. Ни здѣсь, ни тамъ властители не сроднились со своей страной; въ ихъ дѣлахъ не сказывается ни характеръ ихъ народовъ, ни предстоявшая этимъ народамъ будущность. Все болѣе и болѣе заволакивается западная Азія свинцовымъ облакомъ безотраднаго застоя, которое время отъ времени окрашивается пламенемъ новыхъ завоевательныхъ пожаровъ. Дѣло, которое началъ Котузъ, было довершено его преемникомъ и убійцей Бейбарсомъ. Сирія вмѣстѣ съ ея айюбидскими князьками была подчинена египетскому вліянію, сила асассиновъ была сломлена, могущество христіанъ поколеблено; князья Иконія и Малой Арменіи, которые покорились монголамъ, съ трудомъ защищали себя отъ египетскихъ нападеній. Такъ какъ большая часть Аравіи и Месопотаміи признала верховную власть Бейбарса, то въ годъ смерти этого неразборчиваго въ средствахъ, но энергичнаго султана (1277) Египетъ былъ центромъ сильнаго государства, которое и впослѣдствіи, несмотря на всѣ распри изъ за престола и внутреннія смуты, успѣшно преграждало монголамъ путь на западъ.

Монгольскіе государи, завладѣвшіе Персіей, скоро испытали на себѣ вліяніе иранской культуры и не въ меньшей степени вліяніе религіознаго исповѣданія окружавшей ихъ новой среды. Уже Хулагу, который основалъ свою резиденцію въ провинціи Азербейджанъ, обнаружилъ нѣкоторое расположеніе къ наукамъ и черезъ того же самаго Насиръ-ад-дина, имя котораго столь роковымъ образомъ связано съ гибелью Багдада, приказалъ построить съ огромными издержками большую обсерваторію, которая, впрочемъ, вполнѣ никогда не была окончена. Слѣдующіе ильханы были окружены визирями и придворными персидскаго происхожденія, которые по большей части искали славы въ покровительствѣ наукѣ и поэзіи; кромѣ того, уцѣлѣла большая часть незначительныхъ иранскихъ княжествъ, въ которыхъ продолжались культурныя традиціи. Поэтому духовная жизнь Ирана не слишкомъ пострадала отъ перемѣны обстоя-

---

[1] Полное имя этого владѣтеля было Насиръ Салахъ-ад-динъ Юсуфъ.

[2] Во время этой битвы монгольское войско не находилось подъ начальствомъ Хулагу, который еще прежде покинулъ Сирію. Ред.

тельствъ; гибель центровъ просвѣщенія въ Трансоксаніи и разореніе Багдада уничтожили внѣшнія пристройки иранскаго міра, ядро котораго все еще прочно сохранялось. Главное значеніе имѣлъ Фарсистанъ, сердце Ирана, котораго почти не коснулись бѣдствія войны и который сохранилъ свою династію; а въ Малой Азіи, при иконійскомъ дворѣ, расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ отпрыски иранской культуры. Въ то время, какъ великій поэтъ-мистикъ Джелаль-ад-динъ Руми нашелъ убѣжище въ Иконіи (стр. 344), его не менѣе знаменитый современникъ Сади мирно доживалъ свои дни въ столицѣ Фарсистана, Ширазѣ. Монгольскіе государи не отставали отъ мѣстныхъ династій въ покровительствѣ поэзіи и наукамъ. А когда, наконецъ, ильханы перешли въ исламъ и такимъ образомъ совершенно уничтожили преграду между ними и ихъ подданными, побѣда иранскаго духа надъ завоевателями была рѣшена[1].

Послѣ смерти Хулагу въ 1265 году тронъ ильхановъ занялъ Абака. Начинавшееся раздробленіе монгольской міровой державы, которое привело къ ожесточеннымъ войнамъ между отдѣльными владѣтелями и къ жестокимъ нападеніямъ монголовъ внутренней Азіи на Персію, помѣшало дальнѣйшему распространенію монгольской власти на западъ. Сверхъ того при властителяхъ, непосредственно слѣдовавшихъ за Абакой (ум. въ 1282), иранско-монгольскую державу раздирали распри изъ-за престола и другія неурядицы до тѣхъ поръ, пока скипетръ ильхановъ не перешелъ въ 1295 году къ энергичному и счастливому государю — Газану. Онъ первый изъ властителей монгольскаго происхожденія обратился въ исламъ и обезпечилъ этой религіи побѣду въ средѣ своихъ соплеменниковъ[2], къ большому разочарованію христіанъ, которые уже съ самаго начала видѣли въ монголахъ своихъ естественныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ мухаммеданами, а при Абакѣ даже сильно надѣялись на обращеніе въ ихъ вѣру великаго хана. Быть можетъ, еще больше значенія имѣло законодательство Газана, которое послужило образцомъ для позднѣйшихъ завоевателей въ западной Азіи, прежде всего для османовъ, и которое въ самомъ дѣлѣ представляетъ довольно удачную попытку установить правильныя отношенія между воинственнымъ, непостояннымъ кочевымъ народомъ и осѣдлыми туземцами-земледѣльцами.

Перечисленіе причинъ изданія этихъ законовъ, которые должны были устранить вопіющую нужду, раскрываетъ передъ нами то бѣдственное положеніе, въ которомъ оказалась Персія въ монгольскую эпоху и послѣ котораго она уже никогда не оправлялась совершенно. Богатѣйшій округъ Фарсистана, области, которая меньше всѣхъ другихъ пострадала отъ бѣдствій военнаго времени и еще владѣла исключительными по своему обилію добавочными источниками дохода, благодаря процвѣтавшей тогда торговлѣ лошадьми съ Индіей и ловлѣ жемчуга въ Персидскомъ заливѣ, этотъ округъ въ эпоху Газана, несмотря на отчаянныя старанія сборщиковъ податей, платилъ только восьмую часть той суммы, которая безъ всякаго труда собиралась при сельджукахъ. Иго налоговъ становилось просто невыносимымъ, такъ какъ еще усугублялось бѣдственной откупной системой, которой и Газанъ не отмѣнилъ. Обширныя плодородныя области были заброшены и лишились населенія; кого не уничтожили мечи завоевателей и монгольскіе разбойники, разорявшіе округа во время своихъ набѣговъ, тотъ покидалъ свой участокъ земли изъ страха передъ неумо-

[1] Авторъ не говоритъ о томъ, что въ монгольскомъ государствѣ до конца рядомъ съ персидскими чиновниками оставались чиновники турецкаго (уйгурскаго) происхожденія, что монголы сохраняли въ Персіи свой языкъ и что еще въ XIV в. были примѣры перевода на монгольскій языкъ персидскихъ литературныхъ произведеній.

[2] Исламъ утвердился среди персидскихъ монголовъ только при Газанѣ, хотя мусульманиномъ былъ уже одинъ ильханъ до него, Ахмедъ, братъ и преемникъ Абаки (1282—1284). Ред.

лимыми чиновниками по сбору налоговъ, или входилъ въ неоплатные долги у монгольскихъ ростовщиковъ, въ которыхъ не было недостатка. Къ тому же даже десятая часть всѣхъ доходовъ, которая была назначена на содержаніе монгольскихъ воиновъ, взыскивалась самымъ безпорядочнымъ образомъ, такъ что Газанъ, чтобы внести въ это дѣло хоть какой-нибудь порядокъ, долженъ былъ указать опредѣленные округа для отдѣльныхъ частей войскъ. Изъ того факта, что Газанъ приказалъ обезоружить туземныхъ обитателей Фарсистана, видно, что отъ все возраставшаго озлобленія иранскаго народа не ждали ничего хорошаго. При одномъ изъ предшественниковъ Газана всеобщая нищета была еще усугублена неудачной попыткой ввести по китайскому образцу вмѣсто звонкой монеты бумажныя деньги; съ другой стороны Газанъ опять ввелъ полноцѣнную монету и опредѣленныя единицы мѣры и вѣса, чѣмъ несомнѣнно сдѣлалъ доброе дѣло для своихъ подданныхъ.

Трудно сказать, могли ли новые законы серезно улучшить положеніе; во всякомъ случаѣ смуты, которыя начались по смерти Газана и продолжались до конца владычества ильхановъ, явились преградой всякому дѣйствительному оздоровленію больного народнаго организма. Въ внѣшней политикѣ со времени неудачныхъ походовъ Газана на Сирію въ 1300—1303 годахъ монгольскіе властители Персіи также не сдѣлали болѣе успѣховъ. Наконецъ въ 1323 году Абу-Саидъ, послѣдній ильханъ, который еще сохранялъ единство власти въ своей державѣ, заключилъ миръ съ Египтомъ. Вскорѣ послѣ этого событія царство ильхановъ распалось сначала на двѣ части, Иракъ и Персію; въ то же время династія Музаффаридовъ въ Фарсистанѣ стала достигать все большей независимости (первый султанъ Мубаризъ-ад-динъ, 1313—59)[1], а туркмены „Чернаго барана“ основали самостоятельное государство въ Курдистанѣ. Возраставшая сила Фарсистана указываетъ на то, что въ это время иранскій элементъ собиралъ свои силы для отвѣтнаго удара противъ падавшаго монгольскаго могущества. Возможно, что снова образовалось бы національное персидское государство, если бы новый грозный завоевательный погромъ не уничтожилъ всѣ подававшіе надежду всходы и если бы побѣда Тимура не обновила могущества монголовъ.

B. **Османы.**

a) Малая Азія при послѣднихъ сельджукахъ.

Къ тому времени, когда орды Тимура наводнили западную Азію и Индію, положеніе дѣлъ въ Малой Азіи совершенно измѣнилось; на мѣстѣ умиравшей византійской имперіи и иконійскаго султанства создавалось новое великое государство. Византійцы, которые такъ долго охраняли Малую Азію отъ мусульманства, не были въ состояніи прогнать изъ страны вторгнувшихся турковъ; крестоносцы, на помощь которыхъ возлагали надежды въ Константинополѣ, могли достигнуть только временныхъ, мимолетныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ малоазіатскими сельджуками. Крайняя опасность, правда, благодаря помощи мужественныхъ западныхъ рыцарей была устранена, Никея была возвращена, и западная половина Малой Азіи была очищена отъ турковъ. Но изъ степныхъ областей средины полуострова уже нельзя было прогнать кочевыя орды, которыя постоянно пополнялись новыми турецкими пришельцами. Если бы удалось опять вернуть силы Арменіи, послѣ того какъ благодаря возникновенію государства Малой Арменіи въ Киликіи и христіанскихъ княжествъ Эдессы и Антіохіи была возстановлена старая римская военная граница, тогда, пожалуй,

[1] Въ подлинникѣ 1358 г.

можно было бы нѣкоторымъ образомъ инкорпорировать пришлые элементы и въ результатѣ подвергнуть ихъ ассимиляціи. Но Великая Арменія, точно такъ-же, какъ и Грузія, находились въ состояніи безнадежнаго упадка и были какъ бы открытою дверью, черезъ которую вступали сюда съ востока туркменскія орды. Государствомъ, сохранявшимъ полное единство, сельджукская держава въ Иконіи или Румѣ была, впрочемъ, только короткое время, подъ управленіемъ доблестныхъ властителей въ родѣ Изз-ад-дина Кылычъ-Арслана (1152/3[1]—90/1; умеръ въ 1192); въ другихъ случаяхъ оно точно также страдало отъ раздробленія и раздѣленія между наслѣдниками, этого проклятія сельджукскихъ государствъ; междоусобныя войны были въ немъ повседневнымъ явленіемъ

Но все-таки подъ сельджукскимъ военнымъ управленіемъ жилось, повидимому, лучше, чѣмъ подъ властью византійской бюрократіи; чѣмъ меньше становилась восточная римская имперія, тѣмъ тяжелѣе для плательщиковъ становилось иго налоговъ, по милости этой бюрократіи. То обстоятельство, что населеніе имперской области въ Малой Азіи кое-гдѣ толпами переселялось въ сельджукскія владѣнія, внушало безпокойство византійцамъ. Когда же восточная римская имперія въ 1204 г. покорилась крестоносцамъ и въ Латинской имперіи воцарился феодализмъ, тогда для осѣдлаго населенія Малой Азіи исчезли всѣ мотивы сопротивленія турецкому вліянію въ надеждѣ на лучшія времена. Съ своей стороны сельджуки, которые долго оставались вѣрны своему привычному образу жизни кочевыхъ скотоводовъ и одновременно представляли всегда готовое къ бою сословіе воиновъ, благоволили къ землѣдѣльцамъ, въ которыхъ они нуждались и интересы которыхъ никоимъ образомъ не перекрещивались съ ихъ собственными. Притягательная сила турецкаго элемента еще увеличилась, когда въ города перешла персидско-арабская культура, выдающіеся представители которой въ началѣ монгольскихъ войнъ искали и находили убѣжище въ Малой Азіи; сельджукскіе государи, въ родѣ благороднаго Ала-ад-дина Кай-Кубада (1219—36), съ полной готовностью содѣйствовали развитію духовной культуры своего народа.

И мало-азіатскіе турки не были, правда, совершенно пощажены монгольскимъ нашествіемъ; имъ теперь пришлось раскаиваться въ томъ, что они когда-то разбили крѣпкіе засовы Арменіи и Грузіи; по тому же пути, по которому уже прошло столько турецкихъ племенъ, послалъ теперь Чингизъ-ханъ[2] свои орды изъ Азербейджана на полуостровъ, и только мудрая уступчивость подвергшихся нападенію отвратила болѣе ужасное бѣдствіе. Надолго стали сельджуки Малой Азіи вѣрнѣйшими вассалами монголовъ и въ качествѣ таковыхъ естественными врагами египтянъ. Египетскій султанъ Бейбарсъ совершилъ удачный походъ вглубь полуострова и причинилъ тяжкія бѣдствія турецкому государству въ Иконіи (1277). Правда, египтяне еще поддерживали съ своемъ войскѣ сносную дисциплину, но послѣ нихъ монголы подъ предводительствомъ Абаки, которые пришли слишкомъ поздно, не могли отказать себѣ въ удовольствіи вырѣзывать массами дружественныхъ обитателей иконійскаго султанства или уводить ихъ въ плѣнъ. Въ книгѣ судебъ и для Малой Азіи было записано, что монголу суждено до тла уничтожить все то, что еще пощадилъ турокъ.

б) Возвышеніе османовъ.

Совершенное раздробленіе сельджукскаго государства въ Малой Азіи было естественнымъ слѣдствіемъ монгольскихъ смутъ; но турецкій эле-

---

[1] Вступленіе на престолъ этого государя обыкновенно относятъ къ 1156 г.

[2] Нашествіе, о которомъ говоритъ авторъ, произошло при преемникѣ Чингизъ-хана, Угэдэѣ. При жизни Чингизъ-хана монгольскія войска, насколько извѣстно, не появлялись въ Малой Азіи. Ред.

ментъ пустилъ такіе глубокіе корни, что возстановленная въ этотъ промежутокъ (1261) греческая имперія не могла извлечь выгодъ изъ этого паденія сельджукскаго могущества. Мѣсто сельджуковъ заняло другое турецкое племя. Во время монгольскихъ войнъ одна туркменская орда подъ предводительствомъ Сулеймана ушла изъ Трансоксаніи на западъ. Часть этой орды, надъ которой принялъ начальство по смерти Сулеймана его сынъ Эртогрулъ, вторглась въ Малую Азію. Сельджукскій султанъ Кай-Кубадъ отвелъ воинственнымъ пришельцамъ пастбища около Ангоры и не безъ удовольствія увидѣлъ, что они тотчасъ же начали расширять свою область на счетъ византійцевъ. Преемникъ Эртогрула Османъ (съ 1288) успѣшно продолжалъ завоеванія, получилъ подкрѣпленіе со стороны другихъ турецкихъ племенъ и наконецъ совершенно свергнулъ верховную власть сельджукскихъ государей. По имени этого перваго независимаго властителя его народъ, представлявшій пеструю смѣсь, сталъ называться османами. Вскорѣ по смерти Османа (1326) была завоевана Брусса, и его преемникъ Урханъ сдѣлалъ ее столицей новаго государства. Это новое государство, которое еще разъ соединило въ себѣ всю воинственную и опустошительную силу кочующихъ турковъ и устранило цивилизованныя государства сельджуковъ, не принесло, конечно, счастья мало-азіатской культурѣ. Если уже сельджуковъ удалось укротить только съ помощью персидской цивилизаціи, то задача оказать воздѣйствіе на этотъ новый неподатливый народъ превосходила силы еще сохранявшихся остатковъ культуры. На цѣлыя столѣтія была рѣшена побѣда дикихъ кочевниковъ надъ мирными искусствами и осѣдлой жизнью. Урханъ и его преемники были заняты то покореніемъ мелкихъ турецкихъ княжествъ Малой Азіи, то нападеніями на европейскія владѣнія византійцевъ. Византійскіе императоры должны были теперь понять, что къ нимъ приближается грозная опасность. Мурадъ I завоевалъ въ Европѣ Адріанополь, въ Малой Азіи — Ангору, Кутахію и другія мѣстности. Его преемникъ Баязидъ I покорилъ уже всю Малую Азію за исключеніемъ княжества Кастамуни и трапезунтскаго государства и серьезно угрожалъ Константинополю, когда побѣдоносное нападеніе Тимура остановило успѣхи османской державы.

Г. **Вѣкъ Тимура.**

а) Западная Азія въ періодъ, непосредственно предшествовавшій вторженію Тимура.

Когда Тимуръ началъ свои военныя предпріятія, которымъ суждено было все разрушить, отношенія государствъ въ западной Азіи, которыя въ теченіе почти столѣтія опредѣлялись враждой между монгольской державой въ Персіи и государствомъ мамлюковъ въ Египтѣ, значительно измѣнились. Государство монгольскихъ ильхановъ распалось, и только въ сѣверо-западномъ Иранѣ еще держались остатки ихъ прежняго могущества[1]. Послѣ паденія сельджукскихъ государствъ и возвышенія побѣдоносныхъ османовъ не могло быть рѣчи о вліяніи монголовъ на Малую Азію. Египетъ поэтому тѣмъ болѣе имѣлъ возможность расширить сферу своего вліянія. Врядъ ли могло бы имѣть успѣхъ въ борьбѣ съ дѣйствительно сильнымъ противникомъ это государство, которымъ управляли вожди гвардіи мамлюковъ и которое непрерывно волновали дворцовыя смуты, но въ борьбѣ съ умиравшимъ монгольскимъ владычествомъ такіе успѣхи еще

[1] Авторъ имѣетъ въ виду династію Джелаировъ, господство которыхъ до нѣкоторой степени могло считаться продолженіемъ монгольскаго владычества. Какъ преемники Хулагидовъ, Джелаиры иногда называли себя ильханами. Ред.

были возможны. Египетскій султанъ Бейбарсъ съ мудрымъ разсчетомъ воспользовался паденіемъ Багдада и халифата, посадивъ въ Каирѣ Аббасида, въ качествѣ номинальнаго халифа. Эта мѣра помогла ему перенести на Египетъ слабый, но полезный ореолъ духовнаго владычества надъ мусульманскимъ міромъ. Его преемники сумѣли оцѣнить это преимущество. Такимъ образомъ династія аббасидскихъ халифовъ существовала рядомъ съ мамлюкскими султанами до тѣхъ поръ, пока османскіе властители не сломили мамлюковъ и не присвоили себѣ самимъ сана халифовъ. Въ дѣйствительности эти Аббасиды не имѣли никакого вліянія; истинными повелителями Египта и Сиріи были наемники. Наемники состояли частью изъ гвардіи, образованной изъ похищенныхъ и купленныхъ дѣтей или рабовъ (мамлюки), частью изъ турецкихъ и монгольскихъ дезертировъ. Рѣдко бывало между ними согласіе, такъ что умные и энергичные султаны могли обезпечить за собой рѣшительное вліяніе, натравливая различныя группы одну на другую.

Однако, не смотря на внутреннія смуты, не смотря на отсутствіе твердой національной основы, Египетъ еще долго могъ держаться на положеніи великой державы. Это обстоятельство объясняется финансовымъ процвѣтаніемъ, которое было вызвано и обусловлено удобнымъ для торговыхъ сношеній положеніемъ страны; въ чѣмъ большее запустѣніе приходили благодаря непрочному политическому положенію восточные пути индійской торговли, тѣмъ обильнѣе притекали денежныя суммы въ таможни нильской страны. Это искусственное преуспѣяніе скрывало упадокъ истинныхъ источниковъ благосостоянія страны — земледѣлія и промышленности, пока, наконецъ, открытіе морского пути въ Индію не сняло послѣдняго обманчиваго покрова съ настоящаго положенія вещей. Внѣшняя политика Египта опредѣлялась въ существенныхъ чертахъ торговыми интересами; когда венеціанцы и генуэзцы въ союзѣ съ кипрскимъ королемъ предприняли новый „крестовый походъ" и разграбили Александрію, то очень скоро былъ заключенъ миръ, такъ какъ на египетской государственной казнѣ слишкомъ отражалось отсутствіе итальянскихъ купцовъ и уменьшеніе таможенныхъ поступленій (1365). Въ другихъ отношеніяхъ христіане уже не имѣли вліянія ни въ Египтѣ, ни въ Сиріи. Послѣдняя крѣпость, Сенъ-Жанъ д'Акръ (Акка), пала въ 1291 году, а въ 1370 году египтяне превратили въ провинцію своего государства христіанское королевство Малую Арменію, уже долго влачившее только проблематичное существованіе. Въ событія, происходившія на востокѣ, египетскіе властители очень слабо или совсѣмъ не вмѣшивались. Даже султанъ Насиръ (1293—1341), правленіе котораго отличалось нѣкоторой послѣдовательностью политики, не воспользовался удобнымъ случаемъ, который представился ему во время волненій въ Иракѣ и Персіи.

Въ западной Азіи и Египтѣ дѣло дошло уже до того, что какое-бы то ни было проявленіе силы мы замѣчаемъ только со стороны пришедшихъ изъ другихъ странъ варварскихъ ордъ или рабовъ, между тѣмъ какъ первоначальное осѣдлое населеніе, бывшее издавна носителемъ культуры и труда, опускалось все ниже и ниже. Раны, поражавшія дряхлѣвшее тѣло западноазіатскихъ государствъ, затягивались все медленнѣе или вовсе не закрывались. И вотъ теперь надъ несчастной страной еще разъ пронеслись волны Тимурова нашествія; незадолго до него, какъ мрачный вѣстникъ, пронеслась „черная смерть" надъ Азіей и Европой, сдѣлавъ самую продолжительную и самую ужасную остановку на знойныхъ нильскихъ равнинахъ.

б) Тимуръ.

Завоеванія Тимура въ западной Азіи были исполненіемъ лишь части его грандіознаго плана — возстановить огромную имперію Чингизъ-хана-

По размѣрамъ болѣе значенія имѣютъ его завоеванія въ Средней Азіи и восточной Европѣ; по прочности своихъ послѣдствій — завоеванія въ сѣверной Индіи [1]. Но нигдѣ эти новые монгольскіе походы не были такъ губительны, какъ въ западной Азіи. Здѣсь только что начали медленно, съ трудомъ возстановлять разрушенное при первомъ монгольскомъ нашествіи, тамъ, гдѣ еще не успѣло окончательно воцариться безнадежное запустѣніе и замѣнить собой нѣкогда кипѣвшую жизнь. Въ 1380 году въ первый разъ появился съ войскомъ въ Хорасанѣ Тимуръ, который передъ тѣмъ уже занялъ всю Трансоксанію и Хорезмъ. Въ слѣдующихъ своихъ походахъ онъ придерживался старыхъ путей монголовъ и турковъ на югѣ отъ Эльбурса черезъ Азербейджанъ, Арменію и Грузію. Потомъ онъ вторгся въ Фарсистанъ, которымъ все еще управляли Музаффариды, взялъ приступомъ Испагань и воздвигнулъ изъ 70,000 головъ рядъ кровавыхъ трофеевъ — свидѣтельство того, чѣмъ были для западной Азіи завоеванія Тимура. Затѣмъ національная династія Фарсистана была лишена престола (Шахъ Мансуръ, убитъ въ 1393 году [2], а изъ Багдада былъ изгнанъ ильханъ Ахмедъ-ибнъ-Увейсъ [3], который послѣ потери Азербейджана еще держался въ Иракѣ. Начавшійся въ 1398 году индійскій походъ Тимура далъ многимъ изъ разбитыхъ Тимуромъ возможность снова занять свои области, что было причиной опустошеній послѣ побѣдоноснаго возвращенія монголовъ.

Защита запада выпала на долю османовъ и египтянъ, которые къ сожалѣнію никакъ не могли сговориться относительно совмѣстныхъ дѣйствій. Османскій султанъ Баязидъ I [4], по крайней мѣрѣ, оказалъ поддержку армянамъ и грузинамъ, разбитымъ Тимуромъ, и ильхану въ Багдадѣ; такимъ образомъ онъ построилъ для себя какъ-бы оборонительный валъ, который, правда, палъ при первомъ же натискѣ послѣ возвращенія Тимура. Но египетскій султанъ Беркукъ, чуть ли не болѣе дрожавшій передъ заговорами своихъ мамлюковъ, чѣмъ передъ монголами, послѣ непродолжительной борьбы очистилъ Сирію и, не смотря на свои хвастливыя рѣчи, долженъ былъ дать варварамъ возможность упиться кровью населенія (1400). Въ 1402 году [5] Тимуръ ворвался въ Малую Азію и нанесъ тяжелое пораженіе Баязиду, который самъ попалъ въ плѣнъ. Теперь и Малая Азія, которая сильно пострадала уже при османахъ, была разорена, и населеніе ея перебито; даже послѣдній изъ богатыхъ прибрежныхъ городовъ, который еще не побывалъ въ турецкихъ рукахъ, Смирна, былъ совершенно разрушенъ. Турецкая имперія стала монгольскимъ леннымъ государствомъ [6] точно такъ-же, какъ и Египетъ, повелитель котораго своей поспѣшной покорностью удержалъ мечъ Тимура, уже занесенной надъ нильской долиной.

Смерть грознаго завоевателя въ 1405 году, правда, не только положила конецъ успѣхамъ монголовъ, но и была знакомъ для начала раздро-

[1] Повидимому, авторъ считаетъ послѣдствіемъ индійскаго похода Тимура образованіе государства „великихъ моголовъ“; послѣднее однако было основано только въ началѣ XVI в. потомкомъ Тимура, Бабуромъ, которому пришлось для этой цѣли вновь завоевать Индію. Непосредственныхъ результатовъ походъ Тимура, ограничившагося разграбленіемъ страны, не имѣлъ; области восточной Европы и Средней Азіи также не были прочно завоеваны Тимуромъ.

[2] Въ подлинникѣ по ошибкѣ 1392 г.

[3] Представитель упомянутой династіи Джелаировъ, см. выше стр. 354, прим.

[4] Въ подлинникѣ по ошибкѣ Баязидъ II.

[5] Въ подлинникѣ по ошибкѣ 1401.

[6] Употребленіе термина „монголы“ въ примѣненіи къ Тимуру и его войску до нѣкоторой степени оправдывается тѣмъ, что государство Тимура было частью распавшейся монгольской имперіи и что самому Тимуру приписывали монгольское происхожденіе; но племя, къ которому онъ принадлежалъ, какъ и другіе монголы Трансоксаніи, давно уже было отуречено, и въ войскѣ Тимура собственно-монгольскій элементъ могъ составлять только ничтожное меньшинство. Ред.

бленія державы. Въ Иракѣ сейчасъ же снова укрѣпился ильханъ Ахмедъ, въ Курдистанѣ — вождь туркменовъ Чернаго барана Кара-Юсуфъ, который въ 1411 году побѣдилъ ильхана, взялъ Багдадъ и положилъ конецъ господству старой монгольской династіи, происходившей отъ Чингизъ-хана [1]; египтяне снова возстановили свое вліяніе на Сирію, а османы тотчасъ же свергли съ себя наложенное на нихъ иго.

в) Послѣдствія Тимуровой эпохи.

Послѣ различныхъ войнъ только Персія осталась подъ властью преемника Тимура Шахруха, который въ теченіе своего продолжительнаго правленія былъ вовлеченъ въ серьезную, но въ общемъ удачную для него войну только съ осѣвшими въ Курдистанѣ туркменскими ордами Чернаго и Бѣлаго барана. Стремленіе этого государя снова поднять благосостояніе опустошеннаго Ирана и собрать для новой работы блестящіе остатки иранской духовной культуры являлось примирительнымъ завершеніемъ жестокой эпохи Тимура. Но какъ хозяйственная жизнь страны, такъ и духовная были въ безнадежномъ упадкѣ. Почти въ одно время съ паденіемъ своихъ покровителей, иранскихъ Музаффаридовъ въ Фарсистанѣ, умеръ въ Ширазѣ величайшій поэтъ Персіи Хафизъ; въ немъ погибавшая иранская національность собрала еще разъ всѣ симпатичные дары своей фантазіи, всѣ чары своего языка. Послѣдній значительный поэтъ персовъ, родившійся уже послѣ смерти Тимура, Джами, относится уже къ той переходной эпохѣ, когда начала одерживать побѣду скудость фантазіи, составлявшая характерную черту турковъ, и мѣсто истинной поэзіи заняла высокопарная и вялая версификація или чрезмѣрно разукрашенный поэтическими фигурами стиль посланій.

Д. **Западная Азія въ первой половинѣ XV вѣка.**

Если въ Персіи все еще шевелились кое-какія силы, а въ Малой Азіи находившійся въ періодѣ усиленія османскій народъ выказывалъ, по крайней мѣрѣ, воинскія доблести, то въ Сиріи и Месопотаміи упадокъ былъ полный. Первая крайне дурно управлялась эмирами египетскихъ мамлюкскихъ повелителей, вторая страдала отъ ударовъ дикихъ ордъ, которыя по своей старой привычкѣ смотрѣли на культурную страну, какъ на обреченный грабежу даръ неба кочевникамъ. Эти туркмены распадались на два главныхъ племени: Кара-коюнлы или Чернаго барана и Акъ-коюнлы или Бѣлаго барана (они назывались такъ по изображеніямъ на ихъ знаменахъ, имѣвшимъ первоначально, по всей вѣроятности, тотемистическое значеніе). Постепенно они захватили въ свое владѣніе значительную часть Арменіи, Курдистана, Месопотаміи, Азербейджана и восточной половины Малой Азіи. Подъ знамя туркменскихъ князей собирались всѣ элементы западной Азіи, не признававшіе законовъ и не имѣвшіе осѣдлости. Ихъ соединяла только общая надежда на добычу; они, подобно градовымъ тучамъ, приносили разрушеніе и столь же стремительно разсѣивались. Когда Кара-Юсуфъ, вождь племени Чернаго барана, вышелъ на войну съ Шахрухомъ, вокругъ него собралось многочисленное войско, которое направилось въ жаждѣ грабежа на Персію. Но на дорогѣ скоропостижно умеръ Кара-Юсуфъ; въ тотъ же день войско разсыпалось во всѣ стороны, на разрыхленной землѣ покинутаго лагеря лежало только непо-

---

[1] Вопреки мнѣнію автора, представители династіи Джелаировъ не происходили отъ Чингизъ-хана, по крайней мѣрѣ по мужской линіи. Основатель династіи, эмиръ Хасанъ, сначала возводилъ на престолъ подставныхъ лицъ изъ Хулагидовъ, потомъ (въ 1340 г.) провозгласилъ себя независимымъ государемъ. Ред.

хороненное тѣло государя, до-чисто ограбленное, безъ ушей, которыя отрѣзали, польстившись на золотыя серьги. Можно было еще считать счастьемъ, что между Черной ордой и Бѣлой началась скоро смертельная вражда и дикія шайки начали истреблять другъ друга; но прежде чѣмъ наступилъ вожделѣнный конецъ распри, опустошенія приняли громадные размѣры. Орда Чернаго барана, захватившая Месопотамію и даже Багдадъ, пала наконецъ въ борьбѣ съ Акъ-коюнлы, которые при Узунъ-Хасанѣ на время распространили свое владычество на большую часть Персіи и разрушили остатки Тимуровой державы (1467 [1]). Около двадцати лѣтъ [2] оставалась Персія въ рукахъ Узунъ-Хасана и его преемниковъ; наконецъ, иранскій народъ послѣ долгаго рабства снова сталъ собираться съ силами, и воцарилась туземная династія.

При такомъ плачевномъ положеніи дѣлъ въ Персіи и Иранѣ, египетская мамлюкская держава еще долгое время могла сохранять свое передовое положеніе, тѣмъ болѣе, что османскіе султаны обращали свое вниманіе почти исключительно на Европу. Это гнилое государство все рѣшительнѣе опиралось на наемное войско и на обладаніе индійской торговлей, которой вовсе не развивали разумными мѣрами, а просто выжимали изъ нея всѣ соки. Это неразсчетливое денежное хозяйство достигло апогея при султанѣ Барсбеѣ (1422—38), который стремился сдѣлать монополіей государства почти всѣ важнѣйшія отрасли торговли и чрезмѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на перецъ вызвалъ серьезный конфликтъ съ итальянскими приморскими городами. При немъ городъ Мекка, который въ то время былъ подъ египетскимъ покровительствомъ, благодаря чрезмѣрному обложенію паломниковъ сталъ золотымъ дномъ для государственнаго казначейства, но адомъ для пилигримовъ (см. прилагаемую здѣсь картину „Выходъ каравана изъ Каира въ Мекку“).

Если дурно управлявшійся Египетъ держался своею торговлей, если съ другой стороны въ сѣверной части Малой Азіи обнаруживала рѣдкую живучесть слабая Трапезунтская имперія только потому, что черезъ сѣверную Персію и Арменію шелъ путь къ Черному морю, по которому совершалась небольшая часть азіатскаго торговаго обмѣна, то можно было по крайней мѣрѣ надѣяться, что по возстановленіи порядка вновь оживетъ издревле славившійся торговый путь отъ Персидскаго залива черезъ Басру и Багдадъ въ Сирію, что въ Иранѣ, пережившемъ столько бѣдствій, могутъ снова развиться и земледѣліе, и промыслы, а отсюда, изъ этого естественнаго центра и сердца западной Азіи, новая жизнь разольется по остальнымъ частямъ ея. Если что-либо, несмотря на всѣ разрушенія, всегда можетъ вернуть свое значеніе при сколько-нибудь нормальныхъ условіяхъ жизни, такъ это — счастливое мѣстоположеніе страны. Но былой блескъ Багдада ужъ не воскресъ больше. Это все еще самый большой городъ въ той болотистой странѣ, что лежитъ и теперь, какъ прежде, до начала древне-вавилонской культурной работы, между Евфратомъ и Тигромъ, порождая лихорадки; еще не совсѣмъ исчезли съ его рынковъ предпріимчивые купцы. Но уже не приходятъ больше богато нагруженные караваны изъ Индіи, никакіе корабли не привозятъ товаровъ полуденной страны къ прежней пристани; отсюда не уходятъ на западъ торговые караваны съ цѣлью передать дорогіе товары народамъ Европы. Только караванъ персидскихъ паломниковъ, который ежегодно пересѣкаетъ подъ Багдадомъ Тигръ на пути въ Мекку, вноситъ оживленіе въ пустынныя улицы города.

---

[1] Остатки владычества Тимуридовъ были уничтожены не туркменами, а узбеками и Сефевидами (о нихъ см. ниже). Побѣда Акъ-коюнлы надъ Кара-коюнлы относится къ 1469 г.

[2] Нѣсколько дольше, до 1502 г. Ред.

История человѣчества. III.

Выступленіе каравана изъ

(По O. Dapper. Naukeurige Beschryving

аиро въ Мекку около 1670 г.

[д]er Afrikaensche Gewesten; Amsterdam 1671.)

Падавшему благостоянію западной Азіи нанесли послѣдній смертельный ударъ на этотъ разъ не степные наѣздники, не турки и не монголы; жители западной Европы, ставшіе смѣлыми моряками, открыли новые пути міровой торговли. Старыя дороги западной Азіи должны были теперь заглохнуть. Въ то время, какъ египетскіе султаны собирали въ своихъ сокровищницахъ исторгнутые ими таможенные платежи и старались наполнить золотомъ вѣчно протянутыя руки своихъ мамлюковъ, вводя все новые монополіи и налоги, піонеры португальской морской торговли осторожно, но неустанно пробирались все дальше и дальше на югъ вдоль берега Африки, пока наконецъ не достигли и не обогнули ея южной оконечности и знамя Васко-да-Гама не появилось въ гаваняхъ Индіи. Воинственные португальскіе купцы позаботились о томъ, чтобы наградой за ихъ открытіе была монополія торговли. Ихъ военныя суда закрыли торговый путь черезъ Красное море въ 1507 году; вскорѣ послѣ этого Ормузъ, богатая промежуточная станція морской торговли въ Персидскомъ заливѣ, былъ взятъ португальцемъ Альбукеркомъ. Черезъ десять лѣтъ египетское мамлюкское государство, лишенное своей искусственно созданной опоры, пало подъ ударами османъ.

7. Западная Азія въ новое время.

А. Османы въ періодъ непосредственно послѣ завоеванія Константинополя.

Воинственный османскій народъ не сразу оправился отъ тяжелаго пораженія, которое нанесъ ему при Ангорѣ Тимуръ; государство потрясали распри изъ-за престола. Сверхъ того, вниманіе османскихъ владыкъ было по прежнему обращено главнымъ образомъ на Европу; поэтому уцѣлѣвшія еще турецкія княжества Малой Азіи могли въ иные періоды пользоваться почти полной самостоятельностью. Только султанъ Мурадъ въ 1424 году возстановилъ здѣсь значеніе османъ. Впрочемъ, въ это время военное могущество османъ стояло на высокой степени развитія, такъ какъ въ добавленіе къ турецкой конницѣ, по египетскому примѣру, изъ похищенныхъ или отнятыхъ силой христіанскихъ мальчиковъ, получившихъ военное воспитаніе, былъ образованъ пѣхотный корпусъ янычаровъ. Позже эти янычары стали столь же опасными для султановъ, какъ мамлюки Египта для своихъ повелителей. Но въ первое время этотъ корпусъ сослужилъ большую службу. Новая эра для османскаго государства началась съ 1453 года — паденія Константинополя, когда исчезъ послѣдній остатокъ живучей Византійской имперіи и османы явились наслѣдниками этой древней великой державы и ея притязаній на обширное верховное владычество, являвшихся у каждаго смѣлаго и сильнаго, въ рукахъ котораго находился огромный городъ на Босфорѣ.

Османскіе султаны вторгались по временамъ даже въ Апулію, потому что эта область, входившая когда-то въ составъ Византійской имперіи, принадлежала имъ по праву; тѣмъ болѣе понятно, что ихъ жадные взоры вскорѣ обратились на владѣнія египетскихъ мамлюковъ. Даже въ тяжелые дни, когда орды Тимура одинаково грозили всей западной Азіи, между этими двумя государствами не было достигнуто дружественное соглашеніе; съ теченіемъ времени отношенія становились все болѣе натянутыми. Египетскіе султаны, конечно, сознавали, что мелкія турецкія государства Малой Азіи, которыя до сихъ поръ еще не были снесены волнами османскаго потока, являлись ихъ лучшей защитой противъ опасности, грозившей съ сѣвера. Особенно важно въ этомъ отношеніи было государство Караманъ на югѣ полуострова, изъ-за котораго между османами, египтянами и туркменами Бѣлаго барана шла постоянная борьба, то вооруженная, то дипло-

матическая, обильная коварными интригами. Когда османскій султанъ Мухаммедъ въ 1473 году выгналъ, наконецъ, изъ Малой Азіи туркменскаго повелителя Персіи, Узунъ-Хасана, Караманъ попалъ въ руки османовъ, такъ какъ Египетъ ничего не сдѣлалъ для спасенія страны; наоборотъ, тогдашній султанъ Каитъ-бей съ недальновидной радостью наблюдалъ, какъ враждовали и ослабляли другъ друга туркмены и османы. И позднѣе египтяне не сумѣли должнымъ образомъ устроить свои отношенія къ турецкимъ мелкимъ государствамъ. Когда, наконецъ, въ 1485 году началась война между Египтомъ и Портой, египетскіе мамлюки все-таки показали, что они умѣютъ биться. Но, не смотря на это, султанъ Каитъ-бей въ 1491 году заключилъ миръ, такъ какъ Египетъ при всемъ обиліи своихъ источниковъ дохода не былъ въ состояніи доставлять средства для содержанія избалованнаго войска и для удовлетворенія наглыхъ требованій мамлюковъ. Послѣ смерти султана (1496) волненія и многократныя перемѣны правителей дѣлали невозможной всякую внѣшнюю политику.

Когда на престолъ вступилъ опять энергичный султанъ, Кансухъ ал-Гури (1501 г.), тогда уже ясно обнаружилось, что Египетъ могъ сохранять свое положеніе великой державы противъ внѣшнихъ враговъ только посредствомъ чрезмѣрнаго увеличенія налоговъ и чрезмѣрнаго обложенія торговли таможенными пошлинами. Какъ разъ въ это время и португальцы начали безпощадно принимать мѣры къ уничтоженію индійско-египетской торговли. Если бы султана не напугала внезапная убыль государственной казны, то уже отчаянные вопли венеціанцевъ и генуэзцевъ, которымъ грозила та-же бѣда, должны были обратить его вниманіе на приближавшееся бѣдствіе. Теперь обнаружилось, насколько узкая фискальная политика способствовала уничтоженію значенія Египта въ Красномъ и Индійскомъ моряхъ; съ величайшимъ затрудненіемъ пришлось создать вновь военный флотъ. Только въ 1508 году могла выйти въ море слабая эскадра, и португальцамъ было нетрудно взять верхъ надъ неопытными египетскими моряками. Прежде чѣмъ новый флотъ еще разъ могъ попытать счастье, уже успѣло совершиться позорное паденіе владычества мамлюковъ въ Египтѣ и Сиріи.

Въ этотъ промежутокъ времени османы помѣрялись силами съ персидскимъ государствомъ, снова находившемся въ періодѣ усиленія, и обезпечили свою восточную границу. Отнынѣ наступленіе разсчетовъ съ Египтомъ было только вопросомъ времени, такъ какъ, въ виду затруднительныхъ пограничныхъ отношеній въ юго-восточной части Малой Азіи, въ поводахъ не было недостатка. Дурное состояніе египетскихъ финансовъ помѣшало султану Кансуху своевременно соединиться съ Персіей и вообще принять необходимыя предосторожности противъ угрожавшей опасности. Когда онъ, наконецъ, стянулъ свое войско на сѣверѣ Сиріи, османскій султанъ Селимъ I уже успѣлъ собрать на границѣ превосходныя силы и, обманувъ египтянъ переговорами, безъ задержки прошелъ Киликійскіе проходы (1516). На равнинѣ Дабикъ, къ сѣверу отъ Халеба, произошло рѣшительное столкновеніе, которое кончилось пораженіемъ египтянъ, не смотря на храбрость отборныхъ мамлюкскихъ отрядовъ. Султанъ Кансухъ палъ въ битвѣ; остатокъ его войска вернулся въ Египетъ. Сирія почти безъ сопротивленія оказалась теперь въ рукахъ османскаго повелителя, котораго кое-гдѣ даже бурно привѣтствовали, какъ освободителя отъ ига мамлюковъ. Въ слѣдующемъ году былъ завоеванъ Египетъ и сломлено мужественное, но безуспѣшное сопротивленіе новаго султана, выбраннаго мамлюками — Туманъ-бея; Сирія и Египетъ стали намѣстничествами османскаго государства.

Въ качествѣ самой достопримѣчательной добычи Селимъ привелъ съ собой въ Константинополь призрачнаго халифа Аббасида, послѣдняго въ ихъ длинномъ ряду, влачившаго созерцательно-праздное существованіе на

Нилѣ. Османскіе султаны въ теченіе нѣкотораго времени еще продолжали играть комедію, пока, наконецъ, не уничтожили этой лишней церемоніи и не присвоили себѣ сана халифовъ. Они могли сдѣлать это съ тѣмъ большимъ правомъ, что вмѣстѣ съ Египтомъ въ ихъ владѣніе поступили и святыя мѣста Аравіи. Въ рукахъ грозныхъ османскихъ правителей скипетръ халифовъ снова пріобрѣлъ вѣсъ въ мусульманскомъ мірѣ; только персы, открыто перейдя къ шіитскому исповѣданію, оградили себя отъ послѣдствій этого событія.

Отъ своего перехода во власть османовъ Сирія ничего не выиграла и не проиграла, тогда какъ Египетъ все больше и больше бѣднѣлъ и опускался, потому что доходы его, и безъ того сократившіеся вслѣдствіе рокового переворота въ торговлѣ, отнынѣ по большей части утекали въ Константинополь. Интересы османскихъ владыкъ и послѣ этого сосредоточивались въ Европѣ; здѣсь они въ грандіозныхъ войнахъ сначала оттѣснили хранителей западной культуры, чтобы потомъ въ отчаянной борьбѣ отвращать отвѣтныя нападенія христіанскихъ народовъ. Военное дѣло и впослѣдствіи было единственнымъ предметомъ заботъ османовъ. Едва ли они вообще думали о возрожденіи поверженныхъ въ прахъ народовъ своего огромнаго государства; только въ военныхъ искусствахъ они переняли кое-что отъ европейцевъ: такъ, у нихъ уже довольно рано была превосходная артиллерія. Но во всемъ остальномъ они, по своей неподвижности и скудости воображенія, съ замѣчательной цѣпкостью держались старыхъ обычаевъ и тамъ, гдѣ они царили, препятствовали всякому возрожденію. Такимъ образомъ, турецкая западная Азія оставалась въ безотрадномъ положеніи запустѣнія, въ которое повергли ее послѣ столькихъ предшествовавшихъ бѣдствій опустошенія Тимура. Тамъ, гдѣ снова начиналось кое-какое возрожденіе, тамъ турецкая администрація основательно заботилась о томъ, чтобы какъ можно скорѣе возвратилась прежняя жалкая нищета. Заброшенныя, въ сторонѣ отъ путей міровой торговли, неспособныя собственными силами возродиться къ новой жизни, османскія провинціи западной Азіи находились въ состояніи жалкаго, безнадежнаго запустѣнія.

Б. **Персія.**

Счастливѣе была участь Персіи. Персидскій народъ, не смотря на всѣ удары судьбы, доказалъ, что въ немъ еще достаточно жизненныхъ силъ, чтобы создать, по крайней мѣрѣ, національное государство и поддержать его существованіе. Чтобы понять новую исторію Персіи, необходимо бросить взглядъ назадъ, на то печальное время, когда дикая туркменская орда Бѣлаго барана подчинила себѣ большую часть Ирана, Месопотаміи и Арменіи.

Въ Азербейджанѣ, — той области, которая наряду съ сосѣдними странами у горъ Эльбурсъ всегда сохраняла свою иранскую исключительность упорнѣе и дольше всѣхъ другихъ, возникла національная династія Сефевидовъ, которая пріобрѣла значеніе и силу, правда, только благодаря примѣси турецкой крови: чистое иранство волей-неволей должно было считаться съ турецкимъ элементомъ, который не могъ быть вытѣсненъ изъ сердца Персіи [1]. Въ то же время, какъ всегда бывало въ Персіи, появилось и религіозное движеніе, которое тѣснѣйшимъ образомъ совпало съ національнымъ. Почти вездѣ, гдѣ турки вступали въ сферу вліянія мусульманской міровой религіи, они подчинялись ортодоксальному или суннитскому ея толку. Простой, несложный, въ духѣ арабскаго харак-

---

[1] Извѣстно, что турецкіе элементы издавна были особенно многочисленны въ Азербейджанѣ, населеніе котораго теперь совершенно отуречено. Ред.

тера, смыслъ суннитскаго толка больше подходилъ къ представленіямъ кочевниковъ, чѣмъ фантастическія и символическія мечтанія шіитовъ. Въ противоположность этому, всякое шіитское движеніе шло отъ иранцевъ. Потомки Алія всегда находили въ Персіи вѣрующихъ приверженцевъ; даже одна алидская династія долгое время держалась въ горныхъ долинахъ Табаристана.

Поэтому Исмаилъ ас-Сефи, родоначальникъ Сефевидовъ, рядомъ съ національнымъ знаменемъ развернулъ знамя шіитскаго ученія, не встрѣчая однако непримиримой вражды со стороны турковъ, такъ какъ самъ по матери происходилъ отъ Узунъ-Хасана, султана Бѣлой орды: его вѣрнѣйшими сторонниками были шіитскіе турки, кызылбаши. Исмаилу не трудно было сначала утвердиться въ Гиланѣ, а потомъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени отнять у потомства Хасана его наслѣдство; наконецъ онъ распространилъ свое господство отъ Арменіи и Ирана до Трансоксаніи (1507)[1]. Новая персидская держава сейчасъ же вызвала зависть османовъ, въ особенности потому, что отнынѣ шіитское ученіе снова открыто вступило въ союзъ съ иранствомъ и выступало, какъ врагъ суннитскихъ турокъ, и на религіозной почвѣ. Османскій султанъ Селимъ съ настоящей турецкой безпощадностью сообразовалъ свои поступки съ этими событіями. Въ своемъ государствѣ онъ устроилъ грандіозное преслѣдованіе шіитовъ и съ кровавой жестокостью истребилъ этихъ естественныхъ союзниковъ Персіи. Исмаилъ, который послѣ этого вторгся въ османскія владѣнія, долженъ былъ отступить передъ превосходными силами Селима и при Тебризѣ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе (1514); результатомъ его была потеря Месопотаміи, Курдистана и западной Арменіи. Сынъ Исмаила Тахмаспъ (1524—76) долженъ былъ отдать османамъ также и Иранъ съ Азербейджаномъ (1534); только при шахѣ Аббасѣ I (1587 [2]—1629) персидская граница была снова выдвинута на западъ (1623).

Если открытое присоединеніе къ шіитскому толку было благопріятно для возрожденія иранской національности, то это же ученіе вмѣстѣ съ тѣмъ явилось и неопреодолимымъ препятствіемъ къ полному объединенію Благодаря ему остановился процессъ сліянія турецкихъ племенъ съ основнымъ арійскимъ слоемъ населенія; кромѣ того, это ученіе создало, что было еще хуже, рѣзкую вражду между западными и восточными иранцами, такъ какъ афганцы еще съ эпохи Газневидовъ стали фанатическими суннитами и вслѣдствіе этого чувствовали бо́льшую симпатію къ туркамъ, чѣмъ къ своимъ шіитскимъ соплеменникамъ. Несчастная судьба Ирана со времени паденія Сасанидовъ отражается роковымъ образомъ и въ этой религіозной распрѣ. Все-таки по крайней мѣрѣ съ турками иранскій народъ могъ справиться, пока послѣдніе не получили притока свѣжихъ силъ. Кызылбаши, которые приняли шіитское исповѣданіе и персидскій языкъ, были примѣромъ начинавшагося слiянiя. Правда, кызылбашскіе роды смотрѣли на себя, какъ на настоящихъ хозяевъ страны. Только Аббасу I удалось ограничить вліяніе иранизированныхъ турковъ, набравъ себѣ рать безусловныхъ приверженцевъ и образовавъ постоянное войско изъ персидскихъ пѣхотинцевъ и конницы. Во всякомъ случаѣ великая заслуга Сефевидовъ въ томъ, что они снова закрыли хорасанскія ворота и успѣшно отражали непрерывныя нашествія узбекскихъ турковъ на восточную часть Ирана [3]. Стратегическое значеніе Хорасана и теперь было причиной того, что эта провинція играла очень самостоятельную роль: самый значительный изъ Сефевидовъ, шахъ Аббасъ, еще при жизни

---

[1] Хорасанъ былъ завоеванъ Исмаиломъ только въ 1510 г. Въ 1507 г. Исмаиломъ была одержана рѣшительная побѣда надъ туркменами.

[2] Въ подлинникѣ 1586 г.

[3] Впрочемъ Хорасанъ при Сефевидахъ нѣсколько разъ переходилъ въ руки узбековъ. Ред.

своего отца долгое время правилъ здѣсь совершенно самостоятельно, до тѣхъ поръ пока ему не досталась и остальная часть Ирана.

Постепенно въ этотъ сравнительно счастливый періодъ сефевидскаго господства экономическая жизнь Персіи снова улучшилась; шахъ Аббасъ пытался оживить вновь ремесла, поселивъ въ своей странѣ армянъ, и поднять торговлю устройствомъ дорогъ и мостовъ. Открытіе морского пути въ Индію имѣло огромное вліяніе на торговое значеніе Персіи. Иранъ, какъ посредникъ сношеній съ Индіей, утратилъ теперь значеніе; но, конечно, онъ съ этихъ поръ имѣлъ возможность на своемъ южномъ берегу вступить въ непосредственныя сношенія съ европейскими морскими націями, въ то время, какъ на сѣверѣ начиналось развитіе торговыхъ сношеній съ Россіей черезъ кавказскіе проходы и Каспійское море. Жестокая вражда между Персіей и Османскимъ государствомъ, заграждавшимъ персамъ путь на западъ, благопріятствовала этому процессу. Персія была естественнымъ союзникомъ государствъ Европы, которымъ грозили бѣдой турки: европейскіе послы все чаще появлялись въ странѣ; шахъ Аббасъ уже пытался осуществить планъ великаго союза народовъ противъ турокъ. Особенно искали помощи у персовъ англичане въ своемъ стремленіи захватить въ свои руки Индію и индійскую торговлю; они добились того, что персидское войско въ союзѣ съ англійскимъ флотомъ отбило у португальцевъ все еще процвѣтавшій Ормузъ и превратило его въ кучу развалинъ, но они жестоко разочаровались въ своихъ надеждахъ на грандіозное развитіе персидско-англійской торговли. Основанная Аббасомъ гавань Бендеръ-Аббасъ никогда не пользовалась большимъ значеніемъ.

Важнѣйшимъ предметомъ вывоза былъ тогда шелкъ. Но эта цѣнная матерія давно уже не шла по знаменитой среднеазіатской дорогѣ изъ Китая черезъ Трансоксанію въ Иранъ, а выдѣлывалась въ самой странѣ, такъ какъ уже въ эпоху Сасанидовъ шелковичный червь былъ перенесенъ изъ Китая въ страны Оксуса и вскорѣ дальше на западъ. Только короткое время Персія занимала первое мѣсто по культурѣ шелковичнаго червя; лишь только византійцы занялись новой отраслью промышленности, они скоро превзошли всѣхъ конкуррентовъ, и греческій шелкъ сталъ считаться лучшимъ. Уже въ эпоху сельджуковъ Меликъ-шахъ (1072—92) далъ за своей дочерью Фатимой, которая въ 1077 г. выходила замужъ за халифа Муктади-билляха, въ числѣ прочаго приданаго 900 верблюдовъ, нагруженныхъ греческимъ шелкомъ. Благодаря паденію византійскаго государства, персидскій шелкъ снова сталъ важнымъ предметомъ міровой торговли.

Но пока постепенно затягивались раны, причиненныя Персіи вѣками разоренія, страна опять становилась желаннымъ предметомъ разбойничьихъ набѣговъ кочевниковъ или внутреннихъ враговъ. Жестокій опытъ прошлаго показалъ, что Персія по своему географическому положенію, которое дѣлаетъ ее предметомъ нападенія съ двухъ сторонъ и до нѣкоторой степени сходно съ положеніемъ Германіи, можетъ преуспѣвать только въ томъ случаѣ, если военныя силы народа будутъ всегда наготовѣ защитить границы. Шахъ Аббасъ сдѣлалъ попытку ввести въ Персіи нѣкоторые изъ турецкихъ военныхъ порядковъ, которые въ то время дѣйствительно были образцовыми, и созданіемъ постоянной пѣхоты образовать ядро національнаго войска. Его слабые преемники не дали развиться этимъ недостаточнымъ попыткамъ, и Сефевиды позорно погибли въ борьбѣ съ новымъ противникомъ.

Этотъ врагъ явился въ лицѣ афганцевъ, восточной, суннитской вѣтви иранцевъ. Благодаря своему удобному положенію между Персіей и могущественной имперіей великихъ моголовъ — Тимуридовъ въ Индіи, афганцы сохраняли сравнительную независимость, и персы въ концѣ концовъ были вынуждены отправить войско на Кандагаръ, чтобы возста-

новить здѣсь значеніе шаха и защитить свою границу съ Индіей. Жестокое обращеніе персидскаго войска вызвало среди афганцевъ возстаніе. Такъ какъ они къ тому же съ оружіемъ въ рукахъ выступили и какъ защитники суннитскаго исповѣданія, то по ихъ примѣру скоро поднялись противъ шіитскихъ владыкъ Персіи многочисленныя турецкія и курдскія племена; въ это же время узбеки ворвались въ Хорасанъ. Махмудъ, вождь афганцевъ, со своимъ небольшимъ войскомъ отважно прошелъ до Испагани, разбилъ персовъ и послѣ продолжительной осады взялъ городъ; Хусейнъ, послѣдній самостоятельный властитель изъ дома Сефевидовъ, послѣ 32-лѣтняго правленія уступилъ свой санъ Махмуду (1722) [1].

Казалось, теперь иранскій элементъ одержалъ окончательную побѣду и разсѣялъ послѣдніе остатки турецкаго господства, еще терпѣвшіеся при Сефевидахъ; но религіозное разъединеніе препятствовало всякому искреннему соглашенію между востокомъ и западомъ. Когда Махмудъ, въ началѣ обнаружившій разумную сдержанность, въ своемъ опасномъ положеніи въ Испагани потерялъ голову и стремился оградить себя отъ враговъ безсмысленными жестокостями и включеніемъ въ составъ своего слабаго войска дикихъ, жадныхъ до грабежа курдовъ, тогда исчезла всякая надежда на благопріятные для страны результаты афганскаго владычества. И противъ внѣшнихъ враговъ государство было беззащитно. Русскіе при Петрѣ Великомъ безпрепятственно заняли кавказскіе проходы у Дербента, и только геройское сопротивленіе жителей Тебриза помѣшало туркамъ произвести вторженіе во внутреннюю Персію; Россія и Турція уже проэктировали раздѣлить между собой сѣверныя и западныя области. Но на счастье Ашрафа, преемника Махмуда, въ турецкомъ народѣ и войскѣ война противъ суннитовъ-афганцевъ была такъ-же мало популярна, какъ и союзъ съ христіанской Россіей. Ашрафъ искусно воспользовался этимъ настроеніемъ и послѣ незначительной побѣды надъ турками (какъ и при Испагани, онъ одержалъ побѣду главнымъ образомъ благодаря своей легкой артиллеріи, въ которой орудія были нагружены на верблюдовъ) выказалъ доброжелательную умѣренность и получилъ сносныя условія мира. Западныя провинціи были, правда, потеряны, и османскій султанъ былъ признанъ духовнымъ вождемъ персовъ.

Новая афганская династія не могла долго продержаться. Сефевидскій принцъ Тахмаспъ бѣжалъ въ Мазандеранъ; его войска подъ предводительствомъ кызылбашскаго турка Надира обратили въ бѣгство афганцевъ (1730). Но на престолъ вступилъ не Сефевидъ, слишкомъ довѣрчивый, а его полководецъ; казалось, что Персія уже не можетъ существовать безъ турковъ. Побѣдитель посредствомъ нѣсколькихъ удачныхъ походовъ добился установленія болѣе выгодной для него границы съ государствомъ османовъ и окончательно уничтожилъ власть афганцевъ; потомъ, устранивъ Сефевидовъ (1736), онъ счелъ нужнымъ оставить шіитское исповѣданіе и принять ортодоксальную религію. Недовольство, которое возбудила эта мѣра, не проявилось тотчасъ же; жестокая энергія Надиръ-шаха и блескъ его побѣдоносныхъ походовъ противъ потомковъ Тимура въ Индіи заставили замолчать всѣ недовольные голоса. Побѣда надъ афганцами отдала въ руки Надира индійскіе проходы, и онъ сумѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Держава тимуридовъ и ея повелитель Мухаммедъ-шахъ (1719—48) были основательнѣйшимъ образомъ ограблены (1738—39); на будущее время границей Персіи сталъ Индъ; обремененное добычей, возвратилось войско домой. Обильныя богатства, которыя достались Персіи и были причиной освобожденія отъ налоговъ, вызвали всеобщій восторгъ, но, понятно, не принесли дѣйствительной пользы. Но по крайней мѣрѣ войско, превосходно дисциплинированное Надиромъ, сослужило службу и

[1] Хусейнъ вступилъ на престолъ только въ 1694 г. Ред.

въ послѣдующій періодъ. Вскорѣ усмиреніе трансоксанскихъ узбековъ и хорезмійцевъ доказало, что Персія своими собственными силами превосходно могла не только охранять хорасанскія ворота, но и предпринимать оттуда удачныя вылазки противъ кочевниковъ.

Къ сожалѣнію, подобно многимъ изъ своихъ предшественниковъ на востокѣ, Надиръ мало-по-малу изъ умнаго и энергичнаго правителя превращался въ недовѣрчиваго, кровожаднаго деспота; заботы о своихъ сокровищахъ и подозрѣніе, что шіитское населеніе намѣрено устранить его, доводили Надира до безсмысленныхъ жестокостей. Съ его стороны было неразсчетливо и непредусмотрительно конфисковать чрезмѣрныя богатства духовенства, но въ общемъ это дѣло было, вѣроятно, скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Вообще старанія Надира увеличить государственные доходы и въ особенности оживить торговлю заслуживаютъ похвалы, хотя часто они выражались въ крайне непрактичныхъ мѣрахъ: напр. онъ приказалъ возить съ Эльбурса лѣсъ для постройки флота на Персидскомъ заливѣ. Какъ бы то ни было, онъ показалъ, что понимаетъ, въ чемъ состоитъ истинное богатство страны; подобное пониманіе не часто встрѣчается у восточныхъ правителей, умѣющихъ только беречь свое золото и свои драгоцѣнные камни.

Послѣ убійства Надиръ-шаха (9 іюня 1747 г. [1]) снова въ странѣ все пошло на убыль. Афганскій полководецъ сейчасъ же объявилъ себя независимымъ въ Кандагарѣ и такимъ образомъ содѣйствовалъ окончательному отдѣленію восточнаго Ирана отъ Персіи въ то время, какъ Персію потрясали распри изъ-за престола; наконецъ ей грозило полное распаденіе. Потомки Надира удержались только въ Хорасанѣ. Безпорядки въ Персіи на нѣкоторое время прекратились, когда верховную власть взялъ во свои руки Керимъ-ханъ, принадлежавшій къ персидскому кочевому племени зендъ. Онъ выступилъ противъ турецкихъ притязаній (съ 1751).

Послѣ его смерти въ 1779 году страна снова пришла въ состояніе полнѣйшаго упадка; наконецъ въ 1794 году Ага-Мухаммедъ-хану, вождю шіитскаго турецкаго племени мазендеранскихъ каджаровъ, послѣ жестокихъ войнъ удалось основать новую династію, представители которой еще въ наши дни занимаютъ персидскій престолъ. То обстоятельство, что на царствѣ снова сидѣли турки, сказалось уже въ фактѣ перенесенія столицы въ Тегеранъ, городъ, который ближе лежитъ къ пастбищамъ турецкихъ племенъ на сѣверо-западѣ и сѣверѣ, чѣмъ Испагань, или Шираз, резиденція Керимъ-хана (характерно, что Керимъ своимъ мѣстопребываніемъ выбралъ древнюю Персиду). Теперь покорился и Хорасанъ, гдѣ преемники Надира въ Мешхедѣ сохраняли еще жалкіе остатки своей власти. Несчастная Грузія, которая поручила себя покровительству Россіи, была жестоко опустошена. Русское войско появилось послѣ этого въ Грузіи и стало грозить Азербейджану; только смерть императрицы Екатерины, преемникъ которой Павелъ отозвалъ войска, на этотъ разъ отвратила столкновеніе, которое могло бы оказаться роковымъ для Ага-Мухаммеда.

Возможно, что только въ это время въ Персіи получили нѣкоторое представленіе о томъ, какое значеніе суждено было пріобрѣсти въ дѣлахъ западной Азіи великой славянской державѣ — Россіи, непрерывно выдвигавшейся впередъ. За нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ персидскіе гарнизоны у желѣзныхъ воротъ Дербента по облакамъ пыли догадывались, что безпокойныя орды степныхъ кочевниковъ снова собираются произвести нападеніе на цвѣтущія провинціи Персіи; теперь солнце заиграло на штыкахъ русскихъ батальоновъ; непреодолимые, какъ судьба, перебрались они черезъ Кавказскій хребетъ; передъ ними пали и кочевники степей, и

---

[1] Въ переводѣ даты переведены на старый стиль. Ред.

дикіе защитники горныхъ вершинъ. Два раза потомъ пыталась Персія отбросить за Кавказъ представителей западной культуры и христіанства, но съ печальнымъ результатомъ: по миру 12 октября 1813 года большая часть персидскихъ владѣній на Кавказѣ перешла въ руки русскихъ, а послѣ второй войны по Туркманчайскому миру (11 февр. 1828) имъ была уступлена и персидская Арменія съ городомъ Эриванью. Въ эпоху позднѣйшихъ войнъ Россіи съ кавказскими народами Персія оставалась только зрительницей. Въ XIX же вѣкѣ русскія войска появились и на восточномъ берегу Каспійскаго моря, и въ Трансоксаніи, государства которой одно за другимъ должны были изъявлять покорность завоевателямъ. Наконецъ, русскому оружію подчинились и послѣднія свободныя туркменскія племена въ Ахалъ-текинскомъ оазисѣ и въ Мервѣ. Отъ кочующихъ ордъ Средней Азіи больше уже нѣтъ никакой опасности. Тысячелѣтнее стояніе на стражѣ иранцевъ противъ Турана теперь стало излишнимъ: въ ворота Хорасана стучится теперь европейская культура. Роли перемѣнились. Нѣкогда цивилизація процвѣтала въ Иранѣ и каждый разъ снова подчиняла себѣ вторгавшихся варваровъ; теперь Персія погружена въ мракъ варварства, и передъ ней встаетъ великая и трудная задача сблизиться съ европейской культурой и усвоить ея начала, не растворяясь въ ней всецѣло.

Нельзя сказать, что каджарскіе государи закрывали глаза передъ этой необходимостью. Уже въ силу положенія страны они должны были опредѣлить свое отношеніе къ развитію европейско-азіатской политики, которая въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ нашла себѣ выраженіе въ ростѣ соперничества Россіи и Англіи. Уже давно Англія въ торговыхъ видахъ стремилась поддерживать хорошія отношенія съ Персіей, пока постепенно не укоренилось представленіе объ Иранѣ, какъ боковомъ прикрытіи англійской позиціи въ Индіи. Но въ дипломатической борьбѣ съ Россіей ясно сказалось, что дѣйствительныя орудія могущества Англіи безсильны при разрѣшеніи великихъ континентальныхъ вопросовъ, разъ въ споръ съ ней вступаетъ стойкій противникъ, располагающій сильнымъ сухопутнымъ войскомъ. Всѣ попытки провести англійское вліяніе въ Тегеранѣ потерпѣли крушеніе. Даже въ тотъ моментъ, когда Персія начала сближаться съ европейской культурой, ея правители обратились за учителями и свѣдущими людьми не къ Англіи, а къ государствамъ, отъ которыхъ не грозила опасность странѣ — къ Австріи и Франціи. Какъ мало довѣряла Англія персамъ, доказалъ разрывъ сношеній послѣ занятія персидскими войсками города Герата, важнаго для защиты Индіи, разрывъ, который повелъ 20 октября 1856 года къ формальному объявленію войны. Закрытіе Персидскаго залива для торговли принудило иранское государство отозвать войска (1857). Но съ тѣхъ поръ русскіе проникли до Мерва и Пенджде, вслѣдствіе чего гератская позиція потеряла значеніе.

О персидскихъ шахахъ не приходится много говорить. Уже въ 1797 былъ убитъ Ага-Мухаммедъ. Его мѣсто занялъ Фатхъ-Алій, который оставался на престолѣ до 1834 года; къ эпохѣ его царствованія относятся несчастныя войны съ Россіей. Его внукъ Мухаммедъ-шахъ былъ болѣзненный человѣкъ безъ всякой инициативы.

Въ исторіи новѣйшаго прогресса Персіи сыгралъ большую роль сынъ Мухаммеда Насиръ-ад-динъ, наслѣдовавшій отцу въ 1848 году, не смотря на то, что ему не хватало истинно великихъ качествъ и всегда давало себя знать полученное имъ небрежное воспитаніе. Съ помощью своего дѣятельнаго великаго визиря Мирзы-Таги еще очень молодой государь преодолѣлъ многочисленныя затрудненія, встрѣтившія его въ началѣ правленія. Послѣдніе отзвуки борьбы за хорасанскія ворота еще относятся къ эпохѣ Насиръ-ад-дина. По его приказанію былъ взятъ Мервъ, но удержать его не удалось. Нападеніе хивинскаго хана на Мешхедъ неожиданно кон-

чилось тѣмъ, что начальникъ эскадрона иррегулярной персидской конницы ночью пробрался въ палатку хана и убилъ его вмѣстѣ съ его ближайшей свитой. Еще два раза (1860 и 1876) персы предпринимали безуспѣшныя нападенія на Мервъ; потомъ появленіе русскихъ въ центральной Азіи сдѣлало невозможными подобныя пограничныя войны. И въ другомъ направленіи приходилось Насиръ-ад-дину отправлять войска. Ничтожность участія Персіи въ торговлѣ на Индійскомъ морѣ ни въ чемъ не сказалась такъ ясно, какъ въ томъ обстоятельствѣ, что повелители арабскаго государства Омана укрѣпились на лежащемъ противъ Омана персидскомъ берегу и захватили въ свои руки даже гавань Бендеръ-Аббасъ; нѣкоторое время они вносили за это извѣстную дань, пока не признали и этого излишнимъ. Взятіе приступомъ города Бендеръ-Аббаса персидскими войсками снова возстановило здѣсь власть шаха (1855). Грозившая Персіи война съ Турціей была предотвращена мирнымъ размежеваніемъ границъ. Велико было удивленіе въ западномъ цивилизованномъ мірѣ, когда Насиръ-ад-динъ совершилъ съ образовательной цѣлью путешествіе по Европѣ сначала въ 1873, потомъ еще разъ въ 1878 году. Но результаты путешествія оказались скуднѣе, чѣмъ можно было ожидать. Англичане съ помощью финансиста барона Рейтера пытались навязать персамъ постройку персидской желѣзнодорожной сѣти, которая, конечно, должна была бы служить англійскимъ интересамъ, но эта попытка потерпѣла крушеніе именно по возвращеніи шаха на родину (февраль 1874). Съ этого времени развитіе страны совершалось чрезвычайно медленно; важнѣе всего преобразованіе войска при содѣйствіи австрійскихъ офицеровъ и сооруженіе многочисленныхъ телеграфныхъ линій. Послѣдніе годы правленія Насиръ-ад-дина, который 19 апрѣля 1896 года былъ пораженъ кинжаломъ фанатика, въ общемъ прошли безъ особыхъ событій.

B. **Афганистанъ.**

Въ кругъ англо-русскихъ политическихъ интригъ гораздо сильнѣе, чѣмъ Персія, былъ вовлеченъ Афганистанъ, этотъ естественный бастіонъ Индіи на западѣ. Эта страна со своими проходами, ведущими въ Индію, не можетъ ни попасть въ руки Россіи, ни стать въ рѣшительно враждебныя отношенія съ англійскимъ правительствомъ, пока Англія вообще старается сохранить свое положеніе въ Индіи. Такъ какъ Афганистанъ сравнительно невеликъ и все-таки открытъ для нападеній со стороны Индіи, то дипломатическая война переходила неоднократно въ кровопролитную борьбу.

Афганистанъ по смерти Надиръ-шаха тотчасъ же отложился отъ Персіи; суннитамъ — восточнымъ иранцамъ были совершенно чужды по духу шіиты-персы. Но новое государство недолго сохраняло свое единство, такъ что англичане нашли, наконецъ, вожделѣнный случай вмѣшаться въ распри изъ-за престола, денежными субсидіями побудить афганцевъ принять союзъ, вѣрнѣе, вступить въ вассальныя отношенія къ Англіи. Когда въ 1838 году потомокъ основателя государства Ахмеда, Шахъ-Шуджа, обратился къ Англіи за вооруженной помощью противъ претендента Достъ-Мухаммеда, предлогъ казался очень удобнымъ для того, чтобы появиться въ афганской горной странѣ съ внушительнымъ отрядомъ. Въ 1839 году англо-индійское войско дошло до Кабула, поставило правителемъ государства Шахъ-Шуджа и для его охраны разбило укрѣпленный лагерь у цитадели Бала-Хисаръ. Но англичанамъ суждено было тяжкое испытаніе, которое надолго опредѣлило ихъ пограничную политику: афганцы возмутились въ ноябрѣ 1841 года противъ ненавистныхъ чужеземцевъ, горныя племена заперли проходы, и едва нѣсколько сотенъ гордаго англійскаго войска возвратилось въ долину Инда.

Побѣдоносный походъ англичанъ въ слѣдующемъ году, правда, формально отомстилъ за эту новую сицилійскую вечерню, но, не смотря на это, англичане должны были отказаться отъ мысли поддерживать свое вліяніе оружіемъ. Когда послѣ смерти Достъ-Мухаммеда (28 мая 1863) объединенное имъ государство снова стали потрясать распри изъ-за престола, англійское правительство осталось вѣрнымъ своей сдержанности. Въ мартѣ 1869 года Ширъ-Али-хану, вышедшему изъ смутъ побѣдителемъ, была гарантирована денежная субидія.

Но теперь началась дипломатическая игра съ Россіей, ходъ которой, мало благопріятный для Англіи, положилъ конецъ британской политикѣ мира. Самъ Ширъ-Али, который за это время успѣлъ реформировать свое войско по европейскому образцу, скоро понялъ, что онъ долженъ обезпечить свое существованіе тѣснымъ сближеніемъ съ одной изъ двухъ европейско-азіатскихъ державъ; сначала онъ обратился къ Англіи, но она, вѣрная своей предшествующей политикѣ, указала ему на существованіе трактатовъ съ Россіей, которые уже гарантировали независимость Афганистана. Въ результатѣ вышло то, что Ширъ-Али послѣ этого подчинился всецѣло русскому вліянію. Послѣ этого англичане въ февралѣ 1878[1] года заняли Квету въ южномъ Афганистанѣ по ту сторону проходовъ и, соединивъ сейчасъ же Квету желѣзной дорогой съ долиной Инда, заняли грозную позицію въ флангѣ Афганистана. Вскорѣ совершился полный разрывъ съ Афганистаномъ; Англія волей-неволей должна была вооруженной рукой возстановлять свое вліяніе, столь легкомысленно утраченное. Въ ноябрѣ 1878 послѣдовало вступленіе англійскихъ войскъ въ страну и занятіе ея важнѣйшихъ пунктовъ. Когда Ширъ-Али во время бѣгства 9 февр. умеръ въ Мазари-Шерифѣ, его сынъ Якубъ-ханъ заключилъ съ англичанами миръ (7 мая 1879). Но лишь только британцы покинули страну, въ Кабулѣ 22 авг. 1879 года былъ убитъ англійскій резидентъ, и пришлось предпринять новый походъ.

Въ это время во главѣ правительства въ Лондонѣ сталъ Гладстонъ, представитель умѣренной политики. Если консервативное правительство стремилось сдѣлать Афганистанъ вассальнымъ государствомъ, если послѣ убійства резидента оно имѣло въ виду пріобрѣтеніе Кандагара, то теперь либеральный кабинетъ рѣшился произвести эвакуацію страны. Ни Англія, ни Россія не вмѣшивались въ послѣдовавшія за тѣмъ распри изъ-за престола[2], изъ которыхъ вышелъ, наконецъ, побѣдителемъ 10 іюля 1880 года Абдуррахманъ, внукъ Достъ-Мухаммеда. И политика англійскихъ консерваторовъ вообще оставляла Афганистанъ въ покоѣ и искала защиты противъ Россіи въ занятіи горной страны на сѣверо-западѣ Индіи, населенной независимыми племенами. Какъ рискованна была даже такая политика, доказало въ 1897 году опасное, съ трудомъ усмиренное возстаніе пограничныхъ народовъ, въ особенности племени афридіевъ въ Хайберскомъ проходѣ. Россія же раскинула свои аванпосты по всему протяженію сѣверной афганской границы и благодаря Закаспійской дорогѣ получила возможность чрезвычайно быстро двинуть въ случаѣ нужды массу войска на эту границу.

Г. **Арменія.**

Гораздо печальнѣе судьбы восточно-иранскаго буфернаго государства, Афганистана, была судьба западно-иранской пограничной страны, Арменіи; эти событія заслуживаютъ интереса и вниманія уже по тому своеобразному

---

[1] Въ подлинникѣ 1879.

[2] Замѣчаніе автора не совсѣмъ точно; провозглашеніе Абдуррахмана эмиромъ было дѣломъ англичанъ, войска которыхъ только въ 1881 г. очистили Афганистанъ.
Ред.

вліянію, которое они оказали на населеніе страны. Со времени Тиграна, силившагося создать большое государство, Арменія уже не бывала державой, вполнѣ самостоятельной и единой. Гористый характеръ страны, правда, до нѣкоторой степени охранялъ ее отъ вражескихъ нападеній, но онъ-же весьма содѣйствовалъ ея раздробленію на множество непокорныхъ княжествъ, которыя своими постоянными распрями всегда давали внѣшнимъ врагамъ поводъ вмѣшиваться въ дѣла Арменіи. Обращеніе народа въ христіанство и замѣчательная его преданность своей вѣрѣ дѣлали Арменію опорой Византійской имперіи, но въ то же время и излюбленной цѣлью всѣхъ нападеній, имѣвшихъ въ виду ослабить восточную римскую имперію и христіанство. Пока византійцы удерживали за собой Таврскую линію и пока Арменія и Грузія должны были охранять только фланги, армянскій народъ, въ то время еще воинственный, могъ успѣшно бороться, несмотря на политическую раздробленность государства. Бѣда пришла и ея результаты сказались тогда, когда въ періодъ паденія аббасидскаго халифата турецкія орды поселились въ Азербейджанѣ и на нижней Курѣ и стали не только безпрерывно безпокоить Арменію, но и открыли черезъ нее путь въ Малую Азію. Азербейджанъ сталъ теперь любимымъ мѣстопребываніемъ кочевниковъ и ихъ вождей, а Арменія — областью, черезъ которую они проходили и которую грабили. За сельджуками послѣдовали монголы Хулагу, за ними — орды Тимура; позже несчастную страну разоряли войны между туркменами, османами и персами. Арменія стала адомъ, изъ котораго можно было спастись только бѣгствомъ.

Уже въ эпоху сельджуковъ произошло большое переселеніе армянъ на югъ въ Киликію, которая послѣ побѣдъ византійскаго императора Никифора Фоки была очищена мухаммеданскимъ населеніемъ и давала благодаря своимъ скалистымъ высотамъ и ущельямъ удобныя пристанища армянскимъ феодаламъ. Но эта „Малая Арменія“, съ 1080 года самостоятельное княжество (см. 333 стр.), съ 1198 — королевство подъ управленіемъ христіанскихъ правителей, сама также была проходной областью, за обладаніе которой велись горячія войны; то византійцы или крестоносцы, то султаны иконійскіе, монголы или египтяне пытались здѣсь укрѣпить свое вліяніе. Наконецъ, въ 1350 году египетскіе мамлюки завоевали страну, которая передъ этимъ тѣсно сблизилась съ христіанскимъ королевствомъ на Кипрѣ, и положили конецъ армянскому національному государству. Выселеніе изъ Великой Арменіи продолжалось и въ послѣдующую эпоху, когда послѣ монгольскаго періода туркмены Бѣлаго и Чернаго барана утвердили свою власть въ армяно-курдской горной области; мѣсто эмигрировавшихъ армянъ заняли курды и турецкія племена. Персидско-османскія войны, отъ которыхъ больше всего страдали всегда христіане — армяне и грузины, довершили горе: въ настоящее время едва милліонъ армянъ живетъ въ коренной странѣ своего племени. Гораздо большее число ихъ разсѣялось по западной Азіи, и многіе даже проникли въ восточную Европу.

Условія политической жизни измѣнили и характеръ армянскаго народа. Когда то храбрые и свободолюбивые люди, внушавшіе страхъ врагамъ, армяне стали теперь лукавыми торговцами; они борятся за свое существованіе оружіемъ покоренныхъ: притворствомъ, хитростью и обманомъ. Кромѣ того, въ народѣ распространился духъ отрицанія; онъ сдѣлался ферментомъ разложенія, который, какъ опасный паразитъ, производитъ свою разрушительную работу въ тѣлѣ господствующихъ народовъ западной Азіи и коварнымъ нападеніемъ старается отомстить за незабытыя имъ злоключенія. Армянскій народъ является удобнымъ оружіемъ для тѣхъ государствъ, что видятъ свою цѣль въ постепенномъ разрушеніи османской имперіи. Въ своей судьбѣ и своемъ характерѣ армянскій народъ представляетъ любопытную и поучительную параллель іудейскому племени

съ его развившейся вѣками торгашеской хитростью и съ дѣйствующими въ немъ разлагающими силами отрицанія и скептицизма.

Д. Малая Азія.

Въ Арменіи османское правительство не могло, да никогда серьезно и не пыталось остановить упадокъ благосостоянія страны. Но и для другихъ турецкихъ областей западной Азіи истекшія четыре столѣтія являются періодомъ печальнаго застоя, составляющаго, впрочемъ, неизбѣжное послѣдствіе принциповъ османскаго управленія. Лучше всего все-таки обстояли дѣла въ Малой Азіи. Старая римско-византійская культура, правда, была совершенно уничтожена, если не принимать въ разсчетъ остатковъ ея въ приморскихъ городахъ. За то въ центрѣ Малой Азіи образовалась здоровая въ своихъ основахъ народность крестьянъ и воиновъ, говорящая по-турецки и воспринявшая въ свой составъ первоначальное населеніе страны въ теченіе столѣтій господства сельджуковъ. Отнынѣ, какъ турки, являются передъ нами древніе фригійцы и каппадокійцы, виѳинцы и галаты, хотя примѣсь турецкой крови во многихъ случаяхъ весьма незначительна; изъ Малой Азіи османы до нашего времени почерпаютъ свои силы, и здѣсь можно ожидать самаго продолжительнаго сопротивленія напору европейской культуры.

Главная причина этого явленія въ томъ, что здѣсь османскій народъ по отношенію къ туземному населенію не является только аристократическимъ верхнимъ слоемъ, а вполнѣ слился съ туземцами, такъ что объ удаленіи османскаго элемента, какъ въ Сербіи или Греціи, здѣсь нечего и думать. Въ какой сравнительно незначительной степени развилось здѣсь феодальное дворянство, можно видѣть уже изъ того, что феодальное османское дворянство могло собрать изъ европейскихъ, имѣвшихъ только незначительное турецкое населеніе, провинцій Румеліи и Мореи 80,000 всадниковъ, а изъ обширной, вполнѣ отуреченной Малой Азіи только 50,000. Господство турецкаго языка и ислама сохранило Малую Азію и отъ многихъ другихъ печальныхъ явленій, сопутствующихъ османскому владычеству. Произволъ пашей здѣсь, отчасти и въ виду близости столицы, не былъ такъ безграниченъ, какъ напр. въ Сиріи и Месопотаміи; система набора самыхъ здоровыхъ христіанскихъ мальчиковъ въ отрядъ янычаровъ, которая гибельно отзывалась на другихъ областяхъ, мало примѣнялась въ Малой Азіи, и начавшійся вскорѣ процессъ вырожденія правящихъ слоевъ едва коснулся населенія, среди котораго преобладали крестьяне. Культурныя предпріятія, выполненныя въ эпоху расцвѣта османскаго могущества, носили по существу военный характеръ, но такія работы, какъ устройство мостовъ и дорогъ, содѣйствовали и общему благосостоянію и въ этомъ отношеніи не оставались безполезными для турецкихъ крестьянъ Малой Азіи; наступившій вслѣдъ затѣмъ періодъ застоя и регресса не могъ слишкомъ вредно отозваться на сельскихъ общинахъ, замкнутыхъ въ себѣ.

Болѣе опаснымъ врагомъ являются греки прибрежныхъ странъ, которые въ мирной борьбѣ оттѣсняютъ турокъ и въ центрѣ страны устраиваютъ христіанскія деревни.

Е. Сирія.

Совсѣмъ инымъ было положеніе Сиріи, которую завоеваніе страны Селимомъ I только на короткое время вывело изъ состоянія неподвижности. Здѣсь не было сильной турецкой иммиграціи. Противовѣсъ мусульманамъ, которые были здѣсь передъ вторженіемъ османовъ, составляло многочисленное иновѣрческое, преимущественно христіанское населеніе, которое являлось опаснымъ для турецкой власти элементомъ уже потому, что христіанскія государства Европы со времени крестовыхъ походовъ проявляли извѣстный интересъ къ дѣламъ Сиріи и старались пріобрѣсти право по-

кровительства своимъ единовѣрцамъ. Отдаленность отъ центра, обязанность заботиться о защитѣ границъ противъ враговъ и о наблюденіи за ненадежными жителями собственныхъ областей, все это давало намѣстникамъ Сиріи и Месопотаміи возможность вести почти самостоятельное существованіе, надъ которымъ, конечно, всегда тяготѣлъ дамокловъ мечъ царской немилости. Случаи, когда они на свой рискъ вели войны, были не рѣдкостью; тотъ изъ нихъ, кто находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ константинопольскимъ дворомъ и могъ дать въ нужное время взятку, тотъ могъ долго держаться; часто его щадили просто изъ соображеній благоразумія. Не могло быть никакой рѣчи о безграничной власти паши въ его области, меньше всего въ Сиріи, гдѣ ни горныя племена Ливана, ни степные арабы не могли примириться съ турецкимъ игомъ; кромѣ того соперничество между пашами Египта и Дамаска являлось комическимъ эпилогомъ къ древней борьбѣ Египта и западной Азіи за обладаніе Сиріей.

Одно время казалось, что горному племени друзовъ суждено основать въ сѣверной Сиріи самостоятельное государство. Эти друзы были однимъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ племенъ бѣглецовъ изъ разныхъ странъ, которыя образуются почти во всѣхъ высокихъ горныхъ странахъ; но основу народа составляла колонія исмаилитскихъ эмигрантовъ, которые въ 1020 году во время смутъ послѣ смерти халифа Хакима ушли въ Ливанскія ущелья и здѣсь съ теченіемъ времени получили подкрѣпленіе отъ другихъ бѣглецовъ. Измѣнившаяся до неузнаваемости религія, въ которой отголоски мусульманства соединяются съ чертами христіанства и парсизма, отличаетъ друзовъ отъ остальныхъ обитателей горъ, особенно отъ христіанъ — маронитовъ, потомковъ выходцевъ — монофелитовъ, которые еще раньше поселились на высотахъ Ливана. Друзы не имѣютъ ничего общаго съ остатками асассиновъ. Въ концѣ XVI столѣтія чрезвычайно увеличились численность и силы друзовъ. Только то обстоятельство, что они, совершенно по-арабски, распадались на двѣ враждующія племенныя группы іеменовъ (іеменитовъ) и касовъ (кайситовъ), давало туркамъ возможность поддерживать здѣсь свое вліяніе. Въ 1585 году противъ нихъ было отправлено османское войско, которое, не смотря на чисто-турецкое кровопролитіе, достигло только временныхъ результатовъ. Въ 1599 году во главѣ касовъ сталъ способный вождь — Фахръ-ад-динъ; онъ покорилъ или выгналъ іеменовъ и сталъ твердой ногой на сирійскомъ берегу. Эти событія возбудили вниманіе на западѣ, особенно въ Фердинандѣ I тосканскомъ, который заключилъ союзъ съ княземъ друзовъ и уже проэктировалъ грандіозный союзъ между папой, Испаніей, Тосканой и друзами съ цѣлью возвращенія Іерусалима; Фахръ-ад-динъ даже лично побывалъ во Флоренціи (1613); но великая идея не осуществилась. Въ дѣйствительности, все могущество друзовъ держалось только благодаря постоянной поддержкѣ изъ Европы и подкупу вліятельныхъ сановниковъ при константинопольскомъ дворѣ, которые умѣли останавливать всѣ серьезныя предпріятія; когда обѣ опоры перестали служить, власть друзовъ сейчасъ же рухнула. Въ 1633 году турецкій флотъ закрылъ выходъ со стороны моря, а войско проникло въ горы. Въ слѣдующемъ году долженъ былъ сдаться Фахръ-ад-динъ; въ 1635 году онъ былъ обезглавленъ въ Константинополѣ.

Въ сравненіи съ этой попыткой созданія національнаго государства многочисленныя возмущенія турецкихъ пашей, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоитъ новая „исторія“ Сиріи, не заслуживаютъ никакого вниманія. Вторженіе Наполеона I изъ Египта имѣло своимъ результатомъ развѣ только то, что христіане попали въ еще худшее положеніе. Когда Мухаммедъ-Али египетскій на короткое время получилъ возможность возобновить притязанія своей страны на Сирію (1833—40), то этотъ вице-король при всей своей страсти къ реформамъ создалъ весьма мало полезнаго и прочнаго. Ничтожной и жалкой осталась участь Сиріи, нѣкогда столь цвѣ-

тущей, до нашего времени, хотя ростъ европейской культуры оказалъ вліяніе на страны, лежащія по берегамъ Средиземнаго моря, и особенно содѣйствовалъ экономическому подъему Палестины. Но о національномъ возрожденіи нечего и думать; еще въ серединѣ XIX столѣтія (май — октябрь 1860 г.) друзы произвели жестокую рѣзню среди маронитовъ и дали французамъ предлогъ посредствомъ военной прогулки въ Ливанъ возобновить свои старыя притязанія на покровительство сирійскимъ христіанамъ (1861). Въ новѣйшее время большая часть друзовъ переселилась на востокъ въ Хауранъ и живетъ здѣсь еще независимѣе отъ турецкихъ пашей, чѣмъ прежде.

Ж. **Иракъ и Аравія.**

а) Иракъ.

Иракъ и Аравія, — страны, которымъ нѣкогда принадлежала руководящая роль въ мусульманскомъ мірѣ, — опустились теперь до жалкаго и ничтожнаго положенія. Иракъ всегда былъ на половину искусственно созданной областью: замѣчательная система канализаціи и старый торговый путь изъ Индіи и Персіи въ западную Азію обезпечивали вавилонской равнинѣ огромное богатство и положеніе передовой державы до тѣхъ поръ, пока безпрерывныя разоренія и роковой переворотъ во всемірной торговлѣ не обратили области древней культуры снова въ дикую, зачумленную болотистую мѣстность. Вновь поднять благосостояніе области менѣе всего были способны турецкіе паши.

б) Аравія.

Аравія потеряла всякое значеніе, на которое, впрочемъ, и не имѣла права по малочисленности своего населенія. Конечно, караваны пилигримовъ все еще проходили въ Мекку и приносили на нѣкоторое время оживленіе и деньги въ городъ пророка. Но то первенствующее положеніе, которое предназначалъ Мухаммедъ, не смотря на все, дорогой ему родинѣ, давно уже перешло къ другимъ городамъ: къ Дамаску, Багдаду и наконецъ къ Константинополю. Даже благословеніе пророка не могло превратить аравійскую пустыню въ многолюдную страну или хотя бы заставить безусловно уважать его родину. Уже въ эпоху халифовъ Кааба не была пощажена отъ пожара и метательныхъ орудій. Исмаилиты-карматы (см. стр. 319), которые въ X столѣтіи владѣли значительной частью Аравіи, похитили даже священный „черный камень“ и остановили путешествія паломниковъ. Съ этихъ поръ Аравія надолго была предоставлена самой себѣ; халифы не помѣшали ея раздробленію на мелкія, враждовавшія между собой владѣнія (эмирства). Аббасиды, Фатимиды и всякій, кто предъявлялъ претензію на главенство въ мусульманскомъ духовномъ государствѣ, старались оградить свое вліяніе только въ Меккѣ и Мединѣ и настаивали на произнесеніи своего имени съ каѳедры въ мечетяхъ. Путешествія паломниковъ (см. картину при стр. 358) по этой причинѣ часто носили характеръ настоящихъ военныхъ походовъ. Въ 969 году египетскимъ Фатимидамъ удалось обезпечить за собой первое мѣсто: успѣху ихъ обѣщаній и угрозъ содѣйствовало то обстоятельство, что жители Мекки были въ зависимости отъ подвоза провіанта изъ Египта.

Вскорѣ одна алидская династія сумѣла положить конецъ республиканско-анархическимъ порядкамъ въ городѣ паломниковъ и учредить великое меккское шерифство, которое съ тѣхъ поръ то въ большей, то въ меньшей степени является самостоятельной силой въ среднемъ Хиджазѣ. Самымъ значительнымъ изъ великихъ шерифовъ былъ Катада (съ 1200), потомки котораго управляли своей маленькой областью до эпохи ваххабитовъ. И впослѣдствіи продолжалась борьба за преобладаніе въ

Меккѣ. Притязанія на верховное господство въ Меккѣ предъявлялись даже изъ Іемена, лишь только тамъ водворялся порядокъ. Когда османы завоевали Египетъ, Мекка подчинилась имъ безъ дальнѣйшей борьбы, въ то время какъ Іеменъ нужно было завоевать силой; но этимъ событіемъ не кончились споры за власть въ священномъ городѣ между различными потомками Алія. Прежнее торговое значеніе Іемена съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь укрѣпились османы, окончательно пало. За то на восточномъ выступѣ Аравіи, на старой торговой дорогѣ изъ Индіи въ Иракъ, возникло самостоятельное султанство Маскатъ, изъ котораго по изгнаніи португальцевъ образовалась довольно важная морская держава, укрѣпившаяся на персидскомъ берегу и впослѣдствіи на Занзибарѣ. Арабы Омана вступили во владѣніе наслѣдствомъ древнихъ іеменитовъ и содѣйствовали распространенію арабской культуры на восточно-африканскомъ берегу.

Изъ центральныхъ областей Аравіи, обитатели которыхъ все еще сохраняли старый бедуинскій образъ жизни, въ серединѣ XVIII столѣтія разразилась буря, которая напомнила первый воинственный періодъ ислама. Реформаторская секта ваххабитовъ, основанная въ 1745 году Мухаммедомъ Абдъ-ал-Ваххабомъ, огнемъ и мечемъ въ должной мѣрѣ подкрѣпила свои взгляды и въ концѣ концовъ (1803) завоевала и плохо защищенную Мекку. Параллель между появленіемъ реформатора и выступленіемъ Мухаммеда — не чисто внѣшняя: въ ваххабитскомъ ученіи старый, оставшійся вѣрнымъ своей родинѣ арабскій міръ протестовалъ противъ той каррикатуры на первоначальную вѣру, которую мало по малу сдѣлали принявшіе исламъ народы изъ простого, несложнаго вѣроученія Мухаммеда, и противъ крайностей роскоши, яркимъ примѣромъ которыхъ являются нажившіеся отъ паломниковъ мекканцы. Недолго оставалась Мекка въ рукахъ ваххабитовъ, такъ какъ египетскій вице-король Мухаммедъ-Али воспользовался обстоятельствами и захватилъ Хиджазъ (1818). Послѣ крушенія честолюбивыхъ плановъ Мухаммедъ-Али западная Аравія оказалась снова подъ непосредственнымъ управленіемъ турокъ. И Іеменъ, гдѣ имамы Саны стали независимыми, въ 1872 былъ снова занятъ турецкими войсками.

3. **Заключеніе.**

Грандіозную картину безнадежнаго паденія старой и блестящей культуры представляетъ западная Азія для наблюдателя. Нужна громадная работа для того, чтобы возобновить разрушенное, снова населить опустѣвшія нивы и сдѣлать возможнымъ духовный и экономическій прогрессъ народа. Только Европа можетъ взять на себя руководство въ этомъ и хоть отчасти уплатить долгъ благодарности за то неизмѣримо богатое наслѣдіе, которое она получила отъ древнихъ народовъ западной Азіи. То обстоятельство, что только теперь взоры европейскихъ культурныхъ народовъ начинаютъ обращаться къ западной Азіи, одно уже показываетъ, какое ничтожное положеніе занимаетъ эта страна по отношенію къ странамъ активной культурной работы и какія препятствія ставшій неподвижнымъ исламъ ставитъ всѣмъ попыткамъ возвратить западной цивилизаціи хотя бы только приморскія страны. Но переворотъ уже начался. Суэцкій каналъ снова направилъ міровую торговлю по ея старому пути черезъ Красное море; европейскіе пароходы уже возятъ паломниковъ изъ Индіи въ Мекку. Но для западной Азіи безконечно важнѣе будетъ сооруженіе желѣзнодорожной линіи, которое откроетъ опять старый несравненный торговый путь отъ Персидскаго залива къ гаванямъ Сиріи, особенно если въ то же время пройдетъ рельсовый путь изъ Константинополя черезъ Малую Азію къ Евфрату. Тогда откроется новая страница въ исторіи западной Азіи, и какъ нѣкогда, снова одержитъ побѣду земледѣлецъ надъ кочевникомъ и духъ созиданія — надъ духомъ разрушенія.

III. Африка.

Д-ра **Генриха Шурца.**

1. Африка, какъ часть обитаемой земли.

А. **Предварительныя замѣчанія.**

Громадная и неуклюжая по своему виду, съ негостепріимными берегами, выжженными большею частью лучами тропическаго солнца, Африка примыкаетъ къ материкамъ Стараго Свѣта; она угрюма и загадочна, какъ сфинксъ въ египетской пустынѣ. И какова земля — таковъ и народъ. Едва извѣстный подвижнымъ расамъ Азіи и Европы въ теченіе тысячелѣтій, своимъ цвѣтомъ кожи уже какъ бы отверженный отъ ряда благородныхъ народовъ, прожилъ онъ, замкнувшись, неисчислимые годы, не выходя изъ естественныхъ границъ своей территоріи для дружескаго сношенія или непріятельскаго нападенія. Даже культура Египта, единственной африканской страны, которая самодѣятельно принимала участіе въ великомъ дѣлѣ развитія человѣчества, не отрѣшается отъ закоснѣлаго замкнутаго духа родной страны; она не расцвѣла полнѣе и въ то время, когда родственныя культуры Азіи, а позднѣе Европы вторгнулись въ сопровожденіи побѣдоносныхъ войскъ въ долину Нила, и она исчезала, содрогаясь подъ чужеземнымъ прикосновеніемъ, медленно, но безвозвратно.

Такимъ образомъ Африка осталась самою неизвѣстною частью свѣта, долгое время болѣе неизвѣстною, чѣмъ новооткрытая Америка или негостепріимныя полярныя страны. Только наше время пробило путь, и его наблюдательный взоръ проникъ до самой глубины сердца таинственной страны. И теперь мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ племена, которыя обитаютъ въ новоотверстой территоріи, видимъ ихъ наружность, ихъ существо, ихъ нравы и обычаи; купецъ спѣшитъ предложить имъ свои товары за сокровища ихъ страны, плантаторъ ищетъ между ними работниковъ для своихъ плантацій, къ нимъ выѣзжаютъ миссіонеры, охотничьи общества знатныхъ праздналюбцевъ стрѣляютъ дичь степей, африканскіе вопросы тревожатъ политику, Европы — но знаемъ ли мы въ дѣйствительности народы Африки, которые смотрятъ на насъ, какъ застигнутые и испуганные въ глубокомъ снѣ? Все сильнѣе пробуждаетъ ихъ европейская культура отъ отсталости; вскорѣ они забудутъ за новыми чудесами о тѣхъ, которыя прежде производили на нихъ впечатлѣніе; мы же, желая узнать и понять ихъ вполнѣ и въ ихъ первобытности, спросимъ себя, что могло происходить у нихъ до временъ открытія, до всѣхъ этихъ вмѣшательствъ и разрушеній, которыя несетъ съ собой наша культура, какія разновидныя сновидѣнія грезились имъ передъ пробужденіемъ? Дѣло въ томъ, что если мы можемъ сравнить исторію расъ Европы съ дѣятельностью въ ясный солнечный день, то исторія Африки только тяжелый ночной сонъ; спящаго онъ успокаиваетъ или тревожитъ, такъ что онъ съ безпокойствомъ поворачивается на своемъ ложѣ; но другіе его не знаютъ, а проснувшійся скоро забываетъ о немъ.

Кто могъ бы отважиться написать въ теперешнее время настоящую „исторію“ Африки въ смыслѣ цеховой науки? Орудія историковъ ломаются объ эти скалы. Только культурные народы Америки, Европы и Азіи снабжаютъ понятными свѣдѣніями изслѣдователя, который спрашиваетъ у нихъ объ ихъ прошломъ; они обладаютъ въ полной мѣрѣ свидѣтельствами и лѣтописями; они, посредствомъ письменъ оставили по себѣ неизгладимую память. Африканецъ могъ бы намъ едва разсказать темныя, сомнительныя саги, а исторія въ нашемъ смыслѣ, начинаясь лишь со вмѣшательства европейцевъ, остается только жалкимъ отрывкомъ.

Тѣмъ не менѣе мы не должны отчаяваться въ дальнѣйшемъ знаніи. Истинный свѣтъ настоящей исторіи, конечно, никогда не озаритъ до послѣдняго угла мракъ древнихъ временъ Африки, но можемъ ли мы желать этого серьезно? Подвинемся ли мы далеко въ знаніяхъ, если намъ станетъ извѣстнымъ, что такое-то негрское племя, со страннымъ названіемъ, въ такомъ то году переселилось на мѣсто жительства въ сосѣднюю область, что оно въ какомъ-то другомъ году было разсѣяно и уничтожено? Африка — однообразная страна, также однообразно повторяются судьбы и ея народовъ; и насъ привлекаютъ не эти мелкія происшествія со всѣми ихъ сбивчивыми подробностями, а крупныя черты. Но именно потому и болѣе цѣненъ въ Африкѣ, чѣмъ гдѣ-либо, краткій періодъ историческаго развитія, который мы можемъ обозрѣть, потому что, какъ только мы сознательно отречемся отъ историческаго изслѣдованія въ тѣсномъ смыслѣ и только обратимъ вниманіе на общіе вопросы, тогда мы узнаемъ изъ одного происшествія африканской исторіи въ основѣ то же, что изъ сотни другихъ подобнаго рода. Мы должны тщательно разсматривать малыя событія, которыя разыгрываются передъ нашими глазами, чтобы съ помощью ихъ отгадывать великія судьбы прошедшаго.

Открываются еще и новые источники для знанія. Сильные перевороты, которые постепенно происходили въ теченіе десятилѣтій и столѣтій, оставляютъ за собой неизгладимые слѣды, не въ памяти людей, которая не опирается ни на какое письменное преданіе, но въ языкѣ и тѣлесномъ строеніи, въ формѣ жилищъ и утвари, въ нравахъ и обычаяхъ отдѣльныхъ племенъ.

Трудно читать эти полупомеркнувшія письмена прошлаго, но молодая наука народовѣдѣнія выступаетъ на помощь исторіи, учитъ насъ и по ту сторону рубежа точныхъ хронологическихъ цифръ узнавать возрастаніе и исчезнованіе народовъ. Мы должны довѣриться ей, если не захотимъ оставить безъ вниманія прошлое Африки, какъ совершенно неразрѣшимую загадку. Народовѣдѣніе работаетъ другими средствами, чѣмъ исторія. Какъ искатель слѣдовъ въ дѣвственномъ лѣсу, вступаетъ она туда; по неяснымъ слѣдамъ ногъ, безъ вниманія выброшеннымъ остаткамъ, наклоненнымъ вѣтвямъ узнаетъ она тропинку прежнихъ странниковъ. Она изслѣдуетъ землю и воздухъ, она подслушиваетъ полупонятный отвѣтъ дитяти, которое встрѣчаетъ на пути; черепки, обломки, мимо которыхъ другіе проходятъ безъ всякаго вниманія, говорятъ для нея живымъ языкомъ.

Б. **Африканская почва.**

Мы никогда не поймемъ чужеземнаго народа, пока не узнаемъ почвы, на которой онъ взросъ. И не только его почвы: сосѣднія области оказываютъ на него вліянія дружескаго и враждебнаго свойства. И тогда какъ большая часть народовъ идетъ путемъ развитія въ постоянномъ соприкосновеніи и плодотворномъ культурномъ обмѣнѣ съ другими, къ обособленнымъ народамъ, живущимъ на краю обитаемаго міра, только изрѣдка проникаетъ звукъ этого стремленія и борьбы. Общее положеніе страны

относительно прочихъ, вслѣдствіе этого, не менѣе важно, чѣмъ собственное положеніе, а также климатъ, подъ благопріятнымъ или неблагопріятнымъ условіемъ котораго развивается жизнь обитателей.

Подобно неуклюжему массивному клину Африка, широкая на сѣверѣ, проходитъ остроконечно къ югу, не безъ сходства въ своемъ очертаніи съ другими двумя континентами южнаго полушарія: Южною Америкой и Австраліей. Внѣшней неуклюжести соотвѣтствуетъ незначительное расчлененіе во внутренности. Африка — самая однородная, самая замкнутая часть свѣта. Подобно странѣ, которая лежитъ передъ нами, однородны и ея жители; она родина темнокожихъ людей, какъ Европа — бѣлыхъ, Азія — желтыхъ расъ. Однако эта замкнутость имѣетъ свои границы. Геологъ и географъ могли бы по своему способу попытаться раздѣлить исполинскую страну; для этнографа она, безъ сомнѣнія, распадается на двѣ главныя области, которыя по роду ихъ жителей также различны, хотя и въ меньшей степени, какъ и по своему положенію къ прочимъ частямъ Стараго Свѣта: на страны къ сѣверу отъ Сахары съ вліяніемъ Египта съ одной стороны, и на главную массу Африки, расположенную къ югу отъ этой пустынной области — съ другой стороны. Югъ — настоящая самостоятельно развитая Африка, сѣверъ напротивъ — переходная область, которая ведетъ къ народамъ Европы и Азіи, находилась подъ ихъ вліяніемъ и частью съ древнихъ временъ ими колонизована. Это раздѣленіе на двѣ части напрашивается само собою, и удобно теперь же сослаться на него; тѣмъ не менѣе можно распознать и общія черты.

Будучи почти какъ разъ на половинѣ перерѣзана экваторомъ, и находясь большею массою своей территоріи между тропиками, Африка — тропическая часть свѣта. На этомъ фактѣ стоитъ остановиться на минуту, такъ какъ онъ уже самъ по себѣ даетъ намъ ключъ для уразумѣнія многихъ особенностей африканской расы. Темный цвѣтъ кожи, который такъ часто выставлялся, какъ „знаменіе Каина“, несомнѣнно есть слѣдствіе климата и палящаго солнца, если даже для науки пока неясны подробности этого явленія. Имѣлъ ли первоначальный человѣкъ темный или свѣтлый цвѣтъ кожи — это также пока неразрѣшимый вопросъ. Но одно все-таки внѣ сомнѣнія: какъ свѣтлая кожа арійца указываетъ на происхожденіе его расы въ прохладныхъ странахъ земнаго шара, такъ и темный цвѣтъ африканца — доказательство того, что эта разновидность рода человѣческаго образовалась подъ тѣмъ самымъ знойнымъ небомъ, которое и въ настоящее время высится надъ ея головами. Гдѣ же тропическій зной уменьшается, на сѣверѣ и на югѣ материка, тамъ выступаютъ на видъ свѣтлокожія племена: тамъ берберы, здѣсь готентоты съ родственными имъ карликами — бушменами. Уже въ этомъ смыслѣ находитъ себѣ оправданіе отдѣленіе сѣвера отъ остальной Африки; и южная остроконечность Африки представляетъ своеобразную область, хотя по своему незначительному протяженію и менѣе замѣтно.

Климатъ Африки вообще болѣе жаркій и сухой, чѣмъ знойно-сырой, хотя исключенія изъ этого правила не рѣдки. Она заключаетъ въ своей сѣверной части величайшую пустынную область земли, которая, какъ мощная преграда, лежитъ гораздо болѣе грозно и негостепріимно, чѣмъ пѣнящееся Средиземное море, передъ тропической Африкой и отдѣляетъ ее отъ культурной сферы Стараго Свѣта. Аравія только часть этой пустыни, привѣска Африки, отдѣленная отъ главной территоріи многоводной бороздой Чермнаго моря. Далѣе на западъ пустынную страну прорываетъ Нильская долина, и образуетъ именно въ самой унылой части узкую культурную полосу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была бы удобнымъ проходомъ во внутреннюю Африку, если бы Нилъ въ своемъ среднемъ теченіи не былъ прегражденъ скалистыми стѣнами такъ, что зеленая прибрежная полоса мѣстами совершенно исчезаетъ, а рѣка должна преодолѣвать пре-

пятствія въ видѣ пороговъ и быстринъ. Между тѣмъ и сама пустыня не совершенно непроходимая область. Много разъ дозволяла она отважному купцу проходить во многихъ мѣстахъ; она въ настоящее время, не смотря на свою пустынность, населена народами, которые сильно повліяли на судьбу сосѣднихъ культурныхъ странъ. Судьбы Судана, прежде всего, не понятны безъ знанія Сахары и ея народовъ,

Мнѣніе, что Сахара была нѣкогда моремъ, не удержалось; это не сплошная равнина, наполненная песками дюнъ, простирающаяся отъ берега Средиземнаго моря и Атласскихъ горъ до Сенегала, Нигера и озера Чадъ, но разнообразная по виду земля, которой только недостатокъ въ водѣ придаетъ общій характеръ пустыни. Однако-жъ она не такъ ужасна повсюду, какъ заставляли предполагать болѣе древнія описанія. Во всѣхъ частяхъ пустыни, кажется, иногда перепадаютъ дожди, и на всей поверхности Сахары въ сложности повидимому около 2 процентовъ оазисовъ и почти 16 процентовъ луговъ и степей; отсюда — кочующіе пастушескіе народы въ областяхъ, о которыхъ прокричали, какъ о совершенно негостепріимныхъ. Наибольшій процентъ культурной луговой земли на западѣ; къ востоку увеличивается сухость и вслѣдствіе этого уменьшается населеніе. Нѣкогда Сахара была богаче водою, чѣмъ теперь. Съ горъ пустыни, напр. отъ окраинъ Атласа, тянутся внизъ ущелья, которыя прорыты водою, но по ложу которыхъ болѣе не течетъ ни капли влаги. Эти рѣки однако только повидимому высохли совершенно: подъ слоями валуновъ и песку просачивается вода, защищенная отъ палящаго солнца, и выходитъ на свѣтъ или тамъ, гдѣ она запружена по какой нибудь причинѣ, или наполняетъ собою колодцы, которые человѣкъ пробуравливаетъ къ нижней части ложа рѣки.

Итакъ Сахара, не смотря на свою пустынность, мѣстопребываніе важныхъ народностей, которыя не принадлежатъ къ одной общей расѣ, но на которыхъ родина наложила неизгладимую печать однородности. Худощавое, жилистое тѣло, рѣзко обозначенныя черты — отличительный признакъ хамитскаго туарега и семитскаго араба такъ же, какъ и негроподобнаго тиббу; и въ восточной африканской степи мы находимъ подобные же типы. Характеръ этихъ народовъ также родственный; это безпокойные кочевники, которые по бѣдности населяемой ими области, вынуждены не только къ странствованію, но и къ постоянной борьбѣ за луговыя мѣста и плодородныя поля оазисовъ. Бѣдные, воинственные и хищные, они не удовольствовались тѣмъ, что поработили осѣдлыхъ поселенцевъ оазисовъ и грабили ихъ, или тѣмъ, что подстерегали купцовъ, которые проѣзжали по ихъ области съ цѣнными товарами; они становились опасными для плодородныхъ странъ, примыкающихъ къ пустынѣ. Сѣверъ съ покрытымъ снѣгомъ Атласомъ и со своими упрямыми горными жителями рѣдко привлекалъ ихъ; Египетъ къ своему счастью отдѣленъ Ливійскою пустынею; но беззащитно и открыто лежатъ земли негровъ на югѣ. На нихъ-то постоянно и обрушивались народы степей и пустыни, пока не возникъ тотъ поясъ завоевательныхъ государствъ и смѣшенія народовъ, который окаймляетъ широкою полосой пустыню съ юга. Эта область — Суданъ.

Какъ по характеру жителей, такъ по своей географической особенности, Суданъ въ извѣстной степени отличается отъ прочей Африки и распадается съ своей стороны опять на мало похожія другъ на друга области; пожалуй, эти различія не слишкомъ значительны, что будетъ видно изъ разсмотрѣнія географіи, а именно орографіи средней и южной Африки.

Главная особенность, сообщающая всей части свѣта ея характеръ, поясняется простой цифрой: средняя высота Африки превосходитъ, вѣроятно, 600 метровъ или подходитъ весьма близко къ этой цифрѣ. Эта высота весьма значительна и превосходитъ даже среднюю высоту Азіи, къ которой принадлежатъ высочайшія горы въ свѣтѣ и обширныя плоско-

горія. Но все значеніе этого факта будетъ намъ только тогда ясно, когда мы примемъ въ соображеніе, что Африка крайне бѣдна высокими горными кряжами, что ей недостаетъ того хребта исполинскихъ цѣпей, которыя сообщаютъ отличительную черту другимъ частямъ свѣта: Африка не имѣетъ ни Альпъ, ни Кордильеровъ, ни Гималаевъ. Слѣдовательно, громадная средняя цифра высоты обязана не отдѣльнымъ горнымъ массамъ, но большая часть всей страны въ сложности образуетъ плоскую возвышенность, на которой только то тамъ, то сямъ поднимаются отдѣльныя исполинскія горы; плоскую возвышенность, которая мѣстами, именно на своихъ окраинахъ, высится до настоящихъ горныхъ хребтовъ. Ядро этого плоскогорія лежитъ къ югу отъ линіи, которая проходитъ приблизительно отъ Лоанды южнѣе устья Конго до Массавы; къ сѣверу она, менѣе обозначенная, пересѣкается бассейнами Нила, Конго и Нигера, такъ что характеръ Африки представляется скорѣе отдѣльными группами горныхъ странъ. И въ этомъ смыслѣ Суданъ образуетъ особенную часть Африки.

Негостепріимность и строгая замкнутость части свѣта есть непосредственное слѣдствіе ея *строенія*. За бѣдною гаванями, вѣющею лихорадкою прибрежною равниною громоздится спускъ возвышенности, во многихъ мѣстахъ трудно проходимый въ одиночку, не говоря уже о караванахъ торговцевъ. *Рѣки и потоки*, которые въ другомъ мѣстѣ, въ особенности въ Южной Америкѣ, столь похожей по своей формѣ на Африку, открываютъ широкіе и безопасные торговые пути въ сердце части свѣта, увеличиваютъ непривѣтливый отталкивающій характеръ Африки. Хотя внутри они образуютъ широкіе фарватеры, которые со временемъ пріобрѣтутъ большую важность, но тамъ, гдѣ они свергаются съ окраины плоскогорія къ берегу, устремляются они съ горъ многочисленными водопадами и быстрыми водоворотами и не допускаютъ мореплавателю, въѣхавшему въ устье потока, проникнуть дальше береговой равнины. Въ такомъ положеніи Замбези, также прежде всего Конго, таковъ также и Нилъ, который могъ бы образовать путь отъ Средиземнаго моря до большихъ озеръ, если-бы въ самой срединѣ теченія нубійскіе пороги не представляли непреодолимаго препятствія. Только западный Суданъ, стоящій, благодаря своему менѣе обозначенному характеру плоскогорія, въ извѣстной противоположности къ Средней Африкѣ, отличается и здѣсь къ своей выгодѣ; главная рѣка области, Нигеръ, со своимъ могучимъ притокомъ, Бинуэ, допускаетъ свободный доступъ довольно глубоко внутрь страны, и только у Раббы подъ 9-мъ градусомъ сѣверной широты быстрота теченія преграждаетъ пароходамъ дальнѣйшее плаваніе. Большая часть теченія Нигера, остается, конечно, такимъ образомъ все-таки съ берега недоступной, тогда какъ Бинуэ открытъ до настоящей границы своего судоходства.

Природа африканской страны имѣетъ важное значеніе для судьбы своего народа. Если мы и не можемъ представлять себѣ внутренность этой части свѣта, какъ однообразное плоскогоріе, а должны были бы признать при точномъ разсмотрѣніи, что горные кряжи и рѣчныя теченія, громадныя углубленія, обширныя озера и исполинскія, вулканическія *вершины* изъ пепла вносятъ довольно разнообразія въ картину ландшафта,—тѣмъ не менѣе сравненіе съ другими частями свѣта обнаруживаетъ *недостатокъ въ большихъ препятствіяхъ къ передвиженіямъ*, какъ отличительный признакъ Африки. Ни одна длинно тянущаяся горная цѣпь не раздѣляетъ области на рѣзко отдѣленныя провинціи, ни одинъ глубоко врѣзывающійся заливъ не разъединяетъ мѣстожительство народовъ. И это имѣетъ слѣдствія, которыя мы также можемъ наблюдать въ другихъ, подобно устроенныхъ частяхъ обитаемой земли: однообразіе ландшафта соотвѣтствуетъ однообразію народонаселенія. Какъ плоскогорія Азіи наполнены турецко-татарскими народами, которые по своему виду,

языку и нраву обнаруживаютъ тѣсное родство между собою, такъ и плоскогоріе Африки — арена черной расы, которая въ главномъ слилась по меньшей мѣрѣ въ кажущееся единство не только благодаря тѣлеснымъ признакамъ, но также и языку, Это — слѣдствіе долгаго развитія. Постоянно кружатся, вновь выгоняемыя толчкомъ воинственныхъ племенъ, массы народовъ другъ около друга, какъ пыль передъ вѣтромъ, и постепенно однообразнѣе становятся слои, которые ложатся на широкой плоскости равнины, но какъ при бурѣ листья и мякина, которые заметены туда воздухомъ, собираются въ уголкахъ и за защищающими возвышеніями, такъ скопляются остатки народовъ по всѣмъ мѣстамъ, укрывающимъ отъ преслѣдованія, будь это хотя непроходимыя горы, болотистые берега и острова на рѣкахъ. Такъ во внутренности этой части свѣта племена черной расы находятся между собою въ вѣчномъ движеніи и смѣшеніи; народы же на равнинѣ, которые живутъ на границѣ степей и пустынь, уступаютъ напору народовъ пустынь, и отъ смѣшенія различныхъ племенъ образуются государства, въ которыхъ побѣдители и побѣжденные постепенно сливаются въ новые народы.

Однообразіе Африки благопріятствуетъ не только странствованію племенъ и сліянію ихъ, оно также другимъ способомъ служитъ препятствіемъ возникновенію своеобразныхъ чертъ. Имѣетъ большое значеніе для исторіи части свѣта, что всѣ области, въ которыхъ отдѣльныя племена могутъ избѣгнуть нивелирующаго стремленія къ странствованіямъ и смѣшеніямъ, такъ ничтожны въ объемѣ и разсѣяны, Какъ разъ въ этихъ замкнутыхъ областяхъ возникаютъ тѣ своеобразные народы, которые по естественнымъ условіямъ подходятъ къ своей родинѣ, и даже тогда, когда они выступаютъ какъ завоеватели изъ своихъ уже тѣсныхъ для себя областей, долго еще сохраняютъ свои отличительныя черты и особенности. Есть типичные болотные народы въ Африкѣ, каковы денки у верховьевъ Нила, а въ сильныхъ горныхъ племенахъ нѣтъ недостатка ни у Килиманджаро, ни на склонахъ Камерунскихъ горъ; но всѣ эти народцы слишкомъ ничтожны численностью, и не могутъ пріобрѣсти рѣшающаго вліянія на жителей Африканской равнины. Также недостаетъ, вблизи береговъ, обширныхъ островов которые въ другихъ частяхъ свѣта сдѣлались колыбелью для такихъ своеобразныхъ народовъ, каковы англичане въ Европѣ, японцы въ Азіи; въ крайнемъ случаѣ можно назвать Мадагаскаръ. Только сыны пустыни составляютъ также и въ этомъ смыслѣ исключеніе; они могутъ даже подобно фульбамъ (фулахамъ) сколько угодно жить въ Суданскихъ государствахъ, и всетаки удержать, если удастся только имъ сохраниться не смѣшанными, тѣ признаки, которые на нихъ отпечатала безпокойная странствующая жизнь въ безводныхъ степяхъ: худощавость и гибкость членовъ, болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи и огненный взглядъ. Только отъ смѣшенія съ суданскими неграми исчезаетъ мало по малу часть этихъ качествъ, и образуется и здѣсь, наконецъ, смѣшанная раса, въ которой преобладаетъ негрская кровь.

Чтобы понять всѣ эти обстоятельства, необходимо бросить взглядъ на отдѣльныя мѣстности Африки. Сѣверъ слѣдуетъ выдѣлить уже въ силу его этнографическаго и историческаго обособленнаго положенія (сравн. объ этомъ томъ IV); поэтому начнемъ съ Судана. Подъ Суданомъ разумѣемъ мы вообще области, съ юга прилежащія къ Сахарѣ, какъ переходную страну, которая отдѣляетъ пустыню отъ тропической средней Африки, поясъ смѣшенія культуръ и народовъ. Рѣзкое разграниченіе Судана именно вслѣдствіе этого обстоятельства невозможно, ибо, какъ на сѣверѣ здѣсь плодородная почва мало по малу бѣднѣетъ и становится, наконецъ, степью и пустынею, такъ и на югѣ никакая опредѣленная естественная граница не отдѣляетъ настоящую негрскую область отъ мѣстностей Судана, находящихся подъ вліяніемъ

ислама. Между тѣмъ въ природѣ рѣдко бываютъ тѣ рѣзко обозначенныя пограничныя линіи, къ которымъ привыкли наши политическія карты и которыя наносятся навязчиво на терпѣливую карту Африки; какъ цѣлое Суданъ отличается при всемъ томъ своеобразностью областей, которыя окружаютъ его на сѣверѣ и на югѣ. Связываютъ весь поясъ Судана во едино, собственно, не орографическія и гидрографическія особенности, но прежде всего климатическія и зависящія отсюда этнографическія черты. Суданъ—переходная область отъ бѣдной дождемъ пустыни къ экваторіальной Африкѣ: вмѣсто двоякаго дождливаго времени послѣдней обладаетъ онъ только однимъ въ позднее лѣто и осень; вмѣстѣ съ тѣмъ поясъ Судана — самая жаркая часть Африки. Подобно тому какъ двѣ климатическія черты здѣсь переходятъ одна въ другую, такъ и народы, которые принадлежатъ этимъ климатическимъ областямъ, — свѣтлокожій хамитъ и темнокожій негръ.

То, что мы видимъ великолѣпно развившимся въ Суданѣ, проявилось въ другой мѣстности Африки еще разъ въ уменьшенномъ масштабѣ, именно на востокѣ этой части свѣта. Восточная остроконечность Африки далеко внизъ къ югу — степная страна, которая только абиссинскимъ плоскогоріемъ отдѣлена отъ степей восточнаго Судана; сродство условій вызвало такія же этнографическія смѣшенія, какъ и въ только что описанныхъ областяхъ.

Востокъ самая гористая часть Африки, и въ то же время очень богатая большими водяными пространствами. Отличаютъ среднее плоскогоріе съ гористыми окраинами и глубокими рытвинами, куда собираются воды въ обширныя озера, отъ болѣе низкой степной возвышенности восточнаго выступа земли Сомали и Галла. Далѣе на югѣ подступаютъ окраины горъ средняго плоскогорія такъ близко къ морю, что остается лишь пространство для болѣе или менѣе узкой береговой равнины. Какъ страна Сомали, такъ и плоскогоріе внутри совсѣмъ бѣдны дождями. Только тамъ, гдѣ высятся окаймляющія горныя цѣпи, отдѣльныя вулканическія вершины выдаются надъ горной страной, или гдѣ только крутые склоны рытвинныхъ пониженій удерживаютъ идущіе съ востока насыщенные влагою токи воздуха, выпадаетъ обильный дождь, и развивается растительный міръ въ тропическомъ изобиліи. Такимъ образомъ на мѣстѣ самой глубокой извилины страны, противъ Занзибара, наиболѣе подверженой внѣшнимъ вліяніямъ, простираются за береговыми равнинами плодородныя горныя страны, за которыми потомъ слѣдуетъ безотрадная степная область, пока, наконецъ, въ странѣ великихъ озеръ выпаденія дождей становятся опять чаще и правильнѣе, и земледѣліе получаетъ болѣе широкое распространеніе. Восточная горная окраина, къ которой въ извѣстномъ смыслѣ причисляются вулканическія вершины Кеніи и Килиманджаро, выше и важнѣе западной; даже, собственно говоря, плоскогоріе Абиссиніи со своими могучими возвышеніями только сѣверный отрогъ этой цѣпи возвышенностей, въ которой Элизе Реклю видитъ слабую аналогію высокихъ горъ другихъ частей свѣта: Альпъ или Кордильеровъ.

При обозрѣніи Судана становится яснымъ, что мы должны причислять атлантическую прибрежную страну къ югу отъ Сенегала не къ тому большому поясу смѣшеній народовъ и исламскихъ государствъ, которыя мы обыкновенно объединяемъ подъ понятіемъ Судана, но, что передъ нами лежитъ область, народонаселеніе которой по своимъ антропологическимъ и культурнымъ признакамъ является совершенно негритянскимъ.

Въ самой сѣверной части этой области, въ Сенегамбіи, условія на столько крайне своеобразны, на сколько Сенегамбія граничитъ непосредственно съ пустынею, и отсюда въ извѣстномъ смыслѣ точно также подвергается тѣмъ вліяніямъ, которымъ Суданъ обязанъ своими этнографическими условіями; поэтому можно спорить, не лучше ли причислять

къ Судану эту страну. Вторая особенность Сенегамбіи та, что обѣ значительныя рѣки, Сенегалъ и Гамбія, дѣлаютъ доступнымъ проходъ далеко внутрь страны и отнимаютъ у нея характеръ оцѣпенѣлой замкнутости, которая вообще свойственна большей части берега Гвинеи.

Сѣверная граница области образуется нижнимъ теченіемъ Сенегала и окраинами западнаго плоскогорія Сахары; опредѣленную границу на югѣ трудно обозначить. Причиною, почему мы видимъ, что Сенегамбія, эта столь далеко отодвинутая на сѣверъ и сравнительно хорошо орошенная страна, непосредственно примыкаетъ къ пустынѣ, является горная страна Фута-Джаллонъ, которая собираетъ влагу прибрежныхъ вѣтровъ, и въ видѣ многочисленныхъ рѣкъ разсылаетъ ее частью къ морскимъ берегамъ, частью къ Нигеру. Она — самая обширная изъ тѣхъ возвышающихся, изрѣзанныхъ ущельями и долинами окраинныхъ областей африканскаго плоскогорія, которыя отдѣляютъ Суданъ въ гидрографическомъ и этнографическомъ отношеніи отъ Гвинеи; какъ таковая, она продолжается дальше, слѣдуя по большому изгибу берега, на сѣверъ и на востокъ подъ другими именами до Нигера.

Береговая страна между Сенегаломъ и Гамбіей принадлежитъ первоначально области дюнъ на южной окраинѣ Сахары, наносомъ же рѣкъ она расширена въ обширную равнину. Далѣе на югѣ подступаетъ горная страна ближе къ морю, а прибрежная равнина, которая уже значительно суживается въ южной Сенегамбіи, въ области Сіерра Леоне становится еще незначительнѣе. Эта равнина совершенно иначе устроена, чѣмъ та, которая ограничена на сѣверѣ однообразными цѣпями дюнъ: многочисленныя рѣки образуютъ устья широкими рукавами, болотистые полуострова и острова расположены передъ ними, и ко времени морского отлива показываются на поверхности полосы земли, чтобы скоро за тѣмъ снова закрыться поднимающимся приливомъ. Это и есть настоящая область для разсѣянныхъ и преслѣдуемыхъ остатковъ народовъ: — здѣсь заканчивается совершенно вліяніе Судана.

На Перцовомъ берегу чрезмѣрная разорванность берега становится менѣе замѣтною; равнина сама по себѣ не широка, потому что тянутся отроги плоскогорія почти до моря. Однако вскорѣ за тѣмъ начинается береговое образованіе, которое для Гвинеи до Біафрскаго залива является характеристичнымъ, именно берегъ лагунъ. Вмѣсто могучихъ воронкообразныхъ устій рѣкъ и прилежащихъ островомъ, видимъ мы песчаную, большею частью прямую, какъ шнурокъ, полосу земли, противъ которой грохочетъ прибой волнъ Атлантическаго океана, и которая, кажется, прерывается только въ немногихъ мѣстахъ. Если мы въѣдемъ въ одно изъ этихъ отверстій, то попадемъ не въ устье рѣки, но въ болѣе или менѣе широкое водное пространство, которое тянется далеко за окраину берега; туда изливаются также рѣки, которыя свергаются съ горной страны, лежащей въ глубинѣ материка. Только мѣстами, именно въ большей части Золотого берега исчезаетъ этотъ родъ берегового образованія, и холмистая страна подступаетъ къ морю.

У бухты Біафры оканчивается берегъ лагунъ, и на его мѣсто выступаетъ могучая, пересѣкаемая многочисленными рукавами, болотистая дельта, которую Нигеръ проложилъ въ море, а затѣмъ, при направленіи берега къ югу, — область широкихъ и плоскихъ устій рѣкъ, страна „Масляныхъ рѣкъ“. Какъ разъ тамъ же, гдѣ находится излучина, между устьемъ Калабара и низовьями Камерунскихъ рѣкъ, поднимается могучая вулканическая горная масса, Камерунская горная цѣпь, которая вершиною Кларенсъ продолжается на противулежащемъ островѣ Фернандо По. Далѣе въ глуби материка поднимается здѣсь уступами внутреннее африканское плоскогоріе, которое здѣсь и дальше къ югу собираетъ влажные западные вѣтры и этимъ способствуетъ возникновенію широкаго, почти

непроницаемаго пояса роскошнаго дѣвственнаго лѣса, въ чащѣ котораго нашли убѣжище даже остатки робкихъ малорослыхъ народовъ. Таково свойство морского берега приблизительно внизъ до устья Конго.

По ту сторону устья Конго начинаетъ уже становиться скудною растительность морского берега, изчезая, наконецъ, при переходѣ въ степную область южной Африки. Основныя черты устройства берега, позади котораго поднимается уступами плоскогоріе, остаются такими же, какъ въ Верхней Гвинеѣ, только береговая равнина страны къ югу отъ Конго значительно уже, сравнительно съ тѣмъ, какова она большею частью на сѣверѣ. Даже съ этнографической точки зрѣнія родство между двумя областями такъ велико, что бросается въ глаза, такъ какъ и южныя береговыя пространства отодвинуты сравнительно рѣзко отъ внутреннихъ странъ, хотя настоящіе негры населяютъ одинаково хорошо и морской берегъ, и внутреннюю страну. И въ другихъ отношеніяхъ нѣтъ недостатка въ удивительномъ сходствѣ между обѣими частями Гвинеи.

У берега Нижней Гвинеи впадаетъ громадная рѣка, которая даже открываетъ доступъ кораблямъ, — Конго. Но скоро мореплаватель, который надѣется по ней проникнуть внутрь, видитъ, что его задерживаютъ непреодолимыя препятствія: рядъ быстринъ и водопадовъ, гдѣ могучія воды свергаются съ уступовъ внутренняго плоскогорія. Долгое время не знали ничего изъ этого исполинскаго потока, кромѣ короткаго судоходнаго пространства по рѣчной равнинѣ, пока экспедиція Стэнли впервые не открыла и не сдѣлала извѣстной Европѣ громадную область рѣки Конго со множествомъ судоходныхъ ея притоковъ.

Приблизительно тамъ, гдѣ восточный истокъ Конго, Луапула, пересѣкаетъ въ первый разъ экваторъ, свергается онъ множествомъ водопадовъ (водопады Стэнли) по уступу среднеафриканскаго плоскогорія. Теперь начинается судоходное среднее теченіе Конго, которое исполинскимъ изгибомъ переходитъ экваторъ далеко на сѣверъ, чтобы опять повернуть къ юго-западу и, наконецъ, упомянутыми уже водопадами вступить въ свое короткое нижнее теченіе. Въ его среднемъ теченіи тянется широкая усѣянная островами рѣка чрезъ громадную лѣсную страну внутренней Африки, которая приблизительно отъ впаденія Убанги въ Конго простирается почти до западныхъ озеръ — истоковъ Нила. Этотъ богатый лѣсами бассейнъ Конго — настоящее сердце Африки. Здѣсь жили до послѣдняго времени ея народы, почти нетронутые внѣшними вліяніями; здѣсь удержались въ наибольшемъ количествѣ удивительныя малорослыя племена. Въ своемъ теченіи черезъ эту область Конго принимаетъ многочисленные притоки, напр. Арувими и Руби справа, Ломани слѣва. Со своими могучими притоками Конго находится въ странныхъ отношеніяхъ, что сообщаетъ всей области особенный характеръ: эти побочныя рѣки текутъ въ своихъ ложахъ почти параллельно главной рѣкѣ, принимаютъ всѣ сбоку идущія туда воды и препровождаютъ ихъ только потомъ, собранными, въ самое Конго. Это замѣчается на сѣверѣ относительно Убанги, на югѣ — Шуапы и Лулонго, прежде же всего въ Кассаи, который своими многочисленными притоками собираетъ воду почти со всего южнаго бассейна Конго. Можетъ быть, правильнѣе называютъ всю рѣку Санкуру по имени самой большой рѣки, которая соединяется съ Кассаи. Его западный притокъ Куанго, былъ долгое время единственнымъ, о которомъ имѣли кое-какія свѣдѣнія на берегу, такъ что на прежнихъ картахъ настоящее Конго отступаетъ совершенно на задній планъ предъ этимъ, сравнительно небольшимъ притокомъ.

Область истоковъ Кассаи и его южныхъ притоковъ уже не принадлежитъ ко внутренней среднеафриканской лѣсной области; напротивъ того, здѣсь начинается уже прерываемая лѣсными пространствами область саваннъ, которая мало по малу переходитъ въ южноафриканскую степь. Если

такимъ образомъ эта самая южная часть бассейна Конго имѣетъ нѣкоторое географическое сродство съ Суданомъ, то этнографически она отчасти походитъ на окраинный поясъ Сахары. Въ то время, какъ внутри бассейна Конго нѣтъ рѣчи о крупныхъ государственныхъ единицахъ, находимъ мы здѣсь значительныя государства, напр. знаменитое древнее царство Лунда и другія къ востоку и югу.

Переходной страной отъ тропическаго богатства воды къ южноафриканскимъ засухамъ слѣдуетъ считать бассейнъ Замбези, осѣдлые народы котораго постоянно подвержены вліянію пастушескихъ южноафриканскихъ племенъ. Замбези беретъ начало съ холмистаго плоскогорія, которое образуетъ заднюю страну берега Бенгуэлы. При своемъ спускѣ съ плоскогорія западнаго берега въ болѣе глубокую впадину внутренности и при своемъ переходѣ въ низменность, которая тѣснится между восточно-африканскимъ и южно-африканскимъ плоскогоріемъ, онъ образуетъ многочисленные водопады и быстрины, между которыми водопады Викторіи самые значительные въ Африкѣ. Эти перерывы обусловили то, что его значеніе въ качествѣ соединительнаго звена народовъ не велико. Гораздо значительнѣе выступаетъ Замбези, какъ граница народовъ, какъ оборонительный ровъ, позади котораго осѣдлыя племена находятъ временное убѣжище отъ нападенія воинственныхъ пастушескихъ народовъ юга. Продолжительной защиты, конечно, не можетъ оказать эта преграда.

Итакъ мы имѣемъ въ Южной Африкѣ передъ собой новый поясъ этнологическихъ переворотовъ, который, какъ и Сахара, производитъ посредственно или непосредственно могущественное вліяніе не только на сосѣднюю область, но и далеко во внутренность части свѣта. Но думать, что вся южная Африка — степная область или что она — повтореніе сѣверо-африканской пустыни, было бы столь же невѣрно, какъ и видѣть въ Сахарѣ однообразную песчаную страну, въ каковомъ видѣ ее представляли раньше.

Крупныя, простыя черты, характеризующія строеніе Африки, свойственны вполнѣ и южной оконечности этой части свѣта. Разсматриваемая въ цѣльности, южная Африка — плоскогоріе, окраины котораго возвышаются до горъ и отчасти довольно близко подходятъ къ берегамъ, частью оставляютъ болѣе или менѣе широкое береговое ровное пространство. Эти горы на восточной сторонѣ выше и массивнѣе, чѣмъ на западной. Это имѣетъ слѣдствіемъ, что востокъ, который сверхъ того пользуется благопріятнымъ вліяніемъ главныхъ направленій вѣтровъ, располагаетъ гораздо большимъ обиліемъ воды, нежели западъ; послѣдній имѣетъ, кромѣ самой южной области, только періодическія рѣки. Положимъ, Оранжевая рѣка впадаетъ на западномъ берегу, но вытекаетъ она вмѣстѣ со всѣми своими притоками въ горной странѣ востока. Наименѣе орошаемая дождями и поэтому самая пустынная и безотрадная — это внутренняя область, степь Калахари.

Своеобразность этихъ различныхъ областей южной Африки соотвѣтствуетъ свойству и характеру ея жителей: это бродячіе народы, бушмены въ срединѣ, на западѣ пастушескія племена сравнительно немногочисленныя, на востокѣ воинственные и многочисленные каффры, на половину скотоводы, наполовину земледѣльцы, главный туземный народъ южной Африки. Южная оконечность, наконецъ, была областью племени, которое не причислялось къ черной расѣ: готтентотовъ, которые, какъ бы отброшенные могучими волнами народовъ, нашли себѣ отечество здѣсь въ самомъ крайнемъ, отдаленномъ углу материка.

На сѣверовостокѣ береговыя горы отступаютъ такъ далеко отъ берега, что остается мѣсто для широкой низменности, въ которую впадаетъ главная рѣка юговосточной Африки Лимпопо, а далѣе къ сѣверу Замбези; здѣсь природа страны и ея обитатели болѣе всего приближаются къ тропической области.

КУЛЬТУРНАЯ КАРТА АФРИКИ.

Исторія человѣчества. III.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА АФРИКИ.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Итакъ мы отличаемъ въ Африкѣ три главныхъ пояса: обширную степь и пустыню на сѣверѣ, незначительную степную область на югѣ, и между ними тропическую среднюю Африку со своими исполинскими потоками и лѣсами. Эти три главные пояса соотвѣтствуютъ тремъ большимъ группамъ народовъ Африки: свѣтлокожимъ народамъ на сѣверѣ, желтокожимъ готтентотамъ и бушменамъ на югѣ, а въ ядрѣ части свѣта черному негритянскому племени. Всѣ три группы приспособились къ особенностямъ своей области (см. приложенную двойную карту: „Карта культуры Африки", „Карта народовъ Африки"). Они тѣсно срослись съ почвой родины; часть ихъ темной предыдущей исторіи сниметъ намъ сама собою покрывало съ ихъ тайны, если мы съумѣемъ понять своеобразность страны.

B. Культурно-историческое значеніе растительнаго и животнаго міра Африки.

Но не только съ почвою и климатомъ должны были сжиться племена Африки. Задолго до того, какъ человѣкъ появился, какъ владыка земныхъ тварей, покрывали страну зеленѣющія растенія, и безчисленныя породы животнаго міра наслаждались бытіемъ. Ботаникъ и зоологъ могли бы по своему распредѣлить по порядку растительный и животный міръ по обозримымъ группамъ и описать ихъ нахожденіе; этнографъ попытается, напротивъ, сдѣлать раздѣленіе въ совершенно другомъ смыслѣ; при этомъ самое лучшее слѣдовать примѣру Фридриха Ратцеля, который въ своей „Антропо-географіи" впервые рѣшительно подчеркнулъ культурно-историческую точку зрѣнія. Онъ различаетъ среди вліяній растеній и животныхъ, производимыхъ на человѣка, массовыя дѣйствія и единичныя дѣйствія. Массовыя вліянія возникаютъ тогда, когда жизненный міръ, какъ часть земной поверхности, вліяетъ на движеніе и все бытіе человѣка, покровительству или стѣсняя, напримѣръ въ видѣ лѣсовъ или луговъ, коралловыхъ рифовъ и тому подобное. Единичныя вліянія распадаются въ свою очередь на явленія конкурирующаго свойства, проявляющагося въ хищныхъ животныхъ и вредныхъ растеніяхъ, и на явленія съ характеромъ поддержки. Ко второй группѣ можно было бы отнести всякое содѣйствіе, которой человѣкъ испытываетъ при употребленіи домашнихъ и дикихъ животныхъ, пищевыхъ растеній и растеній для тканей. Дѣленіе Ратцеля нуждается для нашей цѣли въ расширеніи: человѣкъ не только съумѣлъ извлечь необходимое для непосредственнаго пользованія изъ растительнаго и животнаго міра, но и для посредственнаго въ той мѣрѣ, сколько онъ добытое, если оно для него не нужно или по крайней мѣрѣ частью излишне, употребляетъ на другія цѣли; подобное произведеніе въ Африкѣ — слоновая кость (ср. стр. 391). Такимъ путемъ доходимъ мы до торговли и сношенія, которыя, конечно, кромѣ произведеній животнаго и растительнаго міра пускаютъ въ обращеніе и самый благородный, для Африки столь роковой товаръ — самого человѣка (стр. 393).

a) Растительный покровъ вообще.

Лишены растительности прежде всего вершины нѣкоторыхъ горъ, затѣмъ обширныя пространства сѣверо-африканской пустыни. Что въ остальномъ въ Сахарѣ не такъ худо, какъ ее прославили, мы уже видѣли (сравн. стр. 380); даже въ самыхъ пустынныхъ частяхъ достаточно присутствія малѣйшихъ слѣдовъ влаги, чтобы дать возможность пробиться тому или другому изъ ползучихъ растеній пустыни, которыми нетребовательный верблюдъ утоляетъ свой голодъ. Гораздо богаче растительность въ сухихъ долинахъ, и всего роскошнѣе она тамъ тогда, когда послѣ грозовой бури

въ горахъ ложбины на короткое время наполняются водою. Также нѣтъ недостатка въ степяхъ въ западной части Сахары, которыя одну часть года покрыты свѣжею зеленью; а въ оазахъ финиковая пальма соединяется въ маленькіе лѣса, подъ тѣнью которыхъ укрываются также болѣе нѣжныя полезныя растенія.

Саванны съ ихъ густыми порослями травой и рѣдкими деревьями — наиболѣе распространенная и характеристичная мѣстность въ Африкѣ. Это, рядомъ съ большимъ протяженіемъ плоскихъ возвышенностей, вторая главная причина, почему именно во внутренности Африки препятствія къ движеніямъ такъ ничтожны и недостаточны для того, чтобы помѣшать коренному смѣшенію народовъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны проникновеніе во внутренность, по свойству окраинныхъ областей, очень затруднительно. Отсюда своеобразная черта Африки: оживленное движеніе во внутренности, но ничтожное воздѣйствіе на внѣшность изъ нея и извнѣ на нее.

Незамѣтные переходы связываютъ саванны съ безлѣсной степью, а степь съ пустыней. Съ другой стороны также переходъ отъ саванны къ лѣсной странѣ не всегда рѣзокъ. Группы деревьевъ въ луговой странѣ соединяются постоянно въ густыя рощи, воды окаймляются характеристичными „лѣсами въ видѣ галерей"; и между тѣмъ какъ степь мало по малу становится такимъ образомъ лѣсной страной, снова прерываютъ открытыя мѣста и богатыя травой поляны начинающійся дѣвственный лѣсъ. Часто однако граница бываетъ рѣзче, а переходъ круче. „На лѣвомъ берегу Итури вошли мы въ узкій поясъ высокихъ деревьевъ, среди которыхъ мы шли дальше; послѣ того какъ колонна переправилась чрезъ рѣку, затѣмъ вступили мы, къ нашей искренней радости, въ широкую равнину, такую зеленую, какъ англійскій дернъ, при самомъ ясномъ пріятномъ дневномъ свѣтѣ, тепломъ, великолѣпномъ солнечномъ сіяніи: здѣсь мы съ невыразимымъ удовольствіемъ вдыхали свѣжій воздухъ". (Генри Мортонъ Стэнли.)

Исполинскія пространства дѣвственныхъ лѣсовъ, второй главный родъ образованія растительныхъ покрововъ, который имѣетъ важное значеніе для условій народонаселенія. Главная масса этихъ лѣсовъ наполняетъ восточный бассейнъ Конго, почти до западныхъ озеръ истоковъ Нила, и къ западу почти до устья Убанги и до озера Леопольда; на сѣверѣ достигаетъ непрерывная лѣсная область не многимъ далѣе рѣчной долины Конго, на югѣ она нѣсколько заходитъ за долину Санкурру. Внѣ этихъ границъ начинаютъ брать верхъ саванны, хотя именно въ западномъ бассейнѣ Конго нѣтъ недостатка въ цѣльныхъ рощахъ. Вторая область дѣвственнаго лѣса находится у Верхняго Нила и содѣйствуетъ собою этнографической обособленности этой мѣстности. Какъ третью группу дѣвственныхъ лѣсовъ нужно разсматривать, наконецъ, окраинные лѣса африканскаго плоскогорія, которые возникаютъ тамъ, гдѣ берегъ поднимается въ видѣ уступовъ во внутрь, и чрезъ это даетъ полную возможность влагѣ спускаться по склонамъ. Такъ широкая черта дѣвственнаго лѣса въ большей части Гвинеи отдѣляетъ внутреннюю страну отъ берега, въ особенности въ области Камеруна и Габуна; похожій, если не совершенно тождественный поясъ характеренъ для значительной части восточно-африканской береговой страны. Гдѣ эти окраинные лѣса плоскогорія сильно развиты, мы можемъ на нихъ смотрѣть, какъ на одинъ изъ тѣхъ могущественнѣйшихъ пограничныхъ валовъ, которыми внутренняя Африка ограждена отъ всякаго вторженія извнѣ.

Какъ для европейца, такъ и для настоящаго негра дѣвственный лѣсъ не привѣтливая область. Только тамъ, гдѣ лѣсъ граничитъ съ саваннами и широкія поляны прерываютъ мрачныя тѣни лѣсовъ, разводитъ онъ растенія и пробирается глубже въ негостепріимный поясъ, срубая исполинскія деревья и продѣлывая новыя поляны, какъ піонеръ земледѣлія.

Но есть и люди, которые принадлежатъ этимъ лѣсамъ и въ сумракѣ ихъ влачатъ свое существованіе: это африканскіе народы-карлики, которые въ бассейнѣ Конго и во внутренней странѣ Камеруна и Габуна бродятъ по лѣсамъ (сравн. стр. 400).

Въ сравненіи съ лѣсомъ и саваннами, пространства, поросшія низкимъ кустарникомъ, являющіяся въ другихъ мѣстахъ, особенно въ Австраліи, важною составною частью ландшафта и сильнымъ препятствіемъ къ движенію, въ Африкѣ незначительны. Болѣе всего они развиты еще въ странѣ Сомали и на югѣ Африки; ихъ можно разсматривать, какъ особую разновидность степи, пригодную лишь въ весьма ничтожной степени.

б) Вредныя животныя и возбудители болѣзней.

Если мы обратимся отъ массовыхъ вліяній жизненнаго міра къ единичнымъ, то должны будемъ прежде всего остановиться на „конкуррирующихъ“ вліяніяхъ, какъ называетъ Фридрихъ Ратцель опасности, которыя происходятъ отъ существованія вредныхъ животныхъ и растеній. Съ этой точки зрѣнія природа относительно Африки оказалась сравнительно благопріятной; причина этого, можетъ быть, коренится въ климатѣ страны, большею частью сухомъ. Во всякомъ случаѣ число людей, которые бываютъ растерзаны хищными звѣрями, или умерщвлены змѣями, въ Африкѣ несравненно болѣе ничтожно, чѣмъ въ Индіи. Само собою разумѣется, что хищные звѣри находятся въ большомъ числѣ тамъ, гдѣ значительное обиліе дичи, именно въ степяхъ восточной и южной Африки, тогда какъ бѣдная животными западная Африка даетъ пріютъ только немногимъ. Когда потомъ на мѣсто выгнанной и истребленной степной дичи, вступаютъ стада скота, принадлежащія людямъ, должна естественно завязаться сильная борьба съ дикими животными, но человѣкъ рѣдко бываетъ подавленъ въ этой борьбѣ. Положимъ, напр. Эмиль Голубъ во время своего африканскаго путешествія нашелъ, что жители одной маленькой батакской деревни имѣли намѣреніе оставить свою родину, потому что они и ихъ ничтожныя стада козъ каждую ночь подвергались настоящимъ осадамъ и нападеніямъ со стороны львовъ; но такимъ путемъ возникаютъ только небольшія передвиженія, и едва ли хищныя животныя бывали когда либо поводомъ къ странствованію въ большемъ масштабѣ. По большей части они дѣйствуютъ въ томъ смыслѣ, что способствуютъ еще большему опустѣнію слабо населенныхъ мѣстностей.

Гораздо значительнѣе вліяніе вредныхъ насѣкомыхъ и тѣхъ малѣйшихъ живыхъ существъ, которымъ мы приписываемъ эпидемическія болѣзни. И съ этой точки зрѣнія Африка поставлена не совсѣмъ неблагопріятно; здѣсь не то, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Азіи, гнѣздилищахъ свирѣпствующихъ заразительныхъ болѣзней, которыя тянутся опустошая цѣлыя части свѣта; съ другой стороны она обладаетъ населеніемъ, которое значительно превосходитъ средней продолжительностью жизни всѣ другіе дикіе народы. Конечно, изъ другихъ частей свѣта, нашли себѣ путь въ Африку заразительныя болѣзни: оспа, сифилисъ и другія. Но онѣ далеко не произвели такого уничтожающаго дѣйствія, какъ у племенъ Полинезіи или Южной Америки.

Самая главная между мѣстными болѣзнями Африки — болотная лихорадка, обыкновенная малярія, которая, какъ извѣстно, также случается въ другихъ, не очень отдаленныхъ по направленію къ полюсу болотныхъ странахъ, какъ въ Голландіи и мѣстами на Сѣверно-нѣмецкомъ морѣ. То обстоятельство, что со времени начала переселенія европейцевъ такъ много говорятъ о маляріи, доказываетъ намъ, какую роль играетъ эта болѣзнь въ исторіи Африки: она тоже оборонительная стѣна страны, хотя и неви-

димая, но болѣе страшная, чѣмъ всѣ другія, такъ какъ тутъ она преимущественно нападаетъ на европейца, и въ большинствѣ случаевъ рано или поздно побѣждаетъ; она, можетъ быть причиною того, что тропическая часть Африки все-таки главнымъ образомъ будетъ принадлежать черной расѣ. Этимъ еще не сказано, что негръ по своей природѣ не воспріимчивъ къ болотной лихорадкѣ: африканецъ, который переселяется изъ болѣе здоровыхъ областей въ районъ маляріи, не минуетъ припадка болѣзни. Такъ она образуетъ и во внутренней исторіи Африки кое-что, съ чѣмъ нужно считаться, ибо она довольно часто пріостанавливала переселеніе и защищала отъ преслѣдованія и совершеннаго уничтоженія разбитые народы, которые укрывались въ болотныя страны.

Въ странѣ, которая питаетъ такое большое число пастушескихъ народовъ, какъ Африка, есть также серьезные враги, которые угрожаютъ стадамъ и тѣмъ подтачиваютъ до корня существованіе человѣка. Болѣе крупныя хищныя животныя относительно не опасны, по крайней мѣрѣ по сравненію съ меньшими врагами. Между ними муха цеце извѣстна, какъ роковая особенность Африки. Если даже можно опровергать преувеличенные разсказы, то все-таки, несомнѣнно что это крошечное крылатое существо, укушеніе котораго совершенно безопасно для человѣка, но для рогатаго скота и для лошадей смертельно, дѣлаетъ полосами скотоводство невозможнымъ, и тѣмъ пріостанавливаетъ переселенія пастушескихъ народовъ. Область ея распространенія начинается почти на сѣверной границѣ Трансваала и тянется до восточной нѣмецкой Африки. Что граница Трансваала не отодвинута дальше или что никакихъ бурскихъ государствъ не образовалось сѣвернѣе Лимпопо, приписывается главнымъ образомъ этому насѣкомому, которое при каждой попыткѣ къ переселенію уничтожало быковъ и лошадей и парализовало каждое движеніе впередъ къ сѣверу.

Муха цеце, преграждая только извѣстныя области и не вторгаясь впередъ, ничто передъ другимъ вреднымъ насѣкомымъ, саранчей, и губительной, весьма недавно занесенной эпидемической болѣзнью, чумой рогатаго скота, съ которой впрочемъ часто смѣшиваютъ другія, едва ли менѣе пагубныя болѣзни. Нѣмецкая восточная Африка имѣла въ новѣйшее время случай испытать соединенное дѣйствіе обоихъ бичей, такъ какъ почти одновременно саранча уничтожила жатву, а чума скотъ. Воинственное, гордое пастушеское племя Массаи, когда-то ужасъ всѣхъ окрестныхъ народовъ, вслѣдствіе этого частію слилось въ кучку полуголодныхъ нищихъ; другія племена чрезвычайно убавились въ числѣ. Обстоятельства этого рода — обыкновенно начало политическихъ переворотовъ, такъ какъ сдѣлавшіеся безсильными не могутъ больше противиться своимъ непріятелямъ, разсѣяваются и уничтожаются, или же отдаютъ свою землю и должны искать себѣ новыхъ осѣдлостей побѣднѣе. Въ другихъ же мѣстахъ, какъ еще въ новѣйшее время въ нѣкоторыхъ областяхъ Судана, кочующія племена принуждены были, вслѣдствіе уничтоженія своего скота, перейти къ земледѣлію, и при этомъ сдѣлать первый шагъ къ полнѣйшему измѣненію не только образа жизни, но также самаго характера народа.

в) Полезныя животныя.

Уже между вредными животными много такихъ, которыя были занесены извнѣ Африки и ввозъ которыхъ можно прослѣдить исторически. Еще въ большей степени это касается полезныхъ растеній и полезныхъ животныхъ. Здѣсь иногда передъ нами загадка, разрѣшеніе которой было бы очень важно для освѣщенія доисторическаго времени Африки.

Только въ отрицательномъ смыслѣ можетъ человѣкъ вообще воздѣйствовать на распространеніе охотничьей дичи. На хищническихъ нача-

лахъ основана торговля слоновою костью, которая во многихъ отношеніяхъ выступила на первое мѣсто послѣ прекращенія вывоза невольниковъ, но не обѣщаетъ больше быть продолжительною. Въ большей части Африки большія толстокожія животныя, которыя всюду преслѣдуются ярыми охотниками, иногда совершенно исчезли, и только въ отдаленныхъ областяхъ находятся еще многочисленныя стада слоновъ. Такъ исчезнетъ и этотъ выгодный товаръ, и торговля будетъ принуждена удовольствоваться другими, менѣе цѣнными.

Какъ только мы обратимся къ домашнимъ животнымъ, тотчасъ навязывается трудный вопросъ о происхожденіи различныхъ ихъ видовъ. Нѣкоторыя прирученныя животныя родомъ, по всей вѣроятности, изъ Африки, такъ напр. оселъ, если только вѣрно то предположеніе, что мы должны смотрѣть но восточно-африканскаго дикаго осла, какъ на праотца терпѣливаго сѣраго животнаго. Африканскій слонъ, кажется, приручался въ древности. Собака находится во всѣхъ частяхъ свѣта, какъ спутникъ человѣка, такъ что только самое основательное изысканіе признаковъ породъ можетъ дать свѣдѣніе о происхожденіи различныхъ разновидностей. Достойно вниманія, что карлики въ первобытныхъ африканскихъ лѣсахъ разводятъ особенную породу охотничьихъ собакъ; другимъ племенамъ служитъ собака, какъ убоина.

Прочія животныя всѣ приведены изъ другихъ частей свѣта, напр. верблюдъ, котораго кажется совсѣмъ не было до времени великаго переселенія народовъ въ Африкѣ.[1] Это весьма важный фактъ: если верблюдъ необыкновенно облегчаетъ теперь сношеніе Судана съ сѣверной Африкой, то нужно смотрѣть на отсутствіе этого характеристичнаго животнаго пустыни въ болѣе древнее время, какъ на препятствіе въ сношеніи; этимъ объясняется ничтожная связь сѣверной Африки со странами негровъ. Лошадь имѣетъ значеніе только на сѣверѣ и въ Суданѣ; конница — могущественное орудіе суданскихъ властелиновъ и гибель языческихъ негрскихъ племенъ, которыя на равнинѣ подвержены ея нападенію. Въ южной Африкѣ нѣкоторыя племена готтентотовъ развились въ подвижные наѣздническіе народы послѣ ввоза лошадей европейцами; муха цеце (см. выше) препятствуетъ здѣсь мѣстами движенію впередъ лошади и ея владѣльцевъ.

Овца въ западной Африкѣ до южной оконечности распространена у туземцевъ, далѣе въ Суданѣ и на сѣверо-востокѣ части свѣта; свинья, первоначально перенесенная европейцами на западный и южный берегъ, находится уже далеко во внутренней Африкѣ. Гораздо важнѣе обѣихъ рогатый скотъ, который также не африканскаго происхожденія, но сдѣлался домашнимъ очевидно съ очень давняго времени на черномъ материкѣ. Существованіе большихъ группъ народовъ зависитъ преимущественно отъ него; есть даже типичные пастушескіе народы въ Африкѣ, которые посвящаютъ себя почти такимъ же нѣжнымъ попеченіямъ о своихъ стадахъ, видя въ нихъ средоточіе своихъ дѣяній и мыслей, какъ древніе индійскіе арійцы о своихъ „священныхъ коровахъ“. Благодаря рогатому скоту, степь дѣлается населенною; мало того, она дѣлается колыбелью сильныхъ народовъ, вмѣшательство которыхъ въ судьбу своихъ земледѣльцевъ-сосѣдей наполняетъ столько страницъ исторіи Африки. Неизвѣстенъ рогатый скотъ, кромѣ другихъ небольшихъ пробѣловъ области его

[1] Изъ Библіи видно, что верблюдъ былъ уже въ ветхозавѣтныя времена въ употребленіи у азіатскихъ народовъ. Это же доказываютъ и ассирійскіе барельефы. Страбонъ также говоритъ о верблюдовожатыхъ въ пустынѣ. Въ Египетъ онъ введенъ не раньше римскаго времени. Въ Каирскомъ музеѣ есть фаянсовая ваза, представляющая верблюда, нагруженнаго сосудами и погоняемаго азіатомъ. Вещь относится къ эпохѣ Рамессидовъ, и говоритъ только за то, что египтяне считали верблюда принадлежностью азіатовъ.
Б. Т.

распространенія, въ большей части бассейна Конго, а также въ районѣ первобытныхъ лѣсовъ средней Африки.

Принимая въ соображеніе распространеніе жизненныхъ основъ, обусловливающихъ обладаніе убойнымъ скотомъ и домашней птицей, мы не должны забывать, что вездѣ общепринятый обычай или дѣйствительное запрещеніе исключаетъ употребленіе въ пищу извѣстныхъ животныхъ. Такъ невидимый предѣлъ препятствуетъ разведенію свиньи въ магометанскихъ странахъ; куръ, которыя находятся почти повсюду въ Африкѣ, часто не ѣдятъ, или же пренебрегаютъ ихъ яйцами. У многихъ пастушескихъ народовъ рогатый скотъ въ такомъ уваженіи, что довольствуются коровьимъ молокомъ. Еще много подобныхъ странностей препятствуетъ употребленію того или другаго вида охотничьей дичи, между тѣмъ съ другой стороны, въ большей части восточной Африки совершенно пренебрегаютъ рыбой.

г) Полезныя растенія.

На сколько могли бы быть важны охота и скотоводство и для большихъ группъ населенія Африки, настолько первымъ условіемъ существованія негровъ остается культура полезныхъ растеній, прежде всего простѣйщій способъ обработки полей заступомъ, заступная обработка (Hackbau), какъ ее мѣтко назвалъ Эдуардъ Ганъ. Въ этомъ отношеніи африканецъ болѣе способенъ, чѣмъ въ другой какой бы то ни было области, такъ какъ онъ заимствовалъ множество полезныхъ растеній, которыя родомъ изъ другихъ тропическихъ странъ, и передалъ ихъ далеко внутри живущимъ племенамъ. Сама Африка по природѣ своей не особенно богата полезными растеніями. Важнѣйшія изъ нихъ и ранѣе всего привившіяся — три рода проса Panicum distichum, Holcus sorghum и Eleusine, изъ которыхъ между прочимъ негръ умѣетъ приготовлять опьяняющіе напитки. Къ нимъ присоединился введенный изъ Америки маисъ и корень маніокъ, который родомъ изъ той же части свѣта. Европейскіе сорта хлѣбныхъ растеній растутъ внутри тропическихъ областей только въ болѣе высокихъ горныхъ странахъ, которыя въ Африкѣ отступаютъ слишкомъ на задній планъ, но они разводятся съ успѣхомъ въ подтропическихъ областяхъ до глуби Судана. Напротивъ, рисъ, настоящее тропическое растеніе, собирается какъ на востокѣ, такъ и на западѣ этой части свѣта въ сырыхъ низменностяхъ. Вѣроятно туземнаго происхожденія земляные орѣхи, какъ и извѣстные сорта бобовъ и гороха. Бананъ, который въ особенности въ восточной Африкѣ мѣстами доставляетъ главную часть пищи, въ другихъ мѣстахъ отступаетъ далеко на задній планъ и кажется распространенъ только кое-гдѣ. Финиковая пальма, которая родомъ изъ западной Азіи, попадается только въ сѣверной пустынѣ и пограничныхъ съ нею областяхъ; область кокосовой пальмы ограничивается морскими берегами. На западно-африканскомъ берегу вывозъ пальмоваго масла и плодовъ масличной пальмы получаетъ все большее и большее значеніе и обѣщаетъ прочную выгоду, такъ какъ въ этомъ случаѣ въ видѣ исключенія хозяйство не имѣетъ хищническаго характера, тогда какъ безпорядочное добываніе каучука въ приморскихъ мѣстахъ, которое недавно началось съ большимъ рвеніемъ, опять сократится. Только въ недавнее время разведеніе плантацій подъ европейскимъ руководствомъ началось въ большемъ размѣрѣ, и должно мѣстами скоро оживить торговлю.

Великое однообразіе Африки влечетъ за собою, что необходимыя условія для обработки полей въ сосѣднихъ областяхъ рѣдко на столько различны, чтобы препятствовать распространенію народовъ. Сверхъ того, число полезныхъ растеній теперь все-таки такъ велико, что для каждой сколько нибудь годной полосы земли всегда найдутся годныя породы

плодовыхъ или хлѣбныхъ растеній, тѣмъ болѣе, что негръ вообще, какъ пахарь, не заслуживаетъ пренебреженія. Конечно, житель пустыни, который пробирается въ плодородную область Судана, долженъ отказаться отъ питанія финиками, и опасности, которыя связаны при этой рѣзкой перемѣнѣ образа жизни, и къ которымъ присоединяются еще другія лишенія, представляютъ, во всякомъ случаѣ, слабую защиту, въ случаѣ опасности, пограничнымъ странамъ Сахары.

Г. Рабство и торговля невольниками.

Домашнія животныя и полезныя растенія доставляютъ возможность негру устроиться хозяйственнымъ образомъ на своей почвѣ, и недостатокъ или обиліе въ пищѣ вліяютъ непосредственно глубоко на его существованіе и на его силу сопротивленія. Но и посредственныхъ вліяній нельзя не признавать: съ завистью смотритъ бѣднѣйшій сосѣдъ на владѣльца тучной почвы или многочисленныхъ стадъ, и, если можетъ, ищетъ случая завладѣть заманчивой добычей. Такъ возникаютъ постоянная борьба и передвиженія во внутренности Африки, которыя перетасовываютъ племена, но сфера колебанія которыхъ не заходитъ за страны черной расы. Эти перемѣщенія становятся вслѣдствіе одного особеннаго обстоятельства многочисленнѣе и, по своимъ послѣдствіямъ, значительнѣе для смѣшенія африканскихъ племенъ: тѣсно связаннымъ съ копательной обработкой земли оказывается рабство. Идеалъ африканца — обладаніе насколько возможно большимъ количествомъ женъ и рабовъ, которые обрабатываютъ для него землю и дозволяютъ ему жить спокойно ея произведеніями, и притомъ вести выгодную мѣновую торговлю; невольникъ въ Африкѣ — лучшій и самый вѣрный вкладъ капитала, обладаніе которымъ ручается за богатые проценты. Поэтому главная цѣль всѣхъ войнъ — захватъ невольниковъ, которые потомъ постепенно сливаются съ родомъ своихъ новыхъ владѣльцевъ и вліяютъ на первобытныя особенности побѣдоноснаго племени. Но рабы были съ давняго времени не только дорогая собственность, но и вмѣстѣ съ тѣмъ очень цѣнный предметъ торговли, за которымъ также жители другихъ частей свѣта протягивали руки со спросомъ.

Африка никогда не приманывала такого множества купцовъ къ своимъ берегамъ, какъ многія другія тропическія области. Когда португальцы огибали ее во время плаванія, они оставляли страну долгое время почти безъ вниманія, думая только обогатиться сокровищами Индіи; и теперь еще торговля Африки сравнительно слабо развита. Что же касается того, что изъ многихъ попытокъ болѣе оживленныхъ сношеній возникло такъ мало продолжительныхъ выгодъ, то причина этого, лежитъ въ роковой особенности африканской торговли; она почти всегда основывается на хищническомъ началѣ, и слѣдствіемъ ея, послѣ кратковременной большой выгоды, является упадокъ и убытокъ. Это касается болѣе всего той пагубной вѣтви торговли, которая нигдѣ ни въ одной части свѣта не развилась такъ, какъ въ Африкѣ, торговли невольниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако эта торговля для этнографіи и для исторіи важнѣе, чѣмъ какая либо другая: благодаря ей стало возможнымъ распространеніе черной расы по другимъ землямъ, по которымъ она никогда не распространилась бы добровольно; даже почти исключительно на торговлѣ невольниками основывалось долгое время историческое значеніе Африки для остального міра.

Для самой Африки послѣдствія возмутительной торговли невольниками были очень велики. Если прежде размноженіе невольниковъ внутри народной общины было связано извѣстными природными границами, внѣ которыхъ они приносили болѣе опасности, чѣмъ пользы, то этотъ спасительный предѣлъ палъ, лишь только невольникъ сдѣлался предметомъ вывоза: постоянныя войны, хищническіе походы, уничтоженіе небольшихъ

племенъ, опустѣніе широкихъ пространствъ и разрушеніе многихъ государственныхъ формъ были слѣдствіемъ измѣнившихся обстоятельствъ. Рядомъ образовались государства, все существованіе которыхъ основывалось на похищеніи невольниковъ. Что касается времени начала вывоза невольниковъ, то для отдѣльныхъ областей оно совершенно различно. Тогда какъ Суданъ уже во времена египетской и греко-римской культуры поставлялъ народамъ у Средиземнаго моря постоянно невольниковъ, число которыхъ послѣ завоевательныхъ походовъ арабовъ значительно увеличилось, вывозъ изъ восточной Африки введенъ только арабами, изъ западной Африки — европейцами послѣ открытія Америки; затѣмъ эта торговля стала производиться съ неизвѣстной до того времени силой. Ограниченіе торговли невольниками въ настоящее время даетъ совершенно новое направленіе исторіи Африки.

Д. **Полезные минералы.**

Между минералами, добываніе которыхъ значительно повліяло на африканскую исторію, прежде всего слѣдуетъ назвать желѣзо: это культурный африканскій металлъ. Почти всюду его находятъ въ этой части свѣта, такъ какъ геологическія свойства земли благопріятствуютъ его нахожденію; почти всѣ народы умѣютъ добывать его руду и дѣлать изъ нея оружіе и утварь. Рѣже попадается и не имѣетъ особенной важности мѣдь. Золото встрѣчается въ двухъ областяхъ въ большомъ количествѣ: на Золотомъ берегу и во внутренней Сенегамбіи съ одной стороны, въ юговосточной Африкѣ — съ другой, именно въ юго-восточной оно уже давно сдѣлалось добычею чужеземныхъ народовъ и безъ сомнѣнія обусловило важныя культурныя заимствованія, и даже смѣшенія народовъ. Недавно (1899 г. въ Трансваалѣ) оно сдѣлалось причиною значительныхъ политическихъ переворотовъ. Для внутренней исторіи Африки болѣе всѣхъ веществъ имѣетъ значеніе соль, потому что негръ главнымъ образомъ живетъ растительною пищею и оттого нуждается настоятельно въ соли для своего питанія. Немногочисленныхъ мѣстъ внутри, гдѣ добывается соль, потому обыкновенно сильно добиваются и они являются предметомъ частыхъ войнъ, морской же берегъ, который доставляетъ въ большомъ изобиліи дорогія пряности, частью уже поэтому — цѣль перекочевыванія внутреннихъ племенъ. Оживленная торговля является естественнымъ послѣдствіемъ.

Этимъ мы ограничимся, говоря о внѣшнихъ данныхъ и условіяхъ, насколько они опредѣлили и еще опредѣляютъ путь для историческаго развитія Африки.

Е. **Населеніе.**

а) Происхожденіе негра.

Какое положеніе, должны мы спросить, занимаетъ обитатель тропической Африки, негръ, въ великомъ единствѣ человѣческаго рода? Первобытный ли онъ житель своей области, или если нѣтъ, то гдѣ лежатъ его прежнія обиталища? Есть ли у него близкіе родственники между прочими расами на землѣ, и гдѣ искать этихъ родственниковъ?

Негръ представляетъ характеристичный, особенный родъ человѣчества, какъ бы сильно ни отличались другъ отъ друга различныя племена и единичныя личности, вслѣдствіе разнообразнѣйшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній. Болѣе или менѣе темный цвѣтъ кожи, долихокефальный черепъ, прогнатизмъ лица, толстыя губы и болѣе широкій, чѣмъ длинный носъ могутъ вмѣстѣ съ волосами, похожими на шерсть, служить

главными признаками черной африканской расы. Съ точки зрѣнія языка, эта раса совершенно не представляетъ единства.

Далеко отъ Африки, въ Австраліи, и на островахъ Меланезіи есть другая темнокожая порода людей, которая въ очень многихъ пунктахъ согласуется съ африканскими неграми и еще болѣе согласовалась бы, еслибы повсемѣстно уже не измѣнила ее и не оказала на нее сильнаго вліянія малайско-полинезійская примѣсь. Настоящаго меланезійца едва можно отличить отъ типичнаго негра. Должны ли мы немедленно заключить объ одинаковомъ происхожденіи, или должны допустить, что въ тропическихъ областяхъ Австраліи при такихъ же условіяхъ, какъ въ Африкѣ, развился самостоятельно подобный же народъ? Отъ изслѣдованія языка, который въ другихъ случаяхъ часто говоритъ рѣшающее слово, здѣсь можно мало ожидать помощи. Изслѣдованіе же культурныхъ достояній пока не приводитъ къ надежнымъ результатамъ, хотя многое повидимому намекаетъ на родственную связь.

За родство говорятъ еще и другія соображенія. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ третьей великой тропической области земли, Америкѣ, не возникло самостоятельной черной расы, между тѣмъ ввезенные негры тамъ превосходно размножались; съ другой стороны, пространство между Африкой и Меланезіей значительно уменьшилось отъ присутствія негроподобныхъ первобытныхъ народовъ на нѣкоторыхъ Зондскихъ островахъ и въ южной части передней Индіи. Черезъ морское пространство гораздо большее, чѣмъ между Цейлономъ и Занзибаромъ, проникли малайцы, когда они, вѣроятно, переселялись изъ Суматры въ Мадагаскаръ. Но малайцы — самый способный къ плаванію изъ дикихъ народовъ на землѣ, негры — совершенно наоборотъ; если мы даже допустимъ, что искусство плаванія у народа, который нашелъ себѣ новое отечество, можетъ быть совершенно потеряннымъ, всетаки предположеніе о переселеніи негровъ или изъ Австраліи въ Африку, или наоборотъ, болѣе чѣмъ смѣло.

Другое предположеніе звучитъ сначала, какъ будто гораздо убѣдительнѣе. Вездѣ, гдѣ темная раса граничитъ съ областью другихъ группъ людей, мы видимъ, что она идетъ къ замѣтному упадку; негры Судана, дравидійскіе народы южной Индіи, негритосы на Филиппинскихъ островахъ, несомнѣнно находятся относительно своихъ свѣтлокожихъ сосѣдей въ менѣе выгодномъ положеніи. Можетъ быть мы стоимъ передъ заключительнымъ актомъ долгаго развитія: нѣкогда сидѣло темнокожее населеніе въ южной Азіи и сѣверной Африкѣ, какъ замкнутая группа, пока вторженіе свѣтлокожихъ народовъ не порвало единства, причемъ отдѣльныя части негрской расы были оттѣснены къ югу въ среднюю Африку, въ южную Индію и на австралійскіе острова.

Однако же противоположныя основанія слишкомъ вѣски для того, чтобы было возможно принять этотъ взглядъ. Онъ принудилъ бы насъ къ сомнительному предположенію, будто первобытныя осѣдлости негровъ лежали не въ нынѣшнихъ тропическихъ областяхъ, а гораздо сѣвернѣе, въ странахъ, гдѣ теперь нѣтъ никакихъ слѣдовъ негроподобнаго населенія. А негръ между тѣмъ — прямой типъ тропическаго жителя, вполнѣ подходящій къ условіямъ своего современнаго отечества. Сверхъ того, время прошло, когда были склонны выводить происхожденіе отдѣльныхъ расъ изъ отдаленныхъ областей, арійцевъ, напримѣръ, низводить изъ негостепріимнаго, наполненнаго монгольскими племенами Тибета, или допускать переселеніе всѣхъ американскихъ расъ изъ Азіи черезъ Беринговъ проливъ. Гораздо правильнѣе искать прародину расы, другими словами область, гдѣ она пріобрѣла свои характеристичные признаки, именно тамъ, гдѣ и теперь еще находится ядро народа. Въ такомъ случаѣ несомнѣнно, что тропическая страна должна быть родиною негра.

Не для того, чтобы разрѣшить вопросъ (онъ для этого не созрѣлъ), но чтобы сколько нибудь выяснить всѣ возможные способы рѣшенія, нужно припомнить о глубокой древности человѣчества и продолжительности его развитія, Взглядъ, что люди жили на землѣ уже въ третичный періодъ, то есть въ одинъ изъ самыхъ подвижныхъ вѣковъ исторіи земли, и еще до великихъ переворотовъ дилювіальнаго времени, имѣетъ, пожалуй, нѣкоторыя вѣроятія, Такимъ образомъ, всѣ взгляды, принимающіе въ соображеніе современный видъ этой части свѣта, теряютъ большую часть своего значенія; выставлять же новыя предположенія при современномъ состояніи науки является дѣломъ, въ достаточной степени празднымъ. Удовольствуемся мы поэтому допущеніемъ возможности, что въ весьма отдаленное время Африка могла быть соединена съ восточными областями распространенія негроподобныхъ народовъ, и что, если дѣйствительно это такъ, была бы устранена сама собою главная трудность задачи. Многое говорило бы за этотъ взглядъ, какъ напримѣръ родство флоры Капской области съ австралійской; но привести убѣдительное доказательство пока никто не въ состояніи.

б) Антропологія негра.

Всѣ вопросы, содержаніе которыхъ лежитъ далеко за предѣлами всѣхъ историческихъ познаній, какъ напр. о происхожденіи африканскихъ народовъ и вообще о первобытномъ времени этой части свѣта, нуждаются для отвѣта еще въ другихъ вспомогательныхъ средствахъ, кромѣ разсмотрѣнія естественныхъ свойствъ страны. Эти вспомогательныя средства должно доставить народовѣдѣніе или антропологія, если мы захотимъ разсматривать эту науку съ болѣе широкой точки зрѣнія. Для Африки раздѣленіе народовѣдѣнія на доисторическое и современное еще менѣе цѣлесообразно, чѣмъ для какой либо другой части свѣта. Хотя въ Африкѣ нѣтъ совершеннаго недостатка въ доисторическихъ находкахъ, но онѣ немногочисленны, и объясненіе ихъ несравненно труднѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ обитаемой земли. Мы можемъ ожидать большихъ успѣховъ только въ томъ случаѣ, если обратимся къ изслѣдованію современныхъ народовъ.

Вполнѣ вѣрно считается тѣлосложеніе человѣка, его первое наслѣдіе, наименѣе подверженное произвольнымъ измѣненіямъ, самымъ характернымъ признакомъ расы. Говорящіе по англійски негры Америки остались неграми, не смотря на перемѣны языка и культуры; еврей остается такимъ же и распознается по своему тѣлесному признаку, съ какими бы народами онъ ни смѣшивался. Но конечно, какъ вообще, такъ въ особенности въ Африкѣ, намъ приходится имѣть дѣло не со столь просто и ясно поставленными вопросами, а съ послѣдствіями коренного сліянія народовъ. Какъ нельзя отдѣлить массы сплавленнаго металла механическимъ разложеніемъ, такъ и смѣшеніе народовъ Африки никакъ нельзя разложить на его составныя части; только самыя обширныя антропологическія изслѣдованія могутъ помочь въ этомъ.

На первомъ планѣ нужно назвать цвѣтъ кожи, болѣе всего бросающійся въ глаза признакъ африканскихъ народовъ. Онъ даетъ многократно возможность распознать примѣсь свѣтлокожихъ хамитскихъ составныхъ частей къ первобытнымъ темнокожимъ негрскимъ племенамъ, впрочемъ въ качествѣ единственнаго отличительнаго признака, такъ какъ и внутри чисто африканскихъ группъ людей различіе въ цвѣтѣ кожи, вслѣдствіе климатическихъ условій, очень значительно: „у темнокожихъ расъ разнообразится цвѣтъ кожи отъ мѣста жительства и образа жизни, и только типъ остается постояннымъ.“ (Оскаръ Бауманъ). Съ другой стороны кажется, что именно темный цвѣтъ кожи передается легче всѣхъ отличительныхъ расовыхъ примѣтъ на метисовъ между неграми и

свѣтло кожими, и при вторичныхъ смѣшеніяхъ вполнѣ одерживаетъ верхъ. Это доказываютъ по крайней мѣрѣ арабско-негрскія помѣси, которыя въ Суданѣ и на восточномъ берегу являются почти единственными представителями арабскаго элемента: они нисколько не уступаютъ въ темнотѣ окраски настоящимъ неграмъ, тогда какъ ихъ рѣзко обозначенный профиль еще доказываетъ несомнѣнно семитическое происхожденіе. Совершенно иначе, какъ кажется, обстоитъ дѣло у метисовъ между неграми и европейцами.

Величина тѣла и полнота — важные отличительные признаки происхожденія. Такъ малый ростъ извѣстныхъ внутренно-африканскихъ племенъ открываетъ намъ, что они здѣсь произошли отъ смѣшенія съ народами-карликами; группа народовъ-карликовъ сама должна быть, главнымъ образомъ на основаніи разницы въ ростѣ, рѣзко отдѣлена отъ негровъ. Худоба тѣла напротивъ — признакъ племенъ пустыни; онъ, даже и послѣ переселенія въ болѣе плодородныя мѣстности, сохраняется часто долгое время. Въ южной Африкѣ эта худоба встрѣчается у готтентотовъ и бушменовъ въ соединеніи съ морщинами кожи, также съ чрезмѣрнымъ образованіемъ жира въ извѣстныхъ частяхъ тѣла (стеатопигія, ожиpѣніе) — явленіемъ, которое также встрѣчаютъ у племенъ въ верхнихъ областяхъ Нила и у степныхъ народовъ сѣверо-восточной Африки.

Очертаніе головы, которая у негра обнаруживаетъ очень характеристичныя формы, чрезвычайно важно, но далеко не достаточно изслѣдовано. Въ общемъ довольствуются измѣреніями череповъ; но эти достойные благодарности труды не повели всетаки ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ они односторонне и схематически принимали въ соображеніе только одну сравнительно неважную часть формы головы. О физіономикѣ же расъ, которая взялась опять, на научномъ основаніи, за неудавшуюся попытку Іоганна Каспара Лафатера (1775—78), пока едва можетъ быть рѣчь, и дѣйствительно, трудности необыкновенно велики. Какъ арабскіе метисы отличаются весьма рѣзко и долго отъ настоящихъ негровъ по чертамъ лица, такъ со временемъ узнаютъ съ помощью отпечатаннаго на лицѣ расоваго признака и другія расовыя смѣшенія, восходящія въ доисторическія времена.

Волоса, какъ дальнѣйшій признакъ расы африканцевъ, часто даютъ возможность на ряду съ темнымъ цвѣтомъ кожи, распознавать примѣсь негрской крови къ племенамъ, которыхъ вообще причисляютъ къ другимъ группамъ народовъ. Напротивъ если мы встрѣтимъ негра, волосы котораго утратили свой жесткій видъ, то мы должны заключить что нѣкогда на него повліяла чужая народность.

в) Культурное достояніе негра.

Тѣлесные признаки и потому слѣдуетъ поставить на первый планъ, что они не двусмысленно указываютъ на настоящую примѣсь; арабъ съ очень темнымъ цвѣтомъ кожи долженъ быть тѣлесно сродни неграмъ: другое объясненіе просто невозможно. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ въ культурномъ достояніи духовнаго и вещественнаго порядка: оно можетъ передаваться и безъ примѣси. Отсюда новый рядъ вопросовъ и сомнѣній, которые затрудняютъ и дѣлаютъ ненадежнымъ всякое изслѣдованіе. Сравнительно меньше это касается еще второй большой группы расовыхъ признаковъ языковъ. Ставить языкъ, какъ рѣшительный отличительный признакъ расы, на первый планъ, будетъ преувеличеніемъ; именно, Африка доказываетъ, какъ лингвистическія отношенія скорѣе часто застилаютъ, нежели разоблачаютъ истину. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ ожидать отъ лингвистическихъ изслѣдованій Африки еще многихъ разъясненій о темномъ прошломъ этой части свѣта.

Языкознаніе прежде всего устанавливаетъ намъ весьма важный фактъ: главная масса негритянскаго населенія и по языку представляетъ единство. Всѣ племена, которыя сидятъ къ югу отъ извѣстной линіи, пользуются (исключая совершенно обособленныхъ готтентотовъ и бушменовъ) языками банту, которые, находясь между собою въ самомъ тѣсномъ родствѣ, отличаются извѣстными особенностями отъ другихъ большихъ группъ языковъ на землѣ. Эта линія начинается у Атлантическаго океана приблизительно отъ прежней сѣверной границы нѣмецкой колоніи Камеруна, тянется по направленію къ востоку и поворачиваетъ къ Викторіи-Ніанца, при чемъ она оставляетъ къ югу государства Уніоро и Уганда. Въ собственной Африкѣ граница, вслѣдствіе новыхъ перекочевываній, очень разорвана; къ сѣверу народы банту сидятъ до Таны.

Если мы соединимъ племена, которыя употребляютъ бантусскій языкъ, въ одну особую группу, то негры Судана, какъ и берега Гвинеи, конечно, отпадутъ отъ этой группы. Хотя они по языку не составляютъ единства, мы всетаки должны разсматривать ихъ поэтому, какъ второй большой отдѣлъ африканской расы. Отсюда выходитъ уже, что раздѣленіе съ чисто лингвистической точки зрѣнія часто не достигаетъ цѣли. Тщетно пытались выставить на видъ отдѣльность банту отъ прочихъ негровъ, подчеркивая мнимыя тѣлесныя различія, какъ коренныя; нельзя опровергнуть факта, что антропологически настоящіе, не смѣшанные негры Гвинеи и Судана нераздѣлимо соединены съ банту. На это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, иначе все основаніе африканской первобытной исторіи будетъ выставлено въ ложномъ свѣтѣ.

Не смотря на это, лингвистическія условія Африки чрезвычайно важны для самой ея исторіи, такъ какъ распространеніе языковъ банту — безусловно слѣдствіе долгаго развитія и важныхъ историческихъ событій.

Кто безпристрастно разсмотритъ современное состояніе некультурныхъ, напр. австралійскихъ племенъ, тотъ узнаетъ, что намъ приходится исходить отъ многочисленности праязыковъ; внутри небольшихъ, предоставленныхъ самимъ себѣ племенъ преобладаетъ постоянно наклонность образовывать самостоятельные діалекты. Такъ мы должны принять во вниманіе, что и въ Африкѣ съ древняго времени говорятъ на многочисленныхъ различныхъ языкахъ. Какъ остатокъ этихъ условій является отношеніе языковъ на берегахъ Гвинеи и части Судана. На большомъ южномъ плоскогоріи теперь постепенно наступила перемѣна, которая должна стоять въ самой тѣсной связи съ продолжительными войнами, оттѣсненіями и смѣшеніемъ жителей этой области. Народъ со временемъ сообщилъ всѣмъ другимъ и навязалъ свой языкъ; но какой это могъ быть народъ и какъ намъ вообще представлять себѣ весь этотъ процессъ?

При отвѣтѣ на второй вопросъ намъ приходитъ на помощь важное обстоятельство, которое доказываетъ намъ, что тѣ же силы, которыя служили для распространенія языка банту, въ другихъ мѣстахъ Африки, дѣйствуютъ еще и теперь и вызываютъ тѣ же условія; въ западномъ Суданѣ выдѣляется однородная по языку область, развитіе которой мы можемъ прослѣдить съ точностью. Здѣсь языкъ гаусса мало по малу беретъ верхъ надъ другими языками и вытѣсняетъ ихъ, такъ что уже теперь владѣетъ большею частью западнаго Судана, и распространенъ гораздо дальше, какъ языкъ для сношеній и торговли. Уже и теперь то, что называютъ народомъ гаусса, есть пестрая смѣсь самаго разнообразнаго происхожденія, соединенная только посредствомъ языка въ одно цѣлое и постоянно распространяющая свое вліяніе. „Мы приходимъ", говоритъ П. Штаудингеръ, „къ предположенію, что теперешнее населеніе (гаусса) составлено изъ различныхъ элементовъ, и въ дѣйствительности предъ нами большой смѣшанный народъ. Сообразно занимаемому мѣсту выступаютъ все болѣе и болѣе впередъ различныя племена. . . Не

смотря на все это, собственно гаусса отличаются способностью обусловливать значительное сліяніе и отпечатывать на живущихъ среди нихъ народахъ свой языкъ и особенность.“ Этотъ же авторитетъ обращаетъ также наше вниманіе на то, что новоустроенное единство тотчасъ начинаетъ вновь распадаться на діалекты.

Подобнымъ образомъ можно думать и о распространеніи языковъ банту, при томъ однако же значительномъ различіи, которое обусловливаетъ менѣе высокая культура средней и южной Африки: діалекты банту распространились вслѣдъ за воинственными племенами болѣе, чѣмъ за мирными торговцами. Это немыслимо безъ большихъ переворотовъ. Поэтому однакожъ не необходимо предполагать, что первобытные распространители языка банту сами прошли, поработили и покорили всю область. Возможно, что процессъ разыгрывался очень медленно въ теченіе тысячелѣтій; многократно могли вліять народы на дальнѣйшее распространеніе бантусскихъ языковъ, которые сами сначала усвоены были ими чрезъ другихъ, и точно также могла произойти передача ихъ отъ племени къ племени самыми различными способами. Единство языка средней Африки было бы поэтому дѣйствіемъ того замкнутаго отъ внѣшняго міра броженія движеній, которыя очень долгое время составляютъ исторію Африки, и вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдствіемъ того недостатка въ препятствіяхъ къ большимъ движеніямъ, которыя такъ характеристичны для этой части свѣта. Генри Гамильтонъ Джонстонъ склоненъ искать первобытнаго мѣстожительства народа банту въ области верхней Убанги и у озеръ истоковъ Нила и принимаетъ, что кочевыя движенія начались почти за 3000 лѣтъ, приблизительно одновременно съ первыми попытками семитическихъ колонизацій въ сѣверной и восточной Африкѣ.

Языкъ,— часть духовнаго культурнаго достоянія человѣчества, и, какъ основаніе всего дальнѣйшаго поступательнаго движенія прогресса — конечно самая важная часть, а для изслѣдованія первобытной исторіи, при томъ и самая полезная. Но безконечна полнота мыслей и отношеній, которыя обнимаетъ это духовное достояніе, и всѣ эти частности требуютъ вниманія и доставляютъ изслѣдователю, который къ нимъ обращается, значительные результаты. Это касается не только миѳологіи и народныхъ преданій, но въ такой же мѣрѣ и общественныхъ состояній, нравовъ и обычаевъ, сокровищницъ знанія отдѣльныхъ племенъ и отношеній ихъ къ началамъ искусствъ и поэзіи. Но, конечно, трудно обнять эти духовныя достоянія; мы не можемъ непосредственно изслѣдовать ихъ, но должны смотрѣть окомъ наблюдателей, которые имѣли счастіе проникнуть глубже въ существо различныхъ народовъ, и мы постоянно находимся въ опасности заблуждаться вмѣстѣ съ нашими авторитетами или не понять неясныя данныя. Итакъ, богатая область лежитъ предъ нами почти еще недоступной, и многія хорошо обдуманныя попытки связно обработать этотъ предметъ произвели скорѣе путаницу, нежели принесли пользу. Матеріальное культурное достояніе болѣе способно доставить изслѣдованію твердыя точки опоры; но и здѣсь приходится сожалѣть о недостаткѣ предварительныхъ работъ. И если даже удается достигнуть изъясненія частностей съ помощію этнологическихъ изслѣдованій, всетаки еще нѣтъ рѣчи о культурной исторіи Африки, этой необходимой предшественницы исторіи въ тѣсномъ смыслѣ.

Только на два пункта пока слѣдуетъ указать. Большая, обусловленная природой страны, однородность черной расы высказывается особенно ясно въ соціальныхъ отношеніяхъ. Почти всюду на мѣстѣ соціальныхъ единицъ, родовъ и семействъ выступаютъ мѣстныя деревни и деревенскія государства; также сохранились лишь слѣды тѣсно соединеннаго съ родовымъ началомъ тотемизма. Вслѣдствіе этого управляютъ уже не родоначальники, а наслѣдственные вожди, которыхъ окружаетъ большею частью

родъ совѣта, какъ остатокъ древняго устройства. Второе выдающееся явленіе это то, что западная Африка со включеніемъ бассейна Конго образуетъ особенную отъ прочей Африки, во многихъ отношеніяхъ несходную культурную область. Это обстоятельно изслѣдованное Л. Фробеніусомъ явленіе проще всего возводить къ тому обстоятельству, что западъ есть ясно обозначенный поясъ заступной обработки, тогда какъ въ другихъ областяхъ преобладаетъ скотоводство. Сообразно этому мы видимъ въ западной Африкѣ преимущественно растительныя вещества, въ прочей Африкѣ употребляются произведенія животнаго царства: одеждѣ изъ волоконъ травы и пальмы на западѣ противополагается одежда изъ кожи, деревяннымъ и тростниковымъ щитамъ — щитъ изъ шкуры, луку, натянутому волокнами изъ растеній, — лукъ съ жилами животныхъ. Также многія другія особенности, какъ напр. тайные союзы и маскированіе сохранились или развились на менѣе подверженномъ наплыву народовъ западѣ, тогда какъ ихъ нѣтъ въ остальной Африкѣ.

2. Готтентоты и народы-карлики.

Если дѣло идетъ о томъ, чтобы писать исторію цѣлой части свѣта, которая прежде всего должна разсматриваться, какъ географическая единица, то естественно, предпослать отдѣльнымъ частямъ основныя географическія замѣчанія, то есть исходить отъ мѣстъ жительствъ народовъ, а не отъ ихъ этнологическихъ особенностей. Если уже съ самаго начала приходится отступить отъ этого основнаго правила при разсмотрѣніи въ связи группы племенъ, изъ которыхъ одни сидятъ въ западной части южной Африки, другія — въ бассейнѣ Конго, у восточно-африканскихъ озеръ и въ части материка, прилегающей къ Камеруну и Габуну, то это исключеніе должно быть оправдано вѣскими причинами. Фактически намъ приходится имѣть дѣло съ глубокими и широкими вопросами, которые должны быть изслѣдованы въ связи; и такъ какъ, сверхъ того, именно эти задачи непосредственно относятся къ первобытной исторіи этой части свѣта, то конечно есть основаніе помѣстить ихъ во главѣ историческаго описанія.

Южная Африка несомнѣнно населена съ давняго времени. Это доказываютъ многочисленные слѣды древнѣйшаго населенія, именно каменныя оружія, между которыми нѣкоторыя формы напоминаютъ каменныя палицы Новой Гвинеи, далѣе груды чашъ изъ раковинъ и кухонные отбросы на берегахъ. Дѣлали даже попытку, различать два періода каменнаго вѣка въ южной Африкѣ. Къ сожалѣнію, пока невозможно привести результаты этихъ находокъ въ связь съ современными условіями и выяснить, принадлежатъ ли эти остатки предкамъ нынѣшнихъ обитателей южной Африки или другимъ народамъ.

Подобно степнымъ и пустыннымъ областямъ сѣверной Африки, и бѣдная водой принадлежащая къ умѣренному поясу южная оконечность этой части свѣта, населена или была населена отчасти свѣтлокожимъ, непохожимъ въ многихъ отношеніяхъ на негровъ народомъ, который въ настоящее время вытѣсненъ по большей части европейскими переселенцами или переродился чрезъ смѣшеніе. Здѣсь можно отличить двѣ группы племенъ: пастушескій народъ готтентоты, и бродячіе охотники — бушмены. Оба легко отличаются другъ отъ друга: готтентотъ средняго роста, бушменъ имѣетъ видъ карлика; языки, очевидно родственные, представляютъ значительную разницу, различна и культура. Не смотря на это, остается фактъ родственности въ прямомъ, именно въ чисто антропологическомъ смыслѣ: онъ выступаетъ на видъ въ очертаніи головы, въ свѣтломъ цвѣтѣ и морщиноватости кожи, и въ другихъ сходствахъ (ожирѣніе, гот-

тентскій передникъ, см. стр. 397) и замѣтенъ также въ языкѣ при его избыткѣ звуковъ съ прищелкиваніемъ.

Теперь въ недавнее время удалось открыть во многочисленныхъ пунктахъ средней Африки свѣтлокожія племена карликовъ, которыя по большей части обитаютъ, укрываясь въ первобытныхъ лѣсахъ и, какъ бушмены, принадлежатъ къ самому первобытному культурному слою „собирателей“, „низшихъ охотниковъ“ или „бродячихъ народовъ“. По языку они большею частью приспособились къ окрестнымъ народамъ банту; но антропологическіе признаки, къ которымъ присоединятся у лучше всего изслѣдованныхъ акка морщиноватость кожи, едва ли оставятъ насъ въ сомнѣніи, что мы имѣемъ передъ собой здѣсь сродныхъ бушменамъ, и притомъ также готтентотамъ, такъ что свѣтлокожіе южно-африканцы и народы карлики образуютъ общую расу.

Если мы находимъ части первоначальнаго этнографическаго цѣлаго разсѣянными между принадлежащими къ другимъ племенамъ и расамъ, то мы несомнѣнно стоимъ передъ послѣдствіями важныхъ историческихъ событій, которыя однако, благодаря этому голому факту, отнюдь не дѣлаются ясными. Это раздробленіе, какъ его обнаруживаютъ прежде всего народы карлики, можетъ имѣть самыя разнообразныя причины и было обусловлено или одной изъ нихъ или совокупностью многихъ; одно только ясно, что должны были происходить странствованія и отодвиганія, при которыхъ раздробленные народы могли играть также хорошо какъ страдательную, такъ и активную роль. Когда врывается волна завоевательныхъ народовъ впередъ и подчиняетъ себѣ область, которую населяетъ другое племя, то остатки побѣжденныхъ удерживаются въ трудно проходимыхъ частяхъ своей страны, между тѣмъ, какъ главная масса вытѣсняется и ищетъ себѣ новаго мѣста жительства. Эти случаи именно въ Африкѣ особенно часты. Однакожъ не рѣдокъ и другой родъ развитія — образованіе колоній. Мирнымъ путемъ вторгаются группы сосѣднихъ народныхъ племенъ въ не слишкомъ густо населенную страну и основываютъ новыя мѣста жительства, которыя также лежатъ разбросанно въ области чужого народа, но обязаны своимъ возникновеніемъ активному переселенію. Въ особенности склонны къ подобному способу вторженія бродячія племена и паріи. И Европа еще въ историческое время подобнымъ же образомъ приняла совершенно противъ воли индійскій народъ парій — цыганъ въ число своихъ жителей; и еще въ новѣйшее время видимъ мы, что въ Норвегіи скотоводы оленей лапландцы распространяются къ югу между осѣдлыми норвежскими крестьянами, не смотря на недружелюбный пріемъ, который они у нихъ находятъ.

A. Мѣсто жительства и образъ жизни готтентотовъ и народовъ-карликовъ въ историческое время.

Чтобы узнать, какія событія разыгрывались въ первобытной исторіи готтентотовъ и народовъ-карликовъ, мы должны бросить взглядъ на мѣста жительства и образъ жизни этихъ племенъ, при ихъ вступленіи въ горизонтъ европейскаго изслѣдованія.

Готтентоты или кои-коинъ, какъ они себя называютъ, населяли во время ихъ открытія большую часть теперешней Капской области. Восточную границу съ областью каффровъ представляла тогда рѣчка Кай (Кей), дальше на сѣверѣ простиралась область готтентотовъ, уклоняясь къ востоку до западныхъ частей Оранжевой республики. Уже тогда жили отдѣльныя племена къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки въ Людерицландѣ (нѣмецкой южной Африкѣ), причемъ нельзя опредѣлить точной границы къ сѣверу. Народъ, который жилъ по всѣмъ этимъ областямъ, былъ типичнымъ пастушескимъ народомъ, богатымъ рогатымъ скотомъ, овцами и козами, безъ

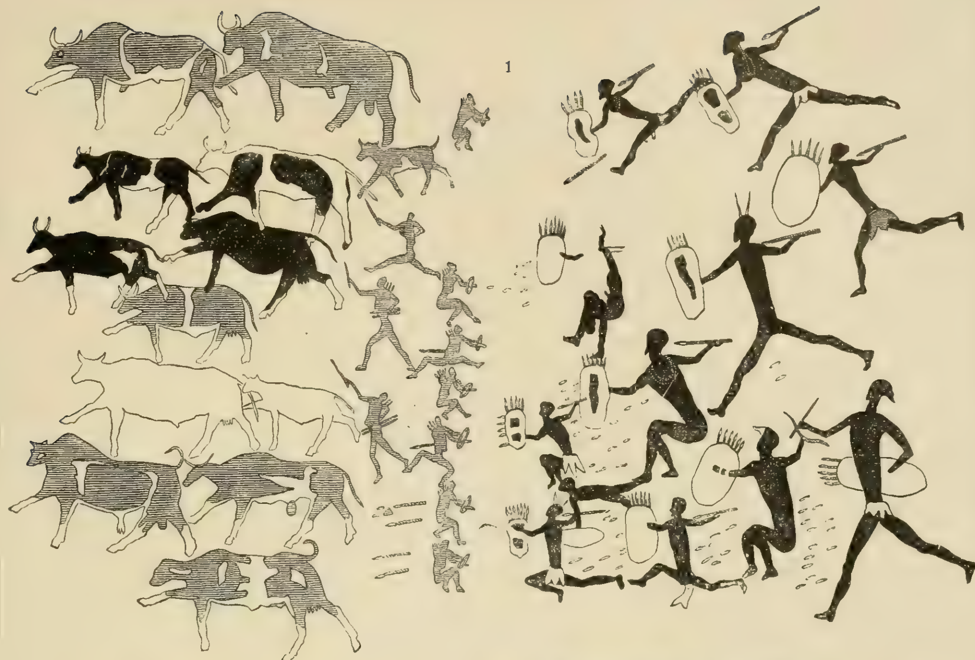
понятія о земледѣліи и гончарномъ искусствѣ, но хорошо ознакомившимся съ искусствомъ плавить и ковать желѣзо.

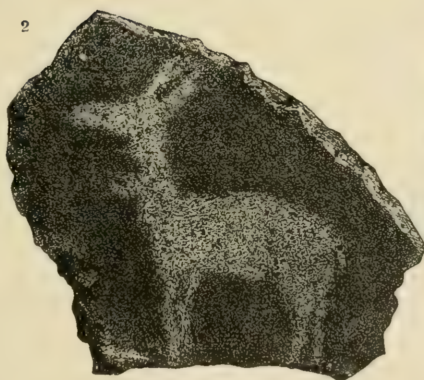
Совсѣмъ другое бушмены или санъ. Ихъ мѣста жительства совпадали частью съ владѣніями готтентотовъ, такъ какъ почти повсюду между поселеніями послѣднихъ сновали, переходя съ мѣста на мѣсто, небольшія шайки бушменовъ; иногда въ видѣ нѣкоторой зависимости отъ скотоводовъ, по большей же части какъ сильно ненавидимые и преслѣдуемые разбойники и похитители скота (см. приложенную таблицу „Рисунки бушменовъ“). Точно такимъ же образомъ смѣшались на востокѣ степной области до окраинныхъ горъ племена санъ съ негритянскими южно-африканцами, прежде всего бечуанами; настоящей областью бушменовъ слѣдуетъ назвать степь Калахари до озера Нгами. Бушмены — бродячій народъ, который при постоянныхъ странствованіяхъ собираетъ скудные дары своей родины и охотится на степную дичь, но также охотно и на стада пастушескихъ племенъ, а въ новѣйшее время — европейскихъ поселенцевъ, бѣдный культурнымъ достояніемъ, богатый только выносливостью и неприхотливостью.

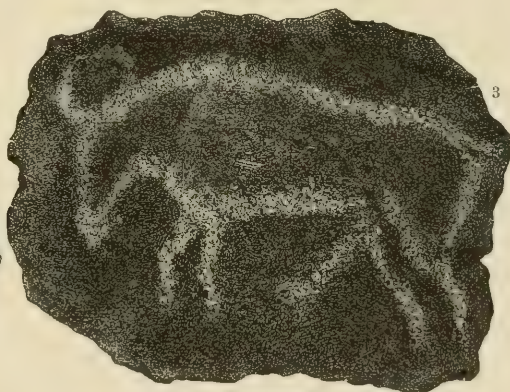
Племена, подобныя бушменамъ, находятся также и далѣе къ сѣверу. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать, мукасекверовъ (мукасикверовъ), свѣтлокожій охотничій народъ, живущій въ лѣсахъ позади области за берегомъ Бенгуэлы; они живутъ около негритянскихъ амбуэлла, не смѣшиваясь съ этими земледѣльцами и вообще не вступая съ ними въ болѣе близкія сношенія. Въ образѣ жизни, тѣлосложеніи, культурномъ достояніи они походятъ совсѣмъ на собственныхъ бушменовъ.

Народы-карлики въ тѣсномъ смыслѣ населяютъ широкій, проходящій поперекъ Африки поясъ, который довольно точно совпадаетъ съ распространеніемъ замкнутыхъ лѣсныхъ областей и всюду прерывается, гдѣ лѣсъ переходитъ въ очищенную мѣстность-саванны, Только въ восточной Африкѣ мы находимъ значительное исключеніе въ народцахъ ванеге и вассандави, которыхъ Оскаръ Бауманъ посѣтилъ и описалъ впервые. Ванеге — малорослый охотничій народъ, который бродитъ въ степной области къ югу отъ озера Эйясси, вассандави же, въ имени которыхъ звучитъ, можетъ быть, еще національное наименованіе санъ, — сдѣлавшаяся осѣдлою вѣтвь этого племени. Оба говорятъ особеннымъ языкомъ, совершенно отличнымъ отъ діалектовъ банту: онъ богатъ прищелкивающими звуками; въ другихъ отношеніяхъ, именно въ культурномъ достояніи, они сильно подверглись вліянію среды, однако, напр. способъ погребенія сильно напоминаетъ обычаи, которые въ ходу у готтентотовъ.

Робертъ Нидэмъ Кустъ склоненъ считать еще другія племена восточной Африки остатками бушменскаго населенія, напр. упомянуыхъ Джозефомъ Томсономъ ванена на сѣверной оконечности озера Ніасса, далѣе охотничій народъ вандороббо (см стр. 435), живущій рядомъ и среди массаи, и живущій среди галласовъ рабскій народъ васанія, имя котораго напоминаетъ также слово санъ. Во всякомъ случаѣ многія племена восточной Африки по меньшей мѣрѣ смѣшаны съ народами, подобными бушменамъ, если даже и нѣтъ чистокровныхъ санъ. Такимъ образомъ бушменоподобныя племена оказались въ экваторіальной Африкѣ не только исключительно мѣстными жителями, но и степными охотниками; существованіе народовъ-карликовъ внѣ пояса лѣсныхъ областей въ озерной области засвидѣтельствовано Францомъ Штульманомъ. Главная же масса карликовъ кажется какъ бы прикованною къ лѣсной области и совершенно приспособилась къ ней. Частью они состоятъ въ зависимости отъ своихъ сосѣдей-земледѣльцевъ, и живутъ съ ними до извѣстной степени общей жизнью; тамъ и сямъ произошло совершенное смѣшеніе, слѣды котораго вполнѣ ясны. Но нигдѣ не соединяются сами карлики въ большія союзныя племена, такъ какъ къ этому не поощряютъ ихъ







Исторія человѣчества. III. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Рисунки бушменовъ.

(По R. Andree, E. Holub и G. Fritsch.)

Объясненіе помѣщенныхъ на обратной сторонѣ рисунковъ бушменовъ.

„Ни одно племя въ Южной Африкѣ до самой глуби Центральной Африки“, говоритъ Эмиль Голубъ, „не развило столько истиннаго искусства при обработкѣ камня, какъ бушмены. Свою скуку они разгоняли вырѣзываніемъ на камняхъ, которое выполнялось каменными орудіями, и этимъ они украшали свои первобытныя простыя жилища, чѣмъ доказали свою способность къ искусству и воздвигли себѣ памятники, которые переживутъ все, что произвели здѣсь прочія живущія племена“. На каждомъ шагу встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, населенныхъ или бывшихъ населенными бушменами, ихъ рисунки: на глыбахъ скалъ, которыя лежатъ при пути, у входовъ въ пещеры или на крутыхъ склонахъ (стѣнахъ) скалъ, и эти мѣстности, начинаясь близъ мыса Доброй Надежды, идутъ сплошь чрезъ всю Капскую колонію далеко за Оранжевую рѣку. Эти нацарапанныя на скалахъ изображенія превосходятъ индѣйскія и австралійскія въ распространеніи, разносторонности и искусствѣ. Какъ въ Австраліи, они разрисованы на свѣтломъ фонѣ скалы красной или желтой охровой краской, къ которымъ присоединяются черная и бѣлая, или выдолблены при помощи болѣе твердаго камня изъ мягкой потемнѣвшей скалы, внутри своихъ контуровъ, наконецъ, высѣчены изъ твердаго камня. По большей части это отдѣльныя изображенія африканскихъ животныхъ, какъ-то: страусовъ, слоновъ, жираффъ, носороговъ, кваггъ, павіановъ и различныхъ видовъ антилопъ, къ которымъ присоединяются ручные буйволы и, новѣйшаго времени, лошади и собаки. Также изображены люди: бушмены, каффры и бѣлые, хорошо охарактеризованные въ своихъ разныхъ положеніяхъ. Тысячами тысячъ находятся изображенія животныхъ одни возлѣ другихъ. То же самое животное иногда повторяется рядами безчисленное множество разъ тою же рукою, какъ бы для упражненія; а иногда соединяются животныя и люди въ цѣлыя картины охотъ, битвъ, войнъ и походовъ за добычей.

Болѣе всѣхъ сдѣлалось извѣстно чрезъ изданія Андрее изображеніе (фиг. 1, на половину уменьшенная), скопированное въ пещерѣ, которая лежитъ на разстояніи двухъ километровъ отъ миссіонерской станціи Гермонъ, Х. Дитерленомъ изъ Парижскаго „Société des missions évangéliques“: бушмены похитили у каффровъ стадо рогатаго скота; разношерстный и пестрый скотъ угнанъ тремя бушменами влѣво; каффры устремляются, вооруженные щитами и ассагайями вслѣдъ за грабителями, которые частью оборачиваются, чтобы осыпать своихъ непріятелей градомъ отравленныхъ стрѣлъ. Какъ ясно отпечатана противоположность высокихъ темныхъ каффровъ и низкихъ свѣтлыхъ бушменовъ! Какъ хорошо охарактеризованы бѣгущія стада рогатаго скота! Какъ превосходно и живо представлено все происшествіе! Но о свѣтѣ и о перспективномъ сочетаніи здѣсь такъ же мало рѣчи, какъ и на рисункахъ австралійцевъ Также относительно всѣхъ прочихъ, воспроизведенныхъ или попавшихъ въ Европу изображеній этого рода, мы должны принять, что сообщенія Томаса Іосифа Хутчинсона и Карла Готтхильфа Бюттнера о перспективныхъ рисункахъ бушменовъ основываются на недоразумѣніи. Отдѣльныя животныя, начерченныя силуэтами, представлены точно въ профиль. Уже образцы, которые попали черезъ Голуба въ Вѣнскій Придворный музей (фиг. 2—4) и въ коллекцію въ Карлсруэ, достаточны для того, чтобы убѣдить насъ въ этомъ.

Къ сожалѣнію, число путешественниковъ, которые интересовались такими вещами, было незначительно, и что буры немного въ нихъ понимаютъ, это понятно. Когда Густавъ Фричъ захотѣлъ взглянуть на такія „Schilderijen“ бушменовъ Кей-Поорта (сравн. фиг. 5), онъ могъ получить свѣдѣнія о мѣстѣ его нахожденія не отъ бура, жившаго вблизи, но отъ умнаго каффра по сосѣдству. О древности этого рисунка нельзя сказать ничего опредѣленнаго; думать, что изображенія, гдѣ совсѣмъ нѣтъ европейцевъ или европейскихъ домашнихъ животныхъ, слѣдуетъ отнести ко времени до поселенія европейцевъ, то есть приблизительно до начала XVII столѣтія, тогда какъ другія принадлежатъ времени болѣе позднему, было бы поспѣшнымъ заключеніемъ. Какъ будто бы эти бушмены обязаны были по принужденію увѣковѣчивать фигуры европейцевъ и даже ихъ спутниковъ — животныхъ, начиная съ того момента, когда они ихъ увидѣли въ первый разъ! Впрочемъ прошло много времени, пока европейцы изъ своихъ первыхъ поселеній у Столоваго залива не проникли глубоко во внутрь, чтобы прійти въ болѣе частое соприкосновеніе съ живущими далѣе внутрь бушменами.

(По: Karl Woermann, Die Kunst aller Zeiten und Völker, Band I; Richard Andree, Das Zeichnen bei den Naturvölkern, въ XVII томѣ Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien; Friedrich Ratzel, Völkerkunde, 1 Auflage, Band I.). Ср. также: Heinrich Schurtz, Urgeschichte der Kultur.

ни характеръ, ни ихъ образъ жизни, которые ихъ заставляютъ пользоваться обширными, бѣдными для пропитанія областями, и этимъ обусловливаютъ разобщеніе.

Изъ этихъ народовъ-карликовъ прежде всего извѣстна сѣверо-восточная группа акка, благодаря Георгу Швейнфурту (см. фиг. 2 таблицы „Наиболѣе крупные изслѣдователи Африки"). Они живутъ у истоковъ Уэлле или Убанги и переходятъ непосредственно въ карликовыхъ жителей первобытныхъ лѣсовъ Арувими, съ которыми Генри Мортонъ Стэнли (см. ту же табл., ф. 4) познакомился болѣе точно впервые. Въ дѣйствительности кажется здѣсь на верхнемъ Арувими вплоть до истоковъ озеръ Нила сидитъ особенно густое населеніе карликовъ, между тѣмъ, какъ къ югу до Танганьики попадаются только разрозненныя колоніи.

Вторую большую группу образуютъ ватва или батуа въ южномъ бассейнѣ Конго, въ особенности въ области Балубы; Германъ фонъ-Висманнъ и Пауль Погге (1839—84) описали ихъ впервые. Третья группа населяетъ лѣса области дождей, покрывающіе подъемъ берега къ западноафриканскому плоскогорію, то-есть прилегающую страну къ Камеруну и Габуну. Уже Ольфертъ Дапперъ упоминаетъ, что при дворѣ Лоанго держали карликовъ, которые принадлежали къ племени лѣсной области, называемому бакке-бакке или мимосъ. Новые изслѣдователи, между которыми первымъ слѣдуетъ назвать П. Беллони Дю Шалью, нашли эти народы на ихъ мѣстахъ жительства, напр. обонго или аккоа въ области Габуна, послѣднихъ также могъ изслѣдовать точнѣе Оскаръ Ленцъ. По Рихарду Кунду районъ первобытныхъ лѣсовъ за берегомъ Бантанга населяютъ люди чрезвычайно малаго роста, живущіе не осѣдло по деревнямъ, а охотою въ лѣсахъ. Если они дѣйствительно, какъ разсказываютъ, проложили тропинки въ первобытномъ лѣсу, то это указываетъ на то, что они поселились въ этой странѣ раньше, чѣмъ негрскія племена. На своемъ языкѣ они называются бояели, а другими народами бойёкъ и презираются, какъ стоящіе ниже. Съ ними избѣгаютъ сношеній; самое большее, они вымѣниваютъ порохъ и оружіе на охотничью добычу. Важно, что обозначеніе „акка" для народовъ карликовъ повторяется такъ часто въ измѣненной формѣ. Къ упомянутому названію аккоа и бакке-бакке присоединяется названіе ту-іаке, которое батуа носятъ у южныхъ балуба.

Вѣроятно, еще одинъ народъ-карликъ, доко, живетъ въ лѣсной области къ югу отъ Каффа, то-есть къ сѣверу отъ озера Рудольфа въ восточной Африкѣ. Хотя его существованіе или, по меньшей мѣрѣ, его родство съ акка и батуа еще не вполнѣ установлены, не представляется все-таки основанія сомнѣваться въ сообщеніяхъ туземцевъ, которыя собралъ Іоганнъ Людвигъ Крапфъ (1810—81). Доко теперь самый сѣверный передовой постъ африканскихъ пигмеевъ.

Б. Заключенія о доисторическомъ времени.

Все, что мы знаемъ о передвиженіи народовъ въ эпоху современнаго имъ открытія, обнаруживаетъ передъ нами всѣхъ свѣтлокожихъ южно-африканцевъ и карликовъ въ состояніи упадка, въ лучшемъ случаѣ въ спокойномъ состояніи. Готтентоты отступили въ XVII столѣтіи передъ напоромъ кафферовъ къ Рыбной рѣкѣ, а остатки готтентотскихъ племенъ въ Наталѣ доказали, какую большую область они уже прежде уступили этой энергичной расѣ. Народы-карлики повсюду ограничены въ мѣстѣ жительства вторгающимися въ первобытный лѣсъ земледѣльцами и частью поглощены благодаря смѣшенію со своими многочисленными негритянскими сосѣдями. Такъ разрѣшается по крайней мѣрѣ вообще вопросъ о раздробленіи цѣлой группы народовъ: ихъ прежняя связь порвана вторже-

ніемъ другихъ народовъ; они — остатокъ когда-то широко распространеннаго народонаселенія, которое жило въ средней и южной Африкѣ.

Однакожъ мы должны остерегаться выводить изъ этого факта широкія заключенія и вездѣ считать негровъ, которые имѣютъ все-таки большое право на Африку, чужими, вторгнувшимися въ страну народовъ-карликовъ. Если мы посмотримъ безъ предвзятой мысли на малорослыя племена, то увидимъ, въ нихъ типичныхъ номадовъ — охотниковъ, которые по своему образу жизни никогда не могли вырости до болѣе плотнаго населенія, но обнаруживаютъ наклонности вести болѣе или менѣе независимое существованіе въ своихъ областяхъ бокъ о бокъ съ другими, болѣе культурными народами. Поэтому ихъ вовсе не слѣдуетъ считать всюду, гдѣ только они появляются, просто „первобытными жителями“. Такъ, если ихъ охотничья область не даетъ достаточнаго пропитанія для возрастающаго населенія, они бываютъ вынуждены къ переселеніямъ, и при этихъ переселеніяхъ они, подобно цыганамъ, мало вникаютъ въ то, находились ли уже въ ихъ новыхъ мѣстахъ жительства другіе народы. И такъ остается подъ полнымъ сомнѣніемъ, были ли въ томъ или другомъ случаѣ негры или пигмеи первыми поселенцами. Если мы послѣдуемъ сверхъ этого старому правилу: искать первобытную родину народа всегда прежде всего тамъ, гдѣ онъ многочисленнѣе и менѣе всего смѣшанъ, тогда мы даже будемъ въ состояніи предположить, что южно-африканская степь произвела въ племенахъ карликовъ расу, съ наиболѣе своеобразнымъ отпечаткомъ, причемъ признаки послѣдней превосходно объясняются условіями ея перваго мѣста жительства. Потому сѣверные представители этой расы будутъ только остатками старыхъ, происходящихъ съ юга кочевническихъ толпъ, которыя, какъ бушмены, остались жалкими охотниками и приспособились только къ условіямъ своей новой осѣдлости, тропическимъ лѣсамъ. Въ эти лѣса они были почти совершенно оттѣснены, когда негры переобразились въ земледѣльческій народъ и захватили всю пригодную почву, причемъ они въ то же время могли увеличить свою численность совершенно другимъ способомъ, чѣмъ предоставленныя исключительно добровольнымъ дарамъ природы племена карликовъ. Это вторженіе не послѣдовало безъ борьбы. Сказанія древности, которыя повѣствуютъ о войнѣ пигмеевъ съ журавлями, и о которыхъ уже Гомеръ (Иліада 3, 6) упоминаетъ въ формѣ поэтическаго сравненія, отсылаютъ насъ весьма вѣроятно къ этимъ битвамъ: дѣйствительно древніе помѣщали страну пигмеевъ у озеръ Нильскихъ истоковъ[1], гдѣ еще и теперь сидятъ карлики въ самомъ большомъ числѣ, окруженные смѣшанными народами. существованіе которыхъ указываетъ на нѣкогда болѣе широкое распространеніе пигмеевъ; а подъ журавлями нужно подразумѣвать, конечно, высокорослыхъ нильскихъ болотныхъ жителей, которыхъ самая главная вѣтвь въ настоящее время денка. Это одно изъ немногихъ событій африканской исторіи, гдѣ мы можемъ тысячелѣтіями назадъ слѣдить за развитіемъ народныхъ отношеній.

Если мы поймемъ дѣло такъ просто, то избѣгнемъ множества затрудненій, которыя идутъ на встрѣчу тому, кто на основаніи данныхъ фактовъ

[1] Еще въ древнѣйшемъ памятникѣ египетской литературы — „текстахъ пирамидъ“ упоминаются карлики „донка“. Послѣднихъ любили держать при дворѣ фараоновъ древняго царства, хотя они были большой рѣдкостью и попадали въ Египетъ случайно. Вельможа VI дин. Хирхуфъ оставилъ начертанный на стѣнѣ своей гробницы въ Элефантинѣ благодарственный рескриптъ царя Пепи II за пріобрѣтеніе „изъ земли духовъ“ карлика донка „для танцевъ, для наслажденія, для увеселенія сердца царя“. Этого карлика фараонъ называетъ для себя болѣе дорогимъ, чѣмъ „всѣ сокровища земли Пунта“ и прибавляетъ, что подобный ему былъ привезенъ только при царѣ V дин. Ассѣ. Очевидно предъ нами представители племени доко, попадавшіе въ Египетъ чрезъ много рукъ, т. к. едва ли непосредственныя сношенія египтянъ въ тѣ времена доходили до истоковъ Нила. Б. Т

сдѣлаетъ слишкомъ смѣлыя заключенія о тѣсной связи свѣтлокожихъ южно - африканцевъ съ хамитами сѣверной Африки. Правда, попытка Карла Рихарда Лепсіуса обосновать ее лингвистическими сходствами достойна вниманія, но она совершенно не оказалась убѣдительною для всѣхъ; то обстоятельство, что не смотря на это ея держались упорно и предполагали безъ стѣсненій переселеніе или оттѣсненіе хамитовъ съ сѣвера до южной оконечности, основывается на странномъ положеніи, которое занимаютъ готтентоты внутри свѣтлокожихъ южно-африканцевъ и народовъ карликовъ. Между тѣмъ какъ послѣдніе — вполнѣ опредѣленные охотничьи бродячіе народы, готтентотъ также вполнѣ опредѣлившійся скотоводъ со сравнительно богатымъ культурнымъ достояніемъ. Кажется необыкновенно яснымъ, что онъ могъ принести съ собой это обладаніе съ сѣвера.

Это утвержденіе стоитъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи къ выводамъ сравнительной этнографіи, которой здѣсь слѣдуетъ сказать рѣшающее слово. По справедливости, въ отношеніи культурнаго достоянія всѣ южно-африканскіе пастушескіе народы, какъ готтентоты, такъ и негры, почти составляютъ единство, или они по крайней мѣрѣ сродственны тѣснѣйшимъ образомъ. Нѣкоторые примѣры могутъ доказать это.

Одежда готтентотовъ и народовъ банту въ ея главной части „каросѣ" у обѣихъ группъ народовъ совершенно сходна. Деревянная посуда готтентотовъ, которую они умѣютъ выдѣлывать съ большимъ искусствомъ, подобна посудѣ каффровъ по формѣ и орнаментикѣ до неузнаваемости. То же самое относится къ музыкальнымъ инструментамъ. Скотоводство обѣихъ расъ обнимаетъ одинаковыхъ животныхъ и ведется на совершенно подобныхъ основаніяхъ. Кузнечное искусство извѣстно обѣимъ. Государственное устройство готтентотскихъ племенъ соотвѣтствуетъ въ главномъ устройству негритянскихъ сосѣдей.

Такъ какъ совершенно нѣтъ всѣхъ здѣсь перечисленныхъ предметовъ и учрежденій у бушменовъ, то мы должны по справедливости предполагать, что высшая культура готтентотовъ проистекаетъ отъ сосѣднихъ негрскихъ племенъ, въ особенности отъ каффровъ. Если эта передача была въ то же время соединена съ примѣсью негритянской крови, то объясняется совершенно антропологическое различіе между готтентотами и бушменами, въ особенности высокій ростъ первыхъ. Впрочемъ въ восточной Африкѣ не невѣроятна и незначительная примѣсь семитической крови. Притомъ готтентоты не только воспринимали, но также и со своей стороны повліяли на каффровъ. Нѣкоторые миѳическіе образы послѣднихъ происходятъ безусловно изъ готтентотскихъ сокровищницъ сказаній, какъ доказано лингвистическимъ переходомъ словъ; также обычай изуродованія пальца изъ суевѣрныхъ причинъ шелъ тѣмъ же путемъ; вообще при соприкосновеніи двухъ расъ, именно слабѣйшая часто считается за магически болѣе сильную и такимъ образомъ вліяетъ на духовную жизнь другой.

Съ другой стороны то, что отдѣляетъ готтентотовъ отъ негрскихъ племенъ-скотоводовъ, это не особенности, для которыхъ мы должны искать сходства въ далекой сѣверной Африкѣ и западной Азіи — это ничто болѣе, какъ самыя первобытныя черты, общія готтентотамъ и бушменамъ. Прежде всего готтентотъ вовсе не земледѣлецъ, какъ каффръ, но достаетъ себѣ скудную растительную пищу совершенно по способу бушмена, взрывая землю для съѣдобныхъ кореньевъ палкой съ насаженными на нее камнями; точно также не потерялъ онъ страсти и къ охотѣ, которая даже часто должна была доставлять ему главную часть пропитанія, такъ какъ онъ, подобно большинству номадовъ, съ трудомъ рѣшается на убой скотины. Въ своемъ вооруженіи соединяетъ онъ арсеналы бушмена и каффра.

Главная характерная духовная черта народа — непреодолимое, роковое легкомысліе совершенно соединяетъ готтентотта съ бушменомъ и есть наслѣдіе бродячаго, ввѣряющаго себя счастію и случайности образа жизни его предковъ, не подвергнувшихся постороннимъ вліяніямъ.

B. Судьбы готтентотовъ, доступныя историческому разсмотрѣнію.

Преобразованіе готтентотовъ въ пастушескій народъ совершилось очевидно въ восточной Африкѣ; можетъ быть, возрастаніемъ въ этихъ богатыхъ областяхъ объясняется и сравнительно благопріятное тѣлесное развитіе народа. Народы банту были его учителями, но скоро стали и его притѣснителями. Еще въ историческое время часть готтентотовъ отправилась въ Наталь (см. выше, стр. 403), между тѣмъ какъ масса народа жила уже по ту сторону рѣки Кай и скоро была оттѣснена до большой Рыбной рѣки. До этихъ переселеній западная часть Капской области, куда теперь вторгнулись готтентоты, частью даже свернувши черезъ Оранжевую къ сѣверу, находилась во владѣніи бушменовъ, которые еще во время европейской колонизаціи бродили многочисленными бандами по странѣ и впутывались въ кровавыя битвы съ готтентотами.

Въ такомъ положеніи находились готтентотты и бушмены, когда первые голландскіе колонисты поставили ногу на почву южной Африки (1602 г.). Между тѣмъ какъ для нихъ на западномъ флангѣ появился въ этихъ европейцахъ новый страшный противникъ, на востокѣ каффры продолжали неуклонно поступательное движеніе впередъ, хотя въ то время и болѣе мирнымъ путемъ.

До 1652 г., когда Янъ-ванъ-Рибекъ (Riebeck) заложилъ у Столоваго залива голландскую колонію, готтентоты входили съ европейцами только въ поверхностныя и большею частью непріязненныя соприкосновенія; первый португальскій вице-король Индіи, донъ-Франческо д'Альмейда, лишился жизни 1 марта 1510 г. при Салдангѣ, во время высадки у Капа. Также и по отношенію къ новымъ переселенцамъ (boers, бурамъ) дѣло дошло скоро до несогласій, и въ заключеніе до открытой войны (1659 г.). Мало по малу голландцы могли оттѣснить своихъ противниковъ, частью мало похвальными средствами. Легкомысліе готтентотовъ и враждебность отдѣльныхъ племенъ другъ противъ друга были при этомъ ихъ лучшими союзниками; такъ разразилась въ 1680 г. война между намаквой (см. стр. 407) и гриквой (стр. 409), причемъ послѣдніе, будучи разбиты, стали подъ защиту колонистовъ.

Исторія борьбы между готтентотами и голландскими переселенцами не богата крупными событіями; мы видимъ, что могущество готтентотовъ не было уничтожено однимъ ударомъ, но что они все мало-по-малу отступаютъ назадъ и исчезаютъ путемъ процесса, который нельзя назвать искорененіемъ, а скорѣе всасываніемъ и сліяніемъ. Но когда готтентоты отошли назадъ, и переселенцы со своими стадами распространились во внутрь, показался новый непріятель, который также считалъ скотъ голландцевъ хорошей добычей, какъ и туземныя пастушескія племена: бушмены (bosjesmans) исчезли не такъ быстро, какъ готтентоты, въ областяхъ которыхъ они жили, какъ ненавидимые и хищные противники, но удержались. Имъ пришлось скоро навлечь на себя неукротимую ненависть переселенцевъ. Съ готтентотами входили въ сношенія и по временамъ мирно уживались съ ними; противъ бушменовъ кипѣла неумолимая борьба, кровавая и жестокая истребительная война. Такъ закончилась сравнительно въ короткое время судьба обоихъ родственныхъ племенъ въ собственной Капской области. Готтентоты обѣднѣли, потеряли свою родовую связь и смѣшивались все болѣе и болѣе съ переселенцами, тогда какъ бушмены были искоренены или прогнаны за Оранжевую.

Въ дѣйствительности, вниманіе колонистовъ уже рано обратилось на новаго опаснаго противника, кaффровъ, съ которыми они уже въ 1688 г. встрѣтились въ первый разъ внутри страны. Тогдашнія отношенія между готтентотами и каффрами, казалось, были довольно дружественны, хотя послѣдніе находились постоянно въ поступательномъ движеніи и отдѣльныя части ихъ перекочевали уже черезъ рѣку Воскресенія. Слѣдствіемъ этого мирнаго переселенія было то, что готтентоты и каффры слились въ пограничныхъ областяхъ въ новыя смѣшанныя племена. Въ 1737 г. начались непріязненныя столкновенія между каффрами и голландцами, которыя по стольку имѣютъ также значеніе для исторіи готтентотовъ, по скольку сомнительныя отношенія въ пограничной странѣ повели къ образованію готтентотскихъ шаекъ или племенъ, которыя долгое время съ оружіемъ въ рукахъ поддерживали свою независимость; кромѣ того осѣдлое здѣсь, смѣшанное съ каффрами готтентотское племя, гонаква, было сравнительно сильно и свободолюбиво. Такъ удалось предводителю Ріитеру (Ruyter) на Рыбной рѣкѣ собрать себѣ свиту въ 1780 г. и многіе годы оказывать сопротивленіе всякимъ нападеніямъ; съ такимъ же счастіемъ удерживали независимость въ 1793 г. долгое время братья Стурманъ (Stuurman). Уже имена этихъ вождей означаютъ, что передъ нами не чистокровные готтентоты.

Между тѣмъ разрушилось голландское господство, и Англія заняла въ 1795 г. въ первый разъ окончательно Капскую область. Въ этотъ англійскій періодъ готтентоты въ Капландѣ не имѣютъ историческаго значенія и выполняютъ только посредственно, за жалованье отъ правительства, важную службу въ продолженіи различныхъ войнъ съ каффрами; бушмены почти истреблены. Уцѣлѣвшая въ Капской области часть готтентотовъ находится главнымъ образомъ въ различныхъ резерваціяхъ, которыхъ больше всего въ округѣ Фортъ Бофоръ, основанномъ первоначально для обороны отъ нападенія каффровъ. На сѣверѣ же остается часть народа еще въ теченіе одного столѣтія независимой и переживаетъ вѣкъ долговременныхъ и не безславныхъ битвъ.

Здѣсь, на сѣверѣ Капской колоніи жили намаква (наманъ, нама), которые главною своею массою были осѣдлыми къ югу отъ Оранжевой рѣки, но уже во время открытія — и къ сѣверу до возвышенности Ангра Пеквена. Старались ли они уже тогда распространяться, или спокойно держались за своею область, неизвѣстно. Южная половина племени, которая вошла уже въ 1661 г. въ сношенія съ голландцами, потеряла быстро свою самобытность и языкъ и приняла въ себя весьма значительное количество европейской крови; сѣверная группа, напротивъ, была мало затронута этимъ прикосновеніемъ. Этотъ народъ теперь, тревожимый постоянно съ юга голландцами, пришелъ въ оживленное движеніе, когда онъ нашелъ въ вождѣ Христіанѣ Ягерѣ или Африканцѣ энергичнаго предводителя. То на югъ, то на сѣверъ направлялъ Христіанъ Африканецъ свои нападенія и хищническіе набѣги; когда готтентоты-корана, которые въ послѣднее десятилѣтіе XVIII столѣтія потянулись по теченію Оранжевой рѣки, пришли въ область его племени, онъ отбилъ ихъ съ кровопролитіемъ. Впрочемъ самое ничтожное сопротивленіе онъ встрѣтилъ на сѣверѣ, гдѣ распространился пастушескій народъ хереро (ова-хереро) и былъ теперь ограбленъ и порабощенъ готтентотами. До области Овамбо и черезъ Кунену простирались грабительскіе набѣги намаквы, которые мало по малу преобразовались въ легко подвижный наѣзднической народъ.

Непрерывными битвами и грабежами отмѣчено владычество Іонкера Африканца, сына Христіана (1836—62): онъ окончательно одержалъ верхъ надъ хереро и изъ Виндгука и Окаханды повелѣвалъ Намой, Дамарой и (съ 1861) Ондонго-Овамбо. При его преемникѣ Христіанѣ по боль-

шей части распалось это владычество. Подстрекаемые шведскимъ путешественникомъ Карломъ Іоганомъ Андерссономъ, которому въ 1864 г. въ подобной „битвѣ“ раздробили ногу, схватились хереро за оружіе; Христіанъ погибъ въ этой борьбѣ. Самый тяжкій ударъ потерпѣло готтентотское владычество, когда при братѣ Христіана Янѣ Іонкерѣ Африканцѣ, могущественнѣйшій между вождями хереро, Ка-Махареро (Камахереро), сынъ Ка-Тжамуаха, досталъ себѣ оружіе и амуницію и вообще счастливо сражался съ намаквой. Въ то время уже имѣло значеніе вліяніе нѣмецкихъ миссіонеровъ (именно Гуго Ганса): при ихъ посредничествѣ 1870 г. въ Окагандѣ состоялось заключеніе мира, слѣдствіемъ чего Янъ Іонкеръ получилъ на будущее Виндхукъ, какъ мѣсто жительства, и долженъ былъ прекратить всякую вражду противъ хереро. Однако Янъ Іонкеръ не долго оставался спокойнымъ, такъ какъ особенныя коммунистическія условія владѣнія въ пограничной землѣ дѣлали неизбѣжными столкновенія; завязалась новая борьба, и этотъ разъ былъ разбитъ на голову Янъ Іонкеръ, и затѣмъ потерялъ всякое значеніе.

Между тѣмъ было ясно, что только вмѣшательство болѣе сильнаго могущества могло попрепятствовать постояннымъ войнамъ. Едва Янъ Іонкеръ исчезъ со сцены, какъ появился въ вождѣ Моисеѣ Витбуи (Witbooi) новый противникъ хереро, который опять цѣлый годъ не давалъ странѣ успокоиться. Въ окончательномъ покореніи хереро ему не посчастливилось; напротивъ того онъ понесъ чувствительныя пораженія и утратилъ предводительство надъ главными силами своего племени, которое теперь принялъ его сынъ. Въ этомъ Гендрикѣ Витбуи выступила во главѣ еще болѣе безпокойная личность, фанатикъ, который умѣлъ воодушевлять своихъ приверженцевъ мистически-религіозными представленіями. Предъ нами здѣсь одинъ изъ случаевъ того нежелательнаго дѣйствія христіанской пропаганды на туземцевъ, подобное которому наблюдается и въ другихъ областяхъ земли. Между тѣмъ его хищническіе набѣги должны были мало по малу прійти къ концу сначала отъ сильнаго сопротивленія хереро, а потомъ отъ вмѣшательства нѣмецкаго правительства. Въ 1884 г. Гендрикъ Витбуи предпринялъ походъ въ область хереро, какъ разъ въ то время, когда на берегу произошелъ первый нѣмецкій захватъ владѣній; когда онъ возвратился въ 1885 г., то потерпѣлъ сильное пораженіе отъ хереро, и въ то же время самъ Камахереро сталъ подъ нѣмецкую защиту. Какъ тянулось еще долго худшее положеніе безпорядка и безсилія, какъ послѣ смерти Камахереро (1890 г.) хищническіе набѣги Витбуи становились постоянно отважнѣе, какъ онъ устроилъ себѣ точку опоры своей крѣпости Горнкранцѣ, пока потомъ, наконецъ, не выступила сильнѣе Германія, ниспровергла Горнкранцъ 12 апрѣля 1893 г. и напослѣдокъ Гендрикъ Витбуи 9-го сентября 1894 г. былъ принужденъ къ безусловному подчиненію, это уже относится къ исторіи нѣмецкихъ колоній.

Во всѣ эти битвы были вовлечены также горные дамара. Они живутъ вмѣстѣ съ хереро въ области Дамаръ, которую они вѣроятно населяли совмѣстно съ бушменами до прибытія своихъ теперешнихъ сосѣдей. Вѣрнѣе всего ихъ считать готтентотско-негритянскимъ смѣшаннымъ народомъ, который мало сохранилъ оригинальныхъ чертъ, по своему виду болѣе подходитъ къ неграмъ, по своему языку — къ готтентотамъ, между тѣмъ какъ по образу жизни напоминаетъ бушменовъ. Они никогда не выступали, какъ самостоятельная сила въ войнахъ готтентотовъ, но только, какъ вспомогательныя войска.

Кромѣ намаквы заслуживаютъ упоминанія еще два другія готтентотскія племени, которыя стали осѣдлыми на сѣверѣ Капской области и сѣвернѣе Оранжевой р.: корана и гриква. Корана, жившіе первоначально далеко внутри страны, поздно пришли въ соприкосновеніе съ европейцами, хотя они долгое время проявляли наклонность расширить область своихъ

странствованій на югъ. Вторженіемъ колонистовъ они были задержаны на своихъ старыхъ мѣстахъ по обѣ стороны средней и верхней Оранжевой, и все болѣе и болѣе были стѣсняемы: попытка расширить свою область внизъ по рѣкѣ нашла себѣ помѣху въ кровавомъ сопротивленіи намаквы. Съ тѣхъ поръ народъ, раздробившись на многочисленныя малыя племена, находится въ безнадежномъ упадкѣ.

Подобно тому, какъ намаква выступили къ сѣверу, сильно смѣшанные съ европейскими элементами гриква (ср. стр. 406) отступили къ сѣверо-востоку предъ напоромъ колонистовъ. Это было соединеніе остатковъ различныхъ племенъ, изъ которыхъ одно, наконецъ (1813) дало свое имя цѣлому. Часть, теперь означаемая просто, какъ помѣсь (Bastaards), осталась въ горахъ Карро. Главная масса подъ предводительствомъ вождя Адама Кока, негрскаго невольника, отпущеннаго на волю съ берега Мозамбика, перешла въ 1810 году Оранжевую, немного ниже устья Вааля, и основала „Свободное государство“. Въ 1820 г. жили гриква тремя племенами подъ властью двухъ Коковъ и Беренда, отъ Даніэльсъ Куйль (Kuyl) до рѣки Ріетъ. Когда 1822 г. Николай Ватербуръ (Waterboer) былъ выбранъ въ Гриквватоунѣ, многіе гриквы ушли и примкнули къ другимъ племенамъ; второе выселеніе подъ начальствомъ Буйса, который направился въ горы на границѣ съ Капскою областью, дало начало „Бергенаэрамъ“. Въ 1826 г. обратились гриква Адама Кока, поддерживаемые многочисленными подкрѣпленіями изъ страны намаквы и другихъ странъ, къ опустошенной каффрами колоніи бушменовъ Филиппполису. Съ 1834 г. получалъ вождь гриквы британскія деньги, какъ вспомоществованіе; а въ 1848—53 г. народъ сталъ подъ англійское верховное владычество.

Скоро въ 1854 г. за послѣдовавшимъ вторичнымъ признаніемъ Оранжевой республики восточные гриквы были все болѣе и болѣе притѣсняемы правительствомъ этой республики и, наконецъ, переселились въ 1862 г. черезъ Драконовы горы, въ страну Номанъ въ Каффраріи, послѣ того какъ потерпѣли крушенія всѣ отдѣльныя попытки, предпринимавшіяся еще до времени Ливингстона и затѣмъ въ 1859, переселиться къ сѣверу и достигнуть озера Нгами или Замбези. Когда въ это время (1861 г.) Факу, вождь Амапондо, изъ страха предъ зулусами уступилъ свои права Англіи, послѣдняя раздѣлила гриквѣ Адама Кока, базуто и финго землю, еще незанятую живущими тамъ пондомиси, бака и ксезиби. Эта область, главный городъ которой Кокштадтъ, напоминающій еще и теперь своимъ названіемъ бывшаго вождя, была соединена, какъ „Восточная страна Гриквы“ съ Капской колоніей. Между тѣмъ отдѣленные нижнимъ теченіемъ рѣки Ваалъ отъ своихъ собратій, западные гриква терпѣли отъ продолжавшихся вторженій Капскихъ буровъ, и битвы между бурами и гриквами были не рѣдкость (напр. 1834 г.). Наконецъ Англія добилась того, что ей уступилъ 37 октября 1871 г. вождь Ватербуръ свою область, которая съ 1867/68 г, получила громадную цѣнность открытіемъ алмазныхъ копей въ нижнемъ теченіи Ваала и при Кимберлеѣ. Протестъ буровъ Оранже, ссылавшихся на германскаго императора, не имѣлъ послѣдствій. Послѣ того какъ въ 1876 г. искъ Трансваальской республики былъ удовлетворенъ уплатой 1,800,000 марокъ, „Западная страна Гриквовъ“ стала также провинціей Капской колоніи.

Мало по малу всюду достигнуто мирное сожительство готтентотовъ съ европейскими переселенцами. Судьбы полнаго исчезновенія изъ исторіи не избѣгнутъ отъ этого желтокожіе обитатели южной Африки, они будутъ лишь медленнѣе приходить въ упадокъ: въ 1867 г., напримѣръ, управлялъ Николай Ватербуръ только нѣсколькими сотнями гриквы. Не кровавое искорененіе, но постоянная примѣсь европейской крови ставитъ точку ихъ національному существованію.

3. Восточная Африка.

Огромная южная половина Африки, родина негритянскихъ народовъ, обращена обѣими своими обширными сторонами къ двумъ океанамъ — Атлантическому на западѣ, Индійскому на востокѣ. Различны, какъ свойство этихъ водъ, такъ и развитіе береговыхъ странъ. Тысячелѣтія Атлантическій океанъ былъ въ южныхъ частяхъ лишь мощной перегр011дой, которая раздѣляла область темной расы отъ обособленной Америки; его берега были окраинными областями населенной земли, удаленными отъ возбужденій извнѣ и часто разобщенными естественными преградами отъ внутренней части материка. Совершенно другое представляетъ море, которое омываетъ берега Индіи и Аравіи: съ первобытнаго времени пересѣкались здѣсь лучи различныхъ культуръ; и если даже Африка сама на своемъ восточномъ берегу не имѣла очаговъ высшей цивилизаціи, то все же она стояла открытою для вліяній, которыя наводняли ее извнѣ новыми волнами, и взамѣнъ давала то, что могла предлагать — свою слоновую кость, свое золото и своихъ людей. Итакъ, восточная Африка — активная сторона части свѣта, и уже потому заслуживаетъ связнаго разсмотрѣнія. Съ восточнаго берега была навѣрно занесена въ Африку большая часть тѣхъ зародышей культуры, которые развились внутри своеобразнымъ способомъ; здѣсь соприкосновеніе со внѣшнимъ міромъ было тѣснѣе и продолжительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ негритянской Африки. Много этихъ вліяній доказано исторически; другія принадлежатъ къ доисторическому времени, и задача народовѣдѣнія — отгадать ихъ слѣды.

Однако уже здѣсь въ самомъ началѣ обнаруживается странное явленіе: эта, повидимому столь пропитанная чужой культурой восточная Африка, совсѣмъ не отличается, къ своей выгодѣ, отъ прочихъ областей континента, и прибрежныя племена поразительно бѣдны своимъ культурнымъ достояніемъ. Въ то время, какъ мы ожидаемъ здѣсь слѣдовъ чужеземнаго искусства, отголосковъ семитическаго и древне-индійскаго духовнаго міра, видимъ мы, что бѣдственныя негрскія орды ведутъ свое узко ограниченное существованіе, какъ будто бы побужденіе высшаго свойства никогда не проникало въ ихъ сферу. Только далеко внутри страны, по ту сторону большихъ озеръ, распустилась культура негровъ до извѣстнаго процвѣтанія; что же замѣчается въ ближайшихъ странахъ позади берега по части чужеземнаго вліянія, относится къ новѣйшему времени и мало служитъ для освѣщенія прошлаго. Если мы въ данномъ случаѣ не примемъ въ соображеніе, какъ повсемѣстно дѣйствующаго качества, характера негра, который мало благопріятствуетъ дальнѣйшему развитію зародыша чужеземной культуры, то останутся двѣ причины, которыя мы должны приписать своеобразнымъ условіямъ восточной Африки.

Разъ навсегда слѣдуетъ принать въ соображеніе, что внѣшнее вліяніе культуры на стоящій на низкой ступени народъ бываетъ также легко разрушающимъ, какъ и побуждающимъ. Культура должна восприниматься медленно, должна перевариться, чтобы означать дѣйствительный прогресъ, не должна вторгаться силою. Потому и европейское образованіе и цивилизація произвели столько безконечнаго вреда и разрушили столько полныхъ надеждъ зародышей, что они чуждо и насильно противостали первобытнымъ условіямъ туземцевъ, остались въ своемъ величіи непонятными и безполезными. Каждый культурный народъ — въ своемъ родѣ организмъ, который раздѣленіемъ труда углубляетъ свои силы и предоставляетъ своимъ членамъ участіе въ работѣ всѣхъ остальныхъ, будь это въ

матеріальной или духовной области. Каждый первобытный народъ, который приближается къ этой сильной пружинѣ, дѣлается пріобщеннымъ ей, подобно тому какъ машинѣ приставляютъ новое колесо или новый поршень; онъ будетъ принужденъ въ своемъ родѣ работать вмѣстѣ, и получаетъ свою часть въ результатѣ культуры. Но скоро обнаруживается, что онъ изъ другаго вещества, чѣмъ прочія части общаго тѣла, что онъ скоро приходитъ въ негодность, не закаливаясь вновь и не укрѣпляясь постоянно подобно другимъ посредствомъ усерднаго труда. Если разъединится случайно такой полукультурный народъ отъ двигателя, то онъ оказывается ничтожнѣе, чѣмъ былъ когда либо прежде.

Подобное разыгрывается въ настоящее время и въ Африкѣ. Со всѣхъ сторонъ вторгаются въ Африку европейскія матеріи для одежды, оружія, утварь, которыя негръ можетъ получить за плоды масличной пальмы, за каучукъ своихъ первобытныхъ лѣсовъ или за слоновую кость. Это означаетъ однако разрушеніе туземныхъ издѣлій и искусствъ. Бумажная ткань вытѣсняетъ матеріи негра изъ коры и ткани, огнестрѣльное оружіе — оружія, которыя когда-то умѣлъ ковать туземецъ, а передъ стеклянными бусами въ торговлѣ исчезаютъ когда то любимые предметы украшенія. Европейскіе товары представляютъ для всего этого конечно внѣшній замѣнъ. Но если мы представимъ, что ввозъ совершенно прекратился бы, тогда совершенно обѣднѣли бы племена Африки, находящіяся подъ нашимъ вліяніемъ, будучи отброшены далеко по ту сторону той границы цивилизаціи, которую уже сами они достигли; лишь трудомъ усвоили бы они снова нѣкоторыя изъ древнихъ искусствъ, можетъ быть принужденныя учиться у сосѣднихъ народовъ, которые нѣкогда стояли гораздо ниже ихъ. Отъ европейской культуры и послѣдніе остатки исчезли бы послѣ немногихъ поколѣній.

Между тѣмъ какъ этотъ примѣръ допускаетъ заключеніе относительно прошлаго, достаточно просто разрѣшается загадка отсутствія восточно-африканской культуры: племена въ странахъ позади береговъ бывали постоянно подъ непосредственными вліяніями чужихъ народовъ, и если можно такъ сказать, пресыщены культурой. Иначе обстоитъ съ жителями береговъ собственно — съ одной стороны, и съ племенами глубже во внутренности части свѣта — съ другой. Первые участвуютъ въ полной мѣрѣ въ этомъ пресыщеніи: но чужеземные народы принесли имъ болѣе, чѣмъ свои товары: они мѣшались съ ними и образовали изъ чистыхъ негровъ новый, во многихъ отношеніяхъ различный народъ. Племена внутренней страны, напротивъ, именно потому что культура достигала до нихъ только въ незначительной степени, могли воспринять эти малыя побужденія можетъ быть, лучше и слить ихъ со своимъ существомъ болѣе органически, чѣмъ это было доступно для непосредственныхъ сосѣдей береговыхъ полосъ. Итакъ, если мы станемъ искать слѣдовъ чужеземныхъ вліяній, намъ конечно, надо будетъ стараться смотрѣть чрезъ собственно восточную Африку и обнимать взоромъ рѣзче внутренность этой части свѣта.

Сверхъ этого и вторая причина объясняетъ бѣдность культуры восточной Африки. Степной характеръ главной массы страны, недостатокъ въ задержкѣ движеній и своеобразныя условія на сѣверѣ и югѣ области благопріятствуютъ возникновенію воинственныхъ пастушескихъ народовъ, которые своими хищническими набѣгами угрожаютъ владѣнію и жизни земледѣльца и уже много расъ проходили, опустошая обширное плоскогоріе, и могли бы искоренить остатки древней культуры. Какъ разъ въ настоящее время вновь разыгрываются событія этого рода.

Всетаки именно внѣшнія вліянія мы можемъ прослѣдить, начиная съ наиболѣе отдаленнаго времени; безъ знанія этихъ событій мы могли бы еще менѣе понять внутреннее развитіе восточной Африки, чѣмъ это теперь возможно.

A. Вліянія извнѣ въ болѣе раннія времена.

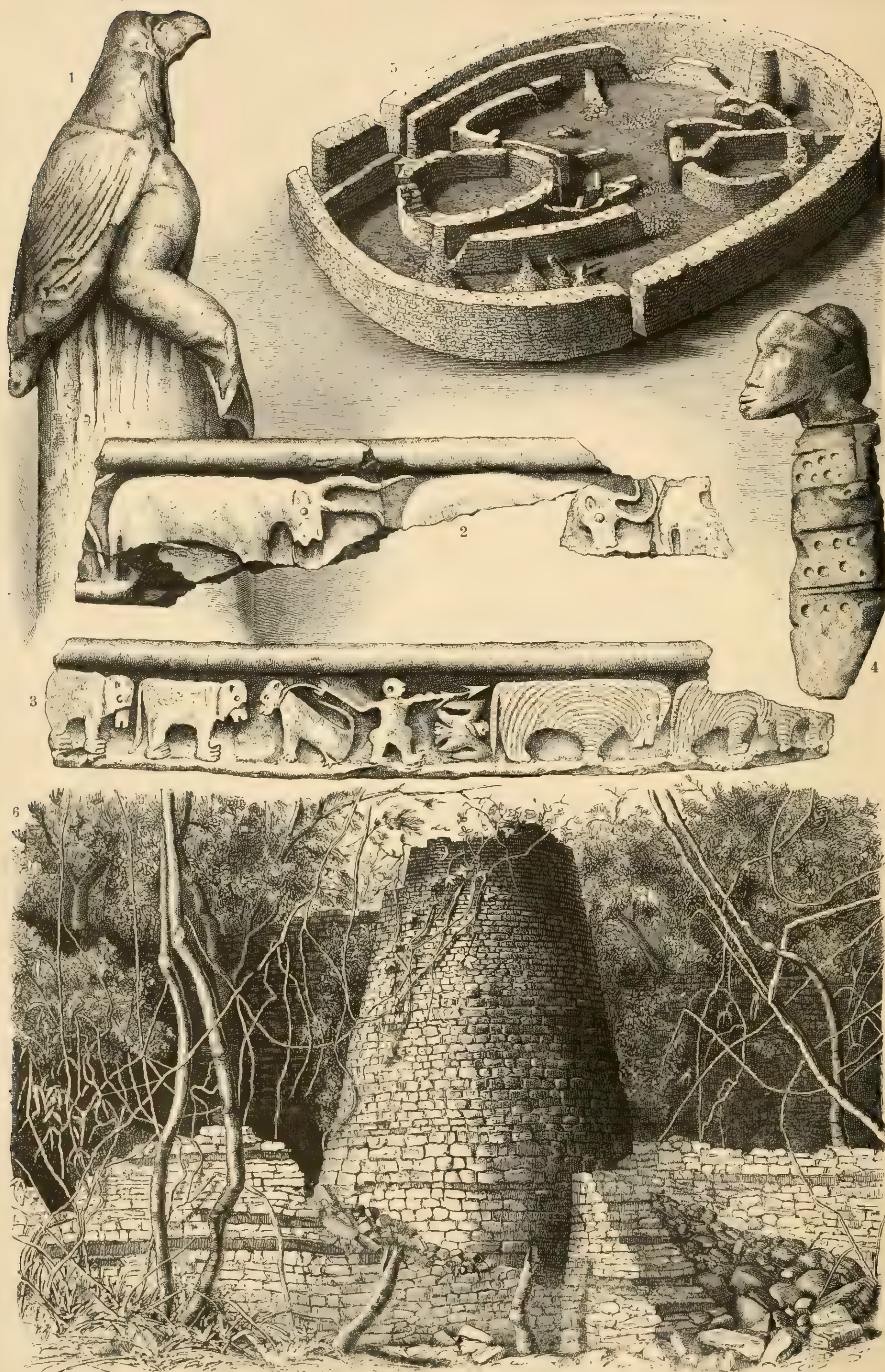
Самый трудный изъ вопросовъ, которые навязываются при обзорѣ древнихъ вліяній, слѣдующій: имѣли ли мѣсто малайскія вліянія въ восточной Африкѣ? Извѣстно, что часть населенія прилежащаго Мадагаскара — малайскаго происхожденія, и еще въ историческое время было не рѣдкостью, что мадагаскарскія разбойничьи суда привозили невольниковъ съ восточно-африканскихъ береговъ. Если представить себѣ, какая требовалась ловкость на морѣ и какая отважность проплывать изъ Индонезіи ширину Индійскаго океана, и часто повторять это путешествіе, которое происходило не разъ и не случайно, съ намѣреніемъ колонизировать Мадагаскаръ, то будетъ ясно, что и берегъ материка сталъ извѣстенъ малайскимъ мореплавателямъ и посѣщался ими. Вопросъ только, основали ли они здѣсь поселенія и удержались ли слѣды ихъ вліянія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣмъ труднѣе, что мы не знаемъ, въ какое время приблизительно могли происходить малайскія морскія странствованія. Если мы обратимъ вниманіе дальше на отсутствіе культуры восточной Африки (ср. стр. 410), то будемъ принуждены искать этихъ слѣдовъ не въ береговыхъ странахъ, но дальше въ глуби. Конечно, многое кажется страннымъ, напр. своеобразное распространеніе матерій изъ волоконъ пальмы, которыя въ употребленіи въ бассейнѣ Конго, спорадически въ восточной Африкѣ, между мадагаскарскими малайцами; дѣйствительно, кажется издѣліе этой ткани искусствомъ, которое происходитъ изъ Индонезіи и перенесено оттуда въ Мадагаскаръ, Нельзя считать, конечно, невозможнымъ, что техника стала извѣстною черезъ малайскихъ переселенцевъ восточно-африканцамъ и черезъ ихъ посредничество распространилась въ бассейнѣ Конго, между тѣмъ въ самой восточной Африкѣ, при неблагопріятныхъ условіяхъ, по большей части затерялась. Это было бы по крайней мѣрѣ слѣдомъ, который могъ вести къ дальнѣйшимъ выводамъ. Можно еще упомянуть, что у васагары духи умершихъ называются Пепо и царство духовъ Пепони, что напоминаетъ широко распространенное малайско-полинезійское выраженіе „По" для царства мертвыхъ.

Обогнули ли малайскіе мореплаватели южную оконечность Африки и проникли ли до западнаго берега, трудно сказать. Теодоръ Вайцъ привелъ кое-что, что говорило бы за эту догадку, а Л. Фробеніусъ старался недавно обосновать болѣе обстоятельно подобныя предположенія, но при сомнительномъ успѣхѣ.

Мы станемъ на гораздо болѣе твердую почву, если обратимся ко вліянію индійской культуры на восточную Африку.

Народъ передней Индіи самый не историческій между всѣми великими культурными народами; погруженный въ философскія и мистическія теченія мыслей, онъ не умѣлъ дорожить точной передачей дѣйствительности. Такъ потому и попытки географическихъ описаній изъ древне-индійскаго времени для нашихъ понятій часто смѣшаны со сказочнымъ, страннымъ и неопредѣленнымъ. Картина міра появляется въ видѣ священнаго цвѣтка лотоса, который плыветъ по водѣ. Средина цвѣтка съ возвышающимся пестикомъ есть Высокая Азія со священными горами Меру, Гималаями. Листья — отдѣльныя страны земли и первый изъ главныхъ листовъ, обращенный къ югу — сама Индія, восточный — Китай, сѣверный — внутренняя Азія и Сибирь, западный — Иранъ и западная страна. Между этими главными листьями лежатъ меньшіе, между ними Санкса, которая по своему положенію не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ восточной Африкой и въ особенности Занзибаромъ.

Дѣйствительно, кажется въ древнія времена Индія, какъ и Китай, поддерживали оживленныя сообщенія на судахъ со внѣшнимъ міромъ; но



Исторія человѣчества. III. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб

Древности Симбабуэ въ Южной Африкѣ.

1) Голова коршуна; 2) Быки; 3) Охота (у охотника обозначено ожирѣніе сѣдалищныхъ частей — стеатопигія; 4) Человѣческая голова; 5) Модель развалинъ; 6) Массивная круглая башня. (*По „Proceedings of the Royal Geographical Society", London 1892.*)

когда другіе народы развѣдали о берегахъ Индіи и сами отважились на мореплаваніе, это пошло назадъ. Мы знаемъ, что индусы поселились въ южной Аравіи, такъ же, какъ и на островѣ Сокотора, который превосходно расположенъ, какъ промежуточная станція торговли; въ принятомъ отъ грековъ имени Діоскоридесъ (Dioscorides) звучитъ еще, конечно, санскритское имя „Блаженный островъ". Словомъ, индусы были торговымъ народомъ Индійскаго океана, пока не развилось арабское и греческое морское могущество и не привлекло къ себѣ торговлю съ ея выгодами и опасностями. Берегъ восточной Африки, конечно, не оставался не посѣщеннымъ и не заселеннымъ индійскими моряками; также и позже, ко времени арабскаго вліянія находимъ мы все еще дѣйствующими на берегу отдѣльныхъ индусовъ, которыхъ привлекали торговыя выгоды изъ ихъ отечества. Одно, конечно, вѣрно: едва ли могла произойти сколько-нибудь замѣтная примѣсь индійской крови въ восточной Африкѣ въ виду строгихъ кастовыхъ предразсудковъ индусовъ; и теперь индусы, которые обогатились торговлею на берегу, почти всѣ безъ исключенія возвращаются обратно на родину.

Нѣтъ впрочемъ недостатка въ слѣдахъ древнѣйшей культуры въ восточной Африкѣ. Отъ страны Сомали на югъ къ Мозамбику находятся на берегу разрушенныя каменныя постройки, изъ которыхъ многія, конечно, слѣдуетъ отнести ко времени португальскаго и арабскаго владычества, другія требуютъ еще объясненія. По докладу Генри о'Нейля, поясъ этихъ прибрежныхъ развалинъ оканчивается у Мозамбика. Но далеко на югъ, еще по ту сторону Замбези и въ землѣ позади Софалы, мы находимъ обширную область, которая заключаетъ въ себѣ цѣлое множество величественныхъ мѣстъ развалинъ, страну Машона. Неопредѣленныя указанія на эти руины давно уже достигли берега, пока, наконецъ, Карлъ Маухъ (1837—75), какъ первый научно образованный европеецъ, не посѣтилъ ихъ 1871 г. и не описалъ подробно. Многочисленные изслѣдователи посвящали себя съ тѣхъ поръ дальнѣйшему изученію этихъ древнихъ остатковъ культуры, своеобразное и безгласное величіе которыхъ живо возбуждаетъ фантазію.

Число мѣстъ руинъ въ сѣверной странѣ Машона должно быть и теперь еще не приведено въ извѣстность. По характеру эти каменныя сооруженія всѣ похожи другъ на друга: въ простѣйшемъ видѣ они состоятъ изъ круглой стѣны, которая выведена изъ тесанаго камня безъ помощи цемента и часто имѣетъ на себѣ простой полосовидный обѣгающій вокругъ орнаментъ. Около этого перваго круга ложится по большей части второй, внутренность котораго раздѣляется промежуточными стѣнами на малыя пространства. Входы ограждены оборонительными приспособленіями; вообще все въ этихъ постройкахъ указываетъ на населеніе, которое жило, постоянно готовое къ войнѣ въ непріязненной области. Громадныя, совершенно массивныя башни, назначеніе которыхъ трудно опредѣлить, поднимаются тамъ и сямъ кверху (см. фиг. 6 приложенной таблицы „Древности Симбабуэ въ южной Африкѣ"). Руины крайне бѣдны остатками культуры; если мы назовемъ нѣсколько фигуръ птицъ и сосуды изъ мыльнаго камня, желѣзную утварь, которая, можетъ быть, идетъ отъ позднихъ обитателей мѣстъ развалинъ, немного фарфора, который могъ быть привезенъ арабской торговлей, то этимъ будетъ почти все исчерпано. Въ болѣе древнихъ, именно въ арабскихъ повѣствованіяхъ рѣчь идетъ о странныхъ неудобочитаемыхъ для посѣтителя письменныхъ знакахъ на воротахъ; недавно найдены такіе, кажется семитическаго происхожденія.

По меньшей мѣрѣ, намъ совершенно ясно, что привлекало строителя этихъ каменныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ такъ далеко во внутренность части свѣта. Всюду по близости построекъ мы находимъ плавильныя печи, шлаки, обломки руды и остатки плавильныхъ сосудовъ, и на многихъ изъ этихъ горшковъ мерцаютъ еще слѣды желтаго блестящаго металла, кото-

рый найденъ недавно опять въ поразительномъ изобиліи въ странѣ Машона и вторично тянетъ потокъ чужихъ переселенцевъ въ эту страну: нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти древнія укрѣпленія были заложены для защиты копателей золота. Возвышаются же и теперь уже форты съ англійскимъ гарнизономъ въ странѣ Машона для защиты „Diggers“, которыхъ жажда золота загоняетъ въ эти, едва открытыя области.

Безчисленное множество занималось вопросомъ, кто могъ быть строителями этихъ руинъ; называли всѣхъ, о комъ можно было думать: финикіянъ и персовъ, индусовъ, евреевъ, грековъ, египтянъ, арабовъ и малайцевъ. Мы конечно получили бы вполнѣ ясное представленіе, если бы чаще приходилось находить и разбирать надписи. Весьма важное значеніе слѣдуетъ придавать бѣдности употребленнаго орнамента; такъ какъ едва ли многіе изъ принятыхъ въ соображеніе народовъ не позаботились бы болѣе характеристически устроить и украсить эти, расчитанныя на продолжительное время поселенія. При такихъ условіяхъ совершенно слѣдуетъ исключить прежде всего индусовъ, египтянъ и грековъ, и также нечего думать о малайцахъ, остаются только семитическіе народы, финикіяне и арабы, къ характернымъ чертамъ которыхъ принадлежитъ съ древнихъ временъ (ср. выше стр. 230) именно нерасположеніе къ пластическимъ искусствамъ, которое обнаруживается снова въ послѣдующихъ законахъ ислама. Если принять въ расчетъ географическое положеніе этихъ двухъ народовъ, перевѣсъ клонится къ выгодѣ вблизи живущихъ арабовъ, особенно савеевъ и вообще южныхъ арабовъ, которые и имѣютъ за собой длинную богатую исторію. Только финикіяне самыхъ древнихъ временъ, которые еще сидѣли въ прибрежныхъ странахъ сѣверной части Индійскаго океана, могутъ быть также приняты во вниманіе. Возможно, что объ имени савеевъ напоминаетъ рѣка Саби, по близости которой лежатъ самыя главныя руины, именно знаменитое Симбабуэ или Симбабійэ (см. приложенную таблицу). Названіе этого укрѣпленія происходитъ отъ каффровъ и означаетъ не что другое, какъ мѣсто жительства вождя, резиденцію; такъ какъ оно и теперь употребляется для обозначенія мѣстопребываній главнѣйшихъ каффрскихъ вождей, то возникло недоразумѣніе, будто древнее Симбабу было населено еще въ историческое время. Предположеніе, что библейскій Офиръ лежалъ въ южной Африкѣ, было принято съ успѣхомъ Карломъ Петерсомъ въ 1859 г. Одно изъ самыхъ значительныхъ мѣстъ развалинъ, Фура, сохраняетъ, по его взгляду, въ своемъ имени еще напоминаніе о древней странѣ золота;. живущее тамъ племя Мокаланга, которое и теперь промываетъ золото, тѣлосложеніемъ и нравами указываетъ на несомнѣнное семитическое вліяніе[1].

Нѣкоторые, найденные по близости рисунки на скалахъ, совершенно напоминающіе рисунки бушменовъ (см. таблицу при стр. 402), такъ же, какъ и фигура охотника, вырѣзанная на кускѣ одного сосуда (см. фиг. 3 приложенной таблицы) даютъ возможность до извѣстной степени заключить, что во время, когда руины были обитаемы, здѣсь рядомъ съ чужеземными поселенцами влачили свое существованіе и бушмены. Почти можно бы повѣрить, что древнія преданія о золотопромышленныхъ муравьяхъ, которые, конечно, были относимы къ Индіи, имѣли въ виду малорослое населеніе страны Машона, занятое добываніемъ золота. Заблужденіе относительно географическаго положенія золотыхъ рудниковъ было не единичною погрѣшностью, такъ

[1] Для изслѣдованія руинъ южной Африки и, въ частности, Симбабійэ былъ командированъ англійскимъ Royal Geographical Society въ 1898 г. ученый Шлихтеръ. Ему между пр. удалось найти въ Иніангѣ первую южно-африканскую надпись изъ пяти знаковъ, на камнѣ, замурованномъ въ стѣну. Свою копію Шлихтеръ чрезъ Зейбольда сообщилъ въ „Orientalistische Litteraturzeitung“ (I, 223), гдѣ она вызвала замѣтку египтолога W. M. Müller'a (ibid. 262), склоняющагося, съ большими оговорками, къ мнѣнію о ливійскомъ характерѣ надписи. Б. Т.

какъ напр, Страбонъ тоже переводитъ въ Индію пигмеевъ, которые были побѣждены журавлями.

Всѣ руины найдены въ такомъ положеніи, которое наводитъ на мысль, что онѣ были окружены и, наконецъ, взяты вторгнувшимися непріятелями; древнее великолѣпіе, вѣроятно, покончено однимъ ударомъ.

Для отвѣта на вопросъ объ арабскихъ переселеніяхъ древнихъ временъ къ нашимъ услугамъ источники, авторы которыхъ принадлежали къ европейскому культурному кругу, именно такъ называемый „Периплъ Эриѳрейскаго моря" и географія Птолемея. По нимъ оказывается, что берегъ восточной Африки во II-омъ столѣтіи по Р. Х. имѣлъ цѣлый рядъ торговыхъ пунктовъ, съ которыми арабы поддерживали оживленное и выгодное сношеніе; именно тогда начали они монополизировать торговлю, причемъ они принуждали египетскихъ моряковъ перегружать свои товары при выходѣ изъ пролива Бабъ-эл-Мандебъ на арабскія суда. Едва ли можно сомнѣваться, что поселенія уже тогда существовали съ давняго времени. Самый южный, изъ извѣстныхъ Птолемею, пунктъ былъ мысъ Празъ, который онъ ищетъ подъ 16° 25′ южной широты; это соотвѣтствовало бы приблизительно широтѣ теперешняго Мозамбика. Далѣе, онъ называетъ Рапту, которую нужно искать на берегу Занзибара, можетъ быть, она соотвѣтствуетъ нынѣшнему, Пангани, который лежитъ на рѣкѣ Руфу, какъ древній городъ на Раптѣ, или онъ тождественъ съ Кильвой. Дальше, къ сѣверу лежали Топике, Эссина и другіе торговые пункты. Объ особенно сильномъ вывозѣ золота или о золотыхъ рудахъ и о городахъ страны Машона наши авторитеты не знаютъ ничего; но зато подчеркиваютъ они вывозъ душистыхъ смолъ изъ сѣверной части восточной Африки. Очень возможно, что арабы тщательно скрывали источники своего богатства — золота; но также возможно, что тогда уже великолѣпіе земли Машона окончилось внезапно. За это говоритъ замѣтка арабскаго лѣтописца изъ Кильвы, по которой люди Макдишу (магадоксо, или магадишіу въ итальянско-сомальской странѣ) нашли снова въ 1000 г. по Р. Х. золотые рудники и стали обрабатывать ихъ.

О позднѣйшихъ столѣтіяхъ арабскія повѣствованія даютъ намъ довольно ненадежныя свѣдѣнія. Кажется, что торговыя сношенія продолжались постоянно и что въ нихъ принимали участіе также индійскіе и, по временамъ, также китайскіе корабли. Арабы изъ Эл-Хазы у Персидскаго залива основали въ 908 г. по Р. Х. Макдишу и Бараву (или Браву) на берегу Сомали, въ 975 — Кильву. Острова Занзибаръ и Пемба были тогда уже давно въ рукахъ арабовъ, и даже смѣшанныя племена арабовъ и негровъ находились на берегу. Въ XII-мъ столѣтіи упоминается Малинди (Мелинде), также Момбасъ; но долгое время, кажется, Кильва обладала самымъ большимъ могуществомъ — конечно, потому что она монополизировала вывозъ золота — между тѣмъ на сѣверѣ Макдишу удерживало за собою преимущество. Исламъ рано былъ пересаженъ въ Африку и далъ арабскимъ поселеніямъ крѣпкую точку опоры. Такъ мы видимъ, что въ то время, когда португальцы подняли наконецъ завѣсу, которая лежала на этихъ областяхъ (1500; сравн. ниже, стр. 464), рядъ цвѣтущихъ султанствъ и богатыхъ городовъ на берегу, отъ Софалы до Малинды, находился въ рукахъ арабовъ, и происходили оживленныя морскія сношенія между берегами восточной Африки и Индіи.

Б. **Каффры.**

а) Мономотапа.

Въ весьма отдаленное время должны были разыгрываться въ странѣ внутри материка крупные перевороты, о которыхъ свѣдѣнія наши ненадежны; ихъ посредственныя и непосредственныя послѣдствія мы должны, конечно, видѣть въ разореніи укрѣпленій страны Машоны и образованіи

могущественнаго государства въ этой странѣ, знаменитаго царства Мономотапа. Основатели новаго государства были, вѣроятно, негры, которые употребляли языкъ банту, и теперь еще живутъ въ этой области, именно каффры. Названіе народа происходитъ отъ арабовъ и означаетъ просто „невѣрные“, но должно быть удержано, такъ какъ оно издавна получило полное право гражданства.

Изъ повѣствованій Масуди выходитъ, что каффры странствовали съ сѣвера на югъ и, наконецъ, изъ Абиссиніи достигли до южной Африки. Протяженіе странствованія могло быть, конечно, преувеличено. Въ X-омъ столѣтіи возникло въ странѣ позади Софалы государство Цинги (Зендчъ), король котораго могъ выставить на поле битвы 3000 воиновъ, верхомъ на волахъ; государство, это вывозило значительное количество невольниковъ, золота, желѣза и слоновой кости; родственныя Зендчъ племена жили, кажется, далеко по берегу; другія менѣе культурныя жили въ странѣ позади; согласно описанію, это были конечно, предки мазимба и джагга, (стр. 420—421), о которыхъ мы сейчасъ упомянемъ. Позднѣйшее царство Мономотапы или правильнѣе: царство Мономотаповъ (слово означаетъ „сыны рудниковъ“ и означаетъ, конечно, родъ правителей) вѣроятно, тождественно съ древнѣйшимъ государствомъ Зендчъ. Богатство золотомъ, этой страны, которое эксплуатировалось еще каффрами, придавало царству Мономотапы блескъ, который былъ фантастически преувеличенъ повѣствователями древнѣйшихъ временъ: такимъ путемъ получило это царство, наконецъ, на европейскихъ картахъ баснословный объемъ.

Можно между каффроподобными народами южной Африки различать въ настоящее время два слоя: одинъ древнѣйшій, который слѣдуетъ возводить къ первоначальному завоеванію этой области въ раннюю эпоху, и болѣе молодой, склонный къ нападеніямъ, который странствуя обратно, наступаетъ съ юга и тѣснитъ своихъ мирныхъ сѣверныхъ племенныхъ собратій, какъ и другія народности. Народъ Мономотапы принадлежитъ къ древнѣйшей группѣ, и его потомки живутъ еще и теперь въ странѣ Машонѣ; такъ I. Теодоръ Бентъ (1852—97) доказалъ, что теперешніе машоны сами себя называютъ макаланга (сравн. выше, стр. 414) и такимъ, образомъ носятъ то же имя, что и мономотапы, которые, по сообщенію великаго португальскаго историка колоній де Барроса (1496—1570) назывались макарангой. Эти макаранга, повидимому, по образцу своихъ изгнанныхъ предшественниковъ, окружали свои мѣстопребыванія (Цимбаоё = Симбаоэ, Луанца, Массапа, Эмпонго и Хикова) тоже крѣпкими каменными стѣнами, какъ доказываютъ многочисленные остатки. Распаденіе Мономотапы описываютъ намъ португальскіе повѣствователи: въ 1600 г. оно раздѣлилось на три государства, такъ какъ отдѣльныя провинціи (Сакумбе, Ману и Хикова) объявили себя независимыми; могущество этихъ частей все болѣе и болѣе уменьшалось и, наконецъ, въ XIX столѣтіи натискъ зулу повергъ эту страну окончательно въ разрушеніе. Этимъ начинается новая эпоха въ жизни каффрскаго народа.

б) Юговосточная Африка до начала переселенія зулусовъ.

Мы знаемъ уже (ст. стр. 401 и 403), что юго-западъ этой части свѣта во время прибытія европейцевъ былъ населенъ исключительно готтентоттами и бушменами; точно также на юго-востокѣ были распространены до Замбези каффрскіе народы, которые, конечно, по своемъ переселеніи могли принять въ себя многія народности и не представляли болѣе единства въ языкѣ и нравахъ. Отдѣльныя племена при своемъ прежнемъ кочеваніи съ сѣвера на югъ уклонились также въ сторону, такъ, вѣроятно, хереро въ Дамараландѣ, машукулумба, которые раньше жили еще сѣвернѣе вблизи большихъ озеръ, къ среднему теченію Замбези, и другія. Къ сѣверу отъ

нижняго теченія Замбези вѣроятно осѣли каффры, смѣшавшись съ другими племенами банту.

Между южными народами заслуживаютъ прежде всего упоминанія бечуаны, которые, по мнѣнію Густава Теодора Фрича, переселились въ свою теперешнюю область раньше зулу. Страна бечуановъ простирается отъ средняго теченія Оранжевой рѣки до Замбези, хотя на сѣверѣ тѣснятся въ большомъ количествѣ между бечуанами другія племена, и потому разграниченіе здѣсь неточно. Сказанія о переселеніи съ сѣвера находятся у нѣкоторыхъ южныхъ племенъ народа; въ культурѣ они превосходили зулу, но далеко отставали отъ нихъ въ воинственномъ мужествѣ.

Еще болѣе высокимъ развитіемъ чѣмъ бечуаны обладали тѣ каффрскія племена, которыя сидѣли по Замбези. Древняя культура Мономотапы не совсѣмъ исчезла: умѣли изготовлять золотые и желѣзные сосуды, разводили хлопчатникъ и выдѣлывали изъ него ткани и поддерживали торговыя сношенія съ португальскими приморскими городами.

в) Ксоза и зулу.

По распаденіи изобилующей золотомъ Мономотапы не существовало уже болѣе крупныхъ политическихъ единицъ; завоевательный народъ мало могъ разсчитывать на сопротивленіе. До степени такого народа поднялись со временемъ юго-восточные каффры. Съ ихъ внутренней исторіей мы ознакомлены ближе только съ начала ихъ столкновенія съ европейскими переселенцами южной Африки; но въ виду того, что великія завоевательныя нашествія, которыя должны были потрясти Африку до самыхъ озеръ, начались лишь много времени спустя, этотъ недостатокъ не особенно ощутителенъ. У большей части каффрскихъ племенъ существуетъ единогласное преданіе, что они переселились съ сѣверо-востока на свои мѣста жительства, что, конечно, соотвѣтствуетъ показанію арабскихъ источниковъ; это переселеніе, кажется, послѣдовало не вдругъ, но постепенно. Въ XVII-мъ столѣтіи жило каффрское племя ксоза (коза, амакоза; 1887 магозе) южнѣе всѣхъ и находилось въ состояніи медленнаго движенія впередъ къ югу въ область готтентотовъ. Сѣверная группа юго-восточныхъ каффровъ объединяется, какъ „зулу"; она жила первоначально въ Наталѣ и на сѣверной, граничащей съ нимъ береговой странѣ; свази въ названной по нимъ области стоятъ по языку очень близко къ этой группѣ.

Уже до появленія европейцевъ происходили повидимому внутри группы зулу движенія, которыя вели къ поглощенію меньшихъ племенъ и образованію сильныхъ союзовъ народовъ. Прежде всего ксозѣ пришлось посчитаться со вторгнувшимися бѣлыми переселенцами.

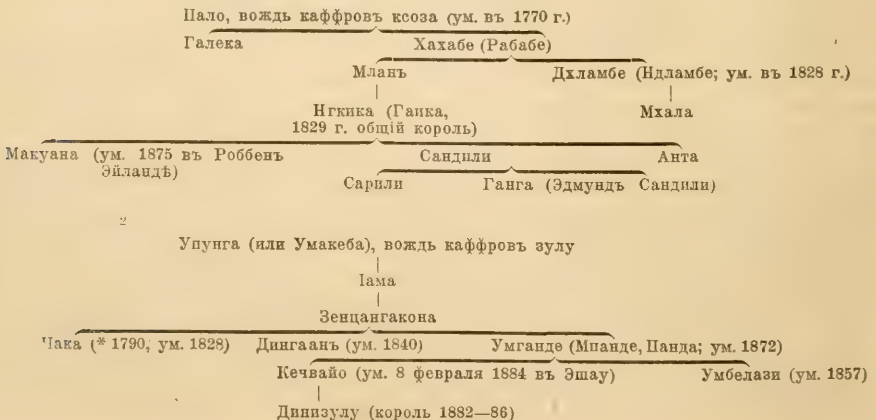
Въ 1736 г. пали первыя жертвы начавшейся безпощадной войны, причемъ охотничье общество, которое вторгнулось въ область каффровъ, было перебито. Незначительныя непріязненныя отношенія послѣдовали именно съ 1754 г., не останавливая движенія переселенцевъ впередъ, пока въ 1778 г. не была прочно установлена границею Большая Рыбная рѣка губернаторомъ Капской колоніи Плеттенбергомъ. Но именно прочное обозначеніе границы, на которое каффры нисколько не обратили вниманія, сдѣлало скоро изъ малыхъ столкновеній серьезную вспышку войны: уже въ 1780 г. разразилась первая каффрская война, при которой маленькое войско изъ 92 колонистовъ и 40 готтентотовъ удачно оттѣснило каффровъ за Рыбную рѣку. Конечно, между самими каффрами внутренніе споры были обычнымъ явленіемъ, такъ что именно ослабленныя и побитыя племена, убѣгая, переступили пограничную рѣку, и теперь должны были отступить вторично. И въ послѣдующихъ годахъ не прекращались безпокойства,

такъ какъ вождь Дхламбе [1] (Dhlambe) въ 1795—96 г. вступилъ въ отчаянную борьбу оружіемъ со своимъ племянникомъ Нгкика за главенство въ странѣ Ксоза. Нгкика, который въ 1797 г, Джономъ Барроу, частнымъ секретаремъ Карла Макартнея, былъ провозглашенъ королемъ всѣхъ племенъ къ западу отъ Кей, велъ себя совершенно смирно въ продолженіе битвъ англичанъ съ вождемъ Кунгвой (ум. 1811) у залива Алго и съ Дхламбе у Большой Рыбной рѣки. Въ 1818 г. онъ былъ разбитъ на равнинѣ Амалинда у рѣки Хуми партіей Дхламбе, человѣкомъ низкаго положенія, прорицателемъ и волшебникомъ Маканна (Макарна, Макана) и изгнанъ на западъ. Макана же скоро послѣ того (1819) попалъ въ руки колонистовъ, на которыхъ онъ напалъ при Грэхамстоунѣ у рѣки Кови. Такъ какъ дальнѣйшія войны тѣсно связаны съ развитіемъ Капской колоніи, то они будутъ лучше разсказаны тамъ (стр. 489).

Между тѣмъ развилось въ сторонѣ отъ европейскихъ нападеній у народа зулу военное государство, имѣвшее во всемірной исторіи мало подобныхъ себѣ. Вначалѣ зулу, по которымъ обыкновенно теперь называютъ весь народъ, были только небольшимъ кочевымъ племенемъ, которое имѣло мало значенія; но человѣкъ съ сильной энергіей и безпощаднымъ властолюбіемъ Чака [2] доставилъ ему безусловное преобладаніе въ началѣ XIX столѣтія. Мать Чака укрыла его у Дингисвайо, вождя сосѣдняго, могущественнаго племени тетвы, гдѣ онъ былъ воспитанъ; когда онъ возвратился потомъ, будучи 30-ти лѣтъ, въ 1818 г. и принялъ правленіе, ему удалось вслѣдствіе этого быстро слить и силою и добромъ тетву съ зулу.

Теперь подданные получили самую строгую военную организацію и упражнялись въ военномъ искусствѣ; все существованіе основано было на войнѣ и завоеваніи. Малые союзы народовъ изчезли такимъ способомъ мало по малу совершенно, но и семейная жизнь внутри племенъ была почти совершенно разстроена. Весь народъ распался отнынѣ на войсковыя подраздѣленія, которыя стояли подъ начальствомъ военныхъ вождей (индуна); женщины, равнымъ образомъ распредѣленныя по военному, были не что иное, какъ наложницы, которымъ часто не дозволялось воспитывать своихъ дѣтей. Пополненіе войска достигалось такимъ путемъ, что ставили въ ряды молодыхъ людей завоеванныхъ племенъ; уже изъ этого слѣдуетъ, что постоянная война была условіемъ жизни для царства Зулу, и что это должно было разрушительно дѣйствовать на всѣ сосѣдніе народы. Эти сосѣди зулу устремились, пока они еще не были совершенно уничтожены, уклоняясь назадъ отъ натиска, на другія племена, пока, наконецъ, большая часть южной Африки не пришла въ броженіе.

1



Такъ, тѣснимые сбоку племенемъ зулу, мантати угрожали даже Капской области, послѣ того какъ они разсѣяли слабѣйшія племена къ сѣверу отъ рѣки Оранжевой, но въ 1823 году были разбиты гриквой-готтентотами и пришли, наконецъ, постепенно въ спокойное состояніе. Другіе обломки народовъ, частью амамфингу и нгвана („фекани“) изъ Тугелы, частью зулу, которые принимали участіе въ возстаніи противъ тиранніи Чаки, устремились къ юго-западу и соединились, наконецъ, въ племя фингу, изъ которыхъ, послѣ войны 1835 г. были переселены англичанами къ востоку отъ Большой Рыбной рѣки 16,000 человѣкъ.

Чака палъ въ 1828 г. жертвою заговора своихъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ, Дингаанъ, присвоилъ себѣ власть, послѣ того какъ онъ одолѣлъ въ единоборствѣ своего соучастника въ заговорѣ. Онъ превосходилъ Чака въ жестокости и дикой энергіи и усовершенствованіи организаціи войска. Но уже приближались враги, которымъ должна была, наконецъ, поддаться сила зулу. Англійскіе переселенцы водворились на берегу Наталь; буры прорывались 1837 г. черезъ горы и просили позволенія у Дингаана поселиться. Когда каффрскій князь, который заманилъ предводителя буровъ Питера Ретифа съ шестьюдесятью шестью спутниками въ свой лагерь, велѣлъ изрубить слишкомъ довѣрившихся 5 февраля 1838 г., началась новая, изъ многихъ написанныхъ кровью страницъ южноафриканской исторіи. Для него самого было пагубно это вѣроломное дѣло. Буры соединились въ сильный отрядъ, вступили подъ начальствомъ Андрея Преторіуса въ Наталь и разбили на голову въ кровавомъ сраженіи Дингаана, который 16 декабря 1838 г. напалъ на ихъ военный обозъ съ 12,000 человѣкъ. Дингаанъ бѣжалъ къ каффрамъ свази, и скоро тамъ скончался (въ 1840 г.) Его наслѣдникъ Умганде, „князь зулу“ съ 4 февраля 1840 г. долженъ былъ уступить бурамъ Наталь, который вскорѣ потомъ (лѣтомъ 1842) былъ включенъ въ составъ англійскаго колоніальнаго государства. Этимъ былъ поставленъ непроходимый предѣлъ воинственнымъ стремленіямъ зулу къ югу; тѣмъ стали сильнѣе ихъ нападенія на сѣверъ (срав. ниже).

При Умгандѣ господствовалъ миръ съ англичанами. Обстоятельства измѣнились только, когда удалось сыну Умганде Кечвайо (Сетевайо) въ 1857 г. побѣдить своего брата Умбелази въ кровавомъ сраженіи при рѣкѣ Тугелѣ и поставить своего отца, который не вмѣшивался въ споръ, въ тѣни. Въ Кечвайо стоялъ снова во главѣ народа, типъ воинственнаго князя зулу, и когда умеръ Умганде въ 1872 г., стало ясно, что миръ между зулу и англійскимъ правительствомъ не будетъ болѣе продолжительнымъ. Столкновенія на границѣ между бѣглецами обѣихъ партій становились все серьезнѣе и серьезнѣе; Кечвайо же, по предусмотрительности, довелъ численность своего войска до 40,000 человѣкъ. Англія требовала распущенія этой страшной военной силы и вслѣдствіе отказа князя зулу была объявлена война. Исходъ не могъ быть сомнительнымъ. Англійскій отрядъ былъ уничтоженъ при Изандалванѣ (22 янв. 1879) копьями и дубинами полчищъ зулу, не было недостатка и въ другихъ, меньшихъ неудачахъ (1 іюня смерть принца Наполеона при рѣкѣ Хіотоіоцѣ). Но какъ Дингаанъ, наконецъ, подчинился бурамъ, такъ и Кечвайо англичанамъ (4 іюля въ Улунди): каффрскій король долженъ былъ 28 августа 1879 г. безусловно сдаться въ Нгомевальдѣ при Черномъ Умволози. Дальнѣйшее движеніе англичанъ впередъ и постепенное присвоеніе ими страны принадлежатъ европейско-африканской исторіи (стр. 491).

г) Матабеле.

Между тѣмъ какъ наконецъ, кратеръ народной войны былъ закрытъ силою, изъ него, какъ раскаленные потоки лавы, вылились военныя толпы, опустошая обширный округъ. Когда Чака сталъ во главѣ племени зулу,

часть его народа ушла отъ его желѣзнаго владычества. Подъ предводительствомъ вождя Мозеликатзе (Умзелеказп) вломилась толпа въ 1818 г. на сѣверо-западъ и столкнулась сначала съ племенемъ макололо, которое имѣло свое пребываніе на восточной части нынѣшней Оранжевой республики. Макололо уклонились отъ столкновенія, направившись въ 1824 г. подъ начальствомъ своего вождя Себитуане[1] къ сѣверу; они перешли среднее теченіе Замбези и подали поводъ къ переворотамъ, которыми мы будемъ заниматься еще въ другомъ мѣстѣ (см. стр. 449).

Тѣмъ временемъ матабеле (матебеле; позднѣе: амандабеле), какъ назывался народъ Мазеликатзе по одному изъ племенъ зулу, осѣвшему уже давно въ Трансваалѣ, нашли себѣ еще другихъ противниковъ между рѣками Вааль и Оранжевой, напр. одну часть корана-готтентотовъ, а особенно, принадлежащій въ бечуанамъ народъ базуто, который въ началѣ XVII столѣтія повидимому переселился на свое мѣсто жительства и, вобравъ въ себя остатки другихъ племенъ, усилился до значительнаго могущества. Самый значительный вождь базутовъ, Мошешъ (около 1820 г. до 1868 г.) отразилъ 1831 г. нападеніе матабеле и пріобрѣлъ себѣ этимъ славу и вліяніе (крѣпость Таба Боссиго). Мало-по-малу матабеле, которые не могли проникнуть далѣе къ югу, овладѣли нынѣшнимъ Трансваалемъ. Но съ одной стороны напирали буры, поддерживаемые кораной и метисами подъ предводительствомъ Ганса Блумса, за рѣку Вааль къ сѣверу и побѣдили Мозеликатзе 1837 г. при укрѣпленномъ городѣ бахурутзовъ Мозигѣ; съ другой стороны было выслано противъ нихъ войско зулу, которое побило отпавшихъ и изгнало ихъ оттуда. Тогда потянулись они дальше черезъ Лимпопо въ страну Машона, къ древней Мономотапѣ. Предъ ихъ напоромъ пали слабыя, не соединенныя племена; по настоящему обычаю зулу были произведены грабежи и убійства, жены побѣжденныхъ слѣдовали, какъ плѣнныя, за своими новыми господами, а молодежь была помѣщена въ ряды войска. Такъ какъ всѣ попытки матабеле переступить Замбези не удались, то главная масса народа осталась въ странѣ Машона, постоянно безпокоя сосѣдей. По смерти Мозеликатзе сталъ 1870 г. Лобенгула во главѣ народа, область котораго по своему богатству золотомъ съ начала 80-ыхъ годовъ стала цѣлью многочисленныхъ переселеній бѣлыхъ, и въ началѣ 1889 г. и 1894 г. была отнята англійско-южно-африканскимъ обществомъ; могущество матабеле было до основанія сломлено пораженіемъ Лобенгулы 1 ноября 1893 г. (при рѣкѣ Бембези, къ сѣверо-востоку отъ его столицы Гу-Булавайо).

д) Джагга и Мазимба.

Менѣе точно, чѣмъ объ исторіи матабеле, мы освѣдомлены о другихъ народахъ зулу, которые распространили свои разрушительные походы на востокъ и далеко за Замбези. Осторожность здѣсь требуется во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего кажется, что каффры, болѣе древняго слоя, которые имѣютъ много сходства по своему существу съ зулу, сидятъ уже столѣтіями, то-есть, вѣроятно, со времени большихъ переселеній съ сѣвера на югъ, въ области Замбези и на восточно африканскомъ плоскогоріи; сюда могутъ относиться вайао, которые въ послѣднія десятилѣтія жестоко тѣснятъ макуа въ Ровумѣ. Далѣе цѣлыя племена переняли отъ зулу нравы и способъ веденія войны (такъ называемые обезьяны зулу; см. стр. 422), и этимъ содѣйствовали тому, что изгладили границу распространенія настоящаго „новѣйшаго нашествія“ зулу. Однако, кажется, что именно сѣверная группа каффровъ за нѣсколько столѣтій была въ оживлен-

---

[1] Себитуане, вождь Макоколо (* 1805, ум. 1851)
Секелету (Секолету; * 1833, ум. ок. 1856) Мамотчизане (То) Мпепе (ум. 1853)

номъ активномъ движенiи и, можетъ быть, играла такую же роль, какъ въ настоящее время зулу; походы джагги и мазимбы, которые заслуживаютъ болѣе точнаго разсмотрѣнiя, кажется указываютъ на это.

Когда въ 1490—91 году второе португальское посольство находилось при Мани-Конго, королѣ нижней страны Конго, который имѣлъ свой дворъ въ Амбассѣ, пришло извѣстiе изнутри страны, что народъ мундеквете у истоковъ Конго (сравн. стр. 446) приготовляется къ войнѣ. Королю Конго, который быстро крестился, какъ нѣкогда Хлодвигъ, удалось тогда разбить непрiятелей. Это первое движенiе кажется было прелюдiей дальнѣйшихъ войнъ — нападенiй джагги. Подъ начальствомъ своего короля Симбо проникли эти „Жакасъ" (Лопецъ) къ Западному берегу, разбили войска Конго, которыя держались съ трудомъ при помощи португальцевъ, и подчинили часть Анголы. Ихъ возобновленныя нападенiя 1552—46 г. поставили Конго на краю погибели, но имѣли результатомъ въ концѣ концовъ собственное пораженiе; послѣ этого ихъ остатки поселились въ странѣ Кассандже. Ихъ первоначальныя мѣста жительства должны были лежать вблизи истоковъ Замбези и Конго: судя поэтому, ихъ можно считать племенами каффровъ. Кромѣ того военное устройство джагги въ главныхъ чертахъ повидимому соотвѣтствуетъ зулусскому: и джагги увеличивали свое войско тѣмъ, что мальчики побѣжденныхъ, и по большей части истребленныхъ народовъ принимались въ ихъ войска. Объ ихъ культурномъ достоянiи и нравахъ мы знаемъ очень мало; названiе джагга, навѣрно взятое съ каффрскаго языка, означаетъ „войска", „солдаты" или „молодежь".

Тождественнымъ съ джагга считали другой воинственный народъ, мазимба (вазимба, цимба), который появился въ 1540 г. на нижнемъ теченiи Замбези, но тогда потерпѣлъ пораженiе отъ португальцевъ. Долгое время теперь все было спокойно, пока въ 1572 г. мазимба не напали на Мономотапу и не принудили князя ихъ, который въ 1571 г. еще успѣшно сражался съ португальцами, просить помощи именно у этихъ же португальцевъ. Но и эти потерпѣли пораженiя въ послѣдующихъ продолжительныхъ сраженiяхъ; и въ 1592 г. капитанъ Андре да Сантiаго, комендантъ Сенны (Сены) съ 300 человѣкъ былъ схваченъ при Тетѣ варварами и съѣденъ. Одновременно простирали мазимба свои нашествiя все далѣе къ сѣверу, куда прежде всего привлекали ихъ жадность богатые прибрежные города. Кильва (Киссивани, Квилоа) попала въ 1586 г., благодаря измѣнѣ, въ ихъ руки. Въ срединѣ марта 1589 г. разгромили они Момбасъ, однакожъ понесли вскорѣ послѣ того у Малинди (стр. 415) тяжкое пораженiе. Съ концомъ XVI столѣiя народъ исчезаетъ, повидимому, изъ исторiи.

О возникновенiи и исчезновенiи этого племени вымышлено много странныхъ представленiй. Если мы посмотримъ спокойно на факты, каковы они есть, и сравнимъ ихъ съ современными странствованiями зулу, то великая загадка окажется не неразрѣшимою. Мы должны будемъ принять, что подобное средоточiе воинственныхъ переворотовъ, каковымъ до самаго послѣдняго времени была страна зулу, образовалось въ бассейнѣ Замбези или же по близости его. Первый толчокъ, кажется далъ народъ каффрскаго племени, разсылавшiй на западъ, какъ и на востокъ, завоевательныя толпы, которыя со своей стороны вслѣдствiе вышеупомянутой системы вербованiя, разростались и дѣйствовали, какъ самостоятельные организмы. Война была условiемъ жизни этихъ новыхъ тѣлъ; будучи принуждены къ миру, они необходимо должны были распасться и разойтись. И такъ, намъ нѣтъ надобности по всей африканской части свѣта разыскивать остатки мазимбы или джагги и называть какой-нибудь болѣе крупный народъ ихъ потомками — ихъ исчезновенiе нисколько не кажется страннымъ. Все-таки могли сохраниться остатки, напр. въ странѣ позади Анголы при Кассандже;

но врядъ-ли они значительны. Гораздо болѣе важны и, конечно, еще и теперь замѣтны, воздѣйствія на жизнь народовъ большихъ областей Африки; но именно эти вещи трудно прослѣдить. Къ счастью, тѣ аналогичныя явленія, которыя перешли въ новое время и дозволяютъ обратное заключеніе, могутъ быть разсмотрѣны точнѣе.

e) Послѣдніе отпрыски зулусскихъ переселеній.

Военные походы матабеле, которые потрясли собою средину южной Африки до Замбези, и косвенно область за этою рѣкою, своими дѣйствіями еще уступаютъ опустошеніямъ и войнамъ другихъ ордъ зулу на восточномъ берегу и по эту, какъ и по ту сторону нижняго Замбези. Вождь Мани-кусъ долженъ былъ по смерти Чака повести первое войско къ сѣверу. Раньше всего была окружена и опустошена страна Газа, т. е. область между устьемъ Замбези и страной Зулу; жители, прежде счастливый, промышленный народъ, были разогнаны или порабощены, и вмѣсто своихъ любимыхъ стадъ рогатаго скота, которыя попали въ добычу зулу, стали теперь разводить собакъ для убоины.

Подобной была судьба племенъ у нижняго Замбези. Здѣсь, гдѣ вслѣдствіе вывоза золота возникало постоянно извѣстное сношеніе съ культурными народами, жители значительно преуспѣли въ цивилизаціи. Искусные кузнецы и золотыхъ дѣлъ мастера продавали произведенія своего труда не только своимъ племеннымъ собратіямъ, но даже арабамъ и португальцамъ, а хлопчатобумажное ткацкое искусство распространилось вверхъ по Замбези, далеко во внутрь страны. Населеніе было смѣшано изъ различныхъ составныхъ частей, потому что торговля невольниками процвѣтала здѣсь съ древняго времени, и ея обычныя послѣдствія, распаденіе и смѣшеніе народовъ, сказались также и здѣсь.

На эту смѣсь племенъ набросились воински-организованные зулу (подъ начальствомъ Сонгондаве, Мпезена, Суру и Мбонана, Мпунты и Кадіаонги) съ разрушающею силою. Разумѣется, они выступаютъ передъ нами здѣсь уже не подъ своимъ именемъ: можетъ быть, частью они ушли отъ тираніи Чаки къ сѣверу, въ то время, когда онъ впервые отпечаталъ на сжатомъ въ желѣзномъ кулакѣ народѣ имя своего маленькаго племени. Мы находимъ такіе отпрыски зулу, какъ „ландинъ“ у Замбези, какъ „вангони“ (магванагара, махуху; см. родословную I, A. Б. въ концѣ отдѣла), къ западу отъ Ніассы, какъ „мафити“ (мавити, вамбунга или махенге) или „мазиту“ между Ніассой и восточнымъ берегомъ части свѣта, какъ ватута (см. стр. 424) на югѣ Уніамвези. Всѣ они дѣйствовали крайне разлагающимъ образомъ; ихъ примѣръ заразилъ мирныхъ земледѣльцевъ, которые принимаютъ одежду и вооруженіе (длинное копье и щитъ изъ бычачьей кожи) завоевателей и вторгаются теперь точно также опустошительно въ области своихъ сосѣдей.

Въ извѣстномъ смыслѣ принадлежатъ къ этимъ „зулу-обезьянамъ“ (см. стр. 420) также вахехе, которые въ своей главной массѣ тѣсно родственны съ васагара. Около 1860 г. и въ особенности съ 1870 г. при своихъ вождяхъ: Ніугумбѣ Муджингѣ (Мачинга) и Мамбамбе (Мамле; см, родословіе II, на концѣ) они основали совершенно въ стилѣ зулу многія царства, которыя подчинены нѣмцами только въ 1896 г.

Для всего пространства земель отъ Замбези до великой Караванной дороги не было ничего значительнѣе проникновенія его свойствомъ и характеромъ зулу (зулуизаціи); оно то прежде всего и опредѣлило ходъ нѣмецкой политики въ восточной Африкѣ.

B. **Ваніамвези.**

Въ настоящее время относительно высоты культуры въ средней части восточной Африки можно различить довольно ясно нѣсколько поясовъ, какъ слѣдствіе продолжительнаго дѣйствія чужеземныхъ вліяній. Города

у морскихъ береговъ и большая часть прибрежныхъ равнинъ населены суахели, смѣшаннымъ народомъ, который принялъ въ себя извѣстную долю арабской, а также и португальской крови и связанъ въ единство общимъ языкомъ, кисуахели, и однородной культурой. Въ плодородной, горной странѣ позади берега жили маленькія, частью съ очень скудной культурой племена; то же можно сказать и о степной области, простирающейся дальше внутрь; это очевидно край, гдѣ слишкомъ сильныя вліянія культуры подѣйствовали болѣе разрушительно, чѣмъ укрѣпляюще. Если мы проникнемъ, наконецъ, къ плоскогорію, которое лежитъ между Викторіей Ніанза, Танганьикой и Ньясса, то достигнемъ области, которая уже лежитъ слишкомъ далеко отъ берега, такъ что она не могла быть доведена до бѣдности переселившимися туда чужеземцами, и въ то же время достаточно близко для воспринятія различнаго рода вліяній. Такъ здѣсь возникъ культурный народъ, по крайней мѣрѣ въ африканскомъ смыслѣ, который выгодно отличается по извѣстной цивилизаціи, по промышленной дѣятельности и по своей наклонности къ торговымъ предпріятіямъ, и будетъ имѣть значеніе для будущности части свѣта, — народъ ваніамвези.

Очевидно этотъ народъ состоитъ съ очень давняго времени въ мирномъ сношеніи съ берегомъ. Андрью Баттель (въ 1565—1616 г.; его описаніе путешествія въ Pilgrimage Purch'a, Лондонъ, 1625 г.), кажется, называетъ ихъ „мохенемуги", Дапперъ называетъ ихъ „ніеміемайи". Слово ваніамвези само означаетъ „Лунная страна" и происходитъ отъ береговoго населенія, которое такъ же, какъ и арабы, его учителя, могло слышать о сказочныхъ Лунныхъ горахъ древности; названіе конечно осталось за главнѣйшей областью внутренней страны, цѣли всѣхъ торговыхъ экспедицій. Выгода положенія, въ особенности защита, которую доставляли озера и степи противъ нападеній, одинаково содѣйствовали процвѣтанію Уніамвези, какъ и караванная торговля, и чрезъ нее пріобрѣтенная высшая цивилизація, которая повела къ государственному сцѣпленію различныхъ племенъ области. Высшее процвѣтаніе этого государства приходится, очевидно на то время, отъ котораго совершенно нѣтъ прямыхъ извѣстій, но объ его значеніи вполнѣ можно заключить изъ современнаго состоянія упадка.

Ваніамвези — народъ банту, какъ почти всѣ ихъ сосѣди. Ихъ страна ограничена на западѣ Танганьикой, на востокѣ степною областью Угого; съ сѣвера настоящіе ваніамвези не достигаютъ до озера Викторіи. Но многія племена, которыя теперь подобны имъ по языку и, вѣроятно, вошли въ составъ во время процвѣтанія царства, примыкаютъ тамъ непосредственно къ нимъ; въ дѣйствительности эти васукумы и т. д. принадлежатъ всѣмъ своимъ существомъ къ племенамъ, которыя сидятъ къ востоку отъ Уніамвези, къ вагого и васагара. Впрочемъ, до какой степени и здѣсь примѣръ сильнѣйшихъ въ данное время племенъ вліяетъ на болѣе слабыя, доказываетъ одно изъ принадлежащихъ къ ваніамвези племенъ. „Вакимбу въ Мдабуру", говоритъ Павелъ Рейхардъ, „приняли нравы, языкъ и оружіе вагого; и только съ 1880 г. припоминаютъ они мало-по-малу, благодаря вторичному занятію Мгунда-Мкали ваніамвези, свое древнее происхожденіе и снова превращаются въ ваніамвези, между тѣмъ какъ теперь вошли въ худую славу сурово тѣснимые со всѣхъ сторонъ вагого". Вагого со своей стороны, тѣснимые съ сѣвера массаіей, съ юга вахехой, начали уподобляться то однимъ, то другимъ въ одеждѣ и языкѣ.

Ядро страны Уніамвези — Уніаніембе; здѣсь удержалось даже послѣ распаденія царства, происшедшаго въ неизвѣстное время, сношеніе съ берегомъ, а также нѣкоторое, не далеко заходящее преданіе. Оскаръ Бауманъ, вѣроятно, правъ, когда онъ относитъ родоначальника теперешней царствующей фамиліи, Свету I, къ концу XVIII столѣтія. Во время этого правителя караванное сношеніе, которое, вѣроятно, прекратилось, снова было открыто, будто бы благодаря двумъ охотникамъ на

слоновъ Мпарангомбе и Нгогоме, которые проникли до самаго берега и затѣмъ провели туда караваны своихъ земляковъ 1825—30 гг. Арабы скоро воспользовались вновь открытымъ торговымъ путемъ и, основавъ въ 1842 г. Табору, создали средоточіе своего вліянія. Такъ начинается великое арабское вторженіе въ центральную Африку, которое должно было повести къ тяжелымъ переворотамъ и борьбѣ.

Не было недостатка и въ другихъ иноземцахъ въ Уніамвези. Какъ отпрыски вахумскихъ переселеній (см. ниже, стр. 426) появились уже въ древнѣйшее время въ Уніамвези хамитскіе ватусси (ватузи), которые однако не пріобрѣли здѣсь никакого политическаго вліянія. Хищническіе походы зулу напротивъ, привели за собою въ страну обломки этого воинственнаго племени; они, подъ именами ватута или вангони (см. стр. 422), значительно должны были повліять на судьбу уніамвези въ новое время. Въ 1850 г. отдѣлились ватута отъ мазиту (зулу у озеръ Ширва и Ньясса), столкнулись, идя съ сѣверо-запада озера Ньясса, съ богатыми рогатымъ скотомъ, но слишкомъ сильными варори и проникли, проходя мимо Урори, въ 1858 г. до Уджиджи, арабское населеніе котораго нашло себѣ убѣжище на островѣ Бангвѣ. Потомъ, когда нападеніе ватута на ухха (у озера Танганьика; см. стр. 427) и урунди (главный городъ Мувукейе) не удалось, они пробились чрезъ Увинзу, вступили въ Уніамвези и достигли чрезъ Узинджу до озера Укереве. Здѣсь задержались они на нѣсколько лѣтъ, и потомъ пошли обратно въ южную часть Усукумы, вождь котораго, какъ умный зять вождя Ватуты, получилъ его страну, въ приданое. Часть же ватуты направилась еще дальше на югъ, стала здѣсь вѣрнѣйшей свитой могущественнаго Мирамбо, „Наполеона восточной Африки“ (см. выше, стр. 422), а чрезъ него изъ отважнаго странствующаго народа постепенно превратилась въ способный къ государственной жизни народъ, который чувствовалъ себя хорошо въ орошенной и богатой лугами Угомба и Нгалла.

Мирамбо самъ былъ изъ племени ваніамвези, какъ говорятъ, сынъ мелкаго деревенскаго вождя (род. въ 1830 г.); будучи въ качествѣ проводника каравана обиженъ однимъ арабомъ, онъ бѣжалъ въ пустыню и собралъ вокругъ себя разбойничью шайку (руга-руга), которая скоро навела страхъ на туземцевъ, какъ и на арабовъ. Когда умеръ вождь принадлежащей Уніамвези деревушки Ухове, онъ подчинилъ эту область себѣ; опустошительными военными походами онъ привелъ въ ужасъ весь юго-востокъ Уніамвези. Съ арабами не могло не произойти столкновенія. Стэнли, который какъ разъ тогда (въ 1871 г.) проѣзжалъ страну, самъ принималъ участіе въ походѣ, предпринятомъ арабами противъ Мирамбо; послѣ краткаго побѣдоноснаго вторженія, предпріятіе окончилось страшнымъ пораженіемъ. Еще въ томъ же году Мирамбо разрушилъ и сжегъ городъ Табору. Онъ былъ тогда на вершинѣ своего могущества (1870—80 гг.). Но принятая зулу система завоеванія не была пригодна для основанія прочнаго царства; древнее, когда то столь могущественное Уніамвези не воскресло при Мирамбо къ новому процвѣтанію. Владычество Мирамбо росло и само себя снова уничтожало постоянной войной. По смерти его (1886 г.) Уніамвези было болѣе разорвано, чѣмъ когда-либо; и прежде чѣмъ оно нашло себѣ изъ этого распаденія путь къ новому развитію, занятіе въ 1890 г. Таборы нѣмецкими охранными войсками и пораженіе Сика (Сикки), вождя Уніамвези, возвѣстило начало новой эпохи для этой области.

Г. **Банту между Уніамвези и берегомъ.**

Объ исторіи народовъ бантусской фамиліи языковъ, которые сидѣли къ востоку отъ Уніамвези до самаго берега, достовѣрнаго можно сказать крайне мало. Ясно то, что число ихъ было когда-то больше и положеніе ихъ благопріятнѣе, чѣмъ въ настоящее время; съ другой стороны

существованіе бушменоподобныхъ племенъ въ безрѣчной области предостерегаетъ насъ отъ предположенія, что и въ болѣе древнее время вся средняя часть восточной Африки была населена исключительно банту. Въ смѣшеніи и странствованіяхъ здѣсь никогда не было, навѣрно, недостатка и въ древнѣйшее время.

По мнѣнію Франца Штульмана, жители Узагары, Узегухи, Узамбары, Уками и Хуту (Кхуту) образуютъ вмѣстѣ родственную группу, которая такъ же, какъ и ваніамвези, уже съ древняго времени была осѣдлою въ своихъ областяхъ. Въ извѣстной противоположности къ нимъ стоятъ подвергнувшіеся хамитскому вліянію банту, въ качествѣ главнаго представителя которыхъ можно назвать вагого, а также многочисленныя болѣе мелкія племена далѣе на сѣверѣ, напр. независимые ваджагга у Килиманджаро, не самостоятельные вапокомо у Таны и т. д. Такъ какъ сѣверныя племена ваніамвези первонально родственны вагого, а эти въ свою очередь стоятъ, повидимому, по языку близко къ банту государствъ вахумы, то этимъ по крайней мѣрѣ достигнута группировка, которая обнимаетъ всѣ эти племена и даетъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія относительно доисторическаго времени.

Въ новѣйшее время именно Узамбара и область у Килиманджаро достигли историческаго значенія. Въ 15 году XIX столѣтія въ Узамбарѣ господствовали сравнительно упорядоченныя условія. „Я призналъ тотчасъ“, говоритъ Іоаннъ Людвигъ Крапфъ, который тогда посѣтилъ страну, „что я былъ въ землѣ, гдѣ господствовалъ лучшій порядокъ, чѣмъ въ не имѣющихъ законовъ республикахъ Ваника и Вакамба. Только въ царствѣ Шоа ощутилъ я нѣчто подобное“. Тогдашній король Кмери (Кимуэри), жившій въ Вуга, былъ четвертымъ изъ своего дома, который обладалъ только частью Узамбары до Бондеи, и даже кусокъ страны Видиго (внутрь страны отъ Момбаса) былъ завоеванъ. въ придатокъ къ этому; Узегуха, жители которой снабжались огнестрѣльнымъ оружіемъ съ берега, снова отдѣлилась, послѣ того какъ она долго была подчинена. Кажется, что владѣтельная фамилія, Вакилинди — арабскаго происхожденія или же сильно смѣшана съ арабскою кровью; согласно сказанію, она переселилась изъ Нгуру или Джагги. Послѣ смерти Кмери (1867 г.) очень быстро поникло могущество маленькаго царства; имѣвшій резиденцію въ Вазиндѣ Зимбоджа, наслѣдникъ Кмери, вступилъ наконецъ въ споръ съ нѣмцами и потерялъ даже Бондеи, гдѣ объявилъ себя самостоятельнымъ другой вождь изъ рода Вакилинди, Кибанга.

Историческое значеніе Узамбары не трудно объясняется природой страны; плодородная горная страна предоставляетъ прочному господству защиту и точку опоры, пока совершенно не распространится само собой его вліяніе на прилежащія плоскія области, и такимъ образомъ не возникнетъ сравнительно способная къ сопротивленію государственная единица. Подобно этому дало себя почувствовать могущество племенъ у Килиманджаро, и въ особенности племени ваджагга въ прилежащихъ странахъ. Безъ сомнѣнія, ничтожное число и разобщенность этихъ горныхъ жителей (по Гансу Мейеру въ 20 племенахъ всего вмѣстѣ 46,000 человѣкъ) препятствовали здѣсь всегда образованію большого государства.

На всѣ находящіяся подъ властью банту области средней Африки, можетъ быть, за исключеніемъ малыхъ государствъ у Килиманджаро, вліяетъ разлагающе и разрушающе потокъ хамитскихъ племенъ (сравн. ниже, стр. 426), который напираетъ сюда съ сѣвера, подобно тому, какъ съ юга — зулу.

Д. Область озеръ истоковъ Нила: Вахума.

Если уже Уніамвези принадлежало къ тѣмъ отдаленнымъ отъ восточнаго берега частямъ восточной Африки, для культуры которыхъ вліянія береговой торговли скорѣе были на пользу, чѣмъ во вредъ, то это касается

въ гораздо большей степени области озеръ, которая по выгодѣ положенія уступаетъ немногимъ областямъ части свѣта. Здѣсь, подъ прикрытіемъ озеръ, потоковъ и крутыхъ горъ (на краяхъ), не будучи однако слишкомъ отрѣзаны отъ сношенія со внѣшнимъ міромъ, и владѣя плодородной, хорошо орошенной почвой могли образоваться своеобразныя государства съ настоящей негритянской культурой, государства, которыя не имѣли себѣ равныхъ по прочности строенія и внѣшняго могущества въ Африкѣ. Эти царства издавна основали и теперь еще образуютъ въ нихъ главную массу населенія, народы банту, которые много разъ измѣнялись отъ скрещиванія съ другими негрскими племенами. Они дѣйствительно носители культуры, такъ какъ они не только воздѣлываютъ почву, но и приготовляютъ тѣ изящныя произведенія промышленности, которыя единогласно восхваляются европейскими посѣтителями страны. Волны береговой культуры дотронулись уже до озерной области своимъ прибоемъ, еще болѣе слабымъ, чѣмъ до Уніамвези, гдѣ разводятъ и ткутъ хлопчатую бумагу: въ государствахъ Вахума, какъ ихъ обыкновенно называютъ общимъ именемъ, развилось необыкновенно высоко древнѣйшее искусство обработывать древесную кору въ матеріи для одежды (мбугу).

О политическомъ состояніи озерной области въ древнѣйшее время, когда банту были одновременно повелителями и землевладѣльцами страны, мы не знаемъ ничего; но очень вѣроятно, что уже издавна установилась тамъ прочная политическая форма, Свой теперешній видъ получили эти образованія только тогда, когда переселенцы хамитской крови пришли сюда съ сѣверо-востока, какъ пастухи, и захватили власть либо быстрымъ нападеніемъ, либо мало по малу. Эти переселенцы — вахума (баима). Если Ф. Штульманъ правъ, то владѣтели Уганды — не изъ племени вахумы, но потомки древнѣйшаго хамитскаго наплыва. Во всякомъ случаѣ и знать уганды, будь она дѣйствительно вахума или только имъ родственна, хамитскаго происхожденія и конечно также пришла съ сѣверо-востока, такъ какъ востокъ страны закрытъ озеромъ Викторія-Ніанца.

Вахума не только распространились по озерной области, но протѣснились и въ сѣверный Уніамвези, гдѣ они подъ именемъ ватусси (сравн. выше, стр. 424) скитались въ отдѣльныхъ группахъ, какъ пастухи. Ихъ свѣтлый цвѣтъ кожи и преданіе объ ихъ происхожденіи характеризуютъ ихъ, какъ родственныхъ галла и другимъ хамитскимъ народамъ сѣверовосточной Африки (сравн. стр. 431). Въ Уніоро Эминъ Паша слышалъ слѣдующій разсказъ: нѣкогда образовывали уніоро съ уганда, уссога, удду и карагве большую страну, которая была обитаема черными земледѣльцами витшвези. Туда пришло съ сѣверовостока много свѣтлокожихъ людей, людоѣдовъ (валіабанту); когда они перешли Нилъ (Сомерсета), убѣжали витшвези на западъ. При Матьюмѣ (къ юго-западу отъ Мрули) раздѣлились вторгнувшіеся вавиту (люди Виту „Страны Князей", лежащей на востокѣ) на двѣ группы, изъ которыхъ одна проникла въ Уганду, другая въ Уніоро. Составлявшіе остатокъ витшвези, которые называли своими притѣснителями вахума (люди съ сѣвера: норманны!) — въ Угандѣ также валинди, въ Карагвѣ вахинда, бродили по странѣ какъ пѣвцы или волшебники, или были порабощены; съ этихъ поръ витшвези въ Уніоро получило значеніе „крѣпостной". Теперь вахума сильно смѣшаны съ народами банту, что они и сами выражаютъ тѣмъ страннымъ преданіемъ, которое сообщилъ король Камрази (стр. 430) Спику: „раньше было наше племя на половину бѣлое и на половину черное, одна сторона головы съ гладкими волосами, другая курчавая". Должны ли мы думать при словѣ Вавиту о странѣ Вита или о древнемъ названіи Момбаса, Омвита, — очень сомнительно (см. стр. 430); языкознаніе намъ можетъ помочь очень мало, такъ какъ вахума почти повсюду приняли языкъ покоренныхъ банту.

Когда послѣдовало переселеніе вахумы, нельзя установить точно.

Единственный источникъ для отвѣта на этотъ вопросъ — родословная таблица короля Уганды, которая до извѣстной степени изложена согласно Ч. Т. Вильсономъ, Стэнли и Штульманомъ и указываетъ на 32 (34) владѣтеля (см. примѣчаніе къ стр. 428); но кромѣ малой достовѣрности этихъ списковъ, остается еще подлежащимъ сомнѣнію, былъ ли названный въ немъ первый властитель дѣйствительно также и первымъ основателемъ владычества Вахумы. Возможны и другія грубыя ошибки при опредѣленіи средняго числа времени царствованій; и даже если мы, принимая самый широкій промежутокъ времени, допустимъ что переселеніе вахумы, самое раннее послѣдовало бы въ XIV, а самое позднее въ XVI столѣтіи нашего счисленія, все таки остаются еще нѣкоторыя сомнѣнія относительно этого опредѣленія и также штульмановскаго предположенія о древнѣйшемъ хамитскомъ переселеніи.

а). Китара и ея южныя колоніи.

Сначала Вахума, повидимому, основали въ достаточной степени объединенное царство, которое простиралось къ югу до Кагеры, царство Китара (Киттара, Китвара); центръ тяжести его лежалъ въ позднѣйшемъ Уніоро. Внутреннія несогласія повели къ дальнѣйшимъ, направленнымъ къ югу походамъ и основанію новыхъ царствъ. Сначала, кажется, возникло Ихангиро, позже (20 поколѣній тому назадъ) повидимому вождь вахумы Рухинда [1] бѣжалъ въ лежащую къ югу отъ Кагеры страну Ваніамбо, гдѣ онъ, вкравшись въ милость короля Ноно, измѣннически убилъ его и присвоилъ себѣ господство. Такъ возникло царство Карагве, которое въ новѣйшее время было до нѣкоторой степени въ зависимости отъ Уганды. Позднѣе же мы находимъ князей изъ рода Рухинды также въ Ихангиро и Уссуви (Уссуи); долгое время образовывала эта цѣлая группа государствъ подъ названіемъ Уканга объединенное царство, къ которому принадлежало и Уширомбо. Временно было могущественно и обширно дальше Ухха (Уха), самый южный передовой пунктъ владычества Вахумы, на сѣверномъ берегу Танганьики (стр. 424). При распаденіи этихъ царствъ рушилась вообще въ южныхъ округахъ власть вахумы, но удержалась въ Карагве и Ихангиро. Когда первые европейцы, уже названный Спикъ и Джемсъ Августъ Грантъ пришли въ началѣ 60-хъ годовъ въ Карагве, оно находилось подъ благосклоннымъ Руманикой, по смерти котораго частыя несогласія за престолъ тревожили страну. Теперь она принадлежитъ къ сферѣ нѣмецкихъ интересовъ.

Неясна исторія юго-западнаго государства вахумы Руанда [2]. Принадлежало ли оно первоначально Китарѣ, или было соединено съ Укангой, не установлено прочно; несомнѣнно одно, что здѣсь утвердилось надъ Вавирой владычество вахумы называемыхъ вазамбони, и могущество царства въ теченіе времени скорѣе увеличивалось, нежели уменьшалось. Въ зависимости отъ Руанды находится населенная Киссакка (Молодая Руанда).

Сѣверныя колоніи Китары.

а) Уганда.

Мѣста же высшей культуры вахумы лежатъ на сѣверѣ; здѣсь находятся страны Уганда и Уніоро, которыя произошли изъ прежняго царства Китары, какъ самостоятельныя, крѣпко организованныя государства.

Исторія Уганды начинается сказочными росказнями: Кинту, первый король, пришелъ съ сѣвера въ безлюдную область, населилъ ее

---

[1] Рухинда (Рохинда; Мухинда), „Мгабе“ Махумы
|
Дагара
|
Руманика (около 1860)

[2] Луабугири, „Кигери“ Руанды
Мибамбве — Іухи (съ 1897)

своими потомками и потомствомъ скота, который онъ привелъ съ собой, и владычествовалъ, какъ патріархъ надъ страной. Когда его народъ поддался разнымъ порокамъ, онъ исчезъ таинственнымъ образомъ, а его сынъ Чва наслѣдовалъ ему во владычествѣ. Изъ слѣдующихъ королей четвертый Кимера, кажется, выплываетъ нѣсколько яснѣе изъ тумана сказанія; правда, онъ изображается вообще исполински большимъ и невѣроятно сильнымъ человѣкомъ, который совершенно предался страсти къ охотѣ; но разсказывается также и то, что именно онъ переселился изъ Уніоро и основалъ самостоятельное царство въ Угандѣ, послѣ того какъ поработилъ туземцевъ Виру или Вадду. Тогда кажется и распалась Китара.

За Кимерой слѣдовали короли, о которыхъ сказаніе знаетъ немного; только десятый король Накивинги снова появляется, какъ значительная личность: онъ должно быть воевалъ съ Уніорой и подчинилъ ее, такъ что временно сѣверныя провинціи древняго царства Китары опять сплотились въ единство. Сказочный летающій воинъ Кибага былъ, должно быть, очень ему полезенъ въ этихъ войнахъ. О дальнѣйшемъ длинномъ рядѣ владѣтелей мы не знаемъ рѣшительно ничего. Потомъ при 27-мъ королѣ Чабагу, время правленія котораго отстоитъ не далѣе 100 лѣтъ, послѣдовало завоеваніе Узога. Послѣ двухъ дальнѣйшихъ незначительныхъ правителей, Джунжу (Юніа) и Ваздже (Семакокиро) взошелъ на престолъ Каманіа *, дѣдъ посѣщеннаго впервые европейцами Мтезы, о борьбѣ съ вакиди (Ланго) котораго въ Узогѣ мы знаемъ кое-что. Эти вакиди — родственный галла, также хамитскій народъ, который, слѣдовательно, въ своемъ нападеніи обнаруживаетъ ту же охоту къ странствованію, какъ раньше вахума. Кажется, король отразилъ набѣги этого племени и подчинилъ его, наконецъ, своему господству.

При Суннѣ II, наслѣдникѣ Каманіи, начались уже новыя вліянія съ восточнаго берега съ проникновеніемъ арабскихъ купцовъ въ Уганду. Сунна родился въ 1820 г. достигъ въ 1836 г. престола и умеръ въ 1860 г. Это былъ совершенный типъ деспотическаго князя Уганды, не щадившій человѣческой жизни, охотникъ до войны и склонный къ жестокости, но къ чужеземцамъ благосклонный и гостепріимный. При немъ сильно поднялось могущество царства: Ихангиро былъ завоеванъ, властитель Уніоро усмиренъ, правитель Руанды разбитъ. Могущественные флоты бороздили озеро Викторія, такъ что даже храброе населеніе острова Увумы было вынуждено подчиниться. Произошли сильныя сраженія на озерѣ, когда отпалъ Узога, и Сунна съ 500 большихъ кораблей двинулся для обратнаго подчиненія этой страны; послѣ того вазога со своимъ сухопутнымъ войскомъ отступили къ одному изъ острововъ и выставили почти такой же силь-

---

* Кинту, сказочный 1 король Маніоро
Чва
4. Кимера, 1 король Уганды
10. Накивинги
27. Чабагу (ок. 1800)
Джунджу (Юнія)
Ваздже (Семакокиро)
Каманіа
Сунна II (* 1820, король 1836—60)
Калжумба — Мтеза (1860—84)
Мванга (1884—86; 1889—99; изгнанный) — Кивева — Карема

ный флотъ. Осажденные на своемъ островѣ, возставшіе должны были, наконецъ, сдаться, и были частью жестокимъ образомъ изрублены. Нѣкоторыя впрочемъ разбойническія поѣздки предпринимались вождями пограничныхъ областей, причемъ они взаимно силились превзойти другъ друга.

Сунна назначилъ своимъ наслѣдникомъ принца Каджумбу, но послѣ его смерти вожди уничтожили это распоряженіе и выбрали Мтезу, который, казалось, имѣлъ болѣе кроткій характеръ, чѣмъ его склонный къ насиліямъ братъ. Скоро конечно, узнали, что горько обманулись. Характеръ Мтезы былъ не безъ извѣстной возвышенности, но изобиловалъ отталкивающими чертами, которыя въ особенности стали слишкомъ быстро замѣтны въ первые годы правленія достигшаго власти князя; послѣ большой побѣды надъ Вазогой, онъ назвалъ себя „М(у)кавія“ („который заставляетъ плакать“). Причудливость и необузданная жестокость, даже склонность къ убійствамъ отвратительно выступили наружу, наряду съ извѣстнымъ пониманіемъ высшей культуры арабовъ и европейцевъ, которая должна была скоро обнаружить на него свое вліяніе. Множество родственниковъ Мтезы, а именно вожди, которые выбрали его, пали первыми жертвами его властительной прихоти. Вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ первые европейцы Спикъ и Грантъ (сравн. выше, стр. 427) впервые вступили въ его столицу Банда (позднѣе были Рубага и Небулагалла резиденціями Мтезы), которая была довольно регулярно посѣщаема тогда арабскими купцами, и нашли тамъ лучшій пріемъ. Скоро, конечно, начались различные замыслы чужестранныхъ посѣтителей побороть взаимно другъ друга, и наконецъ произвести продолжительное замѣшательство въ Угандѣ. Вначалѣ господствовало арабское вліяніе: уже въ 1862 г. Мтеза, привыкъ къ арабскому костюму вмѣсто туземной мбугу (см. стр. 426), началъ читать Коранъ и допустилъ то, что часть его народа мало по малу перешла въ исламъ. Потомъ прибыли въ страну христіанскіе миссіонеры, сначала (въ 1877 г.) протестантскіе, не много спустя потомъ и католическіе (1879 г.). Оба вѣроученія быстро нашли доступъ, несмотря на сумасбродную жестокость Мтезы, который то велѣлъ казнить множество магометанъ, то затѣялъ настоящее преслѣдованіе христіанъ (1881 и 1883), не склоняясь рѣшительно самъ ни къ одной изъ новыхъ религіозныхъ формъ.

Мтеза умеръ въ октябрѣ 1884 г. Его сынъ и наслѣдникъ Мванга вначалѣ не имѣлъ особеннаго влеченія ни къ какой религіи и ходилъ, что касается непостоянства и кровожадности, совершенно по стопамъ своего отца. Христіане и магометане одинаково должны были терпѣть отъ его преслѣдованій, и этотъ разъ палъ даже европеецъ, епископъ Ханнингтонъ подъ ударомъ его палача (октябрь 1885); когда же наконецъ Мванга задумалъ безумную мысль истребить свою лейбъ-гвардію, образованную изъ христіанъ и магометанъ, разразилось общее возстаніе, которое принудило его бѣжать на югъ. Этимъ, конечно былъ лишь данъ сигналъ къ новому бѣдствію. Послѣ того какъ сначала послѣдователи Библіи и Корана мирно раздѣлили землю между собою и избрали въ короли брата Мванги Киеву, началась братоубійственная война, которая окончилась побѣдой Ислама; христіанскіе вожди частью были убиты, частью бѣжали совмѣстно съ миссіонерами въ пограничныя земли на югъ. Такъ какъ король Кивева показалъ себя недостаточно сговорчивымъ по отношенію къ арабамъ, то онъ былъ замѣненъ другимъ братомъ Мванги, Каремой, который теперь также открыто перешелъ въ исламъ. Мванга между тѣмъ въ своемъ мѣстѣ изгнанія Букумби былъ обращенъ въ христіанство французскими миссіонерами, которые приняли его гостепріимно; естественно теперь обратилась побѣжденная христіанская партія снова къ нему, въ сущности единственному законному правителю. При ея помощи ему удалось укрѣпиться на островѣ Хасса и, послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ, разбить,

наконецъ, Карему въ окончательной битвѣ. 11-го октября 1889 г. вступилъ онъ въ свой главный городъ Менго, тогда какъ большая часть арабовъ бѣжала въ Уніоро.

Однакожъ страна не могла еще прійти въ спокойствіе. Теперь рѣзко выступилъ наружу внутри христіанскихъ партій сдерживаемый антагонизмъ между католиками и протестантами, обострившійся отъ попытокъ англичанъ утвердиться прочно въ Угандѣ. Наконецъ, страна была раздѣлена между послѣдователями различныхъ вѣроисповѣданій такимъ образомъ, что протестанты получили четыре шестыхъ, католики и магометане по одной шестой. Съ 1890 страшно опустошенная и обезлюдѣвшая Уганда находится совершенно подъ вліяніемъ Англіи (см. стр. 485).

β) Уніоро.

Гораздо менѣе можно разсказать объ исторіи Уніоро, на сколько она не совпадаетъ съ исторіей другихъ государствъ вахумы. Безъ сомнѣнія Уніоро древнѣйшее мѣстопребываніе вахумы и средоточіе ихъ дальнѣйшаго распространенія, но оно никакимъ образомъ не средоточіе культурной жизни государствъ въ озерной области, такъ какъ культура первоначально свойственна не вахумѣ, но издревле осѣдлымъ народамъ банту. Въ Ваніоро преобладаетъ необузданный духъ степныхъ номадовъ гораздо въ большей степени, нежели среди болѣе цивилизованныхъ ваганда; хищническія войска страны — бичъ прилежащихъ областей. Это преобладаніе кочевничества могло быть частью основано на томъ, что Уніоро еще въ сравнительно новое время было застигнуто вторичнымъ нашествіемъ съ сѣверо-востока; по крайней мѣрѣ, по мнѣнію Эминъ-паши, господствующіе теперь вавиту, которые безъ затрудненія слились съ родственными племенами вахумы или вахиндой (первоначальное названіе народа; см. стр. 426), вторгнулись только около 1800 г. Слѣдовательно, краткій рядъ властителей, которыхъ могъ назвать Спикъ, заключалъ въ себѣ только королей изъ этого новаго господствующаго племени вавиту; онъ называетъ имена Хіавамби, Ніамонго и Камрази. Послѣдній названный король управлялъ еще въ 1860 г. независимо. За нимъ слѣдовалъ на тронѣ сынъ его Кабрега (Каба-регга), стада котораго изъ быковъ съ огромными рогами Эминъ-паша опредѣляетъ цифрою въ 15,000 головъ.

γ) Н'коле и Мпороро.

Къ югу отъ Уніоро и на востокѣ и юго-востокѣ озера Альберта-Эдуарда лежатъ еще два меньшія государства вахумы: Н'коле (Анкоре; главный городъ Катве) и Мпороро, которыя стали извѣстными только въ новѣйшее время. Преданіе, что вахума (вассамво) вторгнулись сюда съ сѣвера и поработили первоначальныхъ жителей, извѣстно и здѣсь. Въ Н'колѣ предшественникъ Нтали, теперешняго правителя, назывался Мутамбука. Мпороро при королѣ Рокайѣ достигло не незначительнаго могущества, но теперь, при его дочери и наслѣдницѣ Ніавинги очень отстало и жестоко притѣсняемо жителями Н'коле.

E. **Восточный уголъ.**

Восточная Африка представляетъ въ маломъ видѣ тѣ же условія, что и огромная пустыня Сахары со своими обращенными къ югу культурными государствами, которыя стѣсняютъ и которыми владѣютъ жители пустыни. Области Вахумы соотвѣтствуютъ царствамъ Сокоту, Борну и Багхирми; мѣсто

же Сахары заступаетъ растянутый, безводный восточный уголъ части свѣта, который своей восточной оконечностью, устрашающимъ мысомъ Гвардафуемъ, выдается далеко въ волны Индійскаго океана. Здѣсь на сѣверѣ плавали мимо съ древняго времени флоты морскихъ народовъ; здѣсь, въ странѣ ладана, возникли рано поселенія на пустынномъ морскомъ берегу, и торговые пути вели отъ береговыхъ мѣстъ далеко во внутрь части свѣта. Самыя глубокія и самыя продолжительныя вліянія исходили изъ Аравіи, которая отстоитъ всего на нѣсколько миль отъ берега Африки. И всетаки культура не могла въ пустынной области пустить глубокихъ прочныхъ корней: народы остались подвижными и бродячими: „ихъ рука противъ каждаго, а рука каждаго противъ нихъ". Направленіе ихъ странствованій и военныхъ экспедицій указала имъ природа: на востокѣ грохотали воды океана, на бѣдномъ гаванями морскомъ берегу; на западѣ болотистая долина Нила обозначила предѣлъ движенія впередъ. Соблазнительное Абиссинское плоскогоріе стояло уже передъ глазами алчныхъ до добычи номадовъ, но обѣтованная цѣль лежала на югѣ, въ области темнокожей расы. Необозримо простирается равнина къ югу, безъ препятствія для движенія номадовъ и ихъ стадъ. За первыми ордами, которыя тянулись по этому пути, слѣдовали новыя, и часто прежніе завоеватели сами становились снова жертвою своихъ вторгающихся послѣ нихъ собратій; основать прочное царство было суждено только одному изъ этихъ кочующихъ народовъ, вахумѣ (см. стр. 427), и даже имъ только потому, что они застали древнюю культуру въ озерной области и были защищены отъ дальнѣйшаго стѣсненія естественнымъ положеніемъ страны.

Въ настоящее время мы можемъ отличить въ Восточной Африкѣ четыре большія группы хамитскихъ болѣе или менѣе смѣшанныхъ съ семитами и неграми кочующихъ народовъ: данакиль (множественное число отъ данакали), галла, сомалъ (множественное число отъ сомали) и массаи. Ни одна изъ этихъ группъ, можетъ быть, за исключеніемъ данакиль, не представляетъ однороднаго цѣлаго; каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ остатки народовъ, происхожденіе которыхъ отчасти не ясно.

а) Данакиль.

Исторія данакилей (адаль) или афаровъ — самая простая. Запертые въ своемъ древнемъ мѣстѣ жительства, въ углу между абиссинскою горною страною и восточнымъ берегомъ Массовы до страны за Бабъ-эль-Мандебскимъ проливомъ, они имѣютъ только къ югу пространство для свободнаго распространенія. Здѣсь же заставляли ихъ останавливаться сѣверныя племена сомаловъ. Возможно, что сомалы — смѣшанный народъ и содержатъ въ себѣ часть данакилей; между тѣмъ въ настоящее время едва ли можно доказать родственное отношеніе обоихъ племенъ. Во всякомъ случаѣ данакили, насколько позволяетъ прослѣдить ихъ исторія, менѣе всѣхъ хамитовъ Восточной Африки повліяли на своихъ сосѣдей.

б) Галла.

Совершенно другимъ образомъ появляются на сценѣ галла (также гала) или оромо (орома, орма или ильморма). Неожиданно, со страшною силою появляются они на восточно-африканскомъ полѣ битвы; далеко распространяютъ они свои мѣста жительства, и еще теперь образуютъ, хотя сдѣлавшись частью изъ преслѣдовавшихъ преслѣдуемыми, большой и сильный народъ, хотя и безъ политическаго единства.

Объ ихъ происхожденіи много было росказней. Многократно ихъ ошибочно приводили въ связь (Карлъ Риттеръ и другіе) съ народомъ ма-

зимба (см. стр. 421), который какъ разъ въ то время исчезаетъ изъ исторіи, когда галла упоминаются въ первый разъ. Робертъ Гартманъ ищетъ древнія пребыванія галла по близости снѣговыхъ горъ Кеніи и Килиманджаро, въ такомъ случаѣ они должны были бы первоначально переселиться съ юга на сѣверъ. I. Л. Крапфъ слышалъ, какъ уже прежде Джемсъ Брюсъ (1730—1794), преданіе о вождѣ оромы Чаррѣ, что его прадѣдъ Волабъ будто бы пришелъ изъ Баргамы (по ту сторону великихъ водъ) и предполагаетъ подъ этими „Великими Водами" или Баръ-эль-Абіадъ (Бѣлый Нилъ) или его большое африканское Внутреннее озеро, т.-е. одно изъ озеръ истоковъ Нила. Если онъ правъ, то переселеніе галла было, можетъ быть, началомъ тѣхъ другихъ западныхъ, восточныхъ и южныхъ походовъ хамитскихъ смѣшанныхъ племенъ, которыми будемъ еще мы заниматься при расмотрѣніи исторіи внутренней Африки. Іовъ Людольфъ (1624—1704), основатель эѳіопскаго языкознанія, обозначаетъ 1537 годъ, какъ дату нападенія галла изъ страны Бари на Абиссинію. Недавно (1888 г.) напротивъ Филиппъ Пауличшке отстаивалъ мнѣніе, что восточный уголъ Африки — колыбель галла, и что ихъ мѣста жительства въ доисламское время лежали къ югу отъ залива Аденскаго; собственная склонность къ странствованію и развитіе племени сомалъ могло впослѣдствіи изгнать галла изъ ихъ первоначальнаго отечества къ западу и югу. Если мы примемъ въ соображеніе, что галла, несомнѣнно въ своихъ жилахъ имѣютъ значительную часть негритянской крови, то это предположеніе кажется не вполнѣ достаточнымъ, если даже не подлежитъ сомнѣнію, что негры когда-то сидѣли гораздо дальше на сѣверѣ, нежели теперь. Ратцель, наконецъ (1896 г.), называетъ галла, „группой народовъ, центръ тяжести которыхъ лежалъ когда-то гораздо сѣвернѣе, чѣмъ теперь, конечно, даже сѣвернѣе и, можетъ быть также западнѣе Абиссиніи и ихъ исторія, взятая въ общемъ, обнаруживаетъ, какъ свою главную черту — непреодолимое распространеніе въ югу."

Между тѣмъ какъ часть галла на сѣверѣ добилась на счетъ Абиссиніи[1] въ 1526—43 г. при Мохаммедѣ Гранѣ новаго мѣста жительства (сравн. заключительную главу объ Абиссиніи), вторгнулась вторая волна народа съ юга; ихъ форпосты переступили Тану и достигли у Мелинды устья Сабаки. По свидѣтельству Генри Сольта (1771—1827), они уже въ началѣ XIX-го столѣтія находились въ этой области. Въ горной странѣ къ югу отъ озера Рудольфа держались племена хамитскаго происхожденія, которыя, можетъ быть, были оттѣснены галла въ эту пустынную полосу, тѣмъ временемъ, какъ другія отклонились къ югу и бросились на негрскіе народы Восточной Африки. Галла сами очевидно стѣснили многочисленныя негрскія племена или ограбили ихъ области, какъ доказываютъ живущія между ними племена парій негритянскаго, отчасти впрочемъ также хамитскаго происхожденія и многія сильно смѣшанныя съ неграми отдѣльныя части народа галла. Возможно, что и бушменоподобные народцы также принимаютъ участіе въ этомъ смѣшеніи народовъ.

---

[1] О галла существуетъ интересный трудъ одного абиссинскаго монаха, помѣщенный въ одной эѳіопской рукописи Британскаго музея и изданный съ нѣмецкимъ переводомъ Шлейхеромъ (Geschichte der Galla. Berl. 1893). Авторъ такъ говоритъ о происхожденіи народа: „Галла пришли съ востока и перешли рѣку Вобби на границѣ области Бали въ царствованіе царя Ванагъ-Сагада (Давида 1505—1540). Существуетъ два рода Галла: Барайтума и Боранъ". Далѣе приводятся генеалогіи ихъ родоначальниковъ, причина ихъ разселенія (сравненіе съ Авраамомъ и Лотомъ) и исторія вторженія ихъ въ абиссинскія области въ XVI в., а также сообщаются свѣдѣнія объ ихъ управленіи и бытѣ. Послѣднее извѣстно отчасти и изъ европейскихъ авторовъ. Главой считается избираемый на 8 лѣтъ изъ десяти фамилій т. наз. „луба", при которомъ состоитъ аристократическій совѣтъ. Трудъ абиссинскаго монаха повѣствуетъ о 8 первыхъ „луба" (до конца XVI в.) и о побѣдоносныхъ войнахъ съ ними царя Сарца-Денгеля. Однако многочисленные пришельцы все же стали твердой ногой въ Абиссиніи и, войдя въ ея организмъ, въ XVIII в. играли значительную роль въ жизни страны. Въ настоящее время они б. ч. подчинились ея вліянію и даже отчасти христіанству. Б. Т.

в) Сомалъ.

Еще позже, чѣмъ галла, появляется въ исторіи народъ сомалъ. Во всякомъ случаѣ, мы увѣрены, что онъ образовался на восточномъ углу Африки повидимому отъ хамитовъ, къ которымъ примѣшался сильный потокъ арабской крови съ арабской культурой. Составную хамитскую часть образовывалъ, вѣроятно, народъ тиръ, который часто упоминается въ повѣствованіяхъ сомала. Новый народъ, въ началѣ слабый, постепенно укрѣплялся и подчинился немедленно тому, почти ставшему закономъ принужденію, которое побуждаетъ жителей бѣдныхъ полосъ сѣверной Африки къ распространенію на югъ. При этомъ расширеніи области къ югу, сомалы, кажется, натолкнулись въ береговой странѣ на негритянскія племена, какъ доказываютъ нѣкоторые сохранившіеся остатки; такъ у Вебби Шебели находится народъ адоне, который тѣлосложеніемъ, языкомъ и образомъ жизни обнаруживаетъ свое родство съ южными неграми Банту.

Въ сѣверной странѣ Сомалъ арабское вліяніе повело къ возникновенію прочнаго политическаго образованія. Въ началѣ XVI-го столѣтія португальцы при Христофорѣ да Гама нашли на сѣверномъ берегу отъ мыса Гвардафуй до залива Таджурра царство Адаль подъ магометанскими князьями, изъ которыхъ одинъ, Имамъ Ахмедъ, завоевалъ въ 1500 году Хараръ [1].

Движеніе Сомала впередъ скоро повело къ борьбѣ съ Галла. Въ Харарѣ, во всякомъ случаѣ, кажется, галласское населеніе оттѣснило сомаловъ, что, конечно, также указываетъ на направленіе странствованія галла съ запада на востокъ повсюду въ другихъ мѣстахъ, въ особенности же и именно на югѣ, гдѣ между горной страной и моремъ съуживается привлекательная пастбищная область, сомалы брали верхъ и превращали даже гордыхъ побѣдителей негрскихъ племенъ въ охотничью дичь.

г) Массаи.

Злополучнѣе, чѣмъ галла и сомалъ, стали для землепашцевъ-негровъ далѣе всего отодвинутые на югъ хамиты, главнѣйшею вѣтвью которыхъ является пастушескій народъ массаи. Очевидно массаи—только одна изъ тѣхъ волнъ народовъ, которые налетаютъ сюда, какъ буря черезъ равнины восточной Африки, бушуя и взаимно поглощая другъ друга. Еще до нихъ мы видимъ хамитскіе смѣшанные народы на востокѣ и юго-востокѣ озера Викторіи, преимущественно ваквази и вататуру, которые были покорены, разгромлены и вынуждены обратиться въ бѣгство въ различныя

[1] Первоначально область между Абиссиніей и Чермнымъ моремъ находилась подъ властью царей первой. Смуты, ослабившія государство VIII—XII в., дали возможность возникнуть здѣсь обширнымъ мусульманскимъ владѣніямъ, и оправившееся государство застало рядъ царствъ (Зейла, Ауфатъ, Даваро, Арабабни, Ходіа, Бали, Дара, Адаль и др.), признававшихъ власть абиссинскаго царя лишь по имени и стремившихся къ полной самостоятельности. Исторія XIV—XVI в. полна войнами между эѳіопскими христіанами и исламскими князьями востока и юга, и Макризи (см. изд. Rinck, Historia regnorum islamiticorum in Abyssinia. Lugd. Batav. 1790) посвятилъ ей цѣлое сочиненіе. Жители Ауфата были, по его разсказу, шафеиты и ханефиты; они говорили по эѳіопски и арабски, династія вела свое происхожденіе отъ потомка Окайла, с. Абу-Талеба, корейшита. Несомнѣнно, населеніе въ массѣ было данакильскимъ и сомалійскимъ, обращеннымъ въ исламъ колонистами-арабами. Знаменитый Ахмедъ бенъ Ибрагимъ, по прозванію Грань (Лѣвша), при которомъ борьба съ Абиссиніей достигла высшей степени напряженія и христіанская держава едва спаслась отъ гибели, былъ во всякомъ случаѣ не арабъ, а вѣроятно — сомаліецъ. Несмотря на храбрость и турецкую артиллерію, завоеванія сомаловъ не могли пустить прочныхъ корней уже въ виду ихъ малочисленности и недовѣрія отдѣльныхъ племенъ другъ къ другу. — О войнахъ съ Адалемъ имѣются и интересные абиссинскіе источники, какъ историческіе, такъ и поэтическіе.

Б. Т.

стороны (сравн. ниже). Всѣ эти племена, включая сюда и массаи, сильно смѣшаны съ неграми, а именно повидимому съ неграми изъ областей Нила, что дало поводъ К. Штульману предложить для нихъ терминъ „хамито—нилоты“. Фактъ этого смѣшенія даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ намекъ на направленіе ихъ прежнихъ странствованій. Безрѣчное плоскогоріе восточной Африки и есть настоящая арена хамито-нилотовъ, но такъ какъ область не бѣдна препятствіями къ движенію, то нѣтъ недостатка въ обломкахъ народовъ разнаго рода, а вслѣдствіе этого въ смѣшеніяхъ. „Невыразимый хаосъ народовъ“, говоритъ Штульманъ, „находится въ этой области; онъ все еще безпрерывно измѣняется, вслѣдствіе многочисленныхъ войнъ и кочевническаго образа жизни людей“.

Мы освѣдомлены только о движеніяхъ самаго юнаго завоевательнаго народа, массаи (ойгобъ или орлойгобъ по номенклатурѣ ихъ собственной и употребительной у ваквази). Такъ какъ они также бросаютъ свѣтъ на событія древнѣйшихъ временъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясли положеніе народовъ восточной Африки такимъ же страшнымъ образомъ, какъ зулу— южной, то заслуживаютъ ближайшаго разсмотрѣнія.

Пунктъ разселенія массаи долженъ былъ бы лежать къ сѣверо-востоку отъ озера Викторіи, въ той области, гдѣ еще и теперь имѣютъ свое мѣстопребываніе другіе смѣшанные народы изъ нильскихъ негровъ и хамитовъ (вакикуйу, бургенеджи, элмоло, сукъ, науди, камассіа, туркана̀, карамойо̀ и до̀ніоро); оттуда гнала ихъ на югъ страсть къ войнѣ и странствованію. Если мы представимъ себѣ картину Восточной Африки въ цѣльности, то увидимъ тогда приблизительно три движущихся параллельныхъ потока странствованія хамитскихъ номадовъ съ сѣвера на югъ: на морскомъ берегу сомалъ, на западномъ безрѣчномъ плоскогоріи массаи, между ними обоими галла. Жертва вломившихся притѣснителей — настоящіе негры банту и древнѣйшіе смѣшанные хамитскіе народы. Самыми пагубными оказались походы массаи, своеобразная военная организація которыхъ и даже воинское мужество валило съ ногъ всякое сопротивленіе, которые однако также умѣли пользоваться ссорами отдѣльныхъ племенъ банту и поддерживать то одно племя, то другое, и наконецъ погубить оба.

До приближенія сюда массаи, близко родственный народъ, вакв ази (вакуази) или, какъ они сами себя называютъ, мбаравуи, былъ уже осѣдлымъ у горъ Паре, къ юго-востоку отъ Килиманджаро, и тѣснилъ прилежащія страны; ихъ всетаки не могла удержать отъ нападенія на страну Вакамба широкая рѣка Тана. Между тѣмъ однако кажется протѣснились массаи къ западу отъ Паре и набросились теперь на своихъ племенныхъ собратій, которые и безъ того были обезсилены и упали духомъ отъ различныхъ неудачныхъ военныхъ походовъ. Вакв ази были побѣждены и разсѣяны. Одна часть нашла убѣжище у негрскихъ племенъ и посвятила себя столь ненавидимому при другихъ условіяхъ земледѣлію; главная же масса устремилась назадъ къ сѣверо-западу до озера Наиваша, пока и тамъ не была побѣждена и стѣснена массаи. Опять многіе пристали къ земледѣльческимъ народцамъ горной страны; остатокъ же спасся въ Лейкипіа, къ востоку отъ озера Баринго и къ сѣверо-западу отъ Кеніи, гдѣ наконецъ нашелъ безопасность и спокойствіе. Эти блужданія крайне поучительны: массаи устремляются съ сѣвера на югъ и прогоняютъ своихъ предшественниковъ отъ богатой добычи; послѣдніе же удаляются назадъ къ древней общей, теперь уже опустѣвшей колыбели, вѣроятно, чтобы снова окрѣпнуть и снова искать пути къ югу.

Въ подобныхъ условіяхъ оказалось хамитское племя ватату ру, которое первоначально сидѣло къ сѣверу отъ озера Эіасси; оно было разбито и разсѣяно, такъ что теперь въ различныхъ окраинныхъ областяхъ безрѣчной горной страны влачатъ убогое существованіе обломки народа, перешедшіе также частью къ земледѣлію.

Войны массаи сопровождались такими потрясеніями потому, что ихъ цѣлью были не завоеванія новыхъ странъ, а угонъ скота и грабежъ. Они вторгались, б. ч. поддерживаемые туземными измѣнниками, убивая и грабя, вглубь областей земледѣльцевъ, чтобы затѣмъ быстро исчезнуть и оставить за собой опустошенную страну. Они строили даже планы опустошенія береговыхъ полосъ Узамбары, хотя и не привели ихъ въ исполненіе. Въ Узагарѣ пришли въ соприкосновеніе области съ одной стороны опустошенныя зулу, съ другой—массаи, такъ что основанная въ 1889 г. Виссманномъ для охраны караваннаго пути нѣмецкая станція Мпапуа (Мпвапва), препятствуетъ въ то же время столкновенію народовъ, столь различныхъ по происхожденію, но столь сходныхъ по образу жизни.

Сила и подвижность обитателей степей покоится на обладаніи стадами быковъ. До того времени, какъ быкъ сталъ извѣстенъ въ восточной Африкѣ, столь грандіозныя народныя передвиженія, какъ напр.. хамитскихъ племенъ, были невозможны. Степной кочевникъ безъ быковъ и овецъ — убогій гуляка, непосѣдливый охотникъ, подобный бушменамъ южной Африки и въ весьма незначительной степени опасный для земледѣльческихъ сосѣднихъ народовъ. Въ восточной Африкѣ нѣтъ недостатка въ остаткахъ этихъ древнѣйшихъ степныхъ обитателей; въ этомъ родѣ народъ вандороббо (см. стр. 402), живущій вмѣстѣ съ массаи и составляющій нѣчто въ родѣ касты паріевъ. Пока всѣ племена безводной области были таковы, не было никакихъ препятствій для распространенія темнокожихъ. Поэтому въ восточной Африкѣ мы встрѣчаемъ то же явленіе, что и въ Сахарѣ: слѣды идущаго далеко на сѣверъ распространенія негровъ, затѣмъ вторженіе сдѣлавшихся сильными степныхъ обитателей, и возникновеніе широкаго пояса смѣшенія народовъ, причемъ негры составляютъ страдающую часть.

Современное состояніе снова приближается къ болѣе древнему. Появленіе чумы рогатаго скота (особенно съ 1891; см. стр. 390) сломило силу наступленія кочевниковъ, страшно уменьшило ихъ число и заставило даже многихъ изъ нихъ примкнуть къ неграмъ-земледѣльцамъ. Если стада массаи не оправятся отъ этого несчастія, послѣдствіемъ будетъ новое вторженіе негровъ въ оставленныя области, но это будутъ уже не чистые негры: въ жилахъ новыхъ насельниковъ страны будетъ течь значительная часть хамитской крови. Между тѣмъ пренебрегаемыя охотничьи племена снова усиливаются и овладѣваютъ степями, неудобными для земледѣлія; уже теперь вандороббо сильнѣе массаи.

Но восточная Африка — страна, столь же мало предоставленная самой себѣ въ будущемъ, сколько и въ прошломъ. Новое время, казалось, наступало, когда по уходѣ съ береговъ португальцевъ, снова появились арабскія поселенія, и арабскіе купцы появились внутри страны, разлагая и преобразуя. Но тогда начался дѣлежъ Африки между европейскими народами. Германіи достался берегъ средней части восточной Африки и внутренняя область до озеръ; Англія овладѣла берегомъ Момбаса и простерла руку къ государствамъ Вахума. Этимъ началось новое направленіе, которое можетъ повести къ большимъ переворотамъ; негръ не противопоставляетъ ему ничего, кромѣ своей пассивности и здоровой жизненности. Быть можетъ, онъ будетъ, какъ и въ прошлые вѣка, все еще обрабатывать свою старую землю, когда пройдутъ мимо и эти вліянія.

4. Западная Африка.

Въ то время, какъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій все новыя волны чужой культуры ударялись о берегъ восточной Африки и обнаруживали свое дѣйствіе далеко внутри страны, западная Африка находилась въ таинственной тьмѣ, и была извѣстна другимъ народамъ врядъ ли лучше, чѣмъ середина этого материка. Ни одинъ парусъ не появлялся на волнахъ Атлантическаго океана, дикимъ прибоемъ разбивающихся о неприступные берега, ни одинъ корабль не покидалъ этихъ береговъ, чтобы развѣдать о другихъ странахъ и другихъ людяхъ. Западная часть Африки была пассивной стороной этого материка. Только послѣднія столѣтія коренньмъ образомъ измѣнили ея положеніе.

Между тѣмъ какъ естественно и правильно описывать восточную Африку съ ея давнишними отношеніями къ внѣшнему міру и ея кочующими пастушескими народами, какъ нѣчто цѣлое, подобное отношеніе къ западному побережью уже съ перваго взгляда оказывается невозможнымъ. Море является здѣсь исключительно предѣломъ распространенія народовъ, а не средствомъ для сношеній ихъ между собой; вслѣдствіе этого и береговыя страны не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ внутреннихъ областей; онѣ не образуютъ обособленнаго пояса, рѣзко отличающагося по своей культурѣ отъ другихъ частей Африки. Тѣмъ не менѣе можно привести нѣкоторыя соображенія, помогающія представить всю западную Африку въ одной цѣльной картинѣ.

Выше (на стр. 383 или 400) было уже указано на отличительную особенность побережья Верхней Гвинеи (слѣдовательно области, простирающейся отъ Сенегамбіи до Камеруна), именно, что оно представляетъ собою чисто негрскую страну, которая рѣзко отличается отъ Судана. Здѣсь, такимъ образомъ, дѣйствительно, полоса берега въ этнографическомъ отношеніи существенно отличается отъ примыкающихъ къ ней внутреннихъ странъ; такой порядокъ вещей существовалъ до того времени, когда первые европейцы ступили на берегъ западной Африки. Если затѣмъ, мы замѣчаемъ, что далѣе къ югу береговыя области имѣютъ нѣкоторую самостоятельность, хотя и въ меньшей степени, то становится несомнѣннымъ, что море должно было быть чѣмъ то большимъ, чѣмъ простое препятствіе для распространенія населенія. Если вспомнить кромѣ того, какъ часто берегъ уже въ древнія времена былъ цѣлью переселеній народовъ изъ внутреннихъ странъ, то уже нельзя будетъ отрицать важнаго значенія Атлантическаго океана для исторіи Африки.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь море доставляетъ такія сокровища, которыя имѣютъ большую цѣну въ глазахъ негра. Рыбная ловля, конечно, нигдѣ не была особенно развита; но зато соль, которую приморское населеніе можетъ добывать въ изобиліи почти безъ всякаго труда, составляетъ предметъ необходимости для негра, который питается преимущественно растительной пищей и поэтому гораздо сильнѣе чувствуетъ отсутствіе соли, чѣмъ пастухъ или охотникъ. Поэтому мы и видимъ нерѣдко, что цѣлыя племена изъ глубины страны прорываются къ берегу и располагаются тамъ; но въ то же время, само устройство берега мѣшаетъ имъ окончательно вытѣснить или уничтожить первоначальныхъ обитателей.

Именно, здѣсь некуда отступать, и жители берега вынуждены отчаянно защищаться, когда изъ внутреннихъ странъ напираютъ на нихъ болѣе сильныя племена, но повсюду, гдѣ берегъ богатъ бухтами, устьями рѣкъ и островами, они ищутъ убѣжища въ чащѣ береговыхъ болотъ, на полузатопленныхъ островахъ или въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ можно укрыться; они продолжаютъ такимъ образомъ жить рядомъ съ завоевателями, и съ

теченіемъ времени начинаютъ даже оказывать на нихъ свое вліяніе. И въ горныхъ странахъ часто сохранялось прежнее населеніе, такъ напримѣръ въ горахъ страны позади Того, которыя неоднократно и позже служили убѣжищемъ разбитымъ племенамъ. Этимъ отчасти объясняется то обстоятельство, что не смотря на толчки изнутри, всетаки безусловно сохраняется нѣкоторое этнографическое единство побережья.

Изъ этого конечно еще не ясно, какимъ образомъ первоначально возникло это единство, проявляющееся во многихъ общихъ чертахъ; однако можетъ быть не будетъ слишкомъ смѣлымъ утверждать, что въ древнія времена береговое населеніе отличалось по отношенію къ морю большей предпріимчивостью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега она имѣла довольно крупные размѣры еще въ недавнее время. Въ Камерунѣ и Габунѣ кораблестроеніе стоитъ на высокой ступени развитія и не такъ еще давно у берега бывали значительные разбойничьи набѣги, а на берегу Сьерра Леоне жители острововъ Биссагосъ тягались въ морской войнѣ даже съ португальцами и опустошили страну далеко вглубь. Гораздо болѣе труднымъ и пожалуй даже пока неразрѣшимымъ является вопросъ, имѣемъ ли мы право допускать здѣсь возможность вліянія извнѣ въ древнія времена.

А. Сенегамбія.

По своему естественному положенію Сенегамбія образуетъ посредствующій членъ между негрской западной Африкой и Суданомъ: близость пустыни съ ея племенами и легкость сообщенія съ внутренней страной, посредствомъ рѣкъ, связываетъ ее съ Суданомъ, чисто же негрское коренное населеніе — съ негрской западной Африкой (см. стр. 383 и 384). Въ древнія времена вліяніе торговыхъ предпріятій и переселеній изъ Карѳагена доходило и до Сенегамбіи. Вдоль по берегу на юго-западъ до Сьерра Леоне живутъ теперь остатки нѣсколькихъ бѣдныхъ культурою народовъ. Главное же племя страны образуютъ джолофы (волофы), которыхъ мы встрѣчаемъ при ихъ выступленіи на поприщѣ исторіи, какъ народъ съ весьма хорошо организованнымъ политическимъ строемъ, находившійся уже въ періодѣ упадка: прежде, мѣста́, заселенныя джолофами, простирались повидимому гораздо дальше вглубь страны, чѣмъ въ то время, когда ихъ открыли (1446 г.). Въ 1500 г. Сенегамбія была, повидимому, довольно крѣпко объединеннымъ государствомъ подъ властью Бурба-Джолофа или Великаго-Волофа, владѣнія котораго обнимали даже горную страну Фута; но вскорѣ затѣмъ это царство распадается на нѣсколько враждующихъ между собой государствъ (Кайоръ, Баолъ, Уало, Сине и др.). хотя и до настоящаго времени еще не вполнѣ угасло воспоминаніе о существовавшемъ единствѣ. Очень вѣроятно, что паденіе царства джолофовъ стоитъ въ связи съ начинавшимися тогда походами фульбы (фулаховъ), т. е. съ событіями, происходившими въ самомъ Суданѣ (см. ниже, стр. 507).

Рядомъ съ джолофами надо назвать сереръ (барбацинъ португальцевъ), жителей береговой полосы Зеленаго мыса, т. к. они отчасти остались независимы отъ джолофовъ и хранятъ преданіе о переселеніи своемъ въ древнее время (въ XVI столѣтіи) изъ глуби материка (изъ Футы) на берегъ.

Б. Племена по берегу отъ Гамбіи до Таноэ.

О жизни племенъ между Гамбіей и Шерборо въ доисторическое время мы имѣемъ мало свѣдѣній. Область эта очень удобна для того, чтобы служить убѣжищемъ для разрозненныхъ племенъ, и съ теченіемъ времени пріютила ихъ цѣлое множество. Слѣдствіемъ этого является поразительная разрозненность и полное отсутствіе большихъ государствъ;

здѣсь царятъ напротивъ постоянныя войны между сосѣдними племенами. Безсилію этихъ мелкихъ народовъ надо конечно приписать тотъ фактъ, что внутреннія государства, пользуясь удобнымъ случаемъ, распространяли свою власть до самаго берега; по крайней мѣрѣ область Казаманзе (Казаманка) въ XVI столѣтіи была подъ властью другого, лежащаго далѣе внутрь государства, которое въ свою очередь платило дань царству мандинго (мандинка); и раньше государства западнаго Судана распространяли уже свое вліяніе вплоть до берега (см. стр. 501). Изъ Судана безпрестанно проникаютъ къ берегу отдѣльныя племена, тѣснимыя въ свою очередь вновь появляющимися завоевателями; они оттѣсняютъ прежнихъ обитателей къ берегу и затѣмъ истребляютъ ихъ, или покоряютъ ихъ себѣ. Такимъ образомъ зузу овладѣли областью у Ріо Гранде, первоначально принадлежавшей племени Багоэ, послѣ того какъ сами были изгнаны изъ мѣста своего прежняго обитанія племенемъ мандинго; въ 1515 г. въ береговую страну около Сьерра Леоне вторглось племя людоѣдовъ кумба (манецъ) и частью покорило ее, а мандинго придвинулись къ морю.

Ту же участь имѣла область теперешней республики Либеріи. Племена, извѣстныя надъ общимъ названіемъ К р у (Гребо) около 300 лѣтъ тому назадъ, уступая натиску мандинго и фулаховъ, перекочевываютъ, повидимому, изнутри страны къ берегамъ. По другимъ источникамъ оказывается, будто бы сами фулахи помогали имъ покорять живущихъ у моря верцъ. Ничего подобнаго мы не знаемъ относительно доисторическаго времени жителей берега Слоновой кости, но и тутъ можно догадываться объ однородныхъ движеніяхъ племенъ въ болѣе древнее время.

B. **Ашанти и Дагоме.**

На Золотомъ и Невольничьемъ берегахъ, гдѣ рано сказалось вліяніе европейцевъ, не развилось ни одного большого государства. Зато, въ лежащихъ за ними странахъ пышно расцвѣли два могущественныхъ царства, которыя дикимъ своеобразіемъ и кровавыми обычаями культа и войнъ уже давно привлекали вниманіе европейцевъ и приводили ихъ въ содроганіе — это А ш а н т и и Д а г о м е. Но и они выросли, собственно говоря, подъ вліяніемъ европейцевъ, хотя съ перваго взгляда и могутъ показаться вполнѣ первобытными. Въ своей сущности и развитіи эти оба государства представляютъ много параллельныхъ чертъ. Прежде всего оба отличаются тѣмъ, что н е п р е д с т а в л я ю т ъ с о б о й б е р е г о в ы х ъ г о с у д а р с т в ъ, но лежатъ за поясомъ лѣсовъ, защищающимъ ихъ отъ всякихъ нападеній со стороны берега. Основаніемъ могущества и Ашанти и Дагоме являются одни и тѣ же условія, и судьба, уничтожившая наконецъ ихъ самостоятельность, постигла ихъ почти одновременно.

a) А ш а н т и.

Какъ государство, А ш а н т и, впервые появляется въ исторіи лишь въ концѣ XVII столѣтія. Около 1700 г. въ первый разъ на Золотомъ берегу произносится имя новаго царства; т. к. съ давнихъ поръ на этомъ берегу находилось много европейскихъ колоній, то очень вѣроятно, что образованіе царства Ашанти дѣйствительно относится къ этому времени. Населеніе Ашанти по строенію тѣла, языку и обычаямъ стоитъ въ тѣсномъ родствѣ съ безчисленными обитателями Золотого берега, изъ которыхъ самымъ могущественнымъ можно назвать племя ф а н т и; однако существуетъ преданіе, что первоначальное ихъ мѣсто жительства находилось къ сѣверо-востоку отъ теперешняго, у города Инта (Ассіента). Поэтому можно предположить,

что Ашанти, наравнѣ съ позднѣйшими жителями Золотого берега, предпринимали одинъ изъ тѣхъ походовъ къ морю, о которыхъ уже была рѣчь по поводу другихъ народовъ, но что при этомъ часть прежняго основного народа не дошла до берега, а осталась за лѣсной полосой на первыхъ ступеняхъ горной страны. Этому предположенію вполнѣ соотвѣтствуютъ преданія племени фанти, а также отношеніе языковъ, т. к. наряду съ фанти и родственными ему нарѣчіями появилось цѣлое множество небольшихъ самостоятельныхъ языковъ. Еще до сихъ поръ у ашанти и у береговыхъ народовъ одинаково сохранилось старое тотемистическое раздѣленіе племенъ.

Еще до возникновенія Ашанти во внутренней странѣ повидимому существовало государство, главный городъ котораго лежалъ къ югу отъ теперешней столицы Кумасси; по преданіямъ ашанти, оно называлось Денкьера. Въ началѣ XVIII столѣтія ашанти, раздраженные слишкомъ большими податями, возстали, и въ 1719 г., при королѣ Осаи Туту (Саи-Тоту) побѣдили князя Денкьеры, хотя послѣдній выкатилъ на поле битвы пушки, которыя онъ купилъ у голландцевъ за невольниковъ. Въ достовѣрности этой побѣды тѣмъ менѣе можно сомнѣваться, что эти пушки и до-сихъ поръ сохранены въ Кумасси, и европейцы видѣли ихъ тамъ. Впрочемъ истинныя причины переворота, отдавшаго власть въ руки энергичнаго племени, могли относиться и къ другой области, т. е. они могли совпадать съ появленіемъ на берегу европейцевъ; обстоятельство мѣны княземъ Денкьеры невольниковъ на голландскія пушки въ высшей степени знаменательно: Ашанти обязано своимъ существованіемъ, и могуществомъ торговлѣ невольниками.

Какъ только на берегу появился большой спросъ на невольниковъ, бывшее въ наличности количество домашнихъ рабовъ оказалось недостаточнымъ, и племена, живущія по берегу, были вынуждены доставать этотъ цѣнный товаръ или изъ внутреннихъ странъ, или въ схваткахъ съ сосѣдними народами. Между тѣмъ береговыя племена, которыя получали богатую прибыль уже отъ посредническихъ торговыхъ сношеній, были мало склонны къ добыванію рабовъ посредствомъ богатыхъ собственными потерями битвъ другъ съ другомъ, тогда какъ жители внутренней страны видѣли именно въ постоянныхъ войнахъ единственное средство къ обогащенію. Въ нѣкоторыхъ областяхъ эти войны кончались полнымъ раздробленіемъ и безсиліемъ всѣхъ принимавшихъ участіе въ войнѣ; въ другихъ, напротивъ, они влекли за собой образованіе прочныхъ государствъ, которыя сильно развили ловлю и продажу рабовъ и своими непрерывными походами стали возмущать покой и распространять опустошеніе. На такой почвѣ выросло и Ашанти; вѣроятно Денкьера было лишь предвѣстникомъ этого болѣе сильнаго государства и, своей попыткой добыть невольниковъ изъ Ашанти, погубило себя.

Въ тѣхъ кровавыхъ бойняхъ въ честь умершихъ князей, которыя были въ обычаѣ въ Ашанти и Дагоме, очень большая вина, хотя и не непосредственно, лежитъ на торговлѣ рабами. Обычай человѣческихъ жертвъ въ честь умершихъ, который можно найти у большей части дикихъ народовъ Африки, только въ отдѣльныхъ случаяхъ достигаетъ до такихъ кровавыхъ ужасовъ, какъ въ Ашанти и Дагоме; тутъ онъ стоитъ въ тѣсной связи съ грубымъ равнодушіемъ къ человѣческой жизни, которое должно было развиться подъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ и съ колебаніями невольничьей торговли, которыя часто дѣлали невозможнымъ выгодный вывозъ цѣлой массы пойманныхъ людей. Иногда повышеніе цѣны спасало уже осужденныя на смерть жертвы; такъ 1791 г. въ Дагоме король, вслѣдствіе внезапнаго большого спроса, рѣшился умертвить только небольшое число военно-плѣнныхъ, — остальныхъ онъ отослалъ на берегъ для продажи.

Послѣ основателя царства Ашанти Осаи Туту, который палъ въ походѣ

противъ вождя лежащаго у берега Аксимъ (Эссимъ), въ то время какъ его племянникъ Бойтинне основалъ сосѣднее государство Двабикъ, царствовалъ его братъ Осаи Опоку, который, повидимому, направлялъ свои походы преимущественно на сѣверъ; онъ царствовалъ до 1741 г. Его преемникъ доводилъ свои походы до Дагоме, но потерпѣлъ такое чувствительное пораженіе, что и онъ самъ, и слѣдующіе за нимъ властители обратили свое главное вниманіе опять на сѣверныя пограничныя страны или занимались усмиреніемъ отпавшихъ государствъ, платившихъ имъ подати; въ концѣ XVIII столѣтія произошли удачныя битвы съ суданскими всадниками. Но такъ какъ сѣверъ оказался наконецъ не въ состояніи удовлетворять потребности въ невольникахъ, то естественно, что соплеменники ашанти, жившіе по берегу и обогатившіеся благодаря посреднической торговлѣ рабами, стали опять привлекать къ себѣ вниманіе своихъ воинственныхъ родичей; кромѣ того, своимъ посредничествомъ они дѣлали совершенно тщетными попытки ашанти (сдѣланныя въ первый разъ въ 1748 г., а потомъ еще разъ), войти въ непосредственныя торговыя сношенія съ береговыми европейцами. Энергичный Осаи Квамена, который царствовалъ въ Кумасси съ 1800—1824 и прежде всего смирилъ магометанскія сѣверныя пограничныя страны, повелъ въ 1807 г. свои войска на фанти и потревожилъ на берегу европейскія укрѣпленія; въ 1811 и 1816 г. онъ повторилъ эти нападенія на берегъ съ такимъ успѣхомъ, что англичане согласились платить ему дань; и когда губернаторъ Сьерра Леоне Чарльсъ М'Карти отказался отъ уплаты дани, то онъ былъ 21-го января 1824 года побѣжденъ Кваменой, и палъ въ битвѣ.

Такъ началась вражда, со временемъ повлекшая за собой паденіе ашанти. Преемникъ Квамены, который опять проникъ до Золотого берега, потерпѣлъ страшное пораженіе (въ 1826 г.) отъ новаго губернатора Ніель Кэмпбелля (ум. 1827 г.), слѣдствіемъ чего было то, что при слѣдующемъ королѣ Кваку Дуа (Квако Дуахъ; 1830—1867 г.) ашанти долго оставались спокойными. Противъ воли миролюбиваго короля въ 1863 г. начались новыя войны, собственно только противъ нѣкоторыхъ приморскихъ племенъ, но въ то же время и противъ англичанъ, подъ верховенствомъ которыхъ они находились. Сперва не послѣдовало ничего особеннаго. Только въ 1868 г., когда на престолъ Ашанти вступилъ Кофи Карикари (Калькалли) и когда англичане обмѣнялись въ 1871—1872 г. съ голландцами нѣкоторыми своими владѣніями (Аксимъ Секунди, Чама, Эльмина, Аномабо, Аппангъ) и вызвали этимъ на берегу волненія, снова появилось на землѣ, находившейся подъ протекторатомъ англичанъ, войско ашанти; Золотой берегъ ашанти считали областью, обязанной платить имъ дань, и потому, по ихъ мнѣнію, тамъ ничто не могло быть измѣнено безъ ихъ согласія. За первымъ походомъ послѣдовали долгіе переговоры, пока въ 1873 г. опять не появились ашантскія войска. На этотъ разъ однако англичане порѣшили положить конецъ недостойному положенію дѣлъ. Были привезены европейскіе полки, командованіе которыми представлено было тогдашнему полковнику Гарнету Волслей. Послѣ труднаго перехода черезъ полосу дѣвственныхъ лѣсовъ, они совершенно разбили войско короля 31-го января 1874 г., 4-го февраля добрались до Кумасси и сожгли его на слѣдующій день. О дальнѣйшей судьбѣ Ашанти (1895 и слѣд.) см. ниже, стр. 469.

Часть берега, образующая уголъ между Ашанти и Дагоме, современная страна Того, заселена въ гористыхъ частяхъ своихъ очень смѣшаннымъ населеніемъ, сильно терпѣвшимъ отъ походовъ обоихъ сосѣднихъ государствъ. Но и здѣсь мало по-малу мирнымъ путемъ создается нѣкоторое единство тѣмъ, что языкъ и культура племенъ эвге, родственныхъ дагомейцамъ, постоянно расширяетъ свои предѣлы. Старые языки населенія сохранились отчасти только, какъ „нарѣчія фетишскія“.

б) Дагоме,

Исторія Дагоме имѣетъ много сходства съ исторіей Ашанти, хотя и начинается ранѣе; но въ то же время она обнаруживаетъ и заслуживающія вниманія различія, которыя стоятъ въ самой тѣсной связи съ положеніемъ страны. Во первыхъ вліяніе дагомейцевъ на береговую область больше, чѣмъ вліяніе ашанти, потому что европейскія колоніи на Невольничьемъ берегу были незначительны до самаго послѣдняго времени, мѣстами даже не было и намековъ на европейское господство, а затѣмъ потому, что главный городъ дагоме—Абоме лежитъ гораздо ближе къ морю, чѣмъ Кумасси. Съ другой стороны, въ области теченія Нигера, поясъ вліянія Судана, чѣмъ далѣе мы идемъ на востокъ, тѣмъ болѣе приближается къ берегу, такъ что восточные сосѣди дагомейцевъ іоруба въ извѣстномъ смыслѣ уже могутъ быть причислены къ царствамъ Судана. Правда, культура дагоме смогла отчасти отстоять свою самостоятельность противъ этого могучаго вліянія — но не его политика; дѣйствительно, въ то время какъ мы видимъ ашанти въ расцвѣтѣ своихъ силъ, налагающими дань на пограничныя съ ними на сѣверѣ магометанскія страны, дагоме долго остается въ нѣкоторой зависимости отъ одного государства съ суданской культурой Эйео (Ойо), которое со своей стороны, повидимому, платило дань государству Нупе на Нигерѣ. Въ самой странѣ съ теченіемъ времени такъ усилилось вліяніе ислама, что въ 1855 г, былъ даже задуманъ планъ возстанія магометанъ.

Также народъ Дагоме — фонъ сохранилъ преданіе, что онъ переселился въ теперешнія свои мѣста изъ глубины материка (Нодсіэ). Точно такъ же какъ ашанти, онъ является лишь выдающимся представителемъ цѣлой группы родственныхъ по языку племенъ народовъ эвге (или асигхе), которые живутъ отъ Вольта до Іоруба и до Нигера. Настоящимъ дагомейскимъ нарѣчіемъ говорятъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега: въ Вейда (Вгидахъ, Фидахъ; покорена Дагоме въ 1727 г.), въ старомъ невольничьемъ рынкѣ Бадагри и на магометанскомъ островѣ Лагосѣ.

Происхожденіе государства Дагоме обязано безъ сомнѣнія такимъ же причинамъ, какъ и происхожденіе Ашанти, но послѣдовало оно уже въ началѣ XVII столѣтія, въ лежащей близь Абоме деревнѣ Даргиффъ, не оказывая первоначально значительнаго вліянія на положеніе дѣлъ на берегу. Династія, которой надо приписать основаніе новаго государства и которую основалъ первый властитель Такоодону (Такудуа), въ 1625 г. вступившій на престолъ, царствуетъ до настоящаго времени; и съ возрастающимъ числомъ умершихъ королей, повидимому, и человѣческія жертвы становились все болѣе кровавыми и частыми. Впрочемъ (по Ричарду Франсису Бёртону, 1863 г.) король имѣлъ нѣчто вродѣ помощника, „царя лѣса", тогда какъ самъ онъ носилъ названіе „царя города".

Военныя силы дагомейцевъ, несмотря на довольно малое количество населенія, были всегда значительны и страшны для сосѣднихъ племенъ, вслѣдствіе непрерывныхъ упражненій въ постоянныхъ походахъ и дикой отваги. Самымъ удивительнымъ оказывается то, что и женское населеніе составляло въ войскѣ сильную и особенно страшную часть: „гвардію амазонокъ" короля. По максимальной оцѣнкѣ это войско заключало въ себѣ въ серединѣ XIX столѣтія 10,000, въ 1880 г. около 5000, по самому скромному исчисленію (во всякомъ случаѣ послѣ сраженія за Аббеокуту 1851 г.) немногимъ болѣе 2000 воительницъ-женщинъ. Правда, само собой возникаетъ предположеніе, что во всемъ этомъ учрежденіи можно видѣть остатокъ матріархальнаго быта, потому что дѣйствительно легенды объ амазонкахъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ указываютъ на такого рода условія; однако оно возникло, вѣроятно, впервые лишь тогда, когда

вслѣдствіе безконечныхъ походовъ до крайности уменьшилось число мужчинъ, способныхъ носить оружіе, тѣмъ болѣе, что дагомейскіе короли обыкновенно выводили за собой на поле битвы все, что только могло двигать своими членами, чтобы кажущимся числомъ своихъ воиновъ наводить ужасъ на врага. Громадная потеря людей привела наконецъ къ тому, что изъ самого народа дагоме уцѣлѣли только ничтожные остатки, его мѣсто заняли потомки рабовъ изъ всѣхъ возможныхъ сосѣднихъ племенъ.

Долгое время положеніе дѣлъ въ Дагоме привлекало къ себѣ вниманіе европейцевъ лишь въ незначительной степени, до тѣхъ поръ пока въ 1723—24 гг. и затѣмъ вторично 1727—28 гг. король Гуаджа Трудо не появился на берегу, и, побѣдивъ правителей Попо и Вейда, не сдѣлалъ ихъ своими вассалами. При этомъ были разорены многія европейскія факторіи и многіе европейцы уведены въ плѣнъ въ новую (позднѣе однако опять перемѣненную на Абоме) столицу Аллада, но потомъ они были отпущены на свободу за единственнымъ исключеніемъ англійскаго губернатора Вейды, который долженъ былъ заплатить за вражду къ Дагоме своей жизнью. Послѣ покоренія берега невольничья торговля стала процвѣтать еще болѣе, чѣмъ прежде: Вейда и сосѣднія гавани обратились въ самые главные пункты вывоза чернаго товара, и теперь еще названіе Невольничьяго берега напоминаетъ объ этомъ позорномъ времени. Попытка береговыхъ племенъ опять отвоевать себѣ Вейду потерпѣла полную неудачу (1763 г.).

Цари, слѣдовавшіе за Гуаджа Трудо 1708—1730 гг., не могли сравняться съ нимъ по воинственному духу, и кромѣ того, т. к. берегъ былъ теперь уже въ положеніи данника Дагоме, то они стали направлять свои походы противъ менѣе извѣстныхъ племенъ внутреннихъ странъ. Область, лежащая между Ашанти и Дагоме (Того) была разорена; въ первой половинѣ XIX столѣтія даже само Ашанти было обязано, повидимому, платить дань. Въ другую сторону военные походы достигали до Бенина, хотя объ этомъ дошли до насъ только не достаточно достовѣрныя свѣдѣнія, т. к. эти походы не затрагивали европейскихъ интересовъ; только когда Аббеокута завязалъ дружескія отношенія съ Англіей, стали много говорить о появленіи дагомейскаго короля Гецо (Гхесо) передъ этимъ городомъ и о позорномъ пораженіи, которое онъ потерпѣлъ при этомъ (1855 г.).

Постепенное прекращеніе у моря торговли рабами, конечно, должно было сильно повліять на Дагоме, это основанное на добываніи рабовъ государство. Если тѣмъ не менѣе походы не прекращались, то это отчасти имѣло свое основаніе въ томъ, что все еще былъ возможенъ нѣкоторый сбытъ рабовъ на сѣверъ въ магометанскія государства, но главнымъ образомъ въ кровавыхъ человѣческихъ жертвахъ, которыя происходили въ извѣстныя времена года и которымъ почти всегда непремѣнно предшествовалъ походъ въ сосѣднія области. О крупныхъ завоеваніяхъ болѣе не думали. Таково было положеніе Дагоме въ послѣдніе годы жизни Гецо (ум. 1858 г.) и при его преемникахъ: Бахадунгѣ, Геледе и Беханцинѣ, пока полковникъ Альфредъ Амедей Доддсъ по порученію Франціи въ 1892 г. не покорилъ страну, и 17-го ноября не положилъ конца кровавому великолѣпію древняго царскаго рода.

Г. **Іоруба и板 Бенинъ.**

а) Іоруба.

Если Ашанти и Дагоме можно считать передовыми бойцами негрской расы противъ суданскаго вліянія, то Іорубу можно отмѣтить, какъ страну, гдѣ до самаго берега сильнѣе всего замѣтны культура, религія и торговля Судана. Но здѣсь сказывается именно лишь культура, а не политическое вліяніе свѣтлокожихъ народовъ Судана. Правда, сѣверная часть страны по-

Объясненіе изображенныхъ на оборотѣ древностей.

1) Бронзовая крылатая голова негра, собственность профессора доктора Ганса Мейера въ Лейпцигѣ; 1/8 дѣйствительной величины.

2) Бронзовая пантера; собственность частнаго лица въ Англіи; 1/7 дѣйствительной величины.

Двѣ подобныя пантеры находятся во владѣніи императора Вильгельма II. Узоръ пятенъ сдѣланъ исключительно при помощи штампъ.

3 и 4) Два слоновыхъ клыка, покрытые искусной рѣзьбой; въ музеѣ Народовѣдѣнія въ Лейпцигѣ.

5) Бронзовая доска, собственность профессора доктора Ганса Мейера въ Лейпцигѣ; 1/4 дѣйствительной величины.

Когда въ 1897 г. англичане взяли Бенинъ, столицу одноименнаго съ нимъ государства западной Африки, ограниченнаго съ востока Нигеромъ, они добыли замѣчательные древніе слоновые клыки, покрытые рѣзными узорами, и произведенія изъ бронзы, которыя скоро, благодаря превосходной отливкѣ, привлекли къ себѣ общее вниманіе. Самое интересное изъ этой добычи — бронзовыя доски 30—70 смт. длины, покрытыя множествомъ фигуръ, очень рельефно вылитыхъ одной только отливкой à cire perdu (по потерянной восковой модели); только на одеждѣ и на поверхности задняго фона были выведены узоры посредствомъ чеканки, напилковъ, молотковъ и штампъ. Техника, обнаруженная здѣсь, близка къ совершенству: внѣшняя поверхность чиста и металлъ употребленъ экономно, такъ какъ даже тонкія, высоко выступающія части — внутри полы. На доскѣ, изображенной на фигурѣ 5, представленъ предводитель со своими двумя воинами: это настоящія негрскія лица, съ широкими носами, толстыми губами и большими глазами; особенно бросаются въ глаза шлемообразный головной уборъ съ зубцами и остріями (ср. прежде всего съ фиг. 1) и покрывающія подбородокъ жемчужныя бусы. Во всякомъ случаѣ здѣсь передъ нами туземныя издѣлія западно-африканскихъ негровъ изъ странъ, лежащихъ внутри материка, за Гвинейскимъ берегомъ. Время лучшихъ вещей, судя по одеждѣ и оружію изображенныхъ на нихъ западныхъ европейцевъ, можетъ быть точно опредѣлено: эти бронзы относятся къ 16-му или 17-му столѣтіямъ. Это доказываютъ также и другія изображенныя вещи. Рѣзные рисунки на слоновыхъ клыкахъ покрыты большей частью тѣми же изображеніями, что и бронзы, только здѣсь чаще встрѣчаются миѳологическіе предметы и звѣри. Причина меньшаго совершенства ихъ исполненія заключается, вѣроятно, въ трудностяхъ обработки самого матерьяла.

(Частью по отчету о докладѣ Ф. ф. Люшана, помѣщенному въ Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft, 9 марта 1898.)

 Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Древности изъ Бенина.

пала въ руки народа фульбе (фулаховъ) но вся остальная страна, состоящая изъ множества цвѣтущихъ городовъ-государствъ, успѣшно противустояла нападеніямъ какъ съ сѣвера, такъ и съ запада, изъ Дагоме. На сѣверѣ находится государство Ибаданъ, представляющее собой бастіонъ противъ Фульбе. На югѣ процвѣтаетъ основанное между 1820—25 гг. конституціонное княжество Аббеокута, служившее первоначально убѣжищемъ, которое быстро заселилось. Уже въ 1851 г., какъ мы только что видѣли, оно было такъ сильно, что смогло даже отбить нападенія Дагоме; въ 1857 и 1863 г. повторилось то же зрѣлище. Въ Іорубѣ можно насчитать уже очень много исповѣдниковъ ислама, тогда какъ христіанство могло только съ большимъ трудомъ преодолѣть послѣдствія происходившаго въ 1867 г. гоненія.

б) Бенинъ.

Нѣкоторую параллель къ Ашанти и Дагоме образуетъ напротивъ того царство Бенинъ, которое долго было совершенно недоступно для европейцевъ. Только когда въ 1897 г. англичане взяли приступомъ его главный городъ, удалось въ первый и послѣдній разъ взглянуть на кровавые обычаи его культа, и въ то же время пріобрѣсти множество издѣлій изъ бронзы и изъ точеной слоновой кости, являющихся въ высшей степени важными памятниками для изученія искусства негровъ и исторіи страны (см. приложенную таблицу „Древности изъ Бенина“). Эти издѣлія представляютъ собой произведенія настоящаго западно-африканскаго искусства, почти не тронутаго чужимъ вліяніемъ, на высшей точкѣ его развитія. Одежда европейцевъ, изображенныхъ на нихъ въ большомъ числѣ, свидѣтельствуетъ, что эти вещи были сдѣланы въ XVI или XVII столѣтіи — во всякомъ случаѣ врядъ ли ранѣе 1550 г.; значитъ около этого времени царство Бенинъ находилось уже въ полномъ расцвѣтѣ и было въ сношеніяхъ съ португальцами. Достигла ли техника отлива бронзы такой значительной высоты благодаря вліянію европейцевъ, остается сомнительнымъ; во всякомъ случаѣ бенинскія бронзы свидѣтельствуютъ о способностяхъ западныхъ африканцевъ къ искусству, которыя представляютъ полную противуположность неспособности южныхъ и восточныхъ африканцевъ. Эта черта конечно имѣетъ и большое историческое значеніе.

Д. **Отъ дельты Нигера до Санаги.**

Дельта Нигера со своими безчисленными рукавами, окаймляющими болотистые острова, образуетъ опять типичное убѣжище разбитыхъ и разсѣянныхъ племенъ, богатое остатками народовъ, языки и обычаи которыхъ при болѣе точномъ изслѣдованіи могли бы, конечно, сообщить намъ много очень любопытныхъ свѣдѣній о старыхъ временахъ западной Африки. Само ихъ существованіе показываетъ уже, что должны были происходить сильныя передвиженія народовъ, и что ихъ сосѣди на востокъ и на западъ отъ Дельты, т. е. народъ бенина и племена ибо являются на берегу новыми пришельцами. Эсики въ старомъ Калабарѣ еще помнятъ свое переселеніе изъ области, лежащей между рѣкой Кроссъ и Ибо около Нигера.

Страна около Біафрскаго залива не имѣетъ большого историческаго значенія. Царство Біафра, которое на старыхъ картахъ занимаетъ такое широкое пространство, лежало внутри материка и принадлежало, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ государствамъ Судана; можетъ быть это былъ предшественникъ теперешняго Адамауа. Прибережныя племена представляютъ собой въ послѣднее время раздробленное и испорченное благодаря торговлѣ населеніе. Напоръ племенъ изнутри страны къ берегу замѣчается также и здѣсь, онъ существовалъ вѣроятно съ давнихъ временъ. Такъ племя

дуалла (дуала) въ Камерунѣ, которое легко можно принять за давнишнихъ приморскихъ обитателей, вслѣдствіе высоко развитаго у него кораблестроительнаго искусства, сохраняетъ неясныя преданія о томъ, что оно жило прежде въ верхнемъ Лунгаси въ области Цангахе. Это племя, за семь поколѣній до настоящаго времени, раздѣлилось на 2 половины и, ко времени вступленія Германіи во владѣніе ими (1884 г.), главами ихъ были торговые „короли“ „Белль“ (собственно Ндумбе)* и Аква (Аккуа, собственно Нгандо). Впрочемъ дуалла говорятъ на одномъ изъ нарѣчій банту, которымъ говорятъ вообще въ полосѣ отъ Камеруна на югъ до Готтентоттской страны.

Е. **Отъ Батанга до Лоанго.**

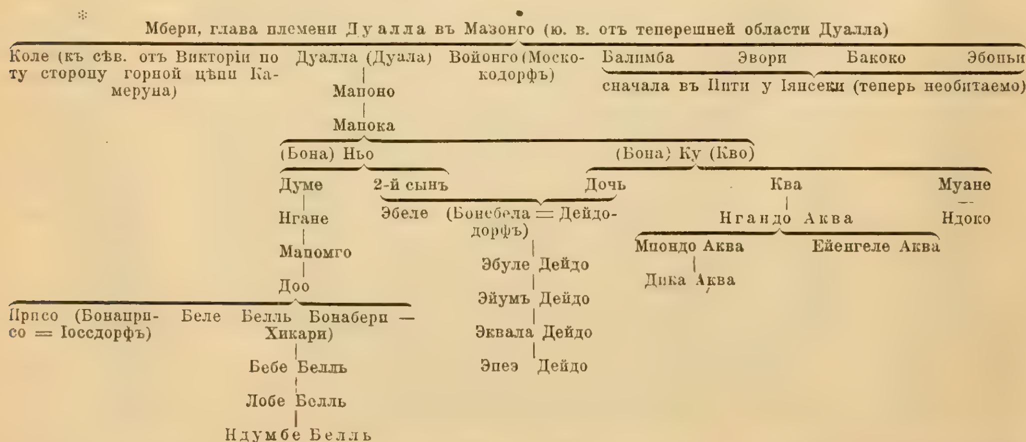
Племена, живущія по берегу отъ Батанги и Габула до Лоанго, были раздроблены и не имѣли большого значенія, какъ въ то время, когда они познакомились съ европейцами, такъ и послѣ того. Разнообразіе языковъ именно въ области Огове указываетъ на давнишнія войны и переселенія; замѣчательна также ихъ ловкость въ морскомъ дѣлѣ, которая конечно больше выразилась въ морскихъ разбояхъ, чѣмъ въ торговыхъ предпріятіяхъ. Въ группу габунскихъ народовъ, и безъ того мало объединенныхъ, недавно проникъ новый членъ, вносящій еще бóльшую рознь, это замѣчательный людоѣдскій народъ фанъ (фангъ, пахуинъ или мпонгве, см. ниже, стр. 456). И это племя видимо было охвачено стремленіемъ достигнуть берега, также какъ и племя батеке на верхнемъ Огове и апфуру (афуру) на Алима, правомъ притокѣ Конго.

Ж. **Отъ Конго до Кунене.**

Населеніе странъ, находящихся около устья Конго, не представляетъ такой запутанности въ этнографическомъ отношеніи, какъ населеніе, живущее сѣвернѣе. Непосредственно у устья рѣки живутъ на сѣверѣ муссеронго (муссоронго), на югѣ муссиконго (мушиконго); негры Лоанго и Анголы, повидимому, только подъ вліяніемъ европейцевъ и вслѣдствіе образованія государствъ сплотились въ цѣльные народы. Съ точки зрѣнія одного только языка, всѣ эти жители берега, включая мпонгве у Габуна, образуютъ особую группу банту; съ точки зрѣнія строенія тѣла, они производятъ впечатлѣніе расы, очень смѣшанной и связанной только языкомъ.

---

*



(По Флэду въ „Mittheilungen von Forschungsreisenden und Gelehrten aus den Deutschen Schutzgebieten“ IV, 1891).

Банца Ловангири, столица прежн

(По O. Dapper, Naukeurige Beschryvinge

Въ верхней части города находится царскій дворъ съ гаремомъ, залой для аудіенці
планѣ слѣва — фетишистская цер

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

;о царства Лованго, въ 1670 году.

Afrikaensche Gewesten; Amsterdam, 1671).

башней публичнаго глашатая, рядомъ — большая рыночная площадь. На переднемъ
ія; направо — ведутъ преступника.

а) Лоанго.

На берегу Лоанго первоначально существовало множество небольших государствъ, пока, наконецъ, одинъ государь, происходившій изъ племени церри, въ Каконго не подчинилъ себѣ большей части этихъ государствъ, и не сдѣлалъ Лоанго своей резиденціей, имѣвшей, насколько можно судить, 15,000 жителей (см. приложенную таблицу „Банза Ловангири, столица прежняго королевства Лоанго"). Нѣкоторую самостоятельность сохранили за собой на югѣ Каконго (Малимба) и Ньгойо (Кабинда); да и остальныя части страны (Энинго, Юмба) находились въ довольно слабой зависимости отъ своего повелителя. Такимъ образомъ власть государей была очень различна, смотря по тому, какой авторитетъ они умѣли придать себѣ, и о правильно организованномъ государствѣ можетъ здѣсь идти рѣчь лишь въ видѣ исключенія. Временно (въ концѣ XVI-го столѣтія во всякомъ случаѣ до 1648 г., т.-е. до прибытія португальцевъ) Лоанго была, надо думать, составной частью Конго, хотя объ этихъ старыхъ отношеніяхъ нельзя найти ничего болѣе опредѣленнаго. Вліяніе португальцевъ и христіанства сказалось довольно поздно; около середины XVII-го столѣтія король Лоанго былъ, правда, обращенъ въ христіанство однимъ ревностнымъ миссіонеромъ, но такъ какъ и король, и миссіонеръ скоро послѣ этого умерли, то событіе это не имѣло никакихъ послѣдствій. Только въ 1766 г. опять появились миссіонеры, на этотъ разъ французы, и основались именно въ Каконго.

б) Конго.

Царство Лоанго должно было между тѣмъ отступить на задній планъ передъ мощно расцвѣтшимъ царствомъ Конго. Въ теченіе нѣкотораго времени казалось, что Конго должно было стать христіанскимъ государствомъ и точкой, изъ которой христіанство и европейская культура должны были не просто покорить, а дѣйствительно присоединить къ себѣ темную часть свѣта! Конечно, очень скоро оказалось, что быстро поднявшійся посѣвъ не могъ принести плодовъ и былъ снова заглушенъ и уничтоженъ туземными сорными травами.

Когда въ 1484 г. Діего Канъ съ Мартиномъ Бехаимомъ стояли на якорѣ въ устьяхъ Конго, они нашли страну къ югу отъ рѣки, далеко по направленію къ Анголѣ, подъ владычествомъ одного государя Мани-Конго, столицей котораго была Амбассе, лежащая внутри береговой страны. Отъ португальцевъ не ускользнуло то, что они сразу могли бы распространить свое вліяніе на большое пространство, если-бы имъ удалось привлечь этого властителя на свою сторону и если-бы удалось, насколько это возможно, обратить его въ христіанство. Они захватили съ собой въ Лиссабонъ нѣсколько жителей Конго и въ 1490 г. отправили въ Амбассе формальное посольство, которое получило тамъ разрѣшеніе построить христіанскую церковь. Но то обстоятельство, что посольство скоро вызвало еще болѣе блестящія послѣдствія и повело къ полному обращенію въ христіанство короля и его народа, имѣло свои особенныя основанія.

Одно основаніе заключалось во внутреннемъ политическомъ строѣ государства Конго. Это не было вполнѣ объединенное государство; кромѣ ядра страны, отъ котораго къ нему перешло названіе, существовали провинціи, которыя, сообразно съ чисто негрскими нравами, находились подъ властью собственныхъ полу-зависимыхъ князей. Каждое проявленіе слабости со стороны верховнаго короля приводило къ тому, что провинціи достигали большей независимости, иногда даже и совсѣмъ отпадали и лишь военной силой можно было присоединить ихъ вновь. Значитель-

нѣйшей провинціей въ этомъ родѣ была Сонго (Сонхо) — область, непосредственно примыкающая къ устью Конго съ юга, глава которой называлъ себя послѣ знакомства съ португальцами „графомъ“, а затѣмъ „великимъ княземъ“. Графъ Сонго всегда былъ ненадежнымъ вассаломъ; дѣйствительно, когда могущество Конго начало склоняться къ упадку, то въ 1631 г. „графу“ удалось покорить Каконго и Ньгойо, послѣ чего онъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ объявить Конго о своемъ отказѣ отъ ленной зависимости, тѣмъ болѣе, что его король сдѣлалъ попытку отдать Сонго португальцамъ, въ награду за оказанныя ими услуги; и король Конго дважды былъ совершенно разбитъ (1636 и 1641 г., см. ниже). Слѣдовательно и въ то время, когда португальцы начинали дѣло обращенія въ христіанство, между Конго и Сонго существовало нѣкоторое соревнованіе, поэтому болѣе слабый изъ князей, князь Сонго, уже въ 1491 г. перешелъ въ христіанство, желая этимъ по возможности привлечь на свою сторону новыхъ пришельцевъ, казавшихся ему опасными.

Какъ разъ тогда, когда португальцы утверждали первый камень своей церкви въ Амбассе, начались тѣ могучія движенія народовъ, предисловіемъ къ которымъ можно считать нападеніе на Конго племени мундеквете (см. стр. 421). По сообщеніямъ португальцевъ, мундеквете жили далеко въ глубинѣ страны у большихъ озеръ, и „возмутились“ противъ Конго; это извѣстіе позволяетъ заключать о невѣроятно большомъ протяженіи царства Конго. На самомъ дѣлѣ въ „возстаніи“ мундеквете надо видѣть одно изъ обыкновенныхъ движеній населенія, устремленныхъ къ берегу; это движеніе, со своей стороны, могло быть вызвано началомъ тѣхъ движеній, которыя скоро затѣмъ должны были потрясти различныя области Африки совсѣмъ уже иначе, чѣмъ походъ мундеквете. Во всякомъ случаѣ неожиданный наплывъ такого количества враговъ привелъ короля Конго въ сильное затрудненіе. Его взоры невольно должны были обратиться на португальцевъ, которые своими крестами, четками и колоколами, своими увѣщаніями и проповѣдями, казалось, возвѣщали новыя побѣдоносныя силы и обѣщали, можетъ быть, въ случаѣ крайности и болѣе дѣйствительную помощь; наряду съ этимъ и переходъ въ христіанство властителя Сонго произвелъ свое дѣйствіе: король, со всѣмъ своимъ дворомъ, принялъ крещеніе и былъ названъ Домъ Іоаннъ да Сильва; безчисленное множество его подданныхъ поспѣшило послѣдовать примѣру своего господина. Когда наконецъ войско, окропленное святой водой и осѣненное хоругвями, въ горячей битвѣ побѣдило и разсѣяло мундекветовъ, то побѣда христіанства была полная. Возникло множество церквей, священники и монахи нашли широкое поле для своей дѣятельности, и въ 1534 г. для новообращенной страны могъ быть поставленъ епископъ. Само Конго сдѣлалось тогда могущественнѣй, чѣмъ когда либо, его вліяніе должно было проникать далеко вглубь страны; такъ, извѣстно, что португальцы были въ состояніи подъ защитой короля проникнуть вплоть до озеръ.

Это положеніе было внезапно прервано нападеніемъ еще болѣе страшныхъ враговъ (см. стр. 421—452) джагга. Въ 1542 году воинственное племя людоѣдовъ впервые появилось на границахъ государства Конго, распространяя передъ собой паническій страхъ. На этотъ разъ крестъ и святая вода оказались безсильными. Войско Конго было разбито на голову, столица, носившая со времени обращенія въ христіанство названіе Санъ Сальвадоръ, взята приступомъ и сожжена до тла со своимъ соборомъ и всѣми церквами; вмѣстѣ съ старой культурой страны Конго была почти что уничтожена также и искусственно привитая на ней европейская цивилизація. Король Домъ Альваро I, столица котораго превратилась уже въ подобіе лиссабонскаго двора, бросилъ ее на произволъ судьбы и бѣжалъ на одинъ изъ острововъ Конго, гдѣ провелъ нѣсколько бѣдственныхъ го-

довъ. Необходимы были крайнія усилія его народа, чтобъ съ дѣятельной помощью португальскихъ войскъ послѣ четырехлѣтней борьбы прогнать джагговъ за предѣлы Конго (1546). Страна опять ожила и отношенія къ Португаліи стали еще сердечнѣе, чѣмъ прежде.

Такъ же, какъ народъ джагга обезпокоилъ Конго, — народъ анцигъ (анцико, анциквосы) со своими обтянутыми кожей ящерицъ маленькими луками встревожилъ Лоанго; оба народа, однако, были, кажется, различнаго происхожденія. Народъ джагга долгое время былъ ужасомъ для всѣхъ странъ у устья Конго. Ангола была опустошена, самъ городъ Лоанго впродолженіи семи лѣтъ оставался во владѣніи джагга. Между 1590 и 1600 цѣлью ихъ хищническихъ набѣговъ была Бенгуэлла; Баттель (см. стр. 423), который посѣщалъ въ это время ихъ лагерь, опредѣлялъ ихъ силы въ 16,000 воиновъ. Подъ конецъ они отказались отъ походовъ и водворились въ области Кассандже, вблизи верхняго Куанго, гдѣ и сохранились ихъ остатки до настоящаго времени.

Въ королевствѣ Конго должно было скоро сказаться, какой шаткой была вся насажденная тамъ культура, и какъ поверхностно было тамъ вліяніе христіанства. Въ 1636 г. началась упоминавшаяся выше (стр. 446) неудачная борьба съ Сонго, которая значительно ослабила это царство. Отношеніе къ португальцамъ становилось все хуже, конечно, не безъ вины и съ ихъ стороны; миссіонерское дѣло, которому содѣйствовали еще въ 1644 г. Урбанъ VIII и въ 1647 г. Иннокентій X, остановилось. Поэтому было лишь внѣшнимъ выраженіемъ развившейся внутри болѣзни, когда наконецъ король Антоніо I объявилъ о своемъ отпаденіи отъ христіанства, духовенство очистило страну и епископская резиденція была перенесена въ основанный послѣ 1574 г. Санъ Паоло де Лоанда. Правда, португальскія войска побѣдоносно вступили въ Конго; но все-таки съ тѣхъ поръ это государство было вполнѣ предоставлено самому себѣ. Новыя войны съ Сонго (1667) и Бамба (Памба), которая въ 1687 г. точно также отпала, наконецъ окончательно сломили его силу.

в) Ангола.

Центръ тяжести португальской власти перешелъ послѣ того въ Анголу, которая была первоначально провинціей Конго, извѣстной подъ названіемъ Донго (или Амбонде), со столицей Мапунго; благодаря покровительству португальцевъ, эта страна достигла значительной силы, и послѣ возстанія 1578 г. стала отчасти зависимой отъ Португаліи. Напротивъ того могущество Конго быстро угасало. Попытка опять призвать миссіонеровъ, сдѣланная въ 1781 г., не удалась изъ-за случайныхъ причинъ; только въ 1882 г. миссія снова вступила въ страну и нашла около 2000 приверженцевъ, между которыми былъ король Домъ Педро V. Но всетаки нѣкогда такой могущественный властитель царства Конго въ продолженіи всего XIX-го столѣтія остается безсильнымъ главой ничтожнаго теперь мѣстечка Санъ-Сальвадоръ. Со временемъ совершенно исчезло христіанство и въ Сонго, гдѣ, казалось, оно пустило такіе крѣпкіе корни.

Ангола лишь постепенно переходила въ полную зависимость отъ португальцевъ. За возстаніемъ 1578 (или 1580) г., стоившимъ жизни многимъ португальцамъ и остановленнымъ лишь отпоромъ только что основаннаго укрѣпленнаго города Лоанда, послѣдовали многія небольшія сраженія, которыя выигрывали большей частью бѣлые. Продолжительнѣе всего были войны съ королевой Гинга Банди, которая хотя и позволила крестить себя въ 1621 г., послѣ отравленія правившаго до нея брата, но затѣмъ впродолженіи 30-ти лѣтъ враждовала съ португальцами и голландцами; въ концѣ концовъ Португалія всетаки надолго упрочила за собой главенство 1648 г. (см. стр. 466).

По ту сторону южной пограничной рѣки португальскихъ владѣній.

Кунене, мы находимъ область овамбо и хереро, двухъ похожихъ на каффровъ народовъ, которые по ихъ собственнымъ преданіямъ, переселились въ свою теперешнюю степную страну съ сѣверо-востока. О борьбѣ пастушескихъ хереро съ напирающими съ сѣвера готтентотами см. стр. 407.

5. Внутренняя Африка.

Таинственная внутренность Африки, коренная страна черной расы, только недавно была изслѣдована съ востока и запада и основательно выяснена въ главныхъ своихъ чертахъ. Новые народы, новыя своеобразныя положенія открылись передъ нами, и если еще существуютъ на картѣ нѣкоторые остатки „большого бѣлаго пятна“ и ждутъ своего заполненія, то всетаки настоящее положеніе стало въ общемъ яснымъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если мы спросимъ объ исторіи племенъ внутренней Африки. Ни одно замѣчаніе культурныхъ свидѣтелей не даетъ намъ опредѣленныхъ точекъ опоры для возстановленія прошлаго, что при изученіи исторіи восточной и западной Африки всетаки было возможнымъ; то, что разсказываютъ о своемъ прошломъ сами народы, ничтожно. Намъ съ трудомъ приходится вычитывать скудные факты изъ быта и культурнаго достоянія, подобно геологу, который старается угадать строеніе земной коры, наблюдая наслоенія горныхъ породъ.

Только когда собранный матеріалъ этнологическихъ изслѣдованій будетъ обширнѣе, а главное, когда онъ будетъ обработанъ въ научной формѣ, только тогда и обогатится исторія внутренней Африки и будетъ имѣть болѣе удовлетворительное содержаніе, чѣмъ въ настоящее время.

Все, что здѣсь соединено подъ именемъ внутренней Африки, не представляетъ одной цѣльной области. Связующій элементъ представляетъ собой чисто отрицательное качество: отдаленность отъ поясовъ соприкосновенія съ чужой культурой. Конечно, если бы кто нибудь предположилъ, что внутренняя Африка вообще не подвергалась никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ, то онъ впалъ бы въ роковую ошибку. Нѣкоторые предметы, введенные тамъ въ употребленіе только въ недавнее время, распространились по этой странѣ во всю ея ширину, напр. полезныя американскія растенія, кукуруза, маніокъ и табакъ, или занесенная съ востока конопля; успѣхи въ культурѣ, въ родѣ умѣнья обрабатывать желѣзо, шли тѣмъ же путемъ; тоже и нѣкоторыя другія производства, которыя, казалось бы, развились во внутренней странѣ самостоятельно, можетъ быть залетѣли, какъ сѣмена въ сердце этой части свѣта изъ отдаленныхъ странъ.

Исторію внутренней Африки нельзя разсматривать съ одной общей точки зрѣнія. Внутренняя Африка естественно дѣлится на слѣдующія части: поясъ сравнительно большихъ государствъ на верхнемъ Замбези и по южнымъ притокамъ Конго, далѣе бассейнъ самого Конго и наконецъ область верхняго Нила и его западныхъ притоковъ. Средняя изъ этихъ трехъ главныхъ частей была изслѣдована позднѣе всѣхъ и представляетъ менѣе исторически достовѣрнаго; южная богаче опредѣленными преданіями, а сѣверная появляется уже въ относительно очень древнія времена, хотя и въ очень неопредѣленныхъ очертаніяхъ, на горизонтѣ географическихъ знаній Европы.

A. Государства по верхнему Замбези и по южнымъ притокамъ Конго.

Области, расположенныя по Замбези, представляютъ въ нѣкоторомъ отношеніи полную аналогію съ явленіями, съ которыми мы познакомились при изученіи исторіи восточной Африки (стр. 412). Въ восточной Африкѣ самая высокая и своеобразная культура развивается не у

берега, слишкомъ подверженнаго чужимъ вліяніямъ, но глубже, внутри страны, тамъ, гдѣ туземцы были въ состояніи присоединять къ своимъ собственнымъ знаніямъ и искусствамъ доходившіе до нихъ успѣхи культуры. Напротивъ, страна между берегомъ и большими государствами внутреннихъ странъ наводняется воинственными пастушескими народами; а какимъ образомъ изъ осѣдлыхъ племенъ и кочующихъ завоевателей могутъ образовываться смѣшанные народы, съ повышенной способностью къ образованію государствъ, видно изъ примѣра Вахумы (стр. 426). Сходство отношеній, существующихъ въ восточной Африкѣ, съ отношеніями по долинѣ Замбези поразительное; только какъ разъ въ этомъ мѣстѣ культурныя вліянія простираются внутрь страны дальше, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Это отчасти зависитъ отъ географическихъ особенностей страны, которая не представляетъ такихъ большихъ препятствій для сношеній, какъ средняя часть восточной Африки съ ея степями и озерами. Но еще важнѣе близость къ богатой золотомъ странѣ Мономотапа, которая въ теченіе долгаго времени испытывала культурныя вліянія и проводила ихъ далѣе вглубь страны. Склонность къ образованію большихъ государствъ имѣетъ конечно свою причину въ этомъ примѣрѣ, находившемся передъ глазами, и лежащія сѣвернѣе государства, какъ Лунда, даже Конго можетъ быть подражаютъ этому образцу, зная его, по крайней мѣрѣ, черезъ посредство своихъ сосѣдей. Въ настоящее время государства, лежащія внутри страны, точно также какъ и государства восточной Африки, отдѣлены отъ берега полосой земли, завоеванной пастушескими племенами. И наконецъ въ царствѣ Марутзе-Мамбунда мы видимъ прямое соотвѣтствіе положенію государствъ Вахума: и здѣсь народъ завоевателей стоялъ одно время во главѣ царства.

а) Царство Марутзе-Мамбунда.

Главный народъ этой области Марутзе (баротзе, луино) многими чертами доказываетъ свое тѣсное родство съ народами, образующими государства южной части бассейна Конго и прилежащаго къ нему западнаго берега. Центръ государства заселяютъ баротзе, живущіе вдоль обоихъ береговъ Замбези; этотъ народъ послѣ сравнительно недолгаго подчиненія племени макололо (см. ниже) опять занялъ первенствующее положеніе во главѣ прочихъ обитателей царства (по Эмилю Холубъ: 18 большихъ племенъ и 83 развѣтвленія). Марутзе смотрятъ на мелкія племена, какъ на рабовъ. Однако и марутзе даже въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, когда ихъ посѣтили Хулубъ и Зелоусъ, находились подъ совершенно деспотическимъ управленіемъ. Но это не всегда было такъ: существованіе малаго и большого совѣта свидѣтельствуетъ о давнишнемъ существованіи и здѣсь тѣхъ чисто африканскихъ учрежденій, которыя слабы противъ сильнаго правителя и напротивъ быстро берутъ верхъ надъ слабымъ.

Очень разнообразное развитіе культуры отдѣльныхъ племенъ заставляетъ подозрѣвать, что государство не всегда имѣло такой же объемъ, какъ въ настоящее время. Государства южной внутренней Африки еще въ большей степени, чѣмъ другія царства темной части свѣта, носятъ на себѣ ту особенность, что они не ограничены рѣзкими линіями, но окружены только пограничными полосами. Сила государства постепенно ослабѣваетъ отъ середины къ краямъ. Если племена, живущія ближе всѣхъ другихъ къ господствующему народу, не что иное, какъ рабы, то болѣе удаленныя лишь платятъ дань, и все время стремятся, какъ только иго немного ослабѣетъ, сбросить его. Поэтому нельзя твердо установить, какъ великъ былъ кругъ вліянія стараго царства марутзе, до того времени, какъ макололо покорили ихъ.

Макололо принадлежатъ къ западной группѣ каффрскаго народа —

(восточнымъ) бечуанамъ, остатки которыхъ извѣстны теперь подъ общимъ названіемъ „базуто“. До 1820 г. они жили въ восточной части теперешней Оранжевой республики. Въ это время появился Мозеликатзе (Умзеликази) со своими матабеле; это событіе, а также и пораженіе, понесенное въ 1823 г. на сторонѣ Мантати (вѣтви батлокуа, принадлежащихъ къ сѣверо восточнымъ бечуанамъ) отъ гриквы подъ начальствомъ Андріеса Ватербуръ при Литхаку (Латакоо), принудили макололо въ 1824, покинуть свои прежнія мѣста и перебраться къ сѣверу (стр. 420). Этому движенію прежде всего оказали противодѣйствіе, хотя и безъ результата, бангвакетзе (главное селеніе ихъ Макабе); тогда макололо воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы вмѣшаться въ междуусобицы баквена (главное ихъ селеніе Литубаруба, теперь Молепололе), одного изъ могущественнѣйшихъ племенъ бечуановъ, и поставить во главѣ ихъ Зечеле (Сешеле), сына одного вождя, убитаго его подданными.

Вождемъ макололо былъ тогда Себитуане (Себитоане), одинъ изъ сильнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ властителей, о которыхъ повѣствуетъ намъ исторія Африки. По словамъ Ливингстона, онъ всегда самъ водилъ въ битву своихъ людей, въ противоположность Мозеликатзе, Дингаану и др. Помощь Сечеле доставила возможность макололо поселиться вблизи баквена. Только недобросовѣстное нападеніе буровъ принесло имъ тяжелыя потери и принудило ихъ податься еще дальше на сѣверъ. Походы Себитуане на сѣверѣ Бечуанской страны—настоящая Одиссея; они богаты битвами, лишеніями и внезапными перемѣнами счастья. Преслѣдуемый стремящимся далѣе матабеле, онъ повернулъ къ западу и достигъ до области Хереро, затѣмъ обратился опять на востокъ и дошелъ до Замбези. Несмотря на угрожающую ему измѣну острова Батока, онъ благополучно перебрался черезъ рѣку и вблизи водопадовъ Викторіи побѣдилъ своихъ враговъ; безчисленная добыча дала его народу возможность опять обратиться въ этой странѣ, изобилующей травой, къ привычной пастушеской жизни. Послѣ того, какъ матабеле еще разъ перешли Замбези, хотя и безъ продолжительнаго успѣха, Себитуане удалось покорить на западѣ страну Марутзе. Когда войско его смертельнаго врага Моселикатзе, завлеченное на одинъ изъ острововъ Замбези, было измучено голодомъ и избито, и когда его вторичная попытка переправиться черезъ рѣку вообще не удалась, потому что Марутзе сообща съ макололо заняли берега, тогда наконецъ Себитуане смогъ обратиться къ укрѣпленію и расширенію своего царства, управлявшагося изъ столицъ Сешеке на Замбези и Линіанти на Тобе (теперь это сѣверо-восточный уголъ нѣмецкой южной Африки). Тѣмъ не менѣе его собственный народъ все болѣе и болѣе исчезалъ. Уже и безъ того макололо давно не были чистымъ племенемъ, безъ примѣсей, т. к. въ непрерывныхъ войнахъ ихъ число постоянно уменьшалось и по чисто африканскому обычаю было пополняемо только дѣтьми покоренныхъ племенъ. Малярія отняла большую часть мужчинъ и сильно уменьшила плодовитость женщинъ. Но они оставили замѣчательное и поучительное наслѣдіе: ихъ языкъ (Сесуто), который сдѣлался въ царствѣ Варутзе общимъ средствомъ для сношеній.

Себитуане умеръ въ 1851 г. За нимъ слѣдовала его дочь Мамочисане и его сынъ Секелету (приблизительно до 1856 г., см. стр. 420). Послѣ того какъ вымерло племя макололо, народу марутзе, возлѣ котораго и народъ мамбунда съумѣлъ пріобрѣсти значеніе, удалось опять стать во главѣ царства. Вмѣстѣ съ этимъ властью завладѣла новая туземная семья, гордившаяся каждой каплей благородной крови макололо, которая текла въ ихъ жилахъ, хотя началась она съ Лечулатебе, побѣдителя послѣднихъ макололо, имѣвшаго первоначально столицей Лезотзилебе, къ востоку отъ озера Нгами. Среди этихъ чистокровныхъ князей марутзе, Сепопо, который перенесъ свою столицу изъ страны баротзе къ югу въ область Мазупіа,

обезславилъ себя своей жестокостью. Ему удалось забрать себѣ власть въ царствѣ мамбунда, въ которомъ правила находившаяся съ нимъ въ родствѣ династія, хотя послѣ смерти послѣдней королевы это царство должно было принадлежать его дочери; такимъ образомъ установилось полное единство царства Марутзе-Мамбунда. Въ 1876 г. онъ былъ умерщвленъ и оставилъ послѣ себя царство въ полномъ безпорядкѣ.

Его преемникъ Н'Вана-Вена уничтожилъ послѣдніе остатки самостоятельности, которые еще сохраняло царство мамбунда, тѣмъ, что заставилъ королеву отказаться отъ трона за себя и за своихъ потомковъ, но самъ онъ, благодаря тому, что не съумѣлъ сохранить въ тайнѣ задуманнаго имъ убійства сильнѣйшихъ вождей, продержался не долго. На его мѣсто, разумѣется противъ его воли, былъ выбранъ въ короли Лебоше (Луаника, Леваника); борьба Н'Вана-Вена окончилась низложеніемъ и смертью послѣдняго. Позднѣе (1882) Лебоше, который сперва не понравился миролюбіемъ своему развращенному войнами и возмущеніями народу, началъ войну на сѣверо-востокѣ противъ машукулумбе (машикулумбве) у котораго онъ отнялъ 40,000 головъ рогатаго скота, не достигнувъ однако при этомъ дѣйствительнаго покоренія этого народа. Въ 1884 г. опять поднялось возстаніе, которое принудило короля и его болѣе энергичную сестру и соправительницу бѣжать, и на время возвело на престолъ Вага-Фуна; возвратясь въ 1886 г., Лебоше запятналъ свою побѣду неблагодарностью и жестокостью, но съ тѣхъ поръ держался на престолѣ, несмотря на близкое сосѣдство англичанъ, португальцевъ и бельгійцевъ.

Если и теперь культура верхняго бассейна Замбези тѣснится въ царствѣ марутзе, то въ своихъ дѣйствіяхъ она всетаки простирается дальше; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія разведеніе хлопка у народовъ гангуэлла и лухазе (лушасе) въ странѣ, лежащей отъ Бенгуэллы дальше въ глубь материка. У этихъ народовъ не образовалось большихъ государствъ, но у нихъ существуютъ союзы племенъ съ довольно значительной силой.

б) Царство Лунда.

Къ сѣверо-западу отъ царства Марутзе лежитъ отдѣленное отъ него независимыми областями второе большое государство внутренней Африки— царство Лунда, извѣстное болѣе, какъ царство Муаты Ямво. Здѣсь тоже не можетъ быть рѣчи о постоянныхъ точныхъ границахъ (см. выше, стр. 449). Центральныя части царства расположены по верхнему теченію Кассаи и другихъ текущихъ на сѣверъ параллельно съ нимъ притоковъ; на западѣ вліяніе короля распространяется почти до Куато, на югѣ до водораздѣла между Конго и Замбези; на сѣверѣ и востокѣ пограничная линія колебалась даже послѣ того недавняго времени, когда мы точнѣе познакомились съ царствомъ Лунда. Господствующимъ народомъ являются калунда, чисто негрское племя, говорящее на языкѣ банту; въ культурномъ отношеніи они стоятъ безусловно ниже народовъ царства Марутзе Мамбунда; особенно замѣчательно, что тамъ не выдѣлывается ни матерій изъ пальмовыхъ волоконъ, какъ въ собственномъ бассейнѣ Конго, ни хлопчато-бумажныхъ тканей, какъ въ области Замбези, и кузнечное ремесло тоже не особенно развито. Населеніе старательно занимается земледѣліемъ, тогда какъ скотоводство стоитъ на заднемъ планѣ.

Для исторіи страны очень большое значеніе имѣютъ государственныя учрежденія. Въ Лундѣ, во главѣ государства, мы также находимъ короля, котораго называютъ здѣсь Муата Ямво, съ неограниченной властью, окруженнаго совѣтомъ, который имѣетъ большее или меньшее вліяніе, смотря по характеру короля. Страна распадается на множество мелкихъ областей, которыя распредѣлены между отдѣльными властителями, какъ бы

феодалами, и управляются ими. Во внутреннемъ управленіи своими участками они почти совершенно самостоятельны, пока настроеніе ихъ властителя не даетъ повода къ вмѣшательствамъ, но они обязаны платить дань и доставлять войско. Разумѣется, большинство этихъ мелкихъ областей не разграничены произвольно, но возникли исторически, и поэтому способны вести самостоятельную жизнь, такъ что, какъ и въ царствѣ Марутзе, отдаленныя части страны держатся въ связи съ цѣлымъ только силою каждаго властелина, а могущество царствъ постоянно колеблется.

Замѣчательнымъ учрежденіемъ, указывающимъ на давнія преобразованія государственной жизни, является добавочная королева Лукокеша. Эта правительница вовсе не жена короля, а принадлежитъ къ королевскому дому и имѣетъ свой особенный собственный штатъ, свои особые доходы и ей принадлежитъ рѣшеніе при выборѣ Муаты Ямво. Она имѣетъ право выходить замужъ, но мужья ея оффиціально называются „женами“ и въ общемъ не имѣютъ значенія. Такимъ образомъ въ царствѣ Лундо существуютъ двѣ главы правленія, не враждуя и не исключая другъ друга.

Такія отношенія всегда являются слѣдствіемъ историческаго развитія. Здѣсь мы вѣроятно имѣемъ дѣло съ остаткомъ матріархальной власти, возникновеніе и основныя черты которой мы можемъ прослѣдить въ другихъ странахъ. Когда въ первобытной ордѣ постепенно вырабатывается семья, какъ группа членовъ, тѣсно связанныхъ кровными узами, тогда мать является для нея естественнымъ центромъ, тогда какъ мужъ, первоначально только прибавка къ этой новой группѣ, лишь постепенно достигаетъ и въ семьѣ того же положенія, которое онъ занималъ въ ордѣ. Но это не всегда удается ему. Иногда жена крѣпко удерживаетъ за собой свое первенство, и въ заключеніе ей удается встать во главѣ всѣхъ группъ и семей, на которыя разбилась первоначальная орда; весьма вѣроятно, что королевское достоинство Лукокеши развилось такимъ образомъ.

Наряду съ этимъ женскимъ владычествомъ развернулась и мужская королевская власть. Калунда даже сохраняютъ сказочное преданіе, которое указываетъ на эти преобразованія, происшедшія безъ всякаго насилія: царствомъ Лунда управляла одна царица, которая затѣмъ раздѣлила свою власть съ пришельцемъ принцемъ, который сталъ ея мужемъ. Въ то время предводитель Кингури, по нѣкоторымъ сказаніямъ братъ королевы, бѣжалъ со своими людьми изъ Лунда и пріобрѣлъ отъ португальцевъ позволеніе поселиться въ Кассандже (по Карвальо около 1622 г.). Мы знаемъ также отъ Цухелли, что остатки грозныхъ джагга поселились въ Кассандже (см. стр. 421 и 446) и платили дань королевству Конго. Судя по этому, не должно ли было все преобразованіе отношеній въ Лундѣ находиться въ связи съ африканскимъ переселеніемъ народовъ, бывшимъ въ XV столѣтіи? Вѣроятно, матріархально управляемая Лунда не могла противустоять напору джагга; только съ помощью пришедшаго съ востока смѣлаго вождя она могла быть опять возстановлена; изъ этого становится яснымъ, почему королевскій санъ Лукокеши сохранился, какъ предметъ почитанія, и удержалъ еще за собой остатокъ прежней власти при выборѣ короля.

Уже въ концѣ XVI-го вѣка на берегу было извѣстно о существованіи царства Лунда, т. к. рабы, которыхъ привозили изнутри страны, много разсказывали о немъ. Пока нельзя еще рѣшить вопроса, было ли царство Мундеквете, противъ котораго король Конго долженъ былъ вести такую трудную войну, тѣмъ старымъ государствомъ, которое, по только что развитому предположенію, должно было подвергнуться натиску джагга. Такимъ образомъ о внутренней исторіи страны приходится сказать немного, хотя португальскіе купцы можетъ быть давно проникали въ царство Лунда. Такъ же, какъ при различныхъ властителяхъ колебалась граница,

до которой простиралась ихъ власть, измѣнялось и положеніе главнаго города царства Муссумба (большой лагерь), хотя онъ всегда оставался въ предѣлахъ плодоносной равнины между притоками Лулуа — Каланги и Луизой; недавно (1896/97) она была на лѣвомъ берегу Луэлэ. Родовыя усыпальницы правящаго дома находятся въ Нсаи (Энсаи) при Калланджи.

Если въ общемъ царству Лунда приходится мало бороться съ внѣшними врагами, то взамѣнъ того ему угрожаетъ опасность, медленно развивающаяся въ немъ самомъ, которая должна привести къ коренному измѣненію отношеній, если европейское вмѣшательство не воспрепятствуетъ дальнѣйшему ходу развитія. Въ царствѣ Лунда на юго-западѣ живетъ племя кіоко, которое съ древнихъ временъ жило въ лѣсистой мѣстности и приспособилось къ ней; оно образуетъ поэтому противуположность народу калунда, живущему въ саваннахъ. Кіоко устраиваютъ свои поселенія преимущественно въ лѣсу; они прекрасные охотники, добываютъ каучукъ и занимаются пчеловодствомъ, но знакомы также съ земледѣліемъ и имѣютъ ясно выраженную страсть къ торговлѣ; послѣдняя и побуждаетъ ихъ главнымъ образомъ къ постоянному передвиженію на сѣверъ. Настоящая родина кіоко обязана платить дань Муатѣ Ямво и раздѣлена на многочисленные отдѣльные участки, но уже давно подвижный народъ вышелъ изъ предѣловъ своей первоначальной родины и двумя теченіями, съ одной стороны по Куиллу и Лоанге, съ другой по Луачиму двинулся впередъ на сѣверъ, повсюду опережая, благодаря своей ловкости, лѣнивыхъ калунда. Около 1860 г. они еще не переходили 10-го градуса южной широты, а въ 1880 г. Максъ Бухнеръ нашелъ ихъ уже за 7-ымъ градусомъ широты. Калунда подозрительно смотрѣли на нихъ, хвастались, что уничтожатъ войной нежелательныхъ пришельцевъ; но кіоко стали для нихъ уже необходимы, какъ торговцы, усердные земледѣльцы и кузнецы. Впрочемъ на границахъ племенъ произошло такое смѣшеніе обычаевъ и нравовъ, что рѣзкихъ переходовъ между этими двумя народами нельзя уже найти. Еслибъ дѣло дошло до войны между кіоко и калунда, то первые, вѣроятно заняли бы господствующее положеніе, отстранивъ народъ Лунды на второй планъ; по крайней мѣрѣ на западѣ надломленнаго царства Лунда выросло бы новое самостоятельное государство.

в) Царства Казембе, Мзири и Казонго.

Кромѣ страны Кіоко, Муата Ямво обладаетъ еще рядомъ областей, которыя частью находятся только въ слабой, иногда даже совершенно прерываемой связи съ Лундой. Самая значительная изъ нихъ царство Казембе, главный городъ котораго находится между озерами Моеру и Бангвеоло и мѣняетъ свое мѣсто также часто, какъ и столица царства Лунда. И во всемъ остальномъ эта страна есть копія съ царства Лунда, только здѣсь ничего неизвѣстно о Лукокешѣ. Постоянной связи между Казембе, сила котораго въ новѣйшее время очень уменьшилась, и Муатой Ямво не существуетъ, какъ и вообще отношенія между обоими этими государствами поддерживаются не столько страхомъ передъ военнымъ могуществомъ Лунда, сколько какими то другими, можетъ быть суевѣрными причинами. По крайней мѣрѣ, когда Казембе въ 1875 г. вновь послало дань въ Лунду (мѣдь, рабовъ и соль), то повидимому сдѣлало это по совѣту своихъ придворныхъ кудесниковъ, которые видѣли причину нѣкоторыхъ несчастныхъ событій въ пренебреженіи этой древней присягой въ вѣрности; у многихъ своихъ сосѣдей Муата Ямво слыветъ человѣкомъ непобѣдимымъ и обладающимъ волшебными силами.

Могущество Казембе еще уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ переселившійся изъ Уньямвези на западъ въ область, лежащую между Луапулой съ востока и Луалабой съ запада, по обоимъ берегамъ Луфиры,

Мзири, сдѣлался здѣсь въ Катангѣ (собственно Гареганджа; главный городъ Мукурру, Бункеа или Кимпату) самымъ могущественнымъ въ этой области государемъ. Когда Пауль Рейхардъ въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія посѣтилъ Мзири, тотъ имѣлъ 2000—3000 воиновъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и можетъ быть втрое большее число стрѣлковъ изъ лука, но онъ всетаки платилъ дань Муатѣ Ямво; Верней Ловеттъ Камеронъ, который былъ у него годами десятью ранѣе, называетъ его, напротивъ, вассаломъ Казонго (см. ниже), который конечно мало думалъ о своемъ верховномъ властителѣ. Торговые караваны Мзири доходили до Бенгуэллы, тогда какъ съ другой стороны онъ поддерживалъ также сношенія съ восточнымъ берегомъ. Въ декабрѣ 1891 г. онъ былъ застрѣленъ бельгійскимъ капитаномъ Бодзономъ во время переговоровъ.

Царство Казонго въ Уруа простираетъ свое вліяніе до сѣвернаго берега Танганьики, но не платитъ дани Муатѣ Ямво. И здѣсь также правитель заявляетъ претензіи на суевѣрный почетъ и пользуется имъ. Основатель царства, Кунгве à Банза считается могущественнымъ божествомъ, и всегда получаетъ себѣ въ жены сестру царствующаго вождя. Впрочемъ, по своему виду Казонго родственны съ Муатой Ямво (см. стр. 457). Всетаки въ 90-хъ годахъ XIX вѣка и здѣсь сталъ замѣтенъ упадокъ нѣкогда цвѣтущихъ негрскихъ государствъ внутренней Африки, выражающійся въ далеко идущей раздробленности; причину этого упадка надо видѣть въ бельгійскомъ вліяніи, оказывающемъ на далекое пространство свое дѣйствіе.

Б. **Бассейнъ Конго.**

Если мы обратимся къ сѣверу отъ царства Муаты Ямво къ обширному бассейну Конго, то очутимся въ самой таинственной нетронутой части внутренней Африки, въ области, о населеніи которой не было извѣстно еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ рѣшительно ничего. Здѣсь, въ бассейнѣ Конго нѣтъ крѣпкихъ политическихъ образованій, во главѣ которыхъ стояли бы семьи, сохраняющія какія либо преданія. Такъ же, какъ волнующееся море лѣсовъ Конго, необозрима для насъ и исторія племенъ, населяющихъ ихъ. Здѣсь находится настоящее „сердце Африки“ и ея черной расы, Отдѣленная отъ моря шумящими водопадами въ нижнемъ теченіи, рѣка Конго съ своими многоводными притоками образуетъ особый міръ, родину и неприступную въ продолженіи тысячелѣтій крѣпость чернокожей расы, единственную область, въ которой ей было возможно свободно и самостоятельно развиться.

Дѣйствительно бассейнъ Конго не есть только географическое понятіе; и въ этнографическомъ отношеніи онъ представляетъ собой нѣкоторое замкнутое цѣлое, хотя и нигдѣ не отдѣляется отъ внѣшняго міра рѣзкими границами. Онъ всецѣло принадлежитъ области языковъ банту и имѣетъ чисто негрское населеніе, если не считать боязливыхъ карликовъ, живущихъ въ самыхъ густыхъ лѣсныхъ чащахъ. Нѣкоторые искусства и предметы культуры распространены въ бассейнѣ Конго если не исключительно, то преимущественно. Въ бассейнѣ Конго вмѣсто крупныхъ, ульеобразныхъ и иныхъ производныхъ изъ этой формы хижинъ большей части племенъ банту, повсюду распространена прямоугольная форма съ острой крышей. Стэнли нашелъ у маньема, перваго чисто конгскаго народа на востокѣ, границу этой характерной формы построекъ, которая часто обусловливаетъ и особое расположеніе селеній; хижины не слѣдуютъ одна за другой по кругу, не разбросаны въ безпорядкѣ, а образуютъ длинныя прямыя улицы. Но этотъ способъ построекъ распространенъ не въ одномъ только бассейнѣ Конго, а и на негрскомъ западномъ побережьѣ, которое, несмотря на то, что нарѣчія банту господствуютъ

здѣсь только на югѣ, всетаки образуетъ нѣчто объединенное во многихъ отношеніяхъ и простираетъ свое вліяніе вверхъ по теченію Конго глубоко внутрь страны. Это замѣчательное явленіе безъ сомнѣнія указываетъ на древнія историческія событія. Или прямоугольная форма жилищъ проникла съ западнаго берега до верхняго Конго, или наоборотъ, что болѣе соотвѣтствовало бы замѣчательному стремленію жителей внутренней страны къ морю.

Многія издѣлія желѣзнаго производства замѣчательно сходны въ обѣихъ областяхъ. Въ бассейнѣ Конго господствуетъ довольно общій своеобразный стиль: ножи, острія копій и т. д. стиснутые, широкіе и строго симетричные; очень многіе ножи на западномъ берегу сдѣланы въ томъ же стилѣ.

Замкнутая культура страны Конго яснѣе всего выражается въ распространеніи тканей изъ волоконъ пальмъ и травяныхъ растеній, которыя совершенно неизвѣстны во многихъ другихъ областяхъ Африки. Однако остальная часть западнаго берега въ данномъ случаѣ чужда этого пріобрѣтенія культуры. Производство это снова встрѣчается какъ бы оазами въ восточной Африкѣ, а въ малайскомъ Мадагаскарѣ оно распространено повсюду; быть можетъ мы здѣсь имѣемъ дѣло со слѣдами распространившейся съ востока на западъ культуры, глубокіе корни которой слѣдовало бы искать на Индійскихъ островахъ.

Болѣе неожиданнымъ является тотъ фактъ, что во внутреннемъ басейнѣ Конго распространено людоѣдство, въ самыхъ отвратительныхъ формахъ, въ видѣ какъ внутренняго, такъ и внѣшняго людоѣдства: нѣкоторыя племена поѣдаютъ мертвецовъ своего собственнаго племени, другіе же убитыхъ враговъ; иногда встрѣчаются и оба эти отвратительныя явленія вмѣстѣ. Широкое распространеніе этого омерзительнаго явленія ясно доказываетъ обособленность страны, до которой не долетали повидимому отголоски того духовнаго движенія, которое указывало остальному человѣчеству на болѣе возвышенные идеалы и ставило передъ нимъ безкорыстныя цѣли. Наряду съ людоѣдствомъ въ бассейнѣ Конго существуетъ и второй обычай, который опять тѣснѣе связываетъ его съ западнымъ берегомъ Африки: культъ череповъ. Кругъ представленій у всѣхъ жителей Африки конечно далеко не такъ широко развитъ, какъ у жителей Индійскихъ островов, гдѣ охота за черепами принадлежитъ къ „узаконеннымъ обязанностямъ" многочисленныхъ островныхъ племенъ и производится съ настоящимъ фанатизмомъ. Пожалуй и въ странѣ Конго находятся многочисленные слѣды этого обычая; а по западному берегу мѣстами онъ чрезвычайно развитъ и напоминаетъ о малайскихъ примѣрахъ.

Хотя такимъ образомъ многія отдѣльныя черты и свидѣтельствуютъ о томъ, что бассейнъ Конго представляетъ собой самую нетронутую замкнутую часть Африки, въ извѣстномъ смыслѣ, даже особый отдѣльный міръ, но эта нетронутость однако только относительная. Конечно восточная Африка, которая на европейскій взглядъ можетъ быть названа мирной страной, съ африканской точки зрѣнія является, по сравненію съ бассейномъ Конго, областью самыхъ дикихъ движеній, пропитанной и неоднократно преобразовывавшейся чужими культурными вліяніями. Но переселенія африканскихъ племенъ не останавливались передъ лѣсами Конго и дѣйствіе культуры не всецѣло угасло тамъ.

Прекраснымъ доказательствомъ того, что черезъ всю Африку прошло вліяніе чужой культуры, служитъ распространенность введенныхъ европейцами американскихъ растеній (кукуруза, маніокъ, табакъ) и индійской конопли, изъ которой добывается гашишъ, наркотикъ, хорошо извѣстный въ самой глубинѣ бассейна Конго. Совершенно также въ болѣе древнія времена могло распространиться по всему материку искусство плавки и ковки желѣза; и нѣкоторыя домашнія животныя могли найти себѣ вто-

рую родину у племенъ внутреннихъ странъ Африки. Европейскія стеклянныя бусы, встрѣчающіяся у нѣкоторыхъ племенъ Конго, которыя уже не могутъ болѣе сообщить никакихъ свѣдѣній о происхожденіи этихъ сокровищъ, показываютъ, какъ далеко была распространена торговля еще въ прежнія столѣтія.

Иногда нѣкоторыя культурныя вліянія попадаютъ на плодотворную почву и самостоятельно развиваются далѣе, не теряя всетаки совершенно слѣдовъ своего происхожденія. Есть особая прелесть въ прослѣживаніи именно такихъ мелочей, которыя въ глазахъ этнолога имѣютъ неоцѣнимое значеніе: иногда добытыя посредствомъ ихъ свѣдѣнія, какъ молнія освѣщаютъ темную до тѣхъ поръ нить развитія. Въ этомъ смыслѣ можно указать на странныя сабли страны Конго, лезвіе которыхъ находится на вогнутой сторонѣ, и которыя отдаютъ свою дань стилю ковки желѣза, господствующему въ бассейнѣ Конго, тѣмъ, что оканчиваются широкимъ листомъ. Если поближе всмотрѣться въ эти произведенія, то они покажутся намъ чрезвычайно знакомыми: это собственно говоря тѣ же кривыя сабли, которыя мы встрѣчали въ Аравіи, Индіи и Абиссиніи, съ той только разницей, что, когда онѣ были перенесены въ арсеналъ племенъ Конго, форма ихъ была измѣнена и искажена. Еще теперь онѣ обнаруживаютъ передъ нами, какія вліянія занесли ихъ въ глубь страны: онѣ свидѣтельствуютъ о томъ культурномъ потокѣ, который когда то текъ съ сѣверо-восточнаго берега во внутреннія страны.

На ряду съ этимъ, въ распространеніи метательнаго желѣзнаго оружія, отражается другая сторона древне-африканской исторіи. Это замѣчательное острое оружіе распространено въ среднемъ Суданѣ въ довольно несложной, но характерной формѣ среди языческихъ племенъ и было по всѣмъ вѣроятіямъ прежде въ употребленіи во всей этой области. Такъ въ Борну еще теперь преобладаютъ войска, вооруженныя метательными ножами; султанъ въ Дарфурѣ имѣетъ множество метательнаго оружія, тогда какъ народъ уже болѣе не употребляетъ его, а народъ теда въ Сахарѣ и до сихъ поръ предпочитаетъ сражаться этимъ оружіемъ. Это произведеніе чисто суданской до-мусульманской культуры распространилось далѣе на югъ, измѣняя при этомъ свою форму самымъ разнообразнымъ и причудливымъ образомъ; по этимъ даннымъ мы можемъ опредѣлять слѣды прежнихъ и новѣйшихъ переселеній, на которыя указываютъ отчасти и другія свидѣтельства; все это даетъ намъ возможность заключить, что южныя области средняго Судана были исходной точкой сильныхъ народныхъ движеній. По направленію къ западу метательные ножи были перенесены народомъ фанъ до берега Габуна, къ востоку черезъ ньямъ-ньямъ они проникли почти до долины верхняго Нила, и одинъ единственный случай на верхнемъ Голубомъ Нилѣ заставляетъ предполагать еще болѣе обширныя древнія передвиженія; наконецъ на югѣ, внизъ по Убанги они дошли до Конго и распространились далѣе по берегу этой гигантской рѣки. Такимъ образомъ мы нашли слѣды переселенія въ бассейнъ Конго съ сѣвера. У племени батеке на Стэнли Пуль мы напротивъ находимъ преданіе, что прежнія мѣста его находились на сѣверо-западѣ въ горной странѣ Огове; вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими данными это указываетъ на то, что напоръ стремящихся впередъ суданскихъ негровъ повлекъ за собой наплывъ народа въ бассейнъ Конго и изъ Адамауа.

а) Башиланге.

Наряду съ наплывомъ съ сѣвера происходило и съ юго-востока замѣчательное движеніе, про которое существуетъ достовѣрное преданіе, по крайней мѣрѣ у башиланге. Этотъ народъ живетъ по нижнему Лулуа между среднимъ Кассаи и Санкуру, т. е. на границахъ царства Лунда (см.

стр. 451). Въ дѣйствительности это смѣшанный народъ, который образовался изъ древняго мирнаго и осѣдлаго племени и изъ пришедшихъ съ юго-востока воинственныхъ балуба; находится ли и это движенiе въ связи съ великимъ африканскимъ переселенiемъ народовъ XVI и XVII вѣка — остается неизвѣстнымъ за недостаткомъ точныхъ данныхъ. Очень вѣроятна нѣкоторая связь между калунда и балуба: одинъ изъ вождей переселяющихся балуба, Капуку-Мулуба (два другихъ позывались Катана и Каньока), по сказанiямъ, былъ сыномъ того живущаго на востокѣ вождя Казонго. отъ котораго произошелъ родъ Муата Ямво (стр. 454), но существованiе тамъ характернаго каффрскаго щита и нѣкоторые другiя особенности наводятъ на мысль, что балуба, а вмѣстѣ и бабунда смѣшались съ каффрами или же подверглись ихъ влiянiю. Древнее населенiе страны, по мнѣнiю Виссмана, было родственно народамъ-карликамъ, вѣрнѣе, до нѣкоторой степени смѣшалось съ ними. Къ востоку отъ области башиланге вплоть до Танганьики живетъ чистое, безъ всякой примѣси племя балуба, которое во многомъ отличается отъ башиланге.

Въ духовномъ отношенiи башиланге стоятъ выше общаго уровня негрскихъ народовъ; они болѣе любознательны, менѣе склонны къ слѣпому суевѣрiю и съ готовностью подражаютъ всему, заслуживающему вниманiя. Такимъ образомъ могло случиться, что у этого племени, живущаго въ самой внутренней Африкѣ, могла развиться новая религiя, которая выросла на удивительномъ основанiи и замѣчательнымъ образомъ преобразовала народъ. Съ одной стороны быть-можетъ сильную роль здѣсь играютъ чисто этнографическiя причины, состоящiя въ томъ, что образъ мыслей мирныхъ коренныхъ обитателей одержалъ верхъ надъ характеромъ вторгнувшихся балуба. Съ другой стороны новая религiя оказывается совсѣмъ необъяснимой, если не предположить, что отдѣльныя сѣмена христiанскаго ученiя и, въ меньшей степени, ислама, проникли внутрь страны съ берега и упали у башиланге на воспрiимчивую почву; вѣдь достигли же до башиланге мѣдные кресты, которые являются здѣсь очень цѣнными амулетами.

Такъ какъ центръ новой религiи заключается въ культѣ гашиша, то можно было бы отнести ея возникновенiе къ тому времени, когда обычай курить гашишъ дошелъ съ восточнаго берега до бассейна Конго. Мысль найти нѣчто святое и достойное почитанiя въ наркотическомъ или другомъ одурманивающемъ средствѣ и основать на этомъ цѣлый культъ не составляетъ исключительной особенности башиланге: мы видимъ то же явленiе въ жертвахъ Сома у индiйскихъ арiйцевъ, въ высокомъ почитанiи табака у многихъ индѣйскихъ племенъ. Сначала, повидимому, образовались небольшiя группы и общины курителей гашиша, послѣдователи которыхъ образовали тѣсный дружественный союзъ и съ страстнымъ рвенiемъ привлекали къ себѣ новыхъ членовъ до тѣхъ поръ, пока не заняли первенствующаго мѣста въ странѣ. Такимъ образомъ внутри племени сложились болѣе мирныя отношенiя. Курильщики гашиша издали законы, которые своей кротостью кажутся вовсе не африканскими; они не ограничивали свое дружеское отношенiе одними членами своего союза, но относились дружелюбно и къ чужестранцамъ, не всегда себѣ на пользу. Хитрые, предпрiимчивые кiоко (см. стр. 453) пользовались неопытностью башиланге, чтобъ эксплуатировать ихъ на всѣ лады: они продавали въ рабство цѣлые торговые караваны, довѣрчиво приходившiе отъ башиланге въ область кiоко. А сами кiоко доставляли башиланге порохъ и оружiе и этимъ помогали отдѣльнымъ вождямъ, пользуясь этимъ оружiемъ, расширять свою власть. Когда первые европейцы Погге и Виссманъ достигли (1881 г.) страны курителей гашиша, тамъ занимали первое мѣсто два вождя-соперника: Каламба (Мукенге) и Чингенге; сестра Каламбы Мета занимала положенiе, подобное положенiю Лукокеши въ царствѣ Лунда.

Въ недавнее время хищническiе походы арабовъ и союзныхъ

съ ними туземцевъ, главнымъ образомъ обезславленнаго вождя Зефу-бинъ-Мохаммедъ (Цаппу-Цаппъ, сына Хаммеда-бенъ-Мохаммедъ или Тиббу-Тиббъ), произвели страшное опустошеніе въ восточной части бассейна Конго, истребили все населеніе цѣлыхъ полосъ страны и уничтожили мѣстную культуру. Но и прежде тамъ уже бывали движенія народовъ. Жители южнаго Урегга еще сохраняли точное преданіе, гласившее, что около конца XVIII-го столѣтія они переселились въ теперешнія свои мѣста съ сѣвера. Къ новой хищнической системѣ въ войнахъ арабовъ съумѣло примѣниться племя маньема; оно не только поставляло арабамъ лучшіе вспомогательные полки, но и самостоятельно занималось ловлей рабовъ (ср. ниже, стр. 474). За то другія племена, какъ бассонге на востокѣ страны Башиланге, были разсѣяны и частью уничтожены; и цѣной культуры и самобытности цѣлыхъ полосъ далекихъ странъ образовались тѣ поселенія арабовъ, которыя на первый взглядъ представляются первыми сѣменами новой, болѣе высокой формы существованія. Но вслѣдствіе вмѣшательства европейцевъ произошла другая, можно надѣяться, болѣе благотворная, перемѣна обстоятельствъ.

б) Самыя внутреннія племена на Конго.

Въ самой внутренней части бассейна Конго народы тѣснятся къ рѣкѣ, которая обладаетъ такой же притягательной силой, какъ и океанъ; она изобилуетъ рыбой, является удобнымъ средствомъ для сношеній между селеніями и представляетъ, при нападеніи непріятеля, вѣрное убѣжище въ недоступныхъ чащахъ, покрывающихъ ея берега, на островахъ и на противулежащемъ берегу. То же самое, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ относится и къ судоходнымъ притокамъ Конго, которые иногда заставляли останавливаться на своемъ берегу хищническіе походы, и въ такомъ случаѣ одинъ берегъ оказывается густо заселеннымъ, а другой пустыннымъ и безлюднымъ. Стремленіе къ рѣкѣ, толчки извнѣ, вслѣдствіе крупныхъ передвиженій народовъ не даютъ установиться покою даже и въ самой внутренней части Африки. Но въ этихъ переселеніяхъ не замѣтно какого нибудь выдающагося теченія, здѣсь невозможны такія исполинскія быстро-возникающія государственныя образованія, какъ въ другихъ областяхъ Африки. Безконечные лѣса, многочисленныя широкія рѣки, дѣлаютъ невозможнымъ всякое бурное движеніе и даже на самой рѣкѣ не могли развиться постоянныя сношенія, этотъ первый шагъ къ мирному образованію государствъ. Стэнли удалось при помощи европейскаго оружія пробиться сквозь воинственныя племена людоѣдовъ — соблазнительный водяной путь былъ закрытъ для туземцевъ за границами ихъ племенныхъ областей.

Конечно, все это совершенно измѣнилось со времени появленія европейцевъ; въ особенности мелкіе рыбацкіе народы, жившіе по берегамъ и на островахъ рѣкъ, разсширили область своихъ плаваній и частью превратились въ предпріимчивыхъ торговцевъ, которые образовали колоніи въ областяхъ другихъ племенъ. Попытки къ этому были сдѣланы еще раньше на нижнемъ теченіи рѣки. Особенно байанзи превратились въ типичный торговый народъ: ихъ языкъ сталъ торговымъ въ области, лежащей выше водопадовъ. Уже рано замѣтное вліяніе ввоза европейскихъ товаровъ въ нижней части средняго Конго привело также и къ тому, что береговая страна сдѣлалась здѣсь своего рода центромъ тяжести племенъ, склонныхъ къ переселеніямъ. Племена, жившія вблизи нижнихъ водопадовъ, повидимому, не были чужды стремленію къ морю. Короли Лоанго вели постоянную войну съ племенемъ анцигъ (см. выше стр. 447), имя которыхъ конечно только случайно похоже на байанси; они называются собственно говоря бабанги и получили свое тепе-

решнее названіе, которое значитъ „блохи“, вслѣдствіе обладанія этими паразитами.

в) Народы-карлики.

Въ лѣсныхъ областяхъ и именно какъ разъ у негрскихъ племенъ, которыя съ давнихъ временъ уже живутъ тамъ же, гдѣ и теперь, произошелъ крупный этнологическій переворотъ. Эти негры необходимо должны были прійти въ соприкосновеніе съ народами-карликами; и между тѣми и другими необходимо должны были установиться можетъ быть послѣ долгой борьбы, какія нибудь такія своеобразныя отношенія, въ которыхъ обѣ стороны нашли бы свою выгоду. Эта общность жизни должна была со временемъ повлечь за собой болѣе или менѣе широко распространившіяся смѣшенія, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ привести къ образованію настоящихъ смѣшанныхъ племенъ. О башиланге, у которыхъ замѣтна сильная примѣсь крови пигмеевъ, уже было упомянуто (стр. 456). Самые же многочисленные изъ этихъ смѣшанныхъ народовъ живутъ въ лѣсной области верхняго Арувими, т. е. вблизи отъ малыхъ озеръ истоковъ Нила, гдѣ, по мнѣнію древнихъ, находилось мѣсто борьбы пигмеевъ и журавлей.

г) Отъ Конго до Нила.

Въ сѣверной части внутренняго бассейна Конго тянутся тѣ страны, которыя долѣе всего оставались закрытыми для изслѣдованій европейцевъ и которыя представляютъ собой широкія переходныя полосы, связывающія Суданъ съ областями негровъ банту; онѣ обнимаютъ южную Адамауа, верхнее теченіе Шари и Убанги и земли около долины Нила, которая, особенностями своего населенія, рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ обитателей восточныхъ степей, и прежде всего отъ народа галла. Это въ двоякомъ смыслѣ переходный поясъ. Здѣсь происходитъ, какъ и въ самомъ Суданѣ, смѣшеніе свѣтлокожихъ, приходящихъ съ сѣвера народовъ, съ настоящими неграми. Но въ то время, какъ въ Суданѣ преобладаютъ въ физическомъ или во всякомъ случаѣ въ политическомъ отношеніи сѣверные хамиты, и сообщаютъ свою окраску всей области, на южныхъ пограничныхъ полосахъ господствуютъ негры до такой степени, что хамитская кровь проявляется лишь въ присутствіи у этихъ племенъ болѣе высокаго интеллектуальнаго развитія и воинственной рѣшительности. Но въ то же время этотъ поясъ способствуетъ также дальнѣйшему распространенію движеній народовъ съ сѣвера въ таинственныя внутреннія страны материка. По большей части это происходитъ не тѣмъ путемъ, что его прорѣзываетъ потокъ народовъ завоевателей, а скорѣе подобно тому, какъ толчокъ распространяется въ эластической массѣ и переноситъ свою силу и движеніе все на новыя частички матеріи. Вслѣдствіе посреднической роли этой смѣшанной страны, одна часть ея населенія находится въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Суданскими царствами, хотя по большей части терпитъ отъ нихъ только непріятности; другая часть, напротивъ того, требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія уже здѣсь.

а) Ньямъ-ньямъ.

На первомъ мѣстѣ здѣсь надо назвать ньямъ-ньямъ или иначе макарака (макрака), какъ часто называютъ ихъ всѣхъ, перенося на все племя имя одного изъ мелкихъ племенъ, живущаго далѣе всего на востокъ; сами они называютъ себя занде (а-сандехъ). Ихъ область распо-

ложена по сѣвернымъ притокамъ верхней Убанги. Но она не является страной съ объединеннымъ населеніемъ, а полна остатками наполовину или вполнѣ покоренныхъ народовъ; когда европейцы впервые посѣтили ньямъ-ньямъ, они застали ихъ несомнѣнно переселяющимися на востокъ. Весьма возможно, что они произошли отъ одного племени съ фанъ западнаго берега и переселились въ теперешнюю свою страну изъ области, въ которой первоначально жили вмѣстѣ съ ними; много говоритъ также и за то, что область, въ которой они жили прежде, находится недалеко отъ той, въ которой они живутъ теперь. Родина обоихъ господствующихъ домовъ, которымъ принадлежала большая часть князей Зандехъ находилась на нижнемъ Мбому (около 5⁰ сѣв. широты и 25⁰ восточной долготы отъ Гринвича). И сильное воздѣйствіе, которое они оказывали па многочисленныя племена долины верхняго Убанги до озера Альберта и даже до Конго, заставляетъ предполагать болѣе продолжительное соприкосновеніе; между прочимъ характерные не похожіе на ножи фанъ, метательные ножи ньямъ-ньямъ которые встрѣчаются у жителей Конго близъ устья Арувими.

По своему дикому людоѣдству ньямъ-ньямъ тѣсно примыкаютъ къ жителямъ внутренняго бассейна Конго и сильно отличаются отъ племенъ верхняго Нила, въ глазахъ которыхъ они были предметомъ ужаса и отвращенія именно вслѣдствіе этого „людоѣдства“; названіе „ньямъ-ньямъ“, данное имъ народомъ денка, значитъ „пожиратели“. Смѣна поколѣній ихъ властвующаго дома и вызванное неограниченнымъ наслѣдованіемъ раздробленіе на мелкія деревни-государства объяснены на III таблицѣ племенъ въ концѣ отдѣла „Африка“.

β) Мангбатту.

Во многихъ отношеніяхъ сходнымъ съ ньямъ-ньямъ, только гораздо болѣе культурнымъ является народъ мангбатту (монбутту, момбутту), живущій или вѣрнѣе жившій въ области истоковъ Убанги, племя, загадочное во многихъ отношеніяхъ. Многое въ ихъ культурѣ напоминаетъ государства Вахума въ области большихъ озеръ, въ особенности употребленіе на одежду прессованной древесной коры (см. стр. 426), обыкновенное среди нихъ людоѣдство сближаетъ ихъ съ народами Конго, но слѣды хамитской крови несомнѣнны. Замѣчательно отсутствіе у мангбатту метательныхъ ножей, этого характернаго оружія промежуточнаго пояса; но тѣмъ не менѣе ихъ преданія указываютъ на переселенія не съ востока, а съ запада.

Когда въ 1871 г. Георгъ Швейнфуртъ (см. таблицу къ стр. 474), первый изъ европейцевъ посѣтилъ мангбатту, ими правили два верховныхъ вождя: Мунза (см. приложенную таблицу: „Король мангбатту Мунза танцуетъ передъ своими женами и воинами“) и Дегберра (см. IV таблицу племенъ въ концѣ). На сѣверѣ страна отдѣлялась отъ области ньямъ-ньямъ пустыней; на югѣ жили бѣдныя культурой чисто негрскія племена, которыя назывались у мангбатту момфу (momму, момву) и мамбоде, на юго-западѣ жилъ замѣчательный народъ карликовъ акка (тикки-тикки, ватва, батуа или вамбутти), который частью былъ подчиненъ Мунзѣ. По примѣру Судана, мангбатту предпринимали частые разбойничьи походы въ область своихъ южныхъ и юго-восточныхъ сосѣдей и продавали добытыхъ рабовъ нубійскимъ торговцамъ, которые тогда уже нашли дорогу къ сѣвернымъ притокамъ Конго; но наконецъ сами мангбатту превратились изъ охотниковъ въ преслѣдуемую добычу; владычество ихъ царей и самобытная культура народа, въ которой соединялись самыя разнообразныя вліянія, были разрушены, послѣ того какъ палъ Мунза, уже въ 1873 г.

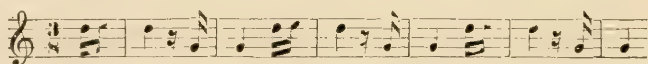
Исторія человѣчества. III. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Мунза, король Мангабутту, пляшетъ предъ своими женами и воинами (1870).

(Нарисовано Францемъ Этцольдъ по рисунку и описанію Георга Швейнфурта).

Объясненіе рисунка на оборотѣ.

Во время своего путешествія по центральной экваторіальной Африкѣ въ 1868—71 годахъ, Георгъ Швейнфуртъ прибылъ 21 марта 1870 въ столицу короля Мангабутту, Мунзы, тогда почти сорокалѣтняго, довольно высокаго, худощаваго, но сильнаго мужчины, крѣпкаго и стройнаго. Путешественникъ находитъ черты лица Мунзы не безобразными, но непривлекательными — „нероновскими"; на подбородкѣ росла довольно густая борода, тогда какъ на щекахъ была очень небольшая растительность. Отъ чисто кавказскаго носа и почти прямочелюстнаго профиля рѣзко отличались особенно сильно вздутыя толстыя губы негра. Дикій огонь звѣрской чувственности свѣтился въ его глазахъ, а вокругъ никогда не улыбавшагося рта сложилась складка, обличающая жадность и склонность къ жестокости и насилію.

Изображенная на оборотѣ сцена происходила въ большомъ (40 шаговъ длины, 40 вышины, 50 ширины) деревянномъ сараѣ. Въ серединѣ было оставлено большое пустое пространство; 80 женъ короля сидѣли въ одинъ рядъ квадратомъ на своихъ маленькихъ скамейкахъ и били въ ладоши. За женами, которыя ради празднества были раскрашены самымъ причудливымъ образомъ, стояли воины въ полномъ вооруженіи. Лѣсъ копій торчалъ къ потолку. Были собраны всѣ музыкальныя силы, которыми располагалъ король: котлообразныя и деревянныя литавры, рога и дудки, гремушки и колокола. На головѣ короля былъ огромный уборъ изъ длинныхъ волосъ павіана, изъ вершины этой шапки висѣли длинные пучки перьевъ: руки были увѣшаны хвостами енотовъ, а на суставахъ рукъ Мунза прикрѣпилъ себѣ большіе пучки свиныхъ хвостовъ. Передникъ, состоявшій изъ густого ряда хвостовъ отъ разныхъ звѣрей, опоясывалъ его бедра; голыя ноги были увѣшаны бренчащими кольцами. Въ такомъ нарядѣ, среди такой обстановки прыгалъ Мунза въ дикой пляскѣ, размахивая руками во всѣ стороны подъ тактъ музыки. Ноги его то метались взадъ и впередъ по полу горизонтально, то высоко подбрасывались на воздухъ. При этомъ непрерывно гудѣла музыка дико и неутомимо-однообразно:

Съ поднятыми вверхъ руками женщины сопровождали эти звуки, отбивая тактъ ударами своихъ ладоней одной объ другую. Каждые полъ-часа Мунза останавливался на короткое время, а затѣмъ снова неутомимо принимался за танецъ; пока наконецъ дождь, бурно ворвавшійся въ помѣщеніе, не остудилъ его рвенія.

(По Георгу Швейнфурту, Im Herzen von Africa, 2-я часть; Leipzig, 1874.)

γ) Бонго и ихъ сосѣди.

Переходъ къ племенамъ долины Нила образуетъ группа народовъ, которые заселяютъ страну, лежащую выше, по южнымъ притокамъ рѣки Газелей, и по относительно свѣтлому цвѣту своей кожи и нѣкоторымъ нравамъ и обычаямъ стоятъ близко къ ньямъ-ньямъ, а въ другихъ отношеніяхъ къ неграмъ Нила. Самое значительное изъ этихъ племенъ образуютъ бонго (дôръ); съ юго-востока къ нимъ примыкаютъ митту-мору, абукайа, абака и др. Конечно не можетъ быть и рѣчи о точной исторіи этихъ племенъ; печальная участь, постигшая ихъ въ послѣднее время, — та же, что и жителей восточнаго Судана, и вызвана также какъ у ньямъ-ньямъ, мангбатту и племенъ долины Нила, роковыми нападеніями мусульманскихъ торговцевъ невольниками и египетскимъ управленіемъ. Изъ разнообразныхъ слѣдовъ выясняется относительно прошлаго лишь тотъ фактъ, что и въ западныхъ гористыхъ странахъ Нильской области происходили самыя разнообразныя передвиженія народовъ.

B. **Область верхняго Нила и его западныхъ притоковъ.**

Подобно острову, окруженному бушующими волнами или подобно долинѣ, надъ которой проносятся бури, не принося вреда, лежитъ передъ нами страна по верхнему теченію Бѣлаго Нила и по Баръ ель Гхазаль (Газаль). Здѣсь, на болотистыхъ берегахъ этой гигантской рѣки, цѣлый рядъ чисто негрскихъ племенъ нашелъ себѣ убѣжище отъ напирающихъ со всѣхъ сторонъ волнъ народовъ, и безопасно жилъ въ этомъ убѣжищѣ цѣлыя тысячелѣтія.

То, что народы верхняго Нила съ древнихъ временъ живутъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и теперь, видно изъ многихъ обстоятельствъ. Упомянемъ мимоходомъ о замѣчаніи Эрнеста Марноса, который нашелъ на одномъ притокѣ Нила въ области Бари пластъ, заключающій въ себѣ остатки доисторической жизни. „По отвѣсному около трехъ метровъ вышиной берегу Хоръ Лурита“, пишетъ онъ, „находились на глубинѣ 2—2½ метровъ многочисленные обломки глиняныхъ горшковъ, кости, прѣсноводныя и земляныя раковины, угли и пр. Первые носятъ совершенно тотъ же характеръ, какъ и сдѣланные изъ глины, слегка обожженные горшки, которые и до сихъ поръ изготовляются этими негрскими племенами и могли бы позволить намъ заключить, что эти негры съ давнихъ временъ неизмѣнно стояли все на той же ступени развитія, какъ и теперь“. Несмотря на то, что кажется не было произведено болѣе точныхъ изслѣдованій и значитъ еще не вполнѣ достовѣрно, что дѣйствительно въ болѣе отдаленныя времена область заселяли все тѣ же племена, всетаки этотъ случай, приведенный въ связь съ другими фактами, пріобрѣтаетъ большую важность.

Между этими фактами на первомъ мѣстѣ надо поставить замѣчательное въ антропологическомъ отношеніи приспособленіе къ обитаемой мѣстности, которое особенно присуще неграмъ сѣверной долины Нила: они сдѣлались типичными обитателями болотъ. Георгъ Швейнфуртъ выражаетъ мнѣніе, что нигдѣ въ мірѣ законъ природы, вслѣдствіе котораго одинаковыя условія жизни вызываютъ сходство формъ животныхъ самыхъ различныхъ классовъ, не оправдывается такъ, какъ здѣсь. Въ областяхъ, естественное положеніе которыхъ ставитъ ихъ въ рѣзкую противоположность сосѣднимъ странамъ, люди и животныя имѣютъ нѣчто общее въ совокупности своихъ признаковъ и нѣкоторое соотвѣтствіе въ характерѣ. Въ противуположность обитателямъ каменистыхъ и утесистыхъ горныхъ странъ, окружающихъ долину Нила, шиллукъ, нуэръ и денка живущіе по болотистымъ низменностямъ рѣкъ производятъ впечатлѣніе.

по замѣчанію Теодора фонъ Хейглинъ, людей-фламинго: это настоящіе болотные люди. Плоская ступня и удлиненная пятка характерны для строенія ихъ тѣла. Подобно болотнымъ птицамъ, они обыкновенно часами стоятъ неподвижно на одной ногѣ, которую они подпираютъ колѣнкой. У нихъ мѣрная походка, тощее вытянутое туловище, длинная и тонкая шея. Не напоминаетъ ли это сказочныхъ журавлей, съ которыми боролись пигмеи?

Не мало должно было пройти столѣтій, прежде чѣмъ могло произойти такое приспособленіе къ почвѣ; здѣсь передъ нами воплощеніе силы, дѣйствовавшей въ теченіе громаднаго протяженія времени. Экспедиція посланная императоромъ Нерономъ въ область верхняго Нила, разсказываетъ, какъ о достовѣрномъ фактѣ, о „всегда голыхъ людяхъ", живущихъ выше Мероэ, бытъ которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ быту теперешняго населенія; но мы можемъ догадываться, что мегабарри или адіабари (упоминаются также симбари и тонобари) тожественны съ народомъ бари, живущимъ и теперь въ области Нила; даже если бари переселились въ свою теперешнюю область лишь въ новѣйшія времена, то можно напомнить, что и среди денка встрѣчаются теперь племена съ похожими названіями (боръ и берри). Болѣе сомнительно, можно ли соединять адабули съ шиллукъ (шули) и соотвѣтствуютъ ли матитаръ, мади и ипсодораэ — народу доръ (бонто). И обычай натирать дѣло красноватой золой упоминается у Плинія старшаго, который сообщаетъ результаты экспедиціи, посланной Нерономъ.

Народы долины Нила, несмотря на свое изолированное положеніе, не остались совершенно чужды вліяніямъ извнѣ: на это указываютъ два крупныя культурныя пріобрѣтенія, которыя конечно не могли бы родиться независимо на этой почвѣ: это скотоводство и выдѣлка желѣза. Какъ разъ главныя племена долины Нила теперь страстные скотоводы; многія изготовляютъ выдающіяся произведенія кузнечнаго ремесла. Происходили здѣсь и переселенія и перемѣщенія отдѣльныхъ частей народа. Многія изъ прежнихъ именъ, вродѣ указанныхъ Геродотомъ „автомоловъ", которые должны были жить тамъ, гдѣ Нилъ течетъ съ запада на востокъ, уже болѣе не существуютъ; другіе народы еще въ позднѣйшее время находились въ движеніи и произвели значительныя измѣненія. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ переселеній могло привести переполненіе населенія въ долинѣ Нила; слѣды смѣшенія народовъ, которое возникло вслѣдствіе стремленія жителей Нила за предѣлы своей родины, мы находимъ въ хамито-нилотахъ восточной Африки.

а) Шиллукъ и родственные имъ народы.

Самое сѣверное племя негровъ на Бѣломъ Нилѣ служитъ доказательствомъ тому, что и въ этомъ мирномъ уголкѣ земного шара не существуетъ полнаго спокойствія. Шиллукъ, живущіе на лѣвомъ берегу Нила, отъ устья Собата приблизительно до 12° сѣверной широты, а прежде и еще далѣе на сѣверъ, типичные болотные люди, совершенно приспособившіеся къ почвѣ ихъ теперешней области, и поэтому безъ всякаго сомнѣнія давнишніе обитатели влажныхъ низменностей. По ихъ собственному преданію первоначальная ихъ родина находилась не на самомъ Нилѣ, а на нижнемъ Собатѣ, гдѣ и теперь можно найти остатки этого племени. Около 1700 г. подъ натискомъ племенъ галла они удалились изъ своихъ родныхъ болотъ и (можетъ быть нѣсколькими, слѣдующими одинъ за другимъ переселеніями) разошлись по разнымъ направленіямъ. Самая крупная масса заняла только что упомянутую область по лѣвому берегу Нила; другая группа, извѣстная теперь подъ названіемъ джуръ, проникла въ страну къ сѣверу отъ Бонго на югъ Баръ эль Гхазаль; еще далѣе къ югу были от-

тѣснены беланда (белланда), которые распространились между странами Бонго и Ньямъ Ньямъ. Наконецъ народы, родственные племени шиллукъ, живутъ въ настоящее время въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нилъ вытекаетъ изъ Альбертъ Ньянзы: это шули въ долинѣ Нила и на прилегающихъ съ востока высотахъ и луръ (а-луръ, лури), подвергнувшіеся вліянію ньямъ ньямъ и около ста лѣтъ живущіе на сѣверо-западномъ берегу озера Альберта.

б) Денка.

На второмъ мѣстѣ надо поставить живущій въ болотистой странѣ очевидно уже съ очень древнихъ временъ народъ денка съ его многочисленными племенами, которыя занимаютъ всю долину Нила отъ 6—12^0 градуса широты за исключеніемъ полосы, заселенной шиллукъ; они также живутъ по Баръ эль Гхазалю и его притокамъ до границы горной страны. Несмотря на многочисленность населенія, располагающую къ колонизаціи, у нихъ не сохранилось никакихъ преданій объ активныхъ переселеніяхъ, сохранились только извѣстія о потеряхъ, понесенныхъ въ столкновеніяхъ на сѣверѣ съ шиллукъ, на югѣ съ бари. Они составляютъ основное населеніе долины Нила; то, что въ древнія времена ихъ имя не упоминалось, происходитъ, вѣроятно, потому, что раздробленность на мелкія племена сдѣлала незамѣтнымъ ихъ національное единство. Еще недавно, на многія ихъ подраздѣленія, какъ то напр. нуэръ (нуэхръ), кичъ, эльябъ, боръ и др. смотрѣли, какъ на самостоятельныя племена, пока не выяснилось, что они принадлежатъ къ одной большой семьѣ Денка.

в) Бари и мади.

Къ югу отъ страны Денка, этнографическія отношенія становятся болѣе запутанными. Здѣсь Нилъ течетъ не по необозримой болотистой равнинѣ, его берега не представляютъ надежнаго убѣжища, какъ далѣе на сѣверѣ; здѣсь даетъ себя чувствовать горный характеръ страны; непосредственнымъ дѣйствіемъ этихъ особенностей является то, что племена дико перепутаны, перемѣшаны и носятъ на себѣ слѣды различныхъ вліяній. Замкнутую область удалось удержать за собой только народу бари, который заселяетъ долину Нила, и прилегающую къ ней горную страну приблизительно между 4—6^0 градусами сѣверной широты. По ихъ собственнымъ указаніямъ они поселились въ этой странѣ, которую имъ удалось захватить себѣ, когда они пришли съ юга, у денкскаго племени берри, лишь нѣсколько поколѣній тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ типъ ихъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ чисто нильскому типу денка и шиллукъ; но они сравнительно сходны съ ними и поэтому вѣроятно пришли изъ странъ, не очень отдаленныхъ.

Далѣе къ югу, до озера Альберта, рядомъ съ населеніемъ, родственнымъ съ шиллукъ, живутъ мади (см. стр. 461, родственные имъ митту-мору), племя, которое явно произошло отъ смѣшенія потомковъ обитателей области Нила со свѣтлокожими жителями крайней области (Бонго и др.). Самый фактъ этого смѣшенія заключаетъ въ себѣ все, что можно сказать про ихъ болѣе древнюю исторію.

Въ общемъ можно утверждать, что несмотря на то, что раса негровъ съ успѣхомъ удержалась въ долинѣ Нила, она въ прежнія времена должна была распространяться еще далѣе на сѣверъ, а также по восточной части долины Нила, откуда она была или вытѣснена, или поглощена только хамитами. Существованіе негрскихъ племенъ по среднему Голубому Нилу съ достаточной ясностью доказываетъ это.

6. Вліянія колоній.

Самобытному существованію Африки долгое время соотвѣтствовало развитіе европейскихъ и болѣе молодыхъ арабскихъ колоній: замкнуты и неизвѣстны были внутреннія страны, свободное достояніе черной расы, и только по краямъ у берега возникали города и факторіи, которыя хотя иногда и служили исходными точками торговыхъ и научныхъ предпріятій, но не имѣли большого политическаго значенія. Только въ самое послѣднее время это измѣнилось: именно послѣ изслѣдованія Стэнли, совершившаго огромное путешествіе внизъ по Конго, и послѣ образованія государства Конго; хотя перемѣна условій была нѣкоторымъ образомъ подготовлена и раньше. Сообразуясь съ этимъ, обширный матеріалъ исторіи колоній въ тропической Африкѣ можно раздѣлить на два главныхъ отдѣла: время до 1876 г. и время послѣ него.

A. **Исторія колоній въ тропической Африкѣ.**

a) Исторія колоній въ тропической Африкѣ до 1876 г.

α) Португальцы.

Португальцы, открывшіе путь вокругъ Африки, стоятъ на первомъ мѣстѣ. Хотя къ путешествіямъ вокругъ Африки ихъ побуждало главнымъ образомъ желаніе найти страну пресвитера Іоанна, они съ самаго начала уже не пренебрегали основываніемъ колоній и торговыхъ факторій, посредствомъ которыхъ они могли бы извлекать всю возможную пользу изъ африканскихъ областей. Пока португальцамъ еще не удалось обогнуть мысъ Боядоръ, т. е. до 1434 г. (см. томъ IV, стр. 541), у нихъ не могло возникнуть желанія дѣлать пріобрѣтенія на пустынныхъ берегахъ — окраинахъ Сахары, но когда они, при дальнѣйшемъ движеніи на югъ, открыли страну, которая должна была казаться имъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе привлекательной и много обѣщающей, они тотчасъ же начали эксплоатацію только что открытыхъ странъ. Гонзалесъ Бальдеза, который вторымъ проникъ за мысъ Боядоръ, вернулся на родину на кораблѣ, нагруженномъ тюленьими кожами; послѣ вторичной поѣздки въ 1442 г. онъ могъ поднести королю первыхъ невольниковъ и немного золотого песку. Папа Мартинъ V, которому подарили этихъ невольниковъ, въ благодарность за это осчастливилъ португальцевъ грамотой, которой предоставлялъ ихъ государству право пользоваться всѣмъ африканскимъ берегомъ между мысомъ Боядоръ и еще недостигнутой Индіей. Дѣйствительно, португальцы долгое время могли почти безпрепятственно расширять свои африканскія владѣнія и извлекать изъ нихъ выгоды. Вскорѣ послѣ этого стали образовываться торговыя общества, въ которыхъ, повидимому, самъ принцъ Генрихъ Мореплаватель первый принялъ участіе.

Но только съ 1461 г. португальцы почувствовали прочную опору подъ своими ногами; въ то время въ Аргуинской бухтѣ, которая все болѣе привлекала къ себѣ вниманіе первыхъ колонизаторовъ, какъ первая болѣе или менѣе надежная точка опоры на берегу, была построена крѣпость, которая послужила хорошей опорой для дальнѣйшаго движенія на югъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что и въ Сенегамбіи мало-по-малу возникли многочисленныя колоніи, хотя историческіе источники относительно этого пункта оказываются скудными; но достаточнымъ доказательствомъ возникновенія этихъ колоній являются слѣды глубоко проникшаго вліянія.

Поясненіе рисунковъ, находящихся на оборотѣ.

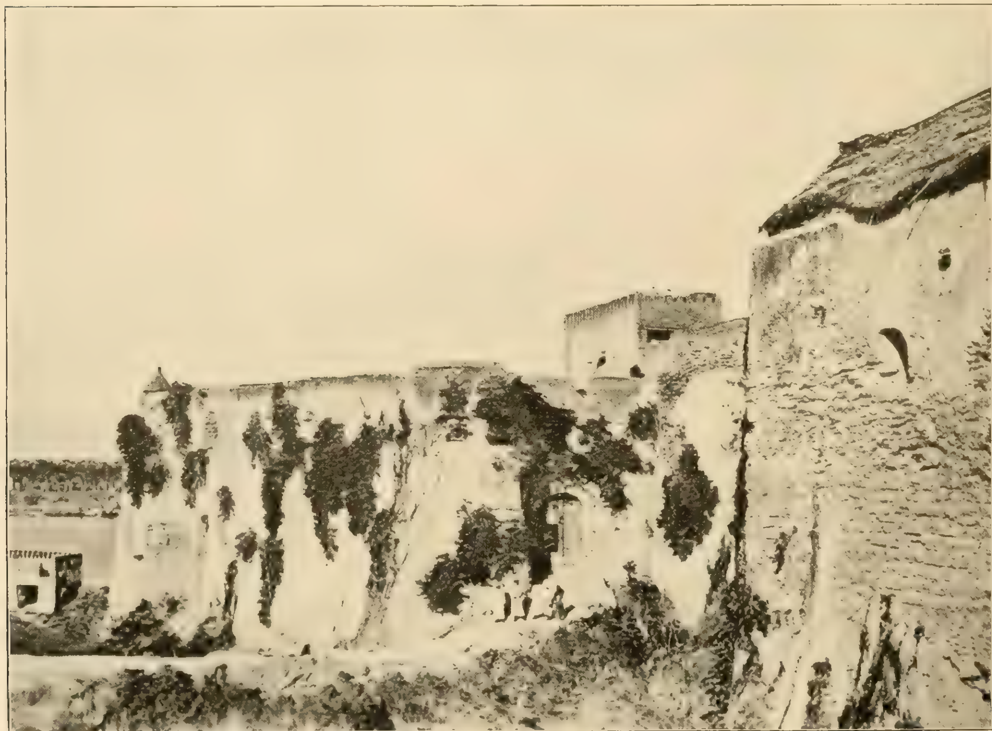
О 200-лѣтнемъ господствѣ португальцевъ на восточномъ берегу Африки осталось мало осязательныхъ воспоминаній; сдѣлавшійся извѣстнымъ, благодаря барону Карлу Клаусу фонъ деръ Декенъ, Столбъ Васко-да-Гама, около Малинди (Мелинде), жалкіе остатки крѣпости на Кильва-Кизивани, гордая крѣпость „Іисусъ Момбаса“ и другія укрѣпленія на островѣ Момбасѣ — это почти все.

1) Домъ Франциско д'Альмейда, губернаторъ и вице-король Индіи, имѣя въ своемъ распоряженіи флотъ, состоявшій изъ 22-хъ судовъ и 1500 человѣкъ экипажа, 24-го іюля 1505 года покорилъ Кильву, а 26-го іюля посадилъ на престолъ новымъ королемъ Могаммеда-бенъ-Руку адъ-Динъ (прозваннаго Мохаммедомъ Анкони); тогда онъ приступилъ къ постройкѣ крѣпости (Самъ Яго) и поставилъ тамъ гарнизонъ изъ 150 человѣкъ. Болѣе чѣмъ сомнительно, относится ли изображенный на оборотѣ „королевскій замокъ“ уже ко времени расцвѣта Кильвы, при королѣ Сулейманѣ Хазанѣ (Солиманъ Хассанъ 1178—95). Теперешніе жители считаютъ строителемъ его скорѣе нѣкоего Ширази Мфальме Суффа (= король Юзуфъ изъ Шираса); если бы этотъ Суффъ былъ тождественъ съ отцомъ правившаго въ 1723 г. султана „Ибраимо бунъ-Сультао о'Суфо“, то замокъ этотъ возникъ бы лишь около 1700 г., т. е. послѣ времени господства португальцевъ.

2) Чтобы поднять колонію въ Кильвѣ, Франциско д'Альмейда захватилъ 15-го августа 1505 г. Момбасъ (Момбаза, Момбасса) и на слѣдующій день разрушилъ его. Но, т. к. скоро обнаружилось малое значеніе Кильвы, то въ 1512 г. при индійскомъ главнокомандующемъ Аффонзо д'Альбокверкве Кильва опять была оставлена. Между тѣмъ Момбасъ настолько окрѣпъ, что 18 ноября новому генералъ-губернатору Нуно да Кунья, подъ командой котораго находилось 6 судовъ съ 800 португальцевъ, пришлось снова брать его приступомъ; затѣмъ болѣе 4-хъ мѣсяцевъ пришлось ему пробыть въ завоеванномъ городѣ съ большими потерями. И только послѣ смерти Шахо бенъ Мишамъ, послѣдняго короля изъ стараго ширазскаго дома, и послѣ водворенія въ Момбасѣ короля Малинди, было приступлено въ 1593 г. къ постройкѣ португальской крѣпости, получившей названіе „Іисусъ Момбаса“; она продолжалась нѣсколько десятковъ лѣтъ. 12-го декабря 1698 г. крѣпость пала наконецъ подъ слѣдовавшими другъ за другомъ упорными нападеніями арабовъ, которые осаждали ее съ 13-го марта 1696 г. Послѣ новой недолговременной побѣды надъ Момбасомъ (капитуляція 12 марта 1728 г.), послѣдніе португальцы окончательно оставили свою крѣпость 26-го ноября 1729 г. и удалились въ Мозамбикъ.

(По Justus Strandes, Die Portugiesenzeit von Deutsch- und Englisch-Ostafrika; Berlin 1899).

Развалины царской крѣпости въ Кильва-Кизивани въ нѣмецкой части Восточной Африки.



Главныя ворота крѣпости въ Момбасѣ въ британской части Восточной Африки.

 Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Постройки изъ португальской эпохи Восточной Африки.

(По Юсту Штраndсъ.)

которое должно было простираться далеко внутрь страны, и которое обнаруживается также въ существованiи въ нѣкоторыхъ частяхъ береговой страны многихъ жителей происходящихъ изъ смѣшенiя разныхъ племенъ. Область, въ которой это влiянiе наиболѣе замѣтно, — страна, лежащая около Рiо Гранде, которая и до сихъ поръ находится въ рукахъ португальцевъ, точно также и острова Зеленаго мыса. Когда португальцы достигли наконецъ Золотого берега, то они не замедлили (въ 1481 г.) упрочить за собой эту многообѣщавшую область основанiемъ укрѣпленнаго мѣста Эльмина (Санъ Жорже Эль Мина). Кромѣ того были завязаны тѣсныя сношенiя съ государствомъ Конго (см. выше, стр. 445).

Между тѣмъ Васко да Гама открылъ также восточный берегъ Африки, и достигъ до Остъ Индiи. Положенiе дѣлъ въ восточной Африкѣ было очень заманчивымъ (см. стр. 415) и прiобрѣтенiе въ этомъ мѣстѣ земель обѣщало много выгодъ: берегъ былъ занятъ многочисленными торговыми городами, которые въ то же время были и столицами арабскихъ султановъ; эти города могли стать вѣрной добычей для всякаго врага, который бы господствовалъ на морѣ, потому что, не имѣя силы на морѣ, они не могли бы найти опоры и въ прилегающихъ къ нимъ дикихъ внутреннихъ странахъ; если же этого соблазна было мало, то приманкой могла служить масса золота, привозимаго изъ Мономотапы на берегъ Софалы (въ 1500 г. болѣе миллiона метикаловъ золота = 14 миллiоновъ марокъ ежегодно, въ 1600 г. всетаки еще 200,000 метикаловъ). Такимъ образомъ португальскiя владѣнiя въ восточной Африкѣ (см. приложенную таблицу: „Строенiя, относящiяся ко времени господства португальцевъ въ восточной Африкѣ") по своей величинѣ и блеску скоро сильно опередили западно-африканскiя.

Васко да Гама во время своей первой поѣздки въ 1498 г. былъ враждебно встрѣченъ въ Мозамбикѣ (2-го марта) и Момбасѣ (7-го апрѣля), напротивъ того князь Малинди (Мелинде, 15—24 апрѣля 1498 г.), насколько могъ, оказалъ ему поддержку. Вслѣдствiе безусловной необходимости имѣть нѣсколько опорныхъ точекъ въ восточной Африкѣ, чтобы безопасно вести торговлю съ Индiей, король Португалiи послалъ въ 1500 г. флотъ подъ началомъ Педро Альвареца Кабраля, который имѣлъ мало успѣха и закрѣпилъ только добрыя отношенiя съ Малинди. Васко да Гама во время своего второго путешествiя основалъ колонiи въ Софалѣ (укрѣпленной въ 1505 г. Перо де Нгайа), 14-го iюля 1502 г. заставилъ Кильву платить португальцамъ дань и началъ открыто воевать на морѣ съ магометанами и уничтожать ихъ торговлю съ Индiей. Послѣ Васко да Гамы войну продолжалъ Антонiо де Сальданья; часть его флота, подъ начальствомъ Руи Лоуренцо Реваско, покорила Занзибаръ (1503 г.), а вскорѣ послѣ того была покорена и Брава на берегу Сомаль. Въ 1506 г. появился съ новыми кораблями и новымъ войскомъ Франциско Д'Альмейда; 24-го iюля онъ занялъ Кильву, началъ постройку крѣпости и 15-го августа 1505 г, разрушилъ Момбасъ. Съ этихъ поръ „летучая эскадра" стала держать берегъ подъ своимъ постояннымъ надзоромъ. Въ 1512 г. крѣпость въ Кильвѣ была покинута, между тѣмъ основанная въ 1507 г. колонiя въ Мозамбикѣ стала главной точкой опоры для португальской власти въ восточной Африкѣ. Въ началѣ 1507 г., адмиралъ Тристанъ да Кунья наказалъ враговъ шейха Малинди, и сжегъ въ концѣ марта долго враждовавшую Браву, тогда какъ противъ Макдишу ничего не могъ подѣлать. Такъ какъ восточная Африка лежала на пути всѣхъ судовъ, направляющихся въ Индiю и восточную Азiю, то закрѣпленiе за собой этого берега должно было принести большiя выгоды Португалiи, которая извлекала значительные доходы изъ податей съ береговой торговли и золотыхъ прiисковъ Софалы. Между тѣмъ даже въ самое благопрiятное время не прекращались волненiя и сраженiя, особенно на сѣверѣ.

Но Португалія не могла никоимъ образомъ на продолжительное время удержать за собой свои необозримыя владѣнія; въ то время, какъ исчерпалась сила населенія ничтожной страны, появились страшные соперники среди европейскихъ народовъ, которые слѣдовали за португальцами по открытымъ уже путямъ и стремились повсюду встать наряду съ первыми завоевателями.

Къ концу XVI столѣтія кончается время исключительнаго владычества и торговой монополіи португальцевъ въ Африкѣ.

Первыми стали добиваться участія въ торговлѣ, несмотря на всѣ угрозы Португаліи, англичане, за которыми скоро послѣдовали голландцы и французы. Португалія постепенно потеряла бо́льшую часть своихъ владѣлій въ Гвинеѣ, значеніе которой послѣ открытія Индіи и безъ того значительно уменьшилось; къ тому же и въ самое благопріятное для себя время португальцы захватили далеко не весь берегъ. Въ области Сенегала туземцы, кажется, сами скоро сбросили съ себя португальское иго. Только владѣнія къ югу отъ Гамбіи по Ріосъ Кахео, Жеба и Гранде (главная гавань Балама) удержались и до настоящаго времени.

Въ началѣ XVII-го столѣтія опаснѣйшими врагами португальцевъ въ западной Африкѣ становятся голландцы, именно съ тѣхъ поръ какъ въ 1621 г. „Вестъ-Индская Компанія" получила отъ генеральныхъ штатовъ исключительное право на всѣ завоевываемыя страны между тропикомъ Рака и мысомъ Доброй Надежды (см. томъ VII); между тѣмъ какъ Португалія была соединена съ Испаніей и была противъ воли увлекаема въ ея роковое паденіе (см. томъ IV, 548), господство португальцевъ въ Сенегамбіи было почти совершенно уничтожено, затѣмъ было произведено нападеніе на Золотой берегъ и въ 1637 г. самое главное управленіе португальцевъ Эльмина осаждено и взято приступомъ. Португалія постепенно потеряла всѣ свои владѣнія въ западной Африкѣ. Когда наконецъ въ 1640 г. (томъ IV, 551) она вновь отвоевала у Испаніи свою независимость, то ей удалось получить назадъ посредствомъ договора съ Генеральными Штатами по крайней мѣрѣ небольшую часть своихъ колоній, но она должна была примириться съ тяжкими ограниченіями своей торговли. Между тѣмъ надменный и скрытный образъ дѣйствій голландцевъ привелъ наконецъ къ войнѣ, которая кончилась въ Бразиліи въ ущербъ Генеральнымъ Штатамъ (см. томъ I, стр. 444). Въ 1648 г. маленькое португальское войско, покончивъ дѣла въ Бразиліи, стало опять завоевывать африканскія владѣнія; голландцевъ дѣйствительно удалось выгнать, по крайней мѣрѣ изъ Анголы, Бенгуэллы и острова Св. Ѳомы. Очень кстати для португальцевъ пришлась война между Англіей и Голландіей (1652—54; т. VII). Кромѣ того нидерландцы въ это время устремили главное свое вниманіе на покореніе Остъ-Индіи; а т. к. въ Африкѣ у нихъ былъ уже опорный пунктъ для переѣзда въ Индію — Капландъ, то португальскія африканскія колоніи представляли для нихъ уже меньшій интересъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ португальцамъ удалось спасти большую часть своихъ владѣній. Договоры 1662 и 1669 г. положили конецъ борьбѣ между Голландіей и Португаліей.

Съ тѣхъ поръ на португальскія колоніи въ западной Африкѣ обращали мало вниманія; въ Португаліи всѣ взоры были направлены на Бразилію. Тѣмъ не менѣе вліяніе португальцевъ въ Анголѣ (стр. 447), которая служила главнымъ образомъ мѣстомъ ссылки преступниковъ, распространилось вглубь страны, и островъ св. Ѳомы съ его обширными плантаціями сталъ въ новѣйшее время цѣннымъ владѣніемъ. Фантастическія надежды, связанныя съ развитіемъ королевства Конго (стр. 446), конечно уже давно исчезли.

Точно также какъ и въ западной Африкѣ, на востокѣ материка господство португальцевъ утвердилось лишь на югѣ. Если ни одна евро-

пейская держава не придавала этимъ областямъ большого значенiя, то арабы, утратившiе господствующее положенiе въ торговлѣ, пользовались каждымъ ослабленiемъ силы португальцевъ, чтобы заявить о себѣ. Сѣверная часть восточной Африки имѣла значенiе при тогдашнихъ условiяхъ, пока существовала монополiя португальцевъ на индiйскую торговлю; потеря Индiи сейчасъ же повлекла за собой утрату владѣнiй по берегу Занзибара.

β) Голландцы.

Голландцевъ, страстныхъ соревнователей португальцевъ, постигла странная судьба: у нихъ не осталось ни пяди земли отъ ихъ африканскихъ владѣнiй. Разумѣется, за исключенiемъ Капской области, у нихъ совсѣмъ не было постоянныхъ крупныхъ колонiй; отнятыя у португальцевъ береговыя мѣстечки только на короткое время оставались въ ихъ владѣнiи, и только на Золотомъ берегу, привлекающемъ къ себѣ взоры всѣхъ мореходныхъ народовъ, существовали долгое время и въ XIX столѣтiи голландскiя крѣпости и факторiи. Первые нидерландскiе корабли появились у африканскихъ береговъ только около 1595 г. Въ XVII-омъ столѣтiи голландцы стали вести свои дѣла въ Африкѣ энергичнѣе, они не только заняли многiя береговыя мѣста, какъ напр. Горее на Зеленомъ мысѣ, но стали создавать, какiя только могли, препятствiя для другихъ торговыхъ народовъ. Основанiе „Вестъ Индской компанiи“ (1621, см. выше), которая намѣревалась прежде всего заняться торговлей невольниками, внесло въ эти стремленiя особую систему. Слѣдствiе происшедшихъ отъ этого войнъ уже извѣстно: Голландiя удержала за собой свои завоеванiя на Золотомъ берегу и въ Сенегамбiи. Между тѣмъ протекло еще много времени, прежде чѣмъ отношенiя въ этихъ мѣстахъ были приведены въ порядокъ. Правда постепенно соревнованiе англичанъ было побѣждено; но по миру 1667 года англичане удержали за собой по крайней мѣрѣ мысъ „Коастъ Кэстль“ на Золотомъ берегу и скоро снова устроили многочисленныя факторiи. Въ концѣ концовъ голландцы вполнѣ ограничились своими торговыми мѣстами на Золотомъ берегу, приносившими большую выгоду, т. к. изъ нихъ вывозили большое количество рабовъ и золота. Торговля стала постепенно ослабѣвать. Большая часть факторiй была утрачена. Наконецъ (1871—72) Англiя прiобрѣла по договорамъ голландскiя владѣнiя: Аксимъ, Секунди, Чаму, Эльмину, Аномабо и Апангъ (см. стр. 440).

Положенiе дѣлъ на Золотомъ берегу впрочемъ характерно для прежней европейской колонизацiи. Ни одно изъ торговыхъ государствъ не завладѣваетъ страной окончательно, а основываетъ лишь рынки, которые всегда защищаются укрѣпленiями и пользуются нѣкоторымъ влiянiемъ на окружающую ихъ страну, владѣтели которой обыкновенно должны покупать у начальниковъ берега позволенiе торговать и не смѣютъ дѣлать попытокъ прерывать посредническую торговлю береговыхъ жителей. Туземцы считаютъ себя по большей части дѣйствительными хозяевами крѣпостей и факторiй. Такимъ образомъ было возможно, что при новомъ расцвѣтѣ англiйской торговли цѣлое множество англiйскихъ поселенiй могло быть основано въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нидерландскими, и что вообще владѣнiя самыхъ различныхъ европейскихъ народовъ пестрой ниткой слѣдовали другъ за другомъ по берегу.

γ) Англичане.

Англичане появились на водахъ Африки около середины XVI-го столѣтiя. Въ 1553 г. они снарядили большую экспедицiю, которая закупила множество золота на Золотомъ берегу, но въ общемъ имѣла мало успѣха; тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ экспедицiи стали часто повторяться.

При этомъ дѣло дошло уже и до борьбы съ португальцами, которые считали всѣхъ, вторгающихся въ ихъ торговую область, морскими разбойниками. Скоро они завели и торговлю рабами, и наконецъ были основаны торговыя общества, получившія привилегіи (1585 марокканское или берберское, въ 1588 г. гвинейское), которыя подобно голландцамъ извлекали себѣ выгоду изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ тогда находились португальцы. Замѣчательны попытки англичанъ проникнуть изъ устьевъ Гамбіи вглубь страны и достигнуть до Тимбукту (см. таблицу при стр. 510), который считался источникомъ приносимаго на берегъ золота: за эту попытку рьяно принялось основанное въ 1618 г. общество.

Владѣнія англичанъ въ западной Африкѣ долгое время оставались незначительными и, когда голландцы приложили всѣ старанія къ тому, чтобы совсѣмъ отдѣлаться отъ соперничества англичанъ, — стали еще ничтожнѣе. Однако Англіи удалось утвердиться на Золотомъ берегу и опять значительно расширить свое вліяніе. Англичане неоднократно пытались стать твердой ногой также и въ Сенегамбіи, и когда наконецъ въ началѣ XVIII-го столѣтія наступило мирное время, у нихъ была одна факторія на Гамбіи, другая на островѣ Шерборо и около дюжины на Золотомъ берегу. Обѣ первыя сдѣлались зародышами двухъ существующихъ еще теперь колоній: владѣній по Гамбіи (съ Батурстомъ и крѣпостями Джордже и Ярбутенда) и колоніи Сіерра Леоне (см. ниже); всѣ онѣ были тогда собственностью „Королевской Африканской Англійской компаніи", которая дѣятельно торговала невольниками, но всетаки въ теченіе XVIII-го столѣтія нѣсколько разъ бывала въ затруднительномъ денежномъ положеніи. Въ 1713—33 годахъ она вывезла 300,000 негровъ невольниковъ; но среднее число еще возрасло, когда въ 1749 г., послѣ того какъ старая компанія прекратила свое существованіе, была основана новая компанія и въ то же время торговля невольниками сдѣлана свободной, Препятствія, которыя возникли для этой торговли отъ отпаденія Соединенныхъ Штатовъ (1776 г.) принудили и эту компанію ликвидировать свои дѣла, хотя вывозъ рабовъ отъ этого не уменьшился.

Вмѣстѣ этого въ Англіи началъ постепенно пробуждаться безкорыстный интересъ къ таинственной части свѣта. 9-го іюня 1788 г. послѣдовало основаніе Африканскаго общества, которое поставило себѣ главной задачей научное изслѣдованіе страны (Association for promoting the discovery of the interior parts of Africa); одновременно съ этимъ сильно возрасло отвращеніе къ позорной торговлѣ рабами. Этимъ начинаетъ подготовляться, хотя сначала и медленно, но за то основательно переворотъ въ положеніи дѣлъ въ африканскихъ колоніяхъ. Впродолженіи войны Англіи съ отпавшими Соединенными Штатами (1775—1783) большое число негровъ воспользовалось случаемъ, чтобы сбросить съ себя американское иго и убѣжать на службу къ англичанамъ, которые по окончаніи войны должны были позаботиться объ этихъ союзникахъ. Нѣкоторымъ друзьямъ человѣчества удалось привлечь сочувствіе правительства къ своему плану: отвезти негровъ обратно въ Африку и поселить ихъ въ подходящемъ мѣстѣ на берегу подъ покровительствомъ Англіи. Такимъ образомъ въ 1787 г. въ первый разъ было отправлено въ Сіерра Леоне 400 чернокожихъ и около 60 бѣлыхъ женщинъ, пользовавшихся позорной репутаціей, отъ которыхъ повидимому хотѣли избавиться такимъ образомъ. Дальнѣйшій привозъ негровъ и основаніе англійской компаніи постепенно подняли уровень этой сначала мало обѣщавшей колоніи настолько, что ей удалось даже быстро оправиться послѣ разгрома, произведеннаго французскимъ военнымъ судномъ. Въ 1807 г. Сіерра Леоне сдѣлалась коронной колоніей, и съ этихъ поръ стала постепенно возрастать отъ присоединенія новыхъ освобожденныхъ рабовъ, которыхъ привозили англійскія суда и поселяли тамъ, причемъ первоначально привезенные изъ Америки негры косо смотрѣли на ново-при-

бывшихъ. Въ общемъ страна, получившая въ свои руки большую часть управленія, стала благополучно развиваться; надзоръ Англіи, какъ онъ ни былъ малъ, мѣшаетъ всетаки неграмъ возвратиться понемногу въ прежнее варварство, культура имѣетъ свое средоточіе въ городѣ Фритоунъ, тогда какъ остальная часть страны (70,000 кв. клм.) населена по большей части туземными племенами и мѣстами почти совсѣмъ неизвѣстна.

На Золотомъ берегу вліяніе англичанъ все болѣе и болѣе усиливалось, пока наконецъ они не сдѣлались здѣсь единственными хозяевами. Но какъ мало сознавали себя туземныя племена подданными англичанъ, видно изъ исторіи борьбы съ Ашанти, которая кончилась тѣмъ (1817 г.), что подать, нѣчто вродѣ арендной платы за пользованіе землей, которая состояла изъ 4-хъ унцій золота ежемѣсячно и которая до тѣхъ поръ платилась народу фанти, стала выплачиваться въ пользу ашанти; англичане являются такимъ образомъ только терпимыми. Борьба съ ашанти, вначалѣ безуспѣшная, но въ слѣдующія десятилѣтія богатая побѣдами, значительно усилила англійскую власть, именно когда въ 1831 г. ашанти отказались отъ главенства надъ союзными вождями берега; но и въ послѣдующее время господство Англіи на Золотомъ берегу, который, благодаря своему климату, не привлекалъ къ себѣ европейскихъ колонистовъ, едва ли можно считать чѣмъ нибудь большимъ, чѣмъ протекторатъ. Послѣ 1868 г. возникли безпорядки, т. к. Англія и Голландія для округленія своихъ владѣній обмѣнялись нѣкоторыми мѣстами берега (см. выше, стр. 440 и 467). Слѣдствіемъ ихъ были: короткій походъ 1874 года (стр. 440), объявленіе вождя Кумасси королемъ ашанти въ 1894 г., его усмиреніе не очень кровопролитной войной въ 1895 г., которая принесла государству ашанти заслуженный имъ конецъ и обусловила англійскій протекторатъ, и опасное возстаніе въ 1900 г., во время котораго губернаторъ Фредерикъ Гудсонъ находился съ марта до іюня въ Кумасси въ очень затруднительномъ положеніи: оставленный гарнизонъ могъ быть освобожденъ лишь въ іюлѣ.

Гораздо моложе, чѣмъ владѣнія на Золотомъ берегу, колонія Лагосъ, получившая самостоятельность съ 1886 г., хотя она и относится къ довольно старому времени, т. к. была основана уже въ 1861 г.; эта колонія представляетъ собою главное мѣсто торговли пальмовымъ масломъ; теперь она составляетъ только часть обширныхъ владѣній англичанъ на Нигерѣ и Бинуе. Съ живущими непосредственно за ней внутри материка іоруба съ самаго начала существовали дружескія отношенія.

Въ восточной Африкѣ Англія долгое время не имѣла колоній и твердыхъ опорныхъ пунктовъ кромѣ острововъ С. Маврикія (1712—1810 какъ „Isle de France“ французское владѣніе) и Родригецъ. Въ 1884 г. изъ занятаго въ 1839 г. Адена англичане завладѣли нѣкоторыми мѣстами по сѣверному берегу Сомала (British Somali Coast Protectorate: Сейла [Зейла], Бербера и др.), тогда какъ отъ Харара, имѣющаго большое значеніе, они отказались по договору 4-го іюня 1897 г. въ пользу Абиссиніи.

δ) Французы.

Усилія французовъ завязать торговлю въ Африкѣ начинаются едва ли позднѣе, чѣмъ у англичанъ и голландцевъ. Вниманіе французскихъ купцовъ уже съ самаго начала было устремлено преимущественно на ту область, которая впослѣдствіи стала исходной и опорной точкой для большихъ французскихъ владѣній въ западной Африкѣ — на Сенегамбію. Было произведено много попытокъ проникнуть изъ этого самаго доступнаго мѣста Африки далѣе вглубь страны, хотя значительные политическіе успѣхи достигнуты были гораздо позднѣе; господство французовъ на Сенегалѣ имѣетъ тотъ же сомнительный характеръ, который мы видѣли у англійскихъ владѣній на Золотомъ берегу; центръ образующихся колоній

Saint Louis возникъ въ 1626 г. на лагунѣ устья Сенегала; вторымъ значительнымъ пунктомъ является островъ Горée у Зеленаго мыса. Постепенно французы подвигались по Сенегалу вглубь страны и основывали тамъ торговыя колоніи и укрѣпленія; особенно энергичнымъ въ этомъ отношеніи выказалъ себя Андрэ Брюэ около 1700 г. Однако настоящаго расцвѣта Сенегамбія достигла только въ серединѣ XIX-го столѣтія (1852 до 1865), благодаря Луи Леонъ Сезаръ Фэдéрбу; о военно-колонизаторской дѣятельности французовъ въ западномъ Суданѣ съ 1880 г. см. ниже, стр. 482.

Отдѣльную отъ Сенегамбіи съ 1890 г. колонію составляетъ французская Гвинея (до сихъ поръ именуемая оффиціально „Rivières du Sud“), береговая полоса страны Фута Джаллонъ, отдѣленная отъ Сенегамбіи португальскими владѣніями. Франція никогда не имѣла здѣсь большого политическаго вліянія, но упрочила за собою этотъ берегъ, который представляетъ собою цѣнныя ворота, ведущія внутрь Судана, посредствомъ многочисленныхъ факторій.

Притязанія французовъ на берегъ Слоновой Кости, занятый съ 1842 г. и управлявшійся прежде изъ Габуна, только въ 1893 г. стали заявляться рѣшительнѣе; вмѣсто нездороваго Грандъ Бассамъ, главнымъ городомъ сдѣланъ Абиджанъ Аджамэ (какъ „Бэнжервилль“). Также Аллада и Абоме, остатки порабощеннаго въ 1892 г. царства Дагоме на Невольничьемъ берегу (см. стр. 442), опять достигли въ послѣднее время бóльшаго значенія, благодаря многолюднымъ гаванямъ: Большой-Попо, Вейда и Котону.

Первыя пріобрѣтенія около Габуна относятся къ 1839 г. и 1845 г.; въ 1849 г. былъ основанъ Мебервилль. Въ 1862 г. и 1868 г. область была расширена къ югу вплоть до мыса Лопезъ и Огове, тогда какъ далѣе на сѣверъ притязанія на пріобрѣтенія земель не выказались опредѣленнымъ образомъ. Къ югу отъ Огове Франція не имѣла владѣній до основанія государства Конго (о пріобрѣтеніяхъ послѣ 1878 г. см. ниже, стр. 476 и 484).

ε) Испанцы.

Рядомъ съ четырьмя главными силами въ исторіи африканскихъ колоній: Португаліей, Голландіей, Англіей и Франціей, выступали и нѣкоторые другіе соревнователи въ пріобрѣтеніи, которые по большей части опять сошли со сцены. Только Испанія спасла кое что или вѣрнѣе почти все, чѣмъ обладала, т. к. она никогда не имѣла здѣсь владѣній, заслуживающихъ вниманія; потому что когда папы щедро раздѣлили между обѣими иберійскими колоніальными силами вновь открытыя и еще не открытыя земли, то Африка безусловно попала цѣликомъ въ половину Португаліи. Притязанія Испаніи ограничились поэтому Канарскими островами (Тенерифе, Хіерро или Ферро и др.), которые уже не принадлежатъ къ негрской Африкѣ, островами Фернандо Поо и Аннобонъ (Анно Бомъ) въ Гвинейскомъ заливѣ и съ 1843 г. маленькой областью между Камеруномъ и Габуномъ, именно береговой полосой по Ріо Муни, островами Кориско и большимъ и малымъ Элоби.

Фернандо Пóо, самое цѣнное изъ южныхъ владѣній, первоначально находилось, какъ и вся западная Африка, въ рукахъ португальцевъ, не достигая большого значенія. Незначительнымъ поселеніямъ португальцевъ не повезло, и въ 1637 г. они были совершенно разорены голландцами; съ народомъ племени банту—бубе, который повидимому переселился на островъ еще до времени его открытія, никогда не могли установиться дружескія отношенія. Въ 1777—78 г. Португалія уступила острова Фернáндо Поо и Аннобонъ (на юго-западъ отъ Св. Ѳомы) Испаніи, въ обмѣнъ на области въ Южной Америкѣ; Испанія, послѣ неудавшейся попытки устроить въ нихъ колоніи, предоставила ихъ самимъ себѣ. Въ 1827 г. англичане заняли удобно расположенный островъ и переселили во вновь основанный

Портъ Кларенцъ (теперь Санта Изабель) освобожденныхъ негровъ-невольниковъ, которые и до сихъ поръ говорятъ на англiйскомъ языкѣ, но всѣ попытки вымѣнять или купить островъ разбивались объ упрямство испанцевъ. Съ 1841 г. на островѣ опять есть испанскiя власти, а въ 1858 г. онъ получилъ губернатора; но для поднятiя хозяйства на островѣ ничего не было сдѣлано.

ζ) Скандинавы.

Къ концу XVIII-го столѣтiя въ Швецiи и Данiи пробудился интересъ къ Африкѣ. Старанiя шведа Карла Бернарда Вадстрёма (1764—99) основать земледѣльческую колонiю на западномъ берегу, потерпѣли полную неудачу; болѣе успѣшными были попытки датчанъ, которые впрочемъ и раньше вели торговлю и основали факторiи на Золотомъ берегу. Еще въ XIX-омъ столѣтiи они владѣли нѣкоторыми прочными мѣстами въ восточной части Золотого берега, центромъ котораго былъ Христiансборгъ; но въ 1851 г. они уступили всю область Англiи.

η) Бранденбургъ — Пруссiя.

На Золотомъ берегу мы встрѣчаемъ также развалины, надъ которыми развѣвались прежде германскiе флаги: это старыя колонiи Бранденбурга. Какъ ни ничтожны кажутся эти первыя попытки германскихъ колонистовъ по отношенiю ко всеобщей исторiи Африки, всетаки онѣ заслуживаютъ вниманiя, какъ предисловiе къ позднѣйшему широкому развитiю. Въ 1675 г. великимъ курфюрстомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ были сдѣланы первые шаги къ образованiю бранденбургскаго флота (завѣдыванiе этимъ дѣломъ было поручено голландцу Веньямину Рауле), который долженъ былъ принять дѣятельное участiе въ мiровой торговлѣ и колонизацiи; уже въ 1634 г. курфюрстъ Георгъ Вильгельмъ вступилъ въ переговоры со Швецiей, выражая желанiе примкнуть къ учреждаемой индiйской компанiи. Во время перваго плаванiя небольшого бранденбургскаго флота (1680—81) въ маѣ 1681 г. на Золотомъ берегу вблизи Трехконечнаго мыса былъ заключенъ договоръ съ тремя сосѣдними негрскими князьями, по которому Бранденбургъ получилъ право построить укрѣпленiе. Африканская торговая компанiя, съ 1682 г. получившая отъ великаго курфюрста полномочiя на 30 лѣтъ, должна была заняться эксплоатацiей новаго владѣнiя; главное управленiе общества было помѣщено въ 1683 г. (по Пиллау) въ Эмденѣ, гавани Курбранденбурга на Нѣмецкомъ морѣ. Въ день новаго года въ 1683 году маiоръ Отто Фридрихъ фонъ деръ Грёбенъ заложилъ крѣпость Гроссъ Фридрихсбургъ (см. томъ VII). Англичане и датчане спокойно смотрѣли на своихъ новыхъ сосѣдей, но голландцы протестовали. Область Бранденбурга постепенно расширялась, было выстроено второе укрѣпленiе „Доротея" (у Аккады), блокгаузъ, и въ 1685 г. крѣпость Таккарари; негры, которыхъ должно было радовать разумное отношенiе къ нимъ, скоро стали довѣрчиво относиться къ новымъ хозяевамъ. Бранденбургъ въ 1684 г. прiобрѣлъ себѣ колонiальныя владѣнiя еще въ другомъ мѣстѣ западной Африки, на островахъ Аргуинъ у южнаго мыса Бланко, послѣ того, какъ были оставлены прежнiя попытки Францiи утвердиться тамъ. И здѣсь было выстроено укрѣпленiе, которое успѣшно противустояло разнымъ нападенiямъ. Дальнѣйшiе договоры передали въ руки Бранденбурга берегъ вплоть до Сенегала. Торговля быстро расцвѣла. Въ 1686 г. Великiй Курфюрстъ принялъ на свой счетъ на нѣкоторое время участiе въ восточно-фризской торговлѣ, но уже въ 1687 г. ему пришлось вести тяжкую борьбу съ голландской вестъ-индской компанiей (томъ VII). Послѣ смерти Фридриха Вильгельма курфюрстъ Фридрихъ III не прекращалъ попытокъ къ поднятiю колонiи,

между прочимъ, и при помощи голландскихъ купцовъ, т. к. бранденбургскіе были слишкомъ боязливы. Это было началомъ конца. Новое оживленіе африканской торговой компаніи въ 1708 г. ограничивалось одними попытками, и въ 1711 г. король Пруссіи былъ вынужденъ взять колоніи на себя, какъ личную собственность. Повидимому, подъ руководствомъ дѣятельнаго Дюбуа колоніи на Золотомъ берегу еще разъ поправились, несмотря на возобновившіяся интриги голландцевъ, — въ это время умеръ Фридрихъ I. Пуритански трезвое правленіе солдатскаго короля Фридриха Вильгельма I не знало, что ему дѣлать съ владѣніями, приносившими, за немногими исключеніями только убытокъ; въ 1717 г. оно продало всѣ свои африканскія владѣнія голландской компаніи за 7200 дукатовъ. Негрскій князь Жанъ Кунни въ теченіе 8 лѣтъ защищалъ подъ бранденбургскими знаменами отъ голландцевъ ввѣренный ему Гроссъ-Фридрихсбургъ, пока наконецъ не сдался въ 1725 г. Укрѣпленіе въ Аргуинѣ еще въ 1721 г. было взято французами.

ϑ) Арабы.

Въ то время какъ вліяніе и владѣнія европейцевъ медленно росли, исламъ не только дѣлалъ все бóльшіе успѣхи въ Суданѣ, но опять завладѣлъ, исходя изъ своей старой родины Аравіи, большей частью восточнаго берега и расширилъ свою власть и въ внутреннихъ странахъ. Долгое время могло казаться, что Африку постигаетъ судьба незамѣтно сдѣлаться изнутри магометанской областью, истинное лицо которой скрывалось бы за береговыми европейскими владѣніями, подобно тому какъ гнилой изнутри плодъ бываетъ иногда покрытъ здоровой оболочкой. Этотъ важный процессъ пока остановленъ соперничествомъ европейскихъ государствъ въ расширеніи экваторіальныхъ африканскихъ владѣній. Впрочемъ, вслѣдствіе законосообразнаго этническаго развитія (ср. единственная исламская вѣтвь арійцевъ — персы) исламъ въ теченіемъ времени принимаетъ въ негрской Африкѣ мѣстную окраску и отчасти отдѣляется отъ своего арабскаго корня.

Восточный берегъ Средней Африки является центромъ нападеній арабовъ, которые всегда будутъ здѣсь давать чувствовать свое вліяніе всякій разъ, какъ власть европейскихъ владѣтелей будетъ ослабѣвать. Цвѣтущія колоніи арабовъ въ древнія времена были частью уничтожены, частью покорены португальцами, а на югѣ удалось совсѣмъ оттѣснить арабовъ; но сѣверные города, въ особенности всегда неспокойный Момбасъ были даже въ самый расцвѣтъ португальскаго господства ненадежными и дорого стоющими владѣніями (см. выше, стр. 465). Наслѣдіе приходящей въ упадокъ португальской власти должно было попасть въ руки самому могущественному и самому сильному изъ арабскихъ государствъ.

Такимъ арабскимъ государствомъ былъ Оманъ, находящійся на восточномъ выступѣ Аравійскаго полуострова, обращенномъ къ Индіи и Персіи; это государство вслѣдствіе своего географическаго положенія уже давно достигло обособленнаго существованія и усилилось, благодаря образовавшейся въ немъ особой магометанской сектѣ, главой которой былъ правящій тамъ султанъ подъ титуломъ Имамъ Маскатскій. Оманъ долгое время былъ ареной внутренней борьбы, пока въ 1624 г. Яребиту Нессеру (Назиръ) бенъ Мурджиду (ум. 1649 г., см. родословную таблицу V въ концѣ) не удалось забрать въ свои руки власть надъ всей страной. Онъ тотчасъ же увидѣлъ себя вынужденнымъ начать борьбу съ португальцами, которые еще владѣли тогда многими береговыми городами, находящимися въ Оманѣ (1643 взятіе Сохара); но только его двоюродному брату и преемнику Султану-бенъ-Сефу (Саифъ, Сифъ, 1649—68) удалось вырвать у нихъ ихъ послѣдній оплотъ, Маскатъ (въ концѣ января 1650 г.). Во время этихъ

войнъ Оманъ развился и сталъ сильнѣйшей морской силой. Султанъ бенъ Сефъ безпокоилъ португальцевъ въ Индіи и восточной Африкѣ, и около 1660 г. на время завладѣлъ городомъ Момбасомъ. Его сыну и второму преемнику Сефъ бенъ Султану удалось въ 1698 г. взять Момбасъ, возбудить къ возстанію противъ португальцевъ все населеніе берега и съ его помощью покорить восточную Африку вплоть до мыса Дельгадо.

Между тѣмъ кусокъ оказался пока еще слишкомъ великъ для маленькаго Омана. Господство арабовъ могло держаться только до тѣхъ поръ, пока береговые города Кильва, Занзибаръ, Малинди, Патта, Фаза не выказывали желанія воспользоваться слабостью Омана, чтобы устроить изъ себя независимыя маленькія государства. Въ дѣйствительности какъ разъ случилось противуположное. Въ началѣ 1728 г. Португалія воспользовалась смутами, чтобы опять выдвинуться впередъ; Патта (см. родословную таблицу VII въ концѣ) опять попала въ ихъ руки, и 16 марта самъ Момбасъ, единственная опора вліянія Омана на берегу, долженъ былъ отворить имъ ворота. Это была послѣдняя вспышка португальскаго могущества. Какъ только жители берега сознали свою ошибку и опять сообща взялись за оружіе противъ чужестранцевъ, португальцы стали терять одно за другимъ всѣ свои укрѣпленныя мѣста (Занзибаръ, Мафія, Пемба и 26-го ноября 1729 г. Момбасъ; см. на оборотѣ таблицы у стр. 465).

Мѣсто Яребитскаго господствующаго дома въ Маскатѣ вскорѣ послѣ этого заняла семья Абу Саиди, правящая и до сихъ поръ въ Оманѣ и Занзибарѣ (см. родословную таблицу VI въ концѣ), основателемъ которой былъ правитель Сохара Ахмедъ бенъ Саидъ (Sâîd), вступившій на престолъ въ 1744 г. (1741 г. ?). При этомъ опять измѣнились отношенія восточно-африканскихъ береговыхъ городовъ къ Оману. Только Марка (Мерка), Занзибаръ и Кильва признали новую династію; остальные, съ вѣчно неспокойнымъ Момбасомъ, въ которомъ правили братья Мохаммедъ (ум. 1746 г.) и Али-бенъ Османъ, во главѣ, напротивъ, объявили себя независимыми и вслѣдствіе этого сразу вступили въ войну съ Ахмедъ бенъ Саидомъ. Одновременно съ этимъ въ отдѣльныхъ городахъ, особенно въ Паттѣ, свирѣпствовали междоусобицы. Наконецъ (1785 г.) Маскату удалось искуснымъ маневромъ опять завладѣть всей береговой страной, которая безъ дальнѣйшихъ противорѣчій подчинилась мало обременительному господству.

Только попытка намѣстника Момбаса Абдаллаха бенъ Ахмедъ (1814 до 1823) сдѣлаться независимымъ принудила тогдашняго правителя Маската Сеййда Саида къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Онъ долго медлилъ, но въ 1822 г. отправилъ въ восточную Африку флотъ, и съ помощью оставшагося ему вѣрнымъ намѣстника Занзибара Мохаммеда бенъ Нассера (Назиръ) скоро совсѣмъ стѣснилъ Момбасъ. Селиманъ бенъ Али въ отчаяніи прибѣгнулъ къ покровительству англичанина Оуэна (1824). Но, т. к. англійское правительство 1826 г. не утвердило договора о покровительствѣ, то въ 1828 г. городъ былъ вынужденъ покориться Сеййдъ Сайду, который появился у его стѣнъ, съ флотомъ изъ 11-ти военныхъ судовъ съ 2000 человѣкъ экипажа. Не смотря на это въ Момбасѣ вскорѣ опять было возстаніе въ полномъ разгарѣ, пока не удалось Сеййдъ Саиду вновь завладѣть городомъ посредствомъ предательства и изгнать окончательно династію Мзара (см. родословную таблицу VIII въ концѣ), которой передъ этимъ предоставлена была нѣкоторая власть. Торжествующій побѣду султанъ рѣшилъ въ 1840 г. на продолжительное время перенести свою столицу въ Африку, именно въ Занзибаръ.

Послѣ смерти Сеййдъ Саида (1556) прервалась связь между Оманомъ и Занзибаромъ, потому что одинъ изъ его сыновей Сеййдъ Маджидъ взялъ себѣ африканскія владѣнія, а Сеййдъ Суэни (Тховейни) арабскую коренную страну. Въ 1859 г. англичане, которыхъ все болѣе приходилось признавать первой рѣшающей силой въ Индійскомъ океанѣ, предупредили

окончательный разрывъ тѣмъ, что обязали султана Занзибара платить ежегодно 40,000 долларовъ своему брату въ Маскатѣ; они также защитили султана, когда одинъ изъ его младшихъ братьевъ, впослѣдствіи султанъ Сейидъ Баргашъ сдѣлалъ попытку къ возстанію. Въ теченіе послѣднихъ годовъ жизни Сейидъ Маджида (съ 1866 г.), Англія платила изъ своихъ средствъ наложенную на этого султана ежегодную сумму, за которую султанъ Маскатскій отказывался отъ вмѣшательства въ дѣла Занзибара.

Послѣ смерти Сеййдъ Маджида въ 1870 г. власть перешла къ его брату Сейидъ Баргашу (ум. 25 апрѣля 1888). Во время его правленія начались тѣ перевороты, которые кореннымъ образомъ измѣнили всѣ отношенія въ Африкѣ.

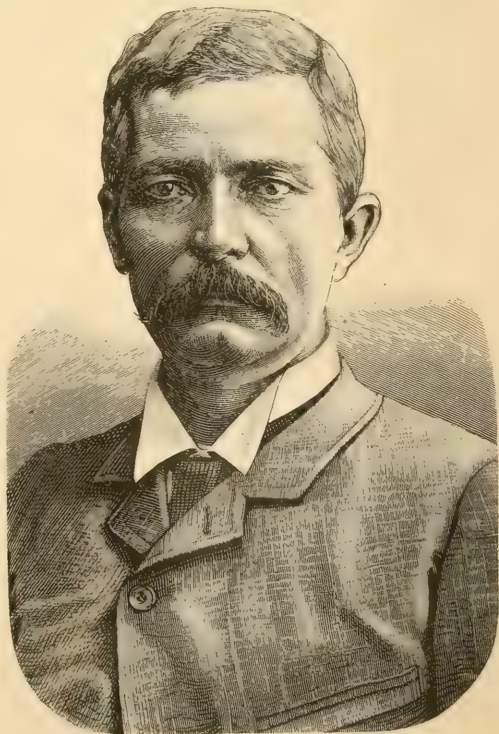
Богатство арабовъ, жившихъ по берегу и на островахъ, основывалось преимущественно на ихъ земельныхъ владѣніяхъ. Напр. Момбасъ черпалъ свою силу для постоянныхъ возстаній главнымъ образомъ изъ острова Пемба, съ его богатыми плантаціями, въ которыхъ съ 1818 г. съ блестящимъ успѣхомъ стали воздѣлывать гвоздичное дерево. Торговля Занзибара еще въ началѣ XIX-го столѣтія была весьма незначительна: слоновая кость вывозилась сравнительно мало; торговля рыбами держалась въ ограниченныхъ предѣлахъ и число купцовъ (преимущественно индійцевъ) было невелико. Привозъ гвоздичнаго дерева повлекъ за собой значительную перемѣну. Возникли большія плантаціи, потребовавшія массу рабочихъ силъ: охота на рабовъ и торговля ими расцвѣли. Пріобрѣтенныя богатства позволили предпріимчивымъ арабамъ не только вымѣнивать рабовъ у береговыхъ племенъ, но дали имъ возможность, снаряжая сильныя вооруженныя экспедиціи, бороться съ запретительной системой торговли, существовавшей здѣсь, какъ и всюду, и покупать и вымѣнивать рабовъ во внутренней странѣ. Вмѣстѣ съ дешевыми рабами съ этихъ поръ стала привозиться къ берегу и слоновая кость, цѣлыми массами, и благодаря необыкновеннымъ доходамъ, полученнымъ въ первое время, она стала побуждать къ все болѣе смѣлымъ хищническимъ и торговымъ походамъ. Такимъ образомъ вліяніе арабовъ во внутреннихъ странахъ все болѣе и болѣе расширялось, однако нельзя было и думать объ основаніи прочнаго политическаго господства на материкѣ, кромѣ какъ въ областяхъ, лежащихъ непосредственно у берега. Правительство Занзибара хотя и считало себя верховнымъ господиномъ отдѣльныхъ арабскихъ предпринимателей, которые на свой страхъ проникали вглубь страны, но все-таки не могло и не хотѣло устанавливать надъ ними никакого контроля и заявляло о своихъ правахъ, самое большее, послѣ возвращенія каравановъ.

Расширеніе торговли невольниками и связанныя съ нимъ опустошенія не ускользнули отъ вниманія англичанъ, которые воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы вмѣшаться въ дѣла Занзибара. Уже въ 1847 г. они наложили запретъ на торговлю невольниками къ сѣверу отъ Бравы; въ апрѣлѣ 1862 г. безцеремонное поведеніе англійскихъ военныхъ кораблей, которые вредили и законной торговлѣ, повело къ серьезному столкновенію, и въ 1873 г. Сейидъ Баргашъ, запуганный англійскимъ посланникомъ Генри Эдвардомъ Бартль Фреръ, и убѣжденный консуломъ докторомъ Киркомъ рѣшился совершенно уничтожить торговлю рабами. Но это распоряженіе оказалось на дѣлѣ роковымъ: арабскіе плантаторы, лишенные необходимаго подвоза рабочихъ силъ, обѣднѣли и исполнились горячей ненавистью къ европейцамъ. Совершенно раззореннымъ людямъ не оставалось ничего, кромѣ какъ попытать счастья въ торговлѣ на материкѣ, пріобрѣтать слоновую кость, ловить рабовъ и тайкомъ перевозить ихъ на Занзибаръ. Такимъ образомъ несчастная восточная Африка стала жертвой самой ужасной хищнической эксплоатаціи, а арабы—чумой страны. Правда, тамъ, гдѣ возникли центры арабскаго вліянія, образовались оазы болѣе высокой культуры, которая не осталась безъ благотворнаго вліянія

Поясненіе портретовъ на оборотѣ.

1. **Гейнрихъ Бартъ** (Heinrich Barth), род. 16 февраля 1821 г. въ Гамбургѣ, ум. 25 ноября 1865 г. въ Берлинѣ.
2. **Георгъ Швейнфуртъ** (Georg Schweinfurth), род. 29 декабря 1836 въ Ригѣ.
3. **Давидъ Ливингстонъ** (David Livingstone), род. 19 марта 1813 г. въ Blantyre около Глазго, ум. 1 мая 1873 г. въ Илала на озерѣ Бангвеоло въ Африкѣ.
4. **Генри Мортонъ Стэнлей** (Stanley, собственно James Rowland), род. 28 января 1841 г. около Denbigh въ Уэльсѣ.

(1, 2 и 4 по фотографическимъ снимкамъ, 3 по гравюрѣ по дереву J. W. Whympers въ Horace Wallace, The last journals of David Livingstone, London 1874).



Исторія человѣчества. III.
Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб

Наиболѣе крупные изслѣдователи Африки.

на туземцевъ; но зло сторицею превзошло эту выгоду. Вслѣдствіе того, что и въ этихъ мѣстахъ арабы завели плантаціи, появился новый спросъ на рабовъ и хищническимъ походамъ не предвидѣлось конца. Самый древній и значительный опорный пунктъ арабскихъ торговцевъ, это — Табора въ Уньямвези, до котораго простирается, можно считать, первая умѣренная часть той области, па которую направляютъ свою дѣятельность арабы. Далѣе впередъ выдвинулось Уджиджи, гавань озера Танганьики, а на верхнемъ Конго, обезславленное Ньянгве, опираясь на которое, арабы самымъ безобразнымъ образомъ опустошили восточную часть бассейна Конго. Нѣкоторыя племена, какъ напр. маньема (см. стр. 458) съ готовностью стали помощниками арабовъ и уже начали самостоятельно заниматься хищничествомъ.

Извѣстія о поведеніи арабовъ вызвали въ Европѣ всеобщее негодованіе, но долгое время пришлось довольствоваться болѣе строгимъ надзоромъ за вывозомъ рабовъ съ материка на острова, не имѣя возможности затушить свирѣпствовавшій во внутренности страны пожаръ. Кромѣ того султанъ Занзибара оказывалъ поддержку этимъ усиліямъ европейцевъ вяло и вынужденно. Вѣдь на дѣлѣ проникновеніе арабовъ вглубь страны являлось для него не только источникомъ обогащенія, но также основаніемъ усиленія политическаго вліянія: въ Таборѣ былъ поставленъ уполномоченный отъ султана; ему удалось пріобрѣсти авторитетъ и въ другихъ пунктахъ у племенъ внутреннихъ странъ. Такимъ образомъ отъ мѣръ противъ ловли невольниковъ можно было ожидать лишь медленнаго мало обѣщающаго успѣха, какъ вдругъ основаніе государства Конго и примыкающій къ нему раздѣлъ Африки придали вопросу совершенно иной видъ.

б) Исторія колоній тропической Африки съ 1876 г.

а) Леопольдъ II, Стэнли и основаніе государства Конго.

Исторія государства Конго начинается 15-го сентября 1876, съ основанія бельгійскимъ королемъ Леопольдомъ II „Association africaine internationale“, которая, кромѣ научнаго изслѣдованія внутренней Африки, поставила себѣ цѣлью культивировать туземцевъ и бороться съ торговлей невольниками, и поэтому должна была обращать вниманіе на основаніе прочныхъ станцій. Между тѣмъ Генри Мортонъ Стэнли (Джемсъ Роуландъ, см. портретъ его на приложенной таблицѣ „Самые выдающіеся изслѣдователи Африки“) разрѣшилъ вопросъ относительно Конго. Его честолюбивый характеръ не могъ удовлетвориться одной научной дѣятельностью; онъ сразу понялъ, что исполинская система рѣки Конго представляетъ единственный возможный путь, по которому быстро и съ сравнительно небольшими средствами можно открыть доступъ въ еще неизвѣстную большую часть Африки. Полный смѣлыхъ плановъ, онъ возвратился въ августѣ 1877 г. въ Европу и здѣсь король Леопольдъ и новооснованное общество съ радостью пошли навстрѣчу его планамъ. Общество взяло на себя дѣло устройства вновь открытой области.

Надо было спѣшить: Франція въ лицѣ графа Пьера Саворньянъ де Бразза уже наложила въ это время свою руку на часть страны Конго. 26-го ноября 1878 г. Стэнли образовалъ въ Брюсселѣ общество „Comité d'Etudes du Haut Congo“, составлявшее вѣтвь главнаго общества; въ 1879 г. онъ возвратился па Конго, основалъ станцію Виви и началъ прокладывать дорогу отъ устья къ Стэнли Пуль (Леопольдвилль, 1882); соперничая съ де Бразза, который въ 1880—81 г. заложилъ, или по крайней мѣрѣ приготовлялся къ тому, станціи Франсевилль, Браззавилль, и Постъ де л'Алима, онъ сталъ заключать договоры съ многими негрскими вождями. Между тѣмъ Португалія, эгоистичнымъ образомъ поддерживаемая Англіей, зая-

вила притязанія на область устья Конго (договоръ между Португаліей и Англіей 26-го февраля 1884 г.), но встрѣтила энергичное противодѣйствіе со стороны большинства другихъ государствъ. Чтобы разрѣшить эти рѣзкія противорѣчія, Германія разослала приглашенія на конференцію.

Берлинская конференція о Конго (15-го ноября 1884 г. до 26-го февраля 1885 г.) свидѣтельствуетъ уже сама по себѣ объ отрадномъ успѣхѣ европейскихъ культурныхъ народовъ; сто лѣтъ назадъ такія глубокія преобразованія могли бы съ трудомъ совершиться, не вызвавъ кровопролитія. Впрочемъ многія принятыя рѣшенія ясно указываютъ на то, что европейская дипломатія двигалась здѣсь на непривычной почвѣ. Самымъ значительнымъ событіемъ было признаніе и установленіе границы свободнаго государства Конго, хотя это обстоятельство было рѣшено между прочимъ; конференція косвенно признала уже это государство, допустивъ въ число своихъ членовъ полковника Штрауха, какъ представителя общества Конго. Общія опредѣленія Берлинской Конференціи заключаютъ въ себѣ объявленія свободы торговли и судоходства въ бассейнѣ Конго, въ теченіе 20-ти лѣтъ, объявленіе нейтралитета всѣхъ находящихся въ немъ областей, правила относительно судоходства, т. е. правила о пошлинахъ въ гаваняхъ, о платѣ лоцманамъ, о постановкѣ вѣхъ и маяковъ и т. д., а также соотвѣтствующія правила о судоходствѣ по Нигеру; заявленіе противъ торговли невольниками, и опредѣленія, какимъ образомъ должны совершаться впредь пріобрѣтенія владѣній въ Африкѣ. Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи уже замѣчается нѣкоторое проявленіе соревнованія европейскихъ государствъ по отношенію къ африканскимъ областямъ. Большая часть этихъ опредѣленій имѣла мало практическаго вліянія. Совершенная свобода торговли въ области, гдѣ можно создать ея необходимыя условія, — безопасность и доступность страны, лишь посредствомъ громадныхъ затратъ, также немыслима, какъ и различеніе необходимой и слишкомъ большой пошлины.

Также установленіе границъ государства Конго, достигнутое въ 1885 г. путемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ договоровъ, не было образцовымъ произведеніемъ дипломатическаго искусства. Вслѣдствіе притязаній португальцевъ береговая область была очень ограничена; и такъ какъ Франція получила правый берегъ Конго отъ Маньянга до устьевъ Убанги, то государство Конго въ заключеніе стало похожимъ на исполинскій плодъ, сидящій на тоненькомъ стебелькѣ. Достаточно скоро выяснилось, что новому государству приходится существовать главнымъ образомъ на субсидіи, которыя посылалъ ему Леопольдъ II; „Свободные Штаты Конго,“ какъ назвалъ ихъ Стэнли, неудачно подражая сѣверо-американской государственной формѣ, были въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ частной колоніей бельгійскаго короля. Поэтому служебныя должности этого государства заняли преимущественно бельгійцы, и хозяйственной эксплоатаціей занялись бельгійскія общества. Стэнли скоро проявилъ свою неспособность къ управленію этимъ своеобразнымъ государствомъ: обращеніе его въ колонію бельгійскаго государства стало только вопросомъ времени. И безъ того траты на управленіе постоянно расли. Ибо какъ ни мирны были отношенія государства Конго съ другими европейскими правительствами, но другая, враждебная европейской культурѣ, сила была очень мало расположена спокойно присоединиться къ дѣлежу Африки. Сила эта были арабы.

β) Появленіе Германіи въ ряду колоніальныхъ державъ.

Незадолго до основанія государства Конго, вслѣдствіе различныхъ причинъ, положеніе дѣлъ постепенно стало натянутымъ. Франція очевидно вырабатывала планъ дѣйствій для постепеннаго обращенія сѣверо-западной Африки въ могущественное колоніальное царство, которое должно было

простираться отъ Сенегала до Туниса, и охватывать въ то же время западный Суданъ; побуждаемая успѣхомъ Стэнли, она обратилась къ своей заброшенной колонiи около Габуна, съ цѣлью обратить ее въ исходную точку экспедицiй, которыя должны были обезпечить за Францiей возможно большую долю земель въ области Конго и возможно большее участiе въ торговлѣ по Конго (см. ниже, стр. 483). Самый рѣшительный толчекъ дѣлу дало внезапное появленiе Германiи въ ряду колонiальныхъ державъ.

Это появленiе Германiи было ничѣмъ инымъ, какъ послѣдствiемъ завоеваннаго ею въ 1870—71 г. нацiональнаго единства и непосредственнымъ результатомъ быстраго подъема государственнаго хозяйства. Цѣлая масса сѣмянъ, давно ждавшихъ своего раскрытiя, когда позволили благопрiятныя обстоятельства, вдругъ стала развиваться почти безъ всякаго плана, такъ что нѣмецкая колонiальная политика была чѣмъ угодно, только не политикой по широко задуманному и сознательно проведенному плану. Къ счастiю Германiя имѣла тогда въ лицѣ князя Бисмарка такого руководителя, который съумѣлъ внести ясность въ запутанное положенiе дѣлъ и который, несмотря на то, что его планъ прiобрѣтенiя острововъ Самоа не удался, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ съумѣлъ повести начатыя безъ его содѣйствiя предпрiятiя для пользы государства и защитить ихъ отъ недоброжелательства другихъ державъ. Когда въ мартѣ 1890 г. онъ отстранился отъ дѣлъ, то его сооруженiе уже было настолько прочно, что, хотя и могло быть повреждено въ неопытныхъ рукахъ (см. стр. 484), но не могло уже болѣе быть совсѣмъ разрушено.

Правда, нѣмецкiй народъ имѣлъ неопредѣленное сознанiе, что, какъ скоро онъ выполнитъ свою великую культурную задачу, онъ вступитъ въ число мiровыхъ державъ; но въ частности онъ былъ мало подготовленъ къ новымъ цѣлямъ. Спорили о томъ, что болѣе желательно, переселенческiя или плантацiонныя колонiи, между тѣмъ какъ вообще возможность прiобрѣсти еще колонiи уменьшалась съ каждымъ годомъ. Когда наконецъ были сдѣланы прiобрѣтенiя владѣнiй, возникли новыя затрудненiя. Дѣтскiя мечты, малодушiе, и филистерская умѣренность отстраняли главные вопросы на заднiй планъ. Нѣмецкiй капиталъ предпочиталъ терять миллiарды въ аргентинскихъ и греческихъ бумагахъ, чѣмъ отважиться удѣлить нѣсколько миллiоновъ для нацiональныхъ предпрiятiй, и нѣмецкiе чиновники хозяйничали нѣкоторое время въ новыхъ владѣнiяхъ очень страннымъ образомъ.

1) Нѣмецкая югозападная Африка.

Исторiя нѣмецкихъ колонiй въ Африкѣ начинается оффицiально съ 24-го апрѣля 1884 г. Въ этотъ день князь Бисмаркъ, послѣ дѣятельныхъ переговоровъ съ англiйскимъ правительствомъ по этому поводу, взялъ подъ покровительство Германiи владѣнiя на юго-западномъ берегу Африки, прiобрѣтенныя бременскимъ купцомъ Францомъ Адольфомъ Эдуардомъ Людерицъ. 7-го августа того же года нѣмецкiй флагъ сталъ развѣваться въ Ангра Пеквена, а вскорѣ затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ берега. Лишь медленно, шагъ за шагомъ и съ разными увертками правительства Англiи и Капской колонiи соглашались признать протекторатъ Германiи; Китовая бухта, съ ея ближайшими окрестностями и береговыми островами, которые были уже съ давнихъ временъ предметами притязанiй англичанъ, остались въ ихъ власти. Между тѣмъ внутри материка, частью черезъ агентовъ Людерица, частью черезъ уполномоченныхъ отъ государства, были заключены договоры относительно покровительства Германiи; по этимъ договорамъ вся страна Нама и страна Дамара признали верховную власть Германiи, хотя только по имени; эти же договоры послужили основанiемъ для окончательнаго соглашенiя съ Англiей (1-го iюля

1890 г.). По этому соглашенію граница области, ставшей подъ покровительство Германіи, была обозначена такимъ образомъ: южную границу составило нижнее теченіе Оранжевой рѣки, восточная идетъ отъ Оранжевой рѣки на сѣверъ по 20° восточной долготы (отъ Гринвича) до 22-го южной широты, а затѣмъ по 21° восточной долготы; на сѣверѣ узкая полоса германской земли протянулась до Замбези. По договору съ Португаліей 30-го декабря 1886 г. сѣверной границей было признано нижнее теченіе рѣки Кунене, и такимъ образомъ въ нѣмецкую область включена была и страна Овамбо.

Нѣмецкая юго-западная Африка безъ сомнѣнія составляетъ самое важное пріобрѣтеніе Германіи въ Африкѣ, единственное, которое мало по малу превратится въ настоящую нѣмецкую область; не менѣе значенія имѣетъ и то, что оно было первымъ по времени и что дипломатическая борьба съ притязаніями Англіи за обладаніе имъ проложила путь къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Правда, Китовая бухта, единственная гавань земли Дамара, осталась въ рукахъ англичанъ; но возникшія отсюда затрудненія были устранены, когда было найдено удобное для высадки съ кораблей мѣсто около Свакопмунда. Между тѣмъ развитіе самой области, находящейся подъ протекторатомъ Германіи, въ которой уже давно трудятся нѣмецкіе миссіонеры и которая представляетъ благопріятныя условія для нѣмецкихъ переселенцевъ, пошло впередъ очень медленно. Причины этого можно видѣть въ различныхъ обстоятельствахъ. Прежде всего основатель колоніи Людерицъ (ум. 1886 г.) не могъ со своими малыми средствами довершить начатое имъ предпріятіе; а основанное 5-го апрѣля 1885 г., „Нѣмецкое колоніальное общество юго-восточной Африки“, которое должно было заступить мѣсто Людерица, оказалось хилымъ созданіемъ. Внутри страны бушевала борьба между народомъ хереро и людьми Гендрика Витбуи (см. выше, стр. 408); между тѣмъ на арену борьбы былъ посланъ уполномоченный отъ германскаго правительства др. Герингъ безъ всякихъ дѣйствительныхъ военныхъ силъ. Но самый лютый врагъ нѣмецкой области находился по ту сторону ея границы: это былъ честолюбивый первый министръ Капской колоніи, Сесиль Родсъ, далеко хватавшіе планы котораго были самымъ непріятнымъ образомъ разстроены нѣмецкимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Африки.

Если, благодаря постояннымъ нападеніямъ Витбуи, раздутый капскимъ правительствомъ задоръ народа хереро и былъ настолько усмиренъ, что они готовы были признать нѣмецкое владычество, однако тѣмъ неизбѣжнѣе выступила передъ Германіей обязанность устранить нарушителей мира и привязать къ себѣ болѣе полезныхъ людей, зерномъ которыхъ считали смѣшанное населеніе мѣстности, окружавшей Рехоботъ, новый центръ управленія. Пришлось отказаться отъ образованія войска изъ туземцевъ для охраненія страны и послать туда нѣмецкую военную силу. Первый отрядъ, которымъ командовалъ капитанъ Куртъ фонъ Франсуа, пріѣхалъ въ Африку лѣтомъ 1889 г.; нѣмецкіе солдаты построили крѣпость Вильгельма около Тсаобиса, которая должна была служить для нихъ опорной точкой, но оказалась слишкомъ слабой для того, чтобы привести въ повиновеніе или Витбуи или хереро, возбужденныхъ подстрекательствомъ англійскаго авантюриста Льюиса, и затѣмъ быть въ состояніи съ помощью одной стороны совладать съ другой. Капитанъ фонъ Франсуа, получившій вскорѣ званіе государственнаго комиссара, считалъ своей первой задачей привести въ повиновеніе Витбуи, который послѣ смерти вождя Ка-Махереро (1890 г.) снова принялся съ удвоеннымъ рвеніемъ за свои разбойничьи походы, имѣя въ своихъ рукахъ крѣпость Горнкранцъ, служившую ему очень выгодной опорной точкой. Получивъ подкрѣпленіе въ 300 человѣкъ и перенеся центръ управленія въ Виндгукъ, фонъ Франсуа началъ борьбу, которая, несмотря на взятіе приступомъ Горн-

кранца 12-го апрѣля 1893 г., не подавала никакихъ надеждъ на скорое покореніе Витбуи. Только, когда майоръ Теодоръ Лёйтвейнъ (съ начала 1895 г. главнокомандующій въ странѣ) привелъ подкрѣпленіе, нѣмцамъ удалось послѣ послѣдней кровавой битвы въ ущельѣ Нау принудить Витбуи 9-го сентября 1894 г. сложить оружіе. Побѣжденный получилъ пощаду и былъ отправленъ на его родину въ Гибеонъ. Можно было предвидѣть, что по исчезновеніи Витбуи опять разгорится задоръ хереро; дѣйствительно, угрожающія смуты заставили еще усилить нѣмецкое войско.

Подъ охраной этого войска наконецъ удалось начать заселеніе страны нѣмцами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бурами; къ сожалѣнію, появленіе въ 1898 г. чумы рогатаго скота опять чувствительно повредило колонизаціи. Къ счастію правительство рѣшилось начать постройку дороги отъ Свакопмунда до Виндхука; и опасность слишкомъ большого участія англійскаго капитала въ переселенческихъ обществахъ (именно лондонское общество South-West Africa Company) была нѣсколько уменьшена.

2) Того и Камерунъ.

Не многимъ позднѣе, чѣмъ юго-западная колонія, были поставлены подъ покровительство Германіи области на Невольничьемъ берегу и на устьѣ рѣкъ Камеруна. Гамбургскіе и бременскіе купцы, торговля которыхъ должна была испытывать въ еще свободныхъ береговыхъ областяхъ разнаго рода помѣхи, хотѣли, если не дѣйствительнаго протектората, то всетаки появленія нѣмецкихъ военныхъ судовъ и заключенія договоровъ съ негрскими вождями. Событія въ юго-западной Африкѣ, которыя вызвали въ Германіи горячее воодушевленіе къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ, побудили князя Бисмарка пойти навстрѣчу этимъ желаніямъ самымъ энергичнымъ образомъ. Прежде всего Густавомъ Нахтигалемъ 5-го іюля 1884 г. было поставлена подъ покровительство Германіи область Того на Невольничьемъ берегу, гдѣ незадолго передъ тѣмъ сдѣлалось необходимо вмѣшательство нѣмецкаго военнаго судна; такимъ образомъ было пріобрѣтено владѣніе, которое, правда, самое небольшое изъ всѣхъ африканскихъ владѣній Германіи, но которое развилось сравнительно самымъ благопріятнымъ образомъ; здѣсь можно было почти совершенно избѣгнуть серьезныхъ битвъ. Благодаря дѣятельности нѣмецкихъ путешественниковъ, какъ напр. Людвига Вольфа (ум. 26-го іюня 1884 г.) и Эриха Клинга (ум. 15 сентября 1892 г.), внутреннія страны на значительное протяженіе были поставлены подъ покровительство Германіи и упрочены за нею договорами съ Англіей и Франціей. Попытки французовъ (именно Декоёра) заключать повсюду договоры далѣе внутри страны и тѣмъ препятствовать дальнѣйшему расширенію нѣмецкой области, были отчасти остановлены перекрестной экспедиціей Ганса Грунера, который въ 1895 г. заключилъ рядъ договоровъ съ племенами, живущими до Сай на Нигерѣ. Послѣ того, какъ нѣмцы пришли уже къ соглашенію съ Франціей, по договору относительно Самоа, въ 1899 г. была также установлена и граница съ англійскими владѣніями, такъ что нѣмецкій Тоголандъ простирается теперь до Сансанне Мангу. Между тѣмъ маленькая колонія развилась и въ хозяйственномъ отношеніи: бюджетъ показываетъ рѣшительную прибыль.

Когда германское правительство ближе заинтересовалось пріобрѣтеніемъ колоніальныхъ владѣній, гамбургская торговая палата указала на Камерунъ, какъ на самую важную изъ областей, которыя можно принять во вниманіе. Гамбургскія фирмы дѣйствовали здѣсь уже долгое время, торговля преуспѣвала. Только съ трудомъ удалось Нахтигалю опередить внезапно пробудившихся соперниковъ, англичанъ, и 14-го іюля 1884 г. посредствомъ поднятія флаговъ поставить подъ покровительство Германіи

сначала мѣстности у устья Камеруна, а нѣсколько дней спустя и мѣстности на берегу Батанги. Вскорѣ были заключены договоры о границахъ нѣмецкаго протектората на этомъ берегу съ Франціей (24-го дек. 1885 г.) и Англіей (7-го мая 1885 г. и 2-го августа 1886 г.).

Положеніе дѣлъ въ новыхъ колоніяхъ оказалось вскорѣ неудовлетворительнымъ, частью потому, что Германія и здѣсь приступила къ дѣлу съ недостаточными военными силами, частью потому, что англійскіе купцы все еще надѣялись устранить неудобный для нихъ фактъ нѣмецкаго протектората на этомъ берегу посредствомъ возбужденія безпорядковъ; дессантнымъ войскамъ одной нѣмецкой эскадры („Бисмаркъ“ и „Ольга“) пришлось выдержать 20-го декабря 1884 г. кровавую битву съ жителями многихъ возмутившихся селеній. Со времени появленія перваго губернатора, Юлія барона фонъ Соденъ, въ іюлѣ 1885 г., господствовало относительное спокойствіе; однако область развивалась пока еще медленно. хотя и удалось установить правильное государственное хозяйство, и отдѣльныя попытки развести на превосходной вулканической почвѣ горы Камеруна плантаціи остались не безъ успѣха. Въ послѣднее время устройство плантацій подвинулось впередъ блестящимъ образомъ; внутренняя страна, доступъ въ которую сдѣлался открытымъ благодаря многочисленнымъ экспедиціямъ, сдѣлалась предметомъ эксплоатаціи для торговыхъ обществъ, изъ которыхъ одно, основанное съ помощью бельгійскаго капитала, начало свою дѣятельность съ бассейна Конго. Возстаніе полицейскаго войска, набраннаго изъ дагомейцевъ, 15-го декабря 1893 г. не принесло серьезнаго ущерба развитію колоніи. Къ сожалѣнію, при опредѣленіи границъ внутренней страны (15-го ноября 1893 г. со стороны англійскихъ и 15-го марта 1894 г. со стороны французскихъ сосѣднихъ колоній) Германія оказалась въ проигрышѣ и дала Франціи забрать въ свои руки всѣ выгоды.

3) Нѣмецкая восточная Африка.

Въ восточной Африкѣ мы наталкиваемся на владѣніе Германіи, которое не только привлекло къ себѣ наибольшее вниманіе Германіи, но и принудило ее энергично вмѣшаться во внутреннюю исторію Африки и принять участіе въ разрѣшеніи важныхъ вопросовъ. И эта колонія возникла благодаря дѣятельности частныхъ кружковъ.

Въ восточной Африкѣ, если не считать мало привлекательный берегъ Сомала, не было больше незанятой береговой области; даже Занзибаръ, султанъ котораго Сеидъ Баргашъ въ 1874 г. только подъ вліяніемъ минутнаго настроенія искалъ у Германіи защиты противъ Англіи, считался почти что вассальнымъ государствомъ Англіи и его невозможно было бы пріобрѣсти иначе, какъ только посредствомъ настоящаго государственнаго договора. Поэтому то у возникшаго 3-го апрѣля 1884 г. „Общества нѣмецкой колонизаціи“, явилась смѣлая, но счастливая мысль: снарядить экспедицію въ страну, лежащую за занзибарскимъ берегомъ внутри материка, пріобрѣсти тамъ земли, и затѣмъ ожидать послѣдствій этого факта. Карлъ Петерсъ, который былъ иниціаторомъ при основаніи общества и предводителемъ небольшой экспедиціи, заключилъ 8-го ноября 1884 г. рядъ договоровъ съ отдѣльными вождями въ Усагара, Нгуру и пр.; эти договоры были оффиціально утверждены 27-го февраля 1885 г. Въ то же время общество получило императорскую охранную грамоту. Между тѣмъ Сеидъ Баргашъ началъ принимать мѣры для противодѣйствія нѣмцамъ, посылая свои войска въ страну, примыкающую къ берегу, и доказывать насиліемъ свое право на нее. Только когда Германія настойчиво отклонила его притязанія, Франція заявила, что не будетъ вмѣшиваться въ эти отношенія, и англійское правительство посовѣтывало только дѣйство-

вать съ умѣренностью; только тогда удалось, 13-го августа 1885 г., достигнуть предварительнаго соглашенія всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ; этому оказало большое содѣйствіе прибытіе къ Занзибару нѣмецкой эскадры. Берегъ остался по германско-англійскому соглашенію 29-го октября 1886 г. собственностью султана; но гавани Даръ эсъ Салаамъ и Пангани должны были находиться въ распоряженіи образовавшагося 7-го сентября 1885 г. „Нѣмецкаго Восточно-африканскаго общества“. Общество скоро обнаружило свою дѣятельность, расширило свою область въ глубь материка, начало разводить опытныя плантаціи и сооружать станціи. Когда 8-го апрѣля 1888 г. обществу были отданы на откупъ таможни на берегу, и ему такимъ образомъ были обезпечены постоянные и прочные доходы, казалось, что уже дѣйствительно ничего болѣе не можетъ препятствовать здоровому развитію.

Но къ сожалѣнію, и въ восточной Африкѣ нѣмцы стали впадать въ тѣ же ошибки, какъ и въ юго-западной Африкѣ и Камерунѣ: военныя силы, находившіяся въ распоряженіи общества, далеко не соотвѣтствовали его притязаніямъ и опасностямъ его положенія. Въ восточной Африкѣ Германія имѣла гораздо болѣе страшнаго врага, чѣмъ въ другихъ африканскихъ областяхъ: всѣ арабы подняли знамя возмущенія. Занятіе береговыхъ мѣстностей нанесло новый тяжелый ударъ торговлѣ невольниками, а вмѣстѣ съ этимъ и другому главному источнику доходовъ арабовъ: воздѣлыванію плантацій съ помощью дешевыхъ, привезенныхъ извнутри материка рабовъ. Такимъ образомъ прежде богатымъ арабамъ берега угрожало полное разореніе; между тѣмъ въ нихъ былъ развитъ, благодаря торговлѣ рабами и охотѣ на нихъ, воинственный, необузданный духъ, а благодаря постояннымъ вмѣшательствомъ европейцевъ у нихъ развилась страшная ненависть къ нимъ.

Едва только успѣли чиновники Восточно-африканскаго общества собрать 15-го августа 1888 г. таможенные сборы, какъ повсюду начались безпорядки, окончившіеся частью умерщвленіемъ нѣмецкихъ чиновниковъ; только станціи Багамойо и Даръ Эсъ Салаамъ были удержаны въ повиновеніи съ помощью нѣмецкихъ военныхъ судовъ, хотя все время были жестоко тѣснимы толпами повстанцевъ, главнымъ образомъ негровъ подъ предводителъствомъ арабовъ. Опаснымъ врагомъ нѣмцевъ явился арабъ Бушири, который раздулъ возстаніе въ Пангани и отсюда управлялъ имъ въ береговой странѣ. Чиновники султана держали себя большей частью по меньшей мѣрѣ двусмысленно.

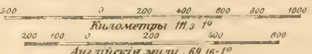
Государству пришлось идти на помощь находившемуся въ затруднительномъ положеніи обществу. 30-го января 1889 г. въ рейхстагѣ было рѣшено сформировать изъ африканцевъ войско для охраны страны и Германнъ Виссманнъ, который только что вернулся изъ своего второго славнаго путешествія по Африкѣ, назначенъ главнокомандующимъ въ береговой области. Въ Каирѣ были набраны суданскіе солдаты; сюда были присоединены солдаты изъ береговой области и Занзибара (Аскари), также зулусы съ юга. Уже 8-го мая было нанесено первое пораженіе Бушири; его укрѣпленный лагерь у Багамойо былъ взятъ приступомъ африканскимъ нѣмецкимъ войскомъ при помощи отряда нѣмецкихъ солдатъ изъ флота; затѣмъ были очищены отъ враговъ окрестности Даръ эсъ Салаама и туземцы были вынуждены покориться нѣмцамъ. Тогда удалось вернуть и прочіе береговые города, которые находились въ рукахъ возставшихъ. Прежде всего очередь была за Саадани (6-го іюня); другія селенія послѣ отступленія Бушири во внутреннія страны, гдѣ онъ разрушилъ нѣмецкую станцію Мпапуа, казалось, были склонны сдаться безъ боя. Но такъ какъ переговоры не приводили ни къ какому результату, то 8-го іюля нѣмцы открыли огонь по Пангани, и затѣмъ взяли его приступомъ; 12-го была взята послѣ короткаго боя Танга. Мпапуа была взята и возстановлена

самимъ Виссманномъ. Между тѣмъ Бушири нашелъ новыхъ союзниковъ въ народѣ мафити (см. стр. 422) и вмѣстѣ съ ними съ юго-запада подошелъ къ Багамойо. 19-го октября и эта шайка, которая произвела ужасныя опустошенія, была разбита барономъ Карломъ фонъ Гравенрейтъ (убитымъ 5-го ноября 1891 г. передъ Буэа). Въ декабрѣ многократно побѣжденный Бушири былъ схваченъ во время бѣгства около Пангани и тамъ же повѣшенъ 14-го декабря 1889 г. Затѣмъ былъ взятъ приступомъ 15-го января 1890 г. лагерь самаго сильнаго изъ вождей Усегухи и **Бана Хери**, который продолжалъ возстаніе въ своей области; послѣ второго пораженія 9-го марта, онъ сдался въ началѣ апрѣля и получилъ прощеніе. Съ этого времени всѣ силы значительно подкрѣпленнаго охраннаго войска были собраны для борьбы противъ все еще продолжавшаго возстаніе юга (Кильва-Кивинджe, Линди, Микиндани); эта борьба имѣла полный успѣхъ.

Къ сожалѣнію Виссманнъ, который пріобрѣлъ себѣ во всей нѣмецкой области славное имя, какъ солдатъ и какъ организаторъ, былъ отозванъ; и благодаря различнымъ взглядамъ на свое дѣло многократно мѣнявшихся губернаторовъ (фонъ Зоденъ, фонъ Шеле и др.), возникли опасныя колебанія политики. Несмотря на горькій опытъ, рѣшили уменьшить число войскъ; только кровавыя пораженія, которыя потерпѣли нѣкоторые отряды въ Ухехе (17-го августа 1891 г.; см. II родословную таблицу въ концѣ) и около Килиманджаро (10-го іюня 1892 г.) обнаружили гибельность этихъ мѣропріятій. Между тѣмъ Эминъ Паша (Эдуардъ Шницеръ), котораго противъ воли спасъ Стэнли, поступилъ на нѣмецкую службу и основалъ станціи въ Таборѣ и на озерѣ Викторія; но управленіе восточно-африканскихъ нѣмецкихъ владѣній не знало, чтó дѣлать съ опытнымъ африканцемъ; также и на берегу своими безчисленными мѣрами и ограниченіями оно выказало мало умѣнья разумно примѣняться къ положенію дѣлъ въ странѣ. Впрочемъ кое что всетаки было сдѣлано. Главный городъ Даръ эсъ Салаамъ развился очень благопріятнымъ образомъ, а во внутренней странѣ, вокругъ Танги, которая отчасти уже сдѣлана легко доступной съ берега, благодаря желѣзной дорогѣ, плантаціи занимаютъ уже значительное пространство. Окончательныя границы (см. приложенную карту „Африка, политическій обзоръ") нѣмецкой колоніи были опредѣлены благодаря **германско-англійскому договору 1-го іюля 1890 г.**, который предоставилъ Занзибаръ англійскому протекторату и тѣмъ нанесъ тяжелый ударъ развитію нѣмецкой области. Одновременно съ этимъ Германія отказалась также отъ пріобрѣтенныхъ уже правъ на цѣнную страну Виту въ устьѣ рѣки Тана и на часть берега Сомала и предоставила англійскому вліянію Уганду — все это за Гельголандъ. Берегъ отъ Умбы (на сѣверѣ) до Ровумы (на югѣ) перешелъ цѣликомъ во власть нѣмцевъ; султанъ Занзибара Сейидъ Али получилъ за это сумму въ 4 милліона марокъ. Съ этихъ поръ колонія продолжала развиваться не безъ благопріятныхъ результатовъ, несмотря на многократные неурожаи и другіе ущербы въ хозяйствѣ. Большая часть внутренной страны признаетъ теперь господство нѣмцевъ; нѣмецкая пароходная линія связываетъ колоніи съ метрополіей. Однако большія перемѣны будутъ вызваны лишь проведеніемъ желѣзной дороги (Stichbahnen или Zentralbahn?).

γ) Французская политика въ Суданѣ.

Хотя лихорадочно горячій характеръ соревнованія между европейцами въ пріобрѣтеніи африканскихъ владѣній былъ вызванъ только вмѣшательствомъ Германіи въ колонизацію Африки, но первые шаги въ этомъ направленіи сдѣлала **Франція**, которая съ большой ловкостью пользовалась отдѣльными, уже давно занятыми опорными точками на берегу съ


АФРИКА
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
Масштабъ 1:38000000
Километры 111,3 1°
Англійскія мили 69,16-1°
ЕВРОПЕЙСКІЯ ВЛАДѢНІЯ:
Г. Германскія
Бр. Британскія
Ф. Французскія
П. Португальскія
И. Испанскія
Ит. Итальянскія
Подъ турецкимъ владычествомъ
ИМЕНА НАРОДОВЪ
Главные пароходные рейсы
Телеграфные кабели

Исторія человѣчества III

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

цѣлью пробиваться вглубь материка, и такимъ образомъ постепенно приближаться къ осуществленiю мечты о большомъ французскомъ царствѣ въ Африкѣ.

Прежде всего французы старались какъ можно болѣе расширять свои владѣнiя въ Сенегамбiи. Англiйская область на Гамбiи и португальская на Рiо Гранде скоро оказались окруженными французскими землями, и такимъ образомъ ростъ ихъ долженъ былъ остановиться; весь лѣвый берегъ Сенегала скоро цѣликомъ попалъ подъ власть Францiи, и было принято рѣшительное намѣренiе проникнуть до верхняго Нигера. Уже въ 1854 г. назначенному губернаторомъ Луи Леонъ Сезаръ Федэрбу (см. выше, стр. 470) удалось остановить движенiе опаснаго войска магометанъ, которое собралось вокругъ Хаджи Омара. Федэрбъ освободилъ осажденную Медину (1857), нанесъ пораженiе Хаджи Омару, который отступилъ къ своей столицѣ Сегу-Сикоро на Нигерѣ, и покорилъ большую часть верхней Сенегамбiи. Но здѣсь колонизацiя въ крупныхъ размѣрахъ началась гораздо позже и по времени совпадаетъ приблизительно съ событiями на Конго. Въ 1878 г. Поль Солейе (Soleillet, ум. 16-го сентября 1886 г.) проникъ къ верхнему Нигеру, гдѣ встрѣтилъ дружественный прiемъ; уже годъ спустя французскiй парламентъ отпустилъ средства на постройку желѣзной дороги отъ Медины до Баммако которая должна была связать верхнiй Сенегалъ съ Нигеромъ и такимъ образомъ направить всѣ сношенiя западнаго Судана въ Сенегамбiю. Рьяно принялись за постройку, перевезли туда марокскихъ и китайскихъ рабочихъ, но только въ 1884 г. была окончена работа на протяженiи 70-ти клм., и истрачено на нее 30 миллiоновъ франковъ. Затѣмъ отъ этого предпрiятiя отказались, и только въ самое недавнее время опять принялись за его осуществленiе.

Между тѣмъ Жозефъ Симонъ Галлiени въ 1880 г. проникъ до Нигера и заключилъ съ султаномъ Сегу Ахмаду (Махмаду) Ламине, сыномъ Хаджи Омара, договоръ, по которому долина верхняго Нигера до Тимбукту была поставлена подъ покровительство французовъ (1881 г.); важное мѣсто Кита между Сенегаломъ и Нигеромъ было укрѣплено. Новая экспедицiя въ слѣдующемъ году побѣдила на верхнемъ Нигерѣ предводителя шайки Алмами Самори, родившагося въ 1835 г. въ Сананкоро, храбраго сына мандингскаго купца въ Банкоро, и построила на берегу близь Баммако укрѣпленiе; благодаря многочисленнымъ мелкимъ походамъ, была поддержана связь съ Сенегаломъ, и Самори оттѣсненъ назадъ; въ 1887 г. онъ поставилъ себя подъ покровительство Францiи. Противодѣйствiе Ахмаду, который мало заботился о заключенномъ договорѣ, было побѣждено только 6-го апрѣля 1890 г.; въ этотъ день былъ взятъ городъ Сей-Сикоро. Въ томъ же году Луи Монтейль прошелъ изъ Сегу на востокъ до Куки, заключая по всему пути договоры, и возвратился черезъ Триполисъ на родину. И съ берега Слоновой Кости французы успѣшно проникали вглубь страны; покоренное въ 1892 г. Дагомэ образовало исходную точку, изъ которой отправлялись походы въ страны Судана. Англiя уже 5-го августа 1890 г. заключила съ Францiей договоръ, по которому линiя отъ Сай на Нигерѣ до сѣверо-западнаго угла озера Чадъ должна была разграничивать области ихъ влiянiй. Въ 1893 г. Самори, властитель Биссандугу, Канкана и Сансандо, увидѣлъ себя вынужденнымъ предоставить свое царство Вассулу (Оуасселоу) французамъ и удалиться въ Конгъ, лежащiй далѣе на юго-востокъ. Въ серединѣ 1898 г. онъ былъ изгнанъ и отсюда; онъ спасся бѣгствомъ, все еще сопровождаемый многочисленными приверженцами, въ материковую страну, примыкающую къ республикѣ Либерiи. Тамъ онъ потерпѣлъ пораженiе 9-го сентября 1898 г. и черезъ двадцать дней послѣ этого былъ загнанъ, благодаря натиску капитана Г. I. Евгенiя Гуро, въ область источниковъ Кавалли и взятъ въ плѣнъ; 2-го iюня 1900 г.

онъ умеръ въ плѣну. Съ того времени Франція снова укрѣпила свое господство въ западномъ Суданѣ.

Грандіозный планъ соединить сѣверный берегъ съ западнымъ Суданомъ въ одно большое французско-африканское царство уступилъ первое мѣсто другому еще болѣе величественному плану, расширить и французское Конго до средняго Судана и тѣмъ сплотить всѣ отдѣльныя африканскія владѣнія (кромѣ Обока) въ одно цѣлое. Послѣ того какъ Пьеръ Саворньянъ де Бразза (см. выше, стр. 475), въ промежутокъ между 1878 и 80-мъ годами превратилъ скромную колонію Габунъ въ могучее „Французское Конго", попытки проникнуть на сѣверъ и сѣверовостокъ не прекращались; благодаря этому и нѣмецкая колонія Камерунъ была со всѣхъ сторонъ заключена въ опредѣленныя границы (см. выше, стр. 480). Уничтоженіе Рабаха устранило главное препятствіе этимъ планамъ (см. стр. 521).

д) Нильско-Капская политика Англіи.

Англія, повидимому, нѣсколько запоздала съ осуществленіемъ своихъ мечтаній о грандіозномъ африканскомъ царствѣ отъ Нила до Капской земли; эти мечтанія были очень непріятно разсѣяны вмѣшательствомъ Германіи; однако англичане спасли все, что только могли. Пользуясь слабостью Португаліи, Англія расширила свои владѣнія до озеръ Ньяссы и Танганьики (страна Ньясса 1891 г.; съ 22-го февраля 1893 г. „British Central Africa"). Отъ дельты Нигера англичане распространили свое вліяніе на государства Гаусса, и пріобрѣли въ ущербъ Германіи западную часть Адамауа съ главнымъ городомъ Іола. Но болѣе всего успѣховъ достигли англичане на востокѣ.

Общественное мнѣніе въ Англіи указывало на восточную Африку, какъ на страну будущаго, которая можетъ сдѣлаться новой Индіей; такъ какъ Капская область и Египетъ были въ рукахъ Англіи, то мысль присоединить всю восточную Африку къ британскому міровому царству не казалась неисполнимой. Правда, по временамъ египетскій Суданъ, благодаря возстанію махдистовъ, дѣлался недоступнымъ, и Эминъ Паша въ экваторіальныхъ странахъ—отрѣзаннымъ отъ всего міра; но какъ разъ благодаря этому представилась возможность проникнуть съ восточнаго берега или отъ Конго въ экваторіальную область и сдѣлать страну, которая осталась совсѣмъ безъ хозяина, англійской провинціей. Вѣроятно подобные планы лежали въ основаніи „похода спасенія" Стэнли (см. стр. 482). Послѣ неожиданныхъ дѣйствій Германіи, Англія поспѣшила спасти для себя хотя бы часть восточно-африканскаго берега, прежде всего Момбасъ; при этомъ англичане ловко воспользовались упадкомъ внѣшней политики Германіи послѣ паденія Бисмарка (стр. 477), чтобы пріобрѣсти перваго іюля 1890 г. острова Занзибаръ и Пембу. 31-го августа 1896 г. эти пріобрѣтенія были объявлены какъ „East Africa Protectorate", особой страной, находящейся подъ покровительствомъ Англіи. Теперь верхняя область Нила оставалась вполнѣ во власти Англіи. Даже старый планъ распространить вліяніе Англіи длинной полосой отъ Александріи до Капской области былъ опять возстановленъ: государство Конго уступало полосу земли, которая должна была связать англійскую землю Уганда съ сѣвернымъ берегомъ озера Танганьики, которое со своей стороны образовывало связь съ британской центральной Африкой; однако протестъ Германіи воспрепятствовалъ выполненію этого договора.

Такъ какъ попытка утвердиться на верхнемъ Нилѣ съ помощью Эмина Паши въ 1888 г. не удалась, то „Британское Восточно-африканское общество", которому были представлены англійскія владѣнія на материкѣ, обратило свое вниманіе на страну Уганда. Положеніе дѣлъ

въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе вражды протестантовъ, католиковъ и магометанъ, дѣлалось все хуже, такъ что вмѣшательство европейской державы казалось желательнымъ. Въ 1890 г. страна была раздѣлена на двѣ половины: католическую и протестантскую, а магометане, какъ самые слабые, были отстранены. Представитель Британскаго общества Фредерикъ Лугардъ былъ принятъ въ 1890 г. королемъ Мванга (см. стр. 429) съ недовѣріемъ, а протестантской партіей съ надеждами, хотя она и не желала англійскаго протектората. Нѣмецкое господство конечно было бы тамъ всюду принято въ то время. 26-го декабря 1890 г. Мванга и старѣйшины его народа заключили съ Лугардомъ договоръ, который поставилъ Уганду подъ покровительство Британскаго Восточно-африканскаго общества. Чтобы отвлечь вниманіе отъ неудовольствій, Лугардъ предпринялъ во главѣ соединившихся христіанскихъ партій въ маѣ 1891 г. походъ противъ короля Кабреги, царствовавшаго въ Уніоро (см. стр. 430); затѣмъ предпринялъ еще походъ на сѣверо-западъ, и встрѣтивъ суданцевъ, которые остались тамъ во время отступленія Эмина-Паши, присоединилъ ихъ къ своему отряду. Это подкрѣпленіе дало ему возможность построить большое число укрѣпленій. Но въ началѣ 1892 г. возникли новые безпорядки. Лугардъ наконецъ поневолѣ сталъ на сторону протестантовъ; король и католическіе миссіонеры бѣжали на югъ въ нѣмецкую область. Послѣ того, какъ былъ заключенъ новый договоръ, Мванга возвратился весной 1892 г. въ Уганду; протестанты получили главную часть страны (четыре шестыхъ), католики и магометане по одной шестой. Такъ какъ Британское Восточно-африканское общество не могло справляться со своей задачей, Уганда была поставлена 19-го іюля 1894 г. подъ покровительство англійскаго правительства; то же самое случилось 30-го іюня 1896 г. съ Уніоро и Уссонга. Отъ движенія внизъ по Нилу пока отказались. Напротивъ того, часть старой провинціи Эмина Паши предоставили, какъ бы въ аренду, государству Конго; войска Конго, которыя уже успѣшно усмирили возстаніе арабовъ на верхнемъ Конго, проникли въ область, которой угрожали махдисты, и вновь овладѣли нѣкоторыми опорными пунктами Эмина Паши. Пораженіе махдистовъ (см. ниже) дастъ въ будущемъ англичанамъ возможность связать свои владѣнія съ египетскимъ Суданомъ.

Въ другихъ мѣстахъ Африки Англія выказала мало энергіи. Англичане почти совсѣмъ не пользовались очень удобными позиціями на Гамбіи и въ Сьерра Леоне для того, чтобы расширить свое вліяніе внутри материка; и на Золотомъ берегу удовольствовались тѣмъ, что сдѣлали Ашанти настоящимъ вассальнымъ государствомъ.

ε) Португалія.

Старая колоніальная держава Португалія еще не совсѣмъ отступила на задній планъ. Расцвѣтъ Сâнъ Томе́ (св. Θомы) содѣйствовалъ оживленной колоніальной работѣ въ Анголѣ (см. стр. 466). И въ восточной Африкѣ португальцы стараются удержать за собой жестоко стѣсненныя англичанами владѣнія. Въ 1895 г. походомъ противъ возставшаго князя Зулу сохраненъ и успокоенъ югъ колоній, который начинаетъ процвѣтать вслѣдствіе развитія въ Трансваалѣ и Родезіи горнаго дѣла. Но приведетъ ли положеніе финансовъ въ метрополіи въ концѣ концовъ всетаки къ необходимости продать по крайней мѣрѣ часть африканскихъ владѣній, пока еще вопросъ будущаго. Содержащійся въ тайнѣ договоръ, заключенный въ 1898 г. между Германіей и Англіей, повидимому касается этой возможности.

Б, Негрская республика Либерія.

Когда мы говорили объ англійской колоніи Сьерра Леоне (стр. 468), мы упоминали о попыткахъ поселять освобожденныхъ рабовъ на африканскомъ берегу и цивилизовать ихъ; эти попытки на Сьерра Леоне, гдѣ англійское управленіе дѣйствовало довольно разумно, не остались безъ успѣха. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ основанія этой колоніи сѣверо-американцами была основана Либерія. Въ 1816 г. въ сѣверной Америкѣ образовалось общество (American Colonisation Society, for colonising the free people of colour of the United States), которое поставило себѣ цѣлью перевезти въ Африку освобожденныхъ американскихъ негровъ и тамъ соединить ихъ въ правильную колонію. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, въ 1821 г. была основана колонія на мысѣ Мезурадо, и хотя колонистовъ изнуряли лихорадки и постоянно тревожили туземцы, колонія продолжала всетаки свое существованіе. Первые колонисты были дѣйствительно храбрые люди, привыкшіе къ труду и готовые энергично отстаивать свое новое отечество, Въ 1822 г. колонія получила государственное устройство и свое теперешнее названіе (Либерія). Но она еще долгое время стояла подъ управленіемъ бѣлаго агента Ашмуна, котораго можно считать настоящимъ основателемъ Либеріи; онъ съумѣлъ внести порядокъ въ еще довольно безпомощный государственный организмъ и значительно расширить его область. Число переселяющихся негровъ постоянно возрастало. Въ 1835 г. члены общества трезвости основали на мысѣ Пальма особую колонію Мэрилэндъ, которая только въ 1857 г. присоединилась къ Либеріи: другія общества удовольствовались основаніемъ отдѣльныхъ мѣстечекъ въ области Либеріи. Въ 1839 г. Либерія получила болѣе свободное государственное устройство, но еще всетаки стояла подъ управленіемъ бѣлаго губернатора (Буханана). Только враждебность Англіи, которая не хотѣла признавать верховныхъ правъ американскаго колоніальнаго общества, принудила либеріанцевъ объявить себя 26-го іюля 1847 г. независимыми и дать своей странѣ республиканское государственное устройство, выработанное профессоромъ Гарвардскаго университета Гринлифомъ; прежній губернаторъ Робертсъ былъ избранъ президентомъ; въ 1855 г. въ президенты былъ избранъ первый негръ Стефенъ Алленъ Бензонъ. Таможенные споры съ Англіей (съ 1860 г.) скоро сдѣлали жизнь молодой республики очень тяжелой; между тѣмъ правительственная власть довольно правильно переходила отъ одной изъ двухъ главныхъ партій страны, вѣроисповѣданіе которыхъ мало измѣняло дѣло, къ другой. Постепенно переселеніе изъ Америки прекращалось, старые, энергичные люди колоніи вымирали, а приростъ населенія не соотвѣтствовалъ вымиранію. Во внѣ это ухудшеніе дѣла ярко отразилось въ заключеніи займа въ 10,000 фунтовъ стерлинговъ (1871 г.), который былъ невѣроятно убыточенъ для Либеріи; еще теперь она тяжело страдаетъ отъ его послѣдствій. Въ 1882 г. Англія, посредствомъ вымогательства, отняла у слабаго восьмого президента Гардинера купленную Либеріей въ 1850 г. область Галены. Населеніе состоитъ теперь изъ 18,000 „американцевъ", переселенцевъ изъ Америки и ихъ потомковъ, и изъ туземцевъ берега, число которыхъ, можетъ быть, достигаетъ милліона; христіанство мало распространилось среди туземцевъ, тогда какъ исламъ дѣлаетъ угрожающіе успѣхи во внутренней странѣ.

В. Исторія колоній внѣтропической южной Африки.

Единственныя области темнаго материка, гдѣ возможно здоровое развитіе населенія изъ европейцевъ, это — Капландъ, Наталь и страны буровъ, во внѣтропической южной Африкѣ, къ которымъ, можно на-

дѣяться, со временемъ присоединится нѣмецкая юго-западная Африка (см. стр. 478). Тѣ, кто нашли въ этихъ мѣстахъ свою вторую родину, происходятъ почти сплошь изъ германскаго племени. Колонисты, происходившіе изъ другихъ племенъ, большее число которыхъ составляли французскіе протестанты, смѣшались съ остальной массой населенія и либо приняли самый распространенный въ странѣ языкъ голландскій, либо примкнули къ англичанамъ. Настоящее международное смѣшеніе возникло только въ большихъ рудниковыхъ городахъ.

a) Южная Африка въ земледѣльческій вѣкъ (1652—1866).

α) Подъемъ и успѣхи южно-африканскаго населенія.

Исторія колоній южной Африки начинается съ 1652 года. Только желаніе устроить станцію, гдѣ бы мореплаватели, направляющіеся въ Остъ-Индію, могли запастись новыми силами, вызвало къ жизни первую маленькую колонію въ Столовой бухтѣ, основателемъ которой былъ Янъ фонъ-Рибекъ (см. стр. 406). Поселившіеся здѣсь въ незначительномъ числѣ колонисты старались завязать дружественныя сношенія съ жившими по сосѣдству готтентотами, которые напротивъ того скоро выказали къ нимъ враждебное отношеніе; новые колонисты стали заниматься скотоводствомъ и начали заселять равнину, окружающую только что возникшую маленькую крѣпость. Къ нимъ стали постепенно присоединяться новые переселенцы; но по мѣрѣ того какъ фермы переселенцевъ распространялись все дальше вглубь страны, столкновенія съ туземцами происходили все чаще, пока въ 1659 г. не вспыхнула настоящая война. Въ это время сложились тѣ отношенія, которыя должны были создать изъ голландскихъ переселенцевъ такую своеобразную, во многихъ отношеніяхъ достойную удивленія породу людей. Такъ какъ остъ-индская компанія была неспособна охранять далеко живущихъ поселенцевъ, то они образовали свою собственную военную силу („коммандо“). Они всегда должны были быть наготовѣ, чтобы защищаться отъ постоянно угрожавшаго врага: это неминуемо должно было закалить характеръ „буровъ“ (boers; значитъ то же, что нѣмецкое Bauer), развить до крайнихъ предѣловъ чисто нижне-германскую любовь къ независимости, но въ то же время и вселить въ ихъ сердце презрѣніе и неумолимую суровость къ желтокожимъ „тварямъ“. Первая, не очень славная война голландцевъ съ готтентотами окончилась миромъ, установившимъ границу колоніи, которая прошла по Браккъ-Ривіеру; съ теченіемъ времени постепенно удалось подчинить себѣ сосѣднія готтентотскія племена и завязать торговыя сношенія съ отдаленными странами. Съ хищническими бушменами (стр. 406) было не такъ легко справиться, какъ съ готтентотами.

Въ 1684 г. были основаны мѣстечки Стелленбомъ, Паарль и Дракенстейнъ. Впрочемъ не только голландцы селились въ Капской области; въ числѣ ея колонистовъ было значительное число нѣмцевъ, именно тѣхъ нѣмцевъ, которые пришли въ эту страну, какъ солдаты Остъ-Индской компаніи, и французскихъ протестантовъ. Изъ этихъ то трехъ элементовъ и выросла новая южно-африканская національность. Чѣмъ дальше вглубь страны уходили колонисты, тѣмъ менѣе могла Остъ-Индская компанія сохранять свое вліяніе на нихъ, и тѣмъ независимѣе долженъ былъ чувствовать себя каждый отдѣльный буръ на своей отдаленной фермѣ; но въ то же время тѣмъ безпощаднѣе начинали они дѣйствовать по отношенію къ туземцамъ, такъ что въ западной части Капской области большая часть готтентотскаго населенія была постепенно вытѣснена, уничтожена, или же смѣшалась съ сосѣдями. Совсѣмъ иного врага встрѣтили колонисты, когда они на востокѣ перешагнули границу каффрскихъ племенъ. Первыя битвы начались въ 1737 г., а первая большая война съ каффрами вспыхнула въ 1780 г. (см. стр 407).

β) Вмѣшательство Англіи (1795).

Опасеніе, чтобы англичане не укрѣпились въ бухтѣ Алгоа, было причиной основанія въ этомъ мѣстѣ въ 1785 г. города Граафъ-Рейнета. Но скоро Англія получила возможность овладѣть всей колоніей; это произошло въ тотъ моментъ, когда ея вмѣшательство было благодѣяніемъ для страны. Мало по малу недовольство голландской Остъ-Индской компаніей возрасло между колонистами до такой степени, что вспыхнули возстанія въ разныхъ мѣстахъ, и въ Свеллендамѣ въ 1795 г. была провозглашена республика, тогда какъ въ то же время среди туземцевъ господствовало повсемѣстное броженіе, и замышлялась война для истребленія колонистовъ, которыхъ тогда едва можно было насчитать болѣе 20,000 душъ. Когда Англія въ 1795 г. приняла въ свое владѣніе страну (окончательно въ 1806 г.), она не встрѣтила никакого значительнаго сопротивленія.

Попытки англійскаго правительства установить порядокъ и добыть средства для этого посредствомъ сбора податей конечно нашли очень мало сочувствія у буровъ. Значительная часть ихъ стала стараться избавиться отъ гнета: началась „тяга" (trekken, — тянуть, переселяться), которая достигла еще большихъ расмѣровъ, когда англійское правительство крѣпче натянуло вожжи. Такъ какъ противодѣйствіе кафферовъ на востокѣ затрудняло дальнѣйшее движеніе впередъ, то потокъ переселенцевъ направился на сѣверъ. На ихъ мѣсто пріѣзжали англійскіе колонисты, которымъ эта отдаленная и уединенная область безспорно обязана большею частью своей болѣе высокой культуры; на востокѣ Капской области они постепенно стали преобладающимъ элементомъ. Съ 1834 до 1836 г. происходили первыя большія переселенія буровъ черезъ Оранжевую рѣку. Уже тогда выказалась та противуположность въ пониманіи отношеній, которая должна была наложить свой отпечатокъ на исторію Африки: „Африкандеры", какъ любили называть себя переселенцы, думали, что въ своихъ новыхъ областяхъ они свободны и независимы, тогда какъ англійское правительство твердо стояло на томъ, что буры и на своей новой родинѣ остаются англійскими подданными и что ихъ область, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій — британское владѣніе.

Буры нашли по ту сторону Оранжевой рѣки государство, для Африки довольно хорошо организованное. Народъ грикува (см. стр. 409), въ жилахъ котораго уже тогда текло много голландской крови, смотрѣлъ не безъ удовольствія на то, что онъ пріобрѣтаетъ въ бѣлыхъ пришельцахъ цѣнное подкрѣпленіе противъ своего главнаго врага, князя народа базуто Мошеша (стр. 420). Между тѣмъ едва только новые пришельцы поселялись въ значительномъ числѣ, какъ и англичане давали знать о себѣ, назначая туда своихъ чиновниковъ для управленія. Послѣ того, какъ возникли ссоры между бурами и грикуой, англичане, призванные грикуой, принудили буровъ покориться, благодаря таувфонтейнской побѣдѣ въ апрѣлѣ 1845 г.: а 24-го декабря 1847 г. Гарри Смитъ, губернаторъ Капской колоніи, поставилъ страну подъ покровительство Англіи.

γ) Основаніе свободныхъ государствъ буровъ.

То, что предводители буровъ Андріесъ Преторіусъ и Виллемъ Якобсъ подняли возстаніе, взяли приступомъ главный городъ Блумфонтейнъ и принудили къ отступленію англійскаго резидента, не принесло бурамъ никакой пользы: Смитъ поразилъ ихъ 29-го августа 1848 г. при Бумплатсѣ. Во второй разъ большая часть буровъ сложила свое имуще-

ство въ телѣги, запряженныя волами, и переселилась на сѣверъ черезъ рѣку Вааль. Преторіусъ ловко воспользовался борьбой англичанъ съ Мошешомъ, котораго они все еще не могли побѣдить, чтобы выступить посредникомъ. Такимъ образомъ онъ добился 17-го января 1852 г. по „Sand River Convention“ („договоръ на Песочной рѣкѣ“) права образовать по ту сторону Вааля независимое государство. Такимъ образомъ возникъ Трансвааль или Южно-африканская республика. Прежнее оффиціальное названіе Hollandsche Africaansche Republik“, было замѣнено по почину руководящаго свободнаго штата Почефструма названіемъ „De Zuid Africaansche Republik“ въ 1853 г.

Новое государство получило очень пріятное подкрѣпленіе, благодаря соединенію бѣжавшихъ изъ Наталя буровъ (см. ниже, стр. 491) съ переселенцами, пришедшими съ юга подъ предводительствомъ Гендрика Потгитера, которые, тѣснимые въ своемъ прежнемъ поселеніи около нынѣшняго Почефструма, переселились въ 40-хъ годовъ по приказанію капскаго губернатора Джорджа Нэпира въ Оригстадъ, Цоутпансбергъ, и наконецъ въ Лиденбургъ.

Однако только 13-го февраля 1858 г. всѣ области, лежащія къ сѣверу отъ Вааля, объединились въ одно политическое цѣлое, съ общимъ государственнымъ устройствомъ; до того времени четыре республики Почефструмъ, Воутпансбергъ, Лиденбургъ (основанная въ 1849 г.) и Утрехтъ только просто существовали одна возлѣ другой. Мартинусъ Вессельсъ Преторіусъ, послѣ смерти своего отца, въ 1853 г. сталъ первымъ президентомъ (1858—71) новаго государства. Это была не легкая должность. Отношенія между слабымъ бѣлымъ населеніемъ и туземцами были въ высшей степени неблагопріятныя; насилія, вызывавшія жестокую месть, были самымъ обычнымъ дѣломъ; страшныя бойни, вродѣ истребленія цѣлаго каффрскаго племени, которое укрылось въ пещерѣ, не были исключительнымъ событіемъ. Буры въ Трансваалѣ составляли самую упорную и свободолюбивую часть африканскаго населенія, всегда склонную уклоняться отъ введенія порядка и закона посредствомъ переселенія все далѣе и далѣе. Странное представленіе, что такимъ путемъ они должны наконецъ достигнуть до Іерусалима, о дѣйствительномъ положеніи котораго они не имѣли никакого понятія, еще болѣе побуждало ихъ къ смѣлымъ рискованнымъ походамъ. Во время одного похода на сѣверо-западъ, небольшому числу буровъ удалось послѣ страшныхъ потерь людей и скота, достигнуть португальской западной Африки и основать новую родину во внутренней странѣ Моссамедеса; другая группа, которая въ 1884 г. достигла страны Дамара, основала тамъ республику Упингтонія, но затѣмъ перешла подъ покровительство Германіи. Всѣ походы къ сѣверу отъ Лимпопо потерпѣли неудачу, вслѣдствіе нападеній мухъ цеце.

И страну между Вааломъ и Оранжевой рѣкой англичанамъ также не удалось надолго удержать за собой, послѣ того какъ ихъ притязанія были уже одинъ разъ отвергнуты; кромѣ того борьба съ Мошешомъ стоила многихъ людей и денегъ, хотя и не приводила къ благопріятнымъ результатамъ. Вслѣдствіе этого 23-го февраля 1854 г. англичане очистили „Orange River Sovereignty“ и, 11-го марта буры основали второе государство, Оранжевую республику.

д) Капская колонія.

Податливость англичанъ объясняется отчасти тѣми затрудненіями, которыя имъ причинила борьба съ каффрами въ восточной части Капской области. Войны съ каффрами, начавшіяся еще въ голландскія времена (стр. 417), не прекращались все время, такъ что въ 1834 г. фермеры должны были покинуть цѣлые округа. Въ началѣ 1848 г. англичане забрали въ свое

владѣніе „Британскую Каффрарію.“ Броженіе, раздутое среди ксоза волшебникомъ У'Млангани, опять достигло очень высокой степени. Сандили (см. стр. 418 внизу) совершенно опустошилъ пограничныя области, крѣпость Армстронгъ взята приступомъ, колонисты вынуждены были бѣжать, губернаторъ Гарри Смитъ временно заключенъ въ крѣпости Коксъ. Кромѣ смѣшаннаго племени фингу (стр. 419), которое осталось вѣрнымъ бѣлымъ, въ возстаніи приняли участіе почти всѣ каффрскія племена восточной части Капской области; также и готтентоты присоединились къ нимъ въ большомъ числѣ. Подавленіе возстанія Джорджемъ Каткартомъ шло медленно; до большихъ сраженій дѣло не доходило. Едва удалось возстановить нѣкоторое спокойствіе (миръ заключенъ 9-го марта 1853 г.), какъ другой волшебникъ У'Млакайа опять задумалъ возмущеніе. У'Млакайа пророчилъ побѣду, если ксоза предварительно заколютъ большую часть своего скота; ему дѣйствительно повѣрили; но когда 200,000 головъ рогатаго скота было уничтожено, вступилось англійское правительство, арестовало зачинщиковъ и мѣшало возстанію до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе наступившаго вскорѣ голода отъ 105,000 каффровъ не осталось только 38,000 душъ, которые были вынуждены къ безпрекословному повиновенію (1857 г.). Страхъ каффровъ очень усилило прибытіе завербованнаго первоначально для крымской войны, нѣмецкаго легіона, который вскорѣ образовалъ нѣчто вродѣ военной границы, отдѣлявшей неспокойныхъ каффровъ, такъ какъ большинство легіонеровъ основалось въ этой странѣ. Съ тѣхъ поръ число европейскихъ поселеній въ странѣ каффровъ сильно возрасло.

Капская область, гдѣ голландское и англійское населеніе мало по малу научались приноравливаться другъ къ другу, не смѣшиваясь однако при этомъ, со временемъ превратилась въ хорошо организованное государство. Въ 1853 г. колонія получила самоуправленіе и собственный парламентъ (открытый 1-го іюля 1854 г.); культура и нравы дѣлаютъ успѣхи, которымъ много способствовала работа миссіонеровъ, такъ какъ она уменьшила вражду между бѣлымъ и цвѣтнокожимъ населеніемъ и, несмотря на противорѣчія и насмѣшки буровъ, подняла нравы готтентотовъ и каффровъ на болѣе высокую ступень.

Безсердечное, насильственное обращеніе съ туземцами — вообще самая темная сторона исторіи голландскихъ колонистовъ; въ 1795 г. англичане пришли какъ разъ во время, чтобы спасти отъ уничтоженія гернгутерскую миссію среди готтентотовъ, которой угрожали исполненные зависти буры. Поддержка, оказанная миссіи, защита туземцевъ отъ грубаго насилія были самыми главными основаніями вражды противъ Англіи; эта вражда повела за собой наконецъ выселеніе большого числа буровъ за Оранжевую рѣку; требовать признанія цвѣтнокожихъ такими же людьми, какъ они сами, было бы слишкомъ много по отношенію къ крѣпкимъ головамъ „Африкандеровъ“. Казнь пяти буровъ (Абраамъ и Стефанусъ Ботма, Корнеліусъ Фаберъ, Пеунисъ де Клеркъ и Гендрикъ Принсло), которые оказали противодѣйствіе англійскимъ властямъ въ 1816 г. около „Гребня убійства“ (Slagters Nek), не забыта еще и до сего дня. То, что замѣчательное переселеніе („тяга“) на сѣверъ началось послѣ уничтоженія рабства во всѣхъ британскихъ колоніяхъ (августъ 1833 г.), не есть простая случайность: „манифестъ Питера Ретифа 1836 г. ищетъ главную причину переселенія въ измѣненіи отношеній буровъ къ туземцамъ, происшедшемъ вслѣдствіе этого уничтоженія рабства. Такимъ образомъ въ то время, какъ въ Капской области положеніе дѣлъ улучшалось, въ обѣихъ сѣверныхъ республикахъ отношеніе буровъ къ цвѣтнокожимъ еще долго оставалось безъ измѣненія; конечно надо принять во вниманіе и то, что большая часть переселенцевъ жила среди туземцевъ, превосходившихъ ихъ числомъ и рѣдко относившихся къ нимъ дружелюбно. И гуманность англичанъ также проявлялась далеко не всегда.

ε) Наталь.

Въ то же самое время, когда возникли Оранжевая и Трансваальская республики, образовалась и колонiя **Наталь**, основанная выселившимися бурами. Первыми поселенцами на берегу были нѣкоторые англiйскiе купцы (Фэруэлль 1824 г., Гардинеръ 1835 г.) и миссiонеры, которые установили дружественныя сношенiя съ князьями зулу Чака и Дингааномъ (стр. 419). Вскорѣ послѣ нихъ (1837 г.) въ этой странѣ, почти совсѣмъ безлюдной вслѣдствiе войнъ, появился предводитель буровъ **Питеръ Ретифъ** съ Гертомъ Марицомъ въ главѣ переселенцевъ, у которыхъ было около 1000 телѣгъ, и повидимому сталъ успѣшно вести переговоры съ Дингааномъ объ уступкѣ теперешняго Наталя, но 5-го февраля 1838 г. онъ былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ 66 товарищами въ лагерѣ зулу (см. стр. 419). Буры соединились и въ томъ же году (16-го декабря) на голову разбили Дингаана при Умслато, взяли приступомъ и сожгли его городъ и 14-го февраля 1840 г. принудили его преемника Умганде (Панда) подтвердить уступку земли. Тогда же былъ основанъ главный городъ „Батавско-африканскаго товарищества" Питермарицбургъ и въ ноябрѣ 1839 г. провозглашена республика („Портъ Наталь"). Джорджъ Нэпиръ между тѣмъ совсѣмъ не былъ намѣренъ признать новое государство. Уже тогда Англiя начала роковую для свободныхъ буровъ политику: англичане старались завладѣть всѣми береговыми областями и такимъ образомъ **отрѣзать** внутреннимъ государствамъ **доступъ къ морю**; господствуя на морѣ, Англiя всегда имѣетъ возможность осуществить свои притязанiя на берега, тогда какъ буры занимаютъ внутреннiя области. Капскiй губернаторъ оказалъ поддержку зулу, затѣмъ самъ напалъ на буровъ и разбилъ ихъ, и такимъ образомъ въ 1842 г. ему удалось покорить страну, а въ 1845 причислить ее къ **британскимъ колонiямъ**. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ страсть къ переселенiю вновь пробудилась въ одной части буровъ Наталя: они направились въ Трансвааль (см. выше, стр. 488).

Когда англiйское правительство приняло въ свою власть землю Наталь, объявленную въ 1856 г. колонiей, независимой отъ Капской, передъ нимъ возникла трудная задача. Эта земля, находящаяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ могучими воинственными королями зулу и заселенная многочисленнымъ бѣлымъ населенiемъ, скоро стала мѣстомъ убѣжища для большого числа зулу, бѣжавшихъ отъ тираннiи своихъ королей, и уже черезъ нѣсколько лѣтъ число ихъ достигло тамъ 100,000. Съ трудомъ, но все-таки успѣшно, удалось отклонить эти внѣшнiя и внутреннiя опасности, именно во время искуснаго управленiя „native secretary" Теофилуса **Шепстона**. Все болѣе возрастающее число европейскихъ переселенцевъ устранило наконецъ почти совсѣмъ эти опасности тѣмъ, что упрочило перевѣсъ бѣлыхъ; разгромленiе власти зулу въ 1879 г. (стр. 419) избавило колонiю отъ ея самыхъ опасныхъ враговъ.

Въ странѣ зулу, которая черезъ нѣкоторое время послѣ смерти Кечвайо (1884 г.) была присоединена къ англiйскимъ владѣнiямъ, произошло совершенно такое же развитiе. Сынъ Кечвайо Динизулу вслѣдствiе споровъ за тронъ обратился съ просьбой о помощи къ сосѣднимъ бурамъ, изъ которыхъ пришло ему на помощь около 300 человѣкъ; эти буры получили за это отъ Динизулу полосу земли въ западной части свободной страны зулу. Тамъ была основана ими въ 1884 г. „Nieuwe Republik" съ главнымъ городомъ Врихейдъ. Протестъ Англiи воспрепятствовалъ новой республикѣ, примкнувшей въ 1887 г. къ Южно-африканской республикѣ, расширить свои владѣнiя на востокъ и къ морю. Чтобы предупредить всѣ возможныя попытки такого рода, Англiя овладѣла 29-го апрѣля 1895 г. послѣднимъ остаткомъ африканской береговой области, **страной**

Тонга (Аматонга) съ областью вождей Самбана и Умбегеза, тогда какъ лежащая далѣе вглубь материка страна Свази (король Н'Буну или У'Буру) послѣ долгихъ переговоровъ была поставлена подъ покровительство Трансвааля 10 декабря 1894 г,

б) Южная Африка, въ вѣкъ капитализма (1867—1902).

За первымъ вѣкомъ въ новомъ развитіи внѣ-тропической Африки, въ которомъ главными источниками богатства, медленно, но непрерывно возраставшаго вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, были скотоводство и земледѣліе, послѣдовалъ второй, вѣкъ высокаго развитія финансовъ Теперь начинаютъ господствовать алмазная или золотая лихорадка. Переселеніе чудовищно растетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ число колонистовъ проникаютъ люди сомнительнаго свойства. Богатство выростаетъ быстро и неравномѣрно; политическіе перевороты смѣняются хозяйственными, и въ лицѣ Сесиля Родса типъ ловкаго успѣшнаго спекулянта (см. стр. 478) становится душою управленія Капской колоніи. Южно-африканскій буръ чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ своей собственной странѣ новою, внутренно непріятной ему составною частью населенія, онъ видитъ угрожающую жадность англичанъ и рѣшительно принимается за борьбу, такъ какъ дальнѣйшее отступленіе на сѣверъ уже невозможно (см. томъ VII).

α) Присоединеніе страны Гриква.

Первый алмазъ былъ найденъ въ 1867, и такимъ образомъ былъ проложенъ путь къ открытію богатыхъ алмазныхъ пріисковъ, лежащихъ къ востоку отъ сліянія Оранжевой рѣки и Вааля. Приблизительно въ то же время (1868 г.) Карлъ Маухъ открылъ первые слѣды золота около Пеати въ странѣ Машона; въ 1871 г. его нашли и въ Трансваалѣ (Лиденбургъ). Тотчасъ же началось то внезапное стеченіе лихорадочно возбужденныхъ людей, которое дало такое характерное населеніе всѣмъ округамъ, богатымъ золотомъ. Еще раньше, послѣ того какъ въ 1869 г. „Звѣзда южной Африки“, великолѣпный камень въ 83$^1/_2$ карата, привлекла всеобщее вниманіе къ южно-африканскимъ находкамъ, подобный же „rush“ за алмазными пріисками происходилъ и на Ваалѣ. Политическія отношенія были сначала такъ неясны, что искатели алмазовъ могли мѣстами организоваться въ республики, пока Англія не поставила страну подъ свою охрану, не обращая вниманія на права и протесты Оранжевой республики, къ области которой принадлежалъ Кимберлей и съ нимъ самая значительная часть алмазныхъ розсыпей (27-го октября 1871 г.); только въ 1876 г. было заплачено бурамъ вознагражденіе (см. выше, стр. 409). Такимъ образомъ произошло первое расширеніе Капской области, по ту сторону Оранжевой рѣки: была захвачена западная область Гриква.

β) Трансвааль въ 70-тые и 80-тые года.

За этимъ насильственнымъ образомъ дѣйствія по отношенію къ Оранжевой республикѣ должно было послѣдовать нѣчто еще болѣе поразительное. Послѣ того какъ 1871 г. М. В. Преторіусъ (стр. 488), уступчивость котораго въ одномъ спорѣ о границахъ не встрѣтила сочувствія въ его народѣ, сошелъ со сцены, вторымъ президентомъ республики Трансвааля сдѣлался Т. Т. Бургерсъ. Онъ сдѣлалъ многое для культуры страны и народнаго образованія, находившагося до него въ ужасномъ пренебреженіи; но это не былъ человѣкъ, который бы могъ твердой рукой держать кормило правленія. Между тѣмъ богатство Трансвааля благородными металлами стало извѣстно повсюду, и Англія спѣшила возобновить свои старыя при-

тязанiя на страну. Затрудненiя въ Трансваалѣ, гдѣ войны съ Секукуни, сыномъ Секоати, вождемъ народа бапеди, и несогласiя съ бечуанами, амасвази и зулу тянулись очень долго и Бургерсъ не могъ принять рѣшительныхъ мѣръ, чѣмъ давалъ желанный поводъ къ вмѣшательству: 12-го апрѣля 1877 г. Трансвааль былъ объявленъ присоединеннымъ, Бургерсъ письменно выразилъ свой протестъ, а англiйскiя войска, не встрѣчая противодѣйствiя, перешли границу территорiи Трансвааля. Попытка буровъ искать помощи въ Европѣ, отправивъ туда своихъ представителей, съ Паулемъ Крюгеромъ и Г. Iориссеномъ въ главѣ, сначала была безуспѣшна; буры были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Ненависть къ англичанамъ особенно возрасла съ тѣхъ поръ, какъ положенiе населенiя, послѣ первоначальной поддержки, стало все болѣе ухудшаться и отношенiе къ туземцамъ, которое будто бы и сдѣлало необходимымъ вмѣшательство Англiи, становилось все безотраднѣе. Было вполнѣ естественно, что призывъ къ возстанiю въ 1880 г. былъ принятъ со всеобщимъ воодушевленiемъ. Въ то время, какъ маленькiе отряды буровъ осадили и изолировали нѣсколько англiйскихъ гарнизоновъ, главныя силы отправились на границу земли Наталь, гдѣ англiйское войско, идущее на выручку, должно было необходимо пройти черезъ горную страну, очень выгодную для защиты. Англичане потерпѣли много пораженiй: 14-го декабря 1880 г. въ долинѣ Бронкгорстъ Спруйтъ, 28-го января 1881 г. въ проходѣ около Лайнгсъ Некъ, 9-го февраля на рѣкѣ Ингого и рѣшительное пораженiе у холма Маюба (или Амаюба) 27 февраля 1881 г. Такъ какъ въ Англiи послѣдовала перемѣна министерства, которая привела къ кормилу правленiя вига Уильяма Эварта Гладстона, несочувствовавшаго присоединенiю, то 9-го августа 1881 г. послѣдовало заключенiе Преторiйской конвенцiи: Трансваалю была возвращена внутренняя свобода, но во внѣшнихъ своихъ отношенiяхъ онъ остался въ нѣкоторой зависимости отъ Англiи. Пауль Крюгеръ (см. его портретъ на таблицѣ при стр. 495) сдѣлался президентомъ вновь возникшей республики, провозглашенной 5-го апрѣля 1881 г.

Однако мечта о великомъ южно-африканскомъ царствѣ подъ верховной властью Англiи все еще находила въ Капской области своихъ приверженцевъ, несмотря на первый ударъ, понесенный ей отпаденiемъ Трансвааля, признаннымъ лондонской конвенцiей 27-го февраля 1884 г., а вскорѣ и на второй тяжелый ударъ -- отъ вмѣшательства Германiи въ дѣла южной Африки (стр. 477); приверженцы этой мечты все еще не теряли надеждъ на лучшее будущее. Въ своихъ золотыхъ прiискахъ (Мудiе, Шеба, Витуотерсрандъ) Трансвааль конечно имѣлъ постоянный источникъ обогащенiя, но эти прiиски въ то же время заключали въ себѣ и серьезную опасность для внутренняго благосостоянiя; искатели золота, которые массами стекались на югъ и сосредоточились въ городѣ Iоганнесбургѣ, основанномъ въ 1886 г., были по большей части англiйскаго происхожденiя, и поэтому сами по себѣ склонны сочувствовать англiйскимъ интересамъ. Конечно законы республики, которые давали права гражданства новымъ переселенцамъ только послѣ долгаго пребыванiя ихъ въ странѣ, препятствовали тому, чтобы эти пришельцы достигли превосходящаго влiянiя во внутренней жизни страны; поэтому все дѣло теперь было въ томъ, чтобы измѣнить эти законы или же, въ крайнемъ случаѣ, насилiемъ опрокинуть ихъ. Несомнѣнно Сесиль Родсъ, съ 1890 г. министръ Капской колонiи (см, стр. 478, 492 и 494), систематически работалъ надъ развитiемъ этого дѣла; въ то же время онъ былъ занятъ закрѣпленiемъ за Англiей остатка южной Африки и старался по возможности окружить Трансвааль англiйскими областями и сдѣлать невозможной связь между Трансвааломъ и нѣмецкой южной Африкой. Крюгеръ со своей стороны хлопоталъ надъ постройкой дороги въ принадлежавшую португальцамъ бухту Делагоа, начатой уже Т. Т. Бургерсомъ; эта дорога не соприкасалась ни съ какой

англійской областью и давала Трансваалю болѣе свободное положеніе (участокъ Преторія—Комати Портъ открытъ 1-го января 1895 г.). Попытки Англіи какимъ нибудь образомъ пріобрѣсти бухту Делагоа были безуспѣшны, сперва въ 1875 г. вслѣдствіе благопріятнаго для Португаліи рѣшенія французскаго президента Макъ-Магона, потомъ отчасти благодаря вмѣшательству Германіи, которая слѣдила все съ большимъ и большимъ вниманіемъ за южно-африканскими событіями, отчасти же благодаря тому, что Португалія немедленно выплатила 15 милліоновъ франковъ, которые должна была заплатить въ вознагражденіе англійско-африканскому желѣзно-дорожному обществу по приговору швейцарскаго союзнаго совѣта, послѣдовавшему въ началѣ 1900 г. (Блаэзи, Генслеръ и Гольданъ).

γ) Родезія.

Скоро нашлись предлоги для движенія англичанъ на сѣверъ въ область бечуановъ. По ту сторону западной границы Трансвааля въ 1882/83 возникли двѣ маленькія республики буровъ, Стелландъ (главное мѣсто Врибургъ) и Гошенъ (Гоозенъ; главное мѣсто Мэфкингъ), которыя, несмотря на свою малую жизнеспособность, препятствовали торговлѣ наложеніемъ тяжелыхъ пошлинъ и кромѣ того скоро запутались въ сильные споры съ туземцами. Послѣ того какъ въ 1884 г. Манкороане, вождь народа батлапинъ, и Монтсиве (Монтсива), вождь народа баролонгъ, поставили себя подъ покровительство Англіи, она послала на сѣверъ вооруженный отрядъ подъ предводительствомъ Чарльса Варрена; и 30-го сентября 1885 г. эта область была присоединена къ англійскимъ владѣніямъ подъ именемъ „Британской бечуанской страны". Далѣе на сѣверъ, у озера Нгами, Ммангвато Кама (Хама), сынъ Секоми, который имѣлъ свою резиденцію сначала въ Шошонгѣ, 1889—95 въ Квапонгѣ (Копонгъ), а потомъ въ Палайе, много способствовалъ благосостоянію своихъ (западныхъ) бечуановъ (см. стр. 450) и черезъ это облегчилъ дальнѣйшее движеніе англичанъ. Возстаніе, которое вспыхнуло на Рождествѣ 1896 г. противъ протектората Англіи, установленнаго въ августѣ 1885-го года, было прекращено въ августѣ 1897 г. подчиненіемъ вождей бечуановъ Галишве и Тото.

Такъ какъ золотые пріиски въ странѣ Машона привлекали къ себѣ многочисленныхъ искателей приключеній, то и тамъ нашлось основаніе для вмѣшательства. Князь матабеле Лобенгула (стр. 420) уступилъ въ 1889 г. свою землю „Англійскому южно-африканскому обществу" (British South African или Chartered Company), основанному Родсомъ; когда въ 1893 г. онъ попытался оказать сопротивленіе, то гарнизонъ, находившійся подъ командой Линдера Сбарра Джемсона, вернулъ его къ повиновенію. Булавайо, резиденція короля матабеле, сдѣлалась главнымъ городомъ новой колоніи „Родезіи" (имя, которое стало употребляться съ 1-го мая 1895 г.); форты закрѣпили за Англіей это пріобрѣтеніе, страдающее отъ чумы рогатаго скота, саранчи и засухи; какъ с.-зап. уголъ этой колоніи, Англія присвоила себѣ и царство Марутзе, принадлежавшее Лебоше (стр. 451), подъ именемъ „British Central African Protectorate". Опираясь на поселенія англійскихъ миссіонеровъ во внутренней странѣ, примыкающей къ Мозамбику, англійская область въ 1889 г. протянулась черезъ Замбези до озеръ Ньясса и Танганьика (Британская центральная Африка; англо-португальскій договоръ 11-го іюня 1891 г.). Такимъ образомъ за англійскимъ вліяніемъ были обезпечены земли на громадное протяженіе, и за исключеніемъ страны Ньясса, были открыты для эксплоатаціи обществу „Royal Chartered Company".

δ) „Уайтлэндеры", походъ Джемсона и приготовленія къ войнѣ (1895/99 г.).

Волненія въ Трансваалѣ между тѣмъ не прекратились. Какъ ни мало была способна большая часть обитателей Іоганнесбурга и „Края"

къ тому, чтобы произвести переворотъ, всетаки было легко возбудить въ безпокойной массѣ движенiе, которое всѣми силами стало бы стремиться опрокинуть прежнее государственное устройство; во главѣ этого движенiя сталъ „Transvaal (или National) Union", воплощающiй требованiя переселившихся „Уайтлэндеровъ". Такъ какъ было замѣтно, что президентъ Пауль Крюгеръ склоненъ мало по малу провести нѣкоторыя реформы и тѣмъ отнять почву у всего движенiя, то казалось необходимо дѣйствовать не медля. Въ Iоганнесбургѣ было систематически приготовлено возстанiе; въ то же время на западной границѣ Трансвааля съ помощью Chartered Company было собрано маленькое войско; подъ предлогомъ, что женщины и дѣти были подвергнуты насилiю и что ихъ необходимо было „спасать", 800 человѣкъ подъ предводительствомъ др. Джемсона (см. выше) 29-го декабря 1895 г. вторглось въ Трансвааль, между тѣмъ въ Iоганнесбургѣ возставшiе должны были оказать имъ содѣйствiе. Но это предпрiятiе окончилось плачевнымъ образомъ. Благодаря дѣятельности Крюгера военныя силы буровъ были на готовѣ. 1-го января 1896 г. войско Джемсона было разбито при Крюгерсдорпѣ, а на слѣдующей день при Блэкфонтейнѣ оно было принуждено сдаться; тѣмъ временемъ возстанiе въ Iоганнесбургѣ потерпѣло неудачу вслѣдствiе отсутствiя единодушiя среди жителей, изъ которыхъ многiе, главнымъ образомъ нѣмцы, стали рѣшительно на сторону южно-африканскихъ республикъ. Германскiй императоръ телеграммой поздравилъ Крюгера съ побѣдой. Бурское населенiе въ британской южной Африкѣ было въ сильномъ волненiи; Оранжевая республика собирала войска и дѣлала видъ, что собирается оказать помощь угрожаемой сестрѣ-республикѣ. Все это принудило англiйское правительство дѣйствовать съ осторожностью.

Правителямъ Трансвааля стало ясно, что самостоятельности страны угрожаетъ серьезная опасность; поэтому они предусмотрительно стали готовиться къ неизбѣжному столкновенiю. Менѣе всего принесло имъ непосредственной пользы сочувствiе въ Европѣ; Англiя съумѣла своевременными уступками предупредить угрожавшiя съ этой стороны осложненiя. Зато флибустьерскiй походъ Джемсона открылъ глаза африкандерамъ Оранжевой республики, и здѣсь на мѣсто сочувствующаго англичанамъ президента былъ избранъ новый президентъ Мартинусъ Томасъ Стейнъ, представитель партiи, стоявшей за союзъ государствъ буровъ. И въ Капской колонiи обострился антагонизмъ между голландцами и англичанами; голландцы достигли наконецъ большинства въ народномъ представительствѣ, такъ что въ 1896 г. Родсъ и его партiя должны были отступить, и въ 1898 г. на мѣсто Гордона Сприггса выступилъ африкандеръ В. П. Шрейнеръ. Но свою главную опору буры Трансвааля нашли какъ разъ въ золотыхъ рудникахъ, которые въ другомъ отношенiи принесли имъ такую серьезную опасность; возраставшiе государственные доходы, которые доставлялись обилiемъ золота, были обращены на то, чтобы прiобрѣсти прекрасную артиллерiю и чтобы всю военную силу буровъ вооружить винтовками самаго послѣдняго образца. Преторiя была укрѣплена, въ Iоганнесбургѣ тоже были сдѣланы сильныя укрѣпленiя, которыя въ одно и то же время должны были и охранять городъ и угрожать ему; подобно крѣпости, ожидающей осады, Трансвааль снабдилъ себя на долгое время запасами всякаго рода, патронами и снарядами.

Было бы несправедливо утверждать, что въ начинающейся войнѣ Англiей руководилъ исключительно интересъ нѣсколькихъ владѣтелей рудниковъ и капиталистовъ; тутъ несомнѣнно игралъ роль грандiозный планъ сдѣлать изъ Африки новую Индiю, британскiй „имперiализмъ". Но спекулянтство виновно въ томъ, что англичане стали слишкомъ быстро стремиться къ рѣшительному шагу. Отсрочка этого дѣла, послѣ того, какъ буры уже однажды были предупреждены и подготовлены, могла прине-

сти Англіи только пользу: число чужестранцевъ въ Трансваалѣ росло съ каждымъ годомъ и англійскій языкъ и культура распространялись все дальше; такимъ образомъ власть сама собою ускользала изъ рукъ буровъ. Въ томъ, что правительство Англіи или министръ ея колоній Джозефъ Чэмберлэнъ настаивалъ на быстромъ военномъ разрѣшеніи вопросовъ дня, несомнѣнно виновна Родсовская группа спекулянтовъ, которая уже раньше содѣйствовала нападенію Джемсона. Неминуемый крахъ угрожалъ Chartered Company, близость котораго Родсъ старался замаскировать грандіозными проектами, вродѣ дороги отъ Капской области до Нила; теперь можно было найти выходъ изъ затрудненій, только бы удалось направить доходы отъ налоговъ съ трансваальскихъ золотыхъ рудниковъ, которые находились въ рукахъ бурскаго правительства — въ карманы Chartered Company. Сомнительный „сюзеренитетъ Англіи“ надъ Трансваалемъ, который въ лучшемъ случаѣ дозволялъ бы только вмѣшательство во внѣшнюю политику, былъ на этотъ разъ примѣненъ въ пользу уайтлэндеровъ: англичане стали требовать значительнаго расширенія избирательнаго права на этихъ чужеземцевъ. Если бы республика уступила этому требованію, то буры рано или поздно перестали бы быть хозяевами въ своемъ собственномъ домѣ; если бы она воспротивилась ему, то Англія объявила бы свое вооруженное вмѣшательство.

ε) Война Англіи съ обѣими республиками буровъ (1899—1902).

Престарѣлый Пауль Крюгеръ (см. его портретъ на приложенномъ рисункѣ „П. I. Жуберъ и Ст. I. П. Крюгеръ“), который все еще стоялъ во главѣ своего народа, тотчасъ же понялъ истинный смыслъ образа дѣйствій англичанъ; зато англійское правительство имѣло совершенно ложныя свѣдѣнія о военныхъ средствахъ буровъ. Въ то время, какъ англійское правительство медлило съ переговорами и посылало войска въ южную Африку, республики буровъ неожиданно сдѣлали рѣшительный шагъ. Они послали англичанамъ ультиматумъ (9-го октября 1899 г.) съ требованіемъ немедленнаго отозванія англійскихъ наемниковъ, и когда ихъ требованіе было оставлено безъ вниманія, какъ и должно было ожидать, они перешли 11-го октября со своими мобилизированными тѣмъ временемъ войсками границу въ различныхъ мѣстахъ.

Война сперва повела къ ряду пораженій Англіи, которыя были тѣмъ постыднѣе для нея, что имѣли причиной въ значительной мѣрѣ отсталость англійскихъ военныхъ силъ; такъ какъ буры, по крайней мѣрѣ въ началѣ войны, далеко не всегда дѣйствовали съ рѣшительностью и сознаніемъ своей цѣли.

Буры обѣихъ союзныхъ республикъ открыли военныя дѣйствія нападеніями на сосѣднія англійскія колоніи, прежде всего на Наталь. Питъ Жуберъ (см. его портретъ на рисункѣ къ стр. 495) далъ нѣсколько сраженій генералу Джорджу Стюарту Уайту, оттѣснилъ его войска и совершенно заперъ ихъ въ Лэдисмитѣ, укрѣпленной опорѣ позиціи англичанъ (30-го октября). На западномъ полѣ военныхъ дѣйствій были заперты Мэфкингъ и Кимберлей, но взять ихъ не удавалось. Южный отрядъ буровъ перешелъ наконецъ Оранжевую рѣку въ разныхъ пунктахъ и сталъ дѣйствовать въ сѣверныхъ округахъ Капской колоніи, гдѣ къ нему примкнула часть голландскаго населенія.

Первой задачей для англичанъ было теперь освобожденіе осажденныхъ мѣстъ. Въ началѣ ноября генералъ Редверсъ Буллеръ, главнокомандующій присланныхъ Англіей вспомогательныхъ войскъ, отправился съ частью своей арміи изъ Капштадта въ Наталь; одна дивизія подъ командой генералъ-лейтенанта Пауля Сандфорда лорда Метуэна двинулась на освобожденіе Кимберлея, и наконецъ генералъ-лейтенантъ Уилльямъ

Петръ Яковъ („Питъ“) Жуберъ,
Главнокомандующій буровъ и съ 1896 года также вице-президентъ Трансвааля, род. 20 января 1831, по происхожденію гугенотъ, умеръ 27 марта 1900 года. *(По фотографіи.)*

Стефанъ Іоганнъ Павелъ („Поль“) Крюгеръ,
президентъ южно-африканской республики (былъ избираемъ въ 1882, 1888, 1893 и 1898 годахъ), родился 10 октября 1825 въ округѣ Кольсбергѣ, нѣмецъ по происхожденію. *(По фотографіи.)*

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Форбесъ Гатакръ долженъ былъ очистить отъ враговъ сѣверную часть Капской колоніи. Метуэнъ двигался впередъ съ большой поспѣшностью, такъ какъ спасеніе города алмазовъ Кимберлея и заключеннаго въ немъ Родса казалось дѣломъ первой важности. Но вскорѣ онъ наткнулся на военныя силы бурскаго генерала П. А. Кронье и послѣ сраженій при Бельмонтѣ и Граспанѣ (23-го и 25-го ноября) потерпѣлъ тяжелыя потери у рѣки Моддеръ (28-го ноября) и у Магерсфонтейна (11-го декабря 1899 г.). Между тѣмъ и Гатакръ попалъ въ засаду буровъ при Стормбергѣ (11 декабря). Благодаря этому остановилось и движеніе впередъ на сѣверѣ Капской колоніи, несмотря на всѣ старанія искуснаго англійскаго кавалерійскаго генерала Джорджа Артура Френча. Еще менѣе успѣха имѣли нападенія Буллера; конечно и бурамъ тоже не удалось взять обстрѣливаемый тяжелыми орудіями съ 9-го ноября Лэдисмитъ. Часть войска буровъ завладѣла важнымъ бродомъ черезъ рѣку Тугелу около Колензо, а другіе отряды проникли дальше до Питермарицбурга, но затѣмъ опять отступили за Тугелу отъ двигавшагося на нихъ Буллера. 15-го декабря Буллеръ напалъ на буровъ при Колензо и потерпѣлъ тяжелое пораженіе (140 человѣкъ убитыхъ; 762 раненыхъ и 228 взятыхъ въ плѣнъ; потеряно 11 орудій).

Съ этого времени Англія опять принялась за усиленіе войскъ милиціями, командри и колоніальными добровольцами; лучшіе полководцы англичанъ, Фредерикъ Слейгъ лордъ Робертсъ изъ Кандагара и Уотерфорда и Гораціо Гербертъ лордъ Китченеръ изъ Хартума были поставлены во главѣ южно-африканскаго войска. Въ началѣ февраля происходили приготовленія къ новому походу. Робертсъ задумалъ прежде всего прогнать генерала Кронье, осаждавшаго Кимберлей, чтобы затѣмъ направить ударъ въ самое сердце республикъ и помочь этимъ въ то же время освобожденію очень стѣсненнаго Лэдисмита. Этотъ планъ былъ съ успѣхомъ осуществленъ. Кронье былъ настолько застигнутъ врасплохъ превосходившими его силами англичанъ, которые освободили Кимберлей 16-го февраля, что попытка его уйти на востокъ не удалась; окруженный при Паардебергѣ (18-го и 19-го февраля), послѣ девятидневнаго мужественнаго сопротивленія онъ былъ принужденъ сдаться 27-февраля съ 4000 человѣкъ при Кудусрандѣ въ руслѣ рѣки Моддера. Робертсъ, не встрѣчая болѣе задержки, достигъ 13-го марта Блумфонтейна, главнаго города Оранжевой республики.

Между тѣмъ Буллеръ, который долженъ былъ удерживать находившееся въ Наталѣ войско буровъ и стараться по мѣрѣ силъ освободить Лэдисмитъ, опять потерпѣлъ тяжелыя неудачи; попытки обойти стоянку буровъ на Тугелѣ оказались тщетными послѣ битвы при Спіонскопѣ и стоили англичанамъ около 2400 человѣкъ, а бурамъ 115. Но и на этотъ разъ буры извлекли мало пользы изъ своихъ успѣховъ. Вскорѣ затѣмъ въ Наталѣ стало замѣтно вліяніе успѣховъ лорда Робертса. Еще одинъ разъ (5-го февраля) Буллеръ былъ отброшенъ назадъ у Ваалкранца; однако упрямство больного Жубера, запретившаго всякое преслѣдованіе, опять спасло англійское войско отъ уничтоженія. Наконецъ четвертое нападеніе Буллера, начавшееся 14-го февраля, удалось: Лэдисмитъ былъ освобожденъ отъ осады 28-го февраля; войско буровъ отступило назадъ къ горнымъ проходамъ.

Послѣ взятія Блумфонтейна, Робертсъ полтора мѣсяца посвятилъ на то, чтобы заново организовать свое войско и обезпечить правильную доставку продовольствія. Отряды буровъ, находившіеся на сѣверѣ Капской колоніи, однимъ изъ которыхъ командовалъ Де-Ветъ, вернулись въ Оранжевую республику, не встрѣчая никакихъ затрудненій, и начали здѣсь партизанскую войну, которая постепенно должна была сдѣлаться главнымъ способомъ борьбы буровъ. Смерть Жубера (27-го марта) была только повидимому несчастіемъ для буровъ, у которыхъ теперь выступили на пер-

вый планъ молодыя силы, какъ Гансъ и Луи Бота, Де-Ветъ, Бейеръ, Герцогъ, Деларей и др. Хорошимъ испытаніемъ для новаго способа веденія войны было нападеніе при Саннасъ Постѣ или Коорнспруйтѣ (31-го марта), во время котораго въ руки Де-Вета попало до 300 плѣнныхъ и 7 орудій; вскорѣ затѣмъ послѣдовала такая же счастливая битва при Реддерсбургѣ (3/4 апрѣля). Между тѣмъ всетаки было невозможно удержать дальнѣйшее движеніе англичанъ: въ концѣ апрѣля Робертсъ двинулся впередъ. 31-го мая въ рукахъ англичанъ былъ уже Іоганнесбургъ со своими рудниками, за которые собственно англичане и вели борьбу, а 5-го іюля и главный городъ Трансвааля Преторія, послѣ того какъ уже 17-го мая былъ освобожденъ отъ осады Мэфкингъ. Эти успѣхи однако настолько же мало принудили буровъ къ покоренію, какъ и нападеніе на Махадодорпъ (28-го августа) и Лиденбургъ, убѣжище Крюгера (6-го сентября), хотя оно дало въ руки англичанъ дорогу въ Делагоа. Китченеръ, который сдѣлался главнокомандующимъ послѣ отъѣзда лорда Робертса въ Англію (30-го ноября), напрасно пытался окончить мелкую войну и особенно сдѣлать безвреднымъ неутомимаго Де-Вета. Онъ никакъ не могъ воспрепятствовать тому, чтобы къ концу 1900 г. сильные отряды буровъ вторглись въ Капскую колонію; конечно, ожидавшееся общее возстаніе капскихъ голландцевъ не послѣдовало за этимъ. Волненія въ Китаѣ дѣлали положеніе Англіи все болѣе затруднительнымъ; въ довершеніе всего въ Капштадтѣ появилась чума. Такимъ образомъ въ серединѣ марта 1901 г. была предпринята первая попытка склонить буровъ сложить оружіе на сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, тогда какъ раньше требовали безусловнаго подчиненія; но Бота, Стейнъ и Де-Ветъ 22-го марта отклонили предложеніе. Попытки англичанъ подавить противодѣйствіе упрямыхъ противниковъ ссылкой плѣнныхъ на островъ св. Елены (Кронье) и Цейлонъ и систематическимъ опустошеніемъ страны, достигали до мая 1901 г. только обратнаго дѣйствія.

[1] Между тѣмъ партизанскій характеръ войны со стороны якобы покоренныхъ буровъ, уже не располагавшихъ артиллеріей, былъ приравненъ англичанами къ разбойническимъ нападеніямъ, на которыя не распространяются обычаи международнаго права. Плѣнные разстрѣливались, какъ разбойники и бунтовщики; жены и дѣти буровъ, въ виду разрушенія фермъ, помѣщались въ особые такъ наз. „лагери сосредоточенія", гдѣ подвергались страданіямъ и лишеніямъ, отъ которыхъ среди дѣтей развилась усиленная смертность. Все это сильно вредило Англіи во мнѣніи Европы, да и въ самомъ англійскомъ обществѣ стали раздаваться голоса противъ военной администраціи. Правительство приняло нѣкоторыя мѣры къ улучшенію санитарныхъ условій въ лагеряхъ, но въ то же время не отступило отъ своего взгляда на характеръ войны. Была обнародована прокламація, которой крайнимъ срокомъ для изъявленія покорности было назначено бурамъ 15-е сентября; не положившіе оружія до этого времени подвергаются навсегда изгнанію изъ южной Африки, имущество ихъ — конфискаціи. Прокламація не имѣла дѣйствія: буры продолжали оказывать еще болѣе полугода упорное сопротивленіе, и не безъ успѣха. Такъ 7-го марта 1902 г. Деларей разбилъ англичанъ при Твибошѣ, причемъ самъ лордъ Метуэнъ былъ взятъ въ плѣнъ. Къ удивленію, нѣсколько дней спустя онъ былъ выпущенъ на свободу безъ всякихъ условій. Великодушный поступокъ произвелъ въ Англіи сильное впечатлѣніе и возобновилъ надежды на миръ. Попытки въ этомъ направленіи дѣлались и раньше съ разныхъ сторонъ. Еще въ 1901 г. уполномоченные республикъ обращались къ международному трибуналу въ Гаагѣ, а 25-го января 1902 г. нидерландское правительство взяло на себя иниціативу посредничества и предложило Англіи

---

[1] Дополненіе редакціи.

услуги для начатія мирныхъ переговоровъ. Обѣ попытки оказались неудачны. Теперь переговоры возобновились уже въ самой Африкѣ. Англичане были заинтересованы окончаніемъ войны въ виду предстоявшей коронаціи Эдуарда VII; кромѣ того, послѣдовавшая 26-го марта смерть главнаго вдохновителя войны — Сесиля Родса также могла ускорить исходъ. Замѣститель Крюгера Шалькъ-Бургеръ и статсъ-секретарь Рейтцъ отправились на совѣщаніе со Стейномъ. Въ Клерксдорпѣ состоялось свиданіе бурскихъ вождей и оффиціальныхъ лицъ, послѣ котораго они собрались 18-го апрѣля въ Преторію для выслушанія предложеній губернатора лорда Мильнера и главнокомандующаго Китченера. Въ половинѣ мая 160 депутатовъ отъ бурскихъ отрядовъ съѣхалось въ Ферениингинѣ въ Наталѣ, гдѣ послѣ долгихъ совѣщаній и сношенія съ англійскими представителями пришли къ соглашенію о подписаніи рокового документа, по которому прекращалось существованіе республикъ. 31-го мая въ Преторіи были подписаны „мирныя“ условія. Въ силу ихъ бургеры не лишаются правъ личныхъ и имущественныхъ, за ними признается національная и политическая равноправность; голландскій языкъ допускается въ школы и судебныя учрежденія. Военное управленіе должно въ возможно скорѣйшемъ времени быть замѣнено гражданскимъ со введеніемъ представительныхъ учрежденій и самоуправленія; правительство ассигнуетъ 3 милл. ф. с. на пособіе раззорившимся фермерамъ. Колонисты Капской области за участіе въ войнѣ подвергаются суду только въ томъ случаѣ, если были должностными лицами, въ противномъ случаѣ лишаются только избирательныхъ правъ. Насколько эти условія будутъ выполнены, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ есть основанія сомнѣваться, что подчиненіе было дѣйствительно общенароднымъ дѣломъ буровъ. Страна еще и теперь не вполнѣ умиротворена; поговариваютъ о возможности возстанія, даже не смотря на видимый успѣхъ поѣздки въ Африку самого Чэмберлэна.

7. Суданъ и Абиссинія.

A. Западный Суданъ

a) Страна.

Если можно назвать Суданъ въ климатическомъ и этнографическомъ отношеніи переходнымъ поясомъ между Сахарой и сырой тропической средней Африкой, то изъ строенія контура африканскаго материка окажется, что эта характеристика въ полномъ объемѣ примѣнима только къ среднимъ и восточнымъ частямъ области. Въ виду того, что западный обширный выступъ части свѣта омывается съ юга водами Гвинейскаго залива какъ разъ тамъ, гдѣ лѣсная область бассейна Конго тянется далѣе на востокъ, то эта пристройка своей южной половиной какъ-будто совершенно примыкаетъ къ Судану. Но такъ какъ чисто африканскія особенности климата и населенія держатся съ удивительнымъ постоянствомъ на крайнемъ югѣ, гвинейскомъ берегу, то и дальше внутрь тянется столь же замѣтный поясъ перехода отъ пустынной мѣстности къ тропическому обилію, отъ желтокожихъ жилистыхъ людей степи къ темнымъ неповоротливымъ сынамъ тропической влаги, какъ и далѣе на востокъ.

Многія обстоятельства способствовали тому, что на западѣ, т. е. въ бассейнѣ Нигера могли наиболѣе широко и своеобразно развиться суданская народная жизнь и суданская полукультура, получавшая съ давнихъ временъ вліянія съ сѣвера. Прежде всего западные негры, какъ бы храбро они ни держались противъ надвигающихся всегда снова сѣверныхъ вліяній, лишены опоры о темнокожія народныя массы внутренней Африки, которыя уже въ силу того, что онѣ постоянно доставляютъ суданскимъ

князьямъ новыя толпы рабовъ, должны предпринимать непрерывныя невольныя странствія на сѣверъ и такимъ образомъ рѣшительно влiять на народную жизнь въ чисто негритянскомъ смыслѣ. Далѣе свойство западной Сахары проявляетъ себя могущественнымъ вліяніемъ. Западъ великой пустыни сравнительно богатъ дождями и источниками, оазами и пастбищами; въ немъ и въ граничащихъ къ югу степяхъ могли возникнуть настоящіе пастушескіе народы, завоевательная и способная къ государственнымъ формамъ сила которыхъ часто давала себя знать въ исторіи западнаго Судана. Если Сахара сама чрезъ своихъ обитателей оказываетъ такое вліяніе на судьбу страны, то она точно также дозволяетъ жителямъ сѣвернаго берега, участвующимъ въ культурномъ развитіи бассейна Средиземнаго моря, проникать съ караванами до Нигера и Сенегала и разносить на югъ сѣмена цивилизаціи и религіи.

б) Населеніе.

Суданъ—поясъ смѣшенія народовъ не въ томъ смыслѣ, чтобы новая, однородная нація наполняла громадную область. Именно на западѣ, въ виду смѣшенія приходится вспоминать о двухъ жидкостяхъ, которыя сильно взболтаны вмѣстѣ; несмѣшанные остатки той и другой можно еще распознать повсюду. При этомъ слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что идущіе съ сѣвера свѣтлокожіе „берберы“ сами являются продуктомъ смѣшенія изъ неоднородныхъ частей, смѣшенія, происшедшаго на глазахъ достовѣрной исторіи (см. т. IV, стр. 219). Въ образованіи различныхъ смѣшанныхъ племенъ Судана и Конго, отдѣльныя первоначальныя составныя части берберской расы участвовали въ весьма неравной степени. Племена востока (мангбутту и ньямъ-ньямъ) смѣшаны главнымъ образомъ съ смуглыми эѳіопами, африканскій пунктъ распространенія которыхъ съ давняго времени лежитъ къ югу отъ Египта, между тѣмъ какъ большая часть бѣлокурыхъ среди фульбы (фелаховъ) указываетъ на то, что здѣсь въ смѣшеніи приняли сильное участіе бѣлокурые ливійцы. Вліяніе эѳіоповъ, которое вверхъ по Нилу имѣло удобный путь внутрь страны, кажется распространялось необыкновенно далеко. Въ сравнительно новое время въ лицѣ арабовъ присоединилась новая свѣтлокожая раса къ народамъ, которые оказываютъ вліяніе на Суданъ съ сѣвера и востока. Смѣшенія съ сѣверными народами могли отчасти начаться очень рано. Въ карѳагенское и римское время пустынный поясъ былъ прорванъ по меньшей мѣрѣ отдѣльными лицами. Геродотъ разсказываетъ о смѣломъ путешествіи нѣсколькихъ человѣкъ изъ кочевого племени насамоновъ, которые будто достигли отъ Египта до Нигера. Если Сахара нѣкогда была обильнѣе водой, чѣмъ теперь, то именно въ древнѣйшія времена подобное предпріятіе было легче, чѣмъ въ настоящее время, даже не смотря на отсутствіе верблюдовъ. Что сообщается еще классической древностью, весьма мало даетъ для этнографическихъ свѣдѣній о Суданѣ: лишь съ арабскимъ временемъ начинается достовѣрная исторія.

Подобно меньшимъ степямъ и пустынямъ Африки, можно предположить и относительно Сахары и прилегающихъ къ ней съ юга степей, что сила и значеніе народовъ пустыни должны были подняться съ теченіемъ времени, и именно въ той мѣрѣ, въ какой скотоводство дѣлало для нихъ возможнымъ извлекать наибольшую пользу изъ ихъ убогой области. Первоначально вѣроятно неосѣдлые, бѣдные охотники, они выросли до крѣпкихъ, воинственныхъ племенъ. Двѣ ступени этого развитія рѣзко обозначаются введеніемъ быка, происшедшимъ уже въ раннюю эпоху, и верблюда, падающимъ лишь на позднее римское время. Если раньше темнокожій земледѣлецъ внутренней Африки имѣлъ превосходство надъ убогими жителями пустыни, то теперь картина мѣняется: негръ попадаетъ подъ иго или оттѣсняется назадъ.

Въ болѣе раннее время негръ, кажется, былъ распространенъ почти по всему Судану и до самой пустыни; сидѣлъ ли онъ еще дальше на сѣверъ и не приняло ли въ себя берберское населеніе сѣверной Африки древнихъ негритянскихъ насельниковъ именно въ областяхъ, сосѣднихъ съ пустыней, неизвѣстно. По крайней мѣрѣ Феццанъ нѣкогда былъ населенъ неграми, какъ это доказываетъ преданіе и темный цвѣтъ кожи народа, и въ западной Сахарѣ находятся несомнѣнные остатки древняго негритянскаго населенія. По сообщенію римскаго историка Саллюстія (86—31 до Р. Х.), еще въ его время самыя южныя области собственной пустыни находились въ рукахъ негровъ, хотя уже тогда рядомъ съ ними могли выступать предшественники различныхъ расъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались берберы.

Распространеніе культуры въ Суданѣ, доступномъ сѣверо-африканскимъ вліяніямъ, не стоитъ въ такой неразрывной связи съ передвиженіями народовъ, какъ въ сѣверной Африкѣ. Характерно, что плугъ не нашелъ себѣ пути чрезъ Сахару, такъ же, какъ онъ не вытѣснилъ чисто негрской обработки земли при помощи мотыки въ Суданѣ, тогда какъ стадныя животныя, проникшія въ Африку чрезъ Суэцкій перешеекъ и частью чрезъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, дошли до Судана, и оттуда дальше до внутренней Африки, напр. овца, коза, быкъ, лошадь и наконецъ верблюдъ. Если въ болѣе древнее время культурныя теченія имѣли то же направленіе, что и теперь, то можно наблюдать настоящій круговоротъ цивилизаціи около Сахары: съ востока проникаетъ культура въ сѣверную Африку, распространяется до нынѣшняго Марокко, идетъ оттуда на югъ въ область Нигера, потомъ направляется опять къ востоку, и наконецъ вблизи Нила встрѣчается съ другимъ теченіемъ, идущимъ изъ Египта къ югу. Нѣсколько измѣняется эта простая картина только благодаря по временамъ оживленнымъ сношеніямъ триполитанскихъ гаваней со среднимъ Суданомъ; такимъ путемъ послѣдній получилъ много новыхъ пріобрѣтеній скорѣе, чѣмъ по кружной дорогѣ чрезъ Марокко и область Нигера. Съ развитіемъ культуры образовались смѣшанныя племена, населяющія города; они, какъ новое звено въ цѣпи, сумѣли смягчить старую борьбу между кочевниками и осѣдлыми, и дать ей другое направленіе. Идущая съ сѣвера промышленная культура съ своей стороны оказала сильное вліяніе на народы и государства. Оба большихъ племени, преимущественно негрской крови, образовавшія государства въ западномъ и среднемъ Суданѣ, мандинго (мандикка, см. выше, стр. 438) и гаусса — типичные промышленные торговые народы. Какъ таковые, они замѣчательно способны вторгаться въ области другихъ племенъ, образовывать тамъ небольшія колоніи и, при случаѣ, если выпадаетъ счастье, овладѣвать господствомъ. Мандинго распространены до западнаго берега какъ кожевники, красильщики, ткачи и кузнецы; гаусса, какъ купцы и ремесленники, проникли до Невольничьяго берега, гдѣ они вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ вліяніе, какъ носители ислама. Южнѣе границы распространенія мандинго ту же роль играютъ сонинке (сераколетъ, сараколэ). Встрѣчаются и невольныя переселенія этого рода, особенно въ восточномъ Суданѣ, гдѣ жители Борну и Багирми пересажены въ восточныя государства, какъ носители высшей культуры. Возможно, что распространеніе самыхъ древнихъ государствъ на почвѣ Судана частью произошло уже путемъ такихъ культурныхъ переселеній: именно негрскій элементъ находитъ въ промышленности новый путь къ силѣ, сравнительно съ бездѣятельными пастушескими племенами пустыни. Затѣмъ исламъ побужденіемъ къ пилигримствамъ расширилъ кругозоръ и значительно оживилъ сношенія.

Конечно черная раса съ ея стремленіемъ къ распаденію на мелкія государства, должна была отступить на задній планъ, когда племена бер-

беровъ развились въ крѣпкихъ, вполнѣ приспособившихся къ природѣ своей страны, обитателей пустыни. Наиважнѣйшее изъ этихъ племенъ — большой народъ туарегъ (ед. ч. тарги) или вѣрнѣе имошагъ (амасигъ, мацигъ). Конечно, это приспособленіе къ пустынѣ, это движеніе на югъ, не было совершенно добровольнымъ, такъ какъ если самыя сѣверныя части пустыни были уже во власти туарега (Саллюстій), то главная масса народа, кажется, сидѣла на плодородныхъ участкахъ вблизи сѣверо-африканскихъ горныхъ цѣпей, пока завоевательные походы арабовъ не прогнали ихъ постепенно назадъ. Отдѣльныя арабскія племена напирали и кое-гдѣ раздѣлили съ ними новую область. Негры же, обитавшіе въ оазахъ южной части пустыни, погибли подъ напоромъ туарега. Эти, постоянно повторявшіяся столкновенія продолжались въ Суданѣ въ народныхъ передвиженіяхъ, направлявшихся къ югу и востоку.

в) Древнѣйшая исторія западнаго Судана.

α) Гана.

Уже до этого времени въ западномъ Суданѣ существовали значительныя негрскія государства. Дальше всего можно прослѣдить исторію царства Гана или Ганата (собственно Аукаръ). Оно возникло около 300 г. по Р. Х. и лежало къ з. отъ Тимбукту, къ с. з. отъ верхняго теченія Нигера, на краю пустыни. Однако чисто негрскимъ оно не было: владѣтельная фамилія принадлежала какъ будто къ свѣтлокожему племени, тогда какъ ядро народа — къ мандинго или малинке. Это цѣнное данное доказываетъ намъ, что уже задолго до начала исламскаго времени Суданъ былъ областью смѣшенія народовъ и что уже тогда наблюдался обычный порядокъ образованія государствъ, дѣлающій свѣтлокожее племя владыкой темнокожаго населенія. До начала мусульманской эры въ Гана царствовало 22 властителя.

Послѣ того, какъ Карѳагенъ и Кирена по крайней мѣрѣ посредственно поддерживали торговыя сношенія со странами по ту сторону пустыни, Судана касались сѣверо-африканскія вліянія въ болѣе сильной степени, чѣмъ въ то время, когда завоеваніе сѣверной Африки арабами привело къ границамъ великой пустыни народъ, не пугавшійся опасностей негостепріимной области и побуждавшійся къ рискованнымъ предпріятіямъ желаніемъ распространять исламъ и свое владычество. Вѣроятно государство Сенхагія въ западномъ Суданѣ — первый исходный пунктъ исламской пропаганды. И городъ Биру (Вхалата), кажется, былъ средоточіемъ торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ исламской культуры, пока его не оттѣснилъ на задній планъ Тимбукту. Дѣйствительно, мы рано наталкиваемся на первые слѣды ислама въ Суданѣ, и хотя новое ученіе не вездѣ нашло благопріятную почву и до сихъ поръ не вполнѣ одержало верхъ, все-таки чрезъ него страна получила самый точный признакъ высшей культуры — письмо, чѣмъ было положено основаніе для достовѣрной исторіи Судана. Самые цѣнные историческіе документы этой области — лѣтописи Сонрхай составлены Ахмедомъ Баба (около 1640).

Когда Гана находился еще въ полномъ расцвѣтѣ, вблизи его возникло новое государство Сонрхай (стр. 503), гдѣ въ началѣ VII столѣтія достигла владычества династія Саа, также повидимому принадлежавшая къ берберскому племени. Ахмедъ Баба называетъ первымъ владыкой Саа Алайамана, за которымъ до обращенія страны въ исламъ слѣдовало 14 царей. Ядро царства Сонрхай лежало внутри большого изгиба Нигера, къ югу отъ нынѣшняго Тимбукту, но и далѣе къ востоку, за Нигеромъ, ему принадлежали значительныя части области.

β) Мелле.

Сначала Сонрхай было не особенно могущественно; главной державой въ западномъ Суданѣ долго оставалось скорѣе третье, нѣсколько болѣе молодое государство — Мелле. Древнѣйшая исторія его лежитъ совершенно во мракѣ; кажется, оно основано мандинго, которые вѣроятно сначала сломили господство берберовъ. Въ свое лучшее время оно распространило свое владычество далеко за изгибъ Нигера къ сѣверу и, кажется, косвенно утвердило свое вліяніе до Атлантическаго океана; его владѣтели, какъ мандинго, принадлежали къ темной расѣ. Первые проповѣдники ислама явились въ Мелле въ 990 году и нашли здѣсь радушный пріемъ. Еще раньше ученіе Мохаммеда распространилось среди племенъ пустыни и много содѣйствовало тому, что и среди нихъ возрасло стремленіе къ государственному единенію. Уже въ IX вѣкѣ одинъ изъ берберскихъ вождей Тилутанъ принялъ исламъ, обратилъ сосѣднія негрскія племена и достигъ большого могущества; и въ 1034 г. опять однажды большая часть племенъ пустыни соединилась подъ скипетромъ Абу Абдаллаха. Въ концѣ XI столѣтія туарегъ основали на мѣстѣ, гдѣ уже и раньше происходили правильныя ярмарки, городъ Тимбукту (см. таблицу при стр. 511), важный опорный пунктъ ихъ вліянія; около того же времени альморавиды, имѣвшіе важное значеніе для исторіи сѣверной Африки и Испаніи, временно покорили древнее государство Гана.

Между тѣмъ князья Сонрхай приняли исламъ около 1009 г., владѣтели Ганата — около 1100; владыки Мелле, которое все болѣе входило въ силу, послѣдовали этимъ примѣрамъ только въ 1200 г. Самый значительный изъ государей Мелле — Манза (султанъ) Мусса, царствовавшій 1311—31. Онъ сдѣлалъ изъ своего государства военное могущество первой степени и выступилъ по всѣмъ направленіямъ съ завоевательными планами. Предъ нимъ пали остатки древняго Гана, которое хотя и вернуло себѣ самостоятельность, но уже въ XIII в. потеряло большую часть своихъ владѣній въ пользу Мелле. Онъ покорилъ царство Сонрхай и отнялъ у туарега расцвѣтавшее Тимбукту. Далеко распространилась его слава, когда онъ съ громадной свитой въ 1326 г. предпринялъ паломничество въ Мекку и щедро раздавалъ свои богатства. Въ Тимбукту архитекторъ изъ Гранады построилъ дворецъ для царя. По смерти Муссы царству грозило распаденіе, но оно снова было укрѣплено въ 1335 г. Манзой Слиманомъ и Тимбукту, покоренное языческимъ княземъ Мосси, возвращено. Особенно ожесточенны и въ общемъ успѣшны для Мелле были, кажется, войны съ лежавшимъ къ югу царствомъ Гинне (Джинне), князья котораго приняли исламъ въ XIII в. Цѣлое столѣтіе Мелле держалось на высотѣ своего могущества, а затѣмъ стало неудержимо склоняться къ упадку. По Ахмеду Баба „воинство Божіе", внезапно появившееся и исчезнувшее, истребило большую часть народа; вѣроятно имѣли пагубныя послѣдствія или крупный переворотъ, или эпидемическая болѣзнь. Въ 1433 г. туареги снова овладѣли Тимбукту въ то время, какъ намѣстники отдѣльныхъ провинцій Мелле проводили время въ междоусобіяхъ.

γ) Сонрхай.

Во второй половинѣ XV в. возвысилось Сонрхай (стр. 502) до степени непобѣдимой державы подъ предводительствомъ жестокаго, но энергичнаго Ссонни (Сунни) Али изъ берберскаго рода. Одинъ изъ его предковъ, Али Кильну, воспитанный при царскомъ дворѣ въ Мелле, убѣжалъ оттуда со своимъ братомъ и успѣшно поднялъ въ Сонрхаѣ знамя возстанія. Сначала владѣтели Сонрхая удовольствовались независимостью; впервые Ссонни Али

сталъ предпринимать завоевательные походы. Онъ взялъ (1469) со страшными жестокостями Тимбукту, куда тогда направился торговый путь западнаго Судана съ сѣверной Африкой; затѣмъ овладѣлъ большей частью бывшаго Гана и уже довелъ свое могущество до значительной высоты, когда утонулъ во время одного похода на югъ (1492).

Его сынъ, наслѣдовавшій ему, былъ скоро свергнутъ однимъ изъ низшихъ командировъ при умершемъ князѣ, настоящимъ негромъ Мухаммедомъ бенъ Абу-Бекромъ, который принялъ, какъ царь, титулъ Аскіа. Здѣсь предъ нами одна изъ частыхъ реакцій въ борьбѣ расъ западнаго Судана: негрскому населенію, составляющему главное племя суданскихъ государствъ, удается свергнуть господство свѣтлокожихъ сыновъ пустыни и облегчить побѣду своей расѣ. Конечно, вслѣдствіе глубокаго смѣшенія расъ, по большей части столь же мало можетъ идти рѣчь о чистыхъ берберахъ, какъ и о чистыхъ неграхъ, и исламская религія изъ-за перехода власти столь же мало пошатнулась, какъ и разъ основанная культура. Аскіа скоро показалъ себя прирожденнымъ государемъ; онъ умѣлъ вести войну и укрѣпилъ внутреннюю мощь своего царства, покровительствуя мирному труду. Блестящимъ паломничествомъ въ Мекку онъ увеличилъ славу своей страны за ея предѣлами. Повидимому онъ создалъ постоянное войско, между тѣмъ какъ еще Ссонни Али каждый разъ водилъ на войну всю наличность своего народа. По возвращеніи изъ Аравіи онъ напалъ на царство Мосси, царь и народъ котораго обнаруживали упорную ненависть къ исламу; затѣмъ онъ обратился противъ Мелле, взялъ и разрушилъ столицу этого древняго царства и заставилъ страну платить себѣ дань (1501). Упорнѣе были войны съ народами, жившими болѣе къ югу, и съ западными племенами. Что Аскіа ходилъ и на востокъ и воевалъ, большею частью счастливо, съ цвѣтущими уже въ то время государствами Гаусса, засвидѣтельствовано Львомъ Африканскимъ. До Агадеса на с.-в., откуда онъ выгналъ берберовъ и гдѣ поселилъ негровъ изъ Сонрхая, простиралась его держава, которая и въ этомъ отдѣльномъ случаѣ является отпоромъ негритянской расы. Въ послѣдніе годы его жизни произошли раздоры въ его семействѣ. Въ 1529 г. его сынъ Мусса принудилъ его къ отреченію.

Сонрхай долго держалось на высотѣ своего могущества. Особенно славно было царствованіе Аскіи Исаака I (1539—53), при которомъ впервые начались столкновенія съ Марокко. Его преемникъ Даудъ (Давидъ) мирно царствовалъ отъ 1553 до 1582 г.; напротивъ, его сыну Эль-Хаджи уже приходилось имѣть дѣло съ постоянными междоусобными войнами. Вскорѣ по его вступленіи на престолъ явились послы изъ Марокко яко-бы для передачи подарковъ; въ дѣйствительности же они были лишь шпіонами и предшествовали сильному марокскому войску, которое двигалось черезъ пустыню по направленію къ Нигеру и было послано султаномъ марокскимъ Мулаи Хаммедомъ. Такимъ образомъ этотъ правитель снова вернулся къ политикѣ альморавидовъ, завладѣвшихъ изъ Марокко Ганой и составившихъ главный отрядъ своего войска изъ суданскихъ негровъ. Правда, марокское войско погибло въ пустынѣ, но междоусобія продолжались и послѣ того, какъ въ 1587 г. былъ свергнутъ Эль-Хаджи, который вскорѣ затѣмъ и умеръ.

Едва успѣлъ Аскіа Исаакъ II подавить въ слѣдующемъ году возстаніе и укрѣпиться на престолѣ, какъ появилось новое марокское войско, овладѣло столицей Гого, а затѣмъ заняло Тимбукту. Такъ какъ предводитель этого войска вступилъ въ переговоры съ Исаакомъ вмѣсто того, чтобы продолжать завоеваніе, онъ былъ вскорѣ свергнутъ честолюбивымъ Мулаи Хаммедомъ, въ воображеніи котораго рисовалось, какъ примѣръ достойный подражанія, всемірное государство Филиппа II Испанскаго. Его преемникъ Баша Махмудъ, не смотря на малочисленность своего войска (3600 про-

тивъ 140,000, такъ, по крайней мѣрѣ, передаютъ), разбилъ на голову войско Исаака, которое не могло противустоять ружейному огню марокканъ (1591). Исаакъ бѣжалъ на востокъ къ языческимъ племенамъ, населявшимъ его пограничныя земли, но былъ тамъ убитъ. Всякое сопротивленіе было напрасно; могущественное царство Сонрхай, которое охватывало всѣ земли по верховьямъ Нигера и Сенегала и власть котораго простиралась до морского берега, а также вглубь пустыни, больше не существовало. Переселившіеся сюда марокканe стали новымъ членомъ смѣшаннаго народонаселенія; ихъ потомки и теперь еще извѣстны надъ именемъ руматовъ (стрѣлковъ). Новая марокская провинція, центромъ которой былъ городъ Тимбукту, была однако не столь-же обширна, какъ древнее государство Сонрхай, нѣкоторыя пограничныя провинціи отпали, а нѣкоторые народы, какъ бамбара, и въ особенности фульбы (фулахи), стали распространяться, все побѣждая на своемъ пути.

д) Государства Гаусса.

Но разрушеніе государства Сонрхай имѣло и дальнѣйшія послѣдствія. До сихъ поръ центръ тяжести культуры западнаго Судана лежалъ на верхнемъ Нигерѣ, тамъ, гдѣ всего раньше и легче могло сказаться вліяніе сѣвера; теперь же онъ передвинулся на востокъ, къ среднему Нигеру и Бинуэ, и въ ту область, которая занимаетъ уголъ между этими двумя рѣками: въ государства Гаусса. Культура, разъ проникнувъ сюда, могла пустить здѣсь болѣе глубокіе корни, нежели на верховьяхъ Нигера, гдѣ преобладаютъ степныя пространства, а вмѣстѣ съ тѣмъ господствуетъ и духъ кочевничества, тогда какъ культура можетъ привиться на продолжительное время лишь въ торговыхъ и промышленныхъ городахъ. Государства Гаусса — страна городовъ, и изъ этихъ центровъ культура распространяется въ окружающія земли, но населяютъ послѣднія по большей части не непосѣдливые номады, а негры земледѣльцы. Правда, о повсемѣстной культурѣ, и даже о политическомъ единствѣ страны и теперь не можетъ быть рѣчи: всюду между областями, имѣющими государственную организацію, лежатъ на подобіе оазовъ области, населенныя языческими племенами, которыя постоянно служатъ цѣлью походовъ правителей страны и отплачиваютъ разбойничьими набѣгами за отнимаемую у нихъ недобровольную дань рабами.

Древнѣйшая исторія государствъ Гаусса еще темнѣе, нежели исторія западныхъ государствъ. Достовѣрно лишь то, что главная масса народа гаусса, отъ котораго они получили имя и первичную политическую организацію, нѣкогда жила гораздо сѣвернѣе и принадлежала къ тѣмъ негритянскимъ племенамъ, которыя обитали въ южныхъ частяхъ Сахары и прилегающихъ къ ней областяхъ. Думаютъ, что горная страна Аиръ или Асбенъ нѣкогда принадлежала племени гаусса. Тѣснимый къ югу степными берберами, этотъ народъ, у котораго и безъ того уже была примѣсь берберской крови, постепенно передалъ свой языкъ безчисленнымъ племенамъ, въ силу чего однако вмѣсто своеобразнаго народа получилась масса людей, объединенныхъ лишь языкомъ.

Гауссы считаютъ своимъ первоначальнымъ мѣстожительствомъ городокъ Бирамъ, лежащій на востокъ отъ Кано около границы государства Борну; поэтому, культура вѣроятно проникла къ гауссамъ главнымъ образомъ не съ запада черезъ Мелле и Сонрхай, а изъ средняго Судана, и въ особенности изъ Борну. Отъ основателя города Бирама, носящаго то же имя, и отъ его внука Бану, повидимому произошли родоначальники семи древнихъ народовъ гаусса, а также первые цари тѣхъ семи государствъ, которыя лежали съ одной стороны въ области между Бинуэ и пустыней, а съ другой между Нигеромъ и границей Борну, не доходя однако

непосредственно ни до одной изъ двухъ рѣкъ. Такимъ образомъ, гауссы основали свое государство въ области, граничащей съ пустыней, тогда какъ на берегахъ рѣки долгое время держались коренные жители (а отчасти держатся и теперь); точно также, занимая на берегахъ Атлантическаго океана узкую полосу, коренные жители долгое время противодѣйствовали суданской культурѣ и ея предвозвѣстникамъ, а въ долинѣ верхняго Нила они держатся и теперь. Семь древнихъ государствъ Гаусса назывались: Бирамъ, Кано, Даура, Гобиръ, Катсена, Сосо или Саріа и Рано; Гобиръ и Даура вмѣстѣ съ Бирамомъ были, вѣроятно, древнѣйшими государствами гауссовъ. Преданіе, гласящее, что мать основателей государствъ Гаусса была берберкой, подтверждаетъ, что гауссы — не чистые негры, а смѣшанные съ племенами пустыни.

Гауссы вѣроятно уже рано выказали большія способности къ ремесламъ и торговлѣ; надо думать, что именно силой своей культуры, а не путемъ походовъ распространили они свою власть на вторую группу государствъ, которыя обыкновенно называются „побочными" государствами Гаусса, потому что ихъ основателями были, повидимому, побочные сыновья Бану; эти государства называются: Кебби, Санфара (Цамфара), Гуари (Гбари), Яури, а по ту сторону Нигера и Бинуэ: Нуне, Іоруба и Коророфа.

Сказанія объ основателяхъ государствъ гаусса даютъ намъ и нѣкоторое представленіе о государственномъ устройствѣ послѣднихъ въ древнее время. Когда Бану раздѣлилъ государство между своими сыновьями, онъ въ то же время поручилъ имъ и опредѣленныя должности: двое изъ нихъ были сдѣланы надсмотрщиками надъ торговыми сношеніями и торговлей вообще, двое другихъ — надъ красильнями, пятому было поручено похищать невольниковъ изъ непріятельскихъ областей. Это прекрасно рисуетъ намъ жизненныя условія старыхъ государствъ Гаусса: богатство страны основано на процвѣтаніи ремеслъ, въ особенности на приготовленіи и окраскѣ матерій, которыя сбываются въ очень отдаленныя мѣстности, благодаря оживленнымъ торговымъ сношеніямъ. Похищеніе невольниковъ доставляетъ дешевыя рабочія силы для ремеслъ, которыми однако по большей части занимаются свободные люди, а также и для обработки земли, которая тоже находится преимущественно въ рукахъ туземныхъ полуцивилизованныхъ негритянскихъ племенъ, живущихъ въ окрестностяхъ большихъ промышленныхъ городовъ. Но прежде всего рабы долгое время были очень важнымъ предметомъ вывоза и причиной оживленной торговли между Суданомъ и береговыми землями Средиземнаго моря.

И правители государствъ Гаусса, и ихъ обитатели въ прежнее время были безусловно язычниками. Вѣроятно зарожденіе этихъ государствъ на южной окраинѣ пустыни нужно относить еще къ до-исламскому времени, хотя окончательный толчекъ къ переселенію гауссовъ на югъ дало передвиженіе народовъ, вызванное походами арабовъ. Образованіе государствъ распространилось довольно рано и за предѣлы настоящихъ и побочныхъ государствъ Гаусса, что доказываетъ существованіе древняго царства Фумбина въ нынѣшней Адамауѣ (ср. стр. 509). Переселеніе гауссовъ въ ихъ нынѣшнія области естественно вызвало отступленіе жившихъ тамъ народовъ, можетъ быть уже до нѣкоторой степени культурныхъ и способныхъ къ образованію государствъ, что способствовало возникновенію новыхъ царствъ, пограничныхъ съ новообразованными государствами гауссовъ. Если переселеніе гауссовъ дѣйствительно находится въ связи съ движеніемъ народовъ, вызваннымъ распространеніемъ ислама, то основаніе государствъ Гаусса можетъ быть отнесено къ IX-му или X-му столѣтію нашей эры. Г. К. Мейеръ относитъ даже образованіе отдѣльныхъ государствъ только къ XII-му столѣтію.

До введенія ислама (который впервые былъ введенъ въ Катсенѣ около 1540 г.), мы лишь немногое знаемъ объ исторіи государствъ

Гаусса. Въ XVI-мъ столѣтіи Катсена была самымъ могущественнымъ государствомъ, родословную правителей котораго можно прослѣдить назадъ до 1200 года. Въ 1513 г. на него повидимому напалъ и наложилъ дань Аскіа Хаджи Мухаммедъ Сонрхайскій: когда правитель Кебби освободился отъ господства Сонрхая, Катсена попала въ зависимость отъ Кебби, а позднѣе подчинилась вліянію Борну. Первый мусульманскій царь Катсены назывался Ибрагимъ Маджи; черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти на престолъ вступила династія Хобе, царствовавшая до завоеванія страны фульбами. Позднѣе пріобрѣлъ значеніе городъ Кано, частью населенный переселенцами изъ Борну и не разъ входившій въ составъ этого государства; довольно продолжительное время цари Борну и Коророфы сражались изъ-за обладанія городомъ. О состояніи остальныхъ государствъ Гаусса и отношеніи ихъ другъ къ другу до начала XIX-го столѣтія извѣстно мало: государство Саріа, Cосо или Сегсегъ повидимому временно принадлежало первому Аскіи Сонрхая.

г) Новѣйшая исторія западнаго Судана.

α) Фульбы (фулахи).

Наше незнаніе вызывается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что фульбы, при своемъ завоеваніи государствъ Гаусса, намѣренно уничтожили всѣ древнѣйшія историческія свидѣтельства. Поэтому, связная исторія этихъ государствъ начинается лишь съ упомянутаго побѣдоноснаго вторженія фульбовъ, именемъ которыхъ теперь иногда называется вся область. Тамъ, гдѣ фульбы (которыхъ сосѣди называютъ также фулами, фелланами, феллатами и фулланами), сохранились еще безъ всякой примѣси, — худая, жилистая фигура и свѣтлый цвѣтъ кожи характеризуютъ ихъ, какъ истинныхъ сыновъ степи, а по образу жизни они являются типичными номадами, поддерживающими свое существованіе скотоводствомъ. По языку они, повидимому, близки къ берберамъ. Ихъ первоначальное мѣстожительство находится на крайнемъ западѣ Судана, вѣроятно въ степяхъ къ сѣверу отъ Сенегала и отчасти въ долинѣ этого потока. Мнѣніе, что фульбы — потомки древняго господствовавшаго народа гана, такъ-же мало можетъ быть доказано, какъ и взглядъ, самъ по себѣ вѣроятный, что праотцы этого народа переселились въ Суданъ изъ Марокко.

Фульбы довольно рано выступаютъ въ исторіи тѣхъ расположенныхъ по верхнему теченію Нигера и Сенегала государствъ, которыя раньше другихъ пріобрѣли значеніе въ западномъ Суданѣ; а именно, фульбы, повидимому, впервые объединились въ государство на среднемъ Сенегалѣ, а вскорѣ затѣмъ, сперва едва примѣтно, стали распространяться дальше на востокъ. Въ 1300-омъ году поселившіеся въ Мелле фульбы уже шлютъ посольство въ Борну. Царь Сонрхая — Ссони Али (стр. 503) предпринялъ въ 1482 году походъ противъ фульбовъ, вторгнувшихся въ его южныя владѣнія, и обязалъ ихъ платить дань своему государству. Въ 1500 году сообщаютъ о новой борьбѣ Аскіи Хаджи Мухаммеда противъ этого народа, который повидимому, былъ уже довольно могущественнымъ и сильно распространился на востокъ. Это распространеніе, вѣроятно, уже и тогда происходило тѣмъ-же путемъ, какъ впослѣдствіи: фульбы, въ качествѣ кочующихъ пастуховъ, вторгались во владѣнія осѣдлыхъ народовъ, а затѣмъ пользовались тамъ и сямъ удобнымъ случаемъ, чтобы захватить власть и основать маленькія независимыя государства. Въ 1533 году упоминается борьба между находившимся въ упадкѣ государствомъ Мелле и тѣми западными фульбами, которые жили осѣдло невдалекѣ отъ своей первоначальной родины. Фульбы, двигаясь впередъ на востокъ, конечно принимали въ себя различныя другія кочевыя племена и не разъ скрещивались съ неграми: такъ, на своихъ старыхъ ро-

довыхъ мѣстахъ осѣдлости — съ темнокожими джолофами (см. стр. 437); такому смѣшенію обязано своимъ происхожденіемъ колѣно тородовъ. Нѣкоторыя племена образовали ремесленническіе классы, благодаря развитію нѣкотораго подобія кастъ, да и вообще часть фульбовъ перешла отъ кочевой жизни къ занятію ремеслами.

Кочуя, фульбы постепенно достигли и земель Гаусса, гдѣ сперва ихъ только терпѣли и относились къ нимъ съ презрѣніемъ, какъ къ пришлому элементу. Въ XVI-омъ столѣтіи они уже значительно размножились и кое-гдѣ пріобрѣли политическое вліяніе, въ особенности въ Кебби (см. стр. 506), гдѣ они около этого времени успѣшно вмѣшивались во внутренніе раздоры незадолго до того основанной династіи Канта. Уже тогда отдѣльные отряды проникали еще дальше на востокъ до Багирми, а можетъ быть и на югъ, въ Адамауа: здѣсь и по-сейчасъ живутъ фульбы — язычники, тогда какъ остальные извѣстны, какъ фанатики ислама.

Этотъ-то фанатизмъ и далъ какъ разъ поводъ къ коренному перевороту въ государствахъ Гаусса. Какъ въ большинствѣ случаевъ, такъ и здѣсь, конечно религіозное движеніе служило лишь ширмой для естественныхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ постепеннаго нарушенія соціальнаго и этническаго равновѣсія; но религія все-же способствовала тому, что фульбы сознали свою силу и нашли общій лозунгъ противъ гауссовъ, очень терпимыхъ въ религіозныхъ вопросахъ, или скорѣе равнодушныхъ къ нимъ. Въ 1802 году, въ землѣ Гобиръ (Гоберъ), одинъ изъ фульбскихъ шейховъ, по имени Отманъ-данъ-Фодіо, съумѣлъ соединить стремленіе къ политической власти съ религіознымъ движеніемъ и возбудилъ своихъ соплеменниковъ къ борьбѣ съ царемъ Гобира, воспламенивъ ихъ и доведя до высшей степени воодушевленія звучными религіозными пѣснопѣніями. Не смотря на первоначальное пораженіе, онъ одержалъ верхъ надъ своими противниками и, умирая, оставилъ своему воинственному сыну Мухаммеду Белло государство, которое послѣдній съумѣлъ постепенно увеличить, не смотря на то, что царь Борну не разъ воевалъ съ нимъ. Напрасно султаны Сансары, Гобира и Нупе въ союзѣ съ туарегами пытались оттѣснить фульбовъ. Въ то же время и фульбы, жившіе въ области рѣки Сенегала, двинулись впередъ и основали въ горной мѣстносси къ югу отъ рѣки государство Фута Джаллонъ. Въ 1816 г. одинъ фанатикъ изъ Гандо основалъ государство Массину, къ которому въ 1826 г. былъ присоединенъ и Тимбукту. Въ 50-ыхъ годахъ та же участь постигла и основанное уже въ 1650 г. языческимъ племенемъ мандинго (бамбара) — Сегу (см. ниже, стр. 511).

Государства Гаусса, мѣстами послѣ долгаго сопротивленія, совершенно попали во власть фульбовъ, гауссы должны были уступить господство нѣкогда столь презираемому пастушескому племени. Въ остальномъ, государственное устройство мало измѣнилось. Высшая власть надъ фульбами сосредоточилась въ государствѣ Сокото, наслѣдіи Мухаммеда Белло; царь этого государства въ то-же время духовный глава надъ всѣми восточными фульбскими государствами, но вліяніе его почти однимъ этимъ и ограничивается. Земли, расположенныя по среднему Нигеру, образуютъ государство Гандо (Ганду), первымъ правителемъ котораго былъ назначенъ Абд'Аллахи, братъ Отмана. Къ Гандо принадлежатъ — но тоже лишь въ религіозномъ отношеніи — высоко-культурная область Нупе (со столицей Бидой), которая уже въ первомъ десятилѣтіи XIX-аго вѣка, ослабѣвъ отъ междоусобныхъ войнъ, попала въ руки фульбовъ, и на самомъ югѣ — область Илоринъ (Элоринъ), къ сѣверу отъ Іорубы. Наконецъ на юго-востокѣ лежитъ Адамауа, покоренная въ двадцатыхъ годахъ XIX-аго столѣтія фульбами и тоже почти независимая. Также и остальные правители прежнихъ государствъ Гаусса стоятъ, по большей части, въ слабой связи съ Сокото, нѣкоторые изъ нихъ, какъ султанъ Баутши, династія котораго вступила на престолъ въ 1800 году, даже и не фульбы, а настоящіе негры.

Въ государствѣ фульбовъ, которые при своемъ первомъ нападеніи такъ сильно потрясли западный Суданъ, и даже грозили разрушеніемъ Борну (стр. 508), скоро обнаружились признаки упадка. Часть фульбовъ поселилась въ городахъ, смѣшалась съ гауссами и утратила свой языкъ и свои характерныя особенности; исключеніе оставляетъ племя бо́рроро, оставшееся вѣрнымъ пастушескому быту. Въ то-же время фульбы потеряли и свой фанатизмъ и свой воинственный духъ: войска, выставляемыя султанами, состояли почти исключительно изъ негровъ. Однимъ словомъ, негритянская кровь вскорѣ начала незамѣтно, но непрерывно ассимилировать себѣ завоевателей. Кромѣ того, фульбскіе правители такъ-же, какъ и цари гауссовъ, повелѣвали далеко не надъ всею областью: напротивъ, всюду находились многочисленныя языческія племена, оказывавшія отчаянное сопротивленіе своимъ притѣснителямъ — магометанамъ; а когда ихъ покоряли, обращали и дѣлали подданными фульбовъ, они только увеличивали общую массу негровъ. Сохранилось еще даже маленькое самостоятельное государство гауссовъ: когда Саріа, столица древняго государства Сосо, была покорена фульбами, царь отступилъ къ югу и основалъ въ области языческихъ племенъ новое маленькое царство съ главнымъ городомъ Абуджа, которое противустояло всѣмъ нападеніямъ фульбовъ. Гауссы удержались также и въ своихъ первыхъ мѣстахъ осѣдлости, въ Гобирѣ.

Такимъ образомъ, фульбы владѣютъ теперь, отчасти лишь номинально, областью, коренное населеніе которой, благодаря своей болѣе высокой культурѣ, проявляетъ неистощимую жизненную силу. Отстраненные отъ власти, гауссы тѣмъ сильнѣе распространяются мирнымъ путемъ на всѣ сосѣднія земли и доставляютъ своему языку все большее преобладаніе: этотъ языкъ уже господствуетъ, хотя и въ испорченной формѣ, въ качествѣ общеупотребительнаго нарѣчія вплоть до Кете-кратьи въ нѣмецкой области Того. Внутреннее устройство государства фульбовъ обветшало и пришло въ упадокъ; маленькія племена могутъ совершенно и надолго прерывать сообщеніе между Кано и Саріа съ одной стороны и Сокото съ другой, или же захватывать жителей у самыхъ воротъ Гандо. Если государство еще давно не пало вслѣдствіе нападенія извнѣ, то это объясняется (по мнѣнію Штаудингера) лишь тѣмъ, что оно не граничитъ ни съ однимъ энергичнымъ сосѣдомъ.

β) Адама́уа.

Старые государства Гаусса съ южной стороны были окружены вѣнцомъ изъ независимыхъ языческихъ государствъ: таковы, Коро́рофа, къ югу отъ средняго теченія Бинуэ, Фумбина, предшествовавшая нынѣшнему Адама́уа и др. Страна Адама́уа, названная такъ по имени перваго фульбскаго правителя Адамы, одной своей особенностью отличается отъ остальныхъ государствъ. Гаусса и болѣе походитъ въ данномъ отношеніи на государства средняго Судана: она уже не принадлежитъ къ большому западному выгибу Африки, а примыкаетъ съ юга на всемъ своемъ протяженіи къ средней Африкѣ съ ея чисто-негритянскимъ населеніемъ, въ силу чего она способна къ почти безграничному расширенію, а правители ея могутъ въ широкихъ размѣрахъ производить похищеніе невольниковъ.

Далѣе, она такъ богата и плодородна и такъ благопріятна для земледѣлія, что падежъ скота, разорявшій въ другихъ гаусскихъ областяхъ фульбовъ, здѣсь не могъ имѣть столь роковыхъ послѣдствій и подрывать силы народа. Большинство фульбовъ уже давно перешло здѣсь къ земледѣлію, новыя рабочія силы для котораго доставляетъ охота на невольниковъ; кромѣ того, переселеніе въ Адама́уа искусныхъ въ ремеслахъ семействъ изъ Борну оказало большую пользу для развитія культуры.

Верховная политическая власть въ Адама́уа находится въ рукахъ пра-

вителя Іолы, проживающаго на сѣверо-западной границѣ, обращенной къ остальнымъ государствамъ Гаусса; однако, вліяніе его не только ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ столицы, но и вообще неравномѣрно распредѣлено по странѣ: всюду между центрами власти фульбовъ лежатъ маленькія языческія области и государства, которыя находятся въ постоянной враждѣ съ фульбами, а также другъ съ другомъ. Устройства государствъ фульбовъ, а въ особенности Адамáуа, вполнѣ соотвѣтствуютъ средневѣковому ленному быту; провинціи распредѣлены между отдѣльными сановниками, которые въ свою очередь повелѣваютъ цѣлой толпою вассаловъ, тогда какъ придворныя должности находятся, по большей части, въ рукахъ невольниковъ. Важнѣйшія фульбскія провинціи въ Адамáуа слѣдующія: Бубанджидда, Нгаундере, Тибати и Баніо; Тибати и Нгаундере (Нгаумдере) вплоть до вторженія нѣмцевъ постоянно увеличивали свои владѣнія и были наиболѣе сильными частями всей совокупности фульбскихъ государствъ. Рядомъ съ ними лежитъ къ югу отъ Адамáуа независимое языческое государство Галимъ, образовавшееся въ сравнительно недавнее время и усиленное переходомъ въ него многочисленныхъ бѣглецовъ-язычниковъ. На сѣверѣ (въ Джамаре) отважный атаманъ Малламъ Гайато, сынъ принца Санду и внукъ Мухаммеда Белло (стр. 508), свергъ верховную власть Іолы. За послѣднія десятилѣтія фульбы основали новыя государства внизъ по Бинуэ; а въ самое послѣднее время Германія захватила южную часть Адамáуа и остановила поступательное движеніе суданскихъ негровъ.

γ) Марокскій періодъ западныхъ областей.

Не смотря на неблагопріятность условій, на немногочисленность войска и трудности его передвиженія, господство Марокко надъ западными областями, нѣкогда принадлежавшими къ Сонрхай, удержалось изумительно долго, по крайней мѣрѣ номинально; не помѣшалъ ему и рядъ переворотовъ въ Марокко, вообще не оставшихся безъ вліянія на Суданъ. Причина столь долгаго сохраненія власти заключается просто въ томъ, что марокскіе солдаты, руматы (см. стр. 505), ружья которыхъ такъ быстро рѣшили исходъ войны, поселились въ качествѣ господствующей касты въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, пріобрѣли вліяніе и друзей благодаря бракамъ съ туземными женщинами и наконецъ вошли въ составъ населенія, причемъ могли самостоятельно владѣть завоеванными областями, въ то-же время находя интересъ въ поддержкѣ связи съ Марокко. Такъ, въ 1603 г., когда, послѣ смерти Мулаи Хаммеда государство Марокко было потрясено смутами, связь его съ новой провинціей Сонрхай не прекратилась; только паша провинціи съ этого времени уже не посылается изъ Марокко, а выбирается самими руматами. Конечно, это привело къ самому необузданному преторіанскому хозяйничанью, такъ какъ каждый новоизбранный паша долженъ былъ выражать своею признательность раздачей денегъ: въ теченіе 150 лѣтъ насчитываютъ 154 владѣтельныхъ пашей. Гражданскія войны и грабежи были естественнымъ слѣдствіемъ такихъ порядковъ; кромѣ того, обычнымъ явленіемъ была постоянная борьба съ различными племенами туареговъ. Еще въ XVII-омъ столѣтіи Сонрхай поставлялъ въ марокское войско большое количество черныхъ солдатъ, которые въ качествѣ лейбъ-гвардіи оказывали султанамъ важныя услуги противъ стремленій къ возстанію ихъ собственныхъ подданныхъ. Въ 1680 г. маленькое марокское войско предприняло походъ въ независимыя отъ Марокко суданскія области и вернулось на родину съ богатой добычей; но съ 1692 г. имя марокскаго султана исключается изъ молитвъ при богослуженіи, и такимъ образомъ уничтожается послѣдній признакъ зависимости. Однако, попытка одного честолюбца основать собственную династію не удалась. Мало по малу могущество руматовъ, потомковъ прежняго марокскаго войска, завоевавшихъ страну, стало падать. Въ 1737 году ихъ войско было разбито Огморомъ, княземъ туа-

Исторія человѣчества. III.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Тимбукту.

(По Оскару Ленцу.)

реговъ, который вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторое время былъ главой Сонрхая, хотя и не могъ вполнѣ подчинить себѣ руматовъ. Въ 1770 г. городъ Гого (Гао) на Нигерѣ былъ таже отданъ туарегамъ; на сѣверномъ берегу рѣки образовалось могущественное государство Аусса (Асауадъ), которое почти совсѣмъ порвало связь съ Марокко и захватило Тимбукту. А въ началѣ XIX вѣка нападеніе фульбовъ совершенно сломило могущество руматовъ. Изъ Гандо, новаго государства фульбовъ на среднемъ Нигерѣ, пришелъ къ верховьямъ этой рѣки Мухаммедъ Леббо съ фанатичнымъ войскомъ и основалъ государство, центромъ котораго былъ городъ Массина (1816 г.; см. стр. 508); Тимбукту (ср. приложенную раскрашенную таблицу „Тимбукту") временно попалъ въ его руки и въ теченіе первой половины столѣтія былъ занимаемъ то туарегами, то фульбами.

δ) Хаджи Омаръ и Ахмаду.

Новое смутное время наступило съ появленіемъ другого фанатика фульбовъ Хаджи Омара, который былъ родомъ изъ древнѣйшихъ поселеній фульбовъ на Сенегалѣ, выступилъ въ качествѣ основателя религіи и собралъ вокругъ себя сильное войско. Онъ напалъ на негритянскія государства, возникшія послѣ паденія большихъ государствъ на Сенегалѣ и верхнемъ Нигерѣ (Бамбукъ, Каарта и Сегу) и страшно опустошилъ ихъ, помѣрился затѣмъ силами съ французами (впрочемъ, себѣ-же во вредъ) въ Сенегамбіи (стр. 483) и наконецъ овладѣлъ Тимбукту. Когда его гарнизонъ былъ изгнанъ туарегами, онъ самъ пошелъ на городъ, но потерпѣлъ сильное пораженіе (1863). Тѣмъ не менѣе, ему удалось объединить земли по верхнему Сенегалу и Нигеру въ одно большое государство, которое перешло къ его сыну. Ахмаду, принявшій подобно отцу титулъ эмира эль Мумменинъ (Ламине, владыка правовѣрныхъ), избралъ столицей Сегу-Сикоро, и жилъ, такимъ образомъ, среди негровъ бамбара (см. выше, стр. 505 и 508), бывшихъ главенствующимъ племенемъ среди его подданныхъ. Въ 1890 г. Сегу было завоевано французами, а въ слѣдующемъ году они вполнѣ подчинили себѣ государство Ахмаду.

ε) Юго-западъ.

Сравнительно темной остается для насъ судьба тѣхъ земель, которыя лежатъ дальше на юго-западъ, по направленію къ морскому берегу, и лишь за послѣднее время стали посѣщаться европейцами; ихъ экономическое значеніе основано преимущественно на произрастаніи орѣха коло, составляющаго важный предметъ вывоза. Изъ преданій негритянскихъ государствъ Ашанти и Дагомеи мы знаемъ, что оба они вели борьбу съ магометанскими князьями и что Дагомея даже долгое время обязана была платить дань одному изъ суданскихъ государствъ (стр. 440). Однако, далеко не всѣ области были и стали достояніемъ ислама; во многихъ юго-западныхъ государствахъ можно найти лишь небольшое число правовѣрныхъ, остальные-же крѣпко держатся язычества. Убѣжищемъ язычества, или что то-же, чисто-негритянскаго элемента, является уже въ сравнительно давнее время государство Мосси (см. выше, стр. 504), лежащее приблизительно посрединѣ между Ашанти и Тимбукту. Послѣ разрушенія государства Мелле изъ горныхъ провинцій образовались новыя государства; къ нимъ принадлежало, вѣроятно, и упоминаемое въ XVI-омъ столѣтіи государство Мандинго, такъ какъ народъ мандинго основалъ и Мелле. Центрами государствъ были и здѣсь самые большіе города, такъ напр. Конгъ, значеніе котораго, однако, раньше сильно преувеличивалось въ слухахъ, распространявшихся въ береговыхъ областяхъ. Въ серединѣ XIX-аго столѣтія Самори (см.

стр. 483) основалъ къ югу отъ Сегу могущественное государство, которое лишь въ 1898 г. досталось французамъ.

Во всѣхъ упомянутыхъ областяхъ исламъ въ общемъ распространяется не силою, а скорѣе путемъ мирныхъ сношеній. Прежде всего появляется купецъ — арабъ, богатство котораго вселяетъ уваженіе и къ его вѣрѣ, затѣмъ нищенствующій монахъ или мулла, пишущій изреченія изъ Корана и продающій ихъ какъ амулеты, очень высоко цѣнимые; наконецъ, нѣкоторые вожди, или же самъ повелитель страны, переходятъ въ исламъ, тогда какъ народная масса обыкновенно сохраняетъ свою языческую вѣру, въ исповѣданіи которой и не встрѣчаетъ препятствій.

д) Раздѣленіе западнаго Судана европейскими колоніальными державами.

Въ послѣднюю четверть XIX-аго столѣтія западный Суданъ, благодаря соревнованію европейскихъ державъ въ колоніальной политикѣ, былъ почти совершенно раздѣленъ (по крайней мѣрѣ на бумагѣ). Широкія цвѣтныя полосы на новѣйшихъ картахъ показываютъ, гдѣ проходятъ пограничныя линіи „сферъ различныхъ интересовъ“. Главныя притязанія къ западному Судану предъявляютъ Англія и Франція, что позволяетъ Германіи лишь съ трудомъ расширять свое вліяніе (см. стр. 480).

α) Франція.

Движеніе французовъ къ верховьямъ Сенегала и Нигера уже было описано нами въ общихъ чертахъ (стр. 481). Естественными врагами Франціи въ этой области являются Ахмаду, правитель Сегу, могуществу котораго поступательное движеніе французовъ нанесло неизлечимый ударъ (стр. 511) и Самори, теперь тоже покоренный ими (стр. 483); въ настоящее время французы путемъ договоровъ утвердили за собою всѣ земли по верхнему Нигеру вплоть до границъ Гандо.

β) Англія.

Англичане въ свою очередь успѣшно воспользовались нижнимъ Нигеромъ и Бинуэ для вторженія внутрь страны и достигли того, что всѣ государства Гаусса, за исключеніемъ большей части Адамауы, были признаны состоящими подъ покровительствомъ Англіи; весь процессъ прошелъ спокойно и сравнительно нормально, ибо политическимъ предпріятіямъ предшествовали торговыя, тогда какъ во французскихъ колоніяхъ дѣло въ большинствѣ случаевъ шло обратнымъ порядкомъ. Но если Англія во время съумѣла утвердить за собою монополію торговли по Нигеру и эксплуатацію земель гаусса, то это объясняется лишь тѣмъ невниманіемъ, съ которымъ относились къ Африкѣ европейскія державы даже и во второй половинѣ XIX-аго столѣтія. Въ особенности Нигеръ, единственный водный путь во внутренней Африкѣ, доступный большимъ судамъ, долгое время почти совсѣмъ не эксплуатировался, пока наконецъ Макгрегоръ Лэрдъ (1808—61) не сталъ предпринимать съ 1832, а особенно съ 1854 года частыхъ поѣздокъ вверхъ по рѣкѣ для пріобрѣтенія слоновой кости путемъ обмѣна; однако, первыя факторіи возникли на рѣкѣ лишь послѣ 1870 г. Главной причиной такого замедленія являются, повидимому, условія, представляемыя дельтою Нигера, которая мѣстами лишь съ трудомъ поддается судоходству и населена враждебными племенами; вообще, раньше и не предполагали, что ея безчисленные рукава — устье большой рѣки; поэтому, первое большое поселеніе англичанъ въ этой части Африки, городъ Лагосъ (см. стр. 469), возникло не въ самой дельтѣ, а къ западу отъ нея, въ лагунахъ.

Въ 70-ыхъ годахъ образовалось множество маленькихъ торговыхъ обществъ, которыя только мѣшали другъ другу, пока генеральному агенту Мэкинтошу не удалось объединить ихъ въ „United State African Company". Переименованное въ 1882 г. въ „National African Company" и расширенное, это общество, получивъ 10 іюля 1886 г. отъ англійскаго правительства привилегію, стало называться „Royal Niger Company". Два французскихъ общества тоже обратили вниманіе на Нигеръ, но въ 1884 г. не выдержали конкуренціи съ англичанами, которые теперь вполнѣ монополизировали торговлю на Нигерѣ и не прекратили своихъ дѣйствій даже послѣ актовъ о Конго (стр. 476), разрѣшавшихъ свободныя торговыя сношенія на всѣхъ африканскихъ рѣкахъ. Политическое вліяніе ихъ утвердилось не столько путемъ военныхъ мѣръ, сколько благодаря разумному отношенію къ туземнымъ князьямъ, которые съ готовностью согласились на годовые оклады; султанъ Сокото съ 1885 г. получаетъ ежегодную пенсію въ 30,000 марокъ, а султаны Іолы (съ 1893) и Гандо (съ 1885 г.) по 20,000 марокъ. На самой рѣкѣ интересы Англіи находятся подъ защитой военнаго отряда изъ 600 человѣкъ, а тридцать плоскодонныхъ пароходовъ всегда состоятъ въ распоряженіи компаніи.

Перваго января 1900 г. въ силу договора о вступленіи во владѣніе отъ 10 іюня 1899 г. земли „Royal Niger Company" были раздѣлены британскимъ правительствомъ и вмѣстѣ съ землями „протектората береговъ Нигера" превращены въ два новыхъ протектората: сѣверную и южную Нигерію. Границы проведены слѣдующимъ образомъ: южная Нигерія простирается вдоль берега Нигера отъ Огбо (на западѣ до устья Кросса (на востокѣ), граничитъ на западѣ съ Лагосомъ, на сѣверѣ со вторымъ протекторатомъ, на востокѣ съ Камеруномъ. Въ старо-Калабарѣ — резиденція оберъ-комиссара (Ральфъ Муръ), охраняемаго полицейскимъ отрядомъ въ 7000 человѣкъ; другими главными пунктами являются Бенинъ и Акасса. Гораздо обширнѣе область сѣверной Нигеріи, которая на западѣ граничитъ съ французской Дагомеей, на сѣверѣ съ французскимъ Суданомъ, на востокѣ съ окраинами нѣмецкаго Камеруна; такимъ образомъ она охватываетъ прежнія государства фульбовъ и гауссовъ (Сокото, Нупе, Илоринъ, Саріа, Баутши и Мури), части Боргу и Гандо, а также Борну, такъ какъ она простирается на сѣверо-востокъ вплоть до озера Чадъ. Резиденція оберъ-комиссара (генералъ Фредерикъ Лугардъ; см. стр. 485) въ Джеббѣ, тогда какъ Локодья, расположенная при впаденіи Бинуэ въ Нигеръ, считается главнымъ городомъ. Важными центрами остались также и столицы Вурно, Сокото, Гандо, Саріа, Гида, Илоринъ, Іола Іакуба и Кано, извѣстныя намъ изъ прежняго.

Б. Средній Суданъ.

а) Предварительное замѣчаніе.

Среднихъ частей Судана стремленія европейцевъ коснулись пока гораздо меньше, нежели западныхъ. Среднимъ Суданомъ считается та часть большой, простирающейся съ запада на востокъ, области, которая расположена къ востоку отъ бассейна Нигера, къ западу отъ бассейна Нила, и на всемъ своемъ протяженіи примыкаетъ къ сырой полосѣ внутренней Африки; она вполнѣ воплощаетъ въ себѣ особенности переходной области, характеризующія и Суданъ вообще. Тѣмъ не менѣе страна эта не представляетъ собою чего-либо цѣльнаго; она состоитъ изъ ряда болѣе или менѣе обособленныхъ областей, которымъ соотвѣтствуютъ и отдѣльныя, въ общемъ независимыя другъ отъ друга государства. Такъ, на западѣ мы различаемъ бассейнъ озера Чадъ, въ плодородныхъ равнинахъ котораго расцвѣло государство Борну, дальше—долину Шари съ Багирми, наконецъ на востокъ—

двѣ горныя страны съ государствами Вадаи и Даръ-Фуръ. Къ югу отъ всѣхъ этихъ областей лежатъ чисто-негритянскія земли, которыя въ этнографическомъ отношеніи принадлежатъ къ сѣверному краю бассейна Конго; онѣ служатъ постояннымъ мѣстомъ охотъ на невольниковъ, въ силу чего ихъ можно считать основой благосостоянія государствъ собственнаго Судана и въ то-же время причиной постояннаго смѣшенія племенъ. На сѣверѣ простирается Сахара, племена которой часто принимаютъ важное, а иногда и рѣшающее участіе въ судьбахъ государствъ Судана; культура перешла въ средній Суданъ изъ пустыни и съ морского берега сѣверной Африки.

б) Общій обзоръ народовъ пустыни въ среднемъ Суданѣ.

Географическое положеніе средняго Судана и въ частности, положеніе по отношенію къ сѣверо-африканскому морскому берегу — весьма важно. Глубже чѣмъ гдѣ-бы то ни было, вдается къ сѣверу отъ озера Чадъ Средиземное море съ большой двойной бухтой обоихъ Сиртовъ въ африканскій материкъ; путникъ, идущій къ югу, находитъ желанный отдыхъ въ цѣлой цѣпи оазовъ, между прочимъ и въ самомъ большомъ оазисѣ Сахары, Феццанѣ. Поэтому путь изъ Триполи къ Чаду сталъ любимой дорогой европейцевъ-изслѣдователей, такъ какъ съ сѣверной стороны не приходится переходить высокихъ горныхъ цѣпей, какъ въ Марокко и Алжирѣ, а опасная полоса пустыни здѣсь сравнительно узка. Такія выгодныя условія должны были способствовать раннему развитію торговыхъ сношеній, которое встрѣтило лишь временное препятствіе со стороны обитателей пустыни.

Самымъ замѣчательнымъ племенемъ въ средней Сахарѣ является племя тиббу (тубу, тебу, тиббо) или теда, коренное ядро котораго и теперь еще (какъ вѣроятно и прежде) обитаетъ въ горной странѣ Тибести. По словамъ Густава Нахтигаля, который провелъ среди нихъ нѣсколько не особенно пріятныхъ недѣль, это люди совершенно особенные, неприветливые, вполнѣ приспособленные къ природнымъ условіямъ своей родины, оказавшимъ вліяніе какъ на тѣлосложеніе ихъ, такъ и на характеръ. Этому приспособленію не помѣшала сильная, почти преобладающая примѣсь негритянской крови, которой нельзя не замѣтить; возможно, что съ тедами слились и малорослыя, похожія на бушменовъ племена, о которыхъ разсказываютъ древніе географы. Всѣ теды худы, подвижны, выносливы. Цвѣтъ кожи у нихъ въ общемъ свѣтлѣе, чѣмъ у суданскихъ народовъ, темнѣе, чѣмъ у берберовъ; наряду съ благородно-очерченными лицами встрѣчаются негритянскіе профили. Благодаря выносливости и сообразительности они могутъ быть не только хорошими торговцами, но и ловкими разбойниками и ворами, на ту-же дорогу толкаетъ ихъ жадность и безсовѣстность, порожденныя горькой нуждой.

Хотя у тедовъ и не сохранилось собственныхъ преданій, извѣстно, что они нѣкогда населяли бо́льшія пространства пустыни, нежели теперь, тогда какъ въ нѣкоторыя области переселились лишь недавно. Подвижность этого народа отражается въ его исторіи. Въ оазисѣ Куфра, который раньше былъ населенъ тедами, теперь уже нѣтъ представителей этого племени, а въ Феццанѣ они встрѣчаются рѣдко, зато въ Канемъ и Борну теды за послѣднее время переселились въ большомъ количествѣ. Кромѣ Тибести теды населяютъ въ настоящее время еще оазисъ Каваръ, находящійся на главномъ пути отъ Борну къ Триполи; жители Борну и Баръ-эль-Газаля принадлежатъ къ тому-же племени, хотя обыкновенно ихъ не считаютъ тедами.

Мы немного знаемъ о древнѣйшей судьбѣ тедовъ; во всякомъ случаѣ они не тождественны съ гарамантами, обладавшими въ Феццанѣ государствомъ, которое наконецъ было захвачено римлянами (Фазанія); скорѣе можно

относить ихъ къ троглодитскимъ племенамъ на югѣ Феццана, причисляемымъ Геродотомъ къ эѳіопамъ. Ихъ отношеніе къ гарамантамъ, должно быть, приблизительно соотвѣтствовало той враждебной позиціи, которую приняли южно-африканскіе бушмены по отношенію къ голландскимъ поселенцамъ (стр. 406). Такъ, теды, должно быть, неблагопріятно относились къ давно установившемуся сообщенію между гарамантами и Суданомъ; можетъ быть, ихъ враждебному настроенію надо приписать тотъ фактъ, что старый караванный путь шелъ изъ Феццана не непосредственно къ озеру Чадъ, а на юго-западъ къ горной странѣ Аиръ.

Хотя ядро племени теда еще и теперь занимаетъ тѣ-же мѣста, какъ и въ древнія времена, однако на него не осталось безъ вліянія передвиженіе, связанное со вторженіемъ арабовъ въ Африку и введеніемъ ислама (стр. 517). Впрочемъ теды, повидимому, восприняли новое ученіе лишь нѣсколько вѣковъ тому назадъ; зато въ Феццанѣ и въ средней Сахарѣ отряды арабовъ появляются уже очень рано. О древнѣйшей исторіи этихъ арабовъ мы знаемъ, правда, немного, но въ послѣднее время стала намъ извѣстна необыкновенная судьба одного арабскаго племени, могущая служить примѣромъ кочевого быта и его вліянія на осѣдлыя племена, а также и на торговыя сношенія.

Племя Авладъ Солиманъ жило раньше вблизи большого Сирта, гдѣ зимою стада верблюдовъ находили богатыя пастбища, лѣтомъ же оно кочевало въ Феццанъ для посѣщенія принадлежавшихъ ему финиковыхъ плантацій и сбора плодовъ. Во время одной изъ тѣхъ распрей, которыя составляютъ насущную потребность кочевниковъ пустыни, племя Авладъ Солиманъ достигло могущества и вліянія и соединило подъ своимъ покровительствомъ цѣлый рядъ мелкихъ племенъ. Раздоры съ правителями Триполи принудили Авладъ-Солимановъ къ временному выселенію въ Египетъ. Когда новыя смуты начались въ Триполитаніи и Феццанѣ, и узурпаторъ Бей Мухаммедъ ель Мукни въ 1811 г. завладѣлъ городомъ Мурзукомъ, племя вернулось назадъ въ Феццанъ и осадило Мурзукъ, но вслѣдствіе измѣны было почти совсѣмъ уничтожено (1815). На цѣлыхъ 20 лѣтъ, пока не выросло новое поколѣніе способныхъ носить оружіе мужчинъ, племя исчезаетъ изъ исторіи Феццана, не утрачивая, однако, своей жизнеспособности. Когда сынъ одного изъ вождей, выросшій при дворѣ въ Триполисѣ, познакомился во время разбойничьихъ набѣговъ съ богатствами Судана, въ немъ созрѣла мысль снова завладѣть этими сокровищами, стоя во главѣ своего вновь окрѣпшаго племени. Однако, онъ еще раньше нашелъ поле дѣятельности въ Триполи и Феццанѣ и въ теченіе двѣнадцати лѣтъ владѣлъ послѣднимъ. Лишь послѣ того, какъ онъ потерялъ и владѣнія и жизнь въ рѣшительной битвѣ противъ турокъ, народъ снова вернулся къ прежней мысли; остатки племени двинулись на югъ, сперва къ Борну, затѣмъ къ Канему, на сѣверный берегъ озера Чадъ. Не смотря на свою немногочисленность — число ихъ не превышало 1000 человѣкъ — они вскорѣ повергли въ страхъ всю область между Чадомъ и Тибести, отобрали у обитающихъ тамъ племенъ стада, грабили караваны и время отъ времени дѣлали набѣги на сосѣднія Суданскія государства, грабя ихъ; наконецъ, двигаясь все дальше и дальше, они пришли въ соприкосновеніе съ самымъ восточнымъ племенемъ туареговъ, которое вывозило соль изъ копей около Гару и Калала на оазисѣ Каваръ (Кауаръ или Хендери Теге) въ Борну и государства Гаусса; говорятъ, что туареги въ теченіе короткаго времени потеряли 50,000 верблюдовъ. Но этотъ воинственный народъ нельзя было безнаказанно раздражать; войско въ 7000 человѣкъ двинулось въ Канемъ и такъ основательно разбило Авладъ-Солимановъ, что племя, повидимому, снова было истреблено, а могущество его уничтожено. Однако, оно снова поднялось; нанятые царемъ Борну въ качествѣ пограничной стражи противъ вадаевъ, Авладъ-Солиманы постепенно вер-

нули себѣ свое старое, внушавшее страхъ, положеніе, въ ущербъ странѣ, по которой они кочевали и которая все болѣе и болѣе пустѣла, что принуждало арабскіе отряды все дальше переносить свои разбойничьи набѣги. Такими нашелъ ихъ нѣмецкій путешественникъ Густавъ Нахтигалль въ 1871 году.

Въ старыя времена, вѣроятно, было не мало примѣровъ, подобныхъ исторіи Авладъ-Солимановъ, этого отважнаго, безпокойнаго, неистребимаго племени; эта исторія показываетъ, какъ мало служатъ границами для Суданскихъ государствъ степи и пустыни и какъ сильно стоятъ эти государства подъ вліяніемъ слабыхъ по числу, но сильныхъ благодаря подвижности кочевыхъ ордъ Сахары. Только случай помѣшалъ тому, что Авладъ-Солиманы не напали на одно изъ временно ослабѣвшихъ Суданскихъ государствъ и не завоевали его; одинъ разъ они пробовали вмѣшаться въ раздоры изъ за престола у вадаевъ, событіе, вѣроятно не разъ имѣвшее мѣсто въ прошломъ почти всѣхъ государствъ средняго Судана.

в). Государства средняго Судана.

α) Борну.

Благодаря своему выгодному мѣстоположенію, плодородію своей почвы и удачному составу народонаселенія, Борну долгое время блестѣло въ среднемъ Суданѣ какъ одинокій маякъ культуры и передавало сосѣднимъ государствамъ начала болѣе высокаго просвѣщенія. Пока Борну не было частью включено въ британскій протекторатъ, сѣверную Нигерію (въ концѣ 1899 г., см. стр. 513), оно охватывало область, простирающуюся къ югу-западу отъ озера Чадъ и на западъ отъ Шари до предѣловъ государствъ Гауса, ограниченную на сѣверѣ пустыней, на югѣ — владѣніями независимыхъ языческихъ племенъ. Оно было типичнымъ Суданскимъ государствомъ, настоящей переходной ступенью между Сахарой и негритянской Африкой. На востокѣ и на западѣ его границы были приблизительно точно установлены, но съ сѣверной и южной стороны онѣ колебались и представляли собою скорѣе не твердую линію, а полосу, съ постепенно уменьшающимся къ краямъ вліяніемъ. Въ особенности Канемъ, земля, лежащая къ сѣверо-востоку отъ озера Чадъ, стала наконецъ совершенно независимой отъ Борну, хотя обѣ области нѣкогда стояли другъ съ другомъ въ самой тѣсной связи.

Историческія преданія Борну, впервые собранныя и просмотрѣнныя Генрихомъ Бартомъ, даютъ возможность охватить взоромъ довольно большое число вѣковъ; но приблизительную достовѣрность исторія этого государства пріобрѣтаетъ лишь съ конца IX-аго столѣтія послѣ Р. Х. Борну является прекраснымъ примѣромъ того, какъ государства развивались сперва въ близко лежащихъ къ пустынѣ полосахъ Судана, а затѣмъ переносили свой центръ тяжести все южнѣе и южнѣе въ чисто-негритянскія области; и дѣйствительно, начала государства Борну нужно искать не въ нынѣшнемъ Борну, а дальше къ сѣверо-востоку въ Канемѣ, области, гдѣ теперь разбойничаютъ Авладъ-Солиманы. Племя канембу, названное такъ по своему прежнему мѣстожительству, вмѣстѣ съ племенемъ канури составляютъ коренное населеніе Борну. Но и Канемъ не былъ, повидимому, первоначальной родиной канембу, которые по языку сродни тедамъ и, можетъ быть, представляютъ собою не что иное какъ старую вѣтвь этого народа пустыни, такъ какъ и въ ихъ преданіяхъ говорится о прежнихъ, лежащихъ къ сѣверу, поселеніяхъ. Если мы вспомнимъ, что негритянское населеніе средняго Судана нѣкогда было распространено гораздо дальше на сѣверъ и владѣло всѣмъ Феццаномъ (см. стр. 515), то мы можемъ сдѣлать отсюда выводъ о крупномъ историческомъ событіи, о поступательномъ движеніи

къ югу берберовъ, основывающихъ по пути государства, чему соотвѣтствуетъ и образованіе стараго государства гарамантовъ въ Феццанѣ, а позднѣе гогосударствъ Канемъ и Борну.

Странно, что первый канемскій царь, упоминаемый въ хроникѣ, былъ арабъ (Сефъ), а именно—потомокъ древняго химьяритскаго царскаго рода (стр. 223). Если есть доля истины въ этомъ свѣдѣніи, то отсюда можно заключить, что уже до исламскаго періода или по крайней мѣрѣ въ началѣ его арабы переселялись въ Африку и пріобрѣтали вліяніе на племена Сахары, однако, въ этомъ можно сильно сомнѣваться. Да и остальныя древнія извѣстія о Канемѣ не надежны. Съ 900 г. послѣ Р. Х., когда Канемъ сталъ, повидимому, быстро и блестяще рости, и историческія преданія дѣлаются подробнѣе и достовѣрнѣе. Матери первыхъ правителей, о которыхъ мы имѣемъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, принадлежатъ вовсе не къ арабскимъ родамъ, но къ племени тедовъ; это даетъ намъ указаніе на то, какъ могло вырости древнее государство Канемъ на негритянской почвѣ; весь процессъ могъ быть подобенъ завоеванію фульбами государствъ Гаусса; и въ Борну точно также постепенно крѣпнетъ пассивный, но выносливый негритянскій элементъ (стр. 504): въ 1250 г. на канемскомъ престолѣ возсѣдаетъ уже „черный" царь (Тсилимъ). Однако въ XI-омъ столѣтіи Канемъ, повидимому, былъ еще очень тѣсно связанъ съ Тибести.

Сильному подъему новаго царства способствовало введеніе ислама въ Канемѣ при царѣ Хуме или Уме въ 1130 г. по Р. Х. Это введеніе поставило страну въ болѣе тѣсныя сношенія съ магометанскимъ культурнымъ міромъ, выразившіяся въ томъ, что правитель Борну предпринялъ паломничество въ Мекку, во время котораго и умеръ въ 1151 г. Его сынъ и преемникъ Дунама (II) даже три раза паломничалъ въ Мекку; умеръ онъ въ 1205 г. Во второй половинѣ XIII-го столѣтія съ похвалой упоминается могущественный царь Дунама (III) Дибба лами (см. IX родословную таблицу въ концѣ), приведшій въ порядокъ войско; а именно: онъ или вообще учредилъ конницу, самую грозную часть суданскаго войска, или-же настолько улучшилъ ее, что его преемники были теперь въ состояніи, предпринимая походы на сѣверъ, распространить свою власть на Феццанъ и въ то-же время, двигаясь на югъ, сдѣлать первые шаги къ подчиненію Борну, тогда еще страны, населенной некультурными языческими племенами негровъ. Вообще царство Канемъ повидимому достигло въ это время наибольшаго своего протяженія; оно находилось даже въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Тунисомъ, и стало быть соприкасалось и съ культурой странъ, лежащихъ около Средиземнаго моря.

Однако, вскорѣ затѣмъ начинается упадокъ, выразившійся въ формахъ, обычныхъ для всѣхъ феодальныхъ государствъ: распри о престолѣ, возстанія сильныхъ вассаловъ, всякаго рода заговоры въ теченіе 200 лѣтъ потрясаютъ государство. Тѣмъ не менѣе къ 1360 г. удалось постепенно завоевать южныя языческія страны, не смотря на отчаянное сопротивленіе коренныхъ жителей со, которые еще въ промежутокъ отъ 1348 до 51 г. убили четырехъ канемскихъ царей; въ сказаніяхъ племени борну они представлены великанами. Въ эти новопріобрѣтенныя земли переселилась часть жителей Канема, не вытѣснивъ впрочемъ окончательно негровъ.

Да и пора было правителямъ утвердить за собою такимъ путемъ новую область, лежащую въ сторонѣ отъ нашествій обитателей пустыни; ибо не только Феццанъ и Тибести мало по малу были потеряны пошатнувшимся государствомъ, но и столицу Джили оно не могло наконецъ удержать за собою. Эта часть страны послѣ долгой борьбы попала во власть племени булала, которое принудило въ 1370 г. правителей Канема къ отступленію на югъ, къ Борну. Войны противъ булала, бывшихъ по мнѣнію Барта, сродни тедамъ, начались во время правленія царя Дауда, имени котораго, по странной случайности, недостаетъ въ спискѣ царей, предпочитаемомъ

Густавомъ Нахтигалемъ; наконецъ, правители Канема вполнѣ отказались отъ своего государства, что однако не прекратило внутреннихъ смутъ и неурядицъ, теперь уже въ государствѣ Борну; булала тогда еще долгое время продолжали свои враждебныя дѣйствія.

Мало по малу однако источники богатствъ новой области увеличились что способствовало расцвѣту новаго могущества. Періодъ подъема наступилъ, когда могучій царь Али Дунамами (1465—92) ограничилъ забравшій черезъ чуръ большую силу феодализмъ, создалъ твердый центръ, основавъ новую столицу (Оасръ Эггомо) и расширилъ границы на западъ. Когда-же его сыну Идрису (III, Эдрисъ) удалось разбить дважды племя булала въ 1500 г., государство Борну стало снова первой державой въ среднемъ Суданѣ и на западѣ до Нигера. При Мухаммедѣ (V, 1515—39) оно достигло высшаго расцвѣта. Столь-же прекраснымъ правителемъ былъ „султанъ“ Идрисъ (IV) Алисами, который занималъ престолъ отъ 1563 до 1614 г., пріобрѣлъ превосходство въ военномъ отношеніи надъ сосѣдями, благодаря ввозу огнестрѣльнаго оружія, покорилъ маленькія полу-независимыя языческія племена, жившія въ границахъ Борну, затѣмъ распространилъ свое вліяніе на западъ въ государствахъ гаусса, а на сѣверъ среди народовъ пустыни, и вообще такъ укрѣпилъ свое государство, что при его преемникахъ оно могло наслаждаться сравнительнымъ спокойствіемъ и мирнымъ развитіемъ.

Но этотъ покой былъ первымъ признакомъ новаго паденія. Большинство правителей послѣдующаго времени были слабыми святошами; военное могущество пало; подъ конецъ ветхое государственное зданіе держалось лишь благодаря тому, что болѣе сильный врагъ не угрожалъ государству. Начало XIX столѣтія принесло съ собою неминуемое паденіе. Въ 1808 г. началось въ государствахъ Гаусса возстаніе фульбовъ, благодаря которому этотъ казавшійся столь безобиднымъ пастушескій народъ въ концѣ концовъ пріобрѣлъ господство надъ этими обширными областями (ср. стр. 508); ничего нѣтъ страннаго, что и на фульбовъ въ Борну, куда они переселились самое позднее въ 1560 г., оказало вліяніе возвышеніе ихъ соплеменниковъ. Царь Ахмедъ (1793—1810) былъ, по свидѣтельству хроники, „ученымъ правителемъ, щедрымъ къ духовенству, тароватымъ на милостыню, другомъ науки и религіи, благосклоннымъ и сострадательнымъ къ бѣднымъ“, но ему недоставало активности, а натянутому, старосвѣтскому двору, окружавшему его въ древней столицѣ (Бирни) — свѣжести и жизни. Когда фульбы подъ предводительствомъ Отманъ данъ Фодіо (стр. 508) напали на Борну, и безъ того обезлюдѣвшее благодаря страшной чумѣ, всякое сопротивленіе оказалось тщетнымъ: уже въ 1809 г. Бирни, оставленное поспѣшно бѣжавшимъ царемъ Ахмедомъ, попало въ руки предпріимчивыхъ кочевниковъ.

Тѣмъ не менѣе Борну не суждено было раздѣлить участь государствъ Гаусса: оно сохранило такую жизненную силу, какой нельзя было отъ него ожидать. Предводитель канембу Факи Мухаммедъ ель-Аминъ ель-Канеми, родомъ изъ Феццана, породнившійся съ однимъ изъ мелкихъ правителей Борну, изгналъ фульбовъ изъ своей страны, съумѣвъ возбудить въ своихъ приверженцахъ чувство религіознаго воодушевленія и противупоставить его фанатизму фульбовъ. Послѣ смерти царя Ахмеда (1810) его сынъ Дунама (X) продолжалъ борьбу съ фульбами безъ особеннаго успѣха и наконецъ принужденъ былъ стать подъ защиту побѣдоноснаго Факи. Попытка царя вернуть свою независимость привела лишь къ тому, что Мухаммедъ-ель-Аминъ захватилъ всю власть, а царь, окруженный пошлымъ великолѣпіемъ, превратился въ простого статиста. Тогда-же была основана новая столица, Кука.

„Шейхъ“ Мухаммедъ, какъ онъ теперь звалъ себя, въ 1817 г. былъ втянутъ въ тяжелую борьбу съ сосѣднимъ государствомъ Багирми, окон-

ченную имъ побѣдоносно лишь въ 1824 г. съ помощью феццанскихъ войскъ. Послѣ его смерти въ 1835 г., его сыну Омару, наряду съ которымъ номинально царствовалъ отъ 1818 до 1846 г. султанъ Ибрагимъ (Ибрамъ, Брагимъ), досталось довольно крѣпкое, хотя и не особенно обширное царство. Омару удалось заключить миръ съ фульбами и подчинить себѣ западныя провинціи; но этимъ случаемъ воспользовались приверженцы отстраненной династіи для того, чтобы съ помощью царя государства Вадаи нанести ударъ узурпатору. Маленькое войско, собранное Омаромъ, было разбито при Куссери въ мартѣ 1846 г., послѣ чего Омаръ велѣлъ умертвить султана Ибрагима и занялъ въ Нгорну укрѣпленную позицію. Царь Вадаи, слишкомъ удаленный отъ подкрѣпленій, принужденъ былъ отступить, тогда какъ посаженный имъ на престолъ султанъ Али, сынъ Ибрама, и послѣдній представитель своего рода, продолжалъ борьбу, но вскорѣ умеръ почетной смертью на полѣ битвы. Съ этого времени Омаръ сталъ единственнымъ господиномъ Борну; за исключеніемъ возстанія его брата Абдеръ-Рамана, временно свергшаго его съ престола (1853—54), ничто не нарушало мирнаго правленія набожнаго, проницательнаго, благосклоннаго, но въ то же время добродушно-слабоватаго Омара, при которомъ множество европейскихъ изслѣдователей нашло гостепріимный пріемъ въ Борну (Генрихъ Бартъ и Адольфъ Офервегъ въ 1851 г., Бартъ еще разъ и Эдуардъ Фогель въ 1854—55 г., Карлъ Морицъ фонъ Беурманнъ въ 1862, Герхардъ Рольфсъ въ 1866, Туставъ Нахтигаль въ 1870, Пеллегрино Маттеуччи и А. Массари въ 1880).

Благодаря этому мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи многочисленныя наблюденія европейцевъ надъ внутреннимъ устройствомъ Борну въ 3-ей четверти XIX-го столѣтія. По мнѣнію Рольфса, устройство Борну имѣло большое сходство съ строеніемъ феодальныхъ государствъ Европы въ средніе вѣка. Какъ нѣкогда въ Германіи императоръ, такъ здѣсь султанъ Борну владычествовалъ надъ нѣсколькими, почти независимыми султанами; остальныя земли въ собственномъ Борну были или личнымъ имуществомъ царя, или владѣніями его семьи и царскихъ вельможъ. Впрочемъ, владѣнія многихъ мелкихъ князей были уже медіатизированы, а сами они сохранили лишь титулы. Царя окружалъ совѣтъ (Нокена), состоявшій изъ его родственниковъ, представителей разныхъ племенъ и классовъ населенія, а также военныхъ вождей, и собиравшійся каждое утро во дворцѣ. Во времена Нахтигаля Нокена былъ лишь отголоскомъ прежняго аристократическаго строя, ведущаго свое начало еще съ того времени, когда царь принужденъ былъ терпѣть въ качествѣ уполномоченныхъ совѣтниковъ представителей аристократическихъ семей, въ силу ихъ сѣвернаго происхожденія. Кромѣ членовъ совѣта были еще многочисленные придворные чиновники и фавориты, изъ которыхъ только нѣкоторые дѣйствительно исполняли различныя должности, а также многочисленные евнухи и рабы. Доходы страны получались отчасти съ земельной собственности царя и его придворныхъ, отчасти съ барышей, даваемыхъ охотой на невольниковъ, постоянно производившейся на югѣ, въ языческихъ земляхъ; рабами платили купцамъ съ сѣвернаго морского берега, привозившимъ европейскіе товары, ружья, лошадей и т. п. и часто принужденнымъ долго ждать возвращенія войскъ и расплаты. Такіе походы противъ язычниковъ являлись однимъ изъ средствъ къ существованію суданскихъ государствъ (стр. 514).

Въ послѣднее время Борну было снова повергнуто въ смятеніе, но уже не фульбами: нападеніе шло съ востока; когда шейхъ Омаръ послѣ долгаго царствованія умеръ въ 1882 г., ему наслѣдовалъ сперва Аба Бу Бекръ (Бокаръ, до 1885 г.), затѣмъ Аба Брагимъ (Бирагимъ до 1886 г.) и наконецъ Аба Хашимъ (Ашимъ, до 1893 г.), ученый, но не дѣятельный правитель. Для него имѣли роковыя послѣдствія событія въ восточномъ Суданѣ и результаты возстанія махдистовъ.

Во время завоеванія верхнихъ областей Нила египтянами, охотникъ на невольниковъ Сиберъ (см. стр. 528) пріобрѣлъ столь значительное могущество, что египетское правительство рѣшило сдѣлать его безвреднымъ, заманило въ Каиръ и тамъ задержало. Вслѣдъ за этимъ сынъ его Сулейманъ возсталъ, но былъ былъ нѣсколько разъ разбитъ пашею Ромоло Гесси и наконецъ сдался египтянамъ. Но одинъ изъ низшихъ начальниковъ войска Сибера, Рабахъ, (Рабехъ, Рабба), человѣкъ невысокаго происхожденія, принадлежавшій къ арабскому племени, не подчинился, а отступилъ назадъ къ западу съ частью войска, состоявшей приблизительно изъ 3000 солдатъ-негровъ. Онъ держался такъ въ теченіе десяти лѣтъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ — въ Борну, по другимъ, болѣе вѣроятнымъ, въ юго-западныхъ негритянскихъ земляхъ, не присоединяясь къ возникшему тѣмъ временемъ государству Махди; охота на невольниковъ была, вѣроятно, главнымъ источникомъ его доходовъ, а военные снаряды онъ получалъ, должно быть, путемъ тайныхъ торговыхъ сношеній съ махдистскимъ Суданомъ. Истощеніе области, въ которой онъ охотился, принудило Рабаха двинуться дальше на западъ и напасть на государства средняго Судана. Воинственное Вадаи отбило нападеніе, зато болѣе слабое Багирми сдалось очень скоро; царь почти безъ борьбы очистилъ свою землю и заперся въ укрѣпленной столицѣ Массенжу. Но для Рабаха Багирми представляло лишь мостъ къ богатому и обезсилѣвшему Борну. Съ помощью фульбскаго вождя Маллама Хаято изъ Джамаре (стр. 510), охотно присоединившагося къ нему, онъ проникъ до Куки, но здѣсь нападеніе его было отбито царемъ Гашимомъ, собравшимъ всѣ свои силы. Тѣмъ временемъ, сѣмена измѣны и несогласія, которыя Рабахъ еще раньше успѣлъ посѣять черезъ подосланныхъ людей среди высшихъ лицъ Борну, принесли плоды; покровительствуемый измѣнниками, Рабахъ въ 1893 г. во второмъ сраженіи одержалъ побѣду, убилъ царя и въ 1894 г. овладѣлъ столицей. Резиденціей была сдѣлана Дикауа (Дикоа, на рѣкѣ Іалоэ, къ юго-востоку отъ озера Чадъ) вмѣсто нездоровой Куки.

Такимъ образомъ, была основана новая династія, свѣжая и сильная, отъ которой можно было ожидать много хорошаго для Борну. И дѣйствительно, торговля съ сѣверомъ начала снова оживляться, тогда какъ границы государства къ югу и юго-западу стали расширяться благодаря борьбѣ съ тамошними мелкими государствами. Зато нападеніе на Адамауа привело къ союзу подъ предводительствомъ Маллама Хаято пограничныхъ владѣтельныхъ князей и намѣстниковъ земель Гаусса, которымъ угрожалъ Рабахъ, что удержало послѣдняго отъ дальнѣйшихъ нападеній. Походъ на югъ тоже не удался; распространился даже слухъ, что Рабахъ былъ во время его отравленъ одною изъ своихъ женъ, дочерью Маллама Хаято. Но на самомъ дѣлѣ завоеватель палъ въ борьбѣ съ французами; нѣсколько разъ маленькія французскія экспедиціи, преслѣдовавшія важную цѣль, а именно соединеніе земли Конго съ западнымъ Суданомъ и Алжиромъ (ср. стр. 484), были отбиты или уничтожены по винѣ Рабаха. Послѣ того какъ Эмиль Жантиль въ 1897 г. доставилъ къ верховьямъ Шари маленькій пароходъ и безпрепятственно проплылъ до озера Чадъ (1-го ноября), французское правительство составило планъ занять путемъ комбинированныхъ дѣйствій нѣсколькихъ отрядовъ земли на берегу Чада, которыя оно считало своей собственностью, за исключеніемъ уголка, сохраненнаго Германіей. Въ февралѣ 1899 г. Жантиль снова поплылъ съ нѣсколькими сотнями солдатъ-негровъ внизъ по Шари, тогда какъ Фернандъ Фуро и А. Ф. І. Лами проникли на югъ черезъ Сахару, а Поль Л. Г. Вуле и С. П. І. Шануань двинулись на западъ. Рабахъ тѣмъ временемъ изгналъ изъ столицы царя Багирми Гауранга, который въ 1897 г. сталъ подъ покровительство Франціи, и двинулся противъ Жантиля и Ребилло, но потерпѣлъ сильное пораженіе 21 окт. 1899 г. около Куно на среднемъ Шари. Въ мартѣ слѣдующаго года Жан-

тиль, призвавшій подкрѣпленія, соединился съ двумя другими экспедиціями; отъ второй изъ нихъ послѣ бунта вождей противъ подполковника І. Ф. А. Клобба (14 іюля 1899 г.) и умерщвленія послѣдняго (17 іюля) сохранились лишь жалкіе остатки. 22-го апрѣля 1900 г. укрѣпленный лагерь Рабаха при Куссери (Кусри при впаденіи Логонэ въ Шари) былъ взятъ штурмомъ, Рабахъ самъ убитъ, а войско его разсѣяно; майоръ Лами палъ въ битвѣ. Въ началѣ 1900 г. и Канемъ (Халифа Джерабъ) призналъ верховную власть Франціи; въ силу этого было достигнуто объединеніе колоніальныхъ французскихъ областей, къ которому такъ стремилась Франція, хотя о фактическомъ господствѣ подъ ними еще не можетъ быть и рѣчи Сынъ Рабаха, Фадъ-ель-Аллахъ, разбитый 2 февраля 1901 г., но пользующійся поддержкой вліятельныхъ снусси (стр. 525), еще держится вмѣстѣ со своимъ братомъ около озера Чадъ.

β) Багирми.

Сосѣднее съ Борну государство Багирми, по положенію имѣющее много общаго съ Борну, въ концѣ концовъ раздѣлило участь послѣдняго. Собственно Багирми состоитъ изъ равнинъ по среднему и нижнему Шари, составляющему своимъ нижнимъ теченіемъ границу между Багирми и зависящимъ отъ Борну маленькимъ государствомъ Логонэ. На сѣверѣ Багирми отдѣлено отъ пустыни Канемомъ и западными провинціями Вадаи; зато на югъ вліяніе его распространяется гораздо дальше, нежели вліяніе Борну, или Вадаи. По культурѣ Багирми гораздо моложе Борну. Когда то, повидимому, существовала хроника Багирми, но въ послѣднее время она была утеряна и свѣдѣнія, собранныя Густавомъ Нахтигалемъ у туземцевъ, весьма недостаточно замѣняютъ ее.

Въ XVI-омъ столѣтіи нынѣшнее Багирми было занято нѣсколькими небольшими языческими государствами; кромѣ того, кочующіе арабы, а также отдѣльныя орды фульбовъ постоянно проходили черезъ эту страну, которая находилась въ зависимости отъ племени Булала, владѣвшаго Канемомъ. Начала болѣе крупнаго государства были заложены переселенцами съ востока, которые едва ли могли прійти очень издалека. Вождямъ этихъ переселенцевъ удалось свергнуть власть булаловъ, что расположило въ ихъ пользу остальной кочевой элементъ народонаселенія. Первый правитель Багирми, основавшій столицу Массенжу (Масcенджа), еще не переходилъ въ исламъ, такъ же, какъ и его ближайшіе преемники. Послѣдній царь-язычникъ Маго былъ свергнутъ съ престола въ 1568 г. своимъ братомъ Абдаллахомъ, перешедшимъ въ магометанство.

Такимъ образомъ въ Багирми была основана магометанская династія, получившая начатки культуры почти исключительно изъ Борну. Изъ преемниковъ Абдаллаха (см. X родословную таблицу въ концѣ) надо упомянуть Мухаммеда ель Амина, расширившаго государство и предпринявшаго паломничество въ Мекку (1751—85). Въ началѣ XIX-го столѣтія Абд-ель-Раманъ, царь Багирми, возсталъ противъ Борну, которое, повидимому, имѣло надъ нимъ нѣкоторую власть, но былъ разбитъ на голову и убитъ султаномъ Вадаи Сабуномъ, призваннымъ на помощь царемъ Борну. Въ силу этого страна подпала вліянію Вадаи, что вызвало междоусобныя войны. Когда наконецъ вступилъ на престолъ Отманъ или Буркоманда, онъ долженъ былъ формально признать свою зависимость отъ Вадаи и согласиться платить послѣднему дань; тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ постоянно вступать въ мелкія стычки то съ Борну, то съ Вадаи, а затѣмъ поправлялъ свои дѣла разбойничьими набѣгами на своихъ сосѣдей и на языческія племена юга. Его сынъ Абд-ель-Кадеръ (Кадиръ, 1846 до 1858) продолжалъ ту же политику; лишь послѣдніе годы жизни удалось ему процарствовать мирно. Необычайный эпилогъ одной изъ фульбскихъ

смутъ, которыя вообще не затрагивали Багирми, причинилъ его гибель: большой караванъ пилигримовъ подъ предводительствомъ фанатика изъ племени фульбовъ, двинулся черезъ Борну на Багирми, не обращая никакого вниманія на распоряженія царя, а когда послѣдній выступилъ противъ каравана съ вооруженной силой, онъ былъ разбитъ и умерщвленъ.

Его преемникъ Мухаммедъ спасся; когда толпы пилигримовъ послѣ смерти своего предводителя разбѣжались, онъ кроваво отмстилъ нѣкоторымъ изъ нихъ за несчастный конецъ своего предшественника. Царь государства Вадаи — Али долгое время молча переносилъ враждебное отношеніе къ себѣ своего вассала, правителя Багирми; но въ 1870 г. онъ внезапно появился съ войскомъ передъ Массенжей; послѣ продолжительной осады обширнаго города, наконецъ удалось разрушить стѣну съ помощью пороховой мины, овладѣть городомъ и принудить царя къ бѣгству на югъ. Али перенесъ добычу въ свою собственную столицу, переселилъ многихъ жителей, искусныхъ въ ремеслахъ, изъ Багирми въ Вадаи и посадилъ на престолъ въ 1885 г. Абд-ер-Рамана Гаурангу сына Абд-ель-Кадира. Вслѣдствіе новыхъ междоусобій страна въ 1893 г. попала въ руки Рабаха, упомянутаго на 520 страницѣ. Гауранга держался уже только въ столицѣ Массенжѣ, гдѣ считалъ себя гарантированнымъ отъ дальнѣйшихъ нападеній, ставъ въ 1897 г. подъ защиту французовъ. Но въ 1899 г. Рабахъ снова прогналъ его и лишь въ 1900 г. послѣ вторженія французовъ и смерти Рабаха ему удалось опять вздохнуть нѣсколько свободнѣе.

γ) Вадаи.

Государство Вадаи, въ послѣднее время все болѣе и болѣе выступающее въ качествѣ главенствующей державы въ среднемъ Суданѣ на смѣну старѣющему Борну, имѣетъ за собою еще болѣе краткое достовѣрно-историческое прошлое, нежели Багирми. Безспорно лишь то, что въ исламскій періодъ государство Борну, благодаря своему выгодному положенію по отношенію къ культурнымъ странамъ Средиземнаго моря, было центромъ распространенія культуры прежде всего для примыкающихъ съ востока областей, но отчасти и для государствъ Гаусса; при этомъ, культура разносилась изъ Борну не только путемъ торговыхъ и иныхъ сношеній, но и благодаря тому, что часть жителей добровольно или же по принужденію переселилась въ другія страны Судана и такимъ образомъ положила основаніе осѣдлому, искусному въ ремеслахъ, населенію. Багирми, Даръ-Фуръ и Вадаи получили такимъ путемъ начала просвѣщенія съ запада. Но не всегда было такъ: покуда перенесенная вверхъ по Нилу египетская культура процвѣтала въ долинѣ верхняго Нила, свѣтъ просвѣщенія шелъ съ востока. Возможно, что среднійСуданъ уже въ древнее время воспринималъ оттуда цѣнныя, хотя и не продолжительныя культурныя вліянія; коегдѣ, вѣроятно, можно еще найти остатки этой древней культуры: арабскій путешественникъ Заинъ-ель-Абидинъ, вообще заслуживающій довѣрія, посѣтилъ въ первой четверти XIX-го столѣтія Вадаи; онъ разсказываетъ о руинахъ, каменныхъ саркофагахъ и остаткахъ культа солнца, которые онъ нашелъ недалеко отъ столицы, Это даетъ право заключить о вліяніи египетской культуры на это государство още въ очень древнее время; но у насъ нѣтъ никакихъ переходныхъ звеньевъ къ новѣйшей исторіи страны, начинающейся не раньше XVI-го столѣтія нашей эры.

Вадаи до послѣдняго времени занимало область между озеромъ Фитри и Дарфурскими горами съ одной стороны, пустыней и притоками Шари — съ другой. Гористая восточная часть страны и ея середина составляютъ центръ государства и мѣстожительство господствующаго племени, къ югу примыкаютъ, какъ и вездѣ въ Суданѣ, области съ чисто-негритянскимъ языческимъ населеніемъ, отнимающія возможность всякихъ сношеній съ

внутренней Африкой и въ особенности съ бассейномъ Конго. Въ темномъ цвѣтѣ кожи нынѣ господствующаго племени маба сказывается сильная примѣсь негритянской крови, но первоначально это племя было сродни эѳіопамъ въ тѣсномъ смыслѣ. Суровость его впрочемъ довольно плодородной родины отражается въ его грубомъ, но сильномъ характерѣ, который съ теченіемъ времени далъ ему перевѣсъ надъ подвижными кочевни ками пустыни и сдѣлалъ его опаснымъ для сосѣднихъ государствъ Судана. Племена маба сохранили еще нѣкоторыя древнія черты, т. напримѣръ слѣды материнскаго права: имущество жены остается строго раздѣленнымъ отъ имущества мужа. Въ религіозномъ отношеніи не всѣ племена одинаково фанатичны.

Тогда какъ культура болѣе поздняго времени проникла въ Вадаи съ запада, первый толчокъ къ государственному объединенію исходилъ, вѣроятно, съ востока: тутъ сказалось вліяніе арабовъ, еще не затронутыхъ исламскимъ движеніемъ. Арабы, появляющіеся въ остальныхъ суданскихъ государствахъ, а также въ западной и средней Сахарѣ, приходили въ Африку черезъ Суэзскій перешеекъ; но въ восточномъ и среднемъ Суданѣ находятся болѣе или менѣе смѣшанныя съ берберами арабскія племена, вѣроятно переправившіяся черезъ южную часть Краснаго моря, которое никогда и не было настоящей преградой между Аравіей и Африкой. Къ этой группѣ вѣроятно принадлежали тунджеры, до переселенія жившіе, должно быть, въ Нубіи; правда, этому противорѣчитъ преданіе, ведущее начало этого народа изъ Туниса, но оно мало вѣроятно, такъ какъ тунджеры временно пріобрѣли господство только надъ Вадаи и Даръ-Фуромъ и при первомъ своемъ появленіи были, повидимому, еще язычниками.

Исторія Вадаи, въ началѣ тѣсно связанная съ исторіей Даръ-Фура, благодаря господству тунджеровъ, начинается вообще лишь съ появленія этого арабскаго племени, славящагося своей сравнительно высокой культурой; враждебныя другъ другу, погруженныя въ глубокое невѣжество, маленькія племена Вадаи впервые достигли нѣкотораго государственнаго единенія благодаря тому, что признали верховную власть тунджеровъ и принуждены были платить имъ дань. Когда вторглись тунджеры въ Вадаи -- неизвѣстно; Густавъ Нахтигаль предполагаетъ, что они положили основаніе своему господству въ XVI-омъ столѣтіи и поддерживали его около ста лѣтъ. Послѣ того какъ Даръ Фуръ свергъ арабское иго, тунджеры держались еще нѣкоторое время въ Вадаи покуда и здѣсь ихъ могущество не было сломлено.

Свергъ его не туземецъ, а Абд-ель-Керимъ, потомокъ человѣка арабскаго происхожденія, переселившагося изъ Шенди на Нилѣ и пріобрѣтшаго вліяніе среди туземцевъ. И здѣсь подъ религіознымъ движеніемъ скрывался національный переворотъ: Абд-ель-Керимъ былъ магометаниmъ и, какъ таковой, естественный врагъ языческой династіи тунджеровъ и ихъ султана Дауда (Дâ'уда). Онъ привлекъ къ себѣ арабскія племена и темнокожее горное населеніе, одержалъ побѣду надъ султаномъ и принудилъ тунджеровъ бѣжать на западъ; въ новой столицѣ Варъ онъ окружилъ себя первыми магометанами, число которыхъ вскорѣ сильно увеличилось. Такъ какъ Даръ-Фуръ еще раньше освободился отъ власти тунджеровъ и очень усилился, послѣдніе князья-тунджеры Вадаи были обязаны платить дань этой странѣ и Абд-ель-Керимъ, какъ наслѣдникъ изгнанныхъ князей, долженъ былъ принять на себя и этотъ знакъ зависимости; существовало правило посылать черезъ каждые три года принцессу царю Даръ-Фура. Борну, въ началѣ дружественное тунджерамъ, пришлось тоже умиротворить съ помощью дани. Абд-ель-Керимъ царствовалъ отъ 1635 до 55-аго года, его сынъ Харушъ отъ 1655 до 1678.

Мало по малу могущество Вадаи росло, такъ какъ страна обладала въ лицѣ своего грубаго, но сильнаго горнаго населенія племенемъ, без-

условно превосходившимъ жителей сосѣднихъ государствъ военными доблестями. Это обстоятельство не могло остаться безъ вліянія на отношенія Вадаи къ Даръ-Фуру; народъ оказалъ противодѣйствіе отправленію принцессы въ Даръ-Фуръ, которымъ распорядился, по обычаю, султанъ Якубъ-Арусъ (1681—1707). Дань не была уплачена. Такъ какъ миролюбивый дарфурскій султанъ Ахмедъ Боккоръ не рѣшился отвѣтить оружіемъ на оскорбленіе, самъ Арусъ приступилъ къ нападенію; но ему лишь съ трудомъ удалось спасти Вадаи, и онъ принужденъ былъ заключить миръ. Не смотря на это, посылка дани не возобновилась и, когда Омаръ Леле, внукъ Ахмета Боккора, желая возстановить прежнія отношенія, вторгся съ войскомъ въ Вадаи, онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Арусомъ.

При Харутѣ младшемъ (1707—47) въ странѣ процвѣтали миръ и благосостояніе. Зато его преемнику Джодѣ (1747—95) пришлось снова вступить въ войну съ Даръ-Фуромъ; войско послѣдняго было разбито и знатное лицо, выдававшее себя за султана, долгое время содержалось въ плѣну въ Вадаи. Восемь большихъ походовъ противъ южныхъ языческихъ племенъ, предпринятыхъ Джодой, расширили государство въ этомъ направленіи; на западѣ была пріобрѣтена часть Канема. Вадаи, занявъ Канемъ, посягнуло на Борну, а султанъ Абд-ель-Керимъ Сабунъ (1803—12), напавъ въ 1804 г. на Багирми (послѣдствія этого нападенія были упомянуты уже выше), распространилъ свое вліяніе и на это сосѣднее государство; несмотря на неблагопріятное положеніе его страны, ему удалось оживить торговыя сношенія съ Триполи и Египтомъ, а также поднять занятія ремеслами путемъ переселенія семей изъ Багирми; и то и другое приносило пользу царской казнѣ. Походы противъ независимыхъ негровъ предпринимались почти ежегодно.

Настоящее благосостояніе страны и тогда и теперь основывалось не на торговлѣ и промышленности, а на процвѣтаніи скотоводства и на довольно значительномъ земледѣліи; отсюда же идутъ и доходы султана, ибо почти всѣ налоги взимаютъ натурой. Земля считается собственностью султана; настоящіе землевладѣльцы встрѣчаются только въ прежнихъ земляхъ племени маба; но и арендаторы въ остальныхъ областяхъ стоятъ далеко не въ рабскихъ отношеніяхъ къ султану; это свободолюбивые, непокорные люди, которые сравнительно легко держатся въ повиновеніи лишь благодаря извѣстному соціальному порядку, повидимому очень старому и основанному на дѣленіи членовъ общины на стариковъ, юношей и мальчиковъ. Не смотря на грубость народа, религіозное воспитаніе стоитъ выше, нежели въ Борну или Даръ-Фурѣ; за послѣднее время можно даже отмѣтить начала научнаго образованія.

Если Вадаи выпало на долю счастье видѣть на престолѣ рядъ дѣльныхъ царей (см. родословную таблицу XI въ концѣ), то въ лицѣ Юзефа Хорефина (1813—28) страна познакомилась съ образцомъ кровожаднаго правителя, къ тому же неудачника во всѣхъ внѣшнихъ предпріятіяхъ. Смерть его вызвала въ странѣ смуты; мать новаго, еще не вышедшаго изъ дѣтскаго возраста султана Ракиба, происходившаго изъ арабскаго невольничьяго рода, рѣшила вмѣстѣ съ представителями многочисленнаго въ Вадаи арабскаго элемента, что насталъ удобный случай кончить старую борьбу между номадами и осѣдлыми въ пользу арабовъ. Но планъ этотъ, который регентша старалась провести со свойственной ей жестокостью, рушился, встрѣтивъ рѣшительное сопротивленіе со стороны горныхъ племенъ (кодоевъ), которыя выбрали царемъ одного изъ принцевъ царскаго дома, Абд-ель-Азиза (1829—35), взяли штурмомъ столицу Вару послѣ упорной борьбы и умертвили султана Ракиба со всѣми его приверженцами. Но и послѣ этого покой не водворился въ странѣ. Горнымъ племенамъ возстанія пришлись по вкусу и они находили удовольствіе въ постоянномъ выставленіи новыхъ претендентовъ взамѣнъ посаженнаго ими же на пре-

столъ царя; когда же Абд-ель-Азизъ положилъ конецъ этой опасной игрѣ, государство Вадаи попало въ бѣдственное положеніе, благодаря голоду. Войско отправилось въ языческія земли за хлѣбомъ, но дарфурскій султанъ тотчасъ же воспользовался заманчивымъ случаемъ для нашествія на безпокойныя пограничныя области Вадаи. Какъ разъ въ это время умеръ Абд-ель-Азизъ.

Принцу Мухаммеду Шерифу, нѣкогда бѣжавшему изъ Вадаи, удалось завладѣть престоломъ своей родины и удержаться на немъ даже послѣ ухода его друга, дарфурскаго султана Мухаммеда-ель-Фадль (1835—58). Мухаммедъ Шерифъ велъ одну изъ часто повторявшихся войнъ противъ маленькой горной страны Тамы, лежащей къ востоку отъ Вары и всегда бывшей ненадежнымъ сосѣдомъ, а въ 1846 г. онъ вмѣшался въ дѣла Борну. Около Куссери Мухаммедъ Шерифъ перешелъ Шари и разбилъ шейха Омара, но не могъ долго удержаться въ непріятельской области и вернулся, наконецъ (см. стр. 519), получивъ, какъ говорятъ, 8000 австрійскихъ талеровъ, въ Вадаи. Затѣмъ, когда онъ возбудилъ нелюбовь къ себѣ въ своей собственной странѣ, столицей которой былъ сдѣланъ городъ Абеше, и вдобавокъ еще ослѣпъ, начался рядъ возстаній и внутреннихъ смутъ, причемъ страна Тама регулярно служила убѣжищемъ для разбитыхъ мятежниковъ, въ концѣ концовъ и для перваго сына султана, Мухаммеда, рожденнаго фульбской женщиной; попытка Мухаммеда Шерифа наказать за это Ибрагима, царя Тамы, окончилась тяжелымъ пораженіемъ.

Его преемникомъ былъ законный наслѣдникъ престола Али (1858 до 75/76); во многихъ отношеніяхъ прекрасный правитель, какъ сообщаетъ Густавъ Нахтигаль; онъ искалъ славы въ подъемѣ торговли, въ оживленіи караванныхъ сообщеній съ берегами Средиземнаго моря, въ покровительствѣ ученымъ, въ соблюденіи строгой справедливости и въ мирныхъ сношеніяхъ съ сосѣдями. Около 1870 г. уже происходила оживленная торговля между Вадаи, предлагавшимъ рабовъ, страусовыя перья и слоновую кость, и Египтомъ (черезъ Даръ-Фуръ и Джало), а также Борну и триполитанской гаванью Бенгаци. Самъ царь не пренебрегалъ снаряженіемъ каравановъ, что приносило ему еще больше доходовъ, чѣмъ пошлины и подати. Все это способствовало тому, что могущество Вадаи очень усилилось, и оно стало опаснымъ соперникомъ для остальныхъ государствъ Судана.

Въ послѣднее время вторженіе Рабаха съ одной стороны, нашествіе европейцевъ съ ихъ состязаніемъ изъ-за колоній (французско-англійское соглашеніе 21 марта 1899 г.) — съ другой, поставило Вадаи въ очень затруднительное положеніе и привело турецкаго султана къ мнѣнію, что Вадаи представляетъ собою одну изъ окраинъ Триполи. Неясно только, поддерживаетъ-ли его въ этомъ взглядѣ шейхъ ордена Снусси (Сенуси, см. т. IV, стр. 247 и выше стр. 521), перенесшій свою столицу изъ Куфры въ Аин-Галакку, или-же этотъ послѣдній, не сочувствуя распространенію турецкой формы ислама, хочетъ посадить на престолъ Вадаи сына Рабаха. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ 1899 г. въ Вадаи прибыло турецкое посольство въ сопровожденіи туземной милиціонной конницы, тогда какъ удачному возстанію Ахмеда, другого брата султана Юзефа, противъ Ибрагима орденъ Снусси повидимому не препятствовалъ.

Благодаря естественнымъ условіямъ страны, туземное населеніе Вадаи оказалось самымъ выносливымъ и побѣдоноснымъ. Хотя толчокъ къ государственному устройству оно получило отъ кочевниковъ-арабовъ, а культуру отъ своихъ западныхъ сосѣдей, въ политическомъ отношеніи оно выказало большую самостоятельность и силу. Туземныя горныя племена группы маба составляютъ, какъ и во времена перваго исламскаго правителя Абд-ель-Керима, коренное населеніе и господствующій классъ. Ни одинъ султанъ, происходящій по матери изъ другого племени кромѣ пле-

мени маба, не имѣетъ права занять престолъ Вадаи. Французскій протекторатъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ эти порядки не вноситъ.

д) Даръ-Фуръ.

На сосѣднемъ Даръ-Фурѣ (Даръ-Форъ, см. карту при стр. 581) гораздо больше сказывается культурное вліяніе востока; исторія его начинается раньше, нежели исторія Вадаи, лежащаго въ глухомъ уголкѣ между культурными теченіями средняго и восточнаго Судана. Тѣмъ не менѣе, и о доисламскомъ Даръ-Фурѣ мы знаемъ мало. Центромъ страны является горная мѣстность, самая большая возвышенность которой Джебель Марра въ то-же время должна считаться колыбелью языческаго государства Даръ-Фуръ. Старые обладатели этой страны пришли съ востока и были, повидимому, судя по большинству именъ ихъ правителей, если не арабскаго племени, то все-же смѣшаны съ арабами, это были дадьо, народъ, въ настоящее время не выдающійся и отсталый по культурѣ, но нѣкогда бывшій самымъ могущественнымъ членомъ населенія и державшій съ высотъ Марри въ бо́льшей или меньшей зависимости всю страну. Первый царь дадьо, Косберъ, имѣлъ, повидимому, своей резиденціей Деббу, у восточной подошвы Джебель Марры; преданіе говоритъ о 21, 13, а иногда только о пяти царяхъ изъ племени дадьо.

Болѣе несомнѣнно установлено господство тунджеровъ, тоже пришедшихъ съ востока и пріобрѣтшихъ главенство въ Даръ-Фурѣ, а затѣмъ и въ Вадаи скорѣе благодаря своей высшей культурѣ, чѣмъ съ помощью военной силы. Первымъ тунджерскимъ правителемъ былъ Ахмедъ-ель-Макуръ. Благодаря ему и его ближайшимъ преемникамъ отдѣльныя дарфурскія племена сблизились, получили культуру и были поставлены на путь политическаго единенія. Для арабовъ кочевниковъ все это оказалось пагубнымъ: и въ Даръ-Фурѣ, такъ-же какъ въ Вадаи, горныя племена, воспринявъ культуру и объединившись, стали безусловно выше кочевниковъ. Однако переходъ власти изъ однихъ рукъ въ другія произошелъ здѣсь сравнительно спокойно; династія Кера, положившая конецъ преобладанію тунджеровъ, происходила изъ смѣшенія туземцевъ съ древнимъ царскимъ родомъ; послѣдній тунджерскій правитель назывался Шау, а первый царь изъ династіи Кера — Делиль Бахаръ, или Дали, былъ своднымъ братомъ Шау, жестокое правленіе котораго побудило народъ къ возстанію. Дали воспользовался благопріятными обстоятельствами, чтобы дать государству законы и учрежденія, остававшіяся въ силѣ до паденія Даръ-Фура. Его правленіе падаетъ, вѣроятно, на середину XV-аго столѣтія.

Послѣ этого въ странѣ происходили, повидимому, споры изъ-за престолонаслѣдія (см. родословную таблицу XI въ концѣ), естественнымъ слѣдствіемъ которыхъ оказалась частая смѣна правителей. Первый царь, снова твердо взявшій въ руки бразды правленія, Сулеманъ Солонъ, ребенкомъ бѣжалъ въ Вадаи, гдѣ былъ принятъ массалитами, родственниками его матери; онъ вернулся въ качествѣ соперника своего дяди (внучатнаго?) Тинсама и укрѣпился въ горахъ Марра, откуда завоевалъ и расширилъ Даръ-Фуръ. Но раньше всего онъ ввелъ исламъ. Военное могущество народа превосходило въ то время его культуру; Сулеманъ Солонъ (1596—1635) путемъ многочисленныхъ походовъ распространилъ свою власть на востокъ за Нилъ до Атбары, завладѣвъ, такимъ образомъ, всѣмъ Кордофаномъ и частью Сенаара, въ силу чего онъ принялъ значительное участіе въ развитіи восточнаго Судана. Менѣе счастливое правленіе выпало на долю его сына Мусы (1637—82): при немъ обнаружилась необычайно ясно одна особенность, свойственная всѣмъ почти суданскимъ государствамъ: власть правителя признается въ дальнихъ областяхъ, тогда какъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы живутъ цѣлыя племена, которыхъ онъ не

въ состояніи подчинить; ту-же роль, которую играли по отношенію къ Вадаи жители горной страны Тамы, относительно Мусы исполняли массабаты, султанъ которыхъ, Джонголъ, связанный съ царствующимъ домомъ родственными узами, предъявлялъ права на престолъ Тѣмъ не менѣе Даръ-Фуръ былъ въ то время безспорно первой державой на большомъ пространствѣ; и Вадаи, со временъ тунджеровъ имѣвшій связь съ Даръ-Фуромъ, признавалъ его власть.

Обстоятельства сильно измѣнились при слѣдующемъ правителѣ Ахмедѣ Боккорѣ (1682—1722). Онъ старался превратить свою страну въ чисто-исламское государство, оказывалъ покровительство духовенству и школамъ и такимъ образомъ успѣшно боролся одновременно и съ язычествомъ, и съ невѣжествомъ. Съ той-же цѣлью онъ переселялъ въ Даръ-Фуръ и чужія, болѣе развитыя племена; тотъ фактъ, что онъ выбиралъ при этомъ кромѣ обитателей береговъ Нила также и жителей изъ Борну и Багирми, ясно доказываетъ сильную зависимость въ культурномъ отношеніи Даръ-Фура, какъ крайней восточной области, отъ средняго Судана. И семьи безпокойныхъ фульбовъ проникали въ тѣ времена до Даръ-Фура. Отпаденіе Аруса, правителя Вадаи (ср. стр. 524), временно помѣшало Ахмеду Боккору въ его культурной работѣ, пока въ битвѣ при Квабкабійѣ онъ не изгналъ снова изъ своей страны вторгнувшагося въ нее непріятеля. Кордофанъ въ то время все еще находился въ зависимости отъ Даръ-Фура, но связь ихъ все больше и больше ослабѣвала.

За жестокимъ Мухаммедомъ Даура (1722—32) и сыномъ его Омаромъ Леле (1733—39, умеръ въ 1750 г. въ Вадаи), который своими безсмысленными войнами достигъ того, что его собственное войско покинуло его въ рѣшительной битвѣ противъ Аруса, царя Вадаи, слѣдовалъ Абу 'ль-Касимъ (1739—52). Во время похода, предпринятаго съ цѣлью отмстить Вадаи, онъ тоже былъ покинутъ наканунѣ сраженія свободными фуранами, которыхъ раздражилъ тяжкими налогами и предпочтеніемъ имъ рабовъ. Братъ его Тирабъ (1752—85), тѣмъ временемъ превозглашенный царемъ, укрѣпилъ внутренній порядокъ въ своемъ царствѣ предпринялъ нѣсколько походовъ, во время послѣдняго изъ которыхъ умеръ въ Кордофанѣ, куда пошелъ для наказанія султана фунджей. Его хвалятъ за ученость и набожность. Послѣ ряда распрей изъ-за престола ему наслѣдовалъ братъ его Абд-еръ-Рахманъ (1785—99), при мирномъ управленіи котораго страна все больше и больше процвѣтала.

Его сынъ Мухаммедъ-ель-Фадль (1799—1839) долгое время находился подъ опекой главнаго евнуха Абу Шейха Курры, пока не освободился наконецъ отъ всесильнаго совѣтника послѣ кровавой борьбы. При немъ начались тѣ перемѣны въ восточномъ Суданѣ, которыя въ концѣ концовъ оказались роковыми для Даръ-Фура: Кордофанъ, стоявшій до того времени подъ верховной властью Даръ-Фура, былъ покоренъ египтянами, а когда Мухаммедъ-ель-Фадль, вѣрно понимая свое положеніе, попытался подчинить себѣ Вадаи, и такимъ образомъ увеличить свою силу сопротивленія, планъ его не удался, благодаря случайностямъ. Послѣ смерти царя произошли обычные споры изъ-за престола, окончившіеся вступленіемъ на него султана Мухаммеда-ель-Хасина (1859—73). Послѣдній долженъ былъ бороться преимущественно съ арабами на востокѣ Даръ-Фура, съ рецекатами (ризегадами, см. родословную таблицу XIIb, въ концѣ), и другими вѣчно безпокойными и почти непокоримыми племенами, которыя постоянно скрывались изъ своихъ областей въ южныя негрскія земли и затѣмъ неожиданно появлялись вновь. Походы Хасина почти всегда были несчастливы. Съ Египтомъ онъ находился, напротивъ, въ хорошихъ отношеніяхъ (если не считать временнаго вторженія арабскаго шейха ель-Мисери), хотя въ то-же время не скрывалъ отъ себя опасности, грозившей ему отъ этой страны, и даже просилъ утвержденія своей власти у турецкихъ сул-

тановъ Абдулъ-Меджида и Абдулъ-Азиза; съ царемъ Вадаи Али (см. стр. 525) онъ тоже заключилъ союзъ оборонительный и наступательный. Но съ юга уже начинали безпокоить страну различные разбойники, между прочимъ Факи-Мухаммедъ ель-Булалави и Сиберъ (Зубаиръ, Соберъ, о чемъ см. ниже), что дало поводъ къ вмѣшательству египтянъ, тогда какъ съ другой стороны отрѣзанный отъ южныхъ языческихъ земель Даръ-Фуръ былъ лишенъ одного изъ источниковъ своего могущества.

Когда по смерти Хасина на престолъ вступилъ его младшій сынъ Ибрагимъ Койко въ 1873 г., судьба царства быстро рѣшилась. Египетское правительство назначило Сибера мудиромъ (намѣстникомъ) провинціи Баръ-ель-Газаля, лежащей у южной границы Даръ-Фура; находясь въ этой должности, онъ разбилъ и подчинилъ рецекатовъ, которые въ виду грозившей имъ опасности временно примирились съ султаномъ Даръ-Фура, и принудилъ такимъ образомъ Ибрагима, побуждавшаго народъ къ войнѣ, вступить съ нимъ въ борьбу. Египетское войско послало изъ Хартума на помощь Сиберу Бею экспедицію подъ начальствомъ Измаила паши, двинувшуюся на Эль-Фашеръ, столицу Даръ-Фура, тогда какъ самъ Сиберъ шелъ съ юга. Въ рѣшительной битвѣ при Менаватьи (въ началѣ осени 1874 г.) султанъ Ибрагимъ палъ; въ силу этого Даръ-Фуръ сталъ частью египетскаго Судана; лишь въ горахъ Марры, колыбели древней царской власти этого государства, до 1879 г. защищались противъ египтянъ потомки царской династіи. Во время махдистскаго возстанія страны, храбро защищаемая Слатиномъ пашой, перешла въ руки мятежниковъ (см. стр. 543 и 569).

Изумительно сходны судьбы отдѣльныхъ царствъ западнаго и средняго Судана, сходны источники доходовъ, которыми они располагаютъ, сходны и болѣе или менѣе неминуемыя опасности, постоянно заволакивающія ихъ горизонтъ. Ключъ къ этому сходству мы находимъ въ географическомъ положеніи упомянутыхъ государствъ: не много на свѣтѣ странъ, въ естественныхъ условіяхъ которыхъ такъ ясно была-бы предначертана ихъ судьба, какъ въ царствахъ Судана. Кто-бы ни взялъ въ руки скипетръ, онъ постоянно признаетъ въ жаркихъ пограничныхъ областяхъ юга цѣль неопасныхъ походовъ и неистощимый источникъ богатства; въ лицѣ подвижныхъ народовъ пустыни ему всегда грозитъ опасность, которая рано или поздно должна привести къ крупнымъ переворотамъ. Безпрерывно идетъ борьба между свѣтлокожими сынами пустыни и неуклюжими, но прилежными неграми; побѣда колеблется между тѣми и другими: ее склоняютъ на свою сторону то степные народы своими дикими набѣгами, то темнокожіе коренные жители, благодаря своей твердой осѣдлости и безчисленному количеству. Но культура побѣждаетъ и тѣхъ, и другихъ. Тамъ, гдѣ она переступаетъ жгучій поясъ пустыни и сѣетъ свои сѣмена, процвѣтаютъ могучія царства, передъ которыми преклоняются грубыя сосѣднія племена, пока и они въ свою очередь не научатся политическому единенію и не сумѣютъ дать примѣненіе и побѣду своимъ свѣжимъ силамъ.

B. **Восточный Суданъ.**

Нельзя отрицать, что и восточный Суданъ въ общихъ чертахъ своего развитія имѣетъ родство съ западными областями; но подобно тому какъ его географическое положеніе въ двухъ отношеніяхъ отличается отъ положенія южныхъ, пограничныхъ съ Сахарою земель, такъ и его исторія протекаетъ очень своеобразно по сравненію съ исторіей послѣднихъ.

а) Страна и ея обитатели.

Во-первыхъ Нилъ, протекая по области съ преобладающимъ степнымъ характеромъ, создаетъ узкую, совершенно ровную полосу плодородной земли, объединяетъ ее своими судоходными водами и сообщаетъ ей совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ тотъ, который свойственъ удаленнымъ отъ рѣки полосамъ съ ихъ подобными оазамъ участками годной къ обработкѣ земли. Таково-же дѣйствіе и стекающихъ съ абиссинскаго плоскогорія водъ Голубого Нила и Атбары. Но Нилъ не представляетъ собою того, что можно было-бы ожидать отъ него, а именно: открытаго пути къ сѣверу и къ древнему очагу культуры, Египту; онъ идетъ черезъ пустынную страну узкой долиной, образуя водопадъ за водопадомъ, и ставитъ судоходству почти непреодолимыя преграды, тогда какъ на его берегахъ часто не хватаетъ мѣста даже для путника. Тѣмъ не менѣе, эти препятствія оказались не непредолимыми; раньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было проникла здѣсь культура въ области Судана.

Своею второй отличительной чертой восточный Суданъ обязанъ близости моря и Аравіи. Узкую полосу Краснаго моря легко было перейти, особенно такому народу, какъ арабы прежняго времени, которые посылали свой торговый флотъ и въ Индію, и въ Занзибаръ. Степные жители Аравіи замѣняли въ восточномъ Суданѣ тѣ народы пустыни, которые дальше на западѣ такъ часто основывали и разрушали могущественныя государства; за то съ сѣвера никакой врагъ не угрожалъ восточному Судану: съ этой стороны ему приходилось иногда опасаться древней культурной страны, Египта, но чаще онъ принужденъ былъ почитать ее, какъ подательницу неоцѣнимыхъ даровъ.

Подобно тому какъ, не смотря на эти особенности, восточный Суданъ по общему своему положенію походитъ на средній и западный, такъ и первоначальное населеніе повидимому и здѣсь, какъ тамъ, принадлежало къ темнокожей расѣ, такъ что извѣстная намъ исторія этихъ странъ описываетъ именно борьбу негровъ съ свѣтлокожими пришельцами и образованіе смѣшаннаго населенія, причемъ то та, то другая составная часть послѣдняго стоитъ во главѣ и распоряжается судьбами страны.

Впрочемъ Египетъ въ тѣсномъ смыслѣ вѣроятно не граничилъ непосредственно съ негритянской областью. Уже въ самое древнее время мы находимъ большую часть нынѣшней Нубіи заселенной краснокожимъ народомъ, кушитами, принадлежавшимъ къ хамитской вѣтви и бывшимъ сродни египтянамъ; затѣмъ мы видимъ въ полосахъ пустыни направо и налѣво отъ долины Нила бѣдные степные народы, которые также принадлежатъ къ хамитамъ, или-же, какъ ихъ тогда называли, къ эѳіопамъ; мѣстами попадаются свѣтлокожіе ливійцы, которые могли проникнуть въ Нубію съ сѣвернаго морского берега. Тогда какъ Египетъ развился въ культурное государство, долина Нила выше первыхъ катарактовъ оставалась необработанной, населеніе ея по развитію стояло не выше окрестныхъ степныхъ кочевниковъ, которые вели жизнь, приблизительно похожую на существованіе теперешнихъ бушменовъ, или австралійскихъ негровъ: „жалкій Кушъ", такъ часто съ презрѣніемъ называютъ Нубію египтяне. Какъ далеко были распространены на сѣверъ негры — сказать трудно; вѣроятно вездѣ, гдѣ долина Нила была шире и плодороднѣе, жили племена негровъ наряду съ кушитами, тогда какъ дальше къ югу негритянская раса одна господствовала надъ берегами рѣки, подобно тому какъ и теперь еще шиллуки и денки населяютъ берега верхняго Нила (см стр. 462); негры-рабы составляли главную часть дани, платимой страною Кушъ.

Такъ какъ кушиты были сродни египтянамъ, то различныя мнѣнія о

происхожденіи послѣднихъ могутъ быть примѣнены и къ первымъ. По весьма распространенному взгляду, красно-коричневые эѳіопы составляютъ переходную ступень отъ свѣтлокожихъ европейцевъ и западныхъ азіатовъ съ одной стороны, къ неграмъ съ другой; поэтому, родина этой расы должна лежать въ тѣхъ областяхъ, гдѣ свѣтлое и темное населеніе граничатъ другъ съ другомъ. И теперь еще въ Суданѣ возникаютъ путемъ постояннаго смѣшенія новыя подобныя-же народности. Въ особенности въ долинѣ Нила красновато-коричневыя племена въ историческое время непрестанно двигаются на югъ, а съ другой стороны переходятъ и въ западную Азію, такъ что мы можемъ обозначить Египетъ какъ ту область, гдѣ вполнѣ развились типическія особенности эѳіоповъ. Ни обитатели Египта, ни культура этой страны не происходятъ изъ верхней долины Нила, хотя центръ тяжести египетскаго могущества и образованія и лежалъ долгое время въ верхнемъ Египтѣ.

б) Нубія въ древнее время.

Не желаніе расширить земледѣліе побуждало правителей Египта простирать руку къ „жалкому Кушу“ и вносить культуру въ области, лежащія выше первыхъ катарактовъ, — вѣдь въ собственной Нубіи для земледѣлія была годна очень небольшая часть земли на берегу рѣки, а условія почвы дальше на югъ были еще неизвѣстны; духъ торговли и жажда богатой наживы заманивали единичныхъ египтянъ на югъ, пока наконецъ не вмѣшались въ дѣло сами правители страны, не заняли части Нубіи и не монополизировали всѣ доходы. Два рода дорого-цѣнимаго товара вывозились изъ Куша, а именно слоновая кость и черные рабы — и то и другое обыкновенно фигурируетъ въ качествѣ дани въ египетскихъ изображеніяхъ. Но интересъ къ Нубіи особенно возросъ, когда въ ея южныхъ горахъ нашли богатые золотые рудники, которые долгое время почти исключительно снабжали Египетъ этимъ дорогимъ металломъ. Дерево для корабельныхъ построекъ тоже вывозилось изъ Куша, пока прибрежныя горы Нила, теперь вполнѣ обнаженныя, еще были покрыты значительными лѣсами.

а) Древнѣйшія отношенія Нубіи къ Египту.

Первыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Египта къ Нубіи даетъ намъ надпись временъ шестой династіи, въ которой между прочимъ описываются сборы царя Пепи I въ походъ на Синайскій полуостровъ и въ южную Палестину, и поэтому сообщается, что войска были взяты также изъ негритянскихъ земель А'артетъ, Цамъ, Амамъ, Уауатъ, Каау и Татамъ [1]. И такъ, мы видимъ, что въ это время верховная власть Египта надъ частью кушитовъ во всякомъ случаѣ была признана и вѣроятно уже въ теченіе продолжительнаго времени. О періодѣ, слѣдующемъ за династіей Пепи, у насъ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Когда Египетъ послѣ паденія древняго царства началъ снова процвѣтать при 11-ой династіи и Ѳивы стали столицей, на Нубіи тоже сказались послѣдствія этого процвѣтанія. Для царя Египта его нубійскія владѣнія представляли, повидимому, самый важный источникъ дохода, ибо въ его казну непосредственно поступали не только доходы съ золо-

---

[1] Дѣло идетъ не о самомъ Пепи, а о его вельможѣ Уна, совершавшемъ по его повелѣнію походы противъ кочевниковъ Синая и жителей южной Палестины. Замѣтимъ, что авторъ не касается здѣсь важныхъ предпріятій другого современника VI дин. (царей Меренра I и Пепи II) Хирхуфа, доходившаго „до западнаго угла неба“ (м. б. ливійскихъ оазовъ) и доставившаго изъ Нубіи на 300 ослахъ благовонія, слоновую кость и шкуры звѣрей. Б. Т.

тыхъ горныхъ пріисковъ, но и дань подчиненныхъ племенъ; царскій казначей наблюдалъ за этими доходами особенно тщательно и даже принцы посылались на золотые пріиски для того, чтобы контролировать работы и самолично доставлять доходы къ царскому двору. Но полное подчиненіе было достигнуто лишь 12-ой династіей, названіе „Кушъ“ для южныхъ странъ появляется лишь съ этого времени и вѣроятно обозначаетъ первоначально область самаго сильнаго изъ подчиненныхъ въ то время Египту племенъ, принадлежавшаго, должно быть, къ красно-коричневымъ эѳіопамъ. Негры впервые принимали участіе въ сраженіяхъ, которыя начались при Усертесенѣ I, негровъ-же, повидимому, насильно заставляли работать въ золотыхъ пріискахъ. Вообще и въ это время, какъ и раньше, главной причиной поступательнаго движенія египетскихъ царей было стремленіе овладѣть золотыми пріисками и безпрепятственно вывозить добычу. Разбойничьи племена вѣроятно довольно часто нападали на караваны, нагруженные сокровищами, въ то время какъ они возвращались на родину изъ пустынныхъ горныхъ мѣстностей, лежащихъ къ югу отъ Короско, и караванамъ иногда приходилось силою пролагать себѣ дорогу. „Я заставилъ вождей промывать золото, я вывезъ добычу, я проникъ въ глубь страны; негры падали ницъ изъ страха передъ господиномъ обѣихъ странъ (царемъ египетскимъ)“ — такъ хвастается своей дѣятельностью чиновникъ, приставленный къ царской казнѣ. Страна Кушъ держалась въ повиновеніи военными постами, которые въ то-же время были маленькими оазами культуры. Усертесенъ III воздвигъ повыше Вади Хальфы около Семне пограничную крѣпость и запретилъ неграмъ, жившимъ по ту сторону ея, переплывать за этотъ пунктъ внизъ по рѣкѣ на лодкахъ. Послѣ того какъ граница была твердо установлена, благодаря новому походу царя, страна Кушъ осталась въ тѣсной связи съ Египтомъ.

Изъ положенія пограничной крѣпости можно вывести, что только сѣверная часть Нубіи находилась въ рукахъ Египта и что даже нынѣшняя Донгола не входила въ составъ царства фараоновъ. Если-же, не смотря на это, египетская культура распространялась и дальше вверхъ по Нилу, то это могло совершаться лишь мирнымъ путемъ. Именно то обстоятельство, что золотые пріиски, лежащіе къ югу отъ нынѣшняго Короско, принадлежали еще Египту, должно было облегчить распространеніе культуры: вѣдь около Короско отдѣляется идущая черезъ пустыню дорога, представляющая собою самое быстрое сообщеніе съ Суданомъ и обходящая большой изгибъ долины Нила. Возможно, что позднѣйшее царство Напата начало развиваться уже очень рано на югѣ, тогда какъ основаніе настоящаго государства безъ сомнѣнія относится лишь во времени Рамессидовъ. Но это царство могло получать сѣмена египетской культуры еще съ другой стороны: когда при 11-ой династіи Египетъ переживалъ новой расцвѣтъ, торговыя предпріятія необычайно поднялись и египетскій флотъ плавалъ по Красному морю на югъ за Бабъ-ель-Мандебскій проливъ.

Желаніе доставать высоко-цѣнимый ѳиміамъ безъ докучливаго посредничества толкнуло не особенно свѣдущихъ въ мореплаваніи египтянъ на ненадежныя волны Краснаго моря и Аденской бухты, благодаря чему они пришли въ соприкосновеніе съ обитателями южной Аравіи и страны Сомала. Мѣсто отплытія морскихъ экспедицій египтянъ лежало на одинаковой широтѣ съ Ѳивами, приблизительно тамъ, гдѣ теперь находится маленькая гавань Коссиръ (Коссейръ). Въ одной надписи подробно описывается, какъ сперва пролагается военная дорога съ цистернами отъ Ѳивъ черезъ пустынную горную мѣстность къ морскому берегу, а затѣмъ снаряжается корабль, который, повидимому, благополучно совершилъ плаваніе къ „Пунту“ — подъ послѣднимъ очевидно подразумѣваются береговыя земли съ обѣихъ сторонъ Аденскаго залива. Впослѣдствіе установились довольно оживленныя торговыя сношенія, которыя косвенно вѣро-

ятно вліяли и на культуру странъ, расположенныхъ на верховьяхъ Нила. Во времена 13-ой династіи, которую, впрочемъ, новѣйшіе египтологи склонны ставить передъ 12-ой, сообщеніе съ Пунтомъ все еще находилось въ полномъ расцвѣтѣ; хотя оно впослѣдствіи и ослабло, и лишь во времена „Новаго царства“ временно опять возобновилось, но его вліяніе на арабовъ, жившихъ на берегу моря, было такъ сильно, что эти племена впослѣдствіе могли стать посредниками въ торговлѣ Египта съ Краснымъ моремъ и сѣвернымъ Индійскимъ океаномъ; правда, что ассиро-вавилонское вліяніе сказалось на нихъ еще гораздо сильнѣе египетскаго. Что въ то время нубійскія владѣнія были, по крайней мѣрѣ, утверждены за Египтомъ, это доказываетъ безмолвный, неопровержимый свидѣтель: громадная гранитная фигура царя Себекхотепа V, еще теперь возвышающаяся повыше третьяго водопада, на островѣ Арго, слѣдовательно совсѣмъ по близости отъ нынѣшней Донголы.

Когда много времени спустя гиксосы были изгнаны и возникло воинственное „Новое Царство“, цари тотчасъ-же приступили къ возвращенію потеряннаго тѣмъ временемъ вліянія на Нубію, сперва предпринимая походы, цѣлью которыхъ было скорѣе ослабленіе кушитскихъ племенъ, нежели прочное завоеваніе страны, а затѣмъ уже — со всею энергіей. Тутмосъ I выступилъ впередъ и сушей и моремъ, послѣ большого сраженія на Нилѣ прогналъ флотъ нубійцевъ, вѣроятно переправивъ какимъ-нибудь способомъ свои корабли черезъ первый водопадъ, и подчинилъ всю страну до третьяго водопада. Эти войны съ Нубіей плохо мирятся съ преданіемъ (впрочемъ и вообще очень сомнительнымъ), гласящимъ, что гиксосы были изгнаны съ помощью эѳіоповъ; можетъ быть, въ періодъ борьбы съ сѣверными пришельцами былъ временно заключенъ союзъ съ нѣкоторыми изъ „девяти народовъ, стрѣляющихъ изъ лука“, какъ называютъ египетскія надписи нубійцевъ. Супруга перваго египетскаго царя изъ побѣдоносной 18-ой династіи была, повидимому эѳіоплянка. При царицѣ Хатшепсутъ, опекуншѣ Тутмоса III, границы нубійской провинціи были, повидимому, еще больше расширены на югъ; въ то-же время опять возобновлены торговые караваны въ Пунтъ, а можетъ, предприняты еще завоеванія на берегу Краснаго моря. Изображенія временъ этого царя показываютъ намъ жителей долины верхняго Нила, красно-коричневыхъ кушитовъ, и темнокожихъ негровъ, приносящихъ въ качествѣ дани скотъ, жираффъ, шкуры дикихъ звѣрей, золотыя кольца и драгоцѣнные камни; негры-рабы были уже тогда наиболѣе предпочитаемымъ изъ даровъ южныхъ странъ. Если негритянская кровь такимъ путемъ смѣшивалась съ египетской, то съ другой стороны египетскіе земледѣльцы и ремесленники переселялись въ нубійскую долину, въ особенности когда Рамсесъ II велѣлъ построить тамъ рядъ новыхъ городовъ и многочисленные храмы. Золотые пріиски все еще давали богатые доходы. Долина Нила была обложена тѣми же податями, какъ и Египетъ въ собственномъ смыслѣ, и южные народы, обязанные платить дань, доставляли въ царскую казну значительныя суммы. Итакъ, Нубія была важной, заботливо управляемой провинціей египетскаго царства. Во всякомъ случаѣ, культура Египта распространилась вглубь Судана и тамъ достигла результатовъ, которые въ свою очередь временно вліяли на судьбы Египта.

β) Напата.

Когда царская власть въ Египтѣ стала падать и наемники присвоили себѣ господство, туземная династія держалась, какъ случалось не разъ и раньше, уже только въ Ѳивахъ, а потерявъ и этотъ городъ, отступила, повидимому, въ Кушъ и основала здѣсь самостоятельное царство; характерно, что правители послѣдняго еще продолжали величать себя египет-

скимъ царскимъ титуломъ. Такимъ образомъ возникло (думаютъ) царство Напата, какъ его обыкновенно называютъ по его столицѣ, расположенной около 4-аго водопада.

Напата представляетъ собою въ высшей степени странное подобіе нынѣшнихъ государствъ Судана. Основанное свѣтлокожими народами въ негритянской области, стоящее въ культурномъ и религіозномъ отношеніи подъ вліяніемъ сѣвера, это государство повидимому стремится стать вторымъ Египтомъ; его правители иногда даже осмѣливаются протягивать руку къ вѣнцу этого древняго культурнаго государства; но могущество ихъ не продолжительно; искусственно-привитая культура падаетъ и темнокожая раса, подкрѣпляемая новымъ притокомъ негритянской крови, словно пудовая гиря, тормозитъ стремленіе къ болѣе высокому развитію. Усиленіе негритянской расы объяснить не трудно: центръ государства Напата лежалъ первоначально, какъ видно изъ историческаго развитія и положенія столицы, въ нубійской долинѣ Нила, господствующимъ племенемъ были кушиты, смѣшанные съ переселенцами изъ Египта; впослѣдствіе-же, когда попытки завоевать Египетъ окончились полной неудачей, были присоединены лежащія южнѣе и заселенныя неграми области восточнаго Судана, въ частности очень важныйполуостровъ между Бѣлымъ и Голубымъ Ниломъ.

Однако уже въ первый періодъ самостоятельности эѳіоповъ сказалось вызванное причинами этническаго характера различіе между Египтомъ и Эѳіопіей, различіе, которое мало по малу выступаетъ все яснѣе. Если ужъ въ Египтѣ религія была настоящей основой всей жизни, такъ что жреческое сословіе иногда пріобрѣтало слишкомъ большую силу, то власть религіозной вѣры надъ болѣе грубыми эѳіопами была уже безусловна, и жреческому сословію, которое набиралось, конечно, главнымъ образомъ изъ Египта, привольно жилось въ Напатѣ. Это происходитъ отчасти отъ того, что жрецы въ Эѳіопіи выступили въ качествѣ просвѣтителей, но главнымъ образомъ является слѣдствіемъ характера кушитовъ и берберовъ вообще, и до настоящаго времени оставшагося безъ перемѣны; исламъ тоже нигдѣ не нашелъ болѣе чистосердечныхъ и самоотверженныхъ приверженцевъ, какъ среди берберовъ, безъ помощи которыхъ, напр., Испанія не могла-бы быть ни завоевана, ни удержана такъ долго. Этими качествами эѳіоповъ, столь драгоцѣнными въ глазахъ египетскихъ жрецовъ, объясняется также и тотъ фактъ, что въ старину ходило столько преувеличенныхъ слуховъ о нравственной чистотѣ эѳіоповъ и глубокой древности ихъ культуры: египетское жреческое сословіе является источникомъ этихъ преданій, которыми оно нѣкоторымъ образомъ отдаетъ долгъ благодарности своимъ самымъ вѣрнымъ приверженцамъ.

Смуты, разразившіяся въ Египтѣ съ паденіемъ „Новаго Царства", не только сдѣлали Эѳіопію самостоятельнымъ государствомъ, но привели наконецъ къ тому, что эѳіопская династія, бывшая (вѣроятно!) египетскаго происхожденія, съ помощью кушитскихъ воиновъ заняла престолъ стараго культурнаго царства. Завоеваніе его произошло постепенно; въ 840 г. въ стѣнахъ Ѳивъ появилось эѳіопское войско и наконецъ весь верхній Египетъ вплоть до Мемфиса призналъ новыхъ господъ, тогда какъ въ Дельтѣ еще довольно продолжительное время держались отдѣльные могущественные предводители наемниковъ. Характера величія и планомѣрности въ эѳіопскомъ завоеваніи не было; можетъ оно уже тогда совершенно-бы остановилось, если-бы одинъ изъ феодальныхъ правителей нижняго Египта, Тефнахтъ, царь Саиса, не старался постоянно распространять свое могущество, не завоевалъ-бы Мемфиса и не угрожалъ верхнему Египту. Послѣ долгихъ колебаній тогдашній эѳіопскій царь Пи'анхи послалъ войско, которое и на водѣ и на сушѣ оттѣснило опаснаго противника, не достигнувъ, однако, рѣшительныхъ результатовъ; когда царь самъ явился на

поле битвы, удалось завоевать Мемфисъ. Послѣ этого и предводители наемниковъ въ нижнемъ Египтѣ признали верховную власть Эѳіопіи и даже самъ Тефнахтъ на время отказался отъ сопротивленія (770 г. до Р. Х.).

Однако, о какихъ-либо твердыхъ основаніяхъ притязаній эѳіоповъ на Египетъ никогда и рѣчи не было. Цари Куша для жителей Египта были такими-же чужеземцами, какъ и предводители наемниковъ въ Дельтѣ; страна относилась совсѣмъ безучастно къ ихъ войнамъ. Только духовенство, подкупленное прямодушной набожностью эѳіопскихъ царей, встало на сторону своихъ щедрыхъ покровителей. Если подумать о сравнительно рѣдкомъ населеніи собственной Нубіи, о трудностяхъ передвиженія войскъ изъ Судана и о страшномъ разстояніи Напаты, эѳіопской столицы, отъ нижняго Египта, то слабость кушитской власти окажется вполнѣ понятной. Она держалась только благодаря тому, что маленькіе феодальные правители нижняго Египта согласны были скорѣе признать призрачную власть далекаго эѳіопскаго царя, чѣмъ довѣрить скипетръ одному изъ своихъ. Впрочемъ, въ незначительныхъ возмущеніяхъ и большихъ возстаніяхъ недостатка не было; въ частности, во время царствованія сына Тефнахта, Бокенранфа (по-гречески Бокхорисъ; вѣроятно 770—729) произошелъ перерывъ въ господствѣ эѳіоповъ надъ южнымъ Египтомъ, пока наконецъ царь Шабака (Сабаконъ у грековъ) не распространилъ снова власть эѳіоповъ вплоть до Средиземнаго моря. Послѣ его смерти (716 до Р. Х.) прежнія смуты опять возобновились. Въ силу этого Египетъ не былъ въ состояніи во-время остановить движеніе ассирійцевъ въ Сирію и Палестину; попытка, сдѣланная Шабакой, окончилась въ 720 г., тяжелымъ пораженіемъ египетскаго войска при Рафіи, и уже съ этого времени нижне-египетскіе правители стали, повидимому, платить дань Саргону ассирійскому.

Война снова возгорѣлась, когда Тахарка, повидимому узурпаторъ, но эѳіопъ, какъ и его предшественникъ, сѣлъ на египетскій престолъ, вступилъ въ союзъ съ царемъ Езекіей и другими сирійскими царями и выступилъ противъ Синахериба, тогдашняго царя Ассиріи. Война была несчастлива для египтянъ; но и Синахерибъ долженъ былъ отступить, не завоевавъ Іерусалима (701 г.). Заключенный послѣ этого миръ не нарушался въ теченіе 30 лѣтъ и далъ Тахаркѣ возможность утвердить до нѣкоторой степени свою власть. Когда однако въ 671 г. начались новыя возстанія въ Сиріи, повидимому поддерживаемыя Египтомъ, и ассирійское войско пошло противъ старѣющаго Тахарки, завоеватели не встрѣтили рѣшительнаго сопротивленія. Ассаргадонъ ассирійскій превратилъ Египетъ въ вассальное государство, не вытѣснивъ впрочемъ мелкихъ владѣтельныхъ князей; Тахарка-же отступилъ въ Эѳіопію. Однако кушиты не вполнѣ безславно отказались отъ своего господства надъ областью Нила: Тахарка, предпринявъ незадолго до смерти походъ, дошелъ до Мемфиса; позднѣе его пасынокъ Тануатъ-Амонъ двинулся на сѣверъ, но долженъ былъ вскорѣ сознаться, что надѣяться больше не на что. Въ 668 г., эѳіопскія войска оставили Египетъ; Ѳивы, первый городъ, охотно принявшій эѳіоповъ, былъ сильно опустошенъ ассирійцами. Отъ нашествія на Нубію послѣдніе разумно воздерживались.

Тотъ фактъ, что съ 650 г. начались сношенія Эѳіопіи съ востокомъ и югомъ и преобладаніе Египта въ этомъ отношеніи постепенно было поколеблено — не остался безъ результатовъ; Эѳіопія, не таившая въ себѣ зачатковъ самостоятельной культуры, начала снова примѣняться къ окружавшему ее варварскому элементу. Весь процессъ представляетъ весьма поучительное сходство съ распространеніемъ въ Суданѣ египетско-европейской культуры и духовной реакціей, выразившейся въ махдизмѣ. Набожность, доведенная до чудачества, и въ позднѣйшее время осталась самой выдающейся чертой эѳіоповъ, тогда какъ другіе признаки просвѣще-

нія мало по малу заглохли и забылись: т. напр., египетское письмо на позднѣйшихъ памятникахъ является пустымъ украшеніемъ — значенія его уже не понимали [1].

О судьбахъ царства Напаты послѣ отступленія эѳіоповъ изъ Египта сообщаютъ намъ греческіе источники и надписи эѳіопскихъ правителей. Пользуясь набожностью послѣднихъ, духовенство стало наконецъ все вершающей силой въ государствѣ; оно выбирало именемъ божества изъ кандидатовъ на престолъ того, который былъ ему всего болѣе по сердцу, а неудобному правителю сообщало волю божества, чтобы онъ добровольной смертью искупилъ свои прегрѣшенія. Впрочемъ, не было недостатка въ религіозныхъ смутахъ и кровавыхъ распряхъ изъ-за престола. Когда Египетъ снова пріобрѣлъ самостоятельность, онъ предпринялъ безуспѣшный походъ противъ Нубіи, а вслѣдствіе внутреннихъ смутъ часть египетской военной касты, образованной изъ поселившихся въ Египетѣ наемниковъ, переселилась въ Эѳіопію.

γ) Мероэ.

Послѣ отдѣленія отъ Египта, центръ царства сталъ все больше и больше передвигаться на югъ. Напата осталась мѣстомъ пребыванія духовенства, но цари построили себѣ новую резиденцію къ югу отъ впаденія Атбары въ Нилъ, городъ Мероэ, именемъ котораго впослѣдствіе стало называться и все царство. Такимъ образомъ, Эѳіопія была еще болѣе чѣмъ раньше гарантирована отъ опасности быть втянутой въ дальнѣйшую судьбу Египта. Когда во время персидскаго господства надъ Египтомъ завоеватели захватили часть Нубіи и такимъ образомъ до нѣкоторой степени воскресили въ этой пограничной странѣ событія прежнихъ временъ — Мероэ осталось непоколебленнымъ. Черезчуръ сильное вліяніе духовенства было временно уничтожено царемъ Аргамономъ (Эргаменъ въ греческихъ источникахъ) въ 270 г. до Р. Х. Жрецы по своему обыкновенію сообщили старому, но дѣятельному царю волю божества, чтобы онъ собственноручно покончилъ съ собою, но Аргамонъ насильственнымъ образомъ избавился отъ властолюбцевъ.

Цари послѣ этого стали, правда, самостоятельнѣе, зато обнаружилась новая особенность, очень часто повторяющаяся въ исторіи. Въ царствѣ Мероэ повидимому, очень крѣпко держались древнія воззрѣнія материнскаго права, по которымъ дѣти принадлежали къ семьѣ матери, а не отца, что повело къ привилегированному положенію царицъ, которыя обыкновенно становились регентшами вмѣсто своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей, да и по достиженіи ими совершеннолѣтія не выпускали изъ рукъ скипетръ, но считали сына только соправителемъ. Эти эѳіопскія царицы всегда упоминаются писателями классическаго періода подъ титуломъ „Кандакія“.

Мало по малу Эѳіопія превратилась въ чисто-суданское государство, все вниманіе котораго было устремлено на южныя негритянскія земли, тогда какъ связь его съ сѣверомъ становилась все слабѣе. Только разъ одна изъ царицъ Мероэ попробовала воскресить древнія преданія и съ оружіемъ въ рукахъ предъявить права на Египетъ (23 до Р. Х.); но послѣдній былъ уже въ это время провинціей могущественнаго римскаго государства. Нападеніе эѳіоповъ разбилось самымъ плачевнымъ образомъ о сопротивленіе римскихъ пограничныхъ войскъ, вождь которыхъ Петроній въ свою очередь предпринялъ въ отмщеніе походъ, окончившійся разрушеніемъ старой цар-

---

[1] Невѣрно. Египетскіе іероглифы были приспособлены къ туземному языку, а потому для ученыхъ пока непонятны надписи Напаты и Мероэ, составленныя на послѣднемъ, хотя и написанныя іероглифами. До сихъ поръ извѣстна только одна двуязычная надпись египто-нубійская — на жертвенникѣ царя Нетекамона въ берлинскомъ музеѣ. Кромѣ того выработался еще курсивный мероитскій шрифтъ, также пока неразобранный. Б. Т.

ской столицы Напаты. Столкновеніе не имѣло однако дальнѣйшихъ послѣдствій: Мероэ, находившееся подъ защитой пустыни и быстринъ рѣки, осталось независимымъ отъ Рима. Съ теченіемъ вѣковъ государство ослабло и распалось. Если и раньше немного вѣрныхъ свѣдѣній о Мероэ проникали на сѣверъ, то связь съ нимъ была совершенно порвана, когда дикое племя блемміевъ стало производить опустошительные разбойничьи набѣги на горныя страны, лежащія къ востоку отъ нубійскаго Нила, иногда совершенно отрѣзая путь черезъ долину Нила [1]. Тѣмъ не менѣе, сѣмена грекоримской культуры проникали на югъ и не дозволяли Эѳіопіи и вообще восточному Судану впасть снова въ полное варварство.

д) Древне-христіанскій періодъ въ Эѳіопіи. Донгола.

Характеру религіозности эѳіоповъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тотъ фактъ, что проповѣдники христіанства, наконецъ проникшаго и въ Эѳіопію, имѣли неожиданный успѣхъ. Когда они впервые появились въ Мероэ — неизвѣстно; но вѣроятно именно распаденіе царства, ослабленіе прежней силы духовенства благопріятствовало ихъ дѣятельности, а съ другой стороны способствовало ей проникновеніе въ Эѳіопію греческихъ культуры и языка. Городъ Мероэ, повидимому, уже во времена Нерона представлялъ собою груду развалинъ, само-же царство распалось естественнымъ образомъ на двѣ главныя области: Нубійскую, которая вновь названа Напатой, и юго восточную, центръ которой былъ въ Аксумѣ, среди сильныхъ горныхъ племенъ Абиссиніи, и которая вступила въ тѣсныя сношенія съ Аравіей [2]. Греческая культура вліяла особенно сильно на Аксумъ, но и на напатцахъ, позднѣйшихъ нубійцахъ, египетское вліяніе сказалось гораздо слабѣе, чѣмъ греческое. Единственный нубійскій царь, о которомъ мы узнаемъ что либо послѣ долгаго времени, Стильконъ, жившій въ IV в. по Р. Х., прибѣгаетъ въ одной надписи къ греческому языку, хотя и не особенно умѣло, присваиваетъ себѣ титулъ „Василиска" и сравниваетъ себя съ богомъ Ареемъ [3]. Во всякомъ случаѣ, Аксумъ былъ въ то время самымъ могущественнымъ царствомъ.

Вскорѣ послѣ Стилькона въ Нубію было введено христіанство — вѣроятно яковитскими миссіонерами. На то, какъ сильно цѣнило набожность эѳіоповъ и христіанское духовенство, указываетъ преданіе о „казначеѣ изъ Эѳіопіи", принявшемъ крещеніе отъ самихъ апостоловъ. Когда исламъ поднялъ свое знамя, а въ 639 г. подчинилъ себѣ Египетъ, — Нубія стала убѣжищемъ изгнанниковъ-христіанъ, подобно тому какъ раньше,

---

[1] Блемміи (бега, беджа) нападали и на Египетъ; объ ихъ опустошительныхъ набѣгахъ неоднократно говорятъ житія коптскихъ монаховъ. Опираясь на остатки языческаго населенія, они пытались даже осѣсть въ Египтѣ; императоръ Пробъ нашелъ ихъ у Птолемаиды и Копта. До насъ дошли греческіе документы „царьковъ" блемміевъ Хирахена и Пакитимна (?) о назначеніи намѣстниковъ на острова у Элефантины. Изъ нихъ видно, что культура все таки стала проникать и въ эту среду: при дворѣ „царьковъ" („василисковъ", что указываетъ на вассальное положеніе) появляется византійскій штатъ и христіанскіе чиновники. Аксумскіе цари говорятъ въ своихъ надписяхъ о подчиненіи Бугаитовъ и ихъ „василисковъ"; здѣсь дѣло идетъ о блемміяхъ, которые т. обр. стали въ подчиненное положеніе къ Аксумскому царству. Около того же времени (452) столѣтній миръ съ имперіей прекратилъ ихъ набѣги на Египетъ. При этомъ блемміямъ было предоставлено право по прежнему справлять свои языческіе культы въ честь Исиды на о—вѣ Филэ. Ок. 530 г. полководецъ Нарсесъ Персарменъ, разрушивъ святилище и отославъ идолы въ Византію, положилъ конецъ этому культу и стѣснилъ блеммісвъ, которые около того же времени понесли тяжкія потери отъ усилившагося христіанскаго Нубійскаго царства, отбросившаго ихъ въ мѣста ихъ прежняго распространенія — къ в. отъ Нила. Б. Т.

[2] Объ отношеніяхъ Напаты къ Мероэ и Нубійскаго царства къ Аксумскому намъ ничего неизвѣстно, и едва ли послѣднее когда либо входило въ составъ обще-эѳіопскаго съ центромъ въ Мэроэ. Б. Т.

[3] Имя его не „Стильконъ", а Силько. Б. Т.

она призрѣвала бѣжавшихъ послѣ переворотовъ египетскихъ жрецовъ [1]. Нубія ставъ убѣжищемъ христіанства, вмѣстѣ съ Аксумомъ долгое время противустояла натиску арабовъ; можно думать, что именно бѣглецы закончили вполнѣ обращеніе народа и воспламенили религіозное рвеніе. Но тогда какъ въ горныхъ странахъ Абиссиніи христіанство удержалось до настоящаго времени, въ Нубіи оно наконецъ пало подъ натискомъ и преслѣдованіями ислама.

Ученіе Мухаммеда до основанія всколыхнуло все населеніе арабскаго полуострова: и безъ того уже непосѣдливые арабы были приведены въ такое безпокойство и броженіе, что наконецъ хлынули за предѣлы полуострова въ качествѣ завоевателей, а иногда и бѣглецовъ. Страстные приверженцы ислама и племена, ими увлеченныя, искали земли и добычи на сѣверѣ: они перешли Суэзскій перешеекъ, покорили Сирію и Месопотамію, ниспровергли персидское царство и основали огромное, хотя и слабо связанное государство. Въ то-же время другія арабскія племена выбрали путь, которымъ уже вѣроятно, пользовались отдѣльные караваны путниковъ: они переправились черезъ Красное море и нашли на противуположномъ берегу степь, похожую на ихъ родину и дающую безграничный просторъ для передвиженія. Мы уже познакомились съ потомками этихъ переселенцевъ въ основателяхъ государствъ Даръ-Фура и Вадаи (стр. 526 и 522). Не только одни приверженцы Мухаммеда наводнили Суданъ и начали разобщать христіанскую Нубію отъ родственнаго ей Аксума: возможно, что какъ разъ племена, враждебно относившіяся къ новой религіи, искали выхода черезъ Красное море; во всякомъ случаѣ, многія изъ нихъ при своемъ переселеніи въ восточный Суданъ были еще язычниками и поэтому не относились сперва враждебно къ христіанскимъ государствамъ. Но исламъ, вообще соотвѣтствующій характеру семитовъ, послѣдовалъ за переселенцами черезъ проливъ и подчинилъ ихъ себѣ, однихъ раньше, другихъ позже. Благодаря этому, Нубія на югѣ была отрѣзана не только отъ Аксума, но и отъ всякаго сообщенія съ негритянскими землями, которыя въ экономическомъ отношеніи для суданскихъ государствъ прямо необходимы.

Въ силу всего этого, центръ христіанской Нубіи долженъ былъ снова перемѣститься на сѣверъ, въ нынѣшнюю Донголу. Въ своей, теперь сильно ограниченной области, маленькое христіанское государство, защищенное степями и катарактами, въ состояніи было еще долго и успѣшно противустоять нападеніямъ и пропагандѣ ислама: остатки греко-египетской культуры существовали здѣсь еще въ то время, когда въ другихъ мѣстахъ потокъ событій давно смылъ слѣды античнаго міра. Въ 651 г. отряды арабовъ вторглись въ Нубію и осадили Донголу, но наткнулись на такое рѣшительное сопротивленіе, что ограничились установленіемъ ежегодной дани въ 360 рабовъ, въ отвѣтъ на которую обѣщали кромѣ того посылать подарокъ хлѣбомъ. Такое отношеніе къ Египту продолжалось долго, хотя и съ перерывами. Въ X-омъ столѣтіи мы узнаемъ о нѣсколькихъ нападеніяхъ нубійцевъ на Египетъ; въ 962 г. посолъ ихшидскаго князя прибылъ изъ Египта въ Донголу къ царю Нубіи, Кирки (Киріакосъ, Киріакъ), для того, чтобы обратить его въ магометанство, но принужденъ былъ вернуться, не достигнувъ ничего. Изъ того, что царь называетъ свою страну болѣе населенной и болѣе сильной въ военномъ отношеніи, чѣмъ Египетъ, можно заключить, что и тогда еще южныя владѣнія не вполнѣ были потеряны Нубіей; другой источникъ называетъ тринадцать провинцій, управляемыхъ высшимъ духовенствомъ. И въ это сравнительно позднее время престолонаслѣдіе шло по женской линіи, что, вмѣстѣ съ привилегированнымъ положеніемъ духовенства, вполнѣ отвѣчаетъ обычаямъ древняго царства Напаты.

---

[1] Въ 752 г. царь Нубіи Киріакъ даже покорилъ верхній Египетъ и проникъ до Фо-

в) Нубія какъ египетская провинція (1300—1800).

Въ XI-омъ столѣтіи могущество Нубіи стало падать, хотя она все еще противустояла нападеніямъ египетскихъ султановъ. Въ промежутокъ отъ 1172 до 1174 г. было ниспровергнуто маленькое христіанское государство, образовавшееся на египетской почвѣ вокругъ Ассуана и Элефантины, къ сѣверу отъ перваго водопада, и служившее какъ-бы буферомъ для Нубіи. Затѣмъ внутреннія смуты, повидимому, потрясли Нубію; въ концѣ концовъ турецкіе султаны уже встрѣчали при своихъ нападеніяхъ на нее сплоченную силу всей страны. Въ 1275 г. городъ Донгола былъ завоеванъ и тогдашній царь Давидъ изгнанъ изъ него. Послѣ ряда битвъ, завлекшихъ мухаммеданское войско до южной границы Нубіи, наконецъ удалось вполнѣ прогнать царя Давида, его племянникъ Шакендахъ сталъ царемъ, а сама Нубія сдѣлалась данницей Египта и открыла доступъ исламской пропагандѣ.

α) Паденіе христіанства и ростъ ислама.

Тѣмъ временемъ, сила оставшагося одинокимъ христіанскаго государства еще не была вполнѣ сломлена. Остатки христіанъ въ Египтѣ искали поддержки въ Нубіи: въ серединѣ XIII-аго столѣтія преслѣдованіямъ христіанъ въ Египтѣ былъ положенъ конецъ благодаря угрозамъ тогдашняго Киріакоса Нубіи. Но вскорѣ послѣ этого царская фамилія въ Донголѣ перешла въ исламъ; новую вѣру приняла не старая династія, а узурпаторъ, родомъ, вѣроятно, изъ племени Бени Кенси или Кенцъ, жившаго недалеко отъ Ассуана. Что Нубія въ это время сильно страдала отъ внутреннихъ войнъ и нападеній внѣшнихъ враговъ — на это у насъ много свидѣтельствъ; вѣроятно, одинъ изъ претендентовъ, принявъ исламъ, пріобрѣлъ поддержку Египта, Возможно, что орды арабовъ, вторгнувшись въ долину Нила и все болѣе распространяясь, вызывали и поддерживали смуты.

Потерявъ точку опоры, христіанство стало незамѣтно, но неудержимо падать. Обнаружился недостатокъ въ священникахъ, церкви опустѣли и на мѣсто христіанскаго духовенства, которое, насколько можно заключить по примѣру Абиссиніи, проповѣдовало евангеліе въ очень грубой формѣ, стали проповѣдники ислама, причемъ эта замѣна, повидимому, не вызвала сколько нибудь упорной борьбы. Благодаря постоянному прибыванію арабскихъ племенъ, связь между отдѣльными христіанскими общинами все больше ослабѣвала, сами же арабы пріобрѣтали преобладаніе. Такимъ образомъ, Нубія подверглась участи всѣхъ Суданскихъ государствъ; кочевники пересилили въ ней земледѣльцевъ, но результаты этого были для Нубіи гибельнѣе, чѣмъ для другихъ государствъ, ибо расцвѣтъ вытянутой въ длину страны, принужденной довольствоваться узкими плодородными полосами земли по берегамъ рѣки, всегда былъ нѣсколько искусственный и покоился на работѣ цѣлыхъ тысячелѣтій, которая теперь была прервана.

Господство надъ Нубіей, которую съ этого времени врядъ-ли можно считать цѣльной областью, постоянно переходитъ отъ одной арабской орды къ другой—періодъ, безплодный во всѣхъ отношеніяхъ! Подъ конецъ самыми могущественными были арабы племени шайкіа (шейгіа). Только перевороты, происшедшіе въ Египтѣ въ началѣ XIX-аго столѣтія, снова нарушили глубокій покой страны; въ 1812 г. остатки египетскихъ мамелюковъ бѣжали въ Нубію, опустошили долину Нила, чѣмъ помѣшали войскамъ Мехмеда Али слѣдовать за собою, а въ 1814 г. водворились въ

стата, желая добиться освобожденія изъ темницы коптскаго патріарха Михаила I, заключеннаго абассидскимъ губернаторомъ Египта. Повидимому отъ краткаго періода нубійскаго владычества въ верхнемъ Египтѣ дошелъ до насъ одинъ документъ (см. Krall, Beiträge zur Geschichte d. Blemmyer und Nubier. Wien, 1898).

Донголѣ. Въ 1820 г. египетскимъ войскамъ удалось прогнать мамелюковъ и отсюда, но благодаря этому открылся доступъ къ собственному Судану и новое, богатое событіями, время наступило для областей, лежащихъ по верховьямъ Нила.

β) Южныя области древняго Мероэ.

Въ южныхъ областяхъ древняго Мероэ тоже находились христіанскія государства: Алоа, столица котораго лежала, вѣроятно, по близости отъ позднѣйшаго Хартума, упоминается еще въ X столѣтіи; поменьше было государство Мокра между Алоа и Донголой. Позднѣе образовалось магометанское государство Сенааръ, которое въ свою очередь было завоевано и преобразовано въ 1500 г. неграми фунджи, вѣроятно родственными шиллукамъ. Фунджи скоро перешли въ исламъ, распространили свое вліяніе до Нубіи и Даръ-Фура и вѣроятно уничтожили послѣдніе остатки христіанскихъ государствъ на верхнемъ Нилѣ. Переселеніе фунджіевъ было вѣроятно тѣсно связано съ передвиженіемъ племени галла, которое около этого времени нанесло страшный ущербъ христіанскому государству Абиссиніи (стр. 432 и 553).
Когда могущество Сенаара снова стало падать, дарфурскимъ царямъ удалось распространить свое вліяніе на Кордофанъ вплоть до Нила и даже временно наложить дань на Сенааръ (см. выше, стр. 526). По Нилу къ сѣверу отъ Сенаара вплоть до Донголы находилось около двадцати маленькихъ княжествъ, такъ что Египту, когда онъ приступилъ къ распространенію своей власти на югъ, не пришлось преодолѣвать большихъ затрудненій.

г) Восточный Суданъ въ XIX-омъ столѣтіи.

α) Мехмедъ Али.

Мехмедъ Али, уничтожившій въ 1811 г. мамелюковъ и старавшійся стать въ независимое положеніе по отношенію къ Портѣ, съ полнымъ основаніемъ надѣялся воспользоваться для предстоящей борьбы богатствами Судана и прекраснымъ матеріаломъ для войскъ, даваемымъ этой страной. Первый шагъ къ этой цѣли былъ сдѣланъ завоеваніемъ Донголы. Когда арабы шайкіа, бывшіе въ то время истинными господами Нубіи, поняли намѣренія египтянъ, съ которыми они дѣйствовали заодно противъ мамелюковъ, они рѣшились на отчаянное, но тщетное сопротивленіе. Въ 1820 г. египетскія войска подъ предводительствомъ Измаила, сына Мехмеда Али, двинулись дальше на югъ; одна часть ихъ проникла въ Сенааръ, другая направилась къ Кордофану, причемъ обѣ дѣйствовали удачно. Но когда Измаилъ требованіемъ слишкомъ высокой дани привелъ въ отчаяніе покоренныя области, онъ былъ измѣннически умерщвленъ въ Шенди тамошнимъ „меликомъ“ Немиромъ въ концѣ октября 1822 г. Тѣмъ не менѣе, страна осталась въ рукахъ египтянъ; въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій она подвергалась всякаго рода вымогательствамъ со стороны чиновниковъ и нерѣдко страдала отъ возстаній доведенныхъ до изступленія жителей. Особенно тяжело легло новое иго на южныя свободныя племена негровъ: болѣе чѣмъ когда-либо ихъ страна служила цѣлью для предпріятій охотниковъ на рабовъ. Центромъ новой египетской провинціи былъ съ 1880 г. Хартумъ, лежащій при сліяніи Бѣлаго и Голубого Нила.

β) Торговля слоновой костью и похищеніе невольниковъ.

Неистощимый запасъ слоновой кости и чернокожихъ людей въ областяхъ, лежащихъ по верхнему Нилу, вполнѣ выяснился лишь тогда, когда по порученію правительства отдѣльныя экспедиціи пробрались вверхъ по Бѣлому Нилу и констатировали сравнительно легкій доступъ къ Судану: слухъ

что тамъ безъ труда можно пріобрѣсти богатства путемъ торговли слоновой костью, а также путемъ похищенія невольниковъ, быстро распространился въ Египтѣ и Нубіи и привлекъ на югъ множество искателей приключеній; въ то-же время появились и первые христіанскіе миссіонеры: такимъ образомъ столкнулись два противуположныхъ міровоззрѣнія, которымъ предстояло еще вести тяжелую борьбу другъ съ другомъ. Въ началѣ главнымъ предметомъ торговли была слоновая кость, а случайно добытые или купленые рабы служили лишь для обмѣна на этотъ драгоцѣнный товаръ у туземцевъ, которые сами стремились къ рабовладѣнію. Однако, съ теченіемъ времени похищеніе невольниковъ не преминуло стать на первый планъ; торговые караваны въ цѣляхъ защиты всегда сопровождались наемными солдатами, преимущественно донголами, и часто брали подкрѣпленія изъ среды туземныхъ наемниковъ базинговъ. Племена негровъ, издавна жившія во враждѣ другъ съ другомъ, сами возбуждали алчность торговцевъ и вступали съ ними въ союзъ противъ своихъ сосѣдей, временно увеличивали этимъ свою силу, но въ концѣ концовъ сами становились жертвой хищническихъ наклонностей охотниковъ на рабовъ. При этомъ, египетское вліяніе все больше и больше распространялось въ негритянскихъ земляхъ. Купцы были принуждены создать укрѣпленные центры власти, строить для безопасности станціи на торговыхъ путяхъ и проникать во все болѣе отдаленныя области для пріобрѣтенія слоновой кости; правительству оставалось только идти по ихъ слѣдамъ. Изъ торговцевъ, которые жили, точно князьки въ тѣхъ областяхъ, гдѣ они разбойничали, и конечно не могли долго оставаться въ мирѣ съ правительствомъ, нужно назвать прежде всего Сибера, дѣйствовавшаго изъ Даръ-Фертита (стр. 528 и 541).

Торговля слоновой костью и невольниками процвѣтала всего нѣсколько десятилѣтій, когда жалобы европейскихъ миссіонеровъ и изслѣдователей возбудили негодованіе на безсовѣстные поступки работорговцевъ. Египетъ, сильно старавшійся тогда о томъ, чтобы быть причисленнымъ къ культурнымъ государствамъ, не могъ противиться оказанному на него давленію: вице-король Саидъ-паша лично явился въ 1855 г. въ Хартумъ, прямо запретилъ торговлю рабами и не позволилъ своимъ собственнымъ чиновникамъ производить обычные до того времени разбойничьи набѣги въ негритянскія земли, чѣмъ чувствительнымъ образомъ сократилъ ихъ доходы. Слѣдствіемъ этого было то, что торговля стала опаснѣе, но зато и выгоднѣе и что чиновники, стараясь довести свои доходы до прежняго размѣра, стали брать взятки. Иногда транспортъ невольниковъ торжественно конфисковался, но „освобожденные" негры не отсылались обратно на родину, а зачислялись въ египетскія войска.

γ) Попытки реформъ.

Вліяніе на Египетъ европейцевъ, а слѣдовательно и враговъ невольничества, возрасло, когда въ 1863 г. въ лицѣ Измаила Паши вступилъ на престолъ приверженецъ западной культуры, человѣкъ, который не столько по внутреннему убѣжденію, сколько изъ-за честолюбія старался во что-бы то ни стало выказать себя просвѣщеннымъ реформаторомъ и покровителемъ прогресса. Какъ разъ въ это время англичанинъ Самуилъ Бэкеръ вернулся изъ путешествія на верхній Нилъ, во время котораго проникъ до озера Альбертъ Ніанза, вернулся съ твердымъ намѣреніемъ выступить съ помощью египетскаго правительства противъ работорговцевъ. Измаилъ согласился на его предложеніе: Бэкеръ Паша отправился въ 1869 г. съ маленькимъ войскомъ въ область верхняго Нила и до 1873 г. достигъ того, что власть Египта была распространена до озера Альберта и до границъ Уніоро, а работорговцамъ было причинено много безпокойствъ.

Въ это время Египетскій Суданъ достигъ своего наибольшаго про-

тяженія; ибо тогда-же были присоединены и области по Баръ-ель-Газалу, а также покорено государство Даръ-Фуръ. Послѣднему уже раньше угрожалъ работорговецъ Сиберъ (Зубаиръ, Соберъ), который собралъ порядочную военную силу и лишилъ Даръ-Фуръ его южныхъ пограничныхъ земель; въ то-же время египетское правительство бросало жадные взоры на эту страну и старалось вовлечь въ свои интересы Сибера, назначеннаго мудиромъ провинціи Баръ-ель-Газаль. Сиберу было не трудно начать войну съ Даръ-Фурскимъ султаномъ Ибрагимомъ, правительству-же это дало предлогъ тоже вмѣшаться въ дѣло. Изъ Хартума маленькое войско пошло въ Даръ-Фуръ, съ юга-же двинулся Сиберъ и одержалъ рѣшительную побѣду надъ Ибрагимомъ (1874). Сиберъ былъ назначенъ намѣстникомъ и этой новой провинціи, но затѣмъ его сманили въ Каиръ, гдѣ, правда, окружили почестями, но зато задержали до самой смерти; его сынъ Сулейманъ, наслѣдовавшій отцу, пока былъ неопасенъ.

Тѣмъ временемъ выступилъ на сцену человѣкъ, которому суждено было въ крупныхъ размѣрахъ продолжать дѣло, начатое Бэкеромъ, и ввести порядокъ въ Суданъ, а именно Чарльсъ Джоржъ Гордонъ. Благородный, но слишкомъ довѣрчивый по натурѣ, одаренный желѣзнымъ здоровьемъ, онъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы способствовать культурѣ страны въ качествѣ организатора и солдата, а также быть защитникомъ человѣческихъ правъ; уже въ 1863 г., находясь на службѣ у китайскаго правительства, онъ выказалъ свои дарованія, побѣдивъ мятежныхъ тайпинговъ. Въ промежутокъ отъ 1874 до 77 г. Гордонъ, не смотря на громадныя трудности, привелъ къ концу начатое Бэкеромъ предпріятіе на верхнемъ Нилѣ. Произведенный въ 1877 г. въ паши и назначенный генералъ-губернаторомъ, онъ долженъ былъ вести съ Абиссиніей продолжительные переговоры по поводу пограничныхъ вопросовъ. Затѣмъ онъ былъ вызванъ въ Даръ-Фуръ, гдѣ вспыхнуло возстаніе: это давалъ о себѣ знать сынъ Сибера Сулейманъ; въ 1879—80 г. послѣдній былъ разбитъ и умерщвленъ итальянцемъ Ромоло Джесси. Но въ тотъ-же годъ Гордонъ, получая очень слабую поддержку изъ Каира и отчаявшись въ исполненіи своей задачи, сложилъ съ себя свою должность. Если даже египтяне, а въ особенности ненавистные донголане, тяжело виноваты передъ чернокожими, все-же они были наиболѣе культурными изъ завоевателей, и держали негритянское населеніе въ страхѣ и послушаніи; тотъ, кто ограничивалъ ихъ вліяніе (Гордонъ), или совершенно изгонялъ ихъ (Джесси) — этимъ самымъ колебалъ основаніе всего зданія и ждалъ отъ черной расы больше чѣмъ она могла дать: разъ негръ долженъ быть членомъ культурнаго государства, его обязательно нужно поставить подъ твердое руководство свѣтлокожей расы.

δ) Махдизмъ.

1) Мухаммедъ Ахмедъ.

Какъ-бы то ни было, въ устройство сѣвернаго Судана, Кордофана, Сенаара и т. п. былъ внесенъ нѣкоторый порядокъ, И на югѣ, въ экваторіальной провинціи, Джесси (ум. 30 апр. 1881 г.), а затѣмъ Ф. Луптонъ, губернаторы провинціи Баръ-ель-Газаль, но больше всѣхъ Эдуардъ Шнитцеръ (Эминъ Бей) — уже поставили на надежный путь прогрессъ, какъ вдругъ страшный взрывъ прежняго суданскаго фанатизма въ одинъ мигъ уничтожилъ плоды трудовъ цѣлыхъ десятилѣтій, въ то-же время доказавъ, какъ ветхо и непрочно было столь блестящее снаружи зданіе. Мухаммедъ Ахмедъ, выдававшій себя за Махди, въ 1881 г. поднялъ знамя возстанія и черезъ нѣсколько лѣтъ овладѣлъ всѣмъ Суданомъ.

Мухаммедъ Ахмедъ былъ родомъ изъ прежняго центра христіанства, изъ Донголы—теперь столь-же горячо преданной исламу; ея подвижные жители

были распространены по всему Судану въ качествѣ торговцевъ рабами и слоновой костью (стр. 539) и стояли въ очень враждебныхъ отношеніяхъ къ европейцамъ, находившимся на египетской службѣ. Родившійся въ 1848 г. (или немного раньше), будущій обновитель религіи долгое время бродилъ по странѣ въ качествѣ дервиша, причемъ всюду возбуждалъ неудовольствіе и вербовалъ себѣ послѣдователей, проповѣдуя ученіе Мухаммеда ибн-Абд-ель-Ваххаба. Его жалобы на то, что магометанство падаетъ и находится въ опасности благодаря дружбѣ магометанъ съ христіанами, пали на плодотворную почву: вѣдь и тутъ, какъ почти во всѣхъ религіозныхъ войнахъ, вѣра была всѣмъ понятнымъ боевымъ кличемъ, за которымъ скрывались болѣе глубокія національныя и экономическія несоотвѣтствія. Окончивъ свое путешествіе, Мухаммедъ Ахмедъ удалился на островъ Абу на Бѣломъ Нилѣ, вскорѣ пріобрѣлъ репутацію святого и сдѣлалъ изъ своего убѣжища центръ заговора противъ египетскаго владычества. Его долго оставляли безъ вниманія, а затѣмъ, благодаря безсмысленнымъ и недостаточнымъ мѣропріятіямъ, раздули тлѣвшую искру въ яркое пламя. Святого пригласили въ Хартумъ, а когда онъ отказался, послали противъ него небольшое войско; но Мухаммедъ Ахмедъ собралъ своихъ фанатичныхъ приверженцевъ и уничтожилъ непріятелей почти поголовно (іюль 1881 г.). Послѣ столь удачнаго начала возстанія, святой открыто объявилъ себя Махди, предвозвѣщеннымъ послѣдникомъ пророка. Новыя безсмысленныя мѣропріятія правительства только увеличили славу Махди; вмѣсто того, чтобы запереть его на островѣ съ помощью многочисленныхъ рѣчныхъ пароходовъ, его пропустили на лѣвый берегъ рѣки и дали ему скрыться въ горахъ Тагалло, на юго-востокѣ Кордофана; Махди расположился у подошвы горы Гадиръ. Губернаторъ Кордофана, которому поручено было его прогнать, отступилъ безъ битвы, а мудиръ Фашоды, пришедшій съ юга, и его войска — были истреблены.

Едва-ли Махди могъ-бы выбрать болѣе удачное сборное мѣсто для своихъ войскъ, чѣмъ южный Кордофанъ. Цѣлыми массами стекались сюда его одноплеменники, изгнанные Джесси изъ Баръ-ель-Газала донголане, исполненные жажды мщенія и фанатизма; вмѣстѣ съ многочисленными ордами арабовъ они составляли ядро махдистскаго войска. Въ то-же время и на правомъ берегу Нила, въ провинціи Сенааръ, вспыхнули возстанія; но они были усмирены правительствомъ съ помощью дружественныхъ арабскихъ племенъ. Войска, ставшія тутъ ненужными, двинулись подъ предводительствомъ неспособнаго Юзефа Паши Шеллали противъ Махди: при Гадирѣ они были почти совсѣмъ истреблены, а предводитель ихъ убитъ (1 іюля 1882 г.).

Весь Кордофанъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, былъ теперь охваченъ возстаніемъ. Тѣмъ временемъ, событія въ Египтѣ, возстаніе Араби Паши и его послѣдователей, такъ ослабили энергію правительства, что Махди могъ осаждать крѣпости Кордофана и брать ихъ поочередно штурмомъ, проливая потоки крови; къ осени 1882 г. стояли еще только Бара и столица Эль-Обеидъ (Хобедъ). Махди разбилъ по близости свой лагерь и воспользовался этимъ временемъ, чтобы организовать свое войско и государство.

Комендантъ Эль-Обеида Мухаммедъ Саидъ Паша и тогда еще упорно защищалъ порученный ему городъ, когда жители уже перешли къ Махди. Штурмъ, предпринятый махдистами 8 сент. 1882 г., былъ отбитъ со страшными потерями для нападающихъ. Тѣмъ не менѣе, Саидъ Паша остался за стѣнами, а небольшой вспомогательный отрядъ, посланный изъ Хартума, послѣ тяжелаго перехода черезъ безводную пустыню былъ почти совершенно истребленъ. Въ январѣ 1883 г. сдалась сперва Бара, а затѣмъ (17 января) Эль-Обеидъ, принужденный къ тому голодомъ. Махди былъ теперь безспорнымъ господиномъ Кордофана.

Тѣмъ временемъ правительственныя войска еще держались въ Даръ-

Фурѣ подъ предводительствомъ храбраго австрійца Рудольфа Слатина, а въ Хартумѣ, куда были приведены разрозненныя войска Араби послѣ его пораженія, составлялся планъ рѣшительнаго нападенія на Махди. Предводительствовать этимъ довольно жалкимъ войскомъ взялся произведенный въ паши англо-индійскій полковникъ, Вилліамъ Хиксъ. Усмиривъ послѣ кровопролитнаго сраженія второе возстаніе арабовъ баггара въ Сенаарѣ, этого далеко распространеннаго и беззавѣтно преданнаго Махди арабскаго племени, онъ собралъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи войска для похода въ Кордофанъ. Медленно и съ трудомъ двигалось войско черезъ Кордофанскую пустыню; Махди расположилъ свои полки около Биркета, гдѣ и поджидалъ истощенныхъ и павшихъ духомъ египтянъ; послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ сраженій, войско паши Хиксъ было атаковано 4-аго ноября и почти совершенно истреблено.

2) Осада и паденіе Хартума.

Въ Даръ-Фурѣ Слатинъ еще противустоялъ все возрастающей силѣ мятежниковъ; но теперь исчезла послѣдняя надежда на спасеніе, 23 декабря 1883 г. онъ сдался посланникамъ Махди и былъ привезенъ въ Эль-Обейдъ плѣнникомъ. Благодаря этому, Махди могъ стянуть всѣ свои силы для осады Хартума. Что возставшіе имѣли приверженцевъ не только на лѣвомъ берегу Нила, давно уже выяснилось изъ ряда смутъ въ Сенаарѣ; это подало Махди вполнѣ основательную надежду на то, что при атакѣ Хартума онъ найдетъ поддержку и съ востока. Еще больше увѣренности должны были внушить ему извѣстія съ берега Краснаго моря. Въ серединѣ 1883 г. работорговецъ Османъ Дигна (Дигма, собственно Жоржъ Нисбетъ изъ Руана) побудилъ къ возстанію племя хадендоа, атаковалъ гавань Суакинъ и закрылъ путь отъ Суакина въ Хартумъ; благодаря этому было отрѣзано самое короткое сообщеніе между Хартумомъ и цивилизованнымъ міромъ, а единственной дорогой оставался путь по Нилу черезъ Берберъ и Донголу; въ этомъ ничего не измѣнила и побѣда, одержанная въ началѣ 1884 г. англичанами надъ Османомъ Дигной.

Англійское министерство, руководившее судьбами Египта послѣ возстанія Араби, постепенно пришло къ рѣшенію вообще очистить Суданъ. Гордонъ, прежній генералъ-губернаторъ, посланный въ январѣ 1884 г. для этой цѣли въ Хартумъ, отправилъ, правда, рядъ бѣглецовъ на сѣверъ и стянулъ всѣ войска, какія только можно собрать, въ Хартумъ; но возстаніе свирѣпствовало уже у самыхъ стѣнъ. Организаторскій талантъ Гордона высказался еще разъ; среди лѣта, во время подъема воды въ Нилѣ, затруднявшаго нападеніе на городъ, онъ снова ввелъ дисциплину въ свои войска и воскресилъ въ нихъ мужество благодаря счастливымъ дѣйствіямъ противъ непріятелей, появлявшихся то тамъ, то здѣсь. Но 23-го октября 1884 г. самъ Махди подошелъ съ отборнымъ войскомъ къ передовому укрѣпленію Омдурману на лѣвомъ берегу Нила. Гарнизонъ маленькой крѣпости храбро держался до 5-аго января 1885 г.

Тѣмъ временемъ и положеніе Хартума постепенно ухудшалось. Находившіеся внутри стѣнъ измѣнники стояли въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Махди; благодаря хищеніямъ чиновниковъ и множеству народа, искавшаго убѣжища въ городѣ, съѣстные припасы страшно быстро истощались, а между тѣмъ Гордонъ не могъ рѣшиться на то, чтобы безжалостно отдѣлаться отъ женщинъ и дѣтей, родственники которыхъ находились въ лагерѣ Махди. Только путемъ постоянныхъ напоминаній о приближеніи англійскаго войска и скоромъ освобожденіи могъ онъ склонить къ терпѣнію свои павшія духомъ войска. Но съ нетерпѣніемъ ожидаемый вспомогательный отрядъ, двинувшійся въ путь въ сентябрѣ 1884 г., опоздалъ на два дня и не безъ вины предводителя-англичанина. 26-го января 1885 г.

махдисты рано утромъ взяли городъ Хартумъ, причемъ совершили страшныя злодѣянія, убили Гордона Пашу, встрѣтившаго ихъ на лѣстницѣ своего дома, а также почти всѣхъ остальныхъ европейцевъ и египетскихъ чиновниковъ. Вспомогательное войско по дорогѣ безъ битвы заняло Донголу, которая въ это время была еще въ рукахъ мятежниковъ, нѣсколько разъ на голову разбило выступавшихъ противъ него махдистовъ и нанесло имъ при Абу-Клеѣ полное пораженіе; но послѣ этого оно четыре дня безцѣльно отдыхало въ Гобатѣ, хотя въ его распоряженіи стояли четыре парохода, посланные Гордономъ. Послѣ паденія Хартума, который съ этого времени опустѣлъ, войско двинулось въ обратный путь, тогда какъ Махди безпрепятственно занялъ со своими приверженцами Омдурманъ, свою новую резиденцію.

Кромѣ экваторіальной провинціи и Суакина въ то время были еще заняты правительственными войсками Кассала, Метамма (Метамме) и Сенааръ. Кассала съ ноября 1883 года была осаждена повстанцами, но хорошо держалась, потому что арабскія племена, оставшіяся ей вѣрными, подвозили провіантъ; лишь въ сентябрѣ 1885 г. она попала въ руки мятежниковъ. Послѣ того какъ Египетъ уступилъ Метамму Абиссиніи, гарнизонъ этого города былъ въ началѣ 1885 г. освобожденъ абиссинскимъ вспомогательнымъ отрядомъ и изъ Массавы отправленъ водою въ Египетъ. Сенааръ, тоже храбро защищавшійся, сдался въ августѣ 1885. Еще до этого времени въ нѣкоторыхъ негритянскихъ земляхъ владычество египтянъ пало: въ провинціи Баръ-ель-Газаль, губернаторъ Луптонъ Бей (стр. 541) долженъ былъ сдаться въ апрѣлѣ 1884 г. безъ битвы.

„Освобожденная" страна вскорѣ тяжело ощутила послѣдствія постоянныхъ безпорядковъ, повлекшихъ къ полному запущенію земледѣлія и скопленію громадной массы людей; народъ сильно пострадалъ отъ страшной голодовки и отъ заразныхъ болѣзней. Для самого Махди его громадный успѣхъ оказался пагубнымъ въ другомъ отношеніи: подчиняясь своей чувственной натурѣ, онъ сталъ предаваться излишествамъ, которыхъ въ концѣ концовъ не перенесъ его организмъ. 22-го іюня 1885 г. онъ умеръ въ Омдурманѣ отъ ожирѣнія сердца.

3) Халифа Абдуллахи.

Халифа Абдуллахи ель-Тейши есъ-Саидъ, новый правитель, вскорѣ съумѣлъ отдѣлаться отъ двухъ слабо сопротивлявшихся ему соправителей. Тогда какъ Махди покровительствовалъ своимъ соотечественникамъ, донголанамъ, и вообще обитателямъ береговъ Нила, Абдуллахи опирался на арабовъ баггара, которыхъ онъ перевелъ въ большомъ количествѣ въ Омдурманъ и всѣми способами отличалъ. Слѣдствіемъ этого была зависть тѣхъ, кого онъ отстранилъ, и внутренній расколъ. Въ первое десятилѣтіе правленія Абдуллахи вообще происходили національныя войны, во время которыхъ самъ Халифа бралъ сторону своихъ ближайшихъ соплеменниковъ, арабовъ баггара. Опасное возстаніе чернокожихъ солдатъ въ Кордофанѣ осенью 1885 г. кончилось подчиненіемъ мятежниковъ; позднѣе нѣкоторыя неудобныя арабскія племена были прямо истреблены. Новый Махди, возставшій въ Дарфурѣ и пріобрѣтшій уже многихъ приверженцевъ, къ счастью для Халифы умеръ въ февралѣ 1889 г.; его павшее духомъ войско было разсѣяно.

Но уже раньше этого появился на границахъ опасный врагъ. Вспыхнувшее въ Суданѣ воодушевленіе исламомъ, быстро увеличивающееся могущество Махди, а затѣмъ Абдуллахи, не скрылись отъ христіанскаго императора Абиссиніи. Побуждаемый англичанами, негусъ Іоаннъ уже въ 1885 г. послалъ войско, освободившее Метамму отъ осады, но городъ былъ затѣмъ снова оставленъ и нѣкоторое время на границахъ царствовало спо-

койствіе. Лишь въ 1887 г. удалось тогдашнему правителю Метаммы побудить вассальнаго амхарскаго князя Расъ Адала къ нападенію на махдистовъ. Въ январѣ послѣдній съ помощью сильнаго войска на голову разбилъ полки Халифы, предводительствуемые Надомъ Арбабомъ. Но абиссинцы вскорѣ опять отступили со своей добычей, и покинутая Метамма снова была занята махдистами. Зато Халифа сталъ готовиться къ мщенію. Его вновь организованныя прежнимъ рабомъ Абу Ангіей негритянскія войска побѣдили абиссинцевъ, не смотря на ихъ дикое мужество. Абу Ангіа осадилъ и ограбилъ Гондаръ, старую столицу абиссинскаго царства, и вернулся, сильно опустошивъ страну, назадъ въ Метамму и Омдурманъ. Въ то время негусъ былъ не прочь отъ соглашенія съ махдистами, но ему отказали; тогда онъ въ свою очередь приготовился къ нападенію.

Тѣмъ временемъ Абу Ангіа умеръ въ маѣ 1888 г., успѣвъ еще усмирить религіозное возстаніе, вспыхнувшее среди войскъ, которыя стояли около Метаммы. Махдистское войско, предводительствуемое теперь Еки Таманомъ, состояло изъ 85,000 человѣкъ, тогда какъ въ абиссинскомъ, во главѣ котораго стоялъ самъ императоръ Іоаннъ, насчитывалось 150,000 (среди нихъ 20,000 всадниковъ). Въ мартѣ 1889 г. абиссинцы перешли въ нападеніе, прорвали терновную засѣку Метаммы и уже были близки къ побѣдѣ, когда смерть негуса дала имъ сигналъ къ отступленію, похожему на бѣгство; преслѣдовавшимъ ихъ махдистамъ достался даже въ добычу трупъ павшаго „царя царей". Эта битва была послѣднимъ крупнымъ столкновеніемъ между христіанскимъ и магометанскимъ населеніемъ. Смуты, послѣдовавшія за перемѣной правленія въ Абиссиніи, и враждебное отношеніе итальянцевъ, помѣшали всѣмъ дальнѣйшимъ предпріятіямъ противъ махдистовъ, которые послѣ второго, довольно неудачнаго, нападенія, удовольствовались тѣмъ, что заняли границу.

Успѣшныя дѣйствія противъ Абиссиніи вѣроятно вселили Халифѣ Абдуллахи надежду, что и постоянно откладываемое завоеваніе Египта теперь окажется возможнымъ; не даромъ-же распространеніе вѣры было основнымъ догматомъ махдизма. Послѣ ухода англичанъ Донгола тотчасъ-же была занята, а затѣмъ былъ предпринятъ, правда, неудавшійся походъ на Вади Хальфу. Въ 1889 г. калифъ далъ приказъ предводительствовавшимъ на сѣверѣ вождямъ Абд-ер-Раману и Негьюми во что-бы то ни стало произвести нападеніе. Въ маѣ Негьюми отправился въ путь, но англійскій вождь генералъ Франсисъ Уоллэсъ Гренфелль, 20-го декабря 1888 г. нанесшій рѣшительное пораженіе Осману Дигнѣ при Суакинѣ, давно уже былъ извѣщенъ объ этомъ и призвалъ достаточное количество подкрѣпленій. Махдисты, обошедшіе тяжелой дорогой по пустынѣ Вади Хальфу, около Тоски столкнулись съ войсками Гренфелля и были почти совершенно истреблены. И въ этотъ разъ англичане не воспользовались своимъ успѣхомъ; пораженіе войска, предназначеннаго для нападенія на Египетъ, было тяжелымъ ударомъ для калифа, но оно не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій и къ тому-же освободило его отъ многихъ враговъ и недовольныхъ. Гораздо больше опасности представлялъ голодъ, наступившій вскорѣ послѣ этого и страшно опустошившій Суданъ, а также послѣдовавшее вслѣдъ за нимъ возстаніе другихъ калифовъ, назначенныхъ еще Махди и безпощадно отстраненныхъ Абдуллахи. Хитрый Халифа и на этотъ разъ одержалъ верхъ.

Въ послѣдующіе годы Европа, на долгое время предоставившая Суданъ самому себѣ, снова начала обращать вниманіе на прежнюю египетскую провинцію. Прежде всего итальянцы, которые стремились пріобрѣсти Кассалу для того, чтобы обезопасить свою Эритрейскую колонію, въ ноябрѣ 1893 г. столкнулись при Агордатѣ съ махдистскими войсками и нанесли имъ тяжелое пораженіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они взяли Кассалу почти безъ битвы и были привѣтствованы населеніемъ, какъ избавители.

Страшное возбужденіе охватило Омдурманъ, когда туда пришло это извѣстіе: но калифъ только вдоль Атбары поставилъ для защиты линію войскъ. Вскорѣ онъ снова былъ испуганъ вѣстями изъ южныхъ областей его царства, извѣщавшими, что войска государства Конго двигаются на сѣверъ.

4) Экваторіальная провинція при Эминѣ.

Въ 1878 г. д-ръ Эдуардъ Шнитцеръ былъ сдѣланъ губернаторомъ экваторіальной провинціи (Хаттъ-ель-Эстивы) подъ именемъ Эмина Эффенди; въ лицѣ его на этотъ отвѣтственный, но благодарный постъ была назначена выдающаяся и во многихъ отношеніяхъ привлекательная личность. Эминъ родился 29-го марта 1840 г., въ Нейссе, изучалъ медицину и уже довольно долгое время находился сперва на турецкой, а затѣмъ (съ 1875 г.) на египетской службѣ, когда въ 1875 г. Гордонъ обратилъ на него вниманіе и въ 1878 г. поручилъ ему управленіе самой южной провинціей, давъ ему титулъ Эмина Бея. Его отличительныя черты: отсутствіе эгоизма, привѣтливость, крайняя добросовѣстность и организаторскій талантъ, помогли ему послѣ прекращенія всякихъ сношеній привести Экваторіальную провинцію къ полной самостоятельности. По своимъ склонностямъ Эминъ былъ скорѣе ученымъ, чѣмъ солдатомъ, былъ призванъ скорѣе наблюдать, чѣмъ дѣйствовать. Тотъ фактъ, что онъ стремился ревниво оберегать свой авторитетъ, иногда мѣшалъ ему, ибо онъ не разъ по мнительности отказывался отъ содѣйствія очень дѣльныхъ людей, но съ другой стороны, благодаря этому качеству онъ своевременно распознавалъ мятежное броженіе среди собственныхъ войскъ и чиновниковъ.

Провинція находилась въ самомъ плохомъ состояніи, когда была передана Эмину. Борьба Бэкера съ работорговцами и позднѣйшая дѣятельность Гордона остались безъ прочныхъ послѣдствій: всюду стали снова появляться похитители рабовъ, земледѣліе было запущено, чиновничество, состоявшее по большей части изъ египтянъ и нубійцевъ, переведенныхъ на югъ въ наказаніе, только способствовало ухудшенію общаго положенія дѣлъ. Кромѣ того сообщеніе съ Хартумомъ было прекращено благодаря засоренію Нила, продолжавшемуся больше года (съ середины 1878 до 80-аго года). Не смотря на это, Эминъ справился съ своей задачей; онъ всячески разрабатывалъ источники доходовъ своей провинціи и благодаря этому сдѣлалъ ее настолько самостоятельной, что она могла еще долго переносить полное прекращеніе сношеній съ сѣверомъ. Затрудненія еще увеличились, когда въ 1881 г. онъ долженъ былъ взять на себя управленіе и провинціей Роль, въ которой господствовала полная анархія. Въ томъ-же году и область Мангбатту на Уэлле (стр. 460) была отдѣлена отъ провинціи Баръ-ель-Газаль и поручена Эмину: вспыхнувшее тамъ возстаніе было вскорѣ усмирено Хауашемъ, предводителемъ маленькаго египетскаго войска.

Пока на сѣверѣ было спокойно, Эминъ могъ съ небольшой военной силой защищать свою провинцію, въ которой было до 1½ милліона жителей. Солдаты (по большей части пѣшіе) были почти всѣ родомъ изъ самого Судана. По даннымъ Виты Хассана Эминъ въ 1881 г. располагалъ приблизительно тысячью человѣкъ регулярныхъ солдатъ — негровъ (во время борьбы съ махдистами у него было 1370 человѣкъ, раздѣленныхъ на два батальона), 500 человѣкъ хутеріевъ („добровольцевъ", по большей части донголанъ) и 400 тарагмовъ (добровольцевъ-негровъ). Къ счастью, негритянскія войска по своему характеру чувствовали мало склонности къ махдизму и оставались непоколебимо вѣрными своему знамени.

Событія на сѣверѣ сперва не оказали особаго вліянія на Хатъ-ель-Эстиву. Такъ какъ махдисты до занятія Харума не располагали рѣчными

пароходами, провинція съ этой стороны была въ безопасности, но вскорѣ осталась и безъ всякой помощи: послѣдній пароходъ изъ Хартума пришелъ въ началѣ 1883 г. Угрожавшее провинціи возстаніе племени бари было предупреждено благодаря рѣшительности Эмина, зато станція Боръ попала въ руки одноименнаго негритянскаго племени. Послѣ пораженія Луптона и паденія Хартума, махдисты обратили свои взоры на провинцію Эмина Паши: только въ ней одной еще развѣвался надъ станціями египетскій флагъ. Въ маѣ 1884 г., Эминъ получилъ отъ махдистскаго вождя въ Баръ-ель-Газалѣ первое требованіе сложить оружіе. Депутація чиновниковъ отправилась добиваться по возможности выгодныхъ условій; вдобавокъ, вскорѣ послѣ этого было получено извѣстіе, что Ибрагимъ Гургуру, начальникъ въ Макаракѣ, которому Эминъ особенно довѣрялъ, перешелъ на сторону махдистовъ. Благодаря своему нерасположенію къ донголанамъ, солдаты-негры были естественными врагами послѣднихъ, что привело къ изгнанію суданцевъ изъ большинства станцій. Изгнанные собрались въ провинціяхъ Роль и Мангбатту и угрожали отсюда вмѣстѣ съ возставшими туземцами юго-западному флангу Эмина, который принужденъ былъ все больше стягивать свои войска къ станціямъ на Нилѣ. Его тогдашнее положеніе похоже на то, въ которомъ нѣкогда находились негритянскія племена: отступивъ изъ сосѣднихъ областей, они держались на самомъ Нилѣ, откуда и противодѣйствовали дальнѣйшему вторженію свѣтлокожихъ завоевателей. Впрочемъ, на удачное противодѣйствіе махдистамъ Эминъ не могъ разсчитывать, такъ какъ они владѣли пароходами и могли проникнуть на югъ внизъ по рѣкѣ: только одна линія подавала кое-какія надежды на удачное отступленіе, а именно, линія на югъ и юго-востокъ, черезъ негритянскія государства Уніоро и Уганду къ Занзибарскому берегу. Для переговоровъ съ Кабрегой уніорскимъ (стр. 430) Эминъ въ серединѣ мая 1886 г. послалъ итальянскаго полковника Гаэтано Казати, уже послѣ того какъ Вильгельмъ Юнкеръ, пройдя черезъ Уніоро, достигъ морского берега (1886 г.). Казати, не добившись успѣха, вернулся въ началѣ 1888 г. къ Эмину.

Смуты, послѣдовавшія за смертью Махди, отвлекли вниманіе махдистовъ отъ Экваторіи, что дало свободно вздохнуть Эмину; онъ раздѣлилъ свое маленькое войско на два батальона, изъ которыхъ первый занималъ шесть станцій на сѣверѣ, между прочими Ладо и Реджафъ, тогда какъ второй стоялъ въ южныхъ станціяхъ, изъ которыхъ главнѣйшими были Дуфиле и Ваделаи. Но теперь негры не выказывали особой охоты отступать къ югу вмѣстѣ съ Эминомъ, а готовы были въ случаѣ нужды собственными силами защищать провинцію, гдѣ они вели образъ жизни, приходившійся имъ вполнѣ по душѣ. Лишь въ началѣ 1887 года гарнизонъ изъ Ладо могъ быть отозванъ для занятія нѣсколькихъ станцій въ Макаракѣ, важныхъ для доставки провіанта.

Уже въ теченіе многихъ лѣтъ образованная Европа съ участіемъ внимала рѣдкимъ вѣстямъ, доходившимъ до нея изъ экваторіальной провинціи черезъ восточную Африку; она считала своимъ долгомъ или освободить храбро-защищавшихся героевъ, или-же помочь имъ посылкой подкрѣпленій. Но какъ разъ въ это время началось состязаніе въ захватѣ африканскихъ владеній; послѣ того какъ Германія и Англія утвердились рядомъ другъ съ другомъ на восточно-африканскомъ берегу, а государство Конго и Франція захватили земли вверхъ по Конго и его притокомъ, Экваторія, открывавшая доступъ къ восточному Судану, являлась весьма желательнымъ пріобрѣтеніемъ, тѣмъ болѣе, что Египетъ почти совсѣмъ отказался отъ нея. Въ силу этого, обѣ вспомогательныя экспедиціи, наконецъ, выступившія въ путь, нѣмецкая (Петерсъ) и англійская (Стэнли) преслѣдовали далеко не идеальныя цѣли. Оба предпріятія не достигли того, къ чему они собственно предназначались. Стэнли, который двинулся

въ путь съ устьевъ Конго 18 марта 1887 г., удалось послѣ неимовѣрныхъ усилій, 29 апрѣля 1888 г., соединиться съ Эминомъ; но для послѣдняго толпа изморенныхъ голодомъ избавителей явилась скорѣе не облегченіемъ, а помѣхой; Эминъ отказался отъ возвращенія домой.

Тѣмъ временемъ, положеніе его провинціи стало еще опаснѣе, такъ какъ солдаты и послѣ очищенія Ладо не вѣрили въ возможность отступленія на югъ. Во время рекогносцировочной поѣздки Эминъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Дуфиле солдатами, возбужденіе которыхъ достигло высшей степени благодаря прибытію вспомогательнаго отряда Стэнли. Къ счастью для Эмина приведеніе въ исполненіе давно подготовлявшагося махдистами нападенія на Нилъ отвлекло отъ него мысли мятежниковъ. Когда негритянскіе отряды убили нѣсколькихъ дервишей, посланныхъ къ нимъ предводителемъ махдистскаго войска, полки Халифы, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи три парохода, прогнали съ помощью многочисленныхъ негровъ племени бари гарнизонъ станціи Реджафъ. Въ виду опасности, негритянскіе солдаты освободили губернатора и позволили ему удалиться въ Ваделаи. Попытка махдистовъ взять штурмомъ Дуфиле не удалась. Но Стэнли, который тѣмъ временемъ вернулся на Арувими, и въ январѣ 1879 г. снова появился на озерѣ Альбертъ, настоялъ на отступленіи Эмина, къ которому примкнула и часть войскъ. 8-го мая 1889 г. караванъ направился на югъ, въ декабрѣ онъ пришелъ въ Багамойо. Эминъ, который сдѣлался здѣсь жертвой тяжелаго несчастнаго случая, въ концѣ марта 1891 г. поступилъ на германскую службу. Стремясь проникнуть на западъ уже за сферу германскихъ интересовъ, онъ былъ умерщвленъ 20-го октября 1892 г. около Кибонге на Луалабѣ. Такимъ образомъ, экспедиція Стэнли не принесла выгоды ни Англіи, ни Германіи.

Часть солдатъ Эмина осталась въ Экваторіи; нѣкоторые отряды расположились въ лагерѣ Стэнли на озерѣ Альбертъ, тогда какъ остальные учредили новыя станціи на Нилѣ. Изъ офицеровъ, вступившихъ въ сношенія съ махдистами, многіе были убиты собственными солдатами, такъ же какъ и почти всѣ донголане. Черезъ нѣкоторое время и остальные солдаты присоединились къ товарищамъ въ лагерѣ Стэнли въ сентябрѣ 1891 г. Тутъ Лугардъ нанялъ ихъ на службу британскаго восточно-африканскаго общества и занялъ съ ихъ помощью Уганду.

5) Конецъ Абдуллахи.

Экваторія, обладаніе который было раздѣлено между туземцами и махдистами, не долго была предоставлена себѣ самой. Правители государства Конго вошли съ англо-египетскимъ правительствомъ въ соглашеніе, по которому страна была временно предоставлена имъ какъ-бы въ аренду. Экспедиція подъ управленіемъ Керкхофена двинулась съ верховьевъ Убанги въ Ваделаи (1892), а затѣмъ были заняты и другія станціи.

Въ концѣ концовъ уничтожили махдистское государство англичане; безъ сомнѣнія ихъ подвинула на это идея имперіализма и лозунгъ: „отъ Капа до Каиро“, Горацій Гербертъ Китченеръ реорганизовалъ египетское войско, въ которомъ онъ служилъ съ 1882 г., а въ концѣ 1896 г. двинулся изъ вади Хальфа вмѣстѣ съ англійскими отрядами въ земли непріятеля. Передвиженіе происходило тихо и осторожно, водопады миновали съ помощью желѣзныхъ дорогъ, на доступныя судоходству части Нила спустили вооруженныя пушками суда; продовольствіе войска было устроено наилучшимъ образомъ. Лѣтомъ 1896 г. Донгола была занята, 12 сентября 1897 г. достигли, плывя вверхъ по Нилу, Бербера, а 7-го апрѣля 1898 г. разбили передовые отряды махдистовъ около Накхейлы на Атбарѣ. 2-го сентября калифъ былъ совершенно разбитъ англо-египетскими войсками; его столица Омдурманъ въ тотъ-же день попала въ руки побѣдителей. Поплывъ

вверхъ по Нилу, англичане 21-го сентября нашли въ Фашодѣ французскій флагъ, который былъ поднятъ 10-го іюля экспедиціей, предводительствуемой капитаномъ Маршаномъ, но дипломатическимъ путемъ принудили Францію отказаться отъ ея притязаній. Абдуллахи, бѣжавшій въ Кордофанъ, собралъ новое войско, но 24-го ноября 1899 г, эта военная сила была разсѣяна при Омъ-Дебрикатѣ, къ югу отъ Джедида, полковникомъ Францисомъ Реджинальдомъ Уингэтомъ, а самъ Абдуллахи убитъ. 19-го января 1900 г. и Османъ Дигна (стр. 543) былъ захваченъ англичанами.

Д. Абиссинія.

а) Страна и народъ.

Къ восточному Судану примыкаетъ горная страна Абиссинія. Окруженная степными областями, она пододвигается круто къ Бабъ-эль-Мандебскому проливу, на противоположномъ берегу котораго возвышается плоскогоріе Іемена. Подобно естественной крѣпости, мало доступная непріятельскимъ нападеніямъ и давая на своихъ прохладныхъ высотахъ полному силъ населенію пространство для развитія, Абиссинія стоитъ въ дерзкомъ своеобразіи относительно сосѣднихъ областей Судана. И крутой спускъ къ морю затрудняетъ какъ приближеніе, такъ и сношенія съ берегомъ и лежащей по ту сторону Аравіей; только въ области Массавы проходы облегчаютъ спускъ къ морю. Наименѣе рѣзко обозначена граница горной страны къ югу (см. карту у стр. 581), гдѣ она, благодаря горнымъ хребтамъ и плоскогоріямъ, находится въ связи съ тѣми горными кряжами восточной Африки, которые представляютъ, въ слабой степени, параллель къ Андамъ Южной Америки. Этимъ естественнымъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствуютъ этнографическія и политическія. О государственномъ единствѣ на югѣ можетъ идти рѣчь столь же мало, сколько и объ исключительномъ господствѣ здѣсь абиссинской народности; съ юга всегда направлялись на страну самыя тяжелыя нашествія, слѣды которыхъ еще достаточно замѣтны въ политическихъ условіяхъ, Иначе обстоитъ на западѣ, гдѣ стекающія съ горъ рѣки указываютъ путь къ Нилу и древней культурной странѣ Мероэ: здѣсь находятся врата, чрезъ которыя часть абиссинской культуры нашла себѣ путь въ горную страну. Но наиболѣе продолжительныя и рѣшительныя вліянія шли съ берега, гдѣ не только съ древнихъ временъ существовали оживленныя сношенія съ Аравіей, но и проходили пути всемірной торговли, которая послѣ открытія морского пути въ Индію временно здѣсь почти заглохла, чтобы снова расцвѣсти еще болѣе роскошно со времени открытія Суэцкаго канала. Въ древнее время предметомъ, весьма цѣнившимся, былъ ладонъ, изъ-за котораго уже египетскіе корабли рано рѣшались на плаваніе по Чермному морю.

Вліянія, дѣйствовавшія въ Абиссиніи, отразились на составѣ народа. Зерномъ населенія и сравнительно древнѣйшимъ слоемъ его слѣдуетъ считать и въ Абиссиніи хамитскія племена, родственныя нубійцамъ, и въ болѣе отдаленной степени — египтянамъ. Хамитами, кажется, были и жители древней страны благовоній — Пунта. Повидимому и здѣсь, какъ и въ остальномъ Суданѣ, сѣверная граница негрскаго племени лежала дальше къ сѣверу, чѣмъ теперь, но климатическія особенности Абиссиніи, вѣроятно, оказались неудобны для негровъ. Въ настоящее время еще живутъ чистокровные негры на среднемъ теченіи Голубого Нила. Къ хамитамъ присоединилась сильная семитическая примѣсь изъ сосѣдней Аравіи; она обусловила господство семитическаго языка геезъ, который, въ настоящее время уже вымершій, употребляется только въ богослуженіи, но представленъ двумя происшедшими изъ него языками — амхарскимъ и тиграйскимъ.

б) Начало абиссинской культуры [1].

Трудно сказать, чѣмъ Абиссинія обязана возникшей въ бассейнѣ той же рѣкѣ египетской цивилизаціи съ ея потомками въ Напатѣ и Мероэ. Тѣ аксумскіе обелиски, на которые любятъ указывать, не имѣютъ ничего общаго съ египетскими, и вообще древніе памятники сѣверной Абиссиніи представляютъ ясные слѣды южно-арабскаго вліянія. Переселенія изъ-за моря шли съ глубокой древности и приносили съ собой элементы, уже подвергшіеся вліянію древне-восточной, азіатской культуры. Морскимъ путемъ могли заходить сюда и вліянія изъ Индіи и Персіи. Во всякомъ случаѣ сабейскіе колонисты были закваской, сдѣлавшей Абиссинію самой южной областью древней культуры, давшей толчекъ ея исторіи и сообщившей ей даже имя, такъ какъ и византійскіе писатели и южно-арабскія надписи говорятъ объ Авасинахъ-Хабашатъ въ Аравіи.

Древнѣйшіе культурные центры находятся въ сѣверной Абиссиніи — области Тигре, недалеко отъ берега. У Іехи и Аксума найдены остатки глубокой старины и м. пр. надписи древняго сабейскаго письма, относимыя спеціалистами частью къ VIII в. до Р. Х. Во время эллинизма на берегахъ стали появляться греки. Дѣлается извѣстнымъ Адулисъ, какъ важная торговая гавань; Периплъ Эриѳрейскаго моря говоритъ уже о „столицѣ аксумитовъ“, какъ о складочномъ мѣстѣ отправляемой въ Адулисъ слоновой кости, называетъ „разсчетливаго, но благороднаго и не чуждаго греческой образованности“ царя Зоскала и подробно останавливается на оживленной процвѣтавшей здѣсь торговлѣ золотымъ пескомъ, слоновой костью, кожами, благовоніями и прочими мѣстными произведеніями, мѣнявшимися на индійскія, аравійскія и европейскія. Государство около времени Р. Х. уже существовало, было культурнымъ, торговымъ и могущественнымъ. Извѣстная адулитанская надпись, списанная Космой Индоплавателемъ, составленная на греческомъ языкѣ, говоритъ о покореніи множества странъ и племенъ по обѣ стороны моря и образованіи царства „отъ Египта до обитателей Ладона“. Мало по малу культура принимаетъ туземный характеръ. Отъ царя Аизаны (IV в.) сохранилась надпись уже на двухъ языкахъ — греческомъ и савейскомъ; отъ Эла-Амиды только на одномъ савейскомъ; отъ слѣдующаго царя — двѣ длинныхъ надписи на эѳіопскомъ языкѣ геезъ. Дѣло идетъ о побѣдахъ царя надъ врагами, убившими его купцовъ, и о покореніи южной Нубіи и Алоа. М. пр. упоминаются боги языческой Абиссиніи: Астаръ (южно-арабскій Аттаръ, мужской прототипъ Астарты), Бархацъ и Медръ, — тріада неба, воды и земли; себя цари называютъ „сынами Махрема, непобѣдимаго врагами“; въ болѣе древнихъ, греческихъ надписяхъ вмѣсто послѣдняго выступаетъ Арей.

в) Абиссинія при свѣтѣ исторіи.

α) Аксумскій періодъ.

Географическая близость и политическое соединеніе Абиссиніи съ южной Аравіей обусловили, наряду съ другими культурными вліяніями, и религіозную пропаганду. Какъ евреи и іудействующіе Іемена (см. стр. 244), такъ и сирійскіе христіане, попадая въ Африку, пріобрѣтали адептовъ среди обитателей Абиссиніи. Хамиты саменскаго плоскогорія фалаша приняли іудейство; торжество христіанства было обязано также греческому береговому вліянію. Апостолами Абиссиніи считаются свв. Фрументій и Едессій (см. т. IV, стр. 211). Православіе Фрументія не давало покоя аріанину

[1] §§ б и в, α—γ написаны мною. Б. Т.

Констанцію, и онъ предостерегалъ противъ него еще пока языческихъ царей Абиссиніи Аизану и Сазану, называя ихъ въ письмѣ „братьями почтеннѣйшими“. Однако это древнее православное христіанство не было всеобщимъ и не охватило всей страны. Окончательное обращеніе послѣдней произошло едва ли раньше конца V вѣка. Туземное преданіе говоритъ о прибытіи „изъ римской имперіи“ девяти преподобныхъ, которые „оправославили вѣру“, т. е. ввели монофизитство; они уже основали первые монастыри по уставу египетскихъ пустыней. Крещеніе страны опредѣлило навсегда ея исторію. Будучи на ряду съ Римомъ и Персіей третьей равноправной имперіей, Абиссинія теперь окончательно примкнула къ христіанской державѣ запада и вела съ ней общую политику; ея призваніемъ сдѣлалось служить самымъ южнымъ постомъ въ борьбѣ христіанства, сначала съ іудействомъ и язычествомъ, потомъ съ исламомъ. Желаніе найти о себѣ упоминаніе въ св. Писаніи было причиной того, что абиссины отожествили свою страну съ ветхозавѣтнымъ Кушемъ, по гречески Эѳіопіей; съ этихъ поръ имя Хабашатъ уступаетъ мѣсто національному и государственному „Итйопья“. Такого же происхожденія династическая легенда о происхожденіи абиссинскихъ царей отъ Соломона и савской царицы и связанныя съ ней чаянія, составляющія м. пр. содержаніе книги „Слава Царей“. Какъ защитники церкви и союзники римской имперіи, эѳіопскіе цари выступаютъ уже въ началѣ VI в., когда Эла-Ацбеха (или Калебъ) наказалъ южно-арабскихъ іудействующихъ гонителей христіанъ. Владычество абиссиновъ въ Іеменѣ продолжалось еще долго, но до какихъ поръ, у насъ нѣтъ свѣдѣній. Вообще это было время самое лучшее въ исторіи страны. Обширныя владѣнія на обоихъ берегахъ, были источникомъ богатствъ и большимъ торговымъ раіономъ; сношенія съ культурнымъ міромъ были сравнительно легки. Аксумъ былъ просвѣщеннымъ центромъ южнаго христіанства: его дворъ оказывалъ покровительство духовенству и духовной литературѣ; цари заботились о распространеніи христіанства и сооруженіи монастырей. Отъ этого уже періода дошли до насъ аксумскія монеты не только мѣдныя, но и золотыя, что доказываетъ полную самостоятельность государства. Типъ золотыхъ монетъ — римскій: на нихъ изображенія царей и ихъ имена греческими, иногда эѳіопскими буквами.

β) Смуты.

Исторія Абиссиніи XII—XIII в. извѣстна весьма мало. Несомнѣнно, появленіе ислама и его завоеванія лишили государство аравійскихъ владѣній; къ этому присоединились внутреннія осложненія и перевороты. Произошло возстаніе іудействующихъ фалаша, которые подъ начальствомъ своей царицы Эсато-Гудитъ свергли и истребили аксумскую династію и объявили борьбу христіанству. Впрочемъ господство ихъ продолжалось недолго; снова появляется христіанская династія (Загвейская), но уже не въ Аксумѣ, а въ средней Абиссиніи, въ области Ласта, гдѣ священный городъ Лалибала до сихъ поръ напоминаетъ о благочестивомъ царѣ этого имени (нач. XIII в.), оставившемъ на вѣчныя времена по себѣ памятникъ — церкви, выдолбленныя изъ цѣльныхъ скалъ. По сознанію самихъ абиссиновъ, они были сооружены иноземными мастерами, м. б. спасавшимися отъ гнета ислама въ Сиріи или Египтѣ. — Но власть царей была въ это время, повидимому, довольно призрачна: по городамъ и областямъ сидѣла поземельная аристократія, чувствовавшая себя весьма свободно по отношенію къ центральной власти; по временамъ даже кое-гдѣ появлялись настоящіе царьки (напр. Деланда на сѣверѣ, 1268 г.). Монастыри и соборы, благодаря обильнымъ вкладамъ, также превратились въ крупныя духовныя владѣнія. Однако, въ духовномъ отношеніи, церковь переживала трудныя времена: кромѣ іудейскаго погрома, для нея было неблаго-

пріятно покореніе арабами Египта, откуда Абиссинія получала митрополитовъ. Сношенія съ коптскимъ патріаршимъ престоломъ были теперь значительно труднѣе, и Абиссинія не разъ оставалась безъ іерарха. Въ концѣ X в. въ странѣ едва не вымерли всѣ священники, и только благодаря содѣйствію Георгія, царя Нубіи, удалось получить митрополита отъ патріарха Филоѳея, который считается возстановителемъ эѳіопской церкви. Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ населеніе теряло тѣ немногія культурныя блага, которыя ему завѣщалъ Аксумъ. Одичаніе шло рука объ руку съ упадкомъ христіанства; суевѣрія и рецидивы язычества — съ появленіемъ дикихъ сектъ и совращеніемъ цѣлыхъ областей въ іудейство и исламъ. Послѣдній между тѣмъ успѣлъ стать твердой ногой въ восточной Африкѣ, распространившись среди данакилей и сомаловъ и вызвавъ къ жизни цѣлый рядъ государствъ, стоявшихъ къ эѳіопскому царю только въ номинальной зависимости (см. стр. 433 примѣч.).

γ) „Соломонова" династія.

Подъ 1270 г. абиссинскія лѣтописи помѣщаютъ возвращеніе престола потомку древней „Соломоновой" династіи Іекуно-Амлаку. На самомъ дѣлѣ это было воцареніе новаго сильнаго царскаго рода изъ южной Абиссиніи (Шоа), которому удалось мало по малу возстановить единство государства и направить его на путь, по которому оно продолжаетъ идти до сихъ поръ; цари стремятся къ уничтоженію феодальныхъ порядковъ, сосредоточивая области въ рукахъ своихъ родственниковъ. Въ то же время они ведутъ постоянныя войны съ мусульманами Адаля (см. стр. 433); героемъ этихъ войнъ въ особенности былъ царь Амда-Сіонъ (1312—42), который, равно какъ и сынъ его Сайфа-Арадъ, оставили по себѣ дурную память вслѣдствіе столкновенія съ представителями церкви. Послѣдніе не испугались трудности задачи перевоспитанія одичавшаго народа. Съ истинно миссіонерской ревностью монахи вновь возникшихъ многочисленныхъ монастырей не только распространяютъ христіанство тамъ, куда оно еще не проникло, но и заботятся объ исправленіи нравовъ и жизни огрубѣвшаго общества. Въ Шоа возникаетъ знаменитый монастырь Дабра-Либаносъ („Гора Ливанская"), основатель котораго Такла-Хайманотъ принадлежитъ къ числу наиболѣе чтимыхъ абиссинскихъ святыхъ (его даже сдѣлали виновникомъ „реставраціи Соломонова дома"). Отъ него ведетъ начало цѣлая монашеская конгрегація умѣренно монофизитскаго и близкаго къ православію направленія. Нѣсколько позже въ Тигре появляется другой монашескій орденъ, основанный монахомъ Евстаѳіемъ. Послѣдній, скорбя объ упадкѣ въ современномъ обществѣ христіанскихъ началъ, обратился къ буквѣ Св. Писанія, но не имѣлъ возможности отличить подлиннаго отъ апокрифовъ и завѣдомой фальсификаціи, а потому сдѣлался фанатичнымъ проповѣдникомъ крайняго монофизитства и равноправности для христіанъ ветхаго и новаго завѣтовъ. Послѣдователи его долгое время имѣли характеръ секты, не всегда даже терпимой и временно впавшей въ безпоповство изъ-за непризнанія оффиціальнаго духовенства, не чтившаго субботъ. Несмотря на такую ревность не по разуму и склонность къ буквѣ, какъ евстаѳіанцы, такъ и такла-хайманотовцы несомнѣнно имѣли на народъ благотворное вліяніе и спасли его отъ окончательной духовной гибели. Но на этомъ пути имъ пришлось пережить тяжелое испытаніе, столкнувшись съ дворомъ, также не избѣгшимъ всеобщаго нравственнаго упадка до полигаміи включительно. Обличенія царей были причиной жестокихъ гоненій на дабра-либаносскихъ и др. монаховъ (Филиппъ, Гонорій, митрополитъ Іаковъ и др.). Къ тому же цари скоро почувствовали себя богословами и стали по своему заботиться о церковныхъ реформахъ. Попытки въ этомъ направленіи Сайфа-Арада

нерѣдко были причиной столкновеній съ монахами но знаменитый Зара-Якобъ (или Константинъ, 1434—68), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка, сумѣлъ въ этомъ отношеніи сдѣлаться сотрудникомъ церкви, хотя иногда и дѣйствовалъ не по христіански, казня еретиковъ протестантскаго направленія и не щадя даже собственныхъ дѣтей, увлекавшихся языческими культами. Его реформы, изложенныя имъ въ т. наз. „Книгѣ Свѣта“, относятся главнымъ образомъ къ области обрядовъ, хотя не забываютъ и объ ученіи народа и чтеніи Св. писанія, а также проповѣди, которая теперь стала необходима, такъ какъ богослужебный языкъ геезъ уже былъ мертвъ, замѣнившись языкомъ царствующей династіи—амхарскимъ. Предписанія часто мелочны и во многихъ пунктахъ сходятся съ евстаѳіанами, которые теперь примирились съ церковью. Благодаря этому эѳіопская церковь получила на всегда столь характерныя для нея іудаистическія черты и необычайное обиліе праздниковъ, а также широкое распространеніе апокрифической литературы. Между тѣмъ и копты не оставляли безъ вниманія Абиссиніи и, наученные опытомъ во время смутъ, теперь рѣшились тѣснѣе связать ее съ своимъ патріаршимъ престоломъ. Съ XIV в. становится безусловно обязательнымъ полученіе митрополита изъ Египта и епископскій санъ для туземцевъ дѣлается окончательно закрытымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вводится (митрополитомъ Саламой III, въ полов. XIV в.) новый переводъ Св. писанія, свѣренный по коптскому тексту. Но эти мѣры имѣли и другія послѣдствія. Иностранцы — митрополиты, чуждые паствы и бывшіе не лучшими представителями коптскаго клира, мало по малу теряли свою связь съ эпархіей; вся церковная администрація ушла отъ нихъ въ руки дабрилибаносскихъ архимандритовъ, которые подъ именемъ эчегге сдѣлались какъ бы духовными министрами. Вмѣстѣ съ тѣмъ цари, получавшіе серьезное богословское образованіе, наложили свою руку и на церковь и распоряжались въ ней, какъ и въ свѣтской области. Зара-Якобъ былъ не единственнымъ въ этомъ отношеніи.

Между тѣмъ Абиссинія была наканунѣ новыхъ потрясеній. Зара-Якобу и его преемнику Баэда-Марьяму удалось лишь на время усмирить мусульманъ, и въ XVI в. новый взрывъ воинствующаго ислама вызвалъ крайнее напряженіе борьбы съ нимъ африканскаго христіанства. Пали Нубійскія царства и Абиссинія осталась единственнымъ маякомъ христіанства въ Африкѣ. Ахмедъ-бенъ Ибрагимъ, по прозванію Г р а н ь (см. стр. 433), въ союзѣ съ египетскими турками и ихъ артиллеріей рѣшился покорить Абиссинію и колонизовать ее магометанами-сомалами. Царь Лебна-Денгель или Давидъ II (1508—40) потерялъ почти всѣ области и умеръ, скитаясь по пустынямъ. Въ руки враговъ попали Амхара и Тигре; Аксумъ былъ сожженъ съ его святынями. Сынъ Давида К л а в д і й (1540—59) отвоевалъ царство, но самъ погибъ при вторженіи преемника Граня, Нура. Окончательно сломилъ могущество ислама С а р ц а - Д е н г е л ь (1563—94), который спасъ Абиссинію и отъ турокъ. Послѣдніе впрочемъ удержались въ Массавѣ и о т р ѣ з а л и с т р а н у о т ъ м о р я. Отбитыя у нихъ орудія послужили началомъ абиссинской артиллеріи. Къ этому же времени относится начало столь богатыхъ послѣдствіями в т о р ж е н і й г а л л а (см. стр. 432 пр.), легко занявшихъ мѣстности, опустошенныя Гранемъ, а также новая бѣда для Абиссиніи — р и м с к а я п р о п а г а н д а. Стремленіе отыскать невѣдомое ц а р с т в о п р е с в и т е р а І о а н н а привело Іоанна II португальскаго къ снаряженію посольства, которое послѣ долгихъ поисковъ добралось до абиссинскаго царя Александра (1478—95), послѣ смерти котораго царица Елена, управлявшая за малолѣтствомъ Лебна-Денгеля, по совѣту португальскаго посла, отправила въ Лиссабонъ армянина Матѳея съ предложеніемъ союза противъ угрожающей силы ислама. Король Эммануилъ отправилъ отвѣтное посольство и Лебна-Денгель сталъ, подъ вліяніемъ погрома Граня, заискивать его сочувствіемъ къ латинству, такъ что даже порвалъ съ коптской церковью и при-

нялъ латинскаго патріарха Бермудеса. Въ Римѣ въ то время уже была цѣлая община абиссиновъ, бѣжавшихъ отъ магометанъ, и существовало эѳіопское подворье Св. Стефана въ Ватиканѣ. На помощь царю противъ Граня послали изъ Лиссабона Христофора да-Гаму (родственника знаменитаго Васко) съ 400 воиновъ, которые оказали Клавдію рѣшительную помощь въ войнѣ; Грань палъ отъ руки португальца, а да-Гама палъ въ сраженіи. Но патріотъ и богословъ Клавдій не поддался пропагандѣ, и даже іезуиты, прибывшіе въ 1554 г., не были въ состояніи убѣдить его. Въ XVII столѣтіи дѣла ихъ пошли лучше. Въ 1603 г. въ Абиссинію проникъ іезуитъ Паэзъ, отличавшійся большими миссіонерскими способностями и святостью жизни. Онъ пріобрѣлъ въ странѣ уваженіе и вліяніе на царя За-Денгеля (1604—7), который даже написалъ къ папѣ Клименту VIII и королю Филиппу III письмо, прося о присылкѣ мастеровыхъ, солдатъ и миссіонеровъ, о союзѣ для изгнанія турокъ изъ Массавы и постоянной связи Абиссиніи съ Европой. Отступничество его стоило ему трона, что однако не остановило его преемника Сисинній (1607—32), который 1526 формально перешелъ въ папизмъ. Португальцы еще болѣе привязали его къ себѣ, выстроивъ ему въ столицѣ Гондарѣ великолѣпный каменный дворецъ (гембъ). Царь открылъ гоненіе на своихъ подданныхъ-монофизитовъ и тѣмъ подвергъ страну ужасамъ возстаній и междоусобій. Поднимались цѣлыя провинціи, появлялись самозванцы, затрудненіями пользовались внѣшніе враги. Наконецъ сынъ царя Василидъ убѣдилъ отца возвратить народу его вѣру. Это успокоило населеніе и воодушевило войско. Сисинній отказался отъ престола, и Василидъ (1632—67) изгналъ іезуитовъ. Дальнѣйшіе происки пропаганды были безуспѣшны, но вмѣсто внѣшней опасности абиссинская церковь немедленно подверглась внутреннимъ распрямъ монашескихъ орденовъ, а за ними и народа, по вопросу о двухъ естествахъ. Эти благословскіе споры, характерные по своей мелочности и ожесточенности, продолжаясь до сихъ поръ, имѣютъ немаловажное вліяніе на политическую жизнь государства и привели къ формальному расколу. Весь конецъ XVII и начало XVIII в. были временемъ соборовъ и монашескихъ смутъ, оканчивавшихся нерѣдко кровопролитіями и колебавшихъ не разъ престолъ. Послѣдній и помимо того все болѣе и болѣе терялъ прочность. Началось новое распаденіе государства. Непрерывными междоусобіями изъ-за царской власти пользовались правители областей — расы, добившіеся почти полной самостоятельности и враждовавшіе другъ съ другомъ; визири возводили и низводили царей. Между тѣмъ галла разселялись все больше и больше по странѣ и проникали во всѣ сферы ея жизни. Въ качествѣ наемниковъ расовъ они пріобрѣли даже вліяніе на ходъ дѣлъ. Культура падала еще ниже, особенно на югѣ, отрѣзанномъ галла. Анархія еще болѣе усилилась послѣ отреченія царя Такла-Хайманота III (1777). Князья Тигре не разъ пытались добиться главенства, напр. Сабагодисъ (1823), а послѣ него Убіе, овладѣвшій послѣ кровопролитной побѣды надъ расомъ Маріо областью Тигре, гдѣ онъ неограниченно властвовалъ до 1854 г. Въ Амхарѣ въ это время правилъ расъ-Али, имѣвшій подъ опекой тогдашняго призрачнаго царя Сахла-Денгеля въ Гондарѣ; въ Шоа же самостоятельно властвовалъ князь Сахла-Селясе.

д) Новое время.

За дѣло взялся человѣкъ, которому было суждено еще разъ привести Абиссинію къ государственному единству. Сынъ бѣдныхъ людей, хотя вѣроятно высокаго происхожденія (род. ок. 1820, какъ сынъ Хайлу-Марьяма, намѣстника Куары?) по имени Касаи (Каса), началъ свою дѣятельность, совершенно по абиссинскому обычаю, какъ предводитель шайки, пока 1847 не сдѣлался зятемъ раса Али. Вскорѣ онъ разошелся со своимъ тестемъ,

Исторія человѣчества. III. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Процессія абиссинскихъ христіанъ передъ церковью святого Михаила въ Анкоберѣ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

(Изъ книги John Martin Bernatz, Scenes in Ethiopia, designed from nature.)

Поясненіе картины, находящейся на оборотѣ.

Анкоберъ (= проходъ Анко) былъ отнятъ абиссинскимъ царемъ Сахла-Селлясе у галласкаго племени анко и сдѣланъ столицей. Въ 1850 г. въ немъ было около 3000 домовъ и хижинъ, растянувшихся по хребту и западному склону горной цѣпи, величественно возвышающейся надъ окрестностью. Такой же характеръ построекъ наблюдается во всѣхъ крупныхъ поселеніяхъ Шоа.

Абиссинцы обыкновенно стараются особенно живописно помѣщать церкви, которыя внѣшнимъ видомъ отличаются отъ другихъ зданій только крестомъ, водруженнымъ на конической крышѣ. Это относится и къ церкви святого Михаила въ Анкоберѣ, построенной на склонѣ горы, обращенномъ къ низменностямъ Адаіель. Крестный ходъ, изображенный на оборотѣ, справляется въ сентябрѣ, въ концѣ трехмѣсячнаго дождливаго времени, для обильнаго произрастанія новаго посѣва. Зонтикъ, который несутъ впереди, изъ чистаго серебра, и его имѣетъ право носить только самъ царь или духовенство, подчиненное коптскому александрійскому патріарху, имѣющему мѣстопребываніе въ Каирѣ; головное украшеніе высшаго духовенства тоже изъ серебра. Дерево на право — Euphorbia abyssinica. Художникъ, которому мы обязаны этой картиной, какъ членъ посольства изъ Индіи капитана Вильяма Гаркиса (1841—43), прожилъ 11 мѣсяцевъ въ Шоа послѣ трехмѣсячнаго пути изъ Таджуры въ Адаіель.

(По: Scenes in Ethiopia, drawn and described by John Martin Bernatz, т. II. Мюнхенъ и Лондонъ, 1852).

———

разбилъ его въ 1853 г. при Айшалѣ и провозгласилъ себя владыкой Амхары. Въ 1854 г. онъ побѣдилъ раса Убіè тиграйскаго у Дебраски, и такимъ образомъ овладѣлъ и сѣверной Абиссиніей. 4 (11) февраля 1855 г. Касаи заставилъ преданнаго ему абуну (митрополита) Саламу короновать себя подъ именемъ Θеодора въ церкви Дересге-Марьямъ въ негуса-негестъ („царя царей") Абиссиніи.

Новому повелителю скоро удалось покорить и югъ: независимые князья галла на плоскогоріи были побѣждены, и царь Хайла-Малакотъ шоанскій убѣжалъ 1856 въ монастырь; его сынъ Менеликъ долженъ былъ вступить на шоанскій престолъ въ качествѣ вассала негуса. Но Абиссинія все-таки не знала покоя; мятежъ слѣдовалъ за мятежомъ, и войска повелителя причиняли бѣдъ больше, чѣмъ бунтовщики, такъ какъ они, не получая ни жалованья, ни продовольствія, страшнымъ образомъ опустошали страну. Точно также не сумѣлъ негусъ стать въ сносныя отношенія со своими европейскими единовѣрцами. Отъ его горячаго, капризнаго и недовѣрчиваго нрава особенно страдали миссіонеры, какъ католическіе, вообще не пользовавшіеся его расположеніемъ, такъ и протестантскіе, которые временно пользовались преимуществами, чтобы затѣмъ съ ними было поступлено тѣмъ болѣе сурово Когда Θеодоръ 1864 велѣлъ захватить многихъ миссіонеровъ, и также французскаго и англійскаго консуловъ и даже заключилъ въ тюрьму отправленнаго по этому поводу въ 1866 Англіей посланника Рассама, англоиндійскій генералъ-лейтенантъ Робертъ Корнелисъ Напиръ высадился 2 января 1868 г. у Зулы (Zoulah) къ югу отъ Массавы, Подъемъ въ горную страну былъ труденъ, но англичане совершенно не встрѣтили сопротивленія, и когда они появились у горной крѣпости Магдалы, въ которой укрылся Θеодоръ, дѣло ограничилось лишь незначительной вылазкой (10 апрѣля). Затѣмъ негусъ отпустилъ своихъ плѣнныхъ. Когда англичане 13 апрѣля все-таки стали двигаться къ штурму, императоръ Θеодоръ лишилъ себя собственноручно жизни на другой день. Его сынъ Алемаеху вскорѣ затѣмъ умеръ въ Англіи.

Хотя Θеодоръ лишь на время могъ привести абиссинское государство къ единству, но онъ все же доставилъ новое значеніе древнему царскому титулу. Такимъ образомъ въ Абиссиніи произошла та-же эволюція отъ феодальнаго государства къ абсолютизму, чрезъ которую прошли и европейскіе народы. На этотъ разъ удалось послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы почти сорокалѣтнему князю Тигре Касаи (Кассаи), который поддерживалъ англичанъ и обильно былъ снабженъ ими военными запасами, побѣдить 14 іюля 1871 г. при Адуѣ Гобезіе, князя Ласты и Годжама, овладѣть верховной властью и 21 января 1872 вступить на престолъ подъ именемъ Іоанна. Едва достигши предѣла своего честолюбія, онъ впутался въ споръ съ Египтомъ, который тогда имѣлъ въ виду направить свою восточно-суданскую политику и противъ Абиссиніи. Прежде всего египетскія войска подъ начальствомъ Вернера Мюнцингера-бея, губернатора Массавы, заняли 1872 два принадлежащихъ Абиссиніи на сѣверѣ округа: Богосъ и Менза, чему Іоаннъ, воевавшій тогда со своими мятежными вассальными князьями, не могъ воспрепятствовать. Но когда ободренный этимъ успѣхомъ хедивъ Измаилъ 1875 г. замыслилъ покореніе всей Абиссиніи и двинулъ свои войска въ Тигре, негусъ Іоаннъ собралъ всѣ свои силы и уничтожилъ почти до послѣдняго человѣка въ битвѣ при Гидда-Гудди 17 и 18 ноября египетское войско, подъ начальствомъ бывшаго датскаго полковника Арендроопа и Аракель-бея. Вторая попытка египтянъ въ слѣдующимъ году окончилась не лучше: принцъ Хасанъ 7 мая 1876 г. былъ совершенно разбитъ при Гурѣ и могъ только съ трудомъ спастись съ ничтожными остатками своего войска въ Массаву. Послѣ этого и Мененикъ шоанскій прекратилъ сопротивленіе, когда Іоаннъ въ 1879 г. выступилъ противъ него; оба владѣтеля помирились. Въ 1880 г. расъ Адаль годжамскій послѣдовалъ при-

мѣру Менелика. Именно въ это время одна европейская держава составила планъ подчинить себѣ Абиссинію. Италія, еще прежде чѣмъ открылась конкурренція державъ изъ за африканскихъ владѣній (см. стр. 475), обезпечила за собой благодаря П. Ст. Манцини станцію вблизи Бабъ-ель-Мандебскаго пролива для торговли и доступа во внутрь Африки. Когда начался раздѣлъ Африки, итальянскій народъ обратилъ свои взоры на находящуюся въ счастливыхъ естественныхъ условіяхъ Абиссинію, климатъ которой казался благопріятнымъ и для поселенія европейскихъ колонистовъ. Тогдашнее положеніе дѣлъ въ Суданѣ, который уже цѣликомъ находился въ рукахъ махдистовъ (стр. 543), было выгодно для предпріятія Италіи, такъ какъ Египетъ, занявшій береговую область Абиссиніи съ важной Массавой, уже имѣлъ мало интереса къ этой отрѣзанной странѣ. Впрочемъ настоящими хозяевами Египта были англичане; ихъ политика смотрѣла съ удовольствіемъ на появленіе вблизи дружественной націи. Такимъ образомъ Италія не встрѣтила сопротивленія, когда въ февралѣ 1885 г. послала флотъ въ Массаву и объявила берегъ на протяженіи почти 1000 км. областью, находящеюся подъ покровительствомъ Италіи. Такъ какъ на берегу климатъ оказался неблагопріятнымъ для здоровья, то заняли вскорѣ и часть близкой горной страны Абиссиніи. Эѳіопское царство, которое именно въ то время усилилось внутри, нашло въ своемъ сопротивленіи Италіи тайныхъ друзей среди европейскихъ государствъ: Россію и Францію, которыя, будучи вообще склонны ставить препоны на пути принадлежажавшей къ тройственному союзу Италіи, имѣли обѣ и особенныя причины препятствовать расширенію Италіи въ этомъ направленіи: Франція, также получившая точку опоры на берегу, увидѣла помѣху своимъ планамъ, а Россія дѣйствовала, какъ православная держава въ интересахъ страны, съ восточной церковью которой она хотѣла завязать сношенія. Двойственный союзъ тайной подержкой Абиссиніи, безъ сомнѣнія, много содѣйствовалъ неудачѣ Италіи.

26-го января 1887 г., дѣло дошло до столкновенія абиссинскихъ войскъ подъ начальствомъ раса Алулы съ итальянцами: небольшая итальянская колонна была уничтожена при Догали (Саати), но нападеніе абиссиновъ на укрѣпленныя позиціи было отбито съ тяжелыми потерями. Въ слѣдующемъ году самъ негусъ отправился противъ, получившихъ значительное подкрѣпленіе итальянскихъ войскъ, но уклонился отъ битвы въ виду благопріятнаго положенія противника. 9-го марта 1889 г., палъ императоръ Іоаннъ при Метемме (Метамѣ) въ битвѣ съ махдистами въ Галабати (см. стр. 545). Его племянникъ расъ Мангаша, который долженъ былъ наслѣдовать послѣ преждевременной смерти императорскаго царевича Ареа, не былъ признанъ.

Мѣсто негуса Іоанна могъ занять только одинъ человѣкъ, Менеликъ (Мениликъ) II шоанскій, родившійся въ Анкоберѣ въ 1844 г.; сынъ тогдашняго наслѣднаго царевича Хайлу-Малакота и съ 1878 г. самый сильный вассалъ царства. Благоразумно уступилъ онъ 2-го мая 1889 г., въ Уччіалли большую часть Тигре, которая была соединена съ береговою областью въ колонію Эритрею, и вступилъ 29-го сентября подъ покровительство Италіи. Затѣмъ онъ большею частью удачно воевалъ въ областяхъ къ югу отъ Шоа: Харраръ и Каффа признали власть Менелика, и до Бердеры на средней Джубѣ стояли абиссинскіе форпосты. Съ другой стороны, махдизмъ, грозно стучавшійся въ дверь, пересталъ быть опаснымъ противникомъ съ тѣхъ поръ, какъ итальянцы заняли Кассалу (17 іюня 1894). Теперь вся сила абиссинскаго царства снова направилась противъ Эритреи, которая между тѣмъ, искусно управляемая итальянцами, сдѣлалась способною къ сопротивленію, благодаря устройству корпуса туземныхъ войскъ. Такъ какъ, благодаря договору съ англичанами, за Италіей была обезпечена большая часть берега Сомали, то казалось, что дѣло шло объ образованіи

обширнаго колоніальнаго государства. Въ виду постоянныхъ мелкихъ пограничныхъ безпокойствъ, итальянцы перешли въ 1894 г. подъ начальствомъ генералъ-маіора и гражданскаго губернатора Эритреи Оресте Баратьери пограничную рѣку Маребъ, разсѣяли 13 и 16 января 1895 при Коатитѣ и Сенафе абиссиновъ, стоявшихъ въ Тигре подъ начальствомъ раса Мангаши, и оставили гарнизонъ въ важномъ пунктѣ Адигратѣ; нѣсколько раньше они обезопасили свой флангъ противъ махдистовъ упомянутымъ занятіемъ Кассалы. Между тѣмъ вооружался Менеликъ. Баратьери 1-го апрѣля занялъ Адую и, немного спустя, крѣпкую Макалле къ югу отъ Адиграта. Но при Амба-Аладьи итальянскій авангардъ подъ начальствомъ маіора Тозелли 7 декабря 1895 былъ почти уничтоженъ, а маіоръ Галліано запертъ въ Макалле съ 1500 солдатами. Получивъ съ родины подкрѣпленіе деньгами и войсками, генералъ-лейтенантъ Баратьери однако все таки не оказался на высотѣ положенія. Макалле принуждена была къ сдачѣ 20 января 1896 при условіи свободнаго выхода гарнизона, часть туземныхъ союзниковъ отпала отъ итальянцевъ, абиссинскій отрядъ уже угрожалъ отступленію къ Адиграту. Въ этомъ отчаянномъ положеніи Баратьери, котораго долженъ былъ уже смѣнить генералъ-лейтенантъ Антоніо Балдиссера, рѣшился напасть на главное войско Менелика, и потерпѣлъ 1-го марта 1896 г. при Адуѣ пораженіе, которое уничтожило однимъ ударомъ положеніе Италіи въ Абиссиніи. Менеликъ удовольствовался по мирному договору въ Аддисъ-Абеба (26 октября 1896) признаніемъ независимости Абиссиніи и ограниченіемъ Эритрейской колоніи ея границами 1889 г. Такимъ образомъ исчезъ бредъ о великой итальянской колоніальной державѣ. Между тѣмъ Россія и Франція (особенно благодаря начатой въ октябрѣ 1897 г, трудной постройкѣ желѣзной дорогѣ изъ Джибути въ Хараръ) неутомимо упрочивали свое вліяніе въ Абиссиніи, пользуясь имъ въ экономическомъ отношеніи. Менеликъ между тѣмъ нашелъ время продолжать завоеванія на югѣ, покорить непокорнаго раса Мангашу (1898), поставить во главѣ Тигре Раса Маконена (1899) и возвести могущество Абиссиніи на такую высоту, какой никогда раньше не достигало это христіанское царство [1].

---

[1] Къ сожалѣнію въ самое послѣднее время этому могуществу начала угрожать всепоглощающая сила британскаго имперіализма. Французское вліяніе потеряло кредитъ при дворѣ Менелика, который поддался англофильскимъ симпатіямъ Расъ-Маконена. Результатомъ было открытіе Абиссиніи англійскимъ предпринимателямъ и проектъ англійскаго пароходства по Голубому Нилу. Послѣднее свяжетъ Абиссинію съ Хартумомъ и составитъ конкурренцію французской желѣзной дорогѣ. Б. Т.

Къ стр. 422.

Добавленія издателя.

I. Вангони.

А. **Суру,** вождь отряда зулусовъ **(западныхъ Вангони)** находился сперва въ Укингѣ, на Млангази, къ сѣверу отъ Руху (въ южной части германскихъ восточно-африканскихъ владѣній), былъ изгнанъ Мпутой черезъ Ровуму въ горы Нгомгома и убитъ въ 1860 г.

Главная жена Ніассере:

- Гуасай, бѣжалъ въ 1860 г. въ Мкамангу (Deep Bay) и тамъ умеръ
  - **Хемъ Хайя,** род. въ 1870 г., номинальный султанъ Вангони съ 1889 г. (резиденція Мпозенъ)
  - Мпута
- Мкуссу, умеръ въ дек. 1892 г. въ Унгони
- **Хаван,** султанъ Вангони отъ 1860 до 1874 г. (резиденція: Куруходжи)
- Фусси (Фузи) жилъ у араба Рашида бинъ Масаудъ на Ровумѣ
- Мламиро, регентъ вмѣсто Хемъ - Хайи

Вторая жена Налино:

- **Мхарули** (Мхарури), султанъ Вангони 1874—89 г.
- Мбемеса, ум. въ 1878 году на холмѣ Нганго (замученный Вахехе)

Б. Дружинникъ вождя зулусовъ Мпезéна, имя неизвѣстно

- **Мбонанъ,** вождь отряда зулусовъ **(восточныхъ Вангони),** былъ сперва въ Укингѣ, затѣмъ былъ переселенъ Мпутой въ горы Нгомгома, ум. въ 1861 г.
  - Главная жена Мхагиро:
    - **Хапета** (Кипета), султанъ Вангони (Вапома) 1861—78 г. подвергся нападенію Вахехе
      - Главная жена Мхагиро:
        - **Хабрума** (Сабрума, Шабрума), султанъ Вангони съ 1882 г.
- Мніуква регентъ вмѣсто Хабрумы 1878—1882
  - Мпепо, въ 1885 г. изгнанъ Хабрумой, перешелъ къ Мбенѣ Мтенгере, союзнику вассангскаго князя Мерере.

(Составлено на основаніи разсказа араба Рашида бинъ Масаудъ въ Унгони и Мгони Фуси начальникомъ отряда **Prince**, въ Mitteilungen von Forschungsreisenden und Gelehrten aus den Deutschen Schutzgebieten, VII, 1894).

Къ стр. 422 ниже.

II. Вахехе.

Макенiа, въ 1880 г. вождь **васагаровъ** на горѣ Мкомбангуру

Киндоле, правитель Игвиро (нынѣ Принга, Купренга или Квиринга)

Сынъ — Мандири Мангонго, правитель Уссавиры (около Принги)

Дочь — NN (отъ Нкутике (Нгутике)):
- Мсамбиро, правитель Ндеме на сѣв. западѣ
- Киронге, правитель Румгембе (Рунгемба, около Убены)

Нкутике (Нгутике)

Нгурхтьеванге, ум. въ Ткалингѣ (между Убеной и Ухехе)

Неизвѣстный правитель Утемукуилы — дочь

Маканiесива. — **Мтенгере,** правитель восточной Убены (Утемекуилы) изгнанъ въ 1874 г., ум. въ 1886 г.

Кпванга, правитель Вахехе-**вабеновъ,** род. въ 1870 г., въ 1892 г. просилъ у Германiи защиты противъ Квавы Махинiи

Нгимба:
- Сингимбандго — Мазимбе, бѣжалъ въ 1883 г. къ Мтенгере, въ долину Уланга
- Iахенса
- Сингимба

Нiугумба, „Муджинга“ въ 1860 г. основалъ государство **Вахехе,** ум. въ концѣ 1878 г.:
- Квавинiнка (Мкуаника) „Махинiа“ (**Квава Махинiа**, Квава Макинга), съ 1882 года (побѣда при Уссавирѣ) султанъ Вахехе, покорилъ въ 1883 г. Нондоу (Канiенiе) въ Угого, далъ осенью 1888 г. сраженiе при Iомбо, 17-го авг. 1891 г. напалъ при Лугало (Ругаро или Лула, по Ф. Эльпонсу: Сула) на нѣмецкую экспедицiю Ф. Зелевскаго, 6-го октября 1892 г. сражался при Килосаѣ противъ Брюнинга, въ 1894 г. осадилъ Уссеке, 30-го октября былъ разбитъ при Квирингѣ губернаторомъ Шеле, тѣмъ не менѣе въ ноябрѣ далъ сраженiе при Маге, въ 1896 г. былъ изгнанъ капитаномъ Prince, ум. 19-го iюля 1898, покончивъ съ собою
- Мухенга, султанъ 1879—82 г. при Мажордомѣ **Мамбамбе** (Мамле)
- Мпангиле (Мпангире)
- Дочь — Мерере, — 2 дѣтей

Кинiакка-iакка-Тови-гале, ум. въ 1879 г.

Мухаруики. ум. въ 1880 г.

Муи Гумби, вождь вароровъ — Мерере, правитель Вассангу, съ 1877 г. изгнанъ изъ Утéнгуле Нiугумбой, основалъ новое государство между озерами Нiассой и озеромъ Риквой, ум. въ 1893 г.:
- Хауванга
- Ликомбе (въ старомъ Уссангу)
- 3 дочери, жены Квавы Махинiи

(Составлено большей частью по Вильгельму А р н и н г у, въ Mitteilungen von Forschungsreisenden und Gelehrten aus den deutschen Schutzgebieten, IX/X. 1896/97, и по Карлу Вейле, въ прибавленiяхъ № 14 и 15 къ Allgemeine Zeitung 1897 г.).

III. Бандж

Біѐманги II., † 1880 еще 50 сыновей Р

Б. Келис

Кэгоббели

Горро

Бэнди

Нгурра I

Нгурра II

Томбо, вождь **юго-западныхъ Санде**

Нде́ни

Кипа (Тикима, Нтикима, Нгурру или Мбе́ліа) — еще 4 сына — Нсинна

Кипа: **Канна** — Ингимма — Камса

Нсинна: Басубба — еще 2 сына — Бандіá

Басубба: Гáндуа — Манги

Ингимма: Мамбанга и еще 8 сыновей

Манги: **Бáули** и еще 8 сыновей

Манги

Нгéліа — Кàмбара

Нгéліа: Бáгбинне — еще 6 сынов. — Бáдекуа

Кàмбара: Бамбагирро и еще 4 сына

Бáгбинне: **Бакангáи** — Бангойя — Гáнси- † 1882 — Ссá кара — Нсеббу́ (Ссеббу)

Бакангáи: Акангáи и еще 9 сыновей

Нгéттуа — еще 2 сы[…]

Нгéттуа: Номбо — еще 2 сына

Номбо: Мугáру и еще 3 сына

Мугáру: Мусумбу (Массумбу) — Бангателли — еще сыновей

IV. М

Руа (Эру) родоначальникъ королей **Мангбатту**

Мэбурра

Набингбáлле (Набингбаллé)

Массимбано — Ту́куба (Туба) — Абунга — Мопа

Массимбано: Мбе́ліа (къ югу отъ Не́поко) и еще 3 сына

Абунга: Бангусá и еще 6 сынов.

Мопа: 3 сына

Ту́куба: Ссáди † 1872 — **Мунза,** послѣдній самодержецъ, убитъ въ 1873 г. Нессòгго, Майо и арабомъ Юзуфомъ Ага Шеллàми, губер. Мудиріе († 1882) — Ссанга Пóпо — Ссанга Момбéле — 4 сына — Доч[…]

Ссáди: Нессóгго (Нессогò) убитъ арабомъ Баширомъ — еще 2 сына — Мамбангá (у А-Биссанговъ на Уэлле) уб. Эминомъ въ 1883 г.

Мунза: 6 сыновей

(По Dr. Wilhelm Junker, Reisen in Africa 1875—86, 3 Band [1882/87], Wien und Olmütz 189[…] gen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig, 1896, Leipzig, 1897).

и А-Сандехъ.

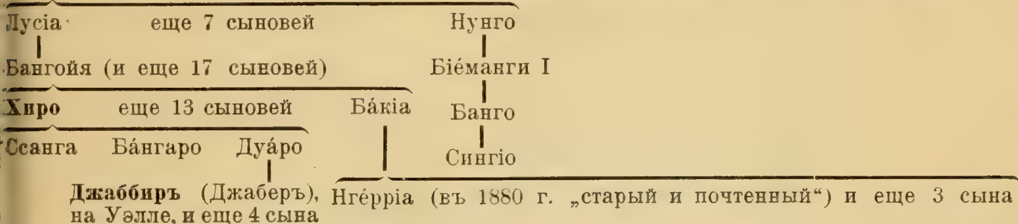
А. Ній, миѳическій предокъ царей **Банджіа**

Нгурра (Курра)

Бандангунго

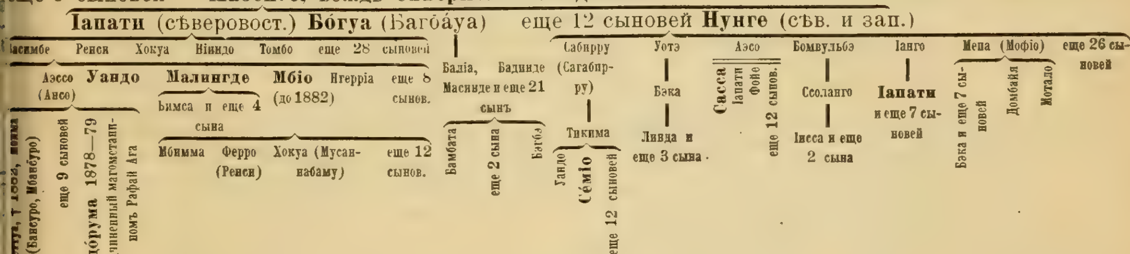
Поппэ

Гобенгэ, вождь банджіевъ, живущихъ къ западу отъ слiянiя Мбому́ и Уэлле-Макуа



родоначальникъ царей **А-Сандехъ**

еще 5 сыновей **Мабéнге, вождь сѣверныхъ Сандеховъ**

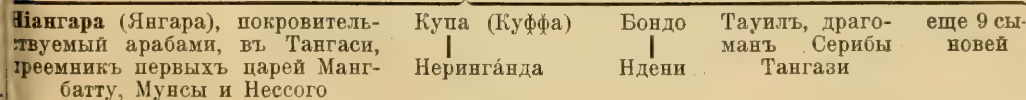


нгбатту.

Нденгáндиле (Ндула по Эмину) родоначальникъ линіи **А-Бангба племени Мангбатту**

Магапá

Дегбéрра (въ 1870 г. между Кибали и Гаддой)



Kurt Müller: Die Staatenbildungen des oberen Uëlle- und Zwischenseen-Gebietes, въ Mitteilun-

Къ стр. 373 и 472.

V. NN изъ рода **Яребитовъ въ Оманѣ**

- Мурджидъ
  - **Нассеръ** (Назиръ) **бенъ Мурджидъ,** первый Имамъ Маскатскій изъ рода Яребитовъ съ 1624 г., ум. 23-го апр. 1649 г.
- Малекъ
  - Сафъ (Сайфъ, Сифъ)
    - **Султанъ бенъ Сефъ бенъ Малекъ,** ум. 1668
      - Белаоребъ
        - Джади
          - Мурджидъ
            - **Султанъ,** послѣдній Имамъ Маскатскій изъ рода Яребитовъ 1742 г., † 1743 подъ Сохаромъ
        - Хамиро
          - Баларебъ
      - **Сефъ бенъ Султанъ,** † 14 окт. 1711 г. въ Рустакѣ
        - **Султа бенъ Сефъ бенъ Султанъ,** † 20 апр. 1719
        - **Сефъ бенъ Султанъ,** имамъ Маскатскій 1728 г., сверженъ въ 1742 г., † 1743
          - Дочь, жена Ахмеда бенъ Саида (см. таблицу VI)

По Отто Керстену въ 3-мъ отдѣлѣ III тома труда „Baron Carl Claus v. d. Decken's Reisen in Ostafrica in den Jahren 1859—1865", Leipzig und Heidelberg, 1879.

Къ стр. 373 и 473.

VI. **Ахмедъ бенъ Саидъ** (Са'идъ) бенъ Ахмедъ бенъ Абдаллахъ бенъ Мухамеддъ бенъ Мбарекъ **ель Абу Саиди, Имамъ** Маскатскій **въ Оманѣ** 1744, † 1783 (84?); женатъ на дочери Сефа бенъ Султанъ (см. табл. V)

- Хилалъ
  - Али
- **Саидъ,** Имамъ 1783/84–91, † 1800 (02?) въ Насуѣ
  - Хаммедъ
    - Хилалъ
  - Ахмедъ, подчиняетъ въ 1785 Мсаровъ въ Момбассѣ, † въ 1790 г.
    - Эмиръ Хаммедъ, подчиняетъ, будучи адмираломъ Сейида Саида, 1822 Браву и Патту
    - Нассеръ (Назиръ)
    - Султанъ
- Кисъ
  - Асранъ
    - Хаммедъ
    - Квисъ
      - Сефъ (Саифъ)
- Сефъ (Сайфъ † въ 1785 въ Ламу
- **Султанъ,** правитель Омана въ 1791, † въ 1804 у при Бассиду
  - **Бедеръ,** Имамъ въ 1805г., † 1 іюля 1806 г.
    - Хаммедъ
    - Сефъ
  - Али
    - Саудъ
      - Али
  - Салемъ
    - Мухаммедъ
    - Ахмедъ
    - Серханъ
      - Али
  - **Саидъ,** „Сейидъ" 14 сен. 1806 г., живетъ въ Занзибарѣ съ 1840 г. ум. въ 1856 г.
    - Хилалъ, ум. 1851 г.
      - Саудъ
      - Мохамедъ
      - Хенунъ
    - Халидъ, беретъ въ 1839 г. въ плѣнъ Мсаровъ въ Момбасѣ
    - **Суени,** (Товейн) Имамъ Маскатскій 1856 году, убитъ 1866 году сыномъ
      - **Хаммедъ** „бенъ Твайнъ", султанъ съ 5 марта 1893 г., ум. 25 авг. 1896 года
    - Мухаммедъ † до 1866
      - **Хамудъ** род. 1853, султанъ съ 27 августа 1896 года подъ англійск. протекторатомъ
    - **Турки,** 1866 г. Имамъ Маскатскій
    - **Абд-ель-Азизъ,** Имамъ Маскатскій въ 70-хъ годахъ
    - **Маджидъ,** 1856 султанъ Занзибарскій, платитъ годовую субсидію Маскату отъ 1859—1866, ум. въ 1870 г.
    - Али † 1866
    - **Баргашъ,** султанъ Занзибара 1870—88
      - Халидъ, 27 авг. 1896 г. изгнанъ Англіей, освобожденъ Германіей
    - **Халифа** (е), султанъ 1888-1890
    - **Али,** султанъ съ 13 февр. 1890 † въ 1893
    - Биби Галима, жена купца Руете въ Гамбургѣ
      - Дочь, жена Евгенія Брандейса, съ 1900 года капитана Маршалльскихъ острововъ
- Талебъ
- Мухаммедъ
  - Хилалъ

(По большей части по М. Гвильену (Guillain) и Отто Керстену въ 3-мъ отд. III тома труда „Baron Claus v. d. Decken's Reisen In Ostafrica in den Jahren 1859—65", Leipzig und Heidelberg 1879).

Къ стр. 425.

VI[b]. NN., Мсегуха, въ 1845 военный намѣстникъ въ Уками при Сейидѣ Саидѣ Занзибарскомъ, впослѣдствіи называлъ себя Симбамуэни, правителемъ **Укамы**

Симбамуэне (дочь) — Кингомкубва, царь Укамскій въ 1890-хъ годахъ (рез.: Мрогоро)

Къ стр. 472.

VII. Буана (Фумо) шахъ Али, въ 1698 г. султанъ **Патты**

Арабъ изъ рода Небехани

Буана Минхогомбе царь Патты, жена—родственница шаха Али

Буана Таму Мку (Абубакръ бенъ Мухаммедъ, а также, „султанъ Абу Бакаръ Бану султанъ Хумаде") въ 1728 г. царь, ум. въ 1733

Фумо Бакари, султанъ съ 1733 (?) г., въ 1745 г. объявляетъ себя независимымъ отъ Имама Маскатскаго Ахмета бенъ Саидъ; замѣненъ Буаной Мку

Муани Мими, вмѣсто которой съ 1746 г. управлялъ визирь Фумо Омаръ, а затѣмъ его братъ Фум'Алоте

Буана Минхомуи

Буана Мку (Макуа) Ндого, наз. Мдани Нгомбе, въ 1745 г царь Патти и вассалъ Маската

NN.

Фумо Омаръ, визирь и регентъ вмѣсто Муани Мими, 1746 г.

Фум'Алоте, визирь и регентъ вмѣсто Муани Мими, ум. въ концѣ 1774 г.

Визиръ, наз. султаномъ Ахметомъ, вассалъ Ахмета Момбасскаго, 1807—11 (?)

(?)

Султанъ Ахмедъ есъ Серпръ, въ 1822 г. назначенный регентомъ Сейдомъ Саидомъ Маскатскимъ, въ 1834 изгнанъ Буаной визиромъ

Фум'Амади, съ 1774 г. султанъ, съ 1777 снова въ зависимости отъ Саида бенъ Ахметъ и Сейидъ Саида бенъ султана Маскатскаго, † 28 янв. 1807 г.

Фум'Алоте, † въ Момбасѣ въ 1807 г.

Буана Шейкъ, наз. Фум'Алоте есъ Серпръ, вассалъ Сеида Маскатскаго, ум. въ 1811 (?)

Буана Комбо бенъ Шейкъ, получаетъ поддержку отъ Абдаллаха бенъ Ахмеда Момбасскаго, въ 1822 г. изгнанъ эмиромъ Гамидомъ бенъ Ахметъ, адмиралъ Сейида Саида Маскатскаго

(?)

Фумо Бакари, посаженъ въ 1834 г. агентомъ Сейида Саида Маскатскаго, 1840 освободился изъ Маскатскаго владычества, † вскорѣ послѣ 1840 (?) г.; визирь: Буана Матака

Мухамедъ бенъ Шейкъ, наз. Фум'Алоте (?) сперва подъ верховной властью Сейида Саида Маскатскаго, 1843—46 независимъ, ум. въ 1856 г.; визири: Буана, Матака (ум. 1848), затѣмъ его сынъ (въ Сиви)

(?)

Симба. основываетъ при рѣкахъ Данѣ и Оси государство **Виту**, съ 1866 г. независимъ

(По Людвигу Крапфу, М. Гюльепу и Отто Керстену въ 3 отдѣлѣ III тома труда „Baron Carl Claus von der Decken's Reisen in Ostafrica in den Jahren 1859—65", Leipzig und Heidelberg 1879).

Къ стр. 473.

VIII. Османъ ель Мсуруи (Мусруи) родонач. **Мсаровъ въ Момбасѣ**, изъ рода Бенъ енъ Кехелани

Мухаммедъ бенъ Османъ ель Мсуруи, въ 1739 г. благодаря Яребиту Сефъ бенъ султану Оманскому намѣстникъ въ Момбасѣ, въ 1744—45 независимъ отъ Имама Ахмета бенъ Саида Маскатскаго, въ 1746 убитъ подданными послѣдняго

Али, въ 1746 г. правитель Момбаса, въ 1753 г. убитъ по замыслу своего двоюроднаго брата Массауда (и) бенъ Нассеръ (Назиръ) 1753—75

Сыновья Мухаммеда:

Абдаллахъ, правитель въ 1775 г., ум. 18 дек. 1782 г.

Ахметъ, въ 1783 г. правитель, съ 1785 г. въ зависимости отъ Саида бенъ Ахметъ Оманскаго, при Визирѣ владѣтель Патты, въ 1811 г. изгнанъ Сейидомъ Саидомъ изъ Ламу, ум. въ 1814 г.

Сынъ Али:

Селиманъ, намѣстникъ Пембаса, въ 1823 г. правитель Момбаса, подъ покровительствомъ Англіи 1824—26

Сыновья Ахмета:

Абдаллахъ, 1807—11 подъ Ламу, правитель Момбаса съ 1814 г., независимый владѣтель берега до Брави, ум. 12 мая 1823 г.

Селимъ (Салемъ?), правитель съ 1826 г., вассалъ Сейида Саида съ 1828 г., но съ перерывами, ум. весною 1835 г.

- **Рашидъ,** въ 1836 г. правитель Момбаса, въ 1837 году вассалъ Сейида Саида (въ 1839 г. взятіе въ плѣнъ Мсаровъ Сейидомъ Халидомъ, сыномъ Саида)
  - Гаммисъ, въ 1861 г. поселился въ Такаунгу, построенномъ въ 1823 г. Сейидомъ Саидомъ

Мабрукъ, полководецъ Абдаллаха, въ 1822 г. изгнанъ изъ Патты, отпр. съ англ. капитаномъ фрегата Оуэномъ на о. св. Маврикія, ум. до 1832 г. (?)

Рашидъ, ум. 1835 г. около Патты

Мухаммедъ, † въ 1832 году

(По Гюльену и Отто Керстену въ 3-мъ отд. III тома труда „Baron Carl Claus von der Decken's Reisen in Ostafrica in den Jahren 1859—1865“, Leipzig und Heidelberg 1879).

Къ стр. 517.

IX. Ду-Іасанъ, послѣдній царь Химьяритовъ (ср. томъ III, стр. 223)

Сефъ бенъ Хасанъ (Саефъ бенъ Ду-Іасанъ) изъ Мекки, родоначальникъ царей **Борну** и основатель династіи **Сефійа** (ок. 580 г.)

Ибрагимъ (Бирамъ, въ 600 г.)

Дунама (Дуку, Дугу, въ 800 г.), первый царь („Майна“) государства **Канемъ**

Фуне (въ 850 г.)

Хартсо (Артсо, Аритсо, въ 900 г.)

Катори (въ 930 г.)

?

Хайома (Адйома)

- Булу (946—62)
  - Абдаллахъ (Селма'а, Абдъ ель Джелиль, 1067—1129)
  - ?
  - Хуме бенъ Бири (Уме, Мухаммедъ бенъ Джелиль по Макризи; 1129—51, первый исламскій царь Канема
  - Дунама II (1151—1205)
  - Бири (1205—32)
  - Бекру (Бикору; 1232—46) жена изъ рода Диббири, племени Канембу
- Харки (Арки, 962—1005)
  - **Шу** (Шуа, Хуа, 1005—67)

Дѣти Бекру:

- Тсилимъ (1246—66), первый темнокожій царь династіи
  - **Дунама III,** наз. **Диббалами** (1266—1308 по Нахтигалю), впервые предпринимаетъ походы въ нынѣшній Борну
- Абдаллахъ (Дала; 1177—1193 г. по Барту)
- Селма'а (Абдъ-ель-Джелиль); 1194—1220 по Барту
  - Ахмедъ (1221—59 по Барту)

Дѣти Дунамы III:

- Бири (Ибрагимъ; 1308—1309; снова 1351—67)
  - Ибрагимъ (Никале; 1367—68)
- Дирко Келемъ (?; 1309—37)
- Каде (Абд-ель-Кадимъ; 1337—44)
  - Абдаллахъ (1344—48)
    - Сельма'а (1346-49, по Барту)
    - Куренгхана (1350 по Барту; = Коре Кебиръ 1348-49, по Нахтигалю ?)
    - Куре кура (1351 по Барту; = Коре Срхиръ 1349 по Нахтигалю ?)
    - Тсилимъ (1349—51)
    - Мухаммедъ 1352 по Барту)

Дѣти Ибрагима (Никале):

- Идрисъ (1353—76 по Барту)
  - Отманъ (1391—92 по Б.)
  - Омаръ (1394—98 по Б.) переноситъ резиденцію изъ Канема въ Борну
    - Каде (1377—83)
      - Отманъ (1383-94)
        - Аманъ (1451—52)
      - Мухаммедъ (1394—99)
        - Мухаммедъ (1399—1402)
    - Ибрагимъ (1442—50 по Барту)
- Даудъ (1377—86 по Барту), убитъ Абд-ель-Джелилемъ, княземъ Булала
  - Отманъ (Калнама, 1368-69)
  - Абу Бекръ Лійату (1369—70)
- Хартсо
  - Идрисъ
    - Ибрагимъ
      - Дунама (1370—77)
      - Идрисъ (1402—26)
        - Мухаммедъ (1426—27)
        - Каде Афно (1427—28)
        - Омаръ (1428—1435)
          - Дунама (1535—39)
            - Бири (1455—61)
              - Дунама (1461—65)
                - **Али** (1465—92), основатель столицы (Бирни) Квасръ Эггомо
        - Са'адъ (Саидъ, 1435)
          - Абдаллахъ (Далла, 1439—1446)
            - Мухаммедъ (1446—51)
            - Омаръ (1452—55)

(Продолженіе на слѣдующей страницѣ)

(Продолженіе)

Али (1465—92)

Идрисъ Амами. или Катакармаби (1492—1515), подчиняетъ племя Булала

Мухаммедъ (1515—39) | Али (1562—63)

Дунама (1539—55) | „Султанъ" **Идрисъ Амсами** или Алаома (1563—1614) по Барту 1571—1603

Абдаллахъ (1555—62)

Мухаммедъ Ибрагимъ (Хаджи)
(1614—24) (1624—31) Омаръ

Али (1631—70)

Идрисъ (1670—90) | Дунама (1690—1708)

Хаджи Дунама (Хамдунъ, 1708—31)

Мухаммедъ (1731—46) | Али (1749—93)

Дунама есъ-Срхиръ (Корегхана; 1746—49) | Ахмедъ (1793—1810), послѣдній царь Борну изъ династіи Сефійа

Дунама (1810—17) подъ покровительствомъ Факи Мохаммеда ель-Аминъ ель-Канеми, шейха въ Нгорну и основателя новой столицы Куки (ум. въ 1835 г.) | Мухаммедъ | Ибрагимъ (1818—46) тоже подъ покровительствомъ шейха Мухаммеда и (съ 1835 г.) его сына Омара

Мухаммедъ ель-Аминъ **ель-Канеми,** шейхъ въ Нгорну и основатель Куки (1810—35). первый изъ рода Канемійинъ

Сынъ, ум. въ 1817 г. | **Омаръ** (1835—82) | Абдъ-ер-Раманъ (1853—54)

Аба Бу Бекръ (1882—85) | Аба Брагимъ (1885—86) | Аба Хашимъ (1886—93), изгнанный Рабахомъ и умершій бѣглецомъ въ Дамергу

Аба Кійяри, ум. въ 1894 г. | Аба Санда (Омаръ), ум. въ 1894 г.

Аммаръ Спиндда, жилъ бѣглецомъ въ Синдерѣ, въ январѣ 1900 г. снова былъ водворенъ въ Борну французами, тогда какъ въ Канемѣ царствуетъ съ начала 1900 г. Халифа Джерабъ, тоже посаженный на престолъ французами

(Главнымъ образомъ по 2-й части „Sahara und Sudan" Густава Нахтигаля, Берлинъ, 1881 г.).

Къ стр. 521.

X. NN.

Докко (Кенга), основатель колоніи въ Сокорской области Кенга	**Бирни Бессе** (1522—36) въ **Массенжѣ,** первый царь **Багирми**	Лубатко (1536—48)	Доккоаи (Ирро) въ Иррѣ на Ба Батшикамъ	Далобирни	Джунго Джугельду	Ніуго Мидвайа † до 1568 г.	Гуггунъ Дарко	Гунгунъ Бира	Ніуго Кубудга	Магира основался въ Кирсуѣ	Нгольe Гауг-

Мало (1548—68)	**Абдаллахъ** (1568—1608)

Омаръ (1608—25)	Далаи (1625—35)

Буркоманда (1635—65), наз. Нгонъ Аиса Беле

Абдъ-ерь-Раманъ Воли (1665—74)

Далобирни (1674—80)

Абдъ-ель-Кадиръ Воли (1680—1707), ум. въ 1723 г.	Вандья (1722—36)

Киндана, † въ 1710 г.	Нгарба Белатъ въ Маффалингѣ, ум. въ 1742 г.	Мухаммедъ ель-Аминъ **Хаджи** (1751—85)	Баръ (1707—22)

Абдъ ер-Рахманъ Гауранга I (1785—1806), убитъ султаномъ Абдъ ель-Керимомъ Сабуномъ Вадайскимъ (ср. таблицу XI)

Буркоманда Тадъ Леле (1736—41)

Лоэль (Лоэнъ, Лауэнъ, 1741—51)

Белатъ Цара, ум. въ 1760 г.

Буркоманда (1807—46), Отманъ Бугоманъ	Нгаръ Бира (1806—07)	Мурба	Нгаръ Даба Хаджи	Нгаръ Килло Гауранга	Хаджи (II, 1808), ум. въ 1810 г.	Нгаръ Ніилми

Абдель - Кадиръ (Кадеръ, 1846—58), посѣщенный Генрихомъ Бартомъ, убитъ Факи Ібрагимомъ Шерифомъ едъ-Динъ (ум. въ 1859), наз. Махади (руководимый Богомъ по правильному пути)

Абдъ ерь-Рахманъ въ 1871 г. царь Багирми съ помощью Али, царя Вадаи

Нгаръ Мурба ум. въ 1858 г.	Нгаръ Даба ум. въ 1858 г.	**Мухаммеду** (отъ 1858 до 1885 г. приблизительно), наз. Абу Секкинъ, въ 1871 г. изгнанъ царемъ царемъ Али Вадайскимъ изъ Массенжи (ср. таблицу XI)	еще 4 сына	Абдъ ер-Раманъ Гауранга II **(Гаурангъ),** воспитанъ въ Вадаи, царь въ 1885 г., въ 1893 и 99 изгнанъ Рабахомъ, съ 1897 находится подъ покровительствомъ Франціи и въ 1900 г. снова водворяется	Нгаръ Килло, ум. въ 1871 г.

(Составлено по большей части по 2-й части „Sahara und Sudan“ Густава Нахтигаля, Берлинъ, 1881).

Къ стр. 523.

XI. Аббасъ

Абдаллахъ

Салихъ, родоначальникъ Джаліевъ въ Шенди въ долинѣ Нила

Іаме, поселяется въ Деббѣ (къ сѣв.-востоку отъ Вары)

Абдъ ель-Керимъ, 1-й исламскій царь въ Вадаи, въ Варѣ (1635—55)

Да'удъ, царь язычниковъ Тунджеровъ въ Кадамѣ въ Вадаи

Мейрамъ Аиса

Харутъ (1655—78)

Харифъ (1678—81), убитъ Тамскимъ султан. Мильбисомъ въ Ніере

Якубъ Арусъ (1681—1707)

Харутъ есъ Сархиръ (1707—47)

Джода (1747—95), наз. Мухаммедомъ ес-Сали, ес-Сарифъ или Харифъ Тиманъ

Сабунъ Гандижинъ — Салихъ Дерретъ (1795—1803) — Тамбе

Абдъ ель-Керимъ, наз. **Сабуномъ** (1803—13), убиваетъ въ 1806 г. Абдъ ер-Рахмана Гауурангу I царя Багирми (ср. таблицу X)

Радама, † въ 1804 г.

Мухаммедъ Шерифъ бѣжитъ въ Даръ-Фуръ, назыв. себя Иццъеддиномъ, а затѣмъ Шерифомъ ель Хаджи

Асадъ ум. въ 1803 г.

Абдъ-ель Джелиль

Тирабъ

Мухаммедъ

Ахмедъ

Отманъ

Мухаммедъ Бузата, † въ 1813 г.

Юзефъ, наз. Хорефиномъ (Харифинъ) 1813—29, въ Тарѣ

Идрисъ

Сейфъ ен-Насръ

Дайогъ

Джаферъ

Радама

Ракибъ 1829

Ицъ ед-динъ, мѣняется именами со своимъ двоюроднымъ братомъ и называетъ себя **Мухаммедомъ Шерифомъ** ибнъ-Салихъ-Дерретъ (1835—58), убійца Фогеля

Абдъ ель-Азизъ (1829-35)

Мухаммедъ (Тинтелакъ), въ Даръ Фурѣ, пропалъ съ 1861 г.

Али (1858—76)

Улеманъ

Сейфъ ен-Насръ

Ахмедъ, съ 1868 г. въ Кукѣ у Омара ель-Канеми (ср. табл. IX)

Адамъ 1835; регентъ Камколакъ Абу-Омми

еще 8 сыновей

Юзефъ (съ 1876 до серед. 1898 г.)

Ахмедъ бенъ-Али (съ начала 1901 г.)

Ибрагимъ (съ середины 1898 г. до начала 1901)

(Составлено главнымъ образомъ по изданной Г. Гроддекомъ III-й части „Sahara und Sudan“, Г. Нахтигаля, Лейпцигъ, 1889).

Къ стр. 526.

XII[a]. Вождь племени Кера

Курома въ первомъ бракѣ Фора (дочь) во второмъ бракѣ — Ахмедъ-ель Макуръ родоначальникъ **Тунджеровъ** въ **Даръ Фурѣ**

Шау (Сау), наз. Дуршитомъ (Дорсидомъ), послѣднiй правитель изъ династiи Тунджеровъ у горы Си, въ горной цѣпи Кора, пропалъ въ Тури

Дали (Делиль Бахаръ), основатель династiи **Кера** у горы Наме

(1) Сабунъ — (10?) Сикаръ — (11?) Бахаръ

(12?) Бахетъ — (4) Дарсудъ — (2) Эдрисъ-джаль — Уру — (5) Тинсамъ (Тунсамъ), родоначальникъ **Массабатовъ** — (3) Дiатомъ — (6) Терендимъ

Уру: Тиръ Соламъ

Кромѣ того, не связанные родствомъ: (7) Сольбутте ибн-Мухаммедъ, (8) Сарефъ ибн-Омаръ, (9) Салахъ ибн-Саламъ)

Эдрисъ-джаль: Куру

Сулеманъ Солонъ, по прозванiю Арабъ, возстановитель исламскаго государстваъ Даръ-Фурѣ (1596—1637)

Муса (1637—82)

Гиггери (1682) — 6 сыновей — **Ахмедъ Боккоръ** (1682—1722) въ Гурри, Муррѣ и наконецъ въ Абу Азель

Мухаммедъ Даура (Мух. Харутъ, 1722—32) — рядъ сыновей (Куни, Яхишега, Кудукъ, Пельпелло, Абiадъ и др.) — Юзефъ Делебъ — Тахиръ — **Абдъ ер-Рахманъ** въ ель Фашерѣ (1785—99) — Мухаммедъ **Тирабъ** (1752—85) — **Абу'ль Касимъ** (1739—52)

Мухаммедъ Даура: Муса Ангребъ — **Омаръ,** наз. Леле 1732—39, ум. въ Вадаи

Абдъ ер-Рахманъ: Бухари — **Мухаммедъ ель-Фадль** (1799—1839), (управитель съ 1779 до 1802 г.: Абу Шейхх Курра), между прочимъ, подчиняетъ эрекатовъ (ср. таблицу XII[b]) — Хасибу'ль-Керимъ — Абуль Медина (Абу Мадiанъ 1833)

Бухари: Тирабъ

Абу'ль Касимъ: Исаакъ ум. въ 1788 г. — Хабибъ — Сиберъ

Исаакъ: Тагиръ — Бель Касимъ

Мухаммедъ ель-Фадль: Абу Бекръ — **Мухаммедъ ель Хасинъ** (1839–73). — Хасибъ Аллахъ, сдается въ концѣ 1874 г. египтянамъ, ум. въ Египтѣ — Хасанъ — Форъ Нуренъ и еще 6 сыновей — Бошъ, Сефъ ед-Динъ, ум. въ 1875 г. въ битвѣ противъ Сибера при Кабкабiи

Мухаммедъ ель Хасинъ: **Абдуллахи Дудъ Бенга,** въ 1880 г. послѣ смерти Гаруна ель- Решида провозглашенный султаномъ, въ 1885 г. попадаетъ въ плѣнъ къ Калифу; „послѣднiй султанъ Даръ Фура"

Хасибъ Аллахъ: нѣсколько сыновей, живущихъ въ Египтѣ

Бошъ: **Гарунъ ель-Решидъ,** ум. въ 1879 г. въ битвѣ противъ египтянъ подъ начальств. Слатина

Мухаммедъ ель Хасинъ: Абу'ль Бекръ, ум. въ 1874 г. — Абдъ ер-Рахманъ, сдается въ концѣ 1874 г. египтянамъ, ум. въ Египтѣ — **Ибрагимъ Койко** (Брагимъ; 1873—74), ум. при Менаватжѣ, сражаясь противъ Сибера

Абдъ ер-Рахманъ: нѣсколько сыновей, живущихъ въ Египтѣ

Ибрагимъ Койко: Сынъ, въ 1875 г. плѣнникомъ уведенъ въ Каиро.

(Составлено частью по „Sahara und Sudan, III", Густава Нахтигаля, изд. Э. Гроддека, Лейпцигъ 1889, частью по Рудольфу Слатину „Feuer und Schwert im Sudan" Лейпц. 1896).

Къ стр. 527.

XIIᵇ. Мухаммедъ ель Хаури

Абдаллахъ ель-Джа'анисъ, родоначальникъ Джохейновъ (арабовъ въ Даръ Фурѣ)

Хаммедъ ель-Афцеръ, родоначальникъ **фецаровъ,** принадлежащихъ къ древнѣйшимъ арабскимъ поселенцамъ въ Африкѣ (Ціадіа, Курумсіа, Касарина; Малійа, Авладъ Абдунъ, Ма'аквла; Хаббабинъ, Джеледатъ, Меджанинъ, Авладъ Игои, Бени Уммъ Ранъ и Бени Джеррарь)

Хаммедъ ель-Аджцемъ, родоначальникъ группы ель-Джуцмъ
- Джунедъ

Шакиръ
- Дамешъ
  - Бедръ, род. **Бедріевъ**

Дочь (супругъ изъ племени Туруджъ), родоначальница **Хамровъ (Хомровъ)**

Потомки Джунеда и Бедра:
- Рашидъ, родонач. **Авладъ Рашидовъ** въ Вадаи и Борну
- Хейматъ, родоначальникъ **Хейматовъ** (Хейиматовъ или Хеиматовъ: Та'анша и Хабанійа)
- Ракаль, родонач. **Эрекатовъ** (Орекатовъ), въ 1800 г. подчиненъ Мохаммедомъ ель-Фадль (ср. табл. XIIᵃ.)
  - Атіа

Потомки Атіи:
- Миссиръ, родоначальникъ **Миссиріевъ** (Мезиріевъ)
  - Та'алебъ, родон. Та'алибовъ
- Рицкъ, родонач. **Рецекатовъ** (Рицекати, Рицегади)
  - Махаръ, родон. **Махаріевъ**
  - Махмудъ, род. **Махамидовъ**
    - Шенкъ
    - Барекъ
      - Ясинъ, родонач. **Авладъ Ясиновъ**
  - Наибъ, родон. **Наваибовъ**

(Составлено по 3-й части „Sahara und Sudan“ Г. Нахтигаля, изд. Э. Гроддекомъ, Лейпцигъ 1889).

Къ стр. 442.

XIII a. Сріадца (Адца), 1-ый парь **Анло** (Англо) въ странѣ Эвхе (Невольничій Берегъ) послѣ переселенія эвхеавовъ изъ Нотсіе (Нодсіе, пять дней пути отъ морскаго берега), въ 1700 г. основалъ династію Адцовиво.
2. Ндитси, сынъ Ахумы, сестры Адцы, и со стороны отца тоже изъ царской династіи Адцовиво.
3. Ніаге, изъ царской семьи Батево, отправился — добровольно? — въ Геніи или Влаву.
4. Хато, изъ семьи Адцовиво.
5. Атіаса, также; велъ въ 1780 г. войну съ датчанами въ Кетѣ.
6. Гбагба, род. въ Геніи, внукъ Ніаге, убитъ жителями Анло (?).
7. Амедо (Кпегла) третій, нынѣ царствующій, царь изъ рода Бате; въ 1885 г. былъ лишенъ самостоятельности англичанами.

(Составлено на основаніи еще не опубликованнаго письменнаго сообщенія миссіонера К. Шписа въ Бременѣ; самъ онъ ссылается на слѣдующій разсказъ христіанина изъ Эвхе).

Сріадца былъ, какъ говорятъ, первымъ царемъ послѣ переселенія изъ Нотсіе. Онъ перевелъ оттуда своихъ подданныхъ на морской берегъ; разсказываютъ, что онъ обладалъ силой и былъ хорошимъ правителемъ. Достигнувъ морского берега, онъ замѣтилъ, что у него нѣтъ его царскаго трона, составленнаго изъ слоновыхъ зубовъ; онъ оставилъ тронъ, подаренный ему племянникомъ Фуи, въ Нотсіе; Фуи позаботился о томъ, чтобы тронъ снова былъ возвращенъ владѣльцу. Послѣ этого стало закономъ, что племянники наслѣдуютъ своему дядѣ. При Сріадцѣ было, повидимому, мало войнъ; имя Сріадца до нынѣшняго времени употребляется какъ фамильное имя, и въ царской семьѣ отнынѣ родственниковъ Сріадца называютъ Адцовиво.

Ндитси былъ вторымъ царемъ Анлоевъ. Его мать звалась Ахумой и была сестрой Сріадцы; отецъ былъ также изъ царскаго рода Адцовиво. Говорятъ, что Ндитси былъ хорошимъ правителемъ; при немъ вошло въ обычай возвѣщать барабаннымъ боемъ о всякомъ тяжкомъ преступленіи въ Анло, а затѣмъ убивать преступника.

Ніаге считаютъ третьимъ царемъ Анлоевъ. Онъ происходитъ изъ царскаго рода Батево. О немъ не разсказываютъ ничего хорошаго. Когда умеръ царь Ндитси, его посадили на престолъ, какъ хорошаго вождя; но онъ не остался таковымъ. Анлои разсказываютъ, что при немъ страна сильно пострадала отъ саранчи; онъ царствовалъ въ Анло не до конца своей жизни; отправившись по какому-то важному дѣлу въ Геніи или Влаву, онъ такъ и не вернулся.

Хато вступилъ тогда на престолъ. Онъ — четвертый царь; всѣмъ жилось радостно подъ его прекраснымъ управленіемъ; и онъ былъ изъ рода Сріадца; о немъ нельзя сказать ничего худого.

Атіаса былъ его преемникомъ и пятымъ царемъ Анло Т. к. онъ былъ изъ рода Хато, то стало быть принадлежалъ тоже къ уважаемой семьѣ Адцовиво. Атіасу очень хвалили. При немъ была война въ Кетѣ между датчанами и анлоями. Онъ былъ уже извѣстенъ какъ воинъ, прежде чѣмъ сталъ царемъ.

Гбагба, шестой царь Анло, былъ, повидимому, внукомъ Ніаге; онъ родился въ Геніи; вождь **Ахола** посадилъ его на престолъ. При немъ былъ голодъ. О немъ говорятъ, что онъ велъ себя неподобающимъ для царя образомъ: онъ любилъ пить и шлялся по хижинамъ; былъ изъ рода Бате. Анлои заключили договоръ, никогда не принимать на престолъ царя изъ этого рода. Говорятъ, что анлои сами убили его за его дурное правленіе и потому, что онъ былъ родомъ не изъ Анло.

Амедо или Кпегла, нынѣшній царь, седьмой по счету. Онъ тоже происходитъ изъ рода Бате. Когда собрались въ Анло для выбора царя, долго искали другой царскій родъ и не нашли. Хотя Адцовиво требовали выбора когонибудь изъ ихъ рода, старѣйшины Анло этого не захотѣли. Амедо — третій царь изъ семьи Бате. При немъ пришли англичане и подожгли царскій городъ Анло. Это было сильное горе для анлоевъ. Они сердились на своего царя и говорили: потому что царь изъ семьи Бате, имъ ничего и не удается.

Самымъ великимъ воиномъ считался раньше **Намлапа** изъ Анло, хотя онъ и не былъ царемъ; говорятъ, что онъ велъ много войнъ съ блутоями. Въ настоящее время самымъ знаменитымъ воиномъ считается **Тенге**, который, будучи первымъ вождемъ въ Аніако (за Кетской лагуной) съ 1885 года стоялъ во главѣ жителей Атоко, Вути и Срогбе и въ битвѣ при Бути защищалъ свою родину противъ англичанъ упорно, но безуспѣшно; затѣмъ онъ жилъ двѣ недѣли въ Того (впослѣдствіи ставшемъ германской областью) въ полномъ одиночествѣ, а въ маѣ 1899 былъ снова милостиво принятъ Англіей въ Аккрѣ подъ титуломъ „царь Аніако".

XIII b. Біесо, 1-ый царь **Авено**, страны, граничащей съ Анло за Кетской лагуной, перевелъ свой народъ изъ Аве (такъ названнаго по идолу Авего) въ нынѣ занимаемую имъ область.
2. Акудіагбо, сынъ Тсимани Дофскаго.
3. Сакпаку, нынѣшній царь.

Авенойцы раздѣлились на двѣ части и соединились съ потомками кпоніадцевъ, дафоніами, тодціену, клоковхе и гафатсиковхе—племенами мафи, пришедшими въ Вуте, городъ Авено, для участія въ тайныхъ религіозныхъ службахъ эвхеевъ.

(Составлено по еще не опубликованному письменному сообщенію миссіонера К. Шписа, тоже основанному на разсказѣ язычника, принявшаго христіанство).

Добавленіе редактора.

XIV. Абиссинскіе цари „Соломоновой“ династіи.

Іекуно-Амлакъ (Тасфа-Ясусъ) 1270—85

- Ягба-Сіонъ (Соломонъ) † 1294
  - Цепфа-Арадъ, Хезба-Асгедъ, Кедма-Асгедъ, Жанъ-Асгедъ, Саб'а-Асгедъ — всѣ поочередно (?) до 1299
  - Ведемъ-Арадъ до 1314
    - Амда-Сіонъ (Габра-Маскаль) † 1344
      - Сайфа-Арадъ (Невая-Крестосъ) † 1372
        - Ведемъ-Асфарэ (Невая-Марьямъ) † 1382
        - Давидъ † 1413
          - Өеодоръ I † 1414
          - Исаакъ (Габра-Маскаль) † 1429
            - Андрей † 1430
          - Такла - Марьямъ (Хезба-Нань) † 1433
            - Сарве-Ясусъ † 1433
            - Амда-Ясусъ † 1434
            - Зара-Якобъ † 1468 (Константинъ)
              - Баэда - Марьямъ (Киріакъ) † 1478
                - Александръ (Константинъ II) † 1494
                - Амда-Сіонъ II † 1494
                - Наодъ (Анбаса - Бацаръ) † 1508
                  - Лебна-Денгель (Давидъ II) † 1540
                    - Клавдій † 1559 (Ацнафъ-Сагадъ)
                    - Іаковъ
                      - Василидъ
                        - (Сельтанъ-Сагадъ) 1607—1632
                          - Сисинній
                            - Василидъ(Ахамъ-Сагадъ) † 1667
                              - Іоаннъ I † 1682
                    - Мина † 1563 (Ванангъ - Сагадъ)
                      - Сарца-Денгель (Малакъ-Сагадъ) † 1597
                        - Іаковъ(Малакъ-Сагадъ), низлож. 1603 осенью, возвращ. 1604, уб. 1607
                    - Лесана-Крестосъ
                      - За-Денгель (Асн афъ-Сагадъ) † 1604

Іясу I, низлож. март. 1706 г.; уб. окт. Θеофилъ † 1711

Такла-Хайманотъ I † 1708

Валатта-Хаварьятъ
Юстъ (Цахай-Сагадъ) † 1716

Давидъ III † 1721

Бакафа (Ацма-Гіоргисъ) † 1730
Іясу II (Берханъ-Сагадъ) † 1755
Іоасъ, низлож. 1769

Іоаннъ II † 1769

Такла-Хайманотъ II, низлож. 1777
Соломонъ II до 1779

Такла-Гіоргисъ 1784—1800, будучи пять разъ низлагаемъ въ пользу: Іясу III (до 1788), Езекіи (1789—1794), Баэда-Марьяма II (1795), Соломона III (1796), Іоны (1797), Димитрія (1800). Престоломъ распоряжаются поочередно: расъ Михаилъ, расъ Айто и расъ Али. Потомъ расъ Гокса (1795—1816), низложивъ Іону, возвелъ Эгвала-Сіона († 1818), за нимъ Іоаса III (ум. 1821). При братѣ и преемникѣ послѣдняго Гигарѣ (монахъ на престолѣ), распаденіе имперіи достигло крайнихъ предѣловъ и власть царя сошла на степень простой тѣни. Послѣ низложенія Гигара (1830) расомъ Маріо сидѣли эфемерные цари: Іясу IV (до 1832), Габра-Крестосъ († въ маѣ 1832), Сахла-Денгель (низлож. 1840 въ пользу Іоанна III до 1841, потомъ возстановленъ и сидѣлъ до 1855, когда не принадлежавшій къ династіи Θеодоръ II вновь вернулъ имперіи единство, а царской власти силу).

IV. Египетъ.

Карла Нибура.

I. Древній Египетъ.

Африканскій материкъ не бѣденъ большими рѣками, однако же наблюденіе, что растянутыя рѣчныя долины являются главнѣйшимъ географическимъ условіемъ для наиболѣе ранняго развитія высшей культуры, въ темной части свѣта въ общемъ такъ же мало оправдалось, какъ и въ Южной Америкѣ (томъ I. стр. 304). Особенностью обоихъ странъ является соединеніе съ ближайшимъ материкомъ посредствомъ узкаго моста земли; изъ того, что на воображаемомъ продолженіи послѣдняго въ обоихъ случаяхъ появилось культурное образованіе, которое, по отношенію къ главному тѣлу можетъ быть названо придаткомъ, слѣдуетъ заключить, что естественной дорогѣ при этомъ выпала рѣшающая роль, а благопріятнымъ условіямъ странъ, къ которымъ она ведетъ, только вторая, которая, конечно, также необходима. Въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы можемъ именовать древне-вавилонскую, китайскую и индійскую культуры азіатскими, египетская культура не можетъ называться африканскою; вѣроятно и для культурной области Южной Америки существуетъ подобное же различіе. Испанцы появляются тамъ въ эпоху, которая пожалуй должна быть уподоблена ассирійскому вторженію въ Египетъ: завоеватели натолкнулись здѣсь именно на родъ политическаго обратнаго движенія съ юга. Какъ предполагаютъ, царство Инки утвердилось на южномъ первобытномъ мѣстѣ культуры, а потомъ уже, по ранѣе начатому пути, распространилось къ сѣверу; такъ думали въ послѣ-ассирійской древности, что египетская культура будто бы чисто африканскаго происхожденія и когда-то перешла изъ эѳіопскаго Мероэ къ Нилу. Въ обоихъ случаяхъ предъ нами заключенія, которыя очевидно опираются на положеніе, послужившее условіемъ для болѣе ранняго изъ извѣстныхъ близко столкновеній. Пытливому духу однакожъ посчастливилось заставить заговорить опять египетскіе памятники; народовѣдѣніе и сравнительная наука о древностяхъ помогли расширить этотъ успѣхъ; не послѣднюю роль играло въ этомъ и старинное убѣжденіе, что здѣсь дѣло идетъ болѣе или менѣе о предкахъ нашей собственной культуры. Въ главнѣйшемъ изъ этихъ преимуществъ должно отказать американскому прошлому, сколь бы живо и его нѣмые остатки въ средоточіяхъ культуры въ Кордильерахъ не проводили передъ нашими глазами разнообразныхъ таинственныхъ аналогій съ памятниками долины Нила (сравн. томъ I, стр. 228).

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій удвоились въ объемѣ всегда ревностно производимыя раскопки на столь благодарной почвѣ Египта, вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно усовершенствовались ихъ методы. Главный успѣхъ выпалъ на долю изученія древнѣйшихъ временъ. Зачатки культуры, которые по нашему воззрѣнію пока отождествляются съ нача-

ломъ „древняго царства“ гораздо яснѣе обнаружились благодаря многочисленнымъ, по большей части неожиданнымъ находкамъ. Но едва ли можно найти хотя одно свидѣтельство о культурномъ движеніи впередъ, которое нельзя было бы въ концѣ концовъ возвести къ азіатскимъ вліяніямъ.

A. Древнее Царство.

а) Страна.

Въ ранніе періоды населенный теперь Египетъ представлялъ длинный мелкій заливъ, идущій отъ Средиземнаго моря, воронкообразно съуживающійся къ первому водопаду; его размѣры и береговое образованіе настолько могутъ быть сравнимы съ Чермнымъ моремъ, насколько эта лежащая рядомъ бухта представляетъ его укороченное и направленное въ противуположную сторону подобіе. Нилъ занесъ этотъ заливъ сравнительно скоро своими плотными иловыми отложеніями, дѣйствіемъ, которое продолжается еще теперь и даетъ Дельтѣ новый приростъ. Внутри вышина наносной почвы среднимъ числомъ достигаетъ 11 метровъ, въ странѣ устья 14 метровъ, такъ что при глубокомъ стояніи воды рѣки (апрѣль до конца мая) крутизна берега достигаетъ у Каира $4^1/2$ метровъ, у Ѳивъ приблизительно вдвое. Египетъ бѣденъ дождями, и былъ бы безъ регулярнаго разлитія Нила, которое совершенно затопляетъ въ октябрѣ воздѣланную область, по меньшей мѣрѣ степью. Продолжительное выступаніе водъ изъ береговъ возможно только благодаря тому обстоятельству, что идущія вдоль ложа рѣки низменныя пространства ниже, чѣмъ оно само. Теченіе Нила въ Египтѣ такимъ образомъ, благодаря своему илу, образовало посреди долины гребень, по которому онъ несетъ свой потокъ; передъ нами рѣка, естественная лобжина которой удаляется отъ отмѣченной линіи. О вліяніи отложеній во время разлитія Нила на условіе уровня только въ теченіе части историческаго времени указываетъ подъемъ необходимой высоты наводненія: до римскаго времени достаточно было 16 локтей на нилометрѣ, теперь 23 локтя 2 дюйма представляетъ желанную норму.

При Ассуанѣ (древне-египетскомъ Сунну, греческомъ Сіэнэ), который лежитъ подъ 24 градусомъ сѣверной широты, то есть у самаго тропика, оставляетъ Нилъ Нубію и начинаетъ свое нижнее теченіе, причемъ онъ пробиваетъ перекрестную преграду изъ гранита, которая вдвинута между сопровождающими его до этого мѣста песчаниковыми горами. Обломки камней въ ложѣ рѣки, которые здѣсь частью образуютъ острова, препятствуютъ судоходству этого „перваго водопада“ (сравн. о дальнѣйшихъ водопадахъ стр, 529). Еще разъ выступаетъ песчаникъ на 60 кил. ниже Ассуана по теченію Нила при Джебель Сельселехъ и суживаетъ его такимъ образомъ, что ему остается только 300 шаговъ ширины. Преодолѣвъ эту тѣснину, рѣка можетъ, при своемъ незначительномъ паденіи (отъ Ассуана до Каира не полныхъ 92 м., оттуда до моря 10 м.) разстилаться свободно. Горныя цѣпи справа и слѣва отступаютъ дальше, переходятъ при Эдфу въ третичную известковую формацію. У Луксора, мѣста древнихъ Ѳивъ, достигаетъ удобное для воздѣлыванія пространство между ними уже 10 кил. ширины; скоро потомъ начинается система боковыхъ каналовъ. Горная цѣпь на востокѣ удерживаетъ свой крутой характеръ, пока она у Каира не соединится съ загибающеюся къ западу цѣпью Мокаттама; болѣе волнообразный западный склонъ даетъ возможность такъ называемому каналу Іосифа (Баръ-Юсуфъ), который развѣтвляется отъ Нила подъ $27{,}5^0$ сѣверной широты и конечно есть древнѣйшая оросительная артерія перваго ранга, пройдя болѣе 100 нѣмецкихъ миль, пробить рядъ холмовъ и за нимъ образовать страну Фаюмъ. Между тѣмъ какъ въ древности этотъ западный привѣ-

сокъ Египта благодаря своему большему стоячему, „Меридову озеру“ грековъ (стр. 609) содержался въ высокой культурѣ, теряется теперь каналъ далѣе на западѣ въ стоячемъ „Роговомъ озерѣ“ (Биркетъ-ди-Керунъ, 40 м. ниже уровня моря); однако его воды все-таки еще достаточно для оплодотворенія значительной части Фаюма.

Почти 20 кил. ниже Каира раздѣляется имѣющій тамъ 1000 м. ширины Нилъ на свои теперешніе два рукава-устья: Нилъ Розетты (Рашидъ) и Нилъ Даміетты (Даміатъ), и такимъ образомъ начинается Дельта. Это, въ глубокой древности почти совсѣмъ наполненное болотами пространство, занимаетъ теперь плоскость въ 22,200 кил. съ 270 килом. береговой линіи и прорѣзано многочисленными каналами, длиной всего 13,440 килом. Регулированіе высоты воды Нила для этой низменности, въ виду ея однообразія, затруднительно, и попытка къ нему сдѣлана только въ теченіе XIX-го столѣтія посредствомъ построенія Barrage, огромнаго шлюза на южной оконечности только что названнаго треугольника рѣки. Изъ семи главныхъ устьевъ въ Средиземное море, которыя насчитывала классическая древность, соотвѣтствуетъ Болбитинское Розеттѣ; западный рукавъ, Канопскій, замѣняется оконченнымъ въ 1820 г. Махмудовымъ каналомъ, который достигаетъ у Александріи лагуны. Къ востоку отъ Розетты слѣдовали устья: Себениттское, Фатнитійское (Даміетта), Мендесское, Танитское и Пелусійское; три послѣднихъ — отверстія лагуны озера Менцалэ къ морю, но они соотвѣтствуютъ рукавамъ, носящимъ эти имена и вливающимся на южномъ берегу этого озера.

На востокѣ открытый въ 1869 г. Суэцкій каналъ отдѣляетъ Египетъ отъ Азіи. Онъ пересѣкаетъ рядъ горькихъ озеръ, которыя у Измаиліи принимаютъ Вади Тумилатъ, прѣсноводный каналъ, проложенный отъ Нила еще въ древности, но постоянно приходившій въ упадокъ.

Сдѣлавшаяся удобною для обработки, благодаря всѣмъ этимъ артеріямъ страна отъ Ассуана до границъ Дельты, круглымъ числомъ опредѣляется въ 30,000 кв. килом., немного больше Бельгіи, но она на цѣлую треть населена плотнѣе (по счисленію 1897 г. 9.739,405 жителей). Вмѣстѣ взятую область, главная масса которой представляетъ пустырь аравійской пустыни (между Ниломъ и Чермнымъ моремъ), а къ западу Ливійскую пустыню, примыкающую къ Сахарѣ, генеральный египетскій штабъ опредѣлилъ въ 1.027,354 кв. километровъ.

Для имени, подъ которымъ Египетъ въ теченіе исторіи былъ извѣстенъ у сосѣднихъ народовъ, нѣтъ еще удовлетворительнаго объясненія. Его туземное названіе было „Кемтъ“, въ позднѣйшей формѣ „Кеми“ и „Хеми“, что значило черноземная страна; древніе египтяне называли сами себя просто ромету (rometu), „люди“. Теперь повидимому представляется возможнымъ заключить, что „Египетъ“ могъ получиться изъ туземнаго названія города или округа храмовъ Мемфиса, Ха-ка-Пта: уже въ 1400 г. до Р. Х. онъ былъ извѣстенъ за границею подъ видомъ „Хикупта“. Семитическіе народы употребляли для страны имя Мисръ или (еврейское) Мицраимъ; египетскіе фараоны, по крайней мѣрѣ 18-ой династіи, называли себя въ своихъ письмахъ, отправляемыхъ къ иностраннымъ князьямъ, общепонятно, властелинами „Мисри“. Происхожденіе и значеніе этого слова, которое еще и теперь, какъ арабское Масръ, означаетъ, какъ страну, такъ и ея главный городъ Каиръ, все еще остается темнымъ.

То же самое можно сказать о греческомъ Neilos для названія рѣки. Древніе египтяне называли Нилъ Хапи; но это слово было употребительно въ ученіи о богахъ и только въ возвышенномъ языкѣ, почти какъ наше „Vater Rhein“. Потомъ вошло въ употребленіе iotr („рѣка“), откуда въ коптскомъ, послѣднемъ потомкѣ древняго египетскаго языка, удержалась форма jero (или jaro), которая близко передаетъ настоящее произношеніе, такъ какъ израильтяне называли Нилъ jeôr; ассирійцы jaru; а въ Сиріи

обозначали область Дельты въ 1380 г. какъ землю „Іаримута“, слово, вторая часть котораго ожидаетъ еще разъясненія.

б) Древнѣйшее населеніе и начало культуры.

Съ тѣхъ поръ какъ наука пришла къ соглашенію относительно происхожденія элементовъ древней египетской культуры съ востока, взгляды на происхожденіе древнѣйшихъ обитателей страны еще болѣе разошлись. Наряду съ неграми были приняты въ соображеніе западные сосѣди Дельты, ливійскіе народы. Основной доводъ, что египетскій языкъ долженъ быть азіатскаго происхожденія, не убѣждаетъ; теперь этотъ языкъ вымеръ и уступилъ мѣсто арабскому. Однако цѣлый рядъ важныхъ соображеній пока почти не принятъ во вниманіе. Во первыхъ, негръ уже не считается за древнѣйшаго обитателя внутренней Африки; скорѣе кажется, что онъ въ очень древнія времена перешелъ проливъ Бабъ-эль-Мандебъ въ томъ же направленіи, какъ „хамиты“ (нубійцы, бишари, галла, сомалъ), послѣ него. Во вторыхъ, мѣстами, гдѣ возможно вообще вторженіе большихъ ордъ или войскъ въ Египетъ, кромѣ береговъ Средиземнаго моря, могутъ быть только теперь прорѣзанный Суэцскимъ каналомъ земляной мостъ, противоположная ему ливійская граница Дельты и, наконецъ, врата Ассуана на югѣ. Замкнута къ востоку непроницаемо для большихъ войскъ (въ древности) долина Нила вверхъ отъ Каира. Такъ же точно и на западѣ. Хотя нѣтъ тамъ недостатка въ оазахъ, однако ихъ положеніе едва ли допускаетъ прямое нападеніе на долину между Ассуаномъ и Фаюмомъ.

Еще во времена Птолемеевъ и римлянъ восточная пустыня была обитаема кочевыми народами, которыхъ пишущіе по гречески египтяне называли „трогодитами“ (не „троглодитами“, что означало бы „жители пещеръ“). Только между Ниломъ и Чермнымъ моремъ, гдѣ не угрожало никакое продолжительное преслѣдованіе или стѣсненіе, было бы возможно, что остатки древнѣйшихъ и самыхъ грубыхъ племенъ сѣверо-восточной Африки удержались въ своемъ первобытномъ состояніи, послѣ того какъ болѣе цивилизованные завоеватели давнымъ давно отняли у нихъ плодородную рѣчную страну. Объ ихъ жизни пишетъ Артемидоръ (370 г. до Р. Х.) слѣдующее:

> Трогодиты ведутъ кочевую жизнь; ихъ отдѣльныя племена управляются неограниченными владыками. Жены и дѣти у нихъ общи; только исключаются жены и дѣти властителей. Кто оскорбитъ жену властелина, долженъ дать въ наказаніе овцу. Женщины тщательно чернятъ себѣ брови. Противъ колдовства привѣшиваются на шеѣ раковины. Изъ-за пастбищъ возникаютъ битвы: сначала обороняются кулаками, потомъ камнями, если же при этомъ произошло нанесеніе ранъ, то стрѣлами и кинжалами. Тогда выступаютъ женщины въ ихъ средину и мирятъ ихъ просьбами. Пища состоитъ изъ кусковъ мяса и костей, которыя будучи смѣшаны раздавливаются, завернутыя въ кожу, затѣмъ зажариваются поварами, которыхъ называютъ нечистыми, приготовляются и разными другими способами. Такъ они съѣдаютъ не только мясо, но также кожу и кости; также лакомятся они кровью, слитою вмѣстѣ съ молокомъ. Напитокъ большинства — наливка изъ терновника. Властелины же пьютъ смѣсь меда, для чего выжимается медъ изъ извѣстныхъ цвѣтовъ . . . . Они не только изуродованы, но частью такъ же обрѣзаны, какъ египтяне. Нѣкоторые изъ трогодитовъ погребаютъ своихъ умершихъ, при чемъ они шею трупа привязываютъ къ ногамъ розгами изъ терновника, потомъ тотчасъ же весело и смѣясь прикрываютъ камнями, покуда трупъ потеряется изъ виду. Тогда они ставятъ козій рогъ наверхъ и идутъ дальше. Они путешествуютъ ночью, причемъ привязываютъ бубенчики самцу вьючнаго животнаго, чтобы прогнать дикихъ животныхъ шумомъ. Противъ нихъ они употребляютъ факелы и лукъ, и цѣлую ночь напролетъ бодрствуютъ изъ за своихъ стадъ; у огня они поютъ извѣстную пѣсню.

Изъ замѣтки о чернении бровей слѣдуетъ прежде всего, что трогодиты считались довольно свѣтлокожими, и потому не были неграми. Общность женъ и слѣдовательно, конечно, дѣтей, указываетъ на лишь недавно описанную въ наукѣ степень въ развитіи понятія о семействѣ; отъ этого получаетъ корпоративное посредничество женщинъ при распрѣ племенъ влія-

ЕГИПЕТЪ
ДАРФУРЪ и АБИССИНІЯ

Масштабъ 1 : 12000000

0 50 100 200 300 400 Километровъ

Египетъ — Сфера итал. влiянiя — Брит. влад. — Франц. владѣнiя

Аинъ - источникъ, Бахръ - потокъ, ◦ Биръ колодезъ, Даръ - область, Дж.; Джебель - гора, горы; Расъ - мысъ, ♁ Деръ - монастырь; Вади - высохшее русло, долина.

НАЗВАНІЯ ПЛЕМЕНЪ — Высоты въ метрахъ

Историческія имена нанесены красной краской.

—— Караванные пути — Дождевые потоки

Вост. д. отъ 25 Гринича 30 35

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Устья Нила

НИЖНІЙ ЕГИПЕТЪ

ВЕРХНІЙ ЕГИПЕТЪ

ЕГИПЕТЪ

Ливiйская Пустыня

Сахара

Плоскогорье Ливiйской пустыни (100 150 м.)

Синайскій Полуостровъ

Суэсскій заливъ

Палестина

Красное Море

Нубійская пустыня

Нубія

Египетъ въ греко-римское время.

СРЕДИЗЕМН. МОРЕ

НИЖНІЙ ЕГИПЕТЪ

HEPTANOMIS (СРЕДНІЙ ЕГИПЕТЪ)

THEBAIS

ВЕРХНІЙ ЕГИПЕТЪ

ARABIA PETRAEA

Героополитскій заливъ

Ливiйская пустыня

Аравійская пустыня

Исторія человѣчества. III.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

тельное значеніе. Вѣроятно, предъ нами примѣръ „браковъ-Пуналуа“. Слѣдуетъ видѣть, какъ знакъ упадка, то, что для вождей уже допускаются въ видѣ преимущества особые браки. Видъ погребенія имѣетъ еще теперь аналогіи тамъ и сямъ во внутренней и въ южной Африкѣ; что касается козьяго рога, воткнутаго въ груду камней, то здѣсь (см. фиг. 3 таблицы при стр. 208 I-го тома) дѣло идетъ о „тотемѣ“ умершаго, который онъ, кромѣ раковинъ, носилъ на шеѣ. На основаніи этого нужно трогодитовъ въ этнологическомъ отношеніи помѣстить между готтентотами и бушменами. Чтобы включить трогодитовъ въ древнѣйшее свѣтлокожее коренастое населеніе внутренней Африки еще точнѣе, слѣдуетъ прибѣгнуть къ ближайшему знанію племенъ пигмеевъ у истоковъ Нила и области Конго. Ихъ существованіе всегда было извѣстно въ древности; иногда достигали отдѣльные ихъ представители до Египта. Всегда измѣненія на этнографической картѣ Африки проходили въ общемъ къ невыгодѣ малорослой древней африканской расы. Но что эти пигмеи когда то, какъ первобытные обитатели, занимали южный треугольникъ и съ нимъ, конечно, также его естественное продолженіе, долину Нила, подтверждается ихъ, при другихъ условіяхъ, необъяснимымъ нахожденіемъ на Мадагаскарѣ (съ ихъ остатками Вазимбой и ихъ могилами изъ грудъ камней, которыя избѣгаютъ остальные туземцы), такъ какъ этимъ доказывается ихъ прежнее этнографическое широкое распространеніе.

Первоначальное появленіе чужихъ пришельцевъ въ Египтѣ, такъ же, какъ негра въ средней Африкѣ, принадлежитъ непроницаемой первобытной исторіи. Но подобнаго рода нападенія должны были обыкновенно повторяться въ извѣстное время оживленнѣе съ сѣверовостока; иначе при началѣ эпохи памятниковъ у насъ не было бы передъ глазами такого значительнаго успѣха, какимъ представляется состояніе замкнутаго египетскаго государственнаго строя.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изслѣдованіе о началѣ Египта и его культуры еще было совершенно въ зависимости отъ схемы, которую жрецъ Манеѳонъ (стр. 588) составилъ въ 260 г. до Р. Х. Первый царь всей страны Мина слѣдовалъ по ней сряду послѣ десяти неназванныхъ предшественниковъ — людей и начиналъ собою „первую династію“: убѣжденіе, котораго держались уже давно ученые египетскіе писцы. Списокъ на „царскомъ папирусѣ“ въ туринскомъ музеѣ, вѣроятно, происходитъ отъ времени ок. 1500 г. до Р. Х., начинается также Миной и помѣщаетъ до него Шемес-у-Горъ, т. е. наслѣдниковъ бога Гора, полубоговъ, которые впрочемъ также выступаютъ и у Манеѳона, какъ „Nekues“ только отдѣленными отъ Мины вышеупомянутыми десятью. Главное свидѣтельство объ этомъ правителѣ гласитъ, будто бы онъ происходитъ изъ Тиниса, въ области Абидоса, немного сѣвернѣе Ѳивъ, перешелъ въ Мемфисъ и установилъ тамъ свою резиденцію. Страна, разсматриваемая въ историческое время, какъ первобытная резиденція, лежала значитъ на югѣ. Новыя раскопки Флиндерса Питри при Тухѣ, Балласѣ и въ 1899 г. при Ху, Амелино и И. де Моргана — при Негадѣ и самомъ Абидосѣ (все это пункты на западной окраинѣ долины Нила, недалеко другъ отъ друга) и послѣ нихъ раскопки, предпринятыя І. Э. Квибеллемъ 1898 г. при Комъ-эль-Ахмарѣ-Іераконполѣ (см. приложенную карту „Египетъ, Даръ-Фуръ и Абиссинія“) вполнѣ подтвердили это предположеніе, которое вообще удобопріемлемо. Что же касается Манеѳона, то у него хотя и начинается на надлежащемъ мѣстѣ длиннѣйшее перечисленіе древнихъ царей, соединяющее между собою образы, еще распознаваемые изъ мрака отдаленныхъ временъ, но цѣнность этого сопоставленія подлежитъ величайшему сомнѣнію.

Всѣ названныя раскопки группируются у царской могилы въ Негадѣ и остатковъ древнѣйшаго сооруженія у Іераконполя; сюда же слѣдуетъ отнести и находки обширныхъ кладбищъ, которыя Питри открылъ уже въ

1895 г. у Балласа и Туха, рядомъ съ Негадой. Большая гробница Негады оказалась строеніемъ изъ сырого кирпича, первоначально воздвигнутымъ надъ землею; остатки ея, погребенные въ холмѣ мусора, описываютъ параллелограммъ въ 50 метр. длины и 26 глубины. Внутреннее пространство было наполнено комнатками, изъ которыхъ наибольшая занимала средину. Здѣсь когда-то было помѣщено тѣло царя; прочія помѣщенія вдоль обводной стѣны, постепенно уменьшавшіяся, заключали жертвенные дары, сосуды которыхъ по большей части разбивались уже во время погребенія. Сильный пожаръ потомъ разрушилъ всю постройку, въ особенности же главное помѣщеніе, такъ что еще спорно, имѣемъ ли мы дѣло съ пожаромъ некрополя, какъ это было обычаемъ въ древнемъ Вавилонѣ, или со слѣдами позднѣйшаго уничтоженія, можетъ быть уже въ христіанское время. За сожженіе тотчасъ по погребеніи говорятъ, во всякомъ случаѣ, подобныя же находки у пяти другихъ сооруженій такого же рода, хотя нѣсколько меньшихъ; одна изъ нихъ открыта у Омъ-эль-Габа („мать горшковъ“ по причинѣ многочисленныхъ черепковъ), тогда какъ прочія раскопаны Амелино въ 1896 г. при Абидосѣ.

„Полевыя могилы“, гдѣ еще покоятся человѣческіе скелеты, обнаружили два различныхъ рода погребенія. Къ первобытному способу причисляютъ всѣ лежащія свободно или только въ кирпичномъ ложѣ покоющіяся тѣла, которыя положены туда въ оболочку изъ рогожъ или шкуры и почти въ „эмбріональномъ положеніи“. Трупъ былъ скорченъ, колѣни прижаты къ груди, руки такъ согнуты, что ихъ кисти закрывали лицо. Постоянно эти мертвые лежали на лѣвомъ боку, никогда они не находились въ сидячемъ положеніи. Питри нашелъ, что въ большинствѣ случаевъ они головами лежали на югъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ западу. Второй, одновременно употреблявшійся способъ погребенія, который, уже по своему мѣстонахожденію, доказываетъ этнографическое различіе внутри тогдашняго населенія Египта, не оставлялъ тѣла въ цѣломъ видѣ. Могилы то овальныя, то четырехугольныя, выкопанныя и часто вымазанныя глиной, выжженой или высушенной на воздухѣ, содержатъ расчлененныя, наброшенныя другъ на друга части скелетовъ, часто неполныхъ. По Г. Швейнфурту мы здѣсь имѣемъ дѣло со вторичнымъ погребеніемъ, какое еще и теперь въ обычаѣ у многихъ племенъ Африки. Помѣщаютъ сперва умершаго въ хижину, которую онъ занималъ при жизни, и выкапываютъ потомъ послѣ долгаго времени, послѣ чего распавшіяся кости погребаются снова и окончательно.

Главнымъ выводомъ относительно культурнаго состоянія этого ранняго времени оказывается прежде всего то, что не употреблялось бальзамированія: вѣроятно, оно было еще неизвѣстно; далѣе, что эти люди стояли на переходѣ поздняго неолитическаго времени къ бронзовому вѣку, наконецъ, что тогдашнія орудія уже допускали дѣйствительно значительное развитіе въ искусствѣ. При многочисленной красиво сработанной изъ камня утвари (именно очень изящныхъ ножахъ) находится много бронзовыхъ предметовъ, а также работъ изъ слоновой кости, льняныя ткани и золотыя украшенія. Но еще болѣе успѣховъ сдѣлала керамика, при чемъ большіе сосуды разнообразныхъ сложныхъ формъ не обнаруживаютъ гончарнаго слѣда. Впрочемъ отсюда ясно видно, что плетеніе корзинъ — мать гончарнаго производства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ человѣческихъ искусствъ, наиболѣе рано развившихся. Египтяне эпохи Негады также дѣлали имитацію гранита, подводя подъ мраморъ свои глиняныя издѣлія; они предпочитали какъ узоры для заполненія улитковую спираль, волны и линіи N, далѣе треугольники рядами, настоящій африканскій мотивъ. Болѣе высокой ступени достигли изображенія людей и животныхъ; очень часто появляются страусы, часто въ походкѣ рядами, точно также часто въ полномъ бѣгу; также мы находимъ ихъ на древнихъ рѣзныхъ изображеніяхъ, высѣченныхъ

на скалахъ (граффити) при Арбъ-Ассуанѣ, немного километровъ ниже перваго водопада—самыя южныя скульптуры эпохи Негады по Альфреду Видеману. Нигдѣ не попадается верблюдъ или лошадь; но, кажется, отсутствуетъ и кошка, тогда какъ слонъ находится на лицо и иногда смѣло балансируетъ на вершинѣ горы. Антилопы, козы, быкъ, оселъ и гусь, левъ, бегемотъ, крокодилъ и шакалъ, далѣе собака, скорпіонъ, всевозможныя породы рыбъ и, наконецъ копчикъ, какъ священная птица божества Гора — самые частые представители царства животныхъ въ этомъ искусствѣ. Въ противоположность манерѣ, извѣстной до тѣхъ поръ, какъ „египетской“, фигуры, вмѣсто того, чтобы быть изображенными сбоку, проектированы со спины; движеніе обозначается изгибомъ ногъ, у страуса рулевымъ движеніемъ крыла; мѣрнаго шага у человѣка и животныхъ, столь характеристичнаго для позднѣйшаго искусства, еще нѣтъ. Скорпіоны и крокодилы разставляютъ всѣ свои члены въ стороны, и отъ того получаютъ жизненность крабба, которой тщетно ищутъ потомъ. Достойно вниманія также и то, что между находками нильская барка играетъ ту роль, которую можно было ожидать.

Особый интересъ возбуждаютъ огромные, часто въ $1^1/3$ метра вышины, съуживающіеся къ низу жертвенные кувшины и амулеты мертвыхъ въ видѣ шиферныхъ пластинокъ. Кувшины отличаются только своею растянутою формою, употребляемою еще и теперь въ Египтѣ, но замѣчательны своими крышками. Суживающееся горлышко-отверстіе покрывается кружкомъ изъ выжженной глины, а надъ нимъ дѣлаютъ родъ двойного, точно также глиняного гасильника такъ, что покрышки кувшиновъ носятъ видъ сахарной головы. Катая цилиндрическую печать, наводятъ ряды рисунковъ на этихъ свѣжихъ покрышкахъ, при чемъ естественно отпечатки на внутреннихъ крышкахъ сохранились гораздо лучше. Преобладаютъ имена царей, какъ Горовъ (какъ показываетъ при этомъ сидящій копчикъ), изображенія животныхъ и орнаментовъ: древняя эпоха Негады была не чужда письменности, хотя конечно бѣдна ею; имена уже разобраны. Шиферныя пластинки были признаны за письменные приборы, такъ какъ изображенія на нихъ большею частью — фигуры животныхъ, иногда обнаруживаютъ окраску и, въ то же время, остатки румянъ въ могилахъ согнутыхъ скелетовъ (гдѣ и находились дощечки). Умершій получалъ шиферную вещь, положенную между головой и ладонью; это достаточно надежный признакъ амулета. По большей части на пластинкѣ дыра; отсюда также можно догадаться, что она носилась и при жизни. Съ вѣроятнымъ обычаемъ румянить согнутые трупы Негады передъ погребеніемъ эти талисманы не имѣли ничего общаго. Одна фигура безъ головы изъ могилъ Туха обнаружила странную окраску или татуированіе туловища и членовъ.

І. Э. Квибель въ началѣ 1898 г. изслѣдовалъ далѣе лежащій къ югу храмъ Іераконполя. Опять нашелъ онъ окруженное кирпичными стѣнами сооруженіе съ комнатами, но на этотъ разъ можно уже говорить объ историческомъ пріобрѣтеніи. Могильный храмъ былъ уже возобновленъ два раза, сначала при 6-ой, потомъ основательно при 12-ой манеѳоновой династіи. Изъ этого можно заключить или предположить, что въ Египтѣ около 1900 г. до Р. Х., т. е. во время литературнаго развитія, знали достовѣрное объ условіяхъ и фактахъ періода Негады, въ противоположность новому царству, царскіе списки котораго обнаруживаютъ полнѣйшее незнаніе его. Памятникъ царя „Башъ“ (?) прежде всего обращаетъ на себя вниманіе среди находокъ Іераконполя. Въ длинномъ необыкновеннаго покроя платьѣ сидитъ князь, голова котораго покрыта оканчивающеюся шарообразно короной верхняго Египта; изображенія побитыхъ непріятелей изъ „сѣверной страны“, т. е. изъ Дельты, видны на основаніи. По надписямъ на двухъ вазахъ владычествовалъ Башъ надъ страной до перваго водопада и соединилъ верхній Египетъ съ нижнимъ. Второй

царь того же времени, Нар-меръ поименованъ на другихъ предметахъ. Данныя вазъ пополнены шиферной дощечкой, которая съ двухъ сторонъ покрыта изображеніями событій на сѣверѣ. Въ чащѣ папирусовъ въ странѣ устья лежитъ побѣжденный непріятель на землѣ. На мѣстѣ битвы появляется окруженный вельможами царь въ коронѣ обѣихъ странъ; передъ нимъ тѣла убитыхъ съ отрубленными головами. Взятіе укрѣпленныхъ мѣстъ олицетворяетъ быкъ, вторгающійся въ городскія стѣны. [1] Всѣ дальнѣйшія изображенія напоминаютъ подобныя же изъ эпохи Негады.

На общую особенность могилъ Негады указалъ Видеманъ: присутствіе черепов быковъ, козъ или газелей. Еще въ жертвахъ умершимъ позднѣйшаго времени они были традиціонною составною частью, и при сирійскихъ даняхъ, назначенныхъ для фараона (а не для какой либо другой цѣли), рогатыя головы дикихъ козъ или быка удивительно часто представляютъ покрышки роскошныхъ сосудовъ, какъ образецъ сирійской керамики или металлическаго производства. Происхожденіе и смыслъ этихъ даровъ совершенно имѣли связь съ первобытнымъ періодомъ Египта. Видеманъ вспоминалъ о „маскахъ Хаторъ“ (рогатыя человѣческія лица) египетскихъ храмовъ, далѣе о головѣ вола на верхушкѣ шеста при обрядахъ. „Насаженная схематичная и человѣкоподобная голова вола служила въ эпоху 12-ой династіи, какъ символъ до этихъ поръ неизвѣстнаго значенія. Гробъ окружали насаженныя на палки бычачьи головы, которыя достигали до крыши балдахина, въ могилѣ Неб-эм-Хута изъ 4-ой династіи.“ Орѳографія священнаго имени города Ху, въ которомъ Питри нашелъ черепа быковъ, состоитъ изъ знаковъ, въ основу которымъ положена голова быка, какъ первоначальный фетишъ.

Въ эпоху Негады жило другъ подлѣ друга въ Нижнемъ и Верхнемъ Египтѣ два племени различнаго происхожденія, изъ которыхъ одно подчинялось другому. Такъ какъ завоеватели культурной страны должны были стоять во всѣхъ отношеніяхъ выше покоренныхъ, то согнутые мертвые должны быть разматриваемы по отношенію къ разчлененнымъ, какъ принадлежащіе болѣе раннимъ обитателямъ. Но сліяніе обѣихъ націй, которыя, вѣроятно, только немного поколѣній сидѣли вмѣстѣ, должно было совершиться вскорѣ послѣ того времени, къ которому восходятъ могилы; различіе въ способѣ погребенія могло у знатныхъ родовъ завоевателей еще сохранить въ тогдашнее время главнымъ образомъ сознаніе различія происхожденія, такъ какъ человѣкъ вообще консервативенъ въ погребальныхъ обычаяхъ. Съ другой стороны все какъ будто говоритъ въ пользу того, что господствующее племя въ эпоху Негады ввело въ Египтѣ употребленіе бронзы, но оно не пошло дальше первыхъ началъ.

Было-бы ошибочно разсматривать господствующій народъ Негады, какъ вообще первый, который вторгнулся изъ Азіи въ Верхній Египетъ; покоренные были со своей стороны уже не „африканцы“, но они обнаруживаютъ по своимъ искусствамъ уже слѣдствіе болѣе ранняго, конечно тоже азіатскаго смѣшенія. Несомнѣнно вавилонское непосредственное или посредственное вліяніе на искусство современниковъ эпохи Негады. Многое изъ этого кажется еще новымъ: замѣчательно, что именно шиферныя пластинки-амулеты при согнутыхъ скелетахъ (стр. 583) болѣе всего стоятъ подъ свѣжими вліяніями Азіи. Отсюда вѣроятно можно пожалуй заклю-

---

[1] Египтологъ Капаръ въ своей талантливой статьѣ: „La fête de frapper les Anou“ (Par., 1901) доказываетъ, что барельефы іераконпольскихъ царей увѣковѣчиваютъ побѣду фараоновскихъ египтянъ надъ народомъ ану, владѣвшимъ до нихъ страной и оставившимъ слѣды своего имени въ именахъ многихъ важныхъ городовъ (Иліополь=Онъ, Дендера=Онтъ, Ермонтъ—Онъ южный и др.). Памятники Іераконполя изображаютъ пораженіе ану уже въ Дельтѣ. Изгнаніе ану, въ виду своей важности для исторіи египтянъ было увѣковѣчено особымъ праздникомъ „пораженія ану“, справлявшимся еще въ Новомъ Царствѣ. Б. Т.

чить, что религіозныя понятія послѣднихъ пришлецовъ уже взяли верхъ, и только еще они не могли выдержать спора о „послѣднихъ вещахъ“. Позднѣйшее развитіе египетскаго способа погребенія потомъ взяло верхъ надъ двумя параллельными ступенями эпохи Негады. Рука объ руку притомъ должно было также идти сглаживаніе азіатскаго характера властелиновъ. Доказательство довольно далекаго происхожденія пришлецовъ явствуетъ прежде всего изъ того, что также бедуинскіе сосѣди Египта въ южной Палестинѣ употребляли способъ погребенія согнутыми, какъ въ Негадѣ, и не оставляли еще его въ позднѣйшее время. Царь 12-ой династіи велѣлъ призвать изгнанника изъ страны Тену и разъяснилъ ему именно то преимущество, которое представляетъ для вѣчности могила съ муміей. „Не случиться тому, чтобы ты умеръ на чужбинѣ, чтобы азіатъ похоронилъ тебя и что тебя завернутъ въ кожу барана.“ Собственныя воспоминанія египтянъ не восходили такъ далеко. [1]

Нашъ интересъ къ предполагаемому происхожденію неолитическихъ египтянъ не нуждается въ оправданіи. Могильныя находки-же допускаютъ основной признакъ этого народа видѣть въ типѣ, который обнаруживаетъ родство между ними и трогодитами востока, но не тождество. Что говоритъ Артемидоръ о привязываніи головы трупа троглодитовъ къ ногамъ (стр. 580), есть описаніе пріема, которымъ достигалось согбенное положеніе. Такія частности о племенахъ пустыни можно было собрать только въ Египтѣ. Наивное сообщеніе Артемидора ясно показываетъ, что у Нила именно смотрѣли на погребальные обычаи трогодитовъ, какъ на нѣчто неслыханное; его авторитетамъ было совершенно незнакомо нахожденіе подобныхъ могилъ въ ихъ собственномъ отечествѣ. Козьи рога Негады все еще играли главную роль тысячелѣтія спустя при погребеніи трогодитовъ въ самомъ Египтѣ; покровъ изъ камней въ эпоху Негады перенесенъ подъ землю, которую рѣдко возможно было разрыхлять въ Трогодитской пустынѣ.

Весьма важными для этнографическаго опредѣленія возможности, были-ли неолитическіе египтяне и трогодиты первобытнаго африканскаго происхожденія, являются древніе граффити на скалахъ Арбъ-Ассуана, далѣе извѣстныя росписи на фундаментахъ изъ Абидоса и Негады. Р. А. Шт. Макалистеръ, который посѣтилъ въ декабрѣ 1899 г. изъ верхняго Египта пустыню Трогодитскую, говоритъ о подобныхъ знакахъ на скалахъ у соединительныхъ пунктовъ Вади Манила съ Вади Шаидъ. Давно уже обратилъ на себя вниманіе этнографовъ талантъ бушменовъ къ рисованію (см. таблицу при стр. 401);они уже до высадки европейцевъ на Капъ характерно передавали людей и животныхъ. Такія пестрыя изображенія на стѣнахъ скалъ, частью живописью, частью рѣзьбою, которыя наблюдаются непосредственно отъ Капа до самой Оранжевой рѣки, настоятельно вызываютъ на сравненіе съ дѣтскими произведеніями эпохи Негады.

Подтвержденіе того, вслѣдствіе смѣшеній и не необходимаго, но все-таки вѣроятнаго предположенія, что и малый ростъ еще господствовалъ среди неолитическихъ египтянъ, также не лежитъ за предѣлами возможнаго; такъ Эдуардъ Навилль недавно объяснилъ нѣкоторыя архаическія фигуры, какъ фигуры карликовъ. Что скелеты до этого времени не подвергались систематическому разсмотрѣнію съ точки зрѣнія ихъ длины, объясняется тѣмъ, что преимущественно занялись изслѣдованіемъ череповъ. При томъ установили прочно, что ни одинъ изъ типовъ Негады не имѣетъ ничего общаго съ египетскимъ эпохи фараоновъ. Мѣра черепа изъ южныхъ мѣстъ погребенія при самой Негадѣ многократно побуждаетъ къ указанію на тѣсное соприкосновеніе съ бушменами и готтентотами. По Питри нѣкоторыя

---

[1] Если не считать той мистической роли, какую играла во всѣ времена египетской культуры шкура при погребеніи. Покрышка изъ нея клалась на гробъ; „пройти чрезъ шкуру“ означало очищеніе. Забывъ первоначальный обычай погребать въ шкурѣ, египтяне осмыслили мистически его пережитокъ. Б. Т

статуэтки Негады допускаютъ усмотрѣть свойственное обоимъ южно-африканскимъ племенамъ ожирѣніе (см. выше, стр. 400).

Египтяне, по крайней мѣрѣ 18-й династіи, повидимому смотрѣли на жителей страны ладана Пунтъ, которая лежала на югѣ Чермнаго моря, какъ на родственное племя. Что моряки египетской царицы Хатшепсутъ почитали богиню Хаторъ, какъ владычицу Пунта, еще не рѣшаетъ вопроса, такъ какъ богиня Хаторъ была вообще покровительницей мореплаванія и доставляла благопріятный вѣтеръ, безъ котораго также нельзя было достигнуть Пунта. По изображеніямъ на храмѣ Дер-эль-Бахри можно заключить, что въ 1500 г. до Р. Х. въ Пунтѣ жили смѣшанныя съ неграми темныя племена. Они жили въ хижинахъ свайной постройки, въ которыя влѣзали по приставной лѣстницѣ, и старались пріобрѣсти въ мѣновой торговлѣ вещи изъ металла, въ особенности оружія. Разговоры жителей Пунта съ причалившими египтянами, сообщаемые намъ въ прямой рѣчи, могутъ возбудить вѣру, что не было никакой существенной разницы между обоими языками. Но такъ какъ жители Пунта удивительнымъ образомъ употребляли туземное имя египтянъ (rometu=просто люди) уже при первомъ привѣтствіи, то слѣдуетъ отклонить смѣло это предполагаемое доказательство. Напротивъ, эти варвары казались довольно странными для египтянъ и соотвѣтствующимъ образомъ были ими представлены.

Политическія условія Египта въ исходѣ эпохи Негады даютъ понять, что онъ, въ противуположность болѣе раннему времени, долженъ былъ тогда направить свои силы противъ сѣвера, гдѣ ливійскія племена взятіемъ Дельты отрѣзали отъ сообщенія верхнюю страну. Такъ какъ мы относительно Мины, „перваго царя“ преданія, могилу котораго думали открыть въ большой царской гробницѣ Негады знаемъ, что главнымъ дѣломъ его было перенесеніе резиденціи съ юга въ Мемфисъ и побѣда надъ ливійцами, то намъ находится видѣть въ „царяхъ Негады“ его предшественниковъ, которые еще не рѣшались на этотъ шагъ. За „Башемъ“ (стр. 583) слѣдовалъ его внукъ Ха-Сехем-уи; царя Нармера можно помѣстить недалеко отъ нихъ; въ близкомъ по времени отношеніи одного къ другому должны также стоять цари Денъ и Азибъ, изъ которыхъ самый послѣдній также кажется состоитъ въ близкомъ родствѣ съ Ха-Сехем-уи. Кромѣ этихъ имѣется рядъ дальнѣйшихъ именъ, которыхъ нельзя еще частью вѣрно прочитать; можетъ быть многія изъ нихъ принадлежатъ царямъ, жившимъ гораздо позже, которые только влагали сюда благочестивые дары. Съ другой стороны мы обладаемъ нѣсколькими статуями чиновниковъ этихъ царей Негады, каковы статуя Анха въ Лейденѣ и другая, сидящая на корточкахъ, въ Булакскомъ музеѣ; онѣ выполнены не въ стилѣ фараоновскаго времени, еще совершенно „по архаистическо-египетскому“, но представляютъ настоящіе портреты. Это были мелкія фигуры; лицо имѣетъ широкій носъ и крѣпкія скулы.

Если дѣйствительно переѣздъ въ Мемфисъ былъ уже подготовленъ войнами Баша и Нармера, то возможно сдѣлать заключеніе назадъ, на положеніе дѣлъ при возникновеніи царства Негады. Когда предки названныхъ царей со своими азіатскими свитами вторгнулись вверхъ по Нилу, то нашли въ области Абидоса либо главное сопротивленіе, либо этой полосѣ угрожала опасность съ юга; вѣроятно, встрѣчалось то и другое вмѣстѣ. Рѣдко происходятъ завоеванія однимъ ударомъ: отъ времени до времени замедляемый наплывъ азіатовъ чрезъ Дельту могъ часто возобновляться, пока Верхній Египетъ не былъ обезпеченъ за царствомъ Негады. Ливійцы и жители Дельты становились безпокойны въ томъ случаѣ, какъ только они сами не терпѣли при этихъ переходахъ. Тогда наступило положеніе, о которомъ мы узнаемъ изъ результатовъ раскопокъ: царство Негады борется теперь съ сѣверомъ.

Вѣроятно, въ одномъ, столь характерномъ для страны Нила миѳѣ, отра-

зилось покореніе Египта азіатскимъ племенемъ, бывшимъ закваской царства Негады: сказаніе о борьбѣ между богами Горомъ и Сетомъ съ ихъ многочисленными мѣстами борьбы вдоль всей рѣки и о рѣшеніи ея въ глуби юга, при Эдфу. Самая видная роль, которую играетъ именно копчикъ Гора при находкахъ Негады, должна тѣмъ болѣе имѣть значеніе, что религіозныя ученія этихъ поколѣній въ другихъ отношеніяхъ имѣли мало соприкосновенія съ позднѣйшими системами египетскаго ученія о богахъ. Впрочемъ, при такомъ отношеніи къ миѳу Гора, и Шемес-у-Горъ туринскаго папируса (стр. 581) достигли фактически почитанія. Можетъ быть, слѣдуетъ поэтому видѣть въ двухъ формахъ погребенія эпохи Негады—одно „народа Гора" а другое „народа Сета".

в) Династіи Древняго Царства.

Никакая другая страна не можетъ быть, по богатству древностями, поставлена рядомъ съ Египтомъ. Хотя долина двухъ Месопотамскихъ рѣкъ по многочисленности находокъ и уступаетъ ему лишь немногимъ, но, конечно, стоитъ позади его относительно распредѣленія матеріала по различнымъ областямъ человѣческой дѣятельности. Египетъ даетъ намъ возможность бросить взглядъ на обыденную жизнь великихъ и ничтожныхъ, на пріемы промышленности и сельскаго хозяйства; образцы всѣхъ орудій роскоши и необходимости, начиная съ дѣтскихъ куколъ и шахматъ до цѣнныхъ золотыхъ украшеній царственныхъ особъ, заботливо, тщательно сбереженныя отъ тлѣнія тѣла могущественныхъ завоевателей, пѣсни, сказанія и сказки, которыми восхищался старъ и малъ, письменныя принадлежности, которыя увѣковѣчили ихъ, амулеты, сандаліи и даже парикъ, который носилъ писецъ: все это оставило намъ образцы часто въ изобиліи. А что отъ бренныхъ остатковъ въ теченіи тысячелѣтій потеряло свѣжесть, то представляется нашему взору восполненнымъ пестрыми росписями гробницъ и вѣрными рисунками.

Однакожъ неоцѣненное пониманіе дѣйствительности сказывалось у египтянъ гораздо менѣе въ томъ случаѣ, если оно встрѣчало задачи, выходившія за предѣлы очевидности. Грандіозныя произведенія древне-египетскаго искусства и не менѣе грандіозный ходъ ихъ развитія вводятъ слишкомъ легко въ заблужденіе, заслоняя тотъ фактъ, что это развитіе всегда указываетъ на одинъ и тотъ же корень: на сознательное пристрастіе къ матеріалу и консерватизмъ. Это, въ то же время, прочный пунктъ, который народно-психологически соединяетъ древнее египетство съ самымъ внутреннимъ существомъ африканскихъ націй. Изъ доказательствъ этому дольше всего останавливаетъ на себѣ типичный видъ, который должно было принять христіанство именно въ Египтѣ. Не случайность и то, что мы не можемъ прослѣдить успѣховъ и перемѣнъ въ области искусства и литературы; напротивъ того, эти успѣхи всегда съ извѣстной эпохи оказываются налицо готовыми, и именно послѣ долгихъ промежутковъ времени „египетскаго мрака", который каждый разъ можно заполнить азіатскимъ оплодотвореніемъ на политической почвѣ.

Подобнымъ событіемъ было господство Гиксосовъ, которое было слишкомъ продолжительно и дѣйствовало слишкомъ энергично, чтобы потомъ опять затмиться. Съ его концомъ поднимается „Новое Царство". Ново прежде всего то обстоятельство, что на этотъ разъ промежуточное время вызвало къ жизни у египтянъ историческій смыслъ, прежде крайне призрачный, что находитъ объясненія при взглядѣ на Вавилонію. Между тѣмъ жители Новаго Царства остались египтянами; ихъ только что пріобрѣтенный историческій смыслъ проявляется лишь, какъ ощущеніе. Цари начали дѣлать выборки изъ списковъ именъ ихъ еще достижимыхъ предшественниковъ и пробовать повелѣвать послѣдовательно опи-

сывать свои собственныя дѣянія. Такихъ „курсорныхъ" списковъ у насъ есть много; три изъ нихъ сохранились въ болѣе полномъ видѣ: таблица изъ храма въ Карнакѣ (Өивы), на которой Тутмосъ III поклоняется 61 древнему царю; одна, найденная въ храмѣ Осириса въ Абидосѣ съ 75-ю именами; третья — изъ гробницы въ Саккара, сокращенная копія предыдущей и, подобно ей, проистекающая отъ времени Рамсеса II. Больше чѣмъ простой выборъ имѣлъ въ виду предложить Туринскій царскій папирусъ; къ сожалѣнію, онъ состоитъ только изъ разрозненныхъ обрывковъ, которые лишь въ незначительной степени удалось соединить снова. Этотъ списокъ не только доходилъ отъ царей-боговъ до времени Гиксосовъ, но обозначалъ также при каждомъ царствѣ точную продолжительность въ годахъ, мѣсяцахъ и дняхъ. Даже въ томъ случаѣ, если списокъ долженъ быть отнесенъ къ болѣе позднему времени и къ началу 19-й династіи, все-таки оригиналъ принадлежитъ безъ сомнѣнія ко времени, непосредственно слѣдующему за Гиксосами. Какъ очевидное подражаніе вавилонскимъ спискамъ царей, текстъ этотъ стоитъ до сихъ поръ одиноко: такъ далеко зашедшая тщательность становится скоро опять скучною.

Только александрійская эпоха вывела исторію Египта изъ туземныхъ литературныхъ пріемовъ: образованный на греческій ладъ верховный жрецъ и писецъ при храмѣ Манеөонъ (сравн. стр. 581) изъ Себеннита составилъ свое сочиненіе Aegyptiaca, сохранившееся въ извлеченіяхъ и цитатахъ. У него навѣрно былъ въ распоряженіи богатый матеріалъ, но онъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, считался со взглядами своего времени — такъ онъ принялъ излюбленный, сдѣлавшійся баснословнымъ образъ всемірнаго завоевателя Сесостриса; впрочемъ это и подобное, можетъ быть, слѣдуетъ отнести на счетъ дошедшихъ до насъ пересказовъ: уже въ древности было столько поддѣлано подъ Манеөона, что мы только въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ имѣемъ нѣчто большее самаго общаго представленія относительно его взглядовъ. Но его хронологическая схема сохранилась и понынѣ. Древнее Царство обнимаетъ у него, начинаясь съ Мины, династіи 1—11, Среднее Царство династіи 12—19; Новое Царство начинается съ 20 и идетъ до Александра. Свидѣтельствомъ памятниковъ этотъ взглядъ не подтвердился; обыкновенно теперь начинаютъ Среднее Царство уже съ 11-й династіи и оканчиваютъ 17-й. Мы же будемъ считать Древнее Царство только до конца 6-й династіи, гдѣ необходимая историческая нить обрывается на долгое время, шаткія свѣдѣнія изъ династіи 7—10, какъ переходное время, присоединимъ къ Среднему Царству, и Новое будемъ разсматривать отъ изгнанія Гиксосовъ до начала 26-й династіи, такъ что съ Псамметиха 1-го Манеөонъ можетъ быть оставленъ. Ясно, что Манеөонъ пользовался источниками въ родѣ Туринскаго папируса и начертанныхъ на памятникахъ списковъ царей; такимъ образомъ крайнимъ хронологическимъ предѣломъ его документовъ является начало Новаго Царства. О достовѣрности этого списка Флиндерсъ Питри судилъ слѣдующимъ образомъ. „Безъ сомнѣнія источниками служили историческіе списки. Если мы обратимъ вниманіе на болѣе древній списокъ Тутмоса III изъ Карнака, то онъ имѣетъ видъ, какъ будто не имѣлось подъ руками никакой настоящей исторіи царства при его составленіи. У рѣзчиковъ на камнѣ не было достаточныхъ образцовъ: всевозможные обломки и съ трудомъ добытыя по воспоминанію имена — вотъ, кажется, и все, что еще собрано для сооруженія національнаго памятника ко времени 18 династіи. Подобные же выводы можно сдѣлать относительно списковъ изъ Абидоса, Саккара и Туринскаго папируса, которые всѣ вмѣстѣ принадлежатъ тому же времени и указываютъ тоже направленіе послѣдняго относительно темы". Касательно свѣдѣній о трехъ первыхъ династіяхъ дѣло у насъ обстоитъ именно такъ, какъ съ писцами Тутмоса и Сети: не достаетъ жизненныхъ чертъ. Открытіе же гробницъ Негады еще болѣе сгустило этотъ мракъ.

Рядъ царей первой династіи Манеѳона гласитъ: Мина съ 62 годами, Атотисъ съ 57, далѣе Кенкенесъ съ 31, Уенефесъ съ 23, Усафаидъ съ 20, Міебидъ съ 26, Семемпсесъ съ 18 и Біенехесъ съ 26 годами царствованія; каждый разъ слѣдовалъ за отцомъ сынъ. Списокъ второй династіи имѣетъ девять властителей: Боэѳъ (38 лѣтъ), Кайэхъ (29), Бинотрисъ (47), Тласъ (17), Сеѳенесъ (41), Хайресъ, Неферхересъ (25), Сесохрисъ (48), Хенересъ (30 лѣтъ). Оба дома называются „Тиниты", и такимъ образомъ произведены Манеѳономъ изъ области Абидоса (стр. 581), тогда какъ слѣдующая династія родомъ изъ Мемфиса. Попытки сопоставить „Тинитовъ" съ отдѣльными именами царей Негады не удались [1]. Списокъ третьей династіи, наконецъ, даетъ опять девять царей: Нехерофесъ (28 лѣтъ), Тосорѳръ (29), Тиреисъ (7), Месохрисъ (17), Со-уфисъ (16), Тосертасисъ (19), Ахесъ (42), Сефурисъ (30) и Керфересъ (26 лѣтъ). Мы имѣемъ всего 26 царей, которые въ общей сложности управляли 769 лѣтъ.

Сказочны или скорѣе миѳологичны скудныя замѣтки о событіяхъ въ продолженіе этого долгаго времени. Конечно, больше всего повѣствуется объ основателѣ Минѣ. Кромѣ его переселенія изъ Тиниса въ Мемфисъ, гдѣ онъ основываетъ храмъ мѣстнаго бога Пта, „первый храмъ Египта вообще", знали еще о немъ, что онъ изобрѣлъ буквы, ввелъ культъ священнаго быка Аписа, крокодила и даже научилъ искусству устраивать роскошные пиры. Стала извѣстна со временъ Геродота легенда о ранней смерти Манероса, который будто былъ единственный сынъ Мины и будто былъ оплакиваемъ народомъ похоронною пѣснью „Манеросъ". Манеѳонъ, напротивъ, повѣствуетъ о борьбѣ Мины съ ливійскими непріятелями и допускаетъ, что онъ самъ умерщвленъ бегемотомъ: его источникъ, очевидно, не зналъ гробницы Мины.

Аѳотисъ будто построилъ въ Мемфисѣ царскій дворецъ и написалъ сочиненіе по анатоміи. Дѣйствительно, медицинскій папирусъ Эберса содержитъ рецептъ для рощенія волосъ, изобрѣтенный Шешъ, матерью Аѳотиса. Наконецъ, явился при этомъ царствованіи двуглавый журавль, т. е. птица бога Тота, съ именемъ котораго сопоставленъ „Аѳотисъ", что знаменовало преуспѣяніе. Уже эти ничтожныя данныя достаточны для того, чтобы во второмъ властелинѣ Египта, очерченномъ правильно по миѳологической схемѣ, узнать Соломона. Параллельное израильское преданіе знало средство для рощенія волосъ только въ его дѣйствіи (на братѣ Соломона Авессаломѣ). Ожиданіе, что при дальнѣйшихъ наслѣдникахъ Мины преимущественно будутъ происходить бѣдствія, оправдалось: царствованіе Уенефеса достопамятно голодомъ, а царствованіе Семемпеса „многими чудесами" и сильной чумой.

Для заполненія фактами второй династіи воспользовались, кажется, другой миѳологической темой. Боэѳъ достопамятенъ потому, что въ его время при Бубастѣ въ Дельтѣ разверзлась пропасть, въ которой погибало много людей; Кайэхъ, на этотъ разъ у Манеѳона, вводитъ служеніе Апису въ Мемфисѣ, Мневису въ Иліополѣ и священному барану въ Мендесѣ; при Неферхересѣ текъ Нилъ одиннадцать дней медомъ вмѣсто воды, а Сесохрисъ, наконецъ, былъ „очень опасный человѣкъ" въ пять локтей и три пядени вышины. Перечисленіе этихъ первыхъ пяти династій по списку изъ Абидоса дѣлаетъ ясными различіе между греческимъ способомъ письма именъ царей у Манеѳона и ихъ іероглифическими формами. Оно поименовываетъ точно послѣдующій рядъ: Бета-у, Ка-ка-у, Ба-нетеренъ, Уатнесъ и Сентъ; остальныхъ четверыхъ тамъ не достаетъ. О Сентъ-

[1] Это невѣрно. Рядомъ весьма тщательныхъ и чрезвычайно остроумныхъ изысканій египтологовъ Зете, Шпигельберга, Фукара и др. удалось отождествить многія имена, найденныя въ Абидосѣ, Негадѣ и Іераконполѣ съ перечисленными у Манеѳона. Особеннаго вниманія заслуживаетъ работа Фукара, доказавшаго, какъ я полагаю, тождество Баша и Нармера съ Боэѳомъ и Кайэхомъ, начинающими у Манеѳона вторую династію. Б. Т.

Сеөенесѣ должны были быть уже рано въ ходу извѣстія, благодаря которымъ онъ казался важнымъ, такъ какъ его божеское почитаніе началось еще въ древнемъ царствѣ и удержалось до самой эпохи Птолемеевъ.

О третьей династіи, которая со своими послѣдними представителями вступаетъ уже въ самый ранній разсвѣтъ историческаго преданія, у Манеөона сохранилось для насъ особенно мало. Только сказано о двухъ первыхъ царяхъ, что при Нехерофесѣ произошло возмущеніе ливійцевъ, которые бѣжали въ ужасѣ, когда вдругъ увеличилась луна; Тосорөръ, напротивъ, былъ великій врачъ, усовершенствователь письменъ и строитель: онъ воздвигъ зданіе изъ обтесанныхъ камней. При этомъ надобно вспомнить, что съ четвертой династіей начинается время пирамидъ. Сохранилась пирамида съ уступами въ Саккара, въ которой постройка не доведена еще до сглаживанія боковыхъ плоскостей, не имѣвшихся и на планѣ. Второй примѣръ, пирамида Медума, допускаетъ уже при крутизнѣ своихъ этажей возможность „облицовки"; во всякомъ случаѣ должно было бы разсчитать, во сколько легче было бы здѣсь выполненіе. Что пирамида Саккара дѣйствительно принадлежитъ къ третьей династіи, слѣдуетъ изъ того, что облицовочные кирпичи при входѣ носили имя царя Цосера. Это имя появляется въ повѣствованіи одного папируса въ числѣ ближайшихъ предшественникахъ Снефру, которымъ начинается четвертая династія; также Усертесенъ II возводитъ значительно позже свое происхожденіе къ Цосеру. Вѣроятно, такимъ образомъ, что замѣтка у Манеөона о постройкахъ Тосорөра имѣетъ въ виду Цосера и пирамиду Саккара. Точно также въ одномъ папирусѣ находится замѣтка, что царь Хуни умеръ и ему наслѣдовалъ Снефру. И въ спискахъ царей Хуни стоитъ на концѣ; можетъ быть, Манеөонъ предимя Хуни, которое звучало Неферъ-ка-Ра, хотѣлъ передать своимъ Керферъ.

Никогда въ теченіе исторіи человѣческія руки не переносили каменныхъ массъ подобной громадности на такомъ сравнительно маломъ пространствѣ, какъ въ Египтѣ по повелѣнію строителей пирамидъ. Мы не знаемъ, какъ могла возникнуть мысль о сооруженіи себѣ сверхчеловѣческаго саркофага такого рода; но образцы ея выполненія, которые оставила четвертая династія, сдѣлались вѣчными отличительными признаками Египта. Они причисляются къ древнѣйшимъ сооруженіямъ, какія мы знаемъ до теперешняго времени. Всѣ лежатъ на западномъ берегу ложа Нила, между Гизехомъ при Каирѣ и крайнимъ сѣверо-восточнымъ угломъ Фаюма; ихъ раздѣляютъ (на главныя группы) по арабскимъ мѣстностямъ, вблизи которыхъ онѣ возвышаются (см. карту при стр. 581), и говорятъ сообразно этому о пирамидахъ при Гизехѣ, Абу-Роашѣ, Абусирѣ, Саккара, Лиштѣ, Дашурѣ и Медумѣ. Остатки малыхъ подражаній, изъ которыхъ два находятся въ самомъ Фаюмѣ, такъ же какъ и очень позднее возвращеніе къ этимъ сооруженіямъ при Мерое въ Эөіопіи, не принимаются во вниманіе. Въ цѣломъ можно насчитать свыше семидесяти образцовъ ихъ въ собственномъ округѣ пирамидъ; большая часть ихъ конечно служила впослѣдствіи, какъ каменоломни и, такимъ образомъ, исчезла до самаго основанія. Уцѣлѣвшія еще внутри пересѣчены косыми ходами, которые вели къ комнатамъ могилъ; впрочемъ, общая картина этихъ сооруженій весьма разнообразна: большая пирамида Хеопса, напримѣръ, имѣетъ внутри себя много погребальныхъ комнатъ однѣ надъ другими, тогда какъ другія заключаютъ въ себѣ только одну.

Что пирамиды, эти неудобныя и дорогія сооруженія, воздвигались только для однихъ царей (Менкаура и Снефру, по Питри, соорудили себѣ даже каждый по двѣ), видно между прочимъ изъ того, что высшіе чиновники въ Древнемъ Царствѣ сооружали себѣ другого вида погребальные дома — „Мастаба" (= скамьи) подъ сѣнью царскихъ могилъ. Поэтому мы находимъ свиту многихъ властелиновъ, и по смерти сгрупированной по рангу за остроконечнымъ строеніемъ своего владыки, какъ колокольня и клад-

бище въ нашихъ деревняхъ. Достаточно странно то обстоятельство, что мастаба еще сравнительно болѣе богаты сообщеніями о своихъ покойникахъ, чѣмъ пирамиды въ ихъ теперешнемъ состояніи; то, что послѣднія когда-то были покрыты на облицовкѣ длинными надписями, какъ утверждаютъ древнія извѣстія, оспаривается теперь на достаточныхъ основаніяхъ. Существуютъ указанія на то, что строитель пирамиды повелѣвалъ погребать также тѣла членовъ своего семейства въ комнатахъ пирамидъ; но чтобы узнать, было ли это правиломъ или исключеніемъ, намъ слѣдовало бы прежде знать представленіе, въ угоду которому воздвигнуты такія огромныя постройки. Сохранность мумій и богатые дары имъ принимались при этомъ, безъ сомнѣнія, въ соображеніе.

Выборъ формы пирамиды восходитъ, безъ сомнѣнія, къ религіознымъ представленіямъ; ученіе продолженіи существованія по ту сторону повліяло рѣшающимъ образомъ. То обстоятельство, что на вопросъ „какъ" не слѣдуетъ никакого пригоднаго отвѣта, лежитъ въ недостаточности преданія о древне-египетской религіи (см. стр. 631 сл.). Вѣроятно, пирамида, какъ архитектурное явленіе, получилась чрезъ нагроможденіе другъ на друга мастабъ постепенно уменьшающихся размѣровъ. Видъ мастабы самъ по себѣ напоминаетъ почти четыреугольный ящикъ, вертикальныя плоскости котораго отклонены наискось. Весьма различныя по величинѣ (площадь основанія колеблется между 1100 и почти 25 кв. мтр.) мастабы состоятъ внутри изъ храмика, стѣны котораго покрыты изображеніями и надписями, пространства въ родѣ дымовой трубы для каменной статуи умершаго и, наконецъ, подземной комнаты безъ украшеній—для гроба, гдѣ покоилась спеленатая мумія въ каменномъ саркофагѣ. Большая часть того, что мы знаемъ о жизни и бытѣ эпохи Древняго Царства, основывается на изображеніяхъ въ храмикахъ, въ которые можно было входить снаружи и которые были назначены для жертвоприношеній, для кажденій, словомъ для заупокойнаго культа со стороны потомковъ. Что было дорого умершему: его имѣнія, слуги, чиновники, любимыя животныя, удовольствія охоты, нашло себѣ изображеніе на стѣнахъ. Если нѣтъ въ весьма малыхъ мастабахъ храмиковъ, то они замѣнены фальшивыми дверями на наружной стѣнѣ съ исписанными именами умершихъ и текстами изъ молитвъ.

Четвертая династія начинается у Манеѳона царемъ „Сорисъ", котораго памятники знаютъ подъ именемъ Снефру. Онъ былъ до самаго послѣдняго времени первымъ египетскимъ властителемъ, о которомъ свидѣтельствуетъ его собственная надпись и именно на Синайскомъ полуостровѣ, въ Вади Магара. Дѣйствительно, тамошній, теперь уже истощенный мѣдный рудникъ еще со времени Новаго Царства называется „копи Снефру". Вѣроятно, прежде всего Снефру подчинилъ эту страну владычеству Египта. Его надпись указываетъ на него, какъ на побѣдителя Ментіу, маленькаго племени бедуиновъ этого полуострова. Впрочемъ это военное извѣстіе не имѣетъ себѣ соотвѣтствія въ продолженіе всей династіи, если исключить однородное съ нимъ хеопсово [1]. Разумѣется, требовались мирныя времена годъ за годъ, чтобы привлечь силы народа къ исполинскимъ сооруженіямъ, не имѣвшимъ никакой практической пользы. Пирамида Снефру вѣроятно та, которая называется Медумской; погребенные въ прилежащей къ ней колоніи мастабъ жили при немъ, такъ напр. „вельможа юга" Рахотепъ, сидящая портретная статуя котораго съ соотвѣтствующимъ еще болѣе красивымъ изображеніемъ его супруги Нефертъ украшаетъ теперь музей въ Каирѣ. Царь тотчасъ по своей кончинѣ и до самой эпохи Птолемеевъ былъ почитаемъ, какъ богъ.

[1] Слѣдуетъ имѣть въ виду, что древнѣйшее изображеніе этого рода найдено въ гробницѣ царя I-й дин. Дена (Хасти, у Манеѳона Кенкепъ) на пластинкѣ изъ слоновой кости: царь изображенъ поражающимъ азіата-семита; сбоку надпись: „Пораженіе жителей востока".
Б. Т.

За нимъ слѣдовалъ Хуфу, Хеопсъ Геродота. Строго говоря, объ этомъ знаменитѣйшемъ среди пустыхъ именъ можно сообщить только то, что его пирамида — самая огромная изъ всѣхъ; она достигаетъ 146,5 метр. высоты при 233 метр. ширины внизу. Также остались слѣды и отъ каменной плотины, на которой, по Геродоту, на той сторонѣ Нила обтесывались разбитые камни по ихъ доставкѣ на мѣсто; краткая надпись въ Вади Магара касается опять наказанія бедуиновъ. Безплодны для исторіи царей остались также мастаба за его пирамидой, хотя между другими погребены въ ней и его сыновья. Хорошее состояніе ихъ владѣній, тучность ихъ стадъ рогатаго скота и стай гусей, о чемъ свидѣтельствуютъ стѣны храмиковъ, какъ и о другомъ подобномъ, было совершенно достаточно, чтобы наполнить душу этихъ наивныхъ людей. Это — упрямые землевладѣльцы, привилегированные члены дворянства, вѣроятно „чистые" потомки азіатскихъ завоевателей древней эпохи, которые также и по смерти слѣдовали за царемъ, о которыхъ онъ заботился при жизни и возвелъ до высшихъ полезныхъ должностей. Первоначальное чувство отчужденія въ странѣ вызвало, конечно, обычай закладывать привилегированный городъ мертвыхъ при царской могилѣ; также, конечно, и при жизни резиденція была единственнымъ мѣстомъ, заключавшимъ въ себѣ и жилища аристократіи. Во всякомъ случаѣ при Снефру и его преемникахъ едва ли могла уже быть рѣчь о дѣйствительномъ существованіи этого чувства отчужденія; поэтому дѣло здѣсь идетъ только о поддержаніи аристократической замкнутости, которая, какъ въ жизни, такъ и въ смерти придерживается строгихъ формъ. Сознаніе же быть и историческимъ лицомъ или стараніе желать быть имъ совершенно незнакомы этому роду; и надписи на Синайскихъ горахъ представляютъ только памятныя доски. И такъ, въ аристократическомъ государствѣ Древняго Царства нѣтъ именно лучшей приправы для нашего вкуса: вслѣдствіе ея недостатка, вещественныя росписи на гробницахъ представляются намъ скорѣе проявленіями недалекаго, празднаго образа мыслей.

Пирамида Медума лежитъ на самомъ югѣ области пирамидъ, пирамида Хуфу, напротивъ, у Гизеха, слѣдовательно вблизи сѣвернаго ея конца; обѣ отстоятъ другъ отъ друга болѣе, чѣмъ на 60 километровъ. Хуфу имѣлъ резиденцію по близости Мемфиса; столицу Снефру, имя которой, вѣроятно, звучало Дед-Снефру, нужно искать у Медума.

Хафра наслѣдовалъ Хуфу, какъ сынъ отцу, тогда какъ у Геродота „Хефренъ" называется братомъ Хеопса. Пирамида этого царя (см. приложенную таблицу „Пирамида Хефрена и большой сфинксъ съ юго-востока") вблизи большой и только почти на 8 метровъ ниже ея. Извѣстна далѣе статуя изъ діорита, которая прекрасно и очевидно вѣрно передаетъ[1] наружность Хафры; она была открыта въ подземельѣ храма сфинкса недалеко отъ пирамиды съ шестью меньшими, сильно поврежденными, которыя также изображаютъ этого царя. Высокое тронное сѣдалище оканчивается на верху Горомъ — копчикомъ, клювъ котораго выдается надъ низкой головной повязкой царя, лежащей своими широкими концами складками на плечахъ Хафры. Большой сфинксъ (см. таблицу) принадлежитъ, напротивъ, другому времени, хотя уже и въ Новомъ Царствѣ, кажется, думали о Хафрѣ, какъ о его соорудителѣ. Въ то время между его распростертыми лапами выстроили храмикъ; изъ современныхъ надписей разъясняется, что фигура должна быть разсматриваема, какъ изображеніе бога-солнца. Согласовалось ли это представленіе съ первобытною цѣлью памятника искусства, который большую часть своего существованія провелъ скрытымъ въ сыпучемъ пескѣ, сомни-

[1] По изслѣдованіемъ Борхардта (Zeitschrift für ägypt. Sprache 26,1) и мнѣнію Гриффиса, статуи Хефрена принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени, вѣроятно даже эпохѣ эѳіопскихъ фараоновъ 25 дин., при которыхъ оживился интересъ къ древнему царству и былъ въ ходу культъ его царей. Поэтому едва ли о нихъ можно сказать, что онѣ вѣрно передаютъ наружность царя. Б. Т.

Исторія человѣчества. III. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Пирамида Хефрена и большой Сфинксъ, съ юго-востока.

(По фотографіи Sébah въ Каирѣ).

тельно. Вырубленный изъ прилежащей скалы вышиною въ 20 метровъ, сфинксъ представляетъ покоящагося льва съ человѣчьей головою, лицо которой, къ сожалѣнію, сильно повреждено фанатичными арабами

О Царѣ Дедефра той же 4-ой династіи, находятся то тамъ, то сямъ случайныя упоминанія; но ни его мѣсто въ ряду царей, ни его пирамида неизвѣстны. Непосредственнымъ наслѣдникомъ Хафры считается Менкаура, у Геродота „Микеринъ", который нашелъ себѣ могилу въ третьей пирамидѣ въ Гизехѣ, вышиною только въ 66,5 метровъ. Послѣднимъ царемъ изъ рода Снефру былъ Шепсескафъ, пирамида котораго еще не опредѣлена. Въ Саккара Огюстъ Эдуардъ Маріэттъ (1821—81) обнаружилъ могилу одного сановника по имени Пташепсесъ, который сообщилъ о своей личности кое-какія, пригодныя для историка, свѣдѣнія. Сначала принялъ его Менкаура, потомъ Шепсескафъ „въ число царскихъ дѣтей"; послѣдній сдѣлалъ его своимъ зятемъ, отдавъ ему въ жены свою старшую дочь Хамаатъ. Пташепсесъ былъ также назначенъ жрецомъ трехъ обелисковъ Ра; такимъ образомъ эти острыя и узкія каменныя колонны въ честь бога солнца, изъ которыхъ самая длинная въ Ѳивахъ достигаетъ 33 метровъ, входятъ въ нашъ кругозоръ.

Народное преданіе послѣ усматривало въ строителяхъ пирамидъ несправедливыхъ притѣснителей Египта. Разсказы Геродота даютъ объ этомъ понятіе. Хеопсъ будто даже закрылъ храмы и прекратилъ жертвы, чтобы имѣть возможность потребовать силы народа всецѣло для построенія своего могильнаго памятника; точно также поступалъ будто Хефренъ (строители самыхъ большихъ пирамидъ). Только Микеринъ будто подумалъ впервые снова о справедливости къ богамъ и людямъ; но небесные не обнаружили никакого пониманія въ этомъ отношеніи; такъ продолжаетъ сказаніе, и этотъ оборотъ весьма характеристиченъ для мрачнаго міросозерцанія феллаховъ всѣхъ временъ. Боги сократили жизнь Микерина на томъ основаніи, будто была ихъ воля, чтобы страна и впредь была несчастна; царь (строитель гораздо меньшей пирамиды) былъ такимъ образомъ, въ противоположность своимъ жестокимъ предшественникамъ, виновенъ въ неповиновеніи. Далѣе должно быть разсказано содержательное и интересное сказочное повѣствованіе, возникшее, вѣроятно, въ теченіе Средняго Царства, какъ боги отклонились отъ Хуфу и его дома. „Папирусъ Весткаръ", который заключаетъ въ себѣ рукопись, къ сожалѣнію, прерывается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинается настоящее развитіе. Всетаки имѣющіяся въ наличности части повѣствуютъ, что царь Хуфу однажды велѣлъ позвать ко двору волхва черезъ принца Дедефъ-Гора (который въ Книгѣ Мертвыхъ является сыномъ Менкаура). Послѣ того какъ этотъ человѣкъ, „которому было 110 лѣтъ, который истреблялъ въ одинъ день 500 хлѣбовъ, заднюю часть быка и 100 кувшиновъ пива", продѣлалъ передъ царемъ всякіе фокусы, а также и будто предсказалъ, что три сына, которыми была беременна Реддедетъ, жена жреца бога Ра въ Сахебу, будутъ современемъ владыками надъ Египтомъ, Хуфу былъ очень смущенъ и рѣшаетъ самъ пуститься въ путь въ Сахебу. Потомъ разсказывается рожденіе трехъ мальчиковъ при помощи боговъ; Исида даетъ имъ имена Усеркафъ, Сахура и Кака; дѣйствительно три первые царя 5-ой династіи появляются въ такомъ порядкѣ на спискѣ въ Абидосѣ (см. стр, 588). Сказка оканчивается повѣствованіемъ, какъ первая попытка служанки открыть царю существованіе дѣтей и будущее ихъ назначеніе, встрѣтила препятствіе. Писатель, съ точностью передавая придворный тонъ, относится со всѣмъ наружнымъ почтеніемъ къ Хуфу; тенденція же, не смотря на это, противъ послѣдняго.

Пятая династія, такимъ образомъ, была родомъ не изъ Элефантины въ Верхнемъ Египтѣ, какъ сообщаетъ Манеѳонъ, но изъ Сахебу „при каналѣ Двухъ Рыбъ" (по Питри въ Дельтѣ). Новые цари этого ряда погребены также въ сравнительно малыхъ пирамидахъ, изъ которыхъ три опредѣлены

достаточно вѣроятно: пирамида Сахура при Абусирѣ, пирамида Ра-ен-узера и пирамида послѣдняго, Унаса, въ Саккара. Что касается историческихъ данныхъ, то Древнее Царство для ихъ времени стало еще бѣднѣе прежняго. Владѣніе Синайскими рудниками династія сохраняла: цари Сахура, Ра-ен-узеръ, Менкау-Горъ и Асса представлены тамъ на надписяхъ. Ассой, предъ-имя котораго звучало Дедка-Ра, былъ датированъ первый списокъ папируса Prisse, который выдаетъ за своего составителя Пта-хотепа, родственника и сановника Ассы; сохранившійся экземпляръ происходитъ однако уже изъ Средняго Царства и, кажется, вообще пользуется неудобной рѣчью тогдашней литературы. Отрывки другихъ папирусовъ, относящихся въ царствованію Ассы, открыты въ Саккара крестьянами въ 1893 г. Папирусъ Prisse содержитъ попытку нравственной философіи: престарѣлый Пта-хотепъ изливаетъ. безъ внутренней связи, при помощи изрѣченій и разсужденій, мудрость, собранную въ продолженіе своей жизни. Въ общемъ этотъ сборникъ стоитъ близко къ однороднымъ ему, имѣющимся въ обращеніи и въ настоящее время: нужно почитать старшихъ, быть кроткимъ и скромнымъ, словомъ, обуздывать свой эгоизмъ, чтобы другой могъ легче дѣйствовать. Наслѣдникъ Ассы Унасъ (могильная пирамида котораго съ частями его мумiи была открыта весною въ 1881 г.) по Туринскому папирусу царствовалъ 30 лѣтъ; могильная надпись чиновника Сенецем-абъ въ Гизехѣ доказываетъ это преемство, но едва ли соуправленіе Унаса уже во время жизни Ассы. Въ Абусирѣ нѣмецкія раскопки въ мартѣ 1900 г. обнаружили барельефъ, имѣющій предметомъ прославленіе царя Саду и восходящій во всякомъ случаѣ къ V династіи [1].

По характеру свѣдѣній о двухъ послѣднихъ рядахъ властителей, ихъ эпоха должна намъ показаться мирною. Это измѣняется вскорѣ послѣ начала шестой династіи, которая по Манеѳону происходила изъ Мемфиса, состояла изъ пяти царей и закончилась царствованіемъ женщины. Данныя списковъ и памятниковъ допускаютъ однако различить, по крайней мѣрѣ, восемь правителей. Ихъ пирамиды на окраинѣ Саккара могли, при открытіи 1880/81 годовъ, быть распредѣлены по отдѣльнымъ царямъ: Тети, его предполагаемому наслѣднику Ати, далѣе Пепи I-му, Мерира, Меренра (съ предъ-именемъ Менти-ем-сафъ) и Пепи II-му Неферъ-ка-Ра. Тексты внутри пирамидъ — строго религіознаго содержанія, и потому самую интересную находку представляла мумія Меренра, хотя ограбленная и развернутая, но всетаки хорошо сохранившаяся. Она доказывала, что царь умеръ молодымъ, такъ что четыре года правленія, которые даетъ ему Туринскій папирусъ, соотвѣтствуютъ хорошему преданію. Если это такъ относительно дальнѣйшаго, то у насъ для Пепи II-го означено самое долгое царствованіе, извѣстное въ исторіи: болѣе 90 лѣтъ; Манеѳонъ допускаетъ, что онъ взошелъ на престолъ шестилѣтнимъ мальчикомъ и царствовалъ до 100 лѣтъ (жизни). Весною 1898 г. Викторъ Лоре раскопалъ недалеко отъ Мемфиса могилу матери царя царицы Апу-итъ, реставрированную при царѣ изъ Гиксосовъ, а еще позднѣе при одномъ изъ Рамесидовъ;

---

[1] Въ палермскомъ музеѣ находится кусокъ замѣчательной надписи, которая прежде считалась календарной, но въ самое послѣднее время по тщательнымъ изслѣдованіямъ Пеллегрини, Шефера, Борхарта и Зете оказалась единственнымъ образцомъ древнеегипетскихъ лѣтописей, и притомъ относящихся къ древнему царству. Сначала перечислены цари одной Дельты, слѣдовательно предшественники объединеннаго Египта, потомъ слѣдуютъ погодныя записи, доходящія до царя Ноферкара 5 династіи. Подъ каждымъ годомъ дается перечень событій, главнымъ образомъ религіознаго характера (напр. 1-й разъ праздникъ такой-то, рожденіе божества такого-то, основаніе такого-то храма и много друг.) иногда политическаго, царскихъ даровъ храмамъ. Подъ первыми годами царей всегда стоитъ: „соединеніе обѣихъ земель". По стилю лѣтопись напоминаетъ аналогичные памятники древнихъ городскихъ царствъ въ Вавилоніи. См. Schäfer, „Ein Bruchstück altägypt. Annalen" Berlin, 1902. Б. Т.

думаютъ въ ней найти древнѣйшую изъ упоминаемыхъ египетскую царицу, которая принадлежала времени или Тети или Пепи I-аго.

Для **внутренней** исторiи царства, которое распространилось при 6-ой династiи еще къ югу и востоку, имѣетъ значенiе то обстоятельство, что начальники округовъ и также могущественные **чиновники** мало по малу устраивали тамъ свои могилы, гдѣ находились ихъ владѣнiя. И такъ кладбища-мастаба понемногу выходятъ изъ моды; знать становится поземельнымъ сословiемъ и находится на пути къ самостоятельному значенiю рядомъ съ царскою властью.

Одна изъ двухъ могильныхъ надписей этой эпохи носитъ на себѣ отпечатокъ удовлетворенiя той ролью, которая была предназначена ея покойнику. **Уна**, погребенный въ Абидосѣ, древнемъ городѣ-некрополѣ, разсказываетъ, что онъ началъ свое чиновничье поприще еще мальчикомъ при царѣ Тети и почтенъ довѣрiемъ Пепи I-го. Ему и второму судьѣ былъ переданъ тайный процессъ противъ царицы Амтесе, по поводу заговора въ гаремѣ противъ Пепи. Уна старательно упоминаетъ и порученiя для доставки плитъ изъ каменоломней, въ томъ числѣ и для своей собственной могилы. И далѣе надпись повѣствуетъ: „Его Величество объявилъ войну противъ азiатовъ; привели войско изъ многихъ мирiадъ со всего юга, изъ Элефантины, изъ сѣверной страны и т. д., изъ страны негровъ Аартетъ, Меца, Амамъ, Ваватъ, Каау и Татаамъ; во главѣ этого войска выслалъ Его Величество меня. Тамъ стояли князья, главные хранители сокровищъ (казначеи), ближайшiе друзья дворца, начальники округовъ и правители городовъ южной и сѣверной странъ, друзья и начальники золота (можетъ быть обладатели золотыхъ почетныхъ знаковъ отличiя, пожалованiе которыхъ только впервые встрѣчается въ Среднемъ Царствѣ), начальники жрецовъ и имущества храма (каждый) во главѣ войска южной и сѣверной странъ, городовъ и округовъ, (надъ) которыми они повелѣваютъ и негровъ тѣхъ странъ. Я же предводительствовалъ ими, хотя моя должность была только начальника нубiйской страны Хентъ". Это перечисленiе даетъ сравнительно ясную картину политическаго устройства Египта въ концѣ Древняго Царства и его воинской неповоротливости; выдѣленiе войскъ негровъ при разнопестромъ нацiональномъ ополченiи имѣетъ свое основанiе. Пять или шесть походовъ понадобилось Унѣ, чтобы разсѣять (вначалѣ конечно нападающаго) непрiятеля. Наконецъ поѣхалъ египетскiй полководецъ на корабляхъ (къ берегу Палестины?); „тамъ разбилъ и изрубилъ всѣхъ".

Вторая, еще болѣе цѣнная могильная надпись изъ Ассуана — **Херхуфа** извѣщаетъ о военныхъ походахъ противъ Нубiйскихъ странъ и восточныхъ оазовъ; Херхуфъ былъ при Пепи I-мъ, наслѣдникѣ Менемра, начальникомъ южной страны, т. е. занималъ уже въ то время высокiй постъ. Восьмимѣсячный походъ вглубь Нубiи, кажется, не былъ удаченъ; такъ какъ слѣдующiй долженъ былъ направиться изъ Сiута въ страну Тамеху „на западѣ неба" (ливiйскiй оазъ Эль-Харгехъ), которая была отнята нубiйскимъ княземъ племени Амамъ, и сопровождался успѣхомъ. Вѣроятно, къ началу династiи принадлежитъ живое изображенiе изъ могилы Анта въ Дешашехѣ, къ югу отъ Бени-Суэфъ; на немъ представлена осада одного палестинскаго города египтянами, къ ужасу владычествующаго тамъ царя, который, сидя на своемъ тронѣ, рветъ на себѣ волосы.

Царство, принужденное къ частому напряженiю силъ, кажется стало приходить въ упадокъ при Пепи II, о продолжительномъ будто бы царствованiи котораго намъ мало извѣстно. Какъ повѣствуютъ Геродотъ и Манеѳонъ, Ментесуфисъ, т. е. второй царь Менти-эм-сафъ, сдѣлался, послѣ однолѣтняго правленiя, жертвою возстанiя. Его супруга Нитокриса наслѣдовала его тронъ и отомстила за него, повелѣвъ утопить собранныхъ по ея приглашенiю въ подземный залъ для пиршества бунтовщиковъ отведенною

туда водою Нила. Потомъ она спаслась отъ мести за это не менѣе отважнымъ самоубійствомъ: она бросилась въ комнату, наполненную раскаленнымъ пепломъ. Хотя Туринскій папирусъ имя Нейтакертъ даетъ на томъ мѣстѣ, которое желаютъ прибавить къ концу шестой династіи (стр. 597), всетаки сказаніе, навѣрно, не имѣетъ исторической цѣнности именно для свѣдѣній о концѣ этого дома; гораздо болѣе доказательно заканчивается 12-ая династія женщиной — правительницей. Сказаніе же о Нитокрисѣ живетъ. послѣ того какъ оно дало грекамъ матеріалъ для различныхъ сопоставленій; напр. съ гетерой Родописъ (и посредствомъ ея тему для золушки); оно еще и теперь существуетъ, какъ сказки о призракахъ у исламскихъ окрестныхъ жителей пирамидъ.

Съ изчезновеніемъ 6-ой династіи очевидно пришло къ концу и государственное единство Египетскаго царства на долгое время, или оно въ данную минуту не допускало на продолжительное время возстановленія, такъ какъ природа страны требуетъ центральнаго управленія, которое принимаетъ за основу своихъ общихъ мѣръ современныя условія орошенія. Отдѣльные князья должны уже поэтому находиться между собою въ постоянномъ спорѣ; ничтожный подъемъ наводненія тотчасъ вызываетъ жалобы нижней страны противъ спусковъ каналовъ въ верхней. Довольно часто царская династія сама могла быть низвергнута богомъ Нила, такъ какъ онъ, и притомъ, конечно, прочіе боги возвѣщали ей о своемъ гнѣвѣ многократными отказами въ нужномъ обильномъ разливѣ. Папирусъ Весткаръ содержитъ напр. намекъ, будто домъ Хуфу былъ пресѣченъ такимъ образомъ: Ра извѣщаетъ боговъ, что новые цари должны приносить большія жертвы: въ этомъ дается указаніе на недостаточность ихъ въ предшествующее время. Что еще въ эпоху Птолемеевъ считалось главнымъ требованіемъ офиціальнаго стиля упоминать только намеками о подобныхъ нежелательныхъ происшествіяхъ даже болѣе древнихъ временъ, доказываетъ одно мѣсто въ декретѣ Канопскомъ, гдѣ ясно подчеркнута связь между прочностью трона и высотою Нила. Кромѣ этого мы ничего не знаемъ изъ древняго времени объ этомъ самомъ важномъ пунктѣ народнаго хозяйства; столь повидимому разнообразныя сцены изъ обыденной жизни на стѣнахъ гробницъ изображаютъ всегда только желательное.

Причиной гибели дома Пепи были безъ сомнѣнія, и войны. Уна описываетъ съ удовольствіемъ способъ, какъ его большое войско на пути къ восточной границѣ, слѣдовательно въ собственной странѣ, заботилось само о своемъ содержаніи: „одинъ похищалъ сандаліи и хлѣбное тѣсто у путника, другой выносилъ изъ каждой деревни хлѣбъ, третій отнималъ козъ у всѣхъ“. Пусть даже жалобы крестьянъ раздавались безплодно, настроеніе номарховъ, которые подвергались убыткамъ въ большомъ размѣрѣ, легко принимало опасный характеръ. Такимъ образомъ — дѣйствительно имѣющіе значеніе факты только украдкой мерцаютъ въ „исторіи“ Древняго Царства, причемъ послѣдней на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Точно также обстоитъ дѣло и съ его хронологіей; самая высокая дата съ нѣкоторой достовѣрностью (начало 12-ой династіи около 1995 г. до Р. Х.) падаетъ уже на Среднее Царство. Съ 1995 г. до конца 6-й династіи считается полтысячи лѣтъ, такъ что послѣднюю можно принять отъ 2700—2500, династію 5-ую отъ 2820—2700; эти 120 лѣтъ сосчитываетъ именно Туринскій папирусъ. Напротивъ, строители большихъ пирамидъ 4-ой династіи едва ли въ общей сложности дольше 70 лѣтъ обременяли страну. Предположеніе въ сказкѣ, что Хуфу жилъ при основателѣ слѣдующаго дома, опровергается надгробною надписью принца Ра-сехем-ка, который служилъ при пяти царяхъ: Хафрѣ, Менкаурѣ, Шепсескафѣ, далѣе при 5-ой династіи Узеркафѣ и при его наслѣдникѣ Сахура. И такъ 4-ую династію достаточно ограничить предѣлами между 2890 и 2820. Первыя три династіи съ ихъ навѣрно невозможными 769 годами (стр. 589) не допускаютъ никакой

численной прибавки. Мы будемъ близки къ вѣроятію, предположивъ, что царей Нагады можно отнести къ 3100, такъ что Мина придется за 3000 л. до Р. Х.

Б. **Среднее Царство.**

а) Переходное время.

Даже обильный царями Манеѳонъ покидаетъ насъ, послѣ того какъ его Нитокриса получила трагическій конецъ; съ прочими списками на первыхъ порахъ дѣло обстоитъ не лучше. Только Туринскій папирусъ присовокупляетъ на обрывкѣ съ именемъ „Нейтакертъ“ (стр. 596) еще четырехъ царей съ очень короткими правленіями, откуда слѣдуетъ общая сумма, которая насчитываетъ отъ Мины 1755 л. При провѣркѣ убѣдятся, что Манеѳонъ со своей стороны высчиталъ ровно на 250 лѣтъ менѣе для промежутка времени между Миной и концомъ 6-й династіи. Наши вспомогательныя средства не достаточны для того, чтобы принять въ соображеніе отрывокъ, какъ заключеніе этого ряда; и притомъ тождественность Нитокрисы съ Нейтакертъ не надежна. Сухой перечень владыкъ перечисляемыхъ имъ династій, вотъ и все, что мы можемъ требовать отъ Манеѳона для совершенно темнаго періода, который раздѣляетъ 12-ую династію отъ 6-ой. Достаточно знаменательно говорится уже о седьмой династіи: „70 царей въ 70 дней“. Принимая въ соображеніе болѣе самостоятельное поведеніе начальниковъ округовъ при Пепи, думали, что въ этихъ 70 однодневныхъ монархахъ можно видѣть имѣвшую скорый неудачный конецъ попытку поставить власть знати съ перемѣннымъ главою на мѣсто царской. Уже въ древности эксцерптаторъ читалъ или исправлялъ: „пять царей въ 75 лѣтъ“, можетъ быть, чтобы не дойти именно до этого нелѣпаго съ исторической точки зрѣнія предположенія.

Подобно предшествующимъ, названы мемфитами и 27 царей восьмой династіи (146 л.). За ними слѣдуютъ двѣ династіи изъ Ираклеополя. Отсюда же происходитъ 9-ая съ 17-ью царями въ 409 л. и десятая тоже съ 17-ью царями въ 185 л. И мы не знаемъ, слѣдуетъ ли считать мѣстомъ ихъ происхожденія „великій Ираклеополь“ (Хененсу египтянъ) въ Фаюмѣ, или „малый“ въ Дельтѣ.

За это вознаграждаетъ насъ замѣтка Манеѳона, что основатель 9-й династіи Ахтоэсъ, былъ самый жестокій притѣснитель изъ всѣхъ властителей, бывшій до этого времени. Послѣ того, какъ онъ совершилъ много злыхъ дѣлъ, его поразило сумасшествіе, и, наконецъ, онъ былъ пожранъ крокодиломъ, который главнымъ образомъ, казалось, назначенъ былъ для этой цѣли Провидѣніемъ въ древнемъ Египтѣ. Изъ этой назидательной исторіи вывели много заключеній: такъ напр. будто Ираклеополиты были чужеземные завоеватели, которые велѣли взломать пирамиды и предали уничтоженію муміи. Извѣстное количество каменныхъ изваяній изъ Дельты, стиль которыхъ дѣйствительно производитъ странное впечатлѣніе, происходитъ должно быть отъ ихъ эпохи. Даже постановка большого сфинкса въ Гизехѣ приписывалась имъ: онъ, будто бы, былъ поставленъ на этомъ мѣстѣ до извѣстной степени на перекоръ строителямъ пирамидъ. Дѣйствительно, сфинксъ вызываетъ подобное впечатлѣніе; вѣроятно происходили съ длинными промежутками времени также и азіатскія нашествія. Но краткое свѣдѣніе едва ли годится для такихъ обширныхъ выводовъ. Геродотъ слышалъ случайно въ Египтѣ разсказы о Хеопсѣ и Хефренѣ (см. стр. 592), которые Манеѳонъ приписываетъ своему Ахтоэсу; это кажется несравненно болѣе похоже на народное преданіе. Однако, противополагая Ахтоэса строителямъ пирамидъ, оно ничего не могло найти въ Ираклеополитахъ достойнаго порицанія. Послѣдователь-

ность въ расположеніи или ненависти — крѣпкая сторона этого преданія. Тѣ не египетскія каменныя изображенія, наконецъ, съ гораздо большимъ основаніемъ можно отнести къ Гиксосамъ; одна удивительно грубая верхняя часть царской статуи, найденная въ Фаюмѣ, должна была бы во всякомъ случаѣ быть сопоставлена съ изваяніями эпохи Негады [1].

Одиннадцатой династіей Манеѳонъ называетъ 16 царей изъ Ѳивъ, правившихъ 43 года. Эта „южная резиденція“ выплываетъ при этомъ въ первый разъ въ исторіи; свое полное значеніе она пріобрѣла только съ началомъ Новаго Царства. Мѣсто Ѳивъ, уже къ римской эпохѣ снова покрытое деревенскими поселеніями, это поле руинъ, полное исполинскихъ развалинъ, представляетъ теперь сильный привлекательный пунктъ для всѣхъ путешественниковъ, которые достигаютъ его черезъ Гизехъ. Равнина, гдѣ лежали Ѳивы, разсѣкаемая теченіемъ Нила, похожа на дно котла, края котораго, одинаково приподнятые, образуютъ поднимающіяся во всѣ стороны возвышенія. Четыре главныя группы громадныхъ комплексовъ строеній обозначаютъ еще приблизительный объемъ древняго города: къ востоку отъ рѣки: Карнакъ — на сѣверѣ, Луксоръ на югѣ; на западномъ берегу: Курнахъ (S) и Мединетъ Хабу (N), названные такъ по имени сосѣднихъ феллахскихъ деревень. Полукругъ западныхъ окраинныхъ горъ прорытъ множествомъ гробницъ, между которыми самыя извѣстныя гробницы Асасифа съ террасо-образнымъ храмомъ Дер-эл-Бахри; глубоко извивается знаменитая „Долина царскихъ гробницъ“ „Бибанъ-эль-Молюкъ“ въ горной цѣпи. Рамессей, со временъ Страбона названный ошибочно классическими авторами Мемноніемъ, простирается недалеко отъ храма въ Курна. Между нимъ и большимъ храмомъ Мединетъ Хабу возвышаются обѣ статуи Мемнона. Напротивъ поднимается увѣнчанный пальмами громадный храмъ Карнака, колоннада котораго недавно пострадала отъ обвала вслѣдствіе ежегоднаго наводненія, но насколько возможно снова возстановлена. Плотно къ водѣ прилегаетъ святилище Луксора съ обелисками, тогда какъ вдали тянется восточная горная стѣна, пока она не оканчивается на югѣ тремя высокими верхушками скалы. Отъ Карнака до нея простирался когда-то „городъ живыхъ“, многолюдная столица съ египетскимъ названіемъ Устъ, тогда какъ собственно округъ храмовъ Карнака назывался „Апетъ“; у Луксора находились набережныя для сообщенія рѣкой. Западный берегъ представлялъ этому мертвую противоположность — огромные некрополи, которые выполняли въ теченіе вѣковъ свое назначеніе, какъ Харибда. „Жилища, богатыя имуществомъ“ и также 100 воротъ по ту сторону, о которыхъ говоритъ съ удивленіемъ Иліада, даже царскій дворецъ, который во время Аменофиса III назывался „Ка-эм-хутъ“, т. е. „Высокій на горизонтѣ“—все исчезло безслѣдно. Какъ въ Древнемъ Царствѣ, такъ и теперь, зеленыя поля наполняютъ снова область, изъ которой одиноко поднимаются статуи и пилоны Карнака и Луксора, какъ исполинскіе знаки воспоминаній. Жители же впослѣдствіи переселились въ рѣшетообразныя, продырявленныя отъ могилъ стѣны скалъ города мертвыхъ, который поэтому сталъ хранителемъ памяти о себѣ.

[1] Здѣсь авторъ совершенно не принялъ въ соображеніе результатовъ работъ Гриффиса и Масперо, пролившихъ свѣтъ на переходную эпоху отъ Древняго къ Среднему Царству. Надписи областныхъ князей Сіута, Ермополя, Дендера, Ермонта, Меира и др., относящіяся несомнѣнно къ этому времени, указываютъ на раздробленность Египта при ираклеопольскихъ фараонахъ IX и X династіи. Въ то время, какъ сіутскіе князья признаютъ ихъ власть и даже носятъ ихъ имена (Хети=Ахтоесъ, не Херти), Ермопольскіе датируютъ свои надписи по годамъ своихъ княженій, а ермонтскіе Антефы и Монтуготепы уже готовятся стать параллельной XI династіей и, перейдя въ Ѳивы, вступаютъ въ борьбу съ сѣверными царями. Борьба ведется съ перемѣннымъ счастьемъ; конецъ ея извѣстенъ— побѣда Ѳивъ. Въ Дендера также одно время сидѣлъ владѣтельный домъ: м. пр. сохранилась надпись нѣкоего Хнум-реда, называющаго себя уполномоченнымъ мѣстной царицы, именуемой „госпожой юга“. Б. Т.

И сѣверный главный городъ Мемфисъ не избѣжалъ судьбы погибнуть со своими прочными рядами пирамидъ и мастаба. Здѣсь мы уже вовсе не знаемъ мѣста храма Пта, главнаго святилища; точно также пошелъ для насъ ко дну и „Бѣлый дворецъ“. Низкіе холмы развалинъ при Мит-Рахине, къ югу отъ Гизеха, по свидѣтельству арабскихъ писателей, будто были еще за 600 лѣтъ покрыты значительными развалинами; вѣроятно, они уже тогда служили каменоломнями для разростающагося Каира, что повело быстро къ уничтоженію послѣднимъ Мемфиса.

Цифры, которыя Манеѳонъ приводитъ для своихъ 7—11 династій, составили бы уже сами по себѣ гораздо больше 500 лѣтъ, которыя на страницѣ 597 могли бы быть отведены для переходной эпохи. Однакожъ это число еще повидимому приходится увеличить. Установлено, что 12-ая династія господствовала въ Египтѣ отъ 1995 до 1792 г. Извѣстно было уже прежде, что 18 династія въ 1559 г. освободила страну отъ Гиксосовъ. Итакъ остается, на время этихъ чужеземныхъ властителей, которые надолго измѣнили характеръ и жизнь египетскаго государства, немного болѣе 200 лѣтъ, такъ какъ до совершеннаго покоренія Египта Гиксосами прошли, кажется, десятки лѣтъ. Если однакожъ Манеѳонъ въ этотъ, и безъ того сдѣлавшійся короткимъ періодъ помѣщаетъ еще свою (ѳиванскую) 13 династію (60 царей въ 143 года) и 14-ую ксоитскую (изъ лежащей въ рединѣ Дельты Сахи, кажется безъ руинъ) съ 76 царями въ 448 лѣтъ, то нѣтъ мѣста для предположеній въ видахъ соглашенія. Разумѣется, Туринскій папирусъ считался до этихъ поръ главною опорою именно этого манеѳонскаго пріема, потому что онъ дѣйствительно перечисляетъ обѣ династіи, о которыхъ вопросъ, и притомъ сравнительно полнѣе, чѣмъ всѣ другіе источники. Но теперь, имѣя въ виду возможность, что папирусъ уже содержитъ очевидную ошибку, которую мы потомъ находимъ у Манеѳона, слѣдуетъ еще принять въ соображеніе общее состояніе документа: въ свое время кучи отрывковъ, изъ которыхъ онъ состоялъ, были приведены въ порядокъ исключительно на основаніи Манеѳона. Изъ списковъ на надписяхъ сообщаетъ только не имѣющій хронологическаго значенія Карнакскій перечень (см. стр. 588) рядъ подходящихъ сюда болѣе извѣстныхъ именъ. Тринадцатая династія должна быть помѣщена такимъ образомъ передъ двѣнадцатой, равно какъ и давно уже признанная ограниченной Дельтой четырнадцатая; за послѣдней можно и при такомъ условіи сохранить ея мѣстный характеръ; существованіе Ксоитовъ является невозможнымъ какъ при 12-ой династіи, такъ и позже, при 18-ой династіи, хотя они несомнѣнно должны были доходить до одной изъ двухъ. Памятниковъ отъ нихъ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ.

Поднимается настоятельный вопросъ, помѣстить ли теперь же тринадцатую династію передъ одиннадцатою или только за нею, такъ какъ обѣ происходятъ изъ Ѳивъ, и тамъ находятся гробницы царей тринадцатой. Нѣкоторые памятники ихъ, повидимому, найдены въ Карнакскомъ храмѣ. Наконецъ, нельзя не принять въ соображеніе присутствія ихъ избранныхъ именъ въ тамошнемъ спискѣ. Но разрѣшеніе не представляетъ серьезнаго затрудненія. Цари 9-ой династіи начали свои имена на Карнакскомъ спискѣ съ имени безъ царскаго овала. Съ этимъ именемъ, значитъ, родъ начиналъ только дѣлаться значительнымъ, тогда какъ 13-ая династія состоитъ уже изъ великихъ царей, которые превосходили могуществомъ даже двѣнадцатую въ различныя эпохи, и именно потому больше не жили въ Ѳивахъ. Стела царя Неферхотепа упоминаетъ о послѣ, котораго отправилъ онъ къ югу, въ Абидосъ (см. карту при стр. 581). Флиндерсъ Питри замѣтилъ при этомъ: „Возможно, что крокодилоголовый богъ Себекъ постоянно былъ почитаемъ ими; статуя Неферхотепа говоритъ объ ихъ царѣ, какъ „о любимомъ Себекомъ внутри Шеда“ (=Крокодилополь въ Фаюмѣ). Мѣстопребываніе царя можетъ быть, такимъ обра-

зомъ, дѣйствительно находилось въ Фаюмѣ, гдѣ оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, могло съ конца 12 династіи остаться постояннымъ". Теперь, разумѣется, слѣдуетъ заключить наоборотъ, что для двѣнадцатой династіи резиденція въ Фаюмѣ приготовлена уже „тринадцатой". Казалось страннымъ для изслѣдователей въ минувшіе годы, что въ продолженіе 11-ой династіи „была особенная пластика, которая также очень приближалась къ стилю 13-ой династіи, какъ она далеко отстояла отъ стиля 12-ой, а въ особенности 4—6 династій" (А. Видеманъ). До сихъ поръ бывшее необходимымъ предположеніе, что въ развитіи египетскаго искусства произошелъ непонятный поперечный скачокъ, сдѣлалось ненужнымъ, благодаря помѣщенію 13-ой династіи непосредственно за 11-ой.

Отдѣльные памятники точно также не даютъ матеріала для какого либо законченнаго изложенія переходной эпохи. Въ особенности время до 11-ой династіи, не смотря на легенду объ Ахтоэсѣ, покрыто мракомъ. Вѣроятно въ нихъ немного отраднаго для національнаго чувства египтянъ. Болѣе или менѣе насильственное смѣшеніе съ азіатскими пришельцами (см. стр. 597), вѣроятно, достаточно для главнаго содержанія тогдашнихъ временъ. Храненіе преданія въ болѣе позднее время лежало въ рукахъ ѳиванскихъ царей, которые придавали значеніе только своимъ собственнымъ предкамъ. Потому-то у насъ крайне мало остатковъ; только нѣсколько именъ 7—10 династіи могли бы быть кое-какъ сообщены съ нѣкоторою достовѣрностью. Къ нимъ принадлежалъ царь Херти, о военныхъ подвигахъ котораго противъ непріятелей изъ Сиріи упоминаетъ одинъ папирусъ. Нѣкоторыя гробницы сановниковъ въ Саккара относятъ къ эпохѣ 8-ой династіи, такъ гробница Апан-анху, который жилъ при царѣ Меркера, и былъ „дѣйствительный родственникъ, дѣйствительный любимецъ своего господина и начальникъ помѣстій". Недавно некрополь Дендера далъ весьма много для изслѣдователей. „Четыре начальника округа послѣ Пепи II ведутъ насъ въ темную эпоху 7-ой династіи; скульптурная работа варварски плоха. Имена начинаются „дуду", откуда мы должны заключать, что царь Дудумесъ теперь долженъ быть включенъ въ 7-ую династію. Имена Бебъ и Беба (15 лицъ) такъ часты, что даютъ поводъ къ смѣшеніямъ".

Антефъ и Ментухотепъ — царскія имена, преобладающія въ одиннадцатой династіи. Какъ областные князья доходныхъ обширныхъ участковъ долины Ѳивъ, ихъ первые члены достигли большого значенія, тогда какъ 10-ая династія истреблена въ неизвѣстной для насъ борьбѣ. Фамилія расширялась: одна линія садится въ ближнемъ Ермонтѣ, гдѣ князь Антефъ ищетъ потомъ сближенія съ прежними государями, причемъ онъ заново возстановляетъ развалившуюся пирамиду Нехти-акера. Захватъ Абидоса, города, соединившаго религіозную важность съ древними политическими притязаніями, кажется, непосредственно повелъ за собою провозглашеніе главы фамиліи, „Господиномъ верхней и нижней страны"; и царская резиденція перенеслась, вѣроятно, туда. Такъ можетъ быть объяснено, что областной князь Антефъ снова появляется въ Ѳивахъ и даже съ особенными титулами, изъ которыхъ видно предпочтеніе города Амона; этотъ Антефъ вмѣстѣ съ тѣмъ хранитель вратъ границы и „столпъ юга". Но изъ пяти или шести Антефовъ и трехъ Ментухотеповъ, которые считаются фараонами, первые едва ли властвовали надъ всею страною; все же остается невѣрною слишкомъ низкая дата у Манеѳона: 43 года для всей династіи. Ментухотепъ III одинъ управлялъ по крайней мѣрѣ 46 лѣтъ и былъ повелителемъ надъ Египтомъ отъ Ассуана до моря. Напротивъ Эѳіопія, очевидно, давно утерянная, не пріобрѣтена еще снова этими царями. Антефъ IV датируетъ даже одну стелу своимъ 50-ымъ годомъ; на ней находится изображеніе, которое представляетъ государя, окруженнаго своими четырьмя любимыми собаками. Изъ папирусныхъ актовъ изслѣдованія о ѳиванскихъ гробницахъ царей, которое

происходило въ 1130 г. до Р. Х., мы узнаемъ о пирамидѣ Антефа IV, „которая лежитъ къ сѣверу отъ преддверія храма Аменхотепа и передъ которой выставлена стела. И на этой стелѣ видна фигура царя, при чемъ у него между ногъ собака, которую зовутъ Бехека“. Богато разрисованные муміеобразные гробы царей—Антефовъ, которые уже всѣ обладали въ Өивахъ малыми и теперь снабженными внѣшними притворами пирамидами, еще сохранились, и для сужденія о состояніи тогдашняго искусства имѣютъ значеніе. Отъ Антефа V извѣстна одна статуэтка, которая изображаетъ его побѣдителемъ надъ азіатами и нубійцами; попадаются и намеки на внутреннія войны. При работахъ въ храмѣ Карнака въ началѣ 1900 г. найдена еще стела царя Антефа Нубхаферъ-Ра. Послѣднимъ государемъ 11-ой династіи является Сеанхкара, который поручилъ своему чиновнику Хену снаряженіе экспедиціи въ Пунтъ; онъ шелъ чрезъ долину Хаммаматъ къ востоку, и потомъ отправился далѣе на кораблѣ. Хену, хотя дошелъ только до берега Чермнаго моря, велѣлъ вырѣзать обращающее на себя вниманіе тщеславное изображеніе въ Хаммаматѣ, которое датировано 8-ымъ годомъ царствованія Сеанхкара; можетъ быть оно нарисовано только послѣ смерти царя.

Вмѣсто теперь легко вводящаго въ заблужденіе обозначенія „тринадцатой династіи“ лучше соединить наслѣдниковъ Антефовъ и Ментухотеповъ подъ именемъ царей С е б е к х о т е п о в ъ. Сомнительное состояніе преданія принуждаетъ насъ включить ихъ еще въ переходную эпоху, хотя, можетъ быть, эти цари достигли уже высшей точки внѣшняго могущества, которое разсматриваютъ какъ заслугу 12-ой династіи. Узурпація трона, кажется, была для Аменемхата I-го сопряжена съ большимъ трудомъ и опасностью и сильно ожесточила его противъ своихъ предшественниковъ. Иначе, чѣмъ систематическимъ преслѣдованіемъ ихъ памяти, до сихъ поръ нельзя объяснить, что памятники царей—Себекхотеповъ сравнительно немногочисленны и совершенно исчезли именно въ Фаюмѣ. Царь Неферхотепъ должно быть имѣлъ резиденцію въ Крокодилополѣ (см. стр. 599), съ чѣмъ вполнѣ согласна роль покровителя Фаюма, бога Себека, сообщать свое имя царскому роду—развѣ государи 12-ой династіи не старались въ особенности приписать себѣ всецѣло славу созданія озерной провинціи запада? Манеөонъ, который тоже долженъ былъ довольствоваться догадками, кажется, выводилъ заключеніе изъ имени, стоящаго въ концѣ 12-ой династіи—Себекнофру, что цари Себекхотепы могли появиться только послѣ нея. Однако то обстоятельство, что древній городъ при мѣстѣ гробницы царя Усертесена II-го при входѣ въ Фаюмъ, въ которомъ въ продолженіе времени постройки прибавлялось жителей, благодаря рабочимъ, и который затѣмъ, конечно, по царскому повелѣнію и въ видахъ безопасности гробницы, вдругъ былъ оставленъ, заключалъ въ своихъ развалинахъ между прочимъ папирусные тексты, которые датированы годами царей Себекхотеповъ (см. стр. 607), свидѣтельствуетъ объ ихъ отношеніяхъ къ Фаюму и въ пользу того, что они были предшественниками 12-ой династіи.

Себекхотепъ I властвовалъ уже надъ нубійской долиной Нила до Семнеха, къ югу отъ Вади Хальфы; тамъ находятъ обозначенныя высоты подъема Нила отъ перваго до четвертаго года его царствованія. Слѣдовательно, этому царю предшествовали другіе государи династіи, которымъ можно приписывать завоеваніе этой области. Ра-Семенхка, отъ котораго дошли двѣ громадныя статуи въ сидячемъ положеніи изъ сѣраго сіенита въ Танисѣ, имѣлъ предъимя Мерменфиту („Генералъ“).

Многіе цари указываютъ открыто на свое происхожденіе отъ отца, который не былъ ни царемъ, ни принцемъ. Такъ называетъ себя Себекхотепъ II сыномъ низшаго жреца Ментухотепа; вышеупомянутый царь Неферхотепъ и Себекхотепъ III, повидимому, братья, происходили отъ брака одной царевны съ нѣкимъ Хаанхефомъ. Престолонаслѣдіе по

женской линіи, за которымъ и въ другія эпохи признавался вѣсъ, здѣсь старательно подчеркивается. Оба эти царя представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ высшую точку династіи. Египетъ достигалъ до третьяго водопада при Себекхотепѣ III, стоячая статуя котораго находится на тамошнемъ островѣ Нила Арко. Храмъ въ Абидосѣ снова воздвигъ Неферхотепъ (сидячая фигура въ Болоньѣ) на основаніи данныхъ священныхъ книгъ. Изъ еще довольно длиннаго ряда прочихъ царей—Себекхотеповъ отдѣльные памятники по большей части ничтожны или ничего не говорятъ; исключеніе составляютъ только два Себекъ-Эмсафа, изъ которыхъ старшій оставилъ теперь безголовую нескладную базальтовую статую.

Ничто не указываетъ въ эту эпоху на политическій упадокъ Египта; развѣ только мы примемъ за чистую монету вообще низкія цифры Туринскаго папируса. Они, кажется, однако, относятся къ сложной искусственной системѣ, оказавшейся необходимой и для 14 династіи ксоитовъ (стр. 599), которые не названы ни въ какихъ памятникахъ и, самое большее, были ограничены западной частью Дельты.

б) 12-ая династія,

Когда царь Аменемхатъ, основатель 12-го царского дома, въ преклонныхъ лѣтахъ призвалъ къ совмѣстному царствованію своего сына Усертесена I-аго [1], онъ, какъ говорятъ, направилъ къ нему глубокомысленное „поученіе“; можетъ быть, Усертесенъ по смерти стараго государя пришелъ къ мысли выдать непопулярную мѣру за завѣщанную ему политическую мудрость своего предшественника. Этотъ памятникъ сохранился во многихъ длинныхъ отрывкахъ, которые прежде всего доказываютъ, что „Ученіе царя Аменемхата“ преподавалось въ Новомъ Царствѣ ученикамъ въ школѣ и что отъ настоящихъ древнихъ назидательныхъ писаній требовалась крайняя запутанность и неясность. Къ сравнительно яснымъ мѣстамъ принадлежитъ слѣдующее: до этихъ поръ Усертесенъ не принималъ никакого участія въ правленіи; теперь же „безначаліе“ и измѣна будутъ, конечно, имѣть конецъ. Предшествующій отрывокъ — родъ жалобной пѣсни о преслѣдованіяхъ, которыя угнетали Аменемхата. Если онъ разсказываетъ, что его покидали или относились къ нему враждебно именно тѣ люди, которые ѣли его хлѣбъ, носили его полотно и которымъ онъ прежде подавалъ руку помощи, то это подходитъ къ поведенію прежнихъ друзей изгнаннаго вельможи. Аменемхатъ ложится вечеромъ на покой, его оружія при немъ, а просыпается, когда уже приближаются люди, которые хотятъ напасть на него. Но онъ „прогоняетъ презрѣнныхъ прочь“. Потому онъ предостерегаетъ Усертесена: „Не люби совсѣмъ брата, не знай вовсе друга,... а спишь, то обезопась самъ свою жизнь. Человѣкъ никогда не находитъ помощника въ день несчастія.“ Надписи на гробницѣ областного графа Хнумхотепа въ Бени Хассанѣ подтверждаютъ, что Аменемхатъ только послѣ тяжелыхъ войнъ поднялся до степени властителя Египта, и что, при всеобщемъ новомъ распредѣленіи графскихъ областей, вошелъ въ честь и дѣдъ Хнумхотепа; онъ сдѣланъ графомъ нома Антилопы съ резиденціей въ Менатъ-Хуфу и получилъ позже еще сосѣднюю область Дикихъ козъ. Здѣсь въ среднемъ Египтѣ, кажется, образовался опорный пунктъ новой династіи, которая, подобно прежнимъ, безъ сомнѣнія, происходила изъ Ѳивъ, но, вѣроятно, избрала своей резиденціей тотчасъ снова Фаюмъ.

Изъ надписей (именно на гробницахъ областныхъ князей въ Сіутѣ, Бершехѣ и Бени Хассанѣ) видно, что Аменемхатъ I основательно упорядочилъ государственное устройство, слѣдовательно на него нужно смотрѣть,

[1] Имя это, какъ доказалъ недавно египтологъ Sethe (въ работѣ „Sesostris“), надо читать Сенусертъ = „человѣкъ богини Усертъ“. Б. Т.

какъ на значительнаго преобразователя въ этой области; часто случается, что человѣкъ рѣшительный и энергичный, которому дорого пришлось заплатить за подобающее себѣ положеніе въ свѣтѣ, будетъ оказывать подобную энергію въ томъ или другомъ направленіи, уже какъ первое послѣдствіе своего возвышенія. Послѣ того, какъ онъ отодвинулъ въ сторону высшее дворянство древнихъ областныхъ княжествъ, или совершенно уничтожилъ его, было легко взяться за новое ограниченіе власти ихъ наслѣдниковъ. Теперешніе областные графы царской милостью были поставлены наравнѣ со своими предшественниками, въ томъ отношеніи, что они получили ихъ упраздненное потомственное владѣніе, по большей части переведенное на свое имя, и такимъ образомъ оставались всетаки еще могущественными собственниками въ округѣ, исключая имѣній храмовъ и царскихъ владѣній. Однакожъ они изъ представителей земскаго сословія стали чиновниками, изъ мелкихъ князей—префектами. Это снова допускало упрощеніе управленія при высшихъ вѣдомствахъ. Тогда какъ въ Древнемъ Царствѣ двоякое раздѣленіе страны на „Югъ“ и „Сѣверъ“ еще соотвѣтствуетъ административной основѣ, и только царь, „какъ государь двухъ странъ“, представляетъ соединяющую вершину, при 12-ой династіи личная унія превратилась въ дѣйствительную, хотя историческое различіе обѣихъ частей страны, которыя также основывались на различномъ смѣшеніи народа, не могло быть изгнано.

Царю выступаетъ теперь для всего Египта на помощь „главный казначей“, постъ котораго, встрѣчающійся уже въ Древнемъ Царствѣ, возвышаетъ его надъ всѣми другими. Этотъ высшій чиновникъ называется между прочимъ „Великимъ изъ великихъ, княземъ, который стоитъ впереди всѣхъ людей, который даетъ совѣтъ царю, и которому докладываетъ донесеніе вся страна“. Его отвѣтственность мѣтко выражается названіемъ: „Начальникъ надъ всѣмъ, что есть и чего нѣтъ“. Ближе всего по чину слѣдуетъ за нимъ: „Казначей бога“ или „Главный начальникъ Серебрянаго дома“, главной задачей котораго, кажется, было дѣлать предварительную смѣту для общихъ расходовъ, тогда какъ „Верховный судья и руководитель начальниковъ“, визирь Древняго Царства получилъ, хотя блестящій, но съ ограниченіемъ постъ градоначальника. Затѣмъ выступаютъ въ огромномъ количествѣ чиновники средняго и низшаго ранга; они главнымъ образомъ входятъ въ составъ казначейства и взираютъ подобострастно на главнаго казначея, „который питаетъ людей“, такъ же какъ и ассигнуетъ на жертвы богамъ и мертвымъ (т. е. насколько могутъ быть приняты въ соображеніе обычные дары царя въ честь чиновныхъ умершихъ), на убранство храмовъ и прочее.

Если Древнее Царство со своей путаницей множества важныхъ чиновъ, постовъ и почетныхъ титуловъ носило характеръ дворянской олигархіи, смягченной царскимъ деспотизмомъ и отчасти напоминающей о системѣ мандариновъ, то въ государствѣ Аменемхата и Усетесена преобладаетъ система управленія, близко подходящая къ фискализму нашего XVIII столѣтія. Зависимость храма отъ царскаго казначейства ясно замѣтна, хотя коллегіи жрецовъ располагали своими собственными доходами, благодаря достаточнымъ поземельнымъ владѣніямъ мертвой руки. Государство не только контролируетъ жертвы путемъ остроумнаго предписанія, что монархъ долженъ получать изъ нихъ свою извѣстную долю, но и коллегіямъ дается совѣтъ въ ихъ собственныхъ интересахъ ставить во своей главѣ самого владыку нома. Включить его въ законную фамилію посредствомъ изобрѣтеннаго родословнаго древа было, конечно, только въ рѣдкихъ случаяхъ затруднительно. При такихъ условіяхъ чиновникъ также, какъ начальникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ верховный жрецъ, получаетъ добавки, которыя, въ соединеніи съ доходами его частныхъ владѣній и его служебными полевыми угодьями дозволяютъ ему жить на широкую ногу.

Разумѣется, издержки и расходы не малы. Царство, самый высшій постъ въ которомъ именно есть постъ казначея, смотритъ строго за тѣмъ, чтобы страна при окончательномъ разсчетѣ приносила хорошій доходъ. Расходы казначейства не должны перевѣшивать; тѣмъ болѣе долженъ номархъ такъ распредѣлить подати, чтобы образовать налоговый фондъ, на который бы онъ могъ опереться въ неурожайные годы. Что однимъ областямъ приходилось легко, то другимъ было тяжелѣе, можетъ быть, и великій финансовый мужъ, который такъ близко сидѣлъ къ ушамъ царя, не всегда былъ поспѣшенъ къ помощи въ нуждѣ. „Когда наступили голодные годы", пишетъ Амени, префектъ нома Дикихъ Козъ при Усертесенѣ I, „я вспахалъ поля нома до его границы съ юга и сѣвера" (религіозный актъ, который прежде выполнялся царемъ). „Жителямъ нома я поддерживалъ жизнь, и назначалъ имъ содержаніе, такъ что не было ни одного въ немъ голодающаго. Я давалъ вдовѣ то же, что и той, у который есть мужъ, и никогда не дѣлалъ различія въ предпочтеніи великимъ предъ малыми при такихъ вспомоществованіяхъ. Послѣ того поднялась высоко рѣка, пшеница и ячменъ уродились, все было теперь на лицо; но я не притѣснялъ земледѣльца изъ-за недоимокъ". Хотя Амени велѣлъ написать только на своей гробницѣ эти добрыя дѣла, чтобы хорошо устроиться у боговъ мертвыхъ и, притомъ, поставить себя на хорошемъ счету у потомства, всетаки, кажется, онъ тогда справился съ бѣдствіемъ безъ поддержки изъ царской казны, охраняя этимъ наилучшимъ образомъ интересы земледѣльцевъ, такъ какъ главный казначей являлся гораздо болѣе безпощаднымъ заимодавцемъ, чѣмъ самъ номархъ. Если голодные годы являлись главнымъ испытаніемъ хозяйственныхъ способностей начальника области, то и текущіе расходы его достигали вообще видныхъ размѣровъ. Нужно всегда превзойти ожиданіе двора и казны осторожно взвѣшеннымъ излишкомъ; дѣло идетъ о томъ, чтобы вести содержаніе своего маленькаго двора, поддерживать бюро съ его сравнительно многочисленными писцами: отъ лѣниваго начальника, который наблюдаетъ за всѣмъ, сидя на корточкахъ на подушкѣ, до несчастнаго счетчика, за которымъ опять также нужно наблюдать для большей безопасности, чтобы онъ не улучшалъ своего скуднаго дохода при тайномъ сообщничествѣ съ вносящими налоги земледѣльцами. Если поднимется фараонъ, „чтобы задрожали предъ Его Величествомъ чужія страны", то номархъ долженъ созвать часть своего войска (Амени выставляетъ 400—600 человѣкъ), и съ нимъ выступать на поле сраженія. Также онъ долженъ былъ давать конвой чиновникамъ казначейства, отправлявшимся въ каменоломни и рудники земли трогодитовъ или Синайскаго полуострова, или туда посылается самъ номархъ съ царскими порученіями. Если онъ потомъ возвращается съ успѣхомъ ко двору, то его очень хвалятъ и не жалѣютъ для него наградъ.

Наиболѣе пріятнымъ было для графа право отправиться одинъ разъ за собственный счетъ въ каменоломни, чтобы тамъ повелѣть приготовить изваянное каменное украшеніе для своей будущей гробницы или статую больше натуральной величины; дороже всего для нихъ очиталось царское обезпеченіе, что область и далѣе должна будетъ оставаться за ихъ домомъ. Только въ такомъ случаѣ представляла его гробница въ стѣнѣ скалы истинное мѣсто упокоенія; послѣ смерти семейству не угрожалъ недостатокъ, жертвѣ предкамъ — никакой ущербъ. „Я говорю громко", такъ поучаетъ Сехотепъ-аб-Ра, высшій чиновникъ казны, который умеръ при Аменемхатѣ III, своихъ дѣтей на своей гробничной плитѣ: „даю вамъ слушать и знать вѣчное ученіе, которое ведетъ къ жизни и устроитъ къ миру. Хвалите царя Аменемхата Маатъ-ен-Ра вашею грудью и прославляйте его своимъ сердцемъ; ибо онъ— богъ Тотъ, очи котораго проницаютъ во внутрь, онъ Ра, блескъ котораго освѣщаетъ Египетъ болѣе, чѣмъ солнце. Онъ дѣлаетъ больше для страны, чѣмъ Нилъ, онъ наполняетъ ее силою и жизнью; онъ даруетъ тѣмъ, кото-

рые ему повинуются, пищу и питье, онъ питаетъ тѣхъ, кто направляетъ свой путь по его стопамъ".

Время своего царствованія Аменемхатъ I началъ считать съ 1995 г., въ 1975 г. призвалъ онъ къ совмѣстному царствованію своего сына Усертесена I-го, и умеръ въ 7-ой египетскій мѣсяцъ фаофи 1965 г. Вѣроятно, старый царь преждевременнымъ призваніемъ своего наслѣдника прежде всего хотѣлъ обезпечить корону за своимъ домомъ; во всемъ остальномъ онъ оставался главой самъ. Именно десятилѣтіе соцарствованія наполнено внѣшними войнами. Поэтическая надпись, сохранившаяся отъ 24-го года Аменемхата (въ Луврѣ) указываетъ на войну съ Нубіей, съ бедуинами синайской пустыни, съ троголитами и даже съ Пунтомъ. Съ точностью опредѣленъ походъ въ Нубійскую страну Ваватъ въ 29 году; и когда царь въ своемъ дворцѣ сомкнулъ глаза, Усертесенъ отправился со своимъ войскомъ противъ одного изъ сѣверныхъ оазовъ.

Эта перемѣна царствованія, для своевременнаго обезпеченія которой прибѣгли къ крайнимъ мѣрамъ, получаетъ правдоподобное освѣщеніе отъ одного произведенія въ формѣ романа съ приключеніемъ. Санехатъ, ближайшій родственникъ и придворный чиновникъ Аменемхата I-го, какъ широко пользовавшійся благосклонностью царицы, находился тогда въ столицѣ. Лишь только „богъ вошелъ на небо", дворецъ былъ запертъ, вельможи послали пословъ къ Усертесену I. Санехатъ принадлежалъ или къ партіи другого искателя престола и былъ изобличенъ, или онъ былъ уже раньше на дурномъ счету у Усертесена: словомъ, онъ пошелъ ожидаемому обратно послу навстрѣчу, и не мало испугался, когда увидѣлъ приближающагося Усертесена самого съ ничтожной свитой. Дрожа, поползъ Сенехатъ въ кустарникъ, пропустилъ царя мимо и бѣжалъ съ увѣренностью, что въ главномъ городѣ загорится смута, сначала на югъ, пересѣкъ Нилъ и достигъ, наконецъ, восточной пустыни у Горькихъ озеръ; затѣмъ онъ проскользнулъ ночью черезъ пограничныя укрѣпленія, такъ называемую „Княжескую стѣну". Шейхъ бедуиновъ, который принялъ бѣглеца подъ свою защиту, спросилъ съ ироніей; „Что случилось? Произошло что нибудь при дворѣ Аменемхата? Восходитъ ли онъ къ горизонту при неизвѣстныхъ обстоятельствахъ?" Санехатъ отвѣчалъ „ложь". Бедуины поступали съ нимъ предупредительно; впослѣдствіи онъ былъ главой одного племени, пожиналъ воинскія почести и видѣлъ вокругъ себя взрослыхъ сыновей. Когда же ему на старости лѣтъ милостивое письмо Усертесена разрѣшило возвращеніе на родину въ Египетъ, онъ воспѣлъ ликующіе гимны и ни однимъ словомъ не упоминаетъ о горести разлуки. Даже онъ прибавилъ къ описанію благоденствія, которое снова окружило его при дворѣ, замѣтку: „грязь я оставилъ пустынѣ, грубую одежду—жителямъ песковъ. Я былъ облеченъ въ тонкое полотно и помазанъ масломъ страны: я спалъ въ постели. Я уступилъ песокъ тѣмъ, кто на немъ живетъ, и масло съ дерева тому, у кого нѣтъ ничего лучшаго". Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ романа, въ которомъ, безъ сомнѣнія, лежатъ за основаніе историческіе факты, выходитъ между прочимъ, что царица, благосклонностью которой пользовался до этого Санехатъ, еще жива, и онъ снова достигъ у нея полнаго расположенія.

Усертесенъ I правилъ 44 года; его кончина пала слѣдовательно на 1931 г. Царь принадлежалъ, очевидно, къ великимъ государямъ-строителямъ. Въ Танисѣ, который должно быть уже давно былъ первымъ городомъ въ Дельтѣ, найдены три его каменныя изображенія, въ Иліополѣ (теперь Матаріііэ, недалеко отъ Каира) онъ воздвигъ храмъ, отъ котораго и теперь еще стоитъ обелискъ и представляетъ примѣту мѣстности, тогда какъ другой въ 1528 г. по Р. Х. былъ разрушенъ арабами. Замѣчательный обелискъ изъ краснаго гранита, повергнутый и разломанный, лежитъ у Бегига въ Фаюмѣ: „признакъ, что на эту мѣстность постоянно обращалось

вниманіе". Храмъ Озириса въ Абидосѣ, святилище Амона — Карнакъ, храмъ Копта пользовались строительными заботами Усертесена. Также древнѣйшій храмъ въ Іераконполѣ (см. стр. 583), который былъ уже обновленъ царями 6-ой династіи, былъ вторично снова возстановленъ. Квибеллемъ былъ найденъ въ части громадъ зданія, происходящей отъ времени Усертесена, копчикъ въ два фута длины съ высокими перьями на головѣ, снаружи вычеканенный изъ золота, внутри изъ бронзы и дерева, съ глазами изъ обсидіана, При Вади Хальфа, у второго водопада обнаружены надписи Усертесена I, изъ которыхъ одна поименовываетъ 18 годъ его царствованія и повѣствуетъ о побѣдахъ надъ нубійскими племенами; то же самое разсказываетъ тамъ уже названный Амени (стр. 604) изъ 23-го года царствованія царя. „Онъ", говорится въ разсказахъ Санехата, „сильный, который сражается своимъ мечемъ, мужественный внѣ сравненія. Онъ — мститель, который разбиваетъ черепа, вблизи котораго никто не устоитъ. Онъ скороходъ за убѣгающими; кто ему поворачиваетъ спину, тотъ не найдетъ возможности перевести духъ. Онъ (однако также) самый ласковый, самый пріятный къ тому, кто снискалъ его расположеніе. Его городъ любитъ его больше, чѣмъ себя. Онъ ликуетъ о немъ, какъ о своемъ богѣ. Какъ счастлива эта страна, которою онъ владѣетъ".

За два года до смерти принялъ и Усертесенъ I своего сына Аменемхата II (1933—1898) въ соправители. Памятники времени этого царя, кажется, уступаютъ въ строительномъ значеніи памятникамъ его отца; о войнахъ нѣтъ и рѣчи. При Аменемхатѣ II начинается время, когда домъ могъ наслаждаться въ спокойствіи тѣмъ, что сдѣлали и чего добились оба первые царя. Въ 1914 г. Хнумхотепъ, наслѣдникъ своего отца, сталъ графомъ Козьяго нома (см, стр. 602); и что сообщается съ этого времени о перемѣнѣ лицъ среди этихъ чиновниковъ, указываетъ равнымъ образомъ на упроченіе ихъ родовой преемственности. По Манеѳону выходитъ, что Аменемхатъ II погибъ при возмущеніи во дворцѣ; онъ уже въ 1901 г. поставилъ при себѣ своего сына Усертесена II (1898—82). Иллахунская пирамида признана за его гробницу; интересная сидящая статуя его супруги Нефертъ, взбитый парикъ которой оканчивается на груди двумя локонами въ видѣ скорлупы улитки, найдена въ Танисѣ. Но самое удивительное изображеніе изъ времени этого царя находится опять на гробницѣ Хнумхотепа (см. приложенную таблицу „Вступленіе орды семитическихъ номадовъ въ Египетъ, около 1895 г. до Р. Х."). Прилагаемое описаніе нужно было бы пополнить тѣмъ, что долгое время думали видѣть здѣсь прибытіе патріарха Авраама въ Египетъ, извѣстное изъ Ветхаго Завѣта. Теперь можно въ томъ фактѣ, что семитскій князь изъ очевидно культурной страны Передней Азіи пришелъ къ Хнумхотепу со своимъ семействомъ и вооруженною свитою съ мирнымъ намѣреніемъ, такъ какъ послѣднему были подчинены восточныя пограничныя области, можно только усмотрѣть единичный политическій случай, подобные которому становились все чаще въ Новомъ Царствѣ. Прибытіе людей выдвигаетъ уже существованіе египетскаго вліянія въ Палестинѣ, такъ какъ князь „Ибсъ" приходитъ очевидно, какъ проситель, и хочетъ идти къ фараону. Что было въ 1400 г. почти въ порядкѣ вещей, когда, тѣснимые злыми сосѣдями, царьки изъ Сиріи-Палестины, жалуясь, обращались къ египетскому двору за помощью („Если царь не захочетъ послать въ этомъ году войска, то пусть пошлетъ онъ своихъ чиновниковъ и приведетъ меня съ моимъ родомъ, чтобы намъ умереть при нашемъ царѣ-владыкѣ"), именно то обращаетъ на себя вниманіе уже на 500 лѣтъ раньше. Мы же можемъ изъ этого вывести заключеніе, какъ недостаточно сравнительно богатая памятниками эпоха 12-ой династіи освѣдомляетъ насъ объ отношеніяхъ, безъ знанія которыхъ нельзя достаточно судить о значеніи Аменемхата и Усертесена для исторіи.

Усертесенъ III (1882—1847) важенъ въ другомъ отношеніи. Пер-

Исторія человѣчества. III.

Вступленіе орды семитическихъ номадовъ въ Египетъ около 1895 г. до Р. Х. Егип

(Рисовалъ А. Любке, по Lepsius, Denkmäler II, 133, при пользованіи

Четыре семита между второй антилопой и вьючнымъ осломъ н

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

гская стѣнная картина въ одной гробницѣ у Бени-Хассана въ Среднемъ Египтѣ.

гинальными кальками и замѣтками прусской экспедиціи 1842-45 г.)

ажены здѣсь два раза, на что указываютъ пунктиръ и кресты.

Вступленіе орды семитскихъ номадовъ въ Египетъ, въ 1895 г. до Р. Х.

Слѣдующая картина заимствована изъ гробницы въ скалѣ начальника области (номарха) Хнемхотепа, который при такъ называемой 12 династіи отправлялъ должность „начальника восточныхъ пустынныхъ земель". Она увѣковѣчиваетъ происшествіе, которое случилось во время отправленія должности этого магната въ 6-ой годъ царствованія царя Усертесена II, т.-е. около 1895 г. до Р. Х. и, должно быть, имѣло большое значеніе: орда семитовъ, по іероглифической надписи на изображеніи, состоящая изъ 37 лицъ, представляется князю и подноситъ ему дорого цѣнимую мазь для глазъ, конечно, чтобы получить въ обмѣнъ произведенія египетской промышленности или земледѣлія, но, можетъ быть, также, чтобы имѣть возможность основаться на окраинѣ египетскихъ плодородныхъ земель, подобно тому, какъ по библейскому повѣствованію, это сдѣлало семейство Іакова, и какъ еще теперь дѣлаютъ бедуины.

Наше изображеніе (которое должно было быть раздѣлено пополамъ по недостатку мѣста), показываетъ намъ прежде всего направо двухъ египтянъ, которыхъ можно отличить по ихъ болѣе стройному тѣлосложенію, красному цвѣту кожи, искусственнымъ волосамъ и бородѣ, гладкому льняному переднику, который имъ служитъ единственной одеждой. Первый по іероглифической надписи „царскій писецъ Неферхотепъ"; онъ вручаетъ стоящему передъ нимъ областному князю (номарху) Хнемхотепу (не изображенному на нашей таблицѣ) листъ папируса, на которомъ стоятъ помѣченными дата, число пришлецовъ, ихъ происхожденіе, что они несутъ и кто ихъ ввелъ; въ другой рукѣ онъ держитъ свернутый въ трубочку папирусъ. Второй египтянинъ „главный ловчій (егермейстеръ) Ахтойэ". Шествіе семитскихъ пришлецовъ, которые рѣзко отличаются отъ египтянъ, благодаря хорошо схваченнымъ египетскимъ художникомъ особенностямъ, открываетъ шейхъ, „властитель чужой страны" (чужеземный властитель) Ибсъ (съ гласными въ родѣ „Іабешъ"?), какъ называетъ его надпись. Болѣе богатое одѣяніе и короткій жезлъ повелителя отличаютъ его отъ единоплеменниковъ. Почтительно наклоняясь подходитъ онъ къ египетскому вельможѣ, отъ котораго желаетъ гостепріимства, и подводитъ ему, поддерживаемую слугою, пару дикихъ козъ, какъ даръ своей родины пустыни. За шейхомъ слѣдуютъ старшіе представители племени, на нашемъ изображеніи въ лицѣ четырехъ мужчинъ, вооруженныхъ лукомъ, бумерангами (метательными снарядами) и копьями, и четырехъ женщинъ (слѣдовательно, можетъ быть предъ нами четыре семейства); между ними дѣти: двое маленькихъ, уложенныхъ на вьючномъ ослѣ, и одинъ мальчикъ побольше съ видимою важностью, какъ взрослый, несетъ свое копье и, кажется, играетъ роль погонщика осла; изображеніе его драгоцѣнно по натуральности. Конецъ шествія составляютъ два осла и двое слугъ: одинъ играетъ на лирообразномъ струнномъ инструментѣ, звуки котораго сопровождаютъ праздничное шествіе племени; другой выставляетъ также съ важной осанкой свой лукъ.

вая треть его правленія протекла воинственно. Свои главныя усилія царь направлялъ противъ нубійскихъ народовъ. Южная граница египетскаго царства подвинулась опять до втораго водопада, то есть такъ же далеко, какъ при царяхъ Себекхотепахъ. Въ Семнехѣ и противулежащемъ Куммехѣ, почти подъ 21 градусомъ широты, воздвигъ Усертесенъ III двѣ большія оборонительныя крѣпости, остатки которыхъ еще и теперь видны настолько, что даютъ понятіе о древне-египетскомъ способѣ укрѣпленія. Встрѣчается уже пріемъ подгибать верхнюю половину громаднаго бастіона изъ кирпичей назадъ, чтобы препятствовать восхожденію посредствомъ приставныхъ лѣстницъ. Одна надпись, воздвигнутая при Семнехѣ въ 8-ой годъ царя, говоритъ: „Это южная граница. Ни одинъ негръ не имѣетъ права пройти чрезъ ея линію къ сѣверу, будь ли это пѣшкомъ, или водою, а также ихъ скотъ. Если они появятся для торговли въ странѣ Акентъ, или если у нихъ тамъ есть дѣло, то имъ не должно препятствовать, но черезъ загородку не смѣетъ во вѣки выѣзжать ни одна ихъ лодка.“ Однакоже въ 16 и 19 году царствованія Усертесена понадобились новые походы противъ нубійцевъ. Окончаніе перваго изображаетъ намъ опять плита въ Семнехѣ, гдѣ о неграхъ говорится тономъ, который свидѣтельствуетъ, какъ объ ожесточеніи, такъ и о презрѣніи. Въ заключеніе царь увѣщеваетъ своихъ потомковъ никогда не допускать себя до того, чтобы отодвинулась эта граница; кто потерпитъ это, тотъ не долженъ называться его отраслью. Это понужденіе имѣло свою основательную причину. Въ городѣ Осириса Абидосѣ царскій казначей, котораго звали Айхернофертъ, поставилъ плиту въ память большого порученія, по которому послалъ его Усертесенъ III, для прославленія и принесенія даровъ богу: „Царское повелѣніе..., самому близкому другу, начальнику домовъ золота и серебра, главному казначею Айхернoферту. Мое Величество повелѣваетъ, чтобы тебя повезли въ Абидосъ, чтобы моему отцу (царь говоритъ, какъ богъ Горъ на землѣ), высшему владыкѣ запада, воздвигнуть памятникъ и таинственное мѣсто (адитонъ храма) украсить золотомъ, которое Мое Величество привезъ изъ Нубіи съ побѣдою и честью“. Оба укрѣпленія въ нубійской долинѣ закрывали такимъ образомъ, вѣроятно, входъ въ золотые рудники южной страны.

Изъ прочихъ сооруженій Усертесена III слѣдуетъ отмѣтить храмъ въ Иракleополѣ и надгробную пирамиду въ Дашурѣ, изслѣдованіе которой показало, что съ царемъ были погребены также его супруга Хенутъ-таui, двѣ царевны Сентъ-эс-сенебъ и Саатъ-Хаторъ. Золотыя украшенія послѣдней лежали въ ларчикѣ, попавшемъ въ руки грабителямъ, которые уже давно расхитили внутреннее содержаніе: во второй разъ случается, что въ древнемъ египетскомъ культурномъ округѣ обнаружились ювелирныя издѣлія у женщины царскаго рода. Особенно богато и изящно сдѣлано украшеніе на груди; оно изображаетъ львовъ и грифовъ съ короной изъ перьевъ, прикрывающими царскій овалъ, надъ которымъ паритъ коршунъ съ широкими крыльями.

Важнѣе для историческаго знанія пріобрѣтеніе первой пригодной хронологической даты. Упомянутый уже на стр. 601 древній городъ при входѣ въ Фаюмъ, теперь названный по ближайшему селенію Кахуномъ, далъ довольно богатыя находки папирусовъ эпохи 12 династіи. Онѣ оказались счетами, письмами, актами тамошняго храмового управленія, правильное веденіе которыхъ (это были предметы для употребленія при культѣ, ежедневно выдаваемые и вносимые; жречество раздѣлялось на ежемѣсячно смѣнявшіяся череды и т. д.) въ такомъ государствѣ, каковымъ было египетское при 12 династіи, не удивительно, но мы впервые ближе узнаемъ о такихъ вещахъ въ Среднемъ Царствѣ. Изъ книги, въ родѣ записной между „Папирусами Кахуна“ заимствали замѣчаніе, что въ 25 день 7-го мѣсяца, 7 года Усертесена III-го, начальникъ храма сообщаетъ управителю, что

тотъ долженъ 16-го числа слѣдующаго мѣсяца сдѣлать приготовленія къ наступающему празнику восхожденія созвѣздія Сиріуса; дѣйствительно, въ день означеннаго срока, сдѣлана опись „праздничнымъ дарамъ восхожденія созвѣздія Сиріуса“. Такъ какъ двѣ подобныхъ даты уже были налицо изъ временъ Новаго Царства, то были въ состояніи на основаніи даннаго астрономическаго предположенія вычислить, что 7-ой годъ царствованія Усертесена лежалъ между 1876 и 1873 годомъ до Р. X. Этимъ будетъ положенъ конецъ бывшимъ до этого времени предположеніямъ о хронологіи Средняго Царства, которыя переставляли его начало то на 2130, то на 2778 или 3315 года. Здѣсь выбранъ 1875 г.; впрочемъ и послѣ Аменемхата II-го могли быть соправительства преемниковъ, о которыхъ случайно ничего не извѣстно, кромѣ того, которое было при концѣ династіи. Такимъ образомъ совокупная продолжительность царскаго дома въ дѣйствительности на нѣсколько лѣтъ могла быть меньше.

Со сравнительно незначительными поправками имѣетъ еще и теперь значеніе основная мысль древне-египетскаго календаря, хотя слѣдуетъ остаться при убѣжденіи, что оказавшейся послѣ всѣхъ опытовъ гораздо болѣе точной астрономіи вавилонянъ и въ этомъ случаѣ принадлежитъ первенство. Началомъ естественнаго года у египтянъ было наступленіе прибыванія Нила, которое падаетъ на 20 іюля. Начинавшееся первоначально съ этого дня Новаго года счисленіе жрецовъ заключало въ себѣ 12 мѣсяцевъ (Тотъ, Фаофи, Атиръ, Хоіакъ, Тиби. Мехиръ, Фаменоѳъ, Фармути, Пахонсъ, Паини, Эпифи и Месори), по 30 дней, и сверхъ того отдѣльно пять добавочныхъ, оставляло безъ вниманія совершенно еще недостающую четверть дня до настоящаго солнечнаго года. Постоянный день Новаго года со своей стороны зависѣлъ отъ наблюденія, что первый новый восходъ звѣзды Пса на утреннемъ небѣ наступалъ вмѣстѣ съ началомъ наводненія. Между тѣмъ какъ оффиціальный счетный годъ, повторившійся четыре раза, опаздывалъ на одинъ день; „праздникъ Сотиса“ (Сиріуса) долженъ былъ каждый разъ быть опредѣленъ астрономически. Въ 139 г. по Р. X. дѣйствительный ранній восходъ звѣзды совпалъ съ первымъ днемъ переходящаго года. Это означило такимъ образомъ точное заключеніе дифференціальнаго круга („періода Сотиса“) изъ 4×365=1460 годовъ; двѣ предшествующія встрѣчныя точки лежали слѣдовательно въ годахъ 1322 и 2782 до Р. X. Исходя изъ этихъ надежныхъ датъ, календарныя сообщенія только что названнаго кахунскаго папируса можно оцѣнить хронологически. Съ 1898 г. берлинскій музей владѣетъ простыми инструментами, которыми въ Египтѣ обозначали ночные часы. „Часовые жрецы“ сидѣли при этомъ другъ противъ друга, держа каждый въ протянутой рукѣ по лоту и наблюдая чрезъ отверстіе пальмовой жилки, придерживаемой передъ глазомъ. Въ то время, какъ одинъ изъ нихъ самъ сидѣлъ спиною на югъ, а другаго садилъ такъ, что лотъ, отодвигаясь отъ полярной звѣзды, казалось, шелъ чрезъ затылокъ послѣдняго, этотъ „полярный“ наблюдатель присматривался опять къ неподвижнымъ звѣздамъ, которыя близко стояли отъ затылка сидящаго напротивъ. Опредѣленія получались тогда слѣдущимъ образомъ: 16-го Фаофи стояла одинъ разъ въ первомъ часу „Голень великана“ надъ сердцемъ (южнаго часоваго жреца), во второмъ же звѣзда Патефъ, въ третьемъ стояла звѣзда Ари, въ четвертомъ „Коготь гуся“ надъ лѣвымъ глазомъ, въ пятомъ „Задняя часть гуся“ надъ сердцемъ и т. д. Въ царскихъ гробницахъ 20-ой династіи изображено много такихъ таблицъ, которыя каждые 15 дней опредѣляютъ положеніе кульминаціонной звѣзды, въ продолженіе двѣнадцати ночныхъ часовъ: жрецъ, служащій тѣлесной нормой, сидитъ въ разлинеенномъ квадратиками полѣ, что дѣлаетъ возможнымъ точную передачу положенія мѣста часовой звѣзды. Найденные только въ 1898 г. измѣрительные приборы относятся уже къ Саисской эпохѣ; костяная рукоятка лота носитъ,

кромѣ имени владѣльца, надпись: „Я знаю ходъ солнца, луны и всѣхъ звѣздъ на ихъ мѣстахъ“; пальмовая жилка (34 сант. длины) даетъ объясненіе: „Бодрствуй, чтобы установить праздникъ, и приведи всѣхъ людей къ ихъ часамъ“.

Съ Аменемхатомъ III (1847—1802) убываетъ величіе сильнаго въ финансовомъ отношеніи царскаго дома. Надгробная пирамида царя возвышается на восточной окраинѣ Фаюма въ Хаварѣ, и видна оттуда не только чрезъ всю озерную страну, но также и чрезъ цѣпь холмовъ, которые отдѣляютъ ее отъ Нила. Озерной странѣ Аменемхатъ III предпочтительно посвятилъ свою дѣятельность. Отъ вражды его предковъ противъ династіи Себекхотеповъ (см. стр. 601), которая еще въ 1933 продолжала преслѣдовать память побѣжденныхъ, должно быть, также потерпѣлъ господствующій въ Фаюмѣ крокодилоголовый богъ Себекъ. Но уже при Усертесенѣ III мы встрѣчаемся съ доказательствомъ того, что прежнее нерасположеніе сгладилось. И Аменемхатъ III вводитъ сложныя съ Себекомъ имена въ свое семейство; его заботы о культѣ этого бога доказываютъ многіе памятники и большой храмъ въ Хаварѣ, слава котораго долго жила, какъ чудо свѣта, подъ именемъ „лабиринта“. Берегъ озера также былъ приведенъ въ порядокъ царемъ, вѣроятно для того, чтобы устроить выгодный городъ съ округомъ для резиденціи — Шедъ-Крокодилополь (теперь Мединет-эль-Фаюмъ). Такъ какъ онъ за это удостоился въ цѣломъ округѣ обычной благодарности путемъ соотвѣтствующихъ надписей, то могло случиться, что уже въ Саисскую эпоху „Возстановитель Меридова озера“ ближайшимъ образомъ въ греческихъ путевыхъ повѣствованіяхъ сдѣлался царемъ „Меридомъ“, который будто вообще впервые создалъ его. Тогда несомнѣнно впадина заключала въ себѣ гораздо большее озеро, которое было устроено запрудою и шлюзами Бар-Юсуфа; между тѣмъ нынѣшній Биркетъ эл-Керунъ наполняетъ только западную часть низменности (см. стр. 578). Двѣ „пирамиды“, которыя по Геродоту стояли среди Меридова озера, и изъ которыхъ каждая имѣла на себѣ сидящую статую царя, хотѣли отыскать снова въ развалинахъ у Біахму къ сѣверо-западу отъ Мединета. Дѣйствительно наглядно передано только описаніе лабиринта, который соприкасался однимъ угломъ съ пирамидой Аменемхата. Необыкновенно низкій храмъ Себека, обложенный бѣлымъ камнемъ, долженъ былъ по плану походить на громадную мастаба, такъ что много его комнатъ одна подлѣ другой приводили на память критскій лабиринтъ. Нѣсколько статуй и бюстовъ Аменемхата III замѣчательны по своему стремленію къ сходству: скулы выдаются, а около рта видна характерная складка.

Не задолго до своей кончины принялъ царь себѣ въ соправители свего наслѣдника Аменемхата IV; онъ, должно быть, правилъ всего девять лѣтъ, изъ которыхъ шесть доказаны фактически. Ему наслѣдовала въ правленіи его супруга, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ сестра, Себекнофру, которая еще велѣла производить постройки въ Хаварѣ, но которою четыре года спустя — по Манеѳону — заканчивается домъ. Если же продолжительныя правленія ея предшественниковъ наводили Питри на мысль усумниться въ непрерывномъ слѣдованіи сыновей, и думать скорѣе о зятьяхъ, т. е. передачѣ престола по женской линіи, то является поразительнымъ, что Себекнофру и послѣ смерти Аменемхата IV не обезпечила такимъ путемъ царскій родъ наслѣдникомъ. Можетъ быть, она однако сдѣлала это, и вмѣстѣ съ новымъ супругомъ пала жертвою мятежа (1792 г. до Р. X. или нѣсколько раньше), который вызвало, вѣроятно, чрезмѣрное предпочтеніе озерной страны. Начиная отъ Себекнофру нѣтъ уже, во всякомъ случаѣ, никакого слѣда ограниченія царской дѣятельности плодороднымъ Фаюмомъ. Только послѣ того, какъ западное вліяніе въ Египтѣ стало руководящимъ, снова стало замѣтнымъ предпочтеніе правительствомъ Озерной страны.

в) Гиксосы и семнадцатая династія.

Если въ 1400 г. богатства страны, сокровища царскаго дома и ея храмовъ были столь прославлены въ Передней Азіи, что тамошніе государи откровенно ставили свою дружбу въ зависимость отъ щедротъ изъ этого обилія, то чужеземное мнѣніе о 12-й династіи должно быть точно такимъ же. По меньшей мѣрѣ, послѣ смерти Аменемхата III, военная сила Египта пришла въ упадокъ и страдала, конечно, отъ внутреннихъ несогласій. Имя царя, которое уже по своему виду можетъ быть отнесено къ промежуточной эпохѣ, это имѣющійся въ храмѣ Карнака Амени-Антефъ-Аменемхатъ со своими натянутыми связями съ различными вѣками. Въ срединѣ же XVI столѣтія страна сдѣлалась добычею азіатовъ. „Царствовалъ у насъ“, такъ разсказываетъ Манеѳонъ (у Флавія Іосифа), „царь, именемъ Тимей. Въ его время случилось, не знаю какъ, что богъ прогнѣвался на насъ. И появились изъ Азіи нежданнымъ образомъ люди ничтожнаго происхожденія, которые храбро вломились въ нашу страну и силою взяли ее во владѣніе, безъ серьезнаго сопротивленія. Послѣ того, какъ они взяли въ плѣнъ властителей, сожгли они наши города, разрушили жилища боговъ и совершали надъ жителями всевозможныя жестокости: одни были убиты, жены и дѣти другихъ были обращены въ рабство“.

Описаніе быстрой побѣды азіатовъ говоритъ за боевую готовность, которая дѣйствительно вознаградила ихъ за „ничтожное происхожденіе“; вѣроятно, появились съ ними впервые на горизонтѣ египтянъ лошади и военныя колесницы: до этихъ поръ здѣсь великій герой (напр. Усертесенъ I) восхвалялся, какъ скороходъ; послѣ освобожденія фараонъ уже всходилъ въ свою колесницу, чтобы спѣшить въ битву.

α) Гиксосы.

Въ лицѣ чужеземцевъ, такъ называемыхъ Гиксосовъ, наводнила долину Нила волна народовъ, которая получила начало очень далеко на востокѣ, такъ какъ ихъ появленіе совершенно соприкасается съ завоеваніемъ Вавилоніи касситами (Кашшу) (см. стр. 16), которое началось или было завершено въ 1746 г. По манеѳоновскому разсказу дѣло обстоитъ такъ, будто завоеваніе Египта прежде всего означало зависимость страны отъ азіатскаго царства. „Наконецъ, они сдѣлали одного изъ своихъ царемъ, онъ назывался Салатисъ. Онъ отправился въ Мемфисъ и взималъ дань отъ Нижняго и Верхняго Египта; также помѣстилъ онъ гарнизоны въ удобныя мѣста. Но больше всего онъ подумалъ о безопасности восточной границы, такъ какъ онъ ограждалъ себя отъ неожиданнаго нападенія возрастающаго ассирійскаго могущества. Также онъ усмотрѣлъ на восточномъ берегу Бубастійскаго рукава Нила городъ, который, благодаря отношенію къ какому-то древнему миѳологическому сказанію, назывался Аварисъ, и нашелъ его удобно расположеннымъ для своей цѣли, укрѣпилъ его, окружилъ стѣнами и помѣстилъ туда 250,000 тяжело вооруженныхъ. Лѣтомъ онъ обыкновенно отправлялся туда, чтобы собрать налогъ, раздать жалованье и упражнять войско, чтобы оно распространяло ужасъ между чужеземцами“. „Ассирійцы“ помѣщены здѣсь уже Манеѳономъ въ томъ же смыслѣ для тогдашняго царства на Евфратѣ — Тигрѣ, въ какомъ позже византійцы вмѣсто Омейядовъ и Аббасидовъ называли своихъ противниковъ „Исмаэлитами“ и „ассирійцами“. Во всякомъ случаѣ имѣетъ значеніе, что Салатисъ, при имени котораго многократно думали о египетскомъ титулѣ „Шаллитъ“, принятомъ библейскимъ Іосифомъ отъ фараона, тотчасъ старался обезпечить свое царство по тому направленію, откуда пришелъ его народъ.

„Черезъ 19 лѣтъ царствованія Салатисъ умеръ; послѣ него управлялъ другой, по имени Беонъ (или Бнонъ) 44 года; за нимъ слѣдовалъ Апахнасъ, который царствовалъ 36 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, послѣ него Апофисъ 61 годъ и Іаній 50 лѣтъ и одинъ мѣсяцъ. Послѣ всѣхъ Ассисъ 49 лѣтъ и 2 мѣсяца. Эти шестеро были первыми ихъ царями, и въ ихъ время была постоянная война съ египтянами, искоренить которыхъ было ихъ стараніемъ. Весь народъ назывался Гиксосы, т. е. пастухи-цари; такъ какъ „гик“ означаетъ на священномъ языкѣ „царь“, а „сос“ — пастухъ, также на народномъ языкѣ, и отсюда вышло „Гиксосъ“. Нѣкоторые считали ихъ арабами. Такъ называлъ народъ пастушескихъ царей; они и потомки ихъ владѣли Египтомъ 511 лѣтъ“. Таково странное, едва ли передаваемое съ оригинала Іосифомъ Флавіемъ повѣствованіе Манеѳона. Если завоеватели когда-либо сами пользовались выраженіемъ „пастушескіе цари“, въ чемъ прежде всего можно сомнѣваться, то оно легко могло относиться къ главнымъ начальникамъ, но не къ ихъ массѣ. Уже при 12 династіи появились „Шасу“, какъ бедуины изъ прилежащей къ востоку отъ Египта степи; это имя для народовъ чужеземныхъ царей вошло, должно быть, позже въ употребленіе.

Что выпало на долю 8, 9 и 10, а частью также 13 династіи, то впервые настоящимъ образомъ испытала на себѣ память Гиксосовъ, которые властвовали въ долинѣ Нила не полтысячи лѣтъ, но немного болѣе 200. Выше перечисленные шесть государей образуютъ у Манеѳона 15 династію; за ней слѣдуетъ шестнадцатая: „другіе пастухи“, безъ имени и пригодныхъ цифръ. Въ качествѣ семнадцатой династіи онъ приводитъ 43 ѳиванскихъ царя одновременно съ 43 Гиксосами, которые царствовали параллельно 151 (или 221) годъ: это уже вѣрно, такъ какъ господство Гиксосовъ, которые не всегда видѣли въ расположенной недалеко отъ Таниса крѣпости Аварисъ (по египетски Хауаръ или Хатуаръ) свой крайній пограничный постъ, но позже, кажется, распространились въ Палестину, потеряло почву въ Египтѣ. Гдѣ же азіаты отступали и допускали проникать туземцамъ, тамъ и памятники ихъ были подвергнуты уничтоженію.

Изъ шести царей только Апофисъ въ Дельтѣ и въ мемфисской области оставилъ болѣе замѣтные слѣды; притомъ оказалось, что по крайней мѣрѣ, трое Гиксосовъ носило такое имя, „Іаній“ же можетъ быть тождественъ съ царемъ Хіаномъ, отъ котораго нашлась нижняя часть каменной статуи въ Бубастѣ, а также левъ съ именнымъ оваломъ въ Багдадѣ. Цилиндрическія печати и скарабеи (подражаніе священнымъ жукамъ изъ камня или глины), которые придаютъ ему написанный іероглифами не египетскій титулъ и обнаруживаютъ въ рисункѣ первобытный стиль, дозволяютъ помѣстить его въ самое первое время Гиксосовъ. На одной ступени искусства находятся скарабеи съ надписями „Уазедъ“ и „Япек-херъ“. Цари Апепи принадлежатъ напротивъ къ періоду, когда дворъ и, конечно, также правительственныя учрежденія Гиксосовъ были уже совершенно египтизированы. Апепи Ра-неб-немъ велѣлъ даже поправить гробницу царицы Апуитъ (6-й династіи) у Мемфиса, такимъ образомъ, онъ чувствовалъ себя наслѣдникомъ древнихъ родовъ; при Апепи Ра-а-узеръ, который оставилъ по себѣ также краткія посвятительныя надписи, составленъ папирусъ съ математическими задачами; Апепи Ра-а-кененъ, наконецъ, названъ на хорошо сработанной плитѣ алтаря, которую онъ устроилъ богу Сету въ Хауарѣ; также появляется его имя на многихъ статуяхъ въ сидячемъ положеніи, такъ на статуѣ Мерменфиту (стр. 601), гдѣ онъ увѣковѣчилъ себя „какъ податель жизни, сынъ солнца, возлюбленный Сетомъ Апепи“. Зато его вытѣснилъ Аменофисъ III съ другаго скульптурнаго произведенія; вообще, со времени Гиксосовъ подобныя присвоенія болѣе древнихъ памятниковъ стали все болѣе входить въ обычай. Замѣчателенъ, къ сожалѣнію, поврежденный письменный приборъ, который подаренъ своему вла-

дѣльцу Ату царемъ Апепи и былъ исписанъ восхваленіемъ щедродателя. Фараонъ изъ Гиксосовъ назывался здѣсь по обычной формѣ „живымъ образомъ бога солнца на землѣ“, равнаго которому нѣтъ во всѣхъ странахъ. Стела въ Танисѣ изъ царствованія Рамсеса Втораго, кажется сообщаетъ надежную дату одной эры: „400 года царя обѣихъ странъ, Сет-аанехти, сына солнца, Нубти Сета“; слѣдуетъ ли понимать эту дату дѣйствительно такъ, чтобы помѣщать царя Гиксоса съ этимъ именемъ подъ 1675 годомъ, въ настоящее время сомнѣваются. Во всякомъ случаѣ Дельта, въ особенности Танисъ, до теперешняго времени остается главнымъ мѣстомъ находокъ памятниковъ Гиксосовъ. Какъ на своеобразныя произведенія искусства слѣдуетъ указать на двойную стоячую статую „жертвователей рыбы“, сфинксъ [1], голову царя изъ Бубаста и стоячую статую изъ Мит-Фариса въ Фаюмѣ, сохранившуюся по грудь. Если эти образы съ костлявыми широконосыми лицами и густыми волосами — воплощенія оригинала, который Шасу принесли въ страну, то ихъ типы, конечно, вовсе не семитическіе (также и въ первобытномъ семитствѣ касситовъ можно сомнѣваться); бюстъ Мит-Фариса, благодаря своей дѣтской наивности, превосходитъ древностью прочіе, которые кажутся уже привлекательнѣе.

β) Семнадцатая династія.

Верхній Египетъ рано избавился отъ прямого управленія Гиксосовъ. Уже въ 1650 г. до Р. Х. выступили тамъ туземные князья, которые съумѣли удержать извѣстную самостоятельность относительно платежа дани. О полной независимости этой „семнадцатой династіи“, которая снова имѣла свое мѣстопребываніе въ Ѳивахъ и тамъ основала свои гробницы, едва ли можетъ идти рѣчь уже потому, что владѣніе устьемъ Нила во всѣ эпохи рѣшало вопросъ о томъ, могъ ли доставляться до Верхняго Египта лѣсъ на постройку рѣчныхъ барокъ, этихъ единственныхъ большихъ средствъ сообщенія. Поэтому важно для исторіи постепеннаго ослабленія и паденія Гиксосовъ, что въ послѣднихъ сраженіяхъ хорошо снаряженный и достаточный по числу кораблей флотъ Верхней страны взялъ перевѣсъ; рѣшающей для Гиксосовъ была, такимъ образомъ, потеря западной Дельты и города Мемфиса. Сосѣдніе ливійцы могли играть главную роль, пока былъ вопросъ объ освобожденіи западныхъ устьевъ. Въ ожесточенной окончательной борьбѣ были выгнаны египтянами царь и народъ Гиксосовъ: эти азіаты не всосались, ихъ царскій родъ не сдѣлался туземнымъ, благодаря бракамъ или усыновленіямъ. Пока дѣло не пришло къ концу, князья 17 династіи старались главнымъ образомъ выиграть время и мѣсто, не привлекая на себя всей мощи могущества Гиксосовъ, которые, конечно, все еще были страшны и послѣ 1600 г. Не могло ли послужить нубійское золото практическому облегченію трудной задачи Ѳивъ?

Возвышеніе ѳиванскихъ царей, которые считались у Гиксосовъ только областными графами, представлено въ литературѣ послѣдующихъ столѣтій; повѣствованіе объ этомъ живо напоминаетъ наши національные разсказы изъ отечественной исторіи. Какъ обыкновенно, писецъ папируса не обладалъ терпѣніемъ передать все въ цѣльности. Было время (такъ начинается данный текстъ), что Египетъ былъ безъ законныхъ царей. Секнен-Ра былъ княземъ на югѣ, Апепи — властителемъ въ Хауарѣ; но послѣдній распоряжался страной и ея хорошими произведеніями. Но вотъ Апепи принялъ Сутеха (Сета) въ боги. Онъ построилъ ему прочный храмъ и не служилъ никому изъ прочихъ боговъ страны. Апепи отправилъ

---

[1] Что касается знаменитаго танисскаго сфинкса, то В. С. Голенищевъ доказалъ его принадлежность Аменемхату III („Amenemha III et les Sphinx de San“ въ Recueil de travaux XV). Б. Т.

настоятельное посольство къ Секнен-Ра, по поводу разсужденій о мѣстѣ Амона-Ра въ египетскомъ культѣ; Секнен-Ра впалъ въ сильное смущеніе. „Князь Юга созываетъ своихъ вельможъ и мудрецовъ вокругъ себя и имъ сообщаетъ всѣ слова царя Апепи. Но они молчали смущенные, и не находили отвѣта ни въ хорошую, ни въ худую сторону. Тогда послалъ царь Апепи…“ и рукопись прекращается. Очевидно, борьба 17-й династіи должна была явиться въ свѣтѣ священной войны. Секнен-Ра, вѣроятно, здѣсь третій этого имени, мумія котораго извлечена на свѣтъ въ 1881 г. со многими другими изъ тайника въ скалѣ у Ѳивъ. Когда ее развернули, оказалось, что князь въ лучшей порѣ жизни потерпѣлъ насильственную смерть. Черепъ былъ раздвоенъ ударомъ, а трупъ, на половину разложившійся, подвергнутъ былъ на скорую руку бальзамированію. Такая находка допускаетъ заключеніе, что Секнен-Ра палъ въ сраженіи или въ бѣгствѣ, время котораго должно приходиться между 1580 и 1570 г. до Р. Х. и что непріятель оставилъ тѣло непогребеннымъ. За наслѣдника павшаго князя принимаютъ Кемосиса, гробъ котораго, между прочимъ, заключаетъ барку, изваянную изъ золота, въ настоящее время важный для исторіи искусства предметъ въ каирскомъ музеѣ. Война съ Гиксосами, вѣроятно, продолжалась, хотя не безъ перерывовъ. Храмъ Хаторъ въ Спеосѣ Артемидосѣ, къ югу отъ Бени Хассанъ, былъ согласно надписи своей возстановительницы, царицы Хатшепсутъ, разрушенъ одновременно съ другими древними сооруженіями „азіатами, которые сидѣли въ Дельтѣ и Хауарѣ“; это, конечно, случилось только, когда имъ пришлось уже вести борьбу за дальнѣйшее обладаніе этой страной.

Въ 1562 году вступилъ на престолъ Ѳивъ царь Амосисъ, можетъ быть, братъ Кемосиса, и стремился къ тому, чтобы ниспровергнуть владычество Гиксосовъ. Офицеръ, поприще котораго началось при этомъ царѣ, былъ его соименникомъ: Аахмесу (египетская форма вмѣсто Амосисъ), сынъ Баба, велѣлъ начертать на своей гробницѣ въ Нехебѣ, въ верхнемъ Египтѣ (теперь Эль-Кабъ) жизнеописаніе, которое, какъ до сихъ поръ самая древняя попытка египтянина сообщить кое-что потомству о великихъ событіяхъ его эпохи, при всей своей видимой неумѣлости, наглядно доказываетъ упомянутый на страницѣ 588 переворотъ въ національно-египетскомъ воззрѣніи впродолженіе эпохи Гиксосовъ. Аахмесу началъ свою военную службу, какъ юнга на суднѣ „Жертвенный быкъ“; онъ поступилъ на судно „Сѣверъ“, когда женился. „И когда царь выступилъ на своей военной колесницѣ (употребленіе которой выступаетъ въ первый разъ), пошелъ я за нимъ пѣшкомъ. И расположились передъ городомъ Хауаръ: я оказалъ храбрость въ глазахъ Его Величества. Тогда поставили меня во главѣ судна, „Сіяющій въ Мемфисѣ“: имя, которое важно для хода событій, изложеннаго на страницѣ 612. „Мы сражались на водѣ въ Пацедку при Хауарѣ. Тамъ я добылъ руку, о чемъ было упомянуто царскимъ писцомъ и что мнѣ доставило золотой шейный уборъ за храбрость“. При второмъ сраженіи онъ имѣлъ такой же успѣхъ, и опять удостоился награды: „завязалось сраженіе при Такемтѣ, къ югу отъ города, и я привелъ плѣнника живымъ Я шелъ въ бродъ по водѣ, снесъ его съ плотины и притащилъ его опять по водѣ въ безопасное мѣсто.“ Вторично пожаловалъ царь „золото“ за это дѣло: щедрость, которая частью была направлена на отрасль высокопоставленной фамиліи, частью была обычною въ это время нужды.

„Мы взяли Хауаръ“ продолжаетъ безъ перехода Аахмесу, „и я увелъ оттуда мужчину и трехъ женщинъ; Его Величество подарилъ ихъ мнѣ, какъ слугъ. И мы расположились предъ Шарухеномъ (въ Южной Палестинѣ) въ 6-ой годъ (царя), и Его Величество взялъ городъ“. По этой датѣ (1557?) приблизительно можно опредѣлить завоеваніе Хауара: при явномъ стремленіи Аахмеса къ хронологической послѣдовательности, должна была пасть большая крѣпость и послѣдняя резиденція Гиксосовъ въ 1560 или

1559 г. Но даже послѣ завоеванія Шарухена, при чемъ азіатскія владѣнія противниковъ не претерпѣли вовсе урона, заслуживающаго упоминанія, положеніе царя Амосиса было еще довольно запутано. Его усилія на сѣверѣ придали нубійскимъ племенамъ мужество возстать противъ него. Аахмесу разсказываетъ: „Какъ только Его Величество сокрушилъ Ментіу (Шасу подъ древнимъ именемъ восточныхъ бедуиновъ), пошелъ онъ къ югу въ страну Хентъ и устроилъ тамъ (выше Ассуана) рѣзню. Тогда поѣхалъ Его Величество вверхъ по рѣкѣ, радуясь своимъ побѣдамъ; онъ покорилъ народы юга и сѣвера.“ Но ликованіе еще было неумѣстно. „Проникъ и тотъ Аата до верхней страны, но для своей гибели, такъ какъ южные боги наложили на него руку. При Тента-а столкнулись противники другъ съ другомъ, и Аата попалъ живьемъ со своимъ судномъ во власть Амосиса.“ Способъ выраженія Аахмеса допускаетъ предположеніе, что дѣло идетъ еще о царѣ изъ Гиксосовъ, отъ котораго избавились, такъ удачно завладѣвъ имъ. Настоящее значеніе завоеванія Хауара и Шарухена мы узнали бы, если бы храбрый начальникъ судна изъ Нехеба захотѣлъ открыть намъ, шелъ ли непріятель Аата извнѣ или возсталъ только въ Дельтѣ; за первое предположеніе говоритъ, можетъ быть, слѣдующее обстоятельство: „Тогда выступилъ тотъ непріятель, который назывался Тета-анъ. Онъ собралъ вокругъ себя бунтовщиковъ; но Его Величество разгромилъ его приверженцевъ до истребленія“. Обѣ послѣднія побѣды доставили Аахмесу, кромѣ плѣнныхъ рабовъ, и значительное увеличеніе его собственныхъ имѣній въ Нехебѣ; подумали и о другихъ капитанахъ. Прежній князь Ѳивъ могъ, слѣдовательно, приняться за конфискацію. Его господство надъ царствомъ окончательно упрочено.

Рядомъ съ повѣствованіемъ Аахмеса разсказъ Флавія Іосифа (по Манеѳону) объ изгнаніи гиксосовъ возбуждаетъ не слишкомъ выгодное впечатлѣніе. „Послѣ всѣхъ этихъ вещей,“ пишетъ онъ „цари Ѳиваиды и другихъ египетскихъ областей возстали противъ пастуховъ, такъ что возникла между ними долгая и тяжелая война, пока пастухи не были покорены царемъ по имени Мисфрагмутосисъ и изгнаны имъ изъ прочихъ частей Египта и ограничены на одномъ мѣстѣ, которое имѣло 10,000 арурь земли въ окружности и называлось Аварисъ. Этотъ весь участокъ обвели пастухи крѣпкимъ каменнымъ сооруженіемъ, чтобы защищать свою собственность и свою добычу всею вооруженною силою. Но Туммосъ, сынъ Мисфрагмутосиса старался взять его осадой и двинулся къ этому мѣсту съ 480,000 человѣкъ. Когда онъ уже отчаявался смирить ихъ этимъ, они сами склонились къ сдачѣ, послѣ чего они очистили Египетъ, но захотѣли уйти безъ принужденія, куда имъ будетъ угодно. На этомъ порѣшили; и они ушли въ количествѣ не менѣе 240,000 человѣкъ со своими семействами и всѣмъ имуществомъ чрезъ пустыню въ Сирію. Такъ какъ они боялись ассирійцевъ, которые тогда господствовали въ Азіи, то построили городъ въ странѣ, называемой теперь Іудеей, достаточный для столькихъ человѣкъ, и дали ему названіе Іерусалимъ.“

Что здѣсь сообщается библейскій исходъ израильтянъ изъ Египта, освѣщаемый съ другой точки зрѣнія, совершенно ясно. Наука оставляетъ теперь нерѣшеннымъ, дѣйствительно ли это такъ разсказывалъ Манеѳонъ, но она отвергаетъ совершенно разсказъ Іосифа въ томъ отношеніи, на сколько въ немъ шасу сопоставлены съ израильтянами. Другіе ученые послѣдовательно пришли къ заключенію, будто Израиль вообще никогда не былъ въ Египтѣ. Въ дѣйствительности нужно или согласиться съ послѣднимъ заключеніемъ, или же рѣшиться прямо считать сопоставленіе евреевъ съ пастухами Манеѳона, какъ нѣчто въ главномъ вѣрное, какъ это дѣлаетъ позднѣйшая древность и ея христіанскіе авторы и какъ изложено это въ преданіи (см. стр. 189 и 190). У Іосифа вмѣсто настоящаго освободителя Амосиса приведены „Мисфрагмутосисъ и его

сынъ Туммосъ“: такимъ образомъ впродолженіе осады Хауара произошла перемѣна въ царствованіи. Кто стоитъ за израильтянъ въ Египтѣ, тотъ сочтетъ это скороспѣлое измѣненіе дѣйствующихъ лицъ признаніемъ, что Манеѳонъ относилъ съ большой опредѣленностью ко времени одного изъ Тутмосовъ изгнаніе именно тѣхъ людей, которыхъ главнымъ мѣстожительство былъ Іерусалимъ въ его время. Это могло касаться позднѣйшаго удаленія остатка шасу, которое, вѣроятно, совершено Тутмосомъ III-имъ и, конечно, едвали разыгралось въ Хауарѣ: это мѣсто считалось, какъ бы неизбѣжнымъ „Цвингъ-Ури“ Египта, которому приходилось падать каждый разъ, какъ были изгоняемы шасу. Израиль, какъ имя народа, найденъ до сихъ поръ только одинъ разъ въ египетскихъ надписяхъ, именно при Меренпта, который и теперь считается большею частью „фараономъ исхода“; вышесказанное упоминаніе однако имѣетъ въ виду, что Израиль во время этого царя былъ уже осѣдлымъ въ Палестинѣ.

Съ изгнаніемъ гиксосовъ для Манеѳона оканчивается семнадцатая династія. Амосисъ принадлежитъ такимъ образомъ, по его схемѣ, какъ къ ней, такъ и къ восемнадцатой, какъ послѣдній царь Средняго и первый Новаго Царства.

B. **Новое Царство.**

a) Восемнадцатая династія до смерти Аменофиса III.

Чего не могли осуществить азіатскія вторженія и переселенія древнихъ временъ, совершилось благодаря гиксосамъ; египетское государство приняло съ этого времени на цѣлыя столѣтія военный характеръ и нѣкоторое время успѣшно проявляло его. Возможно, что уже цари Средняго Царства, которые распространили свое господство надъ Нубіей и Оазами, не устрашались передъ походами въ гораздо болѣе способный къ сопротивленію Ханаанъ; даже Древнее Царство повелѣвало своимъ воинамъ правильно громить тамошнія укрѣпленія (см. стр. 595). Но слабая придворная гвардія, въ качествѣ ядра войска, наборъ котораго лежалъ на обязанности отдѣльныхъ номарховъ и, вѣроятно уже въ то время получалъ для себя хотя и пригодное, но нуждавшееся, въ строгомъ надзорѣ подкрѣпленіе изъ нубійскихъ племенъ, могла только при особенно благопріятномъ обстоятельствѣ навести продолжительный страхъ на чужія страны. Областныя войска оставались всегда вооруженными крестьянами, возможная для нихъ самая высшая степень храбрости совершенно зависѣла отъ сознанія, что они не вернутся домой, если убѣгутъ въ чужой странѣ. Непріятельское войско, разъ уже перейдя египетскую границу, могло напротивъ, разсчитывать на тоску по родинѣ, которая немедленно овладѣвала туземнымъ ополченіемъ и, съ началомъ битвы, легко становилась непреодолимою. Теперь съ 1560 г., новое царство возстановленнаго государства уже владѣло новымъ оружіемъ — военными колесницами, но его солдатское сословіе состояло пока изъ многочисленныхъ людей, которые впродолженіе долгой борьбы за освобожденіе или лишились своего имущества и заработка, или, какъ прежніе рабы, уже не имѣли болѣе господина-кормильца. Мы видѣли, что правитель корабля Аахмесу старается прежде всего добывать плѣнныхъ, которыхъ ему иногда дарилъ царь въ рабы, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ царь, кажется, самъ удерживалъ ихъ для себя, жалуя взамѣнъ золотой знакъ отличія. Если же способные къ службѣ рабы Гиксосовъ и остававшіеся имъ вѣрными областные графы перебѣгали къ Амосису, то было бы неразумно обращаться съ ними далѣе, какъ не со свободными; они были помѣщены въ войско и, по степени ихъ надежности, или удержаны во фронтѣ, или командированы на нубійскую границу. Но чѣмъ болѣе укрѣплялось Новое Царство, тѣмъ ничтожнѣе становились эти

отряды. Они не могли быть замѣнены вербованіемъ среди туземцевъ на столько, чтобы могла быть составлена сколько нибудь значительная сила, какъ постоянное войско: характеръ египетскаго земледѣльческаго государства, которое уже въ прежнія столѣтія въ виду войны должно было привлекать къ дѣлу нубійскіе вспомогательные народы, не дозволялъ такихъ мѣръ. Совершенное включенные Тутмосомъ III „Девять луковъ", племена къ югу отъ Вади Хальфы, составили скоро настоящіе армейскіе полки: въ 1400 г. сирійскимъ подданнымъ царства солдаты фараона были извѣстны просто какъ „лучники" (pidati). Чтобы показать свое могущество, онъ долженъ выслать пидати и военныя колесницы.

Если же хочетъ фараонъ распространить особенный ужасъ, то онъ посылаетъ „ширтани", по В. Максу Миллеру, сардовъ, которые когда-то не ограничивались островомъ Сардиніей, но имѣли своимъ главнымъ мѣстомъ жительства, можетъ быть, еще противоположный африканскій берегъ. Это были наемники, которые при 18 династіи вербовались малыми отрядами; Рамессиды впервые стали не утаивать того, что ширтани дѣйствительно были лучшее египетское боевое войско: слава, которую они доказательно стяжали у азіатовъ уже во время Аменофиса III, но, вѣроятно, они пользовались ею уже при Тутмосѣ III, или еще раньше. Вооруженные длинными мечами и большими съ двойными рукоятками круглыми щитами, тяжелымъ панцыремъ и большимъ металлическимъ шлемомъ съ рогами быка по бокамъ, иногда также метательнымъ копьемъ и кинжаломъ, ширтани прежде всего устрашали непріятеля аттакой въ сомкнутомъ строю. Что на подобный была способна пѣхота, оставалось для боевой тактики восточнаго войска до поздѣйшаго времени чѣмъ то необычайнымъ; еще неоцѣнимѣе была личная храбрость несомнѣнно грубыхъ наемниковъ, тупоумный типъ лица которыхъ многократно передавался египетскими рисовальщиками, совершенно наглядно изображавшими ширтани, влѣзающихъ на городскія стѣны.

Менѣе важны при 18 династіи ливійскія вспомогательныя войска, изъ которыхъ только потомъ кехакъ и машаваша въ большихъ отрядахъ появляются на службѣ фараона. До тѣхъ поръ, пока Новое Царство было увѣрено въ своемъ могуществѣ, оно обращалось всегда съ нѣкоторою осторожностью съ этими пограничными сосѣдями Египта; на пребываніе ливійцевъ въ войскахъ царя Рамсеса II можно смотрѣть, какъ на признакъ слабости: дѣйствительно, захватъ ливійскими наемными князьями господства не заставилъ слишкомъ долго ожидать себя. Заслуживаютъ упоминанія еще „мади", происшедшіе отъ плѣнныхъ или ихъ потомковъ и названные такъ по одному нубійскому племени: они назначались въ полицейскій отрядъ страны и поэтому „по причинѣ ихъ многихъ приказаній" были понятно нелюбимы; болѣе сильный отрядъ долженъ былъ служить охраной ѳиванскому городу мертвыхъ, и позднѣйшій египетскій терминъ для солдатъ („матои") прямо взятъ отъ мади. И такъ еще не вполнѣ ясно, становилось ли въ строй отдѣльно отъ наемниковъ „регулярное войско" 18-ой династіи, которое уже являлось раздѣленнымъ на дивизіоны при Тутмосѣ III. Управленіе національными военными силами должно было естественно оставаться отдѣленнымъ и во время похода, но для сраженій просто отдавался приказъ о сформированіи соединенныхъ корпусовъ. Но даже самыя лучшія оффиціальныя военныя извѣстія дозволяютъ намъ вывести заключеніе, что упоминать о побѣдахъ наемниковъ не считается умѣстнымъ. Равнымъ образомъ въ присутствіи царя есть только одна военная колесница, его собственная, приближеніе которой обращаетъ въ бѣгство противниковъ.

Царствованіе царя Амосиса, который дожилъ приблизительно до половины пятаго десятка, не богато памятниками. Его мумія, найденная въ шахтѣ Дер-эль-Бари, походитъ по прическѣ на мумію Секненъ-Ра. Тогда

не брили кожи черепа, какъ это было въ обычаѣ позже, только носили длинными локонами завитки, благодаря которымъ обращаютъ на себя наше вниманіе и головы гиксосовъ. Несходной съ прочими примѣрами фараоновъ представляется картина семейныхъ отношеній Амосиса. Кажется, что во вторую половину времени его правленія произошелъ переворотъ, неблагопріятный для сестеръ царя и ихъ потомства, съ тѣхъ поръ, какъ царица Аахмесъ-Нефертари раздѣлила съ Амосисомъ тронъ, такъ какъ она и дѣти ея были замѣтно предпочитаемы. Нефертари изображается иногда съ чернымъ цвѣтомъ кожи; вѣроятно, собственно для нея созданное жреческое достоинство „жены бога“ Амона ѳиванскаго, впослѣдствіи, при эѳіопскихъ завоевателяхъ Египта, снова достигло высокаго значенія; наконецъ она и ея сынъ Аменофисъ I всетаки страннымъ образомъ остались предметами культа, и вмѣстѣ съ тѣмъ священной парой. Можетъ быть, такимъ образомъ Амосисъ съ рукой Нефертари добился одновременно поддержки эѳіопскаго царства для борьбы съ гиксосами; можетъ быть, ему это царство досталось потомъ само собою въ силу пріобрѣтеннаго бракомъ права. Впрочемъ о царствѣ по среднему теченію Нила въ это время еще совершенно ничего неизвѣстно изъ другихъ источниковъ.

Аменофисъ I (1537—1516) началъ свое царствованіе набѣгомъ на Кушъ, „чтобы расширить границы Египта“. Извѣстный изъ войны за освобожденіе Аахмесу изъ Нехеба (стр. 613) разсказываетъ намъ объ этомъ на своей гробничной стѣнѣ; но экспедиція не подала повода очевидно къ геройскимъ подвигамъ. Еще короче повѣствуетъ другой воинъ изъ той же мѣстности, по имени Аахмесъ Пен-Нехебъ, о сраженіи противъ ливійскихъ кехакъ. Представленнымъ въ видѣ сфинкса попадается намъ царь чаще, чѣмъ его наслѣдникъ; его мумія изъ большой шахты Дер-эль-Бахри еще не изслѣдована. Въ противуположность его роли послѣ смерти, какъ патрона-покровителя кладбища Ѳивъ, которая мало-по-малу становится замѣтною уже до Аменофиса IV и при 20-ой династіи, даже угрожаетъ богу Осирису (Аахмесъ-Нефертари тогда для соотвѣтствія своему сыну, принимаетъ мѣсто Исиды), о жизни Аменофиса I-го извѣстно крайне мало. Ни культура, ни преданіе Новаго Царства не могли въ его дни стоять уже на собственныхъ ногахъ; тогда, вѣроятно, впервые было испробовано съ помощью древняго достоянія 12 династіи облагородить въ египетскомъ смыслѣ новые обычаи жизни и успѣхи, которые принесла эпоха Гиксосовъ. Можетъ быть успѣхъ въ этомъ отношеніи повелъ впослѣдствіи къ почитанію памяти Аменофиса I, что собственно приличествовало его отцу.

Слѣдующій царь оставилъ намъ документъ, сохранившійся въ двухъ дополняющихъ другъ друга экземплярахъ: формальное оповѣщеніе о вступленіи на престолъ „царевичу Куша“, египетскому вице-королю Нубіи. Онъ гласитъ: „Царскій приказъ Туро, князю и начальнику Южныхъ странъ. Смотри, тебѣ будетъ поданъ этотъ царскій приказъ, который тебѣ говоритъ, что мое Величество, которое живо, здравствуетъ и благополучно, короновано на царство, вѣчно безъ сравненія, на престолѣ Гора живыхъ. Мои же имена слѣдующія: 1) Горъ, сильный телецъ, любимый (богиней правды) Маатъ, 2) Соединитель обѣихъ земель (Верхняго и Нижняго Египта), коронованный царскою змѣею, полный силы, 3) Золотой Горъ, съ прекрасными годами (которые онъ приведетъ), оживляющій сердца, 4) Царь Верхняго и Нижняго Египта, Ахеперкара, 5) сынъ бога Ра, Тутмосъ (Первый), который живетъ всегда и вѣчно.—Теперь вели принести жертвы богамъ (Куша) при обѣтахъ о жизни, долгоденствіи и здравіи царя Ахеперкара, исполненнаго жизни, вели клясться именемъ Величества, которое живо, благоденствуетъ и здравствуетъ и рождено отъ царицы матери Сенсенебъ, которая находится въ вождѣленномъ здравіи. Это написано для твоего назиданія; знай, что домъ царя здравъ и твердъ. Данъ 21 дня третьяго зимняго мѣсяца въ 1-омъ году, въ день праздника коронаціи“.

Изъ пяти именъ, которыми украшаетъ себя здѣсь новый повелитель Тутмосъ 1-ый, первые три имѣли, конечно, значенiе только для ритуальныхъ церемонiй; четвертое имя употреблялось въ перепискѣ съ чужими странами; пятое, наконецъ, преимущественно употребляется на памятникахъ, и потому осталось для всѣхъ царей историческимъ. При одинаковыхъ именахъ, которыя теперь составляютъ правило, для египтянъ въ видахъ различенiя достаточно было прибавленiе предъимени.

Уже Аменофисъ I, какъ можно заключить изъ его собственныхъ картинныхъ изображенiй безъ текста, вступалъ много разъ во главѣ войска на почву Азiи; его наслѣдникъ выдержалъ тамъ, должно быть, серьезную борьбу. Прежде всего, разумѣется, было необходимо, не смотря на увѣренный указъ, посланный Туро, личное присутствiе царя Тутмоса I-го въ Нубiи (стр. 532), гдѣ, очевидно, было отказано въ обычной присягѣ. Уроженцы Эль-Каба, Аахмесу и Пен-Нехебъ, оба уже достигшiе преклонныхъ лѣтъ, совершили снова добросовѣстно и этотъ путь по рѣкѣ вверхъ, и притомъ были удивлены, какъ былъ мужественъ въ сраженiи фараонъ. „Его Величество былъ свирѣпъ, какъ пантера; онъ попалъ своимъ первымъ ударомъ стрѣлы въ грудь того несчастнаго, который велъ бунтовщиковъ". При возвращенiи въ Ѳивы выставлялся трупъ того или другого вождя, привѣшеннымъ къ мачтѣ царскаго судна. Съ такою же стремительностью нападалъ царь потомъ на противниковъ въ Азiи. „Потомъ онъ отправился въ Сирiю", разсказываетъ Аахмесу, „чтобы отомстить этимъ странамъ", значитъ онѣ не внесли должной дани. „Его Величество прибылъ въ Нахарину, бросился на непрiятеля, который составилъ заговоръ. Тогда поднялъ Его Величество сильное кровопролитiе, привелъ домой безчисленное множество плѣнныхъ отъ своей побѣды. Я же былъ на передовомъ посту, и царь видѣлъ мою храбрость, съ которою я схватилъ колесницу, ея упряжь и ея вооруженiе. Тогда я отдалъ ее Величеству и получилъ за это золото". Пен-Нехебъ устоялъ храбрымъ также и въ этой битвѣ. Двѣ краткiя ссылки царя Тутмеса III (стр. 623) представляютъ доказательство, что его предшественникъ дошелъ почти до Евфрата. Къ сожалѣнiю, на надписяхъ 18 династiи господствуетъ надменный обычай упоминать о противникѣ всегда только презрительнымъ способомъ рѣчи. Исходя изъ того, что Нахарина, т. е. страна по обѣимъ сторонамъ изгиба Евфрата, всегда считалась очагомъ непрiязни къ Египту, возможно допустить, что династiя должна была вступить въ борьбу за Сирiю съ царствомъ Митани (см. стр. 46 и 112). Ударъ, который нанесъ Тутмосъ I на этомъ театрѣ войны, очевидно, обусловилъ заключенiе благопрiятнаго мира. Упрямѣе были кушиты. Уже на 3-ьемъ году своего царствованiя царь снова долженъ былъ отправиться, „чтобы раздавить убогiй Кушъ". На этотъ разъ еще лучше сказалась его опытность на войнѣ. Распоряженiя великаго эѳiопскаго побѣдителя Усертесена I были снова возстановлены, причемъ Тутмосъ I велѣлъ не только укрѣпить пограничныя крѣпости Семнехъ и Кумехъ, но также сдѣлать снова судоходнымъ каналъ чрезъ первый водопадъ.

Царь, который, подобно Аменофису I, строилъ въ Карнакѣ и сооружалъ на восточной ѳиванской сторонѣ древнѣйшую часть храма Мединетъ Хабу, царствовалъ не свыше 13 лѣтъ. Почувствовавъ свой близкiй конецъ, Тутмосъ сдѣлалъ распоряженiя о престолонаслѣдiи, причемъ должны были быть вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворены самыя разнообразныя притязанiя. Для изслѣдованiя различныхъ частностей этого пункта оказалъ услуги Куртъ Зете. Послѣдовательность родовъ и царей между 1503 и 1481 годами отъ смерти Аменофиса I-го до начала единовластiя Тутмоса III еще неясна. Прежде всего не знаютъ, былъ ли Тутмосъ I-ый сынъ или зять царя Аменофиса I-го; въ послѣднемъ случаѣ царство его, вѣроятно, основывается на бракѣ съ царицей Аахмесъ (Аменсатъ), какъ съ наслѣдной царевной. Съ этимъ можетъ быть согласно то обстоятельство, что дочь отъ этого брака

Хатшепсутъ, не задолго до кончины своего отца называется соправительницею; ея мать, должно быть, умерла раньше. До этого времени предполагали, что Тутмосъ II, сынъ Тутмоса I-го отъ царицы Мутнефертъ, вступилъ въ совмѣстное правленіе съ Хатшепсутъ, на которой онъ тогда женился. Юная чета признала со своей стороны, нѣсколько спустя послѣ смерти отца, наслѣдникомъ (соправителемъ) его второго сына, впослѣдствіи Тутмоса III, хотя онъ былъ рожденъ отъ гаремной женщины. Тутмосъ же II умеръ, не достигши тридцати лѣтъ; Хатшепсутъ и Тутмосъ III остались одни на престолѣ и поженились, хотя царю только исполнилось девять лѣтъ. Въ виду этого возраста нельзя считать невозможнымъ, что Тутмосъ III могъ быть сыномъ Тутмоса II-го, такимъ образомъ его настоящая мать или, по крайней мѣрѣ, жена его отца Хатшепсутъ, вышла за него замужъ. Разница въ лѣтахъ давала себя чувствовать тѣмъ, что молодой царь видимо былъ въ тѣни передъ царицей, пока она не умерла на 22 году, своего правленія, которое подъ конецъ уже переносили неохотно. Изъ данныхъ календарнаго характера вычислено, что Тутмосъ III 4-го пахонса 1503 г. былъ коронованъ и жилъ до послѣдняго числа фаменота 1449 г.

О Тутмосѣ II можно сообщить немного. Если вѣрить неяснымъ хвастливымъ показаніямъ надписи на скалѣ при Ассуанѣ, то онъ побѣдилъ блистательно не только нубійскихъ хентнеферъ, но и азіатовъ. Старый Пен-Нехебъ изъ Эль-Каба во всякомъ случаѣ утверждаетъ, что онъ сопровождалъ царя противъ шасу, то есть въ южную Палестину, „и я привелъ такъ много плѣнныхъ домой, что (я) ихъ совсѣмъ не считалъ“: выраженіе, обращающее на себя вниманіе. Война же съ эѳіопскими племенами подтверждается косвенно работами въ крѣпости Семнехъ и въ другихъ мѣстахъ. Древнѣйшія части храма Дер-эль-Бахри равнымъ образомъ начаты этимъ царемъ. Но его дѣяніямъ положила конецъ ранняя смерть. Мумія Тутмоса II производитъ впечатлѣніе, что тѣло было жертвою тяжкой болѣзни: у человѣка, еще не достигшаго 30 лѣтъ, волосы на головѣ уже по большей части выпали и черты лица особенно искажены. Болѣе пяти лѣтъ (1503 до 1498) онъ не сидѣлъ на престолѣ.

Хатшепсутъ, какъ самостоятельная правительница, окончила богатый замѣчательными въ историческомъ и культурно-историческомъ отношеніи барельефами храмъ Дер-эль-Бахри (такъ названный по выстроенному здѣсь позже коптскому монастырю). Нашъ главный интересъ приковывается уже упомянутымъ изображеніемъ (стр. 532 и 586) той большой экспедиціи, которую Хатшепсутъ послала въ Пунтъ въ 9-ый годъ своего царствованія. Эта каменная книга съ рисунками начинается разговоромъ между царицей и богомъ Амономъ, который, на испрашиваемое у него позволеніе, „повелѣваетъ настоятельно“ двинуться въ путь; такъ какъ Хатшепсутъ была безконечно набожна, то имѣла право быть награжденной за это. И Амонъ дѣйствительно начинаетъ предрекать въ подробностяхъ, какія дорогія и удивительныя вещи доставитъ торговая экспедиція; за это онъ получилъ позже свою богатую долю. Восемь кораблей потянулись по Чермному морю, и возвратились обратно, нагруженные до рей. Встрѣча сокровищъ страны ладона, которыя были пріобрѣтены въ обмѣнъ на египетскіе металлическіе товары, въ особенности оружія, дала поводъ въ Ѳивахъ къ празднествамъ и военнымъ зрѣлищамъ, при которыхъ Тутмосъ III выступалъ скромно, какъ жрецъ Амона. Вообще царица, охотно дозволявшая изображать себя съ бородой на подбородкѣ, обнаруживала очевидное пристрастіе къ распоряженіямъ, которыя выставляли на видъ ея полновластность. Едва ли съ формальной стороны было противъ обычая царствованіе женщины; едва ли Хатшепсутъ надѣла царскую бороду только для того, чтобы испросить нѣкоторымъ образомъ извиненіе у салическаго закона. Напротивъ, она кажется была полна слишкомъ высокаго мнѣнія о

себѣ; вѣроятно въ ея время не было недостатка въ изображеніяхъ, на которыхъ она держитъ народы вселенной за волосы и потрясаетъ боевой сѣкирой: изваянія эти конечно должны были впослѣдствіи не нравиться Тутмосу III, и вслѣдствіе этого скоро снова исчезли.

Мы встрѣчаемъ при Хатшепсутъ и слѣды временщичества. „Великая няня" т. е. воспитатель царевны Нефрура, нѣкій Сенмутъ, не смотря на свое ничтожное происхожденіе „былъ царицею сдѣланъ вельможей предъ обѣими странами". Она замѣтила его, когда онъ еще былъ чиновникомъ по управленію храмомъ Амона, возвысила его до высшаго изъ высшихъ начальниковъ дворца и довѣреннаго, такимъ образомъ осыпала его почестями, которыхъ „не найти въ письменахъ предковъ". Каменная статуя, изображающая могущественнаго друга царицы на корточкахъ, а его покрытый іероглифами плащъ, охватывающимъ его юную царевну, была дана ему равнымъ образомъ въ награду отъ Хатшепсутъ. Хатшепсутъ, которая еще на 16 году своего царствованія велѣла воздвигнуть два громадныхъ обелиска въ Карнакѣ, умерла въ 1481 г. О предназначенной на наслѣдственный престолъ царевнѣ Нефрура не говорится ничего, также и Сенмутъ исчезаетъ изъ исторіи, а имена Хатшепсутъ и Сенмута были преслѣдуемы Тутмосомъ III, который т. обр. не старался замаскировать вида насильственной перемѣны правленія. Сила государства, которая должна была потерпѣть во внѣшнихъ провинціяхъ, въ особенности въ Сиріи, могла быть снова возстановлена только съ удаленіемъ царицы, такъ какъ побѣдоносный верховный повелитель, Тутмосъ или другой, представлялъ для нея опасность.

На рѣдкихъ царей, успѣхи которыхъ проистекали отъ трезваго пониманія своихъ обязанностей и способности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, Тутмосъ III походитъ тѣмъ, что ему суждено уже было съ юности, не принимая участія, всматриваться въ различныя правительственныя дѣянія противуположнаго свойства, которымъ онъ, можетъ быть, противустоялъ бы менѣе, еслибы они не были связаны съ пренебреженіемъ къ его собственному достоинству. Его политическое призваніе востановить обаяніе Египта извнѣ, лежало правда довольно ясно начертаннымъ, но менѣе упорный характеръ довольствовался бы границей, на которой впослѣдствіи остановился Рамсесъ II. Маленькій человѣкъ съ грубыми чертами лица, до этого времени пасынокъ своего дома, могъ составлять уже въ послѣдніе годы Хатшепсутъ надежду старыхъ и молодыхъ военачальниковъ, которые расчитывали на его отвращеніе къ господствующей мишурѣ. Они не обманулись. Несомнѣнно Тутмосъ III, первоначально мало опытный или вовсе несвѣдущій въ военномъ дѣлѣ, крѣпко опирался на совѣтъ опытныхъ полководцевъ. На памятникахъ царь, конечно, совершаетъ все всегда одинъ. Но уравнивающая справедливость и здѣсь находитъ себѣ мѣсто, только она представлена на этотъ разъ сказаніями. Папирусъ Гаррисъ въ Лондонѣ, это собраніе легендъ и сказокъ, начинаетъ между прочимъ разсказывать объ одномъ полководцѣ Ѳутіа, который пріобрѣлъ городъ Яффу чудеснымъ образомъ для своего царя Тутмоса III. Онъ воспользовался его волшебнымъ жезломъ, чтобы запрятать въ глиняные горшки 200 египетскихъ воиновъ. Они были простодушно доставлены въ Яффу, въ продовольственный магазинъ; египтяне оставили свою засаду, перевязали сирійскій гарнзонъ веревками и передали городъ царю. Полководецъ Ѳутіа, не смотря на это, всетаки историческая личность: есть свидѣтельство о его дѣятельности при Тутмосѣ III, изъ его гробницы нашли себѣ путь въ различные музеи цѣнныя вещи.

Долго еще дѣйствовалъ на азіатовъ страхъ передъ блескомъ египетскаго оружія во время Тутмоса III, пока, наконецъ, не убѣдились въ Сиріи, что военное напряженіе страны Нила при страшномъ „Манахбиріа" (Мен-хепру-Ра Тутмосъ) не могло быть постояннымъ. На сѣверной стѣна строенія, которое царь прибавилъ къ храму Амона въ Карнакѣ, было нѣ-

чертано объемистое повѣствованіе объ его походахъ и взиманіи дани; это цѣнное поле надписей, не смотря на нѣкоторое поврежденіе въ древнее и новое время, сносно сохранилось, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ частяхъ. Эта монументальная исторія походовъ Тутмоса III носитъ обыкновенно названіе „лѣтописи“ справедливо по стольку, по скольку она точно составлена по образцу вавилонской или по вавилонскому примѣру начертанной лѣтописной надписи. Между тѣмъ какъ происшествія послѣ 23 года царя повѣствуются сухимъ стилемъ анналовъ, первый походъ представляетъ самъ по себѣ удобопонятное литературное цѣлое, которое ясно излагаетъ ходъ событій..

„25 фарамути, на 22 году своего царствованія, двинулся Его Величество отъ пограничнаго города Цару въ свой первый побѣдоносный походъ, чтобы расширить границы царства. Жители Шарухена, и отъ нихъ до конца страны, все было въ волненіи. 4 пахонса въ 23 году царя, въ праздникъ коронованія онъ былъ въ Газѣ и держалъ городъ занятымъ. 5-го онъ выступилъ съ силою оттуда.... достигнувъ укрѣпленія Ихемъ 16-го пахонса, повелѣлъ царь быть военному совѣту, и говорилъ ему: „Непріятель изъ Кадеша выступилъ и взялъ Меггидо, тамъ сидитъ онъ, и всѣ областные князья до Нахарины, повиновавшіеся до этого времени Египту, съ нимъ, и онъ собралъ ихъ вокругъ себя. Такимъ образомъ тамъ сирійцы и кадешиты, ихъ кони и всадники, и онъ говоритъ: я остаюсь здѣсь! Теперь говорите вы“. Тогда они отвѣчали Его Величеству: „Слѣдуетъ имѣть въ виду, что намъ прійдется пробивать предъ собою путь, потому что онъ потомъ очень съуживается. Вѣдь развѣдчики извѣстили насъ, что непріятель хочетъ напасть на насъ, лишь только мы разойдемся. Въ проходѣ же можетъ только идти человѣкъ за человѣкомъ и конь за конемъ, и конечно, давно уже нападутъ на нашъ передовой отрядъ, пока аріергардъ будетъ ждать еще въ Аалунѣ. Есть два другіе пути: одинъ приводитъ насъ въ Таанакъ (къ югу отъ Меггидо), второй же ведетъ къ сѣверу мимо Цефты и выходитъ къ сѣверу отъ Меггидо. Нашъ повелитель могъ бы намъ по усмотрѣнію дозволить взять одинъ изъ этихъ путей, но не тотъ трудный проходъ.“ Однокожъ царь велѣлъ возвѣстить: „Какъ я по истинѣ живъ, и меня любитъ Ра, хвалитъ меня Амонъ и даетъ мнѣ дыханіе жизни и благополучіе—именно я хочу идти путемъ Аалуны (то есть чрезъ горный проходъ Кармила). Кто изъ васъ не можетъ, тотъ выбирай другой, а кто отважится на это, тотъ слѣдуй за Моимъ Величествомъ. Ибо тѣ, которые противъ насъ, а въ особенности ненавидимый Ра непріятель, будутъ думать, что Его Величество пошелъ изъ страха окольнымъ путемъ.“ И они отвѣчали въ войскѣ: „Клянемся Амономъ Ра, властелиномъ престоловъ обѣихъ странъ. который живетъ въ Ѳивахъ и произвелъ тебя, мы идемъ за Твоимъ Величествомъ куда бы ни было, какъ рабы за своимъ господиномъ.“ Описаніе двухневнаго перехода черезъ Кармилъ дошло съ лакунами. Такъ какъ проходъ Аалуны былъ охраняемъ, то Тутмосъ III велѣлъ занять боковыя возвышенія и идти впередъ аріергарду. Еще 20 пахонса царь разбилъ свою палатку въ виду города Меггидо.

„Рано утромъ 21 пахонса“, продолжаетъ повѣствованіе, „въ день праздника Новолунія, былъ данъ приказъ къ приведенію себя въ боевой порядокъ. Его Величество въ военномъ уборѣ взошелъ на колесницу изъ золота и серебра; онъ походилъ на раздаятеля могущества Гора и на (бога войны) Монта изъ Ѳивъ; его отецъ Амонъ укрѣплялъ его. Правое крыло войска расположилось къ сѣверо-западу отъ Мегиддо. Его Величество держался въ срединѣ; высоко выдѣлялся онъ во главѣ войска. Когдаже его увидѣли непріятели, обратились они въ бѣгство стремглавъ обратно въ Мегиддо и оставили свои украшенныя золотомъ и серебромъ колесницы вмѣстѣ съ конями. Гарнизонъ же заперъ уже ворота; потому тащили убѣгающихъ платками и веревками черезъ стѣны. Если бы вой-

ска Его Величества не занялись слишкомъ добычею, Мегиддо палъ бы тогда же. Что касается жалкихъ кадешитовъ и жителей самого Мегиддо, то ихъ потащили въ городъ, такъ какъ страхъ предъ Его Величествомъ напалъ на нихъ и разслабилъ ихъ оружіе.“ Предварительный перечень добычи, среди которой также находилась палатка князя Кадеша, составляетъ переходъ къ разсказу объ осадѣ Мегиддо. Его Величество велѣлъ сказать войску: „Если вы скоро возьмете Мегиддо, то я буду благодѣтеленъ, какъ Ра, такъ какъ тамъ находятся начальствующіе всѣхъ мятежныхъ городовъ, и завоеваніе Мегиддо будетъ какъ бы завоеваніемъ тысячи городовъ сразу. И такъ принимайтесь скорѣй за это.“ Каждый пошелъ на свое мѣсто, и было возведено укрѣпленіе изъ дерева ихъ фруктовыхъ деревьевъ. И все, что дѣлалъ Его Величество противъ города и противъ несчастныхъ съ ихъ рабами, точно ежедневно было описываемо, и кожаный свитокъ теперь положенъ въ храмѣ Амона.“ Позднѣйшіе ассирійскіе памятники убѣждаютъ, что этому обыкновенію научились у азіатовъ; впрочемъ веденіе дневника объясняетъ и обстоятельность заимствованной изъ него надписи. „Наконецъ, выступили князья страны съ ихъ свитами. Они цѣловали стопы Его Величества и просили пощады. Они принесли при этомъ дань (въ которой они до этихъ поръ отказывали), и царь ввелъ новый порядокъ управленія.“ Военное вооруженіе сирійцевъ было впрочемъ превосходно: 924 военныя колесницы и болѣе 200 кольчугъ лучшей работы были между прочимъ обозначены, какъ добыча.

Начертанное здѣсь Тутмосомъ III описаніе ужаса, произведеннаго его появленіемъ въ битвѣ, совершенно соотвѣтствуетъ типичному воспроизведенію подобныхъ событій въ египетскомъ искусствѣ; такъ изображеніе на таблицѣ при стр. 648, гдѣ царь Сети I представленъ сражающимся въ 1325 г. передъ какимъ-то городомъ въ Азіи, должно быть разсматриваемо, какъ ходячее.

Взятіе Мегиддо было большимъ успѣхомъ, который долженъ былъ перемѣнить до этого времени имѣвшее основаніе низкое мнѣніе о силѣ Тутмоса и его увѣренности въ свои силы. Преувеличеніе, что съ тѣмъ городомъ, гдѣ была собрана большая часть сирійскихъ мятежниковъ, успѣхъ былъ бы болѣе удаченъ, чѣмъ паденіе многихъ другихъ, было въ устахъ царя не слишкомъ сильно; во всякомъ случаѣ, еще не вполнѣ удовлетворительно объясненный географическій списокъ городовъ въ Карнакѣ („имена народовъ Верхняго Ретенну, которыхъ Его Величество осаждалъ въ крѣпости Мегиддо и дѣтей которыхъ онъ увелъ живыми, какъ плѣнниковъ въ крѣпость Сухенъ у Ѳивъ“) даетъ многія сотни именъ. Также и нейтральные азіатскіе князья выступали мало по малу; впервые начинаетъ обмѣнъ подарковъ съ Египтомъ еще незначительный въ политическомъ отношеніи князь Ассура.

Но понадобились еще новые походы въ 1478—75 годахъ, чтобы напомнить о должномъ повиновеніи области, къ югу отъ Ливана; мы начинаемъ располагать съ 29 года царя данными изъ Карнака, изъ которыхъ оказывается, что отсюда произошла большая война съ царствомъ Нахарина (Митани; см. стр. 618). Сильный городъ Тунипъ къ сѣверу отъ Дамаска былъ завоеванъ и посвященъ богу солнца; затѣмъ былъ взятъ финикійскій Арвадъ, и съ нимъ было поступлено такъ круто, что арвадійцы тотчасъ возмутились снова. Потому Арвадъ и къ югу отъ него лежащій Сумуръ должны были быть еще разъ завоеваны; палъ Кадешъ на Оронтѣ, который также потомъ снова былъ главною точкою опоры возстанія. При этомъ случаѣ впервые выступаетъ младшій соратникъ царя, впослѣдствіи полководецъ Аменемхебъ. И онъ, поймавъ двухъ плѣнныхъ, и получивъ знакъ отличія, велѣлъ украсить свою гробницу въ Ѳивахъ извлеченіемъ изъ своихъ военныхъ воспоминаній, правда, нѣсколько запутаннымъ, но заслуживающимъ нашего вниманія, благодаря упоминанію о небольшихъ отдѣльныхъ, впрочемъ недатированныхъ походахъ. Тутмосъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ являлся въ Ѳивы только на короткое время, чтобы

принести благодарность своему отцовскому богу Амону за проистекающія отъ добычи и даней богатства. Остальное время царь съ рѣдкимъ въ то время упорствомъ продолжалъ свою долгую и состоявшую, конечно, не изъ однѣхъ побѣдъ, войну въ Азіи. Уже 33-й годъ его правленія довелъ египтянъ до Евфрата, въ пунктъ, гдѣ Тутмосъ I воздвигъ свой памятникъ (стр. 618), около котораго его потомокъ поставилъ теперь новый. Расположенный недалеко отъ рѣки, то есть къ сѣверу отъ Алеппо, городъ Нiи сдался, послѣ того какъ явившееся для его защиты войско было разбито подъ стѣнами; Тутмосъ III помѣстился тамъ на короткое время и велѣлъ воздвигнуть вторую надпись. Подати и подарки въ концѣ года даютъ возможность, принимая въ соображеніе страны, откуда они происходятъ, прійти къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ, произошло перемиріе между Тутмосомъ и царствомъ Нахарина. Тутмосъ III установилъ такія условія, что каждое замедленіе со стороны управителей городовъ или начальниковъ округовъ, какъ бы лойяльными они себя не выставляли, уже служило доказательствомъ ихъ неблагонадежности. Эти постоянные захваты внутри области своихъ собственныхъ интересовъ настолько не нравились, однако, месопотамскому сосѣду, что онъ уже два года спустя выслалъ снова войско, чтобы воспрепятствовать паденію крѣпости Арааны. Но египетская политика одержала верхъ, и 40-й годъ принесъ, наконецъ, спокойствіе.

Тѣмъ ревностнѣе соображалъ противникъ по ту сторону Евфрата, нѣтъ ли возможности раздуть брошенную искру. На 42 годъ своего царствованія появился Тутмосъ вновь, въ послѣдній разъ съ военными силами въ Азіи. Сначала „пошелъ Его Величество по береговому пути, чтобы наказать городъ Иркату“, одну изъ сѣверно-финикійскихъ общинъ; Тунипъ также, повидимому, оказался въ неповиновеніи. Но ядро возстанія составлялъ Кадешъ. Осада, прерванная побѣдоносными отраженіемъ нахаринскаго войска, пришедшаго на выручку, окончилась разгромленіемъ окруженнаго водою города. Царь велѣлъ раздать соучастникамъ въ сраженіи и, конечно, участникамъ на побѣдоносномъ праздникѣ въ Ѳивахъ большіе скарабеи (см. стр. 611), надпись на которыхъ прославляла его, какъ побѣдителя при Кадешѣ. Карнакская надпись, заполняющая пространство на стѣнѣ, здѣсь обрывается. Мы знаемъ еще, что Тутмосъ въ 50 годъ своего царствованія также посѣтилъ одинъ разъ Нубію, и при этомъ усмирилъ два недовольныхъ племени. Замѣчательный памятникъ въ честь его побѣдъ, съ надписью, представляющей неизбѣжное поэтическое прославленіе, стоитъ въ Карнакѣ на особомъ мѣстѣ. Амонъ-Ра держитъ здѣсь рѣчь, обращаясь къ царю такъ: „Даю тебѣ силу и побѣду надъ всѣми народами и ставлю твой духъ и страхъ надъ всѣми странами, а твой ужасъ до четырехъ небесныхъ столбовъ. Я даю твоему могуществу быть великимъ во всѣхъ тѣлахъ, я дозволяю твоему крику преслѣдовать „Девять Луковъ“; вельможи всѣхъ странъ соединены въ твоихъ рукахъ. Я самъ подымаю руку и связываю ихъ для тебя. Эѳіопскихъ кочевниковъ я собираю десятками тысячъ, а жителей сѣвера сотнями тысячъ, какъ плѣнныхъ живыми“. И такъ далѣе въ десяти симметричныхъ строфахъ.

Въ первый разъ сдѣлался Египетъ такъ похожъ на военное государство, что сфера писцовъ стала безпокоиться. При жизни великаго завоевателя было бы и неблагоразумно и неблагодарно порицать за это. Богатства Азіи были щедро раздѣлены Тутмосомъ III; преимущество же между получившими удержалъ все-таки Амонъ, богъ Ѳивъ и царскаго дома. Предвидя напередъ опасность отъ пресыщенія, направилъ царь свое вниманіе по окончаніи своего похода также и на прочіе храмы. Въ 47 году, напримѣръ, какъ повѣствуетъ памятникъ изъ Иліополя, „Его Высочество повелѣлъ обвести этотъ храмъ стѣною, когда онъ очистилъ Иліополь, домъ Ра.“

Два высокихъ обелиска, которые онъ велѣлъ здѣсь воздвигнуть, были уже во время римскаго владычества перетащены въ Александрію, откуда одинъ въ 1877 г. былъ перевезенъ въ Лондонъ, а другой въ Нью-Іоркъ въ 1880 г., тогда какъ два прочіе изъ Ѳивъ въ вѣкъ Константина В. отправлены въ Византію и Римъ; говорятъ съ древняго времени объ этихъ четырехъ остроконечныхъ памятникахъ Тутмоса III, какъ объ „Иглахъ Клеопатры“, и этимъ продолжаютъ несправедливость, которую греческое преданіе, включая сюда и Манеѳона, оказываетъ памяти царя. Не слишкомъ ли долго давало себя чувствовать нерасположеніе египетскихъ хранителей литературы къ царю-солдату? Онъ еще мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ долженъ былъ проводить годы своей безпомощности, какъ жрецъ Амона, и при этомъ научиться судить о значеніи этой богослужебной корпораціи въ государствѣ и о воззрѣніяхъ представителей ея. Воздухъ лагеря потомъ показался ему чище и привлекательнѣе; чѣмъ богаче онъ дарилъ отца Амона, тѣмъ яснѣе, какъ свѣдущій, могъ онъ говорить авгурамъ свое собственное мнѣніе. Вѣроятно, еще лежало не схороненнымъ между ними и старое раздраженіе отъ времени Хетшепсутъ. Во всякомъ случаѣ, было счастьемъ для Амона, что изъ Тутмоса III вышелъ смѣлый рубака, который вовсе не пытался преобразовать культъ. Другой изъ его дома, который отнесся къ послѣднему серьезно, за это совершенно изглаженъ изъ памяти. Среди разнаго рода предположеній, которыя вызываетъ собою появленіе сказокъ о царѣ Сесострисѣ, имѣвшихъ назначеніе вытѣснить Тутмоса III въ пользу Рамсеса II, можно привести доказательство, что еще впослѣдствіи, должно быть, было дано жреческое указаніе обходить имя Тутмоса. Когда Германикъ въ 19 году по Р. Х. посѣтилъ Карнакъ, ему перевелъ старый жрецъ лѣтописи вѣрно относительно содержанія, а какъ ихъ составителя назвалъ онъ — „царя Рамсеса“ [1].

Кромѣ Ѳивъ и Иліополя, также Мемфисъ и Дендера, мѣстопребываніе Хаторъ, получили отъ Тутмоса III новыя сооруженія. Строительное значеніе работъ въ храмѣ Дендера подчеркнуто слѣдующею надписью: „...Большая постройка, возобновленіе цѣлаго, воспроизведена царемъ Тутмосомъ III сообразно тому, что стояло въ древнемъ документѣ отъ временъ Хуфу“. Далѣе, „большой планъ Дендера былъ найденъ въ древнемъ чертежѣ, наброcанномъ на выдѣланной звѣриной кожѣ отъ временъ Шемес-у-Горъ; его нашли внутри стѣны царскаго дворца во дни царя Пепи I.“ Также въ Элефантинѣ должно быть возобновлено или вновь сооружено Тутмосомъ обширное святилище, развалины котораго сломаны въ 1822 году; отдѣльные спасенные впослѣдствіи куски надписей стали важными по своимъ календарнымъ показаніямъ для исторической хронологіи. Очень много сдѣлано для Нубіи, особенно въ Амадѣ и Вади Хальфѣ. Гробницу завоевателя удалось разыскать только въ 1898 г., тогда какъ мумія уже за 15 лѣтъ раньше извлечена изъ своего скрытаго убѣжища Дер-эль-Бахри. Насколько установлено до этого времени, Тутмосъ I положилъ начало новому виду

[1] Едва ли возможно, ссылаясь только на одинъ этотъ фактъ, говорить о гоненіи со стороны жрецовъ на память Тутмоса III. Дѣйствительно, у Тацита (Ann. II, 60) дѣло идетъ о такъ наз. карнакской статистической надписи этого царя: это уже видно изъ того, что въ ней жрецъ прочелъ списки дани покоренныхъ народовъ. Но дѣйствительно ли ему принадлежитъ отнесеніе ея къ Рамсесу, а не обязано происхожденіемъ римскому источнику Тацита? Наконецъ возможно, что и отъ одного изъ Рамсесовъ существовала подобная же надпись, до насъ не дошедшая. Обвиненіе Манеѳона въ неуваженіи къ памяти Тутмоса ни на чемъ не основано. Сказанія о Сесострисѣ не имѣютъ ничего общаго со стремленіемъ вытѣснить Тутмоса въ пользу Рамсеса уже потому, что черпаютъ свой матеріалъ, включая м. б. и имя своего героя, не только изъ исторіи Рамсеса II, а и изъ исторіи Сенусертовъ (см. Sethe, o. c.). Тутмосу III храмы и жрецы обязаны едва ли не болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ фараонамъ: даже свои завоеванія онъ символически пожертвовалъ Амону, начертавъ въ его храмѣ ихъ перечень и списки дани. Странно представлять его чуть ли не предшественникомъ тель-амарнской эпохи гоненія, какъ это дѣлаетъ авторъ.
Б. Т.

царскихъ гробницъ, причемъ онъ вывелъ изъ употребленія свободно стоящую маленькую пирамиду съ пристройкой и велѣлъ вмѣсто этого продолбить мѣсто своего успокоенія въ стѣнѣ скалы идущей далеко на западъ разсѣлины долины ѳиванскаго некрополя. Подобнаго рода сооруженія, которыя соединялись только дверью со свѣтомъ, повелѣвали ставить для себя и его наслѣдники, такъ что уединенная долина смерти еще и теперь носитъ названіе гробницъ царей (Biban el-Moluk). Между тѣмъ какъ соотвѣтствующія подземныя помѣщенія Рамессидовъ давно уже были изслѣдованы, Лоре открылъ въ незатронутомъ мѣстѣ шахту въ 20 метровъ, которая вела внизъ въ усыпальницу Тутмоса III. Стѣны самой задней комнаты, гдѣ стоялъ саркофагъ, были покрыты, въ родѣ росписей на обояхъ, текстомъ изъ книги Мертвыхъ; передняя заключала въ себѣ галлерею съ изображеніемъ болѣе 700 боговъ.

Объ Аменофисѣ II (съ 1449 почти до 1428) очень мало извѣстно. Изъ жалкихъ остатковъ его надписей и біографическихъ указаній полководца Аменемхеба (см. стр. 622) можно только заключить, что Аменофисъ II, какъ царь-воинъ, былъ не недостойный преемникъ страшнаго „Манахбирія“ (стр. 620). Едва онъ только возложилъ въ Ѳивахъ на себя корону, какъ уже пришло извѣстіе, что часть сирійскихъ провинцій отказывала въ дарахъ, выражающихъ покорность. Царь быстро появился въ Галилеѣ, перешелъ Оронтъ, ниспровергнулъ непріятельскій отрядъ и явился передъ Ніи, который ему тотчасъ же отворилъ ворота. Походъ на страну Текси кончился тѣмъ, что Аменофисъ велѣлъ доставить тѣла семи князей этой страны въ Ѳивы, причемъ они по тогдашнему обычаю тріумфа были повѣшены за ноги у передней части царскаго судна; шестеро потомъ были еще выставлены на показъ на стѣнахъ города, седьмой трупъ былъ посланъ далѣе въ Напату. Нубійскія же племена стали настолько безпокойны, что Аменофисъ долженъ былъ проникнуть до самаго Хартума. За Бен-Нага, гдѣ нашлись двѣ маленькія каменныя фигурки отъ этого времени (колѣнопреклоненный Аменофисъ подноситъ богу Хнуму въ даръ вино), не извѣстно южнѣе никакого слѣда египетскаго владычества.

Равнымъ образомъ открытая Лоре гробница царя Аменофиса II и по убранству и по постройкѣ менѣе значительна: стѣны частью остались пустыми, частью довольно бѣгло расписаны. Страннымъ образомъ очутились четыре муміи молодыхъ людей, крѣпко привязанныхъ къ деревяннымъ баркамъ, какъ спутники царя въ царство мертвыхъ (если не какъ жертвы кабинетнаго суда слѣдующаго царя Тутмоса IV); они были внесены еще до совершеннаго высыханія, и у одного изъ нихъ была глубокая дыра (причиненная позднѣйшимъ воромъ гробницъ) въ черепѣ. Такъ какъ, по распоряженію министерства въ Каирѣ, гробница со всѣмъ своимъ содержимымъ была уже черезъ нѣсколько недѣль опять замурована, то остается пока открытымъ важный для основъ египетской культуры вопросъ, отправляли ли вмѣстѣ съ царемъ Новаго Царства на тотъ свѣтъ, кромѣ деревянныхъ ушебти, также нарочно умерщвленныхъ любимыхъ рабовъ. Но и мумія Аменофиса II оставалась въ своей гробницѣ; и не одна: семеро позднѣйшихъ государей около 1100 лѣтъ до Р. Хр., когда нигдѣ нельзя уже было быть безопаснымъ отъ воровства, были отнесены внизъ въ боковую комнатку, тогда какъ другіе перенесены въ шахту Дер-эль-Бахри. Съ этихъ поръ вторично замкнутая гробница заключала въ себѣ, кромѣ Аменофиса II, еще останки его непосредственныхъ преемниковъ Тутмоса IV, Аменофиса III и IV, далѣе Сети II, Си-Пта, Рамсеса IV, V и VI.

Съ Тутмосомъ IV (1428—1419) становится болѣе ощутительною реакція, которая вѣроятно была давно желаема и подготовлена нерасположенными къ милитаризму вельможами. Гдѣ событія указываютъ солдату первую роль въ государствѣ, легко дѣлается значительнымъ его

вліяніе и въ дѣлахъ управленія; государь самъ получаетъ впечатлѣніе, что рѣшительный и поступающій строго по повелѣнію офицеръ оказывается и здѣсь гораздо рачительнѣе, чѣмъ перелистыватель актовъ съ его пристрастіемъ къ обычаямъ и другимъ, только повидимому, излишнимъ вещамъ. „Палаты писцовъ“ чуть ли не считали своею обязанностью, со времени опыта XV-го столѣтія, смотрѣть на солдатчину, все болѣе и болѣе, какъ на низкое ремесло и предостерегать настоятельно своихъ учениковъ, будущихъ правительственныхъ чиновниковъ, отъ службы подъ оружіемъ. Чего не случались навѣрно при Тутмосѣ III, того достигло сословіе писцовъ потомъ; всѣ высшіе посты командировъ въ войскѣ предоставляются его людямъ, а именно обыкновенно въ качествѣ побочныхъ постовъ. Такъ при Рамессидахъ это дошло до того, что „первый возница царя“, который, кромѣ того, былъ посланникъ и глава чужихъ странъ и народовъ, торжественно осмѣливается отсовѣтывать въ своемъ поэтическомъ письмѣ своему молодому подчиненному поступать какъ въ „конюшню царя“, такъ и въ пѣхотныя войска. Воспитанный побоями офицеръ посылается, наконецъ, въ Сирію въ строй. „Кушанье и воду для питья носитъ онъ на рукѣ; онъ навьюченъ, какъ оселъ, затылокъ его болитъ, его спинной хребетъ трещитъ. Предъ непріятелемъ, онъ какъ птица въ сѣти, при возвращеніи на родину какъ изъѣденное червями дерево. Онъ возвращается больнымъ, нужно нагружать его на осла, тогда какъ его платья будутъ украдены, и его рабъ убѣжитъ“. Начальники же и полководцы, которые давали подобныя ученія и естественно думали только о египетскихъ котлахъ мяса, конечно, никогда не отправлялись охотно въ Сирію, но скорѣе открывали на берегахъ Нила будущность иностраннымъ наемникамъ.

Царь Тутмосъ IV, который, можетъ быть, не былъ прямымъ наслѣдникомъ, предписалъ тотчасъ въ началѣ своего правленія очистку большого сфинкса (стр. 592), давно уже засыпаннаго песками пустыни. Памятникъ въ Гизехѣ поучаетъ потомство, что благочестивый властелинъ будто еще царевичемъ съ немногими слугами ѣздилъ на охоту за львами въ пустыню, „такъ, что этого не знали люди“. Въ полуденное время легъ онъ спать потомъ въ тѣни головы сфинкса. И во снѣ явился ему представленный сфинксомъ богъ солнца, объявилъ царевича своимъ истиннымъ сыномъ и обѣщалъ ему царство; только онъ долженъ былъ бы велѣть откопать здѣсь его изображеніе: „меня давитъ песокъ этой пустыни, на которой я стою“. Тутмосъ не забылъ сновидѣнія, хотя онъ брался за безполезное дѣло, такъ какъ памятникъ все снова заносило пескомъ. Все имѣетъ видъ ловкаго образнаго представленія того факта, что жречество тайно благоволило къ царевичу. Но время еще не пришло, которое позволяло бы царю сидѣть спокойно въ своей странѣ. Тутмосъ IV подчинилъ эѳіопскія племена, а также долженъ былъ привести къ повиновенію непокорныхъ городскихъ князей въ Финикіи, итакъ, его военные походы должны были простираться къ сѣверу до Нахарина, къ югу до самой нубійской страны Каре. Впрочемъ вожди изъ школы Тутмоса III и Аменофиса II еще отнюдь не вымерли; къ нимъ принадлежалъ Менхепру-Рамери-Амонъ, „какъ первый изъ полководцевъ.“

На орошаемой осенью Ниломъ плодородной странѣ западнаго ѳиванскаго берега возвышаются двѣ знаменитыя колоссальныя сидящія статуи, изъ которыхъ одна считалась въ римскую эпоху издающею звуки при восхожденіи солнца, — статуя „Мемнона“, и удержала это названіе. Сынъ и преемникъ Тутмоса IV, Аменофисъ III (1419—1383), велѣлъ своему вельможѣ Аменхотепу, сыну Хапу, воздвигнуть въ 21 метръ вышины великановъ изъ камня, которые оба изображали его самого, какъ стражей вратъ новаго, впослѣдствіи исчезнувшаго храма. Позднѣйшая легенда считаетъ царя и соименнаго ему (Аменофисъ есть только употребительная древне-греческая форма для Аменхотепъ) мудраго сына Хапу, который по своему знанію „былъ, казалось, причастнымъ божескому существу“, какъ бы нераздѣ-

лимой парой. „Князь и царскій писецъ“ Аменхотепъ, который позже воздвигнулъ еще по близости частный храмъ и, наконецъ, какъ составитель магическихъ хвалебныхъ пѣснопѣній, назидалъ позднѣйшія поколѣнія, былъ только выдающійся членъ жреческаго круга, который смыкался вокругъ новаго царя.

Мы знаемъ только объ одномъ походѣ изъ начала 36-лѣтняго господства Аменофиса III; онъ былъ направленъ противъ Нубіи; окончился въ 1415 году и вѣроятно былъ порученъ вице-царю Куша Мермесу. Но если царь выступаетъ одинъ разъ, безъ ближайшихъ данныхъ, въ качествѣ побѣдителя азіатовъ, то единственно потому, что онъ не хотѣлъ дать заглохнуть этому славному титулу своихъ предковъ. Внѣшняя политика царства пыталась теперь сдѣлать войну излишнею, употребляя на подарки независимымъ царямъ сосѣднихъ государствъ часть расходовъ на вооруженіе, при этомъ представлялась еще выгода, что дружественные дары должны быть отплачены тѣмъ же. Само собою разумѣется, что подобное отношеніе между дворами въ мирное время было постояннымъ; это только случайность, что именно изъ послѣднихъ годовъ Аменофиса III и изъ царствованія его преемника намъ недавно стала извѣстна и открыта значительная часть египетскаго архива, какъ находка въ (Тель-) эль-Амарнѣ. Однако и на этихъ глиняныхъ доскахъ клинообразными письменами на вавилонско-семитическомъ, общемъ дипломатическомъ языкѣ тѣхъ временъ (см. стр. 18) можно найти слѣды, которые указываютъ на не слишкомъ сердечныя привычки при прежнихъ царствованіяхъ. Что касситскій царь Вавилоніи такъ же, какъ и царь Митани Тушратта, сколько бы разъ имъ ни приходилось указывать въ перепискѣ на предыдущіе случаи, не шли дальше третьихъ предшественниковъ, еще не говоритъ въ пользу этого, потому что далѣе основателя собственнаго своего дома или собственной линіи едва ли они имѣли свѣдѣнія. Но Тушратта выясняетъ, будто дочь его дѣда Артатамы была только по принужденію отдана Тутмосу IV; тоже произошло еще и съ ея сестрой Гилухипой, которую будто отецъ ея Шутарна уже послалъ Аменофису III („Достойное удивленія было привезено Его Величеству: Килугипа дочь Сатарна, царя Нахарины и 317 ея дѣвушекъ.“ — слова на одномъ большомъ скарабеѣ). Когда же Тушратта отдалъ также свою дочь Тадухипу состарившемуся египетскому царю съ большимъ приданымъ, получилъ онъ очень много золота, какъ взаимный подарокъ, и притомъ увѣреніе, что египетское золото всегда должно находиться въ достаточномъ количествѣ для Митани. Это упоминаніе, преслѣдуетъ, повторяясь постоянно, цѣль еще болѣе вытянуть оттуда, современныя же письма изъ Ассиріи и кипрскаго царства Алашья доказываютъ, какое сильное впечатлѣніе и зависть возбуждали повсюду большія отправленія золота въ Митани. Поэтому Аменофисъ III долженъ былъ отклониться отъ основного до того времени правила египетской политики запугиванія, чтобы замѣнить его распространеніемъ заинтересованнаго благожелательства. Ошибки въ разсчетѣ скоро обнаружились. Разумѣется, цари Передней Азіи при общей погонѣ за золотомъ фараона, укрѣплялись въ полезномъ недовѣріи другъ противъ друга, но каждый изъ нихъ поднималъ свои требованія выше и выше, такъ что къ концу царствованія Аменофиса III дружескія отношенія, по крайней мѣрѣ къ Вавилоніи, начали обостряться. Обремененіе финансовъ постоянными подачками, вѣроятно, вынудило необходимость быть болѣе разсчетливымъ по отношенію къ наиболѣе отдаленнымъ „братьямъ“, напр. Кадашманъ-Белу вавилонскому; въ качествѣ предлога послужило требованіе послѣдняго, чтобы египетскій царь, который желалъ для своего гарема вавилонскую принцессу, отдалъ взамѣнъ ея одну изъ своихъ собственныхъ дочерей. Съ высокомѣрнымъ отвѣтомъ, что еще никогда никому не отдавали царскую дочь страны Египта, была быстро устранена эта надежда на свойство; но оскорбленный властитель

Вавилоніи желалъ по крайней мѣрѣ знать, что сталось съ его сестрой, которую Аменофисъ уже прежде получилъ въ жены. „Успокоительный“ отвѣтъ фараона объ этомъ сохранился въ оригиналѣ; вѣроятно, письмо не было передано, потому что Кадашманъ-Белъ уже умеръ до прибытія египетскаго посла. Насмѣшливый, презрительный тонъ преобладаетъ въ этомъ письмѣ, за которое царскій писецъ въ Өивахъ, вѣрно, получилъ одобреніе своего господина (см. стр. 19).

„Добрый богъ“, какъ фараоны заставляли себя называть издавна, сдѣлалъ при Аменофисѣ III новый успѣхъ: царь началъ воздавать почитаніе самому себѣ или своей душѣ, представляемой въ видѣ тѣла; очень красивый храмъ въ Солебѣ въ Нубіи имѣлъ даже особое назначеніе хранить этотъ культъ своего строителя, который повелѣлъ почитать себя здѣсь, какъ бога страны Кушъ. Какъ свой символъ, царь выбралъ лежащую фигуру льва, искусное исполненіе и величественное выраженіе которой уже рано получило такую славу, что она была увезена эѳіопскимъ царемъ Амонасру въ его резиденцію Напату. Какъ сильно именно левъ занималъ фантазію Аменофиса III, доказываетъ не только его пристрастіе къ богинѣ Сехметъ со львиной головой, но и широко распространенные скарабеи, которые содержатъ сообщеніе, будто царь за десятилѣтнее царствованіе убилъ 102 льва; одна изъ фигуръ изъ Солеба называлась прямо „Аменофисъ III, сильный левъ.“ До этого прежде верхъ силы олицетворялъ быкъ. Постройки царя Аменофиса III въ Египтѣ также многочислены. Въ Мемфисѣ онъ воздвигъ древнѣйшую часть Серапія и помѣстилъ туда Аписа. Въ особенности ему обязаны Өивы. Храмъ въ Карнакѣ онъ увеличилъ со всѣхъ сторонъ и придалъ ему впервые характеръ массивности: отъ святого озера Ашеръ при Тутмосѣ III въ Луксорѣ до сѣвернаго конца на всемъ пространствѣ 1200 метровъ были тогда возведены новыя постройки, соединенныя аллеями изъ сфинксовъ. Также проведена была дорога сфинксовъ отъ Карнака до Луксора, гдѣ главное зданіе храма Амона съ его изящно сдѣланными колоннами ведетъ начало отъ этого царя. Въ одномъ помѣщеніи представлено также рожденіе бога-царя, какъ событіе, которое было возможно только при весьма обильной божеской помощи.

Отъ долгаго царствованія Аменофиса III сохранилось много гробницъ чиновниковъ и частныхъ лицъ; но владѣтели не сообщаютъ намъ ничего, достойнаго упоминанія. Верховный жрецъ иліопольскій Аненъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обладатель духовнаго сана въ Өивахъ, щеголяетъ новѣйшею прической въ завиткахъ и отдѣланною звѣздочками вокругъ кожей пантеры. Завѣдывающій натуральными повинностями Ха-эм-хатъ напротивъ предпочелъ предстать предъ судьей мертвыхъ въ настоящемъ древнемъ одѣяніи; должно быть былъ очень благочестивъ и знатенъ начальникъ имѣній Херіуфъ, „который былъ воспитанъ самимъ царемъ“, и который совершенно полагался относительно своего будущаго существованія на Тота, бога всѣхъ ученыхъ домовъ, тогда какъ главный художникъ Аменехтъ держится правила, что искусство нуждается въ благоволеніи, а потому взываетъ ко всѣмъ богамъ и, среди нихъ, „къ сыну Амона во плоти, царю Аменофису“ о ниспосланіи здравія, веселія и радости во всѣ дни. Человѣкъ въ офицерской формѣ оставилъ свое безымянное деревянное изображеніе съ лицомъ, въ высшей степени простодушнымъ. Эти смѣлыя сооруженія, а также частью строго стилизированныя, частью вѣрныя природѣ изображенія того времени, слѣдуетъ разсматривать не иначе, какъ признаки дѣйствительнаго расцвѣта египетскаго искусства при 18 династіи; именно при Аменофисѣ III начинали сознавать это.

Царевна Гилухипа изъ Митани, не смотря на свое царское происхожденіе, не получила званія „великой супруги царя“ (т. е. царствующей царицы), какъ и позже ея племянница Тадухипа; обѣ находили это мѣсто уже занятымъ. Тея, дочь совсѣмъ не титулованнаго Юа и его жены Туа,

предупредила всѣхъ соискательницъ и пользовалась въ качествѣ государыни почетомъ, какъ немногія до этого. Гдѣ только допускалось церемоніаломъ, царь называетъ Тею рядомъ съ собой; даже при совершено частномъ событіи, какъ напр. дарованіе ей помѣстья при городѣ Церухѣ, выдавались скарабеи. Тамъ царь велѣлъ устроить обширный прудъ, вѣроятно, чтобы исполнить этимъ желаніе Теи, и посвятилъ его затѣмъ ей; она даже имѣла свою долю въ усовершенствованномъ божествѣ сына солнца: ей былъ воздвигнутъ храмъ въ Седеингѣ. То, что почитаніе ея послѣ смерти продолжалось при Рамессидахъ и далѣе, дозволяетъ также заключить о ея популярности при жизни. Возвысившись изъ неизвѣстности, она задавала тонъ во дворцѣ, принимала участіе въ совѣщаніяхъ и пріемахъ: „Лучше всѣхъ ты знаешь дѣла, о которыхъ мы вели переговоры; никто другой не знаетъ ихъ“, могъ ей написать Тушратта изъ Митани (стр. 46) по смерти Аменофиса III.

Скоро послѣ прибытія молодой Тадухипы въ Өивы, громадная опись приданаго которой была также найдена въ Тель-Амарнѣ, царь началъ прихварывать. Онъ велѣлъ просить своего стараго друга Тушратту прислать ему статую богини Иштаръ изъ Ниневіи въ Египетъ (см. стр. 47); вѣроятно же, еще до прибытія статуи наступилъ „день отшествія“, и мумія переселилась почти на 300 лѣтъ въ тихую „долину царей“, гдѣ съ большимъ искусствомъ и тщаніемъ написанный текстъ книги мертвыхъ покрываетъ стѣны царской гробницы въ скалѣ.

б) Аменофисъ IV и его реформа.

а) Внѣшняя политика при Аменофисѣ IV.

Только въ немногихъ случаяхъ египетскія царскія надписи допускаютъ проскользнуть иносказательному намеку, изъ котораго выходитъ, что тотъ или другой государь достигъ престола и долженъ былъ обезопасить его насиліемъ. И при 18 династіи, которая ставитъ удареніе на своей незыблемости и такъ упорно замалчиваетъ все непріятное, не каждая перемѣна царствованія проходила плавно, но по смерти Аменофиса III, кажется исключительнымъ образомъ сынъ Теи Аменофисъ IV, съ предыменемъ Неферъ-хепру-Ра (въ письмахъ изъ Амарна „Напхурія“ или „Напхурурія“) наслѣдовалъ дѣйствительно безъ открытаго сопротивленія. Даже вельможи царства давно уже привыкли смотрѣть сквозь пальцы на низкое происхожденіе Теи. Ея личное участіе въ правленіи было до того безспорно, что когда приблизилась кончина ея супруга, она продолжила срокъ посламъ въ провинціи и заграницей въ соглашеніи со своимъ сыномъ; многія важныя распоряженія послѣднихъ дней Аменофиса III, напр. отправленіе Яди-Адду, назначеннаго градоначальникомъ въ Тунипъ, такимъ путемъ были отмѣнены. Наслѣдникъ, который очевидно находился въ возмужаломъ возрастѣ, былъ такимъ образомъ совершенно подготовленъ. Изъ писемъ иностранныхъ царей выясняется, что было не въ обычаѣ освѣдомляться о состояніи наслѣдника; притомъ, должно быть, Аменофисъ III не препоручалъ своему сыну соуправленія. Точно также Тея прежде не упоминалась въ перепискѣ. Однако, свою неосторожность назвать свою дочь Тадухипу, при ея отправленіи къ Аменофису III, „властительницей“ Египта, Таушратта царь Митани поправилъ послѣ вступленія престолъ его преемника тѣмъ, что онъ обратился къ Теѣ, какъ такой властительницѣ, а Тадухипу ясно выставилъ подчиненною ей. Нелады въ гаремѣ съ требовательными нахаринскими царевнами должны были вызвать нерасположеніе царицы-матери, а назойливая жажда золота Тушратты могла его увеличить. Когда онъ теперь подъ сомнительнымъ предлогомъ прежняго обѣщанія умершаго Аменофиса

хотѣлъ поживиться отъ новаго фараона, то испыталъ изысканно злостный отпоръ. О томъ, съ какимъ смѣшнымъ стараніемъ тогда же митанецъ пробуетъ провести своего „любезнаго брата“ въ Египтѣ въ этомъ горькомъ положеніи дѣла, представляетъ одну изъ наиболѣе сильно дѣйствующихъ комедій во всемірной исторіи и стилистически блестящій пунктъ собранія писемъ изъ Телль-Анарны, которое и въ другихъ отношеніяхъ даетъ много поводовъ къ развлеченію. Но тогда какъ Тея, призванная лично Тушраттой въ посредничество, кажется не тронулась, Аменофисъ IV становился грубѣе; во всякомъ случаѣ ко времени, когда для насъ заканчивается переписка, отъ прежней дружбы между обоими дворами осталось немного.

Съ царемъ Бурнабуріашемъ, преемникомъ Кадашмана-Бела въ Вавилоніи (см. стр. 18) произошло подобное же несогласіе. Аменофисъ IV долгое время не спѣшилъ пожелать заболѣвшему Бурнабуріашу выздоровленія. Также египетскіе чиновники и князья-данники въ Ханаанѣ, кажется, были нѣкоторое время того мнѣнія, что нечего бояться Вавилоніи: они ограбили ея посольство и торговые караваны безъ боязни. Если это все подало уже поводъ къ основательнымъ жалобамъ, то пріемъ ассирійскаго посольства въ Ѳивахъ вызвалъ серьезное представленіе вавилонянъ (см. стр. 19). Князь Ассур-убаллитъ (стр. 50) де вавилонскій вассалъ, и его людямъ нечего было искать въ Египтѣ; Аменофисъ могъ бы подумать о томъ, что отецъ Бурнабуріаша когда то отклонилъ отъ себя ханаанеянъ, когда они хотѣли возстать противъ Египта. Не смотря на то, сношеніе съ Ассиріей продолжалось; конечно, это не могло содѣйствовать улучшенію отношеній. Впрочемъ, кажется, надежда, что Аменофисъ вмѣсто малоцѣннаго золота станетъ посылать больше и лучшее, какъ только совершится вступленіе въ свойство, сдѣлала Бурнабуріаша снова мягкимъ. Египетскій посланникъ Хаи, который, вѣроятно, тождественъ съ любимцемъ, а позже наслѣдникомъ Аменофиса IV Аи, является къ Бурнабуріашу, чтобы увезти его дочь или родственницу, тогда какъ тотъ равнымъ образомъ долженъ получить египетскую царевну. Маленькое, къ сожалѣнію, поврежденное письмо „дочери царя“ „своему господину“, привезенное Кидин-Раммаaномъ, желаетъ адресату, чтобы боги Бурнабуріаша защитили его во время путешествія; выраженіе, гдѣ уже рѣчь идетъ о „твоемъ городѣ и твоемъ домѣ“, наводитъ на мысль, что здѣсь имѣлось въ виду переселеніе Аменофиса въ новую резиденцію.

Царь хеттовъ и его скромный маленькій сосѣдъ, царь Алашьи (Кипръ; см. карту при стр. 10) тотчасъ нашли причины быть недовольными перемѣной на престолѣ въ Египтѣ. Первый, Сапалулъ (стр. 112), былъ оскорбленъ несогласнымъ съ этикетомъ обращеніемъ, на что онъ отплатилъ тою же монетою. Алашіоту (см. стр. 162) пришлось защищаться отъ обвиненія, что его подданные были за одно съ ликійскими морскими разбойниками; причаливали ли ликійцы къ Дельтѣ, или похищали ли они египетское имущество въ Алашьѣ, нельзя рѣшить. Во всякомъ случаѣ въ Алашьѣ становится замѣтнымъ вѣроятно основательное опасеніе, какъ бы торговое судоходство между обѣими странами не терпѣло вреда отъ перехватовъ египетскихъ таможенныхъ сторожей. Не только царь, но и его важный чиновникъ („рабису“) повелѣли включать въ ихъ письма требованіе, чтобы эти „Пакари“ не смѣли подступать близко къ купцамъ, лодкамъ и судамъ изъ Алашьи. Тотъ же, кто всегда чрезъ Нижній Египетъ имѣлъ сношеніе съ дворомъ Аменофиса IV, находилъ въ вице-царѣ Дельты, такъ сказать, дракона на пути. Изъ писемъ Амарны мы усматриваемъ, что тогда этотъ чиновникъ стоялъ по полномочіямъ съ „принцемъ Кушъ“, по крайней мѣрѣ, наравнѣ; собственный Египетъ былъ такимъ образомъ равномѣрно охраняемъ какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Сиро-палестинскіе градоправители боялись „рабису царскаго“, который могуществененъ „въ странѣ Яримута“ (Дельты), и два

очень любезныхъ письма, сопровождаемыя подарками, были отправлены къ нему отъ рабису Алашьи. Его имя Янхаму принадлежитъ, поэтому, къ наиболѣе часто называемымъ; очевидно зависѣло отъ усмотрѣнія этого человѣка, приводить въ исполненіе медленно или скоро, мягко или круто мѣропріятія, предписанныя фараономъ, считались ли заслуживающими вниманія уловки и отговорки вассаловъ, или они признавались достойными немедленной кары. Янхаму бралъ бакшишъ, оставался же по виду справедливымъ, строго соглашающимъ поведеніе съ высочайшей волей и не поддававшимся противнымъ договорамъ искушеніямъ. Но въ азіатскихъ провинціяхъ быстро пало уваженіе къ египетской верховной власти (см. стр. 161 и 652).

β) Замѣна служенія Амону религіей Атена; боги древняго Египта.

Въ Өивахъ подготовлялись между тѣмъ дѣла, о которыхъ египетскій народъ никогда еще не слыхалъ и о которыхъ ему не суждено было снова услышать, когда прошло ихъ время. Царь вступилъ въ споръ со становившимся постоянно все богаче и могущественнѣе жречествомъ Амона, который изъ божества его собственнаго дома сталъ мало-по-малу во главѣ египетскаго міра боговъ. Болѣе чѣмъ скудны указанія на побудительныя причины.

Навѣрно въ жреческихъ кружкахъ, которые стояли близко къ храму солнца въ Иліополѣ (стр. 639), уже съ давняго времени начертали новое вѣрованіе, которое хотѣло поставить видимый солнечный дискъ („Атенъ“), какъ единственно творческое и охраняющее существо надъ всѣми смѣшанными богами долины Нила. Предположеніе, будто Аменофисъ IV жилъ, будучи наслѣдникомъ, въ Иліополѣ и усвоилъ себѣ тамъ ученіе объ Атенѣ, имѣетъ уже потому мало за себя, что это мѣсто не сдѣлалось средоточіемъ культа Атена; напротивъ болѣе древній культъ въ Иліополѣ вѣроятно уже при жизни Аменофиса III отдѣлился отъ новаго. Если бы поклонники Атена безспорно пріобрѣли тамъ господство-то по всей вѣроятности святилище не избѣжало бы участи быть прибраннымъ ими къ рукамъ, уже потому, что давно одно изъ храмовыхъ сооружeній въ Иліополѣ было посвящено Атену. Скорѣе должно представлятъ себѣ учителей реформы культа, какъ странствующихъ проповѣдниковъ, которые стали на твердую ногу при дворѣ Аменофиса III, гдѣ предъявлялись духовныя требованія и была излюбленною новая мудрость, какъ остроумные модные философы. Но что было для предшественника препровожденіемъ времени, на то преемникъ смотрѣлъ, какъ на задачу жизни. Тея, которая въ домѣ блюстителя законности Амона, конечно, не нашла сначала надлежащаго благоволенія, въ удобное время уже поощряетъ служителей Атена и обнадеживаетъ ихъ на будущее; Аменофисъ IV, съ другой стороны, вѣроятно до своего восшествія на престолъ имѣлъ еще причину чувствоватъ себя мученикомъ своего убѣжденія. Несогласіе между Амономъ и новымъ царемъ обнаружилось со всякомъ случаѣ скоро: между 4-ымъ и 6-ымъ годами царствованія Аменофиса IV произошелъ открытый разрывъ. Дворъ оставилъ Өивы, а религіозная реформа въ смыслѣ ученія объ Атенѣ проведена съ суровостью и фанатизмомъ.

1. Египетская религія до Аменофиса IV.

Испытанный въ другихъ случаяхъ пріемъ выводить сущность реформы изъ того, что измѣнено въ данную минуту, не приводитъ ни къ какому результату на почвѣ древняго Египта. Совокупность египетскихъ религіозныхъ представленій переходитъ въ ихъ сопоставленіе рядомъ одно съ другимъ, послѣднее часто доходитъ до смѣшенія, сколь бы древній періодъ мы ни взяли. Но именно исторія предлагаетъ ключъ. Каждыя нѣсколько столѣтій, господствующій классъ на Нилѣ получаетъ примѣсь новой крови; начало подобныхъ смѣшеній безъ воспріятія новыхъ миөологиче-

скихъ достояній немыслимо. Къ сожалѣнію, почти постоянно разочаровываетъ изслѣдованіе необходимыхъ частностей. Во первыхъ, именно главныя египетскія божества обнаруживаютъ способность приспособленія, равнаго которому не замѣтно нигдѣ въ области религіи. Во вторыхъ, преданіе удерживаетъ истинное отвращеніе къ формальному признанію чужеземнаго владычества. Даже эпоху гиксосовъ, которой до этихъ поръ только поэтому оставляли ея настоящій характеръ, что она закончилась изгнаніемъ, впослѣдствіи старались представить въ другомъ свѣтѣ. На сколько египетская легенда могла быть постоянною въ сглаживаніи, доказываетъ еще одинъ изъ ея послѣднихъ цвѣтовъ, сказка о волхвѣ Нектанебѣ, который будто былъ роднымъ отцомъ Александра: такимъ образомъ македонскій завоеватель долженъ былъ считаться египтяниномъ. Въ третьихъ, царство мертвыхъ держало здѣсь въ плѣну людей и боговъ еще при жизни. Наше знаніе о египетскомъ культѣ было бы ничтожно и не стоило бы рѣчи, если бы пришлось выдѣлить изъ него прежде все, что относится къ тому свѣту. Господствующій страхъ смерти могъ совершенно преодолѣть только исламъ своимъ фатализмомъ, послѣ того какъ ему подготовила въ этомъ отношеніи почву предшествующая христіанская эпоха.

Египетскимъ богамъ недостаетъ свѣжести. Они движутся уже ко времени пирамидъ въ оковахъ магіи, непрерывное развитіе которой въ интересѣ міра мертвыхъ все болѣе способствуетъ неуклюжести, съ другой же стороны содѣйствуетъ смѣшенію разнородныхъ божествъ. Такъ какъ формулы и гимны должны были призывать и восхвалять дѣйствіе божествъ въ земныхъ обстоятельствахъ, то и должны были клониться всѣми путями къ тому міру. Кто признавалъ Амона своимъ отцомъ при жизни, тому могло повредить скорѣе это обстоятельство, какъ только онъ попалъ во власть боговъ подземнаго міра; и египтяне не принадлежали къ рѣшительнымъ умамъ, которые довѣряютъ избранному ими или унаслѣдованному богу, что онъ также станетъ защищать ихъ и тамъ. Такъ Амонъ передѣланъ въ Амона-Ра: богъ солнца проходилъ побѣдоносно ночью подземный міръ: длинный гимнъ въ одномъ папирусѣ эпохи 20 династіи освѣдомляетъ, какъ некстати навязанъ Амонъ не только Ра, но впослѣдствіи всему его миѳологическому циклу. Лучше была попытка соединять боговъ въ семейства изъ отца, матери и сына и, идя дальше, соединять въ семейства изъ девяти членовъ: теперь уже главный богъ могъ разсчитывать на хорошія услуги своихъ сочленовъ. Чтобы отсюда не возникла настоящая египетская религія, заботились отдѣльныя коллегіи при храмахъ, какъ хранители своего особеннаго преданія. Въ Мемфисѣ стоялъ Пта, въ Ѳивахъ—Амонъ, въ Иліополѣ—Ра, въ Танисѣ, вѣроятно, Сетъ непоколебимо во главѣ подобной тріады или эннеады, иногда даже двойной. Неизвѣстно, когда приблизительно возникли эти системы и когда снова наступило распаденіе группъ боговъ. Въ Иліополѣ, гдѣ рано, кажется, возобладало умозрѣніе, пытались даже когда то разсматривать боговъ, какъ царей первобытныхъ временъ; начертанный такимъ путемъ послѣдовательный рядъ боговъ-царей не имѣетъ для исторіи миѳологіи почти никакой цѣнности, но онъ проникъ въ литературу и использованъ Манеѳономъ, какъ подходящее начало для его списка.

Если бы религіозные тексты древняго Египта были нашей единственной основой для сужденія о древнѣйшихъ религіозныхъ представленіяхъ, то безъ сомнѣнія страхъ смерти долженъ былъ бы считаться первоначальною путеводною мыслью каждаго развившагося культа. Другіе народы, не маловажной древности, показываютъ намъ, что инстинктъ жизни именно въ религіозной области можетъ быть еще болѣе способенъ къ творчеству. И египетское государство не основано націей, которая прежде всего искала настоящаго мѣста при входѣ въ долину блаженныхъ и находила его на западномъ берегу Нила. Скорѣе здѣсь, какъ и вездѣ, происходилъ тотъ обычный

ходъ вещей, что завоеванная страна является для пришельцевъ прежде всего подаркомъ принесенныхъ съ собою боговъ, которымъ прежніе владѣтели, какъ боги, такъ и люди, сперва подчиняются, а потомъ пріобщаются. Отсюда сообщается глубокая древность такимъ, чисто египетскимъ представленіямъ, которыя покоятся на характерѣ страны. Это водяныя и пустынныя божества, какъ и обыкновенные боги жатвы. Первое же замѣтное движеніе проявляется среди нихъ чрезъ борьбу вновь возсіявшаго Гора съ упрямымъ Сетомъ.

Изъ раздѣленія долины рѣки на округа (см. стр. 634), главное мѣсто которыхъ постоянно заключало въ себѣ древній храмъ мѣстнаго божества, выводили, что это политическое и культовое раздробленіе соотвѣтствовало положенію въ началѣ исторіи Египта. Потомъ должно было бы создаться такое же устройство областей еще и между первымъ и вторымъ водопадомъ, гдѣ были на лицо такія же естественныя условія. Объ этомъ однакожъ нѣтъ и рѣчи. Обыкновенно завоеватель Горъ, пользуется дарами царей Египта, которые воздвигали храмы въ Нубіи и посвящали ему надписи; при Рамесидахъ сюда присоединяются Амонъ, Пта и Ра, тогда какъ туземныя божества выступаютъ крайне рѣдко (однажды „Деденъ“ и „Хе“). Одно божество однакожъ, которое уже затмилось въ Египтѣ при Среднемъ Царствѣ, Минъ, богъ Копта, снова найденное царями 18 и 19 династій въ Нубіи, было тамъ усердно почитаемо, и такимъ путемъ вернулось на родину для новаго поклоненія. Но Минъ со своимъ пищевымъ и производительнымъ аппаратомъ — идеалъ идола крестьянъ; онъ, должно быть, въ древнія времена обладалъ всеобщимъ почитаніемъ значительной географически области, которая заходила далеко на югъ, а можетъ быть также юго-востокъ за границу Египта. Коптъ, узловой пунктъ многихъ дорогъ въ пустыню по этимъ направленіямъ, далъ поэтому и Мину на долгое время безопасное мѣсто отъ позднѣйшихъ вліяній и попытокъ вытѣсненія. Въ богѣ Хемѣ въ Ахмимѣ (къ сѣверу отъ Копта), первоначальномъ подобіи Мина, греки тотчасъ признали своего Пана; для насъ еще сохранились свѣдѣнія объ архаическо-деревенскомъ характерѣ его праздника. Для трудной гимнастической главной церемоніи было обычнымъ привлекать нубійцевъ и трогодитовъ, для которыхъ такимъ образомъ эти обычаи были болѣе знакомы. Что не удалось относительно Мина Гору, который проникалъ въ подобныя мѣста при удивительныхъ переодѣваніяхъ, выпало на долю его соперника изъ южной Нубіи, каррикатурнаго бога Беса. Прежде всего кажется, что этотъ карликъ-домовой съ густой короной изъ перьевъ, сталъ рядомъ съ богиней Тоэрисъ (по египетски Та-уртъ), изображеніемъ которой былъ идущій на заднихъ лапахъ бегемотъ съ женскими грудями, если она со своей стороны не появилась уже въ Эѳіопіи и не оттѣснила на задній планъ соотвѣтствующую фигуру Апетъ, которая еще послѣ была почитаема въ Ѳивахъ. Во всякомъ случаѣ Бесъ и Тоэрисъ играли большую роль въ египетскомъ пантеонѣ; впослѣдствіи оба эти пришлеца отняли у Мина и Апетъ важную функцію боговъ помощниковъ въ родахъ. Позднѣйшее помѣщеніе Беса и Тоэрисъ въ циклъ божествъ солнца и близко къ нимъ стоящихъ по ритуалу божествъ мертвыхъ закончило ихъ возвышеніе.

При всемъ томъ этотъ случай, что древніе египетскіе боги были оттѣснены еще болѣе первобытными богами съ юга, стоитъ отдѣльно. Въ другихъ случаяхъ они, согласно политическому развитію, всегда падали жертвой боговъ, принесенныхъ съ сѣвера. Превосходный примѣръ того, какъ иногда бывали подобные успѣхи девяти боговъ только внѣшними, предлагаетъ наиболѣе отодвинутая въ географическомъ отношеніи мѣстность — первый верхнеегипетскій округъ. Его древнимъ главнымъ городомъ былъ Омбъ на восточномъ берегу Нила, его святилище принадлежало богу-крокодилу Себеку. Поклонники Гора утвердились лишь позднѣе въ этой

области и должны были, конечно, нѣкоторое время довольствоваться островомъ Элефантиной. Онъ однакожъ былъ посвященъ не Гору, но Хнуму, который, какъ творецъ міра, а въ до-осирисовъ вѣкъ и отецъ самого Гора, всецѣло былъ богомъ для того опаснаго пункта, гдѣ онъ носитъ титулъ „отразитель нубійцевъ". Когда позже и Омбъ открылъ свои врата, Горъ сталъ уже скромнѣе и довольствуется половиной храма Себека. Слѣдствіемъ было то, что рядомъ съ „великимъ Горомъ", своимъ сосѣдомъ, и Себекъ за стѣной принялъ свойство бога солнца и назывался теперь Себекъ-Ра, будучи самымъ страннымъ изъ многихъ смѣшеній символовъ въ Египтѣ. Къ сожалѣнію, мало сохранилось изъ сокровищницы миѳовъ храма въ Омбѣ. Образцомъ ихъ служитъ замѣтка, что богиня-бегемотъ будто произвела тамъ на свѣтъ Осириса. Себекъ причислялся навѣрно къ самымъ выдающимся божествамъ долины Нила уже до эпохи Негады (стр. 584) и, въ то же время, это былъ богъ, которому менѣе всего повредило развитіе, враждебное всѣмъ древнимъ богамъ. Только эпоха Древняго Царства, кажется, была неблагопріятна для бога-крокодила; уже въ Среднемъ Царствѣ мы видѣли его въ высокомъ почетѣ, и до исчезновенія туземныхъ вѣрованій въ боговъ онъ обладалъ храмами въ самыхъ различныхъ мѣстахъ Египта. Если ему и богинѣ-бегемоту приходилось всегда на пользу неотъемлемое преимущество водяныхъ божествъ, то религія историческаго періода постоянно находилась только въ нѣкоторомъ родѣ перемирія съ богомъ пустыни Сетомъ. Все же, что извѣстно о Сетѣ, связывается самымъ тѣснѣйшимъ образомъ съ миѳологической борьбой между нимъ и Горомъ (см. стр. 587).

Въ противоположность господствующему мнѣнію, мы усматриваемъ въ округахъ съ ихъ столь часто различными мѣстными божествами-владыками укоренившіеся признаки древнихъ завоеваній. Какъ въ округѣ Омбѣ-Элефантинѣ, такъ и далѣе внизу долины рѣки останавливались въ различныя времена различныя нашествія, заканчивавшіяся на мѣстѣ остановки построеніемъ одного или нѣсколькихъ пограничныхъ укрѣпленій. Законченное раздѣленіе страны на области слишкомъ неестественно въ то время, когда племена первобытныхъ жителей разграничили прежде всего свои пастбища. Образованіе области — дѣло судьбы человѣка, не случая или выбора. Многократно бывшая предметомъ удивленія особенность олицетворять въ видѣ животныхъ образы почти всѣхъ египетскихъ боговъ восходитъ уже къ неизвѣстнымъ столѣтіямъ или тысячелѣтіямъ, въ теченіе которыхъ возникли первыя столкновенія, изъ безпрерывнаго повторенія которыхъ произошелъ, наконецъ, историческій египетскій народъ. То обстоятельство, что въ древнемъ Египтѣ нельзя подмѣтить никакого слѣда союза племенъ, такъ что животные придатки къ богамъ должны быть чужды тотемизму— еще не имѣетъ рѣшающаго значенія. Само собою понятно, что боговъ, которые первоначально противополагались другъ другу, соединили мирно въ цѣлую галлерею масокъ животныхъ не раньше, чѣмъ изгладился совершенно ихъ древній характеръ. Послѣдними, которые пришли въ Египетъ, въ качествѣ тотемовъ вторгнувшихся племенъ, и могли тамъ совершенно сдѣлаться туземными, были кобчикъ-Горъ и его родство.

Горъ уже не утратилъ переданнаго ему качества борца и завоевателя страны; самое имя его указывало на владычество и украшало каждаго фараона. Многократно упоминаемое преданіе о его продолжительной войнѣ съ Сетомъ и его помощниками по всему Египту предлагается въ двухъ стоящихъ въ связи версіяхъ. По древнѣйшей Горъ былъ сынъ благодѣтельнаго бога Осириса, который выступаетъ какъ царь-человѣкъ и преобразовываетъ скотоподобную жизнь египтянъ ученіемъ о воздѣлываніи хлѣбныхъ растеній, благочиніи и т. п. Но братъ Осириса Сетъ посягнулъ на благого, заманилъ его хитростью въ гробовой ящикъ, который онъ велѣлъ быстро запереть и пустить въ море. Во время деспотическаго владычества

Сета, всѣ приближенные Осириса оставили страну или удалились въ скрытое мѣсто; только когда тѣло Осириса было снова найдено его сестрой и супругой Исидой въ финикійскомъ береговомъ городѣ Гебалѣ, поднимается сынъ ихъ Горъ противъ Сета и побѣждаетъ его послѣ долгаго спора. Исида и Горъ находятъ поддержку при этомъ со стороны ибисоголоваго бога премудрости Тота и шакалоголоваго Анубиса. Хотя мы обязаны этимъ разсказомъ только одному труду Плутарха, и хотя его источникъ принялъ въ соображеніе только Дельту, какъ египетскую арену для хода событія, но цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ данныхъ и намековъ на памятникахъ не только подтверждается содержаніе, но и установлено то, что сказаніе имѣетъ значеніе и для Верхняго Египта. Календарный списокъ, который сообщаетъ гороскопы и наставленія, какъ вести себя въ благопріятные и тяжелые дни, отмѣчаетъ подъ 17-мъ атира, днемъ смерти Осириса, будто жалобный вопль богинь Исиды и Нефтиды, затянутый въ Саисѣ, слышался до Абидоса, гдѣ потомъ покоился Осирисъ.

Что можно было предложить египтянамъ путемъ перетолкованія, доказываетъ болѣе молодое, вѣроятно, только образовавшееся въ Новомъ Царствѣ, измѣненіе содержанія, принятое съ готовностью жречествомъ храма Гора въ Эдфу. Осирисъ уже совершенно удаленъ, и иліопольскій богъ солнца Ра, который, конечно, не можетъ быть умерщвленъ, поставленъ на его мѣсто. Горъ является поэтому, какъ сынъ солнца въ образѣ крылатаго солнечнаго диска; его борьба съ Сетомъ и крокодиловымъ исчадіемъ послѣдняго понимается, какъ наказаніе заговорщиковъ, преступленіе которыхъ состоитъ просто въ ихъ сопротивленіи Ра. Всетаки даже изъ этого перечеканиванія слѣдуетъ заимствовать нѣкоторыя цѣнныя дополненія для повѣствованія Плутарха. Такъ гласитъ одно мѣсто: „послѣ этого пошли враги Ра въ рѣку; они превратились въ крокодиловъ и бегемотовъ. Но Ра поѣхалъ быстро на кораблѣ; и когда онъ прибылъ въ область звѣрей, они разверзли пасти, чтобы изранить величество—бога. Тогда прибылъ туда Горъ-Хутъ (т. е. Горъ изъ Эдфу), а слуги его свиты несли бронзовыя оружія: у каждаго были въ рукѣ желѣзное копье и цѣпь. Тогда они побили крокодиловъ и бегемотовъ. И они притащили 381 врага, умертвивъ ихъ въ виду города Эдфу“. Припоминается при этихъ словахъ тотчасъ о находкахъ Негады (стр. 583 и 587), которыя именно возникли въ началѣ бронзоваго вѣка. Главной особенностью миѳа о Горѣ, крылатомъ солнечномъ дискѣ, является тщательное стараніе производить названія мѣстностей путемъ мнимыхъ этимологій отъ изреченій участвующихъ боговъ. Къ концу военнаго похода, когда убѣжавшіе въ море приверженцы Сета были закляты посредствомъ волхвованій, переименовано даже самое море: Ра сказалъ Тоту: „Развѣ мы не пробѣжали (seked) всю страну, все море“ Тотъ возразилъ: „съ сегодняшняго дня будетъ названо это море Секедъ“. Доказательство, что и настоящему преданію о сынѣ Осириса — Горѣ не были чужды географическіе фокусы, лежитъ въ примѣчаніи Манеѳона, будто Аварисъ носилъ свое имя по поводу какого-то древняго богословскаго повѣствованія (стр. 610); нижне-египетскій источникъ Плутарха, изъ котораго исходилъ здѣсь, навѣрно, и Манеѳонъ, долженъ былъ заключать въ себѣ также рядъ мѣстныхъ этимологій.

Не Ра, но Осирисъ было божество, которому противился Сетъ, а Горъ содѣйствовалъ въ побѣдѣ. Еще не рѣшено, не восходятъ ли Осирисъ и вавилонскій богъ Мардукъ (см. стр. 7 и 40) къ одному понятію, какъ показываетъ сходство ихъ клинообразной и іероглифической идеограммъ, и не имѣетъ ли отношенія къ данному вопросу asaru — звуковое обозначеніе для Мардука, потому что систематическое изслѣдованіе религіи пока еще не дало достаточныхъ результатовъ ни на древне-египетской, ни на ассиро-вавилонской почвѣ. Во всякомъ случаѣ первоначальное тождество Осириса и Мардука должно было уже рано исчезнуть: въ сравнительно позднее время, когда

мы слышимъ о Вавилонѣ и его Мардукѣ, этотъ богъ—воинственный герой, творецъ міра и вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ бога мудрости Набу; Осирисъ, напротивъ, является уже въ Древнемъ Царствѣ недѣятельнымъ богомъ мертвыхъ, которому его прежнія страданія будутъ зачислены въ главную заслугу. Существующее сходство съ Мардукомъ въ такой степени перешло на Гора, что можно было бы почти повѣрить, будто эта часть египетской генеалогіи боговъ имѣла когда то совсѣмъ другой видъ.

Съ другой стороны супостатъ Сетъ, звѣриной эмблемой котораго было странное существо, подходящее ближе всего къ мыши, въ борьбѣ превращающейся въ змѣю, былъ такъ же, какъ и Горъ, государственнымъ богомъ; египетскіе цари носили надо лбомъ змѣю Урея, какъ главный отличительный знакъ ихъ достоинства, и они — любимцы не только Гора, но и Сета. Только къ концу Новаго Царства извлекли изъ миѳа Осириса выводъ, что почитаніе Сета, который, какъ „Сутехъ", началъ принимать черты финикійскаго Ваала, недостойно будто истиннаго набожнаго египтянина. Такъ этотъ старый владыка пришелъ, наконецъ, къ паденію, послѣ чего онъ тщетно въ главномъ мѣстѣ своего культа Танисѣ еще наскоро переодѣлся въ бога солнца. Въ Омбѣ, а еще болѣе въ западной пустынной области Оксиринхитѣ, гдѣ сохранился, конечно, самымъ чистымъ культъ Сета, пережилъ онъ, какъ мѣстный защититель-патронъ, всѣ неприязни. Сынъ старой богини неба Нутъ и повелитель твореній, свойственныхъ Нилу, Сетъ очевидно былъ наиболѣе египетскимъ божествомъ, которое сохранило свое всеобщее значеніе въ историческія времена.

Относительно происхожденія и развитія до опредѣленной формы египетскихъ ученій о загробной жизни нельзя ничего извлечь изъ сказаній объ Осирисѣ. Представленіе дошло до насъ уже готовымъ въ расказѣ томъ, что продѣлываетъ Исида съ трупомъ Осириса; а когда у Плутарха Сетъ находитъ еще разъ скрытый гробъ и разрѣзаетъ на куски тѣло умершаго, то во всякомъ случаѣ здѣсь играетъ непосредственно роль представленіе о древнѣйшемъ способѣ погребенія, но мы не получаемъ отъ этого ничего. Поэтому остается намъ только вкратцѣ сообщать историческое содержаніе древнеегипетскихъ представленій о царствѣ мертвыхъ. Покойникъ долженъ былъ сохраниться тѣлесно; это основное условіе достигалось бальзамированіемъ, а у зажиточныхъ при помощи гробничныхъ сооруженій, соотвѣтствовавшихъ каждый разъ господствовавшимъ представленіямъ. Изнутри, какъ дома муміи, „части души" умершаго могли совершать путешествія. Главная часть была „Ка", мечтательная душа. Она уже и при жизни доказала стремленіе къ странствованію: кто въ грезахъ совершалъ путешествіе, переносилъ хорошее или худое, въ то время какъ тѣло лежало при этомъ тихо, тотъ зналъ, что это дѣйствовало его Ка; еще яснѣе доказывало Ка свое произвольное движеніе, если оно являлось другимъ во снѣ, какъ плотскій человѣкъ, все равно, живъ или умеръ невѣдомый отправитель. Двѣ дальнѣйшія части души, Ху (т. е. свѣтящая) и Ба, видъ которой представляетъ человѣко-головую птицу, кажется, подходятъ къ одному и тому же представленію: славѣ покойника; вѣроятно, точно также Саху и Сехемъ, которые встрѣчаются, какъ завернутыя муміи, или свободныя фигуры; различныя формы и наименованія восходятъ единственно къ мѣстнымъ разновидностямъ ученій. Страннымъ образомъ и тѣнь человѣка встрѣчается среди частей души, въ видѣ опахала: можетъ быть это только посторонняя, неправильно приложенная идея, такъ какъ царство мертвыхъ Осириса не было никакимъ образомъ пребываніемъ существъ тѣней. Потому египетской набожности было чуждо прислуживать своимъ усопшимъ силуэтами хлѣба, мяса, утвари и т. д. Въ эпоху Негады предлагали жертвы, т. е. кушанья умершему еще повидимому in natura; позже давали имъ каменныя или глиняныя изображенія, которыя, посредствомъ магическихъ формулъ, получали возможность продолжительнаго

употребленія на томъ свѣтѣ. Другія магическія заклинанія, которыя составляютъ скучную литературу „Книгъ Мертвыхъ", помогали отшедшему перейти трудности и опасности пути къ сѣдалищу Осириса, предстательствовали за него предъ судилищемъ подземнаго міра и, конечно, даже вліяли на стрѣлку вѣсовъ, на которыхъ каждое сердце взвѣшивалось богами Тотомъ и Горомъ при помощи пера, знака правосудія. Вопросъ о томъ, что случалось съ тѣми, кто при этомъ оказывался несостоятельнымъ, затрогивался лишь легко и очевидно не охотно; около Осириса или передъ нимъ сидитъ имѣющее злобный видъ женское животное, которое представляетъ нѣчто въ родѣ свиньи съ крокодиловой головой и названо „Пожирательницей". Но уже при погребеніи называютъ покойника тотчасъ „правогласный" т.-е. заранѣе считаютъ его оказавшимся состоятельнымъ, и потому блаженнымъ. Блаженный будетъ подобенъ Осирису и введенъ богомъ въ поле Аалу: тамъ быть хорошо. Обильно уставленный столъ Осириса предлагаетъ мѣсто для всѣхъ; а кому требуется больше, тому нужно потрудиться пройти къ близкому древу жизни, съ котораго щедро раздаетъ небесная богиня.

Противорѣчіе ясно: если умершій, который въ Новомъ Царствѣ уже относился въ гробницу съ увѣренностью, какъ „Осирисъ такой-то и такой-то" былъ такъ превосходно окруженъ заботами въ странѣ блаженныхъ, тогда заупокойные дары собственно не имѣли никакого смысла. Въ дѣйствительности, египтяне были однако всегда нѣсколько слабы въ вѣрѣ (см. стр. 641 и 643) и поэтому мастерски умѣли войти въ сдѣлку со своими тихими сомнѣніями. Могла быть испробована всякая волшебная всячина, но служила въ строгомъ смыслѣ, только для того, чтобы обмануть судей мертвыхъ; такимъ образомъ возможно, въ случаѣ необходимости, и тамъ, внизу, какъ и на землѣ, заговорить судъ. Вопросы, которые по ритуалу ставила судейская скамья 42 боговъ мертвыхъ, были и безъ того довольно запутаны. Во всякомъ случаѣ говорили себѣ, что это собраніе не могло быть слишкомъ требовательнымъ и превышающимъ всякую строгость: практика и опытность настраиваютъ даже и людскихъ судей быть все мягче и мягче. Мысль, происходящая изъ тѣхъ соображеній, что большинство всѣхъ умершихъ не пойдутъ далѣе теплаго благодѣянія предварительнаго non liquet, совершенно овладѣла опечаленными смертію близкихъ; она сдѣлала жертвенные дары постояннымъ учрежденіемъ. Конечно, мы не находимъ нигдѣ ея выраженною письменно, даже намекомъ. Во первыхъ, ученіе боязливо остерегалось давать ему форму; во вторыхъ, до-осиріанскій обычай приношеній безъ того уже былъ принятъ, и такимъ образомъ не допускалъ возможности быть отвергнутымъ; въ третьихъ, обычной судьбой жреческихъ ученій является то, что масса подобныя вещи объясняетъ практически, причемъ и жрецы, и масса избѣгаютъ тщательно щекотливаго объясненія.

Пища и тому подобные дары въ пользу покойныхъ имѣли назначеніемъ обезпечивать, при ихъ безпомощности, хотя этимъ путемъ, продолженіе существованія, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ гробницы. Замѣчательно, что цари именно 11-й династіи, когда въ ихъ время каждый египтянинъ, который сколько-нибудь былъ въ состояніи, старался завѣщать похоронить себя въ городѣ Осириса Абидосѣ, выказывали всегда въ этомъ отношеніи нѣкоторую косность. Они не хотѣли устраивать „прекраснаго мѣста" для своихъ гробницъ въ святой области, и повелѣвали хоронить себя въ Өивахъ. Даже излюбленнаго путешествія только что умершихъ для представленія въ Абидосъ, откуда потомъ ихъ муміи были опять привозимы обратно, такъ какъ гробница уже была тамъ готова, цари не почитали, повидимому, нужнымъ. Вообще на Осириса смотрѣли, какъ на раздателя блаженства преимущественно для состоятельныхъ классовъ. Предписанія весьма ясно сводятся на то, что богу лучше всего угодить дорогими учрежденіями; въ залѣ суда подземнаго міра Тотъ, богъ

образованныхъ, и богъ владыкъ Горъ составляютъ его штабъ: знатное, мало подходящее къ бѣднымъ людямъ общество.

Кромѣ Ра, рѣдко можно привести что-нибудь заслуживающее вниманія относительно прочихъ членовъ міра боговъ. Большею частію это образы, загроможденные перемѣнными придатками, а потому ихъ нельзя разсматривать какъ первоначальные; и миѳы ихъ еще не извѣстны. Древняго бога мемфисскаго, Пта (см. стр. 599), можно только видѣть еще въ формѣ запакованной муміи, онъ, такимъ образомъ, обратился въ Осириса или наоборотъ. Геродотъ принялъ Пта за Гефеста; его окружали боги-карлики, вродѣ кобольдовъ, какъ помощники его при твореніи міра. Извѣстное отношеніе къ Пта могъ имѣть богъ Нила Хапи, который не только обладалъ въ Мемфисѣ особенно великолѣпнымъ храмомъ, но и представленъ въ Римѣ, какъ классическій водяной старецъ, окруженный Путтами, которые хотя и должны были означать число локтей настоящей высоты Нила, но, тѣмъ не менѣе, напоминаютъ о кобольдахъ Пта. Далѣе Мемфисъ извѣстенъ, какъ хранилище и мѣсто почитанія священнаго быка Аписа, божескія качества котораго были признаны уже въ Древнемъ Царствѣ (см. стр. 589). Соотношеніе между Пта и Аписомъ едва ли можетъ быть; скорѣе, кажется, быкъ принадлежитъ при жизни къ культу Ра, а послѣ смерти къ культу Осириса. Такимъ образомъ стало возможнымъ, что прямо изъ души Аписа, то-есть „Осириса-Аписа“, въ концѣ концовъ, образовалось особое божество, которое послѣ того, какъ получило подъ греческимъ вліяніемъ человѣческій образъ, было помѣщено въ качествѣ „Сераписа“ и властителя мертвыхъ рядомъ съ Исидой и вытѣснило совершенно Осириса. Громадный, открытый Маріэттомъ мавзолей въ Саккара заключаетъ огромные каменные гробы труповъ быковъ Аписовъ, бальзамированныхъ начиная съ 18-й династіи одинъ за другимъ, что почти напоминаетъ о параллельномъ слѣдованіи тѣлъ египетскихъ царей. И Фараонъ, и Аписъ имѣли личную божественность какъ по смерти, такъ и при жизни. Гдѣ бы мы ни встрѣчали въ храмахъ животныхъ, считаемыхъ священными это были простыя воплощенія тамошнихъ боговъ, такъ Сухъ-крокодилъ въ Фаюмѣ, баранъ въ Мендесѣ и въ Иліополѣ быкъ Мневисъ, который, можетъ быть, пользовался полнымъ почитаніемъ не во всѣ времена (см. стр. 589). Подлѣ него основало свое мѣстопребываніе въ Иліополѣ сказочное существо, птица Бенну („Фениксъ“ грековъ); можетъ быть, тамъ сохранилась рѣдкая порода голенастыхъ. Каменными сфинксами, наконецъ (по большей части царскія головы, помѣщенныя на тѣла четвероногихъ животныхъ, слѣдовательно, нѣчто обратное изображеніямъ боговъ съ головой животнаго), мы достигаемъ уже области пластики и строительнаго искусства.

Въ Дендера возвышается еще и теперь хорошо сохранившійся храмъ богини Хаторъ съ надписями, которыя на ряду съ исторіей построенія касаются и культа. Выходитъ, что эта египетская Афродита въ началѣ третьяго лѣтняго мѣсяца начинала торжественное путешествіе къ богу Гору въ ближній Эдфу; послѣ или въ теченіе пяти дней возвращалась она потомъ снова домой на своей баркѣ „Величіе любви“. Это посѣщеніе подходитъ, какъ нельзя лучше, къ имени богини, которое означаетъ „Домъ Гора“ и также выражается соотвѣтствующими опредѣлительными знаками. Тѣмъ болѣе возбуждаетъ недоумѣніе появленіе, въ качествѣ помощницъ при родахъ, семи Гаторъ, которыя поэтому подходятъ близко къ почитаемой въ Эль-Кабѣ богинѣ рожденія Нехебъ; послѣдняя, кромѣ того, въ видѣ коршуна обыкновенно паритъ надъ царемъ, защищая его въ теченіе всей его жизни, тогда какъ Гаторъ появляется часто съ коровьей головой или, будучи изображена въ видѣ женщины, удерживаетъ по меньшей мѣрѣ рога и уши коровы. Богиня-оракулъ Буто въ одноименномъ городѣ Дельты вызвала у грековъ мысль о миѳологическомъ сходствѣ съ

Латоной, а въ почитаемой въ Саисѣ Нейтъ они узнали Аѳину. Символъ Нейтъ, въ началѣ четырехугольный щитъ съ двумя позади перекрещенными стрѣлами, превратился потомъ въ ткацкій челнокъ, который носили встрѣчающіеся на египетскихъ изображеніяхъ ливійцы, какъ національный знакъ. Если можно на этомъ строить заключенія, что богиня переселилась съ запада, то она подобно Гаторъ, Буто, съ кошачьей головой Бастъ въ Бубастѣ и почти всему женскому міру боговъ древняго Египта, подъ вліяніемъ миѳа объ Исидѣ потеряла всякую первобытность: стоитъ только разсмотрѣть ближе, и будетъ видно, что даже наиболѣе самостоятельные образы преображаются въ чистѣйшія разновидности „волшебной“ Исиды. Исключеніе составляетъ Маатъ, богиня правды и справедливости, потому что она, какъ отвлеченность, оказалась недоступной ни для какой миѳологіи. Иногда она носитъ на глазахъ хорошо извѣстную повязку, „такъ какъ справедливость судитъ, не взирая на лица“. О богѣ Хонсу, вначалѣ, можетъ быть, новолуніи рядомъ съ богомъ полнолунія Аахъ, можно сказать здѣсь только то, что онъ въ заключеніе такъ же хорошо слился съ „солнцемъ“, какъ и многіе другіе; при 20 династіи, кажется, тщетно пытались поставить его на собственную миѳологическую основу. Большого интереса заслуживаютъ боги войны, которые идутъ въ гору съ Новымъ Царствомъ. Въ особенности воинственный Монтъ ѳиванскій часто привлекается царями, чтобы сопоставить его осанку въ битвѣ со своей (стр. 621). Почитаніе Монта въ ѳиванской области было вѣроятно древнѣе, чѣмъ почитаніе Амона, такъ какъ главныя святилища обоихъ находились въ мѣстномъ соперничествѣ (см. стр. 634). Богиня Сехметъ, въ миѳѣ Ра истребительница преступнаго человѣчества, пользовалась до извѣстной степени премущественнымъ почитаніемъ Аменофиса III и появляется въ папирусной литературѣ, какъ львиноголовая распространительница ужасовъ, которая шествуетъ впереди войска. Кромѣ того, она принадлежитъ Мемфису и родству Пта; позже говорится объ Исидѣ-Гаторъ въ Филэ: „ласкова она, какъ Бастъ, страшна какъ Сехметъ“, слѣдовательно и этотъ образъ лишенъ своей первобытности. Сирійскія божества (см. стр. 172) достигли именно въ эпоху Рамессидовъ въ Египтѣ нѣкотораго значенія; прежде всего: Ваалъ и Астарта, Решефъ и Анатъ. Они были почтены на берегахъ Нила обычнымъ потокомъ высокопарныхъ обращеній и восхваленій; богиня города Кадеша иногда даже занимаетъ мѣсто наравнѣ съ богомъ Ра (стр. 653).

Богъ солнца Ра произошелъ, какъ свидѣтельствуютъ его миѳы, изъ Иліополя и именно уже въ эпоху Древняго Царства. Тѣмъ не менѣе онъ былъ самымъ молодымъ изъ всѣхъ великихъ боговъ. Это доказывается чертой его универсальности, между тѣмъ какъ свойство Осириса въ качествѣ бога ада односторонне, и узко понятіе о земномъ солнцѣ, которое олицетворяетъ Горъ со своими дневными помощниками Хепрой, Тумомъ и т. д. Прежде чѣмъ Ра пришелъ въ Египетъ, онъ уже достигъ почтенной зрѣлости среди круга представленій другого народа; отсюда его быстрый успѣхъ. Кромѣ того, была ему присуща способность популяризировать себя. Настоящій безграничный властитель творенія, проѣзжаетъ новый богъ солнца на своей нильской баркѣ въ теченіе 24 часовъ все небо и весь подземный міръ, уничтожаетъ все вредное или, по крайней мѣрѣ, препятствуетъ ему на время своего пребыванія и принуждаетъ этимъ каждаго другого бога, который хочетъ называться „благимъ“, вступить въ свою свиту. Поэтому всѣ боги въ теченіе сравнительно короткаго времени приняли солнечный дискъ Ра въ качествѣ господствующаго символа; онъ сталъ неожиданно примѣтой для боговъ, въ особенности и исключительно для такихъ, которые должны были бы собственно оставаться естественными соперниками Ра. Потому именно кобчикъ Гора, хотя его роль была уже непонятна религіозному преданію Новаго Царства, удержался, какъ

пригодный отличительный признакъ настоящаго бога солнца; и Ра носитъ теперь голову этой птицы. Онъ допускаетъ еще многія другія внѣшности изъ древнихъ ритуаловъ и представленій: онъ мѣнялъ многократно барку, принялъ со временемъ на судно пестрое общество изъ рода боговъ, посѣщалъ Осириса впродолженіи ночной поѣздки, и тому подобное. Тѣмъ неумолимѣе настаивалъ онъ на главномъ. Кто былъ другомъ Ра при жизни, тотъ могъ имѣть право и по смерти получить мѣсто въ баркѣ, когда она проходила дневное небо. Такъ достигали подземнаго міра подъ могущественной защитой, далеко спокойнѣе, чѣмъ уединеннымъ опаснымъ путемъ ученія объ Осирисѣ. Прибывъ въ свою область, — онъ долженъ былъ удѣлить значительную часть земныхъ нѣдръ Осирису и другимъ темнымъ существамъ, — выгружаетъ Ра души на плодородное поле, гдѣ онѣ ведутъ далѣе человѣкоподобное существованіе. Раздѣленіе ночной части пути Ра на двѣнадцать часовыхъ округовъ, которые разграничены „воротами" (собственно шлюзами), обусловливаетъ собою то, что его покойники, къ сожалѣнію, всего только часъ наслаждались солнцемъ и лицезрѣніемъ бога, а остальное время проводили во мракѣ. Зато впродолженіи скуднаго времени свѣта господствуетъ большая дѣятельность: покровительствуемые Ра должны работать и на томъ свѣтѣ. Они сѣютъ, пашутъ, орошаютъ и жнутъ, чтобы не терпѣть голода.

Если принять въ соображеніе, какъ питались осирисовы покойники, то, быть можетъ, этимъ найденъ будетъ ключъ къ пониманію, какъ сущности Ра, такъ его и успѣховъ у египетскаго народа. Ра поставилъ царство мертвыхъ на демократическую ногу, а практическое воззрѣніе, что смерть не дѣлаетъ различія, послѣдовательно расширялось за предѣлы могилы. Состоятельные круги, которые изъ естественной осторожности не порывали съ богомъ Ра, но и не хотѣли упустить изъ виду аристократической сказочной страны Осириса, устраивались для обоихъ случаевъ. Около муміи съ ея Книгой Мертвыхъ и ея магазиномъ для того свѣта, лежали маленькія деревянныя фигурки, Ушебти, т. е. „отвѣтчики", которыя по большей части представлены въ видѣ рабовъ или земледѣльцевъ и часто носятъ имя умершаго, которому они принадлежатъ. Ихъ цѣль была отвѣчать за него и заступать его, когда онъ прибылъ въ поле Ра и призывается на работу. Различіе между царствомъ Осириса, гдѣ все устраивается при помощи заклинаній, и царствомъ Ра, такимъ образомъ сглаживается по-дѣтски; во всякомъ случаѣ, были тогда и миѳы бога солнца уже насквозь перепутаны съ миѳами прочихъ боговъ. Сказанія, какъ Ра, владычествуя когда-то на землѣ, повелѣлъ уничтожить возмутившихся людей, но пощадилъ ихъ остатокъ, какъ онъ далѣе, сдѣлавшись дряхлымъ, былъ удаленъ отъ земного царствованія хитростью Исиды (собственно Хаторъ), очень поучительныя въ религіозно-историческомъ отношеніи, однако уже довольно чужды первоначальной сущности бога. Ра этихъ легендъ уже зараженъ закоснѣлостью Осириса и окруженъ также его свитой; видно здѣсь дѣйствіе позднѣйшей жреческой попытки къ нивеллировкѣ.

Когда въ теченіе ранней исторіи Египта богъ солнца Ра завоевалъ себѣ преимущество въ вѣрованіи народа, нельзя установить твердо. Если сказка о происхожденіи 5-й династіи (стр. 593) заслуживаетъ въ этомъ отношеніи довѣрія, то именно тогда должно было быть принятымъ, съ тѣхъ поръ постоянно подчеркиваемое качество царей, какъ „сыновей Ра"; но это означало бы только предварительное завершеніе перваго хода развитія. Вѣра въ одного бога, какъ бы онъ высокъ и могущественъ ни былъ, не лежала въ египетскомъ характерѣ; длинное и темное время перехода къ Среднему Царству (стр. 597) должно было также сильно поколебать и религіозную область. Послѣдствіемъ заключенія мира между Горомъ и Ра была навѣрно излюбленная смѣшанная форма Ра-Хармахисъ, которая сопоставляется въ легендѣ о крылатомъ солнечномъ дискѣ, съ двухъ сторонъ

котораго помѣщено по змѣѣ урея. Это изображеніе, которое можно было видѣть на каждомъ храмовомъ входѣ, такимъ образомъ, обладало значеніемъ символа единенія, сила котораго распространялась на всѣхъ боговъ страны. Впрочемъ, во время Тель-Амарны въ письмахъ сирійскихъ чиновниковъ къ фараону употребляется почти исключительно титулатура, которая видитъ въ немъ только сына Ра, тогда какъ Риб-Адди, царь Гебала (см. стр. 160), употребляетъ при этомъ и другую, можетъ быть, болѣе древнюю, гдѣ совсѣмъ не упоминается о солнцѣ.

При раздвоеніи въ египетскихъ взглядахъ на жизнь послѣ смерти, при возрастающей запутанности въ мірѣ боговъ и на ряду съ жалкими обращеніями къ волшебнымъ формуламъ, не могло не появиться скептицизма. Можно ли отнести сюда слѣды вѣрованія, что умершій будто достигаетъ до звѣздъ, остается еще сомнительнымъ: подобное воззрѣніе очевидно не было египетскимъ. Но весьма важно то обстоятельство, что иногда отрицается ученіе о томъ свѣтѣ на гробничныхъ стелахъ. Господствующій тамъ богъ, называемый „совершенная смерть", будто не чувствителенъ къ молитвамъ и жертвамъ и не дѣлаетъ никакого различія между богами и людьми; послѣднее должно быть направлено противъ притязаній фараоновъ. Умершіе лежали будто окоченѣлыми въ вѣчномъ мракѣ, тоскуя о наслажденіяхъ земной жизни. Потому пользуйся каждый своевременно своимъ существованіемъ, ищи веселія и удовольствія и избавляйся отъ заботъ. Вообще излюбленною была въ Новомъ Царствѣ „Пѣснь изъ гробницы царя Антефа, начертанная предъ (изображеніемъ) арфиста". Этотъ струнный артистъ ссылается на древнихъ мудрецовъ, у которыхъ гласитъ: „Разрушились жилища предковъ; ихъ какъ будто никогда не бывало, и никто не приходитъ съ того свѣта оповѣстить, что сталось съ ними". Живущимъ же дается совѣтъ: „Украшай себя такъ прекрасно, какъ это подходитъ (къ лицу), не дозволяй себѣ падать духомъ, пока ты на землѣ. Не печалься, пока не разразится день жалобы. Никакой печали не слышитъ тотъ, чье сердце не бьется; кто покоится въ могилѣ, не сострадаетъ. Итакъ празднуй радостные дни съ сіяющимъ обликомъ и не будь вялъ, такъ какъ никто не беретъ съ собою своего имущества и не возвращается когда-либо снова".

По своимъ основнымъ мыслямъ предвѣстникомъ книги Іова является поэтическій „Разговоръ утомленнаго жизнью со своею душою". Даже судьба его кажется та же, что у библейской книги, такъ какъ и здѣсь въ концѣ замѣчается поворотъ къ пунктамъ господствующей вѣры, для указанія на логическія несообразности которой и составлено это сочиненіе. Утомленный жизнью, больной, слабый, ушедшій отъ свѣта и оставленный родственниками и друзьями, проситъ свою душу слѣдовать теперь за нимъ въ смерти. Но тутъ сама его спутница хочетъ убѣжать отъ него, и съ трудомъ дозволяетъ склонить себя къ переговорамъ. Рѣчи и возраженія обнаруживаютъ, что въ Египтѣ не только сомнѣвались, но дѣло дошло до презрительной насмѣшки надъ безцѣльными гробницами—пирамидами и культомъ мертвыхъ. Душа высказываетъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ свое мнѣніе, что сохраненная какъ можно лучше мумія и съѣденный рыбами трупъ „утомленнаго, который умеръ на набережной, безъ оставшихся (родныхъ)" имѣютъ совершенно одинаковую надежду. Вѣроятно, это писаніе считалось его читателями произведеніемъ туземнаго писательства, обладаніе которымъ не признавалось похвальнымъ съ точки зрѣнія основъ общественной нравственности и хорошихъ обычаевъ; добавочное прибавленіе краткаго, испрашивающаго прощеніе гимна въ честь Ра, какъ подателя блаженства, должно было, очевидно, доставить сочиненію только штемпель терпимости. Двѣ трогательныя пѣсни утомленнаго жизнью: жалоба на свѣтъ, который безъ устали преслѣдуетъ кроткаго, дерзкому, напротивъ, открываетъ объятія, и привѣтъ спасительному концу, обезпечиваютъ произведенію высокое мѣсто

во всеобщей исторіи литературы и способны заслонить то многое, что въ состояніи было бы сдѣлать древне египетскій міръ чуждымъ для насъ. И строптивая душа уступаетъ, когда оставленный доказалъ ей, что земля — примѣрный злодѣй: „Смерть стоитъ сегодня предо мною, какъ предметъ тоски, которую плѣнникъ много лѣтъ испытываетъ по своему дому". Тогда она обѣщаетъ идти съ нимъ: „Твое тѣло должно достигнуть земли, а я останусь тамъ, гдѣ ты покоишься. У насъ будетъ общее пристанище".

2. Преобразованіе въ ученіи о богахъ Аменофисомъ IV.

Мысли этого рода для реформы египетской государственной религіи были, конечно, непримѣнимы. Однакожъ онѣ показывали, что умы уже находились въ движеніи и что было налицо небольшое количество образованныхъ, покончившихъ со страхомъ неизвѣстности. Большая часть надгробныхъ камней дореформенныхъ десятилѣтій взываютъ отдѣльно къ Осирису и Ра, и гимны богу солнца дѣлаются все пламеннѣе. Такъ говоритъ одинъ текстъ изъ Мемфиса: „Восхваленъ будь ты, который восходитъ на небесный океанъ, чтобы питать все, что ты сотворилъ, который сотворилъ небо и сдѣлалъ свой горизонтъ недоступнымъ. Восхваленъ будь ты, который показывается въ свое время; когда ты сіяешь, проливается жизнь въ людей. Восхваленъ будь ты, который создалъ все вокругъ и сокровененъ, ибо твоего вида не знаютъ". Это уже не миѳологія, но простое созерцаніе природы. Даже Амонъ въ это подготовительное время благоволилъ къ подобному способу почитанія. Жрецъ Амен-эм-опетъ изъ ѳиванскаго города мертвыхъ взываетъ къ нему, естественно, какъ къ Амону-Ра слѣдующимъ образомъ: „О мой богъ, владыка боговъ, Амонъ-Ра, спаси меня, простри мнѣ руку, оживи меня, явись мнѣ! Ты безъ сравненія, единственный богъ, солнце, которое восходитъ на небѣ, которое сотворило людей, которое внимаетъ мольбамъ, которое освобождаетъ людей изъ рукъ сильныхъ, которое творенію, еще находящемуся въ яйцѣ, даетъ дыханіе, будь это человѣкъ или птица. Онъ творитъ, что нужно мышамъ въ ихъ норахъ, равно какъ и червямъ и блохамъ". Такимъ образомъ составились представленія объ отдѣльныхъ частяхъ вселенной, вполнѣ противоположныя прежнему міросозерцанію; они близко подходятъ къ исходной точкѣ нашей науки естествовѣдѣнія, но должны были быть осуждены древней школой и затѣмъ реакціей, какъ „неметодическія".

Символъ культа Атена состоялъ въ простомъ солнечномъ дискѣ, который ниспосылаетъ свои лучи. Только эти отдѣльные лучи заканчиваются маленькими руками, которыя частью открыты, частью держатъ знакъ „жизни"—хорошо извѣстный крестъ съ ручкой. Если царь или, какъ теперь это было въ обычаѣ, все царское семейство совершаетъ общественную церемонію, то солнечный дискъ долженъ постоянно парить надъ ними и раздѣлять свои лучи такимъ образомъ, чтобы, насколько возможно, каждое лицо было охвачено однимъ изъ этихъ знаковъ.

Само „ученіе" излагалось въ одномъ длинномъ гимнѣ. „Величественно появляешься ты на горизонтѣ, Атенъ, ты, живой творецъ всѣхъ жизней, когда ты поднимаешься на востокѣ, наполняя всѣ страны твоимъ блескомъ. Когда идешь ты къ западу на покой, земля склоняется во мракѣ, подобно мраку смерти. Тогда лежитъ каждый въ своемъ домѣ, съ покрытымъ лицомъ, закрытыми глазами, и не знаетъ, что ему приключится. Но левъ выходитъ изъ пещеры, и змѣи кусаются, пока мерцаютъ ночныя звѣзды и земля покоится въ молчаніи. И опять становится свѣтло, когда ты начинаешь сіять, какъ Атенъ, и приводишь день; темнота бѣжитъ предъ твоими лучами, и обѣ страны Египта ликуютъ. Люди поднимаются, благодаря твоей силѣ, моютъ свое тѣло и надѣваютъ одежду, они простираютъ вверхъ руки, привѣтствуя твое появленіе, и дѣятельно исполняютъ, что

ты повелѣлъ". Скотъ прыгаетъ къ пастбищу, всѣ птицы радостно порхаютъ, „корабли тянутся къ сѣверу и югу; твое появленіе дѣлаетъ каждый путь удобопроходимымъ; рыбы привѣтствуютъ тебя плескомъ; проникаютъ твои лучи въ глубь моря. Тобою зачинаетъ женщина, мужчина становится способнымъ къ производительности, дитя оживлено въ утробѣ матери, покуда оно не выйдетъ на свѣтъ рожденіемъ; тогда ты даешь ему языкъ и помогаешь (ему) въ потребностяхъ". Еще подробнѣе разсматривается возникновеніе птицы изъ яйца: та же тема, которой уже касались на надгробномъ камнѣ Амен-эм-опета и которая, какъ сильная сторона „ученія", была, вѣроятно, для катехизиса Атена любимымъ орудіемъ. Лучезарное солнце по гимну сотворило и всѣ чужеземные народы всего земного шара, различило ихъ по цвѣту и раздѣлило по языкамъ; оно повелѣло произойти Нилу и указало ему высоту воды; оно же повелѣло образоваться и небесному Нилу, чтобы и не египтяне получали дождь. „Ты творишь времена года для завершенія твоихъ дѣлъ, холодную зиму и жаркое лѣто; ты бороздишь сводъ неба твоею высокою тропою, откуда ты созерцаешь все, что ты сотворилъ, ты единый. Ты, Атенъ — день міра, мое сердце принадлежитъ тебѣ; но никто не познаетъ тебя такъ, какъ твой сынъ (царь) Нефер-хепру-Ра. Ты открылъ ему ученіе о твоемъ могущественномъ движеніи. Уже въ тотъ день, когда ты основалъ землю, повелѣлъ ты возникнуть ей для твоего сына, который отрасль твоего свѣта, для царя Египта, истиннаго живого, властителя обѣихъ странъ, Неферъ-хепру-Ра, сына въ истинѣ живущаго солнца, Эх-эн-Атена, который живетъ вѣчно. А съ нимъ великая, возлюбленная царская супруга, госпожа обѣихъ странъ, Нефер-неферу-Атенъ, это значитъ: вѣчно живущая и цвѣтущая Нефертити".

Такимъ образомъ „ученіе" было признано государственной религіей такъ же, какъ это случилось съ культомъ Амона, только на болѣе широкихъ основаніяхъ. Символъ вѣры звучитъ монотеистически, такъ какъ не оставляетъ ничего другимъ божествамъ; нисколько не думаетъ объ ихъ существованіи; но рѣшительнаго отрицанія ихъ еще нѣтъ. При упоминаніи о ночи должно быть даже тщательно избѣгаютъ касаться созвѣздій, такъ какъ нельзя уже было прибавить никакого новаго сомнѣнія къ бывшимъ уже налицо. Именно ночь, разсматриваемая здѣсь какъ время, родственное смерти, была настоящимъ временемъ для празднествъ боговъ; тогда какъ день всюду начинался съ закатомъ солнца, по „ученію" онъ состоитъ не изъ вечера и утра, но начинается съ восхода солнца. О благодѣтельномъ вліяніи боговъ звѣздъ и луны догматъ солнца не знаетъ ничего, но скорѣе указываетъ на противоположное. Чудеса Атена — чудеса природы, а не волшебствъ. Если же царь, подобно своимъ предкамъ, остался богомъ и сыномъ солнца, то благодаря нововведенію, онъ еще болѣе выигралъ въ возвышенности. Выводъ, что Атенъ сотворилъ міръ съ вѣдома своего правящаго на землѣ сына и собственно для него, кажется намъ достаточно извѣстнымъ. Такимъ образомъ въ культѣ солнечнаго диска Аменофиса IV заключаются уже несомнѣнные корни религіозныхъ идей, на которыя до этого времени смотрѣли, какъ на достояніе гораздо болѣе позднихъ временъ. Кто уже при жизни по званію есть божественный царь Египта, который избираетъ себѣ отцомъ единаго бога, творца міра, тотъ потомъ, по меньшей мѣрѣ исторически понятенъ, какъ его соучастникъ изначала.

За исключеніемъ Амона и его цикла прочія египетскія божества были терпимы, а жречества ихъ, по возможности, считались съ притязаніями „ученія". Царь дозволялъ слабымъ въ вѣрѣ (см. стр. 637) сопоставленіе Атена и Ра. Пта, Осирисъ, и Горъ почти лишились своего чина, но не были преслѣдуемы; разнообразные формулы и обычаи культа мертвыхъ и осиріанскіе устояли, не вызывая нападеній; именно въ этой щекотливой области въ общемъ догматъ солнца удовольствовался легендою ночной поѣздки Ра.

γ) Аменофисъ IV какъ Эх-эн-атенъ.

Аменофисъ IV дожилъ еще до 17-го года своего царствованія, такимъ образомъ онъ сидѣлъ на престолѣ отъ 1383 до 1366/65. Отъ своей супруги Нофертиты (см. конецъ гимна, стр. 643), рядомъ съ которой, кажется, не появлялось никакой возлюбленной, царь имѣлъ только дочерей; престолъ долженъ былъ такимъ образомъ перейти къ будущему зятю. Сначала противодѣйствіе, которое встрѣтило въ резиденціи Ѳивахъ „ученіе" со стороны приверженцевъ Амона, приковывало вниманіе Аменофиса IV. Мы не знаемъ, чѣмъ жрецы Амона и партія ихъ сдѣлали невыносимымъ еретическому двору дальнѣйшее пребываніе въ столицѣ. Если бы фараонъ пересталъ оказывать почитаніе Амону обычнымъ образомъ, то такой недостатокъ въ набожности былъ бы еще терпимъ, но что, продолжаясь долгое время, было совершенно невыносимо—это прекращеніе обычныхъ при этихъ случаяхъ даровъ. Они съ Тутмоса III образовали безпрерывно возрастающую сумму, сдѣлавшуюся въ мирное время для царской кассы истинно ощутительнымъ бременемъ. Но промышленное населеніе зависѣло конечно отъ коллегіи Амона въ совершенно другомъ родѣ, чѣмъ отъ двора, и было достаточно простого уменьшенія заработка, чтобы привести въ безпокойство массы. Когда же теперь почва разгорячилась, царь рѣшился построить священный городъ на чистомъ полѣ, гдѣ будутъ властвовать только солнечный дискъ и его сынъ. Новая резиденція „Хут-Атенъ", т. е. горизонтъ солнца, была заложена почти какъ разъ въ срединѣ египетской нильской долины (на восточномъ берегу рѣки); здѣсь согласно представленію „ученія" думали, вѣроятно, видѣть средоточіе міра.

Мѣсто, на которомъ нѣкогда былъ возведенъ Хутатенъ, представляетъ теперешнее поле развалинъ Тель-эль-Амарны (стр. 627). Гробницы въ окружающихъ скалахъ, съ ихъ важными для культа солнечнаго диска текстами, давно возбудили вниманіе; знали также, что здѣсь остались замѣтными черты улицъ города, распознавали мѣста главнѣйшихъ строеній. Но только находка архива клинописныхъ глиняныхъ табличекъ-документовъ египетско-азіатскихъ сношеній (весною 1888 г.) подала поводъ къ дальнѣйшимъ раскопкамъ; благодаря имъ были обнаружены остатки царскаго дворца и храма Атена. Не только въ области религіи, но и въ искусствѣ это время испытало реформы. На рельефахъ гробницъ Тель-Амарны отведенъ, къ удивленію, просторъ изображеніямъ изъ домашней жизни Аменофиса IV. Эти картины, изображавшія отдѣльные моменты, будучи прежде всего придворными чествованіями, могутъ въ то же время давать понятіе, какъ вращался естественно сынъ бога Атена среди людей. До того времени ваятелю и рисовальщику было дозволено не болѣе полдюжины положеній, въ которыхъ онъ могъ представить царя: на чопорномъ тронномъ сѣдалищѣ, въ видѣ столь же чопорнаго бойца на колесницѣ, въ видѣ приносителя жертвъ, и такъ далѣе. Теперь мы видимъ его въ семейныхъ сценахъ въ обществѣ царицы и маленькихъ царевенъ, конечно, постоянно ласкаемыхъ лучезарными руками Атена, или раздающимъ съ балкона внизъ золотые почетные знаки достойнымъ вѣрующимъ; то онъ выѣзжаетъ въ колесницѣ изъ золота и серебра, при чемъ лейбъ-гвардія бѣжитъ за нимъ рысью; то онъ совершаетъ обряды. Притомъ схема отличается болѣе соразмѣрной съ природой группировкой и движеніемъ, традиціонная закоснѣлость уступаетъ стремленію къ сходству, по крайней мѣрѣ для самого царя. Аменофисъ IV не отличался привлекательной внѣшностью: лице его было искажено грубыми скулами, выдающимся подбородкомъ и морщинистою частью рта; станъ портили тонкія ноги и толстый животъ. Однако онъ настаивалъ, чтобы всѣ эти недостатки тщательно были сохраняемы, и придворное общество, не исключая

царицы, допускало изображать себя съ такими же внѣшними признаками. Одинъ рельефъ представляетъ напр. царя въ особенно отталкивающимъ выраженіи, когда онъ цѣлуетъ свою старшую дочь, а царица сидитъ противъ него съ двумя другими. Выполненіе сюжета ваятелемъ непремѣнно должно было привести видѣвшимъ рельефъ грекамъ на мысль миѳъ о Сатурнѣ, который пожираетъ дѣтей Реи.

Вѣроятность чужеземнаго вліянія на возникновеніе этого новаго стиля увеличивается открытіемъ великолѣпнаго, богато разрисованнаго пола во дворцѣ, изображающаго ландшафтъ болота, оживленнаго животными, и кромѣ того, предметовъ изъ пестраго литого стекла и многочисленныхъ горшковъ и черепковъ въ микенскомъ и кипрскомъ вкусѣ; во всякомъ случаѣ, попадаются какъ подобный полъ, такъ и глазурь такого рода еще въ Ѳивахъ въ одномъ дворцѣ (Аменофиса III?). Сношеніе моремъ съ греческими берегами должно было начаться уже гораздо раньше, такъ какъ сосуды микенскаго характера находили и въ такихъ гробницахъ (напр. въ Саккара), которыя старше, чѣмъ Новое Царство. Во всякомъ случаѣ, дѣйствительно, въ Хут-Атенѣ сравнительно „свободная во многихъ отношеніяхъ жизнь“, праздновала отдыхъ отъ древнеегипетскихъ условій.

Повелѣніе о построеніи города Солнечнаго Диска, должно быть, совпало съ выѣздомъ двора изъ Ѳивъ; можетъ быть, царь отправился въ этотъ промежутокъ времени въ Мемфисъ. Но въ „Солнечный Горизонтъ“ переѣздъ уже совершился, прежде, чѣмъ этотъ новый городъ былъ наполовину оконченъ. Только теперь, въ 1378 году, властелинъ чувствовалъ себя дѣйствительно неограниченнымъ. Онъ сложилъ съ себя имя Аменофиса и избралъ вмѣсто него „Эхнатенъ“ (что значитъ Духъ Солнечнаго Диска; сравн. стр. 631); его семейство, окружающіе и приверженцы послѣдовали его примѣру и назвались по Атену. Этимъ была объявлена война Амону. Непослушныя Ѳивы должны были, наконецъ, преклониться и терпѣть господство намѣстника изъ преданныхъ „ученію“; примѣры систематическаго изглаживанія изъ надписей даже въ гробницахъ слова: „Амонъ“, слишкомъ многочисленны. И на Мутъ и на Хонсу, ближайшихъ родственниковъ Амона, распространилось мѣстами преслѣдованіе. Намѣреніе царя, теперь уже Эхнатена, было очевидно направлено на то, чтобы вырвать съ корнемъ память объ Амонѣ во всемъ Египтѣ; вѣроятно, предъ этимъ жречество бога Ѳивъ было временно совершенно распущено. За то въ Хут-Атенѣ поднялся блестящій новый храмъ Солнечнаго Диска, какъ государственное святилище; главный жрецъ его носилъ тотъ же титулъ, что и иліопольскій; царь былъ неутомимъ въ празднованіи отдѣльныхъ празднествъ освященія. Царица-мать Тея появилась только, когда уже водворился дворъ; ея сынъ привезъ ее съ большимъ великолѣпіемъ. Между тѣмъ всѣ знаки преданности и набожности, которые развивали предъ очами царя признавшіе Атена, не могли замаскировать возрастаніе недовольства въ народѣ; даже новый пограничный камень въ округѣ Хут-Атена найденъ былъ однажды разрушеннымъ.

Тѣмъ выше поднималъ голову Эхнатенъ, если необычайные переходы утверждали нравственно его дѣло. Таковымъ, кажется онъ считалъ обращеніе „отца бога“ Аи (см. стр. 630), который, вѣроятно, былъ возведенъ въ это сравнительно скромное іерархическое достоинство въ храмѣ Амона. Аи былъ уже опахальщикъ по правую царя, главный конюшій и „дѣйствительно любимый царскій писецъ,“ когда царь повелѣлъ казначею: „Положи золото на его шею, на его спину и къ его ногамъ, такъ какъ онъ послушалъ ученіе.“ А когда Аи женился на „кормилицѣ царя,“ которая также носитъ имя Теи, оба они были богато надѣлены золотомъ. На своей гробницѣ въ Тель-Амарнѣ, которою онъ, впрочемъ, никогда не воспользовался, Аи велѣлъ картинно увѣковѣчить это „прекрасное событіе“ и описать его подробно. Оба длинные ряда гробницъ для придворной знати назы-

ваютъ еще нѣкоторыхъ господъ, которые позже отреклись отъ Атена; таковъ Туту, который изъ амарнской переписки извѣстенъ, какъ другъ аморея Азири (см. стр. 159). За вѣрную службу сирійскій тѣлохранитель царя, Терура, получилъ камень для памятника, на которомъ мы видимъ бородатаго воина въ своемъ домашнемъ быту. Онъ пьетъ нѣсколько неудобнымъ способомъ пиво, именно чрезъ всасывающую трубочку, которую крѣпко держитъ его слуга; хозяйка дома, супруга богатыря, госпожа Эрбура смотритъ на это съ почтеніемъ. Много интересныхъ находокъ доставила гробница въ Мемфисѣ, которая скрывала въ себѣ Саробибина, „главнаго жреца Амона“ и верховнаго жреца Ваала и Астарты. Царь любилъ этого финикіянина „за его превосходныя и удивительныя качества.“

д) Конецъ династіи и ученія объ Атенѣ.

Враждебность Эхнатена египетскимъ воззрѣніямъ сама по себѣ дѣлала невозможными военныя предпріятія въ стилѣ Тутмоса III. Фараонъ не могъ осмѣлиться оставить свою страну. При его смерти азіатскія владѣнія, хотя и совершенно расшатанныя внутри, все еще, кажется, оставались подъ верховною властью Египта; только борьба, которая положила конецъ реформѣ, дала возможность разразиться и тамъ открытому возстанію. Необыкновенно скудны извѣстія объ уничтоженіи ереси, и вмѣстѣ съ тѣмъ закатѣ восемнадцатой династіи. Ея послѣдней мужской отраслью, кажется, былъ самъ Эхнатенъ. Изъ его шести дочерей умерла Мект-Атенъ еще до отца и получила въ Тель-Амарнѣ великолѣпную гробницу, которая вначалѣ считалась гробницею царя

За Эхнатеномъ слѣдовалъ на престолѣ только недавно женившійся на старшей дочери царя Мерит-Атенъ Семенхка-Ра. Кувшины для вина изъ развалинъ дворца Тель-Амарны даютъ 17 годъ Эхнатена, какъ самую высокую дату (см. стр. 644); за нимъ слѣдуетъ 2-й годъ Семенхка-Ра и болѣе никакого. Обстоятельство, что на лицо было много молодыхъ царевнъ, изъ которыхъ Анх-сен-па-Атенъ сдѣлалась супругою нѣкоего Тут-анх-Атена, скоро пришлось на руку до этого времени подавленной партіи Амона. Вышеназванная пара заняла престолъ и отмѣнила культъ Атена: она появляется снова въ Ѳивахъ, какъ царь Тут-анх-Амонъ и царица Анх-сен-Амонъ. Произошло ли возведеніе этого новаго царя уже при жизни Семенхка-Ра, или послѣ его, во всякомъ случаѣ, ранняго исчезновенія, или можетъ быть третій зять, какъ сынъ диска солнца, противосталъ въ Хут-Атенѣ Тут-анх-Амону, объ этомъ не сообщаютъ скудныя извѣстія. Въ то время, какъ постройки и работы по реставраціи въ ѳиванскихъ храмахъ, которыя велѣлъ производить Тут-анх-Амонъ, а также и большое изображеніе полученія дани изъ Сиріи и Эѳіопіи на гробницѣ Хеви указываютъ на то, что правовѣрный фараонъ одно время ненарушимо удерживалъ царство Аменофиса, существуютъ указанія и на продолженіе существованія ереси. Женское потомство Эхнатена дало, вѣроятно, еще многимъ властолюбивымъ вельможамъ средство для достиженія ихъ плановъ: такъ въ Тель-Амарнѣ попадается 3-й годъ вѣрнаго „ученію“ царя, который былъ соименемъ позднѣйшему Хоремхебу, но едва ли тождественъ съ нимъ.

Наконецъ даже хорошо извѣстный намъ отецъ бога Аи завладѣлъ престоломъ; его супруга Тея (стр. 645), которая была, самое большее, въ дальнемъ родствѣ съ домомъ Аменофиса IV, служила ему, какъ носительница притязаній на наслѣдственный престолъ. Какъ и еще во время своего покровителя, Аи и теперь приноравливался къ обстоятельствамъ. Онъ переѣхалъ въ царскій дворецъ въ Ѳивахъ, покаялся въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ и присовокупилъ титулъ отца бога къ своему офиціальному имени. Городъ Хут-Атенъ былъ оставленъ совершенно только по повелѣнію Аи и, можетъ быть, даже разрушенъ; объ этомъ говоритъ сохранность его

собственныхъ гробничныхъ сооруженій и многихъ другихъ памятниковъ, съ которыми не поступилъ бы такъ мягко фанатичный противникъ. Реакція при Хоремхебѣ не оказала во всякомъ случаѣ никакого вниманія ненаселенному мѣсту. Въ долинѣ царскихъ гробницъ на западной ѳиванской сторонѣ заложилъ потомъ Аи свою послѣднюю гробницу, изъ которой мы обладаемъ изящнымъ саркофагомъ изъ краснаго гранита. Продолжительность царствованія Аи можно опредѣлить только предположительно. Главный жрецъ въ г. Коптѣ, Нахт-минъ, умеръ въ 4-й годъ правленія царя, имя котораго уничтожено потомъ на данномъ камнѣ-памятникѣ; имѣются слѣды того, что Нахт-минъ первоначально велѣлъ изобразить лучезарнаго Атена. Царь „отецъ бога" должно быть достигъ престола не раньше 1355 г. и вѣроятно потерялъ его вскорѣ по погребеніи Нахт-мина.

За этимъ послѣднимъ фараономъ съ еретическимъ прошлымъ послѣдовалъ еще большій. Царь Хоремхебъ (1350—1329) возвысился во время смутъ этого времени до главнаго полководца одного изъ наслѣдниковъ Эхнатена. Тогда онъ велѣлъ соорудить свою гробницу на полѣ Саккара; онъ могъ тамъ уже говорить о себѣ какъ „начальникѣ начальниковъ, вельможѣ вельможъ, тайномъ судьѣ, хранителѣ дворца, главномъ полководцѣ. начальникѣ жрецовъ Гора и т. д., который былъ посылаемъ (всегда неизвѣстнымъ) царемъ во главѣ войска противъ странъ юга и сѣвера, которому царь ввѣрилъ управленіе обѣихъ странъ, и которыхъ онъ заставилъ ликовать, спутникъ своего господина въ день, когда били бедуиновъ". Это указаніе на походъ противъ востока, не смотря на свою скудость, полно интереса: при наслѣдникахъ Хоремхеба оказывается, что владычество въ Азіи потерпѣло ущербъ. Аи (не названный царь?) дарилъ Хоремхеба довѣріемъ. Но начальникъ войска ждалъ только вѣрнаго случая, чтобы самому себѣ захватить господство надъ Египтомъ. Жречество Амона въ Карнакѣ, должно быть, послѣ большихъ, позже сдержанныхъ гарантій стало на его сторонѣ. По его знаку появился Хоремхебъ въ подходящій часъ въ Ѳивахъ съ войсками, положилъ внезапный конецъ царствованію и, конечно, также жизни „отца бога" и получилъ себѣ отъ Амона корону и дочь—наслѣдницу. Ее звали Нецем-Мутъ и она, можетъ быть, была сестра Нефертити; здѣсь, какъ и въ случаѣ съ младшей Теей, предъ нами вѣроятно только сходство именъ и произвольная передача соотвѣтственныхъ притязаній. На двойной статуѣ Хоремхеба и Нецем-Мутъ помѣщена офиціальная версія разсказа объ ихъ возведеніи на престолъ. Текстъ начинается восхваленіемъ заслугъ Хоремхеба до его возвышенія; затѣмъ будто „царь" предоставилъ Хоремхебу уладить ссору внутри дворца. Важнѣе всего, что Хоремхебъ уже тогда стремился къ возстановленію культа Гора. Потомъ продолжаетъ надпись: „великолѣпный Горъ, владыка Хатсутена (родной городъ Хоремхеба), рѣшилъ въ своемъ сердцѣ посадить на престолъ этого своего сына. Онъ взялъ его за руку и двинулся съ нимъ въ Ѳивы, въ городъ вѣчности, вступилъ въ Карнакъ и сталъ предъ Амономъ. Тогда это былъ праздникъ; а когда Амонъ узрѣлъ появляющагося у царскихъ воротъ Гора со своимъ сыномъ, чтобы потребовать сана и престола, то онъ радостно привѣтствовалъ ихъ. Въ этотъ день удовлетворенія принялъ онъ къ себѣ Хоремхеба, (онъ) отправился съ нимъ во дворецъ и повелъ его въ помѣщеніе своей великой и благородной дочери (Нецем-Мутъ). Она повиновалась, (она) обняла его красоту, предстала предъ нимъ, и всѣ боги радовались этому".

Рѣдко кому изъ царей такъ ясно былъ обозначенъ путь, какъ Хоремхебу: преслѣдованіе безъ снисхожденія служенія Солнечному Диску и, насколько это было возможно, изглаживаніе всѣхъ слѣдовъ „ученія". Гдѣ было выскоблено имя Амона, возстанавливали его снова; гдѣ же бывали замѣчены лучи Атена на гробницахъ или какихъ либо другихъ памятникахъ, тотчасъ каменотесы и живописцы принимались за работу. Противодѣй-

ствіе реформаторовъ улетучивалось вмѣстѣ съ пониманіемъ, что государственная сила была единственнымъ проповѣдникомъ, истиннымъ защитникомъ Атена. Для Ѳивъ наступили снова хорошіе дни. Амонъ получилъ потерянное, вознагражденное процентами, насколько позволяли обстоятельства; въ Карнакѣ царь предпринялъ большія постройки. О военныхъ походахъ Хоремхеба говорится только намеками; кажется, что онъ крѣпко держалъ доступъ въ нубійскіе золотые рудники и устраивалъ также походы въ Азію за добычей.

Замѣчательная надпись на Карнакскомъ храмѣ жалуется на одичаніе въ странѣ и угрожаетъ чиновникамъ, особенно же войскамъ, строгими тѣлесными наказаніями, если они не захотятъ отстать отъ грабежей и поборовъ. Содержаніе двора терпѣло, очевидно, ощутительно отъ того, что его крѣпостные бывали обыкновенно ограбляемы другими, прежде чѣмъ царскій управитель былъ въ состояніи это сдѣлать. Также и путешествія инспекторовъ съ особенными полномочіями служили вообще болѣе къ ихъ личному обогащенію, чѣмъ къ выгодѣ царской казны. Поэтому Хоремхебъ долженъ былъ самъ проѣхать всю страну, чтобы присмотрѣться къ настоящему положенію дѣла, какъ нѣкогда неутомимый Тутмосъ III. Послѣ временъ изящныхъ пустяковъ, религіозной дѣятельности, новаго направленія въ искуствѣ, наступилъ крахъ; теперь же послѣдовалъ за нимъ тяжелый трудъ возсозиданія. Эта реакція представляетъ, хотя она и пришлась болѣе на руку египетскому сословію писцовъ, всетаки извѣстное усиліе.

в) Эпоха Рамессидовъ.

Какимъ образомъ устроилось послѣ смерти Хоремхеба престолонаслѣдіе, мы не имѣемъ свѣдѣній, но кажется, что переходъ не принесъ съ собой никакихъ затрудненій. Двойная корона перешла къ новому царскому роду: Рамсесъ I-ый былъ ея наслѣдникъ, первый царь девятнадцатой династіи. Исторически онъ не играетъ никакой роли; онъ принялъ почти тотчасъ въ соправители сына своего Сети I-го.

Сеѳосъ I-ый (Сети; 1327—1317) обращаетъ вниманіе своимъ именемъ, которое звучитъ оппозиціей. Царь самъ призналъ это, повелѣвъ назвать себя „Осири“ на надписяхъ своего собственнаго погребальнаго храма и великолѣпной гробницы въ ѳиванскомъ некрополѣ, чтобы властитель того свѣта не былъ оскорбленъ именемъ своего противника Сета. Въ позднѣйшія времена, когда богъ Сетъ являлся все болѣе съ характеромъ діавола, хотѣли удалить имя Сети со свѣтскихъ памятниковъ. Но можетъ быть выборомъ Сети, какъ царскаго патрона, выражено стремленіе найти нейтральную почву, послѣ дней зашедшей слишкомъ далеко реакціи. Или это было просто суевѣріе: случайно царь могъ родиться въ одинъ изъ дней, которые отмѣчены въ календарѣ, какъ находящіеся подъ вліяніемъ Сета.

Краткое правленіе Сети отличается многими и частью обширными сооруженіями. Такъ онъ началъ воздвигать большой залъ съ колоннадой карнакскаго храма, оконченный только его наслѣдникомъ, и, кромѣ того, проявилъ именно въ Ѳивахъ, которыя остались резиденціей, широко захватывающую дѣятельность по реставраціямъ. Въ Мемфисѣ при немъ производились постройки; въ Иліополѣ, кажется, существовалъ дворецъ царя. Но больше всего Сети обращалъ вниманіе на югъ. Поддерживаемый княземъ Куша Амен-эм-аптомъ, фараонъ дѣйствительно сдѣлалъ столько для нубійской страны, что она уже стала немногимъ отличаться отъ Верхняго Египта по культурѣ и плотности населенія; и Рамсесъ II также продолжалъ тамъ отцовское дѣло. Въ Трогодитской пустынѣ Сети велѣлъ систематически копать колодцы. Колодецъ Сети съ его красивой храмовой постройкой среди пустыни, къ востоку отъ Омба, сдѣлалъ проходною до-

Переводъ іероглифическихъ надписей на картинѣ, помѣщенной на обратной сторонѣ.

а) Надъ всей сценой:

Годъ 1-й царя верхняго и нижняго Египта Менъ-маатъ-Ра (тронное имя фараона Сети I). Опустошеніе, произведенное могучимъ мечемъ фараона (да будетъ онъ живъ, здравъ, благополученъ!) среди враговъ Шосъ, начиная отъ крѣпости Царъ и до Ханаанской. Его величество устремился противъ нихъ, какъ свирѣпый левъ, превращая ихъ въ трупы въ ихъ долинахъ, погружая ихъ въ ихъ кровь, такъ, что никто не спасся отъ перстовъ его, чтобы повѣдать въ дальнихъ странахъ силу его, равную силѣ отца его Амона, который даровалъ ему побѣду и мощь во всѣхъ странахъ.

б) На крѣпости:

Городъ Ханаанскій.

в) Надъ царемъ:

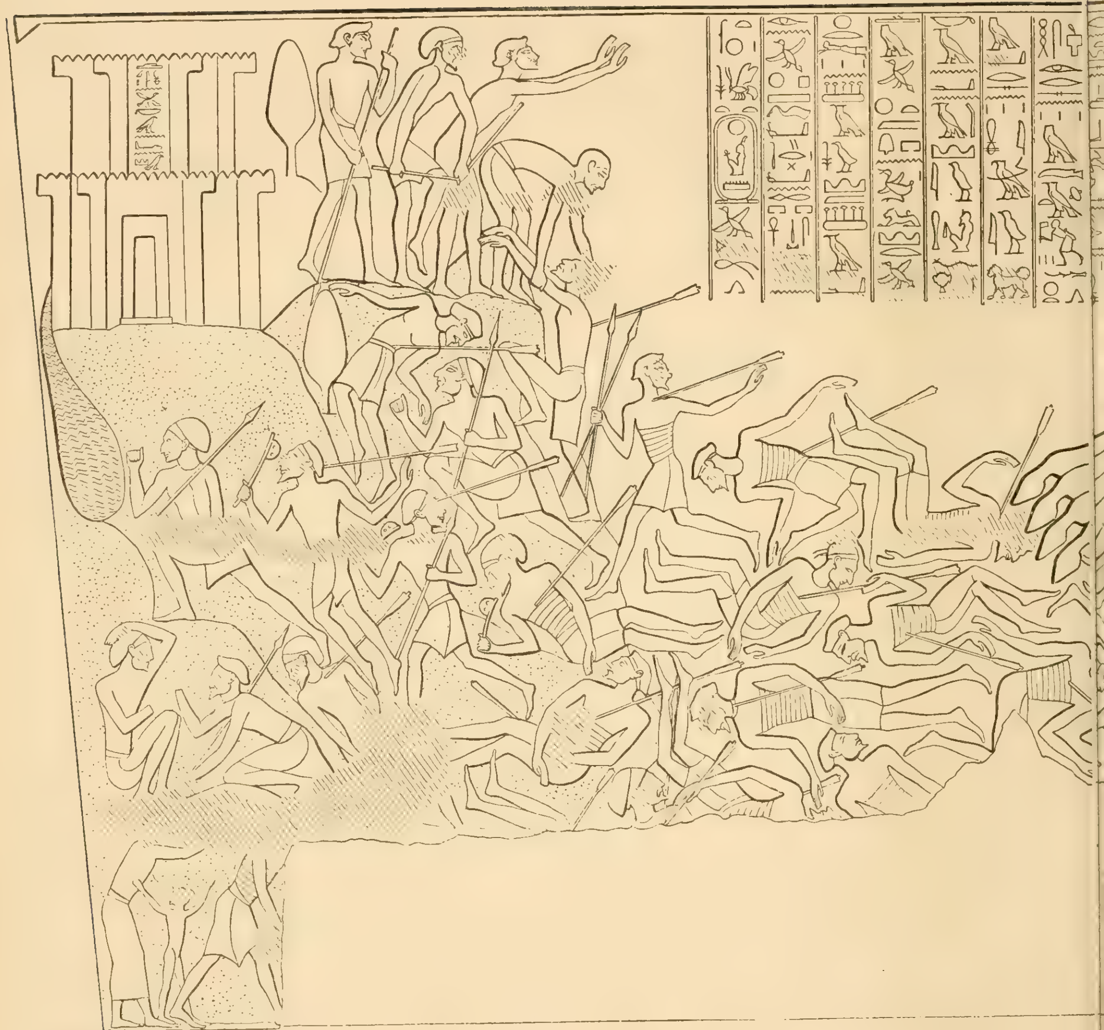
Царь верхняго и нижняго Египта Менъ-Маатъ-Ра, сынъ Ра, Сети Меренпта, одаренный вѣчною жизнью, подобно Ра...

г) Подъ кобчикомъ:

Горъ эдфусскій, владыка... дающій жизнь, непоколебимость, крѣпость, благополучіе, подобно Ра.

д) Подъ коршуномъ:

Нехбетъ, дающая жизнь.

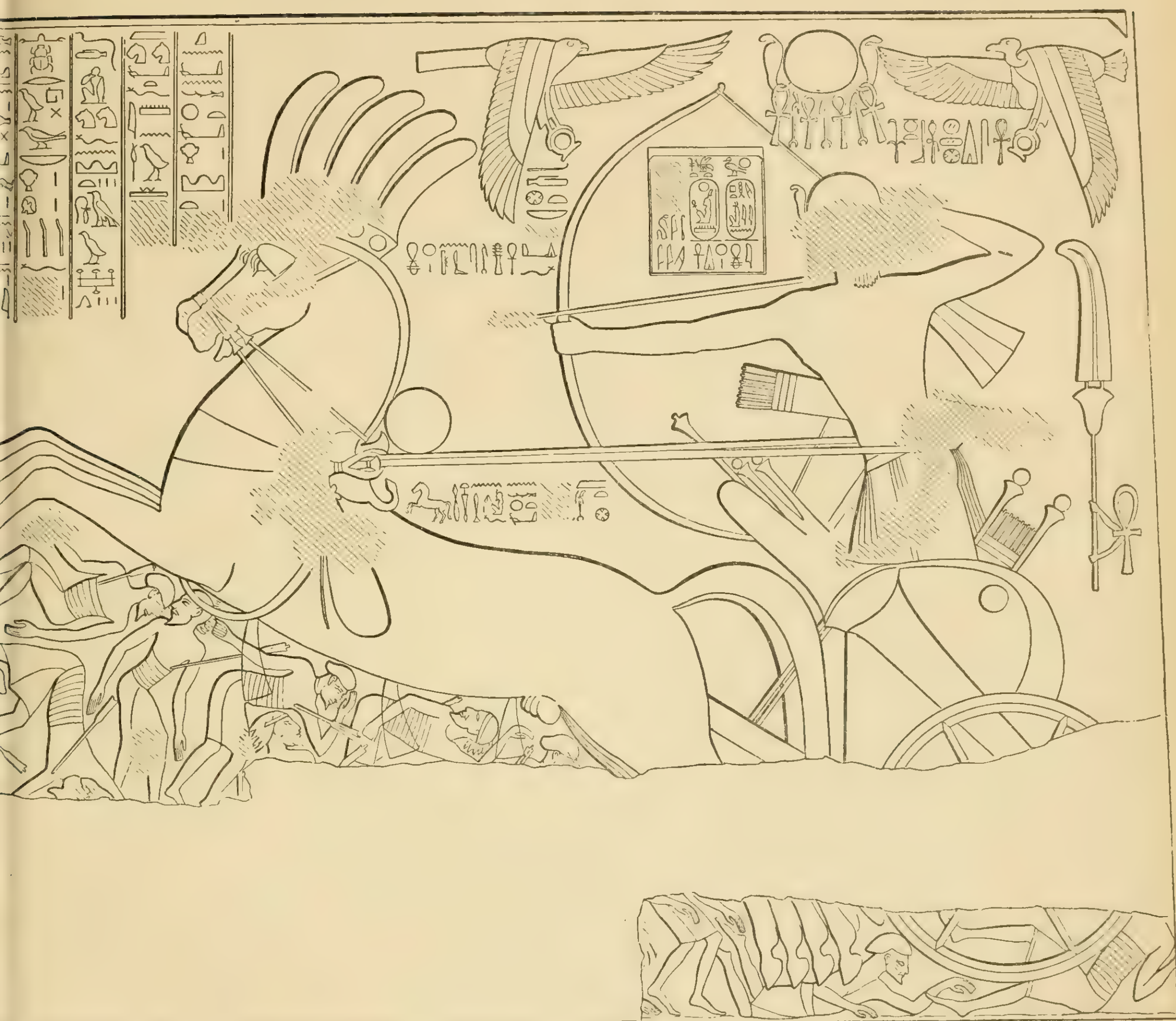


История человѣчества. III.

Царь Сети I (около 1350 г. до Р. Х.) поражаетъ

(По рельефу Карнакск

Налѣво мы видимъ „Ханаанскую“ крѣпость на горѣ, окруженную потокомъ и деревьями. Н шинѣ горы — нѣсколько не раненныхъ, желающихъ предаться побѣдоносному царю. Одинъ изъ ломаетъ лукъ, другой, умоляя, простираетъ руки, третій помогаетъ раненному взобраться на-верх подножія горы и на ея половинѣ — много павшихъ, раненныхъ и бѣгущихъ. Лѣвѣе всѣхъ — жал другъ другу на боль двое, у которыхъ обрублены правыя руки. Подъ ними — плачущая женщи ребенкомъ.



Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

алестинскихъ бедуиновъ Шōсъ у „Ханаанской крѣпости".

храма; рисунокъ Макса Любке).

р-
хъ
У
ся
съ

Направо царь ѣдетъ на военной колесницѣ по павшимъ врагамъ и пускаетъ стрѣлу въ толпу непріятелей; надъ нимъ парятъ, защищая его: богъ солнца въ образѣ кобчика и богиня Нехбетъ (покровительница Верхняго Египта) въ видѣ коршуна. Царь, котораго лицо теперь повреждено, имѣетъ на лбу змѣю урея, инсигнію египетскихъ царей. Колчанъ прикрѣпленъ къ его тѣлу у пояса, футляръ для лука и дротиковъ — по сторонамъ колесницы. Пара лошадей, везущая колесницу, названы: „великая, первая пара его величества „Побѣда въ Ѳивахъ".

рогу, которая поддерживала сообщенiе съ берегомъ Чермнаго моря. Впрочемъ эти пустынныя дороги въ то же время служили транспортными путями для перевоза добычи золота и смарагдовъ; какъ разъ намъ сохранилась отъ времени Сети самая древняя, конечно, весьма грубая, карта эѳiопскихъ рудниковъ на папирусѣ,

И личные останки дѣятельнаго царя дошли до потомства: его алебастровый саркофагъ былъ уже издавна извѣстенъ; его мумiя съ прочими большими находками царскихъ тѣлъ обнаружена въ 1881 г. въ Дер-эль-Бахри. Сети I былъ высокiй, худощавый человѣкъ съ умнымъ выраженiемъ лица и съ достойными зависти зубами, который достигъ во всякомъ случаѣ старости. Изъ высшихъ чиновниковъ этого времени знаемъ, кромѣ Аменэм-апта, еще Пасера, который стоялъ въ собственномъ Египтѣ во главѣ управленiя. Шкатулка изъ его мебели имѣетъ на себѣ между прочимъ слѣдующую, проникнутую хорошимъ настроенiемъ надпись: „Какъ хорошо жить въ Ѳивахъ, каждый день съ довольнымъ сердцемъ! взираютъ глаза на тебя, о Амонъ въ Карнакѣ, который повелѣваетъ, чтобы ничего не случилось дурного съ тѣмъ, кто находится въ твоемъ благоволенiи. Его тѣло безопасно и подъ охраной, пока приближается достоинство старости въ мирѣ“. Такiе образцы никогда не устарѣютъ.

Походъ Сети I въ Палестину и Финикiю, въ началѣ царствованiя очевидно, имѣлъ цѣлью попрепятствовать дальнѣйшему расширенiю царства хеттовъ къ югу. Это было приблизительно время, когда царство Митани пришло къ концу (стр. 112); давленiе хеттскихъ вторженiй во всѣ стороны заставило почувствовать себя предъ самыми воротами Египта. Бедуины, которые сидѣли вдоль восточной стѣны, были, конечно, быстро разогнаны военной силой Сети, и ихъ всеобщее пораженiе произошло при непоименованномъ укрѣпленномъ мѣстѣ Южной Палестины (см. приложенную таблицу „Царь Сети I-й [въ 1325, не въ 1350 г. до Р. Х.] бьетъ палестинскихъ шасу-бедуиновъ при крѣпости ханаанской“). Кажется до Кармила прекратилось тогда всякое серьезное сопротивленiе. И Тиръ послалъ, конечно, обычные подарки, между тѣмъ какъ Сети, при дальнѣйшемъ движенiи въ Галилею, натолкнулся на хеттское войско. Оно было аттаковано на лѣсистомъ проходѣ Iенуама и отброшено назадъ; фараонъ же воспользовался побѣдой, чтобы снабдить себя строевымъ лѣсомъ, который было приказано мелкимъ сосѣднимъ владѣтелямъ рубить какъ можно скорѣе. Затѣмъ онъ, занявъ два укрѣпленные города въ Ливанскихъ горахъ и напугавъ Кадешъ, двинулся домой. У пограничнаго укрѣпленiя Цару по близости нынѣшняго Суэцкаго канала, онъ былъ принятъ съ почетомъ самымъ высшимъ чиновничествомъ Египта; дѣйствительно хеттскiй непрiятель былъ отраженъ. Извѣстно еще, что Сети I и его сынъ однажды побѣдили ливiйцевъ.

Что Рамессиды носятъ въ себѣ рѣзко отклоняющуюся отъ характера 18-й династiи особенность, обнаруживается яснѣе впервые при сынѣ Сети I-го. Царь Рамсесъ II правилъ 67 лѣтъ (1317—1250), гораздо долѣе, чѣмъ какой либо другой властелинъ Египта, если мы не захотимъ обратить вниманiя на 100 лѣтъ Пепи II (стр. 594). Легенда же продолжила о личности Рамсеса то, что уже намѣтили его многочисленныя и краснорѣчивыя надписи: онъ назывался у грековъ великимъ всемiрнымъ завоевателемъ, законодателемъ и устроителемъ государства „Сесострисомъ“, который будто подчинилъ Скиѳiю, Колхиду, Индiю, Аравiю и Ливiю; здѣсь очевидно слѣдовали разсказамъ позднѣйшихъ египтянъ. Теперь для насъ Рамсесъ II только посредственно надѣленный простодушный человѣкъ, которому не дана была дѣйствительная своеобразность. Онъ совѣтовался съ самымъ даровитымъ изъ своихъ сыновей и другими сановниками въ удобное время, между тѣмъ какъ Тутмосы и Аменофисы всегда умѣли сдѣлать вѣскимъ свое сужденiе. Рамсесъ II же сталъ впервые присваивать себѣ въ круп

ныхъ размѣрахъ сооруженія древнѣйшихъ царей, при чемъ онъ велѣлъ изглаживать имена и вставлять свое имя. Не ненависть, какъ при Эхнатенѣ, но мелкое тщеславіе подстрекало къ этому.

Отъ пути Сети I Рамсесъ не уклонился ни въ какомъ отношеніи. Заселеніе Нубіи продолжалось, и подъ конецъ долгаго царствованія этого фараона блистали значительные города тамъ, гдѣ теперь возвышаются остатки храмовъ Бейтъ Валли, Вади Себуа, а особенно знаменитое сооруженіе въ Абу Симбелѣ. Къ этому архитектурному чуду Африки впервые приурочилось сказаніе о Сесострисѣ; при своемъ обиліи стоячихъ исполинскихъ статуй, изящныхъ колоннъ въ видѣ растеній, вообще благодаря всему своему исполненію, оно представляетъ высшую точку развитія древнеегипетскаго искусства. Какъ всегда, эта высшая точка была потомъ быстро перейдена. Рядомъ съ сооруженіями въ собственномъ Египтѣ, по меньшей мѣрѣ превосходящими Абу Симбель по изяществу, отъ послѣднихъ лѣтъ Рамсеса имѣются уже на скоро пристроенныя части жилищъ боговъ, которыя просто разсчитаны на впечатлѣніе издали. Въ литературѣ классической древности и въ Ветхомъ Завѣтѣ также упоминается о страсти царя къ постройкамъ. Почти безграничную дѣятельность проявила она въ Ѳивахъ. Рамессей, посвященный Амону Ра, какъ храмъ побѣды, а потому драгоцѣнный какъ историческій памятникъ, уступалъ, можетъ быть, пристройкамъ Рамсеса къ государственному святилищу, храму въ Карнакѣ и его другимъ реставраціямъ въ резиденціи. Но страна показываетъ повсюду слѣды неутомимаго труда въ этой одной области: Танисъ и Мемфисъ были вѣрно не менѣе богаты исполинскими постройками въ честь долголѣтняго властелина, чѣмъ городъ Амона. Наконецъ, сказаніе указываетъ мимоходомъ, что и онъ, подобно другимъ властелинамъ, осуществилъ древнюю мечту о судоходномъ каналѣ отъ Нила въ Чермное море. И такъ Рамсесъ II по своему представленію произвелъ все собственно самъ и дѣйствительно оставилъ Египетъ, отпечатаннымъ своимъ царскимъ оваломъ.

Уже не скрылось отъ современниковъ, что царь управлялъ, будучи силенъ мудростью другихъ смертныхъ. Тѣмъ, что представлялъ изъ себя при Аменофисѣ III одноименный ему сынъ Хапу, при Рамсесѣ II былъ царевичъ Ха-эм-устъ. Какъ истинный сынъ царя, занималъ онъ рядъ высокихъ духовныхъ должностей, напр. главное жречество Пта, помогалъ своему отцу при ритуальныхъ обрядахъ, открылъ будто священныя книги, какъ это когда-то дѣйствительно удавалось только умнымъ людямъ, и прослылъ у потомства совершенно, какъ могучій волхвъ. Въ свѣтской области должно быть пріобрѣлъ особенный вѣсъ вице-царь Куша, Сетау; вѣроятно, онъ принадлежалъ къ тѣсной партіи единомышленниковъ принца Ха-эм-устъ. Принцъ Мери-Атумъ, сынъ великой царской супруги Неферари-Мутмери, былъ облеченъ верховнымъ жречествомъ въ Иліополѣ. Онъ именуется судьей людей, котораго царь поставилъ предъ обѣими странами, и чей совѣтъ бывалъ пригоднымъ. Такъ какъ мать Мери-Атума умерла задолго до Рамсеса, благодаря чему Ха-эм-устъ, который былъ рожденъ отъ царицы Неферхестъ, могъ достигнуть полнаго значенія, то совѣтъ Мери-Атума послѣ, конечно, не могъ всегда быть дѣйствительнымъ. Вообще должны были смѣняться въ домѣ и кабинетѣ Рамсеса руководящія личности, не смотря на то, что это обыкновенно были его сыновья. Онъ насчитываетъ въ Абидосѣ 60, въ Вади Себуа даже 111 сыновей и при этомъ 30 дочерей! При концѣ его жизни былъ признанъ наслѣдникомъ его 14-й сынъ Меренпта; другіе старшіе царевичи, вѣроятно, по большей части опередили его смертью. Мумія Рамсеса изъ „царской шахты“ Дер-эль-Бахри представлена здѣсь (см. приложенную таблицу „Царь Египта Рамсесъ II“) рядомъ съ его сидящей статуей, которая изображаетъ его въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ. Въ обоихъ лицахъ бросается въ глаза недостатокъ того напряженія, которое обыкновенно надолго сообщаетъ человѣческимъ чер-

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Египетскій царь Рамзесъ II (1317—1250).

Слѣва: Мумія въ музеѣ египетскихъ древностей въ Гизе. *(По фотографіи, предоставленной въ наше распоряженіе Эмилемъ Бругшъ Беемъ.)* — **Справа:** Памятникъ изъ музея Эгиціо въ Туринѣ. *(По фотографіи Андерсона въ Римѣ.)*

тамъ (напр. у Сети) подвижная духовная дѣятельность: на мысль приходитъ привѣтливый „Serenissimus“.

Чего не въ силахъ былъ сдѣлать Рамсесъ II лично, исполнили его учрежденія. Руководимая жречествомъ ѳиванскаго Рамессея школа будущихъ чиновниковъ государства оставила намъ значительную часть своихъ тетрадей папирусовъ, которая была извѣстна почти 100 лѣтъ тому назадъ, какъ „Select Papyri“ и переселилась въ европейскіе музеи. Предназначенный для высшаго поприща мальчикъ долженъ былъ немедленно освоиться съ практическими фразами письма, переписывать подлинные акты и упражняться въ стилѣ писемъ, благодаря чему эти папирусы необыкновенно расширили нашъ взглядъ на внутреннюю жизнь государства Рамессидовъ. Чиновничья іерархія въ самомъ высшемъ развитіи и со всѣми ея худшими сторонами выступила здѣсь передъ нами. Образованный писецъ чувствуетъ себя властелиномъ въ странѣ; онъ считаетъ крестьянина, рабочаго, моряка и ремесленника „осломъ“, которыхъ онъ призванъ быть погоныщикомъ. Рука объ руку съ этимъ высокомѣрнымъ чувствомъ замѣчается недружелюбное отношеніе между отдѣльными вѣдомствами. Споры за компетенцію были въ порядкѣ вещей. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, находили препятствіе въ формальностяхъ, древній египтянинъ предполагалъ совершенно вѣрно, что явилась необходимость замаскировать недобросовѣстность.

Ненавистническое стремленіе къ уничиженію другъ друга высказывается въ „Исторіи Махара“, возраженіи „художника священнаго писанія и учителя въ домѣ книгъ“ на работу нѣкоего Нахтсотепа, который высокопарно описалъ пережитое имъ въ качествѣ египетскаго чиновника и „героя“ (mahar) въ Сиріи. Этотъ Нахтсотепъ прислалъ чиновнику „книжнаго дома“ копію съ приложеннымъ къ ней письмомъ, что дало поводъ этому доброму другу трактовать о цѣломъ, какъ письмѣ, и учительски критиковать его. Наушничества еще поощрили авторское рвеніе получателя. „Что тебѣ пришло на языкъ, было истинно слабо, и твои слова запутаны; ты кажешся мнѣ обвернутымъ путаницей и нагруженнымъ ошибками“, такъ гласитъ окончательный приговоръ надъ Нахтсотепомъ. „Но ты взгляни, привѣтливо и не думай, будто я дѣлаю теперь твое имя зловоннымъ предъ людьми. Я только (со своей стороны) описалъ, что случается съ махаромъ“; конечно, только чтобы выставить смѣшнымъ и не имѣющимъ цѣны оригиналъ Нахтсотепа, между тѣмъ какъ противникъ „обмакнулъ въ медъ“ свой собственный стиль. Пасквиль даетъ возможность почерпнуть изъ себя цѣнныя указанія по географіи Сиріи въ 1275 г. Важно для сужденія о соціальныхъ условіяхъ въ эпоху Рамессидовъ, что Нахтсотепъ собственно былъ „царскій писецъ приказовъ властелина“ (офицеръ генеральнаго штаба), тогда какъ его противникъ былъ надѣленъ доходами „въ большой конюшнѣ царя“, т. е. вѣроятно возницею. Славу и вѣсъ доставляетъ однако обоимъ только ихъ учено-изящная литературная дѣятельность (ср. наоборотъ „резервнаго офицера“ для извѣстнаго круга нѣмецкой современности).

Такимъ образомъ полемика съ махаромъ, какъ и другія произведенія тогдашней литературы, обращаетъ на себя вниманіе и другими общими чертами. Иностранныя вліянія постоянно усиливаются, и охватываютъ уже литературный языкъ, который напыщенно блещетъ семитизмами и заимствованными словами: слѣдуютъ за дворомъ, гдѣ пестрый египетскій языкъ сирійскихъ рабовъ фараона и варваризмы его иностранныхъ тѣлохранителей находили подражаніе, какъ интересные. Впрочемъ, египетскій писецъ, конечно, знаетъ очень хорошо, что онъ языкомъ и нравами „непримиримаго врага“ только отдаетъ дань модѣ. Лишь только фараонъ когда либо опять натянетъ свой страшный лукъ для ужаса убогихъ азіатовъ, тогда настраиваютъ и поэты свои лиры у Нила въ ожиданіи (во всякомъ случаѣ великой) побѣды. Одно, сохранившееся

въ копіи нѣкоего Пентаурта стихотвореніе описываетъ, какъ царь, послѣ того какъ оба противника стали въ боевой порядокъ, самъ начинаетъ атаку на хеттовъ, сидя на своей колесницѣ. Желая начать рукопашный бой, онъ озирается, и видитъ, что 2500 непріятельскихъ всадниковъ окружили его кавалерію; „при немъ не было ни одного князя, ни возницы, ни пѣхотнаго офицера; они покинули его, и не было тамъ никого, чтобы сражаться рядомъ съ нимъ.“ Рамсесъ II спасается изъ этого положенія, начиная длинный разсчетъ со своимъ отцомъ Амономъ. Наконецъ богъ не можетъ противиться въ дальнихъ Ѳивахъ. Онъ чувствуетъ вѣсъ пожертвованныхъ ему пилоновъ, памятниковъ, даровъ и т. д., которые ему при этомъ поименовываетъ благочестивый царь. „Я воззвалъ на концѣ земли, и голосъ мой проникъ до Ермонта. Ра (слышитъ) и является, простираетъ мнѣ свою руку и говоритъ: „Ты не одинъ, такъ какъ я тутъ, твой отецъ; моя рука съ тобою. Я стою для тебя больше чѣмъ сотни тысячъ, я,—дарователь побѣдъ, который любитъ храбрость!“ Тогда я снова возымѣлъ мужество, сердце мое возликовало. Какъ Монтъ, стрѣлялъ я во всѣ стороны, какъ Ваалъ, какъ стрѣла чумы напалъ я на нихъ. И я нашелъ 2500 всадниковъ поверженными предъ моими конями.“ Прочіе непріятели бѣжали при дальнѣйшихъ большихъ потеряхъ. Рамсесъ же долго еще не могъ упускать случая разсказывать объ этихъ великолѣпныхъ подвигахъ и выставлять ихъ, какъ блестящій примѣръ своимъ войскамъ.

Еслибы Хеттскому царству былъ нанесенъ когда-либо такой или подобный ударъ Рамсесомъ II, тогда фараонъ легко могъ бы снова возстановить древнія границы сферы египетскаго владычества. Однако же борьба, начавшаяся, вѣроятно, уже съ его вступленіемъ на престолъ и будучи прервана долгимъ перемиріемъ, продолжаясь до 1297/96, повела напротивъ къ фактическому отреченію Египта отъ руководящаго вліянія на Сирію. Однако Рамсесъ напрягъ всѣ силы, чтобы оспорить добычу у превосходящихъ его теперь въ военномъ отношеніи хеттовъ. Только что упомянутое поэтическое произведеніе имѣетъ въ виду битву, которая произошла въ 5-омъ году царствованія царя недалеко отъ города Кадеша. Уже за годъ до этого египетское войско прошло Финикію: это доказываетъ надпись Рамсеса II на береговой скалѣ Нар-эль-Кельба, недалеко отъ Бейрута; къ ней присоединяется еще одна, болѣе поздняя, можетъ быть, 10-го года. Великое столкновенія при Кадешѣ составило заключеніе или главное событіе наступленія, которымъ Рамсесъ воспрепятствовалъ движенію хеттовъ къ югу. Войска фараона, какъ разъясняютъ намъ надписи и изображенія на храмахъ Луксора и Рамессея, стали лагеремъ къ югу отъ города; онъ обнесенъ какъ бы заборомъ сложенными другъ на друга тяжелыми щитами пѣхоты и кажется уже по большимъ обозамъ не очень способнымъ къ оборонѣ. Около упряжныхъ воловъ и вьючныхъ ословъ расположился ручной левъ царя. И служба развѣдчиковъ заставляетъ желать лучшаго: послѣ того, какъ рядъ невѣрныхъ извѣстій, которыя доносили объ отклоненіи войска хеттовъ къ Тунипу, успокоили египетское войсковое начальство насчетъ безопасности, два случайно перехваченныхъ посланца непріятеля сообщили подъ палочными побоями, что главныя непріятельскія силы стоятъ въ засадѣ вблизи. Быстро пошелъ Рамсесъ лично впередъ, такъ какъ его двинувшіеся порознь четыре дивизіона не могли соотвѣтственно скоро развернуться въ неравномъ сраженіи, изъ опасности котораго освободилъ его только выступившій послѣ дивизіонъ Амона (см. выше стихотвореніе). Битва окончилась пораженіемъ непріятельскаго крыла, которое переправилось черезъ Оронтъ; много предводителей и союзниковъ царя хеттовъ погибли въ неприкрытомъ бѣгствѣ по водѣ. Однакожъ египтяне, должно быть, также понесли тяжкія потери, которыя не могли быть совершенно скрыты, по причинѣ скоро затѣмъ происшедшаго отступленія.

Въ теченіе обоихъ слѣдующихъ походовъ хетты очевидно имѣли перевѣсъ. Только въ 8-мъ году могъ Рамсесъ II обезпечить себя по меньшей мѣрѣ обладаніемъ Палестиной; онъ завоевалъ обратно Аскалонъ и многіе другіе укрѣпленные города къ югу отъ Ливана, между ними и расположенный высоко Дапуръ. Города Финикіи держали себя, смотря по общему положенію, и были неустойчивы. Они принадлежали къ самымъ вѣрнымъ подданнымъ фараона въ Азіи; но чрезмѣрная продолжительность военнаго положенія и постоянно все болѣе слабѣющая увѣренность, что Египетъ побѣдитъ на этотъ разъ, имѣли свое вліяніе.

Когда наконецъ царь хеттовъ Хетасаръ достигъ правленія послѣ смерти своего брата Маутенуре, Рамсесъ жадно ухватился за мысль о мирѣ; 21-го тиби 21-го года былъ готовый договоръ, написанный на серебряной доскѣ, доставленъ фараону въ его городъ „Домъ Рамсеса" хеттскимъ посланникомъ Тартисебу. На южной стѣнѣ большой залы съ колоннадой въ храмѣ Карнака намъ предоставленъ, благодаря заботливости Рамсеса, съ точностію текстъ этой доски, только, къ сожалѣнію, не вполнѣ: нежелательные параграфы были предварительно вычеркнуты.[1] Мы можемъ привѣтствовать въ этой копіи вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшій образецъ какъ государственнаго договора, такъ и благодѣтельной цензуры, которая по крайней мѣрѣ замалчиваетъ то, что она не отважится передать ложно. Вступленіе въ этотъ документъ гласитъ: „Договоръ, который изложилъ великій князь хеттовъ („Хета"), Хетасаръ, сильный, сынъ Маурсара, великаго князя хеттовъ, сильнаго, внука Сапалулу, великаго и т. д., на серебряной доскѣ для Рамсеса, великаго повелителя Египта, сильнаго, сына Сети и т. д., сына Рамсеса и т. д. прекрасный мирный и союзный договоръ на вѣчныя времена". Пространно дѣлаются ссылки на прежніе договоры, которые были дѣйствительны отъ древности до Маутенуре, и которымъ Хатасаръ теперь опять возвращаетъ силу, причемъ отсутствуетъ установленіе новой границы въ Азіи, хотя прочая часть договора содержитъ обстоятельно изложенныя условія, какъ слѣдуетъ поступать при будущей дружественно-сосѣдней поддержкѣ въ случаѣ войны, а также съ перебѣжчиками съ обѣихъ сторонъ. Также не допускался переходъ лицъ или общинъ изъ одной сферы владычества въ другую. Египту посчастливилось спасти изъ своихъ азіатскихъ владѣнія двѣ—три палестинскія или финикійскія гавани и узкую полосу между Газой и Мертвымъ Моремъ. Послѣдніе преемники Рамсеса II, кажется, потомъ не владѣли уже ничѣмъ по ту сторону восточной стѣны у Горькихъ озеръ; только отъ 3-яго года царствованія Меренпта (1248 г.) имѣется еще составленный чиновникомъ пограничной стражи краткій списокъ проходившихъ границу, гдѣ отмѣчены какъ царскіе послы въ Тиръ, такъ и дѣятельность египетскихъ чиновниковъ въ Палестинѣ.

Продолжительный миръ былъ осуществленъ этимъ великимъ договоромъ. Хетасаръ и царь Кеде явились съ торжественнымъ визитомъ въ Египетъ, гдѣ Рамсесъ II принялъ ихъ съ почетомъ. Хотя Рамсесъ женился на дочери Хетасара, которая получила имя Урмаа-Неферу-Ра, Хетасаръ все таки при тогдашнихъ воззрѣніяхъ на вѣрность и честность могъ прибыть въ Египетъ только подъ надежнымъ прикрытіемъ, которое напр. тотчасъ заняло гавань, мѣсто высадки, и было еще достаточнымъ для дальнѣйшаго сопровожденія; отсюда ясно, что Рамсесъ непремѣнно долженъ былъ находиться съ нимъ въ оборонительномъ союзѣ. За это говорятъ еще другія указанія: почитаніе богини Кадешъ въ Египтѣ (сравн. стр.

[1] Новѣйшій издатель и изслѣдователь документа W. M. Müller отрицаетъ возможность сознательныхъ пропусковъ и полагаетъ, что вопросы о „сферахъ вліянія", какъ уже давно рѣшенные, не нашли себѣ мѣста въ немъ, и что онъ представляетъ къ тому же не мирный договоръ, а соглашеніе о союзѣ, каковымъ самъ себя и называетъ. (Der Bündnisvertrag Ramses II und des Chetiterkönigs. Berl. 1902). Б. Т.

639), доставленіе хлѣба, „чтобы прокормить эту страну хеттовъ", и наконецъ, легенда позднѣйшаго сочиненія, по которой Рамсесъ II „женится на дочери князя Бехтена Неферу-Ра во время побѣдоноснаго похода въ Нахарину; когда сестра ея Бентрештъ заболѣваетъ, онъ посылаетъ бога Хонсу изъ Ѳивъ въ Бехтенъ; тамъ задерживаютъ чудотворное изображеніе болѣе года, пока оно не освобождается, помощью новаго чуда.

Смерть Рамсеса II въ преклонныхъ лѣтахъ возвела на царство сына его Мереипта (Мернепта, сравн. стр. 653), который былъ уже не юноша и царствовалъ, самое большее, десять лѣтъ (1250—1240). Судьба предназначила на долю его, лично вовсе не склоннаго къ военной славѣ, еще тяжелую войну съ блестящимъ исходомъ. Ливійцы, а съ ними и ширтани, которые, идя наниматься въ солдаты къ фараону, вѣроятно, всегда пользовались Ливіею, какъ проходною страною, выступили теперь, какъ враги Египта. Ливійскому князю Маруайи удалось вмѣстѣ съ тѣмъ пристроиться въ союзъ съ толпой малоазійскихъ морскихъ разбойниковъ, которые, состоя изъ ликійцевъ и „туриши, акаиваши и шакуруши", постоянно вновь попадали въ область Египта по рѣкѣ и приставали на дни и мѣсяцы (сравн. томъ IV, стр. 52). Они проникали до Иліополя. Меренпта явился во снѣ богъ Пта и обѣщалъ побѣду въ открытомъ сраженіи. Дѣйствительно, его войско при городѣ Пеиру въ горячемъ сраженіи совершенно разсѣяло страшныхъ союзниковъ. Маруайи бѣжалъ еще передъ послѣднимъ нападеніемъ и оставилъ свой лагерь со всей добычей побѣдителямъ, которые велѣли преслѣдовать его отрядомъ всадниковъ (первымъ изъ извѣстныхъ намъ въ Египтѣ), пока онъ не укрылся подъ защитой ночи. Свыше 9000 плѣнныхъ, а также много мертвыхъ, которымъ частью отнимали руки, частью тайные члены, по скольку они были обрѣзаны, свидѣтельствовало о военномъ могуществѣ союза; ширтани въ египетскомъ войскѣ и на этотъ разъ въ битвѣ со своими земляками оказались лучшими воинами.

И въ Азіи многое указывало на новую опасность. Дѣло въ томъ, что царство хеттовъ кажется уже терпѣло отъ нападеній на его сѣверныя границы: началось обширное передвиженіе народовъ, только брызги волнъ котораго до этого времени касались страны Нила. Меренпта готовился къ тяжелымъ временамъ. Прежде всего онъ приковалъ крѣпче къ царству Нубію военнымъ походомъ. А что онъ снова сталъ наступать и въ Палестинѣ, видно изъ открытой Флиндерсомъ Питри въ 1896 г. надписи Меренпта на гранитной стелѣ, на которой послѣ свободно-поэтическаго описанія сраженія съ Маруайи, гдѣ опущены имена чужеземныхъ народовъ, говорится: „Никто изъ народовъ Девяти Луковъ не поднимаетъ главы. Опустошенъ Техенну, Хета спокоенъ, Ханаанъ плѣненъ со всѣми виновниками безпокойствъ, Аскалонъ выведенъ (въ плѣнъ), овладѣли Гезеромъ, Енуамъ приведенъ въ небытіе, Израиль сталъ ничтожнымъ, его посѣвы пропали, Палестина—безпомощная вдова противъ Египта. Всѣ страны въ совокупности поддерживаютъ миръ, а бродягъ накажетъ царь Меренпта." При этомъ въ первый разъ появляется Израиль („Изираль") въ египетскомъ текстѣ, и притомъ, какъ осѣдлый народъ.

Царство не получило уже значительной пользы отъ этихъ военныхъ дѣйствій. Уже со смертью Меренпта Египетъ, благодаря несвоевременнымъ спорамъ изъ за престола, очутился въ серьезной опасности. Его сынъ (или внукъ: на хорошо исполненныхъ изображеніяхъ онъ представленъ мальчикомъ) былъ Сети II. Отъ него хотѣлъ, кажется, отнять господство царевичъ изъ рода Рамессидовъ, по имени Аменмесъ. Властолюбивый же вельможа Баи очистилъ насильственно мѣсто своему собственному кандидату, царю Си-Пта, супруга котораго Та-усертъ, можетъ быть предъявляла права на престолъ. Такъ какъ Баи на надписи Си-Пта, недалеко отъ Ассуана, осмѣливается хвалить самого себя за то, что онъ „разогналъ зло и да-

ровалъ правду, когда онъ возвелъ царя на престолъ его отца", то личный авторитетъ этого фараона, который дожилъ до третьяго года своего царствованія, долженъ былъ быть ничтожнымъ. За нимъ слѣдовалъ Сети II; по смерти царицы Та-усертъ, которую онъ велѣлъ самъ похоронить, будучи царемъ, онъ изгналъ Баи вмѣстѣ съ его призрачнымъ царемъ, при помощи своихъ сильныхъ приверженцевъ. Во все короткое время могла держаться надежда снова укрѣпить уже сильно расшатанное царство: работали надъ укрѣпленіемъ восточной границы и, вѣроятно, пробовали военный походъ въ Азію; но онъ окончился такъ плохо, что сочли за лучшее переписать древній гимнъ Меренпта и включить въ него имя Сети. Изъ счетовъ Рамсеса III, составленныхъ 60 или болѣе лѣтъ спустя, кажется слѣдуетъ, что Сети II, и съ нимъ старшая линія Рамессидовъ, пали жертвой „годовъ недостатка". Богъ Нила взялъ обратно свое благословеніе и ниспровергнулъ царскую власть. Вельможи въ отдѣльности, уже прежде почти независимые и потому находящіеся между собою въ постоянной борьбѣ, „убивали одинъ другаго въ заносчивости и гордости; они творили, что имъ нравилось, такъ какъ у нихъ не было повелителя."

Между тѣмъ воспользовался случаемъ сирійскій шейхъ. Онъ вторгся въ Египетъ, подчинилъ мало по малу князьковъ и заставилъ когда-то могущественную страну платить себѣ дань. Мы не знаемъ имени этого сирійца (слово „Арсу", которое до сихъ поръ считаютъ за него, не содержитъ его), ни положенія и состава его азіатской области; очевидно дѣло идетъ объ эфемерномъ политическомъ образованіи, происшедшемъ отъ всеобщаго распаденія. Однако не задолго до 1200 г. чужеземное правительство само стало нуждаться во вспомоществованіи и напало на богатые храмы боговъ: „поступали съ богами какъ съ людьми и прекратили жертвы." Это воодушевило, наконецъ, жрецовъ къ возстановленію царства.

И боги поставили Сетнахта, „ихъ сына, происшедшаго изъ ихъ членовъ, владыкою страны Онъ былъ какъ богъ Сетъ въ своемъ гнѣвѣ, онъ снова привелъ въ порядокъ всю страну послѣ мятежа; онъ умерщвлялъ враговъ, которые были тамъ." Вотъ почти и все, что мы узнаемъ важнаго для науки объ основателѣ двадцатой династіи, младшемъ Рамесcидѣ. При многочисленномъ мужскомъ потомствѣ Рамсеса II не слѣдуетъ сомнѣваться въ происхожденіи Сетнахта отъ старшей линіи; но между тѣмъ какъ онъ и его наслѣдникъ смотрѣли на Сети II, какъ на вполнѣ законнаго предшественника, гробница Таусерты была опорожнена и предназначена для тѣла Сетнахта. На памятникахъ находится только первый годъ царствованія Сетнахта; потомъ слѣдуетъ за нимъ его сынъ.

Египетъ еще далеко не былъ возстановленъ. Большая часть храмовъ ожидала исполненія обѣщаній боговъ, половина Дельты принадлежала ливійцамъ; сирійцы, бывшіе до этого времени повелителями страны, едва ли успѣли помириться съ внезапной перемѣной дѣла, какъ освободитель сошелъ уже со сцены своихъ, пока еще неизвѣстныхъ намъ дѣяній. Рамсесъ III (1200—1168), который уже при своемъ отцѣ принималъ участіе въ правленіи, воспользовался прежде всего почти четырьмя годами спокойствія, впродолженіе которыхъ, кажется, снова началось оживленное вербованіе между ливійцами и ширтани для египетскаго войска, что уже смягчало напряженіе на западной границѣ. Можетъ быть, совпадаетъ уже съ этимъ временемъ и подчиненіе „вельможи Куша", который оказывается обозначеннымъ во главѣ позднѣйшаго списка побѣжденныхъ противниковъ; на ряду съ существовавшимъ по прежнему достоинствомъ египетскаго вице-царя Куша появляется послѣ Сети II первое движеніе къ позднѣйшей самостоятельности Эѳіопіи. Между тѣмъ какъ видимо укрѣплялось царство фараона, сирійскимъ странамъ пришлось имѣть дѣло съ новыми набѣжчиками; потому ливійцы въ 1195 г. попытали счастія одни: „но ихъ планы были разбиты и обратились на нихъ же." Прежде чѣмъ от-

дѣльныя племена могли соединиться въ стройныя толпы, они были застигнуты искусно распредѣленными египетскими силами, и имъ пришлось плохо; когда сопротивленіе послѣдняго ливійскаго князя окончилось быстрымъ бѣгствомъ предъ воинами Рамсеса III, насчитывалось болѣе 12,500 павшихъ непріятелей.

Ужасъ, нанесенный этимъ пораженіемъ, хранилъ еще свое дѣйствіе на побѣжденныхъ, когда въ 8 году правленія царя коснулась восточныхъ границъ Египта, давно нависшая гроза изъ Азіи. Снова явились при этомъ туриша и шакаруша, на этотъ разъ значительно усиленные новыми народами: пурасате, цаккаръ, дануна и вашашъ изъ ихъ дальнихъ морскихъ береговъ, наконецъ, и ширтани съ моря, т.-е. отдѣлившимися отъ этой западной націи морскими разбойниками, которые не нашли пристанища и просто примкнули къ потоку. Хотя египетскіе рисовальщики не всегда свободны отъ ошибокъ, но все же изъ ближайшаго сравненія видно, что національнымъ головнымъ уборомъ каждаго ширтанскаго воина былъ круглый бѣлый шлемъ съ выдающимися по бокамъ рогами быка, на который, какъ только эти люди поступали въ наемники къ фараону, прикрѣплялась верхушка, оканчивавшаяся металлическимъ дискомъ, нѣкоторымъ образомъ кокардой сына Солнца. Долгое время считали вашаша, вопросъ о происхожденіи которыхъ до сихъ поръ считается открытымъ, за италійскихъ восковъ, туришу за тирренцевъ, акайвашу (см. стр. 654) за ахайцевъ, дануну за данайцевъ и шакарушу за сикуловъ (сравн. томъ IV, стр. 52). Туриша и шакаруша принадлежали, вѣроятно, къ сосѣдямъ и родственникамъ, тогда какъ дануна уже во дни Аменофиса III является какъ страна, съ которою поддерживали сношенія финикійскія гавани; пурасата, филистимляне Ветхаго Завѣта, и цаккаръ сидѣли потомъ на берегу Палестины.

Эта разношерстная волна народовъ подчинила Алашью, Кеде, царство хеттовъ и, наконецъ, амореевъ, собралась еще разъ въ области послѣднихъ и пошла теперь сушею и водою на Египетъ. Ихъ хорошо вооруженный флотъ, состоя изъ длинныхъ и узкихъ гребныхъ судовъ съ мачтами, ловко шелъ впередъ и пытался войти въ одно изъ восточныхъ устьевъ Нила. Разумѣется, флотъ и войско фараона подъ его личнымъ руководствомъ сдвинулись какъ разъ въ этотъ угрожаемый пунктъ и могли напасть въ удобную минуту на пришлецовъ. Оттѣсненные египетскимъ флотомъ къ берегу, а тамъ осыпанные градомъ стрѣлъ сухопутнаго войска, враги потерпѣли тяжелое пораженіе, при которомъ они лишились многочисленныхъ судовъ. Остатокъ видимо былъ не въ состояніи продолжать борьбу и исчезъ изъ водъ Египта послѣ этой первой, твердо установленной исторически, великой морской битвы древнихъ временъ. Веденіе войны Рамсесомъ III напоминаетъ выгодно о великомъ завоевателѣ Тутмосѣ III если не по объему, то по искусству полководца. Сухопутное войско, которое тотчасъ подвинулось въ Азію, могло тамъ еще недалеко отъ прежней границы царства, въ южной Финикіи, настигнуть непріятельскія главныя силы. И здѣсь сѣверные народы, которые, будучи вооружны преимущественно для сраженія вблизи, образовывали изъ своихъ наполненныхъ по цыгански людьми и запряженныхъ волами фуръ цѣлыя крѣпости или четыреугольники, потерпѣли пораженіе, тяжесть котораго по причинѣ многихъ потерь, въ особенности плѣнными, не слѣдуетъ считать слишкомъ большой: осталось довольно народа, чтобы еще во время Рамсеса III, отнять побѣдоносно защищенный именно имъ берегъ Шефела (между Газой и Кармиломъ). Царь воспользовался между тѣмъ благопріятною минутою далѣе и захотѣлъ наказать и амореевъ въ Ливанѣ за ихъ соглашеніе съ пришельцами. Кажется, ему дѣйствительно удалось проникнуть въ истощенную страну къ сѣверу отъ Кадеша, но для продолжительнаго возстановленія египетскаго владычества надъ этимъ древнимъ владѣ-

ніемъ потребовалось бы еще много походовъ. Затѣмъ пришли угрожающія извѣстія съ ливійской стороны, и позади удаляющагося войска Рамсеса III повидимому такъ основательно рушилось кажущееся владычество его дома на сирійской почвѣ, что онъ совершенно отказался отъ упоминанія о немъ въ счетѣ, на который мы уже ссылались. Тѣмъ яростнѣе напалъ царь въ месори 11-го года своего правленія на враговъ запада, которые снова выступали подъ предводительствомъ единственнаго князя Машашара сына Капура. Они должны были совершенно подчиниться. Ихъ вождямъ указаны были опредѣленныя мѣстопребыванія, гдѣ рядомъ съ ними были поставлены египетскіе чиновники,

Восхваленія мирнаго безопаснаго состоянія, которымъ съ этихъ поръ сталъ наслаждаться Египетъ, слѣдуетъ считать не простымъ упражненіемъ египетскихъ писцовъ, соотвѣтственно настроенію времени. Положимъ, фараонъ не вернулъ прошедшаго величія царства и не могъ сдѣлать изъ него снова сокровищницы азіатской подати; но были удовлетворены Амонъ, Ра и Пта добычею и новымъ упорядоченіемъ ихъ доходовъ. Ѳивы получили свой послѣдній большой храмъ, для плана котораго взятъ за образецъ ближній Рамессей; его огромные остатки называются теперь по бывшей коптской деревнѣ Мединетъ Хабу. Все, что мы узнаемъ о военныхъ подвигахъ царственнаго строителя, почерпается изъ богатыхъ надписями, но еще болѣе и картинными украшеніями его стѣнъ: только живые рисунки дополняютъ часто совершенно пустыя слова текста. Греки видѣли позже въ сооруженіи Мединетъ Хабу „сокровищницу Рампсинита“, которая была такъ долго разграбляема ворами, сыновьями недобросовѣстнаго архитектора; сказаніе это происходитъ вѣроятно изъ самой Эллады и подходитъ тѣмъ менѣе къ Рамсесу III, что послѣдній и его наслѣдникъ, напротивъ того, усматривали въ Рамсесѣ II идеалъ счастливаго и благословленнаго богатствами правителя. Сюда же принадлежитъ упоминаніе поѣздокъ въ страну ладана на югъ Чермнаго моря, встрѣчающееся снова при Рамсесѣ III. Въ концѣ отчета говорится наконецъ такъ: „Я населилъ страну людьми всѣхъ положеній, обоего пола, я велѣлъ расти зеленымъ деревьямъ, чтобы распространять повсюду тѣнь. Я достигъ того, что египетскія женщины могли свободно ходить, при чемъ имъ не докучалъ злодѣй. Пѣхота и конница сидѣли въ мое время спокойно въ своихъ городахъ; ширтани могли лежать на боку, пить и веселиться. Имъ не нужно было двигаться на посты, ихъ жены и дѣти были при нихъ; свободное состояніе духа наполняло каждаго человѣка. Я же былъ тогда въ силѣ, охранялъ ихъ страхомъ моего имени.“

Изъ документовъ на папирусахъ одного тайнаго процесса противъ заговорщиковъ во дворцѣ Рамсеса III, однако оказывается, что между ближайшими окружающими этого властелина возникла мысль добиться, при помощи колдовства, новаго царя, который тогда долженъ будетъ предоставить другимъ людямъ, т. е., конечно, заговорщикамъ, богатства и высокія мѣста. Важная дама въ гаремѣ, Тея, мать царевича, стояла во главѣ предпріятія, въ пользу котораго втайнѣ дѣйствовалъ главный евнухъ вмѣстѣ съ другими людьми, имѣющими вѣсъ. Возвращеніе временъ наслѣдниковъ Меренпта было для такихъ людей болѣе привлекательнымъ, чѣмъ твердое управленіе. Письма изъ царскаго гарема командиру полковъ въ Эѳіопіи, который долженъ былъ направляться къ Ѳивамъ и низложить ничего не знавшаго Рамсеса, оказалось, были направлены по невѣрному адресу: такимъ образомъ возстановитель Египта былъ охраненъ случайностью отъ недостойной судьбы. При этомъ кажется, что даже вѣрнѣйшіе приверженцы, еще и послѣ своевременнаго раскрытія дѣла, считали его за погибшаго человѣка. Очевидно, всѣ роли были уже розданы, еще и другіе гарнизоны были готовы къ возмущенію; и судьи страннымъ образомъ затянули совершенно втайнѣ веденный процессъ въ первые дни.

Но побѣдитель въ столькихъ опасныхъ походахъ явилъ себя высокимъ и въ этой внутренней опасности; въ минуту, когда мы видимъ его судей, нагло стремящихся обойти его, вдругъ Рамсесъ точно представилъ доказательство, что всѣ главныя петли той невидимой сѣти извнѣ были уже разорваны имъ. Частности процесса цѣнны для исторіи культуры и права. Всѣ заговорщики изъ сановниковъ были допрашиваемы подъ искаженными именами, и притомъ судилищемъ, которое назначилъ царь изъ рабовъ, составлявшихъ его личную свиту, тогда какъ профессіональные, принадлежавшіе къ чиновничьей іерархіи судьи, имѣли дѣло только съ рабами, служанками, гаремными сторожами и т. п., которые были обнаружены, какъ вѣстовщики и утайщики. Сынъ Теи, вѣроятно претендентъ, былъ осужденъ на самоубійство; въ другихъ случаяхъ приговоры были выражены такъ: „его нашли виновнымъ и велѣли привести надъ собою въ исполненіе наказаніе“: вѣроятно, упомянутую въ другомъ мѣстѣ, „великую смертную казнь, о которой говорятъ боги: учини ее надъ нимъ.“ Древне-египетскія судилища при обычныхъ обстоятельствахъ должны были брать на себя только судить, но не приводить въ исполненіе наказанія, опредѣленіе котораго подобало единственно только фараону; поэтому вышеприведенными словами указывается на ихъ чрезвычайное полномочіе. Что всемірная исторія случайно бываетъ способна къ ироніи, доказываетъ находка въ пристройкѣ въ видѣ башни къ храму Мединетъ Хабу, въ покояхъ которой несомнѣнно жилъ Рамсесъ III во время своихъ посѣщеній; какъ разъ тамъ сохранились картины, изображающія совершенно непринужденное обхожденіе царя съ женами его гарема.

Рамсесъ III умеръ на престолѣ. Когда мумія маленькаго красиваго человѣка съ умнымъ выраженіемъ лица была принесена въ долину царскихъ гробницъ, послѣдній великій фараонъ Новаго Царства сошелъ со сцены. За нимъ слѣдовало девять царей, всѣ его имени, одинъ за другимъ, но безъ исторіи. Рамсесъ IV, къ которому обращается многократно упоминавшійся счетъ его отца, правилъ около одиннадцати лѣтъ; Рамсесъ V (1156—1152) вѣроятно, былъ свергнутъ послѣдующимъ владыкой, которой присвоилъ себѣ и его гробницу; о Рамсесѣ VII только извѣстно, что онъ существовалъ. Рамсесъ VIII (въ 1142—1135) велѣлъ своему писцу Гори, который былъ на должности въ городѣ Дельты, Бусирисѣ, ѣхать въ Абидосъ, чтобы исполнить за себя обѣтъ. Способъ, какъ Гори на своемъ тогда воздвигнутомъ памятномъ камнѣ упоминаетъ о царѣ, значительно различается уже отъ прежнихъ выраженій глубокой преданности и согласенъ съ пріемомъ, который начали наблюдать главные жрецы Амона въ Ѳивахъ. Они сами теперь повелѣваютъ относительно построекъ въ храмахъ и требуютъ соотвѣтствующей почести, съ единственнымъ добавленіемъ: во имя царя.

Впродолженіе царствованія Рамсеса IX (1135—1117) оказалось необходимымъ произвести большое изслѣдованіе древнѣйшихъ ѳиванскихъ царскихъ гробницъ, такъ какъ накопились признаки и доказательства ограбленія ихъ воровскими шайками. Изъ обширныхъ актовъ дѣла, которое велось, какъ и слѣдуетъ, тщательно, но скоро, благодаря спорамъ между отдѣльными вѣдомствами, преднамѣренно было запутано, выходитъ, что низшіе прислужники храма Амона были сильно замѣшаны, и, можетъ быть, не только они одни. И всетаки высшіе царскіе управители охотно желали поступать мягко съ людьми Амона, при слѣдствіи видѣть какъ можно меньше. Уже три года спустя, въ первый годъ царствованія Рамсеса X (1117 до 1110) должно было начаться новое разслѣдованіе. На этотъ разъ было пробито мѣсто упокоенія въ скалѣ Сети I и Рамсеса II въ отдаленномъ Бибанъ эл-Молукѣ. Никто бы не позаботился объ этомъ, еслибы не завели ссоры „цеховые“ грабители изъ храма Амона и Хонсу съ „дикими“ участниками; одинъ изъ нихъ, который чувствовалъ себя

обиженнымъ при дѣлежѣ, указалъ на это начальнику мадіевъ (см. стр. 616). Мѣстъ погребенія частныхъ лицъ было тогда уже разграблено великое множество; сосѣднія съ Ѳивами, деревни, кажется, даже на ночныхъ поѣздкахъ въ городъ мертвыхъ на ту сторону рѣки прямо основали извѣстное благосостояніе.

Родъ младшихъ Рамессидовъ изсякъ; считалось вкоренившимся воззрѣніемъ, что только законный фараонъ можетъ поручиться за благосостояніе страны. Можетъ быть, верховные жрецы Амона, которые господствовали уже фактически на югѣ, надѣялись впредь потребовать и власти надъ Дельтой, гдѣ также самостоятельный маркграфъ заботился о защитѣ границъ. Впродолженіе 17-ти лѣтъ царствованія Рамсеса XII (почти отъ 1102 до 1085) пребывающій въ Танисѣ маркграфъ Смендесъ получилъ въ жены Тантъ-Амонъ, вѣроятно дочь фараона, считавшуюся наслѣдницей царства, и обезпечилъ за это наслѣдственное право верховному жрецу Херигору свободную власть въ Верхнемъ Египтѣ; Рамсесъ же XII еще при жизни былъ забытъ. Дѣла Нубіи на рубежѣ столѣтій неясны. Правда, случайно вице-царь Куша упоминается рядомъ съ Херигоромъ; древній титулъ былъ связанъ только еще съ маленькой полосой при Ассуанѣ, тогда какъ на почвѣ колоніальныхъ городовъ уже распоряжались эѳіопскіе властители, которые сдѣлали своей резиденціей Напату (см. стр. 532).

Непрерывно возрастало въ Новомъ Царствѣ письмоводство для цѣлей управленія: самые акты прежде всего были назначены въ архивъ, и для пользованія съ нихъ дѣлаются постоянно новыя копіи. Слѣдствіемъ такой громоздкой системы, до которой по большей части падки низшія инстанціи, были безконечныя письма и протоколы то о громадныхъ годовыхъ доходахъ ѳиванскихъ храмовъ, то о поденномъ вознагражденіи партіи рабочихъ, или платѣ за наемъ осла. Чрезъ это падаютъ часто полосы свѣта на положеніе рабочаго класса въ то время, когда было неизвѣстно вознагражденіе чистыми деньгами. Плата натурою какъ со стороны государства, такъ и со стороны храмовъ, ихъ многочисленнымъ партіямъ рабочихъ выдавалась не отдѣльнымъ лицамъ, а по группамъ. Если главный рабочій былъ грубъ и плутоватъ, или сверхъ того, завѣдывавшіе уплатой— неисправны, то было много нужды, бѣдствія и неудовольствія. Не всѣ рабочіе были крѣпостными, но, вѣроятно свободный находился вообще еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ крѣпостной. Впрочемъ относились мягко и къ слишкомъ продолжительнымъ паузамъ рабочихъ, и для прогульныхъ дней у отдѣльныхъ изъ нихъ считались заслуживающими вниманія самыя удивительныя извиненія. Голодающіе рабочіе привыкли понуждать громкими заявленіями и волненіями къ выдачѣ своей платы, когда имѣющіе на то порученіе писцы упорно забывали срокъ. Въ 29-ый годъ царствованія Рамсеса III дошло это до того, что главный царскій чиновникъ управленія отвѣчалъ указомъ на горькія жалобы рабочихъ: „Если я не пришелъ къ вамъ, то это ничего не значитъ, потому что я не могъ ничего принести съ собой. Что же касается вашей болтовни: „не воруй нашего хлѣба (жита)!“ развѣ я, генералъ-губернаторъ именно на то назначенъ, чтобы красть?“ Какой вопросъ! Изъ эпохи Рамсеса девятаго имѣется также подобное извѣстіе, изъ котораго впрочемъ виденъ уже усовершенствованный путь жалобы: на этотъ разъ дарятъ рабочіе и судьѣ „два ящика и письменный приборъ“. Для такихъ даровъ могли опять-таки давать средства сокровища гробницъ.

г) Послѣднія династіи Новаго Царства.

Съ началомъ владычества сидѣвшаго въ Танисѣ царя Смендеса начинается, названная Манеѳономъ по этой резиденціи, двадцать первая династія, но прекращаются вмѣстѣ съ тѣмъ на долгое время наши исто-

рическія свѣдѣнія о Египтѣ. Въ Верхнемъ Египтѣ правилъ Херигоръ и его потомки, какъ верховные жрецы со свѣтскими полномочіями, причемъ они признавали танитскихъ царей за собственно фараоновъ и вступали съ ними въ свойство. Манеѳонъ насчитываетъ семь танитянъ: Смендесъ (26 лѣтъ), Псусеннъ I (41 или 46 лѣтъ), Нефельхеръ (4 года), Аменофѳисъ (9 лѣтъ), Осохоръ (6 лѣтъ), Псинахъ (9 лѣтъ) и Псусеннъ II (14 или 35 лѣтъ). Имена этого списка болѣе подтвердились памятниками, чѣмъ годы царствованій. Въ Ѳивахъ слѣдовалъ за Херигоромъ, его сынъ Піанхи на короткое время, какъ верховный жрецъ; Пиноцемъ же I, сынъ Піанхи и супругъ танитской царевны Хент-тауи, принялъ наконецъ царское достоинство. Это событіе, совпавшее, вѣроятно, со временемъ Псусенна I (по египетски: Пасебхаенну), указываетъ на дальнѣйшее согласіе между обоими домами, такъ какъ Псусеннъ принимаетъ и со своей стороны санъ главнаго жреца и оставляетъ его своему сыну Пиноцему II, который умеръ при царѣ Аменофѳисѣ (по египетски: Амен-эм-опетъ), можетъ быть, старшемъ братѣ этого второго царевича. Напротивъ Мен-хепер-Ра (вѣроятно Нефельхеръ Манеѳона), сынъ Пиноцема I, появляется сначала какъ верховный жрецъ Амона, потомъ какъ царь; духовный санъ переходитъ при этой перемѣнѣ на его брата Масахерту. Кромѣ нихъ есть царевны, которыя были „жены бога“ Амона (стр. 617) и царевичи, которые носили менѣе высокій санъ предъ этимъ богомъ. Поэтому Верхній и Нижній Египетъ были при 21-ой династіи подъ властью четырехъ лицъ: двухъ фараоновъ и двухъ верховныхъ жрецовъ. Въ такомъ случаѣ, должно быть, возникло и на сѣверѣ страны въ то время большое святилище Амона, не вредя преимуществу ѳиванскаго; вблизи его устроили Таниты свои гробницы; однако едва-ли танитскій главный жрецъ могъ долго отправлять должность на ряду съ потомкомъ Херигора, имѣвшаго тотъ же санъ въ томъ же самомъ мѣстѣ. Предположеніе о нижнеегипетскомъ храмѣ Амона могло бы впрочемъ облегчить наше представленіе о возникновеніи знаменитаго впослѣдствіи святилища въ ливійскомъ оазѣ Сивахъ: слѣдующая династія, ливійскаго происхожденія, могла, послѣ потери Ѳивъ, пересадить оставшійся на ея долю культъ государственнаго бога въ это безопасное и конечно, уже еще раньше признанное святымъ, мѣсто страны своего племени.

Папирусъ отъ времени Херигора и Смендеса, можетъ быть, написанный еще при жизни послѣдняго Рамессида, содержитъ составленный для собственнаго оправданія отчетъ Уну-Амона, чиновника Херигора, о его неудачномъ путешествіи по морю въ Палестину и Финикію, откуда онъ долженъ былъ привести строевой лѣсъ для новой барки бога. Смендесъ и Тантъ-Амонъ благосклонно приняли Уну-Амона, вооруженнаго маленькимъ изображеніемъ Амона путеводительствующаго (по Ад. Эрману), „Амона путевого“, но не дали ему ни одной изъ своихъ большихъ галеръ для дальнѣйшаго плаванія, позволивъ ему плыть на одномъ изъ купеческихъ финикійскихъ кораблей. Какъ разъ на первой пристани, въ Дорѣ, городѣ князя Цаккары Пади-эла, у Уну-Амона были однимъ изъ матросовъ похищены наличныя деньги, которыми долженъ былъ быть оплаченъ въ Библѣ лѣсъ съ Ливанскихъ горъ. Кажется, что Пади-эль отклонилъ его жалобу, потомъ онъ самъ вознаградилъ себя на счетъ какого то цаккарца и оттуда бѣжалъ въ Библъ [1]; здѣсь же поступилъ съ нимъ князь города

[1] Эта попытка реконструкціи папируса, принадлежащая проф. Эрману, не можетъ быть принята: въ немъ недостаетъ нѣсколькихъ строкъ, но вовсе не видно, чтобы въ нихъ говорилось о перенесеніи дѣйствія въ Библъ. Послѣдній, и его царь Сихарбаалъ появляются уже въ самомъ концѣ папируса, послѣ приключеній на Алашьи; текстъ и тамъ сильно пострадалъ и мало понятенъ. — Замѣтимъ, что этотъ интересный папирусъ принадлежитъ В. С. Голенищеву, находится въ Петербургѣ и переведенъ ученымъ обладателемъ на русс. яз. въ юбилейномъ сборникѣ статей въ честь бар. В. Р. Розена. Французск. переводъ его-же въ XXI т. Recueil de travaux, relatifs à la phil. egypt. Б. Т.

Сихарбаалъ просто какъ съ мошенникомъ. „Такъ я провелъ тамъ 19 дней, и все это время онъ приказывалъ мнѣ говорить: „удались изъ моей гавани!“ Уну-Амонъ хочетъ уже войти въ корабль, когда вдругъ подѣйствовали оракулоподобныя рѣчи одного пажа, который во время жертвы Сихарбаала схваченъ былъ конвульсіями, и князь подвергъ допросу горемычнаго посланника. Крайнее презрѣніе, при которомъ Сихарбаалъ отвергаетъ устарѣлыя притязанія Египта, представляетъ рѣзкую противоположность къ вымаливавшимъ 300 лѣтъ тому назадъ помощь фараона письмамъ Рибъ-Адди изъ того же города (см. стр. 160 и 672). Сихарбаалъ велѣлъ принести „акты отъ временъ своихъ предковъ и перечитать. Тамъ было написано 1000 дебеновъ (=91 кило) всякаго серебра; и онъ сказалъ мнѣ: „еслибы князь Египта былъ владыкой, а я дѣйствительно его слугой, то онъ (тогда уже) не присылалъ бы золота, думая, что я долженъ бы исполнить порученіе Амона. Я не рабъ твой, ни рабъ того, кто тебя посылаетъ... Прежде исходили изъ Египта изысканность и ученость до сюда, до моего мѣстопребыванія. А теперь—что это за попрошайничество, изъ-за котораго тебя сюда посылаютъ!“ Наконецъ, послѣ многихъ униженій посланника Амона, отправивъ подарки Сихарбаалу, Смендесъ устроилъ дѣло. „Тогда князь обрадовался и позвалъ 300 человѣкъ съ 300 упряжныхъ воловъ и поставилъ надъ ними досмотрщика для рубки лѣса. Когда онъ уже лежалъ на берегу моря, Сихарбаалъ замѣтилъ грозно, что Уну-Амону слишкомъ хорошо. „Я могу быть страшенъ, какъ море. Съ тобой не случилось того, что случилось съ послами Ха-эм-уста, которые были задержаны здѣсь 17 лѣтъ, пока не умерли.“ Нѣкоторою ловкою лестью египтянинъ смягчаетъ этого финикіянина; но при отъѣздѣ его подкарауливали его одиннадцать цаккарскихъ судовъ. Буря освобождаетъ его, бросаетъ однако его корабль на берегъ Алашьи. Милость княгини Хатеби спасаетъ его отъ смерти. Но достигъ ли лѣсъ когда либо до Ѳивъ, можно сомнѣваться.

21-ая династія кажется при послѣднемъ своемъ владыкѣ, Псусеннѣ II предприняла попытку заставить себя снова уважать въ Азіи. Согласно израильскому преданію, Соломонъ получилъ дочь фараона и, какъ приданое, ханаанскій городъ Гезеръ, послѣ того какъ его тесть завоевалъ этотъ пунктъ: это хронологически можетъ подходить только къ названному фараону, т. к. нельзя допустить, что Египетъ именно тогда переживалъ почти полтора столѣтія глубочайшаго мира. Строительная дѣятельность пріостанавливается; въ 1000 году хозяйственныя постройки Рамессея уже такъ осѣли, что ихъ мѣстами могли пользоваться, какъ мѣстомъ погребенія. И эти цари, не смотря на свой жреческій обликъ, безславно бросили борьбу съ ворами изъ-за гробницъ древнихъ властителей: уложили угрожаемыя муміи окончательно въ скрытую, лишь слегка во внутренности расширенную разсѣлину скалы надъ Дер-эль-Бахри и положили туда-же тѣла собственныхъ родственниковъ, довольные, что нашли по крайней мѣрѣ безопасное мѣсто, и безъ хлопотъ о погребеніи согласно культу. Такимъ образомъ лежали почти 3000 лѣтъ величественные Тутмосы, Сети и Рамсесы замурованными въ шахтѣ; потомъ еще впродолженіе семи лѣтъ они при случаѣ бывали жертвою воровства, пока не вырвали у феллаховъ тайну ихъ открытія, и въ 1881 году не доставили музеямъ находившагося въ этомъ тайникѣ.

Въ Бубастѣ уже давно обладалъ руководящимъ вліяніемъ начальствующій наслѣдственный предводитель наемныхъ войскъ изъ ливійскаго княжескаго рода. Съ тѣхъ поръ, какъ ширтани (см. стр. 616) исчезли при наслѣдникахъ Рамсеса, ихъ ливійскіе сотоварищи, нѣкогда воины машаваша, стали представлять единственно искусную въ битвѣ составную часть государственнаго войска и приступили, наконецъ, къ занятію Дельты путемъ новыхъ переселеній. Немартъ въ Бубастѣ, „вельможа изъ вельможъ“ и рожденный отъ одной танитской царевны, получилъ въ жены

родственницу царскаго дома: сынъ ихъ былъ Шешонкъ. Онъ взялъ себѣ и своему сыну Осоркону дочерей Псусенна II въ жены, и могъ считать престолъ обезпеченнымъ за потомствомъ своего рода. Убѣжавшій отъ Соломона Іеровоамъ нашелъ у него уже тогда защиту; но такъ какъ для израильтянъ пробилъ часъ раньше, чѣмъ для ихъ покровителя, то продолжалась война въ Палестинѣ между наслѣдникомъ Соломона Ровоамомъ и сообщниками Іеровоама уже нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ новая двадцать вторая династія Бубаститовъ достигла правленія.

Тогда то вмѣшался царь Шешонкъ I (950—929), библейскій Сисакъ. Въ Карнакѣ сохранилась бо̀льшая часть списка палестинскихъ городовъ и мѣстностей, которые завоевалъ Шешонкъ, вѣроятно, между 950 и 949 годами. Іерусалимъ стоялъ, должно быть, среди 23 стершихся именъ, такъ какъ Ветхій Завѣтъ повѣствуетъ точно объ увозѣ сокровищъ Соломона. Изъ остальныхъ 133 именъ довольно много принадлежитъ къ сѣверному Израилю: такимъ образомъ Іеровоамъ обязанъ своей побѣдой надъ Іудой дѣйствительно только появленію египетской боевой силы. Долго ли оба израильскія государства послѣ того оставались обязанными платить дань, неизвѣстно; по позднѣйшимъ іудейскимъ предположеніямъ 30 лѣтъ.

Хотя ливійцы изъ Бубаста пріобрѣли двойную корону, какъ представители военной силы, начали со счастливыхъ подвиговъ въ Азіи и владычествовали 170 лѣтъ, упадокъ Египта при нихъ пошелъ еще быстрѣе. Цари сооружали постройки въ Мемфисѣ и городахъ Дельты, выискивали воспоминанія о Рамессидахъ и называли по временамъ своихъ младшихъ сыновей или двоюродныхъ братьевъ „царскія дѣти Рамсеса"; во всемъ остальномъ удержались однако обыкновенія танитовъ. Шешонкъ I, главною женой котораго была Карама, получившая снова титулъ „жены бога", помѣстилъ своего сына Юпуаата на ряду съ собой, въ качествѣ верховнаго жреца Амона, какъ это сдѣлалъ и Пиноцемъ (стр. 660). Опасность отъ Эѳіопіи угрожала Египту все болѣе и болѣе. Объ Осорконѣ I (929—914), его преемникахъ Такелотѣ I-мъ и Осорконѣ II-мъ не извѣстно почти ничего; Такелотъ II, вѣроятно преемникъ Шешонка II, правилъ приблизительно съ 889 до 874 года, боролся до одиннадцатаго года своего царствованія съ мятежами во всѣхъ частяхъ Египта, повелѣлъ потомъ чрезъ своего сына Осоркона упорядочить снова въ Ѳивахъ службу Амону, но, потомъ, повидимому опять имѣлъ поводъ жаловаться на смуты. Несомнѣнно, что отдѣльные ливійскіе властители городовъ, которые были равны съ нимъ, начали чувствовать себя около этого времени самостоятельными. Шешонкъ III, судя по надписямъ важныхъ для опредѣленія этихъ временъ царствованій гробницъ Аписовъ, сидѣлъ на престолѣ 52 года, т. е. приблизительно до 822 г., между тѣмъ какъ его даты „въ углу Бубастидовъ" храма Карнакскаго только доходятъ до 29 года и затѣмъ прекращаются. Ѳивы, должно быть, такимъ образомъ попали въ эѳіопское владѣніе около 840 г. Оба послѣдніе царя этого дома, Пимай (822—820) и Шешонкъ IV (820—около 780) должны были, вѣроятно, бороться изъ-за средняго Египта; войско Шешонка достигло даже до острова Сехель у перваго водопада.

Съ этого времен распадается царство и внѣшнимъ образомъ. При началѣ похода, который привелъ эѳіопскаго царя Піанхи около 770 года въ нижній Египетъ, мы видимъ слѣдующую картину. Въ Саисѣ возсталъ царь Тефнахтъ, который включилъ Мемфисъ въ свою область и возымѣлъ намѣреніе возстановить здѣсь царство фараоновъ. Изъ другихъ четырехъ „царей", вѣроятно, трехъ нужно считать родственниками Бубаститскому дому—это: Осорконъ въ Бубастѣ, Юпуатъ изъ Тент-рему и Немартъ изъ Шмуна (великаго Ермополя); они примкнули „какъ собаки" (по Піанхи) къ Тефнату, между тѣмъ какъ четвертый, Пефтудибастъ изъ Ираклеополя (Ахнасъ), держался стороны эѳіоплянъ. Прочіе 15 приверженцевъ Тефнахта,

по большей части предводители наемнаго войска, обладавшіе городскими округами; двое называютъ себя наслѣдными князьями; въ Летополѣ во главѣ стоитъ верховный жрецъ Гора. Манеѳонъ смотритъ на это положеніе какъ на „двадцать третью династію“, въ которой онъ насчитываетъ одного за другимъ царей: Петубаста, Осорхона, Псаммуса и Зета.

д) Эѳіопляне и ассирійцы въ Египтѣ.

Піанхи, какъ сообщаетъ его большая надпись на горѣ Баркалъ у Напаты (см. стр. 533) совершенно не по-египетски ясно, лично двинулся въ 20-мъ году на Египетъ, такъ какъ уже въ мѣсяцѣ Тотѣ 21-го года своего царствованія онъ повелѣлъ поставить памятникъ на родинѣ. Такимъ образомъ начало его царствованія падаетъ на 790 г.; производить его родъ отъ Херигора, по той причинѣ, что сынъ послѣдняго (стр. 660) носилъ то же имя, нѣтъ никакого основанія. Выборъ имени Піанхи для эѳіопскаго царевича вѣроятно выдвигаетъ на видъ только противоположность Бубаститамъ, которые со своей стороны, минуя 21-ую династію, желали примкнуть къ Рамессидамъ. Оба военные правителя Піанхи въ Египтѣ, Пуарма и Ламерсекни, несчастливо сражались съ Немартомъ, между тѣмъ какъ Тефнахтъ угрожалъ Ираклеополю. При этомъ извѣстіи собирается самъ Піанхи, празднуетъ въ Ѳивахъ предъ Амономъ новый годъ и спѣшитъ потомъ по его словамъ „заставить страны Нижняго Египта попробовать вкусъ моихъ перстовъ.“ Послѣ сильной обороны Немартъ долженъ былъ сдаться въ Ермополѣ; высшій властелинъ вступилъ, торжественно принятый, въ городъ, но не позаботился о женахъ и придворной прислугѣ Немарта, только освидѣтельствовалъ прежде всего добычу и назначилъ ее частью для Амона. „Его Величество пошелъ дальше въ конюшню и въ жеребятню. Онъ замѣтилъ, что эти животныя должно быть голодали, и сказалъ (Немарту): „клянусь, хуже меня тяготитъ, чѣмъ всѣ грѣхи, которые ты учинилъ, что мучилъ лошадей!“ — Укрѣпленія при входѣ въ Фаюмъ также не устояли; Мемфисъ, напротивъ, который былъ окруженъ новою стѣною, палъ лишь послѣ нападенія приступомъ со стороны рѣки. Какъ Піанхи тотчасъ позаботился объ охранной стражѣ для храма Пта, какъ онъ самъ паломничалъ туда, а затѣмъ въ Иліополь въ храмъ Ра, разсказано намъ съ точностью въ надписи, которая цѣнна для знакомства съ церемоніаломъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проливаетъ свѣтъ на мелочность эѳіопской набожности (см. стр. 534), Уже въ Мемфисѣ Юпуатъ и другіе мелкіе князья предстояли предъ Піанхи съ данью; и когда побѣдитель подошелъ къ Атрибу, послѣдовало всеобщее подчиненіе. Тефнахтъ остался только въ томъ отношеніи упоренъ, что принесъ присягу на вѣрность у себя на родинѣ въ Саисѣ предъ посланниками Піанхи. Но попытка „освобожденія“ Египта не удалась.

Въ теченіе слѣдующихъ 40 темныхъ лѣтъ цари Напаты вѣроятно еще чаще поддавались ливійскому хозяйничанью. Сынъ Тафнахта Бокхорисъ называется въ позднѣйшихъ греческихъ описаніяхъ то мудрымъ законодателемъ и умнымъ судьей, то скупымъ слабымъ человѣкомъ и непочитателемъ боговъ: Манеѳонъ дѣлаетъ его единственнымъ представителемъ двадцать четвертой династіи и допускаетъ, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ Сабакономъ и сожженъ. Существованіе этого царя и его притязаніе на царство удостовѣряетъ только гробница Аписа въ Серапеѣ въ Мемфисѣ отъ 6-го года.

Второй или третій наслѣдникъ Піанхи, Сабаконъ, въ дѣйствительности снова подчинилъ всю страну въ 728 (или раньше) году. Въ Ѳивахъ мы находимъ сестру Сабакона Аменердисъ, называемую часто женою бога Амона; она была дочь царя Кашты, выступаетъ, какъ правительница и супруга младшаго Піанхи, который также встрѣчается повидимому, какъ

царь. Сабаконъ у Манеѳона—основатель двадцать пятой династіи, признанной, наконецъ, эѳіопскою, имѣлъ временныя недоразумѣнія съ Саргономъ Ассирійскимъ; на него смотрятъ, какъ на союзника Ганнона, царя Газы и Севеха библейскаго, на помощь котораго надѣялся послѣдній израильскій царь (см. стр. 66). Себихосъ (по египетски Шабатака), сынъ Сабакона и наслѣдникъ, построилъ маленькій складъ на святомъ озерѣ Карнака, гдѣ еще можно видѣть его изображеніе съ разными неегипетскими украшеніями. Амонъ обѣщаетъ повергнуть всѣ чужія страны къ его стопамъ, для чего у него были, конечно, хорошія средства при ассирійскомъ вторженіи. Побѣда Синахериба въ 701 году при Алтаку (см. стр. 70 и 213) была одержана надъ союзомъ, который уже давно составился для освобожденія Іерусалима и въ которомъ едва ли не принимали участія египтяне. Геродотъ разсказываетъ о „жрецѣ Гефеста Сеѳѣ", наслѣдникѣ Сабакона, слѣдующую благочестивую легенду. Синахерибъ двинулся противъ Египта, обезоруженнаго возстаніемъ воиновъ; но посланныя богомъ полевыя мыши въ лагерѣ у Пелусія пожрали будто въ ночное время всѣ кожаныя части вооруженія и жилы лука непріятеля: Сеѳъ былъ спасенъ. Мыши (а еще болѣе крысы), — предвѣстники чумы; въ этомъ отношеніи данный разсказъ согласенъ съ библейскимъ о спасеніи Іерусалима отъ Синахериба.

Серьезную борьбу противъ ассирійцевъ за египетскія владѣнія предпринялъ только Тахарка, который, служа съ молодости въ эѳіопскомъ войскѣ, въ 693 г. до Р. Х. низвергнулъ и умертвилъ Себихоса. О столкновеніи съ Ассаргаддономъ, объ уничтоженіи эѳіопскаго владычества къ сѣверу отъ Ассуана и о занятіи Ѳивъ войсками Ассурбанипала см. отдѣлъ I-й, стр. 72 сл. Верховенство Саргонидовъ (съ 715) было не долго. Опираясь на большинство городскихъ князей и номарховъ, которыхъ Ассурбанипалъ поименовываетъ до двадцати, великій царь Ниневіи думалъ во всякое время удержать рѣшающее слово и здѣсь, на далекомъ Нилѣ. Однакожъ именно, благодаря быстрому слѣдованію чужеземныхъ завоеваній, партикуляризмъ, это дурное наслѣдство Бубаститовъ, былъ тамъ внутренно сломанъ. При уходѣ грабителей Ѳивъ, Нехао, князь Саиса и Мемфиса, стоялъ гораздо ближе къ цѣли, чѣмъ Тефнахтъ столѣтіемъ прежде. Смерть не позволила Нехао сорвать уже созрѣвшій плодъ.

Чтобы проложить себѣ дорогу „во владыки обѣихъ странъ", сыну его Псамметиху пришлось преодолѣть только уже ничтожныя затрудненія. Онъ продолжалъ платить дань Ассиріи и далъ при этомъ особенномъ случаѣ, можетъ быть, нѣсколько больше. Черезъ это сохранилъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужную опору противъ стремленія къ возвращенію Танут-Амена, только что изгнаннаго ассиріянами въ Нубію преемника Тахарки. Эѳіопская царевна Шепенопетъ, племянница Аменердисы, управляла при Псамметихѣ I, какъ жена бога въ Ѳивахъ: такимъ образомъ она старалась о добромъ согласіи съ Эѳіопіей; только дочь новаго царя, Нитокриса (Нейтакертъ), должна была быть признана, какъ будущая наслѣдница. Если же большая часть египетскихъ мелкихъ князей была за Псамметиха, то другіе могли плохо подшутить надъ нимъ. Чѣмъ глубже Ассурбанипалъ вдавался въ свои восточныя войны (стр. 75), тѣмъ болѣе подымались виды фрондирующихъ мелкихъ соправителей въ Египтѣ на возстановленіе „равновѣсія", чего естественно только очень желали эѳіопскіе цари.

Отъ Ливіи нечего было ожидать Псамметиху подкрѣпленія. Узкая страна совершенно стрясла съ себя излишекъ населенія и перенесла тотчасъ послѣ этого эллинскую колонизацію (томъ IV, стр. 221). И дельта Нила несомнѣнно уже въ VIII столѣтіи была охотно посѣщаема купеческими судами расцвѣтающихъ малоазіатскихъ греческихъ городовъ; отсюда лучшія свѣдѣнія объ эѳіопскомъ завоеваніи, объ освобожденіи, благодаря азіатскому вмѣшательству, и „царствованіи двѣнадцати" (додекар-

xiii) у Геродота. Теперь союзъ съ этимъ чужеземнымъ народомъ показался тѣмъ привлекательнѣе, что онъ, благодаря Гигесу (см. томъ IV, стр. 53), былъ объединенъ въ сильное царство. Скоро Псамметихъ получилъ возможность, благодаря іонійскимъ и карійскимъ (т. е. лидійскимъ) военнымъ отрядамъ, освободиться отъ докучныхъ городскихъ и областныхъ князей. Верховное господство Ассиріи исчезло съ ними (въ 660 г., см. стр. 76).

Г. От Псамметиха I до Александра Великаго.

а) Саиты.

Государство, которое, благодаря благопріятному всеобщему положенію въ Передней Азіи, со Псамметихомъ I (664—616) саисскимъ получаетъ почву и держится круглыхъ 140 лѣтъ, только по внѣшности походитъ на фараоновскій Египетъ. Вліянія эллинства, и притомъ эллинства около 600 г. до Р. Х.—дѣйствуютъ теперь и во время владычества персовъ еще отнюдь не къ пользѣ. Но эти пришлецы съ сѣвера, сначала поселенные Псамметихомъ у Бубаста и на Больбинитскомъ устьѣ (въ „Милетскомъ Лагерѣ", т. е. Базарѣ), дали для новой египетской династіи надежную опору. Если іонійскій наемникъ среди населенія Нильской долины и былъ не такъ любимъ, какъ прежде ширтанскій солдатъ (стр. 616) или земляки сирійца Теруры (стр. 646), то онъ держался съ путешествующими вверхъ и внизъ по рѣкѣ торговцами своей націи; даже въ Великомъ Оазѣ дѣйствовала позже греческая фирма. Но для исторіи этой эпохи важно, что только греки изложили ее въ связи, хотя односторонне; собственные памятники эпохи Саитовъ даютъ къ этому изложенію скорѣе культурно-историческое дополненіе въ частностяхъ.

Главная перемѣна внутри царства походитъ на ту, которая впослѣдствіи наступила для Эллады съ переселеніемъ Константина въ Византію. Верхній Египетъ теряетъ скоро послѣднюю тѣнь своего прежняго значенія; и такъ это осталось. „Стовратныя Ѳивы" пришли, не смотря на всѣ гордыя и благочестивыя воспоминанія, въ неудержимый упадокъ, нести расходы изъ-за котораго хотя бы для колоссальныхъ храмовъ, государственной казнѣ было уже не по силамъ, хотя мятежные цари эпохи персовъ ставили себѣ за честь возстановлять обрушившіяся стѣны или колонны въ Карнакѣ и Мединетѣ-Хабу, чтобы потомъ блистали тамъ ихъ имена; кажется, что еще до конца дома Саитовъ „жены бога" оставили свое совиное гнѣздо, чтобы растрачивать при дворѣ свои доходы. Мемфисъ же, какъ въ древнія времена, снова сдѣлался средоточіемъ страны. Его счастливое положеніе въ пунктѣ развитія системы Дельты дало ему передъ Ѳивами географическое преимущество, аналогичное тому, какимъ владѣлъ Коринѳъ предъ Аѳинами; Саисъ, резиденція Псамметихидовъ, оставался притомъ городомъ незначительнаго объема, хотя его и старались поднять при помощи великолѣпныхъ сооруженій.

Соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ, возымѣли теперь притязанія Пта и Осирисъ (см. стр. 635 и 638) на ушедшую отъ Амоновой семьи боговъ верховную власть, при чемъ Осирисъ изъ владыки мертвыхъ развился во властелина неба. Исида держалась около него, если временно и стѣсненная ливійскою Нейтъ (стр. 639); Горъ наслѣдовалъ Ра. Этимъ воззрѣніямъ, которыя въ основѣ возстановляли чистое древнѣйшее ученіе, соотвѣтствовали также и выбранные изъ преданія образцы. Воспроизводились письменный языкъ и выраженія, титулы и имена Древняго Царства; образованные круги тщеславились знаніемъ древности, которое наполняло Геродота благоговѣніемъ; ср. подобные же вкусы Набунаида (стр. 90). Естественно, что искусство не отставало: человѣчки съ гусями

и женщины съ корзинами, рыночныя сцены и картины жатвы употреблялись снова, какъ украшенiе гробницъ, все въ строгомъ стилѣ предковъ, но съ небольшими отступленiями отъ исчезнувшей дѣйствительности.

Живыми красками пробѣгаетъ „исторiя" саитскихъ властителей по эллинскимъ источникамъ. Что Псамметихъ I (по египетски Псемтекъ) невозможнымъ образомъ повелѣлъ изслѣдовать начало истоковъ Нила и древность языка, объ этомъ сообщается подробно, а о томъ, что онъ сильно укрѣпилъ пограничное мѣсто Дафнэ при Пелусiи, Марею на западѣ и Элефантину на югѣ, взялъ обратно филистимскiй городъ Азотъ послѣ 29-ти лѣтнихъ усилiй и удержалъ отъ вторженiя въ Египетъ дошедшихъ до Палестины скиѳовъ—лишь вкратцѣ. Царь умеръ послѣ долгаго правленiя, какъ разъ въ то время, когда обнаружилась неотвратимость паденiя Ассирiи (стр. 77) и произошелъ переворотъ въ группировкѣ державъ Передней Азiи; союзная Лидiя, кажется, нашла однако сопротивленiе въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ. Нехао II (610—594), сынъ Псамметиха, подвинулся въ 608 г. въ Палестину и приглашалъ бывшихъ ассирiйскихъ вассаловъ къ мирному подчиненiю; еще теперь нѣкоторые изъ этихъ князей, въ томъ числѣ iудейскiй царь Iосiя, защищали дѣло ассирiйцевъ. При Мегиддо (Мигдолъ; см. стр. 88) они были разбиты наемниками Нехао. Побѣдитель посвятилъ свои испытанныя въ битвѣ латы Аполлону Бранхидскому въ Милетѣ, какъ знакъ дружбы для лидiйскаго царя, свѣтскаго властелина святилища. Послѣ того Нехао взялъ „великiй городъ Кадитисъ"; въ Риблѣ, близъ него находилась нѣкоторое время главная египетская квартира. Отсюда распорядился Нехао о престолонаслѣдiи Iудеи. Однако, не смотря на выигранное сраженiе на той самой почвѣ, гдѣ однажды Тутмосъ III началъ покоренiе Сирiи (стр. 621), новая попытка расширенiя имѣла быстрый конецъ. Въ 605 году войско Нехао было совершенно разбито Навуходоносоромъ при Каркемишѣ (Кархемишѣ, стр. 88) на Евфратѣ, позже 601 года ни одного азiатскаго города не было во владѣнiи Египта. Замѣчательное повѣствованiе Геродота о плаванiи вокругъ Африки, которое было совершено въ теченiе трехъ лѣтъ по повелѣнiю Нехао финикiйскими мореплавателями, предполагаетъ во всякомъ случаѣ долговременное господство царя въ Финикiи. То, что Нехао затѣмъ снова началъ прорытiе канала отъ Дельты къ Чермному морю, но прiостановилъ сооруженiе послѣ потери 120,000 рабочихъ, оказывается однако ясно легендой.

При Псамметихѣ II (594—589), отъ времени котораго памятники гораздо чаще, чѣмъ отъ времени его отца, Египетъ попытался сдѣлать земельныя прiобрѣтенiя на югѣ. Войско дошло до Абу Симбеля или еще дальше; его наемники (вѣроятно кипрскiе), умѣвшiе писать по гречески и финикiйски и бывшiе подъ начальствомъ Псамметиха, сына Теокла, нацарапали на память о себѣ свои имена на колоссальныхъ статуяхъ храма Рамсеса. По Геродоту, царь умеръ еще до окончанiя войны.

Апрiэсъ (Уахаб-Ра) слѣдовалъ за нимъ. Египетская политика мечтала вторично о прiобрѣтенiяхъ на жаркой почвѣ Сирiи-Палестины. Скудныя сообщенiя, которыя сохранились о движенiи Апрiэса въ Финикiи, въ особенности на морѣ противъ Тира и Сидона, дополняются библейскими свѣдѣнiями о ненадежности фараона „Хофры" во время крайней нужды Iерусалима (стр. 166). Послѣ паденiя города и гибели Iудеи могущество Навуходоносора въ Западной Азiи было непоколебимо. Надпись правителя города Элефантины, Нес-гора, повѣствуетъ сверхъ того о смутахъ въ Верхнемъ Египтѣ, укротить которыя удалось, повидимому, только хитрымъ обманомъ. И вмѣшательство Апрiэса въ безпрестанныя войны ливiйцевъ съ киринейскимъ греческимъ царствомъ было неуспѣшно. По Геродоту, оно повело даже къ паденiю властителя, такъ какъ его полководецъ Амазисъ воспользовался нежеланiемъ нацiональнаго египетскаго войска подвергать себя новымъ пораженiямъ на западѣ, чтобы са-

мому сдѣлаться царемъ. Во главѣ своего чужеземнаго наемнаго войска Апріэсъ выступилъ будто противъ Амазиса, но при Момемфисѣ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Нѣкоторое время содержавшійся подъ слабымъ надзоромъ, низверженный былъ, наконецъ, принесенъ въ жертву негодованію народа, а потомъ погребенъ въ царской гробницѣ. Вымыселъ здѣсь еще нѣтъ возможности отдѣлить отъ правды. То, что Амазисъ отнюдь не былъ „ничтожнаго происхожденія“, какъ полагаетъ эллинское повѣствованіе, теперь несомнѣнно: его мать Тесат-эн-Хестъ была дочь Псамметиха II. Напротивъ, кажется становится ненадежнымъ, благодаря одному изъ сообщенныхъ Г. Даресси текстовъ, существовавшее до этого времени предположеніе, будто Амазисъ и Апріэсъ вели правленіе нѣсколько лѣтъ въ согласіи другъ съ другомъ: Амазисъ объявляетъ въ третій годъ своего царствованія, о смерти Апріэса въ битвѣ съ нимъ. Отрывки одной надписи Навуходоносора допускаютъ указаніе, что вавилоняне въ 568—67 годахъ вторгнулись въ Египетъ; можетъ быть, въ связи съ этимъ стоитъ перемѣна на престолѣ. Для конца правленія Апріэса дата Геродота—564 годъ кажется слишкомъ поздней. Амазисъ, который, не смотря на все, смотрѣлъ на своего шурина, какъ на законнаго предшественника, началъ считить свое собственное господство, можетъ быть, уже съ 570 года.

Разсказъ относится къ царствованію Амазиса, опредѣленному въ 44 года, какъ къ доброму старому времени. Но внѣшняя политика царя лишена какой бы то ни было великой черты. Между греческими анекдотами, въ которыхъ Амазисъ, какъ личный другъ Ѳалеса, Біанта и т. д., управляетъ, какъ мудрый законодатель и ласковый благодѣтель, проскальзываетъ косвенный свѣтъ, который выставляетъ его просто, какъ тертую лисицу. Его цѣль была только выиграть для Египта короткую отсрочку. Онъ смотрѣлъ спокойно на паденіе Лидіи; то, что говоритъ Ксенофонтъ о египетской помощи—басня. А если онъ дѣйствительно занялъ случайно островъ Кипръ, то очистилъ его потомъ передъ персами. Послѣ паденія Сардъ его взяла забота, откуда онъ будетъ брать эллинскія войска; для этого онъ сталъ вести переговоры съ прочими оставшимися городами восточно-эгейскаго берега въ отдѣльности, одаривать ихъ храмы такъ же, какъ когда-то Нехао храмъ Бранхидскій (стр. 666). Извѣстная исторія союза между Амазисомъ и Поликратомъ Самосскимъ типична именно относительно пользы, которую „тростниковый жезлъ—Египетъ“ могъ оказать другимъ въ нуждѣ.

Во всякомъ случаѣ эллины могли разсчитывать вездѣ на предупредительное обращеніе; даже съ безпокойными Киренами Амазисъ поступалъ мягко. Недалеко отъ позднѣйшей Александріи у канопскаго устья Нила поселилось около 700 греческихъ купцовъ, какъ полагаютъ, іонійцевъ изъ Теоса. Факторія возросла до города иностранцевъ и получила названіе „Могучая кораблями“: Навкратисъ. Послѣ погрома Лидіи, т. е. въ 545 г., Амазисъ нашелъ полезнымъ собрать въ Навкратисѣ теперь вдругъ нахлынувшее переселеніе изъ іонійскихъ и дорійскихъ городовъ, запрещеніемъ на будущее причаливать съ товарами въ другихъ мѣстахъ. Городъ получилъ самоуправленіе и въ качествѣ святилища—Элленій, въ которомъ принимали участіе девять полноправныхъ городовъ и острововъ; конечно, его затмилъ блескъ аполлонова храма милетцевъ, отпрыска храма Бранхидскаго. Греческое преданіе оказалось благодарнымъ царю Амазису по меньшей мѣрѣ за двадцатилѣтнее покровительство эллинству. Менѣе хвалитъ его египетское: въ написанныхъ демотическимъ шрифтомъ отрывкахъ одного текста изъ эпохи Птолемеевъ, въ числѣ различныхъ ссылокъ на прошлое, порицается Амазисъ за то, что онъ будто конфисковалъ доходы храмовъ Мемфиса, Иліополя, Бубаста и Саиса, чтобы платить наемникамъ; въ заключеніе боги должны были отказаться отъ многихъ богатствъ и поземельныхъ владѣній.

Быстро удалось колоннамъ войска Камбиза завоеваніе страны лѣтомъ

525 г., три четверти года спустя послѣ смерти Амазиса. При Пелусіи были побѣждены, послѣ жестокаго сраженія персами, дорогія наемныя войска Псамметиха III, послѣдняго Саита; измѣнникъ, галикарнасецъ Фанесъ, какъ говорятъ облегчилъ Камбизу переходъ чрезъ пустыню. Псамметихъ двинулся обратно въ Мемфисъ. Городъ защищался, переходя отъ излишняго рвенія въ малодушіе, только короткое время, и съ нимъ, какъ говорятъ, было поступлено жестоко. Точно также повѣствуетъ сказаніе о другихъ жестокостяхъ Камбиза (см. стр. 137): истребитель дружественнаго эллинамъ рода Саитовъ могъ быть непремѣнно только крайне злымъ человѣкомъ. Псамметихъ III, кажется, присягнулъ на вѣрность, какъ будущій князь-данникъ, но немедленно сталъ готовить возстаніе, а потому приговоръ его къ смерти былъ неизбѣженъ.

б) Эпоха персовъ.

Египетъ потерялъ своего государя и платилъ дань въ Сузу вмѣсто Саиса. Навкратисъ же лишился своего, само собою разумѣется, невозможнаго при персидскомъ владычествѣ преимущества складочнаго мѣста. Этимъ собственно исчерпываются всѣ нововведенія 200-лѣтняго, часто прерывавшагося возстаніями времени персовъ. На народность, культуру, религію скупо посѣянные высшіе чиновники персидскаго происхожденія не оказали ни малѣйшаго вліянія; даже постоянный гарнизонъ въ „Бѣломъ укрѣпленіи“ Мемфиса не каждый разъ присылался изъ отдаленнаго Ирана: неегипетскихъ подданныхъ великаго царя довольно было и для такой службы. Поэтому египетская культура могла развиваться дальше, почти безъ помѣхъ. Нѣкоторое время, кажется, еще продолжалось пристрастіе къ Древнему Царству у высокопоставленныхъ. Подъ защитой пирамиды Унаса (стр. 594) на полѣ Саккара искали себѣ еще въ 450 году состоятельные люди послѣдняго упокоенія въ безопасныхъ шахтахъ, такъ и при Даріи I какой-то Псамметихъ, а послѣ него его сынъ Петенисисъ; собраніе превосходно сработанныхъ въ выдержанномъ стилѣ драгоцѣнностей содержала открытая весною 1900 г. гробница флотскаго предводителя Цанахибу. Въ другомъ мѣстѣ этого древняго поля мертвыхъ въ 482 г. (четвертомъ году царствованія Ксеркса) были похоронены египтянинъ Аба и его сирійская супруга Хетабу ихъ сыномъ Абсели, который велѣлъ присоединить къ грубымъ іероглифамъ еще арамейскую надпись. Пристрастіе къ массивнымъ каменнымъ гробамъ изъ рѣдкаго матеріала возрастаетъ; придаютъ особенное значеніе заполненію внутреннихъ и наружныхъ плоскостей изображеніями и письменными знаками: князь Нектанебъ, потомокъ послѣдней туземной династіи страны и современникъ Александра, оставилъ послѣ себя гробъ, на которомъ помѣщено кромѣ 1000 изображеній еще 20,000 іероглифовъ. Почитаніе животныхъ принимаетъ теперь полное развитіе и идетъ гораздо дальше Аписа и Мневиса (стр. 589 и 638); начинаютъ бальзамировать копчиковъ, ибисовъ, барановъ и кошекъ, подобно людямъ, завертывать въ пелены, дѣлать имъ гробы и тому подобное, пока въ эпоху Птолемеевъ и римскую ни крокодилъ, ни змѣя, ни рыба, ни собака, ни мышь и жукъ не остались пощаженными набожностью, впавшею въ дѣтство.

И Саисъ открылъ ворота персидскимъ царямъ. Камбизъ появился тамъ, какъ законный фараонъ, облекши себя предъименемъ Месут-Ра (дитя Ра) и совершилъ въ храмѣ Нейтъ (стр. 639) торжественные жертвенные обряды, послѣ того, какъ онъ освободилъ святилище отъ вломившихся въ него: вѣроятно, отъ своего собственнаго войска. Объ отправленіи корпуса въ западный оазъ Амона и таинственномъ исчезновеніи его въ пустынѣ мы узнаемъ только изъ греческихъ источниковъ, между тѣмъ какъ лучше засвидѣтельствованъ успѣшный походъ противъ Эѳіопіи (въ

524 г.). Одна, вѣроятно, происходящая изъ Напаты надпись эѳіопскаго царя Настесена упоминаетъ одного непріятеля „Кембесудена", который вторгнулся на кораблѣ въ страну; при Даріи кушиты въ Нубіи были данниками персовъ и поставляли имъ войска.

Дольше, чѣмъ слѣдовало для прочности своего престола, Камбизъ пребывалъ въ долинѣ Нила, до 522 г.; когда его призвало домой возстаніе Гауматы (стр. 137), онъ передалъ Египетъ намѣстнику Аріанду. Событія въ Персіи сдѣлали послѣдняго почти самостоятельнымъ, и ему удалось покореніе Кирены, но Дарій I удалилъ его въ 517 г. насильно (стр. 141) и появился затѣмъ лично самъ, чтобы включить въ свою всеобщую административную реформу и доходное наслѣдіе фрраоновъ. Жречества получили увеличеніе своихъ доходовъ, коллегіи въ Саисѣ были снова доведены до полнаго числа: то же могло происходить и въ Мемфисѣ, Иліополѣ и другихъ священныхъ мѣстахъ. Точно также у Дарія оставались еще деньги для построекъ храмовъ, послѣ того какъ онъ опредѣлилъ годовую подать египетско-ливійской сатрапіи въ 700 талантовъ (2,1 милліона рублей) и обезпечилъ себя на рядъ случайностей. Отрывки надписей извѣщаютъ далѣе, что царь будто привелъ въ исполненіе также древній планъ канала къ Чермному морю; но искатели сокровищъ Индіи едва ли пользовались когда-нибудь этимъ путемъ въ Средиземное море.

Однако новаго порядка было недостаточно, чтобы успокоить страну. Уже въ 487—86 году одинъ туземецъ, по имени Хаббашъ, принялъ царскій титулъ, принесъ въ даръ богинѣ Буто участокъ, получившій съ тѣхъ поръ имя „Земля Буто", и ревностно заботился о защитѣ морского берега. Ксерксъ положилъ конецъ этой интермедіи и передалъ своему брату Ахемену возстановленную сатрапію (ср. выше, стр. 143). Когда по умерщвленіи Ксеркса (465 г.) наслѣдованіе въ Сузѣ представлялось спорнымъ, началось возстаніе Инара, а въ 450 г. Амиртея въ Нижнемъ Египтѣ (ср. стр. 145). Когда страна, наконецъ, снова признала персидское верховное господство (въ 449 г.), Артаксерксъ I Долгорукій предпочелъ оставить сыновей бунтовщиковъ Тамираса и Паусириса князьями въ ихъ болотистыхъ областяхъ. Дарій II повелѣлъ еще разъ произвести постройки при храмѣ въ оазѣ Харгехъ, который тамъ основалъ Дарій I. Это почти послѣдній памятникъ въ Египтѣ персидскаго царя.

Съ 415 годомъ Египетъ былъ совершенно потерянъ для Царства Востока и удерживалъ за собою независимость до средины слѣдующаго столѣтія (стр. 146). Саисскій князь, Амиртей (II), можетъ быть внукъ только что названнаго, добылъ греческихъ наемниковъ, объявилъ себя властелиномъ обѣихъ странъ и прогналъ персовъ, которымъ не дозволяли скораго возвращенія затрудненія въ другихъ областяхъ ихъ огромной монархіи. Такимъ образомъ еще разъ возстановленное царство выиграло время, чтобы вооружиться для будущей защиты извнѣ, но оно не могло воспрепятствовать тому, что хорошо оплаченные помощники изъ Эллады (набранные теперь по большей части изъ полуострова Пинда), играли имъ какъ мячикомъ изъ-за своей прихоти. По всей вѣроятности подобные капризы были вызываемы денежными подарками египетскихъ властителей, которые сами домогались престола: это то же самое явленіе, которое происходило въ большемъ масштабѣ во время Діадоховъ, а потомъ при императорахъ преторіанцевъ.

Въ 409 г. наемники свергнули Амиртея и отстранили его родъ отъ престолонаслѣдія въ пользу Неферита изъ Мендеса. Когда же новый царь принялъ въ соправители своего сына Нектанеба, „народу" настолько не понравилась эта предупредительная мѣра, что Нектанебъ долженъ былъ обратно удалиться въ Себеннитъ. Уже въ 404 году Ахорисъ изъ воиновъ-рабовъ возвысился до царя. Онъ правилъ до 391 года, и его набожность доказана на дѣлѣ сооруженіемъ храмовъ въ разныхъ мѣстахъ. Напротивъ

его наслѣдникъ Псаммутисъ, который, если Діодоръ имѣетъ его въ виду, говоря о Псамметихѣ царѣ Египетскомъ“, будто уже въ 400 г. владѣлъ въ Дельтѣ, слыветъ за непочитателя боговъ, почему онъ и былъ признанъ только одинъ годъ, и то не повсемѣстно. Храбрый человѣкъ былъ опять „Мутесъ“, котораго точно также терпѣли только годъ. Затѣмъ между наемниками произошелъ раздоръ. Послѣ того, какъ они умертвили второго Неферита, возстановилось „древнее право“, вѣроятно, благодаря обратному призванію, когда-то изгнаннаго отъ двора, царевича Нектанеба I (въ 385—363 г.). При немъ Египетъ игралъ большую роль въ возстаніяхъ въ Передней Азіи. Но когда кипрскій Эвагоръ, не смотря на союзъ съ Нектанебомъ, подчинился персамъ, стала угрожающею опасность обратнаго завоеванія и Нильской долины. Въ 374 г. появилось большое войско изъ Сиріи подъ предводительствомъ Фарнабаза. Послѣ нечаяннаго нападенія на Мендесъ аѳинянина Ификрата, который начальствовалъ надъ греческими наемниками, вступили въ споръ оба полководца; Нилъ поднялся, и Египетъ былъ спасенъ. Тахъ (363—361 г.), сынъ Нектанеба, воспользовался даже ближайшимъ большимъ возстаніемъ въ Сиріи, чтобы вторгнуться туда съ военной силою (стр. 148). Однако греческіе наемники послужили гибелью для этого хорошо налаженнаго предпріятія: спартанскій царь Агиселай, который еще въ свои прежніе годы „проплылъ море за деньги“, объявилъ себя вдругъ за двоюроднаго брата Таха Нектанеба (II); составитель упомянутаго на стр. 667 демотическаго текста какъ будто даже знаетъ, что персы поддерживали этотъ переворотъ. Тахъ, который уже былъ въ Сидонѣ, увидѣлъ, что его войско перебѣгаетъ, перешелъ самъ къ великому царю, которымъ онъ былъ учтиво принятъ. Агесилай долженъ былъ между тѣмъ низложить новаго мендесскаго претендента на престолъ, и вскорѣ потомъ умеръ.

Съ восшествіемъ на престолъ Артаксеркса III въ Персіи (358 г.), началась снова борьба. Нападеніе царя на Египетъ отбили греческіе полководцы Нектанеба II, Діофантъ и Ламій; но поддержка послѣдняго всеобщаго возстанія въ береговой странѣ Передней Азіи привела сюда еще разъ персовъ. Съ обѣихъ сторонъ сражались греческія войска въ послѣднихъ битвахъ въ Дельтѣ. Чтобы ничего не было продано непріятелямъ по взятіи Пелусія и Бубаста, Нектанебъ, должно быть, убѣжалъ со своими сокровищами въ Эѳіопію; его родственники остались въ Египтѣ, и онъ самъ нашелъ себѣ гробницу, можетъ быть, въ Мемфисѣ. Какъ царь-строитель, Нектанебъ II (361—343) превзошелъ значительно всѣхъ прочихъ мятежныхъ царей. Великолѣпный, выстроенный только при Птолемеяхъ и оконченный къ римской эпохѣ храмъ Исиды на островѣ Филэ (см. таблицу при стр. 673), былъ заложенъ имъ; далѣе найдены остатки его дѣятельности въ Мемфисѣ, Иліополѣ, Себеннитѣ, и особенно въ Ѳивахъ, храмы которыхъ вообще со времени Амиртея II сдѣлались снова болѣе предметомъ заботъ.

Краткое время послѣдняго персидскаго управленія (343—332) безъ памятниковъ; значитъ, Артаксерксъ поступалъ по образцу Камбиза или еще хуже (стр. 149). Когда македоняне проникли въ Азію, и Александръ выигралъ сраженіе при Иссѣ, выступило противъ него какъ будто новое царство Египетское подъ начальствомъ его земляка (родственника?) и личнаго врага Аминты, сына Антіоха. Этотъ приверженецъ персидскаго царя съ поля битвы тотчасъ пустился въ море къ Дельтѣ съ нѣсколькими тысячами греческихъ наемныхъ воиновъ и уже занялъ Мемфисъ, какъ вдругъ, воодушевляемые персидскимъ намѣстникомъ Мазакомъ, окрестные жители напали на малочисленную беззаботную толпу. Аминта погибъ при этомъ. Почти годъ спустя послѣ того, въ концѣ 332 г. Александръ Великій вступилъ со своими фалангами въ Египетъ (см. объ этомъ IV томъ, стр. 114) безъ сопротивленія.

Д. Египетъ при Птолемеяхъ.

Періодъ ровно въ три столѣтія египетскаго культурнаго развитія, примыкающій къ македонскому завоеванію, обѣщаетъ много потому, что болѣе внимательное изслѣдованіе почвы въ недавнее время дало еще пока подавляющее множество матеріала въ папирусахъ. О жизни и сношеніи всѣхъ классовъ народа, объ управленіи страны, областей, храмовъ и деревень, о правѣ, о вѣрованіи и нравахъ находится теперь въ музеяхъ множество свидѣтельствъ. „Впослѣдствіи, когда эти демотическіе документы будутъ болѣе понятны, можно будетъ имѣть отъ нихъ большую пользу; такъ какъ вмѣстѣ съ греческими одновременными папирусами они дадутъ картину эллинскаго Египта, которая будетъ гораздо болѣе полна, чѣмъ картина любой другой эпохи долины Нила“ (Ад. Эрманъ). Только часть этого, насколько это удалось, пока обработана. Политическая исторія царства Птолемеевъ, поскольку она соприкасается съ другими культурными государствами, входитъ въ рамки начинающейся Діадохами эллинистической эпохи (см. томъ IV, стр. 60 и 302).

Надѣленный при великомъ раздѣлѣ сатрапій послѣ смерти Александра (томъ IV, стр. 124 и 139) Египтомъ, прибылъ туда осенью 44-хъ лѣтній македонскій полководецъ Птолемей, сынъ Лага. Несовершеннолѣтній сынъ царя, Александръ Эгъ, никогда не видѣлъ Египта, но на надписяхъ сатрапа считается какъ властитель, даже послѣ того, какъ онъ (въ 311 г.) былъ умерщвленъ Кассандромъ (см. томъ IV, стр. 128). Только въ 304 году принялъ Птолемей I титулъ царя и прозваніе „избавителя“ (Сотеръ); вѣроятно, въ подражаніе Антигону. Въ концѣ 285 г. Птолемей Сотеръ въ преклонныхъ лѣтахъ сложилъ съ себя управленіе въ пользу своего сына, рожденнаго въ 304 г., Птолемея II-го Филадельфа (284—247), и умеръ спустя два года послѣ этого. За этимъ слѣдовали по прямой линіи: Птолемей III Эвергетъ (247—221), Птолемей IV Филопаторъ (221—205) и до 198 несовершеннолѣтній Птолемей V Эпифанъ (ум. въ 181 г.). Послѣдній оставилъ послѣ себя троихъ, опять несовершеннолѣтнихъ дѣтей: наслѣдника престола Птолемея VI Филопатора, дочь Клеопатру и Птолемея Евергета. Вслѣдствіе вмѣшательства Сиріи (томъ IV, стр. 148) царство было раздѣлено приблизительно на годъ: Филометоръ властвовалъ въ Мемфисѣ, Евергетъ (теперь Птолемей VIII, такъ какъ у Филометора въ 165 году родился сынъ, который считается Птолемеемъ VII * и носилъ прозвище Евпатора) въ Александріи; отъ 169 до 164 правили совмѣстно всѣ трое, какъ „боги Филометоры“. Временно изгнанный, Птолемей VI возвратился обратно въ 163 г., между тѣмъ какъ Римъ принудилъ его брата довольствоваться Киреной. Но въ 146 году Филометоръ палъ въ Сиріи; Птолемей VIII появляется черезъ нѣсколько недѣль въ Александріи, умерщвляетъ юнаго Эвпатора и властвуетъ рядомъ со своей сестрой и ея одноименной племянницей со многими перерывами до 116 года. Племянница Клеопатра приняла въ соправители своего сына Птолемея X Лаѳира въ 115 году (Птолемей IX былъ сынъ старшей Клеопатры и Евергета, умеръ въ 119 году царемъ Кипра); онъ долженъ былъ удалиться въ Кипръ въ 107 г. и уступить мѣсто въ Египтѣ своему брату Птолемею XI — Александру I. Александръ убилъ свою мать; когда онъ умеръ въ 88 году, Лаѳиръ возвратился. Ему наслѣдовала дочь Клеопатра Вереника; она правила отъ 81 до 80 года одна, а потомъ вышла замужъ за своего пасынка Птолемея XII — Александра II. Ихъ совмѣстное правленіе продолжалось только 19 дней: Птолемей XIII

* Многократно употребляемый способъ счисленія таковъ: Филометоръ=Птолемей VII, Эвгертесъ=Птолемей IX, напротивъ, Эвпаторъ=Птолемей VI, а считаемый Птолемеемъ IX выше Птолемей VIII но относительно происхожденія это цифровое обозначеніе могло бы запутать.

Авлетъ („игрокъ на флейтѣ"), младшій сынъ Птолемея X, умертвилъ обоихъ, и властвовалъ сперва отъ 80 до 58 года. По его изгнаніи и ранней смерти его старшей дочери Клеопатры Трифэны, вступила на престолъ младшая Вереника (58—55), и утратила его потомъ вмѣстѣ съ жизнью въ пользу отца, возвратившагося съ римской помощью. Авлетъ самъ оставилъ Египетъ въ 51 г. своему десятилѣтнему сыну. Этотъ Птолемей XIV, находившійся въ постоянной ссорѣ со своими сестрами, Клеопатрой VII и Арсиноей, былъ побѣжденъ Цезаремъ въ 47 г. и утонулъ во время бѣгства въ Нилѣ. Отъ этого времени до 44 года царствовали Клеопатра и ея младшій братъ Птолемей XV совмѣстно; послѣдній исчезаетъ, а на его мѣсто выступаетъ съ 36 г. рожденный въ 47 г. Цезаріонъ (Птолемей XVI), отецъ котораго былъ, вѣроятно, К. Юлій Цезарь (томъ IV, стр. 396). При разрушеніи государства Птолемеевъ въ 30 году мать и сынъ были умерщвлены; одна дочь Клеопатры отъ М. Антонія (см. тамъ же, стр. 403), Селена, должно быть впослѣдствіи вышла замужъ за мавританскаго царя Юбу. Съ Птолемеемъ, сыномъ этой пары, угасъ родъ на дальнемъ западѣ (см. тамъ же стр. 408).

Александрія, блестящій городъ торговли, двора и учености выплываетъ изъ ничего съ началомъ птолемеевской династіи и сіяетъ уже послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій во главѣ эллинистическаго востока. Само собою разумѣется, исторія основанія резиденціи Александромъ Великимъ чрезъ короткое время разсказывалась безъ затрудненія. На ряду съ истинно сказочными частностями этого греческаго повѣствованія явился древнѣйшій со времени Александра египетскій памятникъ: гранитная „стела сатрапа" отъ седьмого года царствованія царя Александра Эга, т. е. около 317 г. до Р. Х. (см. выше). Надпись извѣщаетъ объ отдачѣ „страны Буто" (стр. 166) ея богинѣ и начинаетъ: „Его Величество былъ въ Азіи (читатель долженъ ошибочно добавить къ этой старой извѣстной формулѣ: въ походѣ); между тѣмъ какъ въ Египтѣ былъ человѣкъ, по имени Птолемей, властителемъ; цвѣтущій человѣкъ, съ сильными руками, съ разумнымъ совѣтомъ, правитель солдатъ...., онъ воздвигъ себѣ резиденцію, которая называется „укрѣпленіе царя (Мери-Ра-сотеп-эн-Амонъ) Александра, на берегу моря грековъ; раньше она называлась Ракота". Какъ показываетъ различительное египетское тронное имя, дѣйствительно, имѣется въ виду Александръ Великій, тѣмъ не менѣе очевидно изъ содержанія, что, по соображенію современниковъ, Александрія считалась основанной Птолемеемъ семь лѣтъ спустя послѣ смерти завоевателя. Подобное же свидѣтельство, уже само по себѣ трудно опровержимое, только закрѣпляется, можетъ быть, ближайшимъ изслѣдованіемъ похода Александра и наблюденіемъ, что даже иссійская Александрія едва ли построена по собственному побужденію своего эпонима. У Александра было мало лишняго времени для Египта; посѣщеніе имъ оаза Амона рѣшительно миѳическое. Царь зналъ своего противника на востокѣ, онъ владѣлъ моремъ со времени паденія Тира и Газы: путешествіе на западъ для отыскиванія древняго бога или новаго мѣста для гавани при поспѣшности, было для воина, который ни разу не вступалъ въ Верхній Египетъ, излишнимъ. Онъ предоставилъ Дельту навкратійцу Клеомену; нанести тяжкій уронъ древней эллинской колоніи не представлялось для него никакой побудительной причины. Птолемей I однако началъ свое управленіе съ немедленной казни Клеомена и низвелъ Навкратисъ до египетской провинціальной общины: это было самое подходящее время для основанія новой столицы, опиравшагося на точное знаніе мѣстности. Городъ, названный въ честь великаго завоевателя, получаетъ великолѣпную гробницу Александра и его тѣло, о пріобрѣтеніи котораго Птолемеемъ мы слышимъ различные разсказы.

Не будучи равенъ другимъ великимъ діадохамъ, какъ полководецъ,

сынъ Лага показалъ себя опытнымъ политикомъ какъ внутри, такъ и извнѣ. Необходимость опираться, царствуя надъ чуждой страной, на греческія наемныя толпы „македонянъ“, не помѣшала ему прежде всего выставлять свое положеніе, какъ наслѣдника фараоновъ и сына туземныхъ боговъ. Былъ желателенъ новый богъ, чтобы резиденцію, Петербургъ Египта, включить въ число религіозныхъ областей страны. „Сараписъ“ (Сераписъ; см. стр. 638), въ котораго былъ затѣмъ превращенъ Осирисъ, конечно охотно былъ признанъ, но онъ въ своемъ александрійскомъ главномъ святилищѣ получилъ такой греческій обликъ, что всегда считался чужимъ товаромъ, хотя его производство изъ понтійскаго Синопа и основывается на недоразумѣніи. При недавно произведенномъ изслѣдованіи александрійскаго Серапея, натолкнулись на два большія, искусно украшенныя подземныя мѣста погребенія.

Птолемей II украсилъ Александрію еще болѣе великолѣпными постройками. Учрежденное имъ своеобразное ученое общество на государственный счетъ въ Музеѣ, оставалось, конечно вполнѣ греческимъ и не дало для свѣдѣнія о Египтѣ ничего достойнаго наименованія. За то царю представилось необходимымъ, въ виду различнаго рода неудобствъ, взять нѣсколько лучше подъ надзоръ долину Нила. Два мѣста: Птолемаида при Абидосѣ и Крокодилополь въ Фаюмѣ (стр. 599), получившій теперь названіе по имени сестры и супруги царя Арсинои, были населены греческими наемниками, потомки которыхъ образовали городское населеніе. Подражаніе древнимъ туземнымъ примѣрамъ склонило второго Лагида вступить въ бракъ съ сестрой, овдовѣвшей уже два раза (см. стр. 148), и это стояло въ противорѣчіи съ брачной политикой, превращенной его отцомъ въ сѣть, которая должна была охватить дворы большей части эллинистическихъ культурныхъ государствъ, что столь же мало осуществляло возлагавшіяся надежды теперь, какъ и въ эпоху писемъ Амарны (стр. 627). И Птолемей III потомъ женился на своей сестрѣ Вереникѣ; дальнѣйшіе же преемники считали этотъ способъ единственно достойнымъ ихъ происхожденія.

Три первые царя изъ рода Птолемеевъ, изъ которыхъ воинственный Евергетъ выступаетъ самымъ успѣшнымъ во внѣшней политикѣ, создали такое прочное положеніе въ Египтѣ греческому элементу, что онъ потомъ ничего не утратилъ изъ благопріобрѣтеннаго, даже и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Національный египетскій элементъ долженъ былъ свыкнуться съ этимъ. Въ стилѣ сношенія царя съ храмами прокрадывается удареніе на свою личность. Вовсе не благодареніе богамъ стоитъ на первомъ планѣ, но расплата жречества за царскіе дары (такъ именно въ сухомъ почетномъ декретѣ канопскомъ въ честь Птолемея III и царицы Вереники); набожнѣе звучитъ постановленіе на „розеттскомъ камнѣ“ Птолемею V. Оба документа изложены іероглифически, демотически и по гречески въ параллельныхъ текстахъ: съ находки чернаго базальта у Розетты (1799 г.) наука египтологіи датируетъ свое начало. Постановка этого памятника произошла въ 196 г., „ибо царь Птолемей, который живетъ вѣчно, который есть возлюбленный Пта богъ Эпифанъ, сынъ царя Птолемея и царицы Арсинои, боговъ Филопаторовъ, осыпаетъ храмъ благодѣяніями“, отпустилъ странѣ налоги и пошлины, уничтожилъ недоимки, отмѣнилъ процессы противъ оклеветанныхъ, именно по поводу своего только что наступившаго совершеннолѣтія.

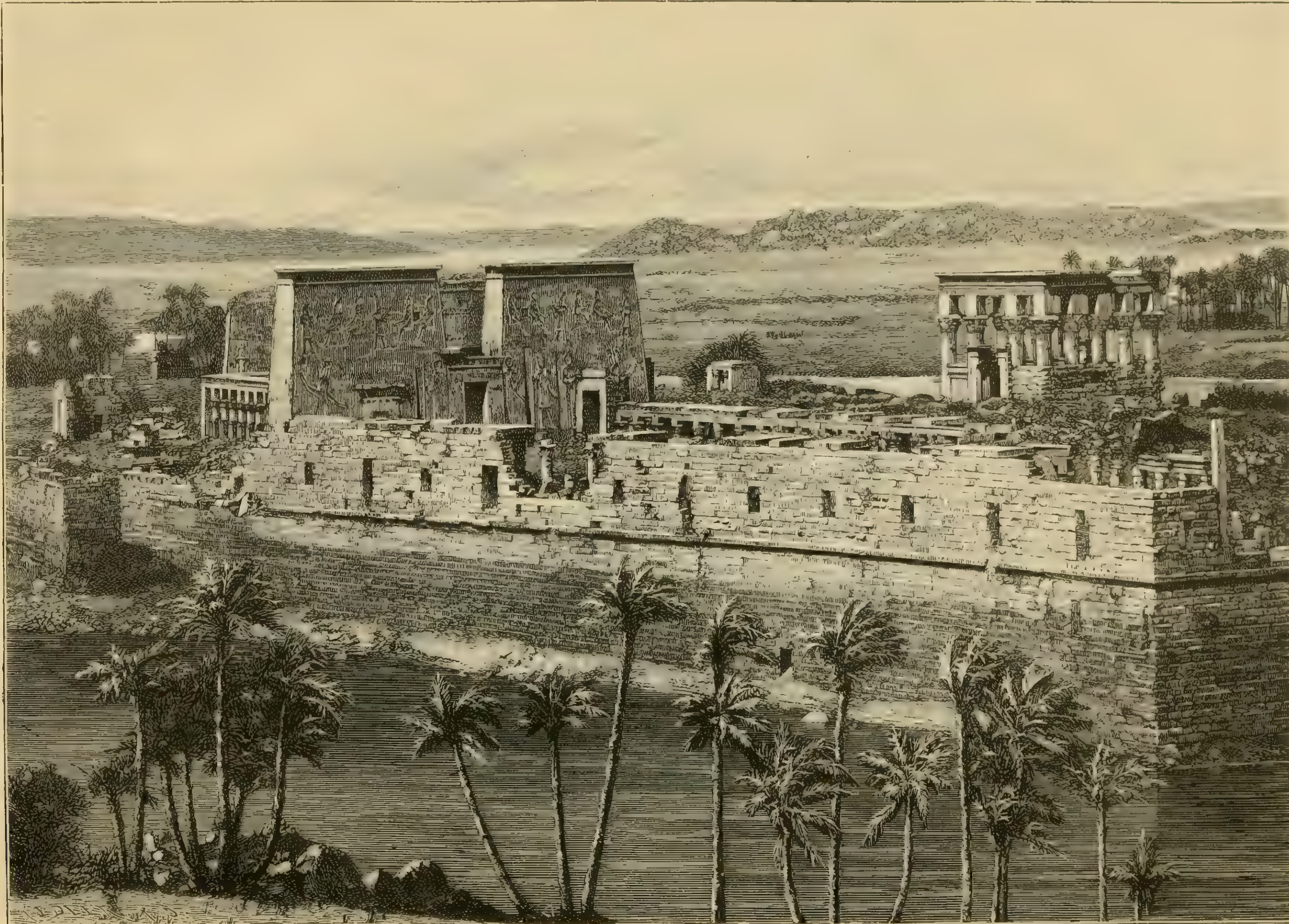
Въ предшествующіе годы дѣла обстояли неблагопріятно для продолженія прочности дома Птолемеевъ. Не только эллинистическіе сосѣди, но и египтяне поднялись противъ него: извѣстны въ Ѳивахъ туземный князь Горхетепъ („годъ 4“) и другой по имени Анхту, о 14 годѣ котораго есть упоминаніе. Возстаніе юга, должно быть, такимъ образомъ, началось во второй половинѣ правленія Птолемея IV, которое при самомъ своемъ на-

чалѣ видѣло послѣднюю попытку переворота со стороны эллинскаго наемника съ царскимъ саномъ — Клеомена III спартанскаго. Какъ бѣглецъ изъ своей родины съ малымъ отрядомъ, причаливъ къ Александріи, онъ былъ подвергнутъ тамъ заточенію; вырвавшись (въ 219 г.), онъ тщетно призывалъ удивленныхъ жителей „къ свободѣ“ и бросился, наконецъ, на свой мечъ. Тѣмъ не менѣе Птолемей IV оставилъ послѣ себя городъ, столь чуждый стремленіямъ къ свободѣ, въ дикомъ возстаніи, которое имѣло въ виду его любимцевъ, получившихъ въ немъ страшный конецъ. Съ этихъ поръ „пріятная чернь въ Александріи“ постоянно, и при римлянахъ, отличалась склонностью къ безпорядкамъ.

Что уже даетъ понять и списокъ царей (стр. 671), съ его быстрой смѣной лицъ, начиная съ Птолемея VII, послѣднія полтора столѣтія дома Лагидовъ—печальный отдѣлъ исторіи Египта. Другое представляетъ изъ себя картина, если мы примемъ въ соображеніе единственно только оставленные этой эпохой памятники. Вѣкъ развитія политической силы показался бы тогда убогимъ сравнительно съ богатымъ сооруженіями закатомъ: вотъ предупрежденіе объ осторожности при сужденіи о болѣе древнихъ періодахъ исторіи Египта. Живописный храмъ въ Филэ (см. приложенную таблицу: Храмовыя сооруженія на островѣ Филэ отъ временъ Птолемеевъ и римлянъ“) прекрасные пилоны и гармонирующія колоннады Эдфу, Эснэ, Дендера—лучшее, что сохранилось внѣ Ѳивъ изъ образцовъ египетской архитектуры, происходитъ именно отъ времени, когда увеличивались смуты въ странѣ и убійства среди царственныхъ семей; не смотря на это, напр. въ храмѣ Дер-эль-Мединехъ (позади Мединетъ-Хабу) братья Птолемеи VI и VIII обильно жертвуютъ со своею сестрою Клеопатрою и по-братски носятъ совмѣстно титулы. Многое повидимому говоритъ за извѣстное постоянство торговыхъ сношеній именно чрезъ Красное море. Связь съ Индіей удерживалась постоянно: посольство оттуда вскорѣ послѣ гибели царства Птолемеевъ разыскало съ успѣхомъ побѣдителя Августа. Въ связи съ благословеніемъ нильскаго орошенія, отъ жатвенныхъ даровъ котораго цари, какъ и во всѣ времена, получали львиную долю, доходы отъ портовыхъ пошлинъ даже при плохомъ и легкомысленномъ управленіи „флейтиста“ (стр. 672, вверху) доходили ежегодно почти до 25 милліоновъ рублей.

Съ тѣхъ поръ, какъ римское посольство въ 168 г. отпугнуло простыми угрозами Селевкида Антіоха Эпифана уже изъ завоеваннаго имъ Египта (томъ VI, стр. 147), домъ Птолемеевъ попалъ подъ опеку Рима. Птолемей VIII Евергетъ, котораго его правдивые во второстепенныхъ дѣлахъ александрійцы называли „царь—жирное брюхо“ (Фисконъ), надѣлалъ много позорнаго и бѣдственнаго; египетское государство упустило случай при этомъ остроумномъ палачѣ, стать снова своевременно на ряду съ Римомъ. Вмѣсто того Фисконъ, который могъ смотрѣть на кровь, но не на войну, въ затруднительномъ положеніи самъ прибѣгалъ къ покровительству римскаго народа. Обыкновенно и въ послѣдующее время птолемеевскій претендентъ всегда имѣлся въ Римѣ, или же посылалъ изъ Кипра или Кирены письмасъ просьбами въ сенатъ

Подобнымъ кандидатомъ въ фараоны, очень вѣроятно, былъ Лаѳиръ; иначе онъ не могъ бы, будучи въ продолженіи почти 20 лѣтъ ограниченъ островомъ Кипромъ, войти, не завоевывая, въ Палестину, пока іудейскіе полководцы снова не прогнали оттуда мать его Клеопатру и брата Александра. Когда однако въ 88 году онъ завладѣлъ безъ содѣйствія сената освободившимся египетскимъ престоломъ, Римъ находился подъ угрозой со стороны понтійскаго Митридата (томъ IV, стр. 70) и даже былъ вынужденъ (въ 86 г.) просить Птолемея о его флотѣ. Лаѳиръ, хотя и принялъ посланнаго Суллой Лукулла съ изысканнымъ радушіемъ, но крѣпко держалъ свои корабли. Запоздалая и осторожная попытка къ самостоятель-



Исторія человѣчества. III. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Храмовыя постройки на островѣ Филэ, восходящія къ птолемеевско-римскому времени, съ юго-запада, со стороны о-ва Еигэ. *(По фотографіи.)*

ной политикѣ не повлекла за собою никакихъ послѣдствій: дѣло Митридата не имѣло ожидаемаго успѣха, смуты въ Римѣ продолжались, и Лаѳиру выпала работа при сильномъ возстаніи въ Верхнемъ Египтѣ. Ѳивы, которыя все еще были мѣстопребываніемъ высшихъ чиновъ управленія, коллегій жрецовъ и царскаго банка, о дѣятельности которыхъ свидѣтельствуетъ рядъ найденныхъ документовъ, составляли опять средоточіе для мятежниковъ. На этотъ разъ не было оказано никакого снисхожденія издревле святому городу: царь предалъ его разрушенію (въ 83 г.); и когда землеописатель Страбонъ посѣтилъ спустя 60 лѣтъ это мѣсто, онъ нашелъ на обширномъ полѣ развалинъ только отдѣльныя жилыя селенія.

Послѣ смерти Лаѳира нѣтъ ничего болѣе, кромѣ скандальныхъ исторій, которыя преобладаютъ во внѣшнихъ проявленіяхъ жизни пришедшаго въ упадокъ дома Птолемеевъ. Престолонаслѣдіе постоянно зависитъ отъ царицъ: каждый разъ при перемѣнѣ властителя, вельможи и народъ думаютъ прежде всего о ближайшей родственницѣ-женщинѣ, которая по своемъ возвышеніи до правящей царицы, могла бы избрать себѣ въ соучастники престола родного или двоюроднаго брата. При постоянныхъ бракахъ между братьями и сестрами, законность должна была совершенно сама собою опираться на женщинъ. Какъ доказалъ Максъ Л. Штракъ, эта перемѣна понятій вошла въ законную силу ко времени Фискона, между 145 и 116 годами. Впрочемъ дочь Авлета, царица Вереника, не имѣла счастія съ двумя мужьями изъ чужихъ странъ.

При всемъ томъ послѣдніе представители дома Птолемеевъ въ Египтѣ возвысились до извѣстнаго величія, если ихъ сравнить съ ихъ непосредсвенными предшественниками; и паденіе ихъ производитъ трагическое впечатлѣніе (Арсиноя, Птолемей XIV,знаменитая Клеопатра и сынъ ея Цезаріонъ). Объ окончательной участи и завоеваніи египетскаго эллинистическаго государства см. томъ IV, стр. 397 и 408.

E. **Римская эпоха Египта.**

a) Отъ Августа до Константина.

Въ рамкахъ всемірной исторіи въ политическомъ смыслѣ страна Нила теряетъ свое значеніе въ римскую эпоху точно такъ же, какъ и прочія окраинныя области Средиземнаго моря. Египетъ не принадлежалъ къ тѣмъ пограничнымъ провинціямъ, изъ-за обладанія которыми Римъ долженъ былъ сражаться; только противъ эѳіопскаго царства предпринимались отъ времени до времени сравнительно спокойные походы для наказанія. „Додекасхинъ“ (страна въ двѣнадцать двойныхъ миль) оставался, какъ буферный округъ между Ассуаномъ и 23 градусомъ широты, занятый постоянно небольшими отрядами императорскихъ войскъ: здѣсь Августъ велѣлъ воздвигнуть большой храмъ въ Тальмисѣ (теперь Калабшехъ), къ которому прибавляли потомъ части его преемники до Септимія Севера. Внутри имперіи на Египетъ смотрѣли, какъ на „житницу“ (см. томъ IV, стр. 411); значительная доля его жатвы уже заранѣе предназначалась для прокормленія города Рима. Августъ, какъ наслѣдникъ Цезаріона, присвоилъ себѣ сокровища и имѣнія Птолемеевъ, потому получилъ всю страну подъ свое личное покровительство: какъ „отецъ отечества“, онъ сдѣлалъ такимъ образомъ повелительницу міра зависимою отъ своего благоволенія.

Въ административномъ отношеніи собственный Египетъ распадался почти на 40 областей, надъ которыми начальствовали „стратеги“ (губернаторъ и судебный чиновникъ); только особенно богато населенныя области, напр. арсинойская, имѣли ихъ два. Вице-царя (игемона или эпарха) избиралъ императоръ изъ римскаго всадническаго сословія. На этомъ, высшемъ сановникѣ, имѣвшемъ резиденцію въ Александріи, лежала, повиди-

мому, обязанность объѣзжать ежегодно всю страну; для его облегченія существовали два эпистратега: одинъ для семи областей средняго Египта („Эптаномида“), другой для 15-ти Верхняго Египта. Наконецъ законъ запрещалъ каждому римлянину сенаторскаго званія посѣщать страну безъ личнаго разрѣшенія императора. Германикъ преступилъ это въ ущербъ самому себѣ въ 19 г. по Р. Х. (томъ IV, стр. 422).

И римскіе императоры не уклонялись отъ обожествленія, которое имъ доставляло обладаніе престоломъ Гора; это было достаточнымъ основаніемъ, чтобы продолжать строительную дѣятельность фараоновъ. Тиберій велѣлъ поправить въ Ѳивахъ святилища Медамота и Карнака во имя Осириса, который за то склоняетъ ему „свой прекрасный ликъ“. Веспасіанъ, который при началѣ іудейской войны надолго оставался въ Александріи, распорядился о работахъ для реставраціи въ храмѣ Латополя. Тогда-то на западѣ стали извѣстны звуки колосса Мемнона (стр. 626). Адріанъ, въ жизни и странствованіяхъ котораго Египетъ имѣлъ нѣкоторое значеніе, также посѣтилъ статую въ 131 г., о чемъ еще теперь свидѣтельствуютъ на цоколѣ эолическіе стихи Юліи Бальбиллы. Смерть Антиноя, любимца императора (томъ IV, стр. 447), дала поводъ основать въ честь его новую область съ главнымъ городомъ Антиноей (недалеко отъ Эль-Амарны). Вообще, кажется, въ теченіе этого посѣщенія императора, египетская жизнь развернулась, на сколько это было для нея возможно; родная страна проникшаго въ Римъ почитанія Исиды хотѣла показать свои чудеса. Даже споръ между Мемфисомъ и Иліополемъ изъ-за священнаго быка былъ предоставленъ для рѣшенія философскому властелину; борьба областей изъ-за различнаго достоинства ихъ животныхъ была уже давно ославлена, но для римской верховной власти, можетъ быть, въ сущности, не непріятна. Знаніе іероглифовъ шло на убыль тогда даже въ жреческихъ кругахъ, какъ уже доказываетъ одно высѣченное на камнѣ верхнеегипетское посвященіе въ честь „владыки обѣихъ странъ, автократора кесаря, сына Ра, владѣтеля коронъ, Траяна Адріана Севаста“. Процвѣтающее ученое заведеніе Александріи, напротивъ, какъ и во времена Филадельфовъ, составляетъ сборный пунктъ ученыхъ силъ; при Антонинѣ Піи, отъ времени котораго происходитъ изображеніе въ Мединетъ Хабу, надписи въ Дендера, Филэ, Эсне, оазѣ Харге, какъ и при наслѣдникахъ его до Септимія Севера, который и колоссъ Мемнона заставилъ умолкнуть, благодаря реставраціи, продолжалось хорошее время для Музея.

Александрія, какъ главное складочное мѣсто, все еще доставляла индійскіе товары западу; уже современники Августа удивлялись быстрому развитію этой торговли и большимъ флотамъ египетскихъ мореплавателей въ Индію. Избалованное смѣшанное населеніе города Александріи позволяло себѣ, между тѣмъ, всетаки возстанія, пока это докучное качество въ 216 году не было наказано Каракаллой при помощи коварно устроенной рѣзни. Крутыя мѣропріятія, которыя этотъ императоръ нашелъ нужными для будущаго управленія Александріей, стали конечно, скоро послѣ его смерти неосуществимыми. Съ Деціемъ (249—251) оканчиваются іероглифическія упоминанія на храмахъ о римскихъ властелинахъ. Двадцать лѣтъ спустя Египетъ принадлежалъ на короткое время къ завоеваніемъ Зиновіи (см. стр. 272 и томъ IV, стр. 457): сохранился еще до сихъ поръ указъ, изданный отъ имени ея и ея сына Вабаллата въ пользу іудейской молельни. Авреліанъ оторвалъ отъ новаго восточнаго царства и долину Нила. Однако здѣсь, какъ и всюду, стали постоянно замѣтны теперь обычные признаки *разложенія*. Мы много разъ слышимъ объ анти-императорахъ въ Александріи, а теперь также и о нападеніяхъ сосѣднихъ племенъ пустыни на Верхній Египетъ, такъ что Діоклетіанъ самъ (между 294 и 296 г.) долженъ былъ подчинять шагъ за шагомъ находящуюся въ полномъ возстаніи страну; область къ югу отъ Филэ, кажется,

императоръ даже уступилъ „Нобатамъ“ (нубійцамъ). Начиная отъ единовластія Константина, происшедшее между тѣмъ обращеніе Египта въ христіанство выражается въ новыхъ принципахъ управленія: патріархъ въ Александріи и епископы играютъ свою роль на ряду съ чиновничьей іерархіей, образующей цѣлый рядъ ступеней.

б) Отъ Аркадія до Юстина II.

Дѣленіе страны мѣняется различно въ теченіе 4-хъ столѣтій. Аркадій, первый „восточно-римскій“ императоръ, разбилъ Дельту и узкую долину до Филэ, каждую на три провинціи: Августамнику, Августу Секунду и Египтіаку (восточная, средняя и западная Дельта); Аркадію (Ептаномида), „ближайшую“ и верхнюю Ѳиваиду. Юстиніанъ, эдиктъ котораго объ управленіи установилъ для Египта и впредь продолженіе гнета налоговъ, рядомъ съ августовскими префектами въ Александріи назначилъ двухъ „дуковъ“ (герцоговъ). Изъ времени его наслѣдника Юстина II (565—78 г.) происходитъ характеристичная надпись въ Филэ: „Божіимъ попеченіемъ и счастіемъ нашего благочестиваго властителя Флавія Юстина и Эліи Софіи, вѣчныхъ Августовъ и императоровъ, и Богомъ хранимаго Кесаря Тиверія Новаго Константина, и милостію Ѳеодора, свѣтлѣйшаго декуріона, дука и августала ѳиваидской мѣстности, была построена въ первый разъ эта стѣна (на набережной острова) при благословеніи святыхъ мучениковъ и преподобнаго епископа аввы Ѳеодора, рвеніемъ и щедротами Мины превосходнѣйшаго сингулярія войска дука, 18 хоіяка въ 11-ый годъ индикта (= 14-го декабря 577 г.). На счастье!“ Позже, въ особенности при исламскомъ владычествѣ, египетскіе христіане вели лѣтосчисленіе по „эрѣ мучениковъ“, которая начиналась съ 284 года и составляла прочную память о тяжкомъ преслѣдованіи вѣрующихъ императоромъ Діоклетіаномъ (сравн. томъ IV, стр. 187 и 463).

в) Культурно-историческія данныя.

Находки массы папирусовъ въ Арсиноэ (стр. 673) даютъ цѣнный матеріалъ для культурной и административной исторіи, особенно эпохи императоровъ. Номъ, довѣренный вслѣдствіе своей обширности двумъ стратегамъ: округа Ираклида (съ главнымъ городомъ) и округа Ѳемиста и Полемона, остался совершенно при условіяхъ прежняго птолемеевскаго владычества; конечно, также въ отношеніи гнета налоговъ и личныхъ „литургій,“—обязательствъ къ общественнымъ работамъ и должностямъ, по большей части на весь годъ. „Я узнаю,“ такъ извѣщаетъ намѣстникъ М. Семпроній Либералисъ въ новый 154 годъ, „что многіе оставляютъ свою родину изъ-за плохого состоянія своихъ домашнихъ обстоятельствъ, другіе по причинѣ кратковременной болѣзни уклонились отъ извѣстныхъ литургій при помощи бѣгства. Они остаются и теперь еще на чужбинѣ, изъ страха въ свое время обнародованныхъ указовъ о поимкѣ.“ Слѣдуетъ торжественное приглашеніе къ возвращенію на родину въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ и объявленіе объ императорскомъ помилованіи даже тѣхъ, кто присоединился къ разбойничьимъ шайкамъ. Но сами литургіи все таки продолжали существовать. Объ ихъ исполненіи выдавались удостовѣренія. Бѣднѣйшіе поселяне должны были сооружать или поправлять плотины. Пасіонъ, который при Каракаллѣ былъ сельскимъ старшиной Мендеса, приводитъ напр. 60 именъ въ спискѣ рабочихъ плотины. Извѣстныя литургіи болѣе высокой степени требовали, повидимому, даже внесенія залога; это было необходимо для званія сборщика податей, которое въ особенности считалось обременительнымъ: „каждый долженъ былъ, согласно повелѣнію намѣстника, выполнять литургіи только въ своей собственной

деревнѣ, но не въ чужой. Но такъ какъ сельскій писецъ желаетъ зла обвиненному, который уже у себя на родинѣ состоитъ сборщикомъ податей, то онъ предложилъ его въ другое мѣсто". Разумѣется, дошли до насъ и податныя объявленія („апографы"); такъ выясняетъ скотоводъ Неферъ письменно: „На запросъ здѣшнихъ чиновниковъ, сколькими поросятами я владѣю въ настоящее время, клянусь счастіемъ Коммода, нашего властелина, что ихъ 165 штукъ, которыхъ я откармливаю, чтобы отправить на рынокъ въ Псенколлехисъ. Если ты хочешь пересчитать, я приведу ихъ къ тебѣ." И податныя квитанціи составляютъ значительное собраніе. Рядомъ съ поголовнымъ налогомъ упоминаются: налоги на плотины, пастбища, ословъ, верблюдовъ, производства, наймы, жертвы; а налогъ на вѣнки былъ провинціальнымъ бременемъ для золотыхъ тріумфальныхъ вѣнковъ цезарей. Далѣе мы встрѣчаемъ донесенія въ присутственныя мѣста о рожденіи и смерти, наконецъ, списки всѣхъ живущихъ въ домѣ. Оставшіеся въ живыхъ спѣшили со свидѣтельствомъ о смерти: иначе и впредь продолжались бы взыскиваться налоги и за умершаго.

Частной жизни касаются долговыя обязательства, которыя свидѣтельствуютъ о высокихъ процентахъ (10—20 %) и торговые договоры. Уменьшеніе цѣнности денегъ съ 250 г. по Р. Х. оказывается поражающимъ. Въ 152 году верблюдъ стоитъ 800 драхмъ, въ 289 же году въ 120 разъ больше: 16 талантовъ и 3000 драхмъ. Страннымъ образомъ покупатели и продавщики обозначаютъ въ договорныхъ документахъ свои примѣты тѣла. „Особенныя примѣты" совершенно срастаются съ лицомъ, за которымъ они признаны властями; даже чета, заявляя нѣсколько поздно о рожденіи обоихъ сыновей, расписывается такъ: „Коллуѳъ, 30 лѣтъ, безъ особыхъ примѣтъ, — Сатиръ (жена его), 20 лѣтъ, безъ особыхъ примѣтъ." Даже сухіе списки и счета объ управленіи имѣніями храмовъ часто одушевляются при ближайшемъ разсматриваніи ихъ. Во время Каракаллы въ Арсиноэ существовало большое святилище Юпитера Капитолійскаго, учрежденіе котораго вѣроятно находится въ связи съ Constitutio Antoniana отъ 212 г. (томъ IV, стр. 454). Главный жрецъ этого богатаго храма сильно занимался банкирскими дѣлами: „19 фармути: дано заимообразно Паасу, сыну Аполлоны и неизвѣстнаго отца, за поручительствомъ Аврелія Хэремона, бывшаго главнаго жреца и совѣтника..... 3000 драхмъ." Дѣлаетъ честь знатному гражданину, что онъ замѣнилъ бѣдному Паасу его неизвѣстнаго отца, по крайней мѣрѣ такимъ способомъ. Изъ полицейскихъ актовъ, завѣщаній, книгъ съ рецептами, магическихъ текстовъ и отрывковъ повѣстей мы получаемъ представленіе о тогдашней жизни, а письма даютъ вѣрную картину ея. Крестьянинъ Гермократъ проситъ настоятельно своего лѣниваго парня Хэра прійти домой и помочь при обработкѣ полей; иначе маленькое имѣніе пропадетъ. Взятые въ рекруты пишутъ изъ Италіи своимъ родителямъ и друзьямъ. Наконецъ, нашелся „либеллусъ": „вѣдомству жертвоприношеній деревни „Александровъ островъ" отъ Аврелія Діогена, сына Сатаба, 72-хъ лѣтъ, съ рубцомъ на правой брови. Такъ какъ я уже усердно служилъ богамъ, то и теперь, я подъ вашимъ наблюденіемъ принесъ жертву, щедро воздавалъ возліянія, вкусилъ жертвеннаго мяса, то и прошу засвидѣтельствовать мнѣ внизу объ этомъ." Весьма занятый чиновникъ Аврелій Сиръ дѣлаетъ на этомъ помѣтку подъ 26 іюня 250 г.; отсюда видно, что это удовлетворенное прошеніе есть одинъ изъ документовъ, спасающихъ отъ великаго преслѣдованія христіанъ при императорѣ Декіи (томъ IV, стр. 185).

Почва Египта для христіанскаго ученія (см, томъ IV, стр. 183 и 184) была благопріятнѣе, чѣмъ какая либо другая область имперіи; но особенности характера народа обусловливали часто удивительныя воззрѣнія и примѣси, которымъ не всегда могли противиться отцы церкви. Отшельничество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, родъ монашества восходитъ къ половинѣ эпохи

Птолемеевъ, а можетъ быть и еще выше; такъ уже въ 162 г. до Р. Х. въ Серапеѣ Мемфиса, сидѣлъ въ келіи затворникъ и дѣйствовалъ здѣсь много лѣтъ, какъ ходатай за притѣсненныхъ. Съ другой стороны оказывается изъ коптскихъ, то есть позднихъ текстовъ, что Іисуса Христа и Его посланничество дѣлали „яснымъ" народу только при помощи сказанія о крылатомъ солнечномъ дискѣ (стр. 631): Спаситель проходитъ долину Нила отъ мѣста до мѣста, какъ новый Горъ, изгоняетъ отовсюду враговъ, и велитъ уничтожать ихъ. Кромѣ того уже въ раннюю эпоху императоровъ находятся надгробныя надписи, которыя напоминаютъ о христіанскомъ міросозерцаніи. Приблизительно изъ времени Марка Аврелія происходитъ поэтическій, но почти игнорирующій боговъ греческій текстъ надгробнаго камня раба-негра Эпитинханона. „Знаешь ли ты мужа по имени Палласа, который декадархъ и начальникъ каменоломни въ Антиноэ? — къ нему привелъ меня Богъ, какъ невольника изъ эѳіопской страны, гдѣ жили мои родители. Цвѣтомъ я былъ черенъ между людьми, такъ какъ окрашиваютъ солнечные лучи; душа же моя, обвитая бѣлыми цвѣтами, снискала мнѣ благосклонность моего разумнаго господина, такъ какъ красота не равняется по достоинству благородству души. Это (мнѣ) украсило мое черное тѣло. Теперь со мною и то, и другое: душа и тѣло низошли со мною въ могильную насыпь, ничего не осталось отъ меня, кромѣ имени." Тому же самому времени принадлежатъ вырытыя Генрихомъ Бругшемъ, Р. ф. Кауфманномъ, Флиндерсомъ Питри и друг. еще не христіанскія муміи съ изображеніями изъ Хавары (при входѣ въ Фаюмъ); у изголовья ихъ поверхъ погребальныхъ пеленъ находятся портреты умершихъ красками на холстѣ или деревѣ, иногда художественнаго исполненія и вѣрности природѣ. Древнѣйшіе надгробные камни христіанъ изъ этой мѣстности представляютъ часто умершаго молящимся въ церкви и употребляютъ іероглифическій знакъ для „жизни" крестъ съ ручкою, на мѣсто четвероконечнаго. „Господи упокой душу раба Твоего Мины, чтеца (церкви) Святыхъ Апостоловъ и пріими его на лоно Авраама, Исаака и Іакова; да будетъ онъ имѣть равную долю и участь со Твоими святыми", гласитъ одна греческая надпись.

При византійскомъ владычествѣ писали по коптски; формула принимаетъ болѣе полный видъ. Для отшедшаго въ вѣчность духовнаго лица изъ монастыря Іереміи въ Мемфисѣ, „нашего отца Авраама изъ Тсебика", послѣ Пресвятой Троицы, Архангела Михаила, „Святаго Гавріила, аввы Іереміи, аввы Эноха, Аммы (святой жены) Сивиллы Маріи" призываются и другіе святые. Самый любимый святой—Мина, патронъ страны и (стр. 589) можетъ быть, болѣе чѣмъ одноименный древнему царю Минѣ. Ходили на богомолье къ его гробницѣ въ Александріи и брали съ собой оттуда освященный елей въ сосудахъ, гдѣ было изображеніе святого, предъ которымъ преклоняются верблюды. Документы дѣлового характера теперь часто начинаются вступленіемъ изъ благочестивыхъ формулъ. Даже договоръ одного верхнеегипетскаго рабочаго отъ 605 года начинается торжественно: „Во имя Господа и Владыки Іисуса Христа, Нашего Бога и Спасителя, въ правленіе нашего благочестивѣйшаго обладателя земли, Флавія Фоки, вѣчнаго властителя и императора". Своимъ содержаніемъ возбуждаетъ интересъ, къ сожалѣнію, оборванный въ концѣ, документъ о поручительствѣ Геронтія отъ 25 марта 618 г. при Иракліи, послѣднемъ восточно-римскомъ императорѣ, который владѣлъ Египтомъ. Оно касалось не состоянія, а нравственнаго поведенія третьяго лица, которому свѣтскій судъ, изъ-за какой-то донъ жуанской черты, хотѣлъ отвести надежное мѣстечко для предупрежденія. Въ какой мѣрѣ церковная дисциплина здѣсь послужила для свѣтскаго вѣдомства, во всякомъ случаѣ, не видно. Документъ гласитъ: Флавію Василію, благородному комиту и самому краснорѣчивому судьѣ этого города Арсиноитовъ, шлетъ Аврелій Геронтій, сынъ Памутія, торговецъ

овощами въ томъ же мѣстѣ и жительствующій въ мызѣ Кентавровъ, свой поклонъ. Я разъясняю, признаю по доброй волѣ и ручаюсь предъ Вашимъ Величіемъ, что Аврелій Ниламмонъ..... не будетъ уличенъ ни въ тайномъ, ни открытомъ сношеніи съ Ѳеодорой. На тотъ случай, если въ какое-либо время этотъ самый Ниламмонъ былъ бы застигнутъ со сказанной Ѳеодорой и былъ бы изобличенъ въ дѣлѣ, то я, Геронтій, желаю считаться его поручителемъ предъ Вашимъ величіемъ.“ . Въ древнемъ Египтѣ такіе случаи едва ли доходили до судей. Но если оба влюбленные еще на годъ оставались въ живыхъ и сохранили терпѣніе, то послѣ персидскаго завоеванія страны они, можетъ быть, могли надѣяться на бóльшую снисходительность.

г) Персидское завоеваніе и конецъ восточно-римскаго владычества.

Уже тогда Іерусалимъ палъ предъ войсками Сасанида Хозроя II Апарвеца (см. стр. 266); въ 619 г. персы вторглись въ Дельту: „Римляне побѣждены въ близъ лежащей странѣ“, такъ начинается одна Сура въ коранѣ. Патрикій Никита и благочестивый глава государственной церкви въ Египтѣ, патріархъ Іоаннъ, бѣжали, новое же чужеземное управленіе вступило въ союзъ съ подавленнымъ до этого времени монофизитствомъ (томъ IV, стр. 201) и привлекло великое множество египтянъ на свою сторону. Іаковитъ Веніаминъ сталъ патріархомъ, а въ Фаюмѣ на мѣсто благороднаго Василія управлялъ теперь „нашъ всехвальный повелитель Саралакеоксанъ“, котораго мы знаемъ изъ поставочнаго реестра для его кухни. Только десять лѣтъ продолжалось персидское владычество, при которомъ возникъ великолѣпный дворецъ въ Александріи; потомъ побѣдоносные походы неутомимаго Ираклія въ Азію принудили наслѣдника Хосроя къ миру, на основаніи котораго персидскій военный губернаторъ Шарбарацъ въ сопровожденіи Веніамина очистилъ Египетъ въ 629 году.

Но и возстановленіе византійской власти не было продолжительнѣе. Слишкомъ запоздали попытки императора установить религіозный миръ при помощи формулы единенія, которую могли бы принять и Іаковиты (томъ IV, стр. 202). Даже примирительное вліяніе Александрійскаго патріарха Кира оказалось тщетнымъ и было разрушено ревнителями „чистаго ученія“ изъ школы его предшественника Іоанна. Появленіе толпъ калифа Омара подъ начальствомъ Амру въ 639 г. (стр. 281) было потому только кстати египтянамъ. Послѣ того какъ восточные римляне были побѣждены въ окрестностяхъ Мемфиса и у Иліополя, Амру нашелъ „намѣстника“ Георгія, переданнаго только въ арабской формѣ Мукаукисъ, готовымъ къ мирному подчиненію. Въ концѣ 640 г. принадлежала еще только западная Дельта императору, смерть котораго въ февралѣ 641 г. парализовала всякую надежду его приверженцевъ. Патріарху Киру удалось достать отъ Амру обезпеченіе, что христіанскія церкви и впредъ должны быть пощажены; тогда онъ передалъ Александрію. 17-го сентября 642 г. оставили египетскій берегъ послѣдніе представители римскаго владычества.

2. Египетъ подъ владычествомъ ислама до турецкаго завоеванія.

А. **Египетъ, какъ провинція халифата.**

Тогда какъ Египетъ вообще могъ привѣтствовать арабовъ, какъ своихъ избавителей, на Александріи чувствительно отозвалась перемѣна обстоятельствъ. Конечно, преданіе, что Амру велѣлъ сжечь уже не существовавшую въ то время библіотеку Птолемеевъ,—только легенда; но го-

родъ потерялъ свое значеніе, уступивъ его прежнему арабскому лагерю „Фостату“, лежащему къ востоку отъ острова Роды (см. карту при стр. 308), былъ обложенъ особенно тяжелой податью и наконецъ лишенъ стѣнъ въ 645 г. послѣ неудачной попытки со стороны восточнаго Рима вновь завоевать его. Зато у коптовъ-монофизитовъ не было повода жалѣть о перемѣнѣ властителя. Для перекочевавшихъ арабскихъ племенъ и для разселенія отдѣльныхъ военныхъ отрядовъ на первое время понадобилось не особенно много земли; по сравненію съ римскими налогами, высосавшими всѣ соки изъ населенія, новое обложеніе казалось еще сноснымъ, не смотря на то, что жадность калифа мединскаго все росла, и подушная подать была обременительна для христіанъ. Правительственные чиновники только перемѣнили свои названія: прежній эпистратигъ сталъ мудиромъ, прежній стратигъ—мамуромъ и. т. д. Новыми высшими должностями являются должности верховнаго кади, казначея и начальника лейбъ-гвардіи, бывшаго въ то же время военнымъ министромъ. Особенно славится своей независимостью исламское правосудіе; верховный кади смѣщался за это время очень рѣдко, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ высшихъ должностяхъ часто происходили перемѣны.

Важно то, что съ этого времени наши источники исторіи Египта исходятъ изъ совершенно иного міровоззрѣнія. Въ основаніи разсказовъ арабскихъ историковъ лежитъ въ общемъ заслуживающая довѣрія, по большей части точная до мелочей хроника — и это большой шагъ впередъ. Но помимо этого, намъ все время приходится считаться съ особенностями чисто-восточнаго повѣствовательнаго искусства. Арабскому наблюдателю свойственно очень живое, но легко помрачающееся чувство дѣйствительности. Покуда дѣло идетъ о ежедневныхъ происшествіяхъ, можно оставаться довольнымъ: наконецъ, мы получаемъ картину, рисующую состояніе орошенія, узнаемъ, какое вліяніе оказываютъ на положеніе нильской долины недородъ или чума. Но если на сцену выступаетъ выдающаяся личность, если съ этимъ связываются измѣненія или рѣшительныя мѣры въ политикѣ, — тотчасъ-же самыя разнообразныя извѣстія объ этихъ событіяхъ приводятъ въ смущеніе историка. Если событіе хоть немного удалено по времени, тотчасъ-же вкрадывается легенда. Чрезъ фатализмъ къ романтикѣ — таково изложеніе побѣжденныхъ, которые были первыми обработавшими историческій матеріалъ; но даже и противники ихъ почти никогда не могутъ избѣжать этого вліянія. Если побѣдитель или его родъ еще живы, — сочиняются противуположныя легенды. Въ общемъ-же историческія повѣствованія арабовъ полны примѣровъ, разсчитанныхъ на возбужденіе благочестиваго изумленія, состраданія или отвращенія въ потомствѣ. Свое собственное мнѣніе историкъ высказываетъ не часто.

а) При Отманѣ, Али и Омейядахъ.

Завоеватель Амру не нашелъ въ Мединѣ той признательности, на которую разсчитывалъ. Отманъ вскорѣ лишилъ его управленія Египтомъ и поручилъ послѣднее Абдаллаху бенъ Саадъ, одержавшему нѣсколько побѣдъ въ сѣверной Африкѣ и Нубіи (въ Донголѣ). Во время смутъ, жертвами которыхъ пали калифъ Отманъ и Али (см. стр. 284 сл.), Амру стоялъ на сторонѣ Омейяда Муавіи (Моавіи), за что послѣдній снова сдѣлалъ его намѣстникомъ въ 658 г. Но послѣ его смерти въ 664 г. Муавія сталъ посылать въ Египетъ правителей болѣе суроваго склада. Однако уже въ маѣ 667 г. прежній сподвижникъ Мухаммеда, Окба былъ ловко замѣненъ Масламой, который взялъ на себя всѣ отрасли управленія и позволилъ коптамъ построить церковь передъ стѣнами Фостата. Подобная-же смѣна правителей характеризуетъ и дальнѣйшее господство калифовъ Омейядовъ: оно продолжалось 109 лѣтъ, и за это время въ Египтѣ смѣнились 31 намѣст-

никъ. Египетскіе христіане привыкли къ тому, что съ ними обращались въ религіозномъ отношеніи то болѣе сурово (въ 732 г. у нихъ были отняты „идолы", т. е. иконы), то сравнительно мягко; ихъ первое значительное возстаніе, четыре года спустя, было вызвано, собственно, тяжестью налоговъ.

б) При Аббасидахъ.

31-го іюля 750 г. палъ послѣдній калифъ изъ Омейядовъ, Мерванъ II, бѣжавшій въ Египетъ; палъ онъ недалеко отъ Гизэха, сраженный своими преслѣдователями, приверженцами Абуль - Аббаса (см. стр. 298). Господство дома Аббасидовъ дурно отозвалось на Египтѣ: до 868 года здѣсь смѣнилось не менѣе 67 намѣстниковъ. Походы съ цѣлью подчинить сѣверную Африку не мало истощили силы страны. Съ 762 г. появляются и магометане-шіиты. Въ 779 г. впервые назначается въ лицѣ Ибнъ-Мемдуда намѣстникъ турецкаго происхожденія; онъ безпощадно поддерживаетъ въ странѣ спокойствіе, которое, однако, продолжается недолго. Въ 810 г. былъ построенъ повыше Фостата „Воздушный Замокъ", нынѣшняя Каирская крѣпость: измѣритель Нила былъ уже столѣтіемъ раньше перенесенъ изъ разрушающагося Мемфиса на островъ Роду. Съ 815 до 827 г. Александріей владѣла 15-тысячная толпа изгнанныхъ изъ Андалузіи магометанъ; отступить ее заставили лишь послѣ долгой борьбы. Пагубныя послѣдствія для коптовъ имѣло посѣщеніе Египта калифомъ Мамуномъ въ 832 г. (ср. стр. 316). Въ честь его была казнена толпа христіанскихъ повстанцевъ, а затѣмъ были предприняты строгія мѣры, вскорѣ лишившія ихъ единовѣрцевъ владѣнія землею. Теперь сомнѣваются въ томъ, дѣйствительно-ли Мамунъ пробовалъ открыть большую пирамиду. Новые налоги, приписываемые въ особенности „податному чорту" Ахмеду ибн-Мудаббиру, вызвали серьезныя возстанія, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока калифъ Мутаззъ въ 868 г. не передалъ управленіе Египтомъ турецкому эмиру Бакбаку. Согласно тогдашнему обычаю, Бакбакъ послалъ туда своего пасынка, Ахмеда ибн-Тулуна, отецъ котораго въ 816 г. вмѣстѣ съ другими турецкими плѣнными былъ приведенъ изъ Бухары въ Багдадъ, ко двору Мамуна, гдѣ онъ достигъ высокихъ должностей.

в) Тулуниды и Ихшиды.

Ахмедъ-ибн-Тулунъ въ совершенствѣ обладалъ качествами основателя династіи; онъ дружески отдѣлался отъ своего опаснаго казначея Ибн-Мудаббира, смягчилъ нѣкоторыя крайности податной системы, отъ чего, однако, не пострадали его доходы, всегда щедро дарилъ своихъ друзей въ дальнемъ дворцѣ калифа и остановилъ своевременнымъ подкупомъ даже войска, которыя послалъ противъ него наконецъ возымѣвшій подозрѣнія повелитель. Онъ сумѣлъ пріобрѣсти славу набожнаго и ученаго человѣка, раздавая деньги на больницы, на нуждающихся въ поддержкѣ и на ученыя учрежденія, такъ-же щедро, какъ на роскошныя постройки (на дворецъ книзу отъ воздушнаго замка и на оконченную въ 879 г. мечеть его имени въ Каирѣ). Въ то-же время онъ овладѣлъ Сиріей до Тавра и западной Месопотаміей, но возстаніе его сына Аббаса въ концѣ концовъ помѣшало дальнѣйшимъ планамъ правителя, хотя оно и было вскорѣ усмирено. Разбитый при Тарсѣ, Ибн-Тулунъ въ 884 г. вернулся больной въ Фостатъ, гдѣ и умеръ пятидесяти лѣтъ отъ роду.

Его дому не суждено было просуществовать долго. Изъ семнадцати сыновей ему наслѣдовалъ второй Хумаравей (884—895), молодой человѣкъ слабаго здоровья, но смѣлый, щедрый и, въ противоположность отцу, не расположенный къ жестокости. Блескъ династіи Тулунидовъ померкъ по-

слѣ темнаго убійства Хумаравея въ Дамаскѣ; египетскіе эмиры лишили власти и сокровищъ его несовершеннолѣтнихъ сыновей Джейша (895—896) и Харуна (896—904); калифъ Муктафи взялъ Сирію и впустилъ въ Египетъ турецкаго вождя, Мухаммеда ибн-Сулеймана. Послѣдній правитель изъ Тулунидовъ Шейбанъ, дядя Харуна, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своими родственниками; Фостатъ былъ разграбленъ, а страна покорена.

При все увеличивающейся слабости калифата Аббасидовъ, турецкому намѣстнику въ Египтѣ, происходившему изъ Ферганы Мухаммеду, сыну Тогджи, удалось еще разъ основать мѣстную династію, а именно династію Ихшид(ид)овъ (935—969, см. стр. 319). И на этотъ разъ основатель овладѣваетъ Палестиной, а также частью Сиріи. Послѣ его смерти въ 946 г. даровитый негръ Кафуръ захватилъ въ свои руки власть и крѣпко держалъ ее; съ 965 г. онъ былъ даже признанъ намѣстникомъ Египта. Воспѣваемый поэтами, которыхъ вдохновляло его золото, прежній рабъ далъ поводъ ко многимъ анекдотамъ, которые въ общемъ скорѣе лестны для него; это второй Эпитинханонъ (стр. 679), но перенесенный въ лучшія условія ислама. Однако черезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ его смерти пришелъ конецъ этому послѣднему египетскому правительству.

Б. **Фатимиды.**

Уже въ 919 г. Александрія и средній Египетъ впервые были временно заняты шедшимъ съ запада войскомъ новаго шіитскаго Махди Обейдаллаха. Второе нападеніе, предпринятое изъ сѣверо-африканскаго еретическаго калифата, было отбито Ихшидомъ Мухаммедомъ въ 936 г. Теперь, весною 969 г. неугомонные противники двинулись на Египетъ изъ Барки подъ предводительствомъ Джаухара, военачальника четвертаго калифа Мо'изза (Муизза). Помогалъ Джаухару Якубъ ибн-Киллисъ, перешедшій въ исламъ еврей, котораго принудилъ бѣжать визирь тогдашняго правителя Ихшида Ахмеда. Послѣ сраженія при Гизэхѣ Фостатъ сдался. Тотчасъ-же къ сѣверу отъ города былъ заложенъ новый кварталъ, названный „Эль-Кахира“ (городъ побѣды) послѣ совѣщанія астрологовъ съ небомъ. Когда калифъ въ 973 г. самъ появился въ этомъ городѣ и сдѣлалъ его своей резиденціей, тамъ уже была почти готова мечеть Эль-Ацхаръ, ставшая впослѣдствіи центромъ исламской учености, а также правительственныя зданія и казармы; кромѣ того, была уже завоевана большая область въ Сиріи и господство всюду было упрочено. Вскорѣ Фостатъ (нынѣшній старый Каиръ) сталъ лишь предмѣстьемъ быстро выросшей столицы Египта. Каиръ и теперь еще остается густонаселеннымъ центромъ аравійскаго востока.

Родъ Обейдаллаха былъ обязанъ признаніемъ своего происхожденія отъ Али и жены его Фатимы (см. стр. 243) политическимъ успѣхамъ вышеназваннаго Махди; въ дѣйствительности, родоначальникомъ этого рода былъ Абдаллахъ ибн-Маймунъ, глазной врачъ изъ Персіи (см. выше). Не смотря на то, что правовѣрные калифы Аббасиды въ Иракѣ обнародовали настоящее родословіе Фатимидовъ, не смотря на то, что Карматы, поддерживавшіе до той поры на востокѣ калифатъ Фатимидовъ, преслѣдовавшій такія широкія цѣли, теперь противодѣйствовали Джаухару въ Сиріи,— Мо'иззъ и его ближайшіе преемники все-же превосходили объемомъ своихъ владѣній всѣхъ остальныхъ правителей-магометанъ. Мечта о государствѣ, обнимающемъ весь южный берегъ Средиземнаго моря и управляемомъ изъ Египта, на короткое время почти вполнѣ осуществилась, даже въ Меккѣ находились намѣстники Фатимидовъ.

Зато фактическая власть калифа въ Каирѣ становилась все сомнительнѣе. Измаелитское ученіе (см. стр. 318) не выработало твердыхъ догматовъ и не могло покорять цѣлые народы, потому что, играя степенями познанія, оно сохранило нѣсколько замкнутый характеръ. Поэтому въ Египтѣ до-

вольствовались вставленіемъ въ богослуженіе шіитскихъ формулъ, къ коптамъ-же относились покровительственно. Патріарху ихъ Ефрему было позволено вновь выстроить разрушенную церковь у внѣшней стѣны Фостата. Упоминаются даже бесѣды о религіи между епископомъ Севиромъ изъ Ашмунейна и верховнымъ кади, бесѣды, начатыя по почину калифа. Сынъ Мо'изза, Эль-Азизъ (975—996), подчинившій Дамаскъ, разбившій восточныхъ римлянъ въ сѣверной Сиріи и отнявшій Моссулъ у Аббасидовъ, женился на христіанкѣ, назначилъ визиремъ Ибн-Киллиса, по смерти его — христіанина Ису бен-Несторія. Преданіе сохранило свѣтлое воспоминаніе объ этомъ калифѣ, любителѣ роскоши, умѣвшемъ даже предсказывать будущее; такая-же память сопровождала впослѣдствіи образъ Фридриха II Гогенштауфена, который, былъ пріемникомъ Эль-Азиза въ управленіи Сициліей. Наряду съ берберскими войсками и племенами, съ помощью которыхъ Джаухаръ и Мо'иззъ покорили Египетъ, при Эль-Азизѣ снова появляется турецкая лейбъ-гвардія. Въ качествѣ третьей подвижной части въ составъ мѣстныхъ военныхъ силъ вступаютъ при Эль-Хакимѣ негритянскія войска; слѣдствіемъ этого были становившіяся все чаще столкновенія и уличныя схватки между этими чужеземцами.

Эль-Хакимъ (996—1021), рожденный отъ жены-христіанки Эль-Азиза, одиннадцати лѣтъ вступилъ на престолъ: мрачный и суровый, онъ былъ полной противуположностью своему отцу; сперва правилъ въ теченіе четырехъ лѣтъ эмиръ Баргаванъ въ качествѣ опекуна; затѣмъ онъ былъ убитъ по приказанію опекаемаго имъ юноши. Разсказываютъ, будто Эль-Хакимъ такъ любилъ темноту, что всѣ совѣщанія происходили при немъ ночью; наконецъ, даже торговля на рынкѣ и тому подобныя дѣла стали разрѣшаться только послѣ заката солнца. Когда и къ этому привыкли въ Каирѣ, появились новыя мелочныя ограниченія и запрещенія. Женщины были совершенно исключены изъ общественной жизни; онѣ не могли смотрѣть на улицу даже черезъ мушрабіи, окна съ толстыми рѣшетками. Староисламское воздержаніе отъ напитковъ Эль-Хакимъ усугубилъ до запрещенія меда; онъ-же запретилъ всякія игры. Наконецъ, общее ожесточеніе выразилось въ возстаніи Абу-Раквы (1005 — 1007); съ этого времени, изобрѣтательность Эль-Хакима на жестокости и хитрости и вѣроломство его еще возросли. Христіане и іудеи получили весьма непріятные отличительные знаки и стали подвергаться преслѣдованіямъ. Другія извѣстія представляютъ жестокаго калифа въ роли разумнаго ревнителя наукъ,—слѣдовательно, они являются продуктомъ другого теченія въ литературѣ, благосклоннаго къ этому калифу. Около 1017 г. воззрѣнія Эль-Хакима мѣняются: къ „невѣрнымъ“ снова начинаютъ относиться терпимо. Но капризный и падкій на таинственность калифъ, подстрекаемый лицами, вновь подосланными персидскими измаелитами, вскорѣ заставляетъ чтить себя, какъ божественнаго преемника Али, или даже какъ Бога. Дараси, основавшій впослѣдствіи сирійскую секту друзовъ, даже публично проповѣдовалъ это новое ученіе. На улицахъ и въ мечетяхъ происходили убійства и кровопролитія, турецкіе солдаты примкнули къ оппозиціонному движенію, и Эль-Хакимъ долженъ былъ въ 1020 г. лишиться своихъ пророковъ. Въ февралѣ 1021 г. онъ одинъ поѣхалъ прокатиться верхомъ и исчезъ въ горахъ Мокаттамъ. Тѣло его не было найдено; въ силу этого нѣсколько разъ появлялись лже-Хакимы; этому-же обязано своимъ происхожденіемъ и ученіе друзовъ о его вознесеніи. Во всякомъ случаѣ, устраненіе Хакима было дѣломъ рукъ его столь-же жестокой, но болѣе здравомыслящей сестры. Эта женщина подъ именемъ Ситт-ель-Мулькъ („правительница государствъ“) въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была регентшей вмѣсто своего несовершеннолѣтняго племянника Эзъ-Захира (1021 — 36). Египетъ снова нѣсколько успокоился. Но и Эзъ-Захиръ оставилъ престолъ семилѣтнему мальчику Эль-Мустансиру (1036 — 94); во время долгаго правленія этого

калифа, которымъ начальники войскъ пользовались какъ простой вывѣской и который, при этомъ, часто терпѣлъ даже нужду, страна была раздираема смутами. Только въ 1074 г., когда главный военачальникъ Бедр-ель-Джемали захватилъ власть, государство Фатимидовъ снова достигло нѣкоторой цѣлости. Сынъ Бедра, Эль-Меликъ эль-Афдаль (Алафдаль, стр. 338), унаслѣдовалъ власть отъ отца. Съ 1099 г., со времени завоеванія крестоносцами Іерусалима, годомъ раньше снова занятаго Эль-Афдалемъ, исторія Египта приходитъ въ тѣсную связь съ исторіей крестовыхъ походовъ (см. томъ VI). Цѣлый рядъ калифовъ управляетъ только номинально. Младшему сыну Эль-Мустансира Мустали (1094—1101) наслѣдовалъ Амиръ (1101—30), приказавшій 1121 г. умертвить правителя страны Эль-Афдаля; послѣ безпорядочнаго правленія, его постигла та-же участь, причемъ онъ не оставилъ сына. Въ силу этого, въ лицѣ Хафиза (1130—49) на престолъ вступила побочная линія Фатимидовъ; Зафиръ (1149—54), Фаизъ (1154—60) и Аладыдъ (Адыдъ; 1160—71) были послѣдними правителями изъ этой выродившейся семьи.

Эпоха Фатимидовъ дала, помимо упомянутыхъ на стр. 683 зданій, еще нѣсколько большихъ построекъ; напр. трое сѣверныхъ городскихъ воротъ, защищенныхъ толстыми башнями византійскаго стиля. Зато сокровища, собранныя калифами въ библіотекахъ и часто переписывавшіяся, не были оцѣнены по достоинству; они сильно пострадали отъ грабежа еще до устраненія Фатимидовъ, а позднѣе еще больше потерпѣли, благодаря своему шіитскому содержанію. Въ Ассуанѣ сохранились надписи эмировъ конца XI и начала XII столѣтія, которыя, повидимому, упоминаютъ о Фатимидахъ подъ названіемъ „чистая династія". Торговыя сдѣлки и письма довольно часты; съ X столѣтія они пишутся уже не на папирусѣ, а на бумагѣ или пергаментѣ. Одна росписка, датированная 992 годомъ, начинается такъ: „Омаръ, сынъ Махди, симъ объявляетъ: я дѣйствительно получилъ отъ тебя, о Мина, сынъ Георгія изъ Тутуна, плату за чернаго коня и сумма эта равняется 16-и азизскимъ динаріямъ, по цѣнности, установленной Эль-Азизомъ." Магометане и христіане, заключая между собой сдѣлки, прибавляютъ еще религіозныя формулы. Мы находимъ также примѣръ сложной торговой сдѣлки у бедуиновъ (дат. 1014 г.), уступающихъ другъ другу только „половину" благородной кобылы (покупатель долженъ выбрать, что̀ поступитъ въ его полное владѣніе послѣ рожденія жеребенка: этотъ послѣдній или-же мать его).

B. **Айюбиды (Эйюбиды).**

Послѣ смерти Эль-Афдаля (см. выше) перспектива, что Египетъ могъ сдѣлаться добычей королевства Іерусалимскаго, становилась все вѣроятнѣе. Египетъ уже платилъ дань Амальриху и даже нашелъ въ 1163 г. въ этомъ „царѣ Морри" защитника противъ войска Нур-Эддина, подвигавшагося къ Каиру подъ предводительствомъ курда Ширкуха (стр. 340). И дѣйствительно, незванный Дамасскій освободитель долженъ былъ отступить предъ франками, но въ 1167 онъ снова вернулся; его племянникъ Саладинъ выдвинулся при этомъ случаѣ въ качествѣ защитника Александріи. Но Амальрихъ еще разъ „освободилъ" страну отъ сирійцевъ, а затѣмъ обложилъ ее такой неумѣренной контрибуціей, что въ 1169 г. она безъ всякихъ колебаній перешла на сторону Ширкуха. Послѣдній умеръ въ томъ-же году; визиремъ сталъ Саладинъ. Въ 1171 г. онъ велѣлъ вычеркнуть изъ общественныхъ молитвъ, теперь уже носившихъ строго-суннитскій характеръ, имя калифа Ал-Адыда, и послѣдній изъ Фатимидовъ три дня спустя умеръ. Вскорѣ Саладинъ сталъ высказывать такія ясныя стремленія къ независимости, что Нур-Эддинъ уже собирался идти походомъ противъ него, но въ это время самъ умеръ. Султана Саладина (1171—93) еще при жизни очень

высоко цѣнили, а послѣ смерти сильно оплакивали; въ восточной-же литературѣ онъ принялъ образъ героя.

Династія Айюбидовъ не имѣла большого значенія для исторіи Египта. Саладинъ только въ теченіе 8 лѣтъ, да и то съ перерывами держалъ дворъ въ Каирѣ, а затѣмъ принужденъ былъ пребывать продолжительное время въ Сиріи (см. т. VI). Впослѣдствіи вошло въ обычай считать его основателемъ многихъ построекъ и учрежденій и даже сочинять соотвѣтствующія надписи; онъ, вѣроятно, по возможности истреблялъ слѣды шіитства и при этомъ не разъ замѣнялъ своимъ именемъ имя котораго-нибудь изъ Фатимидовъ. Его сынъ Эль-Азизъ-Османъ (1193—98) при раздѣленіи огромнаго наслѣдства получилъ Египетъ, а его несовершеннолѣтній внукъ Мансуръ былъ лишенъ султанскаго сана Ал-Адилемъ I (Адиль, 1200—1218), братомъ Саладина. Сынъ Ал-Адиля Камиль (1218—38) извѣстенъ своимъ договоромъ съ Фридрихомъ II; благодаря этому договору Іерусалимъ снова перешелъ въ руки христіанъ. Камилю наслѣдовали другъ за другомъ два сына: Ал-Адиль II и Салихъ Айюбъ (1240—49). Для прекращенія почти не перестававшей со смерти Саладина борьбы между отдѣльными государствами Айюбидовъ въ передней Азіи, Салихъ впервые собралъ лейбъ-гвардію, уже составленную вездѣ, даже въ Египтѣ изъ купленыхъ турецкихъ невольниковъ (мамелюковъ) и поставилъ ее лагеремъ на нильскомъ островѣ Родѣ (по арабски „Бахръ“ = потокъ; относится къ Нилу, а не къ острову); отсюда они и называются „бахритскими мамелюками“. Во внѣшнихъ столкновеніяхъ эта военная община держала себя превосходно; когда войско крестоносцевъ подъ предводительствомъ Людовика IX французскаго незадолго до смерти Салиха захватило Даміетту, мамелюки спасли Египетъ для его сына Туранinformationшаха, но уже по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣдній былъ умерщвленъ и замѣненъ своей энергичной мачихой Шеджер-ед-дурръ (1250—57). Номинально она управляла, правда, вмѣсто своего малолѣтняго сына Мусы, но когда она вышла замужъ за эмира-мамелюка Эйбека, послѣдній устранилъ Мусу и самъ принялъ титулъ султана. Впослѣдствіи, Шедж-еред-дурръ, оскорбленная въ своей царской гордости, велѣла умертвить и Эйбека; ее немедленно постигла та-же судьба, а молодой сынъ Эйбека, Али, въ 1259 г. былъ свергнутъ своимъ опекуномъ Котузомъ. Такъ прекратился домъ Саладина.

Г. **Султаны-мамелюки.**

а) Бахриты

Котузъ, подобно своему предшественнику Эйбеку, еще не принадлежалъ къ тѣсному кругу мамелюковъ, но былъ однимъ изъ придворныхъ вельможъ. Его короткое правленіе ознаменовалось рѣшительной побѣдой, одержанной при Айн-Джалудѣ въ Палестинѣ (3 сент. 1260 г.) надъ монгольскимъ войскомъ, посланнымъ великимъ ханомъ Хулагу. Благодаря этому, Сирія не вышла изъ состава египетскихъ владѣній и защищала долину Нила противъ враговъ культуры, монголовъ. Никакой подвигъ фараоновъ не можетъ сравниться съ этой заслугой мамелюковъ; благодаря событію при Айн-Джалудѣ, судьба Ирака миновала Египетъ. Но Котузъ, обошедшій при раздѣлѣ сирійскихъ должностей эмира Бейбарса, одного изъ начальниковъ Бахритовъ, былъ за это умерщвленъ имъ на восточной границѣ Дельты во время обратнаго похода.

Султанъ Бейбарсъ (1260—77) былъ тотчасъ-же признанъ своими товарищами, и приготовленная для Котуза торжественная встрѣча была оказана столицей Бейбарсу. Съ него начинается господство бахритскихъ мамелюковъ въ Египтѣ и Сиріи; отличительными чертами послѣдняго являются безпорядочная смѣна правителей, жестокости султановъ и

эмировъ и происходящее на глазахъ у всѣхъ пополненіе чужеземными невольниками военной аристократіи, которая дѣлитъ между собой власть и почести; но зато есть много свидѣтельствъ о мягкомъ обращеніи съ внутренними врагами, даже съ рецидивистами. Товарищество мамелюковъ— очень смѣшанное общество съ точки зрѣнія происхожденія отдѣльныхъ членовъ, сумѣло основать прочное государство, и нынѣшній военный бытъ на Востокѣ, съ его понятіемъ о самостоятельности военнаго сословія, вѣроятно, многимъ обязанъ порядкамъ государства мамелюковъ. Напротивъ, то, что намъ извѣстно о безконечныхъ степеняхъ должностей при дворѣ султана, нужно ставить за счетъ византійскихъ порядковъ и вассальной свиты сирійскихъ князей крестоносцевъ.

Съ религіозной точки зрѣнія новому султану Бейбарсу послужило очень на пользу только что (1258 г) совершившееся уничтоженіе калифата Аббасидовъ въ Багдадѣ. Въ 1261 г. онъ далъ убѣжище нѣкоторымъ бѣглецамъ, принадлежавшимъ къ этой семьѣ, и торжественно привѣтствовалъ ихъ главу Абуль-Касима, какъ халифа, подъ почетнымъ титуломъ Эль-Мустансиръ-билла („избранный Богомъ въ помощники"). Зато этотъ потомокъ Абуль-Аббаса, столь неожиданно достигшій такихъ почестей въ Каирѣ, санкціонировалъ самого султана; однако вскорѣ послѣ этого онъ былъ измѣннически преданъ Бейбарсомъ монголамъ, а „калифомъ" сталъ одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ. Такимъ образомъ, въ теченіе всего господства мамелюковъ, калифатъ Аббасидовъ имѣлъ въ Египтѣ своихъ номинальныхъ представителей (см. стр. 354), (обыкновенно пользовавшихся плохой репутаціей); только въ 1412 г. одинъ изъ калифовъ въ теченіе шести мѣсяцевъ носилъ титулъ султана. Послѣ покоренія Египта османами послѣдній калифъ Мутеваккилъ III былъ увезенъ въ Константинополь (стр. 360), но въ 1522 г. его снова отпустили въ Египетъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1538 г.

Отъ христіанскихъ прибрежныхъ государствъ въ Сиріи Бейбарсъ отнялъ Антіохію, онъ хитростью одержалъ верхъ надъ Ассасинами, которыхъ боялся самъ Саладинъ, сдерживалъ монголовъ, подчинилъ Нубію и распоряжался въ Меккѣ; однимъ словомъ, это единственный изъ всѣхъ султановъ-мамелюковъ, бывшій не только начальникомъ мамелюковъ. Зато послѣ смерти этого необыкновеннаго человѣка господство его дома пало. Его еще молодые сыновья Саидъ и Саламишъ были въ 1279 г. одинъ за другимъ лишены престола, и султаномъ сталъ эмиръ Калаунъ (соб. Килавунъ, 1279—90). Стоя несравненно ниже Бейбарса и какъ государственный человѣкъ, и какъ полководецъ, онъ тѣмъ не менѣе покончилъ со всѣми христіанскими городами на сирійскомъ берегу, за исключеніемъ пяти, а монголовъ отбросилъ назадъ послѣ тяжелой борьбы при Химсѣ въ 1281 г. Временному упроченію власти Калаунидовъ послужило образованіе путемъ купли корпуса **черкесскихъ** мамелюковъ, помѣщеннаго основателемъ династіи въ казарму, имѣвшую форму башни; оттого этихъ мамелюковъ и стали называть „бурджитами" или „обитателями башни".

При сынѣ Калауна Халилѣ (1290—93), Акка была взята штурмомъ въ 1291 г., благодаря чему остальныя владѣнія франковъ на сирійскомъ берегу потеряли свою точку опоры; вскорѣ послѣ этого и они были оставлены франками. Самъ султанъ, нелюбимый народомъ, былъ умерщвленъ въ Дамаскѣ, девятилѣтній-же братъ его, **Мухаммедъ Насиръ** (стр. 355), свергнутъ съ престола уже въ 1294 г. Послѣ недолгаго правленія двухъ эмировъ Кетбоги (до 1296 г.) и Ладжина, Насиръ снова сталъ султаномъ. Въ 1303 г. онъ оттѣснилъ за Евфратъ монгольское войско, но въ Каирѣ страдалъ отъ жестокой тиранніи высшихъ эмировъ. Тогда онъ съ помощью хитрости бѣжалъ въ крѣпость Каракъ, въ Моавѣ, оттуда вторично отказался отъ престола и письменно привѣтствовалъ избраннаго послѣ того въ Каирѣ эмира Рокн-ед-дина (Бейбарсъ II, 1309—10), какъ мамелюкъ и подданный. Годъ спустя, Мухаммедъ Насиръ въ третій разъ могъ вступить на

престолъ, отомстить своимъ прежнимъ притѣснителямъ, а затѣмъ еще въ теченіе слишкомъ трехъ десятилѣтій примѣнять къ дѣлу свой жизненный опытъ. Онъ далъ теперь полную волю алчности эмировъ, но при первомъ-же удобномъ случаѣ „рѣзалъ откормленныхъ на убой". Послѣ Мухаммеда Насира былъ рядъ правителей, состоявшій изъ его 8 сыновей, которыхъ поочередно еще дѣтьми сажали на престолъ разныя партіи: Абу Бекръ 1341 г., Ашрафъ Кючюкъ 1341—42, Ахмедъ 1342 г., Измаилъ 1342—45 г., Шаабанъ I 1345—46 г., Музаффаръ Хаджи 1346—47 г., Хасанъ 1347—51 г., и снова 1354—91 г., Салихъ 1351—54. Послѣ второго правленія Хасана ему наслѣдовалъ Мансуръ (1367—63 г.), сынъ Хаджи; наконецъ, на престолъ вступаетъ побочная линія въ лицѣ Шаабана II (1364—77) и его сыновей Али (до 1381) и Салиха Хаджи (1381—82).

Постройки временъ Бахритовъ своимъ изящнымъ стилемъ даютъ выгодное представленіе о развитіи архитектуры въ эпоху политическихъ неустройствъ. Предмѣстье каирскихъ нагробныхъ мечетей (такъ назыв. „гробницы калифовъ") начинается прекраснымъ надгробнымъ храмомъ Калауна, кромѣ того, достойны вниманія мечети его внука Хасана, эмировъ Санджара и Саллара. Такимъ образомъ, тутъ выросло точное мусульманское подобіе старо-египетскаго города мертвыхъ на западной сторонѣ Ѳивъ. Внутренній Каиръ тоже былъ украшенъ массой мечетей, школъ и т. п. Создателемъ Муристана, обширнаго госпиталя, былъ также Калаунъ.

б) Бурджиты.

27 перемѣнъ правленія въ теченіе 134 лѣтъ — таково преемство султановъ во время господства мамелюковъ-Бурджитовъ. Настоящіе правители изъ ихъ числа были, по большей части, и хорошими полководцами; производить-же реформы въ это время не было ни малѣйшей возможности. Мы мало знаемъ и о дѣятельности эмировъ, которые, держась вдали отъ столицы, постоянно кипѣвшей точно въ котлѣ, и отъ Сиріи, обреченной на неустройства, проявляли свою активность въ среднемъ и верхнемъ Египтѣ въ качествѣ мелкихъ правителей. Еще не достаточно изслѣдовано, что̀ могло помѣшать тогда полному вымиранію населенія на равнинахъ. Чума и неурожаи упоминаются очень часто; Каиръ-же и снова возрождающаяся Александрія являются центромъ индо-европейской торговли, и поэтому не находятся въ полной зависимости отъ экономическихъ условій земледѣльческаго района. Для послѣдняго, вѣроятно, что-нибудь дѣлали время отъ времени, когда нужда особенно тѣснила, вѣдь возмущеніе изнуренныхъ голодомъ феллаховъ, подавленное при страшномъ кровопролитіи мамлюками — это случайный взрывъ отчаянія, повтореніе котораго нужно было предотвратить съ помощью болѣе подходящихъ средствъ. И дѣйствительно, нерѣдко встрѣчаются упоминанія о крупной благотворительности правителей, въ общемъ не отличавшихся мягкосердіемъ.

Линія Бурджитовъ началась съ султана Баркука (1382—89 и 1390—99), который свергъ съ престола Салиха Хаджи, находившагося еще въ младенческомъ возрастѣ. Весною 1389 г. войско Баркука было разбито возставшими сирійскими намѣстниками, Минташемъ и Іельбогой; они взяли Каиръ и снова призвали на престолъ юнаго Калаунида. Но уже въ іюнѣ 1390 г. Баркукъ снова вступилъ въ Каиръ. Главная забота была пощена искусному отраженію страшнаго Тимура (см. стр. 356); зато сынъ и преемникъ Баркука Фараджъ (1369—1412), который въ 1405 г. на нѣсколько недѣль долженъ былъ уступить мѣсто брату своему Абд-ель-Азизу, еще тяжелѣе испыталъ на себѣ власть монголовъ. Къ частью для Египта губительныя орды не перешли за Дамаскъ (1401), а впослѣдствіи Фараджъ съ помощью внѣшней покорности сдерживалъ непріятеля до самой смерти Тимура. Уже со времени Баркука пополненіе мамелюковъ происходило не

исключительно путемъ покупки черкесскихъ невольниковъ; благодаря тому, что сношенія съ Чернымъ моремъ стали ослабѣвать, въ число мамелюковъ начали принимать монголовъ, грековъ и османовъ. Правленіе Фараджа во вторую свою половину было наполнено борьбою противъ эмировъ въ Сиріи; одинъ изъ нихъ, Шейхъ, наконецъ, взялъ въ плѣнъ султана и умертвилъ его. Лицемѣрный побѣдитель въ теченіе полугода называлъ султаномъ калифа Эль-Мустаина, но въ ноябрѣ 1412 г. самъ Шейхъ подъ именемъ Эль-Муайяда принялъ этотъ санъ. Большая мечеть Эль-Муайядъ у воротъ Сувеле въ Каирѣ—его созданіе. Баркукъ и Фараджъ построили такія-же на кладбищѣ. Уже въ январѣ 1421 г. умеръ искусный въ войнахъ, жадный до денегъ, Шейхъ; его недавно родившійся сынъ Ахмедъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ назывался султаномъ; ему наслѣдовалъ способный эмиръ Татаръ, прожившій однако только три мѣсяца; послѣ него правилъ въ теченіе шести мѣсяцевъ сынъ его, Мухаммедъ, подъ руководствомъ своего воспитателя Бурсъ-Бея.

Конечно, послѣ этого Бурсъ-Бей сталъ султаномъ (1422—38, см. стр. 357). Онъ былъ только военнымъ человѣкомъ, слѣпо вѣрившимъ въ чудодѣйственную силу приказовъ; въ торговой политикѣ онъ пренебрегалъ всякими договорами: такъ, онъ прямо объявилъ продажу перца, а затѣмъ и сахара своей монополіей и достигъ того, что даже венеціанцы, вообще очень терпѣливые на Востокѣ, стали точить на него зубы. Въ 1422 г. купцы-венеціанцы преобладали въ Александріи; они владѣли тамъ двумя „Фондахіями" (укрѣпленные магазины), къ которымъ до 1490 г. прибавилось еще двѣ такія-же. Генуэзцы, флорентинцы, анконцы, имѣли по одной, Неаполь и Гаэта — одну общую, наконецъ Нарбонна, Марсель, каталонцы владѣли собственными домами, но безъ магазиновъ. Въ періодъ „муды" (время обмѣна), когда западные купеческіе корабли въ Александріи нагружались и разгружались, вся гавань была полна галеръ: одни венеціанцы грузились среднимъ числомъ на сумму отъ 1 до $1^1/_2$ милліоновъ дукатовъ въ годъ. Кромѣ сраженій въ Сиріи нужно еще упомянуть завоеваніе Кипра Тагри Берди (1426), полководцемъ Бурсъ-Бея. Король Іаковъ I изъ дома Лузиньяновъ былъ приведенъ въ Каиръ плѣнникомъ, а затѣмъ снова отпущенъ въ качествѣ вассала султана. Въ іюнѣ 1438 г. умеръ Бурсъ-Бей, въ сентябрѣ его 14-лѣтній сынъ Эль-Азизъ-Юсуфъ; весьма знаменательный фактъ, что всѣ эти, часто весьма обремененные годами, правители почти никогда не оставляли взрослыхъ преемниковъ. Бурсъ-Бею и его сыну наслѣдовалъ эмиръ и министръ Чакмакъ (1438—53), нападеніе котораго на Родосъ не удалось; сынъ его, Османъ, черезъ 41 день былъ свергнутъ въ пользу эмира Инаяля (1453—61). И сынъ его Шихабъ ед-динъ Ахмедъ оставилъ престолъ послѣ обычнаго срока; греческій мамелюкъ Хошкадемъ (1461—67), султаны Ельбей и Тимурбога были незначительныя личности.

Имъ наслѣдовалъ Каитъ-бей (1468—96), самый великій изъ султановъ-бурджитовъ, царствовавшій наиболѣе продолжительное время. Съ точки зрѣнія современныхъ европейскихъ требованій онъ былъ, конечно, очень грубымъ человѣкомъ, ибо не забывалъ искусства пользоваться кулачной расправой, къ которой привыкъ, будучи простымъ мамелюкомъ, и вообще имѣлъ наклонность къ жестокости. Но мы невольно восхищаемся его многочисленными и великолѣпными постройками (надгробная мечеть султана—образецъ арабскаго изящества и орнаментики), и чувствуемъ уваженіе къ той энергіи, съ помощью которой онъ сдерживалъ своихъ непокорныхъ эмировъ и противился наступленію турокъ-османовъ. Послѣ пораженія своего войска при Аданѣ египетскимъ эмиромъ Езбекомъ въ 1488 г. и послѣ дальнѣйшихъ неудачъ въ 1491 г., Баязетъ II даже принужденъ былъ отказаться отъ юго-востока Малой Азіи.

Однако къ концу господства Каитъ-бея снова стали замѣтнѣе проявляться обычные недостатки владычества мамелюковъ: сынъ его Эль-Насиръ

Мухаммедъ былъ убитъ 1498 г., избранные послѣ него султаны Кансухъ, Джанбалатъ и Туманъ I съ необыкновенной быстротой свергали другъ друга, а когда вступилъ на престолъ 60-лѣтній Эль-Гури (Кансухъ Альгури, 1501—16), государство постигли новыя бѣдствія. Португальцы тѣмъ временемъ открыли доступъ въ Индійское море и сдѣлали торговлю пряностями почти совсѣмъ независимой отъ Египта. Венеція уже въ 1502 г. подстрекала султана, находившагося съ ней въ дружескихъ отношеніяхъ, оказать давленіе на индусскихъ князей для того, чтобы предотвратить изсяканіе главнаго источника благосостоянія Венеціи и Египта. Старый воинъ вполнѣ понялъ серьезность положенія, только когда португальцы закрыли доступъ въ Красное море, взявъ Сокотору. Изъ сообщеній венеціанскихъ посланниковъ мы видимъ, какъ скоро и какъ тяжело былъ наказанъ Эль-Гури за недостатокъ сообразительности. Благодаря непомѣрнымъ цѣнамъ, продукты Индіи, становясь все рѣже, едва находили сбытъ по старому пути; Александрійская гавань опустѣла, вьюки каравановъ изъ Мекки достигали крайне малыхъ размѣровъ, а султанъ тѣмъ не менѣе придерживался прежнихъ таможенныхъ пошлинъ, тогда какъ сирійскіе эмиры губили торговлю своими вымогательствами. Въ 1509 г. адмиралъ мамелюковъ, Миръ Хусейнъ, былъ разбитъ Альмейдой при Діу (см. стр. 360), а новый флотъ, собранный Эль-Гури, перешелъ, повидимому, еще до его паденія на сторону Селима I, лѣтомъ 1516 г. въ Джиддѣ.

24 августа 1516 г. Эль-Гури на равнинѣ Дабикъ около Халеба встрѣтился съ турецкимъ султаномъ (стр. 360). Легкія полевыя орудія враговъ и несвоевременный побѣгъ подкупленнаго эмира Хайръ-бея нанесли послѣдній ударъ мамелюкамъ; старый султанъ палъ въ битвѣ. Селимъ I вошелъ въ Дамаскъ, тогда какъ въ Каирѣ выбрали султаномъ оставшагося тамъ намѣстника Тумана-Бея (окт. 1516 г,), Но сокровища и казна были исчерпаны; даже Газа не могла быть во время укрѣплена и пала въ концѣ года. На требованіе Селима подчиниться и остаться въ странѣ въ качествѣ турецкаго намѣстника, Туманъ II отвѣтилъ казнью пословъ.

3. Египетъ съ 1517 г.

А. Турецкое завоеваніе и управленіе.

Большое войско турокъ османовъ двинулись изъ Дамаска уже въ серединѣ декабря, и по пути только около Рамле наткнулись на слабое сопротивленіе. Во время десятидневнаго похода черезъ пустыню турки не встрѣтили препятствій. 22 января 1517 г. завязалась послѣдняя битва. Мамелюки у горъ Моккатамъ въ виду Каира сражались съ отчаяннымъ мужествомъ, и ихъ новый султанъ выказалъ себя достойнымъ преемникомъ ряда храбрыхъ царей-воиновъ. Однако и этотъ день не выручилъ мамелюковъ. Кровопролитіе подъ Каиромъ и въ самомъ городѣ кончилось лишь черезъ недѣлю; турки принуждены были брать штурмомъ улицу за улицей. Туманъ II, съ остаткомъ своего войска занявшій позицію по ту сторону Нила, около Гизеха, принужденъ былъ отступить и бросился къ Дельтѣ. Говорятъ, что Селимъ еще разъ предлагалъ ему приличныя условія сдачи, но напрасно. Мелкія стычки, въ которыхъ Туманъ еще не разъ доказалъ свое личное мужество, вскорѣ смѣнились преслѣдованіемъ, и войско мамелюковъ совершенно растаяло. Туманъ II, взятый въ плѣнъ Селимомъ, былъ казненъ 13 апрѣля 1517 г. въ Каирѣ.

Селимъ до сентября оставался въ Египтѣ. Приказа, даннаго имъ самымъ богатымъ купцамъ въ Каирѣ, — немедленно переселиться въ Стамбулъ, нельзя было ослушаться, такъ что венеціанцы, тотчасъ пославшіе въ Каиръ къ побѣдителю Б. Контарини и А. Мочениго, въ сущности немного

Объясненіе изображенія на обратной сторонѣ,

дословно заимствованное изъ „Beschreibung von Egipten“ въ „Africa“ Драппера.

Что касается Алкаира, то онъ теперь раздѣляется на четыре города: на Булахъ, Хараффа, Древній Каиръ и Новый или Великій Каиръ, хотя нѣкоторые считаютъ первыя двѣ части за предмѣстія Великаго Каира; можетъ быть, потому, что онѣ теперь такъ мало застроены, какъ и самъ Великій Каиръ. что онѣ имѣютъ больше видъ деревень, нежели городовъ. Если взять четыре названныхъ города вмѣстѣ съ предмѣстьями, то цѣлый Каиръ, какъ доказываетъ Beauvau, имѣетъ въ окружности 30 миль.

Булакъ, или какъ называютъ его нѣкоторые, Бубалонъ, есть гавань для города Каира, лежитъ около двухъ миль отъ Великаго Каира, на восточномъ берегу Нила, и имѣлъ когда-то 4000 домовъ. Тамъ жило много ремесленниковъ и другихъ, которые торговали зерновымъ хлѣбомъ, масломъ и сахаромъ. Въ немъ были прекрасные храмы и дворцы, изъ которыхъ самые красивые лежали на берегу Нила. Но это мѣсто очень повреждено многими войнами.

Между Булакомъ и Большимъ Алкаиромъ видна большая мѣстность Лесбрехи (El-Ezbekieh!), какъ называютъ ее туземцы. Она лежитъ, когда разливается Нилъ, совершенно подъ водою. Немного отъ нея Нилъ раздѣляется на различные зубцы, изъ которыхъ одинъ течетъ къ Александріи, другой къ Даміэттѣ, а прочіе къ различнымъ другимъ мѣстамъ. Отъ Булака до большого Алкаира земля плоская и дорога очень веселая, потому по ней ходитъ также во всякое время много людей. Особенно она очень красива въ одномъ мѣстѣ, которое называется Узбекіа (el-Esbekieh!) въ предмѣстіи у воротъ. Эта Узбекіа — участокъ земли, который лежитъ кругомъ и вокругъ застроенъ домами.

Хараффа (Charaffa), называемый также и Карафраръ, или Массаръ, лежитъ въ двухъ миляхъ отъ великаго Алкаира, и имѣлъ нѣкогда 2000 домовъ, а также 7 миль въ окружности. Но долгое время это мѣсто, такъ какъ когда-то держалъ тамъ свой дворъ султанъ, было пустыннымъ и нежилымъ. Было также тамъ нѣкогда много гробницъ, которыя были выведены высокими и великолѣпными сводами и внутри были украшены прекрасными картинами и изображеніями. Здѣсь также была таможня, гдѣ взимались пошлины за товары, которые шли изъ Саида. И теперь еще, какъ Beauvau пишетъ, можно видѣть тамъ семь житницъ Іосифа.

Древній Алкаиръ лежитъ на хорошемъ мѣстѣ, на восточномъ берегу Нила, но не обведенъ стѣной, хотя и пишетъ Крузіусъ, что тамъ находится стѣна въ 24 мили. Теперь онъ, какъ сообщаетъ Беллоонъ, только малая деревня, и въ ней живутъ греки и армяне. Притомъ она полна разрушенныхъ обломковъ, какъ свидѣтельствуетъ Петръ della Valle, который считаетъ ее древнимъ Вавилономъ, и въ ней мало домовъ, которые отстоятъ далеко другъ отъ друга и населены христіанами. Кромѣ того въ немъ есть различныя церкви, какъ повѣствуетъ только что названный историческій писатель: между прочими церковь Святой Варвары, гдѣ находятся ея мощи и другихъ святыхъ; затѣмъ церковь Святого Іоанна, которая стоитъ на холмѣ, откуда можно обозрѣвать Древній Каиръ и прилежащія поля. Еще другая церковь, можетъ быть, самая важная у коптовъ, стоитъ на развалившихся грудахъ маленькаго домика, въ которомъ должно быть жила долгое время Пресвятая Дѣва-Марія. Остатки этого святого домика указываются еще подъ главнымъ алтаремъ выше названной церкви: именно въ очень темной криптѣ, такъ какъ она на малыхъ стол-

Каиро въ 16

(По O. Dapper, Umständliche und eigentlic B

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

670 году.

(Beschreibung von Africa, Amsterdam 1671.)

бахъ, на которыхъ покоится сводъ алтаря, еще сохраняетъ нѣсколько кусковъ балки, которая поддерживала въ древнія времена горницу вышеупомянутаго дома, и не только сдѣлалась отъ древности черною, закопченною, но и сгнившею. Внѣ этихъ мѣстъ или предмѣстій, которыя лежатъ передъ или вокругъ древняго Алкаира, есть еще три другихъ предмѣстія, какъ Bebzuaila или Bebzuila, Gemethailon и Бебеллохъ.

Предмѣстье Bebzuaila, которое называютъ также Mifuletif или Mifruletich (Masr-et-atikeh = Древній Каиро), лежитъ при выходѣ изъ воротъ, которыя называются по этому городу. Онъ заключаетъ около 2000 домовъ, и простирается отъ названныхъ воротъ отъ запада къ югу около полторы мили и къ сѣверу на одну милю до предмѣстья Бебеллохъ. Тамъ находится четыре церкви и гильдіи. Одну церковь построилъ султанъ Хесенъ, какъ и крѣпко обнесенный стѣною дворецъ, который теперь служитъ жилищемъ для турецкихъ пашей, и лежитъ на горѣ Мохатанъ. Также находятся вокругъ еще другіе красивые и большіе дворцы, сѣни которыхъ выложены разноцвѣтнымъ мраморомъ, а потолки разрисованы и позолочены. Въ этихъ дворцахъ жили когда-то жены, дѣти, наложницы, евнухи и тѣлохранители султана. Также въ нѣкоторыхъ справлялись свадьбы или давались въ нихъ аудіенціи посламъ. — Предмѣстье Gemethailon (Gamiat-Tulun = мечеть Тулуна), которое также очень велико, граничитъ съ предмѣстьемъ Bebzuaila, и идетъ къ западу по нѣкоторымъ пришедшимъ въ упадокъ мѣстамъ Алкаира. Оно получило начало раньше, чѣмъ самый Алкаиръ. Таилонъ (Tulun), подданный Халифа Багдадскаго и намѣстникъ Египта, основалъ его. Этотъ Таилонъ оставилъ старый городъ и жилъ въ этомъ предмѣстьѣ: тамъ онъ построилъ превосходный дворецъ и церковь. Много купцовъ и ремесленниковъ живетъ здѣсь: это по большей части мавры изъ Берберіи. Предмѣстье Бебеллохъ не самое малое, лежитъ около мили отъ большого Алкаира и заключаетъ въ себѣ 3000 домовъ. Здѣсь живутъ всякіе ремесленники, а на одной площади, которую называютъ Jazbachie (el-Ezbekieh!) стоитъ большой дворецъ, съ прекраснымъ гильдейскимъ домомъ, основаннымъ Jazbach'омъ Маммалюкомъ, который былъ совѣтникомъ султана, и назвалъ мѣсто по своему имени Jazbachia.

Городъ кругомъ обнесенъ стѣнами, исключая стороны Нила, и лежитъ по свидѣтельству Вилламонта закругленный въ длину, но Беллоону треугольникомъ; притомъ дворецъ на холмѣ, который образуетъ уголъ. Къ другому можно подойти отъ дворца, если пойти вдоль стѣны; а къ третьему, если направиться отъ второго къ сѣверу, а отсюда опять ко дворцу. Здѣсь мы должны также припомнить, что Великій Алкаиръ со своими предмѣстіями такъ плотно застроенъ большими домами, что нельзя хорошо видѣть стѣнъ, и вѣроятно по этой причинѣ нѣкоторые пишутъ, будто этотъ городъ не имѣетъ стѣнъ.

Онъ имѣетъ много воротъ, которыя обиты желѣзомъ. Между важнѣйшими на восточной сторонѣ города ворота Babe Nanfre или Bid Nanfare, это ворота Побѣды; ворота Beb-zuaila или Bitzuila, чрезъ нихъ проходятъ къ Нилу и старому Алкаиру, и ворота Bebel-futuch или Bib-el-Fetoch, это ворота Великолѣпія побѣды, передъ которыми лежитъ море Эсбики (el-Ezbekieh!) и очень плодородныя поля.

Важнѣйшихъ храмовъ, которыя турки называютъ мечетями, Beauvau здѣсь насчитываетъ 6800; а если причислить къ нимъ всѣ вообще, то ихъ будетъ вмѣстѣ 24,000; хотя Villamont ставитъ на 1100 менѣе. Въ предмѣстьѣ къ востоку стоитъ 1200; а въ другомъ къ югу до 700. Между же всѣми самая красивая, которую называютъ Bemafar: она поддерживается 30 великолѣпными столбами; впрочемъ самымъ знаменитымъ считается храмъ Elhashar.

выиграли изъ того, что Селимъ утвердилъ ихъ прежнія торговыя права. Правда, Сулейманъ I при вступленіи на престолъ въ 1520 г. снова отпустилъ переселенцевъ на родину, но за то подорвалъ Александрійскую торговлю съ помощью распоряженій, которыя сдѣлали Константинополь центромъ торговли пряностями (см. т. VII). Фондахіи западныхъ купцовъ совсѣмъ закрылись. Въ серединѣ XVI столѣтія и венеціанское консульство въ Александріи было уничтожено и перенесено въ Каиръ. Прежде чѣмъ вернуться въ Сирію, Селимъ еще въ Каирѣ дождался признанія перешедшихъ къ нему правъ защиты и верховенства надъ священными городами Меккой и Мединой. Его египетскій намѣстникъ, Хайръ-бей, измѣннически предавшій Дабика, уже три года спустя выказалъ стремленіе къ независимости при смѣнѣ престолонаслѣдія, но во-время образумился. Помимо этого, мы мало что знаемъ объ управленіи страною при великомъ Сулейманѣ. Одинъ итальянецъ сообщаетъ, что султанъ въ 1529 г. велѣлъ снова прорыть старый каналъ Дарія отъ Краснаго моря къ Нилу (см. стр. 669), но не окончилъ работъ, хотя участвовало въ нихъ 20,000 работниковъ. Въ 1534 г. турецкому беглербегу въ Каирѣ подчинялись 16 санджаковъ, частью въ Аравіи, частью въ Египтѣ. Португальцы не рѣшались начинать изъ Индіи какія-нибудь дѣйствія, которыя могли-бы раздражить султана; поэтому, къ укрѣпленію турецкой власти въ Красномъ морѣ вскорѣ совсѣмъ перестали прилагать усилія: Средиземное море оказалось важнѣе.

Для великихъ султановъ на Босфорѣ долина Нила была важна только, какъ источникъ дохода съ податей. Беглербегомъ или пашой (такъ звучитъ этотъ титулъ съ 1573 г.) въ Каирѣ назначался не наиболѣе дѣльный человѣкъ, а тотъ, который бралъ на себя обязательство все больше увеличивать вклады въ казну султана. Начиная съ Селима II, у османскихъ султановъ проявляется страсть безмѣрно и безцѣльно накоплять частныя сокровища; обыкновенно появлявшіеся во главѣ всѣхъ суммъ доходы изъ Каира прямо разсматривались повелителемъ, какъ „карманныя деньги“. Въ 1553 г., судя по книгамъ, въ османскую государственную кассу поступили 900,000 дукатовъ изъ Аравіи и Египта: половина общихъ доходовъ намѣстника, который остальное могъ оставить себѣ „для расходовъ по защитѣ страны.“ Сирія даетъ только треть, а Иракъ — девятую часть этой суммы. За то въ слѣдующемъ году съ Каира получается не больше 500,000 дукатовъ доходу, съ 1555 до 1591 въ среднемъ до 800,000, а въ 1592 г. — милліонъ. Необходимымъ условіемъ такого усиленнаго взиманія податей была частая смѣна пашей. Когда Мурадъ IV, вступивъ на престолъ, въ 1622 г. назначилъ въ египетскіе паши агу янычаръ, послѣдній, въ ожиданіи еще большихъ доходвъ, тотчасъ „раскаявшись“ заплатилъ государственной казнѣ 800,000 піастровъ изъ своихъ прежнихъ хищеній. Но жители Каира на этотъ разъ собрались съ духомъ и закрыли ворота передъ многообѣщающимъ благодѣтелемъ. „Это уже седьмой паша въ теченіе 1½ года,“ донесли они Мураду; „а мы можемъ вынести смѣну пашей развѣ черезъ каждое трехлѣтіе.“ Каиръ, уже тогда бывшій самымъ большимъ городомъ на арабскомъ востокѣ (см. приложенную таблицу „Каиръ въ 1670 г.“), на этотъ разъ настоялъ на своемъ. Въ 1695 г., когда чума и голодъ тяжело посѣтили Египетъ, страна нашла даже въ лицѣ своего намѣстника Измаила-паши благодѣтеля и помощника. Два года спустя, возстаніе милиціи принудило его отказаться отъ мѣста: его второй преемникъ, Кара Мухаммедъ, опять ввелъ порядокъ въ Египетъ. Однако уже въ 1711 г. появился фанатикъ-проповѣдникъ, боровшійся противъ мусульманскаго почитанія святыхъ; ему удалось склонить на свою сторону даже часть войскъ. Только въ 1714 г., когда Порта послала энергичнаго Абди-пашу въ сопровожденіи судьи изъ духовныхъ лицъ, правительство снова одержало верхъ надъ религіозно-политическимъ движеніемъ.

Въ жизнь пашей въ хорошо-укрѣпленной каирской крѣпости только два событія вносили перемѣну: а именно, появленіе султанскаго флота передъ Даміеттой и Розеттой для полученія дохода съ податей, или-же прибытіе одѣтаго въ черное герольда, возвѣщавшаго пашѣ о возмущеніи какой-нибудь партіи или всей страны и рекомендовавшаго ему быстрый отъѣздъ. Аристократія, состоявшая изъ мамелюковъ, владѣнія которыхъ въ верхнемъ Египтѣ не были тронуты даже и Селимомъ, въ XVIII столѣтіи снова стоитъ во главѣ. Въ 1768 г. Али-Бей, происходившій изъ этого класса, объявилъ себя независимымъ владыкой Египта. Султанъ въ то время былъ связанъ войной съ Россіей (см. т. V); Али подчинилъ сопротивлявшихся ему беевъ-мамелюковъ, напалъ врасплохъ на Мекку, а въ 1770 г. ворвался въ Сирію. Мухаммедъ-Бей, зять Али, осаждая въ слѣдующемъ году Дамаскъ, былъ подкупленъ турками; онъ увелъ свое войско обратно въ Каиръ, прогналъ Али и былъ утвержденъ Портой въ качествѣ египетскаго паши. Одно время казалось, что Али, находившійся въ Сиріи, гдѣ ему и другимъ возставшимъ оказывали помощь русскіе военные корабли, снова овладѣетъ своимъ государствомъ; но при Газѣ онъ былъ захваченъ отрядомъ мамелюковъ подъ управленіемъ молодого Мурада-Бея и умеръ вскорѣ послѣ того въ плѣну (апрѣль 1773 г.) И Мухаммедъ въ 1775 г. умеръ въ Сиріи, которую онъ собирался подчинить султану. Тогда въ Египтѣ разгорѣлась внутренняя война между многочисленными беями мамлюковъ; въ 1783 г. она была, повидимому, прекращена побѣдой Мурада и его союзника Ибрагима, но тотчасъ-же перешла въ борьбу между этими двумя вождями. Они помирились, когда Порта стала вооружаться. Капуданъ-паша (титулъ главы турецкаго флота) Хасанъ въ 1786 г. высадился въ Александріи; но такъ какъ оружіе мамелюковъ по силѣ не уступало турецкому и кромѣ того уже имѣлась въ виду русско-турецкая война 1787 г., Хасанъ, заключивъ съ Мурадомъ и Ибрагимомъ полюбовную сдѣлку, снова уступилъ имъ власть.

Б. Занятіе Египта французами.

а) Военно-политическій инцидентъ.

Если мы пожелаемъ указать величайшихъ военныхъ героевъ, которыхъ выдвинулъ Западъ, то мы должны единогласно назвать три имени: Александра, Цезаря и Наполеона. Именно Востокъ далъ проявиться ихъ дѣяніямъ во всемъ блескѣ. Неудивительно, что пребываніе въ Египтѣ Александра и Цезаря такъ щедро разукрашено преданіемъ; слава-же Бонапарта безъ всякихъ сомнѣній зародилась на Востокѣ: битва при пирамидахъ превратила „маленькаго картечнаго генерала“ въ мужа, отмѣченнаго судьбою. Лейб-мамелюкъ императора, Рустанъ, служившій живымъ напоминаніемъ этой удачи, долженъ былъ присутствовать въ свитѣ при всякомъ торжественномъ событіи. А когда послѣдняя крупная попытка Наполеона началась на германской почвѣ битвой при Гросъ-Гершенѣ, корсиканецъ еще разъ вспомнилъ 1798 г., воскликнувъ: „Вотъ чисто-египетская битва! настоящая инфантерія должна всегда обходиться безъ помощи!“

Ровно за 24 часа до появленія французскаго флота при Александріи, тамъ впервые узнали о намѣреніи генерала Бонапарта (см. т. VIII). Вечеромъ 1 іюля 1798 г, началась высадка войска, состоявшаго приблизительно изъ 40,000 человѣкъ; въ полдень 2 іюля городъ осажденъ и уже 3-яго передовой отрядъ подъ начальствомъ Луи Шарля Антуана Десэ отправился на югъ. Нильскій флотъ подъ предводительствомъ Антуана Франсуа графа Андреосси далъ флоту мамелюковъ сраженіе, тогда какъ сухопутныя войска, при Шебреисѣ отразили нападеніе Мурада-Бея. Движеніе

впередъ при страшной жарѣ было полно лишеній. Когда на горизонтѣ появились верхушки великихъ пирамидъ, послышались знаменитыя слова Бонапарта, сказавшаго, что съ вершины ихъ 40 вѣковъ смотрятъ на храбрецовъ. Мурадъ и Ибрагимъ занимали позицію между пирамидами и рѣкою; ихъ центръ, окопанная, но плохо защищенная орудіями деревня Эмбабе была взята штурмомъ французами, тогда какъ энергичная атака кавалеріи Мурада на карре послѣднихъ не удалась. Эта битва, происходившая 21-ого іюля, разрознила войска мамелюковъ: Ибрагимъ бросился къ восточной Дельтѣ, Мурадъ въ верхній Египетъ; Каиръ сдался побѣдителю четыре дня спустя. Уже 17-го августа неутомимый Бонапартъ перерѣзалъ при Салахіе путь Ибрагиму и принудилъ его бѣжать въ Сирію. Въ это время отъ Жана Батиста Клебера изъ Александріи пришло извѣстіе, что французскій флотъ уничтоженъ Нельсономъ при Абукирѣ 1-го августа. Не смотря это, Десэ въ концѣ августа двинулся на верхній Египетъ и послѣ двухъ жаркихъ битвъ достигъ Ассуана. Сопротивленіе Мурада получило характеръ случайныхъ разбойничьихъ набѣговъ.

Французы между тѣмъ расположились для продолжительнаго пребыванія, особенно въ Каирѣ. Ихъ предводитель уже при высадкѣ увѣрялъ, что онъ, истребитель Мальтійскаго ордена, другъ ислама и что его цѣль — только борьба съ „безбожной породой беевъ“. Къ обычаямъ мусульманъ онъ старался явно выказывать почтеніе: такъ, онъ участвовалъ въ праздникѣ Маулидъ ен-Неби въ арабскомъ костюмѣ. Для того, чтобы быть не только объявленнымъ улемами истиннымъ приверженцемъ пророка, но и быть признаннымъ султаномъ Египта, Наполеонъ приготовилъ прокламацію, которая была найдена впослѣдствіи въ формѣ фетвы каирскаго дивана съ датой 11 февр. 1799 г. Но не смотря на то, что часть войска, въ томъ числѣ и генералъ Жакъ Франсуа баронъ де-Мену, серьезно собиралась перейти въ магометанство, довѣріе восточныхъ людей не такъ-то легко было взять штурмомъ. Сеидъ Бедръ елъ-Мукаддамъ, фанатическій потомокъ Мухаммеда, 21-го окт. 1798 г. увлекъ населеніе Каира къ возстанію; лишь послѣ трехдневной битвы на улицахъ могъ Бонапартъ снова овладѣть городомъ, ворота-же Азхарской мечети принуждены были взломать пушечными выстрѣлами. Но выбора не было: „партія колонистовъ“ въ войскѣ, къ которой принадлежали кромѣ Мену еще и Десэ, Л. Н. Даву и другіе, сохраняла перевѣсъ до окончанія занятія.

Смѣлый сирійскій походъ Бонапарта (отъ конца января до іюня 1799) кончился послѣ ряда блестящихъ подвиговъ (взятія Яффы, побѣды подъ Ибрагимомъ при Ѳаворѣ) полной неудачей подъ Аккой въ битвѣ противъ Джеззара-паши и Сиднея Смита. Между тѣмъ, Десэ при Сухамѣ разбилъ беевъ и даже осадилъ Коссеиръ при Красномъ морѣ; въ Нижнемъ Египтѣ генералъ Франсуа Ланюссъ подавилъ попытку въ возстанію новаго Махди. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ возвращенія Бонапарта, въ серединѣ іюля 1799 г. 20,000 турокъ высадилось подъ начальствомъ Мустафа-паши въ Абукирѣ, подъ прикрытіемъ англійскаго флота; но 25-го іюля 8000 французовъ снова прогнали ихъ на корабли съ большими потерями. Этимъ закончилась карьера Бонапарта въ Египтѣ. Извѣстія изъ Европы, сообщенныя ему англійскимъ адмираломъ, побудили его къ отъѣзду 23-го августа; онъ уѣхалъ вмѣстѣ со свитой изъ 500 человѣкъ, на двухъ фрегатахъ, уцѣлѣвшихъ отъ предыдущаго года.

Клеберъ, къ которому перешло такимъ образомъ начальство надъ войскомъ, не симпатизировалъ предпріятію, которое онъ долженъ былъ продолжать; кромѣ того, турецкій великій визирь Юсуфъ-паша подвигался впередъ черезъ Сирію съ 80,000-нымъ войскомъ. Преувеличенный докладъ о плохомъ состояніи французскихъ войскъ, посланный Клеберомъ директоріи, попалъ въ руки англичанъ и далъ толчекъ къ переговорамъ объ очищеніи страны. Десэ 28-го января 1800 г. долженъ былъ принять договоръ, заключенный

въ Эль-Аришѣ, только что занятомъ великимъ визиремъ, и тотчасъ-же оставилъ страну. Клеберъ постарался немедленно выполнить тяжелыя условія договора. Онъ уже очистилъ верхній Египетъ и Каиръ, когда англійскій адмиралъ объявилъ, что французская армія должна признать себя военно-плѣнной. Отвѣтомъ на это былъ приказъ по войскамъ: „солдаты! на такія требованія отвѣчаютъ только побѣдой; готовьтесь къ битвѣ!" 20-го марта 1800 г. Клеберъ съ 10,000 солдатъ разбилъ при Матаріе подъ самымъ Каиромъ великаго визаря, бывшаго въ восемь разъ сильнѣе его: это была славная битва при Иліополѣ; два дня спустя французы завладѣли и лагеремъ Юсуфа-паши, хорошо снабженнымъ припасами. Послѣ битвы, начавшейся 27-го числа и длившейся нѣсколько дней, Клеберъ завоевалъ обратно Каиръ; Ибрагимъ былъ отпущенъ въ Сирію, Мураду же, какъ союзнику Франціи, было поручено управленіе верхнимъ Египтомъ. Несмотря на свой короткій срокъ, управленіе Клебера очень выгодно отозвалось на войскѣ, которое было подкрѣплено еще коптскимъ и греческимъ легіонами. 14-го іюня 1800 г. Клеберъ былъ во время аудіенціи заколотъ кинжаломъ фанатикомъ изъ Халеба (въ тотъ-же день въ Европѣ была битва при Маренго и смерть Десэ). Мену, какъ старшій по рангу, вступилъ въ управленіе Египтомъ; женатый на египтянкѣ, онъ подъ именемъ „Абдуллаха Мену" искусно продолжалъ реформу управленія и разсчитанное на продолжительное время пользованіе естественными источниками дохода страны; арабская газета „Тамбіе" раздавалась вождямъ каравановъ, идущихъ въ Аравію и внутреннюю Африку, съ цѣлью распространенія французской пропаганды на Востокѣ. Но неспособность французскаго начальника надъ флотомъ наконецъ позволила туркамъ, соединившимся съ англичанами, затянуть сѣть. Изъ Сиріи приближались турки, изъ Коссеира 6000 сипаевъ. Британскій генералъ сэръ Ральфъ Аберкромби высадился съ 17,000 человѣкъ около Абукира и 21 марта 1801 г. одержалъ побѣду недалеко отъ Александріи. Смерть его (28 марта) ничего не измѣнила въ скверномъ положеніи Мену. Генералъ А. Д. графъ Бельяръ, оставшійся въ Каирѣ, гдѣ какъ разъ въ это время умеръ Мурадъ-бей отъ чумы, долженъ былъ сдаться 23-го іюня; Мену—въ Александріи 2-го сентября. Французскія войска, числомъ все еще достигавшія 24,000 человѣкъ, были отвезены во Францію на англійскихъ корабляхъ. Въ мартѣ 1803 года англичане тоже очистили страну, послѣ того какъ договоромъ съ Портой мамелюкамъ было обезпечено помилованіе подъ условіемъ обѣщанія, даннаго беями, не вмѣшиваться въ управленіе Египтомъ.

б) Вѣчное пріобрѣтеніе для науки.

Среди условій капитуляціи находилось и требованіе выдать всѣ древности и вообще всѣ научныя сокровища, собранныя французскими учеными, участвовавшими въ экспедиціи (Доминикъ Виванъ Денонъ, Гаспаръ Монжъ, Клодъ Луи Бертоле и др.). Въ отвѣтъ на это было сказано, что французы скорѣе готовы все уничтожить; поэтому, побѣдители отказались отъ своего требованія. Одинъ Денонъ, сопровождавшій Десэ въ верхній Египетъ, собралъ для своего „Voyage dans la Basse et Haute Egypte" (Paris, 1802) столько рисунковъ и т. п., что нагрузилъ ими верблюда. Въ августѣ 1799 г. землекопы инженера Бушара во время земляныхъ работъ при постройкѣ форта С. Жульена нашли „Розетскій камень" съ надписью на трехъ языкахъ (стр. 673). Верхнюю часть лицевой стороны занималъ текстъ, написанный іероглифическимъ шрифтомъ, среднюю — текстъ демотическій, нижнюю — греческій. Въ послѣднемъ значилось, что декретъ, написанный священнымъ, народнымъ и греческимъ шрифтомъ и вырѣзанный на таблицѣ изъ твердаго камня, долженъ быть выставленъ въ каж-

домъ большомъ храмѣ, слѣдовательно, содержаніе обѣихъ верхнихъ частей должно было быть одинаковымъ съ содержаніемъ нижней части. Когда результаты экспедиціи были приведены въ извѣстность и текстъ сообщенъ, англичанину Томасу Юнгу въ 1819 г., а въ 1822 независимо отъ него — французу Ж. Ж. Шамполліону удалось разобрать достовѣрно имена „Птолемей“ и „Вереника“ въ іероглифическомъ текстѣ. Такимъ образомъ, базальтовая глыба изъ Розетты, въ связи съ надписью на обелискѣ въ Филэ, давшей возможность разобрать имя „Клеопатры“, послужила ключемъ къ разбору различныхъ древне-египетскихъ шрифтовъ. Когда въ 1867 г. изъ руинъ Таниса вышла на свѣтъ еще вторая надпись, написанная на трехъ языкахъ, т. н. „Канопскій декретъ“ (см. стр. 596 и 673), египтологія сдѣлала уже такіе успѣхи, что не смотря на большой объемъ новаго памятника, послѣдній далъ лишь немного дѣйствительно новаго. Не смотря на то, что Шамполліонъ умеръ уже въ 1832 г., онъ самъ заложилъ основанія египтологіи, самъ сдѣлалъ подготовительную лингвистическую работу и открылъ пониманію многочисленныя надписи и папирусы. „Все, что было сдѣлано съ тѣхъ поръ, какъ-бы значительно оно ни было, можетъ считаться только завершеніемъ возведеннаго Шамполліономъ строенія. Единичный человѣкъ въ теченіе десятилѣтія рѣшилъ величайшую загадку и снова ввелъ во всемірную исторію цѣлый народъ“ (Ад. Эрманъ).

Живописный іероглифическій шрифтъ состоитъ приблизительно изъ 800 изображеній различныхъ объектовъ природы, изъ ихъ числа 24 употребляются, какъ простые знаки согласныхъ; шрифтъ этотъ обыкновенно идетъ справа на лѣво и только ради техническихъ или декоративныхъ цѣлей беретъ иногда противуположное направленіе. Полныя формы примѣнялись почти исключительно для надписей, тогда какъ собственно при письмѣ онѣ сокращались въ „іератическій“ шрифтъ. Наконецъ, „демотическое“ письмо, представляющее собою обычный шрифтъ въ греческое и римское время и потому стоящее въ самой серединѣ птолемеевскихъ декретовъ, является дальнѣйшимъ упрощеніемъ іератическаго, хотя, благодаря своей неправильности, оно читается лишь съ трудомъ. Повидимому, это-то обстоятельство главнымъ образомъ и заставило проповѣдниковъ христіанства передать въ III вѣкѣ тогдашній народный языкъ греческими буквами, для того, чтобы открыть библейскія книги египтянамъ, не понимавшимъ по-гречески; только нѣкоторые звуки, свойственные исключительно египетскому языку, были взяты изъ демотическаго письма. „Это тотъ новый языкъ египетскихъ христіанъ, который мы нынѣ называемъ коптскимъ. Такъ какъ онъ выросъ изъ языка простого народа, то изъ накоплявшагося въ теченіе многихъ тысячелѣтій наслѣдія древней письменности онъ не могъ воспользоваться ничѣмъ и долженъ былъ начать сначала, чтобы примѣниться къ выраженію болѣе высокихъ мыслей“. Въ XV стол. арабскій языкъ вытѣснилъ коптскій, ограничивъ его предѣлами верхняго Египта, а въ теченіе XVII вѣка онъ, какъ живой языкъ, совершенно исчезъ.

Въ области египтологіи преемникомъ Шамполліона былъ Рихардъ Лепсіусъ. Будучи начальникомъ большой прусской экспедиціи, которая отъ 1842 до 45 г. изслѣдовала всю долину Нила, зайдя далеко въ глубь Нубіи, онъ издалъ обширный трудъ „Памятники Египта и Ѳіопіи“, который на долгое время будетъ служить исходнымъ пунктомъ для изслѣдованія Египта. Подобную-же цѣль преслѣдовали изданные Ипполитомъ Роселлини въ 1832—44 г. въ Пизѣ „Monumenti del Egitto e della Nubia“. Особенная заслуга въ возбужденіи общаго интереса къ результатамъ разбора памятниковъ принадлежитъ Хр. К. Бунзену, Генр. Бругшу, ум. въ 1894 г., и Адольфу Эрману; слѣдуетъ также назвать Георга Эберса (ум. въ 1898 г.).

B. Мехемедъ Али и его преемники.

Европейскія войска еще не успѣли оставить Египетъ, какъ онъ снова попалъ въ осадное положеніе, благодаря вѣроломству Порты. Великій визирь и турецкій адмиралъ, руководясь повелѣніемъ свыше, попробовали устроить Варѳоломеевскую ночь мамелюкскимъ беямъ, не исключая отсюда и Ибрагима. Благодаря вмѣшательству англійскихъ начальниковъ и нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ, планъ этотъ удался только отчасти; но отвѣтомъ на него было общее возмущеніе подвергнувшихся опасности беевъ подъ предводительствомъ Османа Бардисси; и не смотря на то, что англичане передъ своимъ отъѣздомъ добились для нихъ помилованія, настоящаго успокоенія не послѣдовало. Хосревъ-Паша, турецкій губернаторъ, уже въ маѣ 1803 г. былъ изгнанъ изъ Каира, но вскорѣ вновь приведенъ туда въ качествѣ плѣнника мамелюковъ; его преемникъ Али-паша въ январѣ 1804 г. попалъ въ руки палача Бардисси.

Плодами всѣхъ этихъ смутъ суждено было воспользоваться македонцу, какъ случилось болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ передъ этимъ съ его соотечественникомъ Птолемеемъ Лаги. Мехемедъ Али, родившійся въ 1769 г. въ Кавалѣ, древнемъ Галепсѣ, и близко ознакомившійся съ европейскими воззрѣніями, благодаря раннему вступленію въ персоналъ тамошняго французскаго торговаго дома, около начала новаго столѣтія былъ посланъ въ Египетъ въ качествѣ младшаго начальника небольшого македонскаго отряда. Хосревъ сперва покровительствовалъ ему и назначилъ его полковникомъ одного изъ албанскихъ полковъ; ставъ затѣмъ начальникомъ всего албанскаго корпуса, онъ присоединился къ Бардисси и помогъ изгнать Хосрева. Послѣ гибели Али-паши, Мехемедъ Али разсорился съ Бардисси, прогналъ его и другихъ беевъ въ мартѣ 1804 г. изъ Каира, призвалъ изъ Александріи турецкаго начальника Куршида и призналъ его египетскимъ пашой. Но въ то время, какъ Мехемедъ Али лѣтомъ 1805 г. осаждалъ мамелюковъ въ Миніе, Хуршидъ-паша старался упрочить свое положеніе съ помощью привлеченія курдской конницы на мѣсто албанцевъ. Мехемедъ Али сейчасъ-же отправился въ Каиръ, осадилъ крѣпость, въ которой находился Хуршидъ, и въ 1806 г. былъ утвержденъ султаномъ въ должности губернатора Египта. Еще раньше онъ призвалъ своихъ сыновей Ибрагима и Тусуна изъ Кавалы въ Каиръ и поручилъ имъ начальническія должности. Мамелюкамъ не давали ходу, не смотря на заступничество англичанъ; Мехемедъ Али всегда старался опираться на Францію. 1 марта 1811 г. беи, сманенные въ Каирскую крѣпость, всѣ пали подъ оружіемъ албанскихъ убійцъ; разсказываютъ, что только одинъ изъ нихъ спасся, благодаря головоломному прыжку, сдѣланному его прекрасной лошадью.

Съ этого дня Мехемедъ Али дѣйствительно сталъ господиномъ Египта. Его твердая рука положила конецъ разбою, притѣсненію народа рядомъ мелкихъ тирановъ и отдаленію страны отъ культуры; какъ экономическія, такъ и военныя силы своей страны онъ довелъ до высшей ступени напряженія. Съ внѣшней стороны управленіе „намѣстника“ не уступало по блеску и могуществу времени великихъ фараоновъ. Подъ предводительствомъ его опытнаго въ военномъ дѣлѣ сына Ибрагима въ промежутокъ отъ 1816 до 1818 года было сломлено государство Ваххабитовъ въ Аравіи (стр. 373), затѣмъ подавлено греческое возстаніе въ Мореѣ (томъ V), въ награду за что Мехемедъ Али получилъ въ управленіе Критъ. Суданъ вплоть до самаго Кордофана (стр. 539) тоже былъ включенъ въ составъ Египта.

Въ концѣ 1831 г. началась долгая борьба Мехемеда Али съ Портой изъ-за верховенства. Послѣ того какъ Ибрагимъ съ 60,000 человѣкъ про-

никъ въ Сирію. намѣстничество въ послѣдней было утверждено за его отцомъ по мирному договору въ Кутахіи (14 мая 1833 г.). При вторичномъ взрывѣ борьбы въ 1839 г. Ибрагимъ 24-го іюня одержалъ побѣду при Ниснбѣ, турецкій флотъ перешелъ къ Мехемеду Али и только вмѣшательство западныхъ государствъ предупредило паденіе Порты. Угрожаемый Европой, покинутый Франціей, Мехемедъ Али 27 ноября 1840 г. принужденъ былъ покориться, Онъ потерялъ Сирію и передалъ султану рядъ верховныхъ правъ надъ Египтомъ, но утвердилъ за своимъ домомъ наслѣдственное намѣстничество.

Гораздо тяжелѣе внѣшнихъ неудачъ было внутреннее разслабленіе Египта. Какъ правитель, выходецъ изъ Македоніи проявилъ рядъ чисто-фридриховскихъ чертъ, въ болѣе грубой восточной формѣ. Онъ былъ постоянно окруженъ французами, искателями приключеній, которыхъ очень охотно слушался и личному обогащенію которыхъ постоянно содѣйствовалъ; стремился монополизировать всѣ доходныя области, и предвосхитилъ современный европейскій милитаризмъ; но система эта начала падать еще на глазахъ самодержца. Истребитель мамелюковъ оставилъ Египетъ, населенный рабами; отъ нѣкотораго налета европейской цивилизаціи въ странѣ покамѣстъ совершенно не выиграли ни законодательство, ни высшее образованіе, ни ходъ управленія, ни пути сообщенія. Мехемедъ Али взялъ долину Нила въ свое частное владѣніе; вскорѣ послѣ гибели всѣхъ беевъ-мамелюковъ, онъ въ 1814 г. захватилъ всѣ выморочныя имѣнія, всѣ поземельные участки, принадлежавшіе различнымъ учрежденіямъ, и наконецъ, всѣ земли, сданныя въ наслѣдственную аренду; взялъ въ почти полное распоряженіе торговлю въ Египтѣ и безжалостно выжалъ сокъ изъ еще не разореннаго всѣми этими мѣрами населенія съ помощью невѣроятно тягостныхъ податей и принужденія продавать всѣ жатвы правительству. Въ іюлѣ 1848 г. принуждены были назначить Ибрагима преемникомъ отца, ставшаго слабоумнымъ; но сынъ умеръ уже 10-го ноября того-же года, а мѣсто его занялъ сынъ Тусуна отъ арабской бедуинки. Мехемедъ Али скончался лишь 12 августа 1849 г.

Новый намѣстникъ Аббасъ-паша, не безъ причины питавшій антипатію къ европейцамъ, удалялъ ихъ съ египетской службы; зато Порта не разъ настоятельно проявляла свои права. Уже въ 1854 г. Аббасъ-паша внезапно умеръ; ему наслѣдовалъ его дядя Саидъ-паша, который, будучи человѣкомъ, получившимъ европейское образованіе, прежде всего смягчилъ тягости, лежавшія на крестьянахъ, вернулъ имъ свободу въ распоряженіи обработкой земли и жатвой и запретилъ рабство (стр. 540). Управленіе Саида, продолжавшееся всего $8^1/2$ лѣтъ (до 18 янв. 1863 г.), положило собственно основаніе нынѣшему развитію Египта. Не смотря на сопротивленіе Порты, онъ далъ Фердинанду Лессепсу позволеніе строить Суэзскій каналъ, соединилъ Каиръ съ Александріей желѣзной дорогой и привелъ въ порядокъ финансы.

Сынъ Ибрагима, Измаилъ-паша, родившійся 31 декабря 1830 г. и воспитанный въ Парижѣ, уже съ 1861 г. временно исполнявшій должность правителя, замѣняя отсутствующаго дядю, былъ, повидимому, призванъ завершить дѣло включенія Египта въ рядъ современныхъ европейскихъ государствъ. Свѣтлыя стороны его правленія (1863—79) и успѣхи, достигнутые имъ, хотя и дорого купленные, въ буквальномъ смыслѣ слова, все-же имѣютъ прямо-историческое значеніе. 16 ноября 1869 г. состоялось открытіе Суэзскаго канала, причемъ были устроены блестящія празднества, къ которымъ прибыло много членовъ царскихъ семей изъ Европы: это событіе совершенно измѣнило роль Средиземнаго моря и поставило на новыя основанія сообщеніе съ Востокомъ; правда, что жертвъ потребовалось для этого не мало.

Далѣе Измаилу удалось послѣ многолѣтнихъ, дорого-стоившихъ ста-

рацій поставить въ прочныя формы государственно-правовыя отношенія Египта къ Портѣ; 21-го мая 1866 г. онъ получилъ отъ султана признаніе наслѣдственности по прямой линіи, 5-го іюня 1867 г. титулъ хедива (вице-короля), а 8-го іюня 1873 г. фирманъ, утверждавшій по пунктамъ внутреннюю самостоятельность Египта и его свободное развитіе. Верховная власть падишаха проявляется въ уплатѣ ему годовой дани въ $1^{1}/_{2}$ милліона рублей, въ его исключительномъ правѣ заключать государственные договоры, въ обязательствѣ поставлять ему войско въ случаѣ войны (напр. 6000 человѣкъ въ 1877 г.) и т. п. Съ 1872 г. войска Измаила, постепенно двигаясь на югъ, завоевали Даръ Фуръ и область источниковъ Нила, такъ что, не смотря на тяжелыя пораженія, испытанныя отъ абиссинцевъ, египетское государство уже въ 1874 г. доходило до экватора (стр. 540). Введеніе плантацій хлопка тоже принадлежитъ къ положительнымъ сторонамъ этого правленія. Зато Измаилъ доводилъ до-нельзя внѣшнюю пышность, расточительность въ гостепріимствѣ и другія подобныя-же слабости. Уже въ 1875 г. казна и источники доходовъ страны истощились; хедивъ еще разъ выпутался, благодаря продажѣ своихъ владѣній акціонерному обществу Суэзскаго канала, что дало ему около 40 милліоновъ руб. изъ Англіи. Но уже четыре мѣсяца спустя государство обанкротилось. Англія и Франція образовали финансовую коммиссію для разслѣдованія дѣла и въ 1878 г. нужда заставила хедива и всѣхъ членовъ его семьи уступить обремененному долгами государству большую часть нѣкогда похищенной Мехемедомъ Али земельной собственности. Министерство, подъ главенствомъ Нубара-паши (съ Ч. Р. Вильсономъ въ качествѣ министра финансовъ и другими европейцами) фактически приняло на себя управленіе; но уже въ началѣ 1879 г. Измаилъ нашелъ положеніе дѣлъ нестерпимымъ; 18 февраля прибѣгнулъ къ солдатскому мятежу, какъ къ послѣднему средству, а затѣмъ хотѣлъ снова поддержать свой престижъ, распустивъ министерство и измѣнивъ свои долговыя обязательства; къ протесту Германской имперіи присоединились всѣ великія державы, и уже пять недѣль спустя, 26-го іюня 1879 г. султанъ высказался за смѣщеніе Измаила въ пользу наслѣднаго принца. Послѣ своего паденія Измаилъ отправился въ Европу и 2 марта 1895 г. умеръ въ Константинополѣ.

Г. Занятіе Египта англичанами.

Еще три года управленія новаго хедива Мухаммеда Тевфика (1879—92) ушли на работы по устройству финансовъ. Наконецъ, интернаціональной ликвидаціонной комиссіи удалось составить планъ управленія, обѣщавшій мало по малу освободить Египетъ отъ тяготившихъ его неустройствъ. Но разсчетъ не оправдался и на этотъ разъ, благодаря быстро возраставшему движенію съ религіозной окраской, втихомолку начатому одной изъ національныхъ партій. Время для этого движенія было довольно благопріятное; общее броженіе принудило хедива въ январѣ 1882 г. выслушать собравшихся представителей народа: результатомъ этого было созваніе новаго министерства, душой котораго былъ враждебный иностранцамъ военный министръ Араби-паша. Появленіе англо-французскаго флота передъ Александріей въ маѣ только сдѣлало положеніе еще болѣе тяжелымъ, потому что растерявшійся Тевфикъ смѣстилъ Араби. Результаты этого не замедлили обнаружиться: европейцы всюду подвергались угрозамъ со стороны толпы, и немедленное возвращеніе назадъ Араби — побѣда его, все увеличивавшихся соумышленниковъ — привело къ разряженію напряженнаго состоянія. Уже въ серединѣ іюня въ Александріи пали первыя европейскія жертвы ненависти къ чужестранцамъ, причемъ начальники флота не вмѣшались въ дѣло по свѣжимъ слѣдамъ. Лишь послѣ того, какъ англійскій флотъ получилъ еще подкрѣпленія, вице-адмиралъ Ф. Б. Сей-

муръ (впослѣдствіи Лордъ Альчестеръ) 11-го іюля 1882 г. открылъ огонь. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было то, что туземцы кроваво отмстили всей чужеземной колоніи, а городъ былъ преданъ огню. Араби, ставшій теперь полнымъ диктаторомъ, собралъ войско въ Нижнемъ Египтѣ. Англійскій кабинетъ объявилъ Суэзскій каналъ въ опасности; англичане высадили войска въ Александріи (14-го іюля) и Измаиліи (августъ), а затѣмъ къ своему удовольствію увидали покореніе Египта въ нѣсколько дней вслѣдъ за полнымъ пораженіемъ и взятіемъ въ плѣнъ Араби при Тель-эль-Кебирѣ (13 сент. 1882 г.). Тевфикъ былъ снова возвращенъ въ Каиръ, и управленіе тотчасъ подпало вліянію Британіи, причемъ Франція лишилась своего представительства въ вѣдомствѣ финансоваго контроля.

Тѣмъ временемъ обширное государство Измаила терпѣло первые удары и на югѣ, гдѣ вновь пробудившійся исламизмъ въ формѣ махдизма достигъ болѣе прочнаго развитія; уже въ 1883 г. произошло крушеніе (см. стр. 543). Неудачи въ этой области, настоянія Порты и общія политическія соображенія принудили Англію въ 1885 г. войти въ переговоры съ Константинополемъ относительно отведенія своихъ войскъ. Въ 1887 г. былъ заключенъ договоръ, по которому очистка должна была произойти въ 1890 г.; но султанъ, находившійся подъ вліяніемъ Россіи, въ послѣднюю минуту отклонилъ это предложеніе. Съ тѣхъ поръ занятіе Египта англійскими войсками носитъ характеръ протектората. Окончательное уничтоженіе государства махдистовъ послѣ битвы при Омдурманѣ и взятіе этого города англо-египетскимъ войскомъ подъ начальствомъ генерала Китченера (2 сен. 1898 г.) привело къ плану постройки желѣзной дороги отъ Каира до Капа. Грандіозны обширныя работы англичанъ по урегулированію теченія Нила, которыя должны быть доведены до области источниковъ этой рѣки. Безусловный нейтралитетъ Суэзскаго канала былъ выговоренъ договоромъ 1887 г.

Тевфикъ-паша умеръ 7 января 1892 г. въ Хельванѣ; ему наслѣдовалъ его сынъ Аббасъ II Хильми, воспитанный въ Вѣнѣ и имѣвшій тогда всего 18 лѣтъ отъ роду. Такъ какъ родъ Мехемеда Али не высказалъ способностей, необходимыхъ для благодарнаго призванія насажденія въ Египтѣ новой смѣшанной культуры, то англичане имѣли нѣкоторое внутреннее право работать по собственному усмотрѣнію и сообразно со своими силами надъ выпавшей имъ на долю задачей. Эвелинъ Бэрингъ (въ 1877—79 году коммиссаръ управленія по долговымъ обязательствамъ Египта, въ 1879 г. генеральный контролеръ, а съ 1883 г. уполномоченный министръ и англійскій генеральный консулъ въ Египтѣ) замѣчательно искусно организовалъ страну; за свои заслуги этотъ умный финансистъ былъ вознагражденъ правительствомъ въ 1898 г. титуломъ виконта Кромера, и въ концѣ іюля 1901 г. возведенъ въ графское достоинство. Уничтоженіе барщины во всей странѣ, произведенное въ концѣ 1889 г. въ связи съ болѣе справедливымъ взиманіемъ податей и постепеннымъ расширеніемъ начальнаго школьнаго образованія среди феллаховъ, все это необходимо привело къ тому, что боевой кличъ Араби „Египетъ для египтянъ“ постепенно, хотя и окольнымъ путемъ, приводится въ исполненіе. Главною цѣлью, къ которой теперь стремится національный Египетъ, является, повидимому экономическая борьба съ левантскими греками изъ-за преобладанія въ торговлѣ. Осуществятся-ли надежды, связанныя съ проведеніемъ желѣзной дороги во внутреннюю Африку, — рѣшитъ также будущее.

Указатель.

Опечатки.

Страница	470,	строка	25	сверху,	напечатано	„Мебервилль“	вмѣсто	„Либервилль“
„	506,	„	19	„	„	„Нуне	„	„Нупе“
„	508,	„	27	снизу	„	„Сансары“	„	„Санфары“
„	514,	„	6	„	„	„Борну“	„	„Борку“
„	520,	„	11	сверху	„	„Борпу“	„	„Борку“
„	520,	„	6	„	„	„Гесси“	„	„Джесси“
„	523,	„	3	снизу	„	„Харушъ“	„	„Харутъ“
„	546,	„	1	„	„	„Харума“	„	„Хартума“
„	572,	„	4	„	„	„Ахамъ-Сагадъ“	„	„Аламъ-Сагадъ“.

Р. К.

Исторія земли, проф. ***М. Неймайра.*** Полн. пер. со 2-го, переработ. и дополн. проф. *Улигомъ* изданія, съ обширн. дополн. по геолог. Россіи и библіогр. указат. по русск. литературѣ, подъ общ. ред. заслуж. проф. *А. А. Иностранцева.* Съ 1129 рис., 4 карт. въ краск., 22 хромолитогр. и 12 рѣз. на дер. картин.

Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Рекомендовано *Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи,*** *для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ и строго научныхъ сочиненій по отдѣлу естествознанія.*

Рекомендована *Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заеведеній.*

30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 р. 80 к. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл. — 15 р. —

Жизнь растеній, проф. ***А. Кернера фонъ-Марилаунъ.*** Пер. съ дополн. и библіографич. указат. со 2-го совершенно вновь переработ. и дополн. изданія прив.-доц. А. Генкеля и В. Траншеля, подъ ред. заслуж. проф. *И. П. Бородина.* Съ 2100 рис., 1 карт. въ краск., 24 рѣз. на дер. картин. и 40 хромолитогр.

Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествознаніе, и*

Одобрено *для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.*

30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 р. 80 к. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл. — 15

Народовѣдѣніе, проф. ***Фридр. Ратцеля.*** Полн. пер. съ оч. обширными оригин. дополнен. со 2-го соверш. переработ. изданія проф *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1103 рис., 6 карт. въ краск., 30 хромолитогр. и 26 черн. картин.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *признано вполнѣ цѣлесообразнымъ* ***допустить*** *это сочиненіе въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.*

30 выпусковъ по 35 коп. — Въ 2 роскошн. полушагрен. перепл. . . . . — 15 —

Происхожденіе животнаго міра, проф. ***В. Гааке.*** Полн. пер. д-ра М. Е. Ліона, подъ ред. д-ра зоол. проф. *Ю. Н. Вагнера.* Съ 469 рис., 1 карт. въ краск., 9 рѣз. на дер. картин. и 11 хромолитогр.

Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній Министерства, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ преподается естествовѣдѣніе.*

15 вып. по 50 коп. — За все изданіе 6 руб. — Въ роскошн. полукожан. перепл. — 7 —

Человѣкъ, проф. ***І. Ранке.*** Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. д-ра М. Е. Ліона и д-ра мед. Берлинск. университета А. Л. Синявскаго, подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1398 рис., 6 карт. въ краск. и 35 хромолитогр.

30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 руб. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл. — 14 20

Жизнь животныхъ Брэма. Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. подъ ред. проф. ***А. С. Догеля*** и ***П. Ф. Лесгафта.*** Съ 1179 рис., 30-ю хромолитогр., 50 черн. картин. и 1 карт. въ краск.

Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.*

60 выпусковъ по 35 коп. — Въ 3 роскошн. полушагрен. перепл. по . . . . . . — 8 —

	Р.	К.
Новый способъ лѣченія, ***Настольная книга для здоровыхъ и больныхъ.*** Сочин. *М. Платена.* Полн. перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Съ приблиз. 600 рис. въ текстѣ, 33 хромолитогр., портрет. автора и 10 разборн. анатомическ. моделями въ краскахъ.		
3 тома въ роскошн. перепл. по 5 руб.	15	—

Серія сочиненій „Промышленность и техника".

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. Полн. пер. подъ ред. и съ значит. дополн. по русск. зодчеству съ 9-го нѣм. изд. проф. Института Гражданск. Инж. ***В. В. Эвальда.*** Съ 900 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. приложен. (хромолитогр. и черн. картин.).		
Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукожан. перепл. . . .	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. Полн. пер. съ IX нѣм. изданія проф. Технологич. Института Николая I ***Н. А. Гезехуса.*** Съ 950 рис. и 3 прилож.		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. Полн. пер. подъ ред. и съ значительн. дополн. съ IX нѣм. изд. проф. Электротехн. Института Александра III ***В. В. Скобельцына.*** Съ 900 рис. и 12 прилож.		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Полн. пер. съ IX-го нѣм. изд. подъ ред. и съ дополн. проф. Спб. Лѣсного Института ***В. Я. Добровлянскаго.*** Съ 600 рис. и 9 прилож. (цвѣтн. и черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . по	—	50
Горное дѣло и металлургія. Полн. пер. съ IX нѣм. изд. съ измѣнен. и обширн. дополн., подъ ред. проф. Спб. Горн. Института ***И. В. Мушкетова*** и ***В. И. Баумана.*** Съ 600 рис. и 12 приложен. (цвѣтн. и черн. картин.).		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукожан. перепл. . . .	6	—
Технологія металловъ. Полн. пер. съ 9-го нѣм. изд. съ значит. дополн. и подъ ред. проф. Спб. Горн. Института Екатерины II ***А. Н. Митинскаго.*** Съ 1600 рис. и 6 прилож. (черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . по	—	50
Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. Полн. пер. съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. проф. Института Гражданскихъ Инж. ***В. В. Эвальда.*** Съ 1000 рис. и 3 прилож. (хромолитогр. и черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . по	—	50

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

Популярно-научные альбомы картинъ по географіи и естествознанію.

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по географіи Европы. Пояснит. текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. съ дополн. преподават. географіи *А. П. Нечаева*, съ предислов. *Д. А. Коропчевскаго.* 75 стр. текста и 233 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ. ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.* ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.* ***Одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Министерства Финансовъ.* ***Одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи*** *для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій* ***Императрицы Маріи.*** Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	50
Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ. Описательный текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Полн. пер. преподават. учительск. Института въ Спб. *А. П. Нечаева*, съ предислов. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 85 стр. текста и 314 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ. ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.* ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.* ***Одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Министерства Финансовъ.* ***Одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи*** *для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій* ***Императрицы Маріи.*** Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предислов. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 84 стр. текста съ 258 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис. ***Рекомендованъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя читальни.* ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній.* Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по зоологіи птицъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предислов. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 76 стр. текста и 238 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис. на 134 табл. ***Рекомендованъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя читальни.*		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи рыбъ. Описат. текстъ профес. д-ра ***В. Маршалля.*** Полн. пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ ***Г. Г. Якобсона*** и *Н. Н. Зубовскаго.* 76 стр. текста и 208 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. ***Рекомендованъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона.* Ок. 70 стр. текста и 292 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ.		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по географіи растеній. Съ описат. текст. д-ра ***М. Кронфельда.*** Полный пер. прив.-доц. Спб. университета ***А. Г. Генкеля.*** Ок. 80 стр. текста и 216 отдѣльн. рѣз. на дер. и вытравл. на мѣди худож. рис. по фотогр. на 116 стр.		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. *Отдѣлъ зоологіи.* Картины расположены на 55 таблицахъ въ систематическомъ порядкѣ.		
Большой альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

На складѣ Товарищества находятся:

Новое Искусство *(Ars Nova).* ***Выдающіяся художественныя произведенія 1901 г.*** Вступит. статья *Н. И. Кравченко.* 45 геліогравюръ in folio на слоновой бумагѣ. *Цѣна 1 экз. въ роскош. перепл. 60 руб*

Жизнь бабочекъ, проф. ***Штандфусса.*** Пер. и дополн. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* Съ 200 рисунковъ. *Цѣна 2 р. 50 к.*
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ тѣхъ средне-учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествовѣдѣніе, а равно и учительскихъ институтовъ и семинарій.*

Хрестоматія для устн. и письм. сочинен. съ приложен. 15 картинъ. Составили преподаватели ***В. Н. Куницкій*** и ***А. Л. Погодинъ.*** *Цѣна 60 коп.*

Русская лира, Сборникъ произведеній русской художеств. лирики. *Цѣна 1 р. 50 к.*
Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Стихотворенія и проза. *Ивана Рукавишникова.* ***Книга первая.*** *Второе изданіе.* Иллюстрировано. *Цѣна 2 руб.*

Стихотворенія. *Ивана Рукавишникова.* ***Книга вторая.*** Иллюстрировано. ***Цѣна 1 руб. 80 коп.***

Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи нашихъ изданій исполнены лучшими художниками и изготовлены по нашему заказу, въ Лейпцигѣ, Библіографическимъ Институтомъ и фирмой Отто Шпамеръ.

Допускается самая широкая разсрочка платежа; условія разсрочки высылаются по требованію безплатно.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 14 августа 1902 г.   Типогр. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 7 рота, соб. д. № 20.